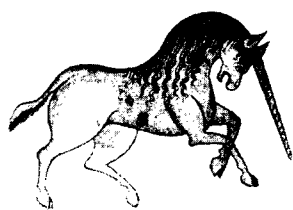

Б. В. Носов

УСТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСПОДСТВА
В
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

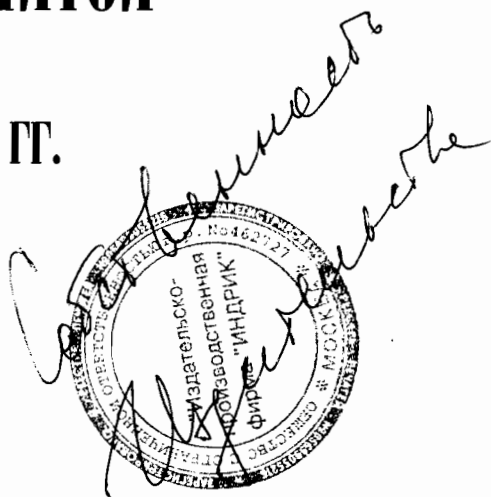

Российская академия наук
Институт славяноведения

Б. В. Носов

УСТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСПОДСТВА
В
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

1756–1768 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2004

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Н 84

*Исследование осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 97-01-00566)*

Носов Б. В.

Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756—1768 гг. /
Отв. ред. В. К. Волков. — М.: Индрик, 2004. — 728 с.

ISBN 5-85759-278-X

В монографии исследованы основные этапы политики России в Польше от начала Семилетней войны до заключения в 1768 г. российско-польского договора о «гарантии» государственного и сословного строя Речи Посполитой. Развитие польско-российских отношений указанного периода рассматривается в контексте внутренней политики Польско-Литовского государства и международных отношений в Европе. Статус гаранта «польской конституции», приобретенный с помощью консервативных магнатов и под угрозой применения военной силы означал для правительства Екатерины II формальное признание зависимости шляхетской республики от Российской империи, сохранение политической анархии в Польше и устранение влияния в Речи Посполитой других великих держав.

© Текст. Б. В. Носов, 2004
© Институт славяноведения РАН, 2004
© Издательство «Индрик», 2004

ISBN 5-85759-278-X

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

Часть первая

Глава 1	
Планы России в отношении Речи Посполитой в начале Семилетней войны 1756–1757 гг.	13
Глава 2	
Окончание Семилетней войны и новая система европейской политики	
Петербурга 1760–1764 гг.	38
Глава 3	
Восстановление на курляндском престоле Э. И. Бирона 1762–1763 гг.	67
Глава 4	
Накануне «бескорольевья». Польская политика России	
в последний год «эпохи саской» 1762–1763 гг.	83
Глава 5	
Избрание Станислава Августа на польский престол 1763–1764 гг.	124
Глава 6	
Проекты реформ в условиях российской опеки	
(от коронации Станислава Августа до кануна сейма 1766 г.)	184
Глава 7	
Курляндия, выдача беглых, делимитация границы и учреждение пограничных судов	
в польско-российских отношениях 1765–1766 гг.	216
Глава 8	
Планы оборонительного российско-польского союза 1764–1766 гг.	238
Глава 9	
Речь Посполитая между Россией и Пруссией 1764–1766 гг.	267
Глава 10	
Польский вопрос в отношениях Петербурга	
с державами «фамильного пакта» и Турцией 1764–1766 гг.	290
Глава 11	
Русская политика в диссидентском вопросе 1764–1766 гг.	321

Часть вторая

Глава 12	
Подготовка к сейму 1766 г. и русская дипломатия	359
Глава 13	
«Сейм Чаплица» — 1766 г.	435

Глава 14	
От Слуцка и Торуня — польские конфедерации 1767 г.....	498
Глава 15	
На пути к чрезвычайному сейму (август—сентябрь 1767 г.)	560
Глава 16	
«Сейм Репнина» — установление российской гарантии государственного строя Речи Посполитой (октябрь 1767 — март 1768 г.)	609
Приложения	661
Приложение № 1	
<i>Приложение А к депеше Н. В. Репнина — Н. И. Панину. Варшава, 21 сентября (2 октября) 1767 г.</i>	663
Приложение № 2	
<i>Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину. Варшава, 21 сентября (2 октября) 1767 г.....</i>	673
Приложение № 3	
<i>Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину. Варшава, 27 сентября (8 октября) 1767 г.....</i>	675
Приложение № 4	
<i>Делегация сейма 1767–1768 гг.</i>	680
Приложение № 5	
<i>Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину. Варшава, 22 ноября (3 декабря) 1767 г.</i>	682
Приложение № 6	
<i>Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину. Варшава, 11 (22) декабря 1767 г. С резолюцией Екатерины II.....</i>	685
Приложение № 7	
<i>Депеша В. Ф. Сольмса — Фридриху II. Москва, 3 (14) декабря 1767 г. (Перевод с франц.)</i>	692
Приложение № 8	
<i>Памятная записка В. А. Кауница Марии Терезии. Вена, 4 января 1768 г. (Извлечения).....</i>	694
Приложение № 9	
<i>Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Постскриптум (собственноручный) к депеше от 4 (15) марта 1768 г. (фрагмент)</i>	699
Используемые сокращения.....	702
Важнейшие архивные фонды и публикации исторических источников, использованные в работе	703
Литература.....	707
Указатель имен.....	715

Предисловие

Научное изучение истории Польши и польско-российских отношений XVIII в. имеет 150-летнюю историографическую традицию, что уже само по себе достойно самостоятельного исследования. Доказательством этому могут послужить посвященные названной проблеме труды по историографии ряда авторов, среди которых следует назвать в первую очередь Н. И. Кареева, Ежи Михальского, Анджея Феликса Грабского, Мариана Серейского, Клауса Цернака, Михаэля Георга Мюллера¹.

Причины упадка польско-литовской шляхетской республики и политика великих держав, приведшая в XVIII в. к разделам Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией, привлекали пристальное внимание ученых уже с начала XIX в. Причем с первых шагов, со времени Клода Рюльера, изучение названных проблем носило интернациональный характер. Помимо польских историков к ним обращались ученые других стран. Нет, пожалуй, ни одной значительной национальной историографии, которая не обогатила бы историческую науку трудами, отразившими, как писал С. М. Соловьев, «историю падения Польши».

Развитие исследований по истории Речи Посполитой XVIII в. прошло ряд этапов, которые были обусловлены важнейшими периодами в истории как собственно Польши, так и Европы в целом. Рубежами для них стали революции 1830 и 1848–1849 гг., Польское национальное восстание 1863 г., Первая мировая война и восстановление независимости Польши в 1918 г., Вторая мировая война и возрождение польского государства в 1945 г., наконец, распад советского блока и кардинальная трансформация социально-политического уклада в странах Центральной и Восточной Европы на исходе 1980-х — в начале 1990-х гг. Эти эпохальные события в силу целого ряда причин побуждали историков каждый раз вновь обращаться к истории Польши и связанным с ней процессам международных отношений XVIII в.

Начиная с середины XIX в. в России, Польше и в других европейских странах развернулась огромная работа по публикации исторических источников по истории XVIII в. Особый размах она приобрела с конца 1870-х гг. До начала Первой мировой войны был издан поистине грандиозный корпус источников, а некоторые издания не завершены и по сей день. Не имея возможности просто перечислить даже наиболее значительные публикации, отсылаем читателя к избранному перечню важнейших собраний опубликованных источников по истории Польши XVIII в., помещенному в книге М. Г. Мюллера². В целом труд многих ученых из разных стран по изданию исторических источников объяснялся потребностью исторической науки в расширении фронта исследований, в обеспечении их соответствующей современным требованиям источниковой базой. Однако сама эта грандиозная работа по публикации источников оказала существенное влияние на развитие науки в целом. Многократное расширение круга источников в сочетании с увеличением числа поставленных в историографии исследовательских проблем способствовало тому, что «широкие» описательные труды окончательно отходят на второй план, уступая место исследовательской монографии. Это, в

частности, означало, что в истории Польши «Станиславовская эпоха» 1764–1795 гг. как объект и предмет исследования изучалась теперь монографически как комплекс экономических, социальных, политических, в том числе и международно–политических проблем, вопросов истории культуры и общественной мысли.

В трудах историков второй половины XIX–XX вв. была подробно проанализирована международная политика России, Пруссии и Австрии — главных виновников разделов Польши, политическая борьба магнатских партий в самой Речи Посполитой, эволюция ее общественного и политического устройства, права и институтов государственной власти и шляхетского самоуправления. В итоге был опровергнут тезис о якобы естественном состоянии анархии и упадка польско-литовской шляхетской республики, в противовес которому была выдвинута концепция естественного развития Польши и пагубного влияния на него внешних сил, выразившегося во вмешательстве держав-захватчиков.

Однако достигнутый уровень историографии свидетельствует, что возможности изучения истории Польши в контексте международных отношений XVIII в. отнюдь не исчерпаны, а названная проблематика по-прежнему сохраняет научную актуальность. Так, традиции в Польше, заложенные В. Конопчинским, Э. Ростворовским и Е. Михальским, успешно развиваются в последние годы школой Зофи Зелинской³. В Германии указанная проблематика ныне исследуется школой Клауса Цернака⁴ и в Институте Европейской истории в Майнце учениками К. О. фон Аретина и под руководством Хайнца Духхардта и Клауса Шарфа⁵. В Англии в области польской истории XVIII в. работают Р. Буттервик и Г. Т. Луковский⁶. В России польско-российские отношения XVIII в. представлены в новейших трудах П. В. Стегния⁷.

Одной из причин интереса современных исследователей к истории польско-российских отношений и к политической истории XVIII в. в целом стала широкая доступность не только для российских ученых, но и для их зарубежных коллег отечественных архивов. В связи с этим следует отметить, на наш взгляд, важнейшую особенность современных исследований по названной теме. Она состоит в том, что новый уровень научного анализа достигается не только и не столько за счет критики воззрений предшествовавшей историографии, сколько путем углубленного и более детального изучения источников, на основе максимального привлечения конкретного фактического материала, что позволяет выйти на новый уровень обобщения, уточнить, а нередко и пересмотреть признанные концепции. Нельзя не сказать, что подобный метод исследования позволяет верифицировать и собственные суждения путем их сопоставления с данными широкого круга различных источников, которые сами, как отражение политической практики исследуемой эпохи, становятся критерием оценки высказываний ученого.

История польско-российских отношений второй половины XVIII в. имеет богатейшую историографию. В ней представлены как синтетические исследования, так и многочисленные работы, посвященные отдельным проблемам. Однако, за исключением труда Александра Краусхара⁸, вышедшего в свет на рубеже XIX–XX вв., все исследователи рассматривали период конца 1750 — начала 1760-х гг. только как предысторию или первого раздела Польши, или истории разделов Речи Посполитой в целом. Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена специально исследованию польско-российских отношений 1756–1768 гг. Рамками рассматриваемого периода послужили два кризиса в Европе: от Семилетней войны 1756–1763 гг. до восстания Барской конфедерации и начала Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Для собственно польско-российских

отношений это было время утверждения российской политической гегемонии в Речи Посполитой. В связи с этим мы и видели свою задачу в том, чтобы на возможно более широкой источниковой базе рассмотреть во взаимосвязи внешние (общеевропейские) условия и осуществление польской политики России.

* * *

Я хотел бы выразить искреннюю благодарность глубокоуважаемым коллегам и дорогим друзьям в Польше, Германии и России. Без Вашей доброжелательной критики и товарищеской помощи эта книга не была бы написана. Благодарную память о Вашей помощи и дружеском участии я навсегда сохранию в своем сердце.

Москва, 15 ноября 2003 г.

Примечания

1. См., напр.: *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888; *Michalski J.* Historiografia polska wobec problematyki pierwszego rozbioru // *Przegląd Historyczny*. 1972. Т. 63. S. 425–436; *Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. Warszawa: Państw. wyd. nauk., 1970; *Grabski A. F.* Orientacje polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1972; *Zernack K.* Schwerpunkte und Entwicklungslinien der polnischen Geschichtswissenschaft nach 1945 // *Historische Zeitschrift*. Sonderheft 5. 1972. S. 202–323; *Müller M. G.* Die Teilungen Polens 1772. 1793. 1795. München, 1984.
2. *Müller M. G.* Op. cit. S. 120–123.
3. См.: *Zielińska Z.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001.
4. См. *Zernack K.* Polen und Rußland: zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994.
5. См. Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung / Hg. von Claus Scharf. Mainz, 2001.
6. *Butterwick R.* Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski 1732–1798. Oxford, 1998; *Łukowski E.* The Partitions of Poland 1772, 1793, 1795. London; New York, 1999.
7. *Стегний П. В.* Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и Новейшая история. 2001. № 1, 2; *Он же.* Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.
8. *Kraushar A.* Książę Repnin a Polska. Kraków, 1898–1900. Bd. 1–2.

Часть первая

ПЛАНЫ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В НАЧАЛЕ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ 1756–1757 гг.

Семилетняя война (1756–1763) имеет чрезвычайно богатую историографию. На позиции исследователей, в течение двух столетий изучавших ее историю, повлияли традиции национальных историографических школ европейских государств. Существенную роль в изменении концепций и оценок историков сыграли перемены во внешнеполитической ориентации названных стран и связанные с этим изменения общественного мнения. Поэтому историографический анализ проблемы в целом должен стать предметом самостоятельного исследования. Мы же обращаемся только к анализу взаимоотношений России и Польши в ходе войны и поэтому остановимся только на работах, прямо или косвенно их затрагивающих.

В русской историографии до 1917 г. вопрос российско-польских отношений 1756–1763 гг. рассматривался в трудах С. М. Соловьева, П. К. Щербальского, Д. Ф. Масловского и ряда других авторов¹. Все названные исследователи исходили из того, что для внешней политики России польские дела в этот период самостоятельного значения не имели и были подчинены главной задаче: противодействию прусской экспансии на восток и, следовательно, объективно служили защите польских интересов, хотя бы и во вред русским интересам в Польше. Изложенная точка зрения была воспроизведена и советской исторической наукой, при этом вопрос о российской политике в Польше, направленной на подчинение ее русскому влиянию, обходился молчанием². То же самое можно сказать и об исследованиях последних лет, после 1990 г.³

В польской историографии, помимо обобщающих трудов, названная проблема была рассмотрена в книгах Владислава Конопчиньского и Эмануэля Ростворовского⁴. В. Конопчиньский исходил из того, что кризис системы европейских союзов накануне войны сыграл в истории Польши трагическую роль, поскольку исключил возможность антироссийской коалиции европейских держав с целью ликвидации зависимости Речи Посполитой от России и тем самым открыл путь к разладам Польши в 70–90-е гг. XVIII в.

Таким образом, можно заключить, что состояние историографии вопроса требует его дополнительного изучения как на основе анализа уже введенных в научный оборот источников, так и с привлечением новых архивных материалов. К опубликованным источникам относятся, во-первых, протоколы Конференции при высочайшем дворе⁵, которая играла исключительно важную роль в выработке внутрен-

ней и внешней политики России рассматриваемого периода, в частности и в отношении Польши. Особое значение имеют архивные фонды Коллегии иностранных дел, содержащие переписку с послами в Дрездене и Варшаве⁶, а также фонд Походной канцелярии главнокомандующего русскими войсками в Семилетней войне⁷. Если русские источники представляют собой по преимуществу документы официального делопроизводства, то источники с польской стороны носят иной характер. В работе были использованы переписка гетмана Яна Клеменса Браницкого с разными лицами, а также коллекция документов периода Семилетней войны из архива Радзивиллов⁸.

I

Прелюдией к участию России в Семилетней войне стало заключение 16 января 1756 г. соглашения между Англией и Пруссией, в ответ на которое Россия расторгла «субсидный договор» с Англией и продемонстрировала явное намерение объединить свои усилия с Австрией и Францией. В условиях надвигающейся войны для руководства внешней и внутренней политикой России была образована Конференция при высочайшем дворе, на втором заседании которой 26/15 марта 1756 г. были приняты решения: 1) выступить против Пруссии, 2) привлечь к союзу Австрию и Францию, 3) добиться от Польши согласия на проход русских войск через территорию республики. При этом предполагалось убедить польское правительство, что Россия не собирается делать какие-либо приобретения в Пруссии, а, напротив, намерена возвратить Восточную Пруссию польской короне, благодаря чему республика «приобретет великое расширение и будет иметь собственные к коммерции способные города и пристани». Но здесь же в протоколах Конференции содержится и иное определение целей войны. «Главное намерение, — говорилось на заседании, — к тому клониться имеет, чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор, возвращением ему Шлезии усилия, сделать союз его против турок более важным и действенным; одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. — *Б. Н.*), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое границ окружение, которым <...> способ достался бы коммерцию Балтийского моря с Черным соединить»⁹.

Таким образом, намечался план не только продолжения завоеваний вдоль побережья Балтики и привлечения монархии Габсбургов к совместным действиям в Причерноморье, что неизбежно должно было быть связано с продвижением Австрии на Балканы, но и захват восточных областей Литвы и Польши с контролем над реками Неман, Западная Двина, Березина и Днестр. Известную конкретизацию этот план, но уже без всяких компенсаций для Речи Посполитой, получил в проекте З. Г. Чернышева 1763 г. «Случай смерти короля польского», в соответствии с которым предполагалось присоединить к России земли по Западной Двине и Днепру¹⁰. Трудно сказать, верили ли участники конференции в реальность этого проекта. Однако в 1756 г. это было единственное определение целей войны, за исключением туманных деклараций о сокращении сил Пруссии.

Родились ли подобные планы в России или были подсказаны русской императрице и ее приближенным союзниками? По донесению австрийского посла в Петербурге Н. Эстергази 25 и 26 марта 1756 г. в присутствии императрицы и великого

князя собирався совет для решения вопроса о принятии английской субсидии, на котором канцлер А. П. Бестужев-Рюмин высказался в пользу сохранения «субсидного трактата», но против него в резкой форме выступила сама императрица. Эти сведения посол получил от советника коллегии иностранных дел А. В. Олсуфьева¹¹. В изложенной депеше австрийского посла не только отсутствует точная информация о позиции, занятой Конференцией, но и не содержится даже намек на предложения, исходившие от Австрии. Они были сделаны позже и содержались в зашифрованном рескрипте, направленном Эстергази 13 марта 1756 г. Предлагались совместные действия против Пруссии в Силезии, желательно в конце 1756 г. или весной следующего, 1757 г., что давало возможность более тесного взаимодействия австрийской и русской армии. За поддержку Австрии со стороны России императрице Елизавете предполагалось передать крупную сумму. Однако предложения эти стали известны в Петербурге только в конце марта, когда Н. Эстергази был принят Елизаветой Петровной в присутствии обоих канцлеров. 22 апреля он доносил, что Россия готова для борьбы с Пруссией объединиться не только с Австрией, но также и с Францией¹². Таким образом, хотя Австрия и допускала движение русских войск через Польшу в Силезию, но все прочие соображения в отношении Речи Посполитой возникли у русского правительства совершенно независимо от предложений Вены.

К польским делам Конференция вновь обратилась 6 апреля / 26 марта 1756 г., на следующий день после встречи императрицы с австрийским послом, когда сама Елизавета Петровна и канцлеры уже знали о благожелательном отношении венского двора к возможному вступлению в Польшу русской армии. На заседании были рассмотрены реляции с 1745 по 1756 гг. посланника в Дрездене Генриха Гросса и секретаря посольства в Варшаве Ивана Ржичевского. Отмечалось ослабление в Польше позиций сторонников России, в первую очередь Чарторыхских, и усиление «французско-прусской» партии. Примечательно, что в реляциях из Дрездена и Варшавы нет сообщений о действиях сторонников Пруссии, а говорится только о «французских партизанах». Подчеркивалось, что те «утесняют друзей России». Особое неудовольствие Конференции было выражено чрезмерным усилением власти гетманов¹³.

Тогда же были определены и меры для укрепления российских позиций в Польше. Во-первых, было предложено отправить туда посла, что само по себе было мерой чрезвычайной, так как послы до сих пор были аккредитованы в Дрездене, а в Варшаве находились только резиденты европейских дворов. Кроме того, Речь Посполитая формально не признавала императорского титула русских царей, что также затрудняло сношения с Варшавой в ранге послов.

О цели повышения ранга русского посольства в Варшаве и активизации там русских представителей свидетельствовало решение Конференции о приготовлении кандидата к польскому престолу, что было связано с организацией конфедерации в Польше и Литве, для чего в частности предполагалось: подтвердить «протекцию» Чарторыхским, сделать представление саксонскому двору об ограничении власти гетманов и отправить бригадира М. Ливена для подкупа магнатов. В Польшу также с особой миссией было решено отправить генерал-квартирмейстера И. Веймарна, снабдив его, в частности, «для некоторого употребления» 6 тыс. червонцев.

12/1 апреля 1756 г., на восьмом заседании Конференции, было постановлено ввести на Украину 2 тыс. мешеряков и башкирцев, 1 тыс. казанских татар, 5 тыс. малороссийских казаков и 4 тыс. волжских калмыков, чтобы имели с собой на месяц

провианта. Предусматривалось также послать инструкции А. М. Обрескову в Константинополь, чтобы он убедил турецкое правительство, что эти войска не направлены против Порты ¹⁴.

Едва ли войска, выдвигаемые к польским границам, предполагалось использовать и против Пруссии, по крайней мере, об этом ничего не говорилось на заседаниях Конференции. Действия иррегулярной конницы против прусской армии без взаимодействия с регулярными частями не имели никакого смысла, да и никогда не планировались Военной коллегией. Размещение казаков и степняков на Украине не могло быть непосредственно связано с планами участия их в боевых действиях ни в Пруссии, ни в Силезии. Требование обеспечить их месячным запасом провианта могло указывать либо на то, что использование этой конницы будет ограничено месячным сроком, после чего она будет возвращена домой, либо что через месяц степняки выступят в поход и будут обеспечивать себя за счет местного населения, но уже за пределами России. И в том и в другом случае единственно возможным объектом вторжения могла быть только Польша.

Военные мероприятия России не ограничились посылкой иррегулярной конницы. По оценке Д. Ф. Масловского, лихорадочная деятельность военных органов России наблюдается с апреля 1756 г. Однако к лету военные приготовления приостанавливаются ¹⁵, что объясняли стремлением России восстановить мир в Европе ¹⁶. В Петербурге вполне отдавали себе отчет, что военные приготовления могут вызвать негативную реакцию в Польше. Поэтому секретарю Варшавской миссии И. Ржичевскому указом от 8 мая / 27 апреля 1756 г. предписывалось «опровергать противные разглашения» и доказывать, что войска, размещенные на границах России, предназначены исключительно для оказания помощи союзникам в случае возможной войны в Европе ¹⁷.

Летом 1756 г. антипольские мотивы в заседаниях Конференции продолжали присутствовать, хотя и приобрели несколько иную тональность. На 20-м заседании 28 / 17 июня 1756 г. рассматривалась реляция Г. Гросса о распространенном в Польше оскорбительном письме в отношении графов Г. Брюля и Е. Мнишека, «которых минувшее поведение несколько и заслужило поправлено быть» ¹⁸, при этом всё же послу предписывалось объявить, что Россия не желает ничего, кроме сохранения тишины в Польше. О неискренности подобных заявлений свидетельствуют письма канцлера А. П. Бестужева, отправленные в конце мая — начале июня польским магнатам. Так, канцлер писал великому гетману литовскому Михалу Радзивиллу о надеждах императрицы, что поступки гетмана «всегда согласны будут с добрым намерением <...> и ревностью об успехе общего дела» ¹⁹. Вместе с тем адресованные магнатам письма полны завуалированных намеков, что Россия не отказалась от поддержки своих сторонников и выработанных ими планов, несмотря на известную попытку ослабить напряженность в отношениях с дрезденским двором. Те же колебания проявились и на 21-м заседании 5 июля / 24 июня.

Становились ясными причины, по которым в Петербурге стремились не раздражать Дрезден, так как предполагалось привлечь Саксонию к антипрусской коалиции. Подчеркивалось, что отношения с Саксонией важны, «хотя бы и не иметь намерения в избрании нового короля из сего дому». Известная нерешительность российского правительства проявилась и в задержке с отъездом в Польшу генерала И. Веймарна для согласования с магнатами плана, «по которому не токмо бы в случае кончины королевской <...> здешних видов достигнуть, но и теперь заблаговре-

менно все пути и способы к тому приготавливать можно было». Однако от планов в отношении Польши не отказываются окончательно, отложив их исполнение до возможной кончины польского короля²⁰. После 5 июля / 24 июня вопрос о непосредственном вмешательстве России в польские дела, о конфедерации и избрании нового короля на заседаниях Конференции не поднимался.

Косвенные свидетельства о намерении России в 1755—1756 гг. оказать поддержку планам конфедерации в Польше мы находим в записке М. И. Воронцова²¹, представленной Екатерине II в феврале 1763 г. в связи с ожидавшейся тогда кончиной Августа III. В ней канцлер, излагая содержание предшествующей политики России в отношении замещения польского престола, отмечал, что, наряду с намерением поддержать кандидатуру саксонского принца, «писано было в Польшу к послу, графу Бестужеву-Рюмину, чтоб он и о Пиастах достойных к польской короне мнение свое прислал, что он и учинил». Планы отправить М. П. Бестужева послом в Варшаву относятся к рубежу 1755—1756 гг., когда он в течение 1753—1755 гг., после своего отъезда из Вены, жил в Дрездене и был хорошо информирован о положении дел в Саксонии и в Польше. Однако они не были реализованы. Вместо М. П. Бестужева в Польшу в начале 1756 г. решено было послать И. Веймарна и М. Ливена. Сам же Бестужев был назначен послом во Францию. Однако по дороге в Париж, в декабре 1756 г., он прибыл в Варшаву, где и оставался еще в начале 1757 г. Таким образом, к этому периоду, по-видимому, и относятся его донесения, упоминаемые М. И. Воронцовым, в которых М. П. Бестужев, в частности, дает негативную оценку Чарторыским и Станиславу Понятовскому.

О планах Петербурга в отношении Польши в 1756 г. свидетельствует также мемориал Михала и Августа Чарторыских, отправленный Екатерине II в феврале 1763 г.²², в котором канцлер литовский и воевода русский писали о готовности «фамилии» дать повод для вмешательства России в польские дела, как то уже было сделано в 1756 г., когда стольник литовский С. Понятовский уезжал в Петербург. Избрание в Польше короля — Пяста было одним из положений политической программы Чарторыских с начала 1750-х гг., когда «фамилия» оказалась в оппозиции по отношению к «патриотам» и «дворской» партии, поддерживавших Августа III. С этого времени для партии «друзей России» требование избрания короля-поляка было неразрывно связано с планами конфедерации при поддержке России. Эту позицию Чарторыских разделяли и в Петербурге. Однако нет оснований приписывать это исключительно влиянию молодого двора, так как ни в бумагах Екатерины Алексеевны, ни в ее переписке с Ч. Г. Вильямсом нет ни единого даже косвенного свидетельства о ее планах по поводу избрания нового короля. К тому же политическое влияние молодого двора в Петербурге в середине 1750-х гг. было незначительным.

II

Весьма существенную роль в пересмотре польских планов Петербурга сыграло наметившееся сближение России с Францией. 22 апреля Н. Эстергази сообщил в Вену, что с ведома императрицы и вице-канцлера М. И. Воронцова в Россию едет французский представитель Маккензи Дуглас. По мнению австрийского дипломата, это свидетельствовало об ослаблении влияния А. П. Бестужева при дворе²³. Переговоры Дугласа с Воронцовым должны были проходить в строжайшей тайне (даже от канцлера), об их содержании Воронцов докладывал только Елизавете Петровне. Впервые

Дуглас прибыл в Петербург в октябре 1755 г. по поручению принца Конти, чтобы собрать информацию о возможном союзе России с Англией. Тогда же он познакомился с М. И. Воронцовым, несмотря на то, что не имел никаких официальных полномочий и считался британским подданным²⁴. Вторая поездка Дугласа в Россию состоялась накануне подписания 1 мая 1756 г. Версальского договора между Австрией и Францией. Он прибыл в Петербург в апреле 1756 г. На этот раз французский эмиссар получил не только официальную инструкцию, но и письмо государственного секретаря А. Л. Рулье к М. И. Воронцову. В инструкции особо подчеркивалось, что действия Дугласа в Петербурге не должны ни в малейшей степени обеспокоить старых союзников Франции — Турцию, Польшу и Швецию²⁵, что указывало на сохранение прежних приоритетов политики Франции на востоке Европы. В России, тем не менее, пошли навстречу пожеланиям Версаля, и 18/7 мая 1756 г. М. И. Воронцов вручил Дугласу ответ императрицы с согласием на восстановление отношений. Уже 16/5 августа на заседании Конференции было официально одобрено изложенное в письме статс-секретаря Рулье французское предложение «назначить взаимных послов в <...> приближающегося сентября»²⁶. Русским поверенным в делах во Франции стал Ф. Д. Бехтеев. Однако в полном объеме дипломатические отношения России и Франции были восстановлены только на рубеже 1756–1757 гг.

Русские планы в Польше в конце 1755 — начале 1756 г. не в последнюю очередь были связаны с обстоятельствами англо-французского противоборства. Заключение 19 сентября 1755 г. «субсидного трактата» еще больше обострило соперничество России и Франции, театром которого в Европе была Польша. В декабре 1755 г. И. Ржичевский сообщал об отношении поляков к русскому союзу с Англией, подчеркивая, что «французская партия» не допустит прохода русских войск через Польшу для защиты германских владений английской короны, что Россия, по словам французского резидента в Варшаве Ф. Дюрана, не будет иметь успеха от заключенного трактата, при этом делался прозрачный намек на возможное выступление Турции²⁷. При этом в Варшаве отнюдь не были уверены в том, станет ли дрезденский двор на сторону Франции или России. Еще большее беспокойство в Петербурге вызвала реакция в Польше на заключение вестминстерского трактата. Противники России надеялись на совместные действия Франции и Пруссии против России, на привлечение к этому союзу Англии, что, по их мнению, должно положить предел власти России в Польше. Об этом И. Ржичевский доносил 28/17 марта 1756 г.²⁸

О реакции в Польше на кризис системы европейских союзов весной 1756 г. свидетельствует памфлет, сохранившийся в коллекции архива Радзивиллов²⁹. В нем прямо говорилось о намерениях России укрепиться в Курляндии и Инфлянтах, предоставив взамен Польше земли в Померании и Щецин. От имени коронного гетмана анонимный автор памфлета говорил, что монархи Европы забыли о поляках, вознамерившись поделить Курляндию и Инфлянты. Причем, по мнению поляков, опасность такого развития событий вытекала как из союза России с Англией вследствие «субсидного трактата», так и из союза ее с Австрией и Францией. Участие России в войне на стороне любой из европейских коалиций грозило Польше территориальными потерями. Эта опасность, на которую впоследствии указывал В. Конопчинский, осознавалась еще современниками в Польше.

Однако переориентация внешней политики России от союза с Англией на союз с Австрией и особенно Францией требовала и изменения российской политики в

польских делах. Свою роль в этом сыграло и развитие внутренней ситуации в Речи Посполитой.

Главным вопросом, определившим взаимоотношения между магнатскими группировками в Польше, а также королем Августом III и двором в 50-е гг. XVIII в., стал вопрос о разделе ординации Островских. Поражение Чарторыских и отстранение фамилии от двора снискало им поддержку среди республиканской шляхты, недовольной политикой Г. Брюля³⁰. Таким образом, группировка во главе с князьями Августом и Михалом Чарторыскими, названная еще современниками «фамилией» (термин этот закрепился за ней и в историографии), опиравшаяся на поддержку России, оказалась в оппозиции. Ей противостояла так называемая «патриотическая», или «французская» партия. Наиболее видными деятелями «патриотов» были Потоцкие и Ян Клеменс Браницкий, которому, в соответствии с планами французского посла Ш. Ф. Брולי, отводилась ключевая роль в избрании на польский престол французского кандидата — принца Конти. Придворная группировка, возглавляемая Г. Брюлем и Е. Мнишеком, пыталась использовать противоречия между «фамилией» и «патриотами» в своих интересах, вместе с тем поддерживала нападки последних на Чарторыских, которых считала более опасными противниками.

В начале 1756 г. в Литве, а возможно и в Польше, сложилась ситуация, чреватая образованием конфедерации, которую Россия пыталась использовать в своих интересах. Информация о положении в Польше, а косвенно и рекомендации для выработки русской политики, поступала в Коллегию иностранных дел от секретаря посольства в Варшаве И. Ржичевского. 15/4 марта в Петербурге была получена его реляция, в которой сообщалось о недовольстве политикой двора со стороны коронного маршала Ф. Белинского, который якобы говорил канцлеру Я. Малаховскому, «что дрезденские употребляют их только инструментами, присваивая все дела в Польше себе», что он, коронный маршал, готов содействовать примирению Малаховского с Я. К. Браницким, чтобы потом объединиться с примасом и обоими литовскими канцлерами, дабы «привести двор на иной путь, а министеральную их власть в прежнее действие». Правда, Ржичевский замечал, что не верит Белинскому, «который всегда был французской партии»^{*31}. Секретарь посольства передавал просьбу М. Чарторыского о присылке дополнительных субсидий, сообщал, что сам канцлер литовский находится в Слониме, «куда многие шляхтичи собрались для советов, каким образом производить им впредь свое дело и будто в случае, ежели при начатии будущего трибунала <...> употреблять против них станут коронные войска, приведут они туда около 2 тыс. шляхтичей». Еще 2 тыс. обещал прислать брат гетмана литовский хорунжий Иероним Радзивилл. На Брестском сеймике воеводство избрало восемь ротмистров, которые должны следить за подготовкой шляхты к выступлению, намеченному на сентябрь будущего года. Ржичевский сообщал, что подобные меры приняты и в других местах, но точных сведений об этом он не имеет³². Тогда же, 15/4 марта 1756 г., Ржичевский сообщал о намерении коронного канцлера Я. Малаховского добиваться по воеводствам избрания в

^{*} И. Ржичевский неточно характеризует позицию Ф. Белинского, политическая карьера которого была самым тесным образом связана с Августом II и Чарторыскими. Маршал коронный, хотя и ориентировался на Францию, но поддерживал программу реформ «фамилии». Его разрыв с Чарторыскими произошел позже из-за отношения к России.

маршалки своих сыновей, для чего «еще до разрыву» просил дополнительных субсидий от России, и приводил письмо одного из вождей «фамилии», краковского каштеляна Станислава Понятовского, обращенное к императрице, с призывом «всю нацию в вечной себе благодарности обязать и французские происки навсегда опровергнуть». Спустя неделю Ржичевский доносил в Петербург, что в Литве уже до того доходит, что или Чарторыские, или их противники «в совершенный прирди упадок принуждены будут, а натурально никто из них добровольно в то попуститься не похочет»³³.

Однако трибунал в Вильно завершился совсем не так, как ожидали в русской миссии в Варшаве, да и в Петербурге. В реляции, полученной 15/4 мая 1756 г., Ржичевский сообщил «о чудных известиях и о литовских распрях потому, что завтрашний день конец уже покажет, что воспоследует из всей той комедии <...> что князь М. Радзивилл по приведении в движение всего литовского войска заставил оной Вильну (т. е. окружил город заставами. — Б. Н.), дабы пускать туда знатных только с 15-ю, а прочих с 12-ю человеками и то невооруженных, что конституциям и древним обычаям явно противно»³⁴. Тем самым ожидаемого выступления шляхты и провозглашения конфедерации противникам России удалось избежать. Надежды на желательный для «русской партии» исход Петриковского трибунала в Короне также были весьма шатки. В реляции от 12/1 июля 1756 г. Ржичевский сообщил о своей беседе Я. Малаховским, который заявил, что не верит обещаниям примаса Адама Комаровского не поддерживать ни одну из противоборствующих партий, пока тот не увидит, «какие при нынешних как в Европе, так и в Польше дел обращения пример Россия». Далее Малаховский сообщил, что в Белостоке в имениях Браницкого собирались сторонники Франции, куда приехали гетман М. Радзивилл и французский министр Ф. Дюран. Собрание было и у Чарторыских в Пулавах, куда был приглашен сам Малаховский, да отказался, сославшись на поездку в Варшаву. При этом он подчеркнул, что попытки «фамилии» защитить своих друзей на трибунале будут безрезультатными, и что без ясно выраженной позиции России он никаких мер не предпримет, т. е. «придет к нему такая доверенная персона, которая с ним, коронным канцлером, здесь о принятых в Пулавах мерах говорить будет». Ржичевский замечает, что он старается содействовать согласию между канцлером и Чарторыскими, партия которых, по его словам, час от часу умножается. Говоря далее о своей беседе с Малаховским, он, ссылаясь на канцлера, сообщает, что в случае выступления в Литве Киевское, Брацлавское и Волынское воеводства присоединятся к конфедерации вследствие недовольства деятельностью комиссии в Дубно, в чем Ржичевский выразил сомнение. Он также сообщал, что в Пулавах на совете у Чарторыских присутствовала каменская каштелянша К. Коссаковска, известная своей враждебностью к «фамилии». Факт этот, по его мнению, имеет двоякое объяснение: либо ее приезд связан с планом склонить Чарторыских на сторону гетманов, либо с организацией конфедерации против гетманов во главе с Потоцкими и Чарторыскими. Косвенным подтверждением этого являлся проект женитьбы Адама Казимира Чарторыского на дочери волынского воеводы М. Потоцкого³⁵.

Таким образом, вопрос о конфедерации при поддержке России активно обсуждался среди польских магнатов еще в июне 1756 г. Однако русские представители в Варшаве уже выражали сомнение в реальности этих проектов. Вместе с тем русская миссия продолжала работу по ее организации. Решающую роль в этом должен был

сыграть приезд в Варшаву генерала И. Веймарна. В той же реляции Ржичевский сообщил, что по рекомендации Чарторыхских Веймарну будет представлено для переговоров 26 литовских вельмож, однако решающая роль отводилась канцлеру М. Чарторыхскому, подканцлеру литовскому М.А. Сапеге, польному гетману М. Массальскому и Я.Е. Флемингу³⁶. Однако в Петербурге начинали понимать, что магнаты едва ли смогут своими силами, опираясь только на небольшие российские субсидии, организовать достаточно сильную конфедерацию. Не отвечала планам России и программа магнатов, именовавших себя ее сторонниками, которую в 1755 г. изложил канцлер Я. Малаховский (позже она была включена в текст инструкции послу в Варшаве М.Н. Волконскому). Сам коронный канцлер был креатурой Г. Брюля и принадлежал к «дворской партии» Е. Мнишека. Поэтому его участие в переговорах с русскими представителями, особенно если учесть просаксонские симпатии И. Ржичевского, скорее, должно было повлечь за собой примирение Петербурга и Дрездена, что и произошло в 1758 г.

Суть программы Малаховского сводилась к следующему: Россия ничего не желает, кроме поддержания в Польше тишины и вольностей шляхты, для пропаганды этих целей среди шляхты и необходимо назначить русского посла, который будет выступать посредником в примирении враждующих партий на основе восстановления в полном объеме конституций 1717 г. Если же «французская партия» выступит против этого и прибегнет к «чужим державам», то он, Малаховский, совместно с примасом смогут «напротив того великую часть Польши к себе присовокупить и по сношению с российским послом всякую безопасность добротам доставить»³⁷. Такая программа, разумеется, не могла встретить возражений в Петербурге, но никак не могла стать основой для конфедерации или тем более для военного вмешательства. Правящие круги на Неве не оставляли мысли, что магнаты хотят воспользоваться силами России исключительно в собственных интересах. Вероятно, это обстоятельство сыграло свою роль в задержке отправки посла в Варшаву до начала 1757 г. Была отложена и миссия генерала Веймарна, хотя решение о поездке его в Варшаву было принято еще в марте 1756 г. Вновь к этому вопросу Конференция вернулась только в июле³⁸. Это было вызвано целым рядом обстоятельств.

Во-первых, в Петербурге не были уверены как в возможности конфедерации, так и в ее успехе. Необходимая подготовка к выступлению проведена не была. В докладе Коллегии иностранных дел на заседании Конференции 5 июля / 24 июня 1756 г. только ставилась задача составления плана «для польских дел», отмечалось, что задержка с отправлением министра в Польшу вредит интересам России. Во-вторых, в России рассчитывали использовать в своих интересах дрезденский двор для влияния на положение в Польше. Еще 12/1 апреля Г. Гроссу был отправлен рескрипт с приложением экстракта из протокола конференции от 6 апреля / 26 марта 1756 г. В рескрипте говорилось лишь о представлении по вопросу о притеснении сторонников России и о решимости Петербурга содействовать в силу гарантии 1717 г. «тишине в Польше»³⁹.

О стремлении России не обострять отношений с Г. Брюлем свидетельствует рескрипт Г. Гроссу от 7 августа / 27 июля 1756 г., в котором сообщалось о распространенном в Польше безымянном листе с призывом «к замешательству», и что к появлению этого воззвания якобы причастен секретарь посольства Ржичевский. Послу предписывалось опровергнуть последнее, а Ржичевскому — впредь в своих разговорах осторожнее поступать⁴⁰. Желание Петербурга улучшить отношения с Дрез-

деном было замечено при дворе Августа III, и когда летом 1756 г. Веймарн с 6 тыс. червонцев для Чарторыских и письмами для магнатов — сторонников России — прибыл сначала в Литву, а затем в Польшу, от графа Брюля последовало недовольное письмо канцлеру А. П. Бестужеву, в котором подчеркивалось, что, по мнению двора, целью приезда Веймарна должно быть возвращение «под власть королевскую и государственных узаконений тех подданных его (Августа III. — *Б. Н.*), которые от того удалились»⁴¹.

Вторым обстоятельством, повлиявшим на изменение намерений Петербурга в Польше, стал поиск союза России с Францией, на чем особенно настаивали противники А. П. Бестужева: М. И. Воронцов и Шуваловы. Успешное завершение миссии Дугласа, свидетельством чему стала направленная ему ответная записка от 18/7 мая 1756 г., в которой говорилось, что императрица очень рада видеть «доброе расположение» французского короля и соглашается «на взаимное назначение министров с посольским характером». В результате летом в Париж прибыл российский министр надворный советник Ф. Д. Бехтеев. По словам С. М. Соловьева, он был близок к вице-канцлеру М. И. Воронцову, который доверял ему весьма деликатные поручения. В инструкции Бехтееву говорилось, что императрица окончательно откажется от субсидного трактата только в случае, если оправдаются обещания Австрии способствовать сближению России с Францией с выгодой для Петербурга. Поэтому Бехтееву запрещалось делать что-либо без согласия и совета с австрийским послом в Париже Г. А. Штарембергом, дабы Австрия не имела повода думать, что в Петербурге пренебрегают посредническими усилиями венского двора. Надо сказать, что на берегах Невы так же вели себя М. Дуглас и Н. Эстергази. Такая ограниченность миссии Ф. Д. Бехтеева, а также его невысокий чин свидетельствовали об известных опасениях Петербурга, какой прием будет оказан послу в Париже⁴². Следует отметить только, что вопрос о Польше, а именно здесь франко-русские противоречия были наиболее острыми, практически не обсуждался.

III

В августе—сентябре 1756 г. развернулись военные действия, открывшие Семилетнюю войну. Прусские войска заняли Саксонию, а 1 октября 1756 г. разгромили у Лобозица шедшую на помощь Августу III австрийскую армию, после чего саксонская армия капитулировала, а сам курфюрст саксонский, он же польский король, оказался отрезан от своих польских владений. В этих условиях в России возобновляются лихорадочные военные приготовления, а главным вопросом русской политики в Польше стала проблема прохода через Польшу русских войск для их участия в боевых действиях в Пруссии.

13/2 сентября 1756 г. Ржичевскому в Варшаву было послано два указа. В первом сообщалось о ноте Фридриха II венскому двору по поводу вооружений Австрии и о готовности России предоставить помощь атакованным союзникам. От Ржичевского требовали опровергать слухи, будто бы Россия не сможет выполнить своих обязательств из-за недостатка в рекрутах и матросах. Второй указ предписывал разъяснять в Польше позицию России, которая полагает, что король и республика с негодованием видят агрессивные действия прусского короля в отношении Австрии и со своей стороны займут осторожную позицию. Россия окажет помощь Австрии в случае на-

падения Фридриха II, а Польша охотно позволит проход русских войск, который Ржичевскому надлежит подготовить в Варшаве ⁴³.

Уже в сентябре 1756 г. в Петербурге были получены реляции от Ржичевского и Веймарна из Варшавы, в которых говорилось об отношении поляков к вступлению русской армии в Речь Посполитую. По их словам, в Варшаве распространились слухи, что русские войска уже перешли через границу, в связи с чем магнаты опасаются ответных действий Пруссии и сбора обеими сторонами рекрутов и контрибуций в Польше. Вероятно, источником этих слухов был французский резидент в Варшаве Ф. Дюран, который сообщил примасу, что русская армия в сентябре уже выступила в поход, и пытался склонить его «к твердому сопротивлению» проходу войск, подчеркивая, что это может привести в движение Оттоманскую Порту. Дюран убеждал примаса и Чарторыских, что движение русской армии через Польшу должно проводиться с согласия Франции и кратчайшим путем, «не через Польшу, но прямо через Самогицию в Пруссию». Ржичевский сообщал, что Ф. Дюран, стремясь сгладить впечатление от своего демарша, убеждал секретаря русской миссии, что примас и канцлер его неверно поняли, однако оба они подтвердили свои слова ⁴⁴. Аналогичную позицию занял и французский посол в Дрездене Ш. Ф. Брольи, который категорически возражал против прохода русских войск даже после того, как ему было показано письмо австрийского посла во Франции гр. Штаренберга с сообщением, насколько там ожидают вступления русских войск в Польшу для движения на помощь союзникам ⁴⁵. Попытался противодействовать движению русских войск и секретарь прусского посольства Г. Бенуа, который посетил с этой целью М. Чарторыского. Примечательно то, что канцлер литовский прямо не поддержал Россию, ответив относительно прохода русских войск через польскую территорию, что «республика дозволить и не дозволить может токмо в такое время, когда чины действительно в собрании» ⁴⁶, т. е. по решению сейма, но что он, канцлер, не видит причин препятствовать проходу вследствие действий Пруссии против польского короля в Саксонии. Свой демарш Бенуа повторил 7 ноября 1756 г., когда словесно объявил великому гетману Браницкому, что он имеет указ требовать свободного прохода и прусских войск через территорию Польши в силу Велявского трактата ⁴⁷.

Возможность вторжения прусских войск в Польшу с опасением воспринималась в Варшаве. Так, по донесению И. Веймарна, в начале сентября командой прусских гусар были захвачены и уведены в Бреславль (Вроцлав) комиссар и 12 солдат краковского епископа ⁴⁸.

Действия Франции и Пруссии в Польше рассматривались на 44-м заседании Конференции 9 октября / 28 сентября 1756 г. Было подчеркнуто, что позиция французских дипломатов в Варшаве противоречит сближению Петербурга и Парижа, что угроза выступления Порты свидетельствует, что поддержанное Австрией требование Франции в наименьшей степени захватить Польшу проходом русских войск служит не сохранению спокойствия в республике, а корыстным интересам Версаля и Вены, а также врагов России в Польше. Было решено не выказывать по этому поводу чрезмерной озабоченности, чтобы дать понять «полякам, коль мало их интриги предуспеть могут». Что же касается Пруссии, то, по мнению Петербурга, проход русских войск через Польшу, каким бы путем он ни производился, даст повод для вторжения прусских войск в республику, коль скоро Фридрих II сочтет это нужным ⁴⁹. Конференция подтвердила ранее принятое решение направить войска через Польшу тем

путем, который будет признан целесообразным, так как еще 6 октября / 25 сентября 1756 г. секретарю Ржичевскому был послан указ формально требовать от республики пропустить через свою территорию русскую армию, которой «в Литву и Польшу по усмотрению куда надобно будет следовать для помощи их величествам»⁵⁰. Та же позиция была повторена в инструкции от 16/5 октября 1756 г. главнокомандующему русской армией фельдмаршалу С. Ф. Апраксину, которому хотя и предлагалось не забираться вглубь Польши, но поручалось расположить войска так, «что для вас все равно — прямо ли на Пруссию или влево через всю Польшу в Силезию маршировать»⁵¹. Однако Версаль не торопился отвечать на представления Петербурга. Спустя месяц, 8 ноября / 28 октября 1756 г., Ржичевский сообщил С. Ф. Апраксину, что Ф. Дюран намерен всеми средствами препятствовать проходу русских войск и что тот угрожал образованием конфедерации в Польше и Литве, а также выступлением Турции, которая через Хотин и Польшу развернет наступление на Украине⁵².

4 ноября / 24 октября 1756 г. Ржичевский направил письмо магнатам, в котором потребовал разрешения на движение русских войск через территорию Польши⁵³. Те ответили, что «такое дозволение может быть дано только на сейме, но каждый из них как честный человек будет очень рад проходу российской армии, особенно в случае соответствующей оплаты поставок войску и убытков, а также, если будут приняты меры, чтобы прусский король не распространил боевые действия на территорию Польши»⁵⁴. Так было положено начало определению нейтрального статуса Речи Посполитой в ходе Семилетней войны.

Одновременно давление в вопросе о проходе русских войск было оказано и на французский двор. Бехтеев выразил неудовольствие, что французские министры в Польше противодействуют России, на что маршал Шарль Белиль отвечал, что недоразумение уже устранено и послам отправлены соответствующие инструкции⁵⁵. Произошло это в ноябре 1756 г., о чем свидетельствует депеша в Петербург от 10 ноября / 30 октября. Сообщая о ней Г. Гроссу в Варшаву, канцлеры подчеркивали, что верят в искренность намерений Версаля, однако «входят в те резоны, кои не дозволяют им (французам. — Б. Н.) переменить вдруг и совсем прежнее свое поведение»⁵⁶.

Несмотря на сохранившееся взаимное недоверие, осенью 1756 г. начались переговоры о присоединении России к австро-французскому союзу. В сентябре Н. Эстергази и М. Дуглас посетили канцлера А. П. Бестужева и сделали от имени своих дворов соответствующие официальные предложения. Консультации относительно условий такого присоединения представители Австрии и Франции продолжили с вице-канцлером Воронцовым. Тогда же вновь обнаружились противоречия между будущими союзниками по вопросу о проходе русских войск через Польшу и разногласия с Францией в связи с возможной войной России с Турцией. Тем не менее 11 января 1757 г. / 31 декабря 1756 г. был подписан акт о присоединении России к Версальскому трактату.

Однако даже в этом документе нашли отражение весьма существенные противоречия между Россией и Францией. С одной стороны, в самом договоре Версаль не принимал на себя никаких обязательств на случай войны России с Турцией, а с другой — в приложенной к нему по настоянию русских представителей «секретнейшей декларации» говорилось о финансовой помощи Франции в случае нападения Порты на русские владения. Оставался не урегулированным вопрос и об отношениях с Англией, которая была для Франции главным противником в Семилетней войне. Россия же, напротив, не только не объявила войны Англии, на чем настаивал Версаль,

но и сохранила с ней дипломатические отношения⁵⁷. 22 января 1757 г. был подписан новый договор России с Австрией, который, по существу, наряду с австро-французским договором завершил оформление антипрусской коалиции.

IV

Начало военных действий со стороны Пруссии и особенно захват Саксонии поставил перед Россией вопрос о форме участия Польши в военных действиях в Европе, о привлечении на свою сторону Речи Посполитой. Поэтому вначале попытались обеспечить благожелательную позицию дрезденского двора, так как опасались, что Саксония может перейти на сторону Фридриха II, а в Польше умножатся замешательства в случае возможной кончины Августа III. Чтобы предотвратить подобное развитие событий, 15/4 октября 1756 г. рескриптом Гроссу было сообщено о намерении «подать королю утешение» и выделить из казны 100 тыс. рублей⁵⁸. В декабре Августу III была отправлена официальная грамота Елизаветы Петровны, в которой содержалось обещание, ввиду прусского нападения на Саксонию, доставить королю «сатисфакцию не по мере причиненного через то убытка, но паче по великости такого наглого миролюмства». При этом императрица вновь настаивала на примирении партий в Польше и на благосклонном отношении двора к проходу русских войск⁵⁹.

Тогда же, в декабре 1756 г., в Петербург вновь приезжает Станислав Понятовский, но уже не в качестве кавалера английского посольства, а в ранге министра Речи Посполитой. Это назначение было встречено при русском дворе крайне настороженно. Русские представители в Дрездене требовали отзыва Понятовского, на том же настаивали и французы, наконец, порешили взять с него честное слово, что он будет придерживаться настоящей системы, и удовлетворились обещанием Августа III отозвать посла, если слово это будет нарушено⁶⁰. Помимо былых связей Понятовского с Вильямсом и молодым двором, настораживало включение в инструкцию посла требования польского короля добиваться у венского и французского дворов предоставления нейтрального статуса Ганноверу и Прусской провинции Речи Посполитой, т. е., что русские войска не будут действовать в Поморье, у границ Восточной Пруссии. Причем в Петербурге располагали сведениями, что Веной и Версалем уже были даны соответствующие обещания⁶¹. А это недвусмысленно указывало, что Понятовский в известной мере будет представлять не только саксонские и польские интересы, но и интересы Англии. Таким образом, в России опасались возможного сговора Австрии с Англией, а Франции с Пруссией за спиной Петербурга и подозревали, что известную роль в нем могут сыграть как Саксония, так и Польша.

Приезд Станислава Понятовского в Россию совпал с проходившими в Петербурге русско-австрийскими переговорами, к которым польский министр попытался присоединиться, ссылаясь на соответствующий королевский указ. В наибольшей степени его интересовал вопрос о возможной компенсации Саксонии и Польше за поддержку противников Пруссии в войне. Так как Польша без участия Дрездена не имела с Австрией дипломатических отношений, присоединение польского представителя к русско-австрийским переговорам приобретало особое значение. Однако в ответ на соответствующую просьбу С. Понятовскому было заявлено, что, признавая обоснованность такого пожелания, Россия охотно бы его удовлетворила, «ежели бы

многие и весьма основательные уважения от того нас не удерживали». В известной мере причины столь оскорбительного ответа были связаны с придворными интригами в Петербурге⁶², но главную роль сыграло нежелание русского правительства как-либо привлекать Польшу к союзу и даже допускать ее представителя к переговорам.

Правда, С. М. Соловьев, ссылаясь на записку М. П. Бестужева, назначенного послом во Францию, отмечал, что, будучи в начале 1757 г. в Варшаве, тот пытался склонить поляков к союзу против Пруссии⁶³. Однако это сообщение вступает в противоречие с указами, полученными русской миссией в Варшаве из Петербурга. Ни в рескриптах послам, ни в инструкциях не содержится требования привлечь Речь Посполитую к союзу. Соответственно не поднимался этот вопрос и в ответных реляциях в Коллегию иностранных дел.

Как ни странно, но здесь позиция России была с одобрением встречена во Франции, которая опасалась в случае участия Польши в войне усиления Чарторыхских и других сторонников России. В этих условиях завершилось оформление политического нейтралитета Речи Посполитой, когда в начале 1757 г. канцлер Я. Малаховский, вызванный в Дрезден королевским письмом, встретился в лагере под Седлице с Фридрихом II и уведомил его о невмешательстве поляков в дела электора. Тогда же в главной саксонской квартире Малаховский получил согласие Августа III на созыв чрезвычайного сейма⁶⁴.

В связи с подписанием в мае 1757 г. австро-французского договора Россия выступила с декларацией о желании приобрести провинцию Пруссию, чтобы потом обменять ее с Польшей на Курляндию. Однако Мария Терезия воспротивилась этому намерению, сославшись на то, что достаточно и ее устного обещания. Поводом к отклонению договора служило стремление не ставить об этом в известность Францию, чтобы не возбуждать подозрительность и недовольство Версаля. Однако в действительности Австрия и Франция выступали совместно, стараясь отклонить русские требования. По этому поводу М. И. Воронцов писал императрице Елизавете, что русские требования будут подкреплены завоеваниями, и тогда при заключении мира можно будет «Курляндию или город Данциг за собою удержать или какие другие аванжаи получить»⁶⁵.

Однако отнюдь не все среди русских дипломатов разделяли надежды Воронцова. Его доверенный человек, посланник во Франции Ф. Д. Бехтеев, опасался, что Франция, Австрия и Швеция не дадут возможности России воспользоваться плодами победы, что уже сейчас соглашениями определены те территории, которые союзники намерены отторгнуть от Пруссии, не оговорены остались только претензии России, что, с точки зрения союзников, Петербург лишь оказывает военную помощь Австрии и Саксонии за плату и поэтому не может претендовать на территориальные приобретения⁶⁶. Таким образом, весьма сомнительными выглядели планы России осуществить какие-либо территориальные приобретения за счет Пруссии и тем более за счет Польши.

Тем не менее домогательства дрезденского двора и усилия Станислава Понятовского не остались безуспешными. Рескриптами Гроссу в Варшаву от 1 февраля / 21 января и от 22/11 мая 1757 г. сообщалось, что Россия и Австрия согласно обязуются передать Августу III «не токмо город Магдебург с принадлежащими к нему дистриктами и Саальский округ, но и что более возможно будет»⁶⁷. Однако речь шла только об аннексии прусских областей в пользу Саксонии, но не о территориальных приобретениях для Польши.

Такой поворот дела еще больше поощрил аппетиты Дрездена. Летом 1757 г. в Петербурге получили реестр дополнительных просьб графа Брюля от имени Августа III. Саксонцы просили также земли в герцогстве Гальберштадтском и прусскую половину графства Мансфельдского, Богемские лены в Лузании, герцогство Кросенское, часть герцогства Швибусского и город Эрфурт. Саксония также просила об уничтожении облигаций на 3,5 млн таллеров, выданных Ганноверу, о возвращении захваченных пруссаками денег и имущества, об освобождении курфюршества от долгов Голландии, а также об отказе Австрии от территориальных претензий к Саксонии⁶⁸. Граф Брюль, пользуясь заинтересованностью России в благожелательной позиции дрезденского двора, беззастенчиво шантажировал Петербург в надежде укрепить родовые владения дома Веттинов, а тем самым и позиции династии в Польше. Вместе с тем обещания территориальных приобретений для Саксонии, при отсутствии таковых для Польши, должны были укрепить антирусские настроения в Варшаве.

V

11 марта / 28 февраля 1757 г. в Петербурге был издан указ о назначении полномочным министром в Варшаву племянника Бестужевых М. Н. Волконского. Тогда же ему была дана инструкция, отразившая официальную позицию русского правительства в отношении Польши. Задача Волконского как полномочного министра состояла в восстановлении в республике политической системы Петра I, определенной конституциями сейма 1717 г., и в сохранении Польши «в дружбе и соединении с Россией», чему противодействуют третьи державы, в первую очередь Франция и Пруссия. Таким образом, несмотря на союз с Францией, Волконскому предписывалось всячески противодействовать французскому влиянию и примирять находящиеся в раздоре магнатов, для чего восстановить в полном объеме права примаса и канцлеров, а также традиционную систему сеймования и отправления трибуналов, содействовать решению по законам дела об Островской ординации, однако не вмешиваясь в него непосредственно. Министр должен был действовать в тени, не раздражая королевского двора. Особую роль для России играл вопрос о подготовке кандидата на польский престол и вопрос о Курляндии. Предписывалось также добиваться от Польши признания российского императорского титула и выполнения условий Вечного мира 1686 г.⁶⁹

Для русской политики в Польше особое значение имели взаимоотношения России с магнатскими группировками русской и французской ориентации. Еще летом 1756 г., когда только наметилось сближение России с Францией и присоединение Петербурга к Версальскому трактату, М. Чарторыйский предупреждал, что это повлечет за собой усиление позиций гетманов и других магнатов французской ориентации. Литовский канцлер тогда писал Ржичевскому, что согласие с Францией для России не может быть долговременным, что оно приводит в страх его сторонников⁷⁰. В конце 1756 г. Ржичевский доносил из Варшавы, что согласие России и Франции грозит в Польше падением русской партии, что друзья России и Франции будут называться одинаково, но делать «не то, чего Россия от них может требовать, спустя долгое или короткое время, а станут делать то, что им Франция будет предписывать, да и двор, естественно, принужден будет последовать большинству и силе»⁷¹.

Политика Г. Брюля и «дворской партии» в Варшаве также давала поводы для недоверия в Петербурге. Еще в июне 1756 г. по поручению канцлера Я. Малаховского в Дрезден был отправлен советник Я. Б. Алое, который должен был выяснить позицию Августа III и его первого министра по отношению к России и к магнатским партиям. Отчет о его поездке был отправлен русской миссией в Петербург. Последнее свидетельствовало, что поручение, данное Алое, исходило не столько от коронного канцлера, сколько от Г. Гросса и И. Ржичевского. Примечательно, однако, то, что миссия эта была возложена на одного из вождей «дворцев» — Малаховского и Алое — агента саксонского двора в Варшаве, чего не могли не знать русские представители. Поэтому очевидно, что такой шаг был продиктован в первую очередь желанием сгладить противоречия между Петербургом и Дрезденом. В отчете говорилось о согласии Брюля с мнением коронного канцлера, что в области внешней политики даже в случае анти-русской коалиции Польша должна ориентироваться на Россию, что он (Брюль) не допустит вмешательства гетманов в дела на сеймиках, что двор будет продолжать политику лавирования между партиями, но по совету с российскими министрами ⁷².

Главным вопросом, который со своей стороны пытался выяснить граф Брюль, было отношение России к возможному кандидату на польский престол. От имени Я. Малаховского было заявлено, что Россия не допустит французского, прусского или австрийского претендента, который будет «сильным королем и неприятелем России, может сей державы ображ (?) подать». Брюль согласился с этим, но настаивал на избрании старшего принца из саксонского дома и требовал, чтобы Россия не вмешивалась в выборы короля, а действовала «не иначе, как руководством польского министерства» ⁷³. К пожеланиям Брюля прислушались в Петербурге. В инструкции М. Н. Волконскому отмечалось, что для избрания короля после смерти Августа III надлежит поддержать кандидатуру саксонского принца, не обнаруживая вмешательства России, «слегка как бы собственным рассуждением». Однако действовать предписывалось не через двор, а через друзей России. В Петербурге категорически возражали против иных кандидатов, в том числе и из самих польских магнатов ⁷⁴. Таким образом, в Петербурге в начале 1757 г. в вопросе о выборах нового короля, хотя и уступили в главном вопросе о королевском преемнике из династии Веттинов, но не отказались совсем от прежних планов и продолжали стремиться к выдвижению своей кандидатуры, опиравшейся на русскую партию, а не на придворную камарилью в Варшаве.

В России были также очень обеспокоены вопросом о вакантном после ссылки Э. И. Бирона герцогском престоле в Курляндии. Еще в марте 1756 г. Ржичевский доносил из Варшавы о намерении курляндского дворянства во время сейма направить к королю и чинам республики депутацию с просьбой об избрании нового герцога. Он также сообщал, что дрезденский двор предлагает кандидатуру принца Карла, имея в виду, что кандидатом на польский престол станет принц Ксаверий ⁷⁵. Это известие не могло не обеспокоить, так как Курляндия в этом случае оказывалась в положении личной унии с Саксонией, а избрание Веттина герцогом сильно затрудняло задуманное включение герцогства в состав империи. Не случайно в инструкции Волконскому ставилась задача не допускать обсуждения вопроса о Бироне как в Курляндии, так и на сейме в Польше ⁷⁶.

Одной из традиционно сложных проблем российско-польских отношений был вопрос о позиции обоих государств в отношении Порты. Как уже отмечалось выше, Россия стремилась сохранить нейтралитет Турции в ходе войны.

Вместе с тем в Петербурге имели все основания подозревать, что сторонники Франции в Польше могут использовать угрозу турецкого вмешательства в польские дела для противодействия России. Еще в 1754 г. по настоянию Ш. Ф. Брольи и Ф. Дюрана, встревоженных позицией России и Англии в деле об ординации Островских, в Стамбул был отправлен агент Я. К. Браницкого полковник Кароль Мальчевский. Суть его стамбульской интриги состояла в том, чтобы добиться поддержки анти-русской коалиции и тем самым оказать военное давление на Августа III, вынудив его примкнуть к противникам России. В 1756 г. с аналогичной миссией в Крым был отправлен полковник Островский⁷⁷. Угроза турецкого вмешательства была одним из главных аргументов Брольи и Дюрана, когда они возражали против прохода русских войск через территорию Польши.

В октябре 1756 г. начальник каменецкого гарнизона генерал Х. Далке доносил гетману Браницкому, что в Хотин прибыл новый паша Халил Паша Сераскер с подкреплениями для гарнизона и ремесленниками для проведения фортификационных работ⁷⁸. О движениях турецких войск было известно в Петербурге. А. М. Обресков доносил 21/10 октября 1756 г., что Порта не намерена начинать войну, что к военным действиям она будет готова не ранее чем через два года. Рескриптом Г. Гроссу сообщалось о попытках англичан добиться вступления Турции в войну на стороне Пруссии. Послу поручалось предложить Августу III направить своего представителя в Константинополь, чтобы убедить Порту не выступать против России⁷⁹. В это время в Петербурге уже было известно о миссии в Константинополе К. Мальчевского, которого называли адъютантом Браницкого. В начале 1757 г. Обресков прислал копию письма Я. К. Браницкого великому визирю от 10 декабря 1756 г., в котором коронный гетман стремился убедить Турцию «коликий вред проходом помянутых войск через польские земли как блистательной Порте, так и республике приключится». Об этом «безрассудном гетманском Порте преданстве» Гроссу предписывалось сообщить конфиденциально королю и графу Брюлю⁸⁰.

5 октября / 24 сентября 1757 г. М. Н. Волконскому был направлен секретнейший рескрипт, в котором сообщалось об обращении Браницкого через крымского хана и хотинского пашу к Порте с просьбой о защите «патриотов» от русских войск, находящихся в Польше⁸¹. Турция, правда, отказалась от вмешательства, ограничившись лишь посылкой в Польшу представителя для наблюдения за развитием событий, однако в Петербурге вынуждены были постоянно считаться с угрозой турецкого вторжения, которое стремились спровоцировать противники России в Речи Посполитой.

VI

В этих условиях 26/17 мая 1757 г. главные силы русской армии под командованием С. Ф. Апраксина вступили в Литву и заняли города Ковно, Вильно и Гродно, а затем вышли на линию нижнего течения Вислы. После взятия Мемеля для русских была открыта дорога для наступления в Восточной Пруссии. Казалось, что с началом боевых действий и с осуществлением прохода русских войск через территорию Речи Посполитой главные цели российской политики в Польше оказались достигнуты, однако в Петербурге скоро убедились в обратном.

Еще в феврале 1757 г., когда передовые отряды русской конницы под командованием Матвея Ливена вступили в пределы Литвы и сосредоточились на линии

Вильно—Слуцк, когда после присоединения России к Версальскому трактату не оставалось видимых причин для противодействия России со стороны Франции, в уже упомянутой выше инструкции М. Н. Волконскому подчеркивалось стремление противников России «привести в недействие» роль российского двора в Польше, говорилось о том, что Франция продолжает увеличивать в Польше число своих сторонников, что целью этих усилий может быть создание враждебной России конфедерации⁸².

Одновременно французские министры в Варшаве опасались, что Россия использует пребывание своих войск в Польше для усиления русской партии и конфедерации под русским покровительством. Об этом доносил из Парижа Ф. Д. Бехтеев. При этом французский двор предлагал выступить с декларациями, которые могли бы, по его мнению, предотвратить подобное развитие событий. Однако в Петербурге это предложение было отвергнуто, так как подобный шаг лишний раз подчеркивал зависимость русской политики в Польше от позиции французского двора и еще более ослаблял роль сторонников России. В рескрипте Г. Гроссу от 19/8 марта 1757 г. подчеркивалось, «что всякая вновь чинимая декларация в Польше не только излишня и бесполезна, но и не может сходствовать с нашим и дружбы обоих дворов достоинством»⁸³.

О том, что угроза конфедерации действительно существовала, свидетельствовала просьба гетмана литовского М. Радзивилла предоставить ему и его семье убежище в России в случае замешательства, с которой он обратился еще в декабре 1756 г.⁸⁴ Летом 1757 г. в Польше был распространен подложный манифест якобы от имени С. Ф. Апраксина с обещанием помощи всем желающим переселиться в Россию⁸⁵. Несмотря на официальное опровержение манифеста, он рассматривался в Польше как свидетельство «нарушения союзов и трактатов» со стороны России⁸⁶.

Недовольство Петербурга деятельностью французских дипломатов в Варшаве еще более усилилось после отступления русской армии осенью 1757 г. Тогда рескриптом из Конференции М. Н. Волконскому и Г. Гроссу сообщалось, что министры Брольи и Дюран стараются сделать в Польше российское имя ненавистным и навсегда поссорить Петербург и Версаль⁸⁷.

Однако не только позиция Франции тревожила Петербург, вызывали недовольство и «друзья России». Это выразилось в прекращении субсидий Чарторыским, возобновить которые Волконский мог только в случае бескоролья, правда, они уже получили деньги от Веймарна. Сохранились пенсии примасу А. Комаровскому (5000 руб.), канцлеру Я. Малаховскому (7000 руб.), конюшему литовскому У. К. Радзивиллу (1000 руб.)⁸⁸. Раздражали слухи о прусских субсидиях сторонникам России. Насторожила поездка А. К. Чарторыского, сына воеводы русского, в Лондон через Гданьск и Берлин, причем поездка эта состоялась, несмотря на возражения Гросса. С. Понятовскому прямо заявили в Петербурге, что Августа Чарторыского подозревают в сговоре с пруссаками⁸⁹. В ответ воевода русский посетил М. Н. Волконского и оправдывался, что его сын во время поездки в Англию не был в Берлине, что сам он, вопреки сведениям, полученным в Петербурге, встречался с Г. Бенуа только однажды у себя в доме, да два—три раза в иных местах⁹⁰. Подчеркнутая лояльность России к дрезденскому двору тоже не принесла ожидаемых результатов. На заседании Конференции 19/8 ноября 1757 г. отмечалось, что «польский двор для Саксонии теперь от французского только всего ожидает»⁹¹.

VII

Существенную роль в определении русской политики в Польше должен был сыграть сейм Речи Посполитой. Универсал о созыве очередного Варшавского сейма 1756 г. был издан 10 июня. Сеймики состоялись в конце августа⁹². Тогда же рескриптами Гроссу от 11 сентября / 31 августа 1756 г. предписывалось в связи с созываемым сеймом добиваться от республики признания императорского титула российских государей и установления после этого дипломатических отношений между Россией и Речью Посполитой на уровне посольств. Следовало также поставить вопрос о решении пограничных споров и о деятельности пограничных комиссий (судов), а также о выдаче беглых, которых «многие тысячи в Польше и Литве жительство имеют». Главным требованием к сейму было, как сказано в следующем рескрипте от 13/2 сентября 1756 г., «несомненное ожидание, что король и республика случающемуся здешних войск проходу не токмо охотно позволять, но и паче стараться станут оный им удобным сделать»⁹³.

Однако требования России не были обсуждены на сейме, так как он был распущен из-за отсутствия короля, отрезанного прусскими войсками в Саксонии. Тем временем магнатские группировки на Висле настаивали на созыве сейма, рассчитывая склонить на свою сторону чашу весов в Островском деле. Оппозиция призывала к детронизации Августа III, Чарторыйские предполагали созвать сейм в отсутствие короля. В начале 1757 г. канцлер Я. Малаховский получил согласие Августа на созыв чрезвычайного сейма⁹⁴.

В это время в Петербурге составляется упомянутая выше инструкция М. Волконскому, в которой определяется позиция российских послов по отношению к сейму. По этой инструкции Россия, продолжая требовать от республики сохранения режима протектората, определенного конституциями 1717 г., не считала себя связанной какими-либо обязательствами с Польшей, помимо Вечного мира 1686 г., утверждая, что «вновь с нею никаких обязательств не поставлено». Более того, польской стороне предъявлялись претензии в связи с несоблюдением условий Вечного мира в насаждении униатства в Львовском, Перемышльском и Луцком епископствах и в преследовании православных в Белорусской епархии. Были повторены прежние претензии, что сейм не утвердил прохождение границы между Россией и Речью Посполитой, что с польской стороны заселяются местечки по Днепру, которые по условиям трактата с обеих сторон заселению не подлежат; в затруднениях в работе пограничных комиссий, особенно в вопросе о выдаче беглых, и ряд других.

Примечательно, что формально две первые претензии могли служить основанием для разрыва или пересмотра договора, что косвенно свидетельствовало об уже сточенности позиции России в отношении Польши. Однако этим не ограничивались требования Петербурга к республике и чинам сейма. Вновь предписывалось добиваться признания императорского титула, поручалось отвращать всяческие опасности и беспорядки в Польше: охранять права примаса и канцлеров, ограничить власть гетманов, охранять традиционные правила сеймования и проведения трибуналов, содействовать разрешению по законам дела об ординации Островских⁹⁵.

Однако решение Островского дела в пользу сторонников России, очевидно, должно было встретить сопротивление со стороны французских дипломатов в Варшаве. Тем не менее в рескрипте Волконскому от 11 ноября / 31 октября 1757 г. выдвигалось тре-

бование добиваться решения, угодного России, чтобы тем самым подчеркнуть влияние русской политики в Польше и продемонстрировать, что французский посол в спор об ординации «с благопристойностью вступаться не может»⁹⁶.

Тем досаднее было членам Конференции 8 ноября 1757 г. узнать, что польский королевский двор отказывается удовлетворить требования России по Островскому делу до заключения мира, якобы из-за противодействия Ш. Ф. Брольи и опасения посорить Россию с Францией⁹⁷. Наряду с вопросом об Ординации русское правительство собиралось поставить перед сеймом традиционные для России вопросы о деятельности пограничных комиссий и выдаче крестьян и лиц других сословий, бежавших из России в Литву⁹⁸.

Перечень задач, поставленных перед Волконским и Гроссом в Варшаве в связи с ожидавшимся сеймом, отражал стремление Петербурга сохранить режим протектората, который формально не был определен соглашениями с Речью Посполитой, но вытекал из договоров России 1720 г. с Пруссией и Турцией, 1724 г. со Швецией, 1726 г. с Австрией, 1730, 1732 гг. с Пруссией, т. е. договоров, закрепивших соотношение сил в Центральной Европе после окончания Северной войны и войны за испанское наследство. Однако сама эта система с началом Семилетней войны перестала существовать. Политический кризис в Европе не мог не отразиться на системе союзов России и на сохранении в прежних рамках польско-российских отношений. Это подтвердил и сам сейм Речи Посполитой, собравшийся в октябре 1758 г. Ни один из вопросов, в которых была заинтересована Россия, не обсуждался. Напротив, главной стала проблема вывода русских войск.

Уже на второй сессии сейма 3 октября посол сандомирский Максимилиан Зборовский заявил, что важнейшей задачей является восстановление прав республики и безопасности отчизны. После избрания маршалом сейма Адама Малаховского 5 октября вопрос о выводе русских войск был поставлен открыто в речах галицкого посла Яна Шумланьского, подольского Николая Стадницкого, любельского Каэтана Тшебиньского и ряда других. Тогда же, на четвертой сессии, сейм был сорван волынским послом Николаем Подгорским, который потребовал не приступать к сейму, пока не будет решения об эвакуации русских войск⁹⁹.

Таким образом, надежды использовать сейм для укрепления позиций русской дипломатии в Польше оказались тщетными. Более того, антироссийские выступления послов сейма, большинство из которых принадлежали к партии двора, показали беспочвенность расчетов на сотрудничество с Г. Брюлем и сторонниками саксонской династии в Речи Посполитой. Итоги сейма еще раз продемонстрировали зыбкость российского влияния, которое совсем могло бы сойти на нет при неблагоприятных для Петербурга обстоятельствах европейской политики.

Это все больше и больше осознавалось в российской столице. Еще в 1757 г. на это указывал русский поверенный в Париже Ф. Д. Бехтеев, сообщая, что Австрия и особенно Франция будут препятствовать усилению позиций России в Польше. Летом 1757 г. М. П. Бестужев-Рюмин писал императрице о неспособности Г. Гросса представлять интересы России в Варшаве. О степени раздражения в Петербурге свидетельствуют его слова, обращенные к М. И. Воронцову: «Поляков я и сам возненавидел, и дельно, что вы их не любите»¹⁰⁰. О грядущих переменах в польской политике Петербурга свидетельствовал рескрипт М. Н. Волконскому и Г. Гроссу, направленный в Варшаву и Дрезден в соответствии с решениями Конференции от 19/8 ноября 1757 г.

В нем выражалось открытое недовольство политикой Франции в Польше, действиями придворных кругов в Варшаве, позицией магнатских группировок, в том числе и Чарторыскими. В рескрипте содержатся прозрачные намеки на то, что в отличие от Франции Россия может применить в Польше для усиления своего влияния не только деньги, но и войска, что надо только подождать удобного момента, чтобы потом, «не упуская, им пользоваться»¹⁰¹.

* * *

Рассматривая взаимоотношения России и Польши в начальный период Семилетней войны 1756–1757 гг. до отступления русской армии после победы при Гросс-Егерсдорфе, можно заключить, что политика России в отношении Речи Посполитой имела самостоятельное и весьма существенное значение. Стратегически Польше принадлежала весьма важная роль в завоевательных планах России, направленных вдоль побережья Балтики, в Белоруссии и на Украине, а также в причерноморских и балканских владениях Османской империи. Реализация этих планов требовала установления российской гегемонии в Речи Посполитой. Старая система протектората, сложившаяся после окончания Северной войны и оформленная в конституциях сейма 1717 г., больше не оправдывала себя из-за обострения противоречий между державами — гарантами шляхетских вольностей и, что имело особое значение для России, из-за падения влияния при польском дворе группировки Чарторыских.

В конце 1755 — начале 1756 г. Россия стремилась укрепить свои позиции в Польше, опираясь на конфедерацию в Литве, а возможно, и в Короне. Известные расчеты связывались и с устранением саксонской династии с польского престола. Примечательно, что подобные планы русского правительства хранились в глубоком секрете. В официальных документах Конференции при высочайшем дворе и Коллегии иностранных дел мы находим только туманные намеки, свидетельствующие о планах вмешательства России в польские дела. Такая практика выработки внешнеполитических решений в XVIII в. была характерна для правящих кругов России, как впрочем и других европейских стран. Протокольные записи, рескрипты и реляции фиксировали многие детали, но нередко умалчивали о главном. С этим в известной мере связано и то, что в первой половине 1756 г., когда началось формирование антипрусской коалиции с участием России, наиболее информированные австрийские дипломаты и даже английский посол Ч. Г. Вильямс не знали достоверно о намерениях России в Европе и в частности в Польше. На стремление России не привлекать другие державы к совместным действиям в Польше еще летом 1756 г. указывали канцлер Я. Малаховский, саксонский агент в Варшаве Я. Б. Алое, Г. Брюль.

Таким образом, планы Петербурга в отношении Польши были определены независимо от других европейских держав. Однако от них пришлось отказаться. Причинами послужили неспособность магнатских группировок организовать влиятельную и дееспособную оппозицию, противостоящую двору и гетманам, которых в Петербурге рассматривали как главных проводников враждебного России французского влияния. Свою роль сыграла и неподготовленность самой России к решительным действиям в Польше. Но главной причиной стало изменение расстановки сил в Европе, потребовавшее от России сближения с Францией, которое наметилось

с середины 1756 г. и было закреплено присоединением России к Версальскому трактату 11 января 1757 / 31 декабря 1756 г.

Поворот внешнеполитической ориентации России от линии А. П. Бестужева-Рюмина, стоявшего за союз с Англией, к сближению с Францией, к чему склонялись М. И. Воронцов и Шуваловы, потребовал и изменения тактики российской дипломатии в Варшаве. Теперь Г. Грос и И. Ржичевский, а с весны 1757 г. и М. Н. Волконский стремились примирить магнатов, добиться «тишины и спокойствия» в республике, с помощью уступок склонить дрезденский двор к лояльному поведению в отношении России.

К июню 1757 г. русская армия стала в Литве и на Висле, занимая значительную часть Литвы и Польши. Однако проход армии С. Ф. Апраксина встретил сильное противодействие со стороны Франции и ориентировавшихся на нее магнатов во главе с гетманом Я. К. Браницким, а также Турции. В правящих кругах России убедились, что даже достигнутое согласие с Австрией и Францией не позволяет ей иметь прочных позиций в Польше, а без этого едва ли можно говорить об активной русской политике в Европе. Поэтому во второй половине 1757 г. в Петербурге все больше крепнет раздражение и недовольство по поводу состояния польских дел, с нетерпением начинают ожидать удобного момента для перемены политики и использования в Польше русских войск.

Однако момент этот, очевидно, откладывался до окончания Семилетней войны. Препятствовали активизации русской политики в Польше борьба придворных группировок в Петербурге, усиление французского влияния на внешнюю политику России, дальнейшие уступки дрезденскому двору, выразившиеся в первую очередь в передаче Курляндии саксонскому принцу Карлу. Активизация русской политики в Польше наблюдается вновь в 1762 г. после смерти Елизаветы Петровны и заключения мира с Пруссией.

Примечания

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 16 кн. М., 1993. Кн. 13. Т. 24; Щербальский П. К. Политическая система Петра III. М., 1870; Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886–1891. Вып. 1–3; Фирсов Н. Н. Условия, при которых началась Семилетняя война. М., 1916.
2. См., напр.: История Польши. М., 1956. Т. 1; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956; Коробков Н. М. Семилетняя война (1756–1762). М., 1940.
3. См., напр.: Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995; Яковлев Н. Н. Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995. С. 7–18; Он же. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997; История внешней политики России XVIII век. М., 2000.
4. Konopczyński W. Polska w dobie wojny siedmioletniej. Kraków; Warszawa, 1905–1911. Cz. 1, 2; Idem. Fryderyk Wielki a Polska. Poznań, 1947; Roztworowski Em. Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1977.
5. Сб. РИО СПб., 1912. Т. 136; РГАДА. Ф. 178. Конференция при Высочайшем дворе.
6. АВПРИ. Ф. 79. Сношения России с Польшей.

7. РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79.
8. AGAD. Archivum Ord. Roskie, korespondencja; Archivum Radziwiłłowski, Dz. 2. Ks. 58.
9. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 31–33.
10. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 9–11.
11. См.: *Щепкин Е. Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902. С. 509–510.
12. Там же. С. 515–516; 520–521.
13. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 43–44.
14. Там же. С. 44–45, 55, 72–73.
15. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Вып. 1. С. 127.
16. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 208–211 об.
17. Там же. Д. 7. Л. 61.
18. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 136.
19. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 3. Л. 19 об.
20. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 141–142.
21. Там же. СПб., 1885. Т. 48. С. 298–299.
22. В. Cz. Dz. r. 1798. S. 131; Опубликовано: *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868. Т. 1. S. 330–331.
23. *Щепкин Е. Н.* Указ. соч. С. 529.
24. *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 88–91.
25. Там же. С. 94.
26. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 167.
27. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6, 1756 г., Д. 38. Л. 1–7 об.
28. Там же. Оп. 1. 1756 г. Д. 8. Ч. II. Л. 302–303 об.
29. AGAD. Arch. Radziwiłłowski. Dz. 2. Ks. 58. S. 90–91.
30. *Копорczyński W.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. Т. 1. S. 1–24.
31. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 8. Ч. I. Л. 232–232 об.
32. Там же. Л. 233–233 об.
33. Там же. Оп. 6. 1756 г. Д. 42. Л. 4–4 об., 7 об.–8.
34. Там же. Оп. 1. 1756 г. Д. 8. Ч. III. Л. 511.
35. Там же. Д. 9-А. Л. 8–11.
36. Там же. Л. 11–11 об.
37. Там же. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 32 об.–34 об.
38. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 141–142.
39. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 99–102.
40. Там же. Л. 144–145.
41. Там же. Д. 3. Л. 15 об.
42. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 340–341, 343–347.
43. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. Д. 7. Л. 111–112, 113–114 об.
44. Там же. Д. 5. Л. 273–282.
45. РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. Д. 2. Л. 132–132 об.
46. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 277.
47. РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. Д. 2. Л. 151.

48. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 282.
49. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 270–278.
50. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 7. Л. 122–123 об.
51. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 136. С. 313.
52. РГВИА. Ф. 39. Оп. 1/79. Д. 2. Л. 173 об.—174.
53. Там же. Л. 193–194.
54. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 343.
55. Там же. С. 345–346.
56. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 384.
57. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 346–347; Черкасов П. П. Указ. соч. С. 115–127.
58. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 159–260.
59. Там же. Д. 1. Л. 20–21 об.
60. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 375.
61. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 285.
62. См., напр., [Екатерина II]. Переписка Великой кн. Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756–1757 гг. М., 1909; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 374–375; Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924.
63. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 379–380.
64. Koponczyński Wł. Op cit. Т. 1. S. 169, 172.
65. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 373–374.
66. Там же. С. 378–379.
67. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 167–167 об.
68. Там же. Д. 8. Л. 60–61 об.
69. Там же. Л. 24–63. Инструкция из Коллегии иностранных дел М. Н. Волконскому от 28 февраля 1757 г.
70. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 9-А. Л. 89–90 об.
71. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 344.
72. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 8. Ч. III. Л. 781–791.
73. Там же. Л. 787 об.
74. Там же. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 45–46.
75. Там же. Оп. 1. 1756 г. Д. 8. Ч. II. Л. 393.
76. Там же. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 46–46 об.
77. Koponczyński W. Op. cit. Т. 1. S. 31, 107.
78. AGAD. Archivum Ord. Roskie, korespondencja. V/19. S. 105–106.
79. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 329–332 об.
80. Там же. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 174–178 об.
81. Там же. Л. 291–294.
82. Там же. Л. 25 об.—30, 42–436 об.
83. Там же. Л. 106–107.
84. Там же. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 345–350.
85. Там же. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 349–349 об.
86. AGAD. Arch. Radziwiłłowski. Dz. 2. Ks. 58. S. 447.
87. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 347–347 об.

88. Там же. Д. 6-А. Л. 44–46 об.
89. Там же. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 382–383; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 428.
90. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1757 г. Д. 8. Л. 10–10 об.
91. Там же. Д. 6-Б. Л. 359 об.
92. Chronologia sejmów polskich 1493–1793 / Zest. Wł. Konopczyński. Kraków, 1948. № 226. S. 167.
93. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1756 г. Д. 5. Л. 225–229, 232 об.–233.
94. *Konopczyński Wł.* Polska w dobie wojny siedmioletniej. Т. 1. S. 169–170.
95. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 31–37, 50 об., 53–60.
96. Там же. Л. 348–348 об.
97. Там же. Д. 8. Л. 95–96.
98. Там же. Д. 6-А. Л. 67–68.
99. Działusze sejmowe z Wieku XVIII / Wydał Wł. Konopczyński. Warszawa, 1937. Т. 3.
100. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 378–381.
101. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 1. 1757 г. Д. 6-Б. Л. 359–361 об.

Миновали три тяжелейшие года Семилетней войны. В Петербурге надеялись, что кампания 1760 г. станет последней. Однако вопрос о месте России в коалиции, об ее участии в послевоенном устройстве европейских дел и о доле добычи в результате задуманного союзниками по антипрусской коалиции раздела владений Фридриха II так и остался для России неразрешенным.

I

Австрия и особенно Франция стремились по-прежнему рассматривать Россию как «помощную державу», которая ведет войну лишь за предоставляемые ей субсидии и, следовательно, не вправе участвовать в послевоенном урегулировании на равных основаниях со странами — гарантами Вестфальского мира. Однако такая позиция явно не соответствовала роли российской армии в ходе боевых действий, и австрийской дипломатии, занимавшей ключевые позиции в коалиции, становилось все труднее противостоять домогательствам Петербурга. Об этом свидетельствует заключение последней российско-австрийской конвенции весной 1760 г.

Еще 16/5 декабря 1759 г. Мария Терезия в рескрипте графу Н. Эстергази заявила о своей готовности предоставить русской императрице Елизавете все желаемые вознаграждения и выгоды, но, вместе с тем, не намерена принимать на себя какие-либо формальные обязательства, главным образом из-за позиции Франции¹. Таким образом, политический курс Вены к моменту начала переговоров оставался неизменным. Россия, напротив, стремилась добиться признания своих целей, определенных Конференцией еще в 1756 г.

Предложения, сделанные русскими дипломатами австрийскому двору, сводились к следующему: во-первых, продолжение войны, в ходе которой обе державы выставляют не менее 80 тыс. войска, а Россия получает еще и по 1 млн руб. в год субсидий, во-вторых, Австрия в результате войны получит Силезию и графство Гляц, а король польский будет восстановлен в своих саксонских владениях и приобретет сверх того «вознаграждение за убытки», в-третьих, Россия получит Восточную Пруссию, уже занятую русскими войсками.

Позиция Эстергази на переговорах вначале строго следовала декабрьскому рескрипту 1759 г. и заключалась в отказе от новой конвенции при сохранении «твердых

обещаний», что объяснялось возражениями Франции против каких-либо территориальных приобретений для России и необходимостью для Вены учитывать настроение Версаля, чтобы сохранить Францию в составе коалиции. Дабы открыть дорогу к согласию, в Петербурге было предложено дополнить союзный трактат с Австрией декларацией о соглашении с Польской республикой относительно судьбы Восточной Пруссии к удовлетворению обеих сторон².

Можно предположить, насколько сильным было давление, оказанное на австрийского посла в Петербурге, если Н. Эстергази, вопреки инструкциям и без консультаций с Марией Терезией и В. Кауницем, 1 апреля / 21 марта 1760 г. подписал трактат оборонительного союза и конвенцию, касающуюся продолжения войны против Пруссии³, а Мария Терезия ратифицировала их, правда, в несколько измененном виде. Статья 5 конвенции содержала теперь только упоминание о вознаграждении России, а сам вопрос о Восточной Пруссии был перенесен в особую секретную статью, с которой Франция не была ознакомлена.

Однако достигнутая дипломатическая победа едва ли существенно приближала Россию к реализации своих планов, в первую очередь в Польше. Соглашение с Австрией не предусматривало никакой поддержки русской политики в Польше, а позиция Франции и Саксонии, пользовавшихся в Варшаве наибольшим влиянием, осталась неизменной: со стороны Франции — открыто враждебной, а Саксонии — скрыто недоброжелательной.

Развитие отношений между Веной, Версалем и Дрезденом в 1759—1760 гг. свидетельствовало, что, несмотря на австро-российскую декларацию 1 апреля / 21 марта 1760 г., в Петербурге вряд ли могли рассчитывать на поддержку союзников в достижении своих целей. На это указывал австро-французский договор от 30 декабря 1758 г., по которому Франция в частности обязалась уплачивать Швеции и Саксонии денежные субсидии, что определенно служило поддержке противников России в этих странах. Конечной целью союзников в Вене и в Версале должно было стать лишь возвращение Австрии ранее захваченных у нее областей. Наконец, статьей 20 обе державы предусматривали избрание на польский престол саксонского принца, если за него выскажется Речь Посполитая⁴. Таким образом, договор 30 декабря 1758 г., к которому в 1759 г. присоединилась Россия, означал по сути дела соглашение, направленное против российского влияния и российской политики в Польше. Но был еще один договор, заключенный на следующий день, 31 декабря 1758 г., о котором в Петербурге не знали. По этому договору Австрия и Франция гарантировали друг другу все свои завоевания у Пруссии⁵. По сути дела, такая позиция означала исключение прочих держав из числа равноправных союзников и была направлена главным образом против России, которая наряду с Австрией и Францией выступала главной силой анти-прусской коалиции.

Наибольшие опасения в Петербурге должна была, конечно, вызывать позиция Франции. Сменивший в ноябре 1758 г. кардинала Ф. Берни на посту главы французской внешней политики Э. Ф. Шуазель, несмотря на свое стремление активизировать борьбу против Англии и Пруссии, в целом продолжал прежний негативный курс по отношению к России. В одобренной им записке «Размышления о настоящем положении наших сношений с русским двором» констатировалось, что фактически «Франция не состоит в союзе с Россией». И хотя в записке и предусматривалось заключить прямые договоры с Россией, а не присоединяться к австро-русским со-

глашениям⁶, положение это осталось неизменным. Враждебность Версаля к России в полной мере нашла отражение в инструкциях новому французскому послу в Петербурге Л.А. Бретейлю от 16 и 19 марта 1760 г.⁷, главной идеей которых было добиться от Петербурга отказа от каких-либо территориальных приобретений.

Наряду с затруднениями во взаимоотношениях с союзниками Россия испытывала также немалые трудности непосредственно в военной области. В историографии справедливо отмечается, что победы русской армии сыграли решающую роль в войне, что в ходе боевых действий возрастал опыт солдат и офицеров. Однако следует отметить, что операции армии в Пруссии потребовали исключительного напряжения сил как войска, так и страны в целом. Рекрутские наборы оказались не в состоянии восполнить потери действующей армии, а те пополнения, которые все же направлялись из России, приходили в Пруссию с большим опозданием. Набор 1758 г. продолжался до июня 1759 г. и не дал результатов. В сентябре 1759 г. был объявлен новый набор, из которого армия получила только от 7 до 9 тыс. человек, в то время как после сражения под Куннерсдорфом для пополнения армии требовалось 30 тыс. человек, а общий недобор рекрут составил $\frac{1}{3}$ контингента. Правда, в течение 1760 г. численность армии была увеличена с 40–50 до 80 тыс. человек, но некомплект продолжал оставаться весьма значительным. Так, в корпусе П.А. Румянцева в 1761 г. нехватка составила $\frac{1}{3}$ от списочного состава. Трудности пополнения армии побудили военное руководство прибегнуть к вербовке рекрут в Пруссии и в Польше, что было беспрецедентным случаем в русской армии. Особенно трудно было пополнить потери офицерского состава. По докладу В.В. Фермора, в 1758 г. в армии не хватало 422 офицеров. Положение с офицерскими кадрами было еще хуже в последующие годы, на что указывают систематические распоряжения о запрещении отпусков и откомандирований.

Особую роль в ходе Семилетней войны играла конница. Однако в русской армии этот род войск испытывал наибольшие трудности, особенно вследствие нехватки лошадей — как строевых для гусарских и драгунских полков, так и подъемных, что существенно ограничивало возможности кавалерии и маневренность армии. Если в 1759 г. для армии требовалось 5,7 тыс. лошадей, то в 1761 г. нехватка составила 8,7 тыс.

Проведение в годы войны реформы в артиллерии и создание артиллерийских полков превратили русскую артиллерию в лучшую в Европе. Однако значительное количество артиллерии не только усиливало армию, но и подчеркивало ее слабые стороны. Артиллерия затрудняла подвижность войск, не хватало прислуги, нередко артиллерийские полки оказывались без прикрытия и поэтому несли значительные потери.

Все это усугублялось тяжелейшим финансовым положением страны и армии. По словам главнокомандующего П.С. Салтыкова, армия в 1759 году была «так бедна, что истинно жалости достойна: офицеры выступили, не имея копейки, везде — должны, рационов не получали, мне покоя нет, — писал главнокомандующий, — от жалоб за фураж, за муку; также и офицеры жили в долг; полячишки и жида, видя все это, без готовых денег ничего не везут и то еще с уговором, чтобы, кроме рублей и червонных, ничем не платить». В следующем 1760 г. армия не получила из причитавшихся средств 300 тыс. рублей. Страна была разорена настолько, что императрица Елизавета даже заявила, что для продолжения войны продаст половину своих платьев и бриллиантов⁸.

Неблагоприятно складывались для России дела и в ближайшем тылу русской армии, за Вислой. Отступление армии С.Ф. Апраксина и последовавшее за ним падение канцлера А.П. Бестужева-Рюмина придали новый импульс интригам против-

ников России в Варшаве. 7 февраля / 27 января 1758 г. М. Н. Волконский — русский посол в Польше встречался с гетманом Я. К. Браницким. Разговор был начат с обсуждения вопроса о русских войсках в Польше, о деятельности комиссаров. Далее гетман заявил о недовольстве шляхты политикой польского короля, который якобы «правит самодержавно», что сам гетман не намерен ничего предпринимать, но опасается конфедерации. Осуществление этой угрозы было маловероятно. Однако русское правительство относилось к ней весьма болезненно, так как это не только затруднило бы действия армии в Пруссии, не только обострило бы и без того не лучшие отношения с союзниками, но и грозило вмешательством Порты или Крыма, что могло существенно изменить ход войны в целом. А настроения в Турции чрезвычайно беспокоили Петербург⁹. И наконец, главный вопрос, затронутый Я. К. Браницким, о конституциях 1717 г. Коронный гетман утверждал, что протекторат Петра I вытекал из его посредничества в конфликте между Речью Посполитой и Августом II, со смертью которого он утратил свою силу. Закончил Браницкий упреками за вмешательство России в выборы в Литовский трибунал¹⁰. Так в год сейма гетман коронный предъявил России весьма серьезные претензии, прозвучавшие как угроза русской политике в Польше.

Еще одно обстоятельство привело в замешательство русскую политику, когда летом 1758 г. Г. Гросс и М. Н. Волконский узнали от Г. Брюля, что русское правительство согласилось на избрание новым курляндским герцогом третьего сына Августа III, принца Карла. Вопреки конституциям, относившим вопрос об избрании герцога Курляндского к прерогативам сейма, король и придворная партия попытались провести его решение через Сенат. Принц Карл был утвержден как герцог Курляндский двумя третями голосов. Против выступили только семеро сенаторов — сторонников России во главе с краковским каштеляном С. Понятовским и А. Чарторыским. При этом в объяснении с Гроссом о причинах своих возражений против кандидатуры, одобренной императрицей Елизаветой, канцлер литовский М. Чарторыйский заявил, что усматривает в данном прецеденте опасность для конституции республики, так как двор может теперь все важные вопросы решать через Сенат¹¹.

В условиях падения русского влияния в Польше наилучшим для Петербурга исходом открывшегося в Варшаве в сентябре 1758 г. сейма был его срыв, накануне из Польши был отозван М. Н. Волконский, а в конце 1758 г. — Г. Гросс.

В следующем, 1759 г. русским министром в Варшаве был уже генерал-поручик Федор Воейков. С этой времени российская дипломатия не предпринимает сколько-нибудь значительных шагов в Польше. Вместе с тем «дворянская» партия приложила в эти годы немало усилий, чтобы уничтожить влияние сторонников России, сломить силу Чарторыхских. Эта политика сопровождалась антирусской агитацией двора и «патриотов», особой силы достигшей накануне сейма 1761 г., когда к ней присоединился и французский посол М. А. Пальми, открыто поддерживавший Е. Мнишека и К. Солтыка. Он выступил против «интриг» республиканцев, а также с «разоблачениями» страшных планов своей союзницы — России. Нападки на Чарторыхских дошли до того, что Г. Брюль распускал слухи о движении русских войск к Варшаве, а в «Варшавских ведомостях» опубликовали сообщение о покушении на К. Солтыка и объявили, что подозрение пало на Фридриха II и «фамилию»¹².

Таким образом, положение дел в Польше, с точки зрения России, постоянно ухудшалось, а российско-французское соперничество оставалось неизменным. Курлянд-

ский вопрос, несмотря на максимальные уступки со стороны России в пользу саксонской династии, был также далек от разрешения.

В ходе Семилетней войны обострилась еще одна проблема российской внешней политики, которая касалась интересов Голштинии — наследственных владений великого князя Петра Федоровича. В споре Дании и Голштинии из-за земель Шлезвига Россия оказалась на стороне Голштинии, а Австрия и Франция — Дании¹³. Все стороны, замешанные в этот конфликт, стремились к примирению. М. И. Воронцов и П. И. Шувалов считали, что удержать Шлезвиг, да и Голштинию в руках России едва ли удастся и что необходимо пойти на соглашение с Данией и обменять, продать или уступить голштинские земли и отказаться от претензий на Шлезвиг, в противном случае «король дацкий принужден будет вступить в союз с королем прусским»¹⁴. Вопрос этот не затрагивал интересов России и был бы легко разрешен, если бы не позиция великого князя Петра Федоровича.

Таким образом, внешнеполитическое положение России было весьма неопределенным и чрезвычайно неустойчивым. Несмотря на победы, одержанные русской армией над Пруссией, и взятие Берлина, добиться окончания войны в 1760 г. не удалось. Фридрих II сохранял к началу 1761 г. 200-тысячную армию и прочные позиции в Саксонии и Вестфалии. Двукратный перевес противников Пруссии был, по-видимому, недостаточен для решительной победы, особенно если учитывать свойственные антипрусской коалиции и проявившиеся на протяжении всей войны слабости стратегии и тактики, что было наглядно продемонстрировано пассивностью союзников в 1760 г. Завершение войны в этих условиях могло потребовать не одну кампанию. Силы России, впрочем, как и других воюющих держав, были чрезвычайно истощены.

Вместе с тем, как и в начале войны, Россия не могла рассчитывать на удовлетворение своих требований и на осуществление своих целей в войне, которые, как это было показано выше, были направлены на укрепление русских позиций в Польше и присоединение к России Курляндии и ряда пограничных областей Речи Посполитой. Обстоятельства, сопровождавшие вынужденное согласие Н. Эстергази и Марии Терезии на передачу России Восточной Пруссии, свидетельствовали не о готовности союзников учитывать требования Петербурга, а только об их опасении потерять союз с Елизаветой Петровной. Участие России в коалиции висело на волоске, и, чтобы не оборвать его, австрийский министр пошел на подписание союзного трактата с условиями, неприемлемыми для своего двора.

II

Такая ситуация не была секретом для Пруссии и Англии, которые стремились добиться выхода России из войны. Первые мирные предложения были сделаны англичанами в Петербурге еще в октябре 1759 г., но были отвергнуты императрицей¹⁵. Однако вскоре настроения в правящих кругах России стали постепенно изменяться. Весьма серьезное свидетельство этого мы встречаем в ноябре 1760 г., когда канцлер М. И. Воронцов составляет первый вариант «Рассужения о нынешнем состоянии воюющих держав и о способах для достижения сколько возможно славного, полезного и прочного мира»¹⁶. В этом сочинении, представляющем собой вариант доклада в Конференции, канцлер подчеркивал, что Франция не может более продолжать войну,

что в случае ее выхода из коалиции за ней последует и Швеция, которая не будет сражаться далее без французских субсидий. Напротив, Англия сможет не только увеличить субсидии Пруссии и послать флот в Балтийское море, но и привлечь к союзу Данию. Король прусский, благодаря субсидиям, контрибуциям и налогам, сохраняет средства для продолжения войны, «не упоминая здесь о числе его войск и сколько много он своею одною персоною важен»¹⁷. Все это, принимая во внимание угрозу турецкого нападения или иное неблагоприятное развитие событий, заставляет Россию предложить союзникам предварительные условия мира и ожидать встречных предложений. Говоря о российских интересах и требованиях, М. И. Воронцов отмечал, что, так как удержание за собой после войны Восточной Пруссии будет невозможно, во-первых потому, что условием ее приобретения является возвращение Силезии венскому двору, «а сего достигнуть не могли», во-вторых потому, что издержки содержания войска в Восточной Пруссии будут чрезмерно велики, поэтому в интересах России отказаться от завоеваний в Пруссии, чтобы, с одной стороны, облегчить союзникам путь к миру, а с другой, «от союзных дворов требовать, чтобы они со своей стороны старались воздержать от неумеренных и весьма наглых посяжаний на требования о заплате им, якобы от пребывания российских войск, учиненные в Польше многие обиды и разорения, — и домогаться, чтоб республика дозволила всех российских беглых из Польши взять». Таким образом, предвидя окончание войны, Россия именно в Польше усматривала сферу своих политических интересов.

О том, что ноябрьский проект М. И. Воронцова был не случаен и что канцлер намерен был настаивать на окончании войны, свидетельствует сохранившееся в фонде Секретных мнений Коллегии иностранных дел его «Рассуждение о нынешнем состоянии политических и военных дел и на каком основании ныне без продолжения войны мир заключить можно»¹⁸. Оно было датировано 19/8 декабря 1760 г. и возвращено в Коллегию из Конференции 20/9 февраля 1761 г. Следовательно, там оно рассматривалось в декабре 1760 или в январе 1761 г. В рассуждении М. И. Воронцов излагал историю развязывания войны, анализировал цели воюющих держав и определял альтернативу: продолжение войны или заключение мира. При этом он приходил к выводу, что добиться решительной победы в войне и расчленения Пруссии союзники смогут еще через три года, проведя для этого три кампании, что людские и финансовые ресурсы, находящиеся в распоряжении Фридриха II, позволяют ему содержать не менее чем 50-тысячную армию, что противостоящие этим силам Австрия и Россия чрезвычайно истощены войной. Об условиях, на которых Россия была бы согласна заключить мир, Воронцов писал, что «Россия уступит [Восточную] Пруссию <...>, а будет довольствоваться, когда король прусский уступит ей свои претензии на республику Польскую», далее, что Пруссия выплатит примерно 40 млн рублей контрибуции, и наконец, что Россия не имеет территориальных претензий к Пруссии и заинтересована в установлении доброго порядка. Примечательно, что и здесь центральным пунктом для российской дипломатии остается польский вопрос и что именно эти проекты окончания войны были положены в основу мира 1762 и союза с Пруссией 1764 гг.

С. М. Соловьев связывал отказ русского правительства от планов приобретения Восточной Пруссии с событиями января 1761 г., когда Франция обратилась к союзникам с декларацией о своем желании мира, а Мария Терезия в рескрипте Н. Эстергази от 12 января в связи с декларацией Франции сообщила о своей готовности отка-

заться от приобретения всей Силезии и графства Глад, что означало по сути отказ от соблюдения условий российско-австрийского союзного трактата¹⁹. Приведенные выше «рассуждения» М. И. Воронцова свидетельствуют, что уже в декабре 1760 г. без непосредственного давления союзников Россия рассматривала вопрос о заключении мира с Пруссией.

Правда, следует отметить, что еще в 1760 г. Л. А. Бретейлю были отправлены инструкции побудить Петербург к заключению мира. В них от имени Людовика XV говорилось о недостижимости целей «уничтожить могущество Пруссии» и предписывалось добиться от русского правительства согласия на заключение мира, чтобы мирные переговоры были открыты еще до начала предстоящей кампании при посредничестве французского короля и чтобы Россия прислала свой план умиротворения Германии²⁰. Вполне возможно, что эти рассуждения стали известны М. И. Воронцову. Однако высказанная в них идея русско-французского союза могла только отпугнуть Петербург, ибо была абсолютно неприемлема для обеих сторон. Вместе с тем в инструкции Л. А. Бретейлю не содержалось ни малейших уступок со стороны Франции в польском вопросе, который, как мы видим в частности из докладов самого канцлера, единственно сохранял для России принципиальное значение. Поэтому мы можем заключить, что французское влияние в деле поиска мира с Пруссией, даже если оно и было, не играло в Петербурге сколько-нибудь существенной роли. В официальном ответе на французскую декларацию от 18 декабря 1760 г., составленном Конференцией, от имени императрицы говорилось, что Россия не отвергает поисков мира, но настаивает на достижении военной победы над Пруссией, за счет которой все участники антипрусской коалиции должны получить территориальные компенсации и контрибуции, что Россия может отказаться от завоевания Восточной Пруссии, в случае если ей будет предоставлено «равносильное вознаграждение»²¹. Последний пункт был совершенно неприемлем для Франции, так как содержал недвусмысленное указание на планы Петербурга по приобретению Курляндии. Таким образом, в России определенно продемонстрировали, что вовсе не намерены связывать свои интересы и планы выхода из войны с политикой Версаля.

Показательным для оценки позиции правящих кругов России в вопросе о продолжении войны является перемирие, заключенное гр. Тотлебенom в феврале–мае 1761 г.²² Саксонский подданный на русской службе, намеревавшийся добиваться включения своей семьи в состав курляндского дворянства, Г. К. Тотлебен был человеком авантюрного склада, о чем свидетельствуют его действия под Берлином в 1760 г., конфликт с В. В. Фермором и З. Г. Чернышевым и выговор, сделанный ему Конференцией «за продерзостную реляцию» о взятии прусской столицы. Все это повлекло за собой прошение Тотлебена об отставке. Причем наряду с этим прошением, направленным П. С. Салтыкову и А. Б. Бутурлину, он пишет 16/5 ноября 1760 г. также письмо и канцлеру²³, в котором, ссылаясь на свои болезни и недоброжелательство к себе в армии, просит об отставке. Тотлебен упоминает также, что обращался с письмами к канцлеру и ранее. Эти письма сохранились в архиве М. И. Воронцова. Они датированы сентябрем 1760 г. Тогда же, в ноябре 1760 г., адъютант Тотлебена Мейвот привез подарки императрице, великому князю, великой княгине, канцлеру, братьям Шуваловым, княгине Трубецкой (жене генерал-прокурора и президента Военной коллегии) и графине Бутурлиной (жене главнокомандующего). Примечательно то, что среди прочих подарков портреты Фридриха II получили Елизавета

Петровна, Петр Федорович и жена канцлера²⁴. Трудно сказать, были ли это подарки от самого Тотлебена, или он служил лишь передаточным звеном, тем не менее их демонстративный характер не вызывает сомнения. Симпатии, проявляемые графом к Пруссии, казалось бы, должны были побудить правительство принять его отставку, но вместо этого 15/4 декабря 1760 г. Тотлебену был дан милостивый манифест, а 31/20 декабря 1760 г. приказом Бутурлина ему были подчинены все легкие войска, а сам генерал-майор Тотлебен находился исключительно в подчинении главнокомандующего²⁵.

В феврале 1761 г. Г. К. Тотлебен заключает перемирие с генералом Х. П. Вернером для размена пленных. Заключенное вначале на 4 дня, оно было продолжено до конца мая. При этом Бутурлин и Конференция были информированы о переговорах Тотлебена с генералом Вернером и подчеркивали в марте 1761 г., что при этих переговорах можно «услышать нечто важное от самого короля»; что, если Тотлебен получит какие-либо сведения о мирных намерениях Пруссии, он должен немедленно об этом сообщить²⁶. Вывод Д. Ф. Масловского, что в марте 1761 г. русское правительство искало пути к сепаратному соглашению с Пруссией убедительно аргументирован. Однако думается, что решение использовать Тотлебена для этой цели было принято еще в ноябре–декабре 1760 г. Поэтому рассуждения М. И. Воронцова о заключении мира вполне допускали и сепаратные переговоры, для обеспечения секретности которых решили не прибегать к услугам дипломатических посредников, а использовали контакты генералов действующей армии. Тотлебен был для этого наиболее подходящей фигурой. Перемирие, размен пленных и переговоры, проведенные Тотлебеном, должны были продемонстрировать готовность русского правительства искать путь к миру с Пруссией.

Однако наметившийся на рубеже 1760–1761 гг. поворот в русской политике в отношении Пруссии был заторможен заключением в марте 1761 г. договора о дружбе и торговле между Пруссией и Турцией. В России не только опасались обострения отношений с Турцией, но подозревали, и не без основания, что еще большие затруднения будет встречать политика России в Польше, что Польше и Турция в этом случае получают традиционную поддержку от Франции. Договор Фридриха II с Турцией задел весьма чувствительный нерв русской политики и подтолкнул Россию к более решительным действиям как в военной, так и в дипломатической областях. Теперь русское правительство явно стремилось воспрепятствовать выходу Франции из войны и развалу антипрусского блока. Об этом говорилось в Записке, поданной М. И. Воронцовым в Конференцию 1 мая / 20 апреля 1761 г. Канцлер указывал, что в ответ на заявление Версаля о незаинтересованности в каких-либо территориальных приобретениях в Германии и о готовности отказаться в пользу союзников от уже завоеванного, при условии их согласия пойти на перемирие, следует выдвинуть встречные предложения, призванные побудить Францию к решительному проведению кампании 1761 г. М. И. Воронцов выдвинул идею, чтобы все территориальные захваты в Германии, сделанные Францией начиная с кампании 1761 г., она могла бы направить «в компенсацию для ее собственных интересов, т. е. на обмен по пропорции потерянных своих земель в Америке»²⁷. Замысел канцлера состоял в том, чтобы расколоть союз Пруссии и Англии, соблазнив последнюю приобретениями в пользу ганноверского дома, облегчить заключение мира между Англией и Францией, но при сохранении Версаля в составе антипрусской коалиции и изолировать Пруссию для достижения

над ней окончательной военной победы. Однако этот план мог быть осуществлен только в самое короткое время — в кампанию 1761 г.

Решительных действий на полях сражений требовала и ситуация на севере, где Дания стремилась к скорейшему разрешению голштинского спора. Особой остроты кризис достиг в июле 1761 г.²⁸ В этих условиях Россия предпринимает наступление в Померании: осаду и штурм Кольберга, который был взят 12/1 декабря 1761 г. Политический эффект этой победы многократно превосходил ее военное значение. В целом стратегическая ситуация осталась неизменной: кампания 1761 г. окончилась практически безрезультатно. А это, очевидно, обрекало на провал планы правительства по изоляции Пруссии и удержанию Франции в составе коалиции, а также по решению голштинского вопроса. Таково было положение дел в декабре 1761 г., когда в Петербурге умерла императрица Елизавета.

III

Новый император Петр III продолжил политику соглашения с Пруссией, планы которого начали созреть в Петербурге еще в конце 1760 г. Но продолжил уже вполне открыто, не будучи связан обязательствами покойной императрицы. Он не скрывал своих симпатий к Пруссии и ее королю в прежнее царствование, тем легче ему было сейчас покончить с войной, которую вот уже шестой год с величайшим напряжением вела Россия.

16/5 марта 1762 г. был подписан акт о перемирии между Россией и Пруссией²⁹. А 5 мая / 24 апреля заключен мирный договор между двумя державами³⁰. Обстоятельства подготовки и подписания мира подробно рассмотрены П. К. Шебальским и С. М. Соловьевым³¹. Договор был составлен Б. В. Гольцем — прусским послом в Петербурге — и одобрен императором прежде, чем текст его стал известен канцлеру М. И. Воронцову. Второй сепаратный артикул договора предполагал оформление союза двух держав³². К подготовке соответствующего договора сразу же приступили в Петербурге. 31/20 мая 1762 г. принц Георг Голштинский приехал к канцлеру и объявил ему «высочайшее соизволение» на «немедленное соглашение» о союзе с Пруссией³³. На следующий день в доме канцлера состоялась конференция, на которой Гольцу «был читан на немецком языке, сочиненный в Коллегии трактат-проект», который перед этим уже был представлен императору для апробации. Гольц сделал замечания к проекту. Причем в протоколе конференции зафиксировано, что «главное и существенное содержание трактата и артикулов оставлено почти совсем в целости»³⁴. Итак, в отличие от мирного трактата, союзный договор с Пруссией был подготовлен в Коллегии иностранных дел под руководством М. И. Воронцова. В работе над текстом, видимо, участвовал и Петр III вместе со своими голштинскими родственниками, по крайней мере с принцем Георгом. Но влияние родни императора, очевидно, ограничивалось отношениями с Данией. Содержание же союзного трактата было несравненно шире. Он не только устанавливал оборонительный союз России и Пруссии, не только предусматривал наступательные действия обеих сторон против Дании и возвращение герцогства Шлезвиг голштинскому дому, но и гарантию прав и привилегий Курляндского герцогства, гарантию государственного устройства Речи Посполитой и избрание на польский престол, в случае кончины Августа III, одного из «пястов», наконец, защиту прав диссидентов в Польше. Таким

образом, договор сохранял в силе прежние, традиционные для России цели внешней политики в польском и курляндском вопросах, более того, предполагал усиление русского вмешательства в Польшу, на что указывало намерение избрать королем «пяста» и декларация о поддержке диссидентов. Но если политические цели остались практически неизменными, то решительность в их достижении обозначилась определеннее, а средства избирались совсем иные. Русское правительство повернуло к союзу с Пруссией и разрыву с Австрией и Саксонией. Союзный трактат с Пруссией был подписан Гольцем и Воронцовым 19/8 июня 1762 г.³⁵, но Петр III не успел его ратифицировать: 9 июля / 28 июня в Петербурге произошел дворцовый переворот — на троне оказалась Екатерина II.

IV

В Манифесте новой императрицы 9 июля / 28 июня 1762 г. среди обвинений в адрес Петра III содержалась сентенция «о порабощении русской славы», отданной посредством заключения мира «самим ее злодеям». Этих слов мы не встречаем уже в публикации манифеста в книге указов в 1765 г. По сведениям Ф. Мерси д'Арженто, Н. В. Репнину, тогдашнему русскому послу в Пруссии, было поручено объяснить в Берлине столь неприятные для Фридриха II слова «тревогами и смятениями первых дней»³⁶. Действительно ли столь категоричная оценка была случайной, и сильные выражения требовались лишь для поддержания духа сторонников переворота, или же они отражали намерение отказаться от того изменения политического курса, которое уже совершилось в короткое предшествовавшее царствование и связанное скорее формально, чем по существу с именем Петра Федоровича? Несомненно одно: действительные или показные колебания в выборе внешнеполитической линии были замечены в Петербурге во второй половине 1762 г.

Это выразилось, в частности, в докладе Коллегии иностранных дел³⁷, возвращенном от императрицы 13/2 июля 1762 г. с резолюциями и в вопросах, предложенных Екатериной II 6 августа / 26 июля 1762 г. Содержание вопросов сводилось к четырём пунктам: 1) соблюдать ли заключенный с Пруссией мирный договор, и если соблюдать, то не пересмотреть ли его условия; 2) вернуться ли к союзу с Австрией; 3) как отнестись к идее российского посредничества для заключения всеобщего мира; 4) и, наконец, какую позицию надлежит занять по отношению к Аугсбургскому конгрессу?³⁸ Поставленные вопросы свидетельствовали, что определенных установок во внешней политике правительство еще не выработало или по меньшей мере не готово было открыто обнаружить. Ответы были представлены А. П. Бестужевым-Рюминым, И. И. Неплюевым, М. Н. Волконским, А. М. Голицыным и М. И. Воронцовым. Все опрошенные высказали неудовлетворение миром с Пруссией, но не сочли возможным его нарушить, все поддержали идею посредничества и участия в мирном конгрессе. Однако в вопросе о выводе войск все, за исключением И. И. Неплюева, высказались, чтобы сохранить русские войска в Польше. Таким образом, хотя и косвенно, польский вопрос был поставлен в первые недели царствования Екатерины II³⁹. Заметную роль сыграл в этом М. И. Воронцов. В его архиве есть две записки, составленные в июле 1762 г. Первая «Описание состояния дел во время государыни императрицы Елизаветы Петровны»⁴⁰, на которой есть помета, указывающая на авторство канцлера. Вторая — неизвестного автора: «Записка о политических отно-

шениях России в первый год царствования Екатерины Великой»^{41*}. Текстуальные и стилистические совпадения двух записок, время написания, указывают на их связь между собой, на то, что обе они отражают позицию М. И. Воронцова летом 1762 г. Заглавие же второй записки не соответствует ее содержанию и, видимо, более позднего происхождения. В первой записке Воронцов рассматривает взаимоотношения России с иностранными государствами, ограничиваясь лишь изложением заключенных с ними договоров. И только говоря о Вечном мире с Польшей 1686 г. (именуемом в Польше договором Гжимуловского), канцлер указал на неурегулированные проблемы двусторонних отношений: прав православного населения Речи Посполитой, прохождения границы и выдачи беглых. Само их перечисление должно было подтолкнуть правительство Екатерины II к мысли об активизации усилий в польском вопросе. Во второй записке отношения к Польше описаны более подробно. Помимо констатации положений трактата 1686 г. в ней говорится о необходимости применения силы для защиты единоверцев от гонений, чтобы «через них иметь всегда надежную в народе партию»⁴³. Далее автор указывал, что сейчас не время начинать войну для возвращения «похищенных поляками земель», но надлежит «ожидать будущего впредь удобного случая»⁴⁴. Он подчеркивал роль российского протектората в отношении Речи Посполитой для вмешательства во внутренние дела Польши, что будет облегчаться борьбой между магнатскими группировками, одну из которых «при всей ненадежности» Россия должна привлечь на свою сторону деньгами и иными средствами, «дабы тем гарантию нашу не только в силе сохранить, но и далее еще способом самих поляков распространить»⁴⁵. Указывая, что магнатские партии находятся под покровительством России, Франции и Пруссии, автор подчеркивает, что Россия и Пруссия могут иметь в Польше общие интересы, в частности в вопросе о признании со стороны республики императорского и королевского титулов обоих государей. Говорится в записке и о выборе кандидата на польский престол, причем допускается альтернатива «чужестранного короля» или «гражданина». Вопрос этот, по мнению автора, может быть разрешен позже в зависимости от конкретных обстоятельств⁴⁶. Таким образом, в польском вопросе намечаются ориентиры, несколько отличные от прежней политики: в вопросе о диссидентах, о выборах короля и возможном разрыве с саксонской династией, о средствах поддержания российского влияния в Польше.

По курляндскому вопросу автор предлагал добиваться восстановления в Курляндии правления Э. Бирона⁴⁷. Что же касается Пруссии, то в записке подчеркивается, что «независимо от персоны ныне владеющего короля, интересы берлинского двора не могут согласовать с российскими, доколе оной, сохраняя всю свою силу,

* Е. М. Миронова выдвинула гипотезу, что названная записка принадлежала перу Н. И. Панина⁴². Признавая обоснованность этого предположения, нельзя все же считать его совершенно доказанным, поскольку текст записки сохранился в архиве Воронцовых без пометы о представлении его императрице; в Государственном архиве, где находятся оригиналы переписки Екатерины II и Н. И. Панина, он отсутствует. Поэтому, скорее всего, в бумагах Екатерины II записки не бывало. Вероятно, она составлялась либо самим М. И. Воронцовым, либо кем-то из его окружения. Совпадение же содержания записки с идеями Н. И. Панина объясняется, по-видимому тем, что они, во-первых, были вполне приемлемы и разделялись канцлером, а во-вторых, составление докладов в разных вариантах, чтобы быть готовым к колебаниям придворной конъюнктуры, было в духе М. И. Воронцова.

будет продолжать толь знатной в делах роль», что обе державы выступают соперниками в Европе и что поддержание европейского равновесия требует от России противодействия прусскому влиянию. Автор записки указывал, что заключение Петром III «бесполезного мира» привело к усилению «натурального неприятеля» России. Но в настоящее время, по его мнению, положение изменилось: истощенная войной Россия нуждается в мире, и поэтому сохранение мира с Пруссией следует рассматривать как «полезную и мудрую резолюцию». Таким образом, можно заключить, что мнение автора записки по вопросу о заключенном с Фридрихом II мире и об отношении к Пруссии не отличалось от позиции А. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Воронцова и других вельмож, написавших свои соображения для императрицы. Далее анонимный автор настаивал на необходимости сохранить мир и доброе согласие с Фридрихом II до тех пор, пока это будет соответствовать интересам России, особенно в Польше и Турции, способствовать скорейшему заключению мира в интересах Австрии и Франции, противодействовать союзу Пруссии с Англией, т. е. добиться международной изоляции Фридриха II⁴⁸.

Итак, первые обсуждения внешнеполитических вопросов в июле 1762 г. показали, что возвращение к прежней системе елизаветинского времени, к союзу с Австрией, едва ли возможно, что необходимо определить новую систему европейской политики России. Какая политическая система будет в наибольшей степени соответствовать силам России и ее интересам? А эти интересы усматривались в первую очередь в Курляндии и в Польше. Турецкий вопрос, если и обсуждался, то только с точки зрения сохранения «спокойствия» и «неподвижности» Османской Порты.

Пробным камнем на пути к новой политике стал вопрос о посредничестве России в окончании Семилетней войны и заключении мира. Еще 20/9 июля 1762 г. российским представителям при иностранных дворах было предписано «пристойно внушать», что Петербург намерен «стараться о восстановлении европейского покоя»⁴⁹. Первые отклики на русское внушение, разумеется, последовали из Берлина, причем не от посла Н. В. Репнина, а от З. Г. Чернышева, который сообщил, что, по словам Фридриха II, король прусский «желал бы вступления России в медиацию к общему миру, когда ему сентименты России более откроются»⁵⁰. В связи с этим сообщением русским послам были даны указания согласиться на предложения о посредничестве, если таковые будут сделаны. Однако предложение России было повсеместно молчаливо отклонено! Мало того, в декабре 1762 г. между Берлином и Веной начались переговоры, которые закончились подписанием мира в Губертсбурге в феврале 1763 г. Причем Австрия даже не поставила Россию в известность об этих переговорах.

Примерно в то же время, августе—ноябре 1762 г. при петербургском дворе произошел конфликт по церемониальным вопросам с французским послом Л. А. Бретейлем⁵¹. В основе его лежало недоразумение. Однако как поведение посла, так и реакция двора привели к тому, что в России усмотрели намерение Франции поставить под сомнение признание императорского титула Екатерины II и даже ответили специальной декларацией от 2 декабря / 21 ноября 1762 г., которая была собственноручно написана императрицей⁵². Следует иметь в виду, что значительный церемониальный конфликт был у Бретейля с молодым двором ранее, в 1760 и 1761 гг.⁵³, который едва не окончился отзыванием посла. Очевидно, что Екатерина не забыла об этом, почему в Петербурге и было придано столь исключительное значение ди-

пломатическому протоколу в 1762 г. Эти события ясно указывали, что от отношений с Францией новая правящая группировка не ожидала ничего хорошего, особенно после падения И. И. Шувалова.

Отношения с Англией, видимо, представлялись в Петербурге, по крайней мере в первые месяцы екатерининского царствования, делом не первой очередности. Об этом свидетельствуют как переписка самих английских посланников⁵⁴, так и материалы обсуждений международных дел в Петербурге. Свою роль сыграло, наверное, понятное недоверие к Р. Кейту, мнение о нестабильности тогдашнего лондонского министерства, а главное, понимание, что Англия намерена сохранять известную дистанцию от собственно европейских дел. Об этом писал из Лондона в ноябре 1762 г. А. Р. Воронцов, подчеркивая, что «настоящая политическая система в Англии состоит в том, чтоб как можно меньше вмешиваться в дела твердой земли»⁵⁵.

V

Таким образом, единственным наиболее удобным и наиболее вероятным потенциальным союзником России оставался прусский король Фридрих II. Ослабленная и разоренная войной Пруссия оказалась к моменту окончания Семилетней войны в международной изоляции. Прусский король, хотя и сохранил завоеванную ранее Силезию и избежал раздела своих владений, должен был считаться с опасностью новой войны с Австрией. Опыт прошедшей войны показал Фридриху II, что благожелательный нейтралитет России, а еще лучше союз с ней станут решающим условием относительно длительного мира для Пруссии. Но не менее привлекательным был этот союз и для России, ибо он в наибольшей степени соответствовал первоочередным задачам: активизации политики в Польше и в Курляндии.

Именно польское направление внешней политики было в центре внимания русского правительства еще накануне Семилетней войны, именно оно сыграло существенную роль в присоединении России к антипрусской коалиции. Значение польского вопроса для политики России осознавали А. П. Бестужев-Рюмин, М. И. Воронцов (несмотря на двусмысленность и противоречивость своих докладов). Это были люди, если можно так сказать, старого времени, но им на смену шли деятели нового царствования, сохранившие верность прежним целям, но избравшие для их достижения новые средства. Среди них наиболее видную роль в первой половине 60-х гг. играли престарелый Г. Кейзерлинг, З. Г. Чернышев, давно известный Екатерине II, и новый деятель, с которым Екатерина близко познакомилась только в 1760 г., однако сыгравший исключительную роль в заговоре и дворцовом перевороте, — Н. И. Панин. Эти три человека отстаивали идею самостоятельной роли России в европейских делах и выступали за союз с Пруссией.

Оформление российско-прусского союза началось сразу после дворцового переворота, когда Фридрих II и Екатерина II обменялись письмами в связи с восшествием российской императрицы на престол. В своем письме от 18 июля 1762 г. Фридрих II выражает надежду, что новая императрица сохранит в силе мирный договор с Пруссией, и заверяет, что он будет поддерживать «доброе согласие и единомыслие», установившееся между обеими державами⁵⁶. Иными словами, король намекал на желательность для Пруссии не только мира, но и соблюдения подписанного, но не ратифицированного союзного договора. Ответное письмо Екатерины II содер-

жало лишь завуалированное извинение за выпады, допущенные против Пруссии в июньском Манифесте, и уверение в намерении сохранить мир и жить в дружбе с Пруссией⁵⁷, однако подчеркнутое умолчание о подтверждении договоров свидетельствовало, что в Петербурге еще не приняли решения по этому вопросу. Однако по мере того, как все более обнаруживалась несостоятельность попыток российского посредничества в окончании Семилетней войны, контакты России и Пруссии приобретают все более определенные очертания. В докладе Коллегии иностранных дел от 12/1 ноября 1762 г. отмечалось, «что Франция и Англия намерены употребить совокупные старания свои о примирении римской императрицы с королем прусским, исключая под видом опасаемой медлительности всякий другой к сей неготиации способ». На этом докладе Екатерина II написала, в частности, что «...предлагаемое старательство о примирении римской императрицы с королем прусским учинено Францею, и что венский двор к тому уже согласился. Из чего без ошибки заключить можно, что как те, так и другие еще привыкнуть не могут к нашей инфлюенции в общих делах, а каждый ищет только пользоваться нами. И так при настоящем нерешимом состоянии европейских дел осторожность в новых альянциях и доброе внутреннее состояние должны быть нашим политическим правилом»⁵⁸.

Правда, сам прусский король весьма осторожно оценивал перспективы взаимоотношений с Россией. В письмах К. В. Финкенштейну и принцу Генриху от 31 июля 1762 г. он называет дворцовый переворот в Петербурге катастрофой и указывает на возможность возвращения России к старой системе союзов, однако выражает надежду, что интересы новой императрицы побудят ее не спешить с активными действиями в области внешней политики, что ее поведение будет преемственным и что Пруссия может рассчитывать на подтверждение мирного договора, хотя, конечно, замечает он, отношения между двумя странами не будут столь дружественными, как прежде⁵⁹. Фридрих II также выражал надежду, что сдержанность русской политики в отношении Пруссии во многом будет зависеть от политических затруднений между Россией и Австрией и от угрозы со стороны Крыма. Именно эти идеи легли в основу официальной инструкции новому прусскому послу в России В. Ф. Сольмсу от 11 сентября и дополнения к ней, сделанного лично королем 29 сентября 1762 г.⁶⁰, в котором в частности говорилось, что посол должен также обратить внимание Петербурга на демарши Августа III и И. М. Прассе, а также на интриги Ф. Мерси д'Арженто. 23/12 ноября 1762 г. от Н. В. Репнина из Берлина было получено письмо Фридриха II, в котором король предупреждал российского посла об интригах в Константинополе и в Крыму, затеваемых Францией, Австрией и Саксонией. В заметке на реляции Репнина и в ответном рескрипте в Берлин послу предписывалось засвидетельствовать королю, что данное сообщение рассматривается в Петербурге как «новый знак дружбы»⁶¹.

Тогда же, в ноябре 1762 г. впервые во взаимоотношениях России и Пруссии после прихода к власти Екатерины II возникла тема союза между Берлином и Петербургом. В ноябре 1762 г., когда Г. Кейзерлинг, направляясь в Варшаву, находился в Кенигсберге, к нему, как доносил посол уже из Варшавы 23/12 января 1763 г., явился «прусский резидент» И. Ф. Домгарт и неоднократно говорил с ним о желательности восстановления прежней дружбы между Пруссией и Россией. 19/8 января 1763 г. уже в Варшаве прусский советник Ф. А. Корф передал Г. Кейзерлингу адресованное послу письмо Фридриха II, которое было им переслано вместе со своим ответом в Петербург. В переговорах с Корфом Кейзерлинг заявил, что естественное положение Рос-

сии и Пруссии в Европе делает общими их интересы по отношению к соседям, что на этом основывалась их дружба со времени Петра I и что, хотя политические обстоятельства и потрясли ее, но не нарушили ее фундамента. Для восстановления этой дружбы, по словам Кейзерлинга, было бы полезно: 1) объявить через прусского министра в Петербурге о желании короля заключить дружественный союзный и торговый договор с Россией; 2) в случае вакантности польского престола поддержать кандидата, «которого Россия сочтет полезным для обеих держав»; 3) в польских и шведских делах идти рука об руку с Россией; 4) в Польше и при протестантских дворах поддержать права Э. И. Бирона на Курляндское герцогство⁶².

Если сопоставить донесение Г. Кейзерлинга с источниками прусского происхождения, то можно сделать ряд существенных дополнений к сообщенным послом сведениям. И. Ф. Домгарт, президент *Kriegs- und Domänenkammer* в городе Гамбинеен, т. е. прусский чиновник средней руки, был направлен в августе 1762 г. в Кенигсберг для обеспечения продовольствием находившихся в Пруссии русских войск. Об этом Фридрих II дважды писал фельдмаршалу И. Левальду в августе и ноябре 1762 г.⁶³ Однако никаких секретных поручений Домгарту не давалось. Два его донесения в Берлин от 21 ноября и 14 декабря 1762 г. посвящены закупке провианта для русских магазинов. Однако в первом Домгарт также сообщает о своем разговоре с Г. Кейзерлингом, во время которого русский посол заявил, что «интересы Вашего Величества требуют заключить с русским двором договор о дружбе и торговый договор, что он сам (Г. Кейзерлинг. — *Б. Н.*) намерен с радостью содействовать Вашему Величеству, чтобы все совершилось наилучшим образом, для чего он и дает эти доверительные советы»⁶⁴. Завершая свое донесение, Домгарт писал, что для тайных переговоров с Кейзерлингом прусский король мог бы направить в Варшаву одного из приближенных, так как русский посол не доверяет прусскому представителю в Польше Г. Бенуа. 6 декабря 1762 г. Фридрих II отправляет Домгарту составленное кабинет-министрами ответное письмо, в котором заявляет: «Вы можете легко представить, насколько сильно я был обрадован теми секретными и доверительными заявлениями, сделанными Вам русским министром графом Кейзерлингом». Далее прусский король пишет, что для переговоров в Варшаву будет послан тайный советник Ф. А. Корф, соответствующее распоряжение ему было отправлено в тот же день⁶⁵. Письмо Фридриха II от 27 декабря 1762 г.⁶⁶ Г. Кейзерлингу, которое Корф повез в Варшаву, было составлено в самых общих выражениях и не содержало никаких конкретных предложений, что можно объяснить его формальной ролью как свидетельства неофициальной дипломатической аккредитации. Однако и инструкция Корфу тоже не содержала ничего определенного, кроме поручения хранить в секрете свою миссию, даже от Г. Бенуа, и передать в Берлин все, что сообщит Г. Кейзерлинг⁶⁷. Свое донесение Ф. А. Корф прислал Фридриху II 22 января 1763 г., изложив все приведенные выше соображения русского посла, добавив, что придется преодолеть для этого противодействие Панина и в особенности Бестужева⁶⁸.

Таким образом, предложение заключить союз исходило не от Пруссии, как это вытекало из донесений Кейзерлинга, а от самого русского посла, что, по-видимому, его задержка в Кенигсберге по пути в Варшаву была связана именно с попыткой найти способ вступить в переговоры с прусскими представителями, что именно он первый открыто высказался об условиях будущего союза, прежде чем эта тема возникла в переписке Фридриха II и Екатерины II и в беседах с В. Ф. Сольмсом в Пе-

тербурге. Наконец, очевидно, что столь ответственные заявления не могли быть им сделаны без предварительного обсуждения и с одобрения Екатерины II. Примечательно также, что Г. Кейзерлинг указал на колебания Н. И. Панина в вопросе о заключении союза с Пруссией или, что более вероятно, на его сомнения относительно конкретных условий и времени заключения такого союза.

28/17 ноября 1762 г., когда Г. Кейзерлинг в Кенигсберге встречался с И. Ф. Домгартом, Екатерина II в ответ на обращение прусского короля к русскому послу в Берлине Н. В. Репнину сама пишет письмо Фридриху II⁶⁹, в котором заявляет о конfirmации мирного договора с Пруссией, о своей заинтересованности в Курляндском деле и, главное, о желании выступить посредницей в заключении мира, упрекая короля в утрате интереса к этому проекту. «Разногласия наших намерений, — заявляла новая русская императрица, — радуют тех, кто ничего не ищет, как только видеть несогласие между нами. Я была бы очень довольна устранить то, что могло бы повредить доброму согласию между нами (*a la bonne harmonie entre nous*), но не вижу к тому средств, пока ваше в-ство не выйдет из настоящей войны».

Это письмо Екатерины II к королю было связано с приездом 27/16 ноября 1762 г. в Москву, где в это время по случаю коронации находился императорский двор, нового прусского посланника В. Ф. фон Сольмса-Зонненфельде, сменившего на этом посту Б. В. Гольца. 6 января 1763 / 26 декабря 1762 г. гр. Сольмс доносил Фридриху II о своей беседе с М. И. Воронцовым, в которой канцлер «сам напал на мысль о возобновлении союза, заключенного с покойным императором». О союзе с Пруссией говорил Сольмсу и Н. И. Панин. В этом же разговоре он не раз подчеркивал заинтересованность России в разрешении курляндского вопроса в пользу герцога Э. И. Бирона, что определенно указывало на возможность обострения отношений с Саксонией и Польшей.

Это обстоятельство было учтено в Берлине⁷⁰. Более того, К. В. Финкенштейн попытался развить польскую тему российско-прусских отношений, когда составил проект письма Фридриха II к Екатерине II от 15 февраля 1763 г.⁷¹ Именно в этом письме, подписанном королем в день заключения Губертсбургского мира, содержались ответы по существу на вопросы русской императрицы, адресованные королю еще в ноябре 1762 г.⁷² Король прусский не только прислал в Петербург текст мирного договора, но и сообщил о своем отвергнутом по настоянию Австрии предложении включить в число договаривающихся сторон и российскую императрицу. Далее в письме говорилось о скорой кончине короля польского. В связи с этим Фридрих II заявлял о готовности поддержать все меры русского правительства в Польше, лишь бы новый польский король не принадлежал к австрийскому дому. Таким образом, Пруссия дала понять, что не возражает против идеи Екатерины II, чтобы именно польский вопрос стал бы основанием для сближения двух держав, для новой политической системы, которая создавалась в Берлине и Петербурге.

Эта политическая система созревала давно. Она не была подсказана или навязана одним из союзников, а диктовалась их общими интересами. Одним из многочисленных свидетельств тому стало проведение в Петербурге 15/4 февраля, т. е. в день написания письма Фридриха II, конференции по польским делам, где были приняты решения относительно польской политики русского правительства⁷³. Об этой конференции Сольмс сообщил Фридриху II в донесении от 17/6 февраля 1763 г. Тем самым контуры будущего союза были определены, но нерешенным оставался вопрос о распределении ролей, о плане и сроках совместных действий.

В России не спешили заключать союз с Пруссией и хотели прежде убедиться в лояльности Фридриха II российским интересам в польских делах. Такую возможность предоставлял, в частности, вопрос о пропуске через Силезию в Польшу саксонских войск, численность которых по польским законам не должна была превышать 1300 человек. 6 марта / 23 февраля 1763 г. Сольмс доносил королю, что в Петербурге недовольны намерением Саксонии направить свои войска в Польшу для поддержки принца Карла в Курляндии⁷⁴. На это сообщение К. В. Финкенштейн отвечал прусскому послу, что он не видит основания противиться этому, так как эти войска⁷⁵ ранее, в течение всей войны, находились в Польше. Однако почти сразу вслед за беседой с русским послом позиция Берлина изменилась. В своей реляции от 5 апреля / 25 марта сменивший Репнина В. С Долгоруков сообщил в Петербург, что король поручил своему резиденту в Варшаве действовать в пользу Бирона, что король надеется, что саксонские войска не будут введены в Польшу, и что он «намерен сохранять дружбу и поступать сходно с союзом, состоящим ныне между Вашим имп. вел. и Его вел.»⁷⁶. 9 апреля / 29 марта 1763 г. К. В. Финкенштейн сообщил В. Ф. Сольмсу, что Екатерина II отдала приказ о подготовке войск к походу и что он и Э. Герцберг связывают этот приказ с действиями в Курляндии и Польше⁷⁷. Тем не менее в начале апреля они сообщают русскому послу о составе и численности саксонских войск, направляемых в Польшу. Уланский корпус и три полка, по их данным, насчитывали 2407 человек⁷⁸. Тем самым прусское правительство весьма недвусмысленно давало понять, что оно не только рассматривает союз с Россией как уже существующий, но и благожелательно отнесется ко всем мерам, в том числе и военным, со стороны России в отношении Польши.

Однако в Петербурге продолжали медлить с оформлением своих отношений с Фридрихом II. В марте—апреле 1763 г. вновь возник вопрос о присоединении России к Губертсбургскому миру. В ответе Сольмсу на его депешу от 11 апреля / 31 марта прусское министерство подчеркивало, что «об одностороннем присоединении России к Губертсбургскому миру, с допущения Австрии, но без согласия Пруссии, не может быть и речи»⁷⁹. С этого времени прусские дипломаты всё настойчивее начинают говорить, что поддержка польской политики России должна быть обязательно сопряжена с заключением союза между Берлином и Петербургом. 5 апреля 1763 г. Фридрих II пишет письмо императрице Екатерине, в котором заявляет о своей готовности не пропустить в Польшу саксонские отряды, но высказывает желание получить со стороны России какое-либо формальное основание для подобных действий⁸⁰. 13 мая В. С. Долгоруков получает предписание официально предъявить такое требование⁸¹. На это К. В. Финкенштейн от имени короля вновь поставил вопрос о заключении союза с Россией, в рамках которого были бы предусмотрены обязательства сторон в отношении Речи Посполитой. (Реляция Долгорукова от 16/5 июля 1763 г.⁸²)

Однако и на этот раз в Петербурге тянули время. Как сообщал Сольмс, 23/12 июля, по словам М. И. Воронцова, канцлер «не полагает, чтобы союз так скоро заключился, что сперва надо пересмотреть прежний трактат 1742 года <...>, что он не рассчитывает окончить это дело»⁸³. Колебания русской дипломатии по вопросу о союзе с Пруссией в конце 1762 — начале 1763 г. имели объективное основание. Поскольку не были еще окончательно оформлены итоги Семилетней войны и не определилась еще в достаточной мере расстановка политических сил и отношения

великих держав в послевоенной Европе, то в Петербурге вначале хотели бы получить более определенное представление о возможной реакции Вены и Версаля на сближение России и Пруссии.

Поводом для беспокойства европейских дворов послужил распространившийся в конце 1762 г. слух, что якобы в Петербурге не только подтвердили мирный договор с Фридрихом II, но и подписали союзный трактат, составленный еще при Петре III. Об этом, в частности, доносил в Рим в августе 1763 г. папский нунций в Польше А. Е. Висконти⁸⁴. Об этом же в феврале 1763 г. говорил на конференции с М. И. Воронцовым австрийский посол в Петербурге Ф. Мерси д'Арженто, что в Вене доподлинно известно о заключении в ноябре 1762 г. русско-прусского наступательного трактата, что в Австрии имеют его точную копию. Русский канцлер опроверг это утверждение⁸⁵. В тот же день, 26/15 февраля 1763 г. Екатерина II написала на докладе Воронцова, что это выдумка желающих поссорить ее с венским двором, а спустя два дня русскому послу в Австрии Д. М. Голицыну был отправлен рескрипт с опровержением этих известий⁸⁶. В ответ В. Кауниц заявил послу, что копии договора у него нет, а слух об этом дошел из разных мест, в том числе и из Берлина⁸⁷.

Весной 1763 г. угроза раздела Польши как следствия русско-прусского союза стала предметом весьма активной переписки между Веной и Версалем. В. Кауниц предостерегал Францию и безуспешно настаивал на выработке плана совместных действий⁸⁸. Позиция же Людовика XV весной 1763 г. отразилась в его письме от 17 марта и в докладе на Королевском совете 8 мая. Оба документа почти полностью приведены у С. М. Соловьева⁸⁹. Французский король писал, что будет твердо придерживаться союза с Австрией, что соглашение с Пруссией для него недопустимо, но Франция не в состоянии сейчас вести войну из-за польского престола. Доклад Королевского совета представляет собой весьма примечательный документ, сочетающий глубокие суждения и поверхностные выводы, суть которых состояла в следующем: раздел Польши невозможен, так как осуществлению этой не новой идеи препятствуют противоречия между Австрией, Пруссией, Россией и Турцией, взаимная враждебность которых наилучшим образом гарантирует целостность Речи Посполитой. Если же Россия и Пруссия все же сумеют захватить некоторые польские земли, то это неизбежно приведет к обострению противоречий между ними самими, что позволит Франции сохранить неизменным баланс сил в Центральной Европе. Поэтому Версаль не должен активно вмешиваться в польские дела, так как это непосредственно его не касается. Для такого вмешательства, говорилось в докладе, нет необходимых ресурсов, а главное, оно чревато опасностью большой европейской войны.

В Петербурге вполне осознавали, что подготавливаемый союз России и Пруссии из всех великих держав в наибольшей степени должен был беспокоить именно Австрию, и поэтому подчеркнуто стремились поддержать добрые отношения с Веной и даже намекали на возможность заключения союза с Австрией. Об этом, в частности, вице-канцлер А. М. Голицын говорил «как бы от себя» австрийскому послу Ф. Мерси д'Арженто в августе 1763 г., на что тот отвечал, что Австрия осознает общность своих интересов с Россией и готова предпочтительно отнестись к идее союза с Россией, нежели с Францией, и рассмотреть все предложения с русской стороны⁹⁰.

Однако помимо неясности позиций великих держав на процесс заключения русско-прусского союза повлияла и расстановка сил в окружении Екатерины II. С. М. Со-

ловьев объяснял медлительность Петербурга с подписанием договора с Фридрихом II тем, что до конца 1763 г. императрица надеялась справиться с польским делом без постороннего участия. Он не приводил доказательств этого тезиса, вероятно, имея в виду высказывание Екатерины II, что она держала себя «как искусная кокетка», вступая в переговоры со всеми странами, но не желая брать на себя серьезных обязательств. Думается, что такая оценка не в полной мере соответствует действительности. Дело в том, что и среди ближайших к императрице людей не было единства мнений по вопросу о прусском союзе. Об этом, в частности, есть немало свидетельств в депешах В. Ф. Сольмса в Берлин. Сведения прусского посла далеко не всегда являются достоверными, однако в определенной мере отражают положение при дворе. Среди наиболее влиятельных деятелей Сольмс называл Н. И. Панина, А. П. Бестужева-Рюмина и Г. Г. Орлова. Причем Бестужев выступает как самый последовательный противник Пруссии и сторонник союза с Австрией. Его позицию, по-видимому, разделял в определенной мере и Орлов, коль скоро их объединяла общая интрига с замужеством императрицы, и племянник Бестужева М. Н. Волконский. К этой группе с начала 1764 г. примыкал, вероятно, и З. Г. Чернышев, который, как говорили, был подкуплен австрийцами, правда, Сольмс отмечал, что не видит подтверждения такому мнению. Однако Чернышев, как об этом свидетельствовала его записка «Случай смерти короля польского», допускал действия России в Польше без союза с Пруссией и, по крайней мере, ни разу не высказывался в его поддержку. Сторонниками союза с Фридрихом II предстают в депешах Сольмса Н. И. Панин и М. И. Воронцов. Однако есть ряд свидетельств, позволяющих утверждать, что поддержка со стороны Панина идеи прусского союза была не столь однозначной. Так, в уже приведенном выше разговоре с Ф. А. Корфом Г. Кейзерлинг говорил, что в деле союза с Россией прусскому королю придется преодолеть сопротивление Панина и особенно Бестужева. Весной 1764 г. уже после заключения союзного договора Н. В. Репнин в беседе с Г. Кейзерлингом вспоминает слова Н. И. Панина, что союз с Пруссией не должен быть для России препятствием для проведения самостоятельной внешней политики («чтобы сколь возможно независимости от другой короны убежать»)⁹¹. М. И. Воронцов отнесен Сольмсом к сторонникам прусской ориентации. Однако, оценивая отношение канцлера к союзу с Фридрихом II, следует иметь в виду, что за свою многолетнюю карьеру он привык по возможности не обнаруживать собственной позиции, которую всегда умел выражать как бы исподволь, формально присоединяясь к господствующей точке зрения. Поэтому ценность мнения Воронцова состоит в том, что оно всегда отражало в первую очередь господствующее при дворе политическое настроение, нежели позицию самого канцлера. И с этой точки зрения ориентация М. И. Воронцова может быть достоверным отражением позиции самой Екатерины II, которая была наиболее последовательной сторонницей союза с Пруссией. С помощью разделявшего ее взгляды Г. Кейзерлинга она сделала все возможное, чтобы склонить правящую верхушку России к этому союзу, а также чтобы представить Фридриха II его инициатором. Роль эту прусский король на себя с удовольствием принял, правда, только после того как туманные намеки из Петербурга приобрели более определенные очертания.

Обострение борьбы магнатских группировок в Польше летом 1763 г. побудили Екатерину II действовать активнее. Спустя месяц после своей беседы с М. И. Воронцовым Сольмс писал прусскому королю, что, по словам Н. И. Панина, контрпроект

союзного договора находится у императрицы, что она намерена ввести в трактат две статьи о Швеции и Польше, по поводу которых хочет получить ответ Фридриха II⁹². Это донесение прусский посол написал 23/12 августа, а навстречу ему уже шло письмо к императрице от короля из Потсдама, в котором Фридрих II прямо писал, что условия в отношении Польши он предоставляет на усмотрение Екатерины II⁹³. Казалось бы, что все препятствия к подписанию союза были устранены.

VI

Смерть польского короля Августа III в октябре 1763 г. еще больше осложнила отношения великих держав и внесла новые затруднения в оформление русско-прусского союза, хотя, казалось бы, к этому времени договор между Берлином и Петербургом должен был быть готов окончательно. 11 октября 1763 г. В. Кауниц направил депеши австрийским послам И. Г. Риду в Берлин и Ф. Мерси д'Арженто в Петербург с поручением изложить позицию Вены. В депеше говорилось, что Австрия намерена прилагать усилия для сохранения незыблемости государственного строя и свобод Речи Посполитой, что избрание саксонского принца польским королем будет с удовлетворением приветствоваться. В случае же, если будет избран другой кандидат, то Австрия не намерена этому противодействовать, лишь бы выборы прошли свободно и законным порядком. В. Кауниц предлагал Фридриху II и Екатерине II объявить о своих намерениях в связи с положением в Польше⁹⁴. Оба двора оказались в затруднительном положении, так как кандидатура будущего короля не была окончательно согласована, да и объявлять о ней не спешили ни в Петербурге, ни в Берлине. К тому же любой возможный официальный ответ продемонстрировал бы намерение России и Пруссии без каких-либо оснований вмешаться во внутренние дела Польши. Ситуацию еще больше осложнило намерение Австрии направить в Венгрию к границам Польши корпус Г. Э. Лаудона, которое весьма серьезно воспринимали в Берлине и в Петербурге⁹⁵.

В этих условиях российский и прусский дворы должны были положить в основание будущего союза детально согласованный план действий в Польше, который предполагал бы комплекс военных мер и распределение функций между союзниками в этой области, с учетом опасности конфликта и войны между великими державами. 30/19 декабря 1763 г. Сольмс сообщил Фридриху II о состоявшемся накануне разговоре с Н. И. Паниным, в котором тот заявил, что усматривает связь между последними действиями Марии Терезии и поведением саксонской партии в Польше. В связи с этим, по словам Панина, Екатерина II намерена в дополнение к переговорам «произвести некоторую серьезную демонстрацию» и двинуть войска к польским границам для поддержки сторонников России, об этом она просит известить Фридриха II. Далее Панин говорил, что императрица принимает на себя «все то, что представляется наиболее щекотливым», но надеется, что прусский король со своей стороны произведет некоторое передвижение войск, чтобы продемонстрировать согласованность своих действий с Россией. На это Сольмс отвечал, что дружба Пруссии и России простирается очень далеко, но следует учитывать, о чем он не раз говорил и раньше, что военное вмешательство его страны в польские дела противоречит намерениям Фридриха II и может привести к войне, чего Пруссия хотела бы избежать. Сольмс также подчеркнул, что в польских делах Берлин в максимальной сте-

пени пошел навстречу требованиям Петербурга, что дальнейшие совместные действия должны быть определены условиями союзного договора. «Граф Панин, — продолжал прусский посол, — не хотел согласиться, что демонстрации такого общего характера, какого он предлагает, могут повлечь за собой войну, но утверждал, напротив, что было бы действительным средством предотвратить ее, предъявив враждебным дворам такой почтенный союз двух держав». Далее Панин стал говорить, что задержки в подписании договора с Пруссией вызваны различными техническими причинами, как, например, отсутствие квалифицированного переводчика. Тогда Сольмс указал, что Пруссия опасается оказаться вовлеченной шаг за шагом в такие затруднения, из коих трудно будет потом выпутаться, и чтобы избежать этого, в союзный договор надо бы включить статью, «в которой будут условлены меры на случай образования конфедерации после избрания польского короля <...>, что если в подобном случае императрица признает необходимым послать свои войска в Польшу для рассеяния конфедератов, то чтобы ваше величество не были еще обязаны посылать туда свои, а это обязательство придвинуть прусские войска к границам Польши или начать военные действия против поляков относились бы только к тому случаю, когда австрийские войска придут помогать полякам». Как сообщал далее Сольмс, Панин без колебаний принял это предложение, но добавил, что случай оказания военной помощи не следует ограничивать только вмешательством австрийцев, что надо предусмотреть его и в отношении Саксонии и Турции. На это прусский посол ответил, что не видит такой необходимости, так как Россия легко справится с этими противниками, и «главная слава и главный интерес во всем этом деле будут принадлежать ей». В заключение Н. И. Панин сказал, что Фридриху II «не придется сожалеть о вступлении в обязательства с его двором, потому что, если сверх всякого ожидания дела дойдут до последней крайности, то он, — писал Сольмс, — мне ручается, что ваше в-ство, равно как и Россия, будут вознаграждены за свой труд и что даром хлопотать не придется. Это дело, заметил он, я впредь устроил, но не могу объяснить его прежде, чем обстоятельства более выяснятся»⁹⁶.

В ответ на депешу Сольмса К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг от имени короля писали 20 января 1764 г., что в намеках Н. И. Панина они усматривают «мысль о разделе Польши, в случае войны в ней». Они заявили далее, что прусская политика основывается на принципе невмешательства в польские дела, и считают, что изнуренные Семилетней войной европейские державы, особенно Австрия, также не решатся сделать это, и, следовательно, будучи в союзе с Пруссией, Екатерина II может быть уверена, что никто не будет серьезно препятствовать осуществлению ее планов в Польше. Но если Пруссия окажется вовлеченной в «малейшую воинственную демонстрацию, то венский двор и другие государства сочтут себя вправе сделать со своей стороны то же самое», что может шаг за шагом привести к развязыванию большой войны, т. е. к положению, которое Россия и Пруссия должны предотвратить. Далее в депеше еще раз подчеркивалось, что все последующие шаги Берлина в польских делах будут предприняты только после того, как Петербург представит свой проект союзного договора с Пруссией⁹⁷. По всей вероятности, Сольмс показал письмо прусских кабинет-министров Н. И. Панину⁹⁸. 31/20 января он пишет Фридриху II, что король напрасно заподозрил русского министра в тайных планах. По словам посла, он является сторонником мирной системы и не намерен добиваться расширения территории России, для которой это было бы только бес-

полезно, и полагает, что союза с Пруссией вполне достаточно, чтобы предотвратить вмешательство венского двора в польские дела. «С другой стороны, — продолжал Сольмс, — если сверх всякого ожидания венский двор вздумает отважиться на войну, то на этот случай гр. Панин, по-видимому, намерен возместить военные издержки с кого-то, но он...» (далее текст обрывается)⁹⁹.

Этот эпизод в переписке между Берлином и Петербургом на рубеже 1763—1764 гг. Н. Д. Чечулин рассматривал как один из первых намеков, сделанных Н. И. Паниным относительно возможных территориальных приобретений двух держав за счет Польши¹⁰⁰. Упомянутые две депеши Сольмса в извлечениях были опубликованы еще в 1869 г. Р. Мендельсоном-Бартольди, а позже — в Сборниках Русского исторического общества и были известны всем исследователям российско-польских отношений периода последнего бескоролья. Однако точка зрения Н. Д. Чечулина не нашла у них поддержки.

Второй проблемой, которую следовало разрешить, имея в виду подготовку союзного договора, был вопрос о согласованной кандидатуре преемника Августа III. Но сделать это окончательно можно было только после кончины нынешнего польского короля. Переписка с Берлином по этому вопросу велась с февраля 1763 г. Фридрих II и его министры не раз уверяли Петербург, что готовы поддержать любого российского кандидата, лишь бы он не происходил из австрийского дома. В Берлине с благосклонностью отнеслись к идее избрания короля из числа природных поляков, не возражали против выбора кого-либо из принадлежавших к фамилии Чарторыхских. Но Екатерине II тайного согласия было мало. От Фридриха II добивались полной, безоговорочной и, главное, официальной поддержки русской политики в Польше, а в качестве одного из средств давления использовали вопрос о союзном договоре. 24/13 января 1764 г. Фридрих II уведомил посла Речи Посполитой С. Гадомского, что он не против кандидатуры Станислава Понятовского на вакантный польский престол¹⁰¹. И отнюдь не случайно прусское заявление Гадомскому совпало с получением от Сольмса русского контрпроекта союзного трактата, о рассмотрении которого на совещании короля с первыми министрами в Сан-Суси сообщал 14/3 февраля 1764 г. В. С. Долгоруков¹⁰².

Однако прошло еще почти два месяца, прежде чем Н. И. Панин поставил свою подпись под договором, скрепившим союз России и Пруссии. Вероятно, такая пауза потребовалась, чтобы использовать политический и психологический эффект от заключения союза в решающий период борьбы за польский престол. 13/2 февраля, после завершения сеймиков перед конвокационным сеймом, Г. Кейзерлинг писал Н. И. Панину: «Что касается до ускорения трактата с Пруссией, то я присоединяюсь к докладу кн. Репнина вашему превосходительству. Мы имеем честь подтвердить все дружеские совместные шаги, сделанные по нашему пожеланию прусским королем. Мы должны быть убеждены, вопреки противным слухам, — настаивал посол, — что наш союз действительно заключен и стоит на новой твердой основе. Большим препятствием в наших делах является невозможность повлиять на намерения все милостивейшей государыни, как мы бы желали и как это должно было бы быть»¹⁰³. Подавая депешу Екатерине II, Панин сделал заметки: «Прусский курьер уже возвращается, и сегодня в 5 часов Сольмс ко мне будет»¹⁰⁴. Речь шла об обсуждении прусских замечаний к контрпроекту, представленному Петербургом.

4 апреля / 24 марта, накануне образования Литовской конфедерации и вступления в Польшу русских войск, Н. В. Репнин пишет о необходимости скорейшего заклю-

чения союза с Пруссией, без которого «невозможно действовать эффективно». Посол указывал Панину, что хотя Фридрих II и говорил о своем равнодушии к австрийским угрозам ввести свои войска в Польшу в ответ на русскую интервенцию, но мы, продолжал Репнин, не можем быть уверены в том, что он думает и что сделает, если это произойдет.

Таким образом, и Г. Кейзерлинг, и Н. В. Репнин были твердо убеждены в необходимости заключения союза с Пруссией накануне решающих событий в Польше. Причем главную цель союза в Петербурге видели в нейтрализации Австрии, военное вмешательство которой в польские дела считалось весьма вероятным не только Фридрихом II, но и в России, несмотря на все успокоительные заверения Н. И. Панина, адресованные прусскому королю.

Санкт-Петербургский союзный договор 11 апреля / 31 марта 1764 г.¹⁰⁶ между Россией и Пруссией устанавливал оборонительный союз двух держав (ст. 1), целью которого было «прочно утвердить всеобщую тишину». По договору Россия и Пруссия сохраняли право свободного заключения договоров с другими странами, лишь бы они не противоречили настоящему союзу. К нему допускалось присоединение и иных стран. В этом вопросе Фридрих II явно пошел на уступки России, ибо сам он отнюдь не был сторонником расширения союза. Россия и Пруссия обязались защищать друг друга всеми силами в случае «нарушения их владений» (ст. 2). В этом случае страна, подвергшаяся нападению, получала от союзницы помощь — 10 тыс. пехоты и две тысячи конницы. Помощь могла быть увеличена в случае необходимости и дополнена всеми согласованными средствами (ст. 3—4). Договор предусматривал, что направляемые на помощь войска поступают под начало главнокомандующего страны, ведущей боевые действия, но не могут быть разделены, выступают единым корпусом и сохраняют собственное управление (ст. 6). Россия и Пруссия обязались не заключать сепаратного мира (ст. 10). Если нападению подверглись обе страны, то они имеют право отозвать направленные на помощь войска, предупредив об этом не позже чем за два месяца (ст. 11). Договор заключался сроком на 8 лет, до 1772 г.

В него были включены также четыре секретных статьи: о замене военной помощи денежной в случае войны России против Турции или Крыма, а Пруссии — на западе Германии, за рекой Везер; о сохранении конституции Швеции; о гарантии голштинских владений Павла Петровича. В четвертой секретной статье говорилось о недопустимости введения в Польшу «самодержавия» и об обязательстве обеих сторон «употребить в случае нужды силу оружия для охранения республики от опровержения конституции и фундаментальных законов ея». В заключение сепаратной статьей предусматривались совместные действия России и Пруссии для восстановления прав диссидентов в Польше.

Таким образом, оборонительная направленность русско-прусского союза содержала весьма важное исключение, ибо договор предусматривал возможность интервенции двух держав в Польшу. Детально эта сторона русско-прусского союза была разработана в Секретной конвенции относительно избрания Пяста на польский престол, подписанной в тот же день, что и союзный трактат¹⁰⁷. Во введении к конвенции говорилось, что обе державы, опасаясь, «чтобы продолжительное королей польских государствование не нарушило и наконец не опровергло конституции», будут добиваться, «чтобы избран был кандидат из польской нации». Далее в конвенции устанавливалось, что стороны будут поддерживать согласованного кандида-

та, причем Пруссия безоговорочно признает сделанный Россией выбор (ст. 1–2). Фридрих II поручает своему министру в Варшаве действовать сообща с русскими послами, а войска обеих стран будут придвинуты к польским границам (ст. 3–4). Если другие державы инспирируют конфедерацию в Польше, то обе стороны немедленно объявят о признании своего кандидата и издадут декларацию о вступлении своих войск в Польшу с приказанием «поступать как с ними самими (конфедератами. — *Б. Н.*), так и с имением их со всякою военною строгостью, без малейшей пощады» (ст. 5). Если декларация «не произведет действия», то Россия обязуется только своими силами «потушить планы междоусобия». В случае же вмешательства иностранных войск Пруссия обязуется направить в Польшу 20-тысячную армию (ст. 6). Причем, как следует из текста конвенции, согласованные военно-политические мероприятия России и Пруссии были предусмотрены строго на период избрания нового польского короля. Если же театр военных действий будет перенесен на территорию России или Пруссии, то другая сторона направляет на помощь союзнице еще 20 тыс. войска (ст. 7). Обращает на себя внимание тот факт, что предусмотренная союзным договором военная помощь в данном случае увеличена более чем втрое. В сепаратной статье было определено, что прусские войска вступят в Польшу исключительно в случае иностранного вмешательства, производя при необходимости военные демонстрации на своей территории. Наконец, в «секретнейшей» статье, приложенной к конвенции, называлось и имя совместного кандидата для избрания польским королем — Станислав Понятовский.

О придаваемом в Петербурге значении русско-прусскому союзу весьма красноречиво свидетельствует примечание Н. И. Панина к депеше Г. Кейзерлинга от 27/16 июня 1764 г.¹⁰⁸, предназначавшееся для доклада Екатерине II. Однако в деле отсутствует помета, что о нем было сообщено императрице.

Давая характеристику новой системе международных союзов России, в основу которой был положен союз с Пруссией, руководитель русской внешней политики главное внимание в рассуждении, адресованном Екатерине II, уделил позиции Австрии. «Венский двор, — писал Н. И. Панин, — видит себя обманутым в надежде конфондировать в Польше дела Вашего имп. в-ства, зато что оные предприняты против его воли и желания. Теперь ему остается обратить свою политику к тому единственно, чтоб сделать диверсию и помешательство предпринимаемой Вашим имп. в-ством собственной российской системе в Европе, о которой несумненно князь Кауниц мог догадаться и которая могла уже навсегда поставить Россию в существенную позицию своих собственных сил независимо от посторонних интересов перед всеми державами. В рассуждении чего венскому двору прежде всего надобно всеми силами искать ослабить новый и корня своего еще не получивший российский союз с прусским двором, стараться будут всякими образы возобновлять силу страха, предубежденный против сего двора, а в пользу своих собственных дальних видов под маской общего интереса касательно до турок. Сей последний пункт может быть через полгода вперед будет им приведен в большое движение. Но чтоб тогда хитрость и лукавство более очувствовать, останется только привести себе на память, с какою теперь недавно холодною он принимал наше попечение о недопущении союза между Портою и королем прусским, несомненно, потому что надеялся нас больше застрашать нашим собственным страхом, которой он в нас через столь многие лета всеми силами распространял»¹⁰⁹.

Как следовало из рассуждений Н. И. Панина, главной целью соглашения с Пруссией было создание новой системы союзов в Европе, которая бы обеспечила самостоятельные и независимые от других держав внешнеполитические позиции России. Система эта, по словам руководителя русской внешней политики, была направлена против Австрии и Турции, т. е. позволяла России действовать без соглашения с Веней и нейтрализовать угрозу возможного выступления Порты. Причем именно польская политика России должна была, с точки зрения Петербурга, проверить эффективность нового союза и вместе с тем, что чрезвычайно важно, придать ему прочность. Непосредственно же в отношении Польши такая система предполагала предоставление России свободы рук для установления собственной гегемонии в Речи Посполитой.

* * *

Семилетняя война завершилась оформлением новой системы международных отношений в Европе. Для Польши эти изменения были, пожалуй, наиболее значительными. Сложившаяся в ходе Северной войны 1700–1721 гг. и оформленная после ее окончания система протектората в отношении Речи Посполитой со стороны Австрии, Пруссии, России и Франции претерпела существенные изменения. Период с 1717 по 1755 г. был временем относительной международной стабильности шляхетской республики, когда соотношение сил держав-протекторов не позволяло ни одной из них получить решающее преобладание в Польше. Именно стремлением усилить свое влияние в Речи Посполитой и оторвать от нее Курляндию побудило правительство Елизаветы Петровны втянуть Россию в войну на стороне антипрусской коалиции.

Кризис международных отношений и его разрешение в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. привели, с одной стороны, к падению европейской гегемонии Франции, ослаблению позиций монархии Габсбургов, а с другой стороны, усилили позиции Пруссии и особенно России. Заключение союза между этими двумя державами, краеугольным камнем которого был польский вопрос, открывало путь к установлению российской гегемонии в Польше и позволяло осуществить давно вынашиваемые планы. Как свидетельствует дипломатическая переписка Петербурга с Берлином 1763 — начала 1764 г., польская программа русско-прусского союза была выработана в Петербурге и безоговорочно принята Пруссией.

Польское направление во внешней политике России, несомненно, было предметом пристального внимания в Петербурге в первой половине XVIII в. и одним из важнейших во время Семилетней войны, в ходе которой русское военно-политическое руководство еще раз убедилось, что для внешней политики России Речь Посполитая имеет ключевое значение, что ее территория и ресурсы становятся базой русской армии при действиях по всем возможным стратегическим направлениям: а) вдоль южного берега Балтийского моря; б) через Силезию в Чехию и Южную Германию; в) через Венгрию в Австрию; г) через Днестр и Дунай на Балканы.

Во время Семилетней войны именно прибалтийское направление имело для России приоритетное значение. В запланированном в Петербурге захвате Курляндии и Восточной Пруссии Польше принадлежала не только стратегическая, но и политическая роль, поскольку предполагавшийся обмен Восточной Пруссии на Кур-

ляндию затрагивал не только российские, саксонские или прусские интересы, но и интересы Польши, поскольку Курляндия являлась ленным владением польской короны. Более того, невозможность достичь поставленных в ходе войны целей по усилению русского влияния в Польше была одной из существенных причин, заставлявших русское правительство, начиная с 1760 г., подумывать о мире с Пруссией, который и был заключен после смерти императрицы Елизаветы Петровны Петром III.

Однако отнюдь не мир с Фридрихом II вызвал недовольство в императорской гвардии и придворных кругах России, а проводимая новым императором политика в интересах голштинского дома, направленная на войну с Данией. Война грозила не только новыми людскими потерями и материальными затратами, что было неприемлемо для разоренной предшествовавшей войной страны. Она противоречила интересам русского дворянства, поскольку, с точки зрения его подавляющего большинства, не сулила каких-либо приобретений для России, а весьма значительные потери офицерского корпуса в Семилетнюю войну охладил воинственный пыл русского дворянства, что в сочетании с тяготами походной жизни породило даже некоторое недовольство в армии. В высших правительственных сферах к тому же придавалось гораздо большее значение существовавшим более полувека добрым отношениям с Данией, нежели претензиям Голштинского курфюршества. Нежелание втягиваться в новую войну стало главной причиной поддержки со стороны армии, бюрократии и дворянства в целом дворцового переворота 1762 г. и показного миролюбия первых лет царствования Екатерины II. Польское же и курляндское направления политики свергнутого императора, как и его ориентация на союз с Пруссией, были продолжены его ниспровергателями и преемниками.

Именно через призму перспектив русской политики в Польше изучала Екатерина II вместе со своими ближайшими советниками положение в Европе в конце 1762 — начале 1764 г., когда решался вопрос об окончании Семилетней войны. Предложение посредничества новой русской императрицы при заключении мира представляло собой искусно организованный зондаж расстановки политических сил как при петербургском дворе, так и в Европе в целом. При этом неудача российского демарша, вряд ли ставшая неожиданностью в Петербурге, показала Екатерине II и ее окружению, что только союз с Пруссией позволит им получить свободу рук в польских делах.

Очевидно, что целью активизации русской политики в Польше было изменение в пользу России сложившейся еще в начале XVIII в. системы протектората над Речью Посполитой со стороны четырех держав: Австрии, Пруссии, России и Франции. Если добавить к названным странам Османскую Порту, то можно заключить, что именно от них зависело международное положение Польши. Все названные державы хотели бы усилиться за счет шляхетской республики. Но ни одна из них не достигла бы одностороннего усиления своих политических соперников. Об этом, собственно, и писал С. Г. Шуазель-Парлен в 1763 г.

Однако Семилетняя война кардинально изменила соотношения сил между державами-протекторами. Россия после Семилетней войны занимала среди них преобладающее положение, а заключенный весной 1764 г. русско-прусский союз позволял ей активно вмешаться во внутренние дела Польши, не считаясь с позицией других держав. Вместе с тем в Петербурге должны были отдавать себе отчет, что такое положение не может иметь долговременного характера, поэтому воспользоваться им следовало

как можно быстрее. И уже в 1762 г., почти сразу после дворцового переворота, правительство Екатерины II предпринимает активные меры для восстановления Э. И. Бирона на курляндском престоле.

Примечания

1. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 1. Трактаты с Австрией 1648–1762 гг. СПб., 1874. С. 270; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1993. Кн. 12. Т. 24. С. 538–540.
2. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 539.
3. *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 269–302.
4. Там же. С. 225–226.
5. *Schaefer A.* Geschichte des Siebenjährigen Krieges. Leipzig, 1870. Bd. 2. S. 516.
6. *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 172–173.
7. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Paris, 1890. Vol. 9. P. 119–139.
8. О положении дел в русской армии см.: *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886–1891. Т. 2. С. 353–359; Т. 3. С. 194–203, 385–409, 412–413.
9. РГАДА. Ф. 178. Оп. 1. Д. 38. Л. 142–143; АВ. Т. 4. С. 108–110.
10. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 459–460.
11. Там же. С. 462–463.
12. *Konopczyński W.* Polska w dobie wojny Siedmioletniej. Kraków; Warszawa, 1911. Т. 2. S. 207–209.
13. *Щебальский П. К.* Политическая система Петра III. М., 1870. С. 5–37.
14. АВ. Т. 6. С. 426–429.
15. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 500–501.
16. АВ. Т. 4. С. 174–178.
17. Там же. С. 175.
18. АВПРИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 592. Л. 11–27.
19. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 566–567.
20. Recueil des instructions... Vol. 9. P. 166–172.
21. *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 212–213.
22. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 414–420.
23. АВ. Т. 7. С. 420–421.
24. Там же. С. 421–422.
25. *Масловский Д. Ф.* Указ. соч. Т. 3. С. 375–376.
26. Там же. С. 420.
27. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 752. Л. 39–40.
28. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 598–599.
29. *Мартенс Ф. Ф.* Указ. соч. Т. 5. Трактаты с Германией. С. 356–357.
30. Там же. С. 367–378.
31. *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 38–57; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25. С. 25–35.

32. Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 5. С. 389–408.
33. АВ. Т. 7. С. 542–567.
34. Там же. С. 542.
35. Там же. С. 567; Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 5. С. 389–408.
36. Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774 гг. СПб., 1896. С. 35–36.
37. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 8.
38. Там же. С. 34.
39. Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 25. С. 149–151.
40. АВ. Т. 25. С. 272–312.
41. Там же. С. 313–333.
42. Миронова Е. М. Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762–1772). Канд. дисс. М., 1990. С. 71.
43. АВ. Т. 25. С. 325.
44. Там же. С. 326.
45. Там же. С. 327–329.
46. Там же. С. 330.
47. Там же. С. 330–331.
48. Там же. С. 331–333.
49. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 14–15.
50. Там же. С. 44–45.
51. Черкасов П. П. Указ. соч. С. 290–293.
52. Сб. РИО, СПб., 1885. Т. 48. С. 191.
53. Бильбасов В. А. История Екатерины II. СПб., 1890. Т. 1. С. 412–417.
54. См., напр.: Донесение Д. Бекингемиша Д. Гренвилю от 25 октября 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1873. Т. 12. С. 45–46.
55. Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 25. С. 179.
56. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 157.
57. Там же. С. 152.
58. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 174.
59. [Friedrich II] PC. Bd. 22. S. 92–94.
60. Ibid. S. 242–243.
61. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 185–186.
62. Там же. С. 297.
63. [Friedrich II] PC. Bd. 22. S. 152, 321–322.
64. Ibid. S. 371.
65. Ibid. S. 371–372.
66. Ibid. S. 418–419.
67. Ibid. S. 419–420.
68. Ibid. S. 503.
69. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 152–155.
70. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 7. 12–19.
71. Там же. С. 21–25.

72. Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 158–160.
73. Там же. СПб., 1885. Т. 48. С. 228–300.
74. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 30.
75. Там же. С. 37.
76. АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1763 г. Д. 5. Л. 41–43.
77. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 37–38.
78. АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1763 г. Д. 5. Л. 48–52.
79. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 53.
80. Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 163–164.
81. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 485–486.
82. АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1763 г. Д. 5. Л. 112–114 об.
83. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 87.
84. ASV. Polonia. Vol. 275. P. 128.
85. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 280. Л. 12–12 об.
86. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 319–321.
87. Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 25. С. 253–254.
88. Beer A. Die erste Teilung Polens. Wien, 1871. Bd. 1. S. 90–93.
89. Соловьев С. М. Указ. соч. Т. 25. С. 255–257.
90. Конференция вице-канцлера А. М. Голицына с Ф. Мерси д'Арженто 21/11 августа 1763 г. — АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 280. Л. 49–50 об.
91. Деша Н. В. Репнина от 25/14 мая 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 35–36 об.
92. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 104–107.
93. Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 168.
94. Beer A. Op. cit. S. 120.
95. [Friedrich II] PC. Bd. 22. S. 244, 247.
96. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 183–189.
97. Там же. С. 194–196.
98. Friedrich der Große und Polen. Auszüge aus der Correspondenz mit den Gesandten in Warschau und Petersburg 1762–1766 // Forschungen der deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9. S. 106.
99. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 200–201.
100. Чечулин Н. Д. Указ. соч. С. 377–378.
101. АВПРИ. Ф. 74. Оп. 1. 1764 г. Д. 3. Л. 9–11 об.
102. Там же. Л. 14–15 об.
103. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 24–27 об.
104. Там же.
105. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 21–21 об.
106. Санкт-Петербургский союзный договор, заключенный с Пруссией 31 марта / 11 апреля 1764 г. // ПСЗ. № 119; Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 6. № 218.
107. Секретная конвенция относительно избрания на польский престол Пяста, подписанная в Санкт-Петербурге 11 апреля / 31 марта 1764 г.; Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. Т. 6. № 219. С. 1–32.
108. Примечание Н. И. Панина к депеше Г. Кейзерлинга от 16/27 июня 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 94–100 об.
109. Там же.

После выхода России из Семилетней войны и воцарения Екатерины II первой внешне-политической акцией новой русской императрицы стала борьба за восстановление на курляндском престоле возвращенного из ссылки в Ярославль фаворита императрицы Анны Иоанновны Эрнста Иоганна Бирона. Присоединение Курляндии к России было одной из целей Петербурга в прошедшей войне. Теперь, стремясь реализовать этот замысел в новых условиях и новыми средствами, русское правительство рассчитывало продемонстрировать, что, вопреки намерениям прежних союзников, война завершилась для России не безрезультатно, что империя и далее в состоянии сохранить достигнутое влияние в европейских делах, несмотря на весьма обидное для Екатерины II игнорирование другими державами ее идеи российского посредничества в окончании войны и установления европейского мира.

Главным препятствием для восстановления Бирона на престоле в Митаве была Речь Посполитая, ленным владением которой являлась Курляндия, и правившая в Дрездене и в Варшаве саксонская династия Веттинов, из которой происходил принц Карл — соперник Бирона в борьбе за титул курляндского герцога. Однако именно это придавало курляндскому вопросу особое значение, ибо позволяло Петербургу испытать приемы и методы политики в отношении Польши, а также выяснить степень заинтересованности в польских делах других держав. Курляндия, таким образом, становилась пробным камнем российской политики в Речи Посполитой.

I

Курляндское герцогство возникло в XVI в. на развалинах Ливонского ордена. С начала 1560-х гг. в Курляндии были ликвидированы последние следы политической и сословной организации Ордена, последний великий магистр которого, Готхард Кетлер, стал первым герцогом Курляндским. Территория Курляндии и Земгалии (так официально именовалось государство Кетлеров) занимала юго-западную часть современной Латвии к югу от Даугавы (Западной Двины) и была окончательно оформлена после шведско-польской войны 1600–1629 гг. Известное представление об этническом составе населения края в XVIII в. могут дать результаты переписи 1897 г.: латыши — 505 544 (75%), евреи — 51 171 (7,7), немцы — 38 326 (5,7), русские — 37 956 (5,6), поляки — 19 676 (2,9), литовцы — 16 526 (2,5%). Полученная картина свидетельствует о

преобладании в крае латышского населения, 91,5% которого составляло крестьянство. Напротив, феодальная, чиновничья и городская верхушка на две трети состояла из немцев, на одну треть — из поляков¹.

История Курляндского герцогства в XVI–XVII вв. освещена в ряде обобщающих работ². Особо следует отметить новейшие труды работающей в Варшаве немецкой исследовательницы Альмут Буэс³.

В 1563 г. Готхард Кетлер созвал в Риге первый курляндский ландтаг. Первоначально в ландтагах, в соответствии с традициями Ливонского ордена, наряду с рыцарством участвовали представители церкви и городов, но уже на рубеже XVI–XVII вв. курляндские ландтаги становятся исключительно дворянскими. Практически с момента возникновения герцогства в нем разворачивается борьба между Кетлером и его преемниками, с одной стороны, и дворянством — с другой, завершившаяся победой феодальной знати⁴. В марте 1617 г. при участии польской королевской комиссии было выработано новое государственное устройство, состоявшее из Привилегии Кетлера, Формы правления и Курляндских статуты. Власть герцога становилась номинальной. Все решения он принимал в согласии с четырьмя высшими советниками: ландгофмейстером, канцлером, бургграфом и ландмаршалом, которые совместно с двумя докторами права образовывали герцогский суд. Кроме того, власть герцога ограничивали главные начальники областей, жившие в Митаве, Гольдингене, Туккуме, Хельбурге и Газенпоте, центре присоединенной Пильтенской области. Области, или обергауптманства, делились на гауптманства. Все государственные должности могли замещаться только представителями курляндского дворянства, причем назначения делались пожизненно. Члены совета могли назначаться только из обергауптманов, а те, в свою очередь, из состава гауптманов.

Курляндское дворянство добилось создания особой комиссии, так называемой Рыцарской скамьи, которая составила список родов, обладавших правами курляндского дворянства. К 1642 г., когда комиссия завершила свою работу, в список было внесено 119 фамилий. Таким образом, завершилось формирование корпоративной организации курляндского рыцарства. В XVIII в. «Рыцарская скамья» существенно сократилась за счет пресекшихся родов, а также родов, утративших свои владения в герцогстве⁵. Важнейшей и исключительной сословной привилегией дворянства являлось участие в ландтагах, которые созывались герцогом раз в два года. В отсутствие герцога ландтаг не мог быть созван, однако это правило нарушалось собраниями так называемых братских конференций. От каждого прихода (кирхшпиля), в XVIII в. их было 27, дворяне посылали одного депутата. Вопросы, рассматриваемые в ландтаге, предварительно обсуждались дворянством прихода, и депутат получал инструкции по голосованию.

Основу экономического и политического господства рыцарства составляло феодальное землевладение, которое в начале XVIII в. (по тарифу 1710 г.) охватывало примерно 1400 гаков. Имение в один магистерский гак занимало площадь около 108 га, насчитывало 60 взрослых мужчин-крепостных и стоило по шведской ревизии XVII в. 80 тыс. гульденов⁶. Одну треть земель составляли герцогские владения. Номинально последние делились на три группы: дворцовые имения, доходы от которых шли на содержание герцога и его двора; казенные имения или домены, рента с них поступала в государственную казну; родовые имения герцога, хотя фактически различия между ними не делалось. Так как дворянство было освобождено от всяких на-

логов, то поступления в казну обеспечивались исключительно герцогскими владениями. Единственной повинностью, которая лежала на дворянстве, являлся сбор 200 вооруженных всадников в войско польского короля.

С гибелью Ливонского ордена окончательно пала и католическая церковь в Курляндии, где, во многом под влиянием Дании, в конце XVI в. претендовавшей на курляндские земли, и протестантских князей Германии утвердился протестантизм в его аугсбургском варианте ⁷.

В XVI — первой половине XVII в. оформились взаимоотношения Курляндии с Польшей и Литвой, а после заключения Люблинской унии — с Речью Посполитой. Для польско-литовского государства курляндский вопрос являлся составной частью политики в отношении прибалтийских земель восточнее Гданьска или, другими словами, в Польских инфлянтах, которые оказались в сфере интересов польской короны со времен Сигизмунда Августа, стремившегося опереться на прибалтийские земли для укрепления господства польской шляхты в Литве и борьбы с Московским государством. В 1560 г. в Ригу в качестве королевского посла прибыл воевода виленский и канцлер литовский князь Николай Радзивилл, который подписал 28 августа 1561 г. договор с Кетлером и Вильгельмом Бранденбургским. Согласно договору, утверждались ленная зависимость Курляндии от польской короны и правление династии Кетлера в герцогстве. Однако после ее прекращения польский король получал возможность передать герцогство другому владельцу. На Курляндию распространялось действие привилегии Сигизмунда Августа, в соответствии с которой подтверждались все прежние вольности, привилегии и владельческие права дворянства, ликвидировалась военно-сословная организация Ордена, ленные владения рыцарей превращались в аллодиальные, как в Польше и Литве, устанавливалось крепостное право, узаконивались прежние захваты земель, в том числе и церковных, признавалась свобода протестантской церкви, допускалось приобретение прав и привилегий польской шляхты.

Время после заключения Люблинской унии ознаменовалось дальнейшими попытками укрепления господства Речи Посполитой в Инфлянтах, в частности в Курляндии. В конституциях сейма 1598 г. была утверждена ординация, регламентировавшая новый статус Инфлянтов в составе Речи Посполитой. Важнейшим ее постановлением стало уравнивание в правах трех «народов», т. е. шляхты польской, литовской и инфлянтской; последней предоставлялось право участия в сеймовании, а епископу Венденскому (Инфлянтскому) — место в Сенате ⁸.

Для Курляндии Люблинская уния означала формальное включение герцогства в состав Речи Посполитой, что закрепляло его ленную зависимость теперь не только от короля, но и от республики, и Королевства Польского ⁹. На сейме 1589 г. было решено присоединить владения дома Кетлеров к Короне и Литве, а после прекращения династии полностью объединить Курляндию с остальными Инфлянтами и Речью Посполитой ¹⁰.

Главной обязанностью курляндских герцогов по отношению к польскому королю являлось участие со своим войском в его походах. Курляндский герцог Фридрих принимал участие на стороне Польши в Тридцатилетней войне, а его племянник и преемник Якоб с двумя ротами наемников участвовал в походе к Смоленску в 1634 г.

В целом политика Польши в Курляндии во второй половине XVI — XVII в. была направлена на ее полное административное, правовое и сословное включение в

состав Польских инфлянтов и подчинение Речи Посполитой. Однако ослабление польско-литовской государственности делало нереальным осуществление этих планов. Кардинально ситуация изменилась в ходе Северной войны, когда герцогство попало в сферу интересов России в Прибалтике.

II

Первые дипломатические контакты Курляндии с Россией относятся еще к середине XVII в.¹¹ Главными целями русской политики в Курляндии во второй половине XVII в. были недопущение участия курляндских отрядов в военных действиях против России и использование влияния герцога в Прибалтике и Польше для защиты там русских интересов.

В годы Северной войны, с 1705 г., Курляндия становится театром военных действий между Россией и Швецией. Тогда же предпринимаются попытки дипломатическими средствами закрепить в герцогстве военные успехи России. В 1710 г. был подписан договор о бракосочетании племянницы Петра I Анны Иоанновны (будущей императрицы) с герцогом Фридрихом Вильгельмом¹². Договор этот носил характер не межгосударственный, а фамильный, что, с одной стороны, не требовало его утверждения королем и польским сеймом, а с другой — создавало основу для особых отношений между герцогской династией и Россией. Договор предусматривал строительство в Митаве православной церкви и образование таким образом православной общины, которая конфессионально подчинялась бы русской церкви и была, следовательно, проводником влияния России. Финансовая сторона договора включала ассигнование 160 тыс. рублей из приданого Анны на выкуп заложенных герцогских имений, которые тем самым косвенно попадали под управление России; выплату Анне 10 тыс. рублей в качестве подарка, 15 тыс. рублей в год на содержание ее двора, а в случае вдовства — по 40 тыс. рублей ежегодно. Эти условия для разоренной войной Курляндии являлись заведомо невыполнимыми, что, как считали в Петербурге, позволяло в будущем оказывать влияние на политику герцогского дома.

Однако те проблемы, которые российская дипломатия предвидела лишь в отдаленном будущем, возникли во всей остроте уже в 1711 г. 30 октября 1710 г. в Петербурге состоялось бракосочетание, а 10 января 1711 г. герцог Фридрих Вильгельм умер по дороге на родину. Титул герцога принял дядя покойного — Фердинанд. Правда, сделано это было вопреки воле ландтага и оберратов, польского сейма и короля. Фердинанд не получил королевского диплома. В 1717 г. была учреждена специальная комиссия польского сейма для расследования этих событий¹³, которая подтвердила права и привилегии курляндского дворянства. С этого времени начинается длительный период интриг вокруг курляндского престола. Своих претендентов, наряду с Россией, выставили Пруссия и Саксония, причем последняя стремилась действовать в обход Речи Посполитой¹⁴.

Таким образом, если в XVII в. Курляндия находилась исключительно в сфере влияния Речи Посполитой, роль которой временами оспаривала Швеция, то в XVIII в., в связи с обострением балтийской проблемы, экспансией в этом районе России и Пруссии и ослаблением влияния Польши и Швеции, борьба за корону курляндских герцогов начинает играть заметную роль на севере Европы.

Сразу после смерти Фридриха Вильгельма в Петербурге начинают требовать выполнения условий брачного договора. 30 июня 1712 г. по указу Петра I обергофмейстером Анны Иоанновны был назначен П. М. Бестужев, перед которым ставилась задача получения у оберратов положенных 40 тыс. рублей. Но так как те отказались выполнить эти требования, то 1 сентября 1712 г. Бестужеву было поручено самому взыскать эти средства. Препирательства с курляндским дворянством закончились тем, что летом 1715 г. три полка под командованием князя В. Н. Репнина вступили в Курляндию. С этого времени Курляндия оказалась фактически занята русскими войсками. Однако эти действия явились лишь прологом к мерам по дальнейшему укреплению здесь русского влияния.

26 июля 1718 г. генерал-комиссар П. М. Бестужев сообщил в Петербург, что в Литву прибыла королевская комиссия, которая по указу Августа II должна примирить курляндцев с герцогом Фердинандом, аннулировать трактаты и указы герцога Фридриха Вильгельма как несовершеннолетнего. Тем самым ликвидировались все права Анны Иоанновны, а вместе с ними и возможные притязания России. Летом 1720 г. курляндский канцлер Кейзерлинг направил письмо Петру I, в котором просил защитить дворянство от умыслов польских вельмож. Дело в том, что в Курляндии в связи с отменой указов Фридриха Вильгельма проводилась ревизия, в результате которой у дворянства безвозмездно изымались находившиеся в закладе герцогские владения. Недовольством рыцарства воспользовались в России, предложив выкупить эти владения, но в пользу Анны Иоанновны. По подсчетам Бестужева, в конце 1721 г. общее количество заложенных имений и маестностей составило 377,75 гаков с 1561 двором (всего в герцогских владениях по переписи 1710 г. было 438 гаков). В 1722 г. выкупается девять имений площадью 188 гаков на сумму 54,4 тыс. таллеров, к концу царствования Петра I — 17 на сумму 83,37 тыс. таллеров. В 1758 г. под русским управлением находилось уже 125 имений.

Все эти домены, хотя и чересполосно, были сосредоточены вокруг Митавы и тянулись с запада на восток через всю Курляндию, отрезая северную часть герцогства от Литвы и примыкая на востоке к русским владениям в Лифляндии. Хотя выкуп этих имений носил в каждом случае характер частной сделки, в итоге подавляющее большинство герцогских доменов оказалось под управлением России, к ней же, таким образом, переходили и сеньориальные права герцога. Выкупная операция помогла склонить на сторону России часть курляндского рыцарства. Связи дворянства с Россией еще более укрепились благодаря широкому притоку дворян из Курляндии на русскую службу. Высших чинов военной и гражданской иерархии России достигли Корфы, Кейзерлинги, Менгдены и Бреверны¹⁵.

Политика России в Курляндии вызывала большие опасения в Варшаве. Правящие круги Речи Посполитой не отказались от планов присоединения герцогства к республике, однако их осуществлению мешали не только общее ослабление польско-литовского государства, но и сопротивление курляндского дворянства, боявшегося проникновения в Курляндию польской шляхты и католической церкви, а также стремление саксонской династии превратить герцогство в наследственное владение дома Веттинов. Все это обусловило выжидательную позицию польских правящих кругов, которые вынуждены были ограничиться декларациями, подтверждающими существующий статус Курляндии и сеймовое решение 1589 г. о ее включении в состав Речи Посполитой после прекращения династии Кетлеров. Так, в кон-

ституциях Варшавского сейма 1717 г. говорилось о том, что герцогства Курляндия и Семгалия являются составной частью (*ad corpus*) Польши и Литвы и подтверждались привилегии 1617 г.¹⁶ В королевском дипломе Мориса Саксонского 1726 г. герцогство названо провинцией Речи Посполитой, а в конституциях Варшавского сейма 1726 г. вновь подтверждены конституции 1589 г.¹⁷

III

Избрание на польский престол Августа III в результате военного вторжения России в Польшу вынудило польское правительство пойти на уступки в курляндском вопросе. Акт Генеральной конфедерации 1733 г. и Варшавский сейм 1736 г. определяют статус Курляндии как ленного владения республики и инвеституру герцога на основе доверия жителей. Однако тут же подтверждаются конституции сейма 1726 г., что свидетельствовало о намерениях дрезденского двора и магнатов при удобном случае настаивать на включении Курляндии в состав Речи Посполитой или на избрании герцога из саксонской династии¹⁸.

Весной 1737 г. в Гданьске скончался последний представитель династии Кетлеров герцог Фердинанд. Это стало поводом для определения статуса Курляндии по отношению к Польше и России. Последняя решительно воспрепятствовала включению герцогства в состав Речи Посполитой. 30 апреля 1737 г. из Петербурга в Митаву был отправлен подполковник Каркетель с двумя грамотами от императрицы. Вторая, обращенная к оберратам, предписывала созвать ландтаг, «отдалив от союза с Польшею сие герцогство и доставив владение оного тому, коего она (Анна Иоанновна. — *Б. Н.*) удостоивала всегда своего благоволения», т. е. Э. И. Бирону, который, правда, не был назван в грамоте по имени¹⁹. Выборы состоялись в июне 1737 г. Однако, чтобы избрание прошло гладко, все привилегии герцогства сохранялись незыблемыми, более того, грамотой от 6 июля 1737 г. императрица обещала оберратам исходатайствовать у польского короля инвеституру для нового герцога. Такая была получена в Митаве в 1742 г., уже после падения и ссылки Бирона. Это свидетельствовало о том, что утверждение нового герцога, ставленника России, сохраняло свое значение и после падения фаворита императрицы Анны.

В 1740—1750-е гг. русское правительство, с одной стороны, препятствовало курляндским депутатам поднимать вопрос о судьбе Бирона и его возвращении в Курляндию, как это было на ландтаге 1743 г. и во время обсуждения инструкций депутатам от герцогства на Гродненский сейм 1744 г.²⁰, а с другой — стремилось не допустить попыток избрания нового герцога в Курляндии, что видно, в частности, из инструкции министру в Варшаве М. Н. Волконскому 1757 г.²¹

Только в годы Семилетней войны, в 1758 г., в Петербурге было дано согласие на избрание курляндским герцогом саксонского принца Карла²². Это означало существенный шаг назад в русской политике в курляндском вопросе, потому что, во-первых, укрепляло позиции в Курляндии саксонской династии и польской короны, во-вторых, могло оживить попытки вновь полностью включить герцогство в состав Речи Посполитой, в-третьих, создавало трудности в управлении герцогскими доменами, которые еще в 1739 г. были формально уступлены Бирону²³ и могли теперь стать объектами претензий со стороны нового герцога, в-четвертых, настораживало стремление Карла укрепить в Курляндии позиции католической

церкви и, наконец, в-пятых, создавало трудности для пребывания в герцогстве русских войск.

Избрание Карла было с неудовольствием встречено со стороны части курляндского дворянства. 17 октября 1759 г. оберраты представили ландтагу проект реверсалий, в котором герцог требовал уравнивания в правах протестантской и католической церквей в Курляндии, последняя в конфессиональном отношении должна была подчиняться польским епископам. Карл пытался также добиться для себя права предоставлять герцогские владения в пользование не только курляндскому рыцарству, но и иным угодным ему лицам. Очевидно, что имелись в виду представители польской и саксонской знати. Дворянство требовало обсуждения с его представителями государственных дел, герцог же настаивал на частном характере подобных обсуждений, что позволяло ему в известных случаях поступать вопреки мнению рыцарства. Дворянство также требовало для себя права избрания должностных лиц и членов герцогского суда. Карл, напротив, добивался права их назначения, причем среди обергауптманов должен был быть как минимум один католик, а среди гауптманов — два²⁴. В этих реверсалиях определенно отразилось стремление саксонской династии укрепить свои позиции в Курляндии и создать предпосылки для ее включения в состав польско-литовского государства, но в качестве наследственного владения дома Веттинов — проект, видимо, не забытый дрезденским двором со времен Августа II.

Защитником рыцарских привилегий выступило правительство России. Рескриптом от 31 июля 1761 г. К. М. Симолину, русскому послу в Митаве, курляндцу по происхождению, императрица Елизавета требовала примирения партий, особенно в вопросах религии, гарантий сохранения существующего порядка избрания герцога, подтверждения привилегий курляндского дворянства, отказа герцога впредь от покупки аллодиальных мыз²⁵.

IV

После смерти императрицы Елизаветы и свержения Петра III правительство Екатерины II принимает в курляндских делах сторону эрнстенианцев и высказывается за восстановление Эрнста Иоганна Бирона на престоле. В рескрипте Екатерины II К. Симолину от 4 июля 1762 г. (т. е. почти сразу после переворота) отменялись все распоряжения предыдущего царствования, которые касались наложения ареста на герцогские доходы, выдвижения кандидатуры на престол голштинского принца Георга, которого, помимо Петра III, поддерживала и Пруссия, и ставилась задача «фаворитизировать более партию Биронову, нежели других»²⁶. Это ясно продемонстрировало намерение России отказаться от какого-либо соглашения в курляндских делах с Польшей, Саксонией, Пруссией и Голштинией и добиваться избрания герцога, целиком зависимого только от Петербурга. Причем в России проявляли в этом вопросе немалую поспешность. 23 июля следует новый рескрипт, которым предписывалось усилить поддержку эрнстенианцев²⁷. 3 августа 1762 г. Екатерина II отправила грамоту Августу III, которая являлась по сути официальной декларацией русского правительства по курляндскому вопросу. В ней императрица объявляла об освобождении Бирона, ссылаясь при этом на многократные в прошлом просьбы как со стороны курляндского дворянства, так и короля и Речи Посполитой, о воз-

вращении герцогу всех секвестрованных имений и предлагала королю «восстановить герцога Эрнста Иоаганна во владении поместных его княжеств со всеми ему единожды признанными правами»²⁸. В тот же день рижскому генерал-губернатору Ю. Ю. Броуну было предписано направить в Митаву в распоряжение К. Симолина батальон, чтобы не допустить беспорядков, хотя и делалась оговорка о предотвращении возможного насилия²⁹.

4 августа 1762 г. Бирон и Екатерина II обменялись специальными актами, причем проект акта от имени Бирона был составлен в Коллегии иностранных дел, а сам герцог лишь подписал и скрепил печатью его немецкий перевод. Россия официально обязалась восстановить Бирона в правах на владение герцогством, снять секвестр со всех аллодиальных имений, находящихся под управлением России. Важнейшими обязательствами со стороны герцога были: предоставление свободы православной церкви, открытие гаваней для свободного захода русского флота, свободный проход русских войск через территорию герцогства, свободное движение русских товаров, запрет на вывоз хлеба в страны, воюющие с Россией. Акт со стороны Бирона открывался его полным герцогским титулом, что формально означало непризнание инвеституры герцога Карла и нарушение ленных прав польской короны и Речи Посполитой. Это неизбежно должно было вызвать недовольство в Варшаве, где в это время находился и Август III. Поэтому было предложено польскому королю и герцогу Карлу предоставить в качестве компенсации епископства Мюнстерское и Падерборнское, а также город Эрфурт.

Соответствующая грамота была отправлена польскому королю. Уже 19 августа 1762 г. императорским рескриптом у И. Ржичевского — секретаря русской миссии в Варшаве — требовали сведений о реакции на эти предложения в Польше³⁰. Ответ был получен, но не от короля, а от коронного канцлера Яна Малаховского. Возражения польского двора сводились к следующему: Бирон, будучи герцогом курляндским, не оставил свою службу в России, более того, являлся даже регентом; не жил в герцогстве; не выполнил условий, предусмотренных договором Кетлера; русское правительство, о чем свидетельствовало заявление посла в Дрездене Генриха Гросса, не имело намерения освобождать Бирона³¹.

Опровергая аргументы польской стороны, А. П. Бестужев-Рюмин и назначенный послом в Варшаве Г. Кейзерлинг утверждали, что Бирон не нарушал своих обязательств как вассал польского короля, что никогда прежде со стороны короля и республики такие обвинения против него не выдвигались. Специальным рескриптом императрицы от 29 августа 1762 г. И. Ржичевскому предписывалось, чтобы сейм 1762 г. был сорван в самом начале (до избрания маршала)³². Тем самым старались не допустить обсуждения на сейме курляндских дел и, тем более, назначения польских комиссаров в Курляндию. В сентябре 1762 г. был получен ответ от Августа III на грамоту Екатерины II от 3 августа 1762 г. От И. Ржичевского в Варшаве уже знали, что Петербург отверг все претензии польского двора к Бирону, поэтому главным требованием польского короля было прибытие Бирона в Варшаву для повторного получения инвеституры³³. Г. Кейзерлинг и А. П. Бестужев-Рюмин, советники Екатерины по польским и курляндским делам, в свою очередь в специальной записке предлагали аккредитовать при Бироне министра К. Симолина, сославшись на то, что принц Карл отказался пропустить через Курляндию русские войска. Это означало по сути дипломатическое признание Бирона. Однако допускалось непо-

средственное обращение Бирона к польскому королю, что, по мнению авторов записки, должно укрепить позиции Бирона в Варшаве ³⁴. На основании этой записки были составлены рескрипты И. Ржичевскому в Варшаву и К. Симолину в Митаву ³⁵.

Однако в октябре 1762 г. в Петербурге оставили намерение мирно уладить курляндское дело в Варшаве. 17 октября 1762 г. К. Симолину посылается рескрипт с требованием: «Тамошние кирхшпили довести буде не до чрезвычайного сеймика, то по меньшей мере до каких-либо братских собраний, в которых бы могло произойти явное разделение в земском правлении, и мы бы приглашены были к их соединению по той протекции, которую мы всей Курляндии всегда обещали, дабы мы, таким образом, как призванные могли прямо в дела их вмешаться и тем утвердить там старого герцога Эрнста Иоаганна» ³⁶. Этот рескрипт свидетельствовал об определенных изменениях в русской политике в Курляндии. Если в августе и сентябре 1762 г. в Петербурге стремились достичь своих целей путем соглашения с польским королем, то теперь ставка делалась на раскол в лагере курляндского дворянства и на использование силы, в частности возвращавшихся из Пруссии русских войск. Такое ужесточение позиции России неизбежно должно было вызвать недовольство в Вене и Париже. Если для Марии Терезии и Кауница главной задачей являлась поддержка саксонского союзника, то для Франции важно было сохранить влияние своих сторонников в Польше, положение которых должно было осложниться в случае успеха русской политики в курляндском вопросе. Ввиду этого Август III обратился к некоторым европейским дворам с просьбой выступить в поддержку прав принца Карла. Из всех держав, к которым обратился за поддержкой польский король, только Пруссия недвусмысленно встала на сторону России. Фридрих II в своем ответе на демарш Августа III объявил, что Пруссия до сего времени не получала официального извещения о низложении Бирона и избрании нового герцога. Поэтому для Пруссии Бирон остается законным герцогом курляндским с 1737 г. ³⁷

29 октября в Коллегии иностранных дел состоялась конференция, в которой участвовали А. Бестужев-Рюмин, М. Воронцов, Н. Панин, А. Голицын, А. Олсуфьев, А. Строганов и секретарь И. Пуговишников ³⁸. Примечательно, что впервые в обсуждении курляндских дел участвовал Н. И. Панин. В мнении коллегии отмечались попытки Австрии, Франции и Испании повлиять на позицию Петербурга и поддержать принца Карла в борьбе за Курляндию. В докладе коллегии, утвержденном Екатериной II, ставилась следующая задача: «Объявить польскому, венскому, а также и французскому, и испанскому дворам <...>, что императрица предоставляет восстановление Эрнста Иоанна на решение курляндского рыцарства и республики польской <...>, производить здешние о том старания стороною и скрытно, употребляя на то даже деньги, — в Курляндии посредством противников Карла, а в Польше — через сторонников России и в особенности князей Чарторыхских» ³⁹.

Однако ни дипломатические демарши, ни деньги, раздаваемые сторонникам Бирона как в Курляндии, так и в Польше, не привели к ожидаемому результату. К. Симолин сообщил в Петербург, что не удастся не только собрать ландтаг, но и братские конференции. Тридцать депутатов от кирхшпилей, собравшиеся у К. Симолина в присутствии присланного от Бирона гофмаршала, согласились только направить письмо Екатерине II с поздравлением по случаю коронации и с благодарностью за освобождение их герцога. В свою очередь Бирон писал Симолину, что

переговоры с Польшей ничего не дадут и просил Петербург действовать «без церемоний». Сообщая об этом, Симолин добавлял, что вся Курляндия поддерживает герцога Эрнста Иоганна⁴⁰. В октябре 1762 г. в Петербурге вместе с письмом Э. И. Бирона получили записку неизвестного автора, вероятно, одного из сторонников российской партии в герцогстве, в которой был предложен перечень неотложных мер со стороны России: во-первых, необходимо взять под контроль герцогские домены, прежде чем принц Карл соберет с них доходы, во-вторых, отказаться от всяких контактов с дрезденским двором и отправить депутации в Петербург и Варшаву для обоснования незаконности передачи герцогства во владение принцу Карлу⁴¹.

В этих условиях в Петербурге решили действовать. По указу императрицы 2 декабря 1762 г. Симолину в Митаву был отправлен рескрипт, которым предписывалось наложить секвестр на все доходы принца Карла. В рескрипте также содержалась угроза повторно взыскать арендные и иные платежи с тех дворян, которые будут, несмотря на запрещение, вносить деньги в герцогскую казну. Раздражение в связи с неуступчивостью саксонского двора достигло в Петербурге крайней степени. В письме Кейзерлингу от 7 декабря 1762 г. Екатерина II велела дать понять графу Г. Брюлю, первому министру Августа III, что если по курляндским делам он будет сопротивляться ее планам, она «изведет его вконец и выгонит из Польши»⁴².

Тогда же положение в Курляндии рассматривалось в Коллегии иностранных дел. Проводилось обсуждение в отсутствие А. П. Бестужева-Рюмина, который, впрочем, подал особое мнение. Рекомендации коллегии были определены позицией Н. И. Панина. В коллежском мнении отмечалось, что меры, принятые до сих пор для восстановления правления Бирона, недостаточны. Было предложено издать от имени Бирона универсал о его приезде в герцогство и о сохранении в силе присяги курляндского дворянства, ему данной. Далее предлагалось от имени дворянства направить в Варшаву депутацию с просьбой уничтожить инвеституру принца Карла, так как не все кирхшпили принесли ему присягу. Приезд Бирона в Митаву планировался в сопровождении русских войск. Коллегия подтверждала необходимость сохранения секвестра на герцогские доходы до восстановления Бирона в правлении, а также предлагала передать через кого-либо из оберратов принцу Карлу требование покинуть Курляндию. «Но если он упорно будет тому супротивляться, — говорилось в коллежском заключении, — то легко стать может, что и собственную свою персону подвергнет неприятствам»⁴³. Особое мнение А. П. Бестужева-Рюмина мало чем отличалось от мнения коллегии. Однако оно свидетельствовало, что елизаветинский канцлер был отстранен от выработки политики России в курляндском вопросе.

Ужесточение позиции Петербурга, начало которому положило письмо императрицы Г. Кейзерлингу от 7 декабря 1762 г., было, видимо, связано с влиянием Н. И. Панина, который в соответствии с утвержденным императрицей мнением коллегии составил рескрипты Симолину от 9 и 10 декабря 1762 г.⁴⁴ Однако главным инициатором решительных действий в Курляндии являлась сама Екатерина II. В ноябре 1762 г. И. Ржичевский доносил из Варшавы, что польский король намерен послать в Митаву двух сенаторов для поддержки принца Карла. Он также сообщал, что канцлер литовский М. Чарторыский намерен отказаться от утверждения им инструкции. Это явно указывало на намерение польского короля направить комиссию в Курляндию без соответствующего решения сейма. Екатерина II 10 декабря 1762 г. вновь в раздражении угрожает «погибелью» графу Г. Брюлю, нелестно отзываясь о

нем, написав, что он «бродлив как кошка и труслив как заяц»⁴⁵. В ответ на просьбу польской стороны вывести русские войска из Курляндии, ленного владения Речи Посполитой, императрица заявила, что войска, прибывшие в Ригу, служат для защиты законного герцога, и что как только он будет вне опасности, эти войска будут отозваны⁴⁶.

К концу декабря ситуация в Курляндии достигла крайнего напряжения. Екатерина II 31 декабря распоряжается не допускать польских комиссаров в Курляндию, в качестве повода ссылаясь на отсутствие в инструкции комиссарам подписи и печати канцлера литовского. 3 января 1763 г. Симолину направляется рескрипт о приезде Бирона в Митаву, который должен был состояться 11 января. В этот же день императрица дает согласие на конфедерацию в Польше во главе с Чарторыскими⁴⁷.

В это время Симолин доносил из Митавы, что там все готово для публичного собрания всего курляндского дворянства, которое будет приурочено к приезду Бирона, что на герцогские доходы и арендные деньги наложен секвестр. Екатерина распорядилась: «Написать к Симолину от меня благодарение за его ревностное исполнение нашей воли»⁴⁸.

В январе 1763 г. Бирон торжественно прибыл в Митаву, где был встречен дворянством и русскими войсками. Гвардию герцога Карла разоружили. На 30 января было назначено начало братской конференции, которая продолжалась до марта 1763 г. На конференции оберратами было предложено три вопроса: считать ли настоящее собрание полномочным ландтагом; являются ли права Э. И. Бирона обоснованными и несомненными; едины ли депутаты в своем решении. После того как конференция утвердительно ответила на эти вопросы, в специальной записке ландгофмейстер фон Говен заявил, что не подвергает сомнению права Бирона, но не может признать его правящим герцогом, так как в Митаве находится иной правящий герцог — принц Карл⁴⁹. Окончательное решение вопроса вновь откладывалось и переносилось в Варшаву.

Принц Карл, чтобы выиграть время, предпринял попытку обратиться лично к Екатерине II. Его письмо было вручено императрице 16 февраля 1763 г. В нем принц Карл заявлял, что не препятствовал проходу русских войск через герцогство, а лишь ожидал соответствующих повелений от Августа III, жаловался на Симолина, по приказу которого все улицы наполнены пикетами и часовыми и который требует, чтобы он, Карл, покинул герцогство, если не желает видеть себя «подвержену худым следствиям»⁵⁰.

Письмо принца Карла должно было продемонстрировать лояльность самого автора, а косвенно и дрезденского двора по отношению к Петербургу и в то же время поставить решение курляндского вопроса в зависимость от позиции короля и сейма в Варшаве. Однако принц Карл и его покровители, видимо, надеялись не только на сейм. Карл Генрих Гейкинг сообщает, что в конце 1762 или начале 1763 г. принц Карл отправил его отца Вильгельма Александра, гауптмана города Дурбена, в Варшаву, чтобы добиться помощи от Августа III, германского императора, испанского и французского королей. Усилия гауптмана оказались тщетными. Он добился в Варшаве лишь посылки в Курляндию комиссаров — сенаторов: мстиславского воеводу К.Л. Платера и ленчицкого каштеляна Т. Липского⁵¹. Сведения мемуариста нуждаются в дополнении. Как сообщил из Варшавы 6 января 1763 г. прусский резидент Геден Бенуа, король принял решение собрать Сенат для поддержки принца Карла⁵². Тогда же в Варшаве и Дрездене начали хлопотать о соответствующих де-

маршах со стороны европейских дворов, следствием чего явилась декларация испанского короля в поддержку принца Карла, опубликованная в Варшаве весной 1763 г.⁵³ Обсуждение вопроса о Курляндии в сейме и Сенате являлось для Августа III особенно деликатным делом, поскольку сеймы 1758, 1760, 1761, 1762 гг. были сорваны⁵⁴, а решения Сената не имели достаточной силы без соответствующей конституции (постановления) сейма. Трудность апелляции к сейму состояла еще в том, что избрание принца Карла в 1758 г. не было официально узаконено в Варшаве, а решено частным образом во время пребывания в польской столице курляндского депутата Шоппинга между ним, канцлером Малаховским, графом Брюлем и королем Августом⁵⁵, даже без одобрения Сената, который ограничился подтверждением конституций 1736 г.⁵⁶ На сенатских советах 1761 и 1762 гг. вопрос о Курляндии не ставился. Правда, в 1762 г. Сенат высказался за проведение экстраординарного сейма, который должен был, в частности, узаконить избрание Карла⁵⁷.

Вновь к вопросу о Курляндии Сенатский совет обратился в марте 1763 г. В его постановлении отмечалось, что Э. И. Бирон не имеет прав на герцогский престол и, напротив, принц Карл является законным герцогом курляндским⁵⁸. Однако против такого решения выступили многие сенаторы, о чем в Берлин и Кенигсберг доносил прусский резидент Г. Бенуа. Он же приводил текст речи канцлера литовского Михала Чарторыского, который, ссылаясь на конституции 1736 г., обосновывал законность прав Бирона. К его мнению присоединились епископ виленский Игнацы и его отец гетман литовский Михал Массальские, епископ плоцкий Иероним Шептицкий, епископ куявский Антони Островский, воевода иновроцлавский Анджей Замоиский, воевода русский Август Чарторыйский, Михал Юзеф Ржевуский — воевода подольский, сандомирский каштелян Мацей Солтык, иновроцлавский каштелян Анджей Мошченьский, Теодор Чарторыский — епископ познаньский и освенцимский каштелян Юзеф Яклиньский⁵⁹. Сенат оказался фактически расколот, причем к «фамилии» примкнули некоторые сенаторы из так называемого «патриотического» лагеря и даже сторонники «дворской партии» Ежи Мнишека. В такой позиции нашли отражение как предчувствие заката «саксонской эпохи», так и нежелание обострять отношения с Россией ради интересов династии Веттинов. Тем не менее без санкции сенаторов и даже без ссылки на постановление Совета Август III 15 апреля 1763 г. издает декрет, в котором объявляет Бирона узурпатором и освобождает курляндское рыцарство от данной тому присяги⁶⁰.

Однако эта последняя попытка аннулировать решение ландтага 1763 г. оказалась безуспешной, не помогли также вмешательство комиссии польского Сената и угроза привлечь к реляционному суду Бирона и его сторонников. В апреле 1763 г. принц Карл уехал из Митавы в Варшаву, герцогский дворец был занят русскими войсками, а в июле Курляндию покинули и польские комиссары — сенаторы Платер и Липский. Курляндское дело успешно завершилось к удовольствию Петербурга. В мае 1763 г. Э. И. Бирон получил поздравительное письмо от Фридриха II в ответ на благодарственное послание курляндского герцога за содействие, оказанное ему прусскими представителями в Варшаве⁶¹. О том, что это не были пустые слова, свидетельствовал рескрипт в Берлин послу В. С. Долгорукову, подписанный М. И. Воронцовым и А. М. Голицыным⁶². Таким образом, своим успехом в решении курляндского вопроса Россия была в известной мере обязана благожелательной позиции Пруссии.

Хотя формально статус герцогства как ленного владения польской короны остался неизменным, восстановление власти Бирона в Курляндии, осуществленное в 1763 г. и закрепленное в решениях Варшавского сейма 1764 г.⁶³, означало по существу присоединение герцогства к России и сводило значение самого герцога до уровня российского губернатора. В этом положении Курляндия оставалась до 1795 г., когда после третьего раздела Польши и отречения от престола герцога Петра Бирона герцогство было упразднено и стало одной из остзейских российских губерний.

* * *

Политика русского правительства в Курляндии в XVIII в. находилась в тени более значительных внешнеполитических акций российского абсолютизма, и это естественно, так как роль герцогства в европейской политике была весьма невелика. В русско-курляндских отношениях, тем не менее, проявились известные черты, которые не только позволяют сделать выводы относительно методов, с помощью которых Петербург стремился достичь своих внешнеполитических целей, но и, что весьма существенно, средства, которые были определены, впервые опробованы в дальнейшем более широко применены Российской империей в 60—90-е гг. XVIII в.

Успешное для России разрешение курляндского вопроса было подготовлено политическими, дипломатическими и военными средствами. В политической области необходимо указать на практику привлечения на сторону России господствующих сословий Курляндии, рыцарства и церкви. Это достигалось с помощью политики, направленной на охрану сословных прав и привилегий феодалов, на поддержку консервативной части дворянства, выступавшей против любых, даже самых робких попыток усиления герцогской власти. Особое внимание при этом уделялось защите интересов дворянства как сословия землевладельцев, что проявилось, в частности, в связи с ревизией 1720 г. Однако идя навстречу дворянским устремлениям, выступая в роли покровителя традиционных поземельных отношений и сословных учреждений, Россия стремилась в максимальной степени взять их под свой контроль, использовать для борьбы с противниками русской политики.

Средством усиления влияния России в герцогстве было привлечение курляндского дворянства на русскую службу. Особенно заметную роль играла политика защиты традиционных прав протестантской церкви и покровительства православной общине в Курляндии. Защищая аугсбургское вероисповедание в Курляндии, российская дипломатия не только противодействовала влиянию в герцогстве католической церкви, но и препятствовала сближению рыцарства и польской шляхты. Причем именно в Курляндии Россия прямо потребовала угодных ей изменений политики в конфессиональном вопросе, что означало по существу непосредственное вмешательство во взаимоотношения верховной власти и сословий, переход к протекторату в отношении некаатолических вероисповеданий.

Большое значение в Петербурге придавалось охране прав органов дворянского сословного представительства: кирхшпилей, ландтагов, а также земских должностных лиц — гауптманов и обергауптманов. Вместе с тем на рубеже 1762—1763 гг. в этой политике наблюдается характерная перемена. Если раньше Россия выступала в роли охранителя формального единства господствующего сословия в борьбе с

герцогом, то позже открыто взяла курс на его раскол, впервые оказав покровительство антигерцогской конфедерации.

Разумеется, присвоив себе роль арбитра в отношениях между рыцарством и герцогом, в Петербурге уделили немалое внимание контролю за последним. Российский протекторат касался не только сословий, но и самого герцога. Дело было начато с установления фамильного союза с династией Кетлера, а после ее прекращения Россия добилась избрания в 1737 г. Э. И. Бирона на герцогский престол, что означало кардинальное нарушение статуса Курляндии по отношению к Речи Посполитой. Еще до избрания Бирона Россия сумела добиться контроля за герцогскими доменами и назначениями на земские должности. Важнейшим результатом борьбы вокруг курляндского престола 1762–1763 гг. стало избрание герцогом «природного курляндца» и окончательное устранение всех иных кандидатов, так или иначе связанных с европейскими дворами, в первую очередь с саксонской династией. Курляндское дело продемонстрировало невозможность компромисса с Речью Посполитой и Дрезденом и выилось для правительства Екатерины II пробным камнем будущего союза с Пруссией.

Таким образом, именно в период борьбы за Курляндию на практике обозначились первые элементы будущей северной системы и взаимодействия с Фридрихом II в отношении Польши. Разумеется, осуществление всех этих шагов было бы невозможно без прямого военного присутствия России в Курляндии. Однако, отдавая должное решающей роли этого фактора, следует подчеркнуть, что применение военной силы было дополнено рядом мероприятий, опыт применения которых в известной мере использовался в 60–90-е гг. XVIII в. в отношении Речи Посполитой, Крыма и Османской Порты.

События в Курляндии 1762–1763 гг. оказали существенное влияние на изменение политики России в отношении Речи Посполитой и вызвали кризис польско-российских отношений, который выразился в отказе России от поддержки саксонской династии и подготовке вторжения в Польшу в случае смерти Августа III с целью избрания нового короля — ставленника России. Решение об этом было принято в начале февраля 1763 г., в период наибольшего обострения российско-польских противоречий в Курляндии⁶⁴. Таким образом, было положено начало новому этапу политики России в Речи Посполитой.

Примечания

1. *Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы. Юрьев, 1916. С. 2.
2. *Арбузов Л.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912; История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1; *Чешихин Е. В.* История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884–1885. Т. 1, 2; *Форстен Г.* Балтийский вопрос в XVI–XVII ст. (1544–1648). СПб., 1893–1894. Т. 1, 2; Archiv für die Geschichte Liv-Esth- und Curlands. Dorpat, 1842–1861. Bd. 1–8; *Kalnins V.* Kuršemes herzogistes valsts iekāria un tiesības (1561–1795). Rīga, 1963; *Manteuffel G.* Inflanty Polskie. Poznań, 1879; Polska a Inflanty. Praca zbiorowa. Gdynia, 1939; *Seraphim E.* Geschichte Liv-Est- und Kurlands. Reval, 1895–1896. Bd. 1–2; *Mączak A.* Pierwsza Rzeczpospolita: władza i przestrzeń // Rzeczpospolita — Europa XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacja / Wyd. M. Kopczyński i W. Tygielski. Warszawa, 1999.
3. См. напр.: *Bues A.* Das Herzogtum Kurland und der Norden der polnisch-litauischen Adelsrepublik im 16. und 17. Jahrhundert. Möglichkeiten von Integration und Autonomie. Giessen, 2001;

- Она же. Курляндское герцогство и борьба за господство в Прибалтике в XVI–XVIII вв. // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 39–61.
4. См.: *Curländische Statuten, oder Rechte und Gesetze zum benuff des Adels im Curland und Semgallen*. Mitavia, 1617; *Die Quellen des Curländischen Landrechts*. Dorpat, 1848; *Hupel A. W. Statistisch-Topographische Nachrichten von den Herzogthumem Kurland und Semgallen*. Riga, 1785; *Sturm E. Grundzüge der Staatsorganisation des Herzogtums Kurland im XVII Jh. Greifswald, 1919; Ziegenhorn Ch. G. Staatsrecht der Herzogthümer Kurland und Semgallen*. Königsberg, 1772.
 5. *Hupel A. W.* Op. cit. S. 15–85.
 6. История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 200, 354–355; Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1896. С. 15.
 7. О положении церкви в Курляндии см.: *Kallmeyer Th. Die Begründung evangelisch-lutherischen Kirche in Kurland durch Herzog Gothard*. Riga, 1851; *Tetsch K. L. Curländische Kirchen-Geschichte von dem Zustande dieser Provincial-Kirche, bis zum Ableben Gotthards ersten Herzog zu Curland*. Riga; Leipzig, 1767–1770.
 8. *Volumina legum*. Petersburg, 1859. Т. 2. S. 280, 377–378, 347.
 9. *Ibid.* S. 806.
 10. *Ibid.* S. 1267.
 11. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела... С. 3–4.
 12. Там же. С. 12–13; Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IV. № 2272.
 13. VL. Т. 6. S. 300.
 14. *Арбузов Л.* Указ. соч. С. 243–248; *Seraphim E.* Op. cit. Bd. 2. S. 582–631; Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела... С. 14–56; *Полиевктов М.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадского мира (1721–1725). СПб., 1907; *Щебальский П. К.* Политическая система Петра III. М., 1870.. С. 58–96.
 15. Там же.
 16. VL. Т. 6. S. 301.
 17. *Ibid.* S. 403–407.
 18. *Ibid.* S. 587, 664.
 19. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела... С. 37–38.
 20. *Heyking K. H.* Aus Polens und Kurlands letzten Tagen. Berlin, 1897. S. 27.
 21. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 79. Оп. I. 1757. Д. 6–Б. Инструкция министру в Варшаве М. Н. Волконскому. П. 20. Л. 46.
 22. Подробнее см.: Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела. С. 66–96; *Полиевктов М.* Указ. соч. С. 62–96; *Heyking K. H.* Op. cit. S. 32–59.
 23. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела... С. 41–42.
 24. *Heyking K. H.* Op. cit. S. 47–50.
 25. Курляндские, лифляндские, эстляндские и финляндские дела... С. 56.
 26. Сб. РИО. 1885. Т. 48. С. 13.
 27. Там же. С. 32.
 28. Там же. С. 50–51.
 29. Там же. С. 48–49.
 30. Там же. С. 81–83.
 31. Там же. С. 100–103.
 32. Там же. С. 99–100.

33. Там же. С. 125.
34. Там же.
35. Там же. С. 131, 141.
36. Там же. С. 156.
37. Там же. С. 614.
38. Там же. С. 164–165.
39. Там же. С. 167.
40. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25.
41. АВПРИ. Ф. 63. Оп. 7. Д. 27. Л. 6–8 об.
42. Сб. РИО. 1885. Т. 48. С. 201–203.
43. Там же. С. 204–208.
44. Там же. С. 211–212.
45. Там же.
46. Там же. С. 221.
47. Там же. С. 244–249.
48. Там же. С. 250.
49. Heyking K. H. Op. cit. S. 59.
50. АВПРИ. Ф. 63. Оп. 7. Д. 1. Л. 5–6 об.
51. Heyking K. H. Op. cit. S. 16–17.
52. GStA Staatsarchiv Königsberg. Etatsministerium. Tit. III h. № 246. S. 12–13.
53. Ibid. S. 94–97.
54. Koponczyński W. Chronologiasejmów Polskich, 1493–1793. Kraków, 1948. № 227–230.
55. Щербальский П. К. Указ. соч. С. 80–81.
56. AGAD. Archiwum publiczne Potockich. № 70. Senatus konsulta. 1732–1763. S. 78–79.
57. Ibid. S. 92–93.
58. GStA Staatsarchiv Königsberg. Etatsministerium. Tit. III h. № 246. S. 96; AGAD Archiwum publiczne Potockich. № 70. Senatus konsulta. 1732–1763. S. 98–99.
59. GStA Staatsarchiv Königsberg. Etatsministerium. Tit. III h. № 246. S. 84–87, 95.
60. Heyking K. H. Op. cit S. 63–65.
61. Ibid. S. 65.
62. Сб. РИО, 1885. Т. 48. С. 320.
63. VL. Т. 7. S. 14–15.
64. Сб. РИО, 1885. Т. 48. С. 298–301, 332, 333.

*НАКАНУНЕ «БЕСКОРОЛЕВЬЯ».
ПОЛЬСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
В ПОСЛЕДНИЙ ГОД «ЭПОХИ САСКОЙ»
1762–1763 гг.*

Последний год правления саксонской династии в Польше, названного в польской историографии саксонской эпохой («эпохой саской»), и наступившее после кончины короля Августа III последнее «бескорольевье» в Речи Посполитой многократно привлекали внимание исследователей. И такой интерес вполне объясним, поскольку начало 1760 гг. стало новым этапом в истории многих европейских народов, но во взаимоотношениях России и Польши они имели особое, исключительное значение, ибо открыли собой эпоху трагического финала шляхетской Речи Посполитой, прелюдией же к ней стало избрание новым королем Польши Станислава Понятовского. Причем все авторы, писавшие об избрании нового короля, связывают это событие исключительно с политической Екатерины II.

Впервые детальное монографическое изучение названная тема получила в первом томе «Истории правления Станислава Августа» Хенрика Шмита¹. Написанная в 1860-е гг., после подавления национального восстания 1863 г. в Польше, работа эта по своему пафосу и оценкам отразила, с одной стороны, характерное для историографии школы И. Лелевеля подчеркнутое осуждение антинациональной политики магнатов, открывших путь для российской интервенции в Польше, в чем усматривалась главная причина падения Речи Посполитой, а с другой — скрытую полемику между сторонниками непримиримого сопротивления захватчикам и приверженцами «органического труда». Однако главным достоинством труда Х. Шмита, по сей день сохранившего поэтому свое научное значение, было введение в научный оборот ценнейших источников, хранившихся в Библиотеке Чарторыхских и в Библиотеке Оссолинских. Будучи, как уже отмечалось, первым в ряду исследователей бескорольевья начала 1760-х гг., Х. Шмит не мог опираться на труды других авторов и фундаментальные публикации источников, появившиеся позднее, поэтому естественно наличие в его книге отдельных неточностей, относящихся преимущественно к изложению позиции иностранных правительств, что ни в коей мере не умаляет ее научного значения. Поэтому мы намерены опираться, в частности, и на материалы, приведенные в труде Х. Шмита, и на источники, помещенные им в приложения.

В русской историографии названная проблема впервые была исследована в трудах С. М. Соловьева². Но если в известной Х. Шмиту «Истории падения Польши», вышедшей в 1863 г., ей посвящено всего несколько страниц, где говорится только о позиции Екатерины II и проблемах русско-прусского союза, то гораздо более подробно о внут-

ренной ситуации в Польше 1762–1764 гг. С. М. Соловьев пишет в 25–26-м томах «Истории России», увидевших свет в 1875–1876 гг. По сути дела, книги Х. Шмита и С. М. Соловьева стали фундаментом всей последующей историографии, поставили вопросы, по которым и по сей день ведется научная дискуссия. Не давая обзора всей существующей историографии проблемы, остановимся только на специально ей посвященной и оказавшей большое влияние на последующих исследователей книге Шимона Ашкенази «Последние королевские выборы в Польше», вышедшей в 1894 г. Определяя круг своих исследовательских задач, автор, в частности, писал, что избрание Станислава Понятовского было делом России — это известно. Вопрос, по его мнению, состоит в том, насколько русская политика в период польского бескорольевья была преемственна, а насколько — связана собственно с политической линией Екатерины II³. К сожалению, сам Ш. Ашкенази оставил этот вопрос без определенного ответа. В известной мере о его точке зрения свидетельствует высказывание, что с апреля и до осени 1763 г. намерения Екатерины II в польских делах изменились под воздействием Н. И. Панина, что без всякого влияния Фридриха II, по собственному убеждению императрицы планы Чарторыхских были отложены в сторону и с этого времени руководство польскими делами перешло в руки ее и Панина⁴.

Подробно планы Петербурга в Польше весной и летом 1763 г. анализировал Е. Михальский, связывавший их с намерением Чарторыхских свергнуть с престола Августа III и открыть таким образом путь к осуществлению своей реформаторской программы. По его мнению, Екатерина II сначала одобрила эту идею, но позже отказалась от ее осуществления. Аналогичной точки зрения придерживался и Э. Ростворовский⁵.

I

Вступление на российский престол в результате дворцового переворота 9 июля / 28 июня 1762 г. Екатерины II действительно знаменовало собой крутой поворот в судьбе литовского стольника Станислава Понятовского. Не прошло и недели после «революции в Петербурге», как новая императрица 13/2 июля 1762 г. пишет своему другу и бывшему возлюбленному, что «готова посвятить жизнь служению ему и его семье», а 13/2 августа — что намерена сделать его польским королем, для чего посылает в Варшаву графа Кейзерлинга. Тексты этих писем, включенные последним польским королем в свои мемуары⁶ и опубликованные в России А. Н. Пыпиным⁷, казалось бы, недвусмысленно подтверждают общее мнение историков. Однако если мотивы выбора кандидатуры нового польского короля вполне очевидны и не вызывают сомнений, то вопрос о роли Екатерины II в отказе от традиционной для России ориентации на избрание польских королей из саксонского дома Веттинов, существовавшей на протяжении всей первой половины XVIII в., не может быть разрешен столь однозначно. Что могло побудить русскую императрицу сделать подобные обещания, да еще используя посредничество австрийского посла гр. Ф. Мерси д'Арженто? Конечно же, не боязнь, что Станислав Понятовский появится в Петербурге — этому можно было бы легко воспрепятствовать более безопасными способами, а то, что избрание короля-«пяста» было задумано в России задолго до появления ангальт-цербстской принцессы на русском престоле.

Мы могли уже убедиться ранее, что планы избрания короля-поляка существовали в России в 1755–1756 гг. Об этом говорилось в Конференции при высочайшем

дворе, тогда же, вероятно, был составлен и план конфедерации «друзей России», а для ее организации было решено придвинуть войска к границам Польши. К идее использования русских войск в Польше для уничтожения там «французской партии» обращались и позже, в ноябре 1757 г., послали даже рескрипт М. Н. Волконскому, в котором говорилось, что для применения войск следует только подождать удобного момента. Очевидно, что таковой должен был представиться после окончания Семилетней войны. И надо сказать, что выход России из войны был задуман еще при жизни Елизаветы Петровны в конце 1760 г., а осуществлен при Петре III, в 1762 г., не в последнюю очередь исходя из соображений польской политики. При этом в расчет принимался и переход от союза с Австрией к союзу с Фридрихом II. Таким образом, Екатерина II, вступив на престол, только придала старым планам новую форму и приступила к их реализации. В их разработке до своего вступления на престол тогда еще великая княгиня Екатерина Алексеевна не принимала заметного участия. Из всех исследователей, описывавших события при петербургском дворе в 1755–1758 гг., предшествовавшие падению канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, только В. А. Бильбасов выделяет в них роль С. Понятовского, который, по словам историка, всячески интриговал вместе с тогдашним английским послом Ч. Г. Вильямсом против Августа III и сторонников саксонской династии в Польше в пользу «партии Чарторыхских»⁸. При этом в своих выводах Бильбасов опирался преимущественно на донесения иностранных дипломатов, аккредитованных в Петербурге. Он также цитирует записку Екатерины, подлинник которой не сохранился, а копия была прислана в марте 1756 г. саксонским резидентом И. Функе в Дрезден, а оттуда переправлена в Берлин и позже опубликована в политической корреспонденции Фридриха II⁹. В ней говорилось, что великая княгиня составила проект вмешательства в дела Польши против графа Г. Брюля, для чего надлежит послать гофмаршала М. П. Бестужева — брата канцлера — посланником в Польшу, «чтоб разгромить всех, кто желал бы уничтожить сторонников России». Далее Екатерина писала, что «для России весьма важно иметь свою партию в соседнем королевстве, какова Польша, чтоб стараться сменить министерство». Влияние С. Понятовского на содержание этой записки несомненно. Однако насколько она могла воздействовать на позицию императрицы Елизаветы Петровны и ее окружения, сказать трудно, скорее всего — в наименьшей степени, ибо к мнению молодого двора не прислушивались в Конференции, а канцлер А. П. Бестужев, которому В. А. Бильбасов необоснованно приписывал полную зависимость от Екатерины, всегда был сторонником Австрии и Саксонии. К тому же в этой записке не содержится даже намек на короля-«пьяста» и на другие вопросы по отношению к Польше, обсуждавшиеся при дворе в начале 1756 г. Ни о чем подобном не говорится в переписке Екатерины с Ч. Г. Вильямсом¹⁰ и в мемуарах Станислава Понятовского. Последнее обстоятельство весьма многозначительно, так как если современная переписка могла по конспиративным соображениям и не содержать таких сведений, то Станислав Август, конечно же, должен был упомянуть в мемуарах о своих перспективах в качестве польского короля, коль скоро об этом говорилось тогда в Петербурге. Наконец, о польских планах Екатерины Алексеевны ничего не писал и Н. Д. Чечулин, специально исследовавший взаимоотношения будущей императрицы с ее ближайшим окружением в 1755–1757 гг.¹¹ По всей вероятности, великая княгиня и молодой двор в отношении польской политики разделяли уже существовавшую позицию правительства Елизаветы Петровны и под-

держивали ее в той мере, в какой она соответствовала их собственным воззрениям и политическим планам.

Вопрос о польской короне для Станислава Понятовского возник уже после дворцового переворота и воцарения Екатерины II, в письмах, отправленных ею летом 1762 г. литовскому стольнику. При этом обращает на себя внимание одно на первый взгляд странное обстоятельство: через все письма новой императрицы проходит мысль о строгой секретности этой переписки, об опасностях, которым подвергнется она в случае, если тайна ее писем будет открыта. Однако письма императрицы и С. Понятовского не составляли секрета для европейских дворов. Их содержание в Вене было известно из донесений Ф. Мерси д'Арженто¹², а в Копенгагене — от А. З. Остена¹³, через посредство которых осуществлялась связь между стольником и Екатериной. Письмо императрицы от 13/2 августа 1762 г., в котором говорилось о планах воцарения Станислава Августа, было в то же время напечатано во французских газетах, а оттуда попало во многие исторические сочинения. В частности, К. Ш. Рюльер помещает его в своей истории анархии в Польше¹⁴. Поэтому едва ли следует думать, что Екатерина II и ее адресат были столь наивны и всерьез рассчитывали уберечь свою корреспонденцию от посторонних глаз. Напротив, этими письмами они надеялись вызвать при европейских дворах, в том числе в Петербурге, Дрездене и Варшаве, соответствующее политическое настроение и тем самым убедить европейские правительства, что поворот в российской политике в вопросе о будущем польском короле произошел окончательно. Можно также с уверенностью предположить, что переписка литовского стольника и императрицы не осталась секретом и в Петербурге, что не могло не повлиять на интриги в окружении Екатерины II, в частности на отношение к «фамилии» со стороны Орловых.

II

В 30–50-е гг. XVIII в. Польша переживала хозяйственный упадок, который еще более усугубился в период Семилетней войны. Проход через территорию Речи Посполитой русских войск, которые заняли большую часть страны (русские войска стояли в Литве, на Висле и в Королевской Пруссии), набеги пруссаков, боевые действия вдоль всей западной границы, от Силезии до балтийского побережья, финансовый кризис и наплыв «дурной монеты» — все это негативно сказалось на хозяйстве, подорваны были торговля и денежное обращение.

Глубокий кризис переживала и политическая система шляхетской республики. Достаточно сказать, что из 15 сеймов, происходивших в правление Августа III, после его коронации в 1734 г., принятием конституций завершился только сейм 1736 г.¹⁵ Недееспособность сеймов приводила к параличу государственную систему Речи Посполитой, поскольку по существовавшему законодательству и традиции именно в собрании сейма, только совместно три стана республики: Король, Сенат и Посольская изба могли принять решения по важнейшим вопросам государственной жизни. Попытки Августа III, вернее, его первого министра Г. Брюля, управлять страной, опираясь на решения только Сенатского совета, были, во-первых, неэффективны, а во-вторых, встречали как открытое сопротивление магнатской оппозиции, так и вызывали недовольство прореспубликански настроенных магнатов и шляхты, которые видели в этом покушение на права, свободы и равенство рыцарского сословия.

Однако осознание необходимости перемен постепенно созревало в польском обществе. Политические идеи нового времени нашли отражение в польской публицистике еще в начале XVIII в., были использованы в реформаторской программе Чарторыхских, но в наиболее глубоком и законченном виде они воплотились в труде Станислава Конарского «Об успешном способе совещаний», три тома которого увидели свет с 1761 по 1763 гг.¹⁶ Великий пияр сознательно избегал объявить себя сторонником какой-либо из противостоявших друг другу политических группировок, более того, как это было нередким в XVIII в., первый том был им опубликован анонимно. Главной же идеей его труда было изменение порядка сеймования и перехода от принятия решения единогласием к решению, определенному большинством голосов. Надо сказать, что труд С. Конарского нашел очень большой отклик в польском обществе. Однако вызванный им общественный резонанс свидетельствовал не только о новых идеях и тенденциях общественной жизни Польши рубежа 1750–1760-х гг., но и о глубоком кризисе, поразившем политическую систему Речи Посполитой этого времени, который проявился не только в области внутренней политики, но и имел ярко выраженный международный аспект.

В период Семилетней войны острый кризис переживала и сложившаяся в 20-е гг. XVIII в. система протектората великих держав в отношении Польши. Война существенно изменила соотношение сил между странами-протекторами: Австрией, Пруссией и Россией, а также Францией, которая хотя формально и не заключала соглашений о поддержании неизменности государственного строя Речи Посполитой, но играла одну из главных ролей в системе контроля великих держав над Польшей. Ликвидация французской гегемонии в Европе в результате Семилетней войны и фактическая недееспособность австро-французского союза неизбежно должны были усилить позиции России и Пруссии, расширить возможности их влияния в республике, что не могло не сказаться на расстановке сил среди магнатских группировок, ориентировавшихся на иностранные дворы.

Семилетняя война знаменовала также закат политического влияния Саксонии, которая до начала войн за австрийское наследство вполне соперничала с Пруссией за влияние в Германии, а поскольку саксонская династия Веттинов обладала еще и польской короной, то можно сказать, что до начала 40-х гг. XVIII в. Дрезден играл также заметную роль в Европе. Однако в ходе войны Саксония не только понесла огромные, в сравнении с масштабами герцогства, материальные потери, но и, что еще более важно, после войны окончательно утратила свое политическое значение. А это не могло не отразиться на роли и влиянии саксонского курфюрста в качестве короля в Речи Посполитой. Особенно сильно унижение саксонского дома нашло свое выражение в курляндском деле 1762–1763 гг., когда Э. И. Бирон был восстановлен на престоле Курляндского герцогства.

Однако помимо возвращения Бирона в Курляндию, ставшего главной внешнеполитической акцией России конца 1762 — начала 1763 гг., в Петербурге готовились к новой интриге в Польше. Об этом императрица уже писала С. Понятовскому. И вот спустя две недели, когда письмо ее только достигло Варшавы, был подготовлен проект рескрипта Г. Кейзерлингу¹⁷. Рескрипт состоял из двух частей: сочиненного в Коллегии иностранных дел еще в сентябре 1759 г. «Краткого описания претензий, предъявленных Россией Королевству Польскому»¹⁸ и добавленных к нему трех пунктах. Во введении готовилось, что хотя Г. Кейзерлинг и был вызван из Аугсбурга в

Россию, но получил назначение в Варшаву, не успев доехать до Петербурга. Это убедительно свидетельствовало о поспешности, с которой старого дипломата отправляли к новому месту службы, а следовательно, и безотлагательности возложенных на него поручений. Однако в тексте рескрипта ни о каких особо срочных делах не упоминалось. Послу предписывалось засвидетельствовать дружеские чувства императрицы польскому королю Августу III, добиваться восстановления прав Э. И. Бирона и выяснить у «доброжелательных польских вельмож», кого бы они хотели видеть на польском престоле в случае кончины нынешнего короля. Говорилось также, что Кейзерлинг уже был послом в Варшаве и хорошо знает положение дел в Польше, что друзья России там те же, что были и раньше: князья Чарторыские, правда, «самим делом они никогда еще усердия не доказали». Разумеется, здесь не только отразилось прежнее многолетнее раздражение Петербурга бездействием «друзей России». От Чарторыхских требовали дела сейчас и прежде всего разрыва сейма 1762 г. еще до избрания маршала. Причем это диктовалось не только курляндским делом, но и перспективой выборов нового короля¹⁹. Как писала Екатерина II Г. Кейзерлингу 21/10 октября 1762 г., она не настаивала бы на роспуске сейма еще до его открытия, если бы была уверена в избрании маршала «из наших друзей», так как это будет иметь особое значение при выборах нового короля²⁰.

В течение двух месяцев, с августа до начала октября 1762 г., меняется тон официальных писем Екатерины II по отношению к «фамилии»: если в проекте августовского рескрипта Г. Кейзерлингу еще звучит некоторое сомнение относительно готовности Чарторыхских делом доказать свою преданность России, то теперь И. Ржицкому поручается «подкреплять» их требования и поступать по совету с ними. Фрагменты частных писем Екатерины II к С. Понятовскому не проливают свет на причины такой перемены. По крайней мере, в начале сентября императрица вновь писала стольнику литовскому, что намерена связать свою жизнь с ним и его семьей и что выполнит все его рекомендации. 22/11 ноября 1762 г. Екатерина, обращаясь к Понятовскому, подчеркивает, что ее намерения в Польше известны только Г. Кейзерлингу, и обещает написать послу «в пользу новых рекомендаций» стольника²¹. В этих двух письмах императрица прямо говорит, что А. П. Бестужев-Рюмин больше не пользуется реальным влиянием на ее политику, желая, видимо, успокоить «фамилию», опасавшуюся хлопот Бестужева в пользу дрезденского двора. Окончательное определение курса Петербурга на поддержку «фамилии» связано с событиями сейма 1762 г. и приездом в Варшаву Г. Кейзерлинга.

Начало 1762 г. было в Польше относительно спокойным. Политическая жизнь определялась сложившимся еще во второй половине 30-х гг. XVIII в. противостоянием «фамилии» (Чарторыхских и Понятовских) и их противников. Однако обе стороны не решались переходить к активным действиям. Возглавляемая братьями Михалом Чарторыхским, канцлером литовским, и Августом Чарторыхским, воеводой русским, «фамилия» существенно уступала своим противникам по численности сторонников. Будучи с начала 1750-х гг. в оппозиции, она не могла опереться на поддержку двора, на ее стороне почти не было других крупных магнатских родов. Все четыре гетмана принадлежали к ее противникам. Поэтому Чарторыхские не могли рассчитывать на опору в коронных и литовских войсках. В меньшинстве «фамилия» была и в Сенатском совете. Но сила Чарторыхских заключалась в большей организованности своих сторонников, в их относительном единстве и наличии у них программы борьбы за власть и преобразовательных замыслов.

Противники Чарторыхских и Понятовских были несравненно более многочисленны. Как современники, так и в историографии их называли по-разному: «патриотической старореспубликанской или гетманской партией». Здесь видную роль играли Потоцкие, Радзивиллы, Браницкие, Сапег и еще многие możnowładcy. Могущество и богатство этих родов, прокламируемая ими защита старослехетских вольностей обеспечивали им поддержку большинства шляхты, однако не давали никакой надежды на единство действий. Союзницей старореспубликанцев выступала «дворская партия», ведущая роль в которой принадлежала Е. Мнишеку, а своим влиянием партия двора была обязана первому саксонскому министру Г. Брюлю, который, хотя и не являлся польским шляхтичем, играл очень важную роль в Сенате и министерстве благодаря влиянию на Августа III, раздававшего по совету Брюля должности и королевщины.

В отношениях с соседними странами «фамилия» придерживалась пророссийской ориентации, а ее противники считались сторонниками Саксонии и Франции, поэтому назывались иногда «саксонской» или «французской» партией. Однако симпатии магнатов как на политической сцене Польши, так и в отношении европейских дворов не были однозначны и неизменны. Так, например, Ф. Белиньский, маршал коронный, бывший в свойстве с Чарторыхскими и одобрявший их преобразовательную программу, поддерживал противников России, а сменивший М. Радзивилла в должности великого гетмана литовского М. Массальский, будучи противником «фамилии», издавна по традиции рода поддерживал Россию. Не говоря уже о том, что «партийные» симпатии магнатов нередко зависели от личных притязаний и интересов, от желания в корыстных целях примкнуть к сильнейшей стороне и получить вожделенную должность, староство или орден. Заметим только, что, хотя в публицистике и историографии за это в адрес польской знати нередко звучало строгое осуждение, такое положение дел было характерно в XVIII в. отнюдь не только для Речи Посполитой, а в не меньшей степени и для других дворов. Вызванные колебаниями личных и родовых интересов магнатских фамилий изменения в составах партий możnowładców нередко затрудняют определение круга лиц, принадлежавших к той или иной магнатской группировке, и вызывают поэтому споры в историографии, но еще более такие изменения влияли на политическую ситуацию в стране. Столкновение частных интересов крупнейших землевладельцев приводило к постоянной политической нестабильности в гораздо большей степени, чем так волновавшие польское общество недостатки политической системы Речи Посполитой.

Поэтому изменившиеся в первой половине 1762 г. международные условия не могли не повлиять на положение дел в стране. Обе магнатские «партии» (Чарторыхские и их противники) не могли, однако, сразу осознать глубину и последствия для Польши этих перемен, поэтому выжидали и готовились к решительному столкновению. При этом «фамилия» усматривала свои шансы в поддержке со стороны России. Дрезденский двор хотел выяснить позицию Австрии и Франции. Еще в январе 1762 г. примас В. Лубеньский сообщил Е. Мнишеку о намерении польского министерства обратиться в иностранным дворам относительно международных гарантий условий пребывания в стране русских войск²². Тогда же М. Радзивилл, гетман литовский, писал надворному маршалу, что, как ему стало известно, Я. К. Браницкий намерен «уничтожить теперешние объединения». По мнению Радзивилла, достигнуть этого невозможно, но он все же выражал в этом поддержку коронному гетману и пред-

лагал со своей стороны от имени гетманов и двора обратиться к Чарторыским с декларацией о недопущении внутренней вражды. Посредником в этом деле мог бы выступить С. Ф. Ржевуский, хорунжий коронный²³. Однако опасения обострения внутренней ситуации весной и летом 1762 г. не оправдались. По крайней мере открытие в апреле 1762 г. Виленского трибунала, что раньше нередко было поводом для столкновений, прошло спокойно²⁴. Об этом Е. Мнишеку писали из Вильно Игнацы и Михал Массальские, литовский маршал Игнацы Огинский и др.

Таким образом, готовясь к решительному столкновению, обе партии весной и летом 1762 г. активных действий не предпринимали. «Фамилия» при этом открыто не выступала против проведения сейма, сохраняя почву для соглашения с двором. Благоприятную ситуацию для этого создавал также начавшийся отвод на родину русских войск. В сентябре 1762 г. сенаторы и послы сейма стали прибывать в Варшаву. 22 сентября А. З. Остен сообщает в Копенгаген, что Чарторыские согласовали с двором кандидатуру А. Мокроновского для избрания его маршалом сейма²⁵. Однако, получив уверения в поддержке из Петербурга и требование разорвать сейм еще до избрания маршала, «фамилия» принимается за дело. Причем обострение конфликта между Чарторыскими и их противниками было прямо инспирировано Россией. Поводом для политического столкновения с двором должно было стать дело сына графа Брюля. Первый саксонский министр не являлся польским шляхтичем и поэтому формально не имел права участвовать в правительстве Речи Посполитой. Его старший сын А. Ф. Брюль был избран послом на сейм 1762 г. «Фамилия» стремилась опротестовать законность такого избрания, что, в случае принятия сеймом соответствующих решения, наносило удар и по Г. Брюлю.

4 октября 1762 г. заседания сейма открыл Адам Малаховский, избранный маршалом на сейме 1758 г.²⁶, и предложил избрать нового маршала, голосование по кандидатуре которого проводилось по воеводствам. Сторонники Чарторыских, среди которых был и С. Понятовский, требовали предоставить им слово, что по традиции не допускалось до избрания нового маршала. Когда же литовский стольник получил слово, он потребовал удаления из Посольской избы Брюля-младшего как не имевшего «польского шляхетства и обывательства». Видимо, двор и противники Чарторыских сочли нежелательным в этих обстоятельствах продолжение сейма, и вечером 6 октября с манифестом выступил принадлежавший к «дворской партии» Михал Шимановский, посол цехановский, и потребовал разорвания сейма, так как маршал не был избран в первый день. Обе стороны упрекали потом друг друга, заявляя, что С. Понятовский подал своим сторонникам сигнал к беспорядкам или что К. Радзивилл призвал своих партизанов к оружию. Однако формально сейм был разорван по указанию двора.

Таким образом, Чарторыские продемонстрировали свою готовность к совместным действиям с Россией, хотя планы этих действий оставались неопределенны. Проект инструкций Г. Кейзерлингу не содержал в этом отношении ничего конкретного. В частной переписке Екатерины II со С. Понятовским, несмотря на далеко идущие обещания, также ничего определенного не говорилось. Поэтому после разрыва сейма и приезда в Варшаву Г. Кейзерлинга ему предстояло вместе с «фамилией» выработать соответствующую программу.

Прибытие Г. Кейзерлинга в Варшаву вызвало активизацию переговоров с двором и магнатами по наиболее острым проблемам российско-польских отношений:

по курляндскому делу, о выводе прусских войск из Саксонии и о поддержке «друзей России». Причем если рескрипт Кейзерлингу от 16/5 ноября 1762 г. был выдержан по отношению к Августу III вполне в дружеском тоне и содержал обещание похлопотать об эвакуации прусских войск из Саксонии²⁷, то уже рескрипт от 27/16 декабря звучал как открытая угроза. В нем, в частности, говорилось, что если граф Брюль и дальше будет противиться намерениям Петербурга по курляндским делам, то мы «опороствующую ему в Польше партию <...> явно и всею силою подкреплять будем»²⁸. В черновом же варианте рескрипта содержались еще более сильные выражения и угрозы: «Или он (Г. Брюль. — *Б. Н.*) по курляндским делам против нашей воли шаг сделает, то мы, оставя все старания у короля прусского о Саксонии, в Польше будем подкреплять при всяком случае явно и всею силою и всячески, чем вздумать можно, всех тех, которые ему злодеи, покамест он из Польши выгнан не будет»²⁹. Таким образом, обострение польско-российских противоречий из-за Курляндии подтолкнуло русское правительство к тому, чтобы определенно заговорить с Чарторыскими о планах конфедерации.

III

Первое время после приезда в Варшаву Г. Кейзерлинг вел себя весьма сдержанно в разговорах с Чарторыскими и С. Понятовским, что даже вызвало неудовольствие стольника, который в своих письмах к императрице намекал на возможную измену среди ее приближенных и упрекал посла в бездействии. На что Екатерина ответила 22/11 ноября 1762 г., что Кейзерлинг пользуется ее полным доверием и располагает ею самой написанными инструкциями³⁰. Однако «фамилия» не успокаивалась и всячески подталкивала Петербург к активным действиям, видимо, полагая, что на сейме 1762 г. она уже достаточно продемонстрировала свою готовность идти навстречу требованиям России. В начале декабря 1762 г. Кейзерлинг пересылает в Петербург письмо К. Понятовского от 8 декабря 1762 г., в котором тот просит императрицу не оставить «друзей» своими советами «в нынешнем несчастном положении»³¹. А спустя два дня с просьбой о поддержке обращается к ней уже сам стольник литовский³².

Вероятно, в первой половине декабря 1762 г. произошло откровенное объяснение между Чарторыскими и Кейзерлингом. В реляции от 19/8 декабря 1762 г. посол призывал «подкреплять сторонников России, иначе их число постепенно умалится» и предлагал направить от имени императрицы требование польскому королю, чтобы «друзья России прежде никогда от друзей дворовых отличены не были, что почитали их всегда за одну партию»³³. Демарш Кейзерлинга перед дрезденским двором мог быть связан со стремлением Чарторыских добиться для своих сторонников новых должностей. По сведениям А. З. Остена, они намеревались сделать М. Огинского воеводой виленским, А. Замойского — коронным канцлером, а М. Бржостовского — польным гетманом³⁴. Это письмо русского посла, который, по словам Екатерины II, пользовался ее полным доверием и был один только посвящен в ее планы относительно Польши, может вызвать недоумение, ибо совсем не согласуется с данными императрицей обещаниями Станиславу Понятовскому и угрозами из Петербурга по адресу двора в связи с курляндским делом. Оно скорее возрождает идеи, обсуждавшиеся русскими представителями с канцлером Я. Малаховским в се-

редине 1750-х гг. Возможно, в этом отразилась попытка русского посла несколько сгладить противоречия между двором и «фамилией», дать возможность «дворской партии» продемонстрировать хотя бы видимость уступок требованиям Петербурга. На это указывала в частности обращенная к Е. Мнишеку просьба М. И. Воронцова о разрешении дел на Виленском трибунале в соответствии с ходатайством Георгия Конисского³⁵. Также можно было бы расценить и хлопоты Г. Кейзерлинга по просьбе Чарторыхских о должностях для их ближайших сторонников. Однако передача им важнейших должностей могла иметь и иное значение: недвусмысленно продемонстрировать усиление влияния «русской партии», чтобы поднять авторитет Чарторыхских среди приверженцев и привлечь новых сторонников. Так или иначе, но действия императрицы, Коллегии иностранных дел и русского посольства в Варшаве нельзя признать согласованными.

Определенную путаницу в планы Петербурга внесло и перехваченное письмо М. А. Пальми к Л. А. Бретейлю от 30 октября 1762 г., которое Екатерина II отправила 18/7 ноября в Варшаву Г. Кейзерлингу³⁶, сопроводив его замечанием, что коль скоро наше сближение с Чарторыхскими неприятно для Франции, то это будет только еще одной причиной, «по которой я еще более постараюсь скрепить наши узы». В самом письме Пальми говорилось о якобы недостойном поведении Чарторыхских на последнем сейме, о непоследовательности и вероломстве «фамилии», о чем Пальми и предлагал Бретейлю сообщить при русском дворе. Такой возможности у французского посла в Петербурге не было. Он писал в это время С. Понятовскому, что с ним просто не разговаривают. Поэтому, вероятно, Бретейль и подsunул письмо для перлюстрации. Пересылая перехваченное письмо Г. Кейзерлингу, Екатерина II не столько стремилась проинструктировать своего посла, сколько сообщала ему важные, по ее мнению, сведения и рассчитывала на его самостоятельные действия.

Однако несмотря на всю неопределенность и колебания в политике Петербурга, очень беспокоившие «друзей России» в Польше, в декабре 1762 — январе 1763 гг., настало время для конкретных переговоров с «фамилией» о совместных действиях. Одновременно с реляцией Кейзерлинга от 19/8 декабря в Петербург были отправлены три промемории Чарторыхских³⁷ от 14, 15 и 16 декабря 1762 г. * В первой промемории, отправленной из Пулав, говорилось о том, что действия двора направлены против свобод и прав республики, о чем свидетельствуют события на недавнем сейме. При этом прямо указывалось на необходимость конфедерации при поддержке России, так как обычными средствами нельзя исправить зла, поразившего Польшу. «Многие молодые люди, — писали Чарторыхские, намекая в частности на К. Радзивилла, — занимают высокие должности, а ведут себя так, что считаются бичами народа, в то время как король не вправе лишить их чина». Тем самым «фамилия», с одной стороны, намекала на желательность расширения прав короля, а с другой — на необходимость конфедерации.

* В публикации Русского исторического общества датировка промеморий Чарторыхских дается по находящимся в Государственном архиве двум депешам от 15/4 и 16/5 декабря 1762 г. У С. М. Соловьева помещен перевод двух депеш по материалам, хранившимся в АВПРИ, датированных 14/3 и 15/5 декабря 1762 г. Тексты во всех трех случаях совпадают. Третья промемория Чарторыхских, видимо, при составлении текста реляции Г. Кейзерлинга в посольстве была присоединена ко второй.

Однако в дальнейшем Чарторьские писали уже, что главные свои надежды они связывают не с королем и даже не с сеймом, «так как на успех сейма надеяться нельзя», а с конфедерацией, которая позволила бы «достойным людям» занять важные должности, исправить положение в денежном обращении и торговле, признать императорский титул российской государыни и, наконец, «дать лучшую форму» сеймам («национальным совещаниям», как их называли Чарторьские в промемории) и «установить доброе согласие» между Россией и Польшей. Причем во французском тексте «доброе согласие» вполне могло бы быть прочтено как «союз».

Во второй промемории выдвигались обвинения в адрес двора и Г. Брюля, в частности, в несправедливой раздаче должностей, которые якобы достаются только сторонникам двора, что этим нарушаются права шляхты и в особенности «друзей России», предлагалось, чтобы Г. Кейзерлинг обсудил эти вопросы с министерством и гарантировал от имени России угодное «фамилии» распределение общественных должностей. «Не идя на примирение с гр. Брюлем, — писали Чарторьские, — мы можем приостановить процесс против него относительно его принадлежности к польской шляхте, чтобы он находился между страхом и надеждою и раздавал милости как нам надобно, если только русский двор и его посланник станут употреблять тон, приличный с таким министром, настаивая сухо, чтоб каждая милость давалась нам и нашим». В третьей промемории речь шла о конкретных назначениях и кандидатах на должности, в которых была заинтересована «фамилия».

Направляя эти промемории, Чарторьские пытались выяснить ближайшие намерения Петербурга: согласится ли Россия поддержать конфедерацию, вмешается ли открыто в дело раздачи должностей, что означало бы дальнейшее ограничение королевских прерогатив и суверенитета Речи Посполитой, и, наконец, готово ли русское правительство добиваться угодных «фамилии» назначений хотя бы для отдельных лиц. При этом из записок Чарторьских вполне логично вытекало, что в случае согласия со стороны России хотя бы и на минимальную поддержку их планов, и то сохранялась бы возможность шаг за шагом подтолкнуть своих покровителей в Петербурге ко все более активному вмешательству в польские дела.

Правда, такая предосторожность оказалась излишней. В ответе Екатерины II от 14/3 января 1763 г., черновой вариант которого она написала сама, прозвучали самые решительные намерения. Императрица заявляла, что «желала бы освободить республику от неустройства, в котором она к несчастью находится», обещала помочь своим друзьям деньгами и войском, но хотела бы знать: 1) сколько нужно и того, и другого, чтобы устроить конфедерацию; 2) каковы будут ее цели, и будет ли она направлена против короля; 3) когда и каким образом конфедерация будет организована; 4) кто будут ее руководители? Помимо принципиального для «фамилии» согласия на конфедерацию в письме содержалось, хотя и неконкретное, но выраженное вполне определенно обещание «освободить республику от неустройства».

Днем раньше, 13/2 января был отправлен рескрипт Г. Кейзерлингу, в котором в соответствии с его письмом от 19/8 декабря 1762 г. польскому правительству адресовалось требование, чтобы впредь «друзья России прежде никогда от друзей дворовых отличены не были, что почитали их всегда за одну партию»³⁹. Х. Шмит рассматривал этот рескрипт как ответ на декабрьские промемории Чарторьских. Однако думается, что это не совсем верно. Декабрьское письмо Кейзерлинга императрице не содержит ссылки на просьбы «фамилии», а ответный рескрипт не соот-

ветствует письму Екатерины II от 14/3 января. Связь здесь, конечно же, присутствует, но она не прямая и, скорее, отражает два подхода к реализации польской политики России, радикальный, сторонницей которого была сама императрица, и умеренный, представленный, видимо, точкой зрения Г. Кейзерлинга, хотя и не только им одним.

Давая оценку декабрьским промемориям «фамилии», С. М. Соловьев писал: «Чарторьские высказались. Они потребовали от Екатерины, чтоб она или дипломатическим путем заставила Августа III и Брюля отдаться им во власть, дать им возможность составить себе могущественную партию <...> или послать им деньги и оружие для вооруженного восстания. Цель и в том и другом случае одна — преобразования для усиления Польши, прежде всего преобразование сейма, уничтожение *liberum veto*. Россия должна употребить все средства, чтоб помочь Польше усилиться, а в награду Екатерина получает императорский титул, и водворится согласие между Россией и Польшею! С первого раза поражает дерзость подобных предложений, но изумление перед поступком Чарторьских исчезает, когда узнаем, что Кейзерлинг не только переслал императрице их промемории, но и прямо был за конфедерацию, предлагаемую ими: для чего же после того Чарторьским было церемониться?»⁴⁰

Высказанное С. М. Соловьевым суждение, что инициатива образования конфедерации принадлежала «фамилии», которая была проникнута «духом владычества Чарторьских», а замысел этот встретил необъяснимую податливость со стороны Г. Кейзерлинга, оказало большое влияние на последующую русскую историографию. Однако следует принять во внимание, что русский посол не просто переслал, как писал Соловьев, промемории вождей «фамилии» в Петербург. Он обсуждал с Чарторьскими поставленные в них вопросы. Не случайно было отправлено три промемории: первая о конфедерации, а вторая и третья о «примирении» со двором. Содержание двух последних вполне соответствует реляции Кейзерлинга от 19/8 декабря, что свидетельствует о согласии посла и «фамилии» в данном вопросе. А если учесть, что после разрыва сейма 1762 г. ни о каком примирении с двором не могло быть и речи, что уже тогда было несомненно для «друзей России»: на это указывало содержание второй записки, об этом не уставали повторять канцлер литовский и воевода русский вплоть до кончины Августа III, то можно заключить, что инициатором «примирения» был именно Г. Кейзерлинг, а вовсе не «фамилия». Что же касается плана конфедерации, то он тоже был не нов и хорошо известен в Петербурге еще с 1750-х гг. Возродили же эти планы во второй половине 1762 г. вовсе не Чарторьские, а Екатерина II, обещавшая С. Понятовскому сделать его польским королем. Для дядей стольника это обещание было равнозначно прямому указанию о подготовке конфедерации. В чем же в таком случае состояла «дерзость предложений Чарторьских»? Они писали свои записки по существу требований, высказанных им Г. Кейзерлингом по поручению Екатерины II. Отсюда и содержащиеся в промемориях туманные намеки на усиление королевской власти, на согласие-союз с Россией, на признание императорского титула, которые в конце 1763 г. возникнут уже вполне определенно в инструкциях Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину. «Дерзостным» со стороны «фамилии» могло быть только пожелание, чтобы Россия содействовала проведению реформ в Речи Посполитой, на что Екатерина II в своем ответе от 14/3 января 1763 г. дала хотя и туманное, но достаточно определенно выраженное обещание «освободить республику от неустройства».

Отвечая на поставленные в письме от 14/3 января вопросы Екатерины II, несомненно, ободренные ее позицией, Чарторьские в записках от 12 и 16 февраля 1763 г. изложили конкретный план организации конфедерации⁴¹. Они писали, что готовы действовать совместно с Россией и по согласованию с ее послом. Действия эти будут направлены против неурядиц в Речи Посполитой и при поддержке императрицы приобретут форму конфедерации при короле, как это некогда сделал Мазарини во благо короля Людовика XIV. Пример этот содержал достаточно красноречивый намек на имевшееся якобы намерение Чарторьских пресечь фронду аристократии ради усиления королевской власти. Правда, в Петербурге на него никак не отреагировали. Время и способ образования конфедерации, говорилось далее, будут зависеть от обстоятельств, в частности, и от событий, связанных с Сенатским советом. Ее подготовка требует объединения шляхты в воеводствах и создания вооруженных отрядов (*troupes indépendants*), для чего нужно 50 000 дукатов. «Фамилия» берется организовать все сама, без участия русских войск, однако просит прислать в Смоленск и в Киев для последующей отправки в Польшу оружие и боеприпасы, а также отряды артиллеристов и гусаров, которые доставят оружие и будут приняты на службу конфедерации.

Не ставя в тот момент вопроса о введении русских войск, Чарторьские все же уже имели в виду и такую меру, поскольку понимали, что развитие ситуации неизбежно приведет к этому. Сразу следом они писали, что опасаются присылки в Польшу по приказу Г. Брюля саксонских войск, что станет возможным ввиду окончания Семилетней войны. В заключение они выражали надежду, что Россия, помимо помощи оружием и деньгами, окажет им и всестороннюю дипломатическую поддержку. Изложенные депеши, хранящиеся в Библиотеке Чарторьских в составе черновиков Станислава Августа, представляют собой единый текст. Различие между ними состояло, по-видимому, только в требуемом количестве вооружений и пунктах их доставки. Так, в одном случае назван Смоленск, а в другом Киев и разное число артиллеристов и гусаров.

В ноте от 14 февраля 1763 г. «фамилия» обязалась оказать поддержку Э. И. Бирону в Сенатском совете и в реляционном суде, заметив, правда, что это грозит сторонникам России арестом и заключением в Кенигштайн, а также предлагала, чтобы М. Чарторьский и С. Понятовский дали повод для прямого вмешательства России в дела Речи Посполитой, как это было в 1756 г., когда стольник литовский приехал в Петербург⁴².

В то время, пока в переписке Чарторьских с Петербургом обсуждались планы будущей конфедерации, в январе 1763 г. внутривосточная ситуация в Польше резко обострилась, что было непосредственно связано с прибытием в Митаву Э. И. Бирона.

Тревожные вести приходили и с западных рубежей. Еще в декабре 1762 г. прусский отряд под командой полковника Д. Ф. Лоссова вступил в районе Польского Поморья в пределы республики под предлогом закупки там продовольствия, о чем полковник Лоссов объявил специальным манифестом от 11 декабря 1762 г.⁴³, а Г. Бенуа проинформировал Е. Мнишека и Г. Кейзерлинга⁴⁴. Прусские войска оставались в Польше до конца апреля 1763 г. и были выведены только после представления польского министерства Фридриху II⁴⁵, о чем К. В. Финкенштейн от имени короля известил 8 апреля Т. Чарторьского, епископа познаньского⁴⁶. Для Фридриха II, стремившегося заключить выгодный мир и возобновить союз с Россией, было очень важно продемонст-

рировать свое влияние на положение в Польше, чтобы, с одной стороны, оказать давление на Дрезден, а с другой — показать России, что соглашение с Пруссией по польским делам, а на такое соглашение прусский король, естественно, пошел бы только вследствие союза с Россией, необходимо Петербургу для эффективной политики в Польше.

Однако ситуация обострилась не только на западе Польши и в Курляндии, но и в Литве в связи с предстоящими выборами депутатов литовского трибунала. 28 января 1763 г. Г. Бенуа сообщил в Кенигсберг, что воевода виленский К. Радзивилл производит там, а также в Риге закупки оружия, «чтобы добиться повиновения от Чарторыхских и других своих противников, которых он намерен подавить силой оружия»⁴⁷. По сведениям администрации Восточной Пруссии он намерен был довести численность своих войск до 15 тыс. человек, в связи с чем Полицейской дирекции в Кенигсберг было дано приказание о запрещении вербовки людей и продажи оружия⁴⁸. По словам Бенуа, главной целью Радзивилла было противодействие сторонникам Бирона. Однако Г. Кейзерлинг успокаивал губернатора Восточной Пруссии И. Левальда и рижского губернатора Ю. Броуна, что сопротивление противников России будет нейтрализовано и не повлечет за собой нежелательных последствий⁴⁹. Так оно и вышло: Э. И. Бирон при поддержке русских войск вновь вступил на герцогский престол. Хотя принц Карл с немногими своими сторонниками еще оставался в столице Курляндии, дело уже фактически завершилось — в России могли праздновать победу. Единственная надежда дрезденского двора вернуть утраченные позиции была связана с созывом чрезвычайного сейма. Решение об этом было принято еще в октябре 1762 г. на Сенатском совете после срыва очередного сейма.

В начале 1763 г. даже ближайшие сторонники Августа III высказывали сомнения в возможности созыва чрезвычайного сейма. Так, К. Солтык писал Е. Мнишеку 15 января 1763 г., что Сенатский совет в марте и запланированный на май сейм не нужны, а решение курляндского дела можно будет провести королевским декретом, как и в 1758 г.⁵⁰ Примас В. Лубеньский считал, что не удастся провести сеймики в присутствии прусских войск, которые, по его словам, могут стать гарнизонами в Королевской Пруссии. В таком случае сеймики будут сорваны⁵¹. Эти же мысли примас высказывал в письмах к И. Твардовскому, воеводу калишскому и другим лицам. 11 февраля 1763 г. он вновь пишет Е. Мнишеку и, выражая беспокойство по поводу болезни Августа III, констатирует, что в нынешних условиях Сенатский совет нужен, а вот относительно сейма — покажет будущее, но если и сейм будет неудачным, то и Сенатский совет ничего не сможет сделать⁵².

Болезнь Августа III в феврале 1763 г., о которой писал В. Лубеньский, имела немаловажные последствия не только в Польше, но и в первую очередь в Петербурге. После восстановления Э. И. Бирона в Курляндии там больше не торопились с организацией конфедерации в Польше. В январе 1763 г. было решено «оставить в молчании» требование польского министерства о выводе русских войск из Митавы⁵³. 24/13 января Г. Кейзерлингу посылается рескрипт о привлечении на русскую сторону В. Лубеньского, при этом посла спрашивают — в какую сумму это обойдется⁵⁴. 28/17 января Коллегия иностранных дел получила записку Екатерины II о пересылке с отправляемым в Польшу на смену И. Ржичевскому советником посольства И. Ф. Ашем 50 тыс. червонцев для употребления их в комиссии по возмещению убытков полякам по время Семилетней войны, «так и для прочих гр. Кейзерлингу уже известных расходов». На основе этой записки был составлен соответ-

ствующий рескрипт⁵⁵. Идея создания такой комиссии была высказана совместно Чарторьскими и Кейзерлингом в январе 1763 г. для приобретения сторонников России. Конечно, наибольшие выгоды такая комиссия сулила бы прежде всего «фамилии». Посол одобрил ее создание, заметив: «Особенно, если она будет платить медленно»⁵⁶.

Отправление в Польшу 50 тыс. рублей, о которых Чарторьские писали в феврале 1763 г., свидетельствует, что сумма эта была согласована послом с «фамилией» еще до составления детального плана конфедерации, а то, что в Петербурге ее несколько сократили, выделив часть на возмещение убытков, — что положение дел, с точки зрения России, не требовало более чрезвычайных мер и расходов. В конце января в Литву был отправлен полковник С. Пучков, который повез с собой письмо М. И. Воронцова Я. Е. Флемингу и 8 тыс. рублей. Ему поручалось по совету с Флемингом противодействовать К. Радзивиллу и «королевской» партии при проведении выборов Виленского трибунала⁵⁷. Этот шаг также указывал, что в ближайшее время в Петербурге не намеревались предпринимать чего-либо решительного в Польше. Попытка возобновить старые связи с Я. Е. Флемингом, также как и привлечение на сторону России В. Лубеньского и гетмана литовского М. Массальского⁵⁸, конечно же, не означала их подчинения «фамилии». Вероятно, в Петербурге видели в этом, помимо простого усиления своих позиций, также и средство создания определенного противовеса влиянию Чарторьских. Нежелание прибегать к экстраординарным мерам в Польше проявилось и в характере переписки Петербурга с Г. Кейзерлингом. Реляции его за это время не содержат ничего примечательного о делах в Польше и по преимуществу посвящены союзу с Пруссией, сторонником которого был посол. Также и корреспонденция в Варшаву входит в нормальную колею. Часто отправлявшиеся в Варшаву в конце 1762 г. собственноручные письма императрицы сменились обычными рескриптами, составленными М. И. Воронцовым, и с контрассигнацией канцлеров. После ответа на декабрьские промемории Чарторьских Екатерина II написала только два собственноручных письма Г. Кейзерлингу, и оба они касались исключительно курляндских дел.

IV

И вот в феврале 1763 г. в Петербурге получают известие о болезни Августа III. В записке, отправленной М. И. Воронцову 14/3 февраля 1763 г., Екатерина II потребовала на следующий день к себе во дворец для «конференции о польских делах», помимо канцлеров М. И. Воронцова и А. М. Голицына, также А. П. Бестужева-Рюмина, Н. И. Панина и М. Н. Волконского. В тот же день канцлер представил императрице «примерные пункты», которые были одобрены Екатериной и стали основой для обсуждения. В них Воронцов писал, что в настоящий момент неизвестно, какая кандидатура на польский престол пользуется поддержкой европейских дворов, что главным вопросом сейчас является определение позиции России. Он также отмечал, что следует решить, на содействие каких держав в этом деле можно будет положиться, или же Россия должна добиваться избрания нового польского короля самостоятельно. В «примерных пунктах» ставилась задача: наметить для этого конкретные меры, в частности выдвинуть к польским границам 30 тыс. войска и изыскать необходимую сумму денег, «на первый случай, например, до одного миллиона рублей»⁵⁹.

Конференция состоялась на следующий день 15/4 февраля. Согласно протоколу в ней участвовали А. П. Бестужев-Рюмин, Н. И. Панин и М. Н. Волконский. Вероятно, участвовали и канцлеры, которые, хотя и не названы в протоколе, но были приглашены накануне. Конференция постановила отправить два рескрипта Г. Кейзерлингу, в том числе «секретнейший» относительно кандидатуры на польский престол, послать соответствующие рескрипты в Париж, Вену, Лондон, Лейпциг и Константинополь, а также направить указы в Сенат и Военную коллегию о выделении денег и войск⁶⁰. В тот же день императрица написала письмо Г. Кейзерлингу с сообщением о состоявшемся во дворце совете, на котором «было решено в принципе действовать в пользу одного из Пястов, а именно графа Понятовского, а если бы его кандидатура не удалась, то в пользу князя Адама Чарторыского»⁶¹.

Обращает на себя внимание состав советников императрицы по польским делам в феврале 1763 г. Если сравнить его с предполагаемым составом императорского совета рубежа 1762–1763 гг., то мы увидим, что в конференции отсутствовали К. Г. Разумовский — украинский гетман, З. Г. Чернышев, Я. П. Шаховской и Г. Г. Орлов⁶². Не упомянуты и приближенные к императрице И. П. Елагин, который зашифровывал письма Екатерины к Г. Кейзерлингу,⁶³ и Г. Н. Теплов. Именно эти лица, за исключением Я. П. Шаховского, присоединяя к ним находившегося в Варшаве Г. Кейзерлинга, были в конце 1762 — начале 1763 г. ближайшими советниками Екатерины II по всем важнейшим политическим вопросам. Поэтому отсутствие на конференции Г. Г. Орлова и З. Г. Чернышева позволяет сделать предположение, что ситуация в Польше и возможная кончина Августа III обсуждалась и с ними, но отдельно. С этим обсуждением, возможно, была связана записка З. Г. Чернышева «СККП» (Случай кончины короля польского). Она содержалась в секретном конверте и была прочитана при дворе в октябре 1763 г. Время ее написания можно установить только предположительно: не ранее сентября 1762 г., когда З. Г. Чернышев с армией вернулся в Россию и в качестве церемониймейстера участвовал в коронации Екатерины II. После февральских событий именным указом от 15/4 марта 1763 г. он назначается вице-президентом Военной коллегии⁶⁴. В рапорте коллегии от 8 апреля / 28 марта 1763 г. он назван в качестве командующего смоленским корпусом, предназначенным для вторжения в Польшу⁶⁵. Назначение Чернышева командующим подтверждает Ф. Мерси д'Арженто (депеша В. Кауницу от 11 мая) и добавляет, что тот старается убедить Екатерину II посетить Смоленск и инспектировать собранные там войска, но, как писал посол, императрица на это не решилась⁶⁶. Он также сообщал, что по достоверным сведениям, З. Г. Чернышев намерен устроить в Смоленске свидание Екатерины II и Чарторыских для переговоров о будущих королевских выборах в Польше.

Однако уже в мае в окружении Екатерины II вспыхнул конфликт, связанный с проектом брака императрицы с Г. Г. Орловым и так называемым «заговором Хитрово». Против планов фаворита решительно выступили Н. И. Панин, К. Г. Разумовский и З. Г. Чернышев⁶⁷. Участие Чернышева в придворных интригах осложнило его отношения с Екатериной II и посеяло вражду с Орловыми. Правда, Чернышев еще сохраняет определенное влияние на ход польских дел. 17/6 октября 1763 г. его приглашают на заседание конференции при дворе в связи с кончиной Августа III, но только для обсуждения его проекта, который и был отвергнут. Правда, ему по-прежнему поручается руководство военными операциями. Об этом свидетельствовал восьмой пункт

протокола и упомянутый в рапорте Военной коллегии от 4 мая / 23 апреля 1764 г. секретный указ⁶⁸. Вероятно, отклонение проекта З. Г. Чернышева и стало поводом его конфликта с императрицей и Н. И. Паниным в конце 1763 г., когда Чернышев попросил об отставке. Источники не содержат достоверных сведений о ее причинах. Из иностранных дипломатов наибольшее внимание этому событию уделил австрийский посол И. М. Лобкович. В январе 1764 г. он сообщал В. Кауницу, что находящиеся на Украине дивизии, как и другие русские войска готовы к выступлению. В связи с этим, по словам австрийского посла, «дела по Военной коллегии, принадлежащие департаменту гр. Чернышева, переданы в Сенат (!). По этому поводу вице-президент Военной коллегии выразил неудовольствие и говорил, что это подрывает его авторитет, поэтому он хочет объявить о своей отставке». Комментируя это сообщение, Лобкович писал, что Чернышев «главным образом принадлежит к „партии Панина“, которая целиком противостоит «фавориту» (Г. Г. Орлову) и что, весьма вероятно, гр. Орлов воспользуется этой возможностью, чтобы выдвинуть гр. Румянцева, поскольку Чернышев с некоторого времени находится в немилости. В следующем донесении Лобкович вновь пишет об отставке З. Г. Чернышева, отмечая, что причина ее неизвестна. «Однако здесь говорят, что „из-за созданных им затруднений, возникших вследствие отданного военным департаментом приказа о наступлении, он получил строгий выговор императрицы, но повел себя неподобающим образом“». Далее Лобкович сообщал, что вслед за Чернышевым опале подвергся и брат Н. И. Панина П. И. Панин, которого также намерены отправить в отставку, а командование войсками поручить М. Н. Волконскому⁶⁹. Косвенно сведения австрийского посла подтверждаются состоявшимся назначением Волконского и отпуском на 1 год, с марта 1763 г. П. И. Панина⁷⁰. По поводу возвращения З. Г. Чернышева ко двору Лобкович писал, что его причины остаются неизвестными, что в отношениях между Н. И. Паниным и Г. Г. Орловым по-прежнему царит ожесточение и, по общему мнению, восстановление позиций Чернышевых показывает, «что фавориту не так-то легко свергнуть ненавистного обергофмейстера». Наконец, 11 апреля / 31 марта 1764 г. Лобкович вновь называет З. Г. Чернышева среди сторонников Н. И. Панина, наряду с К. Г. Разумовским⁷¹.

Разумеется, сведения австрийского посла не могут считаться в полной мере достоверными, однако они достаточно определенно указывают, что конфликт при дворе, повлекший отставку З. Г. Чернышева, был связан с политикой России в Польше, а если это так, то иной почвы для него не могло быть, помимо плана, предложенного вице-президентом Военной коллегии.

Обстоятельства отставки З. Г. Чернышева косвенно отразились в двух его письмах Екатерине II на рубеже 1763–1764 гг.⁷² В первом он писал, что, несмотря на свое «усерднейшее желание» продолжать службу, он вынужден с прискорбием просить об отставке по состоянию здоровья и в силу «домашних обстоятельств». Не прошло и месяца, как он в январе 1764 г. вновь писал императрице, что своим прошением об отставке имел несчастье прогневить ее, и просил простить его вину и позволить «припасть к стопам» и вернуть его на службу. Совершенно очевидно, что повод для отставки был вымышленный и что просьба о прощении вины, составленная в самых уничижительных выражениях, содержала достаточно ясный намек на какие-то обстоятельства, о которых З. Г. Чернышев не хотел говорить прямо. Причин для «немилости» Екатерины II могло быть только две — первая связана с сопротивлением,

оказанным З. Г. Чернышевым вместе с Н. И. Паниным и К. Г. Разумовским планам Орловых по замужеству императрицы. На нее указывает отказ Екатерины II посетить смоленский корпус по возвращении из Ростова в Петербург. Обращает на себя внимание, что во второй половине 1763 г. никаких существенных вопросов в переписке между Екатериной II и Военной коллегией не поднималось. Второй и наиболее важной стало отклонение в октябре 1763 г. плана З. Г. Чернышева по польским делам, что осложнило его отношения не только с императрицей, но и с Н. И. Паниным. Отставкой Чернышева должны были воспользоваться Орловы, позиция которых при дворе усилилась после «заговора» Хитрово. Поэтому возвращение Чернышева на службу, более того, присвоение ему чина генерал-аншефа и назначение вновь вице-президентом Военной коллегии должно было указывать на соглашение между ним и Г. Г. Орловым, в том числе, вероятно, и в вопросе о планах польской политики правительства. Положение З. Г. Чернышева при дворе в 1763 г. позволяет предположить, что записка «Случай кончины короля польского» могла быть им составлена в феврале—мае 1763 г., когда З. Г. Чернышев стал вице-президентом Военной коллегии и было завершено формирование возглавленного им смоленского и украинского корпусов, предназначенных для действий против Польши, и до отъезда Екатерины II в Ростов.

Записка З. Г. Чернышева открывается рассуждением о вредности простого расширения границ империи, поскольку само по себе приращение территории не увеличивает силы государства, которая зависит в первую очередь от количества населения и от получаемых с присоединенных земель доходов. К тому же, по мысли Чернышева, излишняя протяженность границ влечет за собой рост расходов на их оборону. Высказанное мнение по сути дела повторяет не раз звучавшие аналогичные рассуждения Н. И. Панина и самой Екатерины II. Однако признавая их обоснованность, автор записки, вопреки им, указывает, что «напротив того, натуральные укрепления и окружение границ реками империи необходимо нужны и полезны», так как реки, будучи естественными рубежами обороны, позволят защищать их меньшими силами, и представляют собой торговые пути, обладание которыми будет способствовать развитию коммерции и увеличению тем самым богатства государства. Исходя из этого, З. Г. Чернышев предлагает установить новую границу на западе по реке Западная Двина, по линии от Полоцка до Орши, и по Днепру, от верховьев до Киева, а для этого захватить Польскую Лифляндию, Полоцкое воеводство, Витебское воеводство и все земли, лежащие по левому берегу Днепра. Он не сомневался, что двух дивизий будет для этого вполне достаточно. А чтобы, писал вице-президент Военной коллегии, такие действия «от соседей прикрыть справедливостью», надо использовать возможную кончину польского короля и ввести в Польшу войска, предъявив предварительно территориальные претензии еще до королевской кончины или в самый момент бескоролья. При этом вступившие в Польшу войска должны быть готовы к соединению в одну армию и как оборонять новые границы, так и устроить поляков и подавить тем их волю к сопротивлению. Для того же, чтобы привлечь на сторону России жителей захваченных земель, З. Г. Чернышев предлагал сохранить их права и привилегии, особенно в вопросах вероисповедания, и присоединить польскую Лифляндию к российской, распространив на нее лифляндское право, Полоцкое воеводство — сделать особой губернией, вероятно, с особым правовым статусом, и присоединить к ней Великолуцкую провинцию. Ви-

тебск и Поднепровье он предлагал присоединить к Смоленской губернии, которая в составе России также имела свои особые права, главным образом, правда, в вопросах землевладения. Для привлечения на сторону России польской шляхты З. Г. Чернышев считал нужным передать владельцам в собственность все имеющиеся у них королевщины. Правда, такая передача староств должна была, по его словам, осуществляться только в том случае, если владелец примет русское подданство. В заключении записки говорилось, что если бы «какая другая область (государство. — Б. Н.) наступательно что предпринять покусилась», то и другие войска, помимо двух дивизий, назначенных действовать в Польше, должны быть приведены в боевую готовность и стояли бы в лагерях до окончания кампании⁷³.

План действий в случае кончины польского короля, предложенный З. Г. Чернышевым, представлял собой конкретизацию в новых условиях идей, высказанных еще в 1756 г. в Конференции при высочайшем дворе. От рассуждений того времени его отличало только понятное отсутствие замыслов в отношении Курляндии, поскольку после января 1763 г. курляндский вопрос был уже практически разрешен. Зато сюжет об округлении границ, о реках и о соединении коммерции Балтийского и Черного морей был проработан весьма подробно. Однако от всех других планов записку З. Г. Чернышева отличало еще подчеркнутое внимание к сугубо военным вопросам. Может быть, это было ему специально поручено. Однако и политическим проблемам нашлось место на страницах его доклада. С одной стороны, З. Г. Чернышев подчеркнуто обходил молчанием вопрос о кандидатуре будущего польского короля и о действиях России в ходе его избрания, хотя было очевидно, что военные силы должны сыграть при этом решающую роль. Чернышев также не мог не знать, кого Екатерина II намеревалась сделать обладателем польской короны. С другой стороны, ничего не говорилось и о так называемой «русской партии», хотя в записке и ставился вопрос о привлечении магнатов на сторону России, так как именно представители великих родов являлись держателями королевщин, которые по плану Чернышева надлежало передать им в собственность. Обойдена молчанием в изложенном плане и возможность соглашения России по польским делам с какой-либо иностранной державой, хотя вопрос об австрийской или прусской ориентации внешней политики России также активно обсуждался при дворе, чего известный своими симпатиями к Фридриху II автор не мог не учитывать. Напротив, он подчеркнуто предлагает исключительно военные меры для противодействия возможному вмешательству в польские дела какой-либо третьей страны.

Аннексионистский проект З. Г. Чернышева исходил, во-первых, из чисто военного способа реализации планов России в отношении Польши, в то время как Екатерина II и ее советники, Н. И. Панин, Г. Кейзерлинг и другие отдавали предпочтение мерам политико-дипломатического характера. Во-вторых, он был рассчитан на короткий период, до одного года со времени ожидавшейся кончины Августа III, что, по мнению Чернышева, позволяло относительно точно определить как необходимые для его осуществления силы и средства, так и возможные военно-политические последствия. Очевидно, что в другом случае такой расчет едва ли представлялся возможным, что и доказало последующее развитие событий. Наконец, сугубо военный подход к реализации польской политики освобождал Россию от необходимости поддержки Чарторыхских и делал для нее несущественным вопрос о кандидатуре будущего польского короля, более того, вопрос этот мог бы стать даже

предметом политических уступок в обмен на международное признание новых территориальных приобретений России. Такая ситуация могла бы также сулить выгоды Орловым и Чернышеву в придворной борьбе, так как они имели все основания опасаться усиления влияния С. Понятовского при петербургском дворе в случае осуществления планов избрания его польским королем, о чем они не могли не знать, несмотря на показную секретность замыслов Екатерины II. Возможно, что именно общее намерение противодействовать польскому влиянию на императрицу сыграло свою роль в примирении З. Г. Чернышева и Г. Н. Теплова с Орловыми в начале 1764 г.

Поэтому думается, что проект, составленный З. Г. Чернышевым, не был сугубо посвящен только военным вопросам. Он содержал в себе и критику планов Екатерины II, о которых автор не решился, правда, сказать открыто. Возможно, уже в феврале 1763 г., а проект появился, вероятно, именно в это время, он был известен Орловым. Несогласием Орловых и Чернышева с участниками конференции объясняется, вероятно, их отсутствие на конференции.

Однако ожидавшейся кончины польского короля не последовало. 6 марта / 23 февраля 1763 г. Екатерина II написала письмо Г. Кейзерлингу, в котором содержался ответ на февральские промемории «фамилии». Императрица одобрила все предложения Чарторыхских относительно организации будущей конфедерации, однако вместе с тем она недвусмысленно дала понять, что категорически возражает против их осуществления при жизни нынешнего короля. В заключение она писала: «Только сдерживайте наших (сторонников России. — Б. Н.), пока наступит время»⁷⁴. В конце марта 1763 г. Екатерина сообщила Г. Кейзерлингу об отправке в Смоленск и Киев требуемого оружия⁷⁵.

7–15 марта 1763 г. в Варшаве состоялся Сенатский совет. Из трех пунктов пропозиций принципиальное значение имел второй: о противоправном захвате Э. Бироном княжеств Курляндского и Земгальского, отданного на основании конституций 1736 г. королевичу Карлу, и о способах восстановления владельческих прав Карла и ленных прав Речи Посполитой. В решениях Сенатского совета подчеркивается полноправие Речи Посполитой в назначении герцога Курляндского после прекращения династии Г. Кетлера, подтверждалась инвеститура принца Карла 1759 г. и ничтожность прав Бирона. Совет высказался за созыв чрезвычайного сейма, место и время которого поручалось определить королю. Были также подтверждены полномочия сенаторов К. Л. Платера и Т. Липского как комиссаров Речи Посполитой в Курляндии⁷⁶.

Идея созыва сейма и привлечения Э. И. Бирона «яко возмутителя» к суду вызвала раздражение в Петербурге⁷⁷. Недовольны были и примасом В. Лубеньским, который не захотел открыто выступить против двора и стать на сторону России. Только «фамилия» недвусмысленно продемонстрировала свою позицию, когда М. Чарторыхский как великий канцлер литовский не только выступил в собрании сенаторов с пространной речью, но и отказался приложить печать к решению Совета⁷⁸. Это, по-видимому, дало основание «фамилии» вновь поставить перед Россией вопрос об организации конфедерации. Сразу после завершения Сенатского совета Чарторыхские подали новую промеморию Г. Кейзерлингу, которую он прислал в Петербург вместе с секретной релицией № 26 от 23/2 марта 1763 г.⁷⁹ В своем письме «фамилия» извещала, что двор грозит им Кенигштайном и уничтожением «русской» партии, что для противодействия этим планам необходимо как можно скорее образовать корпус национального войска и получить 50 тыс. червонцев. По словам Чарторыхских, в случае, если сейм будет созван, они окажутся в меньшинстве, что отрицатель-

но скажется на курляндском деле. Для благоприятного исхода сейма они предлагали уже на сеймиках образовать конфедерацию. Скорейшее образование конфедерации, по мнению Чарторыхских, было необходимо и в связи с планами избрания нового короля-поляка, чтобы помешать намерению дрезденского двора добиваться соглашения великих держав, аналогичного заключенному между Австрией и Францией в 1758 г., о передаче польского престола саксонскому принцу⁸⁰.

Для доклада Екатерине II Н. И. Панин сделал примечания на промеморию Чарторыхских. В них он указывал на стремление «фамилии» ускорить конфедерацию, замечая, что «примеры приведены такие, что если их и вправду испугаться, то и дня мешкать уже нельзя, а надлежит, вынудив шпагу, идти низвергать короля». «Теперь следует коротко объяснить, — писал он в заключение, — когда мы начнем конфедерацию прежде собрания сейма, то какой вид и намерение она иметь может на теперешний случай: в выбытии из Митавы принца Карла и утвердит Бирона — и то и другое почти уже сделано, ибо не только противно, но и полезно российским интересам, чтоб в имении оставались два герцога, лишь бы наш один оставался в правлении, чем он и со всей своей землей тем больше к нам будет привязан. Второй предмет: выбрать нового короля, но старый еще не умер, так разве между тем его низвергнут те, кои сим непосредственно воспользуются, осуждаемы не будут. А злоба, ненависть и досада, и осторожность всех держав на нас одних обратится. Благоразумная политика требует выборов короля польского, но она же запрещает их (королей. — *Б. Н.*) переменять безвременно»⁸¹. Однако категорически возражая против планов конфедерации при жизни Августа III, Н. И. Панин высказался в поддержку как всех прочих предложений Чарторыхских, так и за продолжение прежней линии Петербурга в польских делах. Он советовал «прямо открыться перед нашими друзьями: 1) что на настоящее время удовольствуемся высылкою принца Карла из Курляндии; 2) пята между ними выбрать твердо намерены, только на сие оружием прежде не поступим, пока нынешний король не умрет; 3) в подкрепление своим друзьям деньги давать надобно; 4) им можно позволить на сем основании свое войско набирать, только для своего собственного защищения, а не для безвременного начатия беспокойств, почему 5) без крайней нужды заготовленную у нас амуницию не брать; 6) вследствие угроз Кенигштайном Кейзерлинг может такую же угрожительную декларацию сделать Сибирью; 7) сейм, где бы ни был, надлежит стараться его разорвать, в какие бы деньги ни стало: способы на то помешательство <...> и начатию самого сейма; 8) если до настояния сейма суд биронов производим будет *rag contumace*, то надлежит не жалеть ни трудов, ни денег, чтоб суд дело отложил до сейма, яко принадлежащее всей республике»⁸². Высказанные Н. И. Паниным соображения легли в основу инструкций, отправленных в Варшаву Г. Кейзерлингу в начале апреля 1763 г.⁸³ Однако в них не говорилось ни слова по поводу преобразовательных планов «фамилии».

Намерения России вмешаться в польские дела, особенно по поводу избрания нового польского короля, не могли, конечно, остаться втайне от Версаля и Вены. Да и в Дрездене понимали, что без поддержки Франции и Австрии саксонскому принцу едва ли удастся стать новым польским королем, и предпринимали соответствующие шаги, о чем русское правительство было извещено Чарторыхскими и Кейзерлингом. Позицию по этому вопросу европейских дворов хотели выяснить и в Петербурге и в феврале 1763 г. отправили инструкции русским послам в Вену, Берлин, Лондон, Париж и в Константинополь⁸⁴. Однако ни Версаль, ни Вена не были

готовы в первой половине 1763 г. определить свое отношение к польским делам, будучи заняты вопросом об окончании Семилетней войны. Для Франции главными были противоречия с Англией, а для Австрии — с Пруссией. Глава секретного кабинета Людовика XV Ш. Ф. Брольи, который в свое время по поручению короля руководил польской политикой Франции в интересах принца Конти, теперь был занят целиком подготовкой экспедиции против Англии, а граф С. Г. Шуазель полагал, что Франция сейчас не имеет непосредственных интересов в Польше. Сам же Людовик XV, который всегда был сторонником поддержания французского влияния в Польше, на этот раз вынужден был согласиться со своими официальными советниками и писал 26 февраля 1763 г. Ж. П. Терсье, что не может пойти на новую войну, в случае если сейчас польский трон окажется вакантным⁸⁵.

В Вене довольно долго пребывали в нерешительности в определении своей политики в Польше. В начале 1763 г. В. Кауниц благосклонно отнесся к выдвижению кандидатом на польский трон принца Карла Лотарингского, о чем неофициально были извещены важнейшие европейские дворы и упоминал М. И. Воронцов на конференции у Екатерины II. Однако, по мнению Вены, трудности осуществления такого проекта были едва ли преодолимы, так как против выступали не только Россия и Пруссия, но и Порта, а также, по всей вероятности, и Франция⁸⁶. Австрийский канцлер, конечно же, не связывал с этой идеей серьезных планов, рассчитывая только с ее помощью выяснить позицию великих держав и, главное, подтолкнуть Версаль к согласованным действиям относительно будущих королевских выборов в Польше. Описывая в мрачных тонах опасность усиления России и Пруссии, он не видел для Австрии необходимости выступать против них в одиночку, если их сторонники образуют сильную партию в Польше. К тому же, по его мнению, вмешательство Австрии в польские дела возможно было бы только, если примас В. Лубеньский и гетман коронный Я. К. Браницкий со своими сторонниками официально обратятся к Вене за помощью, в чем он выражал сомнение. В противном случае, писал Кауниц Ф. Мерси д'Арженто в июле и в сентябре 1763 г., если Франция пустит дело на самотек, Австрии придется оставаться в тени⁸⁷. Именно в этом духе действовал в Петербурге граф Мерси, когда 20/9 мая 1763 г. на Конференции с А. М. Голицыным завел разговор о польских делах и благодарил императрицу за откровенное объяснение своих намерений относительно избрания польского короля и спрашивал, кто намечен в качестве кандидата, если саксонские принцы для России неприемлемы. Вице-канцлер же отвечал, что решение еще не принято и не будет принято при жизни Августа III⁸⁸. Тем самым в Петербурге еще раз подтвердили заявление, сделанное Чарторыским, что не намерены вмешиваться в польские дела до кончины нынешнего короля. В связи с конференцией у А. М. Голицына Ф. Мерси д'Арженто писал 24 мая 1763 г. В. Кауницу о «подозрительных намерениях» русского посла в Вене, который хочет выяснить позицию Австрии относительно будущих выборов польского короля, что Екатерина II решила прибегнуть «ко всевозможным средствам», дабы доставить польскую корону представителю «фамилии» С. Понятовскому, что, несмотря на отсутствие формального союза, уже достигнуто соглашение об этом с Пруссией, что дрезденский двор «ничего не может ожидать от нынешнего здешнего правительства»⁸⁹.

О том, как оценивали Екатерина II и Н. И. Панин позицию, занятую великими державами, свидетельствует составленный Паниным и утвержденный императрицей

рескрипт в Варшаву от 16/5 апреля 1763 года. В нем говорилось, что в Версале и в Вене, возможно, нарочно преувеличили слухи об опасности болезни польского короля, как об этом доносил Г. Кейзерлинг, чтобы вывести намерения России. В Петербурге со своей стороны стремились к тому же и пришли к выводу, что соглашение между Австрией и Францией пока не состоялось. 20-я статья австро-французского договора 1758 г., с которой связывали свои надежды сторонники саксонской партии в Польше, по мнению Панина, утратила свою силу, как и все соглашения времени Семилетней войны⁹⁰.

Февральские события в столицах великих держав, связанные с болезнью Августа III, показали, что ни Россия, ни Франция и Австрия не намерены активно вмешиваться в польские дела, по всей видимости, до кончины нынешнего польского короля. А без такого вмешательства, как это понимали в Дрездене и в Варшаве, едва ли следует ожидать решительного выступления сторонников России во главе с Чарторьскими.

Поэтому в то время, как Чарторьские торопили Россию с осуществлением плана образования конфедерации, их противники из «гетманской» и «дворской» партий искали способы противодействия политике «фамилии». Однако в их действиях не было согласованности. К. Радзивилл в Литве делал ставку на вооруженную силу и продолжал наращивать свое войско. Правда, набрать 15 тыс. человек ему не удалось, но в начале апреля 1763 г. Г. Бенуа сообщил в Кенигсберг, что милиция Радзивилла насчитывала уже более 5 тыс. человек и, по разным сведениям, от 20 до 40 пушек⁹¹.

Г. Брюль и «патриоты» хотели бы использовать предоставленную им передышку для укрепления собственных позиций. Однако если для дрезденского двора по-прежнему главным оставался вопрос о судьбе принца Карла в Курляндии, то для «патриотической партии» на первом месте стояли собственно польские дела: противоборство с «фамилией». При этом «дворская партия» должна была принимать во внимание оба эти направления, что и нашло свое отражение в решениях Сенатского совета в марте 1763 г. По поводу этих решений Г. Кейзерлинг писал в начале апреля 1763 г. в Петербург, что попытка утвердить инвеституру принца Карла на чрезвычайном сейме не внушает ему опасения, поскольку «сеймы здесь легче разорваться, нежели состояться могут», что, хотя решение о созыве сейма принято, но из-за отъезда Августа III в Саксонию до сих пор не определено, когда и где он будет проходить. Поэтому посол даже не стал объявлять польскому двору о готовности России «способствовать в доставлении принцу Карлу другого достаточного пристроения» вместо Курляндии⁹². О намерении Петербурга предоставить принцу Карлу компенсации за утраченный курляндский престол сообщал В. Ф. Сольмс в депеше Фридриху II в начале января 1763 г., передавая свой разговор с Н. И. Паниным, в котором тот сообщил, что речь идет «не более как о секуляризации нескольких епископств в Германии для того, чтобы образовать из них владения для принца Карла». На что Сольмс от имени короля ответил согласием, но только в том случае, если интересы Пруссии не будут затронуты. Панин же отвечал, что, по мнению Петербурга, главная роль в осуществлении этого плана должна принадлежать Вене⁹³.

В конце апреля в королевской канцелярии в Варшаве были сочинены проекты королевских универсалов на сейм, а сам универсал был составлен в начале мая 1763 г. Однако ни места, ни времени собрания сейма в них указано также не было⁹⁴. В проекте, наряду с курляндским делом, были поставлены вопросы: 1) об умножении войска; 2) о порядке проведения сеймов; о раздаче канцлерских должностей, которые

предстояло обсудить на будущем сейме. Включение в универсал принципиальных положений С. Конарского и политической программы Чарторыхских отражало, по-видимому, стремление «дворской партии» облегчить проведение сеймиков, привлечь на свою сторону часть приверженцев «фамилии» и тем ослабить оппозицию, или же обещанием политических уступок склонить Чарторыхских к сотрудничеству с двором и совместно провести некоторые реформы, сохранив при этом собственные политические позиции и избежав вмешательства России во внутренние дела Речи Посполитой. Главный же расчет состоял в том, чтобы таким образом добиться успешного проведения сейма и решения на нем курляндского вопроса в пользу саксонской династии, что в свою очередь позволило бы воспрепятствовать сговору «фамилии» с Россией.

Для осуществления этого плана требовалось прочное согласие «дворцев» с «патриотами» и гетманами, так как Е. Мнишек без поддержки Я. Е. Флеминга, Массальских и Радзивиллов едва ли мог рассчитывать на влияние в Литве, а без помощи Потоцких и Браницких — в Короне. А только такое согласие могло бы обеспечить поддержку шляхты и проведение сеймиков и чрезвычайного сейма. Однако Я. К. Браницкий и Потоцкие были недовольны политикой двора, а к сотрудничеству с «дворской партией» их могла подтолкнуть только рекомендация Версаля. Соглашение между ними и Чарторыхскими было также едва ли возможно. Аналогичная ситуация была и в Литве, где Радзивиллы, Массальские и Сапеги к тому же враждовали между собой. Коронный гетман Я. К. Браницкий вряд ли мог согласиться на проведение реформ, приемлемых для «фамилии», так как проекты Чарторыхских были направлены против власти гетманов. Использование коронных войск и собственных отрядов магнатов для подавления оппозиции, на чем особенно настаивал К. Радзивилл, затруднялось еще и тем, что, с одной стороны, могло вызвать нежелательное недовольство шляхты, протестовавшей бы в этом случае против нарушения шляхетских вольностей, а с другой — обострение кризиса и неизбежного вмешательства России во внутренние дела Польши, чего «патриоты» и «дворцы» опасались в наибольшей степени.

V

Новое обострение внутривластного положения в Польше наступило весной 1763 г. в связи с выборами депутатов на Виленский трибунал. К. Радзивилл стремился всеми силами добиться избрания своих сторонников. Побудило к этому воеводу виленского недовольство приговором, вынесенным прежним трибуналом по делу его приятеля Володковича (Леона?), поэтому он стремился вырвать трибунал из рук «фамилии» и сделать его целиком зависимым от себя. Однако дело, разумеется, не ограничивалось сугубо личными амбициями князя Радзивилла. Трибуналы, коронный в Петрикове и виленский в Литве, были не только высшими судебными инстанциями в Речи Посполитой, но и играли исключительно важную роль в политической системе шляхетской республики, ибо, в отличие от сеймов, где решения принимались единогласно, приговоры трибуналов выносились большинством голосов. Поэтому магнатская группировка, преобладавшая в трибунале, получала возможность протаскивать выгодные своим сторонникам судебные решения и тем самым укреплять свой авторитет и влияние среди шляхты, воздействовать на должностных лиц, на участников сеймиков и послов сейма, а также преследовать своих противников. Этим объясняется, что при избрании членов трибуналов каждый раз разгоралась

нешуточная борьба. Весной 1763 г. перевес сторонников К. Радзивилла на трибунальских сеймиках в Литве был настолько велик, что противная сторона не только не смогла провести своих депутатов, но не решилась даже протестовать против учиненных насилий при установлении трибунала. Единственное, что смогли сделать сторонники «фамилии», поддержанные Массальскими — гетманом литовским и его сыном — епископом виленским, это образовать при виленской кафедре свой отдельный трибунал. При этом надо отметить, что насилие на выборах депутатов позволяла себе не только сторона воеводы виленского, но и его противники, ибо ни те, ни другие не знали иных способов избирательной борьбы, а ожесточение было слишком велико. Когда К. Радзивилл узнал об образовании особого трибунала, то, не заботясь о внесенных противниками в градские книги манифестах с протестами, ни об интердикте епископа виленского, разогнал силой «мнимый» трибунал и установил свой, т. е. избранный из числа своих сторонников.

События вокруг виленского трибунала были использованы Чарторьскими, чтобы подтолкнуть Россию к активному вмешательству в польские дела. О том, что Екатерина II, хотя бы внешне, не отказалась совершенно от поддержки их планов, свидетельствовало ее письмо Г. Кейзерлингу от конца марта 1763 г., в котором императрица извещала посла об отправке денег в Польшу и оружия в Смоленск и Киев⁹⁵, а также российская декларация по поводу событий в Вильно, составленная в Петербурге 12/1 мая, врученная саксонскому резиденту И. М. Прассе⁹⁶ и отправленная в Варшаву для представления польскому двору. Когда декларация стала известна Чарторьским, они сразу посылают в Петербург новую промеморию от 20/9 мая 1763 г.⁹⁷, в которой обосновывают невозможность примирения с двором и дальнейшего бездействия. Они вновь приводили план образования конфедерации, желая начать ее немедленно, в конце июля 1763 г., и просили войск, оружия и денег. Г. Кейзерлинг находил эти требования чрезмерными и писал, что «величина такого расхода не соответствует опасности, которая вовсе не так уж близка». В заключение он предлагал императрице прислать ему «собственноручное письмо», которое он мог бы показать Чарторьским, с запрещением прибегать к конфедерации до того срока, который она сама изберет, и без ее точного приказания⁹⁸. Екатерина II исполнила просьбу посла и подтвердила неизменность своего решения не образовывать конфедерацию до кончины нынешнего короля. В противном случае, продолжала императрица, «конфедерацию пришлось бы поддерживать все это время, без чего я не предвижу возможности достигнуть устранения злоупотреблений и удовлетворения наших друзей». Это выражение представляется весьма существенным, так как под «устранением злоупотреблений» Чарторьские, и это было известно в Петербурге, понимали осуществление своей реформаторской программы. Важным также было и поддержанное Екатериной мнение посла, что будущая конфедерация ни в коем случае не должна быть продолжительной⁹⁹.

Однако вслед за письмом, предназначенным для «фамилии», Екатерина II 6 августа / 26 июля 1763 г. отправляет еще одно письмо в Варшаву «для собственного сведения» посла. В ответ на высказанные послом опасения, что стремление противников Чарторьских к деспотизму может якобы повредить соседям Польши, она недвусмысленно разъясняет Кейзерлингу, «что без сомнения не случайный деспотизм партии, находящей себе поддержку в интригах собственного двора, в состоянии создать наконец монархическое правление, который есть единственный и действи-

тельный предмет тревог для соседей; поэтому не следует ли смотреть на настоящий деспотизм скорее как на продолжение анархии, имеющий источником самый принцип их правительства, чем на действительное приближение к постоянному порядку вещей для нации»¹⁰⁰. Рассуждение это весьма примечательно, ибо в нем констатируется, что российская политика в Польше не считала для себя опасным усиление той или иной партии и даже гегемонии одной из магнатских группировок, но еще задолго до всех предостережений Фридриха II была настроена против усиления власти короля или, как писала императрица, попыток «создать монархическое правление», а также против установление «постоянного порядка вещей для нации», т. е. против усовершенствования республиканского устройства Польши. Об этом Екатерина II высказалась еще в начале письма, указав на различие своих интересов и интересов «фамилии», подчеркнув, что «их интерес так велик и их планы так важны <...> иное дело в отношении меня»¹⁰¹. Однако вопрос, в чем же состоял собственный интерес императрицы, помимо образования конфедерации только после смерти нынешнего короля, в письме Г. Кейзерлингу так и оставлен без ответа. Очевидно, что этот интерес заключался в избрании короля — ставленника России, а именно С. Понятовского. Но и в этом случае содержание письма Екатерины II остается не вполне проясненным. Если идеи «фамилии» отвергались полностью, как это следует из письма, то с какой целью Россия предпринимала свои усилия по ее поддержке? Если решение добиться избрания на польский престол «русского кандидата» было принято бесповоротно, то каких выгод от этого ожидали в Петербурге? Если в результате принятых Россией мер в Польше вместо власти «патриотов» и «дворцев» должна была установиться гегемония Чарторыских, то для чего это делалось? Если речь шла о разрешении курляндского вопроса, то в начале 1763 г. он был уже фактически разрешен. Если дело было в признании императорского титула Екатерины II, то тема эта всерьез не ставилась ни одной из держав, а следовательно, мнением польского сейма можно было просто пренебречь. Наконец, вопрос о границе, существовавший еще с 1686 г. как сюжет дипломатических претензий России к Речи Посполитой, вряд ли имел в 1760-е гг. иное значение, помимо малосущественных соображений дипломатического престижа. Тем более, что он вполне мог быть решен в соответствии с проектом З. Г. Чернышева. Таким образом, если до конца января 1763 г. русская политика в Польше могла быть объяснена с точки зрения курляндского дела, то с весны 1763 г. суть замыслов петербургских стратегов остается совершенно покрыта мраком.

VI

Несмотря на неопределенность целей и конкретных задач русской политики в Польше, на ее границах уже в конце 1762 г. развернулись военные приготовления, принявшие особый размах весной 1763 г. Об этом свидетельствует секретный доклад Военной коллегии о расположении полевой армии¹⁰² с приложенной к нему объяснительной запиской от 1 марта / 18 февраля 1763 г.¹⁰³ В записке говорилось: «Ежели нужда и обстоятельства побудили наступательную армию иметь противу Польши или Пруссии, то может к тому употребиться все дивизии: Рижская, Ревельская, Смоленская, часть Петербургской..., часть Московской..., гусарские, донские и чугуевские кавалерийские полки». Наряду с Польшей и Пруссией в качестве вероятных против-

ников, против которых планировались наступательные действия, назывались также Швеция и Турция. Данные о силах выделенных для наступательных операций, приведены в *таблице 1*.

Таблица 1. Состав и численность полевой армии России в распределении по основным стратегическим направлениям (февраль 1763 г.)

Состав (полки) *	Направление					
	Западное (против Польши и Пруссии)		Северо-Западное (против Швеции)		Юго-Западное (против Турции)	
	Число		Число		Число	
	полков	людей	полков	людей	полков	людей
Пехотные	29	54 694	18	33 948	41**	77 326 165 968
Кавалерийские	14	11 186	3	2 397	18	14 382 27 965
Гусарские	4	4 636	2	2 318	8	9 272 16 226
Казачьи	10	5 000	4	2 000	10	5 000 12 000
Всего	57	75 516	27	10 663	77	105 980 222 159
%		34,0		18,3		47,7 100,0

Примечания. * Без учета сил полевой артиллерии.

** 15 ландмилицких и 26 полевых полков.

Из них следует, что в качестве главного противника рассматривалась Турция, на борьбу с которой выделялась половина имевшихся сил. Определившееся в течение 1763 г. сближение с Пруссией исключило возможность нового военного столкновения с Фридрихом II, поэтому силы, предназначенные к действиям на западном направлении, можно было целиком использовать против Польши, с учетом возможности оказания ей помощи со стороны Австрии, Саксонии и Франции. При этом предполагалось привлечь дивизии, расквартированные вблизи российско-польской границы (см. *таблицу 2*).

Таблица 2. Распределение сил русской армии по дивизиям на границах с Польшей в 1763–1764 гг. *

Дивизии	Пехота		Кавалерия		(в том числе: гусары казаки)				Всего чел.
	полки	чел.	полки	чел.	полки	чел.	полки	чел.	
1-я Лифляндская	8	16752	5	5126	1	1358	—	—	21878
2-я Эстляндская	5	10470	2	1884	—	—	—	—	12354
3-я Смоленская	6	12564	3	3242	1	1358	—	—	15806
7-я Севская	4	8376	5	5710	—	—	2	1000	14086
8-я Украинская	—	—	7	7010	1	1358	—	—	7010
Итого	23	48162	22	22972	3	4074	2	1000	71134

Примечания. * Без учета сил полевой артиллерии. Таблица составлена по ведомостям Военной коллегии 1763–1764 гг., опубликованных А. Лебедевым¹⁰⁴.

Указанные дивизии по своей общей численности практически покрывали силы, выделенные для операций на западном направлении, и могли быть объединены

в три группировки: в Прибалтике, в районе Смоленска и на Украине. Именно так и поступила Военная коллегия, сосредоточив на рубеже 1762—1763 гг. корпус в Курляндии, к началу февраля 1763 г. — в Смоленске, а в мае 1763 г. — в районе Киева и Чернигова. Помимо сил названных дивизий, созданные корпуса получили усиление из состава Финляндской, Санкт-Петербургской и Московской дивизий, а также донских и чугуевских казаков. Корпусам была придана полевая и полковая артиллерия, что означало их приведение в полную боевую готовность, так как в XVIII в. русская армия получала артиллерию непосредственно перед началом боевых действий. Состав корпусов приведен в *таблице 3*.

Таблица 3. Состав и силы корпусов русской армии, предназначенных для действий против Польши, февраль—май 1763 г.¹⁰⁵

корпус	Курляндский		Смоленский		Украинский		Всего
	полки	чел.	полки	чел.	полки	чел.	
пехота	16	33504	12	25128	3	6282	64914
кавалерия	9	6710	12	10368	12	9952	27030
в т. ч.: гусары	—	—	2	2716	1	1358	4074
казаки	4	2000	4	2000	4	2000	6000
Итого:		40214		35496		16234	91944
корпус	Курляндский		Смоленский		Украинский		Всего
	число орудий		число орудий		число орудий		
Артиллерия							всего
полевая	43		33		14		90
полковая	64		48		28		140
Итого	107		81		42		230

Примечания. * Без учета личного состава полевой артиллерии.

Помещенные в *таблицах 1–3* результаты расчетов численного состава войск не могут быть абсолютно точными, так как в *таблице 1* он определен Военной коллегией по штатам 1762 г., а в *таблицах 2 и 3* рассчитан на основе штатного состава полков 1763–1764 гг., когда русская армия проходила реформирование после Семилетней войны, завершленное только к 1767 г. В этот период сокращенные штаты военного времени были доведены до полных, что проходило в разных частях не одновременно. А это влечет за собой расхождение данных по разным ведомостям. Например, по объяснительной записке 1763 г. пехотный полк насчитывал 1886 чел. (штаты 1762 г.), по ведомостям 1764 г., опубликованным А. Лебедевым, — 2094 чел., то же число приводит и Д. Ф. Масловский¹⁰⁶. Численность кавалерийского полка была в 1763 г. увеличена с 799 до 942 чел. в связи с заменой драгунских полков на карабинерные. Гусарские полки в 1762 г. насчитывали 1159, в 1763 г. — 1358, а к 1767 сокращены до 1034 чел. Казачьи полки в 1763 г. при штатной норме 500 чел. имели фактические штаты 419–541 чел. В приведенных расчетах за основу брались штаты: пехотного полка — 2094 чел., кавалерийского — 942 чел., гусарского — 1358 чел. Максимально возможная ошибка по пехоте составляет 10 %, по кавалерии — 14–15 %. Следует также учитывать возможный некомплект частей. Однако он не мог быть значительным, поскольку для пограничных дивизий и боевых корпусов выде-

лялись полностью укомплектованные части, что специально оговаривалось в приказах Военной коллегии.

Таким образом, в трех корпусах, образованных для действий в Польше, была сосредоточена $\frac{1}{3}$ русской армии (92 тыс. из 282 тыс. чел.). Причем, если учитывать силы Московской и Лифляндской дивизий, за счет которых все три корпуса могли быть быстро усилены, то можно утверждать, что военная подготовка на границах Польши весной 1763 г. была проведена с размахом. Следует также отметить, что в трех корпусах было сосредоточено 59 % регулярной конницы и три из четырех полевых гусарских полков (Сербский, Грузинский и Молдавский). Венгерский гусарский полк, входивший в состав Лифляндской дивизии, в мае 1763 г. был включен в отряд Н. И. Салтыкова и отправлен в Литву, еще 100 чел. гусар из Слободского гусарского полка Московской дивизии были прикомандированы к смоленскому корпусу. По своему составу и вооружению гусарские полки были предназначены для борьбы с регулярной конницей противника. Обращает на себя внимание и мощное артиллерийское вооружение корпусов.

Армия, сосредоточенная к лету 1763 г. на границах Польши, по численности, вооружению, боевой подготовке и опыту обладала огромным превосходством над силами Польши. Поэтому военные мероприятия России не могут быть объяснены ни необходимостью противодействия коронным и литовским войскам, ни помощью конфедерации «друзей России». Даже для захвата восточных польских земель, предусмотренного планом З. Г. Чернышева, предполагалось использовать силы всего двух дивизий. Едва ли при планировании операций в Польше военное руководство в Петербурге видело главную опасность в возможном объявлении посполитого рушения в Польше. Тогда остается признать только одно, что войска были приготовлены на случай военного вмешательства Австрии, Франции или Турции. Другими словами, Россия была готова не отступить в случае угрозы большой войны в Европе из-за Польши. Такая решимость и предпринятые военные меры свидетельствуют, что ставка в польской игре Петербурга была намного выше, чем простое избрание нового короля или же установление политической гегемонии «фамилии». Да и сама Екатерина II вполне осознавала разницу между своими интересами и целями Чарторыхских. Однако до поры до времени эти интересы совпадали, а расхождения между ними тщательно скрывались в Петербурге. Поэтому неопределенность целей русской политики в Польшу в 1763 г. имела три основания: во-первых, осознание, что приход к власти в Польше «своего короля» сулит России значительные политические выгоды, достижение которых стоило риска втягивания страны в большую европейскую войну, и вместе с тем отсутствие выраженного представления, каких именно результатов ожидали в Петербурге вследствие предпринимаемых усилий; во-вторых, отсутствие единства в подходе к польским проблемам в правящих кругах России: борьба «прусской» и «австрийской» ориентации внешней политики, стремление выдвинуть на первый план черноморское направление экспансии, безусловно, имевшее для России самостоятельное значение, и в-третьих, необходимость скрывать свои истинные намерения как от поляков, так и от других европейских стран, чтобы не пробудить их бдительность.

По отношению к «фамилии» в Петербурге словом и делом постоянно подчеркивали, что твердо намерены выполнить согласованную программу и поддерживать «друзей России», оказывая давление на Варшаву и Дрезден.

VII

Наряду с майской декларацией И. М. Прассе Екатерина II отдает приказ Военной коллегии отправить в Литву корпус из трех пехотных и одного карабинерного полка общей численностью 5,5 тыс. чел. под командованием Н. И. Салтыкова (Указ 23/12 мая 1763 г.¹⁰⁷). Войска были выделены из состава Лифляндской дивизии, причем по просьбе Н. И. Панина карабинерный полк был заменен на гусарский¹⁰⁸. Командующему дивизией фельдмаршалу П. С. Салтыкову поручалось уведомить о походе литовского гетмана М. Массальского. Корпус должен был пройти через Курляндию, Самогизию на Вильно и далее следовать к Киеву, о чем был послан секретный указ киевскому оберкоменданту Чичерину¹⁰⁹.

27/16 июля 1763 г. последовал новый угрожающий дипломатический демарш, когда И. М. Прассе был вновь приглашен на конференцию в Коллегию иностранных дел, где ему была вручена записка, в которой говорилось о недружественном поведении по отношению к России польского короля, что Екатерина II желает с ним «доброго согласия и союза» и уверена поэтому, что «никакие порицания не могут пасть на нее в случае, если бы польские дела привели к какому-нибудь прискорбному скандалу»¹¹⁰. Наконец, в августе 1763 г. Г. Кейзерлингу поручается взять займы в Варшаве и Гданьске необходимую сумму денег в счет выделенных ему для секретных расходов 150 тыс. рублей¹¹¹.

Обеспокоенность в Петербурге ситуацией в Польше весной и летом 1763 г. была связана не в последнюю очередь с опасениями, что вмешательство России в дела Речи Посполитой может повлечь за собой ответные меры Турции. Об этом доносил в Вену Ф. Мерси д'Арженто. В марте он сообщал о раздражении Порты в связи с закладкой на Дону крепости св. Дмитрия, что от имени султана А. М. Обрескову было объявлено требование о прекращении строительства и что в противном случае Турция помешает этому силой. Для улаживания конфликта предполагалось послать А. Г. Орлова¹¹². В апреле посол сообщал, что значительная часть польских магнатов стремится подтолкнуть Порту к выступлению против России, поэтому уже сам фаворит императрицы Г. Г. Орлов собирался ехать «к русско-турецкой границе», чтобы подкупом склонить Порту в пользу здешнего двора. При этом Мерси д'Арженто замечает, что надлежит подождать результатов этого предприятия¹¹³.

Однако ни дипломатическое, ни военное вмешательство России в польские дела не привело к ослаблению противостояния магнатских группировок. В начале июля 1763 г. Г. Кейзерлинг вручил декларацию российского двора примасу и министрам с добавлением, что сохранение прав и вольностей Речи Посполитой навсегда остается заботой России как дружественной Польше державы. Двор прибег к своей обычной тактике: на словах выразив готовность к уступкам, Август III письменно запросил по этому поводу министров и сенаторов. Некоторые из них были за собрание чрезвычайного сейма, а другие — против, как, например, М. Водзицкий — подканцлер кор. — который считал, что сейм невозможно будет собрать. Ободренные успехом на литовских сеймиках «патриоты» и «дворцы» надеялись, вероятно, одержать верх над «фамилией» и на посольских сеймиках. Х. Шмит писал, что по вопросу о российской декларации был создан Сенатский совет¹¹⁴, который высказался, чтобы в Петербург был послан представитель с заявлением о том, что Польша как независимое государство намерена решать свои внутренние вопросы без иностран-

ного вмешательства. Однако В. Конопчинский в своем перечне Сенатских советов не приводит такового летом 1763 г.¹¹⁵ По всей вероятности, речь шла либо о неудачной попытке собрать Раду сената, либо об агитации на эту тему противников «фамилии».

Тогда Чарторьские стали распространять по воеводствам анонимные письма с призывами образовать конфедерацию под покровительством России, за ее подготовку взялись А. Замойский — воевода иновроцлавский, П. Мостовский — воевода поморский, Я. Е. Флеминг — подскарбий литовский, С. Любомирский — коронный стражник, М. К. Огинский — литовский писарь, Массальские и многие другие. В конце июня — начале июля в Литве и Польше распространились слухи о вступлении туда русских войск. Так, 2 июля А. Красиньский получил из Ополе письмо, в котором сообщалось о посланном в Пулавы разведчике для сбора сведений о рекрутах и фортификации. В письме говорилось, что рекруты для конфедерации собираются, но точного числа их установить не удалось, о московских войсках пока нет никаких известий¹¹⁶. 16/5 июня 1763 г. Г. Кейзерлинг сообщил, что получил рапорт от Н. И. Салтыкова о вступлении его корпуса в Литву, при этом посол полагал, что одного полка конницы (500 человек) недостаточно. В начале июля он писал о просьбах Чарторьских доставить в Литву заготовленного в Смоленске и Киеве оружие. Кейзерлинг отказал, так как, по его мнению, «крайней нужды» в этом не было. В той же депеше от 6 июля / 25 июня посол писал, что «наши друзья» вербуют людей и действуют, как будто конфедерация уже одобрена императрицей, от чего он старается их удерживать¹¹⁷.

Действия Чарторьских, поддержанных русскими войсками, побудили их противников в середине июля собраться в Белостоке у Я. К. Браницкого, где присутствовал и К. Радзивилл, который заявил, что готов воевать и не пожалеет для этого ни имения, ни жизни. Решено было потребовать от Г. Кейзерлинга объяснений по поводу слухов об ожидавшемся вступлении русских войск; обратиться за поддержкой к Фридриху II, которому сообщить о задуманной «фамилией» детроизации Августа III; в случае вступления русских войск арестовать М. Чарторьского, отправив его Кенигштайн, а в ответ на конфедерацию противников короля объявить реконфедерацию¹¹⁸.

В этом духе Я. К. Браницкий написал 18 июля 1763 г. письмо Г. Кейзерлингу с вопросом: правдивы ли вести, приходящие от границ королевства, на что русский посол, уже отправивший инструкции Н. Салтыкову, ответил гетману коронному, что из письма последнего не ясно, о каких границах идет речь. Причем это достаточно бесцеремонное заявление было призвано не только продемонстрировать пренебрежение русского посольства к польскому правительству, но и скрывало за собой нерешенность немаловажного вопроса о статусе пребывания русских войск в Литве. Об их походе не были уведомлены ни король, ни сенаторы, ни польское министерство. О вступлении русских войск в Литву не было издано предусмотренной традициями декларации, а извещен об этом только гетман литовский М. Массальский. Единственно возможным правовым основанием для такого шага русского правительства было бы формальное приглашение, исходящее от конфедерации, на образование которой надеялись Чарторьские, но чего не хотели допускать в Петербурге. Поэтому становится понятно, почему «фамилия» восприняла поход Салтыкова как сигнал для образования конфедерации, а Г. Кейзерлинг ничего не мог ответить Я. К. Браницкому. Но молчание русского посла могло быть расценено и иначе: как свидетельство нежелания русского посольства доводить дело до окончательного разрыва со двором, что неизбежно произошло бы в случае официального объявления России об интервенции.

В этих условиях Варшавы достигла июльская Записка российских канцлеров, врученная в Петербурге И. М. Прассе. Она вызвала отклик при дрезденском дворе. На нее были составлены довольно обширные и острые «Замечания», которые, правда, остались неопубликованными. Х. Шмит полагал, что обнародованию замечаний помешали сторонники «фамилии»¹¹⁹. Однако думается, что помимо этого, бездействие Августа III и его министерства было продиктовано откровенным желанием не усугублять раздражение Петербурга.

В августе 1763 г. напряженность достигла наивысшего уровня. 11 августа Я. К. Браницкий писал Е. Мнишеку об угрозе общественному спокойствию и сообщал, что по известиям, полученным от К. Радзивилла, в Вильне собралось много шляхты и с каждым днем прибывает все больше, что ходят слухи о приближении к городу русских войск¹²⁰. 23 августа Я. К. Браницкий извещает коронного маршала Ф. Белиньского, что несколько дней назад Г. Кейзерлинг приказал русским войскам совершить марш в Корону, что воевода киевский Ф. С. Потоцкий опасается публичных замешательств и участия в них Москвы¹²¹. В это время Г. Кейзерлинг 8 августа / 28 июля доносит в Петербург о возрастающем взаимном раздражении партий в Польше и запрашивает императрицу: не следует ли еще раз попытаться мирно, без образования конфедерации, разрешить конфликт, для чего посол готов был даже отправиться в Дрезден. В случае же конфедерации, по его мнению, надо, чтобы Чарторьские дали письменное обязательство, что таковая не будет направлена против короля и не предполагает нововведений, вроде решения вопросов на сейме большинством голосов¹²². К изложенной секретной реляции № 41 была приложена промемория Чарторьских от 27/16 июля, в которой они, в частности, писали, что противная партия уверена в своей безнаказанности, и намекали, что Россия не должна ограничиваться только военными демонстрациями, призывая к активным действиям, т. е. к образованию конфедерации.

В ответ на реляцию Кейзерлинга из Петербурга последовали рескрипт, составленный Н. И. Паниным, и собственное письмо императрицы от 5 сентября / 25 августа 1763 г., в которых подтверждались отказ от конфедерации при жизни короля, требование о примирении партий в Польше и, главное, давался приказ об отправке корпуса Н. Салтыкова на родину¹²³.

Письмо Г. Кейзерлинга императрице под № 41 было несомненно известно Чарторьским, известен был, следовательно, и недвусмысленный отказ посла допустить какие-либо нововведения в государственном устройстве Польши. Видимо, уже тогда «фамилии» было совершенно ясно, какую позицию занимал он по вопросу об альтернативе «примирение» или конфедерация. Поэтому, не дожидаясь ответа от Екатерины II, 21 августа уже сам С. Понятовский посылает промеморию, в которой приводится перечень «насилий» противников «фамилии», начиная с декабря 1762 г., дословно воспроизведено прежнее согласие императрицы на конфедерацию при жизни Августа III, которое, однако, могло быть двояко истолковано¹²⁴. По-видимому, Чарторьские теряли надежду добиться желаемой цели, которая, как им, наверное, казалось, была так близка. Литовский стольник попытался действовать в обход Г. Кейзерлинга через датского посла в Петербурге А. З. Остена, человека, близкого к нему и Чарторьским. Однако и здесь «фамилию» поджидала неудача. 19 августа Остен писал С. Понятовскому, что не решился показать его письма императрице, что все высшие лица в Петербурге настроены против поляков¹²⁵. Во втором, недати-

ванном, письме, на копии которого написано рукой Станислава Августа: «Остен — воеводе русскому» (А. Чарторыскому. — Б. Н.) датский посол писал, что императрица говорила с ним один на один и что ее расположение к «фамии» совсем угасло. В письме говорилось, что точную причину этого установить не удалось, однако известно, что прусский король не хочет конфедерации в настоящий момент и, по словам Сольмса, опасается в этом случае вмешательства венского двора. Далее А. З. Остен писал, что В. Гуровский интригует против «фамии» в пользу саксонской династии. По его словам, было бы хорошо убедить Кейзерлинга и Бенуа, что конфедерация стала бы наилучшим выходом для России и прусского короля. «Но поскольку императрица твердо настаивает на примирении, — советует Остен А. Чарторыскому, — вам следует подчинить свой интерес ее намерениям. Это примирение, — писал он, — представляется едва ли возможным, и поведение наших противников на переговорах, вероятно, рассердит императрицу. В то же время кончина графа Брюля может открыть путь к такому примирению»¹²⁶.

Однако еще до получения инструкций из Петербурга от 5 сентября / 25 августа Г. Кейзерлинг самостоятельно принимает решение об отказе от планов конфедерации. 28 августа 1763 г. состоялась конференция между русским послом, примасом В. Лубеньским и коронным гетманом Я. К. Браницким. Х. Шмит ошибочно датирует ее началом сентября. Но уже 29 августа гетман коронный в письме Е. Мнишеку сообщил об удачном завершении переговоров и подписании протокола¹²⁷. На конференции Г. Кейзерлинг объявил о выводе из Литвы русских войск и о желании Екатерины II поддерживать в Польше «тишину и спокойствие», которые нарушаются рознью между великими домами. Посол также заявил о готовности России предоставить некоторые компенсации принцу Карлу за утрату курляндского престола. В свою очередь он потребовал от польского правительства урегулировать кризис в связи с Виленским трибуналом и не допустить насилия при выборах на трибунал в Петрокове. Примас и гетман со своей стороны заявили, что признают обоснованность протестов «фамии» по поводу незаконных действий К. Радзивилла в Вильно, что обещают провести спокойно выборы Коронного трибунала, если Чарторыские согласятся, чтобы его маршалом был Иоахим Потоцкий — литовский подचाший. Я. К. Браницкий издал также манифест, запрещающий приводить войска и вооруженную шляхту в места проведения депутатских сеймиков.

Августовские события в Польше нашли отражение в корреспонденции Фридриха II и Екатерины II, а также в донесениях из Петербурга В. Ф. Сольмса и Ф. Мерси д'Арженто. Так, 5 сентября / 25 августа 1763 г., в тот самый день, когда Г. Кейзерлингу были отправлены инструкции о примирении партий, Сольмс доносил в Берлин, что И. М. Прассе было сказано о готовности Петербурга пойти на компромисс с дрезденским двором. Правда, прусский посол замечает, что не верит в прочность такого согласия из-за действий Я. К. Браницкого, не оставившего попыток подавить своих противников вооруженной силой, и, главное, из-за кандидатуры будущего короля¹²⁸. Таким образом, Сольмс придерживался аналогичной точки зрения с датским послом на перспективы примирения партий в Польше. Но ни здесь, ни ранее мы не находим в его депешах возражений против вынашиваемых Чарторыскими планов конфедерации, о чем писал в Варшаву Остен. В завуалированной и мягкой форме сомнения Пруссии по поводу планов конфедерации при жизни Августа III были высказаны в письме Фридриха II русской императрице от 8 сентября

1763 г., в нем прусский король подчеркивал, что действия России в Польше найдут полную поддержку Берлина и завершатся успешно, т.е. избранием короля, удобного России. Фридрих II только советовал Екатерине II лучше замаскировать свои действия, усыпить бдительность противников, не дать им собрать силы и найти себе союзников¹²⁹. Однако, даже если принять деликатные намеки Фридриха II за косвенное несогласие с идеей конфедерации, то нельзя признать их за действительные возражения. Тем более, что прусский король 3 августа поручает К. А. Рексину в Константинополе поддерживать действия России в Польше, а 10 августа в письме саксонской кур-принцессе Марии Антонии он подтверждает свою «протекцию» Чарторыхским¹³⁰. Не проявлял беспокойства по поводу задуманной конфедерации и присутствия в Польше русских войск и прусский резидент в Варшаве Г. Бенуа. 1 июня он доносил в Берлин о предложениях Г. Кейзерлинга относительно предполагаемого союза России с Пруссией, что главным вопросом согласия Петербурга и Берлина, по его словам, должно быть курляндское дело. 22 июня прусский посол сообщает о расстановке сил при дворе и в Курляндии, о позиции Е. Мнишека и Чарторыхских, о намерении «фамилии» организовать конфедерацию в Литве, для чего ввести туда русские войска. В заключение Бенуа делает вывод, что развитие ситуации в Польше будет соответствовать интересам Пруссии. 6 июля он писал, что конфедерация предпринимается с согласия русского двора, и делом руководит Г. Кейзерлинг¹³¹. В целом в августе—сентябре 1763 г. в переписке Бенуа с Берлином представлена достаточно полная и достоверная картина событий в Польше. Но ни в депешах Бенуа, ни в инструкциях, направленных к нему из Кабинета и от Фридриха II, ничего не говорится об озабоченности Пруссии планами России и «фамилии», более того, посол неоднократно подчеркивал, что король может быть удовлетворен ситуацией в Польше¹³². Таким образом, свидетельство А. З. Остена о возражениях Пруссии против планов конфедерации при жизни Августа III нуждаются в уточнении. Вероятно, этот аргумент был приведен ему кем-то в Петербурге, чтобы убедить Чарторыхских подчиниться воле Екатерины II.

События вокруг Виленского трибунала продемонстрировали, что после установления власти Бирона в Курляндии в Петербурге не было никакого определенного плана политики в Польше. В отправленных в Варшаву инструкциях Екатерины II, адресованных как Г. Кейзерлингу, так и «фамилии», недвусмысленно прозвучало расхождение целей Чарторыхских и России, более того, Кейзерлинг, по всей видимости, прямо объявил «друзьям России», что им не будет позволено провести реформу сеймования и установить принятие решений большинством голосов. Попытка Чарторыхских действовать через Остена в Петербурге, в обход русского посольства в Варшаве, также не принесла им успеха, более того, она еще раз показала, что в правящих кругах России идея конфедерации при жизни Августа III не пользовалась поддержкой.

Отказ Екатерины II от решительных действий в Польше выразился в требовании «примирения партий». Возможно, это было связано с внутрисполитическими событиями и придворными интригами в Петербурге, вследствие которых правительство не чувствовало себя готовым к значительным акциям за границей, а также обстановкой вокруг Польши: не был заключен союз с Пруссией, беспокоила позиция Турции и Крыма.

После твердого отказа Екатерины II поддержать планы Чарторыхских и примирительной конференции Г. Кейзерлинга с примасом В. Лубеньским и гетманом Я. К. Бра-

ническим, в сентябре 1763 г., в Польше наступила тишина. Чарторьские в своих письмах императрице выражали полную покорность в надежде на изменение настроений в Петербурге в будущем. В ответ звучали заверения в неизменном покровительстве по отношению к «друзьям России», что в Петербурге не допустят усиления «патриотов» и «дворской партии» в Польше.

В это время «фамилия» и ее противники готовились к новому столкновению, полем которого должны были стать выборы Коронного трибунала. Я. К. Браницкий намерен был, подобно К. Радзивиллу в Литве, использовать свою власть и влияние, а также подчиненные ему коронные войска, чтобы нанести решительное поражение Чарторьским и составить Петроковский трибунал из своих сторонников. Депутатские сеймики открылись в Короне 12 сентября. Силу использовала не только «гетманская партия», но и «фамилия», опиравшаяся на своих вооруженных приверженцев и клиентов. Во многих случаях ни одна из сторон не могла взять верх, и тогда сеймики срывались. Так случилось в Плоцке, Раве, Хельме, Чернехове, в Подолии, на Руси и в Великой Польше. На генеральном сеймике Русского воеводства в Вишне дело дошло до драки, причем с обеих сторон было несколько десятков покалеченных. В целом на выборах перевес получили сторонники двора и гетмана, так как их поддерживали войска и отряды Потоцких и пришедшего из Литвы им на помощь К. Радзивила. Однако на мазовецких сеймиках, вблизи Варшавы, победили представители «фамилии»¹³³.

В это самое время в России получили из Дрездена известие о кончине 5 октября 1763 г. короля Августа III. Начиналось «бескоролевье», а это также означало прекращение полномочий прежних судов, что по сути дела уничтожало результаты успеха на трибунальских выборах сторонников двора и гетманов как в Короне, так и в Литве. Теперь, и с точки зрения Петербурга, настало наконец время для решительных действий и осуществления своих собственных намерений в Польше.

* * *

Последний год правления Августа III в Польше ознаменовался резкой активизацией политики России в отношении Речи Посполитой, причем все это время над Польшей явно нависала угроза русской военной интервенции. Можно выделить три основных этапа политики Петербурга:

1) август—ноябрь 1762 г., до прибытия в Варшаву Г. Кейзерлинга, когда происходила активизация контактов с Чарторьскими, которым было сообщено о намерении России добиваться избрания польским королем С. Понятовского. Разрыв по требованию Петербурга сейма 1762 г. способствовал установлению союза России с «фамилией», которая становилась теперь в определенном смысле «русской партией» в Польше;

2) декабрь 1762 — январь 1763 г. В это время разворачивается переписка между Чарторьскими и Петербургом об организации конфедерации противников двора в Польше, на которую Екатерина II дает свое согласие. Угрозу конфедерации и дестронизации Августа III русская императрица рассчитывала использовать для разрешения в свою пользу курляндского вопроса, ставшего на рубеже 1762—1763 гг. главной внешнеполитической целью России. При этом уже в январе 1763 г., когда курляндский кризис был практически разрешен, Г. Кейзерлинг стал искать почву для «примирения» двора и «фамилии»;

3) февраль—сентябрь 1763 г. до кончины Августа III. Главные события этого периода развивались вокруг выборов Виленского и Коронного трибуналов. Именно в это время в Петербурге определяют первые вехи собственной политики в польских делах и сообщают «фамилии» твердое решение не прибегать к конфедерации при жизни Августа III. Оно было продиктовано целым рядом обстоятельств, главными среди них были: отсутствие четкого определения целей и средств политики в Польше и разногласия по этим вопросам между Екатериной II и ее ближайшими советниками; необходимость выяснения международной ситуации, и в первую очередь позиции по польским делам Австрии, Пруссии, Турции и Франции. Кризис системы протектората этих держав над Польшей в 1763 г. еще не проявился в полной мере, да и выступление против правящего короля таило немало опасностей. Наконец, и сама «партия» Чарторыхских представлялась в Петербурге не вполне надежным партнером, прежде всего из-за несоответствия их интересов с целями русской политики, а также потому, что «фамилия» не обладала достаточным влиянием. Поэтому в России и поставили перед Г. Кейзерлингом задачу привлечь к себе новых сторонников, в том числе В. Лубенского, Массальских, которые, с одной стороны, усилили бы «русскую партию», а с другой — служили бы противовесом влиянию Чарторыхских.

В некотором уточнении нуждается широко представленный в историографии тезис о согласии Екатерины II и Г. Кейзерлинга на осуществление планов «фамилии» по образованию конфедерации и проведению преобразований в духе реформаторской программы Чарторыхских. Сам Г. Кейзерлинг никогда не высказывался в пользу планов «фамилии», ограничиваясь только пересылкой в Петербург их промеморий или же изложением проектов, исходящих от Чарторыхских и С. Понятовского. Вместе с тем посол последовательно проводил линию на мнимое примирение двора и «друзей России», а в вопросе о конфедерации прямо следовал инструкциям из Петербурга. Причем именно Г. Кейзерлинг еще в начале августа 1763 г. писал в Петербург о недопустимости нововведений в государственном строе Польши, за месяц до того как аналогичные мысли высказал Фридрих II, и о чем в частности писал А. З. Остен в Варшаву. Наконец, в сентябре 1763 г., не дожидаясь инструкций из Петербурга, Г. Кейзерлинг запретил «фамилии» образовать конфедерацию.

Поддержка замыслов Чарторыхских со стороны Екатерины II, казалось, была более весомой. Однако и здесь она не шла дальше обещания сделать королем С. Понятовского. В вопросе же о конфедерации и свержении Августа III уже весной 1763 г. в Петербурге недвусмысленно отказались от планов, вынашиваемых «фамилией». В деле реформ в Польше позиция России была еще более туманной и ограничивалась ничем не значащими обещаниями помочь избавить Речь Посполитую «от неурядиц». Но уже в начале августа 1763 г. Екатерина II писала Г. Кейзерлингу о расхождении в этой области своих интересов и позиции Чарторыхских.

Итак, если поддержка собственных планов «друзей России» со стороны Петербурга была выражена крайне неконкретно, то запрет на образование конфедерации при жизни Августа III и проведение реформ осознавались русским правительством вполне определенно, хотя до времени и скрывались от своих «польских друзей». Видимость поддержки со стороны России использовалась Екатериной II и ее помощниками, чтобы глубже втянуть Чарторыхских в орбиту русской политики, использовать их для давления на правительство Августа III. Следует отметить, что и «фамилия» пыталась проводить в отношении России ту же тактику, надеясь на под-

держку Петербурга в своих интересах. Бесплоден спор о том, кто первый вступил на этот путь, ибо практически в течение всей первой половины XVIII в. Россия и различные магнатские группировки в Польше стремились использовать друг друга для достижения своих целей в Речи Посполитой. Однако подавляющее превосходство в силах было на стороне Екатерины II, что и должно было в конце концов обеспечить ее победу в этой игре с Чарторыскими. Что и доказали события грядущего бескоролевья.

Отказ правительства Екатерины II от немедленных и решительных действий в Польше после разрешения в начале 1763 г. курляндского кризиса объяснялся еще необходимостью выиграть время для мобилизации военных сил на границах Польши, которые могли бы не только парализовать сопротивление поляков, но были бы также в состоянии противостоять возможной интервенции других держав, прежде всего Турции и Австрии, или же вспомогательным силам Франции. Военные мероприятия России весной и летом 1763 г. свидетельствовали, что такая угроза рассматривалась как весьма реальная.

Говоря о военных планах Петербурга весной 1763 г., нельзя не вернуться к проекту, составленному в это время З. Г. Чернышевым и предусматривавшему аннексию восточных земель Речи Посполитой. Отвергнутые в октябре 1763 г. предложения З. Г. Чернышева не дают основания, как это делал Н. Д. Чечулин, усматривать в них первый проблеск идеи будущего раздела Польши. Ибо эти предложения исходили, во-первых, из сугубо военных мер и исключали возможность дипломатического сговора России с другими державами, что позже и стало главным инструментом политики разделов, а во-вторых, как Австрия и Франция, также Пруссия и Россия исходили из недопустимости такого сговора, считая, что баланс взаимных противоречий наилучшим образом гарантирует их собственные интересы в Польше.

Примечания

1. *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868–1880. Т. 1–3.
2. *Соловьев С. М.* История падения Польши. М., 1863; современное издание: *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1995. Кн. 16; *Он же.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25–26.
3. *Askenazy Sz.* Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894. S. 1.
4. *Ibid.* S. 17.
5. *Michalski J.* Plan Czartoryskich naprawy Rzeczypospolitej. Kwartalnik Historyczny 1956, № 4–5. S. 29–43; *Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 Maja. Warszawa, 1966. S. 42–43.
6. [*Stanisław August Poniatowski*] Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski. St. Petersburg, 1914. Vol. 1. P. 385–395.
7. [*Екатерина II*] Сочинения Екатерины II / Под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12. Ч. 2. Письма императрицы Екатерины II к графу Станиславу Августу Понятовскому 1762–1763 гг. С. 545–565.
8. *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. СПб., 1890. С. 320–346. См. также: *Он же.* Первые политические письма Екатерины II // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901, Т. 2. С. 3–125.
9. [*Friedrich II*] PC. Bd. 12. S. 305.

10. Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Чарльза Г. Уильямса. М., 1909.
11. Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924.
12. Сб. РИО. СПб. 1885. Т. 46. С. 13, 17, 89–90, 230.
13. RAK. TKUA: Polen. A. III. 43. 1762–1763. Gesandtschaftsrelationen. № 192; 200; 202.
14. Щебальский П. К. Екатерина II как писательница // Зап. 1869. № 3. С. 143–145.
15. См.: *Konopczyński Wł.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948.
16. *Konarski St.* O skutecznym rad sposobie, albo o utrzymywaniu ordynaryjnych sejmów. Warszawa, 1760–1763. Т. 1–4. См. также: *Konopczyński Wł.* Polscy pisarze polityczni XVIII wieku (do Sejmu Czteroletniego). Warszawa, 1966.
17. Проект рескрипта Г. Кейзерлингу от 19/8 августа 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 59–66.
18. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 607. Л. 115–166 об.
19. Записка Екатерины II от 8 сентября / 28 августа 1762 г. и рескрипт И. Ржицкому от 9 сентября / 29 августа 1762 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 99–100.
20. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 147–148.
21. [Екатерина II] Сочинения. Т. 12. Ч. 2. С. 558–559, 560–561.
22. B. Czart. Dz. г. III 3849. S. 5–6.
23. Ibid. S. 21–24.
24. Ibid. S. 33, 37–42.
25. RAK. TKUA: Polen. A. III. 43. № 213.
26. Дневник (Dziennik) сейма 1762 г. приведен в мемуарах С. А. Понятовского: [Stanisław August Poniatowski] Op. cit. Vol. 1. P. 399–408.
27. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 169–170.
28. Там же. С. 221–222.
29. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 790. Л. 72 об.
30. [Екатерина II] Сочинения Т. 12. Ч. 2. С. 560–561.
31. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 240. Л. 1–1 об.
32. Там же. Д. 241. Л. 1.
33. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 237–239.
34. RAK. TKUA: Polen. A. III. 43. № 218.
35. М. И. Воронцов — Е. Мнишеку от 17.10.1762 // B. Czart. Dz. г. III 3852. S. 43–45.
36. Сб. РИО. СПб. 1885. Т. 48. С. 176–184.
37. B. Czart. Dz. г. I 798. S. 129–130. Опубликовано Х. Шмитом. См.: *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 321–325. См.: *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. С. 167–169.
38. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 247–249.
39. Там же. С. 245–246; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 800. Л. 3–5; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 130.
40. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 169.
41. B. Czart. Dz. г. I 798. S. 131; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 327–331.
42. Ibid.
43. B. Czart. Dz. г. III 3852. № 64. S. 219–220.
44. Ibid. S. 203–206; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 792. Л. 3–9.
45. B. Czart. Dz. г. III 3854. S. 37–38.
46. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–160. S. 30.
47. GStA, HA XX, Abt. EM. Tit. III f. № 16. S. 3, 4.

48. Ibid. S. 22–23.
49. Ibid. S. 3–4.
50. B. Czart. Dz. r. III 3853. S. 115–117.
51. В. Лубеньски — Е. Мнишеку. 12.01.17663 // B. Czart. Dz. r. III 3853. S. 63.
52. B. Czart. Dz. r. III 3853. № 116.
53. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 250–251; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 800. Л. 8–8 об.
54. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 261; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 800. Л. 27–27 об.
55. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 277–278.
56. Реляция Г. Кейзерлинга № 13 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 292. Примечание 2.
57. Собств. инструкция Екатерины II С. Пучкову и др. материалы в связи с его отъездом в Литву // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 286–2911.
58. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 325.
59. Там же. С. 298–299.
60. Там же. С. 299–300.
61. Там же. С. 300.
62. См. Бумаги, касающиеся предположения об учреждении императорского совета... // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 200–217.
63. Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 308.
64. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 5. Л. 27–27 об.
65. Там же. Л. 81.
66. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 46. С. 484–485.
67. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 197–200; *Бильбасов В. А.* История Екатерины II. СПб., 1898. Т. 2. С. 259–260.
68. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 6. Л. 9–9 об.
69. Дешети И. М. Лобковича — В. Кауницу от 10, 17 января 1764 г. // Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 5–8.
70. Ведомость № 4. Список всему генералитету в службе // *Лебедев А.* Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. Материалы для русской военной истории. М., 1899.
71. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 8, 34.
72. Там же. СПб., 1871. Т. 7. С. 337–338.
73. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 9–11.
74. Там же. СПб., 1885. Т. 48. С. 348–350.
75. Там же. С. 393.
76. Печатный экземпляр *Senatus Consilium*, приложение к донесению Г. Бенуа в Кенигсберг // *GStA. HA XX. Abt. EM. Tit. III h. № 246, S. 95–97.*
77. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 413–411; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 812. Л. 67–64 об.
78. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 428–435. О Сенатском совете 7–15 марта 1763 г. см.: Реляции Г. Кейзерлинга № 30–32 от 20/9 марта 1763 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 806. Л. 7–18.
79. Секретная реляция Г. Кейзерлинга от 23/1 марта 1763 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 812. Л. 62–78 об. Промемория [Чарторыхских]. Там же, Л. 66–67 об.
80. О намерениях дрезденского двора получить гарантии Австрии и Франции относительно избрания польским королем саксонского принца см.: реляцию Г. Кейзерлинга № 29 от 20/9 марта 1763 г. // АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 806. Л. 3–5.
81. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 812. Л. 69–69 об.

82. Там же. Л. 69 об–70.
83. Сб. РИО, СПб., 1885. Т. 48. С. 407–417.
84. Там же. С. 306–313.
85. *Beer A.* Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 1. S. 89–90.
86. Ibid. S. 118–119.
87. Ibid. S. 87–89.
88. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 280. Л. 27–32.
89. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 46. С. 505–507.
90. Там же. Т. 48. С. 411–412.
91. GStA. HA XX. Abt. EM. Tit. III h. № 246. S. 94 (rück).
92. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 806. Л. 69–69 об.
93. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 13–14.
94. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 807. Л. 2, 29–30.
95. Письмо Екатерины II Г. Кейзерлингу от 30/19 или 31/20 марта 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 393–394.
96. Там же. С. 469–471.
97. Промемория Чарторыских 20 мая 1763 г. — В. Czart. Dz. r. I 798. S. 134; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 338–343; Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 546–547.
98. Секретная реляция Г. Кейзерлинга № 37 от 23/12 мая 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 546–547.
99. Письмо гр. Кейзерлингу в Варшаву от 25/14 июля 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 546–549.
100. Письмо гр. Кейзерлингу в Варшаву от 6 августа / 26 июля 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 563.
101. Там же. С. 562.
102. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 242. Л. 7–12 об.
103. Там же. Л. 13–24 об.
104. *Лебедев А.* Указ. соч.
105. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 242. Л. 7–12 об.; Д. 50. Ч. 5. Л. 81.
106. *Масловский Д. Ф.* Русская армия Екатерины Великой // Военный сборник. 1892. № 5. С. 5–49.
107. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 512–513; РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 113. Л. 2–2 об.
108. Там же. Л. 4–4 об.
109. Там же. Л. 3, 5–8 об.
110. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 552–554.
111. Там же. С. 567–568.
112. Там же. СПб., 1885. Т. 46. С. 427–429.
113. Там же. С. 461.
114. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 138.
115. *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustajcej. Kraków, 1917. S. 367.
116. В. Czart. Dz. r. III 3855. S. 91–92.
117. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 547.
118. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 140–141.
119. Ibid. S. 141–142.

-
120. B. Czart. Dz. r. III 3855. S. 281–282.
121. Ibid. S. 425–427.
122. Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 595.
123. Там же. С. 589–597.
124. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 144–145; Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 48. С. 622.
125. B. Czart. Dz. r. I 798. S. 146; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 146–147, 361–362.
126. B. Czart. Dz. r. I 798. S. 147; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 147, 362.
127. B. Czart. Dz. r. III 3856. S. 59–62; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 150–154.
128. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 110–112.
129. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 170–171.
130. [*Friedrich II*] PC. Bd. 23. S. 69, 80.
131. GStA. HA I, Abt. 9 (Polen). № 27–160. S. 115–116, 183–185, 188–189.
132. Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 9. S. 12–14.
133. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 150–157.

I

Кончина Августа III кардинально изменила положение дел как в самой Польше, так и в отношениях между великими державами. Настало время для реализации планов Петербурга по избранию на польский престол С. Понятовского.

В российской столице о смерти польского короля стало известно из депеши Г. Кейзерлинга 17/6 октября. В тот же день во дворце была собрана конференция для обсуждения польских дел¹. В ней участвовали А. П. Бестужев-Рюмин, И. И. Неплюев, Н. И. Панин, Г. Г. Орлов, А. М. Голицын, А. В. Олсуфьев, «а потом» и З. Г. Чернышев. Помимо названных лиц, протокол конференции подписал также М. Н. Волконский. Вместе с тем отсутствуют подписи Г. Г. Орлова и З. Г. Чернышева. Вероятно, последний был приглашен только на обсуждение его проекта и для принятия надлежащих военных мер. То есть участие Чернышева в конференции не было полномочным, чем можно объяснить и отсутствие его подписи под протоколом. Иное дело с Г. Орловым. По Генеральному регламенту протокол обязаны были подписать все участники, в нем же должны были быть отражены и высказанные особые мнения. Возможно, что, не подписывая протокол, Г. Орлов тем самым выразил свое несогласие с решениями конференции. Во всяком случае, оформление протокола конференции косвенно свидетельствует, что Г. Г. Орлов и З. Г. Чернышев занимали в ней особое место.

На конференции было постановлено, что главной целью русской политики в Польше по-прежнему остается избрание «короля-пяста» — «человека такого, который бы, приписуя возведение свое на престол единственно России, ей бы всегда благодарностию обязан, от нее зависел и совершенным в ее интересах доброхотством ей предан был». Далее намечались конкретные меры: аккредитовать Г. Кейзерлинга при примасе и республике, отправить ему инструкции об издании в Польше от имени России декларации о дружбе и нерушимости прав и вольностей республики; послу предписывалось также собрать сведения о расстановке сил среди магнатов и принять меры к укреплению «доброжелательной партии»; было решено также отправить в Польшу для помощи Г. Кейзерлингу Н. В. Репнина, заготовить письма магнатам от имени императрицы, предпринять по дипломатическим каналам необходимые действия в Пруссии, Австрии и Англии, а также в Турции, которая, как это было известно в Петербурге, намерена была противодействовать планам Рос-

сии в Польше. Решено было также содержать в готовности войска, предназначенные для действий в Польше, а для соблюдения секретности поручить все военные мероприятия исключительно З. Г. Чернышеву. В заключение конференции был рассмотрен доклад З. Г. Чернышева на случай смерти польского короля. При этом, хотя содержащиеся в докладе цели были конференцией отклонены, движения войск было решено проводить по предложенному им расписанию.

В соответствии с решениями конференции был отправлен рескрипт Д. М. Голицыну в Вену и письмо Екатерины II Марии Терезии, в котором русская императрица уверяла свою «сестру и государыню», что намерена предоставить полякам свободу в избрании нового короля, «лишь бы иностранные интриги не вмешались в это дело и не вынудили ее принять решение противное своим чувствам». Далее Екатерина писала о желательности избрания «короля-пяста» и сообщала о военных приготовлениях России². В письме Фридриху II, написанном в тот же день, 17/6 октября, она указывала на уже «существующее согласие» между Россией и Пруссией и «во избежание всякой медлительности» предлагала королю кандидатуру С. Понятовского³. К послам при других дворах был отправлен циркулярный рескрипт с выражениями дружбы и намерения охранять права и вольности Речи Посполитой и с предписанием опровергать «неосновательные разглашения и толкования»⁴.

Особое беспокойство на конференции было выражено в связи с позицией Турции. В рескриптах А. М. Обрескову от 21/10 октября ему предписывалось не только выяснить, что намерена предпринять Порты в связи с ситуацией в Польше, но и «бесприметно и рачительно» смотреть за действиями французского, австрийского и саксонского послов в Константинополе, а главное «не жалеть ни стараний, ни трудов, чтоб турок не допустить до участия в польских делах»⁵. Наконец, были отправлены письма в Польшу: примасу, сенаторам и воеводам.

Спустя месяц, 17/6 ноября 1763 г. в Варшаву послали «Общее наставление» Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину⁷. Избрание нового польского короля, говорилось в нем, «есть случай наиважнейший существительного интереса нашей империи, в рассуждении как безопасности ее границ, так и наипаче еще ее особливых выгод для знатного участия в политической системе всей Европы и в ее генеральных делах». Так впервые было заявлено об официальных целях польской политики России, что опровергает мнение С. М. Соловьева, почти единодушно воспринятое последующей отечественной историографией о слабой и зависимой от России Польше, которая якобы должна была обеспечить безопасность западных русских границ. Такая цель, разумеется, присутствовала в наставлении, но она не являлась главной. Наибольшее значение, с точки зрения его авторов — Н. И. Панина и Екатерины II — имело «знатное участие в политической системе всей Европы», т. е. польская политика рассматривалась в Петербурге не как политика региональная (именно такая оценка наиболее характерна для русской историографии), а как средство европейской политики России.

Далее речь шла о конкретных задачах, поставленных перед послами: добиваться признания республикой императорского титула российских государей; утверждения сеймом восстановления Бирона на курляндском престоле; урегулирования вопроса о границе в соответствии с договором 1686 г. В частности, в Петербурге выдвигали претензии в отношении 988 кв. верст территории Речи Посполитой и по поводу одиннадцати городов по Днепру ниже Киева, которые по договору о Вечном мире должны были оставаться разоренными, но позже были заселены.

Российско-польские отношения, как заявляли авторы наставления, всегда были осложнены участием в них посторонней державы, так что России приходилось учитывать не только интересы республики, но и Саксонии, курфюрсты которой были избраны польскими королями в первой половине XVIII в. Это положение требовало, чтобы Россия следовала теперь новому правилу: «что когда Польша меньше имеет привязанного к себе постороннего интереса, тогда Россия может свободнее свои (интересы. — *Б. Н.*) в ней производить в действо равно средством дружбы, как и средством сил своих». Это весьма многозначительное положение направлено не только против польско-саксонской унии, бывшей выражением суверенного права Речи Посполитой, но и против системы протектората великих держав над Польшей, который надлежало в соответствии с планами Петербурга заменить на протекторат только российский, насаждаемый «средством дружбы» и «средством силы». Наконец, последовательная реализация провозглашенного Н. И. Паниным правила должна была бы повлечь за собой полную международную изоляцию шляхетской республики.

Наставление предписывало послам, «чтобы право избрания не претворено было в право наследства яко в первую и наиважнейшую ступень по всем дальнейшим им (полям. — *Б. Н.*) предосудительным переменам», причем имелась в виду неизменность формы правления, особенно сохранение *liberum veto* и неувеличение численности войск, «ибо, — писал Панин, — в том и состоят империи нашей знатные выгоды действовать в европейских делах».

Остается только гадать, о каких выгодах в европейских делах рассуждал Панин? Но очевидно, что речь здесь шла не о двусторонних российско-польских отношениях, а о Польше как об элементе отношений России с великими державами. Развитие этой идеи могло быть связано либо с укреплением позиций Польши как союзника или же ее ослабления как противника, либо с превращением западных и южных границ Речи Посполитой в передовую рубеж российской экспансии.

К этой мысли Н. И. Панин возвратился еще раз в декабре 1763 г. в связи с депешей Д. М. Голицына из Вены. Русский посол сообщал о своей беседе с В. Кауницем, в которой тот в частности убеждал посла не вводить русские войска в Польшу, так как никаких препятствий избранию русского кандидата со стороны других держав, по его словам, не предвиделось. По поводу рассуждений В. Кауница Н. И. Панин сделал на полях примечание для сведения императрицы. В сильно сокращенном виде оно приведено у С. М. Соловьева⁸. Полностью оно звучало так: «Господин Кауниц суетно поставляет свои интересы равными с нашими в рассуждении Польши. Нет политика, который бы не знал великой разницы. Мы знатную часть наших областей имеем отделенную от областей польских (т. е. завоеванных у Польши. — *Б. Н.*), да и как в действиях генеральных дел, так и в защищении большей части наших собственных границ, мы потеряем треть своих сил и выгод, если Польша будет не в нашей зависимости. Венский же двор ничего во владении не имеет от польских земель, и еще республика по своему положению очень мало или ничего ему не служит, ни к его внешним делам, ниже к защищению его границ. Но графу Кауницу такое странное сравнение (России с Австрией. — *Б. Н.*) нужно было для того, чтоб свой силок способнее по сучкам развесить и тем себе предоставить вход и выход для всех обращений, каковы быть могут в польских делах»⁹.

Примечание Н. И. Панина проливает некоторый свет на весьма туманные представления руководителей российской внешней политики о польских делах. Итак, в

чем же состояли российские интересы? Они обуславливались наличием в составе России областей, отторгнутых ранее от Польши, что таило опасность, во-первых, в случае усиления Польши или ее участия в сильной антирусской коалиции, выдвижения ответных территориальных претензий. Во-вторых, дворянство этих областей (Лифляндии, Смоленской губернии и Украины) имело в составе России особый сословный и административный статус, обладало привилегиями, восходившими еще ко времени Сигизмунда Августа, что порождало в Петербурге опасения перед возникновением там сословного сепаратизма, которые нашли отражение в собственноручно написанной Екатериной II инструкции генерал-прокурору А.А. Вяземскому¹⁰. Таким образом, Панин вполне недвусмысленно указывал на осознаваемую в России связь между политикой в Прибалтике и на Украине с польской политикой. Однако его беспокоило не только удержание под властью России занятых рубежей. Н. И. Панин писал, что зависимая Польша на треть увеличила бы силы России в генеральных делах. Мысль эта выражена в самой общей форме, но даже по ней можно судить, что о прежнем польском нейтралитете не могло быть и речи. «Зависимость», следовательно, в понимании Петербурга, означала для Польши полное подчинение ее внешней и внутренней политики интересам России. Оставалось, правда, неясным, каким образом и в каком виде это подчинение будет реализовано. И, наконец, последняя мысль Панина, что Австрию отличает от России отсутствие в ее составе захваченных у Польши земель, содержала в себе очень важный вывод: примирение России и Австрии в польских делах возможно на основе взаимных территориальных приобретений за счет Польши. Идея эта в примечании Панина еще не получила самостоятельного значения, но вместе с тем прозвучала достаточно определенно.

Далее в наставлении давались инструкции по избранию нового короля и называлась кандидатура Станислава Понятовского, подтверждались все прежние рескрипты о поддержке сторонников России в Польше, предписывалось объявить кандидату о намерении России возвести его на польский престол. При этом перед ним ставились весьма важные и многозначительные условия, которые мы приведем дословно: «Почему требует самая его честность и благодарность, чтоб он наши справедливые интересы и притязания <...> взял искренно на сердце, яко самое основание безопасности, мира, соседственной дружбы и доброго согласия между польскою республикой и нашею империею и нас бы теперь точно обнадежил в первый знак соответствия нашим благодеяниям, что он по возвышению на престол стараться будет, дабы все между нами и Польшею пограничные дела по справедливости и к нашему совершенному удовольствию окончились, как и во все время своего государственования интересы нашей империи собственными своими почитать, их остерегать и им всеми силами по возможности поспешествовать будет, нелицемерную и неперменную сохранит к нам преданность и во всяком случае наши справедливые намерения подкреплять не отречется. Мы не можем думать, чтоб он не похотел дать таких нам обнадеживаний, ибо он яко честный и благородный сын отечества не может не чувствовать, что его возведением на престол мы спасаем его отечество от наихудшего подрыва их фундаментальных прав и законов, дражайшей их вольности, вырывая, так сказать, оное из бедственнейших обстоятельств времени, когда их корона подвергается наследственному праву, умалчивая о тех разных неудобствах и порабощениях, в которых оно находилось через многие лета от чужестранных правителей и от которых ныне оно спасается. Притом он может уверен

быть, что когда мы такие наисильнейшие в роде человеческого опыты нашего добродетельства ему подаем, то уже конечно его нам обнадежение не выдет [вызовет] предзнамеренных на них истолкований (sic!)»¹¹.

Можно вполне согласиться с Н.Д. Чечулиным, что, по крайней мере в этом месте, наставление было показано С. Понятовскому и Чарторыским, для чего собственно и был предназначен такой многословный и напыщенный текст. Адресованный в первую очередь будущему королю, а уже только потом российским послам, он поднимает две темы: о благодеяниях России, спасшей Польшу от «бедственнейших обстоятельств», и об обязательствах короля по отношению к российской императрице, которые сформулированы таким образом, что не могут быть расценены иначе как обязательства вассала по отношению к своему сюзерену. Поэтому, выступая совместно с Россией, литовский стольник и «фамилия» давали согласие на личную унию польской короны с русской императрицей, на зависимость, хотя бы и не оформленную юридически, будущего короля от Петербурга.

Однако на этом в России не намерены были останавливаться и выдвигали требования формального подчинения со стороны Польши, что предполагало установление со стороны России гарантии государственного строя Речи Посполитой и российского покровительства в ходе проведения королевских выборов. Для этого послам поручалось добиться от «благонамеренных магнатов» или же от самого примаса соответствующей просьбы, направленной в Петербург через специального посла.

В наставлении перечислялись также конкретные требования к республике, подлежащие удовлетворению на первом же сейме: об императорском титуле, о Курляндии, о создании комиссии для подтверждения Вечного мира 1686 г. и для решения пограничных вопросов, о возвращении беглых, о восстановлении прав православных в Польше. При этом текст наставления был составлен таким образом, что оставалось неясным, являются ли перечисленные требования к Речи Посполитой исчерпывающими или же обязательства нового короля по отношению к Екатерине II будут простираются и далее.

Наконец, в одиннадцатом пункте наставления говорилось, что если предписанные меры окажутся безуспешными и России придется «обнаженным мечом возводить или же и возведши, утверждать на престоле нами избранного короля, в таком случае, — писал Н. И. Панин, — мы уже не можем удовольствоваться собственным интересом нашей империи предписанными вам в предыдущих статьях кондициями, и прежде ружья не положим, покамест не присоединим оным к нашей империи всю Польскую Лифляндию». Этот пункт сообщался только для сведения послов и должен был содержаться ими в секрете¹². Он особенно важен, так как не только проливает дополнительный свет на представления Екатерины II и ее окружения относительно статуса нового короля как ставленника России, который будет возведен на престол даже вопреки желанию поляков, но и на замечания Н. И. Панина в разговорах с В. Ф. Сольмсом на рубеже 1763–1764 гг. Тогда русский министр заявил прусскому послу, что даже если планы обоих дворов потерпят неудачу в Польше, то и в этом случае даром трудиться не придется, так как он (Панин) все наперед устроил. Однако в «Общем наставлении» ни о каких совместных шагах с Пруссией, в частности в вопросе территориальных приобретений от Польши, не говорилось ни слова.

В связи с отраженными в наставлении планами России по избранию нового польского короля обращает на себя внимание примечательное умолчание о преро-

гativaх королевской власти в Польше. Если в Петербурге категорически возражали против увеличения войск Речи Посполитой и любых усовершенствований ее республиканского строя, особенно против ограничений прав вольного голоса, то в отношении короля запрет налагался только на введение наследственной монархии. Все же другие претензии польской оппозиции к «самовластному» правлению Августа III остались в наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину не упомянуты. Думается, что такое умолчание не было случайным. Вопрос о пределах власти нового короля и его взаимоотношениях с Петербургом должен был решаться позднее и в зависимости от удовлетворения требований России. Одно оставалось, по-видимому, непреложным — это добиться избрания своего кандидата и удерживать в случае необходимости его на престоле всеми доступными средствами вплоть до открытого применения военной силы.

К вопросу о статусе королевской власти в Польше Н. И. Панин обратился вновь при составлении секретного рескрипта в Варшаву от 11 февраля / 31 января 1764 г. по поводу промемории С. Понятовского. В рескрипте говорилось о согласии с мнением Г. Кейзерлинга и Н. В. Репнина, «что конечно интерес наш главнейший требует, дабы фундаментальные польские законы, следовательно, и основанные на оных королевские преимущества в ненарушимой целостности сохранены были. И потому повелеваем Вам, как вы и сами собою чинить намерены были, употреблять ко времени и к стати все возможные способы <...> к подтверждению прочих всех королевских прав, ибо что нам пользы в таком короле, который бы всего лишен был, что же касается до первого пункта о субсидиях и о гарантированной королевской на престоле безопасности, то собою разумеется в последнем случае, что быв началом и орудием избрания нового короля как для собственной своей славы, так и для обязания его к нашей стороне вящими благодеяниями и отнюдь не оставим мы взять все меры к осторожности и спокойному его во владении утверждению и к доставлению ему еще не только общего от всех дворов признания, но и равномерной подпоры от союзников наших»¹³. И в этом рескрипте, также как и в «Общем наставлении», мы сталкиваемся с той же двойственностью: с одной стороны, обещание всесторонней поддержки будущему королю и заверение, что Россия заинтересована в достаточно сильной королевской власти, а с другой — подтверждение незыблемости фундаментальных законов Речи Посполитой.

II

Кончина Августа III не вызвала заметной обеспокоенности в Берлине. В письмах прусским послам в Дрездене, Варшаве, Вене и в Петербурге Ф. Буху, Г. Бенуа, Я. Ф. Роду и В. Ф. Сольмсу, отправленных в конце 1763 — начале 1764 г., Фридрих II подчеркивал, что решение об избрании нового короля в Польше зависит целиком от России¹⁴, договоренности с которой по этому поводу следует, однако, дополнить¹⁵. Прусский король писал также, что, по его мнению, Россия в силу своего союза с Польшей вправе вмешиваться во внутренние дела последней¹⁶. Для Пруссии же, с точки зрения Фридриха II, главным вопросом было избежание войны, в первую очередь с Австрией¹⁷, возможное вмешательство которой в польские дела вызывало наибольшее опасение Берлина¹⁸. Прусский король, как уже было показано выше, вполне добровольно предоставлял России полную свободу рук в Поль-

ше, но не хотел, чтобы это повлекло за собой международные осложнения для собственного королевства. Именно с этих позиций он и подходил к дальнейшему согласованию действий Пруссии и России. В письме К. А. Рексину — прусскому послу в Константинополе — от 1 ноября 1763 г. он рассуждал о необходимости сохранения существующего строя Речи Посполитой, что избрание короля-поляка позволит законсервировать слабость польского государства, в то время как избрание саксонского принца таит в себе опасность введения в Польшу наследственной монархии¹⁹. В тот же день он повторил эту мысль в депеше Г. Бенуа²⁰ и не раз возвращался к ней впоследствии. Разумеется, такая постановка вопроса должна была в первую очередь успокоить Турцию: убедить Порту, что противодействие планам Веттинов объясняется нежеланием допустить установление наследственной монархии в Польше. Примечательно, что такая же аргументация присутствует и в наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину от 21/10 ноября 1763 г. Независимо от соображений Фридриха II эта мысль получила дополнение в виде тезиса о необходимости слабости королевской власти. Таким образом, можно предположить, что одним из вопросов, подлежащих, с точки зрения Пруссии, согласованию с Петербургом, должен был стать круг полномочий будущего короля.

Второй темой для консультаций, по мнению Берлина, был вопрос о предполагаемых изменениях польской конституции. 8 ноября / 28 октября 1763 г. В. Ф. Сольмс сообщил Фридриху II о своем разговоре с Н. И. Паниным, который накануне был поставлен во главе Коллегии иностранных дел. Он сообщил прусскому послу, что намерен в ближайшее время заняться подготовкой к подписанию союзного договора с Берлином, «но ему кажется необходимым заключить особую конвенцию, которая имела бы предметом только настоящие дела и послужила бы основанием для инструкций министрам обоих дворов на время заседаний будущего сейма; что польские патриоты, сознавая недостатки нынешней их формы правления, были бы весьма склонны устранить прежние злоупотребления и стать на правильную ногу, но так как, по-видимому, ни в интересе вашего величества, ни в интересы России не может входить содействие Польше сделаться могущественным государством, чем она и сделалась бы, если бы научилась пользоваться своими силами, то недурно было бы не допускать двух предложений, которые могут быть представлены сейму, и именно: одного — об отмене *liberum veto*, а другого — об увеличении войска; что, если бы полякам удалось изменить эти две статьи их конституции, то не было бы более возможности ни разрывать сеймы, ни держать их в страхе превосходством регулярной армии, выставленной у их границ»²¹. В ответной депеше Сольмсу от 26 ноября 1763 г. Фридрих II повторил мысли, высказанные Паниным, и подчеркнул, что они целиком соответствуют его собственным намерениям²². Достигнутое согласие Берлина и Петербурга, видимо, вполне удовлетворило Фридриха II, и он, не дожидаясь окончательного оформления русско-прусского союза, в ответ на настоятельную просьбу Екатерины II поручает своему резиденту в Варшаве Г. Бенуа действовать там по согласию с русским посольством²³. Формирование общей позиции России и Пруссии, основанной на недопустимости нововведений в государственном устройстве Речи Посполитой, свидетельствует, что в Петербурге это решение было принято совершенно независимо от мнения прусского короля. В конце октября об этом писал Кейзерлинг, в начале ноября — говорил Сольмсу Панин, наконец, это требование было закреплено в наставлении Кейзерлингу и Репнину. Прусский король только вы-

разил с ним согласие, правда, заметив, что такой подход Петербурга вполне согласуется с интересами Берлина.

Руководителей русской внешней политики не могло не заботить отношение Австрии и Франции к событиям в Польше. Как уже отмечалось, сразу же после смерти Августа III, 17/6 октября, Екатерина II отправила письмо Марии Терезии, в котором высказала намерение добиваться избрания «пьяста» на польский престол²⁴. 31/20 октября на конференции у канцлера М. И. Воронцова австрийский посол Ф. Мерси д'Арженто объявил, что по указу своего двора он подтверждает прежнюю позицию Вены о предоставлении полякам свободы выбора, «дабы оной последовал по законам и на основании вольности польской»²⁵. С этого начались контакты Вены и Петербурга по вопросу об избрании нового короля. В конце октября русский посол в Вене Д. М. Голицын сообщил, что, по слухам, венское министерство совместно с Францией намерено поддерживать кандидатуру саксонского курфюрста или же кого-нибудь из старших принцев дома Веттинов, однако такая поддержка, по словам посла, не пойдет дальше «представлений» и интриг. Голицын отмечал, что при венском дворе распространено мнение, будто Россия совместно с Пруссией намерена разделить Польшу и что необходимо поэтому совместно с Францией воспрепятствовать подобным планам, для чего может быть привлечена и Турция²⁶. По мнению Н. И. Панина, эти ложные сведения были призваны затруднить действия России в Польше, но они также показывают, по его словам, неспособность Вены и Парижа «прямым действием нам препятствовать». Он поручил А. М. Обрескову и Г. Кейзерлингу опровергать такие слухи²⁷. В начале ноября Д. М. Голицын сообщил о подозрениях венского двора, что в России намерены возвести на польский престол Адама Чарторыского или Станислава Понятовского. По сведениям посла, в случае неудачи саксонского кандидата Австрия не будет поддерживать других претендентов, лишь бы в ходе избрания короля были соблюдены законы республики²⁸. Тогда же посол был приглашен к В. Кауницу, сообщившему ему содержание ответного письма Марии Терезии, названного Екатериной II жалким²⁹. В нем подтверждалось нежелание Австрии, а следовательно, и Франции, вмешиваться в польские дела, почему, с точки зрения Вены, военные приготовления России на польских границах не являются необходимыми, иначе это «может подать повод к беспокойствам другим в нынешнем состоянии Польши интересующимся державам». Голицын писал далее, что, по его мнению, в данном случае имелась в виду только Турция. Франция же «по своей отдаленности и за неимением ныне достаточного войска и денег, — полагал посол, — ничего, кажется, знатного по польским делам предпринять не в состоянии»³⁰. В примечании Н. И. Панина на эту депешу отмечалось, что, хотя Вена и Париж и отказались от активного вмешательства в польские дела, они не оставили надежды оказать поддержку саксонской династии, для чего, используя турецкую угрозу, стремятся убедить Россию воздержаться от применения войск. А это, как замечал Панин, «гораздо нас поставит на ровень с другими. Следовательно, и саксонского двора домогательства больше получают силы и действия»³¹. Тем не менее в Петербурге могли полагать, что военного вмешательства со стороны Австрии в дело избрания нового польского короля не последует. Об этом свидетельствовала неудача объявленного в декабре 1763 г. в Вене набора рекрутов и закупки лошадей для кавалерии, которые по сведениям Д. М. Голицына проходили очень медленно и не могли быть завершены к весне 1764 г.³² В России было также известно, что никаких согласованных решений по польским делам Вер-

сalem и Веной принятой не было. А на обращенный к В. Ф. Сольмсу вопрос Панина: не было ли включено в Губертсбургский договор каких-либо секретных статей относительно избрания нового польского короля, прусский посол ответил отрицательно, указав только, что была статья по поводу избрания римского императора³³.

Позиция Версаля в польских делах после кончины Августа III не претерпела существенных перемен: Франция не могла найти в себе силы активно вмешаться в события в Польше. Об этом вполне убедительно свидетельствовали донесения русского посла Д. А. Голицына³⁴. Однако Н. И. Панин все же недооценивал озабоченность Франции усилением влияния России в Речи Посполитой и угрозами раздела Польши. И если в первом случае руководитель русской внешней политики был совершенно прав, ожидая французских интриг в Константинополе, ибо именно в это время, 1 ноября 1763 г., С. Г. Шуазель-Прален в письме к Л. Беранже рассуждал о желательности «отвлечения России от европейских дел войной с Турцией»³⁵, то во втором — Панин, конечно же, заблуждался, когда полагал, что слухи о разделе Польши в Вене и Париже распушены лишь, чтобы спутать карты России и Пруссии, затруднив реализацию задуманной ими польской политики.

И в Австрии, и во Франции угроза раздела воспринималась весьма серьезно и рассматривалась как долговременный фактор польской политики. На это указывает инструкция М. Н. Боссе, преемнику Л. А. Бретейля на посту посланника в Петербурге, от 18 декабря 1763 г. В ней говорилось: «Система короля (Франции. — *Б. Н.*) относительно будущего избрания польского короля состоит из трех пунктов: 1) чтобы никоим образом не была нарушена конституция республики; 2) чтобы выборы были свободные; 3) чтобы польская территория была сохранена в целости». Из инструкции следовало, что Версаль признает результаты королевских выборов в Польше, лишь бы они проводились по закону и свободно, а новый король будет рассматриваться как союзник Франции, поскольку он является королем поляков. «Все заставляет думать, — указывалось в инструкции, что Пруссия и Россия имеют определенный план действий и теперь изыскивают только средства привести его в исполнение. План этот может быть двояким, или он состоит только в том, чтобы посадить на престол «пяста», или предполагают отнять у этого королевства несколько провинций. Несомненно, что если бы речь шла только о первом, мы не видели бы в этом ничего противного нашим политическим принципам и не стали бы сожалеть, что курфюрст Саксонский не имел успеха. Так как прусский король согласился с русской императрицей посадить на престол поляка, естественно подозревать территориальные уступки будущего короля в пользу покровительствующих держав. Мы предполагаем, что прусский король желает приобрести Польскую Пруссию и Данциг. Вот за этим надо следить как можно внимательнее»³⁶.

Нельзя согласиться с П. П. Черкасовым, что эти рассуждения С. Г. Шуазеля-Пралена свидетельствуют о проницательности дипломата Версаля³⁷, ибо изложенная схема, как мы могли убедиться, не имела ничего общего ни с планами Петербурга, ни со взаимоотношениями России и Пруссии по польским делам. Однако приведенная инструкция все же важна, поскольку отражает побудительные мотивы французской политики. Они характеризовались серьезными опасениями, что политика России и Пруссии приведет к захвату ими польских земель. В связи с этим следует заметить, что характеристика позиции Австрии и Франции, данная Фридрихом II, в большей степени соответствовала действительности, нежели мнение Н. И. Панина.

Но опасения Версаля были продиктованы отнюдь не озабоченностью судьбой Польши. Беспокойство вызывала только вовлеченность в польские дела Пруссии и ее возможные аннексионистские претензии. Гипотетические приобретения России на восточных рубежах Польши, хотя и были нежелательны, но не представляли, с точки зрения Версаля, серьезной угрозы для Франции, как это было в случае с Курляндией, поскольку не влекли за собой неизбежного втягивания в конфликт Австрии, а вслед за ней и французской короны. Иное дело Пруссия. Дальнейшее усиление государства Фридриха II неизбежно означало войну между Австрией и Пруссией с обязательным участием Франции на стороне Габсбургов, чего в Версале хотели бы избежать, особенно имея в виду готовившееся возобновление австро-французского союза. Поэтому, как это ни кажется странным, но именно в Версале, несмотря на всю внешнюю враждебность французской и русской дипломатии, сделали все возможное, чтобы удержать Вену от противодействия политике России в Польше. В связи с чем вполне обоснованной представляется позиция Фридриха II, который придавал гораздо большее значение, нежели это делали в Петербурге, опасениям Вены и Версаля по поводу грозящего раздела Польши, и неоднократно непосредственно и через В. Ф. Сольмса убеждавшего Екатерину II и Н. И. Панина, что вмешательство России в польские дела сильно раздражает Австрию и Францию, внешняя безучастность которых носит показной характер, но, вместе с тем, ни Бурбоны, ни Габсбурги не решатся в нынешней ситуации вмешаться в конфликт, но аналогичные действия Пруссии почти неизбежно чреваты началом большой войны в Европе.

III

Известие о смерти Августа III стало неожиданностью не только в столицах великих держав, но и в Варшаве, так как накануне не было ничего слышно об опасной болезни короля. Скорби о покойном электоре в Польше не было, поскольку царствование его нельзя было назвать успешным, а начавшееся бескорольеве вызывало в польском обществе немалые опасения. И не только потому, что противостояние магнатских группировок грозило усугубить анархию в Польше или же ввергнуть страну в гражданскую войну, но и потому, что Речь Посполитая стояла перед угрозой иностранной интервенции, так как обе противостоящие друг другу магнатские «партии» надеялись в первую очередь на иностранную помощь. Противники Чарторыхских имели большой перевес над «фамилией», ибо Я. К. Браницкого готовы были поддержать крупнейшие магнатские роды. Они могли склонить на свою сторону большинство шляхты под лозунгом защиты отчизны и золотой вольности перед лицом угрозы российского вторжения. Преимущество «гетманской партии» состояло еще и в том, что она могла привлечь для борьбы со своими противниками коронные войска и обладала большинством в Сенате. Однако Я. К. Браницкий и поддерживавшие его магнаты не имели никакой политической программы и не пользовались необходимым авторитетом среди шляхты, чтобы немедленно призвать ее к выступлению.

Чарторыхские надеялись на поддержку России и рассчитывали с ее помощью осуществить свои преобразовательные планы. Однако они понимали, что без участия русских войск не смогут противостоять коронным войскам Браницкого и отрядам Радзивилла.

Исключительно важная роль во время междуцарствия принадлежала примасу — архиепископу гнезненскому, который до избрания нового короля именовался «величеством». Он своими универсалами должен был объявить о кончине прежнего короля, собрать Сенатский совет и назначить время проведения сеймиков и сейма. Примас должен был подсчитать голоса на королевских выборах и провозгласить новое избрание. Во время бескорольевья он имел право принимать и отправлять посольства и с согласия сейма созывать посполитое рушение. Он не мог только раздавать должности, а также принимать решения, которые были исключительно в компетенции трех станов Речи Посполитой (короля, сената и сейма).

Сан примаса в это время принадлежал В. А. Лубеньскому. В 1750-е гг. он был одним из наиболее влиятельных сторонников двора в Великой Польше и противником Чарторыхских, хотя на Сенатском совете 1758 г. высказался в поддержку реформ. В том же году занял епископскую кафедру в Варшаве, затем — во Львове, с 1759 г. — архиепископ гнезненский³⁸. В Петербурге вполне отдавали себе отчет, сколь велико значение примаса в осуществлении российских планов, и практически с самого начала пребывания Г. Кейзерлинга в Варшаве посол небезуспешно пытался привлечь его на свою сторону. Однако, хотя В. Лубеньский, получив русскую пенсию, и прислушивался к мнению русского посольства, нельзя безоговорочно утверждать, как это делал Х. Шмит, что он являлся проводником русской политики³⁹.

Начавшееся бескорольеве побудило магнатов собраться в Варшаве. Г. Бенуа доносил в Кенигсберг о тайных конференциях примаса с вельможами, на которых обсуждались универсалы на предстоящий сейм, и об образовании каптуров (специальных судов на время междуцарствия)⁴⁰. В результате проведенных консультаций 14 октября 1763 г. в Варшаве состоялась «большая конференция» министров и сенаторов, в которой участвовали Михал и Август Чарторыхские, А. Яблоновский — воевода познаньский, Ф. Белиньский — маршал коронный, Ф. С. Потоцкий — воевода киевский. Как видно, противники «фамилии» решительно преобладали на конференции. В. Лубеньский обратился к собравшимся с призывом объединиться во имя отчизны, чтобы отвратить от Польши угрозу беспорядков. На конференции было решено поручить коронному маршалу следить за порядком в столице, что должно было удовлетворить противников Чарторыхских, поскольку Белиньский твердо выступал против вовлечения России во внутренние дела Речи Посполитой. Постановили также объявить бескорольеве и собрать Сенатский совет для принятия решения о проведении сеймиков и сейма. При этом В. Лубеньский настаивал, чтобы сенаторы собрались лично, о чем предложено было известить их в письмах с приглашением на Раду сената⁴¹. В этих действиях примаса, а он несомненно оказал влияние на решения конференции, очевидно усматривается не только желание строго соблюсти избирательную процедуру, но и сохранить сложившийся баланс сил между «фамилией» и ее противниками, дать последним сохранить свое преобладание и подготовиться к проведению Сенатского совета. Тогда же примас назначил генерала А. Мокроновского заведовать почтой, которая имела особое значение во время выборов нового короля. Х. Шмит приписывает это назначение влиянию Чарторыхских и русского посольства. Однако это мнение представляется ошибочным, поскольку Мокроновский был известен в России как сторонник Я. К. Браницкого и проводник французского влияния в Польше.

В донесении Г. Бенуа от 27 октября 1763 г. имеются дополнительные сведения о «большой конференции» у примаса⁴². Так, прусский резидент сообщал, что к середине

октября в Варшаву не приехал еще ни один сенатор из Литвы, что и явилось поводом отложить Сенатский совет. На конференции, по сведениям Бенуа, был поднят вопрос о рекомендации для избрания «короля-пяста». По этому поводу Ф. С. Потоцкий и Я. К. Браницкий, который также присутствовал на конференции, заявили, что такое предложение для них является неожиданным и они не могут пока высказаться о нем определенно. Тогда же было одобрено предложение А. Чарторыского, чтобы установить максимально длительный срок бескоролья: 9–10 месяцев.

Сенатский совет собрался в Варшаве 7–8 ноября 1763 г. Состав его участников достоверно не известен. Х. Шмит писал, что присутствовала только половина сенаторов и министров⁴³. По сведениям Г. Бенуа, в совете участвовали 30 сенаторов⁴⁴, что примерно соответствовало обычному числу присутствовавших в XVIII в.⁴⁵ На совете примас огласил пункты *de liberatorias*⁴⁶, в которых были поставлены вопросы о способах проведения сеймов, дабы уберечь их от разрыва, о чем сеймикам предлагалось высказаться в инструкциях послам. Вопрос об избрании «короля-пяста» или же о рекомендации какого-либо иного кандидата в послании был обойден молчанием.

Возникла дискуссия в связи со сроками проведения сеймиков и сейма⁴⁷. Коронный маршал Ф. Белиньский предлагал провести сеймики через месяц, в середине декабря 1763 г., а сейм — 30 января 1764 г. Однако ни «гетманская партия», ни «фамилия» не согласились с этими сроками. Х. Шмит и В. Конопчиньский высказывали мысль, что сторонники гетмана в этом случае проявили неосмотрительность⁴⁸, поддержав предложение «фамилии». Однако причина была в другом. Вопрос о длительности бескоролья обсуждался еще 14 октября. Сторонники Я. К. Браницкого имели достаточно времени его обдумать. И если все-таки во время Сенатского совета они вторично согласились с предложением Чарторыских, то, конечно же, имели для этого серьезные основания. Каждая из сторон нуждалась во времени для мобилизации своих сил, а для «гетманской партии» время также требовалось, чтобы согласовать свои действия с иностранными дворами. Поэтому, несмотря на преобладание в совете противников Чарторыских, сенаторы единодушно высказались за максимально возможную по закону отсрочку.

Бескоролье было провозглашено универсалом от 11 ноября 1763 г., сеймики в Короне и Литве назначались на 8 февраля, а генеральный сеймик в Королевской Пруссии — на 27 марта 1764 г. Сейм конвокации должен был открыться 7 мая 1764 г. На Сенатском совете было решено отправить послов ко дворам великих держав с известием о предстоящих королевских выборах. В решениях совета ничего не говорилось ни о курляндском деле, ни о признании титулов государей России и Пруссии⁴⁹.

IV

Формальное открытие бескоролья и определение сроков королевских выборов выдвинуло на первый план для всех магнатских группировок Речи Посполитой задачу мобилизации сил своих «партий» и привлечения новых сторонников внутри страны, а также поиска иностранной поддержки. С этой точки зрения позиции Чарторыских выглядели предпочтительнее: они не только имели хорошо организованных приверженцев в Короне и особенно в Литве, но и могли опереться на твердую поддержку России, причем в значительной части ее условия были согласованы с Екатериной II еще летом 1763 г. Однако это не означало, что «фамилия» могла чув-

ствовать себя вполне уверенно, что и нашло отражение в ее переписке с Петербургом в ноябре—декабре 1763 г. Чарторьские опасались, что молчание России по вопросу о поддержанном ею кандидате может затруднить избрание представителя «фамилии». Об этом свидетельствовала их неудачная попытка добиться включения положения о выборе «короля-пяста» в решения Сенатского совета.

В день открытия совета, 7 ноября 1763 г., Чарторьские отправили через Г. Кейзерлинга мемориал Екатерине II, в котором напоминали императрице о предстоящих выборах и просили ее прямо объявить, кого она хотела бы видеть королем Польши, и оказать обещанную помощь, чтобы избрание прошло единогласно. Дабы избежать частых бескорольев, они предлагали избрать молодого человека⁵⁰. Спустя неделю, 14 ноября, уже сам С. Понятовский через А. З. Остена пишет письмо, адресованное Екатерине II⁵¹. Он вспоминает о прошлых «милостях», которым он, может быть, обязан будущим тронем, хотя это якобы и не сулит ему счастья. Далее стольник убеждал царицу, что она сможет сделать польским королем, кого пожелает, поскольку Пруссия не в состоянии этому воспрепятствовать. Сам же он намерен защитить «фамилию» и своих сторонников «от позора и несчастья» в случае, если осуществятся «злые надежды» их противников и «саксонская династия утвердилось бы на троне». Тем самым, он весьма прозрачно пытался воздействовать на настроения Петербурга, затрагивая болезненную тему установления в Польше наследственной монархии. С. Понятовский призывал твердо отказать в поддержке М. К. Огинскому, который отправился в Россию, чтобы добиться от императрицы одобрения своей кандидатуры на выборах нового короля. Обращаясь к Екатерине II, литовский стольник просил, чтобы она запретила «наезды московские», если действительно хочет видеть его на троне.

В письме нашло также отражение опасение, связанное с ожидавшимся в Варшаве приездом Н. В. Репнина. С. Понятовский просил максимально сократить его пребывание в Польше, если нельзя совсем отменить это назначение. А ввиду болезни Г. Кейзерлинга стольник предлагает поручить исполнение обязанностей посла его сыну, Х. Г. Кейзерлингу.

Наконец, еще через неделю, 22 ноября 1763 г., «фамилия», стремясь придать своим обращениям к императрице более официальный характер, отправила в Петербург мемориал от имени литовской оппозиции, в котором просила назвать, кого именно из Пястов Екатерина II желала бы видеть в качестве кандидата, и прислать 50 тыс. рублей для проведения сеймиков и 20 тыс. — на содержание литовского войска⁵².

Соображения Чарторьских и С. Понятовского, адресованные в Петербург, нашли там полное понимание. Екатерина II в рескрипте Г. Кейзерлингу⁵³ указывала, что просьба об объявлении имени кандидата посредством специальной декларации уже предупреждена в «Общем наставлении». Планы Огинского в Петербурге расценили как интригу секретаря французского посольства П. М. Хенена, призванную расколоть прорусскую «партию»⁵⁴.

Вступление русских войск в Польшу, о котором упоминает в своем письме С. Понятовский, не было непосредственно продиктовано желанием Петербурга оказать давление на Варшаву. Оно было осуществлено осенью 1763 г. по приказу смоленского губернатора В. В. Фермора для возвращения беглых крестьян в связи с проведением в губернии третьей ревизии. По этому поводу примас В. Лубеньский обратился с официальным письмом в русское посольство. На депеше Г. Кейзерлинга Н. И. Панин написал: «Теперь другого не остается, как изыскивать ближайшие и лучшие резо-

ны, чем оное покрыть», а Екатерина II распорядилась сочинить ответ на письмо при-
маса⁵⁵. Однако военные меры по возвращению беглых продолжались. Н. И. Панин
настаивал на их прекращении, так как они, по его словам, могли помешать «нашему
большому делу». Указ о прекращении военных экспедиций в Польшу был послан в
Смоленскую и Киевскую губернии только 25/14 января 1764 г.⁵⁶

Наконец, в декабре 1763 г. в Варшаве была издана декларация, о которой «фами-
лия» просила Екатерину II⁵⁷. Правда, в ней не было объявлено, кого именно из
Пястов Россия хотела бы видеть польским королем. О разговоре с Н. И. Паниным
по поводу содержания декларации В. Ф. Сольмс сообщил в Берлин 29/18 ноября 1763 г.
Посол писал, что русский министр показал ему текст декларации, уже отправлен-
ный для сообщения прусскому министерству⁵⁸. В ней опровергались слухи о наме-
рении России захватить польские земли, подтверждалось решение Екатерины II об
избрании «короля-пяста» и объявлялось о решительной поддержке Чарторыхских.
Все это вместе недвусмысленно указывало на поддержку кандидата от «фамилии»,
хотя и не названного по имени. Сольмс согласился, что такая же декларация должна
быть опубликована и от имени Фридриха II. 15 декабря прусский король утвердил со-
ответствующий доклад К. В. Финкенштейна, 17 декабря инструкция об опубликова-
нии прусской декларации была отправлена Г. Бенуа в Варшаву⁵⁹.

Прибытие в Польшу Н. В. Репнина окончательно рассеяло опасения «фамилии»
по поводу возможного изменения позиции России. Новый министр привез с собой
наставление «говорить с Кейзерлингом едиными устами и поступать во всем соглас-
но». С. Понятовскому устанавливалась ежегодная пенсия в 3 тыс. рублей, кроме того,
Кейзерлингу предписывалось до конца 1764 г., т. е. до коронационного сейма, запла-
тить все его долги⁶⁰. 22 декабря 1764 г. литовский стольник встретился в доме Кей-
зерлинга с Репниным, и тот сказал, что императрица приказала уверить его в своей
помощи «всеми силами и всей своей казной»⁶¹.

Противники Чарторыхских в конце 1763 г. также собирали силы и готовились к
королевским выборам. Первоначально они намерены были объединиться вокруг
кандидата из саксонской династии. После смерти Августа III саксонским курфюр-
стом стал Фридрих-Август. Он сразу же заменил первого министра, назначив вме-
сто тяжело больного Г. Брюля Карла Флеминга — саксонского посла в Австрии, брата
Якоба Генриха Флеминга (министра Августа II и конюшего литовского) и Яна Ежи
Флеминга (подскарбия великого литовского, одного из богатейших магнатов в Литве).
О поспешности этого назначения Д. М. Голицын сообщал в Петербург, что Флеминг
уехал из Вены без отзывной грамоты, не дождавшись своего преемника. О новом пер-
вом министре русский посол писал, что тот «своим поведением и в делах праводуши-
ем» заслужил уважение у всех при венском дворе⁶². Такая характеристика нового
первого министра, а также его связи среди «дворской партии» в Польше и принад-
лежность к литовским магнатам свидетельствовали о стремлении дрезденского
двора посредством замены непопулярного в Польше Г. Брюля на человека, пользо-
вавшегося уважением, особенно в Литве, склонить магнатов и шляхту на сторону
саксонской династии.

Сразу же после вступления на саксонский престол Фридрих Август написал письма
видным магнатам с выражением желания служить Речи Посполитой, а его жена Ма-
рия Антония направила аналогичные письма польским дамам⁶³. В октябре 1763 г. в
Вену приехала графиня А. Мнишек, жена Е. Мнишека и дочь Г. Брюля, которая до-

бывалась в Австрии оказания помощи курфюрсту саксонскому в избрании на польский престол и хлопотала по делам своих братьев, не имевших польского шляхетства и опасавшихся поэтому лишиться своих имений в Польше. В связи с этой поездкой Д. М. Голицын писал в Петербург о достоверности намерений курфюрста саксонского выставить свою кандидатуру на выборах. Он также сообщал, что Австрия и Франция будут оказывать помощь саксонскому кандидату, но она не выйдет за рамки обычной дипломатической поддержки. А когда, продолжал посол, станет ясно, что представителю Веттинов «не удастся быть королем польским, тогда уже, имея причину подозревать, что из природных поляков будет выбран, (Австрия и Франция. — Б. Н.) наблюдать имеют, дабы вольными всей нации голосами возведен был на престол без всякого насилия и нарушения вольности и прав польских»⁶⁴.

Саксонский курфюрст известил о своем намерении добиваться польской короны и европейские дворы. Однако если Австрия и Франция ответили ему хотя и положительно, но уклончиво, то Россия и Пруссия недвусмысленно высказались против его планов — в пользу избрания Пяста. Г. Кейзерлинг, сообщая о реакции в Варшаве на позицию Петербурга, писал 28/17 ноября, что, несмотря на это, сторонники саксонской династии надеются «приобрести согласие России»⁶⁵. Тогда же на встрече с русским послом гетман Я. К. Браницкий с одобрением высказался о позиции Екатерины II в пользу избрания короля-поляка, но просил, чтобы Польше не навязывали конкретного кандидата. В России в этом справедливо усмотрели замысел самого коронного гетмана стать королем и решили использовать его для усиления раскола в рядах противников русской политики⁶⁶. Итак, оказалось, что ни по вопросу о кандидате для избрания, ни о способах противодействия «русской партии» магнаты — противники России — не были готовы ни к согласованным, ни к решительным действиям. Это же можно сказать и об их зарубежных покровителях в Дрездене, Вене и Версале.

Единственной силой, на которую могли более или менее опереться Браницкий, Радзивилл и Потоцкие, были коронные войска, подчинявшиеся гетману, и собственные военные отряды магнатов. К помощи этих войск они и попытались прибегнуть. В этом Я. К. Браницкий нашел опору в Дрездене, получив в свое распоряжение также и саксонские войска, частично оставленные в Польше якобы для охраны дворцов и королевского имущества. Эти три полка были сформированы из поляков и находились в Польше еще со времен Семилетней войны. Сейчас же частью они были включены в войска Браницкого, а частью — в отряды Ф. С. Потоцкого и взяты ими на содержание⁶⁷. «Фамилия» использовала это как повод, чтобы просить военной помощи у Екатерины II.

Вопрос этот обсуждался на совете в присутствии Г. Кейзерлинга, Н. В. Репнина, Августа и Михала Чарторыхских, С. Понятовского и его братьев, А. Замойского и С. Любомирского. Было предложено просить императрицу прислать войска для защиты своих сторонников или же передать под их командование уже находившиеся в Польше для охраны русских военных складов отряды. Г. Кейзерлинг возражал против такого шага, поскольку это могло бы в будущем лишить С. Понятовского короны, ибо на него легла бы ответственность за приглашение в Польшу иностранных войск. А. Чарторыхский и А. Замойский были иного мнения, так как полагали, что только демонстрация силы способна остановить их противников. Они предлагали распустить имевшиеся русские отряды, чтобы «фамилия» тут же приняла их к

себе на службу. Русский и иновроцлавский воеводы убедили собравшихся, и Кейзерлинг написал об этом своему двору⁶⁸. Однако Екатерина II, по существу, поддержала мнение посла. В связи с этим императрица в рескрипте Г. Кейзерлингу от 31/20 декабря 1763 г. предписала подготовить общественное мнение к вступлению в Польшу русских войск, использовать эту угрозу, чтобы воспрепятствовать действиям «гетманской партии» против Чарторыских, уведомила посла о готовности войск на границе, но высказалась против их введения в Польшу, поскольку это нельзя было сделать тайно, а законных оснований для военной интервенции не было⁶⁹.

В это самое время, 17 декабря 1763 г., в Варшаве стало известно о смерти саксонского электора Фридриха Августа. Регентство при малолетнем курфюрсте приняли брат покойного принц Ксаверий и вдова, Мария Антония. Выдвижение саксонского кандидата на польский престол становилось совершенно нереальным, так как Ксаверий еще при жизни брата был противником приобретения польской короны, считая, что такие претензии не соответствуют более ни ресурсам, ни международному положению Саксонии.

Тем не менее «гетманская партия» и сторонники Веттинов в Польше продолжали ориентироваться на саксонского кандидата, усматривая в этом основной способ объединить своих сторонников. В связи с кончиной курфюрста они собрались на совет у Я. К. Браницкого в Белостоке. Главным вопросом было ожидавшееся вступление в Польшу русских войск, о чем, как было известно, говорили Чарторыские и Г. Кейзерлинг. О возражениях русского посла собравшиеся у коронного гетмана не знали.

В Белостоке было решено, что примас обязан протестовать против русской интервенции, в случае которой следовало объявить посполитое рушение. При этом рассчитывали собрать до 40 тысяч войска, на полугодовое содержание которого потребуется 200 тыс. дукатов. Если такие военные силы будут собраны, то деньги предоставят Вена и Версаль, которых следует просить о помощи. Было также предложено отправить посольства к тем дворам, представителей которых не было в Варшаве, вероятно, что имелась в виду Османская Порта. Кандидатом на польский престол, по мнению участников совета в Белостоке, должен был стать один из саксонских принцев. Следовало провести сеймики, избрать надежных послов и установить им инструкции в духе своей партии⁷⁰. Предложенные на совете у коронного гетмана меры свидетельствовали, что противники Чарторыских были твердо уверены в поддержке большинства шляхты и серьезной помощи со стороны Австрии и Франции. Как показало последующее развитие событий, эта уверенность оказалась безосновательной. Они также надеялись, что острый политический кризис в Речи Посполитой и открытое противостояние с Россией позволит им одержать победу. Возможно, что в таких соображениях были свои резоны, хотя и в этом случае поставленные цели были едва ли достижимы, но именно такого развития событий стремились избежать в Петербурге. И Г. Кейзерлинг, и Н. И. Панин, и Екатерина II единодушно настаивали на недопущении открытой военной интервенции в Польшу.

Той же тактики, хотя и менее последовательно, придерживались и Чарторыские. Они стремились придать вмешательству России в польские дела видимость законности, что диктовалось не только внутривластными соображениями, но и опасениями, что внутренний конфликт в Польше может привести к большой европейской войне. Приближавшиеся сеймики должны были показать, чья тактика окажется более эффективной.

V

Агитация в воеводствах перед сеймиками началась практически сразу после провозглашения бескорольевья⁷¹. Магнаты направляли письма своим сторонникам, рассылали по воеводствам и поветам агентов, которые проводили там частные собрания. «Фамилия» писала, что республика приведена в упадок правлением иноземцев, которые, не зная ни ее законов, ни обычаев, становятся либо нарушителями прав и вольностей шляхты, когда поляк не может обратиться к ним на родном языке и заявить о своих требованиях на сейме, либо — нахлебниками. Говорилось о необходимости объединения и об опасности введения наследственного правления, к чему явно привело бы новое избрание саксонского кандидата. Сторонники Чарторыхских убеждали шляхту, что российская и прусская декларации об избрании Пяста продиктованы заботой о благе Речи Посполитой, что такое избрание позволит прекратить беспорядки и установить твердое правительство. Поддержка со стороны России, по их словам, позволила бы Польше опереться на один из союзов, что Екатерина II не имеет намерений захватить Польшу, так как достаточно имеет собственных земель. В этой агитации «фамилии» видны следы рассуждений Н. И. Панина, Г. Кейзерлинга, да и самой Екатерины II, зафиксированных в инструкциях русскому посольству и в декларациях России и Пруссии, а это также указывало, что агитационные сочинения сторонников Чарторыхских согласовывались с Г. Кейзерлингом и Н. В. Репниным. Поэтому мимо их внимания не могли пройти высказывания относительно задуманных реформ государственного строя Речи Посполитой.

В этой области главным вопросом было упорядочение сеймов и недопущение их разрыва. Для этого предлагались разные способы: 1) установление большинства голосов во всех публичных обрядах, включая и сеймование; 2) сохранение права вольного голоса, но для каждого вопроса в отдельности, без права разрыва сейма; 3) введение тайного голосования, если не было надежды на единогласное решение; 4) установление голосования большинством на сеймиках, но при обязательности их инструкций для послов на сейме; 5) предлагалось ввести наказание за срыв сейма по произволу или по корыстным соображениям. При этом сторонники «фамилии» в своей агитации призывали ввести на сеймиках и сеймах принятие решения большинством голосов и раз и навсегда уничтожить *liberum veto*.

Чарторыхские призывали также ограничить полномочия высших должностных лиц — гетманов (командующих войсками и возглавлявших посполитое рушение) и подскарбиев (казначеев). Для чего предлагалось создать в Короне и в Литве военную и финансовую комиссии. Главой их должен был стать король, но одновременно предполагалось их ответственность перед сеймом.

По вопросу об избрании нового короля «фамилия» предлагала исключить всех иностранных претендентов, поскольку за это высказались Россия и Пруссия, утвердить пакты конвенты до королевских выборов уже на конвокационном сейме или же, образовав там специальную комиссию, подготовить их к утверждению в начале сейма элекции. Тем самым исподволь намеревались внести немаловажные изменения в статус королевской власти, ибо переговоры о соглашении короля и республики, зафиксированном в пактах конвентах, велись бы теперь не с избранным монархом — главой Речи Посполитой, а только с претендентом на польскую корону, что неизбежно должно было повлечь за собою новые ограничения королевских полномочий. Чтобы не было излишнего замешательства во время выборов, Чарторыхские предлагали избирать короля

только голосованием послов, а не всей шляхты, как это следовало из традиции и духа элекционных сеймов. Вероятно, Чарторыские больше полагались на избранных на сеймиках послов, чем на голосование всей шляхты, «сколько бы ее ни было».

В письмах противников «фамилии» не говорилось, кого следует избрать королем, не было речи и о прошедшем царствовании, поскольку оно не давало положительных примеров. Главной темой их агитации была опасность вмешательства иностранных держав — России и Пруссии. А в этом случае, по их словам, не могло быть и речи о свободных выборах. В качестве примера приводилось восстановление Бирона на курляндском престоле и говорилось, что Россия, поддерживая кандидатуру Пяста, желает властвовать в Польше. Настаивая на проведении свободных выборов («вольного избрания»), «гетманская партия» и ее сторонники требовали не исключать никого из числа претендентов и предлагали внести в инструкции послам, чтобы каждый, кто вступит в переговоры с иностранной державой или явится соучастником введения иностранных войск, дабы навязать республике своего кандидата, был бы признан навсегда «злодеем отечества», чтобы послы ни от кого не принимали денег или иных подарков. Противники Чарторыских высказывались, чтобы на элекционный сейм воеводства не направляли бы послов, а прибыли бы «посполитым рушением». Если же сеймики все же изберут послов, то они, как призывали сторонники гетмана, «должны быть известны своей независимостью и гражданскими достоинствами». Декларации России и Пруссии были восприняты противниками «фамилии» как выражение скрытого намерения прекратить всякие связи Польши с европейскими странами, что в этом случае, по их мнению, Речь Посполитая окажется беззащитной, будучи привязана лишь к одному из европейских союзов.

В своей пропаганде «гетманская партия» не обошла вниманием проблемы совершенствования государственного устройства Польши. При этом и здесь громко звучали голоса в поддержку ликвидации *liberum veto*, с чем некоторые предводители «республиканцев» связывали мысль: путем получения на сейме большинства голосов взять в свои руки выборы короля, ограничить еще больше его полномочия и уже самим раздавать должности и староства. Они возражали также против создания военной и финансовой комиссий, так как это могло, по их словам, усилить власть короля.

Противники «фамилии» не только отстаивали старинные прерогативы находившихся у них в руках должностей, но и отражали настроения шляхты, в глазах которой гетман как глава посполитого рушения (ополчения шляхты) выступал посредником между нею и королем и защитником интересов польского дворянства. Консерватизм и ограниченность подавляющего большинства польской шляхты частными земскими интересами нашли отражение в распространившихся накануне сеймиков агитационных сочинениях, в которых говорилось не столько о королевских выборах и предполагаемых реформах, сколько о наведении порядка в судах и трибуналах, причем преобладали требования восстановления справедливости на прежних основаниях, нежели рассматривались какие-либо нововведения.

VI

Сеймики в Короне и в Литве состоялись 6–8 февраля 1764 г. Обе стороны, Чарторыские и «партия гетмана», опирались при их проведении на вооруженных сторонников и отряды милиции. Так было в Брацлавском и Киевском воеводствах, где

действовали Потоцкие. На волынском сеймике дошло дело до столкновений, многие из участников которых были покалечены. Причем обе стороны объявили зачинщиками противников. Сеймик завершился двойным выбором послов, т. е. на каждое место депутата сейма были избраны по два посла от обеих фракций, представленных на сеймике — от «фамилии» и от ее противников. То же самое произошло на сеймике в Куявии и в воеводствах Великой Польши. Однако во многих местах в Короне «фамилии» удалось добиться победы. Так было, в частности, в Краковском и Серадзском воеводствах. В результате в Короне сложилось относительное равновесие сил между обеими «партиями». Иначе обстояло дело в Литве, где также не обошлось без столкновений и двойного выбора послов, но в целом верх одержали сторонники Чарторыхских, в том числе и на сеймиках в Вильно, Ковно и Минске, исход которых целиком зависел от клиентов К. Радзивилла⁷².

Составление сеймиковых инструкций послам проходило так же, как и выборы послов на сейм. В инструкциях, написанных в духе идей Чарторыхских, говорилось об избрании королем поляка, происходящего из знатного рода по отцу и матери при исключении всех кандидатов-иностранцев, об охране прав примаса по провозглашению избрания и коронования короля, о проведении вольной элекции послами сейма, а не всей шляхтой, об образовании комиссии для составления пактов конвентов до проведения выборов, об упорядочении работы сеймов, чтобы впредь избежать их разрыва, о признании титулов государей России и Пруссии.

На сеймиках, где победили сторонники Я. К. Браницкого, послам предписывалось выступить против устранения иностранных претендентов, а если все же придется выбирать Пяста, то только связанного родством с царствующими домами Европы, выдвигалось требование умножения военных сил, улучшения сбора налогов, совершенствования законодательства и управления. Говорилось там и о размышлении над порядком сеймования, однако при неизбежности «зеницы вольности» — *liberum veto*. В. Ржевуский написал специальное письмо на сеймики, в котором обосновывал мысль, что можно усовершенствовать порядок проведения сеймов и при сохранении «вольного голоса»⁷³.

Сравнение инструкций, данных сеймиками избранным послам, показывает, что главным для противостоящих магнатских группировок была борьба за власть и связанный с этим уровень собственного политического преобладания, что нашло выражение в столкновении интересов по поводу избрания нового короля и внешнеполитической ориентации Речи Посполитой. Хотя обе стороны и говорили о свободе и независимости республики, но в действительности связывали надежду на реализацию своих планов либо с Россией (Чарторыхские), либо с Австрией и Францией (Я. К. Браницкий и его сторонники).

Российская поддержка помогла «фамилии» добиться преобладания. При этом дело не ограничилось деньгами, раздаваемыми русским посольством. Гораздо большее значение имела решимость Екатерины II во что бы то ни стало добиться осуществления своих планов, применив все средства, вплоть до военной силы. Именно это, а не предложенная пенсия, заставило В. Лубеньского накануне сеймиков присоединиться к сторонникам России. О сделанном примасом выборе Г. Кейзерлинг сообщил в Петербург в январе 1764 г.⁷⁴ Аналогичным образом поступили гетман литовский М. Массальский и его сын Игнацы, епископ виленский, подскарбий литовский Я. Е. Флеминг, несмотря на назначение его брата, К. Флеминга, саксонским

первым министром. Разумеется, сыграла свою роль и междоусобная вражда магнатов. Однако главным мотивом все же оставалась вынужденная необходимость присоединиться к сильнейшей группировке, чтобы сохранить собственные политические позиции и влияние. А возможность для Чарторыхских взять верх над своими противниками основывалась исключительно на поддержке со стороны России.

В этом отношении показательна роль К. Радзивилла в литовских сеймиках. Х. Шмит объяснял неудачу «гетманской партии» в Литве тем, что, будучи уверен в преобладании своего рода, воевода виленский отошел от руководства сеймиками, доверившись гетману М. Массальскому, уже примкнувшему к русской партии⁷⁵. Однако дело обстояло иначе.

23/12 января 1764 г. Н. В. Репнин писал Екатерине II: «Внутренние смуты очень скучны, но, не поддерживаемые ни одним государством, они непременно прекратятся сами собою. Отнявши у партий надежду на успех, можно заставить их уступить своих друзей; лишь бы только мы избавились от иностранцев, лишь бы только конвокационный сейм исключил их из числа кандидатов, то все кончено <...> Возможность существования партии гетмана коронного зависит от союза ее с виленским воеводой князем Радзивиллом, который вашему величеству известен как безумец, руководствующийся только капризом. Я думаю, что надобно снять маску относительно этих господ и заговорить с ними громко, если они будут упорствовать в своих вооружениях. Что касается воеводы киевского (Ф. С. Потоцкого. — Б. Н.), то, кажется, он уже начинает немного ощупывать почву, хотя сохраняет еще высокомерный тон и большие претензии»⁷⁶.

Чтобы расколоть лагерь сторонников Я. К. Браницкого, Репнин при посредничестве М. Массальского попытался договориться с К. Радзивиллом. В начале февраля, накануне сеймиков, эти переговоры, казалось, имели успех. Репнин сообщил 13/2 февраля 1764 г. в Петербург, что К. Радзивилл «начинает в хороших мыслях быть», но, соглашаясь содействовать целям России, он, как писал посол, решительно возражал против кандидатуры С. Понятовского, «изъявляя к нему злобу», и соглашался только «на воеводу русского или на его сына» (Августа или Адама Чарторыхских. — Б. Н.)⁷⁷. Правда, посол надеялся все же добиться согласия Радзивилла на присоединение к «русской партии». Видимо, такие намерения виленского воеводы и привели к удачному, с точки зрения Репнина, исходу сеймиков. О чем он и писал в том же донесении, что почти все сеймики «весьма изрядно обратились: по большей части наши партизаны в оных нонсами выбраны». Однако в итоге достичь соглашения с К. Радзивиллом не удалось. Об этом сообщил в Петербург в начале марта Г. Кейзерлинг. Он переслал также письмо И. Массальского, епископа виленского, от 28 февраля, в котором тот рассказал, что К. Радзивилл с вооруженными людьми ворвался к нему в дом и угрожал вместе с А. Забелло образовать конфедерацию против сторонников России⁷⁸. А накануне К. Радзивилл силой оружия разогнал каптуры, избранные сторонниками «фамилии» в Ржечице, Орше и Минске. При этом гетман М. Массальский по совету русского посольства направил против него литовские войска, хотя сын его в это время громко протестовал, послав письмо примасу и внеся соответствующий манифест в градские книги. Таким образом, окончательно сложился союз Я. К. Браницкого и К. Радзивилла.

Действия же последнего дали основание Н. В. Репнину 9 марта / 27 февраля 1764 г. просить Петербург о введении в Польшу русских войск⁷⁹. В своем донесении, частично

приведенном С. М. Соловьевым, посол констатировал, что Браницкий и Радзивилл развязали гражданскую войну и это делает необходимым введение в Польшу русских войск. Он сообщал о намерении сына сандомирского воеводы подстолия коронного Станислава Любомирского выдвинуть свою кандидатуру, к чему благосклонно относится Ф. С. Потоцкий. По мнению Репнина, раскол среди противников «большой партии» на руку России; что теперь оправдано вступление корпуса М. И. Дашкова в Польшу.

Того же мнения придерживался и Г. Кейзерлинг. 19/8 марта 1764 г. он писал, что на сеймиках царит насилие, и участвуют и войска. Поэтому положение следует представить так, чтобы наша сторона не выглядела нападающей. По словам посла, искры гражданской войны уже тлеют, но она не нужна России, поэтому войска из Лифляндии должны вступить в Литву. «Наши друзья», подчеркивал Г. Кейзерлинг, требуют образования генеральной конфедерации, и тогда вся Литва станет на нашу сторону. В резолюции на этой депеше Н. И. Панин указал на необходимость завершить подготовку к вступлению войск в Польшу и создать специальный орган для управления операцией⁸⁰. 4 мая / 23 апреля Военная коллегия рапортовала в связи с этим об образовании секретной экспедиции под началом З. Г. Чернышева⁸¹.

Однако, принимая решение о введении корпуса М. И. Дашкова в Польшу, в Петербурге избрали иную тактику. Еще в начале марта Н. И. Панин докладывал императрице о посылке к европейским дворам декларации с обвинениями в адрес Браницкого и Радзивилла в развязывании гражданской войны и о намерении России воспрепятствовать этому, направив войска в Польшу. Вместе с тем он предлагал, что «надлежит умолчать о вступлении в Польшу Дашкова корпуса, яко о том деле, которое ваше величество отнюдь к сему не присвоите, а единственно учинено для присмотра магазинов, почему об нем объявляться должно особливо в разговоре перед чужестранными министрами, дабы им показать, что то, что прямо по польским делам ваше величество исполнить намерены, о том заранее, яко о беспристрастном и никаких секретных видов не имеющем деле объявить изволите»⁸². На докладе Екатерина II написала: «Апробуется».

VII

Проведение сеймиков и сложившаяся на них ситуация вынудили активизироваться австрийскую и французскую дипломатию. Еще в начале января 1764 г. Г. Кейзерлинг сообщил в Петербург, что Австрия намерена поддерживать в Польше саксонскую династию, включая и ее претензии по курляндскому делу⁸³.

Однако позиция Австрии и Франции была иной, нежели ее представляли себе в Петербурге и в русском посольстве в Варшаве. Об этом свидетельствует письмо М. А. Пальми к Е. Мнишеку от 1 февраля 1764 г.⁸⁴ Французский посол писал, что удивлен, не получив ответа от сакса (принца Ксаверия. — *Б. Н.*) на свое письмо, в котором он, помимо советов, говорил и об интересах сыновей Г. Брюля (шуринов Е. Мнишека). «Это молчание, — замечает Пальми, — мне не понравилось, и я не знаю, должен ли я приписать это воздействию тех, кто влияет теперь на дела саксонского дома в теперешнем направлении, и которые, я вас уверяю, сделают все, чтобы повредить делам королевского дома в Польше». Здесь французский посол намекает на разногласия между Ксаверием и Карлом по вопросу о претензиях династии Веттинов на польский престол. Далее он писал об отъезде на Волынь для участия в

сеймике А. К. Чарторыского и выражал сомнение в исходе сеймиков из-за неопределенности позиции Ф. С. Потоцкого. И только в постскрипуме к письму Пальми сообщал Мнишеку, что воевода киевский обещал добиться победы сторонников гетмана. Но в словах посла звучала неуверенность: «Скоро мы будем располагать результатом, — писал он, — но я не знаю, чего мы должны желать по этому поводу».

В заключение Пальми перешел в ожидавшемся на следующий день приезде австрийского посла Ф. К. Мерси д'Арженто, он писал, что тот «получил инструкции самые благоприятные для республики, которые в наибольшей степени смогут остановить русских, если те примут проект введения войск на польские земли. Я даже думаю, — писал Пальми, — что он сделает декларацию, чтобы ответить на декларацию г-на Кейзерлинга». Однако наряду с обещанием противодействовать угрозе российской интервенции, призванном ободрить сторонников Австрии и Франции, в письме французского посла вновь сквозят неуверенность и колебания. Он писал даже, что «месье де Мерси не будет рекомендовать мне поддержать какого-либо кандидата, что такой важный шаг требует размышления о взаимосвязанных мерах для приемлемого и почетного урегулирования и времени, в течение которого обстоятельства будут все более проясняться».

Понимая, что времени остается все меньше и меньше и что проволочки со стороны Вены и Версаля вызывают обоснованное недовольство «гетманской партии», Пальми писал, что «всё еще пока не определено и не кончено таким образом, чтобы наши дворы декларировали свою позицию, Я не скрываю от Вашего превосходительства, — обращался он к Е. Мнишеку, — что такая длительная задержка меня беспокоит, что я чувствую затруднения и все последствия. Я сообщаю об этом моему двору, но всегда проходит не менее шести недель, прежде чем я получаю ответ». Сознывая двойственность своего положения, причиной которого стало бездействие Версаля, посол заключает в извинительном тоне: «Сожаление, горечь и затруднения повредили моему здоровью, но ничто не нарушит никогда моей привязанности к обществу, которое я до такой степени уважаю, люблю и ценю».

Письмо М. А. Пальми недвусмысленно свидетельствовало о намерении Франции уклониться от участия в польских делах, главная роль в которых, по замыслу Версаля, отводилась австрийской дипломатии. Было также ясно, что никакого решения о поддержке своего кандидата против представителя «фамилии» принято так и не было, не говоря уж о согласовании позиций обоих дворов, а мысль о кандидатуре саксонского принца была уже отставлена в сторону. Наконец, ни Австрия, ни Франция не собирались предпринимать какие-либо меры против угрозы российской интервенции, помимо декларации, да и то, как это следовало из письма М. А. Пальми к Е. Мнишеку, только с австрийской стороны без участия Франции.

Прибытие в Варшаву австрийского посла Ф. К. Мерси д'Арженто, бывшего до этого послом в Петербурге, по существу не изменило положения дел. В день своего приезда, 8 февраля 1764 г., на неделю позже, чем его ожидал Пальми, когда сеймики были уже завершены, он принял С. Понятовского с братом Анджеем, генералом австрийской службы. Как доносил Мерси В. Кауницу, прием прошел холодно. Посол изложил им требования Вены о соблюдении свободы выбора короля и ненарушимости конституций Польши.

Гораздо радушнее посол отнесся к сторонникам Я. К. Браницкого. Причем, как видно из его донесений, он не только стремился ободрить противников Чарторы-

ских, но и преувеличивал их силы и возможности. Поддерживая просьбы магнатов о финансовой помощи, австрийский посол сообщал 13 февраля в Вену, что Радзивилл и Потоцкие имеют в своих войсках по 10 тыс. чел., а Браницкий — 20 тыс. коронного войска⁸⁵. Баснословность этих сведений не могла быть неизвестна послу, так как милиция Радзивилла составляла около 5 тыс. чел., а коронные войска вместе с литовскими даже по штатам не превышали 18 тыс. чел.

Ободряя сторонников саксонской династии в Польше, австрийские представители в Варшаве раздавали обещания магнатам, в том числе и по курляндскому делу. Однако готовности выполнять их Вена не обнаруживала. Так, уже 30 марта 1764 г. В. Кауниц писал Г. А. Штарембергу, что венский двор не намерен открыто вмешаться в курляндское дело⁸⁶.

Одним из важнейших тезисов австрийской пропаганды в Польше было распространявшееся Ф. Мерси д'Арженто мнение, что русско-прусский союз не будет заключен, что Россия поэтому не имеет сил для действий в Польше, а угроза вступления в страну русских войск — не более чем ложная демонстрация⁸⁷. Н. В. Репнин в связи с этим сообщал также, что Чарторыские опасаются усиления позиций Пруссии в Польше и высказываются против введения прусских войск и за главную роль России в разрешении кризиса. Говоря о слухах об отсутствии соглашения России с Фридрихом II, он связывает их непосредственно с гр. Мерси и пишет, что они распространяются сторонниками Я. К. Браницкого. По его словам, их влияние настолько велико, что даже Г. Бенуа говорил с ним по этому поводу⁸⁸. Это побудило послов торопить Петербург с окончательным оформлением отношений с Берлином. В этом случае, — писал Репнин, — «все раздраженные высказывания гр. Мерси утонут в презрении, которого они заслуживают»⁸⁹.

Для противодействия русской политике в Польше Вена и Версаль стремились использовать вопрос о международном признании нового польского короля, распространяя в Польше мнение, что только исход законных выборов получит признание с их стороны, чтобы таким образом побудить Россию к соглашению относительно будущего кандидата, или же, в противном случае, поставить под сомнение законность проведения самих выборов. Этой ситуацией попытались воспользоваться в Саксонии.

Не оставляя хлопот о выдвижении кандидатом на польский престол саксонского принца, о чем писал принц Ксаверий Э. Ф. Шуазелю 1 февраля 1764 г.⁹⁰, в Дрездене, видимо, всё больше и больше сомневались в надежности поддержки своих планов со стороны Австрии и Франции и возможности их осуществления. Поэтому там попытались не доводить дело до разрыва с Россией и пожертвовать негодными шансами на выборах ради сговора с Петербургом, чем и объясняется молчание принца Ксаверия в ответ на «советы» Пальми в январе 1764 г. Тогда же Н. В. Репнин сообщал о стараниях А. Ф. Эссена, саксонского посла в Варшаве, уверить его, что Дрезден не имеет ничего общего с политикой Австрии и Франции в Польше и готов способствовать признанию нового короля, если саксонским принцам будут выделены «уделы» в Польше⁹¹. На это русский посол ответил, что предоставление владений принцам находится в компетенции сейма, что Польша не будет иметь никаких отношений с тем двором, который не признает нового короля, и что законность избрания не зависит от признания или непризнания короля иностранными державами. Об этом же писал и Г. Кейзерлинг в марте 1764 г.⁹²

Однако, всячески подбадривая своих сторонников, обещая им поддержку и призывая их к активному сопротивлению русской политике в Польше, ни Вена и Версаль, ни следовавшие в русле австрийской и французской политики Дрезден и Мадрид не решались предпринять активных действий против России. При этом интриги австрийского и французского посольства носили очевидно лицемерный характер, так как и Пальми и Мерси д'Арженто были вполне определенно осведомлены как о соглашении России и Пруссии, так и о намерении Петербурга ввести в Польшу войска. И Версаль, и Вена молчаливо надеялись, что против польской политики Екатерины II выступит кто-то другой. Но решающее значение имела все же позиция Франции, поскольку Австрия всё же проявляла некоторую готовность к совместным действиям, именно Мерси д'Арженто выступал в Польше главным вдохновителем «гетманской партии». Пальми же сосредоточил свои усилия на поддержке интриг Я. К. Браницкого в Турции. В то время как в случае решительного вмешательства Людовика XV ни Австрия, ни Испания не смогли бы уклониться от совместных действий.

Но французский король не проявлял готовности противодействовать России в Польше и оказать реальную помощь своим сторонникам. Обращаясь к Ж. П. Терсье, он сказал по поводу письма принца Ксаверия от 1 февраля 1764 г., что ни Мадрид, ни Вена не могут оказать ему помощи, поэтому и Франция не станет рекомендовать его кандидатуры и представлять его на нынешнем сейме. В этом духе следовало отправить инструкции П. М. Хенену. «Если я переменялся, — закончил свою мысль Людовик XV, — то это от того, что у меня есть другая забота. Ни одному иностранному принцу это не удастся (стать польским королем. — *Б. Н.*), тогда следует наброситься на Пяста»⁹³.

В соответствии с этим французскому посольству в Варшаве было отправлено распоряжение выступить в Польше с декларацией. Предварительно, 6 марта, текст ее был отправлен в Вену. В декларации говорилось о дружбе Австрии, Франции и Польши, о невмешательстве Версаля в выборы короля, лишь бы они прошли свободно и соответствовали правам, вольностям, законам и международным договорам Речи Посполитой⁹⁴. Декларации Австрии и Франции были опубликованы одновременно в Вене и Париже 17 марта 1764 г.⁹⁵ Посылая ее текст в Петербург, Г. Кейзерлинг писал, что «это мертворожденное заявление появилось благодаря усилиям гр. Мерси, который рисует в черных красках будущее вступление наших войск в Польшу и связанные с этим обстоятельства. Он прибыл из Санкт-Петербурга и знает наш двор, министров и внутреннее устройство империи, и можно не сомневаться, что он наш враг, и использовать против него имеющиеся у нас превосходство и силу»⁹⁶.

Отказ Франции поддержать саксонского кандидата побудил изменить свою позицию и Австрию. 28/17 марта 1764 г. Д. М. Голицын писал из Вены, что здесь не намерены представить русскому послу никаких сведений о предполагаемых действиях в Польше до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение о кандидате на польский престол между Россией и Австрией. По конфиденциальной информации Голицына, французский двор добивается от вены вмешательства в польские дела, а Испания совместно с Францией выделила на поддержку своих сторонников от 200 до 300 тыс. червонцев. Посол сообщал об издании совместной декларации и, что если соглашение между Петербургом и Веной по польским делам не будет достигнуто, хотя бы и о выборе Пяста, то Австрия будет действовать совместно с Франци-

ей и Испанией, чтобы «выбрать преданного себе и престарелого магната, а после его скорой кончины добиться избрания в короли кого-либо из саксонских принцев»⁹⁷. При этом очевидно проявилось намерение выиграть время, чтобы восстановить свои позиции в Польше в будущем. Соглашение же с Россией о выборах короля-поляка было нужно, чтобы хотя бы таким способом воспрепятствовать русской гегемонии в Польше. Однако в Вене на такой компромисс всерьез не рассчитывали и поэтому пошли на подписание союзного договора с Францией, что, разумеется, исключало всякую возможность сговора с Петербургом. Попытка Голицына выяснить условия этого союза оказалась безуспешной. Он только смог сообщить в Петербург, что возобновление союза с Францией вызвано отказом России сохранить старые союзнические обязательства⁹⁸.

Англия, по примеру Австрии и Франции, также не намерена была вмешиваться в польские дела и занимать активной позиции по вопросу об избрании нового польского короля. Об этом Г. Кейзерлинг известил Петербург еще в начале февраля 1764 г.⁹⁹ А 3 марта английский посол в Вене В. Д. Стомонт в письме С. Понятовскому подтвердил эту позицию Лондона и сообщил, что Австрия и Франция также ограничатся только дипломатическими демонстрациями¹⁰⁰.

Единственной страной, чьего вмешательства реально могла опасаться Россия, оставалась Османская Порта. В надежде найти поддержку в Турции Я. К. Браницкий и М. А. Пальми отправили в начале 1764 г. в Константинополь полковника Станкевича. 24 февраля он на аудиенции передал визирю аккредитацию и письма и сделал запрос о позиции Порты в связи с предстоящими королевскими выборами. В марте Порты направила ответ визиря примасу и коронному гетману. Однако миссия Станкевича не ограничивалась извещением Турции о «бескорольеве» в Польше. Через визиря он пытался склонить Порту к военной поддержке противников России в Польше, а в своих интригах опирался на помощь французского посольства. Против Станкевича в Константинополе действовали русский резидент Обресков и эмиссар примаса Млодзиевский, первый — через рейс-эфенди, а второй — через муфтия. В результате Диван высказался против военных намерений визиря¹⁰¹. Однако позиция Турции в любой момент могла перемениться, что вызывало непрерывное беспокойство в Петербурге. Об этом И. М. Лобкович писал В. Кауницу в мае 1764 г.¹⁰²

Пассивность великих держав не могла быть совершенно скрытой от Порты. Интриги австрийских и французских представителей в Константинополе были нейтрализованы посольствами России и Пруссии. Цель России: добиться международной изоляции Польши — была достигнута. Это со всей определенностью было продемонстрировано в заявлении И. М. Лобковичу 27/16 марта¹⁰³ и в ноте от 9 апреля / 29 марта 1764 г. с обоснованием причин введения в Польшу русских войск, зачитанной всем иностранным послам в Петербурге¹⁰⁴.

VIII

Однако декларации Версаля и Вены, хотя они по уговору примаса В. Лубеньского с русским посольством и не были опубликованы в Польше, вместе с деньгами, раздаваемыми Ф. Мерси д'Арженто и М. А. Пальми в Варшаве, придали уверенности противникам Чарторыских. Согласие Австрии и Франции на избрание Пяста подкрепило претензии на польскую корону Я. К. Браницкого, который становился те-

перь наиболее вероятным кандидатом от противников «фамилии». Видимость поддержки «гетманской партии» из-за рубежа положила конец колебаниям Ф. С. Потоцкого и К. Радзивилла, которые окончательно стали на сторону коронного гетмана. Обладая военным превосходством над «партией» Чарторыхских, они решили до вступления в Польшу русских войск изменить в свою пользу соотношение послов на сейме. Для этого надо было одержать победу на выборах в Королевской Пруссии.

Число послов от этой провинции в отличие от других воеводств и земель Польши и Литвы не было определено законом, а по обычаю избиралось от 40 до 50 представителей на сейм, поэтому обе «партии» попытались сделать все возможное, чтобы добиться избрания максимального числа своих сторонников. Воеводские сеймики в Королевской Пруссии были проведены 22 марта, а 27 марта в Грауденце, главном городе провинции, должен был состояться генеральный сеймик. К этому времени туда в сопровождении своих военных отрядов и клиентов съехались Радзивиллы, Потоцкие, Яблоновские, Красиньские и другие магнаты, имевшие в княжестве права индигината, т. е. причисленные к шляхте Королевской Пруссии. Отправила своих представителей и «фамилия»: А. Понятовского и А. Островского — епископа куявского. Я. К. Браницкий послал в Грауденец часть коронных войск. Сторонники гетмана рассчитывали избрать на прусском сеймике послов, не прошедших на выборах в Литве.

Положение осложнялось тем, что в городе еще со времен Семилетней войны были расположены русские военные склады, охраняемые двухтысячным отрядом под командой генерал-майора Н. Хомутова. После смерти Августа III, когда по требованию примаса В. Лубеньского все иностранные войска следовало вывести из Польши, соответствующий приказ получил и отряд Хомутова, а оставляемые в Грауденце склады поручались охране коронных польских войск. Однако в указе Военной коллегии говорилось также о подчинении отряда Г. Кейзерлингу¹⁰⁵. Х. Шмит отмечал, что требование примаса вывести корпус Н. Хомутова было поддержано «фамилией»¹⁰⁶. Однако это не соответствовало истинной позиции «друзей России» и планам русского посольства. Так, в рескрипте Екатерины II от 13/2 февраля послам «позволялось» направить корпус к Варшаве для поддержки Чарторыхских¹⁰⁷. Таким образом, императрица одобрила решение Кейзерлинга использовать этот отряд для вмешательства во внутренние дела Польши. Тем не менее Хомутов оставался на месте до конца марта. Очевидно, что это было связано с планами Чарторыхских по проведению генерального сеймика и что Хомутов действовал в соответствии с полученными из Варшавы инструкциями, а не самостоятельно, как полагали С. М. Соловьев и Х. Шмит¹⁰⁸.

Накануне сеймика магнаты в сопровождении своих отрядов и клиентов съехались к Грауденцу. Прибыли и 800 человек коронного войска, присланные Браницким. При их приближении Хомутов выслал им навстречу офицера, который обратился к Ф. С. Потоцкому, приняв его за главного, с вопросом, почему войска собираются в распоряжении его отряда. Потоцкий ответил — что для проведения сеймика. Тогда Хомутов приказал окружить город и пропускать в него только участвующую в сеймике шляхту и без оружия. Поведение Хомутова также свидетельствовало, что он действовал по инструкциям, ибо такая процедура, хотя и противоречила законодательству, не допускавшему присутствия войск в месте проведения сеймиков, но в определенной мере соответствовала традиции сеймования, поскольку войска, окружившие Грауденец, стояли формально за пределами города. Именно так дейст-

вовал гетман М. Радзивилл в Вильно в 1756 г. Принципиальное отличие состояло только в присутствии не польских, а русских войск.

Сеймик открылся 27 марта 1764 г. Маршалом был избран сторонник «патриотической партии» и лидер так называемой прусской оппозиции, отстаивавшей привилегии провинции, Антони Михал Чапский. Он был также известен как противник воеводы П. Мостовского, поддерживавшего «фамилию». Выступая на сеймике, А. Понятовский заявил, что наличие войск и участие в сеймике шляхтичей по индигинату нарушают порядок проведения сеймика и не дают поэтому законного основания для избрания послов. Хомутов, действуя в согласии с «фамилией», чтобы не допустить собрания сеймика в другом месте, заявил, что никого не выпустит из города, пока сеймик не будет завершен. Сторонники гетмана понимали, что, если выборы будут проведены, их результат окажется в пользу Чарторыхских. Поэтому «патриотическая партия» в тот же день выступила с манифестом о «разрыве» сеймика и с требованием к примасу и Сенату назначить новый срок его проведения, а также с призывом к другим послам из Короны и Литвы не начинать конвокационный сейм в отсутствие послов из Королевской Пруссии. Свой протест в метрические книги внесли и сторонники Чарторыхских. Я. К. Браницкий и многие сенаторы высказались за назначение повторного сеймика, однако примас В. Лубеньский, ссылаясь на различные юридические затруднения и отсутствие времени, манифестом 17 апреля объявил, что повторного сеймика собираться не будет.

IX

Манифест о вступлении в Речь Посполитую русских войск был издан, когда те уже перешли границу Литвы. О необходимости этого шага Н. В. Репнин писал в Петербург еще в январе 1764 г. Тогда же Военной коллегией был составлен план операции в двух вариантах. По первому русские войска должны были двигаться «всем корпусом» от Смоленска через Минск и Гродно к Варшаве, по другому — восемью колоннами до Бельска, где планировалось сосредоточение сил. Этот план был отправлен в Варшаву 16/5 февраля 1764 г. Г. Кейзерлингу для сообщения Чарторыхским с предписанием высказать свои соображения и заготовить по маршрутам следования войск провиант и фураж¹¹⁰. События в Королевской Пруссии стали непосредственным поводом для его осуществления. О чем свидетельствует приказ от 12/1 мая 1764 г. М. Н. Волконскому, назначенному командующим смоленским корпусом и русскими силами в Польше вместо З. Г. Чернышева¹¹¹. В начале апреля 1764 г. в Польшу вступили два передовых detachementa (отряда) под командой М. И. Дашкова и Е. Кашкина. Подкрепления были отправлены также и Н. Хомутову. После этого общая численность русских войск составила 7–8 тыс. чел. При этом было официально объявлено, что войска предназначены для охраны русских военных складов¹¹². По крайней мере, эта версия была предложена иностранным дворам, чтобы хотя бы на первое время ослабить их ответную реакцию. Одновременно в Петербурге стремились придать военной операции в Польше вид дружественной акции. С этой целью Коллегия иностранных дел обратилась в Военную коллегию 21/10 марта 1764 г., чтобы вместо денег отряду Дашкова было выдано натуральное довольствие «не в пример другим», дабы избежать конфликтов с местным населением при заготовке провианта и фуража, «потому что поход того корпуса в Польшу совсем не военный, но са-

мый политический, да сверх того незлобительным для поляков поведением должен в них вселять любовь, надежду и уверенность к российским войскам»¹¹³.

И все же их появление в Польше произвело в Варшаве тяжелое впечатление. Говорили, что в страну вступила целая армия в 40 тыс. чел. Особенно деморализованы были сторонники «гетманской партии», так как оказались ложными уверения Ф. Мерси д'Арженто и М.А. Пальми, что Россия не решится на военное вмешательство в Польшу. Под давлением Я.К. Браницкого и его «партии» примас В. Лубеньский намеревался собрать Сенатский совет, который так и не состоялся. В русское посольство была отправлена делегация. Х. Шмит писал, что представителями польского министерства были сенаторы А. Замойский и А. Островский — епископ куявский (оба — сторонники «фамилии»). Д. М. Голицын сообщал в Петербург из Вены, что делегатами были Г. Подоский, референдарий коронный, и стольник Август Мошинский¹¹⁴ (оба сторонники саксонского дома). Это расхождение объясняется либо тем, что было две делегации, либо — что уровень представительства решено было понизить и вместо сенаторов послать лиц более низкого ранга. Послы, Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин, отвечали польским представителям на вопрос о причинах вступления в страну русских войск, что это было вызвано поведением Я. К. Браницкого, отправившего коронные войска на сеймики и силой установившего капитулы.

Гетман коронный, в свою очередь, обвинил примаса, что тот отправил письма, запрещающие оказывать сопротивление русским войскам, не объявил посполитое рушение и не отложил конвокационный сейм из-за присутствия в Речи Посполитой иностранных войск и ввиду двойных выборов послов на многих сеймиках и «разорванного» сеймика в Королевской Пруссии. Браницкого поддержали Ф. С. Потоцкий и И. Твардовский — воевода калишский. Сенат был расколот, а наиболее непримиримые 14 сенаторов отправили письма к иностранным дворам с заявлением об угрозе независимости Польши. На эти обвинения В. Лубеньский обоснованно отвечал, что без согласия сейма не вправе ни объявить посполитое рушение, ни отложить конвокационный сейм¹¹⁵.

Сообщая о реакции на заявление русского посольства в Варшаве и в Вене, Д. М. Голицын писал, что ответ послов воспринят «недоброжелательными поляками» как неудовлетворительный и «хитростно при том ими толкуется, яко бы оной соединен с пренебрежением соседних держав». По этому поводу Н. И. Панин заметил: «И графом Мерсием». Голицын также сообщал о многочисленных жалобах польских вельмож на нарушение прав и свобод Польши, адресованных венскому и французскому дворам¹¹⁶.

Однако для введения в Польшу главных сил русской армии необходимо было обеспечить хотя бы видимость законных на то оснований. «Партия» Чарторыхских, представлявшая собой объединение частных лиц, не могла официально пригласить иностранные войска. Таким правом по законам республики обладали либо сейм, либо конфедерация. Поэтому еще до открытия, намеченного на 7 мая, конвокационного сейма надлежало образовать конфедерацию. Планы эти обсуждались Чарторыхскими с Петербургом начиная с декабря 1762 г., поэтому образование конфедерации представлялось обоим сторонам само собой разумеющимся. Однако его практическое осуществление было начато письмом И. Массальского М. Чарторыхскому от 28 февраля, в котором епископ виленский просил 30 тыс. дукатов и предлагал образовать конфедерацию против произвола К. Радзивилла¹¹⁷. Письмо это Г. Кейзерлинг в нача-

ле марта отправил в Петербург, приложив целый ряд аналогичных писем от представителей «фамилии», в том числе от С. Понятовского. В реляции от 19/8 марта¹¹⁸ русский посол отправляет копию ответа И. Массальского от 15 марта на письмо С. Понятовского. В нем епископ виленский вновь повторяет рассуждения о действиях Радзивилла, сообщает о прибытии в Литву А. Бандре, просит об ответе по поводу своего проекта конфедерации и 20 тыс. дукатов на литовское войско; полагает, что надо известить рижского губернатора Ю. Ю. Броуна, Н. И. Панина о ведущихся переговорах и направить делегацию в Варшаву для встречи с послами России и Пруссии, а также опубликовать манифест. Однако «фамилия» уже согласовала с послом план конфедерации, который и был им отправлен для утверждения императрице¹¹⁹.

Получив согласие Г. Кейзерлинга и сразу же после появления первых отрядов русских войск в Литве, сторонники «фамилии» принялись за осуществление планов образования конфедерации. При этом формальным инициатором литовской конфедерации был представлен виленский епископ И. Массальский. Именно в ответ на его письма Екатерине II и Н. И. Панину из Петербурга последовал рескрипт Кейзерлингу и Репнину, что предлагаемая И. Массальским «конфедерация не только не во вред, но паче и в пользу главному нашему намерению быть может». Послам поручалось согласование с Массальскими и Чарторыскими всех необходимых мер, после чего, известив предварительно Петербург, они могли распорядиться о вступлении в Литву дополнительных войск числом 4–6 тыс. чел.¹²⁰

Так как все было подготовлено заранее, то уже 16 апреля в Вильно была провозглашена Генеральная литовская конфедерация, инициаторами которой выступили Массальские, Огинские и Я. Е. Флеминг, а маршалом был избран М. Бржостовский — конюший литовский. Конфедерация объявила недействительными результаты сеймиков с двойным выбором послов в Виленском воеводстве, Оршанском повете и в повете Ржечицком и установленные в них каптуры. По решению конфедерации впредь запрещались двойные выборы послов. Конфедерация выдвинула обвинение против К. Радзивилла и против всех, нарушивших законы и обычаи Речи Посполитой и покусившихся на свободу и равенство рыцарского сословия. Сенаторов и шляхту Литвы призывали присоединиться к конфедерации. В Акте конфедерации говорилось, что избранные послы на сейм и каптуры сохраняют свои полномочия, что конфедерация не выдвигает никаких инструкций к предстоящему сейму¹²¹.

От Генеральной литовской конфедерации в Петербург был отправлен посол Г. Л. Оскерка — литовский чесник. Он привез Екатерине II письмо от М. Бржостовского, составленное в Вильно 1 мая 1764 г., которое было передано послом императрице на аудиенции 21/10 мая. В нем от имени конфедератов выражалась благодарность Екатерине II за покровительство, оказанное Речи Посполитой, и содержалась просьба о военной помощи для восстановления спокойствия в республике¹²².

Образование литовской конфедерации стало сигналом для открытого военного вмешательства России в польские дела. 4 мая/ 23 апреля 1764 г. Военная коллегия доложила Екатерине II, что в соответствии с ее распоряжением в отмену секретного указа от 17/6 октября 1763 г. все дела по военному обеспечению операций в Польше переданы секретной экспедиции коллегии во главе с З. Г. Чернышевым. Это означало, что наряду с Коллегией иностранных дел создан еще один орган, непосредственно ведавший польскими делами. В тот же день секретная экспедиция

отправила приказ и инструкции И. Ренненкампу о вступлении его корпуса в Литву и движении к Вильно для поддержки конфедерации ¹²³.

А после того как конфедераты официально обратились к России за военной помощью, настало время для действий главных сил во главе с М. Н. Волконским. В приказе ему, отправленном еще до прибытия Оскерки в Петербург, указывалось, что введение русских войск в Польшу было осуществлено: 1) чтобы защитить «благонамеренных поляков» от насилий со стороны гетмана Браницкого, который не откажется от них, покуда не убедится, что применение силы будет обречено на неудачу; 2) что противники России «явным образом стараются подвигнуть на нас венский и французский дворы, а особливо Порту Оттоманскую»; 3) что спокойствие и законность в Польше оказались под угрозой, а «друзья России» подвергаются явной опасности; 4) что Россия обязалась и объявила ранее, что не может допустить такого развития событий. Далее в приказе М. Н. Волконскому говорилось, что «предусматриваемая в Литве генеральная конфедерация возымела уже начало свое <...> и преданные нам поляки <...> прислали к нам формальное прошение о вящем и сильнейшем защищении их и отечества их войсками нашими, которое и дает уже нам неоспоримое пред светом право ввести корпус армии нашей в земли республики» ¹²⁴. В тех же выражениях была составлена и российская декларация, объявленная русским посольством в Варшаве 4 мая 1764 г.

Х

К этому времени в польской столице уже собрались сенаторы и послы для участия в конвокационном сейме. «Партия гетмана» и «фамилия» стягивали свои силы к Варшаве. Прибыли 3 тыс. коронного войска и отряды К. Радзивилла. Воевода виленский приказал им стать за городом, а сам «со своими янычарами» расположился во дворце. Готовили войска и Чарторыские, приведшие с собой около 4 тыс. вооруженных людей. Русские войска стояли двумя лагерями на Сольце и в Уяздове. Свою охрану у посольств выставили и иностранные послы, так что город наполнился войсками. Как отмечал Х. Шмит, противники имели примерно равные силы — по 7 тыс. человек ¹²⁵.

После провозглашения российской декларации и накануне начала сейма 25 сенаторов и послы — сторонники Браницкого — собрались на совет, где было решено внести в градские книги манифест об удалении русских войск и предложить «фамилии» совместно добиваться этого. Вести переговоры с Чарторыскими поручено было В. Ржевускому. Сторонники гетмана намеревались также добиваться отсрочки сейма, допущения к участию в нем всех послов, в том числе и избранных в Королевской Пруссии ¹²⁶. 5 мая 1764 г. Я. К. Браницкий встретился с Чарторыскими у А. Огинской — дочери М. Чарторыского. Обстоятельства этого свидания зафиксированы в дневнике В. Лубеньского и депеше А. Ф. Эссена. Речь шла о совместной конфедерации против России. Соглашение не было достигнуто ¹²⁷, так как оно было очевидно неприемлемо для «фамилии».

Подоплека решений, принятых на совещании у Браницкого, и переговоры гетмана коронного с Чарторыскими объяснялась позицией Австрии. В донесении от 14/3 апреля 1764 г. Г. Кейзерлинг сообщал о письме В. Кауница к Ф. Мерси д'Арженто, в котором австрийский канцлер указывал, что Вена не в состоянии в на-

стоящий момент предоставить военную помощь своим сторонникам в Польше, но выражал надежду на такую возможность в будущем, если сейм удастся отложить¹²⁸.

Конвокационный сейм открылся в установленный срок, 7 мая 1764 г. Около 11 часов собралась Сенаторская изба, и сенаторов приветствовал примас. Большинство из прибывших на сейм сенаторов и послов были сторонники «фамилии». Перед гетманской партией теперь открывались только два пути: либо добиваться, чтобы сейм как конвокационный проводился по принципу единогласия, но для этого требовалась фактически организованная конфедерация, хотя бы и без формального ее провозглашения, либо попытаться сорвать сейм. Вторым путем и был избран сторонниками Я. К. Браницкого, которые попытались осуществить замысел, опробованный уже в Грауденце: сорвать конвокационный сейм, а затем выехать из Варшавы для образования конфедерации. С этой целью А. Мокроновский в сопровождении видных сторонников гетмана явился в Посольской избе, чтобы объявить о манифесте с протестом против проведения сейма в присутствии иностранных войск, внесенном в градские книги от имени 22 сенаторов и 46 послов, а маршал последних сеймов Адам Малаховский сложил с себя маршальские полномочия.

Однако, несмотря на различные процедурные нарушения в ходе сейма и протесты принадлежавших к гетманской партии сенаторов и послов, разорвать сейм не удалось. Его работа была продолжена, а маршалом избран глава Генеральной конфедерации Август Чарторыский.

В историографии имеются существенные расхождения в определении числа сенаторов и послов на конвокационном сейме 1764 г. По данным Х. Шмита, всего с сейма ушли 27 из 61 сенатора и 60 из 191 посла, прибывших в Варшаву к открытию сейма¹²⁹. Т. Корзён, ссылаясь на К. Ш. Рюльера, писал, что из общего числа 136 сенаторов и 300 послов на сейме присутствовало только 7 сенаторов из 136 и 80 послов из 300¹³⁰. Это указывает на отражение в источниках политической борьбы по вопросу о представительности и законности сейма, что в свою очередь и привело к расхождению данных в историографии. Учитывая тенденциозность книги Рюльера как источника, можно предположить, что сведения Х. Шмита больше соответствуют действительности.

Когда попытки сорвать сейм оказались безуспешными, В. Ржевуский и К. Радзивилл предлагали немедленно образовать конфедерацию. Но Я. К. Браницкий предпочел вместе с верными войсками выступить из Варшавы. Вечером 8 мая гетман и его сторонники оставили столицу, при этом им никто не препятствовал. Я. К. Браницкий остановился лагерем в местечке Пясечно. Туда к нему приехал Ф. Мерси д'Арженто. Вероятно, беседа гетмана с австрийским послом показала бесперспективность сопротивления. Сторонники покидали Браницкого. Ф. С. Потоцкий искал удобного случая, чтобы договориться с Чарторыскими, К. Радзивилл со своими войсками ушел в Литву. Но по пятам отрядов оппозиции шли русские войска вместе со своими польскими союзниками. Гетман вновь отступил и перешел в местечко Козеницы, куда к нему приехали Ф. С. Потоцкий и К. Солтык. Три дня они обсуждали план конфедерации. К. Солтык утверждал, что собственных сил для конфедерации нет, но есть еще надежда получить помощь из-за границы.

В это время «русская партия» приняла меры для изоляции сторонников гетмана. Сначала к нему были посланы двое сенаторов с предостережением не противопоставлять себя республике, что недвусмысленно указывало на возможность суда конфедера-

ции, а затем А. Чарторыский, назначенный сеймом коронным региментарием, издал 13 мая универсал о переходе под его команду коронных войск. Тогда Я. К. Браницкий направился к Самбору, где простоял до конца мая. 26/15 мая Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что гетман с войсками находится в Русском воеводстве недалеко от своего имения Кросно, а преследующий его Дашков расположился в местечке Солецце. По словам посла, Я. К. Браницкий теперь «иных видов, кажется, внутри Польши иметь не может, как чтобы усилиться в воеводствах Волынском, Подольском и Русском, а Киевское по соседству с нами тронуть не посмеет. Для трех первых нужно, чтоб требуемый из Киева на Подол корпус немедленно выступил, чтоб сеймики *de relation* не были окровавлены и чтоб наша партия поверхность имела»¹³¹. Следует отметить, что отряд М. И. Дашкова, преследовавший Я. К. Браницкого, не превышал 3,5 тыс. чел. (Х. Шмит писал о 15 тыс.)¹³². Поэтому, когда войска гетмана заняли Самбор на венгерской границе, Дашков не решился штурмовать крепость и вынужден был отступить. Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин, осуществлявшие руководство войсками, должны были считаться и с отрядом польских войск во главе с крайчим коронным А. Малаховским, находившимся в Новом Мясте, между Сандомиром и Краковом, и намеревавшимся идти на помощь Браницкому. Против них также были направлены русские войска¹³³.

Так что говорить о превосходстве русских сил в Малой Польше и в Польской Руси не приходилось, что и заставило Н. В. Репнина просить о введении корпуса Х. Штофельна на Волынь и в Подолию. О получении соответствующего приказа Военная коллегия рапортовала 22/11 июня 1764 г. И в тот же день Кейзерлингу и Репнину был отправлен рескрипт о вступлении корпуса Х. Штофельна численностью 7–9 тыс. чел. в Польшу и о его движении к Львову¹³⁴. После того как Я. К. Браницкому была отрезана дорога к Кракову, а затем и в Подолию, в Кросно состоялся военный совет. Обсуждался план сражения, чтобы в случае успеха идти на Львов, но было решено распустить полки, а гетману со своими сторонниками уйти в Венгрию.

После поражения Браницкого главным противником России в Польше стал К. Радзивилл, который первоначально намеревался отступить в Литву, но под Слонимом был разбит, после чего русские войска были расквартированы в его владениях¹³⁵. Тогда воевода виленский двинулся в Подолию. Дашков настиг его у Олица. Город имел регулярные укрепления: каменные стены и двойной ров. Однако и здесь Радзивилл потерпел поражение. В плен были взяты 100 человек пехоты и 7 офицеров. На рапорте М. И. Дашкова о победе Н. И. Панин написал: «Итак, сия страатажема сделана, и город взят двумястами казаками». Виленский воевода пытался закрепиться в Дубно, но туда его не пустили, а русские войска продолжили преследование¹³⁶. Наконец, 23/12 июля 1764 г. Репнин сообщил в Петербург, что К. Радзивилл переправился через Днестр у местечка Могиллов, а его пехота сдалась в плен Дашкову в деревне Гавриловке¹³⁷.

Но помимо преследования Я. К. Браницкого и К. Радзивилла русским войскам предстояли и другие заботы. 30/19 июля 1764 г. Н. В. Репнин сообщил об образовании в Галиче конфедерации против конвокационного сейма, для подавления которой был отправлен отряд Дашкова. Репнин поручал ему действовать в согласии с галицким старостой Ф. К. Браницким¹³⁸. Организаторами конфедерации стали молодые Потоцкие: Мариан, сын грабовского старосты, Петр, шлятыньский староста, братья Антони, блоньский староста, и Петр (сыновья Михала Потоцкого — волынского

воеводы). Опираясь на свою милицию, они захватили Галич и не позволили проводить реляционный сеймик. Сторонники «фамилии» выступили с протестом против нарушения публичного покоя¹³⁹. Конфедерация Потоцких была разгромлена в самом начале, а ее организаторов Репнин приказал держать в плену до особого распоряжения¹⁴⁰. 15/4 августа он сообщал в Петербург, что конфедераты были окружены в селе Станиславове, их общее число составило до 600 человек¹⁴¹.

Тогда же В. Ржевуский как польный гетман разослал коронным войскам приказ о принятии на себя командования в отсутствие гетмана Браницкого, вопреки решениям сейма, образовавшего военную комиссию и назначившего региментарием коронным А. Чарторыского. Репнин приказал Х. Штофельну «предупредить воеводу краковского» (В. Ржевуского), а в случае сопротивления «занять его деревни»¹⁴².

Решению сейма отказался подчиниться гарнизон Каменца-Подольского во главе с комендантом Я. Витте. Попытка М. И. Дашкова склонить его к повиновению окончилась неудачей¹⁴³. В семи милях от Каменца волынская дивизия под командованием сторонника Браницкого региментария Малиновского также не признала назначения А. Чарторыского коронным региментарием. Дашков двинулся против нее скрытым маршем, и в деревне Увисле дивизия, состоявшая из 21 хоругви, была окружена и «приведена к повиновению»¹⁴⁴. Эти события сопровождались слухами о намерении находящихся возле Сокола Ф. С. Потоцкого и В. Ржевуского образовать конфедерацию¹⁴⁵.

Сообщая в Петербург о событиях в Галиче, Н. В. Репнин связывал их с интригами Чарторыских, что якобы русский воевода сам мечтает о польской короне, а Адам Чарторыский, генерал земель подольских, не отправил в Галич денег, выданных ему Г. Кейзерлингом¹⁴⁶. Однако такие объяснения больше походили на попытку оправдаться, чем на определение действительных причин. Подолия, Волынь и Русское воеводство всегда были областями исключительного влияния Потоцких, а мелкая шляхта Малой Польши — опорой «гетманской партии», именно там были особенно сильны антироссийские настроения. Проведение сеймиков 1764, 1766, 1767 гг. и история Барской конфедерации свидетельствуют, что именно в Малой Польше и на Руси противники России и «фамилии» имели наиболее прочные позиции. Здесь пролегла граница с Венгрией и Портой, от которых гетманская партия ожидала поддержки. Особую роль играли Краков — столица Пястов и Малой Польши, место коронации и упокоения польских королей, и Львов — резиденция архиепископа, второго лица в польской церкви после примаса — архиепископа гнезненского. К тому же именно в Малой Польше и на Волыни в наибольшей степени были отмечены попытки сопротивления коронных войск решениям конвокационного сейма.

Таким образом, попытки Я. К. Браницкого, К. Радзивилла, В. Ржевуского, который был не только польным гетманом, но и воеводой краковским, а также «малого короля Руси» Ф. С. Потоцкого собрать здесь свои силы выглядят вполне разумными. Нельзя утверждать, что их действия были скоординированы, но вместе с тем в них определенно видны черты плана, обсуждавшегося в лагере коронного гетмана в Пясечно и Козеницах.

Однако уже в июне 1764 г. стало ясно, что организовать сопротивление гетманская оппозиция не в состоянии. Об этом на совете у Браницкого говорил К. Солтык, правда, еще выражая надежду на иностранную помощь. В начале августа Репнин доносил в Петербург, что ему стало известно о встрече во Львове А. Красиньского,

которого посол называет «самым затверделым противником», с архиепископом львовским В. Сераковским, на которой Красинский говорил, что «гетманская партия» не надеется больше ни на внутреннюю поддержку, ни на иностранную помощь, и что он не видит иного выхода, как присоединиться к победителям. Репнин также писал, что многие из сторонников гетмана недовольны Потоцкими, организовавшими конфедерацию в Галиче, «опасаясь, чтобы тем более нашу партию не раздражить, видя уже довольно, что поверхность над нею взять не могут»¹⁴⁷.

Отсутствие организованного и достаточно сильного противодействия усилиям России и «фамилии» во время конвокационного сейма в Польше подтверждается и донесениями русских послов. 15/4 мая 1764 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что для подавления «гетманской партии» достаточно будет 9 тыс. чел., в число которых включены и подкрепления, вышедшие из Киева. Так как, по словам посла, Я. К. Браницкий, С. Любомирский и Ф. С. Потоцкий имеют там «свои лучшие деревни и могут наборы рекрутские делать». В Литве достаточно 6 тыс. войска под командованием И. Ренненкампа, а возле Варшавы должны действовать отряды Н. Хомутова и М. Дашкова в соединении с 3 тыс. авангарда армии М. Н. Волконского. Итого: 8 тыс. чел. Всего же, по расчетам Репнина, летом 1764 г. в Польше должно быть 23 тыс. чел. русских войск. Прочие войска, а главное, смоленский корпус, должны оставаться в местах дислокации на русской территории и быть готовыми к выступлению на случай иностранного вмешательства. При этом посол полагал, что даже если иностранные войска и окажут поддержку гетманской оппозиции, то имеющихся сил на первое время будет вполне достаточно, с учетом обязательств Фридриха II¹⁴⁸. С мнением Репнина был согласен и Г. Кейзерлинг, утверждая, что «ситуация в Польше сложилась иначе, чем предполагалось ранее. Она такова, что для достижения наших целей не требуется такой сильной и многочисленной армии, как корпус Волконского»¹⁴⁹. Основания для такого вывода посол усматривал в решениях конвокационного сейма.

XI

После избрания маршала сейма и ухода из Варшавы со своими сторонниками Я. К. Браницкого «фамилия» твердо взяла в свои руки руководство сеймом, который проводился при конфедерации, что означало принятие решений большинством голосов.

Сейм поручил воеводе русскому А. Чарторыскому обеспечение общественной безопасности и руководство всеми войсками в качестве генерального региментария коронного. «Сие приключение, — писал Н. В. Репнин, — конечно в великую нам пользу». Своей власти лишился и коронный маршал Ф. Белиньский, который в знак протеста отказался охранять сейм, за что у него отобрали командование его хоругвью. 23 мая сейм признал императорский и королевский титулы государей России и Пруссии. По поводу выборов короля было постановлено: избрать королем поляка, провести элекционный сейм 27 августа и избрать комиссию для составления пактов-конвентов. Реляционные сеймики были назначены на 23 июля. По курляндскому делу сейм аннулировал инвеституру королевича Карла, признал права Э. И. Бирона и его наследников и пригласил курляндского герцога прибыть к новому польскому королю для присяги и принятия лена. Сейм завершился образованием Генеральной коронной конфедерации, маршалом которой стал Август Чарторыский. Сообщая о принятии Акта конфедерации, Н. В. Репнин особенно отметил выраженную в нем

от имени Речи Посполитой благодарность Екатерине II за поддержку республики и назначение послом конфедерации в России Ф. Ржевуского¹⁵⁰.

Другие решения сейма будут изложены ниже в связи с рассмотрением отношения России к реформаторской программе Чарторыхских. Сейчас же важно отметить, что работа сейма и принципиальные вопросы, связанные с королевскими выборами, решались в полном соответствии с программой, разработанной еще накануне сейма «фамилией» и согласованной с русским посольством. Содержание этого плана сообщил в Рим нунций А. Е. Висконти 23 мая 1764 г.¹⁵¹ О запланированной конфедерации при окончании сейма писал в Петербург 27/16 мая и Г. Кейзерлинг. Он намеревался добиваться, чтобы от имени конфедерации в Петербург был отправлен представитель, как это уже было сделано от литовской конфедерации, с тем чтобы русские войска «были признаны на нынешнем сейме как приглашенные народом и дабы таким образом было бы опровергнуто распространяемое в мире безобразное представление о вступлении наших войск. В действительности, — писал посол, — нет ни крупинки правды в известиях о насилиях и ниспровержении законов и свобод, что признает и сама республика. Она усматривает условие сохранения своих прав, свобод и безопасности в содействии и помощи России, без которых законность и свободы шляхты были бы угнетены»¹⁵². Аналогичная мысль: представить вступление русских войск в Польшу как результат суверенного волеизъявления всей Речи Посполитой, встречается и у Н. И. Панина в его замечании на депешу Н. В. Репнина от 30/19 июля 1764 г. Говоря о предложении выступить от имени России с декларацией по поводу действий Радзивилла и с угрозами по его адресу, Н. И. Панин указывал: «Мысль изрядна сама по себе, только в аппликации к настоящему казусу более военна, нежели политична. Ибо определением непосредственного себе неприятия Радзивилла Россия определит и свою собственную войну в междоусобной только войне. Следовательно, истребление того неприятеля может ей остаться на счет других ее видов вперед, а между тем подаст повод своим неприятелям вновь турок встревожить, яко таким делом, которое взяло образ открытой войны. Напротиву же сего, когда мы признанными республикою ее помощниками и покровителями действуем, то все наши дела обращаются ей одной в одолжение, а нам остается справедливость требовать от нее: всяких знаков признания в будущих распоряжениях границ и беглых»¹⁵³. Таким образом, в депеше Г. Кейзерлинга и в примечании Н. И. Панина русское военное вмешательство представлялось как результат воли самой Речи Посполитой, что явно преследовало две цели: во-первых, не дать повода для аналогичных мер со стороны Австрии, Франции и Турции, а во-вторых, использовать такую ситуацию для предъявления впоследствии к Польше политических требований якобы в качестве платы за услугу.

XII

Вступление русских войск в Польшу, образование Генеральной литовской конфедерации и открытие конвокационного сейма озаменовали собой последнюю возможность для вмешательства Австрии и Франции в польские дела с целью противодействия планам России. В донесениях И. М. Лобковича В. Кауницу из Петербурга в апреле — мае 1764 г. содержались вполне достоверные сведения о намерениях русского двора в Польше, о заключении русско-прусского союза и секретной

конвенции, предусматривавшей вооруженное вмешательство России и Пруссии (депеша от 22/11 мая 1764 г.)¹⁵⁴.

27 апреля в Вене были получены депеша от Ф. Мерси д'Арженто из Варшавы о заявлении Г. Кейзерлинга и Н. В. Репнина по поводу вступления в Польшу русских войск. На следующий день при дворе собралась конференция для обсуждения польских дел, о содержании которой Д. М. Голицын не смог ничего узнать¹⁵⁵. На ней в присутствии Марии Терезии и эрцгерцога Иосифа с докладом выступил В. Кауниц, и было единодушно констатировано, что Екатерина II намерена возвести на польский престол С. Понятовского и что это обстоятельство, неприятное для Австрии само по себе, также чревато проведением преобразований в Речи Посполитой. Вместе с тем говорилось на конференции, существует опасность территориального расширения России и Пруссии за счет Польши, что возрастание прусского могущества — это наибольшее из зол. И все же В. Кауниц не допускал и мысли о войне с Польшей или с Пруссией, считая таковую в настоящий момент невозможной. Но он не призывал и складывать руки, что было бы, по его мнению, недостойно великой державы и добавило бы только смелости противникам Австрии.

Особый интерес В. Кауница вызывала направленность русско-прусского союза и степень сближения Петербурга и Берлина, что, по словам австрийского канцлера, еще недостаточно выяснено. При этом он верно предполагал, что Пруссия предоставляет России свободу действий в Польше и выступит только в случае вмешательства Австрии. Поэтому прежде чем решиться на такой шаг, необходимо объяснить с Пруссией, проведя переговоры с Фридрихом II. Во всяком случае, говорил канцлер, Австрия будет внимательно наблюдать за развитием ситуации в Польше и не намерена сохранять мир любой ценой¹⁵⁶.

Однако где был предел, до которого Австрия готова была бы платить за сохранение мира? 19/8 мая в Вене получили известия из Варшавы об открытии сейма, о протестах Я. К. Браницкого, К. Радзивилла, К. Солтыка и еще 40 послов против проведения сейма в присутствии русских войск, об отъезде гетмана из столицы и что, несмотря на это, сейм был продолжен. И тем не менее, как сообщал Д. М. Голицын, никакой реакции венского двора не последовало¹⁵⁷. Через неделю он писал в Петербург об отношении Австрии к заключению русско-прусского союза: «Сие для него (двора. — Б. Н.) неприятное происшествие привело его в немалое смущение, которое и по одним наружным моим примечаниям несколько оказывается»¹⁵⁸.

9 июня / 29 мая Голицын писал в Петербург о прибытии в Вену прусского посла Я. Ф. Рода и о представлении ими русско-прусского трактата В. Кауницу, сделанное обоими послами в один день накануне — сначала Родом, а потом Голицыным. Описывая свой визит, русский посол отмечал, что показал канцлеру секретную статью, касающуюся Польши, о которой никто из других дворов не был проинформирован, и что Кауниц принял сообщение его «со спокойным духом». На что Н. И. Панин заметил: «Он уже через своего отсюда министра, которому дан был трактат к прочтению, прежде был уведомлен, следовательно, и мог приготовиться к спокойному духу»¹⁵⁹.

Таким образом, несмотря на все неблагоприятные для Австрии события в Польше и подтверждение худших опасений Вены относительно русско-прусского союза, В. Кауниц не обнаружил намерения предпринять какие-либо решительные шаги, помимо дипломатических интриг, ради поддержки «гетманской партии». Возвращаясь к его рассуждениям на конференции 28 апреля, можно заключить, что они

отразили нежелание Австрии вмешиваться в события в Польше и фактически ее согласие, хотя и вынужденное, на избрание королем С. Понятовского, когда канцлер назвал это «выигранной партией» для Петербурга и Берлина.

Примечательно, что наибольшие опасения Вены вызывала не столько политика России, сколько возможное усиление Пруссии. Взаимная враждебность обоих государств поставила их в положение, когда и Пруссия, и Австрия оказались заинтересованы в предоставлении России свободы рук в Польше, чтобы избежать нового столкновения друг с другом. Эта взаимосвязь осознавалась, по-видимому, и в Берлине, и в Вене, в чем и коренилась идея Кауница о консультациях с Пруссией в случае угрозы нежелательного как для Габсбургов, так и для Фридриха II военного вмешательства в события в Польше. Примечательно, что эта мысль австрийского канцлера в 1764 г. предвосхитила свидания Фридриха II и Иосифа II в Нейсе и Нейштадте в 1769 г.

Важно также, что ни В. Кауниц, ни другие министры, говоря о недопустимости войны для Австрии, не ссылались при этом на военную слабость монархии из-за последствий Семилетней войны — для Австрии, в отличие от Франции, этот аргумент не имел столь большого значения. И, наконец, следует отметить, что на конференции вопрос о позиции Франции был по сути дела обойден молчанием. В конце апреля 1764 г. в Вене уже точно знали, что ни на какие совместные действия в польском вопросе Людовик XV не решится.

В это время французский посол в Варшаве М. А. Пальми убеждал Версаль, что слабая поддержка, оказываемая сторонникам Франции, унижает ее достоинство, вызывает недовольство в Польше. Посол таким образом стремился подтолкнуть свой двор к более решительным шагам, однако в ответ получил королевский указ о своем отзыве.

Обстоятельства отозвания М. А. Пальми С. М. Соловьев описал на основе донесения в Петербург русского посла во Франции Д. А. Голицына. По его словам, перед отъездом французский посол должен был объявить, что присутствие в Польше иностранных войск заставляет Людовика XV отозвать его до восстановления спокойствия республики. Далее в депеше от 24/13 мая Д. А. Голицын писал, что «король и Шуазели (Э. Ф. Шуазель и С. Г. Шуазель-Прален. — Б. Н.) никак не намерены мешаться в польские дела, что на этих днях вновь объявлено австрийскому послу, особенно не имея надежды на успех, по невозможности употребить много денег или послать войско»¹⁶⁰.

По иному описывает события, предшествовавшие отъезду французского посла из Варшавы, Х. Шмит. Он не дает ссылки на источники, но, судя по хронологическим неточностям его рассказа, основой для него послужили материалы польского происхождения, более поздние по отношению к описываемым событиям. Х. Шмит писал, что Пальми, будучи приятелем Радзивилла, хотел защитить гетманов от нападков «фамилии» и в конце конвокационного сейма предлагал А. Чарторыскому не отдавать их под суд конфедерации, обещая взамен не возражать против кандидата, предложенного «фамилией». Обрадованный А. Чарторыский предал это гласности. Австрийский посол Ф. Мерси д'Арженто заявил, что он не уполномочивал Пальми на такой шаг и сожалеет о случившемся. Тогда Версаль вынужден был отозвать Пальми и не направлять больше посла в Польшу. На прощальной аудиенции у примаса Пальми заявил, что элекция в присутствии иностранных войск никем в Европе не может быть признана законной. На что В. Лубеньский отвечал, что не дело посла вмешиваться в компетенцию Речи Посполитой. Оскорбленное поведением примаса, французское правительство разорвало отношения с Польшей и ото-

звало из Варшавы и резидента П. М. Хенена, что послужило поводом для отъезда австрийского и испанского послов¹⁶¹.

Ш. Ашкенази излагает свою версию отъезда Пальми на основе дневников В. Лубеньского* (запись 7—8 июня) и депеши А. Ф. Эссена от 8 июня и приложенных к ней донесений Хенена и Пальми. Из них следовало, что в мае 1764 г. к открытию конвокационного сейма была приурочена публикация анонимной статьи, составленной на основе депеши А. М. Обрескова из Константинополя от 21/10 апреля¹⁶², в которой говорилось об интригах полковника Станкевича при Порте, что тот «забыв честность и должность звания его не по повелению начальства, но по пристрастию или какой подлой корысти в угодность французам оные предложения сделал» (о вмешательстве Турции в дела Польши). По словам Ашкенази, эта статья компрометировала французского посла, и Пальми обратился к примасу с просьбой опубликовать опровержение, но получил отказ. В дальнейшем положение посла стало нестерпимым. Он даже запросил Версаль об отозвании, чем вызвал недовольство своего двора. 7 июня Пальми в сопровождении Хенена прибыл к В. Лубеньскому с заявлением, что присутствие иностранных войск и раскол республики могут вынудить его в скором времени удалиться. Выслушав такую речь, примас пришел в возбуждение и, хотя Пальми не говорил об отозвании, ответил ему громким голосом, что больше не рассматривает его как посла, и приказал не оказывать ему воинских почестей¹⁶³.

Конфликт посла с примасом, по мнению Ш. Ашкенази, и стал причиной отозвания Пальми и разрыва отношений между Варшавой и Версалем. Это мнение получило распространение в польской и французской историографии. Оценка июньского столкновения М. А. Пальми и В. Лубеньского С. М. Соловьевым представляет собой единственное, но авторитетное суждение русской историографии, за исключением книги П. П. Черкасова, содержащей эклектическое объединение обеих точек зрения¹⁶⁴. Заслуживает внимания и изложение событий, приведенное Х. Шмитом, хотя оно и не получило из-за очевидных неточностей распространения в последующей литературе.

Важную роль в анализе названных событий играет секретная и официальная корреспонденция Людовика XV. Еще 13 мая, прежде чем в Версале стало известно о публикации в Варшаве донесения А. М. Обрескова, в официальной депеше П. М. Хенену С. Г. Шуазель-Прален писал: «Вы хорошо понимаете, и это ему (М. А. Пальми. — *Б. Н.*) говорилось, что в наше намерение не входит ни проявлять недовольство тем, что произошло (вступлением русских войск в Польшу и событиями в начале конвокационного сейма. — *Б. Н.*), ни выражать пренебрежение к польским делам». Прален явно намекал на требование французского посла усилить поддержку «гетманской партии» и продолжал: «Король постоянно настаивает на системе, принятой с самого начала этой интриги. Он остается беспристрастным, высказывая пожелание спокойствия республики и сохранения ее конституции <...> Нужно, чтобы вы направили все ваши заботы и доброе посредничество, дабы успокоить революции, которые начинают вспыхивать таким пагубным образом. Под этим углом зрения вы должны представить отзыв месье Пальми и повеления, которые вы уже получили в Варшаве». Главное среди инструкций Хенену было «любой ценой» помешать «патриотической партии противопоставить свой выбор выбору Понятовского». «Потому что, к несчастью Польши, — заканчивал свою мысль Прален, — определенно при-

* Дневники примаса В. Лубеньского были утрачены во время Второй мировой войны.

шлось бы рано или поздно капитулировать перед Чарторьскими, и тогда ничего не останется делать, как вновь искать урегулирования, но уже гораздо более сложного»¹⁶⁵.

Таким образом, вопрос об отзыве Пальми был решен независимо от публикации в Варшаве донесений Обрескова. Главной причиной такого шага французского двора стало нежелание организовывать конфедерацию против русского влияния в Польше и стремление избежать избрания королем Польши «своего кандидата», что недвусмысленно прозвучало в инструкциях Хенену. Оставалось только ждать удобного повода для разрыва отношений с Варшавой, чтобы избежать неприятного впечатления от пассивности французской дипломатии и изобразить действия Версаля якобы вынужденными, однако принципиальное решение об отзыве Пальми было принято сразу после вступления русских войск в Польшу. Оно вытекало уже из инструкций Хенену от 14 апреля 1764 г.¹⁶⁶, а сформулировано было в начале мая, когда Пальми и был послан соответствующий приказ¹⁶⁷. Наконец, 23 мая Ж. П. Терсье докладывал Людовику XV об отзыве Пальми. В тот же день Прален отправляет послу приказ об отъезде из Варшавы, а Хенену — остаться в Польше¹⁶⁸. Его получение и побудило Пальми отправиться с визитом к примасу.

В тот же день, 7 июня / 27 мая 1764 г., Г. Кейзерлинг сообщил об этом в Петербург. Русский посол писал: «Политическая комедия, разыгранная здесь австрийским и французским послами, завершилась, как и была начата, необыкновенным образом. Позавчера прибыл французский курьер, а сегодня французский посол Пальми посетил примаса и сообщил, что получил повеление покинуть страну, что его король не признает законность нынешнего сейма, и поэтому он не может дольше оставаться здесь в качестве посла. Это чрезвычайное заявление примас хладнокровно выслушал и ответил Пальми, что если он, посол, не признает нынешнее собрание чинов республики, то не признает и себя, Пальми, в качестве посла. Пальми намеривался продолжить речь, однако примас прервал ее следующими словами: „Прощайте, месье Пальми!“ На что тот в свою очередь ответил: „Прощайте, месье архиепископ!“ Пока посол задумавшись шел к своей карете, примас отдал приказ страже не оказывать Пальми надлежащих послу почестей, что и было исполнено»¹⁶⁹.

В депеше Г. Кейзерлинга изложены те же факты, что и в донесениях Пальми и Эссена. Составлены они были практически одновременно: Кейзерлинг и Пальми писали 7 июня, а Эссен — 8 июня. Поэтому русский посол едва ли успел ознакомиться с материалами перлюстрации. Однако он подчеркивал спокойный тон В. Лубеньского, а послы Франции и Саксонии — его якобы необоснованное возбуждение. Такое противоречие явно указывает на желание дать разную интерпретацию поведения примаса и возложить, со стороны Франции, ответственность за конфликт на архиепископа гнезненского.

Однако провокационным было прежде всего поведение самого Пальми. Как французский посол, он был аккредитован «при примасе и республике», поэтому его заявление о незаконности сейма означало недействительность его собственной аккредитации. Оно могло бы иметь законное основание только в случае разрыва сейма или образования конфедерации, выступившей против его решений, чего французская дипломатия явно не желала, а сам Пальми делал вид, что добивался всеми силами. Поэтому его демарш нельзя было рассматривать иначе как грубое вмешательство во внутренние дела Польши, направленное, по сути дела, на разрыв отношений, как это и расценил В. Лубеньский.

В Версале постарались представить инцидент между примасом и французским послом в ином свете и одновременно заявить русскому правительству, что во Франции ни в коем случае не желают, чтобы он повредил отношениям с Петербургом. Д. А. Голицын доносил Екатерине II 30/19 июня 1764 г., что, не получив инструкций от своего двора, он не намеревался вмешиваться в конфликт между Версалем и Варшавой, однако, по словам посла, С. Г. Шуазель-Парлен «сам мне не министерiallyм, но дружеским образом подробно все об оном сообщил <...> доказал мне, дав прочесть копию с помянутого королевского приказа, из которого действительно <...> отнюдь не можно заключить, чтоб здешний двор не хотел сейм за республику признать, а предписано только послу объявить, что, понеже республика ныне в беспокойстве и находятся в ней чужестранные войска, король почитает за нужно его (М. А. Пальми. — *Б. Н.*) отозвать до тех пор, пока тишина тамо не установится». Далее Парлен перешел к самому главному и, как писал Д. А. Голицын, выразил сожаление, «что примас вмешивает в оное дело имя российское, и уверял меня, что он нарочитое старание употреблял отнюдь об России не упоминать и чтоб, одним словом, Ваше имп. в-ство ни малого из того случая не имели к неудовольствию»¹⁷⁰.

В Петербурге конфликт примаса с французским послом и разрыв отношений между двумя странами были восприняты с явным удовольствием. На депеше Кейзерлинга Н. И. Панин написал: «Соображая время и пристрастие, с которыми Пальми и Мерсий (Ф. Мерси д'Арженто. — *Б. Н.*) описывали происходимые беспокойства при начатии сейма <...> и при том ту надежду, которую от себя ласкали, видеть наконец успех из продолжаемых интриг при Оттоманской Порте, можно было ожидать подобного поступка от тех дворов <...> Теперь сию их скоропостижность можно поставить новою выгодою <...>, ибо они себя тем больше обязали в рассуждении чести своей, чтоб уже не скоро к польским делам согласоваться и негоциациями в ни шиканировать (*sic!*), чем сея республика наипаче должна будет держаться покровительства Вашего Величества, почему и конечно надобно как наиторжественнее при всех случаях признавать ее власть в настоящем сейме». На этом докладе Панина Екатерина II наложила резолюцию: «Без сомнения»¹⁷¹.

Вместе с тем Н. И. Панин указывал Г. Кейзерлингу, что, по его мнению, де-марш Пальми был согласован с австрийским послом, что теперь Ф. К. Мерси д'Арженто не останется другого выхода, как последовать примеру своего французского коллеги. Он соглашался с Кейзерлингом, что Версаль, подчеркивая незаконность конвокационного сейма, стремился тем самым поставить под сомнения его решения и что в интересах России и Пруссии надлежит торжественно и публично подтвердить признание сейма и поддержку республики. Говоря о поведении примаса на переговорах с Пальми, Панин выразил удивление «слишком далеко доведенной его горячностью», что в будущем сулило определенные затруднения, «хотя, впрочем, — писал руководитель русской внешней политики, — незаметно, чтобы поступок примаса послужил поводом к неудовольствию поляков»¹⁷².

В историографии эпизод с отозванием Пальми нередко связывается с противоречивостью и несогласованностью политики Франции в отношении Польши в правление Людовика XV, когда нередко официальная и секретная дипломатия Версаля имели различную направленность, а французские представители в Польше получали взаимоисключающие инструкции: Пальми действовал в пользу саксон-

ского двора, Хенен представлял интересы принца Конти, генерал Моне вел тайные переговоры с Чарторьскими¹⁷³. Во время конвокационного сейма Пальми получил инструкции вступить в переговоры с Чарторьскими и посоветовать «гетманской партии» примириться с победителями. Об этом Г. А. Штаремберг сообщил в Вену 20 и 23 мая. По его словам, М. А. Пальми и П. М. Хенен вели тайные переговоры с С. Понятовским, что при определенных условиях Версаль готов признать его в случае избрания королем¹⁷⁴. Эти известия подтверждают сведения Х. Шмита о контактах французских представителей с «фамилией». По его словам, М. А. Пальми предлагал Августу Чарторьскому не отдавать гетманов под суд конфедерации и обещал от имени своего и венского двора не возражать против кандидата, предложенного «фамилией».

Учитывая инструкции, данные Хенену 13 мая, и принятые Веной 28 апреля решения, можно заключить, что Австрия и Франция смирились с исходом будущих королевских выборов, более того, он был для них вполне приемлем, ибо позволял избежать нежелательной войны и опасного усиления Пруссии. Поэтому торг, затеянный французскими представителями с Чарторьскими, мог иметь только одну цель: уберечь от полного разгрома «гетманскую партию», продемонстрировать свое влияние в польских делах, чтобы сохранить в Польше своих сторонников, оставить хотя бы призрачные шансы для саксонской династии в будущем вновь претендовать на польский престол, чему должна была послужить идея о предоставлении удела саксонским принцам.

Заявление Ф. Мерси д'Арженто, что он не просил Пальми вести переговоры с Чарторьскими, опровергается депешей Г. Кейзерлинга от 27/16 июня 1764 г., в которой тот сообщал о предложении, сделанном «фамилией» самим австрийским послом, заключить соглашение между Австрией, Россией и Польшей об условиях пребывания в стране русских войск, дабы гарантировать целостность республики, незыблемость ее конституции, прав и привилегий польской шляхты. Такая инициатива Вены не только вполне согласовывалась с действиями Пальми, но и позволяла бы в случае ее реализации сделать шаг к восстановлению прежнего австро-пруско-российского протектората над Польшей, который в нынешних условиях был полностью утрачен. По поводу этих предложений Н. И. Панин сделал для Екатерины II примечание к депеше Г. Кейзерлинга, в котором говорилось «о рабочих пропозициях, кои Мерсий учинил Чарторьской фамилии». Панин отмечал, что «с одной стороны, такая перемена: вдруг из сопротивления в искания у партикулярных людей, конечно, не много делает чести, с другой же, сим униженным поступком хочет прицепиться к тамошним делам и достать своему двору, хотя внешний вид участия в операциях войск вашего в-ства, дабы после иметь приступ у нас завести на первый случай какие ни есть негоциации, средством бы которых можно было впредь добираться до главного предмета своей политики»¹⁷⁵. Эту мысль Н. И. Панин повторил в письме к Г. Кейзерлингу от 13/2 августа 1764 г., призвав своих сторонников в Польше быть более решительными в «объяснениях с другими», когда «дело идет о здешней протекции»¹⁷⁶.

Отозвание М. А. Пальми не было спровоцировано ни поведением В. Лубеньского, ни якобы компрометирующими посла публикацией донесения А. М. Обрескова или заявлением А. Чарторьского. Нельзя объяснить его также и несогласованностью официальной и секретной дипломатии Людовика XV, который вполне последовательно придерживался избранного курса невмешательства и согласия на установ-

ление российской гегемонии в Польше. При этом через своих представителей Версаль подталкивал противников «фамилии» и России в Польше к выступлению, заранее и осознанно обрекая их на поражение, ради сохранения видимости французского влияния в Речи Посполитой. Именно это противоречие обусловило неудачу французской дипломатии, использовавшей инцидент с М. А. Пальми как удобный повод для разрыва отношений с Польшей. После отъезда французского посла был переведен в Вену и П. М. Хенен, отозваны и другие представители Версаля в Польше.

В аналогичном положении оказалась и дипломатия Австрии. Вена также была вынуждена разорвать отношения с Варшавой. О вероятности такого развития событий писал в Петербург Г. Кейзерлинг еще в день аудиенции М. А. Пальми у В. Лубенского¹⁷⁷. 25/14 июля 1764 г. Н. В. Репнин сообщил, что утром этого дня Ф. Мерси д'Арженто и австрийский резидент Г. Свиттен уехали из Варшавы. По словам русского посла, ходят слухи, что они держат свой путь в Венгрию, где намереваются встретиться с Я. К. Браницким¹⁷⁸.

В начале августа 1764 г. вслед за французским и австрийским министрами Варшаву покинул и испанский посол¹⁷⁹. Перед своим отъездом Пальми и Мерси стремились добиться отъезда из Варшавы и папского нунция А. Е. Висконти, но, как стало известно в русском посольстве, тот получил инструкции из Рима оставаться в Варшаве и признать от имени папы нового короля, если не будет двойных выборов, а в последнем случае — не признавать никого и покинуть Польшу¹⁸⁰. Этим Святой престол ясно давал понять, что не собирается вмешиваться в польские дела из-за королевских выборов. Как свидетельствует переписка Висконти с Римом 1762–1764 гг., римская курия и нунций были весьма озабочены возрастанием русского влияния в Польше и ослаблением позиций католических держав. Но главным поводом для этого было не изменение расстановки сил между великими державами, а статус католической церкви и влияние Святого престола в Польше, чему, очевидно, угрожали планы Екатерины II в диссидентском вопросе. Поэтому на разрыв дипломатических отношений с Варшавой в Риме могли решиться только в крайнем случае.

Приехав в Венгрию, Я. К. Браницкий попытался еще раз добиться иностранной поддержки для своей «партии». С этой целью он отправил А. Мокроновского в Дрезден. В столице Саксонии тот встретился с Г. Подоским, референдарием коронным. Сразу был собран тайный совет, на котором наряду с ними присутствовали принцы Ксаверий и Карл, М. А. Пальми, саксонские министры. Ксаверий и Карл говорили о намерении поехать в Берлин, а Пальми считал, что лучше отправить кого-либо в Вену, чтобы похлопотать о помощи. Я. К. Браницкий послал в Австрию каноника Ботаньского, а А. Мокроновского — в Пруссию. В Берлине тот вел переговоры с К. В. Финкенштейном и представил Фридриху II мемориал от имени Я. К. Браницкого. В нем коронный гетман предлагал прусскому королю от имени «своей партии» выступить гарантом свободы, территориальной целостности, прав и привилегий Речи Посполитой, а также просил его содействовать примирению партий в Польше. На что Фридрих II 26 июля ответил согласием, подчеркнув, что будет действовать в этом направлении совместно с русским двором¹⁸¹. В этих переговорах очевидно проявилось, что после поражения противников Чарторыхских сторонники гетмана стремились только уберечь себя от полного разгрома и выговорить более приемлемые условия «примирения» с «фамилией», сохранить хотя бы остатки прежней системы протектората и противопоставить политической гегемонии России в Польше влияние дру-

гих иностранных держав, прежде всего Австрии и Пруссии. Надежды на Францию, видимо, были утрачены почти полностью, хотя Ш. Г. Вержен и продолжал интриговать в Константинополе.

О намерении оппозиции примириться с «фамилией» писал из Варшавы и Н. В. Репнин, сообщая, что А. Красиньский, которого посол называл одним «из самых затверделых противников», считает необходимым присоединиться к «русской партии», так как больше нет надежды на иностранную помощь. Репнин писал далее, что оппозиция недовольна попыткой Потоцких организовать конфедерацию в Галиче, «опасаясь, чтобы тем более нашу партию не раздражить, видя уже довольно, что поверхность над нею взять не могут»¹⁸².

XIII

После окончания конвокационного сейма и образования Генеральной конфедерации первоочередным вопросом стало присоединение к ней сеймиков. Несмотря на поражение оппозиции и отсутствие иностранного противодействия планам России, в Петербурге опасались новых затруднений, хотя и не придавали им решающего значения. 30/19 июля 1764 г. Н. И. Панин в докладе Екатерине II указывал на возможность образования реконфедерации и двойных выборов короля, особенно если оппозиция все же получит деньги от Австрии или Саксонии. Однако, по его мнению, она может использовать такую ситуацию только «чтобы тем сделать себе кондичии выгоднее на сейме пацификации, имев такого у себя фантома, который собою некоторую в думах диверсию содержать будет»¹⁸³.

В этих условиях русское посольство предпринимало все меры, чтобы не допустить возможных конфликтов из-за присутствия в стране русских войск и особенно ни в коем случае не вводить их в места проведения сеймиков. Даже Адам Чарторыйский, отправлявшийся на сеймик в Русское воеводство и получивший от Репнина 150 чел. для охраны, был предупрежден послом, чтобы не появлялся на сеймике с войсками¹⁸⁴.

Элекционные сеймики состоялись в Короне и в Литве 23 июля 1764 г. А уже 25/14 июля Н. В. Репнин сообщил в Петербург об их присоединении к Генеральной коронной и литовской конфедерации. Причем в первую очередь приступили к ней такие важные сеймики, как Сандомирский, Хельмский, Равский и Варшавский¹⁸⁵.

Еще одним немаловажным затруднением стал вопрос о порядке официального провозглашения кандидатуры С. Понятовского. Еще С. М. Соловьев и Х. Шмит отмечали, что литовский стольник не был для «фамилии» желанным кандидатом, что видя на корону имел и Август Чарторыйский и что Чарторыйские согласились на избрание племянника только под давлением Петербурга¹⁸⁶. Принимая во внимание возможность реконфедерации и опасность, что колебания среди «друзей России» грозят смешать все карты, Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин предлагали, не дожидаясь элекционного сейма, официально объявить о поддержке Россией кандидатуры С. Понятовского. Сначала Н. В. Репнин стремился продемонстрировать поддержку литовского стольника, выхлопотав для него высшие ордена России и Пруссии. И Фридрих II в ответ на просьбу посла прислал С. Понятовскому орден Черного Орла. В Петербурге по ходатайству Репнина намеревались наградить стольника орденом Андрея Первозванного. А 13/2 июля 1764 г. Репнин предлагает Панину «прислать грамоту примасу и назвать имя нашего кандидата»¹⁸⁷. В докладе об этом императрице Н. И. Панин пи-

сал, что «лучше доводить до того, чтоб „фамилия“ или друзья нашего кандидата прежде назвали, а мы к тому приступили. Однако сие, — продолжал он, — важной разницы не делает, то можно оставить на избрание на месте, что там выгоднейшим найдено будет». На докладе Екатерина II написала: «Мне кажется, что нам не годится называть кандидата, дабы до конца сказать можно было, что республика только действовала»¹⁸⁸. Тем не менее Г. Кейзерлинг, Н. В. Репнин и Г. Бенуа 7 августа / 27 июля 1764 г. на аудиенции у примаса В. Лубенского, в присутствии магнатов, объявили от имени своих государей о поддержке кандидатуры С. Понятовского — литовского стольника.

27 августа назначен был съезд на сейм элекции. Накануне конвокационного сейма Чарторыские добивались, чтобы избрание короля проводилось только послами. Однако уже в июле—августе 1764 г. ситуация в Польше, с точки зрения «фамилии» и русского посольства, не таила в себе опасности реконфедерации и других протестов против избирательного сейма, поэтому Г. Кейзерлинг и Чарторыские согласились на требование шляхты провести выборы посполитым рушением. После избрания Ю. Сосновского — писаря литовского маршалом и объединения Сената с послами (рыцарским колом) был утвержден порядок проведения сейма, предложенный Радой конфедерации. Перед объявлением пактов конвентов слово было предоставлено послам России и Пруссии. Из-за болезни Г. Кейзерлинга речь его зачитал секретарь посольства барон И. Ф. Аш. Н. В. Репнин решил не брать слово, так как по рангу ему следовало бы выступать после прусского посла, а тот, в свою очередь, не стал выступать вместе с русским секретарем и тоже оказался больным. Поэтому речи русского и прусского министров были зачитаны секретарями.

Выборы короля прошли спокойно и единогласно. Официальное число избирателей составило 5 584 человека, его приводит и Х. Шмит¹⁹⁰. Однако оно подвергается сомнению в литературе. Ш. Ашкенази приводит подсчет шляхты на сейме, сделанный самим С. Понятовским, в итоге которого получилось 26 600 чел.¹⁹¹ К сожалению, в донесениях русских послов сведения об этом отсутствуют.

Надо заметить, что для утвердившейся в Польше в XVIII в. политической традиции число избирателей на сеймиках и сейме принципиального значения не имело и никогда не являлось предметом политической борьбы, а шляхтичи или послы, подписавшие то или иное решение, никогда не подвергались за это политическим обвинениям или тем более преследованиям.

Принципиальное значение имело единогласное решение или же решение, принятое большинством в случае проведения сеймика или сейма при конфедерации. Поэтому начатое еще Рюльером и продолженное в польской историографии XIX в. обсуждение вопроса о представительности сеймов 1764 г. восходит к политической пропаганде Барской конфедерации и было призвано уже в новых исторических условиях XIX в. посредством подобной «историографической» версии поставить под сомнение законность избрания Станислава Августа.

Однако в XVIII в. для этого не было оснований. Процедура избрания на сеймах была соблюдена практически полностью, поэтому подписание Акта элекции ни при каких условиях не могло ее опровергнуть. Разумеется, все участники выборов, «сколько их ни было», понимали, что новый король является ставленником России, избран под неприкрытым военным давлением и не пользуется необходимой популярностью среди шляхты. Об этом позже не раз писал и сам Станислав Август. Поэтому многие из прибывших на сейм шляхтичей не подписали акта элекции,

выразив тем свой бессильный протест против навязанной кандидатуры. Среди подписавших не мало было клиентов «фамилии» или людей, связывавших с Чарторыскими свои политические интересы, продвижение по службе. Однако в большинстве подписавшие акт просто желали оставить свое имя в истории, благодаря участию в элекционном сейме.

Поэтому число избирателей, прибывших на сейм, вероятно, было большим, нежели около 6 тыс. чел., подписавших акт элекции. Завышенными, по понятным причинам, следует считать и результаты подсчета самого Станислава Августа. Однако в целом можно сделать вывод, что собрание шляхты на сейм не было многочисленным. Это связано не только с непопулярностью кандидата, отсутствием на сейме сторонников оппозиции и проведением выборов под давлением русских войск. На наш взгляд, была еще одна, не менее важная причина — это политическая пассивность шляхты и падение авторитета королевской власти в целом, что только усугублялось вышеперечисленными обстоятельствами.

7 сентября 1764 г. было названо имя нового короля, который стал именоваться Станиславом Августом. Сенаторы, послы и шляхта приветствовали его в костеле св. Яна. Там же состоялось и подписание Акта элекции. Коронация была назначена на 25 ноября не в Кракове, а в Варшаве. Коронационный сейм должен был открыться 3 декабря 1764 г. В тот же день Н. В. Репнин с удовлетворением доносил Н. И. Панину: «Выбор королевский наконец благополучно и единогласно сделался»¹⁹².

* * *

Избрание Станислава Августа на польский престол явилось крупной политической победой России, чего не скрывали в Петербурге и, более того, демонстративно подчеркивали свое удовлетворение по этому поводу. Причем для русской политики в Польше исход королевских выборов имел двойное значение. Еще в конце 1763 г. в «Общем наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину» подчеркивалось, что главной целью предпринятых усилий должно стать новое положение России в Европе, позволявшее ей проводить собственную, независимую политику.

Если до начала 40-х гг. XVIII в. для русской внешней политики было преимущественное внимание к задаче сохранения рубежей, достигнутых в ходе Северной войны 1700—1721 гг., а для 1740—1750-х гг. — стремление усилить позиции России в Европе, опираясь на союзы с Англией и Австрией, в которых России отводилась второстепенная роль, и, в конечном счете, как показали итоги Семилетней войны, не оправдавших надежд Петербурга, то начиная с 1760-х гг. правительство Екатерины II берет курс на формирование системы союзов, в которой России принадлежала бы главенствующая роль. Первым и весьма важным шагом на этом пути стало политическое доминирование в Польше, ее международная изоляция и замена многостороннего протектората в отношении Речи Посполитой на исключительно российский. Ситуация вокруг Польши во время бескорольевья 1763—1764 гг. вполне определенно показала, что польская политика России носила отнюдь не региональный характер и вовсе не была призвана служить лишь защите западных рубежей империи, как со времен С. М. Соловьева практически единодушно утверждала российская и советская историография.

Традиционно в историографии успех польской политики Екатерины II и избрание на престол Станислава Августа объясняется, в частности, заключением русско-прусского союза и пассивностью Франции, которая считалась главным противником России. Однако этот тезис нуждается в существенном уточнении. Как источники русского, так французского и австрийского происхождения свидетельствуют, что главная роль в противодействии планам России в Польше принадлежала не Версалию, а Вене, на это недвусмысленно указывали Г. Кейзерлинг и Н. И. Панин. Вместе с тем тезис о военном и финансовом перевесе России над своими соперниками выглядит также отнюдь не бесспорным. Соотношение военных сил великих держав (Австрии, Франции, России и Пруссии) в XVIII в. приведено в *таблице 4*.

Таблица 4. Численность населения и вооруженных сил Австрии, Франции, России и Пруссии в XVIII в. *

Страна	Год	Численность населения (тыс. чел.)	Численность армии (тыс. чел.)	Отношение числа военнослужащих к численности населения	Примечание
Австрия (Австрия, Богемия, Венгрия)	1705	~8000	135	1/59	
	1740	12747	144	1/89	
	1754	13131	157	1/84	
	1762	14007	177	1/79	
	1768	14710	152	1/98	
	1786	20727	222	1/93	
Франция	1710	20000	300	1/67	
	1738	22000	140	1/157	
	1760	24000	280	1/86	
	1762	—	270	1/89	
	1782	—	180	1/133	
	1789	26000	174	1/149	
Россия	1721	15738	200	1/79	
	1744	18291	250	1/73	
	1763	21000—23000	282	1/78	В т. ч. нерегулярные войска
	1767	—	278	1/79	В т. ч. местные войска
	1782	36589	—	—	
	1786	—	275	1/133	
	1795	41175	413 **	1/100	В т. ч. местные войска
Пруссия	1740	2200	80	1/28	
	1760	3600	260	1/14	
	1764	—	107	1/37	
	1786	5700	194	1/29	

Примечания. * Рассчитано нами по данным ¹⁹³.

** По штатному расписанию 1795 г. 502 220 чел., с учетом некомплекта — 413 473 чел.

По численности населения Россия и Пруссия вместе взятые практически не превосходили Францию. В 1760-е гг. Франция насчитывала примерно 24 млн жителей. Столько же было в России и Пруссии. Если принять во внимание 15 млн населения

собственно Австрии, Богемии и Венгрии, даже без учета других владений Габсбургов, то перевес австро-французского потенциала представляется весьма внушительным. Только итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и первого раздела Польши изменили соотношение сил в пользу Петербурга и Берлина, когда в 1780-е гг. Россия и Пруссия вместе насчитывали уже 40–45 млн подданных против 47 млн на стороне Австрии и Франции. Правда, в это время русско-прусского союза больше уже не существовало. Ко времени же польского бескоролья 1763–1764 гг. людской и экономический потенциал Австрии и Франции превосходил потенциал России и Пруссии. Однако естественно возникал вопрос о возможности государств «старого порядка», Бурбонов и Габсбургов, мобилизовать имевшиеся у них ресурсы. В этом отношении они уступали державам Екатерины II и Фридриха II.

Однако и по имевшимся вооруженным силам Версаль и Вена не представлялись слабыми противниками. Вместе они располагали в 1760-е гг. 350-тысячной армией, которую можно было увеличить на 70–100 тыс. человек. Россия и Пруссия имели примерно столько же — 380–390 тыс. чел. Но их мобилизационные возможности были скромнее. В армии Фридриха II один солдат приходился на 30 чел. населения, в России — на 70–80, в то время как в Австрии и Франции — на 80–90 чел. По этому показателю Россия смогла встать вровень с державами Бурбонов и Габсбургов только накануне Великой французской революции. Следует также учитывать, что военные силы России, в отличие от других великих держав, всегда были меньше, нежели их численность по штатному расписанию, а в период активных боевых действий некомплект достигал немалой величины. Так было в Семилетнюю войну, так было и в 1795 г., когда фактическая численность боевых частей достигала едва половины штатного состава армии. Говоря о соотношении сил русско-прусского альянса и его противников, нельзя сбрасывать со счетов и сил, которыми располагала Османская Порта, поскольку вмешательство Турции в конфликт на стороне Австрии и Франции было весьма вероятно.

Таким образом, нет никакого основания утверждать, что Россия и Пруссия обладали военным превосходством над Австрией и Францией, которое позволило бы Петербургу надеяться на победу в случае большой войны, вызванной кризисом в Польше. Это прекрасно понимал Фридрих II, когда предостерегал своих русских союзников.

Пассивность Вены и Версаля нельзя также объяснить и психологическим эффектом от громких побед русской армии в Семилетнюю войну, парализовавшим якобы волю Людовика XV или В. Кауница. Неудовлетворительным объяснением является и весьма популярная в историографии ссылка на финансовые затруднения обеих южных монархий, оказавшихся якобы не в силах потратить деньги на противодействие планам России в Польше, в то время как Петербург не жалел средств на поддержку своих сторонников. Эта версия активно распространялась в Вене и в Версале во время польского бескоролья, впоследствии она попала и в историографию. Однако вопрос о деньгах, столь активно предлагавшийся для обсуждения иностранными дипломатами, находившимися при австрийском и французском дворах, в советах Марии Терезии и Людовика XV не играл существенной роли. Там обсуждались совсем другие проблемы. Да и сопоставление доходов французской и австрийской короны с аналогичными показателями России и Пруссии свидетельствует, что в случае необходимости Вена и Версаль могли бы изыскать нужные средства¹⁹⁴.

Во Франции в 60–70-е гг. XVIII в. население в 24 млн чел. давало королевской казне в год около 570 млн ливров, причем 1/3 этой суммы составляли поступления от заимствований, без учета которых валовой ординарный годовой доход возрос с 300 до 400 млн ливров, а чистый доход казны равнялся примерно 200 млн ливров ежегодно. В Австрии годовые доходы короны в 1763 г. исчислялись 35 млн, в 1769 г. — 42 млн, в 1770 г. — 40 млн, в 1772 г. — 43 млн флоринов и поставлялись в казну 15–18 млн подданных Габсбургов.

Государственные доходы России и Пруссии в 60-е гг. XVIII в. были в 1,5 раза меньше. В 1762 г. русская казна получила 15 млн, а в 1769 г. — 21 млн рублей. В Пруссии в 60-е гг. XVIII в. при 3,6 млн чел. населения государственные доходы составляли 16 млн талеров, из которых 13 млн тратилось на содержание армии, т. е. более 80 % всего бюджета.

Разумеется, следует иметь в виду, что сопоставление объемов бюджетных доходов носит весьма условный характер, так как не учитывает структуры доходов и расходов, уровня цен, а главное, социально-экономических условий производства и распределения валового продукта. Однако такое сравнение все же позволяет, хотя и весьма приблизительно, оценить уровень ресурсов противостоящих друг другу государств и констатировать, что, если в военном отношении в 60-е гг. XVIII в. существовало равновесие между Австрией и Францией, с одной стороны, и Россией и Пруссией — с другой, то с точки зрения финансовых ресурсов Версаль и Вена существенно превосходили своих соперников. Это, в частности, подтверждается и тем, что в годы Семилетней войны и Россия, и Пруссия не могли вести войну без иностранной финансовой помощи.

Вместе с тем динамика бюджетных доходов сравниваемых стран во второй половине XVIII в. обнаруживает, по понятным причинам, ту же тенденцию, что и численность населения и вооруженных сил. Если доходы французской и австрийской короны с 60-х до конца 80-х гг. XVIII в. возросли соответственно в 1,6 и 1,37 раза, то в Пруссии — в 1,7, а в России — в 4 раза.

Поэтому если и можно говорить о военно-политическом преобладании России в Европе, то только не ранее начала 80-х гг. XVIII в., а до этого времени, после окончания Семилетней войны, сохранялось относительное равновесие сил между великими державами: Австрией и Францией, Россией и Пруссией, а также образованными ими коалициями. На эту особенность международных отношений в Европе в 60–70-е гг. XVIII в. указывал еще К. О. Аретин, отметивший, что этот период характеризовался политическим равновесием вследствие упадка французской гегемонии, на место которой в 80-е гг. XVIII в. пришло российское преобладание.

Следовательно, пассивность австрийской и французской политики во время польского бескоролья 1763–1764 гг. не была вынужденной перед лицом военной и экономической мощи Петербурга и Берлина. Вена и Версаль сознательно и вполне добровольно устранились от польских дел, поскольку не усматривали для себя непосредственной опасности в русской экспансии. Недопустимым для них было только усиление Пруссии. И с этой точки зрения политика Австрии и Франции ничем не отличалась от политики Фридриха II. Предоставляя России свободу рук в Польше и соглашаясь на международную изоляцию Речи Посполитой, Людовик XV, В. Кауниц и Фридрих II за счет Польши стремились сохранить достигнутое после Семилетней войны политическое урегулирование и не допустить новой войны в Европе.

Выгодное для России разрешение польского кризиса и избрание польским королем при поддержке Пруссии и молчаливом согласии Австрии и Франции ставленника Екатерины II Станислава Августа Понятовского значительно усилило позиции России в международных делах и фактически включило ее в число участников и гарантов Губертсбургского мирного договора, к чему в начале своего царствования, на рубеже 1762—1763 гг. безуспешно стремилась Екатерина II.

Вполне традиционными были и средства, использованные Россией для вмешательства в польские дела. Главным из них была прямая военная интервенция, которая, в отличие от бескорольев 30-х гг. XVIII в., была проведена уже без оглядки, не говоря уж о равноправном соучастии других держав. Однако при организации военного вмешательства в Польшу русское правительство действовало под прикрытием конфедерации, организованной Чарторыскими, и всячески подчеркивало, что русские войска находятся с согласия и действуют исключительно от имени Речи Посполитой.

Отличительной чертой последнего бескорольев была пассивность польской шляхты и неспособность магнатов организовать сопротивление российской интервенции. Характерным примером в этом отношении была позиция Рохы М. Яблоновского — сторонника С. Лещиньского, считавшего «вольную элекцию» фикцией и утверждавшего во время бескорольев, что избрание короля Польши целиком находится в руках великих держав. Такое мнение не только отражало господствовавшее в польских верхах настроение, поскольку противоборствовавшие магнатские группировки надеялись исключительно на иностранную поддержку, хотя и не говорили об этом открыто, но и свидетельствовало об упадке польской шляхетской государственности, определенно проявившемся на закате правления королей из саксонской династии.

В связи с этим важным вопросом представляется оценка роли «фамилии» как «русской партии» в период избрания королем Станислава Августа. Разумеется, Чарторыским принадлежало исключительное значение в реализации планов Петербурга в Польше. Однако следует подчеркнуть, что их роль отнюдь не сводилась к простому пособничеству планам русского посольства. Инициатива политического вмешательства России в польские дела и возобновление прежних планов образования конфедерации исходила из Петербурга и вытекала из августовского письма 1762 г. Екатерины II, адресованного С. Понятовскому, с обещанием сделать его польским королем. Практически с первых своих разговоров с Г. Кейзерлингом в конце 1762 г. Август и Михал Чарторыские поставили вопрос об осуществлении своей политической программы преобразований в Речи Посполитой. Русский посол отвечал уклончиво, однако регулярно извещал Петербург о намерениях «друзей России». Эти депеши Г. Кейзерлинга дали основание С. М. Соловьеву причислить его к сторонникам преобразовательных планов «фамилии». В ответах Екатерины II также звучали туманные намеки на возможность «избавления Польши от неурядиц», которые были восприняты Чарторыскими как выражение согласия России на проведение реформ. Однако каждый раз, когда, казалось, планы «фамилии» и Петербурга были близки к осуществлению, они откладывались по настоянию России до тех пор, пока в августе 1763 г. Екатерина II не написала, только для сведения Г. Кейзерлинга, что реформаторские планы Чарторыских не соответствуют ее намерениям. Аналогичной точки зрения придерживались Н. И. Панин, Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин. Окончательно она была зафиксирована в «Общем наставлении» послам. Решение о

недопустимости реформ государственного строя Польши было принято в Петербурге в самом начале бескорольевья независимо от мнения Фридриха II. Все «обещания», данные Чарторымским по поводу преобразований в Речи Посполитой, преследовали только одну цель: прочнее привязать «фамилию» к русской политике, не дать ей уклониться от содействия в осуществлении планов России.

Однако только участия Чарторымских для избрания нового короля в Петербурге считали недостаточным. Поэтому перед русскими послами в Варшаве была поставлена задача привлечь на свою сторону влиятельных магнатов из противного лагеря. Такие попытки были предприняты даже в отношении Ф. С. Потоцкого и К. Радзивилла. Поэтому круг «сторонников России» во время последнего бескорольевья отнюдь не ограничивался приверженцами «фамилии». Они не только усилили позиции «русской партии», но и играли роль противовеса влиянию Чарторымских. С. М. Соловьев, определяя круг магнатов, принадлежавших к «фамилии», называет Августа и Михала Чарторымских, сына Августа Адама Казимира Чарторымского, генерала земель подольских, братьев Понятовских — Казимира, подкомория коронного, Анджея, генерала австрийской службы, Михала (аббата) и Станислава, литовского стольника. К «фамилии» также относились М. К. Огинский — литовский писарь, зять Михала Чарторымского, Михал и Игнацы Массальские, Я. Е. Флеминг, П. Мостовский — воевода поморский, А. Замоиский — воевода иновроцлавский, С. Любомирский — стражник коронный¹⁹⁵. Однако среди магнатов, отнесенных С. М. Соловьевым к «фамилии», некоторые присоединились к Чарторымским главным образом по конъюнктурным соображениям. Так, М. К. Огинский примкнул к «русской партии» только в 1761 г., когда после семилетнего пребывания за границей вернулся на родину и женился на Александре Чарторымской. Один из богатейших магнатов в Литве, он надеялся стать виленским воеводой, а будучи противником Радзивиллов, хотел опереться на поддержку Чарторымских в борьбе с ними. В начале 1764 г. он ездил в Петербург, где хотел заручиться одобрением для выдвижения своей кандидатуры на королевских выборах. Был ли этот шаг согласован с его тестем, и Чарторымские хотели таким образом через доверенного человека выяснить позицию Екатерины II и ее окружения, или же предприятие М. К. Огинского отразило интриги внутри «фамилии», определенно ответить трудно. По крайней мере, еще в октябре 1764 г. Н. В. Репнин запрашивал Н. И. Панина, как быть с воеводством виленским: отдать ли его Огинскому или же сделать его виленским каштеляном, а воеводой виленским — М. Массальского?¹⁹⁶ В декабре 1764 г., сообщая в Петербург о назначении М. К. Огинского виленским воеводой, русский посол одновременно задавал вопрос, продолжать ли оплачивать содержание его милиции?¹⁹⁷ Таким образом, можно предположить, что для Огинского главным мотивом присоединения к «фамилии» была его вражда с К. Радзивиллом, а для Чарторымских союз с ним был важен для привлечения на свою сторону клиентов и милиции одного из богатейших магнатов в Литве. Политические связи М. К. Огинского с Чарторымскими сохранились до времени Барской конфедерации. Он возглавлял литовскую военную комиссию, а в 1768 г. получил после М. Массальского булаву гетмана литовского.

Вражда с Радзивиллами послужила поводом для присоединения к «фамилии» Массальских — гетмана литовского и епископа виленского. Свою роль сыграла, видимо, и традиционная ориентация рода на Россию. Однако Игнацы Массальский имел достаточно прочные связи во Франции и в Риме, а также при дворе и среди

сторонников Я. К. Браницкого. Кафедру епископа виленского он получил в 33 года, в 1762 г., что было бы невозможно без поддержки «дворской партии» и примаса В. Лубеньского. Конфликт Массальских с К. Радзивиллом произошел не ранее выборов на Виленский трибунал 1763 г. Но и действуя заодно с Чарторыскими, Массальские сохраняли по отношению к ним практически полную самостоятельность: напрямую переписывались с русским посольством и Петербургом, принимали русского эmissара А. Бандре, выступили, по крайней мере внешне, главными инициаторами литовской конфедерации 1764 г. Причем уже в августе 1764 г. между ними и Чарторыскими возникали разногласия из-за претензий М. Массальского на должность виленского воеводы. Н. В. Репнин писал в связи с этим Н. И. Панину, что еще прежде не доверял Массальским, а теперь они противятся осуждению К. Радзивилла и заявляют, что согласятся на это только в случае предоставления им по решению конфедерации воеводства Виленского¹⁹⁸.

Весьма относительной была близость к «фамилии» и Я. Е. Флеминга — литовского подскарбия. По своему богатству и влиянию он вполне мог претендовать на совершенно самостоятельную роль в борьбе магнатских группировок. Как брат Я. Г. Флеминга и подскарбий он был весьма близок ко двору и саксонской династии. Союз Флеминга с «фамилией» был скреплен браком его единственной дочери Изабеллы с А. К. Чарторыским, генералом земель подольских. В 1764 г. Флеминг вместе с Массальскими и Огинским выступил организатором литовской конфедерации. Как и в предыдущих случаях, главной причиной участия в ней литовского подскарбия стало недовольство действиями К. Радзивилла. Осуждение Радзивилла и лишение его должности исчерпало заинтересованность Флеминга в сотрудничестве с «фамилией». Он возражал против преобразовательных планов Чарторыских, прежде всего против учреждения в Литве скарбовой комиссии, ограничивавшей его влияние. В конце 1764 г. Я. Е. Флеминг передал должность подскарбия другому стороннику «фамилии», маршалу литовской конфедерации М. Бржостовскому.

Если для литовских магнатов одним из главных мотивов присоединения к «партии» Чарторыских была вражда с К. Радзивиллом и отстаивание привилегий Литвы в составе Речи Посполитой, то для П. Мостовского — воеводы поморского союза с «фамилией» был обусловлен внутренней борьбой в Королевской Пруссии. В 1750-е гг. он был близок к «патриотам» и «дворцам», получил от Я. К. Браницкого чин генерал-лейтенанта, а в 1758 г., заплатив за рекомендацию Я. Малаховского 12 тыс. дукатов, стал воеводой поморским. Осенью 1762 г. Мостовский сблизился с М. Чарторыским, рассчитывая воспользоваться возрастающим политическим влиянием «фамилии». С помощью Г. Кейзерлинга и В. Лубеньского состоялось недолгое примирение между «пруссскими патриотами» и воеводой поморским, что способствовало успеху Чарторыских на прусском генеральном сеймике 27 марта 1764 г. Однако после избрания королем Станислава Августа отношения между «фамилией» и Мостовским обострились из-за задуманных М. Чарторыским реформ в Королевской Пруссии. Весной 1766 г. П. Мостовский был переведен в другое воеводство, уступив свою должность Я. Е. Флемингу.

Одним из давних соратников Чарторыских был С. Любомирский, двоюродный брат коронного стражника. Вместе с «фамилией», разделяя ее реформаторские идеи, он на рубеже 1762—1763 гг. готовил конфедерацию с целью детронизации Августа III. Летом 1763 г. он пытался склонить на сторону «фамилии» Ф. С. Потоцкого. Однако его отношения с Чарторыскими не были безоблачными. Во время бескорольевья при

поддержке Потоцких С. Любомирский пытался выставить свою кандидатуру на вакантный польский престол. Это вызвало конфликт с Чарторьскими и недоверие к Любомирскому в Петербурге. И если перед конвокационным сеймом состоялось его примирение с «фамилией», то натянутые отношения с русским посольством сохранились. С. Любомирский не участвовал в выборах короля и коронации Станислава Августа, однако неизменно поддерживал его впоследствии, за что получил должность брацлавского воеводы.

Из представителей «фамилии», названных С. М. Соловьевым, наиболее близким к Чарторьским по убеждениям и в политическом отношении был А. Замоиский — воевода иновроцлавский. «Фамилия» предлагала назначить его коронным канцлером. В связи с этим Н. В. Репнин писал о нем, что граф Замоиский «человек разумный, честный и имеющий к себе генеральное почтение»¹⁹⁹. Надо отметить, что преобразовательные планы А. Замоиского были наиболее глубокими и даже предполагали некоторое ограничение крепостного права в Польше.

Среди других магнатов, поддержавших «русскую партию» во главе с «фамилией» во время бескоролья или перешедших на ее сторону, следует назвать примаса В. Лубеньского, прежде стоявшего на стороне двора. Мнение папского нунция А. Е. Висконти, что Чарторьские «властвуют над примасом»²⁰⁰, разумеется, не соответствовало действительности. В. Лубеньский вынужден был уступить силе, как сделали и многие другие магнаты, такие как Александр Сапега — воевода полоцкий и гетман польный литовский. Он был сторонником двора и саксонской династии, которую поддерживал в курляндском деле. На выборах литовского трибунала в 1763 г. он был сторонником К. Радзивилла, с которым у него позже вышел конфликт. В мае 1764 г. клиенты Сапег на сейме конвокации выступили на стороне Чарторьских, а затем польный гетман присоединился к Генеральной конфедерации. Так же поступил и Я. К. Яблоновский — воевода брацлавский, который в политическом отношении был близок с Я. К. Браницким. Он защищал сторону гетмана накануне сейма конвокации на сеймике в Виннице, однако незадолго до смерти (5 марта 1764 г.) перешел на сторону Чарторьских. Среди сторонников России Н. В. Репнин называет также В. Гуровского, прежде принадлежавшего к дворцам. Посол доносил Н. И. Панину, что тот благодарен за милости императрицы и просит должность литовского подканцлера. Однако, как замечает Репнин, Г. Кейзерлинг, видимо, предназначает на это место другого кандидата, к тому же для назначения на эту должность Гуровскому надо будет приобрести имение в Литве. Тем не менее Репнин просил Панина убедить Г. Кейзерлинга и удовлетворить ходатайство Гуровского²⁰¹. Посол также хлопотал о предоставлении должности коронного канцлера аббату А. Млодзиевскому, «который тем главно в нашу партию преклонен. Он, — продолжал Репнин, — отличается лакомством к деньгам, однако человек ненадежный, без всяких принципов»²⁰². Еще в июне 1764 г. уже сам Г. Кейзерлинг просил Н. И. Панина о награждении орденом св. Анны подляшского воеводы Б. Годского, который, по словам посла, «быв всегда дворовой партии, в собрании у примаса прежде всех протестовал», когда Я. К. Браницкий требовал, чтобы примас подписал его письмо против вступления русских войск в Польшу²⁰³.

Перечень всех сторонников Чарторьских, перешедших в лагерь «фамилии» из «гетманской» и особенно «дворской» партий, можно было бы продолжить. Обращает на себя внимание, что именно приверженцы двора активно стремились найти себе место в рядах новой правящей группировки, хотя были и случаи, когда союзники

Чарторыхских переходили на сторону гетмана Браницкого. Так поступил А. Любомирский — воевода любельский, который в начале 1760-х гг. поддерживал «фамилию», а летом 1763 г. перешел на сторону двора. Во время бескорольевы он был одним из руководителей «саксонской партии», 7 мая 1764 г. подписал манифест против конвокационного сейма. После избрания Станислава Августа признал нового короля. Еще более решительную позицию занял Юзеф Александр Яблоновский — воевода новгородский. В 1764 г. он поддерживал кандидатуру Адама Чарторыхского и был сторонником реформ, но когда стало ясно, что Россия добивается избрания С. Понятовского, он перешел на сторону гетмана, не участвовал в избрании нового короля и покинул Польшу.

Как уже отмечалось выше, почти сразу после отъезда за границу Я. К. Браницкого и К. Радзивилла среди противников «фамилии» возобладало стремление примириться с неизбежным избранием на престол ставленника России. Об этом говорил во Львове А. Красиньский в начале августа 1764 г.²⁰⁴ Тогда же Н. В. Репнин доносил в Петербург о приезде в Варшаву княгини Любомирской, которая обещала склонить к примирению «многих из противной партии», в том числе К. Солтыка и Ф. С. Потоцкого²⁰⁵. А 3 сентября / 23 августа 1764 г. посол сообщил Н. И. Панину, что «реcessы манифесту против созывательного сейма сделали Потоцкий — воевода киевский, кн. Сангушко — надворный маршал литовский», а «в противной партии считаются: епископ краковский Солтык, гетман коронный Браницкий, воевода виленский Радзивилл, а воевода любельский (А. Любомирский), воевода познанский (А. Б. Яблоновский) и каштеляны полоцкий (Бржостовский Адам) и минский (Ян Юдыцкий) едут с намерением всему учиненному республикой повиноваться»²⁰⁶.

Таким образом, уже накануне элекционного сейма никакого сопротивления планам России по избранию нового короля в Польше не было, а «русская партия» господствовала практически безраздельно, что и проявилось в ходе элекционных сеймиков и в единогласном избрании Станислава Августа. Однако состав «русской партии» и мотивы участия в ней магнатов свидетельствуют, что даже во время бескорольевы среди них не было группировки, за исключением отдельных лиц, подобных В. Гуровскому, прочно связанной своими интересами с Россией. Даже по главному вопросу об избрании нового короля среди сторонников России не было единства. Свои виды на престол имели Август Чарторыхский, его сын Адам Казимир, М. К. Огинский, С. Любомирский. При этом, если учесть возможные кандидатуры Пястов с противной стороны — Я. К. Браницкого и С. Лещиньского, то становится очевидным, что российский кандидат не имел шансов на избрание без военного давления России. Однако этот факт, многократно отмеченный в историографии, свидетельствует еще и о том, что даже среди наиболее близких «друзей России» кандидатура С. Понятовского не пользовалась поддержкой. Это не было скрыто от Петербурга, где в качестве «запасного кандидата» готовы были согласиться на А. К. Чарторыхского. Наконец, вопреки желанию Екатерины II и Н. И. Панина, Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину пришлось все же накануне элекционного сейма совместно с прусским послом Г. Бенуа официально рекомендовать кандидатуру литовского стольника и тайно обещать ему в будущем всеми силами удерживать его на троне. Поэтому даже в час своего триумфа Станислав Август не мог быть центром сплочения «русской партии», так как по вопросу избрания короля такой партии в действительности не было.

При этом в Петербурге и не стремились к образованию магнатской группировки, поддерживавшей бы Станислава Августа, считая, что слабый король будет более

надежным сторонником России. Именно эта мысль проходила красной нитью через «общее наставление Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину». Екатерина II и ее окружение хотели видеть в новом короле не столько союзника, сколько вассала Российской империи. По сути дела, раздел «Наставления», адресованный С. Понятовскому и «фамилии», представлял собой не что иное, как договор о личной унии нового короля с российской короной.

Вторым возможным основанием для соединения интересов России с частью польских магнатов был вопрос о реформах государственного устройства Речи Посполитой. Идея реформ получила достаточно широкое распространение в политических кругах Польши, хотя и оставалась чуждой для подавляющего большинства шляхты, единодушно выступавшей за неизбежность «золотой вольности» и ее записки — «вольного голоса». Однако только у Чарторыхских была программа реформ, с которой они прочно связали свою политическую судьбу. Эта программа могла стать основой для сотрудничества «фамилии» с Россией, но русское правительство само лишило себя такой возможности, отказавшись от поддержки реформаторских планов Чарторыхских.

Вопрос же о привилегиях провинций, поддержка различных оппозиционных группировок в Литве или в Королевской Пруссии, соперничество магнатских родов, борьба за должности, королевщины и ордена — вся эта «повседневность» польской политики, которой с помощью Чарторыхских умело воспользовались Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин во время бескоролья, не могла служить почвой для обеспечения долговременных интересов России в Польше. Поэтому достигнутое господство России в Речи Посполитой основывалось исключительно на военной силе, в чем с самого начала в Петербурге отдавали себе полный отчет.

При этом военное преобладание России в Польше было достигнуто во многом благодаря политике невмешательства со стороны Пруссии, Австрии и Франции. Эта ситуация не давала основы для каких-либо планов раздела Польши. Ибо идеи Н. И. Панина о захвате Польской Лифляндии (Инфлянтов), высказанные в «Общем наставлении», или же о возможном вознаграждении для Пруссии в случае большой войны в Европе, о котором шеф русский внешней политики говорил с В. Ф. Сольмсом на рубеже 1763—1764 гг., вытекали из положения, когда бы Польша стала объектом открытого военного противостояния великих держав. Отсутствие такого противостояния в 1763—1764 гг. исключало, следовательно, и саму возможность раздела. Перед Россией открывалась возможность установить свое господство над целой Польшей, чем и собирались воспользоваться в Петербурге, надеясь, что такое господство «на треть увеличит силы России». Этим объясняется отказ императрицы от аннексионистского плана З. Г. Чернышева. Избрание Станислава Августа на польский престол было важнейшим, но все же только первым шагом по пути реализации этих намерений.

Примечания

1. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 5—8.
2. Там же. С. 11—14.
3. Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 176—178.

4. Там же. СПб., 1886 Т. 51. С. 27–28.
5. Там же. С. 22–27.
6. Там же. С. 18–21.
7. Там же. С. 92–101.
8. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25–26. С. 254.
9. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 416. Л. 2 об.
10. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 325.
11. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 97.
12. Там же. С. 100.
13. Там же. С. 207–208; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 839. Л. 27–28.
14. [*Friedrich II*] PC. Bd. 23. S. 169, 190, 196, 297.
15. Ibid. S. 145, 146, 159, 165.
16. Ibid. S. 228, 250, 265.
17. Ibid. S. 161, 163, 184, 191, 196, 228–230.
18. Ibid. S. 228.
19. Ibid. S. 165–166.
20. Ibid. S. 168.
21. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 144–145.
22. [*Friedrich II*] PC. Bd. 23. S. 195–196.
23. Ibid. S. 216, 219, 230, 239.
24. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 12–13.
25. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 280. Л. 64–67.
26. Там же. Д. 415. Л. 22–25.
27. Там же. Л. 25.
28. Там же, л. 63–68.
29. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 121.
30. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 415. Л. 84–87.
31. Там же.
32. Там же. Д. 417. Л. 25–27.
33. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 143.
34. См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 257–260; *Черкасов П. П.* Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 316–318.
35. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 261.
36. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. Paris, 1890. Vol. 9: Russie. P. 216–228.
37. *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 319.
38. *Rostworowski E.* Władysław Alexander Lubenski (1703–1764) // PSB. Warszawa, 1973. Т. 18/3. S. 505–511.
39. *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868–1880. Т. 1.
40. GStA. HA XX. Tit III a. № 72. S. 3–4.
41. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 117–178.
42. GStA. HA XX. Tit III a. № 72. S. 25–26.

43. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 180.
44. GStA. HA XX. Tit III a. № 72. S. 31.
45. См.: *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 367.
46. GStA. HA XX. Tit III a. № 72. S. 33–34.
47. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 180–181.
48. Ibid. S. 181; *Konopczyński Wł.* Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. T. 2. S. 177.
49. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 181.
50. Ibid. S. 194, 373–375; B. Czart. D. r. I 798. S. 194.
51. Ibid. S. 195–196, 377–381; B. Czart. D. r. I 798. S. 195.
52. Ibid. S. 196–197, 381–382; B. Czart. D. r. I 798. S. 196.
53. Рескрипт № 87 Кейзерлингу в Варшаву, 1 декабря / 20 ноября 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 112–115.
54. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 109–111.
55. Там же. С. 142–143.
56. Там же. С. 165.
57. *Hermann E.* Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853. Bd. 5. S. 363.
58. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 160–163.
59. [*Friedrich II*] PC. Bd. 23. S. 216.
60. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 245.
61. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 200.
62. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 415. Л. 9–10.
63. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 178.
64. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 415. Л. 55–56 об.
65. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 244.
66. Там же.
67. Там же; *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 199.
68. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 201.
69. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 155–157.
70. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 203–204.
71. Ibid. S. 205–208.
72. Ibid. S. 210–211.
73. Ibid. S. 212–213.
74. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 4–6 об.
75. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 212.
76. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 337.
77. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 9–11.
78. Реляция Г. Кейзерлинга № 64 от 6 марта / 24 февраля 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 20–25.
79. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 337–338.
80. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 38–38 об.
81. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 6. Л. 9–9 об.
82. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 32.
83. Реляция Г. Кейзерлинга от 15/4 января 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 1–3.

84. В. Czart. D. r. III 3858. S. 31–34.
85. Beer A. Die erste Teilung Polens. Wien, 1871. Bd. 1. S. 141–142.
86. Ibid. S. 144.
87. Дешеш Г. Кейзерлинга от 13/2 февраля 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 26–27.
88. Дешеш Н. В. Репнина от 13/2 февраля 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 9–11.
89. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 22.
90. Broglie A. Le Secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques 1752–1774. Paris, 1878. Vol. 2. P. 244–245.
91. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 1–2.
92. Там же. Д. 848. Л. 37–37 об.
93. Broglie A. Op. cit. Vol. 2. P. 246.
94. Ibid. P. 247–249.
95. Приложение к депеше Д. М. Голицына из Вены от 31/20 марта 1764 г. — АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 427. Л. 48–53.
96. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 37–37 об.
97. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 427. Л. 42–44 об.
98. Там же. Л. 88–89 об.
99. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 12–14 об.
100. Там же. Л. 39–42.
101. Askenazy Sz. Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894. S. 110–111; Реляция резидента Обрескова от 21/10 апреля 1764 г. из Константинополя // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 359–365; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 365–368.
102. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 47–48.
103. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 234–238.
104. Там же. С. 260–263.
105. Указ Военной Коллегии 2 ноября / 22 октября 1763 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 62.
106. Schmitt H. Op. cit. Т. 1. S. 215.
107. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 204.
108. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 339, 358.
109. Schmitt H. Op. cit. Т. 1. S. 215–217.
110. Ibid. S. 219.
111. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 206–207.
112. Там же. С. 325–331.
113. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 6. Л. 3–3 об.
114. Schmitt H. Op. cit. Т. 1. S. 220; АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 428. Л. 33–34.
115. Schmitt H. Op. cit. Т. 1. S. 219–222.
116. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 428. Л. 33–34.
117. Реляция Г. Кейзерлинга от 6 марта / 24 февраля 1764 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 20–25. Здесь: Л. 21.
118. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 845. Л. 26–28 об.
119. Там же. Л. 29–29 об.
120. Секретный рескрипт Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину от 13/2 апреля 1764 г. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 263–265.
121. Акт Генеральной литовской конфедерации 1764 г. — VL. Т. 7. P. 57–94.

122. Сообщения присланного от литовской генеральной конфедерации чесника графа Оскерко. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 665.
123. РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Ч. 6. Л. 9—10 об.
124. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 326—327.
125. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 230—231.
126. *Ibid.* S. 232—233.
127. *Askenazy Sz.* Op. cit. S. 99.
128. Сб. РИО, СПб., 1886. Т. 51. С. 312.
129. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 241.
130. *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794). Kraków; Warszawa, 1897. Т. 4. S. 44.
131. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 32—32 об.
132. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 245. Состав отряда М. И. Дашкова: 1 пехотный полк, 3 эскадрона кирасир, 2 эскадрона гусар, 5 гренадерских рот — всего: 3,5 тыс. чел. // Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 204.
133. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 34—34 об.
134. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 395—396.
135. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 342—343; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 65—67.
136. Там же. Л. 68—72.
137. Там же. Л. 76—77.
138. Там же. Л. 81—82.
139. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 288.
140. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 5—5 об.
141. Там же. Л. 30б—4.
142. Там же. Д. 849. Л. 81—82.
143. Там же. Л. 102.
144. Там же. Л. 98—99.
145. Там же. Л. 65—67.
146. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 342—343.
147. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 101—101 об.
148. Там же. Л. 25—27.
149. Там же. Д. 848. Л. 75—75 об.
150. Там же. Д. 849. Л. 54—55 об.
151. ASV. Polonia. № 277. Р. 289—290.
152. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 75 об.—76 об.
153. Там же. Д. 849. Л. 86.
154. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 48—49.
155. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 468. Л. 32—34.
156. *Beer A.* Op. cit. S. 150—153.
157. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 468. Л. 66—67.
158. Там же. Л. 75—76 об.
159. Там же. Л. 111—114 об.
160. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 360—361.

161. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 289–290.
162. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 359–365.
163. *Askenazy Sz.* Op. cit. S. 111–113.
164. *Черкасов П. П.* Указ. соч. С. 321.
165. *Broglie A.* Op. cit. Vol. 2. P. 256–257.
166. *Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756–1774).* Paris, 1956, T. 1. P. 220–223.
167. *Broglie A.* Op. cit. Vol. 2. P. 256.
168. *Correspondance secrète...* Vol. I. P. 234–235.
169. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 85–85 об.
170. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 739. Л. 15–17 об.
171. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 86 об.; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 386.
172. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 513–516.
173. *Beer A.* Op. cit. S. 143.
174. Ibid. S. 166–167.
175. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 98–98 об.
176. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 446–447.
177. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 86.
178. Там же. Д. 849. Л. 65–67.
179. Там же. Д. 850. Л. 1-А.
180. Там же. Д. 849. Л. 102.
181. [*Friedrich II*] PC. Bd. 23. S. 446–448.
182. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 101–102.
183. Там же. Л. 86 об.
184. Там же. Л. 67.
185. Там же. Л. 78–80.
186. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 343–344; *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 290.
187. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 66 об.
188. Примечание Н. И. Панина к депеше Н. В. Репнина от 30/19 июля 1764 г. с резолюцией Екатерины II. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 86–87.
189. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 344.
190. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 296.
191. *Askenazy Sz.* Op. cit. S. 158.
192. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 18–20.
193. *Кабузан В. М.* Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990; *Лебедев А.* Русская армия в начале царствования Екатерины II. М., 1899; *Масловский Д. Ф.* Русская армия Екатерины Великой // Военный сборник. 1892. № 5, 6; *Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976; *Idem.* L'Armée française de la fin du XVIIIe siècle au ministère de Choiseul. Le Soldat. Paris, 1964. 2 vol.; *Dickson P. G. M.* Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. Oxford, 1987. 2 vol.; *Duffy Chr.* The Army of Frederick the Great. Newton Abbot, 1974; *Dussieux L.* L'Armée en France. Versailles, 1884. 2 vol.; *Jany Curt.* Geschichte der Königlich-Preußischen Armee. Berlin, 1928–1933. 4 Bde.; *Wehler H. U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1987. Bd. 1.
194. *Троицкий С. М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966; *Чечулин Н. Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906;

Bosher J. F. Finances 1770–1795. From business to bureaucracy. Cambridge, 1970; *Büsch O.* Militärsystem und Sozialleben im Alten Preußen 1713–1807. Berlin, 1962; *Dickson P. G. M.* Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. Oxford, 1987. 2 vol.; *Wehler H. U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1987. Bd. 1.

- 195. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 242.
- 196. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 49–49 об.
- 197. Там же. Л. 91–91 об.
- 198. Там же. Л. 3–3 об.
- 199. Там же. Л. 1-В об.
- 200. ASV. Polonia. № 277. Р. 313–314.
- 201. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 1-В об.
- 202. Там же.
- 203. Там же. Д. 848. Л. 90–91.
- 204. Там же. Д. 849. Л. 101–101 об.
- 205. Там же. Д. 850. Л. 1-А об.
- 206. Там же. Л. 15.

Избрание Станислава Августа на польский престол ознаменовало решение первоочередной задачи на пути реализации политических планов «фамилии» и Петербурга. Во время бескорольевья она объединила усилия Чарторыхских и правительства Екатерины II, несмотря на имевшиеся немаловажные политические разногласия, в первую очередь в вопросе о реформах в Речи Посполитой. Теперь же, когда общая цель была достигнута, эти разногласия неизбежно должны были выступить на первый план, когда на сейме коронации предстояло, с одной стороны, утвердить и дополнить решения конвокационного сейма, а с другой — удовлетворить требования России. Как центральное это противоречие единодушно отмечается в историографии, начиная с Х. Шмита и С. М. Соловьева. Именно оно и стало главным в отношениях между новым королем, его дядями и русским посольством в Варшаве, которое после смерти 30 сентября 1764 г. Г. Кейзерлинга единолично возглавлял Н. В. Репнин. Впервые в полной мере проявившись осенью 1764 г., оно было определяющим для польско-российских отношений вплоть до окончания сейма 1766 г.

Поэтому в настоящей главе мы рассмотрим отношение Петербурга к преобразовательным планам «фамилии» и Станислава Августа в эти полтора года.

I

Еще в первых промемориях, отправленных в Петербург на рубеже 1763–1764 гг., Чарторыхские, правда, весьма туманно, сообщали о своих намерениях покончить с произволом можновладцев в Речи Посполитой, подобно тому, как это было сделано во Франции в первой половине XVII в. Осуществление этих планов в период избрания Станислава Августа позволяет более определенно охарактеризовать намерения «фамилии», действия которой были направлены в первую очередь против своих политических противников из «гетманской» и «дворской» партий, наступление на позиции которых велось, в частности, под лозунгом ограничения произвола гетманов и подскарбиев, что существенно затронуло и интересы временных союзников Чарторыхских, прежде всего М. Массальского и Я. Е. Флеминга.

Первым шагом конвокационного сейма в этой области было отстранение от должности коронного гетмана Я. К. Браницкого и передача командования над коронным войском А. Чарторыхскому, который был назначен сеймом генеральным

регентарием коронным¹. Однако ограничение власти гетманов этим не ограничилось. Для установления «доброго порядка» в содержании войск, в их укомплектовании и для повышения боеготовности и дисциплины сейм постановил образовывать военные комиссии² в Короне и Литве и лишил гетманов права единоличного командования войсками в мирное время. Председателем комиссии являлся гетман, а состояла она из сенаторов и избранных сеймом членов. В случае смерти кого-либо из членов комиссии или же недействительности сеймов королю предоставлялось право назначить новых комиссаров. Комиссия принимала неотложные решения, которые затем могли быть утверждены или отменены сеймом. Она ведала, в частности, укомплектованием хоругвей (полков), что могло повлечь за собой увеличение численности войск. В конституции специально оговаривалось, что если гетман по какой-либо причине не может исполнять свои обязанности, то сейм вправе назначить вместо него другое лицо, которое будет председательствовать в комиссии. Это решение было очевидно связано с назначением А. Чарторыского коронным регентарием, однако оно также ограничивало прерогативы короля в раздаче должностей.

Против образования литовской военной комиссии возражал М. Массальский, требуя для себя в качестве компенсации в дополнение к булаве литовского гетмана еще и должности виленского воеводы. Спор о литовской военной комиссии был продолжен и на сейме коронации, на котором возражения М. Массальского были окончательно отвергнуты и статус литовского гетмана был приравнен к коронному. Тогда же было принято решение об увеличении жалования войскам³. Н. В. Репнин писал об этих постановлениях сейма 5 декабря / 24 ноября 1764 г.: «Сие, кажется мне, полезно, ибо чем более будет плата, тем менее можно будет числа войска иметь. Первое також не вредным считаю: гетманы, быв бессильны, более будут иметь нужды в покровительстве чужестранных дворов и стало более от них зависеть будут — в случае же их соединения с придворной партией не столь опасны будут»⁴. В этой мысли послы уже видна идея будущей политической комбинации, которая позже найдет свое выражение в Радомской конфедерации 1767 г.

Наряду с преобразованиями в военной области сеймом были внесены весьма существенные перемены в систему государственных финансов. Аналогично с полномочиями гетманов были ограничены права подскарбиев, ведавших в соответствии с решениями сеймов сбором доходов и расходованием государственных средств, и учреждены скарбовые комиссии⁵. Как и военные комиссии, они принимали решения большинством голосов, что исключало прежнюю практику единоличных решений.

Вопрос о податях, которые до этого времени были основаны на подымном (подворном) и поголовном (для евреев) окладе, был решен сеймом принципиально по-новому. Предусматривалось введение нового косвенного налога (*Cło generalne*), именуемого в русских источниках, а вслед за ними и в отечественной историографии Генеральной таможенной. Налог этот устанавливался повсеместно в Короне и в Литве⁶ и отменял различные местные поборы. Поскольку он распространялся на все виды товаров, а от обязанности уплаты сборов не освобождалось ни одно сословие и даже король, то по сути дела обложению подвергались доходы и расходы всех категорий населения. При этом на товары повседневного потребления (хлеб и т. п.) предусматривалась низкая пошлина, и высокая — на предметы роскоши. Из

местных сборов сохранилась только плата на содержание дорог и мостов, но и она не могла вводиться произвольно. Отменена была плата в казну за численность евреев, которая заменялась для них подушной податью, для чего предполагалось провести соответствующую перепись. Принятые конвокационным сеймом преобразования в области налогов дополнялись решением о сборе «справедливой кварты»⁷, т. е. налога с королевщин, находившихся во владении должностных лиц, для чего предполагалось произвести люстрацию королевских старост.

Введение Генеральной таможни и образование финансовых комиссий в Короне и в Литве положило начало реформированию финансовой системы Польши, сложившейся в «саксонский период» и утвержденной конституциями 1717 г. на «Немом сейме». Формально коронная финансовая комиссия начала работать 1 июля 1764 г., а литовская — только 1 марта 1765 г. Свой первый отчет комиссии сделали на сейме 1766 г. За это время доход государства равнялся 13 731 тыс. злотых, в котором доля Генеральной таможни составила 5 111 тыс. злотых (37,2 %)⁸. Если учесть, что ко времени начала работы финансовых комиссий собрано было всего 325 тыс. злотых доходов, а фактически в казне оказалось и того меньше, то нельзя не признать, что первые результаты новой финансовой политики были весьма обнадеживающими. Они, разумеется, не могли не вызывать беспокойство соседних держав, особенно Пруссии, которые справедливо усматривали в финансовом оздоровлении Речи Посполитой основу для проведения других реформ, увеличения численности польских войск и нежелательного для великих держав усиления польского государства.

Преобразования в финансовой области были самым тесным образом связаны с реформой денежного обращения, начало которой было также положено на сейме конвокации. Уже в первый день его работы было утверждено образование Монетной комиссии, а затем это решение было включено в пакты конвенты⁹. Комиссию возглавил А. Замоийский, а в ее состав вошли М. Чарторыйский, А. Пшездецкий, А. Мошченьский, Я. Борх¹⁰. Главной задачей ее деятельности был выпуск новой монеты. Это объяснялось необходимостью установления единой общегосударственной монеты и прекращения чеканки местной монеты в Польской Пруссии. Реформа была также направлена против хождения в стране иностранной монеты и утечки серебра за рубеж из-за несоответствия курса польского злотого и реального содержания серебра в монете. Эта проблема особенно обострилась в годы Семилетней войны, когда Пруссия выпустила большое количество «плохой монеты» с пониженным содержанием серебра. Наконец, чеканка новой монеты в Варшаве должна была не только пополнить государственную казну за счет регальных прерогатив короны, но и поднять авторитет Станислава Августа среди шляхты.

Свою работу Монетная комиссия начала в январе 1765 г. и высказалась в начале за сохранение права чеканки серебряных денег у Гданьска и Торуня, а медных — у Эльблонга. Причем новая королевская монета не должна была по содержанию серебра существенно отличаться от монеты Королевской Пруссии или Курляндии. Весной 1765 г. города Королевской Пруссии согласились с этим предложением, но с условием, что они получают право чеканить такую же собственную монету.

Однако вскоре комиссия изменила свое решение. Монету было решено чеканить в Варшаве, а ее изготовление поручить прусскому банкиру Швейгерту, который имел конторы в Берлине и Петербурге и хотел усилить позиции своего банка, участвуя в проведении денежной реформы в Польше. На стороне Швейгерта вы-

ступили А. Мошченьский, Петр Теппер, Ф. К. Браницкий, а позже и К. Понятовский. В соответствии с его проектами новая польская монета по содержанию серебра должна была соответствовать прусской монете, введенной Фридрихом II в 1764 г. Это объяснялось особым значением торговых связей между Польшей и Пруссией и условиями Велявского договора. Станислав Август подписал контракт со Швейгертом. Однако, как вспоминал сам король, сделано это было в отсутствие М. Чарторыского, после возвращения которого против контракта выступили Я. Борх и А. Пшездецкий, а также С. Любомирский¹¹. Так еще раз проявился конфликт между «старыми» членами «фамилии» и друзьями короля. В декабре 1765 г. проект Швейгерта был отвергнут, а Станислав Август вынужден был согласиться с компромиссным вариантом проекта Я. Борха и утвердил решение комиссии о выпуске новой монеты.

Отказ от проекта Швейгерта побудил «фамилию», опасавшуюся возможного вмешательства в монетное дело Фридриха II, обратиться за поддержкой в Петербург, где Я. Псарский подал соответствующий мемориал. Н. И. Панин запросил о сути разногласий Н. В. Репнина¹², который 15/4 и 18/7 декабря сообщил ему о заседании Монетной и Скарбовой комиссии и о принятых 14 декабря решениях. Примечательно, что ответ Н. В. Репнина задержался на два месяца, что явно свидетельствовало о нежелании русского посольства оказать поддержку Станиславу Августу. Посол писал в декабре 1765 г., что монетное дело стало в тот момент главным политическим вопросом, «в котором оба Чарторыхских со стражником коронным (С. Любомирским. — Б. Н.) открыто против короля». Далее — что разрыв подписанного со Швейгертом контракта не только вынуждает Станислава Августа выплатить 250 тыс. таллеров неустойки из собственных средств, но и ставит под сомнение саму денежную реформу, поскольку прусский банкир уже заготовил серебра на 700 тыс. таллеров для изготовления новой монеты, и, если эти деньги будут вывезены из Польши, то других средств для чеканки монеты в стране нет. К тому же Репнин указывал на возражения Пруссии против проекта Я. Борха, сделать монету на кельнскую гривну серебра, десятью злотыми хуже, чем монета Фридриха II. Это, по замыслу авторов проекта, должно было стимулировать польский экспорт и накопление в стране прусской монеты, на что Пруссия, по словам Репнина, никогда не даст согласия, предусмотренного Велявским договором. Выход из этой ситуации оставался только в выборе монеты третьей страны для расчетов между Польшей и Пруссией. В связи с этим Н. В. Репнин констатировал, что Станиславу Августу пора понять, «что два его дяди со своею партией иного не желают, как через то навсегда нужными быть и <...> доказать публике явным образом, что они короля сильнее и в руках его всегда держать будут»¹³. К вопросу о денежной реформе русский посол вернулся в депеше от 18/7 декабря 1765 г. и сообщил о достигнутом компромиссе, по которому «польская монета приведена в соответствие с имперской: 80 злотых = 1 марке серебра, против проекта Борка: 85 зл. 10 гр. = 1 марке серебра». Монета Королевской Пруссии должна составить 84,3 злотых на 1 марку серебра. Репнин писал также, что Станислав Август обязался выплатить Швейгерту неустойку 174 тыс. таллеров. В перечне поручителей за уплату королевского долга посол, наряду с известными в историографии лицами: К. Понятовским, Ф. К. Браницким, Ф. Ржевуским, А. Тизенгаузенем, называет также Адама Чарторыского, который сделал это втайне от отца¹⁴. В следующей депеше Н. В. Репнин сообщал о просьбе Ф. Ржевуского, чтобы Петербург оказал содействие в получении согласия

Пруссии на скорейшее введение в обращение новой монеты для расчетов по займам с банкирами Гартенбергом и Швейгертом¹⁵.

Вопрос о денежной реформе не был разрешен в 1765 г. окончательно. До самых последних дней существования Речи Посполитой он оставался одним из главных в финансовой политике польского правительства. Идея, лежавшая в основе поддержанного Станиславом Августом проекта Швейгерта, о сближении прусской и польской денежной системы, оказалась весьма продуктивной. Как отмечал М. Дроздовский, отток польской серебряной монеты за границу оставался значительным до тех пор, пока реальная стоимость польской монеты не была уравнена с прусской¹⁶.

Споры вокруг монетного дела в Варшаве, с точки зрения Петербурга, не только еще раз продемонстрировали конфликт между Станиславом Августом и Чарторыскими, но и показали нежелание правящих магнатских группировок идти на сближение с Пруссией, к чему побуждали Варшаву Н. В. Репнин и Н. И. Панин. Привязка реальной стоимости польского злотого к имперской (австрийской) монете свидетельствовала о желании, отмеченном Н. В. Репниным, сориентировать польскую денежную систему на связи с Австрией, что должно было быть с настороженностью встречено в Петербурге. По крайней мере, любые попытки польского правительства, направленные на развитие торговых связей с владениями Габсбургов, находили соответствующее отражение в донесениях русского посла. Так, 12/1 февраля 1766 г. он сообщал о проекте А. Понятовского активизировать торговые связи с германскими государствами через австрийские, а не прусские владения, для чего, как предусматривалось проектом, Польша и Австрия должны были отремонтировать проходящие через общую границу дороги¹⁷. От внимания Репнина не мог ускользнуть и военный аспект предложенного плана.

Решения скарбовой комиссии в декабре 1765 г. содержали еще одно существенное отступление от ранее заявленных принципов денежной реформы: Королевская Пруссия сохраняла возможность чеканки собственной монеты.

Меры по упорядочению государственного бюджета Польши и ее денежной системы, провозглашенные конвокационным сеймом и осуществленные в 1765–1766 гг., не только существенно пополнили государственную казну, но и содержали в себе попытку нового подхода к государственным финансам: в определенной мере ограничивали налоговые иммунитеты и привилегии шляхты как господствующего сословия. Не переоценивая эти проекты «фамилии», инициатором которых был А. Замойский, следует подчеркнуть, что в них нашли отражение идеи камерализма Нового времени, но не в духе абсолютистских режимов Пруссии или Австрии, а в рамках республиканского строя Польши 60-х гг. XVIII в.

Проекты преобразования государственных финансов встретили сильное сопротивление как внутри страны, так и со стороны соседних великих держав, главную роль среди которых в этом играла Пруссия, немало сделавшая для срыва финансовых начинаний 1765–1766 гг. в Польше. Влияние внешнего фактора затрудняет ответ на вопрос, насколько рассмотренные финансовые реформы были обусловлены социально-экономическим строем польского общества второй половины XVIII в., а насколько были навеяны модными европейскими теориями, однако следует признать, что выдвижение подобных проектов свидетельствовало об осознании наиболее передовой частью польских магнатов необходимости новых современных способов государственного управления, на что и была нацелена политика «фамилии».

Непосредственную связь с финансовыми вопросами имело обсуждение на конвокационном сейме положения городов¹⁸. О новой политике в отношении мешанства там объявил А. Замойский, указав на выгоды, которые сулит государству развитие коммерции. На сейме раздавались голоса даже в пользу признания за горожанами гражданских прав. Разумеется, решения сейма были отнюдь не столь далеко идущими, но и они указывали на определенную тенденцию: на месте прежнего негативного отношения к требованиям городского сословия приходило осознание экономической и общественной роли бюргерства. Так, конвокационный сейм освободил горожан от обязанности предоставлять бесплатные квартиры прибывавшей на съезды шляхте. В столицах воеводств и земель городам передавались постройки, пустовавшие более 60 лет. Наиболее важным постановлением сейма стала конституция об уничтожении не узаконенных сеймовым решением юридик, т. е. имевшихся в королевских городах частных феодальных владений с особым правовым статусом. Решения сейма о городах отражали не только возросшее значение городского сословия, но и понимание правящей группировкой роли городов как центров товарно-денежных отношений в деле увеличения государственных доходов.

На конвокационном сейме было уделено внимание и преобразованиям судебной системы. Коронный трибунал был разделен на великопольский и малопольский¹⁹, в которых было увеличено число депутатов от некоторых воеводств. Выборы депутатов на трибуналы следовало проводить только на сеймиках большинством голосов, при этом избирательное право получали исключительно шляхтичи, живущие и имеющие владения в своем воеводстве. Если принять во внимание установленное на сейме запрещение применять оружие «в публичных обрядах»²⁰, то определенно видно, что Чарторыские и их сторонники пытались избежать в будущем насилий, подобных происшедшим при выборах Виленского трибунала в 1763 г. Создание двух трибуналов в Короне и увеличение в них числа депутатов было, разумеется, выгодно победившей на сейме «партии», так как открывало больше перспектив перед сторонниками «фамилии», но все же первостепенное значение имело повышение эффективности судебной системы. На сейме предполагалось также провести упорядочение гражданского законодательства. Однако эта задача была отложена на будущее.

II

Главным вопросом, обсуждавшимся на конвокационном сейме 1764 г., была проблема реформы сеймования. В основе ее лежало упорядочение проведения сеймиков²¹. Впервые идею о необходимости преобразований порядка проведения сеймиков высказал еще во времена Августа III Ф. Раджевский — подкоморий познаньский. А наиболее полно программа их реформирования была разработана С. Конарским. Он предлагал, во-первых, упорядочить число послов от воеводств и поветов, так как прежде одни избирали на сейм многочисленные посольские делегации, а другие — только по два посла. Для этого, по замыслу Конарского, следовало увеличить число сеймиков, или чтобы каждый повет избирал бы своих представителей на особом съезде. Благодаря этому число послов на сейм значительно бы возросло прежде всего за счет воеводств Великой и Малой Польши, в которых имелись многочисленные поветы. Чтобы не ущемить таким образом права литовской шлях-

ты, Конарский предлагал разделить крупные поветы в Литве. Новые поветовые сеймики должны были избирать на два года четырех послов и их двух заместителей, т.е. звание посла устанавливалось на весь период до следующих выборов, а не только на время работы сейма. Предлагалось составление реестра избирателей, в который включались бы шляхтичи, живущие в воеводстве и имевшие там поместья.

Эти и многие другие идеи, высказанные С. Конарским, были заимствованы Чарторыскими и положены в основу политической программы «фамилии», а в ходе реляционных сеймиков отражены в инструкциях послам. В соответствии с ними сейм увеличил число депутатских сеймиков, что было связано с увеличением числа депутатов трибуналов, возросло и число господарских (хозяйственных) сеймиков²². Тем самым расширялось участие шляхты в земском самоуправлении. Говорилось на сейме и о реформе посольских сеймиков. Для них также как и для депутатских сеймиков предусматривался порядок избрания послов на сейм и утверждение им инструкций большинством голосов и отстранение неоседлой и безземельной шляхты от участия в выборах.

Постановление о голосовании большинством на депутатских сеймиках и при избрании должностных лиц содержалось в конституции о реорганизации коронного трибунала²³, а аналогичное правило для посольских сеймиков, наряду с допущением к выборам только оседлой шляхты, было заключено в конституции, формально относящейся только к сеймикам Брацлавского воеводства²⁴, что позже следовало распространить на все сеймики Речи Посполитой.

Специальная конституция была принята на конвокационном сейме о числе послов от Королевской Пруссии²⁵. В постановлении говорилось, что в провинции, которая раньше отправляла на сейм неограниченное число послов, вводится то же правило выбора послов, что предусмотрено конституцией 1641 г. для Литвы. А именно в воеводствах Хельминском, Мальборском и Поморском устанавливается избрание на сейм по два посла от каждого повета. Это решение конвокационного сейма было принято в отсутствие послов от Королевской Пруссии из-за разрыва генерального сеймика в Грауденце и должно было не допустить повторения подобной ситуации в будущем. Однако помимо названной причины, оно было связано с намерением М. Чарторыского ограничить привилегии провинции и уравнивать ее с прочими землями Речи Посполитой. Поэтому вопрос о порядке проведения сеймиков в Королевской Пруссии выходит далеко за рамки простого усовершенствования обрядов сеймования.

Предложенные проекты должны были, во-первых, воспрепятствовать «разрыву» сеймиков или же «двойному выбору» послов и, во-вторых, помешать магнатам с помощью своих клиентов манипулировать решениями сеймиков, приводя на них свиту своих приспешников из других воеводств. Задуманные изменения были в первую очередь на руку господствующей «партии», ибо закрепляли ее преимущества. Однако нельзя не признать, что они вытекали из предшествовавшего опыта проведения сеймиков и, в конечном счете, были в интересах шляхты, ибо, с одной стороны, усиливали значение каждого голоса и воли большинства, а с другой — устраняя от голосования безземельную шляхту, защищали сеймик от наиболее неустойчивой и беспринципной части избирателей. Вместе с тем план реформы сеймиков никак не затрагивал главный вопрос об обязательном характере инструкций послам, что являлось главным юридическим основанием конгрессивной формы польского сейма и принципа *liberum veto*.

По замыслу Чарторыхских, реформа сеймиков и введение в них большинства голосов должна была послужить основанием для отмены правила «вольного голоса» на сейме, чего «фамилия» и надеялась добиться на конвокационном сейме. Требования изменения порядка сеймования содержались во многих посольских инструкциях, принятых реляционными сеймиками. Они были проникнуты идеями С. Конарского и соответствовали реформаторской программе «фамилии». На конвокационном сейме были представлены несколько соответствующих проектов. Среди них проект виского посла Вильчевского, который предлагал ввести на сейме принятие решения большинством голосов, но с условием, что, если кто-либо из послов будет настаивать на единогласном решении, то следовало объяснить мотивы такого требования, которые сейм был вправе принять или отклонить. Если же посол все же настаивал на своем, то следовало запросить Сенат, который мог бы ввести единогласие, в поддержку которого должны были высказаться не менее чем $\frac{4}{5}$ присутствовавших сенаторов. В другом проекте предполагалось определить круг вопросов, решение по которым принималось большинством или же единогласием, к последним относились: увеличение численности войск, по вопросам о короле и его доме, объявление войны, вопросы католической веры. Г. Дзедушицкий — посол галицкий, предлагал установить очередность вопросов для их рассмотрения на сейме. После избрания маршала сейма и комиссий послам надлежало сначала обсудить предложения короля, затем — воеводств, касающихся всей республики, после чего рассмотрению подлежали дела, относящиеся до отдельных воеводств, поветов и частных лиц. В случае, если какой-либо из вопросов был отклонен сеймом большинством голосов или же по воле меньшинства или даже отдельного посла, т. е. в соответствии с принципом «вольного голоса», то сейм в этом случае не считался бы «разорванным», а мог бы перейти к обсуждению следующего по порядку проекта²⁶.

Идеи преобразования сейма, высказанные во время конвокации, хотя и имели в своем основании предложения С. Конарского, все же принципиально отличались от его проектов, сформулированных в книге «Об успешном способе совещаний...». Если великий пияр считал необходимым полное уничтожение *liberum veto* как юридической основы политической анархии в Польше, то представители «фамилии» на сейме не шли дальше его большего или меньшего ограничения, чтобы только избежать разрывов сеймов в будущем. Такая позиция объяснялась, с одной стороны, настроением шляхты, которая считала «вольный голос» зеницей своей вольности и не была готова согласиться на его радикальное устранение. В то же время непоследовательность сторонников реформы обуславливалась давлением великих держав, прежде всего России и Пруссии, которые весьма настороженно относились к возможным изменениям конституции Речи Посполитой.

Вторым принципиальным отличием программы Конарского от проектов Чарторыхских был вопрос о конфедерации. Право конфедерации, как и право «вольного голоса», были двумя противоположностями шляхетской «вольности», так как и то и другое узаконивало восстание против общего решения, выраженного волей большинства. Эта черта шляхетской государственности не раз отмечалась в историографии, указывал на нее и Н. И. Кареев²⁷. Поэтому С. Конарский выступал не только за полную отмену *liberum veto*, но и за запрещение конфедераций. «Фамилия» же, напротив, именно с конфедерацией связывала свои надежды на проведение преобразований и на установление принципа большинства голосов на сейме, хотя бы уза-

коненного и не в полной мере, поскольку решения на сейме при конфедерации должны были приниматься большинством голосов.

Однако идея реформы сеймования, обсуждавшаяся на конвокационном сейме, натолкнулась на противодействие со стороны русского посольства. Требование сохранения правила «вольного голоса» было вполне определенно выдвинуто в Петербурге сразу после кончины Августа III и содержалось в «Общем наставлении» Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину, прежде чем к нему присоединился Фридрих II. Об этом Г. Кейзерлинг заявил Чарторыским. Тем не менее «фамилия» попыталась обойти возражения России. В конституциях сейма о военных и скарбовых комиссиях говорилось, что решение сейма по их предложениям, касающимся финансов, народного просвещения, отправления правосудия, содержания и укомплектования войск, должны были приниматься «*forma judicaria*», т.е. в порядке судебных решений в трибуналах, а именно, большинством голосов.

В историографии в связи с этим получила широкое распространение версия, что Чарторыские обманули Г. Кейзерлинга, который, якобы не зная значения термина *forma judicaria*, не стал возражать против его включения в конституции сейма²⁸. Такое истолкование решения русского посла берет начало в постскрипту письма Н. В. Репнина к Н. И. Панину от 21/10 октября 1766 г., в котором тот писал, «что все здешнего двора замашки происходят от попущения нашего на сейме созывательном и что новость моя в делах в то время, хотя малую частью, этому есть причиною, ибо полагался тогда на провидение и знание покойного графа Кейзерлинга, со всем оным и его воле предавался, а он, как теперь к неудовольствию видно, двоякостью наших друзей и двуручными того сейма конституциями обманут был»²⁹. Но свидетельство Н. В. Репнина конца 1766 г. нельзя воспринимать с полным доверием. Понятно его желание оправдаться перед императрицей и свалить все на ошибку покойного посла. Между тем, даже если допустить неосведомленность обоих послов в тонкостях польской юридической терминологии, то остается неясным, почему в течение двух лет русское посольство оставалось якобы в неведении об истинном содержании конституций. Наверняка среди магнатов было немало людей, кто с удовольствием открыл бы русским представителям глаза на «двурушничество» Чарторыских.

Поддерживая версию Н. В. Репнина, В. Конопчинский отмечал вместе с тем, что еще в период бескорольевья К. Солтык безуспешно предостерегал Г. Кейзерлинга относительно планов «фамилии» ограничить *liberum veto*. Уже после коронации Станислава Августа об этом писали в Петербург гетманы М. Массальский и Я. К. Браницкий, протестуя против образования военных комиссий. Наиболее последовательным в «разоблачении» действий «фамилии» был И. Массальский, агент которого в Петербурге нашел поддержку у Орловых и З. Г. Чернышева³⁰. Однако, несмотря на конфликт Чарторыских с российским двором, разгоревшийся в 1765 г., вплоть до сейма 1766 г. ни русское посольство в Варшаве, ни русское правительство не ставили под сомнение обоснованность позиции Г. Кейзерлинга по вопросу о порядке решений на сейме дел по военным и скарбовым комиссиям. Поэтому можно заключить, что согласие посла на предложение «фамилии» было дано вполне осознанно.

Депеша же самого Репнина от 13/2 июня 1764 г. об образовании комиссий не содержала никаких подробностей о порядке их работы. Посол писал только об ограничении полномочий гетманов и подскарбиев, а также о требовании М. Массаль-

ского не вводить военную комиссию в Литве, что и было обещано литовскому гетману³¹, который, однако, на этом не успокоился и требовал, чтобы военная комиссия не была учреждена и в Короне. Донесение Н. В. Репнина не позволяет ответить на вопрос, был ли Г. Кейзерлинг заранее информирован о сути задуманных изменений. Но все же его согласие на предложения Чарторьских по процедуре рассмотрения на сейме предложений от созданных комиссий было вполне обоснованным. Первоочередной задачей для русской дипломатии было успешное завершение конвокационного сейма, ради чего не стоило обострять отношений с «друзьями» из-за юридических мелочей и следовало сохранить у них хотя бы призрачную надежду на возможность реформ. Посол также не мог не догадываться, что, хотя инструкции и запрещали проведение реформы государственного устройства Речи Посполитой, но позиция Петербурга в этом вопросе вовсе не была столь непоколебимой. Так думали «друзья России» в Варшаве, такого же мнения в то время придерживались Г. Бенуа и В. Ф. Сольмс, да и сам Фридрих II. И только когда в 1766 г. позиция России определилась окончательно, последовал постскрипtum Н. В. Репнина, оправдания которого должны были снять возможные подозрения не только с него самого, но и с тех лиц в Петербурге, которые могли, хотя бы для видимости, с сочувствием отнестись к преобразовательным планам «фамилии» и нового короля, речь, разумеется, идет в первую очередь о Н. И. Панине.

Вопрос о *liberum veto* не был решен на конвокационном сейме, да и не мог быть разрешен окончательно, так как сейм проводился при конфедерации, когда все постановления сейма подлежали принятию большинством голосов. С этой точки зрения, уступка, сделанная Г. Кейзерлингом «фамилии», не имела существенного значения. И Чарторьские, и русское правительство понимали, что конфедерация представляет собой единственный способ достичь поставленных целей. Следовательно, провозглашение сначала литовской конфедерации, а затем — коронной на конвокационном сейме, присоединение к ней сеймиков, и, наконец, образование на избирательном сейме Конфедерации обоих народов означало по сути дела принципиальное изменение государственного устройства Речи Посполитой, изменение, которое, по крайней мере формально, открывало бы путь как для проведения реформ, так и для выполнения требований России. Таким образом, несмотря на запрещение преобразований в порядке сеймования, Екатерина II дала согласие на предоставление «фамилии» возможности провести реформы через конфедерацию.

III

Образование конфедерации имело еще одно немаловажное последствие, ибо открыло путь к формированию правительства, узаконенного ее властью. Каждая из магнатских «партий» в Польше XVIII в. имела своих вождей, возле которых складывался совет ближайших сподвижников. Такие советы не раз собирались у Чарторьских в Пулавах или же у Я. К. Браницкого в Белостоке. Они не имели формального юридического или политического статуса, поскольку являлись частными собраниями граждан. Состав их также менялся в зависимости от расстановки сил в магнатских кругах. Однако совет Чарторьских, благодаря более прочным политическим связям, а также родственной близости своих членов, что и нашло отражение в термине «фамилия», представлял собой более устойчивое объединение.

Победа «фамии» над своими политическими противниками и избрание Станислава Понятовского польским королем придало совету Чарторыских особый политический вес, а их «фамильная рада» приобрела черты правительства Польши. Складывание конфедерации открывало путь к легализации такого правительства, когда на конвокационном сейме была образована Рада конфедерации во главе с маршалом А. Чарторыским и А. Замойским. А 16 мая 1764 г. в своей речи на сейме воевода иновроцлавский выступил с предложением образовать Постоянный совет, который бы в перерывах между сеймами обладал бы полномочиями от имени трех станов республики следить, дабы никто не узурпировал власти в стране, ни один человек и ни одно из учреждений³². Таким образом, будущий канцлер коронный высказал мысль о формировании некоего постоянного органа, который в определенном смысле соединял в себе полномочия трех станов Речи Посполитой и был бы поэтому выше короля и Сената и мог быть сравним только с сеймом как его постоянный комитет.

Преобразования, предложенные «фамией» на сейме, должны были укрепить республиканские основы шляхетского польского государства. Однако их осуществление неизбежно должно было поставить вопрос, который во время бескорольевья старательно обходился молчанием всеми участниками политического противостояния в Речи Посполитой. Вновь избранный король, несмотря на ограниченность своих полномочий и подозрительное отношение большинства шляхты к королевской власти вообще, которая, по мнению господствующего сословия, не оставляла намерения достичь абсолютной власти и превратиться в наследственную монархию, оставался ключевой фигурой в политической системе Польши и наряду с сильной конфедерацией должен был обеспечить проведение реформ. Такая роль неизбежно должна была способствовать усилению королевских позиций в стране. Это нашло отражение в праве короля назначать членов сеймовых комиссий. Вероятно, некоторое усиление власти короля входило в намерения Станислава Августа и Чарторыских в 1764 г. Об этом свидетельствовали туманные намеки, сделанные «фамией» в своей корреспонденции в Петербург, и многозначительное ответное молчание со стороны Екатерины II и Н. И. Панина. Об этом говорит также приведенное Х. Шмитом сочинение стольника литовского «Исторические анекдоты о Владиславе IV», в котором будущий король изложил задуманный им план преобразований. Он предусматривал заботу об общем благе, в чем явно угадывается влияние идей просветителей, законодательное определение полномочий должностных лиц, увеличение коронного войска до 50 тыс. человек, усиление исполнительной власти короля, увеличение числа послов на сеймы и принятие на них решений большинством голосов, уничтожение староств, введение публичной цензуры, что должно было ограничить возможности антиправительственной пропаганды, проведение ежегодных смотров воеводств, направленных на усиление позиций королевской власти в отношении воевод и воеводских шляхетских корпораций³³.

Надежды на усиление королевской власти уже избранный польским королем Станислав Август выражал и в своей переписке с М. Т. Жоффрен*. 20 октября 1764 г.

* М. Т. Жоффрен (1699–1777). Хозяйка знаменитого салона в Париже. Происходила из буржуазной семьи, жена богатого фабриканта зеркал. Салон ее охотно посещали видные деятели литературы и искусства, просветители. Она была знакома с Иосифом II и Марией Терезией, состояла в

он писал своей «матушке» о создании на конвокационном сейме военной комиссии, в которой гетман является только председателем, что ограничивает его власть над войском. Станислав Август продолжал, что желал бы поступать как Людовик XII, который ограничил власть коннетабля и что, когда бы он имел власть над гетманами, то лучше бы мог заботиться об общественной свободе, и вот теперь сейм вручил ему давние прерогативы гетмана³⁴. Поддерживая эти настроения короля, М. Т. Жофрен писала Станиславу Августу, что он будет «нашим Генрихом IV», а она станет играть роль Сюлли³⁵.

Разумеется, что, несмотря на аналогии с абсолютистской Францией, не раз встречавшиеся в письмах представителей «фамилии», начиная с декабрьских промеморий 1762 г., в намерения Станислава Августа не входило установление самодержавия или же наследственной монархии в Польше. Он прекрасно понимал невозможность реализации такого замысла, да и отнюдь не стремился к этому. В анекдотах о Владиславе IV и неоднократно позже король вполне искренне писал о своем желании уберечь Речь Посполитую от абсолютизма. Но, тем не менее, сама логика преобразований толкала его на путь усиления королевской власти для наведения порядка в государственных финансах, для увеличения численности войск и для придания большей стройности системе государственного управления в Польше. Эта же логика заставляла соседние государства с большим подозрением относиться к программе реформ, предложенных Чарторьскими, усматривая в них в первую очередь нежелательную для великих держав тенденцию к установлению в Польше сильной королевской власти.

Еще в мае 1764 г. в ходе конвокационного сейма Г. Кейзерлинг и Н. В. Репнин воспрепятствовали принятию конституции о введении на посольских сеймиках принципа большинства голосов. Отзываясь с похвалой о поведении на сейме С. Понятовского, Н. В. Репнин писал, что литовский стольник «отвратил взятое было почти всеми намерение, чтобы проводить сеймики множеством голосов, а не единогласием, и то тотчас сделал, как скоро мы к нему об оном отозвались»³⁶. Однако запретив отмену «вольного голоса» на посольских сеймиках, русское посольство сочло нужным не выдвигать возражений против такой отмены на сеймиках по выборам депутатов трибуналов. Сообщая об этом Н. И. Панину, Н. В. Репнин соглашался с решением Г. Кейзерлинга и заметил, что «никакой в том опасности нет, а им (полякам. — *Б. Н.*) некоторое малое внутреннее спокойствие то принесет». По поводу этого сообщения Н. И. Панин сделал примечание для Екатерины II: «Почти общее человечество сего желать должно, чтоб по последней мере каждый год людей не резали, единственно для своей земской расправы, ибо тут уже конечно нет никакого политического вида»³⁷. Руководитель русской внешней политики при этом явно лукавил, ибо не мог не понимать, что отмена единогласия на депутатских сеймиках означает шаг в направлении реформы сеймования в целом. Очевидно, что этот шаг Петербурга был продиктован отнюдь не человеколюбием, а необходимостью, по крайней мере для видимости, пойти навстречу пожеланиям Чарторьских и свидетельствовал о колебаниях в позиции России по вопросу о допустимом

переписке с Екатериной II. В. Кауниц принимал ее как лучшего друга. Со С. Понятовским она познакомилась в 1753 г. во время его пребывания в Париже, где стольник литовский пользовался ее покровительством. Он называл ее «матушкой», а она его — сыном. Сохранившаяся переписка Станислава Августа с М. Т. Жофрен охватывает период с 1764 до 1777 г.

пределе в преобразовательной программе «фамилии». Направленность реформ депутатских сеймиков не осталась скрытой и от польского дворянства. Об этом свидетельствовали события на депутатском сеймике в Краковском воеводстве, где осенью 1764 г., по словам Н. В. Репнина, «до саблей было дело дошло», когда часть шляхты протестовала против избрания депутатов в трибунал большинством голосов³⁸.

Уступки, сделанные Г. Кейзерлингом в отношении принятия сеймом решений по предложениям военной и скарбовой комиссии и порядка проведения депутатских сеймиков сохраняли у Станислава Августа и Чарторыхских надежду, что позиция Екатерины II в деле реформирования государственного строя Польши может измениться в благоприятном для них направлении. В расчете на такие перемены Ф. Ржевускому, послу конфедерации в Петербурге*, было поручено передать русскому правительству мемориал, в котором запрашивалось согласие России на дальнейшее проведение реформ накануне коронационного сейма. Причем, как стало известно Репнину, Ржевуский сообщил в Варшаву, что в Петербурге мемориал был встречен якобы благосклонно.

IV

Ф. Ржевуский прибыл в Петербург в начале августа 1764 г. 17/6 августа И. М. Лобкович сообщил, что он был принят Екатериной II⁴⁰. В инструкции, составленной для него А. Чарторыхским, главной целью посольства значилось признание императорского титула царицы. Однако помимо этого, Ржевуский должен был добиваться согласия России на ограничение *liberum veto*, на введение большинства голосов на посольских сеймиках и хлопотать о поддержке Польши против Пруссии, о субсидиях и о признании нового короля. В Петербурге миссия Ф. Ржевуского натолкнулась на препятствия: посол был враждебно встречен Г. Г. Орловым и многими царедворцами. Внешне благожелательный прием он нашел только у Н. И. Панина и у Каспара Сальдерна, ориентировавшегося на своего шефа. Вступить в непосредственный контакт с Екатериной II ему не удалось. Незадолго до избрания Станислава Августа В. Ф. Сольмс сообщал в Берлин 11 сентября / 31 августа 1764 г., что «Ржевуский нисколько еще не продвинулся в переговорах относительно получения денег для поддержки будущего короля Польши, его водят уверениями, что императрица его не оставит, но последствий никаких пока еще нет»⁴¹.

18/7 сентября 1764 г., после окончания сейма элекции, прусский посол сообщал, что Ф. Ржевуский подал Н. И. Панину записку, которую затем показал ему. В ней говорилось о необходимости на коронационном сейме устранить злоупотребление «вольным голосом», чтобы послы, голосуя против того или иного предложения, не имели бы впредь права срывать сейм целиком. Такая практика, когда применение *liberum veto* по одному из вынесенных на сейм, хотя бы и частному, вопросу влекло

* Францишек Ржевуский (1730–1800)³⁹ — сын М. Ржевуского, воеводы подольского, сторонник «фамилии». В 50-е гг. сблизился со С. Понятовским. На конвокационный сейм был избран вместе с Ф. К. Браницким от Галицкого воеводства. По решению сейма он был включен в состав совета при примасе и назначен депутатом для переговоров с Г. Кейзерлингом и Н. В. Репниным. 2 июля 1764 г. Генеральная конфедерация постановила отправить его послом в Петербург. Два тома переписки Ф. Ржевуского со Станиславом Августом были вывезены королем из Польши и впоследствии утрачены.

уничтожение сейма в целом, в мемориале Ф. Ржевуского была названа *liberum tumultu*. Вместо нее предлагалось установить законом право «вольного голоса», но только для каждого отдельного вопроса при сохранении действительности прочих решений сейма, что и было обозначено термином *liberum veto*. По словам В. Ф. Сольмса, Н. И. Панин одобрил это предложение, сказав, что Россия и Пруссия выиграют от некоторого усиления Польши, в частности, в отношении Порты, поскольку союз с Польшей может заменить в определенной мере прежний союз России с Австрией. Далее он заметил, что нет оснований опасаться, «что подобная реформа сделает Польшу государством, могущество которого будет грозным для ее соседей и союзников». В заключение руководитель русской внешней политики сказал Сольмсу: «Впрочем, эта мысль (о реформе сеймования. — *Б. Н.*), по новизне и неожиданности своей, не может не поражать и дает повод подозревать, что люди, ее предлагающие, имеют затаенные цели, которые нельзя пока распознать, — Панин явно говорил неправду, ибо содержание реформаторской программы „фамилии“ было ему хорошо известно, и никак не могло быть неожиданным, и продолжал: — и так как благоразумие не позволяет слепо полагаться в деле такой важности на уверения гр. Ржевуского о том, что его предложение вполне согласно с законами и конституцией республики», — то, как писал Сольмс, Н. И. Панин решил сообщить о мемориале Ф. Ржевуского Г. Кейзерлингу, доложить о нем императрице и выразил надежду, что прусский посол передаст содержание дела Фридриху II, и твердо обещал, «что ни к чему не будет приступлено, прежде чем состоится формальное соглашение об этом обоих дворов»⁴².

Переданные В. Ф. Сольмсом рассуждения Н. И. Панина весьма примечательны. Во-первых, в них мемориал Ф. Ржевуского представлен как частное мнение посла, а не позиция конфедерации или же нового короля Польши, которого тот представлял. В этой связи не кажется случайной задержка с принятием нотификации об избрании Станислава Августа, о чем неоднократно сообщал в Вену И. М. Лобкович⁴³, несмотря на принятое ранее решение Петербурга о немедленном признании нового польского короля. Во-вторых, обещанного Н. И. Паниным запроса по поводу предложений Ф. Ржевуского, адресованного Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину, сделано не было, а следовательно, в Петербурге вовсе не нуждались в консультациях с ними. И в-третьих, рассуждение о «подозрениях» и «затаенных целях», подкрепленное обещанием не предпринимать никаких шагов без формального согласия Пруссии, ясно свидетельствовало, какого именно ответа ожидали в Петербурге от Фридриха II. И такой ответ последовал.

Сначала 5 октября К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг обратились с письмом к королю, на которое Фридрих II ответил, что уже послал необходимые инструкции В. Ф. Сольмсу (письмо от 6 октября 1764 г.), в которых, однако, не выдвигал прямо возражений на предложенный проект, но только неустанно повторял, что «он представляет большой вред для интересов России»⁴⁴. В том же духе прусский король высказался и в письме Екатерине II от 30 октября 1764 г.⁴⁵ Рассуждая об идеях, содержащихся в мемориале Ф. Ржевуского, Фридрих II определенно давал понять, что предоставляет самой императрице принять решение, которое будет поддержано и Пруссией. Такая позиция прямо вытекала из русско-прусского союзного договора и конвенции 1764 г., намерение неукоснительно соблюдать дух и букву которых тем самым прусский король продемонстрировал еще раз. Говоря о задуманных в Польше реформах, он приписывал их инициативу группе магнатов, не упоминая

ни Чарторыхских, ни конфедерации, ни тем более Станислава Августа. Более того, Фридрих II утверждал, что не видит в настоящий момент, т. е. в правление нынешнего польского короля, опасности от предлагаемых проектов, но, заключает прусский король, ситуация может измениться, и тогда преобразования, представляющиеся сегодня малосущественными, могут иметь весьма опасные последствия. Таким образом, как инструкции Сольмсу, так и соображения, адресованные императрице, вполне могли быть истолкованы двояко: и как согласие на проведение реформ, и как возражение против них. Позиция Фридриха II, следовательно, в течение сентября—октября 1764 г. не так уж отличалась от позиции Н. И. Панина, отраженной в депеше Сольмса. Последнее слово оставалось за Екатериной II.

Вопрос об ограничении *liberum veto* получил отражение и в переписке с Берлином Г. Бенуа. 9 октября прусские министры сообщили своего представителя в Варшаве о предложениях, содержащихся в мемориале Ф. Ржевуского. По их словам, существующая зависимость Польши от России может претерпеть нежелательные изменения, если однажды будет упразднено *liberum veto* — *la principale pour ne pas dire la seule ressource dont les puissances étrangères puissent se servir pour contrebalancer les desseins d'un Roi ou d'un parti malintentionné* <...> (главное, чтобы не сказать единственное средство, которое могли бы использовать иностранные державы как противовес замыслам короля или какой-либо неблагонамеренной партии <...>). Каждое следующее письмо в Варшаву содержало повторение этого утверждения. Ответные депеши Г. Бенуа свидетельствовали, что он придерживался аналогичного мнения. По его словам, ограничение *liberum veto* и отмена *liberum veto* представляли собой только первый шаг к введению принципа множества голосов на сейме. Однако чтобы воспрепятствовать этому, писал Бенуа, потребуется немало усилий. Наиболее подробно он касался этого вопроса в депеше от 17 октября 1764 г., в которой писал, что в настоящий момент нельзя выводить войска из Польши, как это обещал сделать Г. Кейзерлинг, что русский посол совместно с ним должен определенно заявить о недопустимости изменений в государственном устройстве Речи Посполитой, для чего потребуются твердые указания Екатерины II. В ответ К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали 26 октября, что Фридрих II отклоняет проект ликвидации *liberum veto* и предложит русской императрице объявить через Н. В. Репнина, что ее войска не уйдут из Польши до тех пор, пока не будет подтверждена существующая форма правления при сохранении в полном объеме права «вольного голоса»⁴⁶. На полях депеши министров записана устная резолюция прусского короля от 27 октября: «Очень хорошо. Я уже писал в этом духе гр. Сольмсу и рекомендую ему еще раз эту инструкцию как очень интересную, и что *liberum veto* должно быть сохранено»⁴⁷. В тот же день соответствующая инструкция была отправлена в Петербург к В. Ф. Сольмсу, а затем по существу повторена 30 октября 1764 г.⁴⁸, в тот самый день, когда Фридрих II написал письмо «своей сестрице» — императрице Екатерине. Его содержание было рассмотрено выше. Однако обращает на себя внимание, что в нем прусский король ограничился только выражением опасений, в то время как в депешах К. В. Финкенштейна и Э. Герцберга от 27 и 30 октября звучали уже прямые возражения против преобразования польского сейма.

В конце октября — начале ноября 1764 г. в переписке Берлина со своими представителями в Варшаве и Петербурге наряду с темой ограничения *liberum veto* поднимается вопрос о планах увеличения численности польских войск, о чем сообще-

ли Ф. Х. Каролат* и Г. Бенуа 24 октября 1764 г. из Варшавы⁴⁹. Планы эти не были новыми. Еще на элекционном сейме возник спор по поводу положения пактов конвентов о передаче четырех гвардейских полков (коронных и литовских) в непосредственное распоряжение короля, взамен которых должны были набираться новые полки. Участники сейма говорили как о неувеличении войск, так и выражали обеспокоенность необходимостью изыскания для этого дополнительных средств⁵⁰. Содержание пактов конвентов было известно русскими и прусским послам заранее, а единственная дискуссия на избирательном сейме в начале сентября 1764 г. обязательно должна была привлечь их внимание. И если этого тогда не произошло, то, следовательно, сам вопрос не рассматривался как существенный. Поэтому подчеркнутое внимание к нему на рубеже октября—ноября 1764 г. указывает только, что он не представлял важности сам по себе, а служил лишь надуманным аргументом в политическом демарше прусского министерства. Тема возможного увеличения польских войск наряду с весьма твердыми возражениями против ограничения вольного голоса появляется в инструкциях К. В. Финкенштейна и Э. Герцберга В. Ф. Сольмсу от 3 и 17 ноября 1764 г.⁵¹ Примечательно, что эти инструкции были даны министрами, а не самим Фридрихом II, письмо которого к Екатерине II от 30 октября выдержано в ином тоне.

В то самое время, когда прусские протесты, адресованные в Петербург, по поводу задуманных преобразований в Польше становились все решительнее, 30/19 октября 1764 г. В. Ф. Сольмс писал донесение Фридриху II. В нем посол сообщал о своих беседах с Н. И. Паниным и о его реакции на соображения, высказанные прусским королем в письме от 6 октября⁵². Сольмс отметил, что шеф русской внешней политики «нашел правильными и весьма вескими» причины беспокойства прусского короля, но возразил, что частичные изменения порядка сеймования не означают еще перемен в государственном устройстве Речи Посполитой. Н. И. Панин продолжал, что любые перемены могут быть осуществлены только с согласия России и Пруссии, и «ему кажется, что было бы немощно жестоко останавливать попытку поляков выйти из состояния варварства, в котором они пребывают вследствие злоупотребления свободой, тем более, что видоизменение права разрывать сейм может быть столько же полезно для системы обоих дворов, сколько и вредно». В конце депеши В. Ф. Сольмс писал, что мнение Н. И. Панина представляет его личную позицию, что при русском дворе ничего еще не решено и вряд ли будет решено в ближайшее время. При этом прусский посол не сообщал, сам ли Панин сказал ему об этом, или это стало известно из других источников.

В донесении от 9 ноября / 29 октября 1764 г.⁵³ прусский посол вновь излагал рассуждения шефа Коллегии иностранных дел о предполагаемых реформах в Польше, что тот все более склоняется в пользу ограничения *liberum veto*. По словам Панина, Россия более, нежели Пруссия, заинтересована в этих изменениях, но и для Берлина они не должны представляться опасными, по крайней мере до тех пор, пока оба двора соединены союзом, который, как считает руководитель русской внешней политики, «будет прочен и продлится на будущие века». Разумеется, к идее «вечного

* Ф. Х. Каролат — полномочный посол Пруссии, аккредитованный в Польше при примасе и сейме на время избрания нового короля, находился в Варшаве с мая по декабрь 1764 г. Во время его пребывания в Польше Г. Бенуа продолжал фактически руководить работой миссии.

союза» Н. И. Панин не должен был относиться серьезно, хотя бы потому, что она не могла быть убедительной для Фридриха II. А совместно Россия и Пруссия, продолжал передавать слова своего собеседника В. Ф. Сольмс, всегда смогут направлять решения польского сейма в нужном для них направлении. В случае же отказа поляки могут, говорил Панин, принять решение о реформе вопреки воле Петербурга и Берлина, и тогда придется применить силу против Польши, что сопряжено с риском усиления позиций Австрии, к которой поляки могут обратиться за помощью «для возведения себя на степень благоустроенного государства». Здесь Н. И. Панин, упоминая о державе Габсбургов, явно стремился задеть чувствительную струну в душе прусского короля. Для чего же следовало убедить Фридриха II дать согласие на преобразования в Польше? Панин привел только один довод — для присоединения Речи Посполитой к русско-прусскому союзу, который будет положен в основание северной системы.

Наконец, в середине ноября 1764 г. ситуация разрешилась: Екатерина II запретила проведение каких-либо преобразований в Польше. Обстоятельства принятия такого решения не нашли отражения ни в русских, ни в польских источниках. Из иностранных дипломатов, находившихся в Петербурге, только В. Ф. Сольмс писал о них в донесениях с 2 по 23 ноября 1764 г., причем весьма подробно. Однако, обращаясь к его свидетельствам, следует учитывать их односторонний характер. Вначале прусский посол сообщал, что намерен добиться разговора с Н. И. Паниным, чтобы в соответствии с последними инструкциями министерства изложить ему соображения берлинского двора относительно *liberum veto*, и затем писал, что только что из достоверного источника узнал, что Екатерина II «напрямик отказалась содействовать введению большинства голосов на сеймах, но вместе с тем не высказалась определенно по поводу ограничения *liberum veto*, запрещавшего срывать сеймы». Через три дня В. Ф. Сольмс сообщал, что Н. И. Панин попытался убедить императрицу разрешить полякам уничтожить «*liberum gumro*» (право разрыва сейма), чтобы, как тот говорил польскому послу, сделать союз с Польшей «полезным для настоящей системы и иметь возможность употребить ее, в случае надобности, против турок и татар» и выражал надежду, что прусский король не станет противиться этому. Наконец, 20/9 ноября В. Ф. Сольмс доносил Фридриху II, что в Петербурге принято окончательное решение не позволять нововведений в государственном устройстве Польши, и описывал реакцию на него Н. И. Панина, который не скрывал досады, будучи принужден сам опровергнуть свои высказывания, сделанные прусскому послу и Ф. Ржевускому. По словам Сольмса, Панин приписывал изменение в настроении Екатерины II влиянию Орловых и А. П. Бестужева-Рюмина и надеялся вернуть императрицу к первоначальному плану, но, как заметил прусский посол, едва ли это будет возможно до времени коронационного сейма. 23/12 ноября последовала очередная депеша Сольмса, в которой говорилось о составлении инструкций Н. В. Репнину и что, отказывая полякам в проведении преобразований в настоящий момент, в России связывают их в будущем с заключением союзного трактата.

Свидетельства В. Ф. Сольмса в минимальной степени могут быть дополнены донесениями Л. Беранже, который писал С. Г. Шуазелю-Пралену 2 октября 1764 г., что Г. Орлов ревниво отнесся к Ф. Ржевускому и слышать не хотел о его мемориале, т. е. предложения польского посла были известны фавориту в то же время, когда они стали предметом бесед Н. И. Панина и В. Ф. Сольмса. В той же депеше Беранже

сообщал, что влияние Орлова на императрицу остается неизменно высоким и что тот является сторонником возврата к старой системе, ориентированной на союз с Австрией⁵⁴. А 13 ноября французский поверенный в делах писал, что А. П. Бестужев-Рюмин, сожалея об утрате своего прежнего влияния в делах, надеется вновь обрести его, связав себя с новой политикой, главной целью которой является Турция, иными словами со сторонниками Орловых⁵⁵. Сами по себе эти известия не добавляют чего-либо нового в картину борьбы придворных группировок в Петербурге. Однако уже то, что Л. Беранже обращает на них внимание в самое время обсуждения вопроса о реформах в Польше, свидетельствует о том, что оно вызвало обострение противоборства при дворе по вопросам внешнеполитического курса или, по крайней мере, совпало с ним.

Обстоятельства, связанные с переговорами Ф. Ржевуского в Петербурге, нашли отражение и в депешах Н. В. Репнина из Варшавы. 22/11 октября 1764 г. посол сообщал, что, по словам Станислава Августа, мемориал, направленный польским двором, «с уважением принят» и что Ф. Ржевускому обещано согласие на введение множества голосов на сеймиках. Н. В. Репнин просил инструкций в связи с этим проектом и рассуждал, указывая на «деликатность сего пункта», так как в случае принятия такого решения создавался бы опасный прецедент для аналогичной реформы сейма. По поводу сеймиков он писал, что в случае как принятия, так и отклонения предложенного решения король может влиять на состав послов на сейм либо с помощью большинства голосов проводя на выборах своих сторонников, используя раздачу староств и должностей, либо в случае сохранения вольного голоса, разрывая сеймики в виду угрозы избрания на них нежелательных для двора послов. При этом сам Репнин склонялся в пользу первого варианта, так как на сейме с полным числом послов для русского посольства было бы проще найти людей, готовых содействовать планам России, чем среди небольшого числа послов из-за разорванных сеймиков. В заключение посол писал: «Я не беру на себя об столь важном деле решительное что сказать, а рассуждении только свои <...> представляю; кажется, что опасного во всей перемене только то, чтоб тот пример не подал желания и на сейм такое же учреждение сделать»⁵⁶.

Не дождавшись инструкций из Петербурга, Н. В. Репнин спустя 16 дней в депеше Н. И. Панину вновь обращается к теме задуманных в Польше преобразований. Он напоминает о своем письме от 22/11 октября и просит «повелений», поднимая также вопрос об увеличении численности польских войск. Он писал, что если об этом «здесь помышлять будут и до какого числа то допускать или совсем не позволять, а вам (Н. И. Панину. — *Б. Н.*), я думаю, об том не без отзывов было от графа Ржевуского». Судя по контексту письма, Репнин вполне допускал, что вопрос об увеличении численности польских войск мог быть в Петербурге решен положительно. И только в постскрипуме русский посол выразился в ином духе, видимо, не без влияния Г. Бенуа. В нем Н. В. Репнин писал: «Если совсем никакого прибавления войска здесь высочайший наш двор дозволить не намерен, также и держание сеймиков множеством голосов, то считая, нужно б о том точно отозваться с твердостью к графу Ржевускому, дабы он в своих доношениях то сюда изъяснил»⁵⁷. В депешах Н. В. Репнина обращает на себя внимание та же последовательность сообщаемой информации, что и в переписке Берлина со своими представителями в Варшаве и в Петербурге: сначала проблема сеймиков, а затем — об увеличении численности войск.

Это указывает, что и Репнин, и Бенуа пользовались одним и тем же источником, т. е. передавали сведения о переговорах Ржевуского со слов Станислава Августа.

Депеши Репнина подтверждают также сведения Г. Бенуа и В. Ф. Сольмса, что русский посол долгое время не имел инструкций из Петербурга. Из них также следует, что, хотя Н. В. Репнин и принял аргументы Станислава Августа в пользу проведения преобразований сеймиков, но в главном вопросе о введении большинства голосов на сеймах и об «умножении войск» его позиция была негативной, что особенно ясно видно из постскриптума к последней депеше. А так как Екатерина II читала корреспонденцию Репнина, адресованную не только ей, но и Н. И. Панину, то позиция русского посла должна была повлиять на нее не меньше, чем увещевания В. Ф. Сольмса или рассуждения Фридриха II.

Таким образом, из всех лиц, причастных к польской политике России, как это следует из донесений В. Ф. Сольмса, только Н. И. Панин в определенной мере положительно воспринял идею реформирования государственного строя Польши. Это дало основание С. М. Соловьеву, а вслед за ним и многим другим авторам утверждать, что руководитель русской внешней политики намеревался поддержать программу «фамилии»⁵⁸. Однако это широко распространенное положение может быть поставлено под сомнение. Как писал прусский посол в Берлин, со слов Н. И. Панина, Екатерина II сначала поддержала позицию своего министра и якобы готова была пойти навстречу пожеланиям поляков, содержавшимся в мемориале Ф. Ржевуского. Но ни один источник русского происхождения не содержит даже косвенного подтверждения такой позиции императрицы. Не подкрепляют этого утверждения и депеши самого прусского посла, ибо в его беседах с Н. И. Паниным, которые, без сомнения, переданы точно, тот, весьма пространно рассуждая о желательности некоторых преобразований в Польше, ни разу в подтверждение своих слов не сослался на мнение своей государыни. А это, как мы видели, имело бы решающее значение для определения позиции Пруссии, ибо Фридрих II вначале был готов согласиться с панинскими идеями и если возражал против них, то только в форме советов, обращенных в будущее. Поэтому, если Панин даже намеком не упомянул о согласии Екатерины II с планами Станислава Августа, то, следовательно, этого согласия просто не существовало. Конечно, это было известно русскому министру. Тогда чем объяснялись его рассуждения, адресованные Сольмсу? Ни Орловы, ни А. П. Бестужев-Рюмин, ни З. Г. Чернышев, ни другие влиятельные люди при петербургском дворе не поддерживали предложений Панина. Такое единодушие свидетельствовало, что им также была известна позиция императрицы. Оказавшись практически в одиночестве, Панин обратился к Сольмсу, однако вовсе не затем, чтобы найти поддержку в Берлине. Реакция Фридриха II на идею реформирования государственного строя Польши была известна заранее. Следовательно, прусских возражений ожидали как благовидного предлога, дабы отклонить проекты Ф. Ржевуского, на реализацию которых Станислав Август мог бы надеяться вследствие туманных обещаний Петербурга издать Речь Посполитую «от неурядиц», переданного «фамилии» через покойного Г. Кейзерлинга. Месячное отсутствие инструкций, адресованных Н. В. Репнину накануне коронационного сейма, и потребовалось Екатерине II и Н. И. Панину, чтобы дождаться наконец прусских протестов и отвергнуть польские требования, свалив ответственность за подобный шаг на Фридриха II. 22/11 ноября 1764 г. последовал написанный Н. И. Паниным императорский рескрипт Н. В. Репнину, в котором

послу поручалось сообщить Станиславу Августу, что Россия не дает согласия ни на введение большинства голосов на сеймах, ни на ограничение правила *liberum veto*⁵⁸.

Однако прежде чем отправленные из Петербурга инструкции достигли Варшавы, Станислав Август в ответ на письма Екатерины II от 30/19 сентября и 6 октября / 25 сентября 1764 г.⁶⁰ сам обратился с письмом к императрице. В адресованных королю письмах Екатерина II уделила главное внимание требованиям России к Польше. О реформах в Речи Посполитой она не говорила ничего, помимо полунамеков на открывшееся для Станислава Августа «поприще для благодеяний» и возможность для него способствовать «вознесению славы и благоденствия Польши на высшую, какая ей только памятна, ступень»⁶¹. Тем не менее король воспользовался письмами царицы, чтобы вновь поднять, наряду с другими, и вопрос о реформах (фрагменты этого письма Станислава Августа частично приведены у С. М. Соловьева⁶²). Он писал 15/4 ноября 1764 г.⁶³: «Я хочу все же, чтобы Польша оставалась свободной, и я намерен вытянуть ее из того страшного беспорядка, который в ней господствует. Патриоты, — продолжал король, — устали от анархии: она им настолько отвратительна, что они предпочитают абсолютную монархию постыдным злоупотреблениям вольностью, если нельзя перейти к лучше управляемой свободе. Но единственно возможный способ для этого соединить сеймики послов с сеймиками депутатов (т. е. проводить выборы послов на сеймы большинством голосов. — *Б. Н.*). Мой посол гр. Ржевуский уполномочен объяснить все это детальным образом Вашему величеству». Станислав Август явно рассчитывал, что это письмо будет способствовать проведению непосредственных переговоров между Екатериной II и Ф. Ржевуским, чего тому пока не удалось добиться в Петербурге, надеялся, что упоминание об угрозе установления абсолютизма в Польше побудит Екатерину II согласиться с предполагаемыми реформами. Король в иносказательной форме намекал также на свои опасения по поводу противодействия Пруссии проведению реформ в Польше и писал в заключение: «Что только одной Вам я обязан тем, что прусский король сделал для стольника Понятовского и что еще сделает для Польши и ее короля Станислава Августа». Эта фраза явно свидетельствовала, что задуманный в Петербурге маневр — представить Фридриха II в качестве главного противника преобразовательных планов «фамилии» — возымел свое действие.

3 декабря 1764 г., в день открытия коронационного сейма Н. В. Репнин сообщил в Петербург о реакции Станислава Августа на доставленные накануне в Варшаву инструкции от 22/11 ноября, главные пункты которых «то есть о прибавлении войска, о множестве голосов и о либерум румпо вчера вечером, после куртагу королю донес, — писал посол и продолжал: — Ответ его был оскорбление наичувствительнейшее и печаль, понимая довольно, что без согласия ее имп. в-ства все учреждения не в пользу, но во вред обратятся»⁶⁴.

5 декабря / 24 ноября 1764 г. Н. В. Репнин доносил о первых решениях коронационного сейма⁶⁵ и отмечал, что получил обещание от «фамилии» не вводить «неприятных нашему двору перемен». Однако вопреки первоначальным планам Петербурга и пожеланиям Фридриха II ликвидировать Генеральную конфедерацию после коронации Станислава Августа, русскому послу пришлось согласиться на ее продолжение, дабы обеспечить выполнение требований России. При этом он понимал, что такое решение означает фактическое введение большинства голосов вместо принципа единогласия. «Во время Генеральной конфедерации, — писал посол, —

все по множеству голосов держутся, потому что есть воеводства, быв конфедерованы, також на своих сеймиках множеством голосов все делают, чем и открывается связанность между оными, и как они прежде требовали согласия на множество голосов в сеймиках, то б оное особливим законом утвердить нужно было, что то не распространится на сеймы генеральные». Поэтому Н. В. Репнин и старался посредством особой конституции хотя бы ограничить возможность Генеральной конфедерации проводить свои решения на будущем сейме большинством голосов.

Однако, несмотря на согласие русского посольства сохранить Генеральную конфедерацию и после окончания коронационного сейма, вопрос о ее ликвидации все же был поставлен, когда на сейме с таким требованием выступил волынский посол Загурский. Ответ на это Адам Чарторыйский и другие послы заявили, что «простым людям» не следует препятствовать работе высших учреждений республики, что нынешний сейм не является примирительным⁶⁶. Этим они явно продемонстрировали намерение продолжить в будущем осуществление программы реформ.

Об этом же писал Екатерине II и Станислав Август уже после окончания сейма, 24 декабря 1764 г. (письмо это приведено у С. М. Соловьева⁶⁷). Он указывал, что «принес в жертву императрице предметы самых пламенных своих желаний». «Считаю себя вправе думать, — писал король, — что мое поведение расположит ваше величество благоприятно отнестись к делу в будущем».

Что дело реформ не похоронено окончательно, понимания и в Берлине. Именно с этой точки зрения Фридрих II смотрел на продолжение конфедерации и на согласие Н. В. Репнина начать вывод русских войск из Польши. Об этом король писал В. Ф. Сольмсу 31 декабря 1764 г.⁶⁸ «Из всего вышеизложенного, — заключал он, — вы легко можете видеть, как скоро новый двор начинает преследовать свои цели <...> но всего более меня удивляет то, что по дошедшим до меня сведениям, которые я сообщаю впрочем единственно для вашего руководства — Россия, кажется, не пожелала постичь такой истины (опасности изменений в государственном строе Польши. — Б. Н.) и отнеслась ко всему этому весьма спокойно, так что польский король делал, что хотел, а оробевшие поляки не посмели ему противодействовать». Последняя сентенция прусского короля примечательна прежде всего тем, что была адресована только для сведения посла. То есть Фридрих II давал понять, что на этом прусские протесты против возможных преобразований будут приостановлены, подчеркивая тем самым, что внутренняя политика Польши по-прежнему, как и было предусмотрено русско-прусскими соглашениями 1764 г., остается исключительно в сфере влияния Петербурга.

Однако беспокойство прусского короля по поводу неосмотрительной, с его точки зрения, позиции Петербурга относительно допустимых пределов преобразований в Польше не имело под собой основания. Позиция Екатерины II оставалась неизменной и твердо проводилась русским посольством в Варшаве. 13/2 февраля 1765 г. Н. В. Репнин доносил в Петербург о распространенном в Варшаве «шифрованном прожете о переменах здешнего правления», по поводу которого посол писал, что он составлен противниками короля и Чарторыйских. Посол подчеркивал, что «фамилия» не отказалась от планов реформ, но ничего не сделает без согласия России, потому что знает, «что то все во вред обратится, если прежде согласия нашего двора не получат»⁶⁹. Посол также считал, что увеличение численности польских войск невозможно не только из-за полиции соседних держав, но и вследствие состояния казны и финансов Речи Посполитой⁷⁰.

Тем не менее «фамилия» и Станислав Август не оставляли попыток подготовить почву для реформирования польских войск и выяснить, не изменилась ли позиция России по поводу возможного увеличения их численности. Так, в феврале 1765 г. брат короля К. Понятовский говорил Н. В. Репнину о намерении Станислава Августа принять к себе на службу 500 человек милиции одного из Потоцких, что было бы полезно для ослабления влияния этого рода, но трудно осуществить из-за отсутствия средств. На это русский посол заявил, что такой шаг привел бы к превышению численности войск в 12 тыс. чел., установленной пактами конвентами, и добавил, что «такие мелкости не надобно вешивать в главный их предмет, и если они желают такого увеличения, то прежде оного достигнуть не могут, поколь Ржевуский от здешнего места принадлежащих у тому обязательств не заключит с нашим высочайшим двором»⁷¹. Вновь вопрос об увеличении численности польских войск в переписке Н. В. Репнина с Н. И. Паниным был поднят в январе 1766 г., когда посол сообщил о реорганизации собственного королевского войска и об образовании из служивших в нем шляхтичей особой кадетской роты, численность которой в будущем планировалось довести до 800 человек⁷². Однако Петербург хранил молчание, не возражая, но и не демонстрируя поддержки по отношению к действиям поляков.

Вообще после окончания коронационного сейма в переписке между Петербургом и Варшавой вопрос о реформе сеймования и о преобразованиях в военной области больше прямо не поднимался вплоть до кануна сейма 1766 г. Однако это не означало, что проведение в жизнь задуманных в Польше преобразований остановилось полностью.

V

Одним из важнейших направлений реформирования государственного строя Польши было создание в первый год правления Станислава Августа первых элементов исполнительной власти. Этому вопросу посвящена специальная глава в книге В. Конопчиньского «Генезис и установление Постоянного совета» (*Rady Nieustajacej*)⁷³.

Еще на конвокационном сейме 1764 г. воевода иновроцлавский и будущий коронный канцлер А. Замойский говорил об опасности соединения всей власти в одном лице или же учреждении и предлагал образовать особый совет, в который наряду с сенаторами были бы включены представители, избранные сеймом. Именно эта идея была положена в основу формирования военных и скарбовых комиссий в Короне и в Литве, работа которых была начата в феврале–марте 1765 г. К этим четырем главным комиссиям примыкали административные комиссии, например, «доброго порядка» или монетная.

Задача упорядочения администрации не в последнюю очередь была связана с формированием единого руководящего органа. В связи с этим в первый год правления Станислава Августа несомненно возрастает значение Сената, в котором господствовали представители «фамилии», получившие после коронации большинство сенаторских должностей. Только в 1765 г. Сенатский совет собирался 6 раз, а за первую половину 1766 г. — 9 раз, что было практически беспрецедентным случаем в XVIII в.⁷⁴ Однако роль Сената в это время была иной, чем в предшествующее царствование при Г. Брюле, когда сенатские решения должны были в той или иной мере заменить решения сорванных сеймов. При Станиславе Августе контролиро-

вавшие сейм и сенат Чарторыские вполне обеспечивали их согласованную работу. Во многом это было связано с составом сенаторов, присутствовавших на совете. В отличие от сенатской рады 10 января 1765 г., проведенной в обычном порядке, Совет 5 октября 1765 г. собрался только из 12 человек, присутствовавших в Варшаве, — 4 епископов и воевод, двоих каштелянов, канцлера А. Замойского и подканцлера литовского Пшездецкого. По предложению Я. Борха, сославшегося на имевшиеся прецеденты, сенатские советы решено было проводить секретно. Таким образом, было положено начало практике секретных заседаний Сената, состоявших из ближайших сторонников короля. Это позволяло, с одной стороны, упростить процедуру созыва и проведения сенатских советов, а с другой — ограничить преобладание в Сенате его прежней функции как органа сословного представительства в пользу новой роли Сената как института государственного управления. С этой точки зрения он стал больше походить на ближнюю Думу царя Алексея Михайловича.

Преобразования в деятельности польского Сената были непосредственно связаны с функционированием Рады кабинета или Конференции короля с министрами и сенаторами, которая начала собираться с конца 1765 г. Она стала по сути преемницей фамильной рады Чарторыских. Будучи формально неконституционным органом, она не имела собственных законодательно определенных функций в системе государственного управления Речи Посполитой и могла, следовательно, действовать только в пределах полномочий самого короля или же министров. В. Конопчинский сравнивал ее с кабинетом Карла II в Англии⁷⁵. Некоторую аналогию можно усмотреть также с Негласным комитетом времен Александра I.

Перемены в положении Сената поставили вопрос о соотношении его статуса со статусом министров. Об этом на Сенатском совете 2 января 1766 г. говорил Годский — воевода подляшский. Он указывал «фамилии» на усиление фактической власти министерства в сравнении с Сенатом и требовал, чтобы король управлял государством сам, а не с «товарищами». Н. В. Репнин отмечал, что этот демарш был связан с требованием М. Чарторыского, с которым согласились и другие министры, «чтобы они ниже сенаторов не подписывались»⁷⁶.

Новые черты в деятельности Сената и образование особого королевского совета свидетельствовали о попытках Станислава Августа и Чарторыских не только упорядочить систему государственного управления, но и усилить центральную власть, прежде всего ее исполнительные функции. На это указывал в частности реестр вопросов, обсуждавшихся на секретных радах Сената⁷⁷. Аналогичные черты в политике королевской власти были характерны для всех стран, переходивших от сословно-представительной монархии к абсолютизму. Вместе с тем нельзя не заметить, что в действиях «фамилии» подчеркнутое внимание уделялось укреплению именно республиканских институтов польского государства. Однако альтернатива республиканской или монархической централизации, на которую намекали Чарторыские и С. Понятовский в своих мемориях в Петербург, начиная с декабря 1762 г., так и оставалась неразрешенной.

Усиление центральной власти, к чему, несомненно, стремилась «фамилия», ставило не только вопрос об ограничении *liberum veto* и прерогативах сеймиков, но и о привилегиях земель Речи Посполитой. Станислав Август, также как и его дяди, прежде всего М. Чарторыский, был горячим сторонником дальнейшего сближения Польши и Литвы. Однако его усилия были направлены не только на унификацию польского и литовского права, что было характерно для королевской политики, начиная с Си-

гизмунда Августа, а преимущественно на объединение управления обеих частей Речи Посполитой. В январе 1766 г. король поручил юристу Т. Длускому составить проект дополнения польско-литовской унии⁷⁸, а позднее поделился своими идеями с четырьмя канцлерами. В проекте, помимо единого герба и войска, предполагалось образование общих комиссий для Короны и Литвы, в которые вошли бы делегации обоих народов. Проект не был одобрен. М. Чарторыйский опасался сопротивления со стороны литовской шляхты и обвинений в деспотизме. А. К. Чарторыйский, говорил о затруднениях, которые могли бы возникнуть в случае, если одна из делегаций, коронная или литовская, получила бы в комиссиях большинство голосов.

Примечательно, что все вышеназванные меры польского правительства были оставлены русским посольством без внимания. Н. В. Репнин не сообщал о них в Петербург и сам не вмешивался в действия польских властей. Очевидно, что посол не усматривал в них угрозы интересам России. Более того, он вполне благожелательно относился к политике Станислава Августа. Об этом свидетельствует отношение России к действиям польского правительства в Королевской Пруссии.

VI

Королевская Пруссия, именуемая также Западным Поморьем, располагалась на северо-западе Речи Посполитой и включала в себя воеводства Хельминское, Мальборское и Поморское. Крупнейшими городами провинции были Гданьск, Эльблонг и Торунь. Особое значение для провинции имел торговый путь по Висле, в нижнем течении которой располагались крупнейшие города. В составе польско-литовского государства в сравнении с другими провинциями и землями Королевская Пруссия имела весьма важные привилегии. Это касалось права участия в сейме неограниченного числа послов от провинции, достигавшее иногда более 100 человек, независимость генерального сеймика при установлении налогов, полномочий прусских подскарбиев.

Велявско-быдгощский договор 1657 г., открывший для бранденбургских курфюрстов путь к суверенитету над Восточной Пруссией, и Оливский мир 1660 г. подтверждали привилегии Королевской Пруссии, в частности, права городского самоуправления и лютеранских общин. Страны-гаранты этих договоров, в первую очередь Швеция и Пруссия, рассматривали их как основание для своего вмешательства во внутренние дела Польши под предлогом защиты привилегий прусской провинции.

Вхождение Королевской Пруссии в состав владений польской короны в соответствии с актом инкорпорации 1454 г. предусматривало полную автономию провинции и ее неподвластность сейму и сенату, верховная власть в которой принадлежала исключительно польскому королю. Впоследствии ограничение королевской власти в Польше и установление республиканского строя в польско-литовском государстве привели к противоречию между автономным статусом Королевской Пруссии и верховной властью сейма в Речи Посполитой. Связи провинции с польским государством в значительной мере основывались на сословных привилегиях шляхты, которая пользовалась равными правами со шляхтой Польши и Литвы и в равной мере участвовала в политической жизни и государственном управлении Речи Посполитой, что основывалось в частности на праве индигината, включавшего дворянство Польской Пруссии в состав польской шляхты.

Наиболее же ярко противоречия между статусом Королевской Пруссии и государственным строем Польши проявились в отношении крупных городов: Гданьска, Торуня, Эльблонга, магистраты которых были практически самостоятельны во всех внутренних вопросах: административных, финансовых, судебных, но не имели представительства на сейме. Особенно показателен пример Гданьска*, который имел даже дипломатические связи с другими государствами, в том числе со Швецией, Россией, Пруссией. Французский резидент оставался в городе даже после разрыва дипломатических отношений с Польшей в 1764 г.

Одной из составных частей реформаторской программы Чарторыхских была унификация правового статуса Королевской Пруссии с остальными землями Речи Посполитой и подчинение провинции в административном и судебном отношении польскому сейму как составной части земель Короны. Начало осуществлению этих планов было положено назначением в 1761 г. П. Мостовского воеводой поморским, который осенью 1762 г. сблизился с «фамилией» и с этого времени пользовался особым покровительством М. Чарторыхского — инициатора политики, направленной на ликвидацию привилегий Королевской Пруссии. Против П. Мостовского выступили «пруссские патриоты» (Чапские, Збоиньские, Гольцы), связанные идеологически и политически с «гетманской» и «дворской» партиями. В 1762—1763 гг. ареной борьбы между «фамилией» и «патриотами» стал Петриковский трибунал, где рассматривался вопрос о податях с провинции. Сторонники Мостовского одержали верх, однако на сторону «патриотов» стал двор, а Т. Вессель обещал снизить подати с Мальборка. В конце 1763 г. по инициативе воеводы мальборского М. Чапского была образована конфедерация «пруссских патриотов».

Во время бескорольев «фамилия» стремилась ослабить «патриотов-пруссаков» и привлечь на свою сторону города, обещая подтвердить их привилегии в случае разрыва с «партией» Чапского. Г. Кейзерлинг обещал представителям Торуня и Гданьска гарантировать совместно с Пруссией их привилегии.

Вопрос о поддержке городов Королевской Пруссии был в русской политике достаточно тесно связан с «диссидентским делом». Это нашло свое отражение в рескрипте Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину от 7 февраля / 27 января 1764 г., в котором Екатерина II в ответ на просьбу Торуня обещала заступиться за протестантские общины города, терпящие «утеснения за веру». Послам поручалось уведомить торуньский магистрат, что русская императрица окажет в том городе «высочайшее наше покровительство и защищение»⁸⁰. Очевидно, что в этом проявилось стремление Петербурга распространить свои гарантии прав городов Королевской Пруссии не только на Гданьск, но и на Торунь.

Однако во время бескорольев тактика русского посольства в отношении провинции была направлена преимущественно на примирение П. Мостовского с «патриотами», что способствовало бы достижению главной цели: избранию польским королем С. Понятовского. Совместно с В. Лубеньским Г. Кейзерлингу удалось настоять на соглашении Чапских с Чарторыхскими. Не последнюю роль в этом сыграл расквартированный в Грауденце отряд русских войск Н. Хомутова. Благодаря ин-

* Политика России в отношении Гданьска представляет собой совершенно самостоятельную исследовательскую тему. Поэтому в настоящей работе мы касаемся ее только в контексте истории польско-русских отношений 1760 — начала 1770-х гг.

спириванному «примирению», «фамилии» удалось предстать республиканцами на прусском генеральном сеймике 27 марта 1764 г. Сеймик был разорван, а послы от провинции на конвокационный сейм так и не были избраны. В их отсутствие на созывательном сейме в мае—июне 1764 г. были проведены решения, направленные на изменение статуса Королевской Пруссии в составе Речи Посполитой: прежде неограниченное число послов на сейм сокращалось до двух от повета, М. Чарторыйский предлагал ликвидировать право прусского индигината, Генеральная таможня ограничила податной иммунитет, возник вопрос о праве городов чеканить собственную монету, люстрация всех королевщин распространялась и на староства в провинции, а установление множества голосов в ассессорских судах и на сессии коронного трибунала в Торунь вызвало протесты в Королевской Пруссии, шляхта и города которой настаивали на нераспространении на провинцию польского права. Следующим шагом политики унификации стало одобрение пактов конвенгов, в соответствии с которыми на Королевскую Пруссию наряду с властью короля распространялась власть сейма и сената, а также созданного специально для провинции апелляционного суда.

Представители Королевской Пруссии не раз обращались к Г. Кейзерлингу с протестами, но русский посол заявил, что не намерен вмешиваться в действия конвокационного сейма. В этом проявилась, с одной стороны, линия на поддержку реформаторских планов Чарторыйских, а с другой — стремление обеспечить решение главной задачи — избрание ставленника России на польский престол. Этой же линии придерживался Станислав Август, который стремился достичь компромисса между «пруссскими патриотами» и «фамилией». К этому шла и противная сторона, понимая, что только так может рассчитывать на благожелательное отношение русского посольства к своим требованиям, чем и объяснялось присоединение Королевской Пруссии к Генеральной конфедерации, и попытка создания там собственной прорусской партии, независимой от Чарторыйских. Однако компромисс так и не был достигнут: на коронационном сейме послы от провинции не согласились на введение Генеральной таможни.

В 1765 г. «фамилия» продолжила попытки добиться реализации решений сеймов 1764 г. и унификации статуса Королевской Пруссии и коронных земель. Ту же цель ставил перед собой и Станислав Август, однако в отличие от своих дядей, король надеялся достичь ее путем соглашения с «патриотами»⁸¹. Это вполне соответствовало с его общим курсом на объединение сторонников реформ независимо от их прошлой «партийной» принадлежности и на создание группировки собственных сторонников, не связанных непосредственно с Чарторыйскими. Такой курс нашел выражение в замене П. Мостовского в должности поморского воеводы. Еще в начале 1765 г. король собирался перевести его на Серадзское воеводство. А в июле 1765 г. при дворе стали думать о передаче Поморского воеводства Я. Е. Флемингу. П. Мостовский обратился за помощью к своему старому покровителю — А. Чарторыйскому. С помощью сторонников «фамилии», которых немало оказалось среди шляхты провинции, там была образована конфедерация в его поддержку. Однако Станислав Август, вопреки воле «фамилии», добился перевода П. Мостовского из Королевской Пруссии. В середине марта 1766 г. тот согласился принять должность воеводы мазовецкого, а поморским воеводой стал Я. Е. Флеминг. Такая уступка «пруссским патриотам» должна была, по мысли короля, обеспечить поддержку послов от

провинции. В мае 1766 г. двор хлопотал об образовании конфедерации в Королевской Пруссии для проведения там генерального сеймика, но не нашел опоры ни среди шляхты, ни у городов.

Постоянный конфликт шляхты и городов Королевской Пруссии с центральной властью в Речи Посполитой не мог не привлечь внимания русского посольства хотя бы уже потому, что от позиции послов провинции на сейме во многом зависели его решения. К тому же земли Западного Поморья в значительной части находились между бранденбургскими и восточно-пруссскими владениями Фридриха II, а следовательно, прусский король не мог не придавать им исключительного значения в своей польской политике. Наконец, именно в этой провинции диссидентские объединения шляхты и городов пользовались наибольшим влиянием, чего не могли не учитывать «защитники прав диссидентов» в Петербурге. Все это вынуждало Г. Кейзерлинга и Н. В. Репнина, начиная с 1764 г., не оставлять без ответа постоянные обращения «пруссских патриотов» и принимать участие в политике польской короны по отношению к провинции. Мы уже отмечали, что в начале 1764 г. Г. Кейзерлинг обещал совместно в Пруссии гарантировать права Торуня и Гданьска⁸².

Однако в разговорах русских послов с Чарторыскими с С. Понятовским во время конвокационного сейма вопрос стоял иначе. Н. В. Репнин писал в Петербург 25/14 мая 1764 г., что гарантия прав Польской Пруссии на сейме не рассматривалась, так как из-за междоусобицы в ней сеймик не состоялся, но таковую можно включить в генеральную гарантию, если до нее дойдет дело⁸³. Таким образом, вопреки утверждению Г. Кейзерлинга о нежелании вмешиваться в ход конвокации, планы российской гарантии прав провинции существовали, более того, они рассматривались как составная часть российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. То есть подтвержденный российской гарантией особый статус провинции получал бы теперь оформление межгосударственным договором, что еще больше ограничило бы польский суверенитет. К тому же можно заключить, что, вопреки словам Г. Кейзерлинга, участия Фридриха II в этой гарантии отнюдь не предполагалось, а следовательно, указывало на стремление России ослабить влияние своего прусского союзника в этой ключевой для прусской короны области Польши.

На планы Петербурга в отношении Королевской Пруссии проливает свет составленный Н. И. Паниным рескрипт Н. В. Репнину от 7 ноября / 27 октября 1764 г. в ответ на обращение к императрице города Гданьска с просьбой о подтверждении российской гарантии привилегий, данной Анной Иоанновной в 1736 г. после осады города Б. Х. Минихом. Как говорилось в рескрипте, Екатерина II сочла письмо магистрата односторонним и просила выяснить у беспристрастных людей, в чем именно нарушены права Гданьска вследствие конституций конвокационного сейма и пактов конвентов. Она объявляла о готовности подтвердить гарантию, но вместе с тем указывала на заинтересованность России, «чтоб город Гданьск приведен был в большую пред прежним от сеймов польских зависимость, ибо тем самым может в оном российская инфлюэнция тверже и прочнее установлена быть»⁸⁴. Зависимость Гданьска от одного короля, а не от Речи Посполитой, говорилось в рескрипте, создавала прежде немалые затруднения для русской политики, о чем свидетельствовало «возведение на престол двух Августов». Чтобы избежать подобного в будущем, следует поддерживать давление на Гданьск со стороны польского правительства, используя зависимость последнего от России, полагала Екатерина II. По ее словам, действо-

вать войсками в «земле отверзтой», какова Польша, значительно легче, чем против укрепленного города, каков Гданьск.

Изложенные в ноябрьском рескрипте принципы русской политики в отношении к Гданьску можно с полным основанием отнести и к Королевской Пруссии в целом. Россия стремилась укрепить в провинции свое собственное влияние, используя реформаторскую программу Чарторыхских и Станислава Августа как средство упрочения своих позиций. А из этого следует, что русское посольство не было в деле об унификации прусских прав просто сторонним наблюдателем. Так, по приказу Н. В. Репнина в Королевскую Пруссию был отправлен отряд русских войск под командованием В. М. Долгорукова, чтобы побудить сторонников П. Мостовского и «патриотов» к примирению⁸⁵. В апреле 1765 г., в начале таможенного конфликта с Фридрихом II, Н. В. Репнин настаивал на проведении в Королевской Пруссии сеймика для урегулирования вопроса о податях, рассчитывая заменить установленную польским сеймом Генеральную таможенную в провинции на аналогичную подать, но введенную прусским сеймиком, что формально лишало бы основания репрессивные меры Фридриха II⁸⁶. 22/11 апреля 1765 г. русский посол доносил Н. И. Панину, что предлагал Станиславу Августу заставить П. Мостовского принять другое воеводство, или же под каким-либо предлогом удалить его из провинции для проведения там генерального сеймика⁸⁷. 13/2 мая посол сообщал в Петербург об отправлении в Польскую Пруссию епископа куявского А. Островского с комиссией для примирения тамошнего дворянства и проведения генерального сеймика для решения вопроса о таможенных сборах «и для превращения того дохода (сборов Генеральной таможни. — Б. Н.) в самоизвольную подать, если провинция того желает»⁸⁸.

Судя по депешам Н. В. Репнина, именно он выступил инициатором замены П. Мостовского на воеводстве, созыва примирительного сеймика и введения вместо Генеральной таможни особого налога, самостоятельно установленного сеймиком Королевской Пруссии. Несомненно, что эти утверждения посла не соответствовали действительности. Приписывая себе авторство программы действий Станислава Августа, Н. В. Репнин пытался добиться одобрения этих шагов в Петербурге, полагая их вместе с тем вполне соответствующими интересам России. И если его инициатива в этом деле и вызывает сомнение, то несомненно активное участие русского посла на стороне Станислава Августа в проведении преобразований и в достижении «примирения партий» в Королевской Пруссии, что в свою очередь должно было содействовать усилению там влияния России. Не в последнюю очередь благодаря его усилиям весной 1766 г. удалось сменить в должности поморского воеводы П. Мостовского на Я. Е. Флеминга, что можно рассматривать как поражение старших Чарторыхских в их конфликте со Станиславом Августом.

Еще в мае 1766 г. в Петербурге продолжали оказывать поддержку реформаторским планам польского правительства в отношении Королевской Пруссии, а также Гданьска. 28/17 апреля 1766 г. Н. В. Репнин доносил Н. И. Панину о жалобах Станислава Августа на магистрат Гданьска, который отказывался вводить в обращение новую польскую монету и требовал сохранить старую привилегию города чеканить собственные деньги. Король также выражал недовольство старым правом горожан, по которому поляки не имели права заключать в городе сделки с иностранными купцами непосредственно, а должны были продавать свои товары только гражданам Гданьска. Репнин соглашался выступить посредником в этом споре, но требо-

вал, чтобы обе стороны изложили свои претензии, а польское правительство сделало бы обоснование, «что здешние требования не против прав и привилегий того города». На депеше шеф Коллегии иностранных дел написал, что «это еще один повод выступить арбитром», а Екатерина II ответила — «дай Бог!». ⁸⁹

Однако накануне сейма 1766 г. положение дел в провинции сложилось явно не в пользу центральных властей. На генеральном сеймике в Мальборке 9–16 сентября 1766 г. прусские города объединились с «патриотами» для сопротивления реформаторским планам «фамилии» и Станислава Августа. Об этом королевский делегат Т. Длуский писал в Варшаву 9 сентября 1766 г. ⁹⁰ В наиболее полном виде антиреформаторская программа оппозиции была сформулирована в решениях магистратов Торуня, Гданьска и Эльблонга в сентябре 1766 г. ⁹¹ Города требовали восстановления самоуправления Королевской Пруссии в том виде, как оно существовало до 1764 г., отмены новых подалей и восстановления их регальных привилегий.

В ответ на сплоченное выступление оппозиции в Варшаве возникла идея назначить в Королевскую Пруссию постоянного наместника. В связи с этим на сеймике в Мальборке было распространено анонимное сочинение, в котором в качестве кандидата назывался А. К. Чарторыйский. Такое предложение не было случайным, так как князь Адам был вполне приемлемой фигурой как для старших Чарторыйских, так и для Станислава Августа с его молодыми друзьями. Вполне вероятно, что его кандидатура могла быть одобрена и Н. В. Репниным, ибо без его согласия в присутствии в Королевской Пруссии русских войск провести такое назначение не представлялось возможным. К сожалению, в донесениях Н. В. Репнина мы не находим никаких свидетельств об этих планах. Об их существовании мы узнаем только из писем Н. И. Панина от 8 ноября / 28 октября 1766 г., адресованных Н. В. Репнину и И. М. Ребиндеру — русскому резиденту в Гданьске ⁹². В них руководитель русской внешней политики требовал не допустить назначения нового наместника и королевского делегата в Королевской Пруссии, а также добиваться ниспровержения всех нововведений, могущих способствовать изменению государственного строя Речи Посполитой. Панин одобрял предложения Репнина по этому поводу, содержащиеся в депеше от 21/10 октября 1766 г. В ней посол писал, что для образования новой партии сторонников России взамен «фамилии» следует использовать послов Прусской провинции, «которая, видя здешние разные замашки, опасается, чтоб не лишена она была своих особых прав <...>, а подкрепление оной, видится мне, нам должно иметь в первейших пунктах нашей политической против Польши системы, уважая силу сей провинции, и что она одна из своих трех воеводств слишком 40 здешних послов на сейм посылает». Примечательно, что, по словам Н. В. Репнина, перемена польской политики Петербурга, в которой посол отводил Королевской Пруссии столь видную роль, названа им «системой против Польши» ⁹³. Очевидно, что от политики унификации, которую поддержала Россия в 1764–1766 гг., русское правительство переходило к опоре на силы сословного и областного партикуляризма.

Вопрос о привилегиях Польской Пруссии был самым тесным образом связан с интересами Бранденбургско-прусского государства и его короля Фридриха II как одного из гарантов Велявского договора. Причем если политика России и Пруссии в отношении Польши в целом представляется вполне согласованной, то в вопросе о Польской Пруссии в ней наблюдаются некоторые особенности. Они проявились в настойчивом отказе России от каких-либо совместных шагов или деклараций с

Фридрихом II по поводу внутреннего конфликта в провинции. Мы уже писали о фактическом отказе Г. Кейзерлинга в ответ на просьбу западно-поморских городов в совместной российско-прусской гарантии их прав. Вопрос о прусских гарантиях Гданьску возник также весной 1765 г. в разговоре Н. В. Репнина со Станиславом Августом, когда польский король заявил, что имеет основания сомневаться «в чистосердечии» Фридриха II, который якобы дал письменное обязательство магистрату Гданьска оказать городу протекцию и защищать его права в ответ на посылку в начале 1765 г. русских войск в Польскую Пруссию. Репнин сказал Станиславу Августу, что эти сведения не соответствуют действительности, но одновременно обратился к Г. Бенуа с требованием их опровергнуть, что указывало на недопустимость, с русской точки зрения, такого шага Берлина. О нежелательности какого-либо участия Фридриха II в отношениях России с Западным Поморьем указывают Грамота Гданьску 10 декабря / 29 ноября 1764 г. и депеша Н. И. Панина гданьскому магистрату по поводу присутствия в Королевской Пруссии русских войск от 27/16 июля 1765 г.⁹⁴

Примечания

1. VL. T. 7. P. 10–11.
2. Ibid. P. 29–30.
3. *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868–1880, T. 1. S. 314.
4. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 92 об.
5. VL. T. 7. P. 18–22, 75–78.
6. Ibid. P. 22–23, 78–79.
7. Ibid. P. 23–26, 79–81.
8. *Drozdowski M.* Podstawy finansowe działalności państwowej w Polsce. 1764–1793. Warszawa; Poznań, 1975. S. 21–24.
9. VL. T. 7. P. 40–41, 101.
10. О реформе денежного обращения в первые годы правления Станислава Августа см.: *Drozdowski M.* W sprawie reformy monetarnej w początkach panowania Stanisława Augusta // *Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych.* Warszawa; Poznań, 1974. T. 35. S. 77–92.
11. [*Stanisław August Poniatowski*] Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski. St. Petersburg, 1914. P. 560–564; *Lubomirski S.* Podwładzaksięcia Repnina / Oprac. J. Lojek. Warszawa, 1971. S. 82 i przypis.
12. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 368.
13. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 84 об.–86 об.
14. Там же. Л. 106–107; *Drozdowski M.* Op. cit. S. 89.
15. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 108–109 об.
16. *Drozdowski M.* Op. cit., s. 91.
17. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 66–67 об.
18. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 273; *Bogucka M., Samsonowicz H.* Dzieje miast i miszczanstwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław, 1986. S. 576.
19. VL. T. 7. P. 30–33.
20. *Schmitt H.* Op. cit. T. 1. S. 273.
21. *Kriegseisen W.* Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1991. S. 253–270.

22. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 270.
23. VL. Т. 7. Р. 30–33.
24. Ibid. Р. 34.
25. Ibid. Р. 10.
26. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 274–275.
27. См., напр.: *Кареев Н. И.* Польские реформы XVIII в. СПб., 1890. С. 36–37.
28. Там же. С. 44.
29. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 41.
30. *Konopczyński W.* Liberum veto. Studium porównawczo-historyczne. Kraków, 1918. S. 412.
31. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 43–44 об.
32. *Konopczyński W.* Genez i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 89.
33. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 191.
34. Correspondance inédite du roi Stanislas Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764–1777). Paris, 1875. P. 107–114.
35. Ibid. P. 114–118.
36. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 31–31 об.
37. Там же. Л. 43–44 об.
38. Там же. Д. 850. Л. 61.
39. *Michalski E.* Rzewuski Franciszek (1730–1800). PSB. Т. 34. S. 101–106.
40. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 74.
41. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 314.
42. Там же. С. 315–318.
43. Там же. СПб., 1901. Т. 109. С. 90, 98, 105.
44. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 318–321; [*Friedrich II*] PC. Bd. 24. S. 4–5.
45. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 212; [*Friedrich II*] PC. Bd. 24. S. 29.
46. Friedrich der Große und Polen. Auszüge aus der Correspondenz mit den Gesandten in Warschau und Petersburg 1762–1766 // Forschungen der deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9. S. 31–32.
47. Ibid. S. 33.
48. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 322–324.
49. Forschungen der deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9. S. 33.
50. VL. Т. 7. Р. 99; *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 297.
51. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 324–325, 327–330.
52. Там же. С. 326–327.
53. Там же. С. 330–332.
54. Там же. СПб., 1912. Т. 140. С. 421.
55. Там же. С. 436.
56. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 47–49 об.
57. Там же. Л. 61–62 об.
58. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25–26. С. 356.
59. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 84.
60. Там же. СПб., 1885. Т. 51. С. 489–491; СПб., 1887. Т. 57. С. 1–2.
61. Там же. С. 1.

62. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 349–350.
63. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 65. Л. 1–2 об.
64. Там же. Д. 850. Л. 89.
65. Там же. Л. 90–93.
66. *Schmitt H.* Op. cit. Т. 1. S. 313–314.
67. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 65. Л. 4–5 об.; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 350.
68. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 353–354.
69. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 23–25 об.
70. Там же.
71. Там же. Л. 29–29 об.
72. Там же. Д. 882. Л. 35–35 об.
73. *Konopczyński W.* Op. cit.
74. Ibid. S. 367.
75. Ibid. S. 94.
76. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 38–42 об.
77. *Konopczyński W.* Op. cit. S. 368–373.
78. Ibid. S. 92.
79. *Odyniec W.* Dzieje Prus Królewskich (1454–1772). Warszawa, 1972. О политике польских властей в Королевской Пруссии в 60-е гг. XVIII в. см.: *Dygdała J.* Polityka Torunia wobec władz Rzeczypospolitej w latach 1764–1772. Warszawa; Poznań; Toruń, 1977; *Idem.* Życie polityczne Prus Królewskich u szczytu ich związku z Rzeczpospolitą w XVIII wieku. Warszawa; Poznań; Toruń, 1984.
80. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 496; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 839. Л. 19.
81. *Michalski J.* Plan Czartoryskich naprawy Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 1955. № 4/5. S. 31; AGAD. APP. № 61. S. 102.
82. *Dygdała J.* Polityka Torunia... S. 43.
83. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 36–36 об.
84. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 57–59.
85. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 106 об.
86. Там же. Д. 866. Л. 27–29 об.
87. Там же. Д. 867. Л. 1–3.
88. Там же. Д. 865. Л. 107–107 об.
89. Там же. Д. 883. Л. 66 об.–67 об.
90. Томаш Длуский — Станиславу Августу. Мальборк, 9 сентября 1766 г. — В. Cz. Dz. г. I. № 660. S. 167.
91. *Dygdała J.* Op. cit. S. 88–89.
92. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 192–194.
93. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 17–17 об.
94. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 119–120, 288–290.

*КУРЛЯНДИЯ, ВЫДАЧА БЕГЛЫХ,
ДЕЛИМИТАЦИЯ ГРАНИЦЫ
И УЧРЕЖДЕНИЕ ПОГРАНИЧНЫХ СУДОВ
В ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ
ОТНОШЕНИЯХ 1765–1766 гг.*

Начало правления Станислава Августа, как считали в Петербурге, открывало перед Россией путь к реализации планов в отношении Речи Посполитой, которые вынашивались Екатериной II и ее ближайшими советниками по польским делам Н. И. Паниным и Г. Кейзерлингом еще во время бескорольевья и были изложены в «Общем наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину» в ноябре 1763 г. Деятельность русской дипломатии в этом направлении проливает свет на действительные цели русской политики в Польше до времени сейма 1766 г.

I

Одной из первых задач, стоявших перед русским посольством, было окончательное утверждение Э. И. Бирона в качестве герцога курляндского. После его прибытия в Митаву в январе 1763 г. и решения конвокационного сейма о восстановлении его на курляндском престоле, казалось, что вопрос о Курляндии решен в пользу России. Однако наступившее вскоре «бескорольевье» 1763–1764 гг. показало, что обострение внутривосточной ситуации в Речи Посполитой вызвало также и новые осложнения в Курляндии, где продолжалась старая борьба между «эрнстенианцами» и «каролистами». В начале 1764 г. Екатерина II писала К. М. Симолину в ответ на его депешу о назначенном на 10 февраля ландтаге, на котором, как замечал русский резидент, не обойдется «без шума и разных хлопот», и поручала ему объявить в твердой поддержке Э. И. Бирона со стороны России и добиваться избрания таких делегатов на конвокационный сейм в Варшаву, «чтоб его светлость герцог на первом польском сейме подтвержден был в своих княжествах». В рескрипте говорилось, что Э. И. Бирону уже присягнули «почти все» курляндские рыцари. «Правда, — писала Екатерина II, — некоторые поныне в том упрямство оказывают, но число их так мало, что не заслуживает никакого уважения, а толь меньше может возбудить опасение, чтоб они действительно сделали какой разврат»¹. Последнее замечание указывало скорее, что основания для подобных опасений в Петербурге все же имелись и, более того, вполне оправдались, так как депутация, отправленная ландтагом в Варшаву, была составлена из противников Бирона². В связи с этим Г. Кейзерлингу и Н. В. Реп-

нину было поручено добиться у примаса В. Лубеньского, чтобы он впредь не принимал противников курляндского герцога³.

Утверждение владетельных прав Бирона на конвокационном сейме не положило, вопреки ожиданиям Петербурга, конца внутренней борьбе в Курляндии. В декларации русского правительства к Речи Посполитой от 8 августа / 28 июля 1764 г., переданной Г. Кейзерлингом В. Лубеньскому и А. Чарторыскому как маршалу Генеральной конфедерации, говорилось не без скрытой угрозы, «что находятся еще в Курляндии такие дерзкие люди, кои в зlostных своих в публику испускаемых сочинениях отваживаются явным образом порочить законную власть и честь республики, возмущать дворянство против герцога, государя их, и размножать пламя внутренних в отечестве своем раздоров»⁴.

Конкретно имелся в виду бывший упитский гауптман В. А. Гейкинг, отказавшийся присягнуть Бирону и лишенный герцогом должности. 7 августа 1764 г. он выступил в Митаве с протестом против решений конвокационного сейма по курляндскому делу⁵. В ответ на заявление Кейзерлинга и по его настоянию примас и воевода русский направили послу мемориалы, в которых предлагали России «приложить старание <...> к восстановлению тишины» в Курляндии, для чего издать совместную декларацию от имени русского и польского правительств. Н. И. Панин ухватился за эту идею, рассматривая ее, как он писал в рескрипте Кейзерлингу и Репнину от 13/2 августа 1764 г., еще и как способ «узаконить при том покровительство наше всем республики делам»⁶. Это замечание шефа русской внешней политики весьма важно, так как оно отражало стремление Петербурга в максимальной степени ограничить суверенитет Речи Посполитой, в том числе и в отношении Курляндии. Задуманная декларация была издана⁷. А после элекционного сейма Петр Бирон, сын герцога Эрнста Иоганна, получил разрешение Екатерины II прибыть в Варшаву на сейм коронации для участия в официальном утверждении сеймом своего отца на герцогском престоле⁸. Сам акт такого «дозволения» выглядел весьма символично, ибо продемонстрировал наличие фактически двойного суверенитета России и Польши над Курляндией.

Переданное в суд Генеральной конфедерации дело В. А. Гейкинга рассматривалось в январе 1765 г. Протест бывшего гауптмана против восстановления на престоле Бирона был отклонен, а его манифест и другие документы постановили сжечь в Варшаве на рыночной площади⁹.

Однако старый конфликт между эрнстианцами и каролистами, не затухавший с 1758 г., не был преодолен и на этот раз, после окончательного восстановления Э. И. Бирона на герцогском престоле. Впоследствии целая череда ландтагов так и не смогла решить вопрос о присяге рыцарства герцогу. Недовольных, вопреки утверждениям Петербурга, было слишком много, чтобы ими можно было пренебречь, что и вынудило, в конечном счете, Бирона в 1769 г. отречься от престола в пользу сына Петра.

В. А. Бильбасов объяснял конфликт дворянства с герцогом его заносчивостью и высокомерием, основываясь на высказываниях самой Екатерины II о «неумеренных герцоговых поступках»¹⁰ или в другом месте, что «семидесятилетние старики не выучились еще ласково и учтиво обходиться с людьми»¹¹. Однако о Бироне есть немало и прямо противоположных свидетельств¹². Да и подобные черты характера не представляли ничего особенного у временщиков и правителей в XVIII в.

Борьба Бирона с курляндским дворянством, начиная с 1765 г., имела совсем иную причину. Вновь став курляндским герцогом, он попытался восстановить прежние

прерогативы верховной власти в Курляндии, которые давно уже считались дворянством княжества недействительными. Конфликт, следовательно, приобрел новую форму спора о правах рыцарства и прерогативах герцога, причем русское правительство твердо и недвусмысленно стояло на стороне последнего. Мнение В. А. Бильбасова, что Екатерина II смотрела на Бирона «как на свое дело» и, несмотря на вызывавшие недовольство «повадки» герцога, удерживала его на престоле, не лишено оснований, но все же представляется поверхностным. Взятый русским правительством, начиная с 1760-х гг., курс на ограничение сословных привилегий прибалтийских провинций и на сближение сословного статуса остзейского дворянства с российским не мог не повлиять на политику России в Курляндии. В этом смысле нельзя согласиться с В. А. Бильбасовым, который полагал, что Екатерина II «более стремилась поднять русские губернии до остзейских провинций, чем принизить остзейские до русских»¹³. Политика поддержки Бирона в его конфликте с рыцарством преследовала также цель в политическом и сословно-правовом отношении отделить Курляндию от Речи Посполитой, и, с этой точки зрения, поведение Бирона также вполне совпадало с русскими интересами. Поддерживать же герцога Эрнста Иоганна любой ценой отнюдь не было необходимости, а его отречение от престола в пользу объявленного еще в 1764 г. наследником принца Петра не представляло для Петербурга никаких политических затруднений, как это и произошло в 1769 г., во время войны с Турцией и барскими конфедератами.

Конфликт Э. И. Бирона с рыцарством из-за привилегий курляндского дворянства особенно обострился, начиная с марта 1765 г., когда на ландтаге депутаты отвергли попытки герцога увеличить поборы в казну, рассматривая его старинное право собирать налоги на содержание наемного войска вместо созыва рыцарского ополчения «как давно забытую военную повинность» и проявление «нероновской тирании». Они пытались ограничить права герцога и в церковной области, настаивая на праве приходов самим назначать и контролировать действия пасторов. Ландтаг вновь отправил в Варшаву О. Х. Говена и его сына О. Г. Говена с протестом против действий Э. И. Бирона, якобы ущемлявших права курляндского дворянства¹⁴. В связи с отъездом гауптмана Говена с сыном в Варшаву Н. И. Панин писал Н. В. Репнину, что «наши противники в Курляндии» намерены отправить депутацию к королю с жалобой на действия Э. И. Бирона, «так и для учинения вновь попытки не удастся ли ей дела земли своей привести в прежнее нестроение». Глава Коллегии иностранных дел поручал послу не допустить приема делегации в Варшаве. В противном случае, угрожал он, это может повредить авторитету Станислава Августа¹⁵. Одновременно с депешей Н. И. Панина Н. В. Репнин получил письмо от русского резидента в Митаве К. М. Симолина, в котором тот, «по согласию» с Э. И. Бироном, настаивал, чтобы польский король отправил рескрипт к герцогу с одобрением его действий и с запретом проведения ландтагов в Курляндии без указа Бирона и с повелением всему курляндскому дворянству принести присягу герцогу как законному владельцу курляндского лена, и спрашивал, не возможно ли будет нашим войскам по решению Генеральной конфедерации арестовать В. А. Гейкинга — одного из наиболее преданных сторонников принца Карла. Станислав Август обещал Репнину отправить соответствующий рескрипт в Курляндию и не принимать депутацию мартовского ландтага. По поводу ареста Гейкинга король просил «время о том подумать». На депеше Н. И. Панин написал: «Посмотреть прежде, какое действо произведет наша

последняя декларация и сей королевский рескрипт, если же и то и другое бесплодно останется, то и, оставя короля думать, Гейкинга схватить надобно и посадить в тюрьму в Риге на первый час»¹⁶.

24/13 апреля 1765 г. Н. В. Репнин отправил копии королевских рескриптов к Бирону в Петербург и сообщил, что представитель герцога в Варшаве О. Медем находит их вполне соответствующими желаниям герцога и в особенности, что Станислав Август обратился не к курляндскому рыцарству, а только к Бирону, «чтоб оным еще его достоинство возвышать»¹⁷.

Не добившись успеха у польского короля, делегация курляндского рыцарства, отправленная в Варшаву ландтагом 1765 г., обратилась в реляционный суд с иском на незаконные действия герцога. Решение суда в случае осуждения Бирона могло повлечь за собой лишение его инвеституры. Сессия реляционного суда должна была открыться в октябре 1765 г. К этому времени вновь активизируется переписка русского посольства с Петербургом по курляндскому делу. 16/5 октября 1765 г. Н. В. Репнин уведомлял Н. И. Панина, что один из сенаторов получил письмо от принца Карла, из которого следовало, что тот «все еще Курляндию возмущать намерен». По словам посла, такие письма получили и другие сторонники дрезденского двора и противники России в Варшаве¹⁸. Это известие указывало, что в Саксонии еще не отказались окончательно от своих курляндских замыслов и были готовы поддержать противников Бирона. Накануне начала реляционных судов Репнин объявил делегатам Бирона О. Медему и Э. Клопману о своей поддержке¹⁹. Озабоченность исходом суда выразил и Н. И. Панин, текст письма которого в Варшаву от 11 ноября / 31 октября 1765 г. был представлен Екатерине II²⁰. Он писал, что в Митаве до последнего момента надеялись на отмену суда над герцогом, а коль скоро суд все же состоится, то Репнину предписывалось вмешаться и опровергнуть выдвинутые против Бирона обвинения. Причем одно из них Панин называет прямо: отстранение от должности отказавшихся присягать герцогу оберратов и гауптманов — сторонников принца Карла, в том числе О. Х. Говена. Предложенное «опровержение» говорит само за себя: «По высочайшему соизволению (по указанию Екатерины II. — *Б. Н.*) сему и действительно определены герцогом на их места другие». Требования Панина были переданы Репниным Станиславу Августу и Чарторыским. И король, и канцлер литовский обещали склонить большинство членов реляционных судов в пользу Бирона, при этом русский посол заметил, что и действительно М. Чарторыский «в сем деле к пользе герцога Бирона прилежное старание прилагает». Но ни о какой отмене слушания курляндского дела в реляционном суде не могло быть и речи²¹. Давление со стороны русского посольства и Станислава Августа было оказано и на саксонского посла в Речи Посполитой Эссена, вынужденного от имени своего двора принести официальные извинения по поводу писем принца Карла к польским вельможам о защите курляндского дворянства, не признавшего восстановления Бирона на престоле и выступавшего против его действий²².

Решение реляционного суда было сформулировано в королевском рескрипте 2 января 1766 г.²³ В нем объявлялось Г. Дебринкену — маршалу ландтага 1765 г., что названный ландтаг считается незаконным, а его решения — недействительными, в том числе и постановление ландтага о проведении братских конференций и созыве нового ландтага до 23 января 1766 г., якобы противоречащее «форме правления», и запрещенное решением Сената от 2 января 1766 г. под страхом лишения имений

и других законных штрафов. Дело же Бирона и курляндского дворянства из коронного и литовского трибуналов и реляционных судов передавалось на будущий сейм 1766 г.²⁴

Это постановление было «сожалательно» воспринято в Петербурге. Беспокоило также, что вопреки ранее принятому решению не принимать в Варшаве представителей курляндской оппозиции, ее глава О. Х. Говен был допущен на аудиенцию к Станиславу Августу²⁵. Новое рассмотрение на сейме дела Бирона, несмотря на уверения короля и Чарторыских о согласии принять на сейме конституцию в пользу герцога курляндского, не могло не вызывать опасений с русской стороны, в частности еще и потому, что создавало прецедент возможного пересмотра и других постановлений, принятых по требованию России. Да и сама передача дела Бирона на сейм отнюдь не означала прекращение судебной тяжбы герцога с рыцарством.

Уже в феврале 1766 г. Н. В. Репнин доносил, что недовольные курляндским двором вновь вызвали Бирона в реляционный суд²⁶. Тогда в Митаве и Петербурге опять выдвинули требование, «чтоб единожды навсегда по верхней его величества (Станислава Августа. — Б. Н.) власти в нынешних реляционных судах последовало окончательное королевское решение, оправдающее правоты герцогские и опровергающее дерзкие противной стороны поступки»²⁷. В этом же письме Н. И. Панина назывались и противники Бирона в правящих кругах Польши: С. Любомирский, Б. Годский, Я. Борх и Т. Липский. Все они принадлежали к новому двору, а С. Любомирский и Я. Борх были верными сторонниками «фамилии», что не могло не вызывать озабоченности. Станислав Августа вновь, как и в 1765 г., подталкивали к разрешению вопроса только собственной властью на основании договора польской короны с Г. Кетлером, по которому Курляндия считалась только королевским владением, но что противоречило конституции 1589 г. о вхождении Курляндии и Инфлянт в состав Литвы и Речи Посполитой. Наряду с этим Н. И. Панин выдвинул условия урегулирования курляндского вопроса, представлявшие по сути ультиматум: удовлетворить все «законные» требования Бирона, уничтожить все односторонние решения противников герцога, в том числе вызовы в реляционный суд, чтобы все недовольные принесли присягу, чтобы с польской стороны были бы утверждены все новые назначения на земские должности в Курляндии.

В ответ на требования России польский двор выдвинул идею примирения Э. И. Бирона и курляндского дворянства. Об этом Н. В. Репнин писал 5 мая / 25 апреля 1766 г., сообщая, что реляционный суд по курляндскому делу отложен до октября, что такая отсрочка в интересах Бирона, на стороне которого король и Чарторыские. Курляндцам, продолжал посол, будет объявлено от короля и министерства, что «удовольствия им по их требованиям николи сделано не будет». Репнин доносил также, что М. Чарторыйский взялся примирить Бирона с рыцарством, на что готов согласиться и О. Х. Говен, но ждет ответа от своих сторонников. По поводу противников Бирона при польском дворе, названных Н. И. Паниным, в депеше говорилось, что они действительно выступали раньше против герцога, но в последних судах С. Любомирский не участвовал, Б. Годский «наружно молчал», так как Репнин грозил лишить его пенсии, а Я. Борх вслед за королем и Чарторыскими сам согласился содействовать примирению²⁸.

Уже в мае 1766 г. перед отъездом в Курляндию сторонники Бирона представили свои предложения в ответ на примирительную инициативу М. Чарторыйского, переданные Э. Клопманом канцлеру литовскому. В них говорилось о восстановлении в полном объеме прав герцога и дворянства Курляндии, а также формы правления

и инвеституры герцога, «в чем оные еще с 1763 г. от некоторой стороны оказались нарушенными» (имелось в виду сопротивление принца Карла Саксонского и его сторонников в Курляндии и в Варшаве восстановлению Э. И. Бирона на герцогском престоле), об учинении вассалами присяги герцогу в соответствии с конституциями сейма 1764 г., о возмещении ущерба лицам, отстраненным Бироном от должностей и утратившим право на владение арендованными герцогскими имениями²⁹. Тогда же Н. В. Репнин дал согласие на примирение, предлагая провести его на очередном сейме. Готовность пойти на некоторые уступки продемонстрировали и в Петербурге, поддержав обещание Бирона сохранить арендные владения за теми, кому они принадлежали до секвестра³⁰.

Однако уже летом 1766 г. стало ясно, что курляндская оппозиция не намерена уступать требованиям России. Об этом свидетельствовала агитация противников Бирона в Курляндии и действия их представителей в Варшаве. 28 июля 1766 г. О. Х. Говен подал королю «Изъяснение о делах курляндских», с которым оппозиция предполагала выступить на сейме. Как говорилось в нем, Э. И. Бирон не соблюдает форму правления, нарушает права дворянства и конституцию 1764 г., за что и вызывается на реляционный суд. Прибыв в Курляндию в январе 1763 г., он, опираясь на силу, незаконно захватил власть и герцогские доходы, так как его первая инвеститура не может быть признана действительной, поскольку, во-первых, в 1739 г. он принес присягу в качестве герцога не лично, а через поверенных, в противоречие конституции 1683 г., и во-вторых, рыцарство Курляндии тогда не присягало герцогу. А следовательно, и конституция 1764 г., основанная на акте избрания 1739 г., также является незаконной. И восстановление Э. И. Бирона на престоле в 1763 г. не соответствовало закону, ибо не было подтверждено дворянством, из которого герцогу присягнули только его ближайшие сторонники. Бирон, как утверждал О. Х. Говен, вопреки § 7 Формы правления, без решения суда и ландтага назначил новых гауптманов и ландгофмейстера, передав им арендные владения прежних должностных лиц, которые должны были занимать свою должность пожизненно. Незаконная замена гауптманов сделала невозможным отправление в округах судопроизводства. Наконец, часть дворянства, отказавшаяся присягать герцогу, не возобновила таким образом акта аренды находившихся у нее в пользовании герцогских имений, что создало основу для лишения их владельцев поместий и законных доходов³¹.

В Петербурге подозревали, что «примирение» затеяно курляндской оппозицией и варшавским двором, чтобы выиграть время, включить курляндский вопрос в обращенные к сенаторам письма *de liberatorias*, вынести его в сентябре 1766 г. на сеймики и разрешить на сейме на основе инструкций послам на сейм. Об этом Панин писал Репнину 30/19 июля 1766 г. Он уведомлял посла, что ландтага в Курляндии в этом году проведено не будет, и предписывал ему не допускать рассмотрения дела Бирона на сейме «с особливым представлением королю и его министерству, что если ими до сего допущено будет, то наиважнейшее собственное право и прерогативы ленного государя опровержено найдется»³².

13/2 августа 1766 г. из Петербурга в Митаву были отправлены рескрипт К. М. Симолину и декларация курляндскому рыцарству, в которых было заявлено, что Екатерина II отвергает все требования оппозиции и намерена силой подавить любое сопротивление Бирону, для чего послу поручалось разместить русские войска в имениях противников герцога³³. А в депеше Н. В. Репнину от 30/19 августа 1766 г. отмеча-

лось, что ранее согласованные со Станиславом Августом и представителями Бирона в Варшаве уступки по требованию курляндской оппозиции, о которых говорилось в «Пунктах» Э. Клопмана, в настоящий момент считаются в Петербурге неприемлемыми³⁴. Наконец, когда сейм 1766 г. уже начал свою работу, Н. И. Панин писал К. М. Симолину о необходимости продолжения военных мер в Курляндии и одобрял решение посла удвоить численность русских войск, размещенных во владениях противников герцога³⁵.

Обострение ситуации в Курляндии в июле—октябре 1766 г. совпало с общим осложнением российско-польских отношений накануне и во время сейма Чаплица. Примечательно, что также как в 1762—1763 гг. кризис в Курляндии предшествовал кризису периода бескоролья в Польше, так и события в герцогстве 1765—1766 гг. предшествовали польскому кризису 1767 г. Введение русских войск в Курляндию и открытое применение там военной силы как средства политического давления произошло ранее, нежели аналогичные меры были применены русским правительством в Короне и Литве. Видимость успеха русской политики, принудившей недовольное дворянство согласиться принести присягу Бирону, о чем торжественно было объявлено в декларациях петербургского двора³⁶, стало, несомненно, одной из причин, побудивших русское правительство решиться на применение военных средств для достижения своих целей и в Польше. При этом уже в депеше Н. И. Панина от 30/19 июля 1766 г. прозвучала угроза об отторжении герцогства от польской короны, когда глава русской внешней политики писал, что если польское правительство не уступит требованиям России, то в Петербурге не посчитаются с правами короля и Речи Посполитой на Курляндию. Что это не была пустая угроза, свидетельствует последующая переписка Н. И. Панина с Н. В. Репниным.

Станислав Август и Чарторьские уступили требованиям России. 20/9 ноября 1766 г. посол сообщал, что «примирение» Курляндии с Бироном и полученная об этом российская декларация окончательно решили дело: конфликт герцога и рыцарства не будет рассматриваться в реляционных судах. Однако, как полагал русский посол, не следует препятствовать представителям Э. И. Бирона добиваться утверждения этого «примирения» на сейме, «дабы не подать вдруг сомнения каких-либо видов на Курляндию»³⁷. Угроза, следовательно, возымела свое действие, и Репнин предлагал если не отказаться от нее, то по крайней мере не усиливать ее значение. Иначе смотрел на дело Панин. 26/15 ноября 1766 г. он поручал послу «вследствие уже известного вам политического правила нашего, чтоб отдалять поляков от участия по курляндским делам, прилагать старание, чтоб никакой пункт об Курляндии не внесен был в польскую конституцию, следовательно и удерживать полномочных герцога Клопмана и Тотiena от всякого о том ходатайства, советуя им напротив того для пресечения повода ко всяким дальностям возвратиться в Курляндию»³⁸.

Однако Н. В. Репнин не соглашался с этим мнением и считал, что устранение Польши от курляндских дел едва ли возможно. Сообщая 13/2 декабря 1766 г. о подписании О. Х. Говеном и В. А. Гейкингом условий примирения с Э. И. Бироном, он писал, что по «всегдашним здесь делам, по самой форме присяги курляндской трудно, мне кажется, будет инфлюэнцию здешнюю в Курляндии уменьшить, кроме сих самых больших дел, в коих переворот только силы все делает»³⁹. В декабре 1766 г. русский посол еще дважды возвращался к этой мысли в донесениях об исходе реляционных судов, подчеркивая, что только в случае действительного прими-

рения Бирона с дворянством возможно устранить польское вмешательство в дела Курляндии⁴⁰.

Однако в конце 1766 г. примирения достигнуто в действительности не было. Видимость успеха русской политики не могла, тем не менее, устранить польское влияние в Курляндии, в основе которого лежало стремление рыцарства сохранить свои старые привилегии, полученные от польских королей и закрепленные конституциями сеймов Речи Посполитой. Утверждение Бирона на герцогском престоле не обеспечило все же достижения главной цели России в отношении Курляндии, преследуемой с начала XVIII в. или, по крайней мере, со времен Семилетней войны, — отторжение герцогства от польско-литовского государства. Неудачной оказалась и попытка Петербурга провести курляндское дело без участия судов и сейма только королевским решением, на что Репнин по поручению Панина не раз указывал Станиславу Августу. Как в случае с оппозицией «патриотов» в Королевской Пруссии, так и в отношениях с курляндским дворянством в России готовы были поддержать польского короля в действиях, направленных на усиление собственной власти в ущерб республиканским институтам Речи Посполитой. Такая поддержка подкреплялась присутствием в обеих землях русских войск, она была продемонстрирована полякам на примере Э. И. Бирона, наступление которого на привилегии рыцарства встретило полное одобрение в Петербурге. Однако сделать этого не удалось. Станислав Август не захотел или не решился на противостояние с республикой, в чем ему была бы гарантирована помощь России. Он остался в большей степени королем поляков, чем вассалом Екатерины II.

Наконец, события в Польше 1763–1766 гг. продемонстрировали особый интерес России к прибалтийским землям Речи Посполитой. Утверждение на престоле Э. И. Бирона, намерение аннексировать Польские инфлянты в 1763–1764 гг. в случае неудачи избрания польским королем ставленника России, вопрос о гарантии прав Польской Пруссии и Гданьска, наконец, конфликт Бирона и рыцарства по вопросу о привилегиях дворянства и герцога, в котором Россия решительно приняла сторону последнего, — все это указывало на сохранение во внешней политике России заложенного еще со времен Петра I курса на укрепление русских позиций в Прибалтике, который и в 60-е гг. XVIII в. сохранял самостоятельное значение в рамках польской политики Петербурга и был, помимо Польши, связан с делами в Дании, Голштинии, Гамбурге и в других ганзейских городах.

II

Среди требований Петербурга, адресованных новому польскому правительству, немаловажное значение имели вопросы о границе и о выдаче беглых крестьян. «Земли наши с поляками остаются не разграниченными», — говорилось в Общем наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину. Там же отмечалось, что, вопреки Вечному миру 1686 г., 988 кв. верст российской территории оставались в польском владении, что одиннадцать городов ниже Киева, признанных по договору спорными и поэтому не подлежавшими заселению, были позже вновь заняты поляками и населены преимущественно беглецами из России, которые нападали на русскую территорию, чиня там «убийства и разбои»⁴¹.

Проблема границы с Польшей и пресечения крестьянских побегов отнюдь не была случайной в польской политике Екатерины II, тем более она не рассматрива-

лась в Петербурге только в качестве повода для дипломатических претензий, как это было в случае с признанием императорского титула царицы. В основе требований, обращенных к Польше, были, во-первых, соображения военно-стратегического порядка. С 1731 по 1738 г. правительство России предприняло строительство Украинской укрепленной линии, которая была проведена к югу от Белгородской и тянулась на 430 км от Донца до Днепра в месте впадения в него реки Псёл. Для ее постройки ежегодно сгоняли десятки тысяч украинских крестьян и казаков. В царствование Елизаветы Петровны, в 50-е гг. XVIII в., были образованы Новосербское и Славяносербское военные поселения с крепостями св. Елизаветы, Бахмут и св. Константина. В 1770 г. уже в ходе русско-турецкой войны была построена Днепровская линия. От Днепра она шла к Азовскому морю по рекам Берде и Конским Водам⁴². Главная задача при этом заключалась в создании укрепленного рубежа на границах крымских и турецких владений, однако не следует забывать, что правый фланг русских укреплений упирался в польскую границу, что обеспечивало присутствие здесь военных сил России, которые в случае нужды могли быть использованы не только против Турции, но и Польши, как это было с украинским корпусом в 1764 г. Определение точного прохождения российско-польской границы было необходимо для планирования военных операций Петербурга как против Крыма и Турции, так и в районах польско-турецкого пограничья, а также для строительства там укреплений.

Помимо соображений военного характера, проблема установления точной российско-польской границы и ее укрепления диктовалась необходимостью пресечения бегства из России крепостных крестьян и возврата беглецов из пределов Польши. Борьба с крестьянскими побегам названа в числе первоочередных задач в «Общем наставлении Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину», и не случайно, ибо на протяжении всей истории крепостничества в России она являлась одним из главных вопросов внутренней политики самодержавия, а в XVIII в. приобрела исключительное значение. Это положение было детально обосновано в историографии⁴³.

Многokrатно возросшие феодальные повинности, в том числе и государственные, административный произвол и помещичий гнет, бремя подушной подати и рекрутчины при полном бесправии крепостных крестьян не оставляли им другого способа защиты, кроме побегов и восстаний. Размах крестьянских волнений в XVIII в. и крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, угроза повторения которой в течение последующего столетия повергала в ужас дворянство и правительство России, — все это свидетельствовало о наивысшей степени социальных противоречий в стране в 1750–1760-е гг. и об особом значении проблемы беглых не только во внутренней, но и во внешней политике, в особенности в отношении Польши.

Бегство крестьян в Польшу в течение всего XVIII в. приобрело поистине массовый характер. Законодательство предусматривало за побег жестокие наказания, «посылку скрытно воинских команд» в Польшу для захвата и возвращения беглых. Нередко подобные экспедиции предпринимали и сами помещики. Однако военно-полицейские меры не давали результата, и правительство прибегало к вынужденному «прощению» беглецов, при условии их возвращения в Россию. Причем сроки для этого постоянно продлевались: до января 1757 г., до июля 1758 г., до января 1760 г., до сентября 1761 г., до мая 1762 г., до января 1763 г. и т. д. Указы грозили, что не возвратившиеся будут наказаны как изменники и сосланы на каторгу⁴⁴. С этой точки

зрения, законодательство и практика екатерининского времени ничем не отличалась от первой половины XVIII в.

Повышенное внимание к проблеме побегов крестьян в Польшу в 60-е гг. XVIII в. было продиктовано, во-первых, потребностями упорядочения государственных финансов и сбора подушной подати, во-вторых, связанным с этим проведением третьей ревизии и, в-третьих, требованиями дворянства, выраженными в наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. и прозвучавшими в ходе ее работы. Жалобы на бегство крепостных крестьян в Польшу звучали в наказах дворян всех уездов, более или менее близких к границе⁴⁵. По словам дворян Смоленской губернии, только оттуда за рубеж бежало более 50 тыс. душ обоего пола, а по самым приблизительным оценкам общее число беглецов было никак не меньше 120 тыс. душ м. п. Несмотря на все меры правительства, вплоть до поселения возвращенных беглецов в Сибири, побеги крепостных в Польшу продолжались. Весной 1763 г. помещичьи крестьяне Псковской провинции «не малым числом» ушли в Литву и там соединившись «в большие партии» переходили обратно на русскую сторону, но не для возвращения на родину, а чтобы громить имения своих прежних помещиков. В том же году из Новгородской губернии ушло за польский рубеж около ста семей числом до 500 человек. В 1766 г. бежало из Петербургской губернии более 40 чел. крестьян кн. Трубецкого, которые увезли с собой все пожитки, скот и хлеб. Сразу за границей их ожидали бежавшие крестьяне помещика Ганнибала. Всего там собралось более 50-ти семей, которые затем ушли в глубь страны⁴⁶.

Побеги в Польшу облегчались еще и неукрепленностью границы. Караульные будки отстояли одна от другой на расстоянии 7–10 верст, граница охранялась инвалидами, по словам одного из дворянских наказов, «не имевшими движения». Так что беглецы свободно преодолевали границу, а погоню, посылаемую помещиками, нередко задерживали караулы. Таким образом, вопрос о беглых непосредственно связывался с проблемой определения и укрепления границы⁴⁷, чего также требовали дворяне в своих наказах в Уложенную комиссию. Наиболее подробно об этом говорится в наказе дворян Пусторжевского уезда Новгородской губернии⁴⁸. Наряду с требованием вернуть всех беглых силой дворяне предлагали установить на границе большие засеки, а на расстоянии 2,5 верст построить редуты, укрепленные валом и рвами. Подобным образом высказались дворяне и других уездов пограничных губерний. Проблема возвращения беглых и укрепления границы связывалась тесным образом в дворянских наказах с вопросом об упорядочении дворянского землевладения. О нехватке земли, например, говорилось в наказе Бельского уезда Смоленской губернии⁴⁹. Причем нередко эта тема поднималась в связи с захватами поляками земель русских помещиков. Дворяне Опочского уезда Псковской провинции писали, что «от владения российской земли поляков отвратить не можно»⁵⁰. О том же писали уже упомянутые дворяне Рославльского уезда: «По нашей же пограничности есть и такие дела, что многим за службы пожалованы выморочные пустоши и деревни... а потом, спустя несколько лет, тех выморочных фамилий якобы однофамильцы, выезжая из-за польского рубежа, просят в судебных местах о тех розданных деревнях и пустошах и, не получа себе дач, продают в сильные руки, и те покупщики отнимают у бедных безвинно»⁵¹.

В связи с содержанием дворянских наказов возникает вопрос о степени влияния на него высших правительственных кругов. К сожалению, ответить на него можно только гипотетически. С одной стороны, известно, что многие из предста-

вителей высшей военной и гражданской бюрократии России участвовали в составлении наказов. Однако для наказов пограничных губерний это не характерно. Среди подписавших указы дворян представители высшей знати присутствуют только в Санкт-Петербургской губернии (И. Голенищев-Кутузов, К. Сиверс, Ф. Олсуфьев). В Смоленской губернии депутатом Уложенной комиссии от Вяземского уезда был избран И. Г. Орлов, однако в весьма пространным наказе, данном ему дворянством, антипольские требования отсутствовали⁵². С другой стороны, содержащееся почти во всех наказах требование возвращения из Польши беглых крестьян текстуально совпадало с манифестами по этому вопросу⁵³ и, следовательно, не могло не обойтись без правительственного влияния. Поэтому можно сделать вывод, что сформулированные дворянством требования о пресечении крестьянских побегов, укреплении границы и возвращении якобы захваченных поляками помещичьих земель исходили непосредственно от большинства служилого дворянства. Причем требования эти были достаточно прочно связаны в сознании дворян с потребностью укрепления их фундаментальных сословных прав на землю и крестьян и со стремлением дальнейшей экспансии помещичьего землевладения, что вполне соответствовало кардинальному направлению внутренней и внешней политики правительства Екатерины II.

Поэтому вынесение вопроса о беглых на первый план в отношениях Петербурга и Варшавы после избрания Станислава Августа никак не являлось для русского правительства лишь формальной дипломатической претензией. Помимо всех указанных оснований, оно преследовало и еще одну немаловажную цель: сделать польскую политику Екатерины II понятной для дворянства, связав ее в сознании помещиков с их непосредственными интересами как владельцев земли и крепостных, продемонстрировать им, что политика правительства в Польше призвана укрепить дворянское землевладение и крепостное право в России, а также создать более благоприятные условия для экспансии помещичьего землевладения на запад.

III

Во многом с решением этой задачи были связаны требования Екатерины II в области делимитации российско-польской границы. Почти сразу после окончания элекционного сейма из Петербурга в Варшаву последовали инструкции с требованием решения пограничных вопросов. В рескрипте № 54 от 5 октября / 24 сентября 1764 г. говорилось: «Не исполненное по сию пору с того давнего времени разграничение взаимных земель, от коего столь много происходит взаимных споров; прием и удержание наших беглых, вопреки точному постановлению трактата Вечного мира <...> и напоследок, худое учреждение пограничных комиссий, от которого взаимные в соседстве жители остаются от большей части без правосудия, суть такие объекты, кои заслуживают все наше примечание и потому ревнительнейшее наше попечение»⁵⁴. В дополнение к рескрипту Н. И. Панин писал Н. В. Репнину 24/13 октября 1764 г., что после избрания короля следует иметь в виду другой вопрос, «который равномерно вашего попечения требовать будет», т. е. вопрос о границе, в связи с чем вице-канцлер советовал послу изучить карты и другие документы для аргументированной дискуссии с поляками. При этом в депеше Панина указывался и желательный для Петербурга способ разрешения пограничных проблем. «Я полагаю, — писал он, — да инако нам и желать неудобно, что при определенных ныне ваших конференциях

с польскими комиссарами вы другого о том не положите, как соглашение с обеих сторон на определение особой комиссии для рассмотрения и решения границ с их претензиями, касающимися как до завладения земель, так и до содержания наших беглецов, ибо непосредственное министерское окончание дел такого рода всегда подвергнуто быть должно многим неудобствам; причем я довольно вам рекомендовать не могу, чтоб исходатайствовать вышепомянутой комиссии от сейма такую полную мочь, которая ее положению могла дать всю силу закона, если б не одна собою, то по последней мере под апробациею только королевскою и сената»⁵⁵.

Наконец, 28/17 октября 1764 г., после получения в Петербурге известия о кончине Г. Кейзерлинга, Екатерина II, возлагая обязанности министра на Н. В. Репнина, писала ему: «Мне остается лишь наисильнейше рекомендовать вам дела о диссидентах и о границе, — помните, что и в том и в другом заинтересована моя слава»⁵⁶. Таким образом, накануне коронационного сейма Екатерина II дважды подчеркнула особую роль дел русской политики пограничного вопроса, сравнив его значение в начале с избранием польского короля, а затем — с диссидентским делом. В письме Н. И. Панина для его разрешения послу поручалось добиваться создания особой комиссии, которая, с одной стороны, по своим полномочиям должна была бы соответствовать административным комиссиям, типа монетной, но, с другой, ее решения должны были бы обладать законодательной силой и могли бы быть утверждены королем и сенатом, минуя сейм. Такая комиссия, даже будучи создана по решению сейма, представляла бы собой совершенно новый институт в государственном устройстве Речи Посполитой, хотя в рассуждениях о ее создании Н. И. Панин и ссылаясь туманно на некие «прежние примеры судебных полномочий в актах республики»⁵⁷.

Накануне сейма коронации проект Н. И. Панина об образовании пограничной комиссии встретил возражения со стороны «фамилии». Особенно противился ему, как позже писал Н. В. Репнин, канцлер литовский М. Чарторыйский. В качестве повода был использован вопрос о действительности договора о Вечном мире 1686 г., который в Варшаве подвергали сомнению и связывали с выполнением Россией условий Нарвского договора 1704 г. Однако, как писал Н. В. Репнин, Станислав Август «твердо уверил» посла, что назначит пограничную комиссию на будущем сейме⁵⁸. В этой позиции польского короля проявилось желание не раздражать Петербург своим отказом и вместе с тем еще раз связать вопрос об удовлетворении требований России с ее согласием на продолжение реформ в Польше.

Тем не менее Н. В. Репнин добивался продолжения обсуждения пограничного вопроса. В депеше от 28/17 ноября 1764 г. он сообщал, что конференции об этом с министерством начнутся завтра или послезавтра, при этом посол настаивал на решении пограничного дела, исходя только из договора 1686 г.⁵⁹ О результатах этого обсуждения Н. В. Репнин сообщил в Петербург накануне открытия коронационного сейма. По соглашению со Станиславом Августом посол представил ему промеморию (приложенную к депеше), в которой изложил дела, подлежащие, по мнению России, для рассмотрения и принятия на нынешнем сейме. В ней, в частности, был поднят вопрос, чтобы король с Советом был уполномочен образовать пограничную комиссию с последующим утверждением ее решений на чрезвычайном сейме. «Возможности не было никакой, — продолжал посол, — и вся головой нация тому противна, чтобы королю или пограничную комиссию совсем уполномочить и дать их учреждениям силу закона. Сим же способом, имея свободу времени (надеясь на доброжелательство

короля) уповаю, — писал Репнин, — что все к желаемому концу достигнет (а после легко уже будет решительное всему утверждение сеймом дать». В заключение посол писал, что назначение пограничной комиссии будет связано с заключением «формального трактата», если его мемориал войдет в конституции коронационного сейма⁶⁰.

Из депеши Н. В. Репнина следует, что посол согласился сделать весьма существенные уступки в вопросе о пограничной комиссии в сравнении с требованиями, предъявленными в инструкциях из Петербурга. Во-первых, решения пограничной комиссии в этом случае не обладали бы силой закона, а подлежали утверждению сеймом, чего Н. И. Панин намеревался избежать, во-вторых, образование комиссии увязывалось с заключением польско-российского трактата, в котором были бы урегулированы все спорные вопросы, связанные с интерпретацией договора о Вечном мире 1686 г., от чего в начале переговоров Репнин решительно отказывался. Наконец, назначение комиссии, как следовало из депеши, возлагалось на «короля с советом», что либо существенно расширяло полномочия Совета, который, как мы видели выше, не играл самостоятельной роли в системе государственного управления Речи Посполитой, а действовал исключительно как совещательный орган при короле и в пределах его полномочий, — либо сводило вопрос о назначении комиссии только к королевскому решению, что еще больше умаляло значение ее постановлений.

В изложенной депеше Н. В. Репнина достаточно определенно видны результаты влияния на посла уговоров Станислава Августа. Но даже этот компромиссный вариант не был рассмотрен на сейме в 1764 г. По крайней мере, еще в конце марта — начале апреля 1765 г. Н. В. Репнин сообщал в Петербург, что никакого решения о пограничной комиссии так и не состоялось⁶¹.

Тем не менее, в Петербурге постановления коронационного сейма по вопросу о границе пытались представить в выгодном для себя свете. Так, в депеше В. Ф. Сольмса Фридриху II от 4 января 1765 г. / 24 декабря 1764 г. говорилось, что согласно конституции сейма «польский король возобновляет с Россией трактат 1686 г. и избирает комиссаров для определения спорных границ и для составления комиссий по вопросу о перебежчиках, а равно с целью уладить дружелюбно другие несогласия, существующие между обоими государствами»⁶².

Однако, отвергнув требования России по существу, коронационный сейм и руководившие его работой Чарторьские все же сделали малозначительную уступку домогательствам Репнина. В соответствии с конституциями сейма задача установления пограничных судов, определения их полномочий и порядка работы была возложена на образованную на сейме комиссию «для трактования с российским двором»⁶³. Формально в ее ведении находился весь комплекс польско-российских отношений, поэтому вопрос о границе неизбежно должен был оказаться в занятиях комиссии на втором плане, что и подтвердил Н. В. Репнин весной 1765 г. Тогда же это осознали и в Петербурге.

В мае 1765 г. Н. И. Панин отправил письмо в Варшаву, в котором извещал Н. В. Репнина, что прибывшие на границу российские комиссары тщетно ожидали там своих польских коллег. Руководитель русской внешней политики поручал послу потребовать от Станислава Августа, чтобы тот дал польским комиссарам «наикрепчайшее повеление», дабы они «приезжали на границы безоговорочно и порученные им дела исправляли без затруднения»⁶⁴.

Однако и без указаний из Петербурга Репнин не упускал из вида пограничного вопроса, который, видимо, не раз обсуждался им с королем. Об этом свидетельст-

вует его депеша Н. И. Панину от 17/6 апреля 1765 г.⁶⁵ Он обещает, что польский двор даст все необходимые распоряжения для решения пограничных дел, «только трудно или почти невозможно», замечает посол, чтобы они привели к желаемому результату. По его словам, в земских судах, которые посол называет градскими канцеляриями, где должны рассматриваться претензии русской стороны по пограничным делам, русские пограничные комиссары присутствовать не могут. Право участия в суде имеют только польские комиссары, которых «во всей Литве нет». А король, продолжал Репнин, не вправе их назначить своей властью, так как выборы комиссаров относятся к компетенции сеймиков, которые обычно проводятся в феврале, и изменить эти сроки король также не может. Для исправления этого положения Н. В. Репнин предлагал, опираясь на конституцию коронационного сейма 1764 г., потребовать от Станислава Августа совместно с Комиссией о трактовании с российским двором, чтобы во все пограничные воеводства были назначены комиссары и установлен регламент для проведения пограничных судов.

Проект такого регламента посол представлял в Петербург. Мы остановимся только на наиболее важных его положениях. Для отправления суда предлагалось установить равное число комиссаров с российской и польской стороны. Решение суда принимается большинством голосов и не подлежит апелляции, на чем Репнин особенно настаивал. «Для ограничения силы сих судей, — писал посол, — можно точно определить, далее каких наказаний они делать не могут». Он предусмотрел и тот весьма вероятный казус, когда голоса комиссаров разделились бы поровну. В этом случае, по его мнению, истец может прямо обратиться «к своему двору» или же перенести дело в ассессорский суд под председательством канцлеров для окончательного решения. С нашей стороны, замечал посол, можно сделать также соответствующее учреждение.

Проект установления пограничных судов, предложенный Н. В. Репниным, вероятно, обсуждался со Станиславом Августом. Однако мы не можем судить, каково было влияние польского короля на его содержание, но несомненно, что важнейшие положения проекта были предложены русским послом. В случае своего осуществления предложение Н. В. Репнина создало бы прецедент образования в Польше элементов принципиально новой судебной системы, в которой суд был бы назначен королем, хотя бы и с согласия комиссии сейма, и не зависел бы от избрания судей на сеймиках, а их решения не подлежали бы пересмотру на трибуналах. Таким образом, судебные полномочия короля были бы увеличены, судебные иммунитеты шляхты ограничены. Подобные изменения могли бы послужить поводом для изменения статуса и других судов в Речи Посполитой. Но все же предложения Н. В. Репнина по учреждению пограничных судов, несомненно, показательные для понимания позиции России, так и остались не только не реализованными, но даже и без заметных последствий, что только лишний раз подчеркнуло неудачу усилий Петербурга продвинуть решение пограничного вопроса весной 1765 г.

IV

Однако в России не оставляли задуманного. В марте 1765 г. Екатерина II распорядилась провести инспекцию польско-российской границы. Это поручение было дано генералу-поручику И. И. Веймарну и генерал-майору А. И. Бибикову. Инструкция им была утверждена императрицей 28/17 марта 1765 г., а спустя два дня оформле-

на соответствующим указом. Веймарн должен был обследовать границу от Риги до Смоленска, а Бибикову поручалось следовать ему навстречу из Новороссийской губернии. Для выполнения поставленной задачи к ним были прикомандированы «по одному искусному в инженерстве штаб- или обер-офицеру» и по два унтер-офицера⁶⁶. Выполнение геодезических работ на границе всегда находилось в ведении Военной коллегии. Назначение для обследования границы генералов и предоставленные им полномочия свидетельствовали, что и в данном случае Веймарн и Биби-ков были подчинены непосредственно военному ведомству. Об этом же свидетельствуют и воспоминания А. И. Бибикова, который писал, что наряду с обследованием границы ему была поручена инспекция пограничных линейных и ландмилицких полков, о чем он посылал донесения З. Г. Чернышеву, а о состоянии границы — Н. И. Панину⁶⁷. Таким образом, очевидно, что миссия Веймарна и Бибикова была предпринята не только в интересах внешнеполитического ведомства, но и преследовала цели сугубо военного характера. К тому же, по словам А. И. Бибикова, Екатерина II поручила им «исполнение сего дела конечно для того, что намеревалась вскоре вверить им начальство над войсками в Польше»⁶⁸. По инструкции обследованию подлежали не только сама граница, но и прилегающие земли Речи Посполитой по Западной Двине и правому берегу Днепра, т. е. те самые области, которые входили в сферу действия плана З. Г. Чернышева 1763 г., а позже были включены в русскую часть первого раздела Польши.

По инструкции И. И. Веймарн и А. И. Бибиков должны были проверить, соответствует ли фактическое прохождение границы ее описаниям и картам, составить перечень претензий российских подданных к польской стороне. Надлежало также собрать сведения, «каких вообще свойств доброты и доходов все те места без изъятия быть могут, кои одной или другою стороною претендуются». Веймарну и Биби-кову предписывалось «доставлять под рукою, неприметным образом» известия о встречах пограничных претензиях поляков. Им было поручено также составить описание, точные карты и планы пограничных районов, выяснить, не учреждены ли поляками таможни в тех местах по Западной Двине и Днепру, где это было запрещено по договору 1686 г. Они также должны были выяснить, у кого во владении находятся города и земли, на которые предъявляются претензии со стороны России, а также собрать сведения о русских беглых в приграничных областях. Инструкция также содержала поручение составить описание днепровских островов, которые впоследствии могли бы быть «присвоены» Россией, а также выяснить, где именно проходила прежде граница владений Запорожской Сечи, что, вероятно, также должно было в будущем послужить основанием для предъявления новых территориальных требований к Польше⁶⁹.

Миссия И. И. Веймарна и А. И. Бибикова была завершена только в ноябре 1765 г. Причем Бибиков доносил Н. И. Панину, что польские границы «состоят не токмо в прежних невыгодных для России положениях, но еще во многом ослаблены и упущены против установленных в трактате о Вечном мире»⁷⁰.

Тогда же, весной 1765 г., Н. В. Репнин добивался от польского правительства выдачи беглых крепостных крестьян. Усилия посла увенчались успехом. В депеше Н. И. Панину от 20/9 мая 1765 г. он сообщил, что соответствующие универсалы Станислава Августа были уже отправлены в литовские воеводства, а в отношении коронных земель «уже оные велено писать»⁷¹.

Таким образом, впервые было получено формальное согласие польской стороны на выдачу беглых. Для их возвращения в Россию на польскую территорию был отправлен военный отряд под командой генерал-майора Маслова. О масштабах операции свидетельствует мемориал, представленный в русское посольство М. Чарторыским⁷², в котором канцлер литовский заявил, что, наряду с русскими беглыми, отрядом Маслова были уведены в Россию и поляки. Всего же, по свидетельству мемориала, из литовских имений Чарторыских было взято 962 владельца дворов (сколько людей во дворах — неизвестно), для их перевозки потребовалось 3 тыс. подвод. Даже если считать по 4 человека на двор, то отрядом Маслова было вывезено в Россию не менее 4 тыс. человек.

Принимая мемориал, Н. В. Репнин обещал переслать его в Петербург. Из ответа Н. И. Панина⁷³ мы можем почерпнуть некоторые подробности проведенной операции. Шеф Коллегии иностранных дел писал послу для передачи М. Чарторыскому, что природных поляков среди возвращенных крестьян не оказалось ни по спискам, ни по их собственному заявлению. Перепроверить эти сведения, по словам Панина, невозможно, так как крестьяне направлены партиями «с зачетом помещикам их в рекруты или с выдачею из казны денег, в новые внутренние селения», т. е. — в Сибирь. Он также подчеркнул, что возвращению в России подлежали сами беглецы и их дети. Те же, «кои родились в Польше от беглого деда», из страны не вывозились. Наконец, наряду с отрядом Маслова в Литве, на Правобережную Украину вступил с той же целью отряд во главе с Х. Штофельном. Обои отрядами командовали генералы, что указывало на многочисленность подчиненных им войск. Если только из литовских имений Чарторыских было вывезено несколько тысяч человек, то можно себе представить, какой ущерб экспедиция нанесла магнатам и шляхте. Помимо Литвы и Украины, аналогичные меры по возврату беглых планировались и в Инфлянтах. 28 декабря 1765 г. Станислав Август послал туда такой же универсал⁷⁴.

В материалах Варшавской миссии сохранилась генеральная ведомость о возвращенных из Польши в Россию беглых, охватывающая период с декабря 1764 по март 1765 г. Согласно ей, воинскими командами было вывезено в Россию 14 373 человека (7 609 д. м. п. и 6 764 д. ж. п.)⁷⁵. По данным ведомости, более половины из возвращенных (8 823 чел.) якобы происходили из купцов, дворцовых и монастырских крестьян, что явно свидетельствовало о намерении возвращенных беглецов скрыть свою принадлежность к помещичьим крестьянам, число которых по ведомости составило только 2 601 чел.

Чтобы сгладить явно неблагоприятное впечатление в Польше от проводимых военных экспедиций, 16/5 июля Н. В. Репнину был послан императорский рескрипт, в котором послу поручалось «королю именем нашим учинить за оное благодарительный комплимент» и сообщить, что российским пограничным командирам и комиссарам приказано «прилагать старание... о распространении между обеих сторон жителями соседственной дружбы, и чтоб польским подданным в равномерных претензиях надлежащее удовлетворение по самой справедливости показываемо было»⁷⁶.

V

В начале 1766 г. с приближением очередного сейма, казалось бы, появились признаки готовности обеих сторон разрешить пограничный вопрос. Этому, возможно, способствовал приезд в Варшаву Ф. Ржевуского, который, как сообщал И. М. Лобкович В. Кау-

ницу в депеше от 22 февраля 1766 г.⁷⁷, хлопотал там об урегулировании пограничных дел и о диссидентах. Ржевуский был достаточно хорошо информирован о настроениях в Петербурге и мог убедить Станислава Августа пойти навстречу требованиям России в вопросе о границе, имея в виду, что по диссидентскому делу договориться было практически невозможно. 28/17 апреля 1766 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что Станислав Август предложил, чтобы и с польской стороны граница была бы обследована, как это было сделано годом раньше И. Веймарном и А. И. Бибиковым. Для доклада императрице Панин написал на депеше: «То же им позволить можно, что наши комиссары уже сделали, то есть осмотреть спорные земли и границы. Без чего дело начать будет невозможно»⁷⁸.

В Петербурге явно стремились прийти к соглашению с польской стороной по вопросу о границе и об учреждении пограничных судов и всячески демонстрировали готовность исключить из этой проблемы польско-российских отношений что-либо, ущемлявшее суверенитет Речи Посполитой или же достоинство поляков. Это было связано с осознанием, что вопрос о границе не будет иметь на сейме принципиального значения. Вместе с тем хотелось бы накануне сейма получить согласие короля и Чарторыхских на удовлетворение хотя бы одного из главных требований России. Кроме того, военная операция по возвращению беглых уже была проведена, и надо было на время сгладить ее последствия. В этом духе пограничные вопросы рассматривались в письме Н. И. Панина Чарторыхским от 15/4 июля 1766 г.⁷⁹ В нем глава Коллегии иностранных дел называл проблему границы «одним из трех главных предметов, коих должны были касаться переговоры (с Россией. — *Б. Н.*) относительно восстановления республики на самостоятельных и прочных основах»⁸⁰. Другими были вопрос о польско-русском союзе и о диссидентах. Говоря о границе, Н. И. Панин подчеркивал, что Екатерина II «имеет в виду лишь прекратить неопределенность владений пограничных жителей. Она и не воображает, чтобы ей могли предложить или чтобы она могла предложить со своей стороны иное правило к руководству, как только принять к руководству границы, наиболее естественные по владению, сообразно старому трактату»⁸¹.

В Варшаве также стремились избежать конфликта из-за пограничных дел. Уже в августе 1766 г. вопрос о создании пограничных комиссий был практически решен. Польский двор просил только об отсрочке введения их в Инфлянтах, что было вызвано, как сообщал Н. В. Репнин, особыми привилегиями этой польской провинции⁸².

Тогда же посол переслал в Петербург копию письма от подканцлера литовского А. Пшездецкого в Мстиславское воеводство от 11 августа 1766 г., в котором тот, обращаясь к воеводе Ржечицкому (*sic* — ?), писал об удовлетворении требований российского комиссара С. Ланского о выдаче беглых. «Потому и Вам такой поступок, которого российский комиссар домогается, — заявлял Пшездецкий, — не только республике интересам предосудительным быть не может, но еще тем доказать может то, что вы со своей стороны попечение прилагаете о сохранении соседственной дружбы весьма нам нужной»⁸³.

17/6 сентября 1766 г., в день получения из Петербурга «ужасных повелений» по диссидентскому делу, Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что «комиссары здешние к разграничению с Российской империей и к разобранию всех пограничных споров столь сильно уполномочены, что они могут точный и решительный конец сему

делу положить. И тако считаю, об сем более ничего на сейме упоминать не надлежит, кроме разве по случаям в разговорах о некорыстливых намерениях ее имп. в-ва в сем деле»⁸⁴.

С российской стороны было образовано две пограничные комиссии: в Новгороде под началом С. Ланского и в Киеве во главе с И. Лесиним. Переписка комиссаров с Н. В. Репниным началась в конце 1764 г.⁸⁵ Она свидетельствовала, что фактически работу пограничных судов саботировали не только с польской, но и с русской стороны. Это признавал и сам Н. В. Репнин в письме к коллежскому советнику П. В. Бакунину в августе 1765 г. Посол сообщал для сведения Н. И. Панина, «что с нашей стороны не более податливости, как с здешней <...> кажется надлежало бы самую строгую справедливость начать показывать (по отношению к полякам. — Б. Н.), и потом также оную и от здешней стороны требовать. Следственно, и надобно думать, — писал Репнин, — о том подтверждение в наши пограничные суды сделать»⁸⁶.

Соглашение по пограничным делам, достигнутое накануне сейма 1766 г., было оформлено его конституциями «О комиссиях» и «*Ostrzeżenie spraw granicznych z dobrami naszymi*»⁸⁷, которые сформулированы в довольно общих выражениях, но из них следовало, что решения комиссий (комиссарские акты) могли быть обжалованы только в ассessorских судах. То есть было закреплено одно из основных положений проекта Н. В. Репнина 1765 г.

Решение пограничного вопроса на сейме 1766 г. носило явно компромиссный характер, что продемонстрировало, с одной стороны, способность России и Польши к разрешению взаимных противоречий на равноправной основе. С другой стороны, учреждение пограничных судов не могло само по себе устранить столкновение интересов русского дворянства и польской шляхты из-за стремления к внешней экспансии русского и польского феодального землевладения, остановить движение русского крепостничества на запад. Ибо официальная доктрина русского правительства о гарантиях владельческих прав помещиков и охране их сословной монополии на землю и крестьян по сути дела только прикрывала внутреннюю и внешнюю экспансию помещичьего землевладения, что нашло отражение в динамике изменений в структуре населения России во второй половине XVIII в. Выборочные данные об изменении численности крестьянского населения представлены в *таблице 5*. Для сравнения были взяты два основных экономических района: Центральный промышленный и Центральный земледельческий, в которых было сосредоточено большинство населения России в XVIII в.

Центральный промышленный район был также основным центром дворянского землевладения, где оно сложилось еще в XVI в. Центральный земледельческий район в течение XVII в. был областью крестьянской колонизации, а в XVIII в. стал ареной массовой экспансии дворянского землевладения. Если на рубеже XVII–XVIII вв. помещичье землевладение было представлено здесь крайне незначительно, то уже к концу XVIII в. более половины всех земель здесь принадлежало дворянам. Таким образом, два эти района представляли собой два типа, две тенденции в развитии помещичьего хозяйства в России. В сопоставлении с ними представлены данные об общей численности крестьян и крестьян помещичьих по трем областям, составлявшим в 60-е гг. XVIII в. российско-польское пограничье: по Смоленской губернии, Левобережной Украине и Екатеринославской губернии. Численность крестьян приведена в душах м. п. на время проведения 2–5 ревизий, 1744, 1762, 1782 и 1795 гг.

Таблица 5. Изменения в численности крестьянства в основных экономических районах России и в областях российско-польского пограничья в 1744–1795 гг. *

Районы	число крепостных крестьян в д. м. п.	1744 (2 ревиз.)	1762 (3 ревиз.)	1782 (4 ревиз.)	1795 (5 ревиз.)				
Центральный пром. район	число кр-н	1 977 735	100	2 436 319	123,1	2 750 581	139,1	2 818 363	142,5
	в т. ч. помещ.	1 530 028	100	1 705 191	111,4	1 941 181	126,9	2 023 670	132,3
Центральный земледельч. р-н	число кр-н	1 251 949	100	2 029 777	162,1	2 572 629	205,5	2 799 717	223,6
	в т. ч. помещ.	1 151 850	100	1 340 501	116,4	1 513 241	131,3	1 673 685	145,3
Итого:	число кр-н	3 229 684	100	4 466 096	138,3	5 323 210	164,8	5 618 080	173,9
	в т. ч. помещ.	2 681 878	100	3 045 692	113,6	3 454 422	128,8	3 697 355	137,8
Смоленская губерния	число кр-н	220 895	100	339 732	154,0	424 120	191,9	440 418	199,1
	в т. ч. помещ.	188 087	100	299 786	159,6	338 288	180,0	354 557	188,8
Левоб. Украина	число кр-н	1 082 583	100	1 299 753	120,1	1 606 562	148,4	1 570 576	145,1
	в т. ч. помещ.	564 897	100	707 223	125,1	731 962	190,0	724 239	128,1
Екатерин. губерния	число кр-н	13 783	100	48 006	348,3	145 898	1058,5	222 939	1617,5
	в т. ч. помещ.	—	—	12 051	100	50 863	422,1	102 615	857,5
Итого:	число кр-н	1 317 267	100	1 687 491	128,1	2 176 580	165,3	2 233 933	169,6
	в т. ч. помещ.	752 984	100	1 079 060	143,3	1 127 113	149,7	1 181 411	156,8
Всего:	число кр-н	4 546 945	100	6 144 587	135,1	7 499 790	165,0	7 181 013	172,7
	в т. ч. помещ.	3 434 862	100	4 064 752	118,3	4 575 535	133,2	4 878 766	142,0
			%		%		%		%

Примечание. * Таблица составлена на основе данных ревизских материалов, собранных В. М. Кабузаном⁸⁸.

Из сопоставления данных ревизского учета крепостных крестьян можно сделать вывод, что период наибольшего прироста их численности приходится на время между второй и четвертой ревизиями с 1744 по 1782 гг., когда он составил и в центральных районах России, и в областях русско-польского пограничья ~ 65%. За то же время в отдельно взятом Центрально-земледельческом районе крестьянское население удвоилось, что существенно превосходило рост числа крепостных в пограничье, но все же было сопоставимо с ним, особенно если иметь в виду данные по Смоленской губернии (91,9%) и Екатеринославской, где крестьянское население возросло в 10 раз. Меньше показатель прироста только на Левобережной Украине. Но здесь следует принять в расчет высокий исходный уровень численности крестьянства и размеры абсолютного прироста (более 500 тыс. д. м. п.). Это свидетельствует, что район российско-польского пограничья в середине XVIII в. был одной из областей активной экспансии крепостничества. Однако в отличие от аналогичного Центрально-земледельческого района активность именно помещичьего землевладения здесь была еще выше, так как число помещичьих крестьян увеличилось на 50% против 30% в центре страны и составило в 1782 г. половину от числа помещичьих крестьян центральных районов, в то время как в 1744 г. она составляла только 28,1%.

В свете этих данных, а также на основе выводов многих исследований советских ученых можно заключить, что ожесточенная борьба за землю и крестьян, развернувшаяся в XVIII в. внутри страны, находила свое разрешение также и во внешней экспансии русского крепостничества, в котором польскому направлению принадлежала отнюдь не последняя роль. Поэтому вопрос о беглых и границе в отношениях между Россией и Речью Посполитой не сводился к простому урегулированию пограничных споров, как это искренне или неискренне пытались представить в Петербурге, он явно отражал экспансионистские интересы русского помещичьего дворянства и вполне согласовывался с великодержавными планами Екатерины II и ее приближенных. Пограничный вопрос, как и проблема выдачи беглых, таким образом, едва ли могли быть разрешены дипломатическим путем, а компромисс, достигнутый накануне сейма 1766 г. между русским посольством и польским двором, вряд ли мог принести долговременные положительные результаты. Несмотря на видимость согласия, граница так и не была окончательно определена, пограничные суды так и не приступили к работе, а пограничные противоречия по-прежнему не были устранены, что, несомненно, внесло свою лепту в дальнейшее обострение польско-российских отношений.

Примечания

1. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 172–173.
2. Там же. С. 184–188.
3. Там же. С. 217–218.
4. Там же. С. 426–428.
5. *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1869. Т. 2. S. 9.
6. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 441.
7. Там же. С. 442–446.
8. Там же. С. 488.
9. *Schmitt H.* Op. cit. Т. II. S. 9.
10. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 459.
11. *Бильбасов В. А.* Присоединение Курляндии // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 2. С. 231.
12. См.: *Строев В.* Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики имп. Анны. М., 1909–1910. Т. 1–2.
13. *Бильбасов В. А.* Указ. соч. С. 226–227.
14. *Seraphim E., Seraphim A.* Geschichte Liv-Est- und Kurlands. Reval, 1896. Bd. 2. Abt. 2. S. 628.
15. Деспеша Н. И. Панина Н. В. Репнину от 3 апреля / 23 марта 1765 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 873. Л. 12–13 об.
16. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 873. Л. 23–25.
17. Там же. Л. 32–32 об.
18. Там же. Д. 871. Л. 27.
19. Там же. Л. 89–90 об.
20. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 403–404.

21. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 51–51 об.
22. Там же. Л. 71–72 об.
23. Рескрипт Станислава Августа курляндскому рыцарству, 2 января 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 142–146 об.
24. *Regestr Sekretynych Rad Senatu...* // *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 369.
25. Н. И. Панин — Н. В. Репнину, 11 февраля / 31 января 1766 г. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 444–445.
26. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 66–67 об.
27. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 503–504.
28. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 100–101 об.
29. Н. В. Репнин — Н. И. Панину 12/1 мая 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 130–130^a об.; *Scopia punctorum*. — Там же. Л. 131–132^a.
30. Рескрипт № 3 К. М. Симолину, 11 июля / 30 июня 1766 г. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 562.
31. Изъяснение о делах курляндских от 28 июля 1766 г. Приложение к депеше Н. В. Репнина от 27/6 августа 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 25–45 об.
32. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 28–29.
33. Там же. С. 36–41.
34. Там же. С. 61–62.
35. Там же. С. 164–165.
36. Там же. С. 182–187, 192.
37. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 13–14.
38. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 203.
39. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 79–80 об.
40. Там же. Л. 108–110, 142–143 об.
41. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 93. Трактат, заключенный в Москве полномочными Польскими послами с Российскими боярами 6 мая / 26 апреля 1686 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 1186.
42. О строительстве укрепленных линий на южной границе и заселении прилежащих территорий см.: *Багалей Д. И.* Колонизация Новороссийского края. Киев, 1889; *Мышлаевский А. З.* Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897; *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII и перв. пол. XIX вв. М., 1928.
43. См. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1. С. 330–351; *Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 94–114; *Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 40–42; *Козлова Н. В.* Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. М., 1983.
44. *Белявский М. Т.* Указ. соч. С. 41–42.
45. *Семевский В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 338–339.
46. Там же. С. 337–338.
47. Там же. С. 339.
48. Сб. РИО. СПб., 1875. Т. 14. С. 294–315.
49. Там же. С. 413.
50. Там же. С. 275.
51. Там же. С. 428.

52. Там же. С. 443–456.
53. ПСЗ. Т 15. № 10865, 10896; Т 16. № 11618, 11894.
54. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 7–8.
55. Там же С. 18–19.
56. Там же. С. 34.
57. Там же. С. 19.
58. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 69–70 об.
59. Там же. Л. 81–82.
60. Там же. Л. 87–89.
61. Там же. Д. 865. Л. 101–102 об.
62. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 352.
63. VL. Т. 7. № 60. Р. 158.
64. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 263–264.
65. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 17–22 об.
66. Инструкция генерал-поручику И. И. Веймарну и генерал-майору А. И. Бибикову 17 марта 1765 г. // Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 211–217.
67. *Бибиков А. И.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. М., 1865. С. 32.
68. Там же. С. 30.
69. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 211–217.
70. *Бибиков А. И.* Указ. соч. С. 33.
71. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 38–39.
72. Там же. Л. 40–51.
73. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 276–277; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 873. Л. 23–25 об.
74. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 136–137 об.
75. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 889.
76. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 287–286.
77. Там же. СПб., 1901. Т. 109. С. 173.
78. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 67 об.–68.
79. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 9–20.
80. Там же. С. 10.
81. Там же. С. 19.
82. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 1–4.
83. Там же. Л. 5–5 об.
84. Там же. Д. 887. Л. 12–13 об.
85. Письма пограничных комиссаров Н. В. Репнину. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 809.
86. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 893. Л. 1.
87. VL. Т. 7. Р. 241.
88. *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения в России в XVIII — перв. пол. XIX в. М., 1971.

I

Поворот в польской политике русского правительства, приведший в 1764 г. к установлению российской гегемонии в Польше, очевидно, предполагал не только новое содержание, но и новое оформление польско-российских отношений. Начиная с декабря 1762 г., когда завязалась переписка «фамилии» с Петербургом, в этой корреспонденции время от времени мелькали слова о «соединении» Польши с Россией и о «согласии» между нашими странами, причем французские термины могли бы даже толковаться как союз.

«Общее наставление» Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину, данное в ноябре 1763 г., впервые содержавшее определенно сформулированные задачи русской политики в Польше, выдвигало требование признания императорского титула Екатерины II, ратификации сеймом договора 1686 г., утверждения российской гарантии государственного устройства Речи Посполитой и установления на будущие времена «соседственной дружбы» между нашими странами, при исключении вмешательства третьих стран в польско-российские отношения. Как мы отмечали выше, избрание Станислава Августа на польский престол и данные обещания русского правительства о сохранении любой ценой его короны, по сути, означали установление личной унии между польским королем и русской императрицей.

Именно на это обстоятельство указывала Екатерина II в двух письмах Станиславу Августу — от 30/19 сентября и 6 октября / 25 сентября 1764 г.¹, отправленных в Варшаву сразу после получения в Петербурге известия об итогах сейма элекции и официального уведомления об избрании нового польского короля. В первом письме императрица, в частности, писала, что смотрит на новое царствование «как на столь же верное предзнаменование доброго согласия и совершенного единения, которые должны существовать между обоими государствами». Во французском оригинале письма «совершенное единение» звучало как «*parfaite union*» и могло быть переведено как «заключенного союза». «Не сомневаюсь в том, — продолжала Екатерина II, обращаясь к польскому королю, — что ваше величество, с такими же заботливостью и расположением, как и я, будете способствовать устранению или определению удовлетворительным и прочным образом всего, что могло бы оказаться предметом спора или было бы причиной менее тесной связи (в оригинале — *cause d'une moindre intimité*).

В этом случае «тесная связь» могла толковаться только как отношения между двумя монархами, т. е. в духе личной унии русской царицы и польского короля. При этом «соединение — союз — связь» между польской короной и Россией, очевидно, находились в непосредственной зависимости от готовности Станислава Августа и Речи Посполитой удовлетворить претензии Петербурга в адрес Польши. Во втором письме Екатерина II возвращалась к этой мысли и заявляла о своей уверенности, «что тесная и прочная дружба будут существовать между нами (императрицей и польским королем. — *Б. Н.*) во время нашего царствования, так как намерения вашего величества в этом отношении как нельзя более способны помогать успеху моих». В этом же письме содержалась и хорошо замаскированная угроза на случай, если намерения императрицы не будут поддержаны польской стороной. Екатерина напоминала, что в конце правления Августа III и во время междоусобицы она «старательно наблюдала за тем, чтобы предупредить всякий повод к раздору между нашими обоими государствами», что подразумевало ожидание такой же позиции от нового, дружественного России польского правительства. А в начале письма, поздравляя Станислава Августа с избранием, царица намекала, что это «счастливое событие» открывает перед новым королем обширное поприще «для благодеяний, соразмерно с силою и высокими качествами» его способностей. Нетрудно догадаться, что, туманно упоминая возможные благодеяния, императрица, а вернее, составивший письма Н. И. Панин рассчитывали, что ничего не значащие недомолвки будут восприняты в Варшаве как знак благожелательности по отношению к задуманным «фамилией» и Станиславом Августом реформаторским проектам.

Таким образом, слово «союз» применительно к отношениям России и Польши прозвучало в первых письмах Екатерины II к польскому монарху в традиционном контексте политических требований Петербурга к Речи Посполитой и ни к чему не обязывающих намеков на допустимость преобразований в ее политической системе. При этом, если в первом письме слово «союз» присутствовало, то во втором — от него не осталось и следа, а речь пошла только о «тесной и прочной дружбе» (*une amitié étroite et solide*).

Ответ Станислава Августа на сентябрьское и октябрьское письма Екатерины II последовал только спустя месяц, датирован 15 ноября 1764 г.² За это время вопрос о новом характере российско-польских отношений стал предметом активных консультаций между Петербургом, Варшавой и Берлином.

В упомянутом письме императрице от 15 ноября 1764 г. польский король писал, что ее желание «еще более тесного объединения» России и Польши (*l'Union de la Pologne avec votre Empire*) соответствует и его намерениям. Для этого, по мнению Станислава Августа, «трактаты 1686 г. и 1704 г.» являются естественными по их содержанию и по недостатку в них окончательных формальностей, что по своей природе требует подготовки нового трактата, предметом которого будет определение границ и способов предупреждения и улаживания пограничных споров, могущих возникнуть между местными жителями <...>. Конечно, ничто не польстило бы так мо-

* Союзный договор 1704 г. между Россией и польским королем Августом II, в силу которого Россия гарантировала польской короне приобретение Ливонии с городом Ригой в ходе Северной войны 1700–1721 гг. Однако в этой части договор остался невыполненным, а Ливония по Ништадтскому миру 1721 г. отошла к России.

им амбициям и моей признательности, — продолжал король, — как стать истинно необходимым союзником вашего величества, потому что ваша политическая система базируется на мире и справедливости <...>. Средства, предназначенные для Польши, должны еще больше укрепить наше добрососедство <...>». О каких же средствах для укрепления российско-польского добрососедства писал Екатерине II Станислав Август?

Речь шла о содействии со стороны России в проведении реформ государственного строя Речи Посполитой, о намерении Станислава Августа, как это следовало из приведенного письма, сохранить свободу Польши, но одновременно «вытянуть ее из того страшного беспорядка, который там господствует». А это, как подчеркивал король, должно было стать предпосылкой и для разрешения диссидентского вопроса.

Таким образом, в ответном письме Станислава Августа тема союза с Россией звучала уже вполне определенно. Заключение союза, согласно представлениям польского короля, предполагалось на основе нового договора, фундаментом которого в равной мере должны были быть Вечный мир 1686 г. и Нарвский договор 1704 г., и было сопряжено с удовлетворением требований России, в том числе и по вопросу о диссидентах. Важнейшим же условием строительства новых польско-российских отношений, как это вытекало из письма Станислава Августа Екатерине II, было бы избавление Речи Посполитой от политической анархии при решающем содействии в этом русской императрицы.

Однако направление изменений в отношениях России и Польши определилось не в Варшаве, а в Петербурге. В этом отношении письма Екатерины II Станиславу Августу в сентябре—октябре 1764 г., после сейма элекции, не содержат принципиально ничего нового. Однако 5 октября / 27 сентября, уже накануне отправления второго письма, императрица утвердила текст рескрипта № 54 Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину, официально подписанный 10 октября / 29 сентября 1764 г.³, в котором содержались конкретные инструкции послам в преддверии коронационного сейма. А именно на нем, как предполагали в российской столице, Станислав Август и «фамилия» должны были добиться удовлетворения требований России. Рескрипт был составлен, когда Кейзерлинга уже не было в живых, а посольство в Варшаве единолично возглавил Н. В. Репнин. В нем говорилось о деле диссидентов, о границе и возвращении беглых, о «застарелости» трактата 1686 г. «Но дабы трактуя вообще о таких важных и разным уважениям свойственных предметах, не привести оные в замешательство, мы, — подчеркивал Н. И. Панин, — рассуждаем быть выгоднее и ближе к достижению, если бы вы наперед и во время еще сейма с тамошним двором возобновили или подтвердили коротким актом вообще как помянутый мирный трактат, так и трактат 1717 г., ибо первый, как вам известно, не имеет ратификации, во втором же он, тем не менее, упоминается. Нам весьма желательно, когда б в том акте и наша гарантия конституции, прав и вольности польской внесена, <...> и особливая негоциация о союзном и оборотном трактате определена была».

Таким образом, в инструкциях из Петербурга увязывался в единое целое весь комплекс требований русского двора к Польше, а вопросы о подтверждении договора о вечном мире 1686 г., о гарантии польской конституции и о союзе с Польшей должны были быть урегулированы одним актом. Текст акта, о котором говорилось в императорском рескрипте и упоминалось в депешах Н. В. Репнина, был впервые исследован З. Зелиньской, указавшей на две его редакции, автором которых был Н. В. Репнин. Во второй, окончательной, редакции «Особливого акта», составлен-

ной русским послом в Варшаве накануне открытия коронационного сейма, говорилось: «Поскольку для обоих государств (России и Польши. — *Б. Н.*) выгодно связать себя крепчайшими узами самой прекрасной дружбы и самого тесного союза, следует помыслить о путях к этому и, не теряя времени, трудиться, используя первую благоприятную возможность для укрепления этих связей посредством договора о дружбе и оборонительном союзе. Россия же, считая уже Польшу своим другом и союзником и заботясь о ее благоденствии и сохранении как таковой, торжественно гарантирует ее конституцию, права и свободы»⁴. В проекте Н. В. Репнина «союз» и «гарантия» выступали тесно связанными между собой, в то время как в рескрипте № 54 они только последовательно упомянуты. Обращает на себя внимание также, что в более ранней редакции акта Россия в числе прочего гарантировала Польше «все принадлежащие ей в данный момент владения», что в окончательной редакции было опущено и заменено «сохранением ее (Польши. — *Б. Н.*) как таковой»⁵.

Таким образом, если сопоставить основополагающие инструкции Петербурга русским послам в Варшаве («Общее наставление» и рескрипт № 54) с составленным Н. В. Репниным проектом «Особливого акта», то можно заключить, что для русской политики проблема установления новых межгосударственных отношений с Польшей связывалась с вопросами о подтверждении договора 1686 г., о гарантии государственного строя Речи Посполитой, о границе между двумя странами и о союзе двух стран. Следует также отметить, что тема союза определенно прозвучала в последнюю очередь, а именно осенью 1764 г. Очевидно, что только эти вопросы, в отличие от других проблем польско-российских отношений, в Петербурге готовы были рассматривать в комплексе. Об этом свидетельствует переписка Н. И. Панина с русскими послами в Польше в 1764 г.

Еще в июне 1764 г., когда на конвокационном сейме решался вопрос о признании императорского титула российских царей, Н. В. Репнин доносил о желании Чарторыхских получить «уверение, что то претензии никакой не даст на принадлежащие к ним России (т. е. на входившие в состав Речи Посполитой украинские и белорусские земли. — *Б. Н.*), которое, — как писал Репнин, — мы и дали, включая в ту декларацию, что гарантирует ее имп. в-ство их все владения, тоже и права. Сие уже будет нам служить, — продолжал посол, — приступом к генеральной гарантии, на которую мы целим»⁶. Обращает на себя внимание текстуальное совпадение цитированной депеши Репнина и составленной им первой редакции «Особливого акта», что еще раз указывает на намерение прежде всего добиваться установления российской гарантии государственного строя Польши, чему и должны были служить как уверение в «особливой дружбе», так и провозглашенная готовность к заключению союза между нашими странами.

Опасения Чарторыхских, о которых в связи с признанием императорского титула писал русский посол, были связаны также и с подтверждением договора о Вечном мире 1686 г. Об этом Репнин сообщал в Петербург в октябре–ноябре 1764 г., указывая, что поляки «вмешивают в сие дело трактат Нарвский (Нарвский договор 1704 г. — *Б. Н.*), который вместе с мирным московским здесь в 1710 году республикой опробован»⁷. В связи с этим посол просил о дополнительных инструкциях. Но 28/17 ноября 1764 г., еще до их получения, он вновь обращался к проблеме договоров 1686, 1704 и 1710 гг., когда в связи с вопросом о границе писал, что, по его мнению, вопрос этот должен решиться на основе договора 1686 г., а договоры 1704 и 1710 гг. можно рассмотреть

либо «как особое дело», либо — «как нарушение договора 1686 г.»⁸. На просьбу Репнина отправить ему соответствующую инструкцию Н. И. Панин ответил: «С последним курьером довольно наставлен»⁹, имея в виду рескрипт № 54, в котором подчеркивалось, что в России намерены строить отношения с Польшей только на основе договоров 1686 и 1717 гг., о которых в рескрипте говорилось: «Ибо первый, как вам известно, не имеет ратификации, во втором же он тем не менее упоминается»¹⁰.

Более подробное отражение позиция России по вопросу о договоре 1704 г. нашла в инструкции И. И. Веймарну и А. И. Бибикову¹¹, отправленным в 1765 г. для обследования российско-польской границы. В приложенной к ней справке, составленной в Коллегии иностранных дел, проводилась запись переговоров 1720 г. с польским послом Станиславом Хоментовским — воеводой мазовецким, которому было заявлено, что Петр I не отказывается уступить Лифляндию Речи Посполитой, как это было предусмотрено договором 1704 г., однако в нем не сказано — надлежит это сделать в ходе Северной войны или позже. Заключенный же Польшей сепаратный мир со Швецией включает признание Оливского мира, по которому Лифляндия принадлежит шведской короне. Поэтому передача ее Польше нанесла бы ущерб безопасности России¹².

Уже после заключения Ништадтского мира в рескрипте С. Долгорукову 1721 г. предписывалось в случае разговоров о Лифляндии говорить полякам, «что об оных более известия не имеешь, токмо что по тому трактату от Швеции уступлены оные (Лифляндия и Рига. — *Б. Н.*) нам и что о том никакого указа тебе не прислано»¹³. Впоследствии всем посольствам, отправляемым в Варшаву, поручалось не вступать в переговоры с поляками о Лифляндии, ссылаясь на ответ 1720 г., данный Хоментовскому¹⁴.

Таким образом, формально российско-польский договор 1704 г. в Петербурге не могли считать недействительным, а заявление, сделанное Хоментовскому, не означало окончательного отказа от его соблюдения. Теперь же, в 1764 г., настаивая на возобновлении договора 1686 г., в Петербурге стремились окончательно закрыть вопрос о Лифляндии, на что недвусмысленно указал рескрипт № 54.

3 декабря / 22 ноября 1764 г., накануне открытия сейма коронации, Н. В. Репнин доносит в Петербург: «Об заключении акта ничего еще сказать не могу, весьма в том настою, но подлинной надежды не имею. Опасаются здесь очень строгого исполнения мирного трактата (договора 1686 г. — *Б. Н.*), в котором видят они, что виноваты и для того боятся формальное укрепление и возобновление сеймом тому дать, однако когда на основании и во исполнение сего трактата комиссия назначится, тоже и ежели мой мемориал* войдет в конституцию сего сейма, то тем самым уже признается мирный трактат и гарантия России»¹⁵. К этим словам посла Н. И. Панин сделал примечание для доклада Екатерине II: «Однако ж сверх сего, можно и надобно будет сыскать другой турнюр, алиенцию для большего утверждения того трактата, в чем, может быть, тогда сами поляки найдут свою пользу»¹⁶, что достаточно ясно указывало на намерение русского правительства использовать задуманный союзный договор как дополнение к ограничивавшей суверенитет Речи Посполитой российской гарантии польской конституции и к договору о вечном мире 1686 г., как основе будущих межгосударственных отношений России и Польши.

* Имеется в виду составленный Н. В. Репниным проект «Особливого акта». — *Б. Н.*

В той же декабрьской депеше Н. В. Репнин сообщал в Петербург, что Станислав Август с «наичувствительнейшим оскорблением и печалью» выслушал заявление посла о недопустимости проведения реформ в Речи Посполитой. А уже через день посол извещал Н. И. Панина, «что неприятных нашему двору перемен вводить здесь не будут», а «об заключении акта обещал король отвечать в конце нынешней недели»¹⁷.

Ответ Станислава Августа и свои соображения Репнин изложил в депеше от 12/1 декабря 1764 г.¹⁸ Он писал: «Трактат же им старый уничтожить не можно, ибо он <...> утвержден конституциями 710 и 712 годов, которые между прочим, они говорят (Станислав Август. — *Б. Н.*), что сила сего трактату, быв утверждена, нету нужды то повторять, через что бы нации показалось, что какие-нибудь недостатки в твердости сего трактата есть». Ответ короля был явно неприемлем для Репнина и противоречил инструкциям из Петербурга, ибо конституции 1710 и 1712 гг. основывались не только на трактате о вечном мире, но и на Нарвском договоре 1704 г., а следовательно, могли быть совокупно поставлены под сомнение из-за Лифляндии. Возражая королю, русский посол указывал на 31 статью договора 1686 г., по которой тот трактат должен подтверждать «всякой государь при начале своего царствования».

Сопротивление требованиям Петербурга Репнин усматривал также в попытках Станислава Августа заменить предложенный послом «Особливый акт», на котором настаивал Н. И. Панин, специальной конституцией коронационного сейма, что, по словам польского короля, «также твердо будет, как и акт, ибо и конституции, касающиеся до обязательств с чужестранной державой, переменить не могут без согласия той державы».

Говоря о конституции 1717 г., Н. В. Репнин отмечал, что в нее «внесен трактат, сделанный под посредством России», который, по словам посла, «здесь во всей силе почитается, и весьма часто на нее (конституцию 1717 г. — *Б. Н.*) ссылаются в здешних законах, и тако подтверждение того твердости ему (договору 1717 года, о котором шла речь в рескрипте № 54. — *Б. Н.*) не придает, ибо она и так совершенна, а как в нем четвертый артикул весьма строг против диссидентов, то тем бы воспрепятствовали их поправлению, почему (Репнин. — *Б. Н.*) и осмелился подтверждение то оставить. Трактат же 1686 г. в нем не упоминается, — писал Репнин, — как то усмотреть изволите из копий сего трактата 1716 году».

Наконец, посол изложил свой разговор со Станиславом Августом, правда, не называя его по имени, о российской гарантии, подчеркнув, что ее «также очень бояться, считая, что тем будем иметь право во все их дела мешаться. Я им доказывал, — писал Репнин, — что, когда мы мешались, то не иначе как в пользу республики, а в прочем, если бы желали, то в резонах недостатку не будет, ибо всегда есть часть недовольных, которые, быв вольны, имеют право защищение свое при соседних державах искать, а сверх того, та гарантия уже и сделана декларациями во время междоцарствия, которые в их конституции внесены».

Таким образом, переписка русского посольства в Варшаве с Петербургом по вопросам об «особливом акте» показала, что поставленные в рескрипте № 54 задачи: подтверждение договора 1686 г. и урегулирования связанной с ним проблемы границы, установление российской гарантии государственного строя Речи Посполитой — так и остались невыполненными. Но главное, что следовало бы отметить сейчас, — это полное отсутствие в переписке Панина и Репнина темы союза России и Польши. Если все прочие задачи, определенные рескриптом № 54, были де-

тельно обсуждены послом и шефом русской внешней политики, то проблема союза осталась в совершенном молчании. Не затрагивалась она и в разговорах Репнина с поляками. Этому может быть только одно объяснение: для Н. В. Репнина и Н. И. Панина было совершенно очевидно, что идея союза есть только некоторое дополнение к основным целям, с которыми она была непосредственно связана не только концептуально, но и формально — рамками «Особливого акта». Именно так и ставил вопрос Н. И. Панин в примечании к депеше Репнина от 3 декабря / 22 ноября 1764 г.

На это обстоятельство справедливо указала З. Зелиньска, отметив, что союз играл роль инструмента для реализации планов России, что к нему в Петербурге относились совершенно иначе, нежели к проблеме диссидентов, возобновлению договора 1686 г., пограничным делам и российской гарантии государственного строя Польши¹⁹. С этим мнением можно согласиться, добавив только, что проблема союза вовсе не была изолирована от других политических задач русской дипломатии, союз отнюдь не должен был служить простой приманкой, стимулом для Станислава Августа и «фамилии» уступить домогательствам России. В этом качестве вполне достаточно было поддерживать у поляков призрачную надежду на преобразования. Да и надо признать, что накануне коронационного сейма в российской столице едва ли осознавали, что требования императрицы могут быть отвергнуты в Варшаве.

Союзнические отношения с Польшей имели для России и самостоятельное значение. Недаром положение о союзе двух стран было заложено еще в трактате 1686 г. и на протяжении всего XVIII в. время от времени возникало во взаимоотношениях России и Польши.

Вечный мир 1686 г. между нашими странами предусматривал союзные отношения в войне против Турции, решение пограничных вопросов, защищал права православных. Подтверждение трактата означало, с точки зрения России, движение вперед в деле о союзе, о диссидентах и о границе, что с добавлением сюда вопроса о гарантии государственного строя Польши, который Н. В. Репнин не без основания считал практически решенным, делало определенными контуры отношений России и Речи Посполитой, которые в Петербурге и намеревались назвать союзом. Именно таким был дух проекта «особливого акта», составленного русским послом. Если же обратиться к его букве, то сам «особливый акт», в котором, за исключением диссидентского дела, остались только вопросы сугубо межгосударственных отношений России и Польши, и представлял собой если не союз по форме, то по крайней мере его основание, ядром которого становилась российская гарантия польской конституции. Именно так, по нашему мнению, идея союза России и Польши нашла выражение в действиях русской дипломатии в конце 1764 г.

II

Однако в рескрипте № 54 идея союза получила некоторое развитие, выходящее за рамки практической деятельности Н. В. Репнина и пока внешне оставленная им совершенно без внимания. В заключение панинских рассуждений речь пошла о «совершенстве нашей настоящей политической системы», что, по мысли составителя рескрипта, предполагало «иметь в союзе и оборонительных обязательствах против турок своего и их непосредственного соседа, который по натуре и положе-

нию своих земель, равно как и по свойству своего образа правления (выделено мною. — Б. Н.) нам и помощником и непосредственною опорою действующим против турок нашим войскам, и, наконец, иногда по обстоятельствам и самим делом той войны служить может»²⁰.

Значение процитированного рескрипта весьма велико, так как в нем, во-первых, нашла отражение официальная позиция России, поскольку рескрипт скреплялся подписью Екатерины II и контрассигнацией канцлеров; это отличало его от депеш Панина или от его устных заявлений, когда тот нередко говорил «как бы от себя». Во-вторых, рескрипт содержал инструкции Н. В. Репнину, пользовавшемуся в то время полным доверием императрицы и Панина. Они предназначались только для посла, поэтому там исключались искажения или же дезинформация.

Приведенные в рескрипте рассуждения о «нынешней политической системе» и о российско-польском союзе открываются анализом стратегической роли территории Речи Посполитой в возможной войне России с Турцией. Как показал опыт походов В. В. Голицына, Петра I и Б. Х. Миниха, а также ход последующих русско-турецких войн, военные действия в Крыму не могли обеспечить решающего успеха, особенно при отсутствии русского флота в Черном море. Поэтому значение польской территории как плацдарма и оперативной базы для движения русских войск к Днестру и Дунаю было невозможно переоценить. К тому же петербургские стратеги не исключали, как это видно из рескрипта, ведения боевых действий и в самой Польше, что избавляло бы от необходимости вести войну в собственных пределах. С этой точки зрения, союз с Польшей имел для России особую ценность, а заменить его не мог бы союз ни с одной другой страной. Разумеется, в Петербурге понимали, что воспользоваться для ведения войны польской территорией можно и без заключения союза, как это было в Семилетнюю войну, но в таком случае проход русских войск через территорию республики мог быть связан с непредвиденными препятствиями в случае недружественной по отношению к России позиции Австрии и Франции. Поэтому заключение союза, обязавшего бы Польшу принять участие в войне и содействовать проходу русских войск, представлялось, безусловно, предпочтительным.

Удобным союзником Польша была названа не только из-за своего расположения, но и «по свойству своего образа правления». Этот тезис рескрипта имеет принципиальное значение, хотя и не содержит непосредственного разъяснения. Поэтому можно только предположительно судить о «преимуществах» польского государственного строя с точки зрения задуманного Екатериной II и Паниным русско-польского союза против Турции.

Слабость Польши, безусловно, обрекала ее на полное подчинение не только российским интересам и военным целям, но и лишала ее даже минимальной возможности влиять на ход военных действий. Другими словами, в случае войны с Турцией русские войска, опираясь на союз, могли бы делать в Польше все, что им заблагорассудится, без оглядки на польское правительство и военное командование, а последние были бы лишены даже призрачной возможности протеста в случае ущемления своих интересов. Описывая стратегическую ситуацию в случае возникновения войны с Турцией, авторы рескрипта ни словом не обмолвились об участии в войне на стороне России польских войск или же посполитого рушения, хотя они, конечно же, знали о подвиге поляков во главе с Яном Собеским под Веной. Такой

пример был бы для русской дипломатии, безусловно, выигрышным, но только в том случае, если предполагалось участие польских войск в войне на стороне России. Красноречивое умолчание свидетельствовало об обратном: Польше отводилась роль постоянного двора для русской армии, а в худшем случае — поля боя русских с турками. А с этой точки зрения «образ правления» шляхетской республики поистине вполне соответствовал замыслам петербургских инициаторов взаимных «оборонительных обязательств» России и Польши.

Далее в рескрипте № 54 развивалась мысль о роли Польши в системе европейских союзов России: «Мы полагаем, что таковые выгоды сего союза (России с Польшей. — *Б. Н.*) нам с изобилием наградят потерянное противу турков в нашей системе разведением наших интересов с австрийским домом, и вместо того, что российские с Портою замешательства были зависимы от часто случаемой с нею войны австрийского дома, польские тогда с Портою замешательства будут по большей части зависеть от холодности и согласия ее с Россией, ибо долго еще до тех времен, когда б Порта могла принять противу Польши, хотя бы равную, не только превосходную зависть и страх, каковые она имеет противу венского двора».

Высказанная здесь мысль, что союз с Польшей должен заменить для России утраченный союз с Австрией, часто приводится в историографии. Причем нередко этот тезис связывается с допустимостью, с российской точки зрения, преобразований государственного строя Речи Посполитой и увеличения ее военных сил, что в свою очередь якобы служит косвенным доказательством хотя бы частичного согласия Петербурга с реформаторскими планами Станислава Августа. Однако подобную «замену» едва ли следует понимать буквально. Очевидно, что по военной мощи и наличию ресурсов для ведения войны Польша никоим образом не могла быть сравнима с монархией Габсбургов. Именно из идеи компенсации военной роли Австрии в антитурецком союзе вытекала мысль о необходимости политических и военных реформ в Польше, что было недопустимо для правительства Екатерины II. На какую же награду «с изобилием» рассчитывали в Петербурге? Во-первых, что в этом случае цели войны определялись бы исключительно российскими интересами, что дало бы возможность державе Екатерины II воспользоваться всеми плодами победы и, во-вторых, что сама Польша никогда не стала бы, без соответствующего намерения Петербурга, причиной такой войны и не подала бы повода к ней. Последующие события показали наивность подобных расчетов. Сейчас же важно отметить, что предусмотренная для Польши роль отнюдь не требовала проведения преобразований в республике, напротив, исходя из рассуждений Панина, таковые были бы даже нежелательны.

Наконец, заключительный раздел рескрипта посвящен роли Пруссии в задуманном русско-польском союзе. Составители рескрипта подчеркивали, что «для укрепления здесь определяемой системы необходимо надо иметь в общем союзе его прусское величество, ибо, не имея его в том союзе, поляки всегда находиться будут в опасности позади спины своей. Почему и можете вы (*Н. В. Репнин. — Б. Н.*) купно с его министрами стараться об общей с ним гарантии польской конституции по предписанному здесь вам плану». Этот тезис довольно трудно поддается объяснению, так как нет удовлетворительного ответа на вопрос, зачем в дополнение к русско-прусскому союзу понадобился союз Пруссии с Польшей. Положение, многократно повторенное историками, что в случае войны на юго-востоке для Польши выгодно

было бы обезопасить свои границы на северо-западе, не выдерживает критики, ибо от угрозы войны со стороны Пруссии Польшу защищали русско-пруссский союз и прусско-австрийский антагонизм. Опасность со стороны Берлина для Польши могла возникнуть только в случае согласованных действий трех великих держав, как это и нашло подтверждение впоследствии. О нежелании Фридриха II вмешиваться в польские дела и в отношения России и Турции в Петербурге было хорошо известно. К тому же предоставление Берлином свободы рук для России в Польше было, как мы видели, фундаментом русско-пруссского союза, что вполне соответствовало намерениям Екатерины II и Панина. С этой точки зрения, польско-пруссский союз не имел бы смысла. Тогда остается только одно объяснение, что в Петербурге рассчитывали, по всей видимости безосновательно, таким способом втянуть Пруссию в возможную русско-турецкую войну, пытаясь в настоящий момент соблазнить Фридриха II участием в российской гарантии польской конституции, что, имея в виду громкие протесты прусского короля против задуманных в Польше реформ, не казалось тогда совсем уж безнадежным делом.

Таким образом, рескрипт № 54 ясно продемонстрировал, что для польской политики Петербурга вопрос об антитурецком союзе с Варшавой никоим образом не был связан с проблемой реформ государственного строя Речи Посполитой. В этом смысле содержание инструкций Н. В. Репнину накануне коронационного сейма вполне согласовывалось с духом и буквой «Общего наставления» и всей перепиской императрицы и Панина с русским посольством в Польше с конца 1763 до конца 1764 гг.

III

Однако существует и иная трактовка позиции русского правительства по вопросу о российско-польском союзе. Она связана с переговорами в российской столице посла Генеральной конфедерации Ф. Ржевуского, 2 июля 1764 г. отправленного в Россию. В официальной инструкции ему Август Чарторыйский поручил объявить в Петербурге о признании императорского титула Екатерины II. Но, по-видимому, посол имел и другие поручения, главными из которых были: получить согласие России на ограничение введение *liberum veto* и голосования большинством на посольских сеймиках, добиваться поддержки Польши против Пруссии, предоставления субсидии Станиславу Понятовскому и признания нового польского короля. Первую реляцию из Петербурга Ф. Ржевуский прислал 9 августа. Два тома его переписки со Станиславом Августом были вывезены королем после отречения от престола в 1795 г. из Польши и позже оказались утраченными ²¹.

В России Ржевуский столкнулся с затруднениями. Ему не удалось вступить в непосредственные переговоры с Екатериной II. Враждебно отнеслись к нему в окружении Г. Орлова. Поддержку посол получил только у Н. И. Панина и К. Сальдерна. Однако представляется, что трудности в установлении контактов с правительством Екатерины II, ожидавшие Ф. Ржевуского в Петербурге, были отнюдь не случайны. Еще в июле 1764 г., когда посол находился на пути в Россию, Екатерина II отправила записку Н. И. Панину, в которой говорилось: «Что вы пишете о Ржевуском, то уже мне самой в голову пришло, и я хотела его, если он в бытности моей в Ригу придет, точно так принять, как вы вздумали; что же до прочих о нем распоряжках касается, я сие на ваше попечение полагаю». По-видимому, ни императрица, ни Панин не

намеревались вести с польским послом официальных переговоров, отводя эту роль посольству в Варшаве. Об этом косвенно свидетельствовало и письмо Екатерины II Станиславу Августу от 30/19 сентября 1764 г., в котором польскому королю предлагалось, не дожидаясь новой аккредитации русских послов, «продлить доверие ко всему», что те «будут сообщать Вам от меня касательно наших взаимных интересов»²³. Подобный стиль дипломатических отношений с Польшей был характерен для всей второй половины XVIII в. и прямо противоположен организации контактов Петербурга с великими державами, важные переговоры с которыми Екатерина II стремилась вести только при собственном дворе.

Затруднения, ожидавшие Ф. Ржевуского в Петербурге, усугублялись разногласиями в Варшаве по поводу миссии польского посла в русской столице. Как писал Е. Михальский, «фамилия» не сопротивлялась идее союза России и Польши, но и не придавала ей существенного значения. Вместе с тем Чарторыевские критически относились к планам правительства Екатерины II в отношении Турции и стремились избежать втягивания Речи Посполитой в русско-турецкий конфликт. Об этом М. Чарторыйский писал в июне 1765 г. Станиславу Августу²⁴, о том же свидетельствовала конституция коронационного сейма о подтверждении Карловицкого договора. Не доверяли старые князья и Ржевускому лично из-за его приятельских отношений со Станиславом Августом²⁵.

В документах Коллегии иностранных дел нашла отражение только официальная часть миссии Ф. Ржевуского; не говорится о ней и в мемуарах Станислава Августа. Поэтому все сведения о беседах посла с Паниным можно почерпнуть из переписки В. Ф. Сольмса с Берлином. Свидетельства прусского посла носят, во-первых, косвенный характер, а во-вторых, не могут быть сопоставлены с другими источниками и поэтому требуют к себе особо критического отношения.

5 августа / 25 июля 1764 г. Екатерина II возвратилась из поездки в Прибалтику в Петербург. Здесь ее ожидало завершение дела В. Я. Мировича, рассматривавшееся чрезвычайным судом, в ходе которого раздавались голоса, чтобы подвергнуть обвиняемого пытке для выявления сообщников и подстрекателей, что грозило большими опасностями для всех высших чиновников. Даже после казни Мировича 26/15 сентября 1764 г. напряженность в правящих кругах Петербурга еще долго давала себя знать. Обострение борьбы при дворе между группировками Орловых и Панина также было не в последнюю очередь связано с проектом брака Г. Орлова и Екатерины II. Свою роль в этом деле сыграли и слухи об аналогичных планах Станислава Понятовского в случае его избрания польским королем. 31 июля 1764 г. И. М. Лобкович сообщал в Вену об отзыве из Петербурга А. З. Остена, связывая отъезд датского посла с его близостью к Чарторыевским²⁶. В той же депеше Лобкович извещал В. А. Кауница о подозрениях в отношении Е. Р. Дашковой в связи с делом Мировича и об отъезде в деревню К. Г. Разумовского, которых посол причислял к сторонникам Н. И. Панина. 21 августа 1764 г. И. М. Лобкович писал в Вену, что, по мнению Ф. Ржевуского, Речь Посполитая поступит неосторожно, если по желанию России изберет королем С. Понятовского, что обрекает Польшу на международную изоляцию²⁷. Там же австрийский посол добавил, что недавно графу Понятовскому было отказано в денежной помощи.

К депеше И. М. Лобковича от 21 августа мы еще вернемся при рассмотрении польско-австрийских отношений, сейчас же отметим только, что переговоры Ф. Рже-

вуского в Петербурге начались в очень неблагоприятной обстановке. В тот же день, что и И. М. Лобкович, 21/10 августа 1764 г., свою депешу в Берлин отправил В. Ф. Сольмс²⁸. Он также касался переговоров Ф. Ржевуского. По словам прусского посла, «секретное поручение графа Ржевуского <...> состоит в том, чтобы просить императрицу доставить новому королю Польши средства содержать себя <...> Это дело, — по сведениям Сольмса, — было предметом особой переписки между императрицей и графом Понятовским, и последний считал его вполне решенным <...> Между тем, когда со стороны императрицы переписка была окончательно прервана, гр. Понятовский, в отчаянии, что над ним посмеялись, хотел оставить свою надежду на престол. Гр. Ржевуский представил от его имени трогательную записку <...> в ответ <...> она (Екатерина II. — Б. Н.) велела гр. Панину передать ему словесно, что позаботится об этом». Далее Сольмс писал, что, несмотря на это заверение, окончательного решения пока нет и будущее нового польского короля остается неясным. Это мнение, со слов Ржевуского, находит подтверждение в депеше Лобковича. Наконец, прусский посол сообщал, что «при таких обстоятельствах граф Панин, на беду, не покидает постели и не может ни переговорить с государыней, ни сделать ей надлежащие представления, чтобы преподать ей добрые советы и, при помощи приобретенного им доверия, руководить ею. Здешний двор находится в таком положении, что все дела, касающиеся новой системы, останавливаются и очень часто принимают другой оборот, лишь только этот министр не может участвовать в них непосредственно. Нет никого, через кого он мог бы, не опасаясь нарушить тайны, передать что-нибудь императрице и вступить, таким образом, в словесные переговоры с нею»²⁹, — заканчивал свою мысль прусский посол.

И Сольмс, и Лобкович сообщают, что уже в августе 1764 г., т. е. сразу по прибытии в Петербург, Ф. Ржевуский приступил не только к официальной части своей миссии, но и начал секретные переговоры о деньгах для С. Понятовского. Далее свидетельства австрийского и прусского послов противоречивы: первый писал, что польскому эмиссару было отказано, а второй — что вопрос был решен положительно. Проверить их свидетельства не представляется возможным, так как депеша Н. И. Панина Н. В. Репнину с указанием передать королю 100 тыс. червонных была составлена только 27/16 октября, а ответ посла о передаче денег Станиславу Августу последовал 3 декабря / 22 ноября 1764 г.³⁰ Расхождения же в сведениях Лобковича и Сольмса объясняются тем, что первый получал информацию от А. П. Бестужева, а второй — от Н. И. Панина. Таким образом, можно заключить, что уже в августа 1764 г. Ржевуский обсуждал с Паниным вопросы, поставленные литовским стольником. Возможно, что речь шла не только о деньгах, как доносили прусский и австрийский дипломаты, но и о других секретных поручениях, данных Ржевускому С. Понятовским.

Впервые о планах российско-польского союза В. Ф. Сольмс сообщил Фридриху II в депеше от 18/7 сентября 1764 г.³¹ Мы уже обращались к этой депеше в связи с проектами Станислава Августа по преобразованию государственного строя Речи Посполитой. Сейчас мы сосредоточим внимание на проблемах российско-польского союза. В депеше прусский посол сообщал о получении известия об избрании нового польского короля. Вероятно, оно пришло в Петербург не ранее 14/3 сентября, т. е. до времени составления депешы Сольмса прошло не более 4-х дней. В своем донесении Фридриху II посол сообщал, что Панин воспользовался «минутой приятного изумления», дабы убедить Екатерину II отправить деньги новому королю. «Граф Ржевуский, — пи-

сал далее Сольмс, — исполнив этим часть своего поручения, предложил в настоящее время вторую часть, в записке, которую он подал графу Панину и сперва показывал мне, где он просит от имени своей республики согласия ее имп. в-ства на проведение на будущем примирительном сейме нового закона с целью ограничить злоупотребления правом *liberum veto* <...> Польский посланец объяснил мне это с намерением, чтобы я поддержал его предложение в глазах гр. Панина и сообщил его вашему величеству». После этого прусский министр изложил рассуждения самого Н. И. Панина по поводу предложений Ф. Ржевуского, которые, по словам Сольмса, были одобрительно восприняты шефом Коллегии иностранных дел. Если восстановить последовательность событий, то она представляется следующим образом: 1) Ржевуский посещает Сольмса и передает ему для ознакомления свою записку; 2) тот читает мемориал и обсуждает его с Паниным; 3) после чего посол пишет депешу Фридриху II — и все это происходит через 3—4 дня со времени, как в Петербурге стало известно об избрании Станислава Августа. Такая последовательность выглядит еще менее вероятной, если учесть, что сам Ф. Ржевуский никогда бы не стал по своей воле показывать столь важную записку прусскому министру. Следовательно, мемориал Ржевуского должен был прочитать сначала Панин, который, вероятно, и порекомендовал польскому послу якобы предварительно показать ее Сольмсу. А это позволяет прийти к заключению, что обсуждение проектов Ржевуского началось между ним и Паниным еще до получения в Петербурге сообщения о результатах сейма элекции и что тому было известно содержание предложений польского двора прежде, нежели с ними познакомился Сольмс.

Сообщая в Берлин о реформаторских проектах, изложенных в мемориале Ф. Ржевуского, В. Ф. Сольмс писал, что «Панин одобрил это предложение. Ему кажется, — продолжал прусский посол, — что установленная между его двором и вашим величеством (Фридрихом II. — *Б. Н.*) система выиграет, если Польша достигнет положения, в котором она может быть сколько-нибудь полезною для своих союзников, а по отношению к России — в состоянии будет хотя бы частью возместить, в случае войны с Портою, потерю, которую она почувствует, лишившись искренней помощи Австрии. Так как намерение навсегда отделить свои интересы от интересов Австрии остается по-прежнему неизменным, то он находит, что неблагоприятно будет надеяться на какую бы то ни было помощь с ее стороны в подобном случае. Поэтому, имея целью поставить Польшу на ту ступень могущества, при которой она могла бы с пользой поддерживать систему, он полагает, что, допустив там введение большего порядка <...> эта цель будет достигнута без того, чтобы предстояло опасаться, что подобная реформа сделает Польшу государством, могущество которого будет грозным для соседей нового союза». Сольмс писал в заключение, что Панин намерен изложить все эти важные соображения в докладе Екатерине II.

Рассуждения Н. И. Панина в беседах с В. Ф. Сольмсом были истолкованы Е. Михальским как свидетельство готовности Петербурга допустить преобразования в Польше, что, по мнению польского историка, подтверждалось явной обеспокоенностью прусских представителей в Петербурге и Варшаве по этому поводу³³. В подтверждение этого тезиса приводилась выдержка из депеши Ф. Ржевуского от 14 ноября 1764 г., в которой посол предлагал «на сейме коронации не принимать проектов, которые бы раздражали императрицу, а вместо этого работать над оборонительным союзом. Первым шагом к этому должно стать подтверждение трактата 1686 г.».

Ржевуский писал далее, что утверждение союза позволило бы Екатерине II объяснить Фридриху II мотивы своего согласия на перемены в Польше³⁴. Однако депеша польского посла только подтверждает, что, в отличие от позиции польской стороны, увязывавшей союз и реформы, в России упорно подчеркивали, что эти проблемы польско-российских отношений в Петербурге намерены рассматривать только изолированно.

Если сопоставить изложенные прусским послом рассуждения Н. И. Панина с содержанием рескрипта № 54, то можно заключить, что они совпадают в основных пунктах: о значении союза с Польшей для возможной войны с Турцией, о характере русско-австрийских отношений, о присоединении Польши к союзу России и Пруссии. Расхождение между ними мы встречаем только в вопросе о реформах. Причем, если Панин говорил о полезности некоторых преобразований, то в рескрипте на этот счет, хотя и весьма глухо, но содержалось прямо противоположное утверждение: что нынешний образ правления Польши представляет собой одну из выгод будущего союза, с точки зрения России.

Объяснение этому обстоятельству может быть двоякое. С одной стороны, как мы об этом писали выше в связи с вопросом о реформах в Речи Посполитой, Панин намеренно привлек к его обсуждению Сольмса и Фридриха II, чтобы, сославшись на позицию своего прусского союзника, Екатерина II могла твердо и определенно не давать согласия на проведение преобразований в Польше. С другой стороны, связать идею союза и реформ мог сам Ф. Ржевуский, поскольку такая постановка вопроса для Польши сулила определенные надежды, что ради усиления своего возможного союзника Россия не станет слишком упорствовать, возражая против предполагаемых преобразований. Поэтому соображения Панина, адресованные прусскому послу, могли быть не более чем пересказом того, что сам руководитель русской внешней политики услышал от посланника Станислава Августа. Не случайно поэтому у Сольмса пытались вызвать впечатление, что тот ознакомился с мемориалом прежде русских. В обоих случаях нет никаких оснований предполагать, что в Петербурге, в отличие от Варшавы, намерены были связывать союз и реформы, что совершенно определенно и продемонстрировал рескрипт № 54 Н. В. Репнину.

IV

Однако, как показала работа сейма коронации, русской дипломатии не удалось ни добиться принятия «Особливого акта», ни отделить вопроса о союзе от проблемы реформирования государственного строя Речи Посполитой и, напротив, связать между собой заключение союза и установление российской гарантии польской конституции. В депеше от 24/13 декабря 1764 г. Н. В. Репнин писал: «Хотя не актом, но конституцией сего сейма подтверждение трактату 1686 г. сделано», — и продолжал, что «негоциация об новой алиенции» начата на основании «взаимной гарантии владений обеих держав и прав, привилегий и вольностей республики» (выделено мною. — Б. Н.). Зная я, — сообщал далее посол, — что сия гарантия совершенно теперь не исполнена, однако ж при будущем новом трактате отказать уже ее поляки не могут, как вещь повеленную и требуемую от них же целым сеймом». Говоря о конституции, подтверждавшей договор «о Вечном мире», Н. В. Репнин подчеркивал, что она «столь тверда, как и акт, который мне был предписан, и, касаясь до

чужестранной державы, нарушена быть отнюдь не может». Главную причину отказа поляков принять «Особливый акт» посол усматривал в том, что основным его содержанием была российская гарантия государственного строя Польши, окончательное утверждение которой, по словам Репнина, помешало бы полякам «выиграть те в сеймиках и сеймах учреждения, об которых они уже просили. А другое, — замечает посол, — не хотя ту гарантию от прусского короля принять, ни решительно сказать, что с ним в алиенцию войдут, которое я в акт внести хотел, они все без изъятия к нем (Фридриху II. — *Б. Н.*) доверенности никакой не имеют, и я сколько могу то испровергаю»³⁵.

Сообщая о конституции коронационного сейма, подтверждавшей договор 1686 г., Н. В. Репнин имел в виду постановление сейма «О трактовании с российским двором»³⁶, в котором говорилось, что в соответствии с 31 статьей договора 1686 г. он подлежит подтверждению в начале каждого нового царствования, что сейм и подтверждает, а для устранения противоречий в его толковании и иных споров образует особую комиссию для переговоров с российскими уполномоченными. Предметом же этих переговоров должен стать вопрос об уточнении границы и установлении пограничных судов. Переговоры, в соответствии с конституцией, должны будут вестись «на основе» трактата 1686 г.

Таким образом, конституция коронационного сейма допускала двоякое толкование. Подтверждение договора 1686 г. было сделано, однако только в его основе, а расхождения и споры, с ним связанные, объявлялись предметом будущих переговоров. То есть, признавая договор целиком, поляки в то же время оставляли за собой право не соблюдать его по частям. В Петербурге, видимо, предпочли не замечать такого подхода, резонно рассудив, что развитие российско-польских отношений будет зависеть не от юридической точности формулировок в решениях сейма, а от соотношения сил между Россией и Польшей. К тому же изложенная конституция не давала для русского правительства удовлетворительного ответа ни на одно из требований, содержащихся в «Общем наставлении» Кейзерлингу и Репнину и сформулированных в проекте «особливого акта». Однако, несмотря на это, в беседах с Сольмсом Панин пытался представить ее как безусловную победу русской дипломатии. Тем не менее сделанное сеймом коронации подтверждение договора 1686 г. представляло собой несомненный компромисс, что и подчеркивал Н. В. Репнин в своей депеше. Но все же он никак не мог удовлетворить правительство Екатерины II, в частности, и в связи с утверждением Станислава Августа и Н. В. Репнина о невозможности изменить в будущем конституции сейма, поскольку она касалась отношений с иностранными государствами. Это обстоятельство было неприятно послу и Панину, ибо таким образом поляки давали понять, что не намерены пересматривать также подтвержденный сеймом Карловицкий договор и в более широком плане договорные основы своих отношений с Саксонией, Австрией и Францией.

Таким образом, результаты коронационного сейма не оправдали ожиданий Петербурга ни по одному из предъявленных Польше требований, в частности, и по всему комплексу вопросов, которые Екатерина II и Н. И. Панин хотели бы урегулировать посредством предложенного русско-польского союза. Обманутыми оказались и ожидания Станислава Августа использовать вопрос о союзе для получения русского согласия на проведение реформ государственного строя Речи Посполитой.

V

Однако переговоры о союзе продолжались и после окончания сейма, вплоть до отъезда Ф. Ржевуского из Петербурга в конце мая 1765 г. Причем за их ходом внимательно следили не только дворы-участники, но также в Вене и Берлине.

И. М. Лобкович в январе 1765 г. сообщал В. А. Кауницу о приезде в Петербург Яцека Малаховского с извещением об избрании и коронации нового польского короля, что означало формальное окончание миссии Ф. Ржевуского как посла Генеральной конфедерации. Однако, по словам австрийского посла, как тому стало известно «из хороших рук», Ржевуский намерен оставаться в Петербурге для переговоров «о присоединении Польши к российско-прусскому трактату и что он не получит разрешения на отъезд до тех пор, пока это дело не будет установлено»³⁷. 8 марта Лобкович писал в Вену о намерении польского посла вернуться на родину по причинам личного характера, а 26 марта — о ходе переговоров о союзе. По этому поводу австрийский посол доносил своему двору, что польско-российский трактат, о котором вел переговоры Ф. Ржевуский, имел в основе договор 1686 г., но получил многочисленные изменения, главным образом в плане присоединения Польши к русско-прусскому союзу, что польский посол сумел использовать влияние Е. Р. Дашковой в соединении с воздействием Н. И. Панина, «дабы продлить мифическую дружбу» Екатерины II и польского короля, несмотря на растущее в Петербурге недовольство польским двором и особенно канцлером литовским М. Чарторыским. Лобкович сообщал, что разузнал «в заслуживающем доверия месте», что с прусской стороны оказывается усиленное давление, дабы добиться разрыва Генеральной конфедерации и введения вновь в Польшу русских войск³⁸. Однако, по словам австрийского посла, прусские предостережения натолкнулись на противодействие К. Сальдерна, который считает, что польскому королю следует предоставить больше власти и влияния, чем имели его предшественники.

О переговорах Ф. Ржевуского в Петербурге в конце 1764 г. и начале 1765 г. писал и В. Ф. Сольмс. Он извещал Фридриха II о данном польскому послу поручении заключить новый трактат с Россией, который «обеспечил взаимно оба государства и в особенности свободу и конституцию республики». По словам прусского посла, «приобретаемое Россией вследствие такой гарантии влияние на дела Польши составляет последний существенный пункт, которого граф Панин домогался от нового короля, то он в высшей степени доволен достижением его». Сольмс передавал в связи с этим предложение русского двора Фридриху II «подкрепить этот союз своим участием» и присоединиться к гарантии³⁹. 8 марта 1765 г., сообщая о скором отъезде Ржевуского из Петербурга, прусский посол замечал, что это на несколько месяцев замедлит заключение союзного трактата⁴⁰.

Таким образом, согласно свидетельствам австрийского и прусского дипломатов, переговоры о русско-польском союзе в начале 1765 г. протекали вполне успешно, и заключение трактата было делом нескольких месяцев. Оба они указывали, что речь шла о присоединении Польши в той или иной форме к русско-прусскому союзу, что главным вопросом польско-российского договора должно было стать положение о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой и о возможности участия в ней Пруссии. Причем, если верить Лобковичу, то не снимался вопрос об усилении власти польского короля, т. е. о допустимости политических ре-

форм в Польше. Другими словами, по сведениям источников при петербургском дворе, переговоры протекали в прежних рамках: российская сторона настаивала на выполнении требований, зафиксированных в рескрипте № 54, а польская — добивалась согласия на реформы в духе ноябрьского письма Станислава Августа Екатерине II.

В нашем распоряжении нет ни записей переговоров Ржевуского в Петербурге, ни донесений о них. Об их содержании могут свидетельствовать две инструкции польскому послу. Первая — официальная, от 26 января 1765 г., предписывала, во-первых, не начинать самому переговоров о союзе, а вести их только если российские министры сами поднимут эту тему; во-вторых, только выслушать российские предложения и переслать их в Варшаву ⁴¹. Неофициальная инструкция послу содержалась в письме Станислава Августа от 29 января 1765 г., переданном Ржевускому Я. Малаховским. В этом письме король указывал на заинтересованность Польши в сотрудничестве с Россией и поручал послу сделать все возможное для устранения недоразумений последних лет (вероятно, прежде всего имелись в виду неприятные для Петербурга решения сейма коронации. — *Б. Н.*), для чего предлагалось учредить специальную комиссию. Инструкция предостерегала, что Панин прибегнет к тактике, состоящей в том, чтобы говорить только общими словами и избегать конкретных вопросов. Имелось в виду прежде всего: введение большинства голосов на сеймиках, увеличение численности войск и уничтожение *liberum veto*. Согласно королевской инструкции, посол не должен был обсуждать договоры 1704 и 1717 гг., но допускались уступки в вопросе о гарантии и об уничтожении договора 1704 г. в обмен на допущение реформ ⁴².

Если сравнить эти инструкции с донесениями прусского и австрийского послов, то можно заключить, что переговоры Ржевуского в Петербурге велись согласно королевским предписаниям. Однако, вопреки сведениям Сольмса, Панин был далек от удовлетворения результатами переговоров. В письме Н. В. Репнину от 9 апреля / 29 марта 1765 г. он писал, что обеспокоен поведением польского двора. «Мне кажется, и по всему у вас (в Польше. — *Б. Н.*) великое заблуждение в собственных замыслах, — рассуждал Панин, — я истинно дурного не желаю <...> только с основанием боюсь, мой друг, чтоб у вас спокойное царствование продолжалось, если воды в вино лить не будут». Далее шеф Коллегии иностранных дел назвал два главных повода недовольства Петербурга: дело диссидентов и отклонение «Особливого акта». «Полученная же о том здесь графом Ржевуским инструкция столько мало соответствующая желаниям и откровенности нашей и так слаба и генеральна, что я по моей ревности о содержании тесного согласия, не отважился ее сообщить государыне, видя, что и без того по одним письмам королевским, сколь ласкательно и разумно они ни писаны, ее величество заключать изволит, якобы польский двор в купеческий от нас задаток за те же дела, о которых только вперед торговаться склонность показывает, хочет употребить все наши способы и силы к действительному достижению всех своих видов». В то же время, продолжал Панин, обеспокоенность Петербурга вызывали осложнения польско-прусских отношений из-за Генеральной таможни и угрожающее поведение Турции, что, как не без основания полагал шеф русской внешней политики, таило опасность вмешательства в ситуацию вокруг Польши Австрии и Франции ⁴³. Приведенные выдержки интересны по ряду соображений: во-первых, жесткие выражения о купеческом поведении польской стороны, которая все действия России в Польше в интересах «фамилии» и Станислава Августа рассматривала только как задаток, выторговывая дальнейшие уступки, и не делала идти навстречу требованиям

России, недвусмысленно приписаны самой Екатерине II; во-вторых, выражая недовольство инструкцией Ржевускому, Панин писал, что не решился показать ее императрице, хотя приведенное письмо Репнину находилось в ее бумагах и было ею одобрено. Следовательно, если не содержание самой инструкции, то ее оценка Паниным были царице известны. В-третьих, из письма Панина неясно, о каких письмах Станислава Августа шла речь: о письмах ноября–декабря 1764 г. Екатерине II или о письме Ржевускому от 29 января 1765 г. Но в любом случае письмо польского короля от 15 ноября 1764 г. вполне соответствовало инструкциям польского короля своему послу, а Панину было прекрасно известно, что именно в этом ключе Ф. Ржевуский и вел переговоры о союзе, о чем свидетельствовали Сольмс и Лобкович. Таким образом, содержание официальной инструкции само по себе едва ли могло стать причиной срыва переговоров и отъезда польского посла из Петербурга. Видимо, главным поводом к остановке переговоров о польско-русском союзе стал вопрос о присоединении Польши к русско-прусскому трактату 1764 г.

Но и названное обстоятельство, будучи немаловажным само по себе, также не могло послужить причиной охлаждения петербургского двора к идее российско-польского союза. Подлинные взгляды Екатерины II и Н. И. Панина на взаимоотношения России с Польшей, а следовательно, и на проект союза нашли отражение в апробированных императрицей письмах шефа Коллегии иностранных дел Репнину от 23/12 февраля и 16/5 сентября 1765 г.⁴⁴ В первом Панин писал послу, что все действия последнего в ходе коронационного сейма были одобрены царицей, что же касается нерешенных проблем, то они «такого существа, а особливо дело о диссидентах <...> [что] требуют новых мер с особливым планом <...> Мы не можем и не хотим поставлять польские дела совсем оконченными, — продолжал Панин, вновь упомянув диссидентский вопрос, — хотя бы то и самой вооруженной негоциации требовало». Говоря о международном положении Польши, руководитель русской внешней политики отметил, с одной стороны, что великим державам потребуется время, дабы смириться с новым положением Речи Посполитой как объекта исключительно русского влияния, а с другой — писал Панин, — «благоразумие конечно требует от его польского величества, чтоб он для будущих своих выгод изволил с достаточною весьма политическою экономией и уважением касаться до своих внутренних дел и сколько возможно воздерживаться от всего того, что истолкование и вид новости получить может, а вместо того гораздо вернее и надежнее быть кажется, если б усугубил свое старание аккредитовать и укрепить себя средствами истинной дружбы и союзов с теми державами, которые возобновление природных королей в Польше постановляют частью их политической системы». Во втором письме Панин рассуждал о необходимости созыва чрезвычайного сейма «как для собственно польских дел, так особливо для скорейшего и полезного окончания наших». В связи с этим он затронул поднятый Репниным вопрос об инструкции Ф. Ржевускому и отметил, что будет настаивать на включении в нее всего, «что по намерениям нашим для новых ему наставлений впредь нужно быть может».

Таким образом, в инструкциях Панина, во-первых, недвусмысленно прозвучало желание Петербурга добиться от Варшавы выполнения всех требований, выдвинутых в отношении Речи Посполитой накануне коронационного сейма, во-вторых, хотя и косвенно, было заявлено о недопустимости преобразований без согласия на то соседей (в первую очередь подразумевалась Пруссия, но, вероятно, имелась в виду и

Турция, а также и другие великие державы), в-третьих, инструкция Ржевускому рассматривалась как документальное подтверждение со стороны Станислава Августа и «фамилии» готовности провести на чрезвычайном сейме угодные Екатерине II решения. В этом контексте туманные упоминания о союзе и о собственных выгодах для Польши звучали не иначе как дань сугубо литературному этикету.

В сравнении с рескриптом № 54 кануна коронационного сейма «новые меры с особливим планом» Панина представляли собой не что иное, как созыв чрезвычайного сейма, в преддверии которого польский король и «фамилия» приняли бы на себя зафиксированные в инструкции Ф. Ржевускому формальные обязательства удовлетворить требования России, в том числе и об изменении статуса диссидентов. Вопрос же о русско-польском союзе не поднимался вообще или же по крайней мере откладывался до лучших времен. В связи с этим представляется вполне убедительным вывод З. Зелиньской, что, с точки зрения Панина, предварительным, но неизвестно, достаточным ли, условием для начала переговоров о союзе должно было стать выполнение Варшавой всех требований Петербурга, выдвинутых накануне коронационного сейма⁴⁵. Однако следует заметить, что, помимо диссидентского дела, ни вопрос об «Особливом акте», ни проблема гарантии в 1765 г. в инструкциях Панина не были упомянуты конкретно среди требований России. Поэтому инструкция Ф. Ржевускому интересовала русский двор вовсе не с точки зрения перспектив возможных переговоров о союзе, а в первую очередь как документальное обязательство короля и «фамилии» удовлетворить на будущем сейме требования России. Именно в этом духе вопрос об инструкции стал предметом переговоров Н. В. Репнина в Варшаве.

Однако поводом для приостановки переговоров Ф. Ржевуского в Петербурге стал в тот момент уже не существенный для русской стороны именно вопрос о союзе, когда Н. И. Панин заявил польскому послу, что официальная инструкция не дает тому права вести переговоры об этом. 5 марта 1765 г. Ржевуский попросил Станислава Августа об отпуске по личным причинам, а 19 марта сложил с себя звание посла. На последней аудиенции у Екатерины II ему было заявлено, что главным для России остается диссидентский вопрос, что еще раз продемонстрировало подлинный подход Петербурга к содержанию переговоров с Ржевуским, который видел главную задачу в заключении русско-польского союза. Однако отъезд посла на родину состоялся только спустя два месяца, 24 мая. За это время Ржевуский стремился оказать поддержку Панину в противодействии интригам Орловых, направленным против Станислава Августа⁴⁶.

VI

Еще до разрыва петербургских переговоров и сразу по получении февральской депеши Панина Н. В. Репнин писал в Петербург 6 марта / 23 февраля 1765 г. о своем разговоре со Станиславом Августом, в котором речь, в частности, зашла и об участии Польши в Северной системе⁴⁷. Русский посол «изъяснил необходимую надобность аккорда в Севере» и указал польскому королю, «что единственно быв в оном, избежать он может разных в государствовании своем неприятностей и надежду иметь достигнуть до знатного роля в политических делах». Далее Репнин приводит сказанные в ответ собственные слова Станислава Августа: «Vous avez compté pour sur mon Prince que le Systeme de l'Imperatrice de Russie fera toujours le mien. Je sais

tous ce que je lui dois et sens trop ce qu'Elle peut pour pouvoir penser sentiment à Danger sur ce point».

В том же разговоре Репнин потребовал откровенного ответа от Станислава Августа относительно намерений польского двора в диссидентском деле, подчеркнув, что оно «с неудовольствием от нашего высочайшего двора принято». Сообщая о предстоящем возвращении Ф. Ржевуского в Варшаву, Репнин предлагал Панину заявить перед отъездом польскому послу о «непременном желании» Петербурга видеть диссидентский вопрос разрешенным и дабы польский король способствовал улучшению отношений Речи Посполитой с Пруссией. Такой демарш, по словам Репнина, позволил бы ему использовать влияние Ржевуского на короля в выгодном для России направлении и усилить позиции Станислава Августа с братьями во взаимоотношениях со старшими Чарторыскими⁴⁸.

В середине марта 1765 г., когда в Варшаве стало известно о провале петербургских переговоров Ф. Ржевуского, состоялся разговор Репнина со Станиславом Августом, в котором король выразил сожаление в связи с отъездом польского посла из России, «когда он там особенно нужен», добавив, «что известия, полученные от Ржевуского, его печалят»⁴⁹.

Впервые русский посол поднял вопрос об инструкции Ржевускому в начале мая 1765 г. 8 мая / 27 апреля он писал Н. И. Панину, что, по его сведениям, инструкцию польский посол получил от Я. Малаховского, содержание которой осталось Репнину неизвестным, но он постарается его узнать. Далее в депеше говорилось о донесении Ржевуского в Варшаву, с которым Станислав Август обещал познакомить русского посла, но пока этого не сделал⁵⁰. С этого времени и вплоть до конца 1765 г. вопрос о содержании инструкции занимает постоянное место в донесениях Н. В. Репнина в Петербург. 24/13 мая (депеша была прочитана Екатериной II) посол сообщал, что ожидает приезда Ф. Ржевуского, «чтобы начать некоторые внушения и домогательства конфидентные о поправлении и дополнении вышепомянутой инструкции». Содержание «дополнений», по мнению Репнина, можно было бы изложить в письме Станиславу Августу, в котором следовало бы разъяснить «все причины неудовольствий, которые мы <...> имеем, коснуться делу диссидентскому <...> слабости инструкций Ржевускому, не соответствующей доверенности, которую отсель иметь надлежало, також и некстати начатыми с прусским королем спорами»⁵¹.

После приезда Ф. Ржевуского в Варшаву Н. В. Репнин вел с ним переговоры о содержании инструкции и доносил Н. И. Панину (депеша от 1 июля / 20 июня 1765 г.⁵²), что тот «здраво рассуждает» о русско-польских делах и «точно держится мнений», высказанных Паниным в Петербурге, соглашаясь «чтоб инструкция его касательно до заключения обязательств между Россией и Польшей пространнее и откровеннее была». Репнин обещал добиваться, чтобы в новую инструкцию были бы включены положения о союзе с Пруссией и «чтоб и о диссидентах здешний двор с ним решительно сказал, в какие границы их состояние довести желает». Примечательно, что о русско-польском союзе посол не сказал ни слова, ограничившись только фразой о «взаимных обязательствах между Россией и Польшей», главным пунктом которых оставалось диссидентское дело. Спустя три дня, 15/4 июня 1765 г.⁵³ Репнин сообщал, что надеется на успех своих переговоров с Ржевуским, а возможно, и со Станиславом Августом, что Ржевуский показал ему письмо к Панину, в связи с чем Репнин просил, «чтоб ответ на то без замедления сделали <...> Еще же беру смелость представить, — продолжал

посол, — что сей помянутый ответ надлежит сделать не в генеральных терминах, но весьма подробной, сочинив некоторым образом совсем прожекты как пунктам, которые желаете, чтоб в инструкцию графа Ржевуского внесены были, так и акты или других каких обязательств, если желаете, чтоб они в его еще здесь бытность здесь заключены были. В первую или в последние (в инструкцию или в акты. — *Б. Н.*) считаю необходимо нужно внести пункт о диссидентах».

Упомянутое в депеше письмо Н. И. Панину нам неизвестно. Поэтому мы не можем судить ни о том, было ли оно отправлено, ни об его авторстве. Основываясь на депеше Репнина, можно предположить, что в письме должно было содержаться предложение прислать российский проекты соглашений с Польшей, которые могли быть заключены уже в ближайшее время в Варшаве. Возможно, что польская сторона ожидала прежде всего проекта союзного договора. О чем Ф. Ржевуский по совету Станислава Августа просил Панина еще перед отъездом из Петербурга. Об ожидании такого проекта в Варшаве сообщал в марте 1765 г. датский резидент А. Сен-Сафорен, которого Чарторьские просили разузнать у И. Х. Бернсторфа о секретных условиях соглашения России с Данией, чтобы таким образом предвидеть, чего Россия будет добиваться от Польши⁵⁴. Однако, вопреки ожиданиям поляков, ни в связи с инструкцией, ни в связи с «актами» Репнин ни словом не упомянул о союзе, зато вновь поставил на первое место диссидентский вопрос.

16/5 сентября 1765 г. Н. И. Панин отправил в Варшаву письмо по-французски Н. В. Репнину (французское письмо)⁵⁵, которое было адресовано не столько послу, сколько предназначалось Станиславу Августу и Чарторьским и было непосредственно связано с описанными выше переговорами Репнина. В нем говорилось о недовольстве Петербурга действиями польского правительства, о его невнимании к русским требованиям, особенно по диссидентскому делу. О миссии Ф. Ржевуского в Петербурге Панин писал, что данные ему инструкции «были так слабы и ограничены», что не позволяли не только прийти к соглашению, но и запрещали «дать согласие на какое-либо разумное предложение» с русской стороны, что, по словам Панина, не дало «возможности положить хотя бы прочные основания нашему единению» («une base solide a notre union»). То есть слово «союз» прозвучало, хотя в русском переводе оно передано как «единение». Далее Панин замечал: «Посмотрим, удастся ли вашим стараниям (т. е. усилиям Репнина. — *Б. Н.*) развязать ему (Ф. Ржевускому. — *Б. Н.*) руки во время его возвращения». В дальнейшем Панин рассуждал о том, что неблагоприятное развитие польско-российских отношений в Петербурге связывают с позицией Чарторьских и не распространяют свое недовольство на Станислава Августа, в благородных намерениях которого не сомневаются и надеются, что польский король сможет освободиться от пагубного влияния своих дядей.

Письмо возымело действие. Состоялся обстоятельный разговор Н. В. Репнина со Станиславом Августом по всем вопросам, затронутым руководителем русской внешней политики, о котором посол сообщил в Петербург 11 октября / 21 сентября 1765 г.⁵⁶ Говоря о возможном чрезвычайном сейме, Репнин отметил, что, по его мнению, «два дела решить будет нужно, а именно, дело диссидентское и обязательства нового союзного трактата», т. е. посол как бы считал оба вопроса равнозначными. По поводу союза посол писал, что, по словам короля, тот «совершенно чувствует свои аванжи — быть ненарушимо и в самой короткости с Россией соединенным наближайшими союзными обязательствами» и просит прислать проект со-

юзного договора, чтобы со своей стороны сделать ответные предложения. Далее Репнин сообщал, что надеется вскоре прислать в Петербург текст старой инструкции Ржевускому, дабы там могли определить, какие желательны к ней дополнения. По-видимому, Станислав Август счел все же необходимым показать инструкцию Репнину или же не видел больше возможности скрывать ее от русских. В Петербург инструкция была прислана в декабре 1765 г. в приложении к депеше Н. В. Репнина от 23/12 декабря⁵⁷. Постскрипtum к ней был написан по-французски и содержал замечания посла на текст инструкции. Вероятно, Репнин познакомил с его содержанием Станислава Августа, так как никаких других вопросов в постскриптуме не затрагивалось. К французскому тексту инструкции в Коллегии иностранных дел был приложен русский перевод, в который по-русски был вставлен текст проекта конституции сейма 1764 г. по диссидентскому делу. Отсутствие замечаний как на французской копии, так и на переводе, а также отсутствие в деле специальной копии показывает, что текст инструкции не был показан Екатерине II, а ее содержание не докладывалось императрице. То есть в Петербурге в это время уже утратили всякий интерес к этому документу, а если и желали каких-либо дополнений, то только по вопросу о диссидентах.

VII

Вновь вопрос о польско-русском союзе возник в переговорах между Варшавой и Петербургом весной 1766 г. накануне очередного сейма, на котором по плану Станислава Августа и «фамилии», предстояло добиться продолжения реформ, а в России надеялись реализовать свои требования, в первую очередь по «диссидентскому вопросу». Начало дипломатической подготовки предстоящего сейма было положено поездкой в Варшаву К. Сальдерна*. Официально он направлялся в Копенгаген для переговоров по голштинским делам, но по дороге должен был посетить Варшаву и Берлин. В польской столице, по сведениям И. М. Лобковича, голштинцу было поручено добиваться от Станислава Августа и Чарторыхских уступок в деле диссидентов и разрешения пограничных вопросов, а также вести разговоры о заключении общего союза северных держав с включением в него Польши. При этом австрийский посол подчеркивал, что не сомневается в достоверности полученной инфор-

* К. Сальдерн (1711–1788), голштинiec по происхождению, крупный чиновник, президент генерал-директориума и член тайного совета при голштинском дворе (1761 г.). С этого времени он являлся одним из дипломатических советников Н. И. Панина, в 1771–1772 гг. — послом в Польше. Дипломатическая деятельность Сальдерна была посвящена почти исключительно разрешению «голштинского вопроса», благодаря чему он приобрел доверие Екатерины II и вел. кн. Павла Петровича. В 1773 г. во время пребывания Сальдерна за границей раскрылись его интриги сначала против Н. И. Панина, а затем и императорской семьи, после чего он был лишен всех русских чинов, а следовательно, и русского дворянства, и отправлен в отставку с голштинской службы. Принятое в зарубежной историографии мнение о влиятельности Сальдерна при русском дворе восходит к недостоверным рассказам самого голштинского дипломата. Большую часть своего 10-летнего пребывания на русской службе он провел за границей и не приобрел в России ни личных, ни родственных связей, ни земельных владений. Не получил Сальдерн и земельных пожалований. Все это указывает на то, что подлинное его влияние было невелико, за исключением его роли в голштинских делах, которые, хотя и имели значение для императорского дома, но не занимали в правлении Екатерины II заметного места в политике России.

мации⁵⁸. Однако в Варшаве Сальдерн почти не говорил о союзе, тема эта обсуждалась им с Фридрихом II в Пруссии. Таким образом, или Лобкович все же ошибся, или же намерение Петербурга сделать польской стороне какие-то предложения о союзе были оставлены накануне отъезда голштинца из России. По крайней мере, как следует из совместных депеш Н. В. Репнина и К. Сальдерна из Варшавы, русские представители попытались сначала побудить Станислава Августа вновь отправить Ф. Ржевуского ко двору Екатерины II, снабдив его конкретными инструкциями по вопросу о диссидентах и об альянсе, а затем у них состоялась встреча с польскими министрами, которые в ответ на предложение послов представили письменную декларацию о готовности сотрудничать как в «диссидентском вопросе», так и в деле союза, и что Ф. Ржевуский прибудет в Россию с полномочиями «провести совместно с министрами петербургского двора предварительную разработку проекта, приемлемого и выгодного как для России, так и для Польши»⁵⁹. О том же писал Станислав Август Екатерине II накануне отъезда Сальдерна из Варшавы.

Более о переговорах К. Сальдерна в Варшаве относительно заключения польско-российского союза ничего не известно. Однако под их воздействием, по мнению Е. Михальского, Станислав Август пришел к убеждению, что «северный концерт» открывал для Польши новые возможности в отношениях с петербургским двором. По свидетельству А. Сен-Сафорена, польский король считал, что следует отказаться от выжидательной тактики и «согласившись на всё», пойти навстречу требованиям России. Накануне отъезда Сальдерна из Варшавы Станислав Август написал письмо Екатерине II, в котором выражал сожаление, что дал ей повод для неудовольствия, и сообщал о намерении вновь послать Ф. Ржевуского в Петербург. 16 апреля 1766 г. в разговоре с датским резидентом польский король выразил удовлетворение в связи с наметившимся новым сближением с Россией и сказал, что можно составить великий северный союз на благо всей Европе⁶⁰.

Результаты миссии Сальдерна в Варшаве и письмо польского короля Екатерине II были, по-видимому, позитивно восприняты и в Петербурге, о чем Н. И. Панин написал своему эмиссару 29/18 апреля, а императрица — Станиславу Августу 16/5 мая 1766 г.⁶¹ В письме польскому королю Екатерина II писала, что не может «не верить искренности возвращения вашего двора к планам и мерам, которые я считаю единственно верными для вашего величества», что она не видит «спокойствия и безопасности для Польши и ее короля иначе как в тесном союзе (*que dans son union intime*) с державами, заинтересованными в сохранении общего спокойствия».

3 июня / 23 мая Н. И. Панин в инструкции Н. В. Репнину подчеркивал, что по приезде Ф. Ржевуского в Петербург он будет «стараться, чтоб негоциацию вновь перевести в ваше место, следовательно же, в ваши руки, однако ж формы приступа к оной не можно мне определить прежде, как по выслушании и рассмотрении всего того, с чем граф Ржевуский сюда приедет»⁶². Содержание рассуждений императрицы и Панина дополняет депеша Н. В. Репнина от 4 июня / 24 мая 1766 г., в которой посол дал анализ общему состоянию польско-российских переговоров по важнейшим вопросам, в том числе и о союзном трактате. Сообщая об отъезде «сим утром» Ф. Ржевуского из Варшавы, Репнин писал, что инструкция польского посла, по его словам, содержала все необходимые полномочия для переговоров по диссидентскому делу и о союзе, но вместе с тем и неприятное для Петербурга требование вывода русских войск из Польши, на которое польский король, по словам

русского посла, должен был согласиться под давлением Чарторьских. Репнин подробно останавливается на противодействии планам России со стороны старших членов «фамилии» и «партии духовенства», спрашивая, следует ли в случае неудачи на сейме ликвидировать Генеральную конфедерацию и ввести войска в деревни королевских дядей. Русский посол предлагал также конкретизировать содержание переговоров о союзе, замечая, что «в инструкции Ржевускому, подписанной здешним министерством, и о диссидентском деле ему трактовать поверенно, то и прочнее бы гораздо было сколь возможно более к материи в новый союзный трактат внести, дабы здесь видели, что не получают от могущих в том трактате быть для них аванжей, прежде как в сем пункте удовольствуют». Против того места в депеше, где Репнин писал о Чарторьских, что они «одни... наши дела сделать и испортить могут», Екатерина II оставила примечание для Панина: «Я думаю, что и сих стариков склонить можно действовать по нашим желаниям»⁶³.

Из этого следует, что миссия Сальдерна вновь пробудила надежды Петербурга на возможность добиться от польского сейма, опираясь на Станислава Августа и «фамилию», удовлетворения требований России к Польше, в первую очередь по диссидентскому вопросу. В связи с этим вновь возникает тема союза. Однако, как и прежде, в Петербурге не собирались вести об этом переговоры с Ф. Ржевуским, а желали перенести их в Варшаву и поручить Н. В. Репнину, как это вытекало из письма Панина от 3 июня / 23 мая. Репнин же считал, что такие переговоры могут начаться только в случае благополучного для русской дипломатии исхода сейма 1766 г., а решения сейма по диссидентскому вопросу должны бы получить еще и утверждение в форме российско-польского договора и войти составной частью в союзный трактат. Таким образом, русский посол, на которого Петербург возлагал полномочия ведения переговоров о союзе, вновь возрождал идею 1764 г. об «особливом акте», но с включением в него дополнительно и положений о равноправии диссидентов.

Отправляя во второй раз Ф. Ржевуского в Петербург, Чарторьские и на этот раз вынудили Станислава Августа еще крепче, чем в январе 1765 г., связать своему послу руки. Инструкция, утвержденная на трех последовательных заседаниях Совета короля и министров, о которой Ржевуский говорил Репнину, была, по сути, повторением инструкции 1765 г., лишь дополненным пунктом о диссидентах. Главное ее требование состояло в том, что послу запрещалось представлять собственный проект союзного договора, а предписывалось лишь рассмотреть русские предложения⁶⁴. По замыслу Чарторьских это позволило бы провести переговоры о союзе под собственным контролем в Варшаве. Вытекавшая отсюда тактика посла парадоксально совпадала с тактикой Панина и сводилась к передаче переговоров в руки Репнина.

Желание Екатерины II и Н. И. Панина договориться с Чарторьскими накануне сейма 1766 г. относительно проведения в жизнь требований России нашло отражение в письме шефа Коллегии иностранных дел старшим членам «фамилии» от 15/4 июля 1766 г.⁶⁵ В нем Панин писал о трех главных предметах, которые, с его точки зрения, подлежали обсуждению на переговорах относительно «восстановления республики». При этом он подчеркнуто напоминал о старом тезисе, непрерывно звучавшем в переписке между «фамилией» и Петербургом с конца 1762 г. до сейма коронации. Этими предметами были: «союз с Россией, освобождение диссидентов от угнетения и регулирование границ». Тем самым Панин задним числом подтвердил, что в Петербурге уже тогда готовы были рассматривать слова о «соединении» Польши

и России в качестве идеи будущего союза. Говоря в широком смысле о новой политической системе для Польши, руководитель русской внешней политики отмечал, что она должна послужить «для желаемых исправлений в государстве» (намек на возможность реформ государственного устройства Речи Посполитой). «Ничто не может лучше содействовать такой цели, — продолжал он, — как связь с соседями (*une connexion immédiate avec ses voisins*). Они стали даже тем более необходимы для Польши при национальном короле», чем во времена «саксонского управления». Однако вышеназванные предметы, как писал Панин, только принимались поляками к рассмотрению, давались неоднократно обещания, «но все-таки это не более как уверения, а государственные правила требуют для народов, которые желают соединиться в своих интересах (*qui veulent s'unir dans leurs intérêts*) базиса, установленного взаимными и торжественными обязательствами». Если продолжать оборванную в этом месте мысль Панина, то таким базисом мог быть только русско-польский договор, который (возвращаясь к «трем предметам») должен решить вопросы о союзе, о границе, что вполне понятно, и о диссидентах, что трудно укладывается в форму такого договора, поскольку диссидентский вопрос являлся по сути сугубо внутренним делом Речи Посполитой. Но вспоминая предложение Репнина о разрешении диссидентского дела посредством межгосударственного соглашения, прозвучавший тезис Панина отнюдь не кажется случайным.

Далее руководитель русской внешней политики перешел к ситуации, когда на коронационном сейме требования России «были обойдены», а после сейма «плохо согласованные поступки» польского правительства привели отношения Петербурга и Варшавы к неудовлетворительному положению, что и вынудило императрицу «приостановить доверие» к «фамилии», в надежде, что в будущем Чарторыские докажут свою «преданность России», о которой они заявляли ранее. Для этого, рассуждал Панин, надлежит на будущем сейме разрешить диссидентский вопрос, урегулировать пограничные дела, которые, согласно намерениям Петербурга, не идут далее устранения «неопределенности владений пограничных жителей», что в совокупности и позволит начать переговоры о союзе. «Ничто не будет более препятствовать, — писал Панин, — тесному единению (*à l'intimité de l'union*), которое они (народы России и Польши. — *Б. Н.*) желают увековечить между собою; что же касается союза (*à l'alliance*), то следует быть уверенным, что будут стараться приспособить его условия к положению, форме и конституции республики, поэтому нет поводов опасаться, что такой союз окажется для него (польского народа. — *Б. Н.*) отяготительным»⁶⁶.

Можно согласиться с З. Зелинской, что письмо Панина составлено в общих выражениях и весьма двусмысленно⁶⁷. Особенно это относится к последней фразе, которая содержит по меньшей мере четыре истолкования. Но нельзя не усмотреть в этом панинском шедевре, литературном и политическом, глубокого содержания. Польский историк верно указала в нем только на желание отложить переговоры о союзе до будущих времен и поставить их в зависимость от согласия Чарторыских удовлетворить требования России прежде всего по диссидентскому делу.

Однако, если обратиться к приведенной выше фразе Панина, то возникают вопросы: какой конституции Польши должен соответствовать будущий союз? В чем это соответствие? И для кого в Польше союзные обязательства не будут «отяготительны»? Вес они намеренно оставлены Паниным без ответа. Однако ответы эти достаточно определены. Сторонники реформ, и прежде всего Станислав Август,

могли бы истолковать слова Панина как возможное согласие на преобразования в государственном устройстве Речи Посполитой, магнатская оппозиция — напротив, как намерение подтвердить традиции и нормы «золотой вольности», Чарторьские — как обещание сохранить их нынешнее доминирующее положение в республике. Таким образом, каждая из политических сил Польши могла бы рассматривать панинское письмо как знак поддержки собственных политических намерений и должна была, следовательно, с большим сочувствием отнестись к требованиям России на предстоящем сейме. Но для того, чтобы подобные туманные заявления возымели действие, необходимо было заранее перенести переговоры о союзе на будущие времена, чтобы в настоящий момент избежать конкретного объяснения с польской стороны о деталях планируемого союза. Именно в этом духе инструктировал Панин Репнина в начале июня 1766 г.⁶⁸ Но собирались ли в Петербурге откладывать эти переговоры надолго? Едва ли, ибо в рассуждениях Панина, адресованных Чарторьским, содержался еще один тезис, принципиально важный для Петербурга. Руководитель русской внешней политики не случайно указал на связь между «конституцией» Польши и союзом, хотя выбор государственного устройства являлся внутренним суверенным правом народа, а заключение союза — соглашением государств. Объединение этих двух вопросов в рамках единого договора, да еще с включением в него соглашения о статусе диссидентов, представляло собой не что иное, как юридическое оформление российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Именно так ставил этот вопрос Н. В. Репнин в 1764 г., когда готовил «Особливый акт». После сейма коронации вопрос о гарантии не поднимался. И вот в письме Панина Чарторьским он был затронут вновь в связи с польско-российским союзом.

Еще более определенно связь союза и гарантии в русской политике проявилась в составленном Н. И. Паниным императорском рескрипте № 6 от 6 сентября / 26 августа 1766 г.⁶⁹, где в 4-м разделе о заключении союзного трактата говорилось, что вопрос этот можно было «совсем оставить в молчании, яко более касающийся до собственного жребия его польского величества, нежели до какого-либо авантажа для нашей политической системы», но, говорилось далее в рескрипте, польский король и его министерство проявляют неуступчивость по отношению к требованиям России и вместе с тем намерены провести дальнейшие реформы без одобрения Петербурга, что рассматривается в России «как прямое отвращение от теснейшего с нами соединения» и препятствует началу переговоров о союзе. Поэтому Репнину поручалось «в свое время с нашей стороны по пристойности открыть им (полякам. — *Б. Н.*) мысли к положению, на котором негоциацию начать будет можно». После этого послу несколько раз было повторено о недопустимости каких-либо нововведений, «кои бы настоящую форму правления повреждали».

В первоначальном проекте рескрипта, составленном Н. И. Паниным для доклада Екатерине II, по вопросу о союзе содержались положения, исключенные из текста шефом Коллегии иностранных дел после разговора с императрицей⁷⁰. В проекте Панина о заключении союзного трактата говорилось, что вопрос этот «не пришел еще в прямую негоциацию», поэтому Репнину поручалось, чтобы они совместно со Станиславом Августом «оставили оной на нынешнем сейме, яко на прошедшем полное и точное свое решение получившем, совсем в молчании», дабы, как писал Панин, «избежать превратных толкований и прекословия». Другими словами, да-

вали понять, что никаких изменений в позиции России по вопросу о союзе не произошло, т. е. союз по-прежнему не хотели связывать с делом реформ и не желали бы, чтобы он помешал удовлетворению требований России. Если же, говорилось в исключенном Паниным тексте, Репнин и Станислав Август все же намерены будут поднять на сейме вопрос о союзном договоре, то послу поручалось только «исходатайствовать новое королю уполномочие заключить с нами трактат взаимного союза и обороны с гарантией от нас вольности и форм правительства Республики Польской». Таким образом, в Петербурге определенно, как и двумя годами ранее, рассматривали возможный польско-русский союз как форму российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Именно так проблему союза и рассматривал Н. В. Репнин, когда уже во время сейма в депеше от 21/10 октября 1766 г.⁷¹ высказался за заключение «формального трактата или гарантии», который утвердил бы незыблемость «всех государственных материй и силу либерум вето <...>, если не хотим беспокойных, а со временем и опасных соседей иметь».

Однако до начала работы сейма было, разумеется, несвоевременно открывать полякам подобные соображения. Поэтому Н. И. Панин избегал прямого разговора с Ф. Ржевуским о союзе. Подобная тактика использовалась в Петербурге в 1764–1765 г. К ней вновь прибегли, как мы писали выше, и в 1766 г., что, разумеется, не осталось незамеченным в Варшаве. В канцелярии Станислава Августа сохранился экстракт из донесений Ф. Ржевуского, в котором говорилось, что Н. И. Панин «не проявляет столько же искренности в образе действий, сколько проявил ее король, предложив средства, которые он считал наиболее верными»⁷². Зелиньская убедительно показала, что в это время ожидания поляков в связи с предполагаемым союзом кардинально расходились с намерениями русской стороны⁷³, когда по плану А. Замойского сейм 1766 г. сразу же после решения об отмене Генеральной таможи должен был приступить к «ратификации союзного договора, предложенного Россией коронационному сейму <...>, который гр. Ржевуский будет уполномочен подписать». (Изложение плана сохранилось в бумагах Н. В. Репнина в фонде Варшавской миссии⁷⁴.)

Примечания

1. Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 489–497; СПб., 1887. Т. 57. С. 1–2.
2. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 65. Л. 1–2 об.
3. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 7–10.
4. Зелиньская З. Проблематика русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999. С. 149.
5. Там же.
6. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 33 об.
7. Там же. Д. 850. Л. 69 об.
8. Там же. Л. 81 об.
9. Там же. Л. 69 об.
10. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 9.
11. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 875.

12. Там же. Л. 316–337.
13. Там же. Л. 337 об.
14. Там же. Л. 338–341 об.
15. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 87 об.–88.
16. Там же.
17. Там же. Л. 91.
18. Там же. Л. 94–96 об.
19. Зелинская З. Указ. соч. С. 150–151.
20. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 10.
21. *Michalski E.* Rzewuski Franciszek (1730–1800) // PSB. Т. 34. S. 101–106.
22. Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 364.
23. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 490–491.
24. М. Чарторыйский — Станиславу Августу. 29 июля 1765 г. — В. Czart. Dz. r. I. № 659.
25. *Michalski J.* Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. Т. 75. Z. 4. S. 701–703.
26. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 67.
27. Там же. С. 74–75.
28. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 297–298.
29. Там же. С. 298–299.
30. Там же. С. 32; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 87 об.–88.
31. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 314–318.
32. Там же.
33. *Michalski J.* Op. cit. S. 699–700.
34. Ibid. S. 700; AGAD. Zbiór Popielów. № 50.
35. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 103–104 об.
36. VL. Т. 7. Р. 158.
37. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 105–107.
38. Там же. С. 111–121.
39. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 350–352.
40. Там же. С. 362.
41. AGAD. Księgi kanclerskie № 19; *Michalski J.* Op. cit. S. 703.
42. Ibid. Zbiór Popielów № 51; *Michalski J.* Op. cit. S. 703.
43. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 225–228.
44. Там же. С. 179–182; 334–340.
45. Зелинская З. Указ. соч. С. 156.
46. *Michalski J.* Rzewuski Franciszek.
47. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 45–45 об.
48. Там же. Л. 78–79 об.
49. Там же. Л. 83 об.
50. Там же. Д. 866. Л. 80–80 об.
51. Там же. Д. 849. Л. 29–30 об.
52. Там же. Д. 868. Л. 40–40 об.
53. Там же. Л. 57–57 об.

54. *Michalski J.* Problematyka aliansu... S. 707.
55. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 340–343.
56. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 870. Л. 161–172.
57. Делеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину от 23/12 декабря 1765 г. с приложениями. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 110–128; Постскриптум к депеше. — Там же. Л. 113–114; Инструкция Франциску Ржевускому, польскому писарю коронному, 26 января 1765 г. (1. Текст на французском языке Л. 115–116 об. 2. Перевод на русский язык. Л. 118–122. 3. Вставка Л. 121–124 об.).
58. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 174–175.
59. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 56–59 об; 65–68; 93–94; *Зелинская З.* Указ. соч. С. 157.
60. *Michalski J.* Op. cit. S. 709–711.
61. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 507–509; 517–518.
62. Там же. С. 542–543.
63. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 153–157 об.
64. *Michalski J.* Op. cit. S. 712.
65. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 87. С. 9–20.
66. Там же С. 19.
67. *Зелинская З.* Указ. соч. С. 158.
68. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 543.
69. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 77–84.
70. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 42–42 об.
71. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 16 об.
72. *Michalski J.* Op. cit. S. 715; *Зелинская З.* Указ. соч. С. 160. Примечание 53.
73. Там же.
74. Там же. С. 160; АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 953. Л. 280–282.

Оформление межгосударственных отношений между Россией и Речью Посполитой в 1764–1766 гг., как бы не стремились к этому в Пектербурге, разумеется, не могло протекать совершенно независимо от отношений Польши с соседними государствами и великими державами. Специфика международного положения Польши заключалась, в частности, в том, что уже после окончания Северной войны 1700–1721 гг. окончательно сложилась система протектората ряда великих держав, в первую очередь России, Австрии и Пруссии, над шляхетской республикой. Важная роль в этой системе принадлежала Франции и Саксонии. Ее следствием стало существенное ограничение суверенитета республики, распространившееся как на ее внутреннюю, так и внешнюю политику. Причем все державы-протекторы, несмотря на противоречия друг с другом по польским делам, проявляли единодушие в деле сохранения в Речи Посполитой анархических порядков и не допускали со стороны поляков даже попытки преодолеть зависимость республики от внешнего диктата.

Еще в период бескорольевья 1763–1764 гг. в связи с планами избрания на престол С. Понятовского в Петербурге были поставлены две взаимосвязанные задачи: во-первых, заменить коллективный протекторат собственным и, во-вторых, добиться от других держав признания российского господства над Польшей. В важнейшей своей части первая задача была решена в результате избрания королем Станислава Августа, благодаря союзническим отношениям с Пруссией и позиции невмешательства Австрии и Франции, которые по сути дела оказали молчаливую поддержку Екатерине II. Однако когда кризис 1763–1764 гг. миновал, великие державы стали изыскивать средства для противодействия России. Весьма характерным стало осложнение польско-пруссских отношений сразу же после коронации нового главы Речи Посполитой.

I

Вопреки намерениям России, и после избрания «короля-пяста» влияние Пруссии в польских делах ощущалось не меньше, чем при саксонской династии. Так, сразу по окончании сейма элекции в Польшу вступили прусские войска, дабы, согласно приказу Ф. В. Зейдлица, возвратить в Пруссию беглых подданных. Об этом Г. Кейзерлинг писал Н. И. Панину 18/7 сентября 1764 г., указывая на «небывалое возмущение» в Польше. «Здесь говорят, — сообщал посол, — что Россия и Пруссия воз-

вели на трон короля, чтобы делать в республике все, что пожелают. Это укрепляет одних в их, разумеется, ошибочном мнении, а другие приходят, наконец, к такому же выводу. Я весьма озабочен тем, — писал посол, — что это создаст для нас большие затруднения на коронационном сейме. Если бы этот случай произошел за два дня до выборов, а не на два дня позже, то их проведение встретило бы сопротивление»¹. На полях депеши Н. И. Панин выразил сомнение, что Фридрих II сам отдал такой приказ в столь «неудобное время». Однако рассуждения посла и министра показывают, что время для акции было избрано прусским королем с несомненным расчетом продемонстрировать самостоятельное присутствие Пруссии в Польше именно во время торжества там русской политики и показать, что и он, Фридрих II, имеет такое же право, как и Россия, добиваться от Польши возвращения своих беглых подданных.

Накануне коронационного сейма уже сами руководители русской внешней политики настойчиво подчеркивали особую роль своего союзника в польских делах, используя позицию Пруссии в качестве повода для отказа в проведении реформ и выдвинув идею участия Польши в русско-прусском союзе и совместной гарантии России и Пруссии государственного строя Речи Посполитой. Осознавали это и в Варшаве, когда Станислав Август писал 15 ноября 1764 г. Екатерине II, «что Ваша политическая система базируется на мире и справедливости и как следствие этого на альянсе с прусским королем, которому я лично обязан <...> Я знаю, — продолжал польский король, — что прусский король сделал для стольника Понятовского и что еще сделает для Польши и ее короля Станислава Августа»². В этих словах отразилась надежда на поддержку в будущем со стороны России и Пруссии преобразовательных планов в Польше. Однако у Фридриха II подобные ожидания, разумеется, понимания не встретили.

Уже в декабре 1764 г. поводом для прусского давления на Варшаву стало новое польское таможенное законодательство, которое Фридрих II рассматривал как нарушение Велявского договора. Он поручил своему послу в Варшаве — Г. Бенуа, согласовав свои действия с русским послом — Н. В. Репниным, протестовать против введения Генеральной таможни³. Донесение Бенуа о решениях коронационного сейма было отправлено из Берлина для сведения К. А. Рексину — прусскому послу в Константинополе, причем в инструкциях ему эта мера рассматривалась сугубо как одно из свидетельств реформаторских намерений поляков, которые прусский король подвергал критике. Он поручал Рексину совместно с русским послом разъяснить Порте, насколько он сам и русская императрица далеки от поддержки подобных планов⁴, а В. Ф. Сольмсу в письме от 28 декабря 1764 г. — довести до сведения петербургского двора, что Пруссия рассматривает введение Генеральной таможни как нарушение Велявского трактата и намерена принять ответные репрессивные меры, а также предлагал, чтобы Репнину в Варшаву были бы посланы инструкции выступить совместно с Бенуа против реформы податной системы в Польше⁵. На следующий день аналогичная инструкция, но уже без упоминания о поддержке со стороны Репнина, была послана от имени короля кабинет-министрами⁶. В депеше К. В. Финкенштейна и Э. Гертцберга содержался еще один намек на мотив прусских протестов по поводу Генеральной таможни, когда министры писали, что названное учреждение на сейме принято большинством голосов, невзирая на единогласное возражение со стороны послов Королевской Пруссии (обладавшей особыми автономными правами северо-западной области Речи Посполитой). Таким об-

разом, министры Фридриха II еще раз напомнили, что не собираются уступать России роль единоличного опекуна привилегий прусской провинции польской короны и что, согласно воззрениям берлинского кабинета, даже при конфедерации большинство сейма не должно игнорировать единогласного мнения одной из самых представительных групп послов на сейме. 14/3 января 1765 г. Репнин писал Панину, что прусский резидент Г. Бенуа категорически возражает против новых таможен, что тот намерен подать декларацию об этом, а если не поможет — то и министерский протест⁷. Однако в Петербурге в начале оставили разгоравшийся польско-прусский конфликт из-за таможни без внимания. Только в феврале 1765 г. Н. И. Панин написал Н. В. Репнину по этому поводу о своем сожалении, что трактаты между Польшей и Пруссией «в такое короткое время уже подвергнуты экспликациям»⁸.

II

Новое обострение польско-прусского противостояния из-за таможни началось в марте 1765 г. 14 марта Фридрих II отправил депешу В. Ф. Сольмсу, в которой, ссылаясь на его предыдущие донесения, утверждал, что Н. И. Панин отходит от своих прежних взглядов на польские дела, и поручал Сольмсу не допустить нововведений в Речи Посполитой. Фридрих II заявлял о тождественности своих интересов с интересами России и возражал против мысли Панина о полезности усиления позиций польского короля. «Неизбежным последствием всего этого, — писал прусский монарх, — явится то, что король польский будет свободен покинуть Россию во всякий момент», и продолжал, что опасность исходит со стороны господствующей магнатской группировки Чарторыхских, что русский двор не должен заходить далеко в своих намерениях, в частности, в деле увеличения доходов Польши⁹.

Однако Фридрих II не собирался ограничиваться только предостережениями. Накануне, 13 марта, он распорядился ввести в отношении следовавших по Висле польских кораблей репрессивный таможенный тариф¹⁰. Непосредственным поводом для такого шага стало решение Скарбовой комиссии в марте 1765 г. об опубликовании новой таможенной инструкции. Однако еще 21 января 1765 г. Фридрих II поручил Г. Бенуа выступить с протестом против податных нововведений в Польше и требовать их ликвидации, поскольку Генеральная пошлина якобы противоречила Велявскому договору 1657 г.¹¹ О своих намерениях прусский король известил Петербург. Из разговора с Сольмсом Панин заключил, что таможенный конфликт может принять затяжной характер, и что Фридрих II связывал его с вопросом о правах Польской Пруссии, о чем шеф русской внешней политики известил Репнина 9 апреля / 29 марта 1765 г.¹²

Прусский резидент в Варшаве исполнил предписание своего государя сразу же после опубликования инструкции Скарбовой комиссии. В апреле 1765 г. с манифестом против введения генеральной пошлыны выступили собравшиеся в Старгороде депутаты от воеводств Королевской Пруссии. После чего в конце месяца в Мариенвердере, в нижнем течении Вислы, на левом (прусском) берегу была открыта таможня, в которой под жерлами пушек с проходящих польских судов собиралась 10%-ная пошлына со стоимости всех товаров, причем из-за их оценки и выбора монеты к оплате реальный размер поборов достигал 30, а то и 40%. Об этом произволе Станислав Август со слезами на глазах говорил Н. В. Репнину: «Если б мне да-

ли на выбор отказаться от престола или терпеть мариенвардерскую таможенную, которая будет держать под игом всю Польшу, то я не поколебался бы покинуть престол; я считаю теперь себя несчастнее последнего из моих подданных»¹³.

Сразу же после открытия мариенвардерской таможни Н. В. Репнин обсудил положение дел с Г. Бенуа. Прусский посол сообщил ему о возможности урегулирования прусско-польского конфликта путем замены генеральной таможни иной податью и снижения прусских ставок в Мариенвардере с 10 до 3% до тех пор, пока спор не будет разрешен окончательно¹⁴. Тем самым прусский резидент продемонстрировал готовность к сотрудничеству с русским послом, о чем ему постоянно напоминал Фридрих II, и согласие Пруссии на уступки, но только не полякам — а пожеланиям России.

Напряженность же в отношениях Речи Посполитой и Пруссии постоянно нарастала. Станислав Август обратился к М. Чарторыскому с предложением созвать Сенатский совет, для которого подготовил ноту в адрес Фридриха II и мемориал для отправки в Петербург. Два этих документа легли в основу конференции польского министерства и Г. Бенуа, которая состоялась 7 мая 1765 г. На ней с польской стороны было выдвинуто требование отмены прусской таможни и заявлено, что Генеральная таможня в Польше не является нововведением, а лишь возобновляет существовавшую прежде податную систему, а поэтому не противоречит Велявскому договору, что новый тариф не наносит ущерба Пруссии, да еще и не введен в действие. Однако Бенуа стоял на своем, утверждая, что установление прусской таможни представляет собой лишь ответ Фридриха II на неправомерные действия польской стороны. На депеше Репнина с изложением содержания этих переговоров Н. И. Панин написал: «Непростительно так допрашивать <...> в политических делах ныне не годится. Государи больше на поединок друг друга не вызывают. Так и нужно, чтоб бессильный сильного более почитал»¹⁵. В тот же день, 8 мая / 27 апреля 1765 г., Репнин пишет дополнительное письмо Панину с изложением своих соображений по поводу мариенвардерского дела. Посол утверждал, что, по его мнению, правота на польской стороне, поскольку Генеральная пошлина существовала и прежде, только не распространялась на дворянство, что исключение составляла только Королевская Пруссия, где таможня пока не введена, вследствие чего репрессии со стороны Фридриха II неоправданны. Репнин считал ошибочными действия Станислава Августа, неосмотрительно начавшего предприятие, «которое по бессилию во вред здешний обращается». В заключение посол писал, что «сие дело здесь, конечно, в великое оскорбление приводит и иной надежды не имеет как на медиацию нашего высочайшего двора. Я думаю, — заключал Репнин, — что сим единственно способом можно будет сие дело исправить, а при том удержать короля прусского в желаемых границах, сверх же того здешний двор в зависимость привести больше прежней»¹⁶.

Именно в этом духе Н. В. Репнин и продолжал действовать в Варшаве, подготавливая, с одной стороны, посредничество Екатерины II в таможенном споре, а с другой — убеждая Станислава Августа в необходимости уступить прусскому давлению, передав польскому королю слова Панина, «чтобы здесь (в Варшаве. — Б. Н.) воду в свое вино клали»¹⁷. 18/7 мая 1765 г. Репнин писал в Петербург, что Г. Бенуа выразил согласие с мнением России по мариенвардерскому делу, однако «как бы от себя» высказал мысль, что «нельзя ли разрешить оное, сохранив таможню», но лишь уменьшив пошлину. Русский посол при этом считал, что лучше бы прусского короля «от

сего мнения отвратить»¹⁸. В знак примирения Станислав Август написал Фридриху II письмо от 4 мая, в котором сообщал о своей готовности принять посредничество России и прийти к соглашению с прусским королем о таможенном режиме на Висле, в частности, по вопросу о закупке лошадей для прусской армии¹⁹. Однако в письме ничего не говорилось об отмене Генеральной пошлыны, хотя Репнин к этому времени уже добился от польского короля согласия на ее замену для Королевской Пруссии на иную подать, установленную в провинции по решению генерального сеймика²⁰. Ответ от Фридриха II, последовавший 15 мая²¹, не содержал ни слова о российском посредничестве, что, по словам Репнина, и у него вызвало удивление, в связи с чем Станислав Август заявил русскому послу, что, поскольку инициатива о посредничестве исходила от польской стороны, он, несмотря на свою готовность урегулировать разногласия с Пруссией, не может сделать этого помимо Екатерины II. В связи с этим Репнин писал, что он «для уменьшения сколь возможно с здешней стороны чувствительности в сем деле в разговоре его польскому величеству говорил, что, может быть, прусский король прежде не хочет о сей медиации отзываться, нежели получит извести от нашего высочайшего двора, акцептована она будет или нет»²².

III

Н. В. Репнин оказался прав, письмо русской императрицы прусскому королю от 15/4 мая 1765 г. было получено в Берлине, когда ответное письмо Фридриха II Станиславу Августу было уже в Варшаве. По поводу таможенного конфликта Екатерина II писала «своему брату» и прусскому государю, что она «порицает» Польшу и не намерена рассматривать ее права, но сама причина конфликта, по словам императрицы, не имеет существенного значения, главное — это «выгоды политической системы», во имя которых она и просила Фридриха II отменить мариенвердерскую таможенную пошлину и пойти на «дружеское соглашение». В ответном письме от 1 июня король Фридрих II писал «своей сестрице», что доводы ее «так справедливы», что он «прежде всего уступит им»²⁴.

23/12 мая 1765 г. Екатерина II написала Станиславу Августу²⁵ с выражением сожаления по поводу конфликта Польши и Пруссии, «двух государей и государств, единение которых ей дорого». Далее царица пустилась в рассуждения, что положение государств в международных отношениях определяется альтернативой: либо силой оружия, либо согласием, достигнутым на переговорах, всякое среднее положение, по словам Екатерины II, ошибочно и опасно, а, следовательно, для польского короля не остается иного выхода, как уступить требованиям Пруссии и отказаться от нового податного законодательства. Соображения императрицы были высоко оценены Н. В. Репниным, который писал Н. И. Панину 5 июня / 25 мая 1765 г., что он «в восхищении от сего письма и желал бы, чтобы всякий месяц таковые уроки сюда задаваемы были»²⁶.

Таким образом, в мае 1765 г. посредничество России в польско-прусском таможенном конфликте фактически состоялось, хотя и не было оформлено специально, причем Екатерина II приняла сторону прусского короля, который, правда, в ответ на просьбу императрицы был вынужден приостановить сбор пошлин в Мариенвердере, что было с удовлетворением встречено в Варшаве²⁷, где все же не оставляли на-

дежды при поддержке России сохранить генеральную пошлину. Правда, Г. Бенуа, как сообщал русский посол, «все упирался, чтоб уменьшить (прусскую. — Б. Н.) пошлину, а таможеню в Мариенвердере оставить, выдавая то за свое собственное мнение»²⁸.

Недоверие Репнина в отношении позиции Берлина было вполне обосновано. Еще в начале мая 1765 г. в письмах к Бенуа и Сольмсу Фридрих II обвинял поляков в затягивании переговоров и высказывал мысль о возможном согласии Пруссии на введение Генеральной таможен в Польше, если польская сторона снимет свои возражения в отношении таможни в Мариенвердере²⁹. Видимо, эти и последующие аналогичные инструкции прусского короля и побудили Г. Бенуа высказать в Варшаве «собственное мнение», о котором Репнин и сообщил Панину. Переговоры затягивались, при этом как польская сторона, так и Г. Бенуа, вопреки предложению Екатерины II как посредника, стремились свести дело к проверке соблюдения Велявского договора. 1 июля / 20 июня 1765 г. Репнин доносил Панину о своем разговоре с Бенуа, в котором тот отстаивал свою прежнюю позицию о допустимости прусских таможенных сборов на Висле. Репнин также сообщал, что поляки настаивают на участии русского посла в переговорах, от чего тот собирался уклониться, так как предвидел много споров о соблюдении сторонами Велявского договора³⁰. На что Панин с раздражением написал на полях: «А хотя б и вправду, что было там инако, то польскому двору еще гораздо рано принуждать берлинский к поправлению, а особливо при таком казусе, где сам находится в добровольной погрешности».

Давление со стороны России и Пруссии все усиливалось, при этом в Берлине явно затягивали переговоры, специально назначенный для этого посол Б. В. Гольц прибыл в Варшаву только в середине августа. 15/4 июля 1765 г. Репнин писал Панину, что в Варшаве получена депеша Я. Псарского из Петербурга, согласно которой Екатерина II выразила якобы недовольство последним письмом к ней Фридриха II, «приметя в нем лишние виды к возвышению». Репнин убеждал Ф. Ржевуского, что эти сведения не соответствуют действительности³¹, т. е. подчеркивал общность позиции России и Пруссии в таможенном споре.

С приездом в Варшаву Гольца Пруссия выступила с требованием проведения специальных конференций по таможенному вопросу, а в инструкции к Г. Бенуа от 5 сентября 1765 г. прозвучала также угроза возобновления таможни в Мариенвердере³². Тогда же В. Ф. Сольмс в Петербурге стал добиваться, чтобы Репнину в Варшаву были направлены указания о поддержке прусских требований. В связи с этим в депеше Репнину от 16/5 сентября 1765 г. Н. И. Панин поручил послу содействовать сближению позиций Берлина и Варшавы, но без непосредственного участия в переговорах, поскольку просьба об этом исходила только от польской стороны³³.

Таким образом, русская и прусская дипломатия объединили свои усилия, дабы добиться по сути капитуляции польского правительства в таможенном споре. В связи с этим Б. В. Гольц доверительно сказал Н. В. Репнину, что таможенный спор не затрагивает торговых интересов Пруссии, но продиктован лишь политическими соображениями Фридриха II. На депеше об этом Екатерина II написала, имея в виду прусского короля: «Итак, у него есть другая слава, кроме блага его подданных, это одна из тех странностей, которые совершенно непостижимы для меня»³⁴. С. М. Соловьев, напротив, привел этот эпизод как одно из доказательств двуличной политики Фридриха II³⁵. Однако сентенция Екатерины II свидетельствовала, что в лицемерии русская царица не уступала своему прусскому «брату». В Петербурге с самого на-

чала таможенного спора прекрасно сознавали, что цели прусского короля лежали совсем в другой области, нежели торговые интересы прусских подданных.

Еще одним доказательством особых интересов Фридриха II в конфликте из-за таможни стало обсуждение Б. В. Гольцем и Н. В. Репниным мемориала по таможенному делу от 7 октября 1765 г., в котором была изложена официальная позиция Пруссии³⁶. По настоянию русского посла из текста было исключено положение, «что король прусский в силу Оливского трактата почитает себя обязанным быть покровителем и защитником привилегий Польской Пруссии», а это, далее Репнин приводит мысль Панина, «немалые бы хлопоты нанесло» (Репнин — Панину от 14/3 октября 1765 г.)³⁷. 16/5 октября 1765 г. Репнин доносил о следующей беседе с Гольцем, в которой тот, ссылаясь на полученную им депешу Сольмса из Петербурга, спрашивал, не получил ли Репнин указаний относительно согласия России на сохранение Мариенвердерской таможни, но с уменьшением пошлины. На что русский посол отвечал, что такого повеления не имеет, но, «от себя», Репнин убеждал Панина, что польская сторона не согласится на это ни при каких условиях — скорее уничтожит свою генеральную таможню³⁸.

Однако несмотря на нежелание Репнина принимать на себя роль посредника на переговорах, ему все же пришлось участвовать в конференциях прусских послов с польским министерством, состоявшихся 28 октября — 8 ноября 1765 г. На них обсуждались польский и прусский мемориалы и сопоставлялись таможенные тарифы с обеих сторон; причем польская сторона пошла на отмену и пересмотр ряда тарифов, наносивших ущерб прусским подданным, и согласилась с правом Пруссии собирать такую же пошлину с товаров, ввозимых в королевство из Польши или же следовавших транзитом через прусские владения, но категорически возражала против взимания пошлины с судов, шедших по Висле, но не пристававших к прусскому берегу, как то было в Мариенвердере. «Но все оные представления и тарифы напрасно потеряны», — писал Репнин Панину 11 ноября / 31 октября 1765 г. Уже в ходе конференции Гольц и Бенуа получили новые предписания от Фридриха II с ультимативным требованием или уничтожить Генеральную таможню в Польше, или Фридрих II восстановит таможню в Мариенвердере, а самому Гольцу было приказано прекратить переговоры и возвращаться на родину³⁹. Намечившееся соглашение оказалось сорванным, положение вернулось к ситуации июня 1765 г., с той только разницей, что в качестве посредника в таможенном споре выступила Екатерина II, а Н. В. Репнин оказался участником польско-прусских переговоров в Варшаве. В дальнейшем в деле о таможне русская дипломатия уже окончательно приняла сторону Фридриха II. После прусского ультиматума и объявленного отъезда Гольца конференции в Варшаве еще продолжались. Прусские послы заявили Репнину, что готовы настаивать на решительных требованиях, если из Петербурга не будут получены новые инструкции⁴⁰. Репнин был уже готов присоединиться, согласно приказу Панина, к прусским домогательствам и потребовать, «чтоб на время здешнюю генеральную таможню отставили». Однако он воспользовался официальным принятием обеими сторонами российского посредничества, что позволяло, по мнению посла, «несколько продлить дело»⁴¹. Однако уже в постскрипуме к депеше Н. И. Панину от 2 декабря / 21 ноября 1765 г. Н. В. Репнин сообщал, что Гольц потребовал заключительной аудиенции в связи со своим отозванием, что прусский ответ на последний мемориал польской стороны был отправлен к коронному канц-

леру А. Замойскому без рассмотрения на конференции. Все это не оставляло Репнину иного выхода, как заявить Станиславу Августу, что Россия безоговорочно поддерживает прусские требования и настаивает на уничтожении Генеральной таможни. Это заявление посол сопровождал уверениями в дружеских чувствах российской императрицы к королю и к республике. Польский король, как писал Репнин, «сие с прискорбностью принял, однако, как к сему несколько времени мало по малу приговаривался, то и не столько через то в силу ему удар сей был»⁴².

Польско-прусский таможенный конфликт завершился победой Фридриха II, которому удалось добиться ликвидации податных нововведений в Речи Посполитой, что надлежало теперь утвердить на предстоящем сейме. Участие России в споре вокруг Генеральной таможни в Польше показало, что Екатерине II, вопреки ожиданиям польской стороны, не удалось сыграть роль беспристрастного посредника, что практически с самого начала петербургский двор принял сторону прусского короля. Поражение русской дипломатии состояло также и в том, что ей не удалось, несмотря на очевидное желание, избежать открытой и официальной поддержки прусских домогательств, что, по признанию самой императрицы и Панина, влекло за собой затруднения для русской политики в Польше. Таким образом, не находит подтверждения общепринятое в русской историографии мнение С. М. Соловьева о намерении Екатерины II «сдержать» как Станислава Августа, так и Фридриха II⁴³. Анализ участия России в польско-прусском противостоянии 1765 г. подтверждает выводы М. Дроздовского, Й. К. Хёнша и М. Г. Мюллера об использовании Пруссией таможенного спора для срыва планов податных и финансовых преобразований в Речи Посполитой после коронационного сейма 1764 г.⁴⁴ Хотелось бы добавить, что в этом вопросе планы прусского короля нашли практически полную поддержку в Петербурге. При этом временная приостановка мариенвердерской таможни представляла собой не более чем тактический ход как Берлина, так и Петербурга.

Однако, несмотря на согласие обоих дворов относительно допустимых, с их точки зрения, пределов польского суверенитета, в отношениях России и Пруссии проявились определенные противоречия в польских делах. Во-первых, в Петербурге были недовольны излишней самостоятельностью в действиях Фридриха II относительно Польши. На это указывают как высказывания Репнина, Панина и самой Екатерины II, так и донесения Я. Псарского, о которых упоминал Репнин в разговоре с Ф. Ржевуским. Именно это глухое недовольство и дало основание С. М. Соловьеву говорить о намерениях императрицы «сдержать» своего союзника. Во-вторых, противоречия возникали и из-за стремления Фридриха II выступать гарантом прав Королевской Пруссии, что также нашло отражение в вопросе об изменениях в статусе этой северо-западной провинции Речи Посполитой. Наконец, наиболее явно эти противоречия выступили в вопросе о роли Польши и Пруссии в «северной системе».

IV

Идея «северной системы» имеет чрезвычайно богатую историографию и представляет собой совершенно самостоятельную тему исследования, сложность которой заключена прежде всего в том, что так называемая северная система Н. И. Панина не получила определенного выражения в политической и дипломатической практике, а сохранилась лишь на страницах политических сочинений, представляя со-

бой скорее памятник общественной мысли, чем явление в истории международных отношений. Отсюда расхождения в названиях («северная система», «северный союз», «северный аккорд»), имеющих принципиально различное значение, расхождение в вопросе о хронологических рамках, поскольку любое упоминание о поддержании мира на севере или о политической системе направляемой Н. И. Паниным дипломатии могло быть соотнесено с нею. Наконец, любое взаимодействие, по терминологии Панина, активных держав: России, Пруссии, Англии, Дании в международных отношениях могло произвольно либо соотноситься, либо не соотноситься с нею. Все эти обстоятельства, по нашему мнению, служили благодатной почвой для самых противоречивых оценок панинского проекта: от упреков в адрес шефа русской внешней политики в доктринерстве до противоположного мнения, что названная система не только существовала вполне реально, но и оказала положительное воздействие на международные отношения, способствовал поддержанию мира в Европе.

Несомненно, однако, что идея северной системы стала ответом на заключение «фамильного пакта» Австрии и Франции, к которому присоединились Испания и Неаполь, что российский проект был попыткой найти средства противодействия повороту «восточного барьера» против России, отсюда ее усилия, направленные на уменьшение французского влияния в Дании и Швеции и утверждение российской гегемонии в Польше. Враждебность российской политики по отношению к союзу Бурбонов и Габсбургов побуждала Петербург использовать в своих интересах прусско-австрийский и англо-французский антагонизм, что и привело к заключению в 1764 г. русско-прусского союза, а также к возникавшим время от времени разговорам как со стороны Петербурга, так и Лондона о возможном союзе между Россией и Англией. Наконец, для русской внешней политики дела на севере Европы имели и немаловажное самостоятельное значение, во-первых, потому что со времен Петра I Прибалтика рассматривалась как особая область русских интересов и одно из главных направлений российской внешней экспансии, а во-вторых, в свете постоянно существовавшей угрозы войны с Турцией. Угроза эта еще более усилилась вследствие обеспокоенности Порты положением в Речи Посполитой и антирусскими интригами представителей Австрии и Франции в Константинополе, что вынуждало Петербург искать средства для их нейтрализации, активизируя политику на севере, создавая там угрозу французским и австрийским интересам. Представляли ли эти достаточно очевидные и обоснованные шаги какую-либо систему и можно ли их рассматривать как попытки заключения союза северных держав? В зависимости от ответа на этот вопрос можно прийти к заключению о степени реалистичности проекта «северной системы», тем более «северного аккорда» (союза). Не ставя своей задачей рассмотрение указанной проблемы полностью, мы остановимся только на анализе в этом контексте отношений России, Польши и Пруссии.

Рассматривая выше вопрос о возможном польско-русском союзе, мы, в частности, обращали внимание на настоятельные предложения Петербурга о присоединении Варшавы к союзу России и Пруссии, которые не раз звучали как в инструкциях Репнину, так и в обращениях к самому Станиславу Августу. Однако, как свидетельствовали донесения Репнина из Варшавы, эти предложения не находили понимания ни со стороны Польши, ни со стороны Пруссии, отношения между которыми в 1765–1766 гг. носили весьма напряженный характер прежде всего из-за obstructивной позиции Берлина. 6 марта / 23 февраля 1765 г. Н. В. Репнин сообщил

Панину о своем разговоре с польским королем о роли Польши в «северной системе». Он писал, что Станислав Август показал ему депеши от Ф. Ржевуского из Петербурга, в которых польский посол сообщал со слов Панина об австрийских интригах в Турции и передавал его предостережения, дабы польский король «не дал себя обольстить и не пошел в какое-либо с тем двором (венским. — *Б. Н.*) обязательство». Репнин доносил, что воспользовался этим разговором, чтобы убедить Станислава Августа в полезности для Польши «быть всегда более в короткости и дружбе с берлинским двором, нежели с венским, ибо с двух сторон Пруссия с польскими владениями граничит и главная часть здешней коммерции делается в Пруссии же или через прусские земли». Репнин писал, что король согласился с его доводами, но заметил, что Пруссия часто не выполняет принятых на себя обязательств. На что русский посол возразил, указав на добросовестное поведение Фридриха II в отношении России, чего нельзя сказать о Вене, «которая считает другие державы подчиненными и думает о своей только выгоде», как это было во времена Яна Собеского или Семилетней войны. «По сем, — продолжал Репнин, — я изъяснил необходимую надобность аккорда в Севере, приметил его королевскому величеству, что, единственно быв в оном, избежать он может разных в государствовании своем неприятностей и надежду иметь достигнуть до знатного роля в политических делах». На рассуждения Репнина Станислав Август ответил, что «*le Système de L'Impératrice de Russie fera toujours le mien*». Посол заверял Панина в искренности этих слов польского короля, что «здесь двор без ведома и согласия нашего ни во что с венским не вступит», но вместе с тем писал о своем впечатлении, что Станиславу Августу, как и прежде, «внутренно приятнее было видеть Россию по прежнему в союзе с Австрией и соучаствовать тому», т. е. содействовать восстановлению союзнических отношений между Веной и Петербургом⁴⁵. В апреле 1765 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину, что, по сведениям прусского резидента в Вене, полученным от Г. Бенуа, Польша намерена заключить союз с Австрией⁴⁶. В мае в связи с возможным посредничеством России в таможенном споре между Польшей и Пруссией Репнин высказал соображение о полезности такового, чтобы держать польского короля «в наших руках и в надежде от нас спасение получить. Воздержит то его, — рассуждал Репнин, — броситься в руки противных нам союзных держав, как то Австрии и Франции, хотя я по справедливости и не могу сказать, чтоб на первую из сих двух коли-нибудь считали в будущие времена в каком-либо ни есть важном подкреплении, а на вторую — и того менее. От тщеславия более, думаю, желают их признания <...> И не видится мне, чтоб какая лишность с здешней стороны сделана была»⁴⁷.

Как видно из донесений Репнина, его оценка опасности проавстрийской ориентации польской политики была весьма сдержанна. Однако и это вызвало настороженность в Петербурге. 8 апреля / 28 марта 1765 г. Екатерина II писала Станиславу Августу: «Я уже объясняла вашему величеству, как осторожно нам должно обращаться с этим государем (Фридрихом II. — *Б. Н.*) и как полезна нам его дружба для спокойствия Севера. Прибавлю еще, что у Польши нет другого соседа, которого бы ей не было бы столь существенно важно не обращать себе во врага»⁴⁸.

Письмо императрицы и внушения Репнина возымели свое действие. Брат Станислава Августа, австрийский генерал А. Понятовский, через которого, как обоснованно подозревали в России, осуществлялись тайные контакты Варшавы с Венной, в конфиденциальном разговоре (депеша Н. В. Репнина от 27/16 мая 1765 г.)⁴⁹

объяснился с русским послом, пытаясь опровергнуть опасения Петербурга, что он якобы «старается короля от нашей стороны к австрийской отвести». А. Понятовский утверждал, что как австрийский генерал он, разумеется, желал бы видеть союзниками Австрию, Россию и Польшу, но, будучи братом короля и лично преданным ему человеком, он «всегда непременно мыслит и советовать будет иной системы не иметь, как российскую, и всегда ее стороны держаться». В этом месте Панин сделал примечание для Екатерины II, суть которого сводилась к утверждению, что понятное желание Варшавы лавировать между Петербургом и Веной несостоятельно («ско-ропостижно вздумано было»), что «избранием польского короля определился уже в сем российский интерес» и что заблуждение относительно возможности уравновесить за счет сближения с Австрией российское влияние в Польше наконец-то осознано в Варшаве.

V

Отношения России и Пруссии в связи с польскими делами осложнились в 1765 г. также из-за инцидента с К. А. Рексином — прусским послом в Константинополе. Инцидент этот подробно описан в историографии⁵⁰. В депеше от 27/16 мая 1765 г. А. М. Обресков сообщал в Петербург о получении Портой неких известий из Пруссии, вызвавших крайнюю обеспокоенность турецкого правительства относительно намерений России. Судя по сообщениям русского посла, речь шла о возобновлении прусских предложений Порте заключить оборонительный союз с Фридрихом II против Австрии, а также о предостережениях Рексина, что Россия якобы хотела уничтожить в Польше *liberum veto* и не сделала этого только вследствие возражений прусского короля. Далее говорилось, что такое намерение не оставлено полностью, и Фридрих II должен теперь следить за этим, но, согласно рассуждениям прусского посла, заключение прусско-турецкого союза отвратило бы сразу эти опасности.

Н. И. Панин не выразил особого беспокойства с связи с поведением Пруссии, заметив, что «Рексин уже конечно обуздан будет получением новых согласных (с политикой России. — *Б. Н.*) инструкций касательно до оборота турок против венского двора». Однако, по мнению руководителя русской внешней политики, другого объяснения поведения Пруссии быть не может как то, что Фридрих II «колеблется между Россиею и другими державами относительно своей безопасности и настоящих выгод»⁵¹. В Петербурге по этому поводу неоднократно и настоятельно обращались за объяснениями к Сольмсу. В результате Фридрих II вынужден был заявить, что Рексин действовал только по собственной инициативе, опираясь на старые инструкции (до заключения русско-прусского союза 1764 г.). Король намекал даже на возможность подкупа своего посла враждебными державами и объявил о его отзывании, что и произошло в октябре 1765 г.

На место Рексина в Константинополь был назначен Иоганн Христоф Зегелин. Однако примечательно, что переговоры с турками о союзе вели оба эти дипломата, так что в глазах Порты замена послов не должна была восприниматься как изменение прусской позиции в отношениях с Портой. Разумеется, оправдания Фридриха II не вызвали доверия в Петербурге. И все же подлинные мотивы его поведения там представляли себе весьма приблизительно. В свете переписки Берлина со своими представителями в Константинополе позиция Фридриха II предстает в несколько ином свете.

7 октября 1764 г. К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг составляют королевский ответ на депешу Рексина от 13 сентября⁵². В нем выражается удовлетворение «полным успокоением Порты в связи с польскими делами», т. е. завершением элекционного сейма, и надежда, что теперь в Константинополе приступят к заключению союза с Пруссией. Далее кабинет-министры писали, что король не отказывается давать для этого деньги, но не намерен бросать их на ветер, как это было в случае с торговым договором, от чего Пруссия не получила никаких выгод. В постскрипуме к письму приводятся сведения об австрийских вооружениях, в частности, о намерении Вены содержать в Венгрии 100 тыс. чел. «национальных войск». В тот же день в приказе майору Зегелину в связи с донесением Рексину говорилось о надежде короля как можно скорее заключить союз с Портой⁵³.

В инструкции Рексину от 29 октября 1764 г., когда вопрос о польских реформах стоял для Пруссии особенно остро, а позиция России оставалась неясной, Фридрих II подробно рассуждал об угрозе перемен в польской конституции и приказывал, чтобы Рексин, не теряя времени, «конфиденциально информировал турецких министров о весьма опасных последствиях подобных мер, не останавливаясь перед инсинуациями, если это полезно и необходимо»⁵⁴. При этом Фридрих II ни словом не обмолвился о проекте прусско-турецкого оборонительного трактата.

27 декабря прусский король отправляет составленное кабинет-министрами большое письмо Рексину, целиком посвященное положению в Польше. Он заявлял о своем одобрении действий посла, «взбодоражившего тамошнюю французскую и австрийскую клику и направившего ее посредством ложных инсинуаций против состоявшихся выборов польского короля». Фридрих II поручал Рексину действовать совместно с А. М. Обресковым и вместе с тем уверить Порту, что он является ее подлинным другом и что, как и русская императрица, весьма далек от того, чтобы допустить преобразования в Польше, что польский король и министерство в Варшаве должны дать убедительные доказательства своей непричастности к реформаторским планам. В заключение Фридрих II вновь предостерегал Константинополь против австрийских вооружений⁵⁵. О союзе с Турцией прусский король не упоминал вовсе. Однако в инструкции Зегелину в тот же день он подтверждал, что к делу союза с Портой тот должен отнестись со всем уважением (*vor einen Pli nehmen wird*)⁵⁶.

В ответ прусский эмиссар сообщил королю, что турецкие министры не проявляют заинтересованности в заключении союза с Пруссией, каждый раз откладывая дело. В ответной депеше от 12 февраля 1765 г. Фридрих II писал Зегелину, что усматривает в таком поведении Константинополя влияние французских интриг, поскольку для Порты, безусловно, выгодно, чтобы Пруссия поддержала ее в случае войны. В связи с этим король поручал своим представителям возратить назад большую часть подарков, отправленных в Константинополь для султана и турецких министров⁵⁷. О том же Фридрих II писал Рексину 20 марта⁵⁸.

В инструкции послу от 16 апреля 1765 г. прусский король рассуждал исключительно об угрозе Турции со стороны венского двора вследствие австрийских вооружений, о чем тот должен был в очередной раз предупредить Порту⁵⁹. И хотя в письме вопрос о прусско-турецком союзе и не поднимался, но его содержание должно было продемонстрировать прусскую озабоченность действиями Австрии, а, следовательно, и актуальность для Фридриха II антигабсбургского союза с Турцией. Такое заключение находит подтверждение в депеше Зегелину от 11 апреля, в которой Фрид-

рих II, вопреки мнению своих дипломатов о нежелании Порты пойти на союз с Берлином, все же выражал надежду, что со временем все же удастся заключить оборонительный трактат с Турцией⁶⁰.

В мае 1765 г. инструкций Рексину и Зегелину не направлялось, а 14 июня прусский король послал депешу в Константинополь, согласно которой послу поручалось совместно с Обресковым противодействовать интригам Австрии и Франции против России⁶¹. С этого времени Фридрих II больше не поднимал вопроса о заключении союза с Турцией.

7 июня / 27 мая 1765 г. В. Ф. Сольмс доносил из Петербурга, что Н. И. Панин с удовлетворением узнал о позиции Пруссии по польским делам. Именно в это время в Петербурге было получено письмо прусского короля Екатерине II, в котором тот уведомлял императрицу о своей готовности принять русские предложения по мариенвердерскому делу. Далее прусский посол обратился к ситуации в Турции и сообщил, что, согласно донесениям Обрескова, австрийский посол в Константинополе Г. Пенклер «всеми силами хлопочет о продлении перемирия» (Белградского договора) между Австрией и Турцией, чтобы тем самым подтолкнуть Порту к войне с Россией. Сольмс передает слова Панина о намерении России «возбудить в свою очередь турок против венского двора» и склонить султана «обратить свое оружие скорее против опасного соседа, каким представляется австрийский дом, ...вместо того, чтобы допускать к войне с Россией». Причем, согласно донесению Сольмса, Панин пытался убедить Пруссию, что австрийцы по-прежнему видят главной своей целью возвращение Силезии, а Россия будет не в состоянии помочь своему прусскому союзнику, если сама она окажется втянутой в войну с Турцией⁶². Такие рассуждения вполне соответствовали, как замечал Сольмс, взглядам Фридриха II, что подтвердил 19 июня и сам король, заметив в ответном письме своему послу, «что граф Панин думает об этом очень правильно»⁶³.

19/8 июля прусский посол вновь писал о разговоре с Паниным, в котором тот развивал мысль о необходимости «тесного союза» между Россией и Пруссией и предлагал «обсудить и условиться о мерах, которые потребуются принять в нашем общем интересе»⁶⁴. Передавая эти слова Панина, Сольмс замечал, что мог бы заподозрить шефа русской внешней политики в обмане, но, по мнению посла, тот «не заслужил такого упрека своим предшествовавшим поведением». Сомнения Сольмса были вполне понятны, ибо едва ли в интересах России было подталкивать Турцию к войне с Австрией.

Однако такое намерение Петербурга подтверждалось рескриптом А. М. Обрескову от 13/2 июня 1765 г.⁶⁵ Рескрипт открывался упоминанием о «последней» его реляции от 27/16 апреля, т. е. донесение русского посла в Турции о поведении Рексина ко времени составления рескрипта было еще не получено. Далее в весьма резких выражениях давалась оценка политике Австрии, которая обвинялась в «ослепленном соединении с Францией» и «в необузданном желании» возратить потерянную Силезию, в стремлении утвердить свое господство в Германии и в провоцировании разрыва между Портой и Россией. Поэтому Обрескову давалось императорское повеление, «чтоб натягаемую австрийским домом тучу обратить на него самого». Далее в рескрипте говорилось о твердом намерении России стать на сторону своего прусского союзника в случае войны Фридриха II с Австрией. Обрескову поручалось убедить Порту в выгоде для турецкой политики противостояния России и

Австрии и союзнических отношений Екатерины II с прусским королем, поскольку этот союз не имеет интересов на границах с турецкими владениями, за исключением Польши, о которой в рескрипте говорилось: «Да пускай и так бы было, чтоб нашим с прусским королем союзом содержания Польша была в некоторых границах ее политических видов, так и сие Порте предосуждения приносить не может».

Таким образом, если исходить из сформулированных в рескрипте целей русской политики в отношении Турции, а именно столкнуть ее с Австрией, то предложенный Фридрихом II оборонительный прусско-турецкий договор был бы как нельзя кстати. К тому же русско-прусский союзный договор 11 апреля / 31 марта 1764 года не предусматривал запрещения для его участников вступать в союзы с третьими странами. Тогда возникает вопрос, почему инцидент с Рексином был так болезненно воспринят в Петербурге? Екатерина II и Панин, во-первых, никак не могли предположить, что Пруссия попытается играть самостоятельную роль в международных делах и, в частности, использует турецкий фактор для ослабления российской гегемонии в Польше.

Это обстоятельство учитывал Фридрих II, когда пытался скрыть от Петербурга подготовку турецко-прусского альянса, поручив переговоры о союзе весной 1765 г. не Рексину, а Зегелину, отозвав предназначенные для чиновников Порты подарки и прекратив всякие разговоры о союзе, как только из Петербурга от него потребовали объяснений по этому поводу. В письме Сольмсу от 19 июля 1765 г.⁶⁶ Фридрих II извещает об этом Панина, а на следующий день в постскрипуме к инструкции Рексину⁶⁷ — своего посла в Константинополе.

Однако прусский король еще раз продемонстрировал свои дипломатические дарования, когда на место отозванного Рексина послом при Порте был назначен майор Зегелин. Фридрих II сдержал данное Панину обещание — более о союзе с Константинополем не было сказано ни слова, но само назначение нового посла ясно показало турками, что при благоприятных обстоятельствах вопрос о нем или об ином способе сотрудничества Берлина и Порты вполне может возникнуть вновь. Инцидент с Рексином также позволил Петербургу понять, что, несмотря на явно выраженный антиавстрийский курс русской политики, в Берлине оказывалось большее предпочтение соглашению с Турцией, чем вынашиваемой Паниным идее объединения северных держав.

Прусские интриги в Константинополе также свидетельствовали о том, что поддержка со стороны Пруссии политики России в Польше отнюдь не являлась безусловной и имела некоторые границы, переходить которые Фридрих II был решительно не намерен. Все это вынудило Петербург ослабить давление на Австрию. 27/16 августа 1765 г. Н. И. Панин отправил письмо Обрескову, в котором подробно изложил позицию России в связи с поступком Рексина, назвав его «столь поносным делом» и связав с колебаниями в отношениях между великими державами. Руководитель русской внешней политики писал далее, что только с созданием северной системы общие европейские дела придут в равновесие, и поручал Обрескову в связи с сомнениями в Петербурге относительно позиции Фридриха II «умерить исполнение» рескрипта от 13/2 июня 1765 г.⁶⁸ Другими словами, в Петербурге явно продемонстрировали готовность не нагнетать далее напряженность в отношениях с Австрией и Францией и не стремиться более к разжиганию конфликта между Константинополем и Веней.

Однако ни капитуляция польского правительства по вопросу о Генеральной таможене, ни преодоление кризиса в русско-турецких отношениях вследствие уста-

новления гегемонии Петербурга в Речи Посполитой не повлекли за собой ослабления польско-прусских противоречий, которые в конце 1765 г. сконцентрировались вокруг введения в Польше новой монеты. Об этом, в частности, свидетельствовали депеша Г. Бенуа от 18 декабря и ответ на нее Фридриха II от 26 декабря 1765 г., в котором прусский король утверждал, что все затруднения во взаимоотношениях Польши, России и Пруссии вызваны позицией Австрии⁶⁹. При этом прусский король был, разумеется, прав в том, что каждый конкретный повод для разногласий и недоверия между Варшавой и Берлином, при всем своем самостоятельном значении, был все же не более чем проявлением определенной тенденции отношений трех держав; но вместе с тем намеренно лукавил, а может быть — заблуждался, когда приписывал вину за это Австрии.

В Петербурге не могли не обратить внимание на это обстоятельство, чем и объяснялась болезненная реакция Панина на инцидент с Рексином; хотя с формальной точки зрения прусский дипломат при Порте не предпринял ничего, что противоречило бы обязательствам русско-прусского союза. Тем не менее руководители русской внешней политики продолжали в течение первой половины 1766 г., до очередного сейма в Варшаве, настаивать не только на нормализации, но и на установлении дружественных взаимоотношений между Берлином и Варшавой. В этом духе Н. И. Панин беседовал с В. Ф. Сольмсом в январе 1766 г., подчеркивая необходимость опровергнуть слухи о расхождении взглядов России и Пруссии на положение в Польше, о недопустимости влияния иных держав на политику Варшавы (депеша Сольмса от 21/10 января 1766 г.)⁷⁰.

Об этом же шеф Коллегии иностранных дел писал Н. В. Репнину 11 февраля / 31 января 1766 г. в связи с нотой Сольмса об аресте в Польше прусского курьера: «Можно не обинуясь сказать, что если все сие совсем не затеянное, то разве польский двор, возлагая всю надежду на своих новых будущих друзей, положил себе с твердою системою с отвагою всех существительных интересов своей республики поднять на себя явным образом короля прусского без дальнего размеривания своих собственных сил и возможности противостоять обыкновенным берлинским военным репрессалиям». Далее Панин указывал, что вследствие еще одного неосмотрительного шага польской стороны Фридрих II вновь получил повод для восстановления таможни в Мариенвердере, невзирая на посредничество Екатерины II, и делал вывод: «Искусство доказало..., что (турки в отношении Польши. — *Б. Н.*) содержатся и впредь содержаться будут в респекте не происками... польского министерства против короля прусского, но конечно нашею одною там (в Турции. — *Б. Н.*) инфлюэнциею». В заключение Панин подчеркивал, что Велявский договор может толковаться только в пользу Фридриха II⁷¹.

VI

Урегулирование польско-прусских отношений весной 1766 г. было одним из поручений К. Сальдерну, направленному из Петербурга в Копенгаген, посетившему по пути Варшаву и Берлин. В это же время Екатерина II написала письмо Станиславу Августу, в котором в смягченной форме передала аргументы, уже приведенные в февральской депеше Панина Репнину. Она настаивала на том, что конфликт из-за таможни не должен рассматриваться юридически, что его следует уладить, исходя

из «принципов взаимного доверия и приязни (*de la bonne foi et de l'amitié*), каких придерживаются друг к другу два соседа... Я уже объяснила вашему величеству, — писала императрица польскому королю, — как осторожно нам должно обращаться с этим государем (Фридрихом II. — *Б. Н.*) и как полезна нам его дружба для спокойствия Севера. Прибавлю еще, что у Польши нет другого соседа, которого ей не было бы столь существенно важно не обращать себе во врага»⁷². Спустя две недели, 23/12 апреля, Екатерина II обратилась с письмом к прусскому королю, в котором также призывала того «по-дружески» урегулировать отношения с Польшей. «Должно терпеть друзей с их недостатками, — ханжески рассуждала царица, — а в конституции Польши имеются такие, требующие снисхождения ее соседей». Последняя фраза Екатерины II звучала весьма двусмысленно, ибо содержала, с одной стороны, намек на польско-прусские разногласия в толковании Велявского договора и законодательства о генеральной таможене, а с другой — скрытую угрозу дать согласие на проведение некоторых усовершенствований в польском законодательстве, если Фридрих II не пойдет на уступки России в деле нормализации польско-прусских отношений.

Миссия К. Сальтерна в Варшаве с 4 по 29 апреля 1766 г. не привела ни к каким положительным результатам, о чем не без тайного удовольствия писал Н. В. Репнин, что «если пребывание Сальтерна не исправит поведения здешнего двора, то уж ничто на свете его не исправит», что Сальтерн, по словам посла, «со всех сторон получил много обещаний и прекрасных слов», но, по мнению Репнина, это не дает основания надеяться на перемены к лучшему⁷³. Тем не менее под воздействием бесед с петербургским эмиссаром Станислав Август пришел к выводу, что «северный концерт открывает определенные перспективы для Польши в отношениях с Россией»⁷⁴. Об этом датский посол А. Ф. Сен-Сафорен сообщил в Копенгаген И. Х. Бернсторфу 16 апреля 1766 г. В начале июля он же писал своему двору, что польский король выразил удовольствие в связи с новыми возможностями сближения с Россией, что «можно составить великий северный союз на благо всей Европы». Тогда же Станислав Август положительно оценил роль Пруссии в этом союзе, заметив о Фридрихе II, что «Россия свяжет ему руки, чтобы он не мог вредить соседям»⁷⁵.

Покинув Варшаву, К. Сальтерн отправился в Берлин, где ему предстояло встретиться с Фридрихом II. С собой голштинiec увозил письмо Екатерины II от 23/12 апреля, адресованное прусскому королю, в котором императрица излагала воззрения Петербурга на «северную систему» и объявляла о своем намерении «соединить весь север в систему независимости от иноземных дворов», обеспечить «целость прусской монархии». «Польша, Дания и Швеция, — писала императрица, — находятся на хорошем пути, — и продолжала, — не должно, конечно, отвергать и двора Саксонии, который чувствует себя слишком вовлеченным в умножившиеся интересы австрийского дома». Пруссия, по ее словам, могла бы содействовать участию Саксонии в «системе» улучшением своих отношений с Дрезденом⁷⁶.

Переговоры К. Сальтерна в Берлине с Фридрихом II подробно изложены у С. М. Соловьева и Ф. Мартенса по донесениям российского представителя от 20/9 и 29/18 мая 1766 г.⁷⁷ На первой аудиенции 19/8 мая прусский король говорил о недопустимости преобразований в Польше, в особенности отмены *liberum veto*, и успокоился только после заверений Сальтерна, что в Петербурге «никогда об этом и помину не было»⁷⁸.

Говоря о положении в Европе, Фридрих II заявил, что существующий русско-пруссский союз полностью обеспечивает безопасность обеих держав и что им «нечего бояться» союза Австрии и Франции. На это Сальдерн возразил, что система эта должна состоять, с одной стороны, из «активных держав» и из «пассивных» — с другой, причем в ответ на вопрос короля об «активных державах» голштинiec назвал Россию, Пруссию и Англию, а к «пассивным» отнес Швецию, Данию, Гессен, Брауншвейг и Саксонию. На второй аудиенции разговор об «активных и пассивных» державах продолжился, но так и не был приведен к общему мнению. Закончил его Фридрих II словами: «Все это для меня слишком сложно. Я только нуждаюсь в союзе с Россией. Это я вам уже говорил. Других союзов я не желаю»⁷⁹.

Таким образом, миссия Сальдерна, казалось бы, закончилась неудачей, если усматривать ее цель в получении прусского одобрения планов создания «северной системы». Однако, по всей видимости, такой задачи в Петербурге и не ставили. Об этом свидетельствует упоминание среди возможных союзников Саксонии — старого врага Пруссии, примирение с которым для Фридриха II в тех условиях было невозможным. Кроме того, привлечение к союзу наряду с Дрезденом еще и других германских земель, при условии реализации задуманного Паниным отказа в пользу Дании от голштинских прав Павла Петровича, открывало бы перспективу образования в Германии под эгидой России союза князей, который бы мог играть роль противовеса влиянию как Вены, так и Берлина, что существенно ослабляло бы позиции Пруссии как в германских делах, так и в отношениях с Петербургом. Наконец, возможное в рамках «северной системы» сближение России и Англии также ослабило бы позиции Фридриха II, поскольку, наряду с использованием австро-пруссского антагонизма, Петербург получил бы возможность более успешно играть на англо-французских противоречиях. Прусский король отнюдь не был заинтересован в такой игре и, тем более, не желал быть ее участником, поскольку это еще больше обострило бы отношения Берлина и Вены, без каких-либо выгод для Прусского королевства, о чем Фридрих II уже писал Сольмсу.

На второй аудиенции разговор вновь зашел о Польше. Фридрих II заявил, что согласен с необходимостью увеличения доходов польского короля, но настаивал на неизменности конституции Речи Посполитой. Сальдерн сказал, что в Петербурге разделяют эти воззрения, но, по его словам, очень важно, чтобы Польша заменила собой Австрию, имея в виду возможную войну России с Турцией. Для этого, считал Сальдерн, надо в соответствии с пактами-конвентами укрепить власть короля в Польше, навести порядок в польском войске, чтобы оно в случае нужды могло бы быть полезно против турок. Намекнул Сальдерн и на возможные изменения системы исполнительной власти путем учреждения Постоянного совета для управления страной в двухгодичные периоды между собраниями сейма. Все это русский представитель связал с решением диссидентского вопроса. Другими словами, вопреки желанию прусского короля оставить Польшу в летаргии, русский представитель заговорил о возможных реформах⁸⁰. Таким образом, накануне сейма 1766 г. повторялась ситуация, сложившаяся в русско-польско-пруссских отношениях перед сеймом коронации, когда русская дипломатия, с одной стороны, шантажировала прусского короля угрозой согласия на проведение реформ в Польше, а с другой — выражала готовность воспользоваться прусскими возражениями и протестами, чтобы обосновать собственную негативную позицию в отношении реформаторских планов Станислава Августа.

Разговор о Саксонии между Фридрихом II и К. Сальдерном произошел в самом конце аудиенции по инициативе российского представителя. Причем прусский король явно давал понять, что не желает обсуждать вопрос об участии Дрездена в северной системе. «Надобно дать мне свободу поступать с ними (саксонцами. — *Б. Н.*), как выгоднее для моей страны», — заявил он. В связи с чем в донесении Сальдерн заметил, что «эта струна очень неприятна для короля».

Повторенная голштинцем на аудиенции у Фридриха II мысль из письма Екатерины II прусскому монарху от 23/12 апреля 1766 г. о возможности союзнических отношений с Саксонией была подкреплена весьма многозначительными дипломатическими шагами Петербурга. 13/2 мая 1766 г. Екатерина II утвердила инструкцию А. М. Белосельскому, назначенному послом в Дрезден⁸¹, во 2 пункте которой содержались положения о готовности России пойти навстречу саксонскому двору в вопросах: 1) об уделах для принцев из дома Веттинов в Польше и 2) о судьбе находившегося в эмиграции в Дрездене К. Радзивилла.

Помимо очевидного давления на Пруссию, этот шаг мог преследовать еще две цели: во-первых, продемонстрировать желание сблизиться с польской оппозицией, о чем свидетельствовала переписка Панина с Репниным в первой половине 1766 г., а во-вторых, побудить дрезденский двор наконец-то перед сеймом 1766 г. признать избрание Станислава Августа, поскольку именно указанные два пункта выдвигались саксонцами в качестве препятствий для признания нового польского короля. Тем самым давление на Берлин не сводилось только к заявлениям, но и приобретало вполне определенные очертания возможного сближения с Дрезденом, что было воспринято Фридрихом II со всей серьезностью. 13 июня прусский король поручил Сольмсу повторить Панину возражения против союза с Саксонией, высказанные им Сальдерну⁸². В тот же день аналогичные инструкции были даны прусскому послу кабинет-министрами⁸³. 15 июня король вновь писал Сольмсу, что он не может быть равнодушен в вопросе о союзе с Саксонией и усматривает в этом следствие интриг Саксонии в Петербурге⁸⁴.

Оценивая результаты миссии К. Сальдерна в Берлине, все исследователи сошлись во мнении о ее неудаче. Русский эмиссар не смог убедить Фридриха II поддержать проект северного союза. С. М. Соловьев привел убедительные свидетельства раздражения прусского короля вследствие разговоров с голштинцем⁸⁵. Однако, по словам Сольмса, Н. И. Панин «выказывает себя чрезвычайно довольным успехами переговоров в Берлине»⁸⁶. Разумеется, удовольствие шефа русской дипломатии могло быть и притворным, тем не менее, следует признать, что иной реакции Фридриха II на рассуждения Сальдерна ни Екатерина, ни Панин и ожидать не могли. Инициатива создания такой «северной системы» была заранее неприемлема для Пруссии, чего Фридрих II никогда не скрывал и что, разумеется, не составляло секрета для Петербурга.

То, что в Петербурге заранее предвидели исход переговоров с Берлином о «северной системе», подтверждается и самой организацией русско-прусских консультаций. Обмен мнениями с Фридрихом II не проводили ни Екатерина II, ни Н. И. Панин. В противном случае прусский отказ, особенно переданный через Сольмса, неприятно задевал бы престиж России. Переговоры были перенесены в Берлин и поручены второстепенному российскому дипломату, не имевшему даже ранга посла. В неудобном положении оказался сам Фридрих II, вынужденный объясняться по столь важ-

ному вопросу с голштинцем на русской службе. С этой точки зрения, раздражение прусского монарха было вполне закономерным, а его твердое нежелание пойти навстречу русским предложениям почти не затрагивало самолюбия правительства Екатерины II.

Однако миссия Сальдерна имела совсем другую цель, нежели просто проинформировать Фридриха II о положении в Польше, как об этом заявил сам русский представитель, или убедить Берлин благосклонно отнестись к проекту «северного концерта», как традиционно считается в историографии. Консультации в Берлине в действительности представляли скрытую угрозу пересмотра русско-прусских отношений в пользу Англии, Саксонии или других стран, если прусский король не будет впредь бесповоротно следовать в русле русской политики и не покончит с колебаниями, проявившимися, в частности, в инциденте с Рексином, которые, как мы видели, весьма беспокоили Панина.

Угрозы возымели свое действие, и Фридрих II недвусмысленно подтвердил верность союзу с Россией. Вторым болезненным аспектом русско-прусских отношений являлись небезуспешные попытки Фридриха II сохранить самостоятельную роль Пруссии в польских делах, что нашло выражение в таможенном споре, когда русская дипломатия в конечном счете вынуждена была, несмотря на формальное посредничество, целиком принять сторону прусского короля в вопросе об уничтожении Генеральной таможни в Речи Посполитой.

И здесь миссия Сальдерна привела к желанному результату. В ответ на апрельское письмо Екатерины II прусский король 24 мая 1766 г., накануне второй аудиенции Сальдерна, писал русской императрице⁸⁷ о таможенном споре, что «это дело совершенно покончено», поздравлял «свою сестрицу и государыню» с успехами в Дании и Швеции; не обмолвясь ни словом о «северной системе», Фридрих II закончил свое письмо самыми изысканными уверениями в братских чувствах и в верности союзу с Россией. Последнее обстоятельство нашло свое подтверждение, когда прусский король отказался от проекта встречи с Иосифом II, избранным весной 1765 г. германским императором.

Идея свидания родилась в Вене. 28 мая прусский посол в Австрии Я. Ф. Род доносил в Берлин, что поездку Иосифа II в Богемию и Саксонию можно было бы использовать для его встречи с прусским королем. Однако в серьезность этого замысла не верили ни в Берлине, ни в Вене. В ответном письме принцу Генриху от 22 июня 1766 г. Фридрих II писал: «Я не верю, что будет иметь место что-либо иное, кроме обмена любезностями, обычно принятого между князьями». Прусскому королю нетрудно было разгадать намерения австрийской дипломатии осложнить отношения между Берлином и Петербургом. Он, как констатировал Г. Б. Вольц, не думал о каких-либо политических переговорах и желал лишь избежать разногласий с Россией⁸⁸. Отказ Фридриха II от каких-либо самостоятельных политических шагов в отношении Польши, Австрии и Турции во второй половине 1766 г. подтвердил И. М. Лобкович, сообщивший В. А. Кауницу 19 августа 1766 г., что при дворе Екатерины II прекратились все разговоры о возможной встрече Иосифа II и прусского короля⁸⁹.

Накануне сейма 1766 г., после визита К. Сальдерна в Варшаву и в Берлин, в Петербурге, наряду с давлением на Станислава Августа и «фамилию» Чарторыских с целью добиться удовлетворения на сейме русских требований, уделили внимание и сглаживанию польско-прусских противоречий. 11 июня / 31 мая 1766 г. Н. В. Репнин сообщил

в Петербург⁹⁰ о прибытии в Варшаву курьера от Я. Парского, который доставил пакет для Станислава Августа от Екатерины II с письмами императрицы польскому королю. «По материи одного из писем, — сообщал Репнин, — касательно до таможни, уже решительное намерение... здесь принято было, но сие письмо еще более твердость тому намерению конечно придаст. Другое же (письмо от 16/5 мая 1766 г. — *Б. Н.*), — продолжал посол, — несомненно утвердит в преданности к нам и к нашей системе, видя и чувствуя, не только авантажей, но и спасения для Польши нет, без подкрепки России». В той же депеше Репнин сообщал Панину о своих стараниях добиться назначения Я. Парского польским послом в Пруссию, характеризуя его как человека способного, который имеет сведения о намерениях и политической системе России. Репнин также писал о возвращении на днях из Берлина А. К. Чарторыского, где тот был встречен весьма благожелательно и вполне, по словам посла, остался доволен оказанным приемом. Последние два обстоятельства явно указывали на некоторое улучшение польско-пруссских отношений. Вероятно, это было связано с надеждами Станислава Августа в преддверии сейма, что с помощью России удастся преодолеть сопротивление Фридриха II проведению реформ государственного строя Польши. Об этом свидетельствовал А. Ф. Сен-Сафорен, сообщавший И. Х. Бернсдорфу 4 июля 1766 г. о своем разговоре со Станиславом Августом, в котором польский король высказал мысль, что «Россия свяжет руки Пруссии»⁹¹.

Окончательное разрешение польско-прусского таможенного конфликта было достигнуто накануне открытия в Варшаве сейма 1766 г., когда в русском посольстве состоялась встреча Г. Бенуа с канцлерами коронным и литовским Анджеем Замойским и Михалом Чарторыским, на которой прусский резидент официально повторил требования Фридриха II об уничтожении Генеральной таможни, что канцлеры обещали от имени короля и Сената провести на сейме. Репнин сообщал Панину о намерении ввести вместо таможни сбор с пива и хлебного вина, что уже вызвало, по словам русского посла, протесты дворянства⁹². Однако Репнин не сомневался, что дело это, как принадлежащее к экономическому департаменту, будет рассмотрено в первые дни работы сейма и решено согласно желанию России⁹³, т. е. в пользу Пруссии.

* * *

Таким образом, развитие российско-польско-пруссских отношений с конца 1764 г. до кануна сейма 1766 г. показало, что, несмотря на достигнутую российскую гегемонию в Польше, Петербургу так и не удалось полностью лишить Пруссию самостоятельной роли в польской политике. Более того, как в вопросе о таможенном споре, так и в монетном деле русской внешней политике пришлось принять сторону Берлина, вопреки декларированному посредничеству Екатерины II. Более того, русско-пруссские отношения, несмотря на очевидный антагонизм Берлина и Вены, постоянно омрачала тень возможного сговора Пруссии и Австрии и фактор постоянной опасности со стороны Турции. В Петербурге должны были отдавать себе отчет, что Фридрих II, вынужденный с 1766 г. недвусмысленно стать на сторону России и отказаться от собственной политики в отношении Австрии и Турции, при изменившихся условиях может переменить свое поведение, и что стабильность нынешней ситуации будет непосредственно зависеть от прочности российского господства над Польшей. А этот главный вопрос, несмотря на достигнутые Россией

успехи, так и оставался не разрешенным до конца, ибо оставались неурегулированными диссидентское дело, проблема реформ политического строя Речи Посполитой и не достигнутой — российская гарантия польской конституции. Именно эти вопросы и должны были стать центральными на сейме 1766 г. От их решения в известной степени зависели не только отношения Петербурга, Берлина и Варшавы, но и расстановка сил великих держав на востоке Европы.

Примечания

1. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 848. Л. 136–140.
2. Там же. Д. 65. Л. 2–2 об.
3. [Friedrich II] PC. Bd. 24. S. 74–75.
4. Ibid. S. 80–83.
5. Ibid. S. 83–85.
6. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 349.
7. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 5–6 об.
8. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 181.
9. Там же. Т. 22. С. 362–364.
10. Forschungen zur deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9. S. 36; [Friedrich II]. PC. Bd. 24. S. 145.
11. Ibid. S. 100–101.
12. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 226–227.
13. Schmitt H. Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1869. T. 2. S. 18–19; Соловьев С. М. Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. С. 423–424.
14. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 39–42 об.
15. Там же. Л. 68–69.
16. Там же. Л. 74 об.—75 об.
17. Там же. Д. 867. Л. 2 об.—3.
18. Там же. Л. 8–9.
19. Forschungen zur deutschen Geschichte... S. 36–37.
20. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 1–2 об.
21. Там же. Л. 71–73 об.
22. Там же. Л. 70–70 об.
23. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 213–219.
24. Там же. С. 221.
25. Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 257–263.
26. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 86.
27. Там же. Л. 93–100.
28. Там же. Л. 85.
29. [Friedrich II] PC. Bd. 24. S. 186–188.
30. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 868. Л. 45–46 об.
31. Там же. Л. 61.
32. [Friedrich II] PC. Bd. 24. S. 186–188.

33. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 334–340.
34. Там же. С. 364–365; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 870. Л. 150–150 об.
35. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 13. С. 428.
36. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 871. Л. 5–14 об.
37. Там же. Л. 1–4.
38. Там же. Л. 25–28.
39. Там же. Л. 107–108.
40. Там же. Д. 872. Л. 5–7 об.
41. Там же. Л. 9–12.
42. Там же. Л. 61–63 об.
43. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 13. С. 426.
44. Об истории польско-прусского таможенного конфликта см. также: *Drozdowski M.* Podstawy finansowe działalności państwowej w Polsce. 1764–1793. Warszawa; Poznań, 1975; *Hoensch J. K.* Der Streit um den polnischen Generalzoll 1764–1766. Zur Rolle Preußens und Rußlands beim Scheitern der Finanzreform von Stanislaw August Poniatowski // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1970. № 18. S. 355–388. Об обструкционистской политике Пруссии по отношению к преобразовательным проектам в Польше в 1764–1766 гг. см.: *Müller M. G.* Die Teilungen Polens 1772–1793–1795. München, 1984. S. 30–31.
45. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 44–42 об.
46. Там же. Д. 866. Л. 39–42 об.
47. Там же. Л. 75 об.–76.
48. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 495.
49. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 65–73 об.
50. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 13. С. 435–438; Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896; *Konopczyński W.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936; Стоилова Т. Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. София, 1995.
51. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 13. С. 436–437.
52. [*Friedrich II*] PC. Bd. 24. S. 5–6.
53. Ibid. S. 6. Anm. 1.
54. Ibid. S. 26–27.
55. Ibid. S. 80–83.
56. Ibid. S. 83. Anm. 1.
57. Ibid. S. 122–123.
58. Ibid. S. 151.
59. Ibid. S. 165–166.
60. Ibid. S. 162–163.
61. Ibid. S. 223.
62. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 375–380.
63. Там же. С. 383.
64. Там же. С. 387.
65. Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 272–275.
66. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 388–390.
67. [*Friedrich II*] PC. Bd. 24, S. 258.
68. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 325–328.

69. [Friedrich II] PC. Bd. 24. S. 391–392.
70. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 415–420.
71. Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 445–447.
72. Там же. С. 492–496.
73. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 133.
74. Michalski J. Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. Т. 75. S. 710.
75. Ibid. S. 711.
76. Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 228–231.
77. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 152–161; Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций... СПб., 1888. Т. 6. Трактаты с Германией 1762–1800; АВПРИ. Ф. 74. Оп. 6. Д. 168. О переговорах с прусским королем 5–29 мая 1766 г.
78. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов... Т. 6. С. 41.
79. Там же. С. 41–42.
80. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 158–159.
81. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 527–535.
82. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 448.
83. Там же. С. 451.
84. [Friedrich II] PC. Bd. 25, S. 134.
85. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 160–161.
86. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 452.
87. Там же. СПб., 1877. Т. 20. С. 231–233.
88. Volz G. B. Plan einer Zusammenkunft Friedrichs des Großen und Josephs II. bei Torgau // Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia. Heft 14. Sonderdruck s. I. S. a. S. 140–151.
89. Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 195.
90. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 159–161.
91. Michalski J. Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego... S. 711.
92. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 12–13 об.
93. Там же. Л. 23 об.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ ПЕТЕРБУРГА С ДЕРЖАВАМИ «ФАМИЛЬНОГО ПАКТА» И ТУРЦИЕЙ 1764—1766 гг.

Еще в период польского «бескоролья» 1763—1764 гг. в Петербурге рассматривали Австрию и Францию в качестве главных противников польской политики России, при этом Екатерина II и Н. И. Панин были готовы, ради избрания польского короля — ставленника России, пойти на военный конфликт с Веной и Версалем. Правда, руководители русской внешней политики не без основания рассчитывали, что ни Австрия, ни Франция не решатся на развязывание войны с Россией из-за Польши, что и подтвердило «спокойное» избрание Станислава Августа, когда австрийская и французская дипломатия, по существу предав своих сторонников в Польше, заняли позицию невмешательства. Однако это не означало, что В. Кауниц и французское министерство не будут в дальнейшем пытаться противодействовать русскому влиянию.

Еще в августе 1764 г., накануне сейма элекции в Речи Посполитой Людовик XV писал Л. А. Бретейлю, назначенному послом в Швецию, что опасность, которой в настоящее время подвергается Польша, не может не беспокоить соседние государства. Французский король выражал надежду, что шведские министры окажутся достаточно дальновидными, чтобы понять, насколько далеко простираются намерения русской императрицы, и не будут возражать против сделанных им по этому поводу предложений Версаля¹. Проект приведенной королевской инструкции был составлен одним из руководителей секретной дипломатии Франции Ш. Ф. Брольи. Она отразила непосредственную связь между обострившимся на рубеже 1764—1765 гг. русско-французском соперничеством в Швеции и событиями в Польше. Далее в письме говорилось об отношении французского двора к ситуации в Речи Посполитой. «Если я, — заявлял Людовик XV, — отозвал из Варшавы моего посла, то это потому, что было невозможно, дабы он оставался свидетелем такой неправильной и незаконной ассамблеи, которую русская партия называет сеймом. Я не стал меньше интересоваться тем, что касается этой республики (Польши. — *Б. Н.*), так что возвращение домой моего посла совершенно не означает оставление польских дел. Напротив, это знак публичного неодобрения всего, что происходит в Польше. Стольник (С. Понятовский. — *Б. Н.*) великолепно продемонстрировал намерение изменить форму правления, что он давал вам понять ранее, и что достаточно доказали резолюции так называемого сейма. Последнее, — продолжал французский король, — должно послужить новой причиной заинтересованности всех держав судьбой (польских) патриотов, которые защищают свою свободу и конституцию. Она может быть из-

менена только при единодушной поддержке нации, а не по одному только желанию соседней державы, которая в данный момент имеет в виду только притеснять польскую республику, чтобы распространить свой деспотизм на Севере»².

Приведенные рассуждения французского монарха продемонстрировали, что в Версале отнюдь не были намерены смириться с российской гегемонией в Польше, но собирались для борьбы с ней использовать соседей Речи Посполитой, т. е. Австрию, Швецию и Турцию. Вынашивался проект нового «восточного барьера», на этот раз направленного против России. При этом ситуация в Польше, с точки зрения секретной дипломатии Версаля, представлялась ключевой для положения на севере Европы в целом. Принципиальное значение имело и то, что Франция, как и другие великие державы, отвергала возможность реформ государственного строя Речи Посполитой. Более того, высказываясь против реформаторских планов «фамилии» и соответствующих решений конвокационного сейма, Людовик XV проявил намерение восстановить прежнюю систему коллективного протектората над Польшей, в которой Версаль принадлежала немаловажная роль. Такая позиция Франции вполне соответствовала и воззрениям австрийского правительства. К единству действий в польском вопросе обе державы побуждались и взаимными союзническими обязательствами.

Отношения Франции и Австрии к Речи Посполитой и новому польскому правительству парадоксально совпадали с планами Петербурга, ибо, с одной стороны, в Версале и в Вене поддерживали систему международной изоляции Варшавы, а с другой — ослабляли польское правительство, затрудняя компромисс между магнатскими группировками и препятствуя новому польскому королю Станиславу Августу укрепить свои собственные позиции перед лицом России, используя отношения с ближайшими в прошлом союзниками Речи Посполитой, к чему, очевидно, проявляли стремление в Варшаве. Об этом, в частности, свидетельствовала упомянутая в инструкции Людовика XV переписка Станислава Августа с Бретейлем.

Таким образом, Франция и Австрия из двух возможных способов осуществления польской политики избрали давление на Станислава Августа. Они намеривались, с одной стороны, противодействовать реформаторским планам польского короля, усугубляя внутренний раскол в Речи Посполитой и ее изоляцию в Европе, а с другой — создать затруднения для России в Швеции и подтолкнуть Порту к военному конфликту с Петербургом из-за Польши.

В то же время в Петербурге ставили задачу добиться международного признания нового польского короля, что означало одновременно и признание российской гегемонии в Польше, и вместе с тем стремились исключить влияние прочих государств на внешнюю и внутреннюю политику Речи Посполитой и польско-русские отношения. Итак, сразу же после завершения сейма коронации вопрос о международном признании Станислава Августа как законно избранного польского короля приобрел для Петербурга и Варшавы первостепенное значение.

Указанная проблема была вполне осознана политиками в Польше и в первую очередь самим новым польским королем Станиславом Августом, который пытался использовать сложившуюся ситуацию для активизации внешней политики Речи Посполитой и для поиска на международной арене противовеса русскому влиянию в Польше путем установления более тесных отношений с Австрией и Францией. Об этом писал еще С. Любомирский — один из наиболее влиятельных представителей

«партии» Чарторыхских и первый «историограф» начала станиславовской эпохи, стремившийся отразить позицию старших членов «фамилии», к которым принадлежал и сам. Будучи в конфликте с королем на стороне Августа и Михала Чарторыхских, Любомирский утверждал, что причиной недовольства берлинского и петербургского дворов Станиславом Августом стала попытка последнего присоединиться к политическому лагерю во главе с Веной, Дрезденом и Версалем³.

Со времени Х. Шмита, А. Бера и С. М. Соловьева⁴ вопрос об активизации польской внешней политики в 1764–1766 гг., после избрания на престол Станислава Августа, неизменно присутствует в историографии⁵. Однако исследователи ограничились лишь его констатацией, единодушно приходя к выводу, впервые сделанному еще А. Бером, о том, что попытка Станислава Августа обрести независимость от России потерпела неудачу вследствие перевеса русской военно-политической мощи и соответствующих шагов Петербурга, препятствовавшего установлению нормальных отношений Польши с соседями. Исключение представляла собой только точка зрения С. М. Соловьева, единственного из российских историков, уделившего внимание названной проблеме. Он высказал мысль о неиспользованной возможности для Польши с помощью Австрии и Франции противодействовать давлению Пруссии.

Для рассмотрения вопроса о международном признании польского короля Станислава Августа в период с конца 1764 до середины 1766 гг. в контексте взаимоотношений великих держав и отношений Польши с Австрией, Францией и Турцией наряду с опубликованными источниками — дипломатической корреспонденцией Австрии, Польши, России и Франции — мы дополнительно опираемся на архивные материалы российской Коллегии иностранных дел, прежде всего на переписку с Петербургом русских послов в Варшаве и в Вене — Н. В. Репнина и Д. М. Голицына, донесения которых частично были ранее приведены у С. М. Соловьева.

I

Не прошло и недели со времени сейма элекции в Варшаве, как 12/1 сентября 1764 г. Д. М. Голицын — русский посол в Вене — сообщал о реакции в австрийской столице на полученное из Варшавы со специальным курьером от А. Понятовского — младшего брата польского короля и генерала австрийской службы — известие об избрании на польский престол Станислава Августа. Голицын подчеркивал, что достоинства нового короля высоко оценены обществом, а его избрание «яко достойного Пяста принято оным благоприятно»⁶. Спустя три дня посол писал Екатерине II о прибытии в Вену самого А. Понятовского, который, по его словам, был неофициально принят у князя Кауница на вечерней ассамблее и получил поздравления «от всех чужестранных и здешних, кои на той же ассамблее были». В той же депеше Голицын писал, что, по его сведениям, достоверность которых еще нуждается в проверке, двор под давлением Франции не намерен пока признавать нового польского короля⁷. В тот же день в Петербург следует еще одна реляция посла с известием о неудаче проведенного незадолго набора в австрийскую армию и о повторении вновь указов о наборе рекрутов и призыве волонтеров в наследственных областях империи⁸, что определенно указывало на осознаваемую русскими представителями связь между состоянием военных сил Габсбургов и их политикой в польском вопросе.

В конце сентября 1764 г. А. Понятовский наконец добился официального приема сначала у Марии Терезии, а затем у эрцгерцога Иосифа. Он сообщил, что привез в Вену известительные грамоты и желал бы узнать, будут ли они приняты Австрией. Однако статус названных аудиенций был не лишен двусмысленности, ибо, хотя на них и зашла речь о принятии венским двором известительных грамот об избрании польского короля, все же А. Понятовский беседовал с августейшими особами не как полномочный посол Речи Посполитой, а лишь как брат Станислава Августа. Такая двойственность в равной мере временно устраивала и Вену, и Варшаву, так как оставляла для обоих дворов возможность дипломатического маневра в весьма вероятном случае, когда бы признание не состоялось.

На заявление А. Понятовского императрица ответила, что с вручением грамот придется несколько подождать и что приняты они могут быть только с согласия версальского двора⁹. Голицын доносил в Петербург, что польский представитель также привез в Вену известительные грамоты, адресованные испанскому, неаполитанскому и французскому королям, которые хотел бы вручить через посредство находящихся в Вене послов названных держав, для чего и побывал у них с частными визитами, но те сказали ему, что не имеют от своих государей соответствующих инструкций и поэтому не могут принять грамоты¹⁰. Наконец, спустя почти месяц после своего приезда в Вену, А. Понятовский был принят В. А. Кауницем (Голицын сообщил об этом в Петербург 10 октября / 29 сентября 1764 г.). Во время беседы австрийский канцлер изложил условия признания Станислава Августа венским двором, переданные со слов польского эмиссара: во-первых, удовлетворение претензий Саксонии к Польше, во-вторых, уступки польского двора по отношению к К. Радзивиллу. Согласно депеше Голицына, А. Понятовский якобы не знал, о каких именно требованиях Дрездена идет речь, а по поводу Радзивилла ответил, что дело это не во власти польского двора, так как бывший виленский воевода осужден сеймом, решения которого король изменить не вправе¹¹. А. Бер приводил в связи с описанными событиями черновик записки Кауница, составленной в сентябре 1764 г., в соответствии с которой Мария Терезия вела беседу с А. Понятовским. Императрица тогда заявила, что она с благосклонностью относилась к С. Понятовскому и не препятствовала ему приобрести корону. Однако тому небезызвестно, по какой причине из Польши был отозван австрийский посол Ф. Мерси д'Арженто. Поэтому до тех пор, пока предъявленные требования не будут удовлетворены, признание короля не может состояться¹². Австрийский историк высказал мнение, позже ставшее общепринятым в историографии, что венский двор готов был признать Станислава Августа, но не сделал этого из солидарности с Версалем, где министры Людовика XV якобы отговорили своего государя сразу направить посла в Варшаву, чтобы приветствовать нового короля, и предложили его христианнейшему величеству иной план действий¹³.

Еще в августе 1764 г. сотрудники секретной дипломатии Людовика XV рассматривали соображения генерала Жана Моне — одного из представителей «секрета короля» в Польше, согласно которым благожелательная позиция Франции по отношению к новому польскому королю сулила бы выгоды Версалию, ибо позволила бы улучшить отношения между великими державами¹⁴. Рассуждения Моне отражали идеи «фамилии», при которой генерал выполнял свою миссию. Однако Ш. Ф. Брולי не разделял подобных взглядов и считал, что они не соответствуют французским ин-

тересам (Брольи — Людовику XV 12 августа 1764 г.)¹⁵. Позиция французского двора была зафиксирована в инструкции новому послу в Петербурге М. Н. Боссе от 30 сентября 1764 г. и в инструкции К. А. Жерару от 18 июня 1765 г.¹⁶ В них нормализация отношений между Версалем и Варшавой оговаривалась условием восстановления во всех правах Я. К. Браницкого и его сторонников. Текст инструкции Боссе был отправлен в Петербург находившемуся тогда там французскому поверенному в делах Л. Беранже. 17 октября 1764 г. С. Г. Шуазель-Парлен сообщал своему представителю в России о миссии А. Понятовского в австрийской столице и добавил: «Венский двор принял тот же план, предполагающий одновременное проведение переговоров всеми (союзными) державами, чтобы они согласованно выдвинули условия признания нового короля Польши или совместно настаивали на отказе в нем»¹⁷. 31 октября 1764 г. министр Людовика XV писал Беранже, что Франция, Австрия и Испания согласовали свои позиции в вопросе о признании Станислава Августа с учетом интересов Саксонии, в том числе и по вопросу о правах принца Карла на курляндский престол¹⁸. Определение общих позиций Версаля и Вены в отношении признания нового польского короля завершилось в октябре 1764 г., накануне сейма коронации в Польше. Однако сопоставление французских инструкций с донесениями Д. М. Голицына из Вены, вопреки мнению А. Бера, показывает, что Кауниц действовал отнюдь не только по соображениям солидарности с версальским двором. По крайней мере вопрос о саксонских претензиях к Польше был впервые поднят именно австрийским канцлером, а не руководителями дипломатии Людовика XV. Поэтому в Петербурге были правы, когда в равной мере подозревали в антироссийских интригах как Версаль, так и Вену.

Совместный план Франции и Австрии в польских делах состоял в том, чтобы использовать Турцию для давления на Россию и Польшу и таким образом, хотя бы частично, восстановить свое влияние в республике. Уже в сентябре 1764 г., когда в Константинополе стало известно об избрании на престол Станислава Августа, французский посол при Порте Ш. Г. Верженн заявил рейс-эфенди, что Порта не только не должна признавать нового польского короля, но ей следует пригрозить войной «дабы восстановить прежнее положение»¹⁹. Содержание депеш Верженна было передано В. Кауницу²⁰, однако австрийский канцлер предпочел занять выжидательную позицию до тех пор, пока намерения Турции не обозначатся более определенно, о чем он писал Г. А. Штарембергу в октябре 1764 г. Кауниц рассчитывал, что Порта выступит с решительным манифестом по польским делам, чтобы затем предпринять последующие шаги. В Вене хотели подтолкнуть Турцию к войне с Россией, но были отнюдь не намерены втягиваться в такую войну сами, уверяя в то же время Порту, что без ее согласия не признают выборы нового польского короля (Кауниц — Штарембергу 14 ноября 1764 г.)²¹. Аналогичной позиции придерживалась и Франция.

После избрания Станислава Августа австрийские и французские дипломаты в Константинополе убеждали Порту в опасности для Турции реформаторских планов нового польского короля и «фамилии». В известной мере в этом они находили тайную поддержку со стороны прусского посла. Обеспокоенный рейс-эфенди потребовал от А. М. Обрескова и К. А. Рексина, чтобы от имени Речи Посполитой Порте была бы направлена официальная декларация о неизменности польского государственного строя, в особенности правила *liberum veto*. Рексин выразил согласие донести об этом в Берлин, поскольку это вполне соответствовало инструкциям Фридриха II,

в том числе и тем, содержание которых не предназначалось для сведения Петербурга. Однако Обресков возразил, что такое заявление не соответствовало бы положению Польши как суверенной державы, с чем был вынужден согласиться и прусский посол. Для доклада Екатерине II Н. И. Панин сделал заметку на депеше Обрескова с похвалой проницательности русского посла, «ибо такую от Польши декларациею, — писал шеф русской внешней политики, — турки получили бы знатную ступень мешаться в польские дела и почли бы себя сущими гарантами ее (Польши. — *Б. Н.*) правительства, следовательно, разделили бы впредь с Россиею то, что по сие время ей одной от Польши, хотя и неохотно, но, тем не менее, сущестительно и от других держав признается»²².

Результаты конференций Обрескова с рейс-эфенди 8 октября / 27 сентября, на которых русский посол убеждал турецкого министра, что все жалобы на якобы оказываемое давление на Польшу есть следствие интриг в отношении России со стороны Австрии и Франции, свидетельствовали о нежелании Турции вступать в конфликт с Россией, что с удовлетворением было воспринято в Петербурге. Екатерина II даже написала на присланных Обресковым протоколах, что «рейс-эфенди мужик преумной, надобно стараться его к нам приласкать»²³. В ноябре Г. Гроссу в Лондон было послано известие, что, по достоверным сведениям, Порты не желает обострять отношения с Россией²⁴, а 28/17 ноября 1764 г. в рескрипте Обрескову, наряду с одобрением результатов его действий, содержалось предписание обратить внимание турецкого правительства на Австрию и обещать ему обеспечить с русской стороны безопасность Порты в случае конфликта Стамбула с Веной²⁵.

В конце 1764 — начале 1765 гг. во Франции наконец осознали, что усилия Верженна разжечь воинственные настроения Порты на этот раз не возымели действия. 26 января 1765 г. Брольи писал Людовику XV²⁶, что по известиям, полученным от Моне, турки приняли окончательное решение сохранить мир. Сама корреспонденция Моне этого времени не сохранилась, поэтому нельзя определенно ответить, откуда исходили эти сведения, но судя по характеру связей эмиссара французской секретной дипломатии, они могли быть получены как из Польши, так и из Турции. Шеф «королевского секрета» писал Людовику XV, что он согласен с мнением Моне о необходимости признать Станислава Августа, что «если она (Порта. — *Б. Н.*) решила сама и побуждает других признать короля Польши и если она думает, что необходимо помешать этому князю ввериться дворам России и Берлина, то в этом случае, — доказывал Брольи, — нельзя больше терять времени, чтобы послать в Варшаву для подготовки официального посольства представителя, которого ваше величество предназначит для этого». Сам Брольи полагал, что Ж. Моне вполне подходил бы для такой роли, благодаря своим личным качествам и старым связям с нынешним польским королем.

В это время в Версале были уже проинформированы о позиции Вены (рескрипт Штарембергу от 10 января 1765 г.), готовой признать польского короля в одностороннем порядке, если Франция не поступит таким же образом²⁷. В. Кауниц полагал, что попытка с помощью Турции усилить сопротивление российскому доминированию в Польше оказалась безуспешной и что эта страна не в силах освободиться от опеки со стороны Екатерины II. Поэтому дальнейшее давление на польского короля, утверждал австрийский канцлер, может только побудить того еще более сблизиться с Россией и Пруссией, и что можно уже считать достижением, если Берлин не приобретет большего влияния на польские дела. Хорошим знаком в этом отношении,

по его мнению, было уже то, что более не поднимался вопрос о союзе Варшавы и Берлина. Об этом Кауниц писал в докладе Марии Терезии о польских делах в феврале 1765 г., когда в Вене уже было достоверно известно о неудаче переговоров об оборонительном польско-русском союзе и о присоединении к нему Пруссии. Характеризуя положение в Европе в целом, австрийский канцлер обращал внимание на планы России, предоставив Польшу себе самой, образовать северный союз с участием Англии в качестве противовеса Франции. В этом, по его словам, уже не было ничего хорошего, а следовало опасаться еще и новых неприятностей²⁸.

Однако, несмотря на осознание Версалем и Веной необходимости признания Станислава Августа, руководители внешней политики Австрии и Франции и на этот раз вновь и вновь постоянно откладывали осуществление этого шага. Одним из предлогов для этого было отсутствие формального признания польского короля Портой. Поэтому польско-турецкие отношения в начале 1765 г. приобретали для Варшавы особое значение. Их роль определялась также и тем, что именно в Турции, вблизи границы Речи Посполитой, сохранилось наибольшее влияние польской магнатской оппозиции. В Каменце-Подольском находилась кафедра епископа А. Красиньского, в Молдавию после своего поражения бежал с войском К. Радзивилл, за Днестром и при султанском дворе действовали агенты Я. К. Браницкого, да и сам гетман мог вполне поменять на турецкое свое изгнание в Венгрию. Влияние в Турции поляков — врагов Станислава Августа — было значительно сильнее, чем в других соседних с Польшей странах, что наряду с усилиями французских дипломатов вполне могло привести к турецкой интервенции.

Эту опасность вполне осознавали в Варшаве, понимали и то, что мирные отношения с Портой необходимы для осуществления реформаторских планов. Еще во время сейма конвокации в Турцию был отправлен послом Томаш Александрович. Полномочия он получил от примаса В. Лубеньского и А. Чарторьского как главы Генеральной конфедерации, а инструкцию для него написал будущий король С. Понятовский. В ней Александровичу предписывалось совместно с Обресковым и Рексином добиваться, дабы Порта не вмешивалась в дела Польши, доказывать турецким министрам, что Россия и Пруссия не имеют захватнических планов в отношении Речи Посполитой, в отличие от Австрии, старого врага Порты, рассчитывающего захватить некоторые польские земли. Единственным средством предотвращения раздела Польши, согласно инструкции, было бы недопущение гражданской войны, для чего в страну «к радости большей части народа» и вступили русские войска²⁹. Говорилось также и о поддержанном Россией кандидате на престол, что он является сыном того самого С. Понятовского — воеводы мазовецкого, который всегда желал добра турецкому народу и завещал это детям. Таким образом, накануне избрания Станислава Августа дипломатия «фамилии» действовала вполне в русле русской политики. Единственной примечательной чертой миссии Александровича в это время была попытка направить враждебность Порты против Австрии, что в российских инструкциях прозвучало несколько позже. Однако польский посол не доехал до Константинополя. В июне 1764 г. он остановился в Залешчике, недалеко от турецкой границы, где пробыл более полутора лет в ожидании султанского фирмана с разрешением следовать в столицу Османской империи. Непосредственного участия в интригах при султанском дворе Александрович не принимал, однако его миссия отнюдь не была лишена значения полностью.

Новый 1765 год он встретил, будучи уже камергером, послом нового короля и Речи Посполитой, о чем Станислав Август известил своего представителя в письме от 27 января. В дополнение к прежней инструкции, на него была также возложена миссия нотификации. Помимо этого Александрович должен был убедить Порту в искреннем стремлении Станислава Августа соблюдать Карловицкий договор и поддерживать добрые отношения с подданными султана, прежде всего с татарами. Об этом сам польский король писал султану 22 января 1765 г. Посол получил также адресованные турецкому двору письма от сенаторов и министров и прочих властей республики, среди которых, помимо представителей «фамилии», были и деятели оппозиции: К. Солтык, Ф. Белиньский, Г. Подоский, Т. Вессель и др. — с выражением признательности Порте за благожелательную позицию в отношении Речи Посполитой. В письмах последних новый король именовался Станиславом II, т. е. содержался намек на Станислава Лещиньского, и говорилось о его намерении поддерживать добрососедские отношения с Высокой Портой. В соответствии с новыми полномочиями был расширен и состав посольства³⁰. Все это было сделано, несмотря на явно недружественную позицию турецкого правительства, не пропускавшего посла в столицу и продолжавшего рассматривать представителя Я. К. Браницкого Станкевича в качестве резидента Августа III.

Более высокий дипломатический статус, полученный посольством Т. Александровича в январе 1765 г., явно свидетельствовал о желании нового польского двора смягчить враждебность Порты, продемонстрировать самостоятельное значение польско-турецких отношений для Речи Посполитой. Как известно, в Петербурге с раздражением было встречено подтверждение польским сеймом Карловицкого договора. Прохлада отнеслись в российской столице и к миссии Александровича, особенно в той мере, в какой она выходила за рамки формального признания польского короля.

Правда, готовность к восстановлению добрососедских отношений с Портой вновь была продемонстрирована Варшавой лишь тогда, когда там стало известно о смягчении позиции Турции, Австрии и Франции. 14 января 1765 г. из Вены возвратился курьер, якобы ездивший в Австрию по своим делам, и привез сообщение, что признание короля Австрией и Францией не состоится до тех пор, пока об этом не объявит султан. По сообщению Н. В. Репнина от 21/10 января 1765 г. из Варшавы, при польском дворе узнали о полученном в Вене известии, согласно которому Порты намерена признать короля, что и побудило австрийский двор направить курьера во Францию и пригласить А. Понятовского ко двору Марии Терезии, дабы тот возобновил просьбу о признании Станислава Августа. В связи с этим Репнину было сообщено в Варшаве, что никакой новой просьбы, ни иных дипломатических контактов до официального признания не будет. Репнин доносил также, что отправленному в Рим Юзефу Клементу Чарторыскому, который должен был проследовать через Вену, предписывалось в австрийской столице никаких контактов не иметь, помимо прусского и английского послов³¹. Судя по упомянутым депешам Репнина, русский посол желал бы ограничить дипломатическую активность Станислава Августа, по крайней мере в той ее части, которая проходила вне непосредственного контроля российской дипломатии. Однако здесь он встретил молчаливое, но достаточно твердое противодействие польской стороны. Об этом свидетельствовало изменение статуса посольства Т. Александровича, так как именно после январских известий из Вены король написал тому письмо от 27 января, и постоянные, хотя и полуофициальные, контакты Варшавы с австрийской столицей, где польские интересы представляли

Р. Котек — первый канцлер Богемии, сардинский посол Л. Каналь и английский посол В. Д. Стомонт. Видная роль в австрийской дипломатии Станислава Августа принадлежала И. Сальмур — урожденной Любомирской (племяннице примаса), придворной даме эрцгерцогини Марии Анны. Их положение при австрийском дворе было практически независимым от влияния русских представителей, в отличие от брата короля А. Понятовского, что и позволяло им без оглядки на Петербург настойчиво хлопотать о признании Веной Станислава Августа.

Конец 1764 — начало 1765 г. стало временем, когда польская дипломатия активно стремилась к взаимопониманию с Францией. В Варшаве были, разумеется, хорошо информированы о враждебной позиции Версаля по отношению к новому польскому правительству. Затруднения состояли и в том, что польский двор не имел непосредственных контактов с французами. П. М. Хенен находился в Вене, а Жерар в Гданьске, причем оба эти эмиссара «королевского секрета» ориентировались на противников «фамилии». Переписка Версаля с В. Якубовским была прервана, а близкий к «фамилии» генерал Моне был фактически отозван, к тому же тот в большей степени был связан со старшими князьями Чарторыскими, чем с новым королем Польши. В этих условиях Станислав Август возлагал надежды на двух своих старых приятелей Л. А. Бретейля и М. Т. Жоффрен. Первый после своего отозвания в 1763 г. из Петербурга был отправлен послом в Стокгольм, где по долгу службы занимал враждебную позицию по отношению к польскому королю и поэтому никак не мог, да и не имел намерений оказывать содействие Станиславу Августу. Иное дело мадам Жоффрен. Ее корреспонденция с королем, изданная в 1875 г.³², свидетельствует об их весьма доверительных отношениях. Переписка эта сразу же после опубликования стала достоянием исследователей. Но со времени Л. Семенского³³ и С. М. Соловьева она привлекалась только как источник, отразивший политические взгляды и характер польского короля. Однако салон мадам Жоффрен сыграл в истории польско-французских отношений первого периода правления Станислава Августа, до 1773 г., весьма существенную роль посредника между Варшавой и Версалем. Эта роль вполне осознавалась как польским королем, так и его парижской корреспонденткой, когда та писала о Станиславе Августе, что он будет «нашим Генрихом IV, а она его верным Сюлли»³⁴. Примечательно, что эта тема усмирения фронды аристократии в связи с обоснованием необходимости политических реформ в Речи Посполитой звучала и в переписке Станислава Понятовского с Петербургом.

В первых письмах к «своей матушке» польский король описывал события сейма элекции, инциденты на польско-прусской границе, рассуждал о реформах конвояционного сейма. Однако с первых же строк в них присутствовала главная мысль, забота о деле, «которое беспокоило более всего, т. е. о дружбе французского короля»³⁵. 3 октября Станислав Август сообщал Жоффрен, что отправил с братом в Вену письмо Людовику XV по поводу «недоразумения с примасом»³⁶. В ответном письме от 9 ноября 1764 г. она писала, что письмо польского короля было благосклонно принято при дворе, а Людовик XV с одобрением отозвался о коронации, что признание затруднено из-за вопроса о Я. К. Браницком и его сторонниках. По получении этого письма из Парижа Станислав Август отправил мадам Жоффрен посвященную коронации памятную медаль³⁷.

Таким образом, уже с самого начала переписка польского короля и его парижской приятельницы свидетельствовала, что, помимо поддержания дружеских контактов, она имела целью, во-первых, информировать версальский двор и француз-

ское общественное мнение о событиях в Польше, во-вторых, искать способы установления непосредственных дипломатических контактов между Варшавой и Версалем, и, в-третьих, разрешить вопрос о признании Францией польского короля. 7 декабря 1764 г. Жоффрен писала «своему сыну» и королю, что, по ее мнению, спор примаса и М. А. Пальми не является его делом как монарха, что главной задачей для него должно стать установление непосредственных отношений с королем Франции. В следующем письме Станислав Август просил выяснить подлинное отношение к нему двора, сообщал о поездке в Париж гетмана Браницкого, добавляя, что тот не пользуется в Польше ни властью, ни влиянием и что во Франции о нем сложилось превратное мнение, описывал положение дел с сыновьями графа Брюля, в частности, вопрос о признании для старшего принадлежности к польской шляхте³⁸. В этом письме от 22 декабря 1764 г., по сути, была изложена позиция польского двора по важнейшим вопросам польско-французских отношений, которые могли бы стать предметом переговоров с Францией. В следующем письме от 9 января 1765 г.³⁹ Станислав Август извещал «матушку» о своем обращении к Л. А. Бретейлю и С. Лещиньскому, приводя текст письма к французскому послу в Стокгольме. В нем польский король писал, что если Франция назначит посла в Варшаву, то он хотел бы видеть в этой должности Бретейля более, чем кого бы то ни было, и выражал надежду, что новый посол «не приедет сюда со старыми идеями», т. е. польский король желал бы сотрудничества, а не противоборства с французской дипломатией, как то было прежде, в первую очередь в достижении компромисса с оппозицией. Об ответе С. Лещиньского Станислав Август сообщил, что, по словам того, не может быть и речи о признании нового польского короля версальским двором.

Таким образом, несмотря на отсутствие дипломатических отношений и каких-либо официальных контактов Польши и Франции на рубеже 1764–1765 гг., салон М. Т. Жоффрен в Париже сыграл роль представительства польского короля, благодаря чему Станиславу Августу не только удалось донести до двора Людовика XV информацию о событиях в Польше, но и обсудить через посредников проблему признания Францией нового польского короля, поставить чрезвычайно важный для «фамилии» и польского двора вопрос о сотрудничестве с Версалем в деле преодоления раскола между магнатскими группировками, за которым вполне определенно угадывалось желание найти поддержку во Франции в деле ограничения российского влияния в Речи Посполитой и в проведении реформ государственного устройства республики. Однако руководители французской внешней политики, что в равной мере распространялось как на позицию министерства, так и шефов секретной дипломатии Людовика XV, не пожелали использовать этот шанс и продолжали прежний курс давления на правительство Станислава Августа.

II

Новые осложнения для внешней политики России, повлиявшие на ход польских дел, ожидали Петербург в начале 1765 г. Екатерина II и Н. И. Панин стремились проводить в отношении Швеции традиционную политику сохранения равновесия между партиями в Стокгольме, во имя незыблемости выгодного для России политического устройства Швеции, основанного на конституции 1720 г.⁴⁰, что в целом удавалось русской дипломатии вплоть до 80-х гг. XVIII в.

Однако в 1764–1765 гг., как мы отмечали выше, Версаль попытался добиться усиления позиций шведских сторонников сближения с Францией и склонить королевский двор в Стокгольме к проведению недружественной политики по отношению к России. Средствами для этого должны были послужить денежные субсидии «французским партизанам» и обещания содействовать укреплению власти короля за счет прерогатив Сената и сейма, для чего осенью 1764 г. и было задумано созвать чрезвычайный сейм. В Петербурге, напротив, стремились повести дела так, чтобы сейм был отложен. Тем не менее в январе 1765 г. чрезвычайный сейм открылся в Стокгольме, хотя начало его работы протекало для России благоприятно.

Однако на берегах Невы не могли не вызывать беспокойства, во-первых, колебания, проявленные в шведских делах Англией и союзницей России Данией, которые, как считали в российской столице, не проявили достаточной настойчивости в содействии России, а возможно, и готовы были сыграть на руку Франции, а во-вторых, то, что шведский король и королева стали недвусмысленно ориентироваться на Версаль. Оба эти обстоятельства Панин не без основания связывал с действиями французской дипломатии в Стокгольме и, в частности, с «подвигами» Бретейля, причем именно в феврале–марте 1765 г. ситуация там приобрела наиболее напряженный характер (Рескрипт № 6 И. А. Остерману 25/14 марта 1765 г.)⁴¹.

В марте 1765 г. осложнилась обстановка и в Турции, когда в Константинополе был раскрыт заговор против султана Мустафы III в пользу его брата. Эти события повлекли за собой 20 марта 1765 г. падение визиря Мустафы-Багира и почти всего министерства. Само это событие не было непосредственно связано с польско-российскими отношениями и политикой Порты в польском вопросе. Свергнутый визирь был одним из наиболее последовательных сторонников войны с Россией и покровителем бывшего крымского хана Крым-Гирея, а новый визирь Мусин-заде, напротив, выступал за сохранение мира. Однако правительственный переворот в Стамбуле таил в себе опасность изменения политики Порты, чем не преминули воспользоваться противники России, в первую очередь Крым-Гирей и стоявшие за ними Ш. Г. Верженн и Г. Пенклер⁴².

Когда в апреле 1765 г. Крым-Гирею удалось вновь настроить султана против России, со стороны Австрии последовало предложение в адрес Порты возобновить Белградский мирный договор 1739 г. Тогда же Обресков доносил Панину, что австрийский и французский послы сообщили своим друзьям при султанском дворе о турецких сановниках, связанных с русским посольством и оказывавших содействие Обрескову. Нетрудно было догадаться, что такой поступок мог бы обернуться репрессиями против заподозренных в измене турецких вельмож. К тому же подобный шаг Верженна означал нарушение неписаного правила иностранных дипломатов в Константинополе — не сообщать Порте о турецких чиновниках, оказывавших те или иные услуги другим иностранным представительствам при султанском дворе. Панин назвал такие действия предательством и отметил, что русский посол «употребит все возможное для обращения тучи на австрийский дом»⁴³.

О том, что французская дипломатия стремилась скоординировать обострение положения в Турции и Швеции для оказания давления на Россию, имея в виду в первую очередь противодействовать русской политике в Польше, свидетельствовали беседы турецких вельмож с Обресковым, на которые Екатерина II ссылалась в рескрипте № 10 от 23/12 мая 1765 г.⁴⁴ Новое обострение международной ситуации

весной 1765 г., во многом созданное усилиями французской и австрийской дипломатии, побудили Версаль и Вену отложить признание польского короля, к чему Кауниц и французское министерство, казалось бы, уже склонились в январе 1765 г. Оба двора вновь сделали ставку на разжигание международного кризиса, рассчитывая, правда, и на этот раз самим остаться в стороне.

Правда, согласно А. Беру, В. Кауниц все же отдавал предпочтение не давлению на Польшу, а нормализации отношений с Речью Посполитой⁴⁵. Вряд ли такой искушенный дипломат как австрийский канцлер рассчитывал на возможность подобного шага в условиях обострения отношений между Петербургом, с одной стороны, и Веной и Версалем — с другой. Однако мнение австрийского историка все же не лишено оснований и находит подтверждение в русских источниках.

По свидетельству Н. В. Репнина (депеша от 6 марта / 23 февраля 1765 г.⁴⁶), Станислав Август, несмотря на полученные из Петербурга известия от Ф. Ржевуского о враждебном поведении венского двора в отношении Польши при Порте и на соответствующие «разъяснения» Панина и самого Репнина, все же «внутреннно» был более склонен «видеть Россию по-прежнему в союзе с Австрией». Обострение международной ситуации вокруг Польши не остановило переговоров в Вене о признании польского короля. Когда в связи с заговором против султана в австрийской столице распространились слухи о передвижениях турецких войск, якобы направленных против России, венский двор принял разъяснения Д. М. Голицына, что упомянутые слухи лишены оснований и распространяются противниками польского короля⁴⁷. Через неделю русский посол сообщал в Петербург о продолжении переговоров В. Д. Стормонта и Л. Каналья с В. Кауницем о признании Станислава Августа⁴⁸, которые не были остановлены событиями в Турции. 24/13 апреля Голицын писал о результатах этих переговоров, в которых участвовали также графиня Сальмур, о ее и Каналья переписке с А. Понятовским и об условиях признания, выдвинутых венским двором: удовлетворение требований саксонских принцев; восстановление прав Я. К. Браницкого и К. Радзивилла⁴⁹.

За событиями в Вене внимательно следил и Н. В. Репнин. 11 марта / 28 февраля 1765 г. он извещал Панина, что А. Понятовский получил из Вены письма от лорда Стормонта и гр. Каналья, причем в первом отмечалось, что от «беспокойств Порты» будет во многом зависеть решение вопроса о признании. По поводу второго письма брат короля сказал, что в Варшаве «не намерены признание королевское каким-либо образом покупать»⁵⁰, а в ответе Каналю А. Понятовский писал, что требование со стороны Австрии об амнистии польским оппозиционерам неуместно, поскольку таковая уже объявлена на сейме конвокации, что вопрос о правах гетманов также решен сеймом путем создания военных комиссий и установлением должности коронного региментаря, а также назначением М. Массальского литовским гетманом. Была также повторена прежняя позиция польского двора об осуждении К. Радзивилла, о претензиях саксонских принцев и об урегулировании инцидента между примасом и Пальми⁵¹. Во время беседы Репнина с А. Понятовским тот твердо уверил русского посла, что Станислав Август намерен добиваться признания исключительно при посредстве России⁵². Через несколько дней уже сам польский король сказал Репнину, «что холодность нашего двора к венскому его оскорбляет» (депеша Репнина от 20/9 марта 1765 г.)⁵³. Однако, когда в начале апреля 1765 г. в Вену к А. Понятовскому были отправлены письма Станислава Августа, содержавшие вы-

шеизложенную позицию Варшавы о том, что требования Австрии к Польше не являются обоснованными и что Станислав Август не намерен «покупать признание», Репнин констатировал, что он доволен таким шагом польского короля⁵⁴. Об опасности польско-австрийского сближения говорил в это время русскому послу и Г. Бенуа, ссылаясь на сведения, полученные от прусского резидента в Вене, якобы о намерениях Польши заключить союз с Австрией⁵⁵. В частности, в связи с этим Репнин писал Панину, что он примет меры, могущие помешать Польше «броситься в руки противных нам соседних держав, как то Австрии и Франции, хотя я по справедливости и не могу сказать, — замечал посол, — чтоб на первую из сих двух коли-нибудь считали (поляки. — *Б. Н.*) и в будущие времена в каком-либо ни есть важном подкреплении, а на вторую — и того менее. От тщеславия более, думаю, желают ихнего признания <...> и не видится мне, чтоб какая лишность с здешней стороны сделана была»⁵⁶.

Какие именно меры собирался принять Н. В. Репнин, достоверно не известно. Однако 27/16 апреля 1765 г. он написал в Вену Д. М. Голицыну о распространившихся в Варшаве слухах, якобы польский двор отдает явное предпочтение сближению с Австрией по сравнению с желательным для России польско-прусским соглашением. Репнин просил Голицына, «как будто не зная об оных» слухах, опровергнуть их в беседе с прусским послом. В ответ Репнину Голицын писал, что из беседы с прусским послом Я. Ф. Родом «я мог заметить, что он не совершенное, но паче малое о тех делах имел сведение, и, казалось мне, что он некоторым образом подал веру откровенному моему с ним разговору тем больше, что, когда я упомянул об излишней здешнего двора торговле с варшавским, доказывая, что ни с достоинством сего последнего не сходно, ни нужды ему нет, какие-либо снисхождения чинить по требованию других и тем как будто покупать королевское признание, то он (прусский посол. — *Б. Н.*) согласное в том со мною оказал мнение»⁵⁷. Помимо опровержений, адресованных Пруссии, соответствующие внушения были сделаны и Ф. Ржевускому в Петербурге, о чем польский посол сообщил в Варшаву.

Организованное Репниным давление побудило А. Понятовского объяснить с русским послом. Брат польского короля заявил, что чувствует себе оскорбленным недоверием русской стороны, что он, «несомненно, осознает» роль России в Польше и понимает, что Станислав Август «всего лишится, если не только Россию против себя иметь будет, но, коли только она похолодеет и свою руку помощи и подкрепки от него отнимет». Об этом разговоре с А. Понятовским Репнин написал Панину в депеше 27/16 мая 1765 г.⁵⁸, на полях которой для доклада Екатерине II шеф русской внешней политики изложил свои соображения по поводу возможного польско-австрийского сближения, что «все сие конечно вероятно, да и то правда, что (польский король. — *Б. Н.*) будучи всегда сам разделяем между сими двумя сентиментами к России и Аустрии. Скоростижно вздумано было, что он в состоянии подрасположения согласить дела и установить систему, тая, что избранием польского короля определился уже в сем российский интерес»⁵⁹.

Другими словами, Панин констатировал, что, по его мнению, место Польши в системе международных отношений уже определено и не может измениться согласно намерениям польского двора, что надежды Станислава Августа укрепить свои внутренние и международные позиции посредством сближения с Австрией и Францией оказывались тщетными. В этом же духе оценивал политику польского короля и С. М. Соловьев. По его словам, «Станислав Август тем более должен был

досадовать на холодность французского и австрийского дворов, что от них скорее всего мог ожидать поддержки против насилия Фридриха II; но даже если бы эта холодность исчезла, то это бы только запутывало его отношения к России, заставляло бы его прибегать к бесполезному двоедущию, ибо неприязненные отношения между этими дворами и петербургским усиливались все более и более»⁶⁰. Однако в отличие от рассуждений Репнина и Панина, которые в возможном сближении Речи Посполитой и держав «фамильного союза» усматривали опасность в первую очередь для русских интересов, в мнении, высказанном Соловьевым, акценты смещены — на первый план выдвинуты польско-прусские противоречия, с учетом которых Станислав Август якобы и мог бы искать благосклонности Вены и Версаля, в то время как для отношений с Россией вопрос о признании и тем более о союзе Польши с Австрией имел лишь то значение, что мог бы запутать отношения Варшавы и Петербурга.

III

Падение визиря Мустафы-Багира и многих его сторонников ослабило партию войны в Константинополе. Интриги Крым-Гирея также не привели к желанному для него возвращению в Бахчисарай. Порта приняла решение не начинать войны из-за Польши. Следствием чего стало неизбежное признание Константинополем нового польского короля. В середине мая 1765 г. в Варшаве стало известно, что К. Боскамп — в то время секретарь посольства Александровича — получил султанский фирман, разрешавший ему следовать в Стамбул⁶¹, хотя само посольство по-прежнему оставалось у турецкой границы. Явные признаки миролюбия Порты свидетельствовали, что вопрос о признании Станислава Августа Веной и Версалем также близился к своему разрешению. 29/18 мая Репнин писал Панину, что по сведениям Л. Каналы и И. Сальмур венский двор смягчил свою позицию, что теперь в Австрии удовлетворились бы только официальным извинением примаса по поводу инцидента с маркизом де Пальми. Репнин связывал такое решение с положением в Константинополе и утверждал, что если Порта признает короля, то так же поступят Австрия и Франция. Главную свою задачу русский посол усматривал в том, чтобы составить наилучшим образом письмо от имени В. Лубеньского, которое «ничего иного не изъясняет, как только извинение и сожаление о бывшем происшествии»⁶². Репнин явно стремился к тому, чтобы предстоящая нормализация отношений Польши с Австрией и Францией не вышла за рамки формального акта признания и не привела к установлению более регулярных и тесных контактов, к чему, напротив, стремился Станислав Август.

Письмо примаса Людовику XV было составлено 25 мая 1765 г. Текст его Н. В. Репнин прислал в Петербург в приложении к депеше от 3 июня/23 мая 1765 г.⁶³ Письмо это было переслано в Вену для сведения австрийского двора и французского посольства. В тот же день, 25 мая, Станислав Август написал и М. Т. Жоффрен⁶⁴. В письме к своей «матушке» польский король вновь подтвердил свое намерение установить прямые взаимоотношения с Версалем, о содействии в этом он просил также С. Лециньского. Писал Станислав Август и о письме В. Лубеньского. Таким образом, польский король делал шаг навстречу французскому двору, выражая сожаление в связи с конфликтом примаса и французского посла, против чего, применительно к офици-

альной корреспонденции Варшавы с Версалем, возражал Репнин. В письме к Жоффрен говорилось также об отправленном в Париж портрете Станислава Августа, причем польский король вновь намекал в нем на аналогию между его планами в Польше и политикой Генриха IV и подчеркивал тут же ограниченность своих возможностей как реформатора. «Я же, — писал он, — король с ограниченной властью и вынужден поэтому не повелевать, а исполнять повеления как своих сограждан, так и извне». Тем самым польский король давал понять, что намерен и далее добиваться проведения реформ в Польше, что ищет в этом поддержки Франции, что, как и прежде, препятствием для преобразований является сопротивление оппозиции и внешнее давление, причем под внешним давлением Станислав Август имел в виду позицию не только Пруссии, но и России. Всякий раз, когда в переписке со своей «парижской матушкой» польский король заводил речь о зависимости Речи Посполитой от внешних сил, он никогда не называл конкретной державы или имен, что объяснялось характером самой корреспонденции, но для адресатов было очевидно, что речь шла о Екатерине II и Фридрихе II. Единственный раз Пруссия была названа определенно в ответном письме Жоффрен от 19 августа 1765 г.⁶⁵ в связи с конфликтом из-за Генеральной таможни между Варшавой и Берлином.

Однако стремление Станислава Августа достучаться до версальского двора и установить отношения с Францией оставалось безуспешным. Людовик XV продолжал придерживаться старой политики давления на Варшаву, рассчитывая, что таким образом можно, по крайней мере, поколебать российское господство в Речи Посполитой и политическое преобладание там «фамилии», а если удастся, то и свергнуть польского короля. Версальское министерство не вняло даже предостережениям Верженна, утверждавшего, что господствующая в Польше партия «настолько окрепла», что оппозиция не могла даже поднять голос⁶⁶. Напротив, и С. Г. Шуазель-Пален, и Ж. П. Терсье с доверием относились к донесениям В. Якубовского. Так, 13 апреля 1765 г. Брольи писал Людовику XV, что, согласно идее своего польского агента, в Польше возможны внутренние волнения, вызванные действиями Пруссии и ожидаемым вторжением турецких войск⁶⁷.

Успокоение Порты не изменило политики Версаля на востоке. В обстоятельном докладе по международным делам от 16 июня 1765 г. шеф секретной дипломатии развивал перед французским королем идеи о необходимости активизации французской внешней политики, главными направлениями которой должны были стать действия в Германии, «на Севере» и в Турции. По словам Брольи, господство России в Польше делает особенно актуальным «наш кредит в Швеции»⁶⁸. Однако основные усилия, по словам советника французского монарха, надлежало направить на борьбу с Англией⁶⁹.

Таким образом, в Версале продолжали придерживаться прежней политики в польских делах, ошибочно полагая, что интригами в Швеции и Турции удастся противостоять действиям Петербурга в Польше. Немаловажным мотивом в действиях французской дипломатии были и надежды на внутривнутриполитические осложнения в Польше вследствие таможенного конфликта с Пруссией. Курс Людовика XV не мог не повлиять на позицию Вены, где Кауниц и Мария Терезия вновь вынуждены были прибегнуть к проволочкам. Бесперспективность подобных планов была осознана Версалем только к концу 1765 г.

В этих условиях готовность решить вопрос о признании Станислава Августа проявили в Дрездене. 5 июня / 25 мая 1765 г. Н. В. Репнин сообщил Панину о по-

пытке саксонского резидента в Варшаве А. Ф. Эссена договориться с ним и с польским двором о выделении уделов саксонским принцам и о признании польского короля Саксонией. Русский посол на это ответил, что усматривает затруднение в решении первой проблемы в связи с необходимостью для этого присяги принцев королю и республике, как это было с детьми Я. Собеского, и признания за младшими Веттинами принадлежности к польской шляхте. Эссен уверял Репнина, что, согласно донесениям И. Г. Сакена из Петербурга, в России были бы согласны с таким решением. Панин сделал в этом месте пометку: «Сакен на меня солгал». Русский посол тогда заявил саксонскому резиденту, что Австрия, Франция и Порта готовы признать короля, и заметил, что, если саксонский министр об этом не знал, то, по мнению Репнина, это только отражает отношение Австрии и Франции к Саксонии⁷⁰.

Мы не располагаем сведениями, была ли инициатива Дрездена предпринята с согласия Вены и Версаля, но, очевидно, предложения, сделанные в Варшаве саксонским резидентом, не могли не учитывать настроений при французском и австрийском дворах. Поэтому Саксония и решила, выбрав наиболее удобный момент, разрешить важный для нее вопрос о «натурализации» саксонских принцев, что, с одной стороны, сулило им увеличение доходов за счет полученных земельных владений в Польше, а с другой — подавало надежду несколько укрепить влияние Дрездена среди сторонников саксонской династии в Речи Посполитой. Отказ Петербурга пойти навстречу пожеланиям Дрездена имел также определенное значение, ибо демонстрировал как заявленное ранее нежелание «покупать признание польского короля», так и поддержку в вопросе о правах саксонских принцев позиции «фамилии», несмотря на практически нескрываемое недовольство политикой Чарторыхских.

Тем не менее поступок Эссена явно свидетельствовал, что политика непризнания со стороны Австрии и Франции продлится уже недолго. Об этом в конце июня 1765 г. писала Станиславу Августу и М. Т. Жоффрен, что по достоверным слухам, версальский двор его признает и отправит министра в Варшаву⁷¹. Известие это нашло подтверждение, когда в Варшаве стало известно о том, что представитель французского посла в Вене Жозеф Жерар посетил находившегося в изгнании в Венгрии Я. К. Браницкого и передал гетману «утешение от французского, венского и мадридского дворов» (депеша Н. В. Репнина от 12/1 августа 1765 г.). Обратно, по сведениям русского посла, французский эмиссар проехал через территорию Польши, где встретился, вероятно, с противниками Станислава Августа и «фамилии». Как отмечал Х. Шмит, известие о предстоящем признании побудило многих оппозиционеров к примирению с королем⁷².

О колебаниях французской и австрийской политики летом 1765 г. свидетельствовала депеша Д. М. Голицына от 10 июля/29 июня 1765 г.⁷³ В ней русский посол доносил о намерении венского двора «по согласию с французским прекратить продолжавшиеся доселе в признании короля польского затруднения». По словам Голицына, Л. Каналь обсудил с французским послом Ф. Л. Шатле текст письма В. Лубеньского от 25 мая 1765 г., «которым он извинялся в случившемся между ним и маркизом Пальми неприятном происшествии, не мешая, однако же, в оное ни короля, ни республику». Как передавал русский посол, Шатле счел письмо примаса вполне удовлетворительным для Версаля, но, тем не менее, не взял на себя ответственность окончательного решения, отправив упомянутое письмо для апробации во Францию. Характеризуя в связи с этим позицию венского двора, Голицын подчеркнул, что ни письмо В. Лу-

бенского, ни претензии саксонских принцев здесь не рассматриваются больше как препятствия для признания польского короля.

Тем не менее в Версале и в Вене продолжали выжидать, и только окончание польско-прусского таможенного конфликта, когда Екатерина II и Фридрих II общими усилиями принудили Станислава Августа и Чарторыхских удовлетворить требования Берлина, в Вене и Версале поняли, что откладывать признание польского короля далее невозможно.

Так же, как и прежде, в австрийской столице более, чем во Франции, проявляли склонность нормализовать отношения с Речью Посполитой и признать польского короля. Об окончательном решении по этому вопросу Д. М. Голицын донес в Петербург 16/5 октября, сообщив, что от Л. Каналы к А. Понятовскому отправлен курьер с соответствующим известием⁷⁴. Когда оно достигло Варшавы, там было решено направить посла в Париж с официальным извещением об избрании Станислава Августа, возложив эту миссию на Августа Сулковского, получившего в 1764 г. чин коронного писаря. Репнин назвал этот поступок «скоропостижным». Поспешность принятого решения представлялась весьма многозначительной, ибо, вопреки согласованной с Петербургом позиции, Варшава явно демонстрировала особую заинтересованность польского двора в установлении отношений с Францией. По словам Репнина, Ф. Ржевуский, пытаясь сгладить неприятное впечатление от такого шага в России и предотвратить упреки в адрес польского короля, убеждал русского посла, что инициатива в этом якобы принадлежала А. Понятовскому и была предпринята по настоянию Вены (депеша Н. В. Репнина от 21/10 и 23/12 октября 1765 г.)⁷⁵.

Свидетельства Ржевуского, вероятно, соответствовали действительности, хотя и были вызваны желанием защитить Станислава Августа от нападков Репнина, по словам которого, польский король предлагал остановить Сулковского по дороге под предлогом болезни. Русский посол советовал не компрометировать короля подобным шагом и предлагал довести миссию Сулковского до конца, отозвав его через месяц или два из Версаля, ибо в этом случае французский посол все равно не сможет прибыть в Варшаву. Приведенное мнение Репнина явно свидетельствовало о том, что в Петербурге ни при каких обстоятельствах не были намерены допускать после признания польского короля установления нормальных отношений между Польшей, с одной стороны, и Австрией и Францией — с другой.

2 ноября / 22 октября 1765 г. Д. М. Голицын сообщил Екатерине II о прибытии в Вену А. Понятовского, о вручении им Марии Терезии известительных грамот и о частных визитах королевского брата к французскому, испанскому и неаполитанскому послам, которые уверили польского эмиссара, что их государям будет приятно принять официальные известия о вступлении Станислава Августа на польский престол⁷⁶. С поздравлением польскому королю от венского двора было решено направить в Варшаву И. Колоредо — сына богемского канцлера⁷⁷.

Однако во Франции и на этот раз прибегли к проволочкам. В середине ноября от А. Понятовского из Вены пришли известия, что французы продолжают настаивать на удовлетворении требований Я. К. Браницкого, что начинается конфликт из-за титула польского примаса, по этой причине Адам Понинский, отправленный с письмом от В. Лубенского французскому королю, был остановлен в дороге. Боскамп сообщил в Варшаву, что турецкий визирь до сих пор не принял Александровича, в чем без труда угадывались интриги Верженна (депеша Н. В. Репнина от 18/7 ноября

1765 г.). В том же донесении русский посол сообщал из Варшавы, что там получены письма Я. Псарского из Петербурга, согласно которым Панин советовал назначить в Париж вместо Сулковского другого, не столь знатного человека, а Сулковского отозвать после нотификации. Станислав Август вынужден был внять российским рекомендациям и, как доносил Репнин, собирался отправить во Францию сандомирского старосту Юзефа Салезы Оссолинского — сына волынского воеводы. Репнин писал о нем, что тот «чуть двадцать лет имеет <...> и, хотя по молодости в чины еще коронные не вошел, а по разуму своему не видно, чтоб и во век чем, по справедливости, быть мог. Однако, — заключал русский посол, — фамилия его знатная и известная во Франции по преданности исстари к Лещиньскому. И тако я сказал королю, что, кажется, лучше другого кого послать, а он просил меня к вам (Панину. — Б. Н.) о сем отписать»⁷⁹.

Обсуждение кандидатуры Оссолинского между Репниным и Станиславом Августом имело немаловажное значение, ибо еще раз продемонстрировало различие в подходах между Петербургом и Варшавой к установлению польско-французских отношений. Если в России придавали им исключительно формальный характер и поэтому стремились понизить ранг посольства и назначить послом неспособного человека, но близкого к королю и прочно зависимого от русского посольства, то Станислав Август, напротив, готов был направить во Францию посла из числа своих противников, но который мог бы рассчитывать на поддержку в Версале в интересах Польши и содействовать установлению конструктивных отношений между Варшавой и Парижем, сближению сторонников польского короля и ориентировавшихся на Францию представителей магнатской оппозиции.

Однако после состоявшегося признания Австрией польского короля французские проволочки уже не могли остановить дела признания в целом. Об этом свидетельствовало, в частности, полученное через Иосифа Колоредо признание дрезденского двора. Значение этого акта усиливалось еще и тем, что саксонский резидент Эссен принес официальные извинения от имени своего государя по поводу писем принца Карла к польским вельможам о защите прав курляндского дворянства, что практически положило конец последним претензиям династии Веттинов на курляндский престол (депеша Н. В. Репнина от 4, 9 декабря / 23, 28 ноября 1765 г.)⁸⁰.

Достигнутый успех был примечателен еще и тем, что дрезденская дипломатия хранила полное молчание о «натурализации» и о земельных владениях для саксонских принцев в Польше. Признание Австрии и Саксонии не могло не оказать влияние на оппозицию Станиславу Августу внутри Речи Посполитой, где магнаты — противники польского короля — испытали весьма болезненное разочарование в своих прежних покровителях и начали постепенно склоняться к решению искать для себя новых протекторов, причем выбор был явно невелик, что и побудило камарилью Е. Мнишека в начале 1766 г. обратиться за поддержкой к Репнину.

В этих условиях решающее значение приобретало поведение Турции. Признание польского короля со стороны Вены и Дрездена, казалось бы, открывало дорогу в Константинополь для посольства Александровича. В октябре 1765 г. в адрес султана Мустафы III было отправлено сочиненное Боскампом в решительных выражениях письмо с вопросом о приеме в Константинополе польского посольства. Когда в Хотин, наконец, прибыл турецкий чиновник с султанским фирманом, в нем не оказалось даже упоминания имени Станислава Августа, а сам посол имено-

вался лишь посланником польским⁸¹. Результат был неутешительным, и Боскамп отправился в Варшаву за новыми инструкциями. В польскую столицу он прибыл 7 декабря 1765 г., привезя с собой письмо Обрескова Репнину⁸² и донесение для Станислава Августа⁸³. Русский резидент в Константинополе сообщал, что, несмотря на обещания визиря отправить письмо Станиславу Августу, он так и не смог добиться, чтобы таковое было составлено. В письме же, адресованном республике, ничего не говорилось ни об избрании нового короля, ни о его признании Портой, а только сообщалось о готовности принять министра республики, «да и то под кондициєю, — писал Репнин, — дабы он (польский посол. — *Б. Н.*) уверение дал, что правление здешнее и вольности в прежней своей силе останутся»⁸⁴. Аналогичного содержания было и письмо визиря⁸⁵.

Дальнейшая судьба посольства Александровича решалась на конференции Станислава Августа с министрами, на которой было постановлено, чтобы посольство не трогалось до тех пор, пока не будет прислан новый султанский фирман, в котором было бы признано, что Александрович является послом короля и Речи Посполитой, а не только польской республики. Конференция обратилась также к дружественным дворам (петербургскому и берлинскому), дабы те содействовали при Порте успеху миссии Александровича⁸⁶.

Первым на просьбу польского двора откликнулся Фридрих II, по настоянию Н. И. Панина⁸⁷ пославший 24 декабря 1765 г. соответствующее предписание И. Х. Зегелину⁸⁸. Для Обрескова дополнительных инструкций не требовалось, однако 4 марта / 22 февраля ему был отправлен рескрипт, представлявший, по сути, российскую декларацию Порте по польскому вопросу, в 5-м пункте которого говорилось, что «собственный декорум Порты требует, чтоб не остаться игрушкою тех дворов (Австрии и Франции. — *Б. Н.*), кои, ловя ее беспрестанно в свои сети, наконец, сами первые примирили свои дела при республике польской учиненным признанием, продолжая, быть может, и поныне отвращать Порту от такового же признания, дабы сохранить тем при ней себе дорогу продолжительно приводить между ею, нами и польскою республикой дела в замешательство». В заключение рескрипта Обрескову поручалось содействовать посольству Александровича в соответствии с инструкциями, полученными польским послом от своего двора⁸⁹.

В конце 1765 г. представители России и Пруссии в Константинополе после отозвания в октябре 1765 г. К. А. Рексина удвоили свои усилия, дабы совместно добиваться при султанском дворе признания Станислава Августа Турцией как нового короля Польши. Это объяснялось не только открывшейся, вследствие решения Вены, дорогой к успеху, но и согласованием позиций Петербурга и Берлина по всем вопросам их совместной политики в Речи Посполитой: о недопустимости реформ польской конституции, о ликвидации Генеральной таможни, в монетном деле, что по существу означало сохранение за прусским монархом роли протектора в отношении Польши.

Теперь для Версаля не оставалось иного пути, кроме официального признания нового польского короля. 11 декабря 1765 г. Людовик XV написал Терсье, что Мария Терезия признала Станислава Августа и пошлет для объявления об этом посла в Варшаву. «Мы, — писал король, — сделаем то же самое, как и король Испании»⁹⁰.

IV

Практически решенный в конце 1765 г. вопрос о признании великими державами нового польского короля, казалось бы, открывал для Варшавы перспективы активизации внешней политики Речи Посполитой, что позволяло Станиславу Августу надеяться на некоторую международную поддержку в его стремлении уравновесить российскую гегемонию в Польше и укрепить собственный авторитет как внутри страны, так и за ее пределами. С этой точки зрения, приобретало особое значение рассмотрение вопросов внешней политики на заседаниях секретных сенатских советов, которые собирались в Варшаве при участии Станислава Августа, начиная с 17 октября 1765 г.⁹¹ На втором заседании совета рассматривалась инструкция князя-примаса, предназначенная послам, отправленным к иностранным дворам с извещением о кончине Августа III. Речь шла об инструкции А. Понинскому, который должен был доставить в Париж письмо В. Лубеньского по поводу инцидента с Пальми, 28 ноября — об инструкции и аккредитации Я. Псарского в качестве резидента в Петербурге. 19 декабря секретный сенатский совет постановил, чтобы всем послам, отправляемым за границу, была дана «общая инструкция», которая и была утверждена советом. Решение о посылке во Францию Ф. Лойко с извещением об избрании нового короля было принято 23 января 1766 г. Ему также была дана инструкция. 31 января принимается решение назначить резидентов в Вену, Англию, Данию и Берлин, а также отправить представителя в Геную, снабдив его инструкцией. 27 февраля Совет постановил добиваться, чтобы папские нунции в Польше имели бы кардинальский сан. В тот же день были рассмотрены дела посольства Т. Александровича в Константинополь. Только один перечень вопросов по дипломатическому ведомству, рассмотренных сенаторами, не считая действий в той же области самого Станислава Августа и министерства, явно показывает, какое значение придавал польский король активизации внешней политики Речи Посполитой, причем главное внимание по-прежнему уделялось нормализации отношений с Францией.

Когда в начале января 1766 г. вопрос о направлении посольства в Париж вновь обсуждался Станиславом Августом и Репниным, к послу обратился приехавший из Вены А. Понятовский. В депеше от 15/4 января 1766 г.⁹² Репнин сообщал Панину, что королевский брат уговаривал его дать согласие на поездку в Париж А. Понинского с письмом примаса и на отправку польского министра во Францию, о чем он, Понятовский, якобы уже дал обещание в Вене, поскольку «венский двор с горячностью в сем деле принимает [участие]». В доказательство Репнину была показана копия с инструкции И. Колоредо, в которой тому предписывалось на аудиенции у Станислава Августа добиваться исполнения «здесь обещаний против Франции», а если польские послы все же не будут отправлены ко двору Людовика XV, то тотчас уехать из Варшавы, даже не попрощавшись. Правда, конфликта, по словам А. Понятовского, удалось избежать, но он обещал в Австрии, что польский двор направит послов во Францию, и теперь просил Репнина дать на это согласие, чтобы, как уверял русского посла А. Понятовский, избежать разрыва между Варшавой и Веной. Репнин ответил королевскому брату, что Версаль сам чинит препятствия миссии Понинского из-за несогласия в вопросе о титуловании примаса и что он, посол, должен запросить по данному вопросу инструкций из Петербурга. После этого разговора Репнин написал записку Станиславу Августу, в которой спрашивал короля о

его решении по вопросу направления послов во Францию. В ответном письме польский король подтвердил все, сказанное своим братом, и сообщил, что намерен послать вместо князя Сулковского коронного камергера Лойко, поскольку тот «не принадлежит ни к знатной фамилии и не имеет высокой гражданской должности, как его предшественник»⁹³. В свою очередь, отвечая на письмо короля, посол подтвердил прежнюю позицию Петербурга о несовместимости польского суверенитета с чрезмерными уступками Франции, заметив, однако, что сама процедура признания зависит от польского двора⁹⁴.

Итак, очередной компромисс был достигнут. Вместо Сулковского в Париж был отправлен менее знатный Ф. Лойко. 23 января 1766 г. это решение вместе с инструкцией послу было утверждено на секретном сенатском совете⁹⁵. В связи с этим примечательна характеристика Лойко, данная Станиславом Августом в письме М. Т. Жоффрен⁹⁶ на следующий день после принятия решения о посылке камергера в Париж. Из письма польского короля следовало, что Лойко «опытный, расторопный, значительный и к тому же образованный человек, умеющий понимать (что ему сказано. — Б. Н.) и отвечать», а это еще раз подчеркивало намерение Станислава Августа, вопреки требованиям Репнина, посредством расточаемых похвал Лойко, поднять значение его миссии, выходящей, в представлении польского короля, за рамки формального акта признания, и указать на свое намерение установить более тесные отношения с Версалем, хотя, как многозначительно замечал Станислав Август, «поручение его (Лойко. — Б. Н.) не в том, чтобы сделать многое, так как для этого не наступило еще время».

Об обстоятельствах, предшествовавших решению тайного сенатского совета, Н. В. Репнин доносил в Петербург 20/9 января 1766 г.⁹⁷ Он писал о беседе с Ф. Ржевуским и о своем письме Станиславу Августу по поводу миссии Лойко. Русский посол утверждал, что интрига А. Понятовского и И. Колоредо, вокруг угрозы последнего уехать из Варшавы и тем разорвать отношения польского и венского дворов, была инспирирована Версалем и никоим образом не угрожала отношениям Польши и Австрии. Репнин сообщал также, что Станислав Август, вплоть до вчерашнего дня, уклонялся от серьезного разговора с ним. Однако 19 января, как русскому послу «стороной известно», Понинскому приказано продолжать путь в Париж, а Лойко отправиться вслед за ним. Репнин писал, что, вопреки согласованной с ним процедурой признания, отправленный во Францию камергер все же везет письмо Станислава Августа Людовику XV, правда, именуемое «частным» с извинениями за инцидент между примасом и Пальми. «Об титулах же примасовых, — не без сарказма замечал русский посол, — знать, уже более требования делать не станут». Репнин не называл источник своей информации. Однако в начале депеши он упомянул о своем разговоре с Ф. Ржевуским, а далее написал, что тот подал письменный протест королю против посылки министров во Францию. Видимо, от Ржевуского Репнину и стало известно, что инициаторами такого решения были Чарторьские и А. Понятовский. Имея в виду переписку Станислава Августа с Жоффрен, можно констатировать, что эту позицию разделял и польский король. Возражения Ф. Ржевуского объяснялись, разумеется, не только расстановкой сил при польском дворе, но и осознанием, что такой шаг, безусловно, затруднит отношения с Россией, особенно если принять во внимание назначение Длуского польским послом в Вену⁹⁸.

Донесения Н. В. Репнина из Варшавы свидетельствовали, что польское правительство стремилось любой ценой обойти затруднения и установить дружественные

отношения с Версалем. И тем не менее в Петербурге решили внешне не придавать этому значения. 3 февраля / 23 января 1766 г. Д. А. Голицыну в Париж был направлен рескрипт с предписанием содействовать польским представителям при дворе Людовика XV, в том числе и по вопросу о титуле примаса⁹⁹. Текст рескрипта был переслан в Варшаву для сведения польского двора. В связи с чем Н. В. Репнин доносил в Петербург, что Станислав Август просил и его направить аналогичное письмо русскому послу во Францию, что и было сделано¹⁰⁰. Ни в Петербурге, ни в Варшаве русские представители не поднимали пока вопроса о желательном для них содержании польско-французских отношений, могущих установиться после признания Версалем польского короля, имея в виду, что решение проблемы признания зависело в настоящий момент в большей степени от позиции Порты.

Поэтому в начале 1766 г. Россией и Пруссией были предприняты решительные действия в Константинополе, дабы добиться от султанского двора приема Т. Александровича как посла короля и Речи Посполитой и официального признания Турцией Станислава Августа. В рескрипте №2 А. М. Обрескову от 5 марта/22 февраля 1766 г.¹⁰¹ послу предписывалось выступить совместно с Зегелином, которому были посланы из Берлина соответствующие инструкции, с формальным требованием к Порте от имени российской императрицы и прусского короля о признании короля Польши. В связи с этим из Петербурга в Стамбул было отправлено до трех сороков соболей для раздачи подарков турецким вельможам¹⁰². А спустя пять дней последовало письмо с угрозами, в котором Н. И. Панин поручал послу предостеречь Порту «от сумасбродных предприятий» и передать султану, что Россия не будет в стороне в случае иностранного вмешательства в польские дела. Руководитель русской внешней политики согласился также с предложением Обрескова использовать уже состоявшееся признание Австрией польского короля и избрание эрцгерцога Иосифа императором Священной Римской империи для возбуждения турецких опасений по отношению к якобы враждебным намерениям Венского двора, чтобы, таким образом, побудить Порту сохранить мирные отношения с Россией и пойти на уступки Петербургу в польском вопросе¹⁰³.

О русско-прусской ноте и других мерах Петербурга в Константинополе Панин сообщил Репнину в письме от 9 марта / 23 февраля 1766 г.¹⁰⁴, когда к берегам Невы уже пришла депеша из Варшавы от 24/13 февраля¹⁰⁵, с известием о полученном Т. Александровичем письме молдавского господаря Григория Гики с приглашением для посла польского короля и республики следовать в Стамбул. Там же Репнин писал о решении польского двора отправить посольство, до сих пор находившееся возле турецкой границы, в столицу Оттоманской империи. К донесению русского посла было приложено письмо канцлеров Речи Посполитой Т. Александровичу от 19 февраля 1766 г.¹⁰⁶ Упомянутое решение Станислава Августа получило утверждение на секретном сенатском совете 27 февраля, к журналу которого было приложено письмо молдавского господаря из Ясс от 9 февраля/29 января, письмо коронного и литовского канцлеров Александровичу и другие документы¹⁰⁷.

Сенат, по существу, поручал польскому послу две миссии. В пространной инструкции Александровичу предписывалось совместно с Обресковым (но без упоминания Зегелина) уверить Порту, что ни Россия, ни Пруссия не причинили никакого ущерба Речи Посполитой (вопрос о *liberum veto* и Генеральной таможене упомянут не был). Говорилось о Боскампе как о будущем польском представителе при

Порте, облеченным довольно широкими полномочиями, особенно по вопросам торговли и культуры, в частности предполагалось основать в Стамбуле школу восточных языков, что в совокупности свидетельствовало о намерении польского правительства не только развивать добрососедские связи с османскими владениями, но и усилить роль Польши в качестве посредника между европейскими странами и Ближним Востоком. Инструкция предусматривала установление польского покровительства над католиками в Молдавии и в целом в Турции. Причем имела в виду не столько их защита от исламского фанатизма, сколько противодействие православному влиянию на христианское население Балкан и Османской империи¹⁰⁸.

Инструкция Александровичу, как и общая инструкция польским послам, весьма рельефно отразила намерения польской дипломатии первых лет правления Станислава Августа, да и всей станиславовской эпохи. Сформулированные в них задачи выходили далеко за рамки вопроса о признании польского короля, предусмотренные протекторами из Петербурга. Станислав Август не ограничивал цели своей политики только актом признания, а стремился к установлению постоянных и дружественных отношений с другими странами, к развитию выгодных для Польши экономических и культурных связей с соседями и влиятельными европейскими державами, усматривая в этом средство не только укрепления международного авторитета, но и, что весьма немаловажно, внутренней политической стабильности Речи Посполитой.

Особенно следует уделить внимание прозвучавшему в инструкции вопросу о покровительстве католикам в Турции, что весьма важно с учетом нависшего над Польшей диссидентского дела. Поднимая голос в защиту единоверцев в османских владениях, варшавский двор рассчитывал не только на укрепление своих связей с католическими державами и благожелательное отношение к себе в Риме, но и стремился к формированию в Европе образа Польши как страны, придерживающейся принципов веротерпимости в духе идей Просвещения. Такая позиция имела для Станислава Августа принципиальное значение не только вследствие «духа времени», но и пред лицом российской и прусской пропаганды по вопросу о притеснениях диссидентов в Речи Посполитой.

Получив повеление и инструкции из Варшавы, Т. Александрович в середине марта отправился в путь. На переправе через Днестр посольство было встречено турецкими приставами, которые сопровождали его до Константинополя. 14 июня путешествие завершилось. В турецкой столице Александрович был принят европейскими дипломатами, а в июле 1766 г. состоялась аудиенция посла у визиря. Переговоры в Стамбуле показали, что принципиально по отношению к Польше и России позиция Порты не изменилась, однако, турецкое правительство не намеревалось идти на разжигание военного конфликта. Официальное признание Станислава Августа Турцией состоялось.

Вопросы развития внешней торговли Польши, которые, как мы видели, занимали весьма заметное место в инструкциях Александровичу, были на рубеже 1765–1766 гг. в центре внимания польского правительства и не только потому, что перед Польшей стояла весьма важная задача пополнения государственной казны, без чего были бы неосуществимы ни планы реформ, ни надежды на ослабление российского протектората, но и потому, что направленность внешней торговли Речи Посполитой была связана самым непосредственным образом и гораздо более тесно, чем у других стран с ориентацией польской внешней и внутренней политики. По-

следнее вытекало из существовавшего с 20-х гг. XVIII в. положения ограниченного суверенитета шляхетской республики.

В 1765 г. эта ситуация нашла наиболее очевидное выражение в таможенном конфликте с Пруссией и в «монетном деле», когда Фридрих II продемонстрировал свои возможности вмешательства во внутренние дела Речи Посполитой, используя особое значение для Польши торговых связей с Пруссией и торгового пути по Висле. В этом положении для польского правительства на рубеже 1765–1766 гг. встала задача развития внешней торговли по новым направлениям, не только исходя из характерных для XVIII в. меркантилистских представлений, но и потому, что посредством торговых связей с другими странами, о чем говорилось в инструкции Александровичу или в рассуждениях Станислава Августа, адресованных Жоффрен, Польша получила бы возможность как увеличить государственные доходы, так и ограничить возможности прусского шантажа.

Именно в этом духе в январе–феврале 1766 г. проходил обмен мнениями между А. Понятовским и австрийскими представителями по вопросу о содействии двусторонней торговле¹⁰⁹. При этом польская сторона, дабы продемонстрировать свою заинтересованность в позитивном развитии торговли через границы Польши с австрийскими владениями, согласилась пропустить без взимания пошлин партию венгерских вин, направленную в Россию¹¹⁰. Эти переговоры отразили также желание польского правительства укреплять политические связи с монархией Габсбургов и после формального признания Веной Станислава Августа, что не могло не вызывать недовольства Петербурга, которое, правда, до времени в российской столице старались не обнаруживать, поскольку оставался еще до конца не решенным вопрос о признании польского короля Версалем.

Однако и эта последняя проблема уже была близка к своему разрешению — А. Понинский и Ф. Лойко уже находились на пути в Париж. 11 марта 1766 г. первый вручил Людовику XV письмо примаса В. Лубеньского с извинениями по поводу инцидента с Пальми и частное письмо Станислава Августа. Лойко прибыл в столицу Франции 1 апреля, где имел торжественную аудиенцию у французского короля¹¹¹.

20/9 апреля 1766 г. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину о приеме, оказанном польскому послу во Франции. По словам русского посла, до него дошел слух, якобы версальский двор не хочет именовать польского короля «величеством». Репнин писал, что не верит этому известию, вскоре, правда, подтвердившемуся, и, хотя источник его не указан, вполне можно предположить, что такой слух мог исходить из кругов варшавских недоброжелателей Станислава Августа, стремившихся воспрепятствовать польскому двору нормализовать отношения с Францией и подкрепить таким образом надежды своих сторонников на французскую помощь. Русский посол также сообщал, что в Версале якобы намерены назначить послом в Варшаву некоего де Гюссона, хотя раньше Францию в Польше представлял только министр второго ранга. Польский король советовался с русским послом, как поступить в этом случае? Тот предложил тянуть время и использовать обсуждение кандидатуры посла и ссылки на финансовые трудности для польской стороны содержать соответственно своего посла во Франции. Такие проволочки, как полагал Репнин, вынудили бы французов совсем отказаться от намерения иметь посла в Варшаве. «Сие мое мнение, — писал Репнин, — я донес его польскому величеству — нашел его с оным согласным. Почему он мне изволил сказать, что он в силу сего велит поступать... и

станет стараться сам до того дойти, чтоб здесь совсем никакого министра французского не было, чувствуя его бесполезность и беспокойствию, особливо кои от резиденции оного здесь произойти могут»¹¹².

Тема пребывания Ф. Лойко во Франции не раз звучала в последующих депешах Н. В. Репнина. 28/17 апреля 1766 г. посол сообщал, что, согласно известиям, полученным в польской столице из Парижа, при дворе Людовика XV продолжали чинить препятствия в связи с титулованием примаса. Вместе с тем, по сообщениям Лойко, Шуазель-Парлен спрашивал польского посла, кто будет назначен постоянным польским представителем в Версале, намекая, что во Франции хотели бы видеть чрезвычайного и полномочного посла, хотя со своей стороны намерены были назначить только министра второго ранга. Ссылаясь на Лойко, Репнин указывал, что подтверждаются его опасения насчет нежелания французской стороны именовать Станислава Августа «величеством», что, как замечал русский посол, «не сходствует с желанием при здешнем дворе посла своего иметь». В связи с чем Лойко получил от короля инструкцию покинуть Францию без официальной церемонии прощания, «если титул величества дать французский двор не похочет»¹¹³.

21/10 мая Репнин с удовлетворением извещал Петербург, что все затруднения, ожидавшие польское посольство в Париже, успешно преодолены, что Людовик XV направит официальный ответ на оба письма Станислава Августа и что Франция намерена назначить посла в Варшаву. Как доносил Лойко, в польскую столицу вскоре должен был прибыть направленный туда французским королем для официального приветствия Станислава Августа маркиз Л. Г. Конфлан¹¹⁴.

Меры, принятые Репниным, дабы воспрепятствовать обмену послами между Парижем и Варшавой, получили полное одобрение Панина, который не устал предупреждать русского посла против того, «чтоб легкомыслие польского двора каким-либо новым нечаянным оборотом не привлекло к сейму французского министра, вопреки чего, — писал руководитель русской внешней политики, — может ваше сиятельство королю и министерству пристойные делать представления с твердостью, ибо без того ветреный Конфлан, опасаясь я, может у ветреных людей много головы помутить. В рассуждении об отправлении к венскому двору аккредитованного человека, — продолжал Панин, — то, когда резиденты не имеют при оном доступа при дворе, можно в таком случае дать характер министра, а не посланника или министра полномочного, дабы иного, в рассуждении других дворов, к которым резиденты назначиваются, не было большего излишества, что вашему сиятельству искусно преследовать надобно» (Н. И. Панин — Н. В. Репнину 3 июня/23 мая 1766 г.)¹¹⁵. Из этого довольно туманного рассуждения шефа российской Коллегии иностранных дел вытекало, что в Петербурге могли бы смириться с направлением польских послов в Вену, а также в другие столицы, за исключением Парижа, лишь бы те не имели реального доступа к обсуждению международных проблем, к выработке решений и были бы лишены какого-либо политического влияния.

О прибытии Конфлана 22 июня в Варшаву Репнин на следующий день написал в Петербург, подчеркнув, что французскому послу был оказан такой же точно прием, как и посетившим с той же целью польскую столицу русскому и австрийскому представителям, что титул «величества» с французской стороны «был отдан королю польскому без всяких кондиций и ограничений»¹¹⁶. Однако в упомянутой депеше уже ничего не говорилось о направлении польского посла во Францию. Примеча-

тельно также, что приезд Конфлана в польскую столицу совпал с опубликованием в Варшаве королевского универсала о выборах послов на сейм 1766 г.

Из переписки польского короля с мадам Жоффрен и его писем к Станиславу Лещинскому мы знаем, какое большое значение Станислав Август придавал установлению непосредственных отношений с Францией. Поэтому можно утверждать, что отказ польского правительства принять французского посла в Варшаве стал следствием прямого давления Репнина, который в соответствии с инструкциями из Петербурга стремился всеми средствами сохранить международную изоляцию Речи Посполитой. Продиктованное русским послом решение означало к тому же и то, что в случае отсутствия прямых взаимоотношений Польши с Францией, таких отношений у Варшавы не будет и с Веной, а, следовательно, польское правительство будет лишено возможности, хотя бы в минимальной степени уравновесить политическую гегемонию России в Польше.

Надо подчеркнуть, что с таким положением не без тайного удовлетворения смирились и в Версале, и в Вене. В.А. Кауниц считал для себя уже достаточным, что более не стоял вопрос о присоединении Варшавы к русско-прусскому союзу. Прием, оказанный Ф. Лойко во Франции, вновь обнаружил весьма противоречивые тенденции политики Людовика XV, советники и министры которого, с одной стороны, казалось, проявляли намерение установить нормальные отношения с польским двором, а с другой — подчеркнуто демонстрировали неравенство между Польшей и Францией, имея всегда в запасе удобный предлог к разрыву посредством выдвижения униженных требований по отношению к Станиславу Августу.

В Версале, отдавая себе отчет, что играют на руку русской дипломатии, отказываясь от поддержки польского короля, отправили 31 июля 1766 г. инструкцию Ж. К. Жеро — второстепенному агенту королевского «секрета» в Польше, в прошлом секретарю Ф. Дюрана и Пальми — с предписанием «готовить взаимопонимание между Францией и Понятовским и примирение этого государя с его прежними противниками, а именно с патриотической партией»¹¹⁷, но никаких реальных шагов в этом направлении предпринято так и не было. Примеру Австрии и Франции в деле изоляции Польши последовала и Саксония.

18/7 августа 1766 г. Репнин сообщил Панину¹¹⁸ о прибытии в Варшаву якобы по частным делам Жеро и Дюмона — французского агента в Гданьске. Русский посол назвал их «французскими шпионами» и связывал их появление в Польше с предстоящим сеймом. Агенты королевского «секрета» встретились только с представителями оппозиции. Их деятельность в Варшаве, по словам Репнина, вызвала недовольство Станислава Августа. В той же депеше русский посол доносил, что польский король показал ему ответное письмо Шуазеля-Пралена на письмо Лойко в связи с отправкой из Варшавы кардинальского диплома аббату Брольи, выхлопотанного в Риме польским двором для шефа секретной дипломатии Людовика XV. Главным вопросом упомянутого письма Шуазеля стала проблема обмена послами между Францией и Польшей. По поручению Станислава Августа Лойко извещал французское министерство, что положение польского двора не дает тому возможности направить своего посла в Париж в ближайшее время. То есть Станислав Август, вынужденный, по требованию Репнина, прибегнуть к тактике проволочек, воспользовался ею, чтобы еще раз подчеркнуть свою принципиальную заинтересованность в установлении постоянных дипломатических отношений с Версалем и желание, вопре-

ки чинимым русским посольством препятствиям, все же видеть французского посла в Варшаве.

Разумеется, истинное значение письма Лойко не осталось скрытым от руководителей французской внешней политики, но те избрали иной путь. Передавая ответ Шуазеля, Репнин писал, что, по словам французского министра, такой шаг не свидетельствует о «доверенности» польского короля к французскому. В Варшаве стало окончательно ясно, что, несмотря на все усилия польского двора преодолеть возникающие препятствия и установить дипломатические отношения с Францией, Версаль предпочел пренебречь открывавшимися возможностями. Репнин сообщал, что в свою очередь отвечать на письмо французского министра Лойко не будет, поскольку само письмо Шуазеля уже было ответным.

Желание французского двора придерживаться прежней политики изоляции Польши и давления на правительство Станислава Августа было еще раз продемонстрировано Конфланом, когда тот, по завершении своей миссии покидая Польшу, нанес весьма многозначительный визит в Белосток возвратившемуся к тому времени из изгнания на родину Я. К. Браницкому¹¹⁹.

О характере деятельности Конфлана и Жеро в Варшаве свидетельствовало и то, что во время их пребывания в Польше, в июле — начале августа 1766 г., там было опубликовано направленное против диссидентов письмо К. Солтыка от 31 июля, а 10 августа краковский епископ обратился с письмом к католическим государям, в котором призывал их оказать помощь польской оппозиции в деле диссидентов¹²⁰.

В изложенной выше депеше Репнина от 18/7 августа 1766 г. сообщалось о получении в Варшаве известия из Вены о якобы уходе от дел В.А. Кауница и что впредь внешней политикой Австрии будет руководить Г.А. Штаремберг, многие годы бывший послом во Франции¹²¹. Известие это, хотя и имело основания: Штаремберг был отозван из Парижа в августе 1766 г. и назначен конференц-министром, но не в полной мере соответствовало действительности: Кауниц по-прежнему остался во главе внешней политики Габсбургов. Тем не менее оно не могло не привлечь внимания в польской столице, ибо указывало на усиление влияния французской политики на формирование внешнеполитического курса Вены, на то, что державы «фамильного пакта» будут и далее следовать политике изоляции Польше и что примеру Австрии и Франции до определенной степени последует и Саксония. Таким образом, накануне сейма 1766 г. в Варшаве, как и в столицах великих держав стала очевидной тщетность усилий Станислава Августа обрести международную поддержку перед лицом российской гегемонии в Польше. Этот факт констатировал В.Ф. Сольмс, внимательно следивший за развитием польско-российских отношений. 22/11 августа он доносил в Берлин о миссии в российской столице польского посла Ф. Ржевусского, который «в последний приезд свой, — писал Сольмс, — хотел дать понять, что его двор может найтись вынужденным обратиться на сторону венского двора. Он, между прочим, употреблял выражение, что Россия показывает королю, его государю, одни только терновники, тогда как с других сторон ему предлагают цветы, и что, если бы короля не удерживала личная признательность, то ему не приходилось бы колебаться в выборе, но видя, что ему (Ржевусскому. — *Б.Н.*) не удастся напугать, он принял другой тон и теперь уже умоляет ради любви к богу обращаться с ними (поляками. — *Б.Н.*) мягче и доказывает, что Россия не должна проливать кровь во имя интересов религии»¹²², т. е. ради уравнивания в правах католиков и диссидентов в Польше.

Обманутыми оказались надежды не только Станислава Августа, но и «патриотической оппозиции». 28 февраля 1766 г. К. Радзивилл писал командиру своих военных отрядов Я. Фрычиньскому, что венский и парижский дворы не отвечают на его письма и не намерены больше поддерживать оппозиционных магнатов в Польше. Они, с горечью замечал бывший виленский воевода, не дали соответствующих инструкций своим послам, отправленным в Варшаву, а также ничего не сказали в поддержку своих прежних сторонников посланным в Австрию и Францию польским представителям А. Сулковскому, Ф. Лойко и А. Понинскому¹²³. Разочарование противников польского короля и господствующей магнатской «партии» Чарторыских в позиции держав «фамильного пакта» сыграло свою роль, когда уже с начала 1766 г., «камарилья Е. Мнишека» попыталась искать счастья в русском посольстве.

Примечания

1. *Boutaric E.* Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. Paris, 1866. Vol. 1. P. 229–231.
2. Ibid.
3. *Lubomirski St.* Pod władzą księcia Repnina. Ułamki pamiętników i dzienników historycznych (1764–1768) / Oprac. J. Łojek. Warszawa, 1971. См.: *Zienkowska K.* Stanisław August Poniatowski. Wrocław, 1998. S. 149.
4. *Schmitt H.* Dzeje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1869. T. 2. S. 7; *Beer A.* Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 2. S. 175; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 13. Т. 25, 26. С. 433.
5. *Jacobson L.* Rußland und Frankreich in den ersten Regierungsjahren der Kaiserin Katharina II. 1762–1772. Berlin, 1929; *Lerer D.* La politique française en Pologne sous Louis XV. 1733–1772. Toulouse, 1929; *Konopczyński W.* Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej 1660–1795. Warszawa, 1924; *Idem.* Polska a Turcja 1683–1795. Warszawa, 1936; *Michalski J.* Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. T. 2. S. 483–692; *Idem.* Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. T. 75. S. 695–721; *Стоилова Т.* Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те године на XVIII век. София, 1995; *Зелиньска З.* Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // Польша и Европа в XVIII веке. М., 1999. С. 102–123.
6. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 430. Л. 33–34.
7. Там же. Л. 42–43.
8. Там же. Л. 39–40.
9. Там же. Л. 65–66.
10. Там же. Л. 75–76 об.
11. Там же. Л. 103–104 об.
12. *Beer A.* Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 1. S. 176.
13. Ibid. S. 175
14. [*Broglie Ch. Fr.*] Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756–1774). Paris, 1956. Vol. 1. P. 267. № 1.
15. Ibid. P. 266–269.
16. Recueil des instructions donnés aux Ambassadeurs et Ministres de France. Paris, 1888–1890. Vol. IX: Russie. P. 242–246; Vol. V: Pologne. P. 249–254. Текст инструкции М. Н. Боссе см. также: С6. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 417–420.

17. Сб. РИО. СПб., 1912. Т. 140. С. 424.
18. Там же. С. 431–432.
19. *Bonneville de Marsangy L.* Le chevalier de Vergennes, son ambassadeur à Constantinople. Paris, 1894. Vol. 2. P. 277.
20. *Beer A.* Op. cit. Bd. 1. S. 177.
21. Ibid. S. 177–179.
22. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 368.
23. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 83.
24. Там же. С. 89–94.
25. Там же. С. 103–104.
26. [*Brogie Ch. Fr.*] Op. cit. Vol. 1. P. 312.
27. *Beer A.* Op. cit. Bd. 1. S. 180.
28. Ibid. S. 180–181.
29. *Konopczyński Wł.* Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936. S. 180.
30. Ibid. S. 181–182.
31. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 5–6 об., 11–12 об.
32. Correspondance inédite du roi Stanislas Auguste et de Madame de Geoffrin (1764–1777). Paris, 1875.
33. Listy Stanisława Augusta do pani Marie Thérèse Geoffrin od roku 1764–1777 / Wyd. L. Siemieński. Kraków, 1876.
34. Correspondance... du roi... et de Madame de Geoffrin. P. 114–118.
35. Ibid. P. 103.
36. Ibid. P. 105.
37. Ibid. P. 119–126.
38. Ibid. P. 132–138.
39. Ibid. P. 138–142.
40. *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 159–169.
41. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57, С. 208–210; *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 439–446.
42. *Hammer J.* Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1832. Bd. 9. S. 278–279.
43. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 434.
44. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 254–257.
45. *Beer A.* Op. cit. Bd. 1. S. 182–183.
46. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 43–46.
47. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 442. Л. 13–14.
48. Там же. Л. 22–24.
49. Там же. Л. 74–75 об.
50. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 62–63.
51. Там же. Л. 68–75.
52. Там же. Л. 62–63.
53. Там же. Л. 83 об.
54. Там же. Л. 103–105 об.
55. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 39–42 об.
56. Там же. Л. 74–80 об.

57. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 433. Л. 1–2 об., 3–4.
58. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 67–67 об.
59. Там же. Л. 67 об.
60. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 433.
61. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 79–80 об.
62. Там же. Л. 77–78.
63. Там же. Л. 83–83 об.
64. Correspondance... du roi... et de Madame de Geoffrin. P. 153–157.
65. Ibid. P. 171–172.
66. Сб. РИО. СПб., 1887, Т. 57. С. 249.
67. [Broglie Ch. Fr.] Op. cit. Vol. 1. P. 340.
68. Ibid. P. 355.
69. Ibid. P. 355–360.
70. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 867. Л. 87–90 об.
71. Correspondance... du roi... et de Madame de Geoffrin. P. 160–163.
72. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 869. Л. 1–2; Schmitt H. Dziej panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1869. Т. 2, S. 7–8.
73. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 443. Л. 107–111
74. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 445. Л. 13–14 об.
75. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 871. Л. 40–43 об.; 56–60.
76. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 445. Л. 40.
77. Там же. Л. 56–57.
78. Там же. Ф. 79. Д. 872. Л. 5–7 об.
79. Там же. Л. 31–36.
80. Там же. Л. 66–67 об; 71–72 об.
81. Konopczyński W. Op. cit. S. 188.
82. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 81.
83. Там же. Л. 88–101.
84. Там же. Л. 79–79 об.
85. Там же. Л. 102–103.
86. Там же. Л. 84–84 об; Konopczyński W. Op. cit. S. 188.
87. [Friedrich II]. РС. Bd. 24. S. 389.
88. Ibid. S. 389–390.
89. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 467–468.
90. Boutaric E. Op. cit. Vol. 1. P. 348.
91. Regestr Sekretnych Rad Senatu. — В. Cz. Dz. г. XX. № 817. Опувл. в кн.: Konopczyński W. Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917. S. 368–373; Protokół (oryg.) propozycji oraz uchwał Sekretnych Rad Senatu. — В. Cz. Dz. г. XX. № 878.
92. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 11–16 об.
93. Собственноручный ответ Станислава Августа Н. В. Репнину от 15. 01. 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 13–13 об.
94. Там же. Л. 21 об.
95. См.: Konopczyński W. Op. cit. S. 369.

96. Correspondance... du roi... et de Madame de Geoffrin. P. 202–203.
97. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 22–26.
98. Там же.
99. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 400.
100. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 168.
101. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 466–468.
102. Там же. С. 470.
103. Там же. С. 474–475.
104. Там же. С. 476–478.
105. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 83–84.
106. Там же. Л. 85–86.
107. См.: *Konopczyński W.* Op. cit. S. 369.
108. Bibl. Cz. Dz. г. № 624, 625; *Konopczyński W.* Polska a Turcja... S. 188–189.
109. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 66–67 об., 71–82.
110. Там же. Л. 66–67 об.
111. Recueil des instructions... Vol. V: Pologne. P. 259–263; [*Broglie Ch. Fr.*] Op. cit. Vol. 1. P. LXIII.
112. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 52–53 об.
113. Там же. Л. 65–65 об.
114. Там же. Л. 139–140.
115. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 543.
116. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 884. Л. 6–9.
117. Recueil des instructions... Vol. V: Pologne. P. 264–269.
118. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 8–10 об.
119. Там же.
120. Там же. Д. 885. Л. 53–55 об.; Д. 886. Л. 123–123 об.
121. Там же. Д. 886. Л. 8–10 об.
122. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 472.
123. AGAD. Arch. Radz. Dz. IV. Т. 20. К. 256. S. 392.

Со времени С. М. Соловьева диссидентское дело, т. е. попытка России добиться уравнивания в сословных правах католической шляхты и дворян-некатоликов в Речи Посполитой в 60-е гг. XVIII в., рассматривалось в российской историографии как центральная проблема польско-российских отношений. Начало ее изучения относится еще к 1795 г., когда по повелению Екатерины II Н. Н. Бантыш-Каменский написал книгу «Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной, через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении <...> из хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг»¹. Приведенное здесь название достаточно точно характеризует как официозную и клерикальную направленность исследования, так и его источниковую базу. Опубликованная в 1805 г. к десятилетию третьего раздела Польши, книга эта должна была быть направлена против полонофильских настроений начала царствования Александра I и послужить обоснованием «законности» русской политики в отношении Польши вплоть до ликвидации польского государства в 1795 г. Примечательно, что второе и третье ее издания были осуществлены в Вильно в 1864 и 1866 гг. по указанию М. Н. Муравьева для безвозмездной раздачи православному духовенству и наставникам народных училищ Северо-Западного края. Именно в книге Н. Н. Бантыша-Каменского впервые были сформулированы тезисы об исторической роли русского правительства в воссоединении Западной Руси и Великороссии и об особом значении покровительства православному населению Польши и Литвы со стороны России чуть ли не со времен Гедимина и уж по крайней мере с начала царствования Петра I.

В 1860–1870-е гг. политика России в диссидентском вопросе рассматривалась в работах С. М. Соловьева, П. К. Щербальского, М. О. Кояловича². Их концепции не выходили за рамки изложенной выше официальной трактовки проблемы, но в исследовании русско-польских отношений и политики России в отношении диссидентов историки ввели в научный оборот широкий круг источников, на столетие вперед обеспечивших изучение данной проблемы в отечественной историографии. При этом С. М. Соловьев и П. К. Щербальский попытались отойти от сугубо клерикальной традиции изучения диссидентского вопроса как взаимоотношения православной, униатской и католической церкви в Польше и сосредоточили свое внимание главным

образом на изучении правительственной политики в этой области и показали ее противоречивость и непоследовательность до середины 60-х гг. XVIII в., объясняя это забвением политических принципов Петра I, колебаниями политической конъюнктуры и противоречиями между Синодом и Коллегией иностранных дел.

Концепция, отличная от официальной, сформировалась в конце XIX — начале XX в. в трудах Н. Д. Чечулина и В. О. Ключевского³. Указывая на наличие «национального вопроса» в русско-польских отношениях едва ли не с XV в., В. О. Ключевский в отличие от официальной концепции подчеркивал, что политика Екатерины II в отношении диссидентов не соответствовала национальным задачам: вместо усилий, направленных на воссоединение Западной Руси с Россией, ее правительство сосредоточилось на диссидентском вопросе и «гарантии», что означало попытку вмешательства во внутренние дела Польши, а главное, создавало почву для использования кризиса в русско-польских отношениях великими державами и повлекло за собой первый раздел Речи Посполитой. Однако, подчеркивая несостоятельность русской политики в диссидентском вопросе, В. О. Ключевский не ответил на вопрос, какие цели преследовались Россией, ограничившись только высказыванием, что очевидная национальная задача не соответствовала доктринерским планам Петербурга.

В отечественной историографии после 1917 г. отсутствуют специальные работы, рассматривающие проблемы российско-польских отношений в 60-е гг. XVIII в. В обобщающих трудах, затрагивающих политику России в диссидентском вопросе, можно выделить три группы исследований как с точки зрения проблематики, так и концепции внешней политики. Это, во-первых, обобщающие труды по истории СССР и истории России, изданные после 1991 г., во-вторых, по истории Белоруссии и Украины, в-третьих, по истории Польши. В первой группе работ диссидентский вопрос рассматривается как средство, использованное русским правительством для защиты белорусского и украинского населения Речи Посполитой от национального и религиозного угнетения и сохранения слабой и зависимой от России Польши в интересах противодействия экспансии европейских держав на восток⁴. По сути эта концепция восходит к точке зрения С. М. Соловьева. Иную оценку мы встречаем только у М. Т. Белявского, который писал, что «воссоединение в едином государстве русских, украинских и белорусских земель полностью соответствовало национальным интересам народов, но царизм меньше всего заботился об этом. В качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Польши монархи России и Пруссии использовали так называемый диссидентский вопрос, т. е. вопрос о положении и правах православного населения на востоке и лютеранского населения на северо-западе Польши. Требуя уравнивания их в правах с католиками, Россия и Пруссия одновременно с этим поддерживали борьбу магнатов против попыток централизации в Польше»⁵.

В работах по истории Белоруссии и Украины история русской политики в диссидентском вопросе либо не упоминается вообще, либо приводятся без каких-либо комментариев ее основные факты. Главное же внимание направляется на освещение национально-освободительной борьбы белорусских и украинских народов⁶. По сути дела, подобные точки зрения характерны как для обобщающих работ по истории Польши⁷, так и для работ, посвященных истории Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и связанным с ней вопросам польско-российских отношений⁸.

В польской историографии рубежа XIX–XX вв., когда впервые диссидентский вопрос стал предметом специального исследования⁹, его осмысление основывалось

на двух тезисах, обоснованных Ш. Ашкенази в предисловии к монографии М. Ц. Лубеньской. Он писал, что, с одной стороны, диссидентское дело отразило культурно-политическое противоборство Запада и Востока, а с другой — сыграло инструментальную роль в деле установления политической гегемонии России в Речи Посполитой. Близкой точки зрения придерживался и Т. Корзон, указывая на то, что сословная и конфессиональная структура населения Польского государства XVIII в. создавала почву для противоречий между католиками и представителями иных вероисповеданий, однако именно вмешательство России в этот конфликт привело к трагическим последствиям для польского общества¹⁰.

Крупнейший исследователь истории Польши XVIII в. В. Конопчинский считал, что внутренние истоки диссидентского вопроса не имели принципиального значения, что положение конфессиональных меньшинств в Польше было не хуже, а во многих случаях даже лучше, чем в других странах, что вольтерьянские идеи веротерпимости меньше всего заботили Екатерину II, которая стремилась посредством диссидентского дела окончательно подчинить себе Станислава Августа и консервативную шляхту¹¹. Эта точка зрения разделяется в целом и современной польской историографией и представлена в работах Е. Михальского¹², который рассматривал диссидентский вопрос как одно из средств осуществления политической программы Екатерины II в отношении Польши, предполагавшей сохранение слабости Речи Посполитой и ее зависимости от России, а также в книге Т. Цегельского и Л. Конджели, посвященной разделам Польши, в которой авторы уделили внимание и диссидентскому вопросу, в частности определили его хронологические рамки 1764–1768 гг., указали на различие подходов к нему магнатских группировок, в том числе и на разногласия между королем и Чарторыскими¹³. Социальной истории протестантской шляхты в Речи Посполитой в первой половине XVIII в. посвящена книга В. Кригзайзена¹⁴, содержащая многие ценные наблюдения и выводы, имеющие непосредственное отношение к политике России в деле диссидентов. Собственно говоря, оценка современной польской историографии диссидентского вопроса как проявления кризиса польско-российских отношений в 60-е гг. XVIII в. и политики российского господства в Речи Посполитой характерна и в целом для зарубежной историографии.

Таким образом, состояние историографии ставит вопрос о необходимости дальнейших исследований истории диссидентского вопроса. При этом новые результаты могут быть получены только на основе расширения источниковой базы, прежде всего введения в научный оборот материалов российских архивов. При этом, в отличие от С. М. Соловьева, также обращавшегося к архивным материалам, сосредоточенность на отдельной проблеме позволит привлечь более широкий круг источников и подвергнуть их более детальному анализу.

История русской политики в диссидентском вопросе прочно связывается в историографии с именем Екатерины II и разделяется на три периода: 1) 1762–1766 гг.; 2) 1767 — февраль 1768 гг.; 3) 1768–1795 гг. В первом периоде диссидентское дело занимало сравнительно обособленное место в комплексе военно-политических мероприятий России в Польше и было направлено главным образом на определение стратегических целей и тактических средств его реализации. Однако этот период, предшествующий сейму 1766 г. и решительному наступлению, применению в 1767 г. «мер крайности» со стороны России, представляется весьма важным для характеристики русской политики в Польше 60-х гг. XVIII в. Поэтому в настоящей главе мы ставим своей задачей просле-

дить развитие политики России в диссидентском вопросе в начальный период ее реализации, в 1762 — первой половине 1766 гг., рассмотреть взаимоотношения России и Польши в той мере, как они определялись рамками диссидентского дела, не затрагивая специально вопросы социальной истории, сословного статуса и политического положения различных конфессий в Речи Посполитой.

I

Первые следы диссидентского вопроса в политике России нашли отражение в договоре России с Пруссией 27/16 декабря 1740 г., в сепаратном артикуле которого обе стороны обязались покровительствовать диссидентам в Польше¹⁵. Но никаких существенных шагов в этом направлении предпринято не было. Начиналась война за австрийское наследство, А. И. Остерман и Б. Х. Миних, готовившие этот договор, через год уже навсегда ушли со сцены русской политики. Остается только гадать, чем они руководствовались, идя навстречу пожеланиям в этом вопросе Фридриха II. Единственным вероятным мотивом для постановки в это время проблемы диссидентов могли быть опасения за судьбу Курляндии после ссылки Бирона.

Вновь, но в гораздо более широком контексте, мы встречаемся с диссидентским вопросом в русско-прусском союзном договоре 1762 г., который был составлен после заключения мира с Пруссией, 31/20 мая 1762 г.¹⁶, когда по желанию российской стороны в проекте трактата был повторен «диссидентский артикул» договора 1740 г. и включены положения о неизменности государственного строя Речи Посполитой и избрании на польский престол короля-поляка в случае кончины Августа III. Договор был подписан М. И. Воронцовым и Б. В. Гольцем 19/8 июня 1762 г.¹⁷, однако остался не ратифицированным из-за свержения Петра III.

Содержание договора 1762 г. отразило наметившееся еще во время Семилетней войны стремление русского правительства активизировать свою политику в Польше. Еще 26/15 сентября 1759 г. польскому правительству была предъявлена нота, в которой были изложены претензии России по выполнению договора о вечном мире 1686 г. В ней, в частности, содержались требования «о свободном отправлении православной веры в четырех епископиях Луцкой, Перемышльской, Львовской и Белорусской», из которых, как говорилось в тексте, первые три епархии уже давно обращены в унию, и о восстановлении древних привилегий православного населения Речи Посполитой¹⁸. В этом контексте включение в нератифицированный союзный договор с Пруссией 1762 г. положения о покровительстве диссидентам едва ли могло быть случайным. Об этом также свидетельствовала и инструкция 28/17 марта 1762 г. российскому резиденту в Варшаве И. Ржичевскому, составленная М. И. Воронцовым, в которой говорилось: «Вам надлежит о единоверных с Нами всегда, и где только потребно, ваши старания усугублять, дабы они при своих привилегиях и вольностях оставлены и сохранены были <...> Нам иного способа не остается как против таких самовольных и нам недоброжелательных со временем такие меры употребить, которые им после в тягость быть могут»¹⁹. Наиболее заметным отличием данной инструкции от многочисленных ей подобных была содержащаяся в ней глухая угроза санкций и репрессивных мер в отношении нарушителей прав православных в Польше.

В конце 1750-х гг. диссидентский вопрос был поставлен и в церковных кругах, когда в 1758 г. в Петербург прибыл игумен виленского монастыря Святого Духа Фео-

фан Леонтович, который представил в Коллегию иностранных дел меморию «об интересном деле». В ней говорилось о притеснении православной церкви со стороны католического духовенства в Польше, но главное, чем выделялось сочинение Леонтовича, был вопрос политический. Он писал об эффективности заступничества Фридриха II не только за протестантов, но и за православных, что протестанты его чтут более, нежели «природных своих государей», что еще в 1757 г. протестанты присылали к нему (Леонтовичу) в Вильно своих депутатов, «зазывая действовать с ними заодно, но склонились на мои советы и пожелали лучше под российскую, нежели под прусскую протекцией быть»²⁰.

Сочинение Ф. Леонтовича представляет собой причудливое сочетание фантазий и политического предвидения. Контакты протестантов из Польской Пруссии с Берлином и Кенигсбергом имели в XVIII в. довольно интенсивный характер, особенно со времени провозглашения прусской короной политики веротерпимости²¹. Однако обращение польских протестантов к Пруссии никогда не выходило за рамки сугубо религиозных проблем и не ставило под сомнение их лояльности по отношению к Речи Посполитой. Со стороны Пруссии поддержка своих польских единоверцев не преследовала иных целей, кроме того чтобы побудить их к переселению в собственные владения или к вступлению в прусскую военную службу. Начиная с 1761 г. контакты польских протестантов с Пруссией значительно активизировались²², но вплоть до окончания Семилетней войны в 1763 г. не выходили за традиционные рамки.

Упоминание Ф. Леонтовича о готовности протестантов искать покровительства России, с одной стороны, может быть объяснено только положением дел в ходе войны, когда русские войска вели боевые действия в Восточной Пруссии и заняли территорию Польши; но, с другой стороны, сам этот факт свидетельствовал об изменении направлений политического влияния в Польше и указывал на возможность для русской дипломатии в известной мере усилить давление на польское правительство в религиозных вопросах, оказывая покровительство не только православным, но и протестантам.

На рубеже 1758–1759 гг., спустя несколько месяцев после приезда виленского игумена в Петербург, Коллегия иностранных дел ответила на его меморию в том духе, что применять ответные репрессии против католиков в России несправедливо и бесполезно, так как таковых мало, что защищать православных дипломатическим путем «с угрозением» несвоевременно, ибо повредит добрым отношениям с Польшей, мысль же о том, что православные в Польше, не видя защиты от России, могут обратиться к Пруссии, безосновательна. Впоследствии уже из Киева Леонтович писал письма многим влиятельным людям, в том числе И. И. Шувалову; письмо его сохранилось в деле вместе с приведенным выше ответом Коллегии на его меморию. Коллежский ответ был вполне логичным, но логика его ограничивалась рамками военно-политической ситуации 1758–1759 гг. Однако мысли Ф. Леонтовича не остались незамеченными, и по окончании Семилетней войны, уже в марте 1762 г., идея действовать «с угрозением» в защиту православных в Польше зазвучала в инструкции И. Ржичевскому, а в сентябре виленский игумен получает паспорт для проезда в Москву. В это время он находился в Киеве, в монастырской тюрьме, откуда и был вызван в столицу.

Докладчиком по делу Ф. Леонтовича у Екатерины II был ее статс-секретарь Г. Н. Теплов, ведавший у императрицы, в частности, делами по Синоду и по Малороссии. К нему бывший виленский игумен обратился с письмом от 18/7 октября 1762 г.²³, в котором писал, что обвинялся в распространении сочинения против инструкции о

церковных имениях, в связях с А. П. Бестужевым-Рюминым и в оскорблении покойной императрицы. Отвергая эти обвинения, Леонтович благодарил Теплова за заступничество. В деле содержится также копия доношения Леонтовича в Синод от 10 октября / 29 сентября 1762 г.²⁴ аналогичного содержания. Вероятно, именно Г. Н. Теплову иеромонах обязан своим вызовом в Москву, так как, кроме него Леонтович никого не упомянул в качестве своих благодетелей, хотя, вполне возможно, ими могли быть М. И. Воронцов или И. И. Шувалов, которым было известно о мемории 1758 г., или же Н. И. Панин или Г. Конисский, взглядам которых вполне соответствовали идеи Леонтовича.

Обращает на себя внимание одна из записок, датированная 24 ноября 1762 г.²⁵ В ней опальный игумен писал: «На всевысочайший запрос, какая политическая польза может последовать <...> по случаю защищения грекороссийских наших в Польском государстве исповедников? Представляется всеподданнейшее в ответе». По словам иеромонаха, «первая польза» состояла в том, что впредь не надо будет подкупать магнатов, а все секретные сведения об их намерениях против России можно будет получать от единоверцев; «вторая польза <...> так и все наши российские политические интересы надежнее и прибыльнее удерживать, нежели прежде». Третья польза, по мысли Леонтовича заключалась в опоре на единоверцев, дабы «удерживать» условия договора 1686 г., «который поляки нетвердым называют». В-четвертых, «что все впредь заключенные трактаты с Польшей будут тверды и благонадежны». В-пятых, «Российскому нашему государству можно будет на 600 верст самой лучшей и плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом пред всем светом праведно и правильно у поляков отобрать». В-шестых, «что впредь в несогласии в избрании польского короля, между поляками обыкновенно происходящем, сами поляки принуждены будут короля себе просить от российского дому». В следующей записке, озаглавленной Леонтовичем «Прибавление»²⁶, названа и «седьмая польза», которая будет связана с возрастанием авторитета России в протестантских государствах, причем иеромонах прежде всего предусматривал выгоды от сближения с Пруссией.

Совпадение содержания записок Ф. Леонтовича с последующими планами России в отношении Польши поистине удивительны. Объясняются ли они талантом политического предвидения иеромонаха, или же задачи эти были настолько очевидны, что «носились в воздухе» и даже проникли в стены киевской тюрьмы, где автор «Объяснения» провел два года в заключении? Или же ответы Леонтовича были ему кем-то подсказаны, скорее всего Тепловым? Так или иначе, очевидно, что обращение к диссидентскому вопросу в правящих кругах России возникло не случайно и отнюдь не только по инициативе Екатерины II. Причем с самого начала там смотрели на дело диссидентов не с религиозной, а с политической точки зрения. Речь шла не о защите православных или же иноверцев в Польше, а о мерах, направленных на усиление позиций России в Речи Посполитой.

Отправной точкой в реализации планов диссидентской политики Петербурга стала речь Георгия Конисского на церемонии коронации 29 сентября 1762 г. Там он, называя белорусский народ «между подданными народами вашего импер. в-ства», обратился от его имени к Екатерине II с просьбой о защите и покровительстве²⁷.

Само появление Георгия Конисского в числе выступавших на коронации нигде не объяснено в историографии. По сути дела, все биографические сведения черпаются исследователями из трех официальных источников: книги Н. Н. Бантыша-Ка-

менского, Словаря исторического о российских писателях мтрп. Евгения (Болховитинова) и Биографии Георгия Конисского, написанной Иоанном Григоровичем и помещенной в первом томе собрания сочинений Георгия²⁸. Все эти работы не содержат сведений о политических взглядах Георгия Конисского, его взаимоотношениях в церковных и политических кругах России и Польши и не дают ответа на вопрос, почему именно он был избран в качестве одного из главных проводников русской политики в диссидентском вопросе.

В августе 1751 г. Георгий Конисский становится ректором Киевской духовной Академии и архимандритом училищного Братского монастыря. В 1755 г., после смерти И. Волчанского, по представлению Г. Гросса Георгий Конисский был возведен на моголевскую кафедру. Август III запросил М. Чарторыского, канцлера литовского, нет ли для этого назначения юридических препятствий. Канцлер ответил, что против этого возражает католическое и униатское духовенство, а также митрополит полоцкий. Против поставления Конисского была направлена и булла Бенедикта XIV. Тем не менее, уступив Гроссу, Август III своим декретом от 3 июня 1755 г. назначил Георгия Конисского епископом²⁹, а в августе указом Синода Георгий был посвящен в сан. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что новый белорусский епископ был обязан своим повышением не только своим обширным связям среди духовенства в Белоруссии и на Украине и не бесспорному дворянскому происхождению, но, вероятно, и тому, что с его поставлением в Петербурге связывались определенные политические планы. Направленность их проявилась, когда Георгий Конисский с 1756 по 1761 г. неоднократно обращался в Синод и Коллегию иностранных дел с челобитными в защиту православного населения Речи Посполитой³⁰. То есть по меньшей мере с 1755 г. он хорошо известен в Петербурге и становится заметной фигурой в определении политики в диссидентском вопросе, что и отразилось в его речи на торжествах, посвященных коронации Екатерины II. О Георгии Конисском императрица могла узнать от Симеона Тодорского, архимандрита Ипатьевского монастыря, бывшего с 1742 г. законоучителем наследника Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, у которого Георгий Конисский учился немецкому, греческому и еврейскому языкам. Выдвижение Георгия могло быть связано с И. И. Шуваловым, М. И. Воронцовым и Н. И. Паниным, тогдашними руководителями внешней политики России. Маловероятно, что его речь была инспирирована Синодом, во-первых, потому, что, не будучи членом Синода, Георгий Конисский получил на коронации равное, если не большее значение по сравнению с членами Синода; во-вторых, потому, что после коронации Екатерины II церковное начальство попыталось удалить его как из Петербурга, так и из Могилева, назначив в Псков. Наконец, говоря о связях белорусского епископа в Петербурге, следует указать на одно совпадение. Церемониймейстером, т. е. главным отвечающим за проведение коронации, был З. Г. Чернышев, с которым впоследствии белорусский епископ был весьма близок. Он имел свою точку зрения на русскую политику в польском вопросе. Вполне возможно, что и ему Георгий Конисский обязан своим участием в коронации. Так или иначе, событиям осени 1762 г., когда определились первые контуры политики в диссидентском вопросе, предшествовал период примерно с конца 1750-х гг., когда претерпела принципиальные изменения и вся внешняя политика России; именно в это время встречаем мы и первые признаки появления в будущем диссидентского вопроса.

Однако до конца 1763 г. диссидентский вопрос ярко не проявился в польской политике России. Он был отодвинут на второй план борьбой за восстановление Э. И. Бирона на курляндском престоле, событиями лета 1763 г. вокруг Виленского трибунала. Наконец, едва ли стоило браться за диссидентское дело накануне ожидаемой кончины польского короля Августа III, когда главным вопросом должно было стать избрание его преемника.

Хотя события «бескорольевья» 1763–1764 гг. и заслонили собой диссидентский вопрос, он не был забыт ни в Петербурге, ни в Берлине. Еще в феврале 1763 г. Синод представил Екатерине II доклад о защите в Польше благочестия, в котором, правда, говорилось только о православных, а протестанты не были упомянуты вовсе³¹. С начала 1763 г. в Петербург из Польши уже начали прибывать диссидентские депутаты, среди которых были главным образом протестанты*. Об этом свидетельствуют представления, сделанные ими русскому правительству в 1764 г., однако об их переговорах в Петербурге в 1763 г. нам ничего не известно. Самое раннее упоминание о таких переговорах содержится в ответной записке, врученной в Коллегии иностранных дел диссидентским депутатам 28/17 марта 1764 г., в которой сообщалось, что Екатерина II «о таких продолжающихся диссидентам в Польше гонениях от римского духовенства с немалым сожалением уведомила и не меньше усердствует о ненарушимом сохранении привилегий, прав и преимуществ их, как о благосостоянии находящихся там же греческих исповедников. То в пользу оных диссидентов употреблено общее старание с его в. королем прусским и в таком намерении содействие его министров требуется»³³.

Диссиденты делали свои представления не только в Петербурге и Варшаве, но и в Берлине, и в Дрездене. Так, в бумагах Е. Мнишека сохранилась копия обращения диссидентов к польскому королю Августу III, составленного, вероятно, в октябре–ноябре 1762 г., авторы которого от имени протестантов Великой и Малой Польши и Литвы поднимали вопрос о восстановлении религиозных прав диссидентов, о свободе богослужения, о восстановлении церквей, а также упоминали об упадке диссидентских поселений и гибели диссидентской шляхты³⁴. Появление этого мотива в обращениях протестантов к польскому правительству осенью 1762 г. свидетельствует, что постепенно начала разворачиваться политическая кампания в защиту диссидентов. В августе–сентябре 1763 г. Г. Бенуа переслал в Берлин петицию, содержащую перечень претензий диссидентов, в которой речь шла исключительно о протестантах и отмечалось нераспространение на них привилегии Сигизмунда Августа, ограничение религиозных прав в папках-конвентах Августа II, недопущение диссидентов к участию в трибуналах, указывалось на направленные против них постановления Варшавской конфедерации 1733 г. и Сейма примирения 1736 г., упоминалось ограничение права патроната над церквями, участия в сеймиках, говорилось о преследовании священников и религиозных общин диссидентов и, наконец, поднимался вопрос об уничтожении диссидентской знати³⁵. Обращает на себя внимание, что содержание претензий, вы-

* Как показал В. Кризайзен, к началу 60 гг. XVIII в. среди диссидентских политиков в Речи Посполитой произошла смена поколений, когда к руководству протестантскими объединениями пришли люди, не отягощенные прежними политическими неудачами, постигшими протестантов в первой трети XVIII в. В отличие от своих старших собратьев они связывали свои надежды на отстаивание сословных прав диссидентов преимущественно с Россией. В. Кризайзен сделал обоснованный вывод, что уже к лету 1764 г. в Польше сложилась политическая группировка («диссидентская партия») протестантской шляхты, ориентированная на сотрудничество с Петербургом³².

сказанных диссидентами, концентрировалось главным образом, если не исключительно, вокруг вопроса о восстановлении не столько религиозных, сколько сословных прав шляхтичей-протестантов в Польше.

Однако, видимо, только после кончины Августа III в Пруссии сочли возможным откликнуться на обращение диссидентов. 27 октября 1763 г. Фридрих II писал К. В. Финкенштейну, что саксонский посол в Берлине обратился к нему от имени своего двора, чтобы Россия и Пруссия выступили совместно с требованием восстановления законных прав и привилегий диссидентов в Польше, используя благоприятную ситуацию, когда королевский трон оказался вакантным. Король поручал своему министру направить соответствующие распоряжения Г. Бенуа в Варшаву и В. Ф. Сольмсу в Петербург, что и было исполнено на следующий день, причем Сольмсу поручалось включить статью о диссидентах в проект союзного договора³⁶, а Бенуа — добиваться, чтобы требования эти были учтены при составлении пактов-конвентов к избранию нового короля. Прусским послом были предприняты соответствующие меры, о которых он извещал Фридриха II в депеше от 29 февраля 1764 г.³⁷ В ней Г. Бенуа писал, что примас и другие епископы дают ему весьма твердые заверения, что требования диссидентов будут удовлетворены в составляемых пактах-конвентах; однако он замечает, что не может довериться этим обещаниям и поэтому при любом удобном случае продолжает говорить об этом, опираясь в своей пропаганде на тех сенаторов, позиция которых по диссидентскому вопросу ему известна. По его словам, такая деятельность не осталась безрезультатной, и некоторые сеймики включили в инструкции послам требование утвердить диссидентов в их правах. В то же время, продолжал прусский дипломат, другие сеймики дают противоположные инструкции, а епископы пользуются любыми аргументами, чтобы Польша отобрала у диссидентов их привилегии вместо того, чтобы их подтвердить или расширить. Далее Бенуа пустился в рассуждения, каких последствий надо ожидать в случае удовлетворения требований диссидентов. Он писал, «что это привлечет в Польшу большое количество иностранных ремесленников, которые будут чувствовать себя здесь уверенными и защищенными, что они поэтому охотно предпочтут это королевство соседним государствам и переселятся сюда, чтобы продавать свои изделия дороже, чем в других местах. Имущие диссиденты, — продолжал Бенуа, — в этом случае будут пытаться убедить своих сограждан, что для получения дальнейших выгод для Польши нужно будет дать дворянам-диссидентам право участия в сеймах и трибуналах».

Излагая эти соображения Фридриху II, посол преподносил их как свои собственные мысли, но так же рассуждали в Варшаве и поляки, сторонники частичного удовлетворения требований некаатоликов³⁸. Они считали, что провозглашение веротерпимости наряду с невысоким, в сравнении с другими государствами, налогообложением и покровительственными для польской торговли и промышленности тарифами привлечет в Польшу ремесленников и купцов, что должно благотворно сказаться на развитии промышленности и торговли, а следовательно, на государственных финансах. Однако, обращая столь настойчиво на это внимание Фридриха II, Бенуа, разумеется, понимал, что подобная перспектива не обрадует прусского короля, который сам был заинтересован привлечь переселенцев в собственные земли, и поэтому, сообщая о своих усилиях в деле диссидентов, прусский посол скорее предостерегал своего государя от излишней активности в диссидентском вопросе. О том, что рассуждения Бенуа именно так должны были быть восприняты в Берлине, свидетельствуют многократные указания Фрид-

риха II, что действия в защиту диссидентов в Польше не должны повредить привлечению переселенцев в Пруссию³⁹.

Излагая свои соображения относительно диссидентского дела, Бенуа отмечал, что предоставление диссидентской шляхте права участия в сеймах и трибуналах будет, по его мнению, вторым этапом в осуществлении диссидентской политики, который наступит только после их уравнивания в религиозных правах, что свидетельствовало о том, что в Пруссии могли бы вполне удовлетвориться, хотя бы временно, предоставлением диссидентам равноправия только в вопросах вероисповедания. Вероятно, и здесь прусский посол развивал не только свои собственные соображения, но и передавал мнение магнатов, готовых пойти на уступки в диссидентском вопросе. При этом он прямо указывал на Чарторыских, говоря, что значительная часть духовенства упрекает их в том, «что одно из основных условий, благодаря которому они добились присутствия (в Польше — *Б. Н.*) соседних держав, было согласие на допуск диссидентов к общественной деятельности, и что с подобным святотатством церковь не может согласиться. Такие заявления, — писал Бенуа, — только повергают в замешательство тех, кого обвиняют в подобном проекте, и мешают им публично защищать людей, которым они обещают такое великое благо».

Главная же мысль прусского посла, которую он стремился внушить своему королю, состояла в том, что осуществить диссидентское дело будет невозможно, если Польша «не будет принуждена к этому силой оружия соседних держав». В заключение он просил Фридриха II обратиться в Петербург, чтобы русским послам в Варшаве были даны инструкции действовать совместно с ним в интересах диссидентов и чтобы послы России и Пруссии имели в этом вопросе все необходимые полномочия.

Таким образом, в конце февраля 1764 г., за месяц до подписания союзного договора между Россией и Пруссией, когда Бенуа направляет свою депешу Фридриху II, прусский посол в Варшаве еще ничего не знал относительно того, достигнута ли договоренность между Петербургом и Берлином о совместных действиях в диссидентском вопросе, хотя попытки Фридриха II добиться соглашения об этом с русским двором были предприняты еще в конце октября 1763 г., когда К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали В. Ф. Сольмсу от имени короля о просьбах диссидентов о покровительстве, что вопрос этот традиционно являлся предметом соглашения между Россией и Пруссией. Поэтому послу предписывалось обсудить его для включения в готовящийся союзный договор. В депеше далее говорилось, что это не встретит затруднения, и высказывалось убеждение, «что само русское министерство сделает вам такое предложение, как это оно делало прежде»⁴⁰.

Это замечание прусских кабинет-министров свидетельствует, что русская сторона являлась инициатором также и предшествовавших соглашений в диссидентском вопросе. Однако осенью 1763 г. в Петербурге не были еще готовы сделать соответствующие предложения. Поэтому через два месяца, 27/16 декабря 1763 г., Фридрих II писал Сольмсу, что в ответ на ходатайство польских диссидентов, как протестантов, так и православных, избавить их от притеснений со стороны католического духовенства и посягательств на их права, он намерен, «не колеблясь», исполнить их просьбу и поручает послу «предложить гр. Панину, не пожелает ли Петербургский двор одинаково вступить за диссидентов, таким образом, чтобы нам соединиться в этом»⁴¹.

Предложение прусского короля прозвучало на этот раз весьма решительно и требовало, следовательно, не менее определенного ответа. В нем также подчеркивалось на-

мерение поддержать не только протестантов, но и православных, что неизбежно должно было затронуть весьма чувствительные струны в Петербурге. Заявление Фридриха II не осталось безрезультатным. 3 февраля / 23 января 1764 г. Финкенштейн пишет Сольмсу, что удовлетворен действиями Петербурга в диссидентском вопросе, однако подчеркивает, что для совместного демарша не стоит дожидаться избрания нового короля, а напротив, следует включить статью о диссидентах в пакты-конвенты⁴².

Таким образом, можно заключить, что, судя по переписке Сольмса с Берлином, намерения русского правительства оставались неизвестны Пруссии, несмотря на то, что в Берлине знали о присутствии в Петербурге диссидентских депутатов. Только в конце января 1764 г., когда в российской столице было принято решение заступиться за диссидентов города Торуня, в ответ на их прошение⁴³, в Пруссии убедились, в каком именно направлении может развиваться политика в диссидентском вопросе. Однако даже после подписания союзного договора 1764 г. Фридрих II не знал, каковы будут детали этой политики, не говоря уж о ее целях. 22/11 июня 1764 г. Сольмсу поручалось разузнать у русского министерства, «каким образом эта государыня (Екатерина II. — Б. Н.) полагает вступить за них»⁴⁴. Очевидно, что заинтересованность Фридриха II в диссидентском вопросе в 1763 и в первой половине 1764 г., несмотря на то, что в Берлине было мало что известно о намерениях России в этой области, объяснялась стремлением заключить союз с Россией, для чего в Берлине и пытались использовать диссидентскую тему, верно рассчитывая, что она может послужить почвой для сближения с Россией.

II

О том, что русская политика в диссидентском вопросе определилась без консультаций с Берлином, свидетельствует рескрипт императрицы Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину, утвержденный 16/5 апреля 1764 г.⁴⁵ В нем впервые «собственные наши единоверцы» именовались вместе с «прочими диссидентами». Послам поручалось «употребить всевозможное старание» на конвокационном и коронационном сейме, используя положение междоусобицы, для восстановления диссидентов во всех их правах на основании точного и ясного закона и для защиты их впредь от нападок католического духовенства. В рескрипте также говорилось, что через В. Ф. Сольмса будет сделано соответствующее представление Пруссии о совместных действиях по защите диссидентов на основании заключенного союзного договора. В рескрипте, правда, содержалась оговорка, что выбор времени для необходимых действий поручается самим послам, Г. Кейзерлингу и Н. В. Репнину.

Однако они не решились действовать на сейме конвокации. Более того, в мае 1764 г. Репнин по существу выразил несогласие с полученным рескриптом, когда писал Н. Панину, что «одно только восстановление во все старые преимущества диссидентов весьма трудно кажется, или почти совсем невозможно. Да если осмелюсь свое мнение донести, то не вижу, чтоб оно для нас так и полезно было. Введение их по-прежнему в гражданские чины увеличит их силу, тоже с ними и короля прусского. В нашем же законе уже знатных никого не осталось, и тако с силой их наша ни мало не приумножится, а кажется, что наш интерес, чтоб никакой чужестранный двор здесь сильнее нашего не был»⁴⁶. Трудно сказать, разделял ли Г. Кейзерлинг мнение Репнина, однако в Петербурге оно осталось незамеченным.

О намерении России и Пруссии предпринять совместные действия, направленные на восстановление прав диссидентов, стало известно в Варшаве уже летом 1763 г. 15 августа 1763 г. папский нунций в Польше А. Е. Висконти сообщал в Рим о договоре, заключенном между Россией и Пруссией 1 июня 1762 г. При этом он ошибочно указывает, что договор этот якобы был подтвержден Екатериной II. Передавая его содержание, Висконти писал, что «греки и диссиденты принадлежали раньше к знати в Польше и Литве и теперь должно предпринять меры, чтобы удовлетворить их требования и возвратить им все духовные и светские права, которыми они обладали ранее»⁴⁷. В сообщении нунция содержится ряд неточностей, главная из которых состоит в том, что в тексте второго сепаратного артикула говорится о том, что поскольку возвращения диссидентам их прав сейчас добиться невозможно, то надлежит сохранять существующие их права⁴⁸.

Таким образом, еще накануне кончины Августа III в Варшаве ожидали, что Россия и Пруссия в ближайшее время поднимут диссидентский вопрос, что и произошло в конце 1763 г. Об этом свидетельствует приведенное выше донесение Бенуа в Берлин от 29 февраля 1764 г., в котором речь шла о его переговорах с сенаторами, о попытках включить в инструкции послам положения в пользу диссидентов.

Накануне сейма конвокации диссидентское дело себя открыто почти не обнаруживало. В акте Генеральной конфедерации 1764 г. вовсе ничего не говорилось об участии диссидентов, а напротив подтверждалась незыблемость католицизма. Тем не менее противники диссидентского дела добились включения в инструкции сеймиков (бrestского—куявского, иновроцлавского) положений, направленных против диссидентов. Особенно жесткой была инструкция Волынского воеводства⁴⁹. Появление требований, не только подтверждающих, но и усиливающих ограничения прав иноверцев, введенных конституциями 1717 и 1733 гг., свидетельствовало, что определенные планы обсуждения диссидентского вопроса на сейме 1764 г. существовали. Об этом нунций сообщает в Рим в апреле 1764 г., а 2 мая он доносил, что французский и австрийский послы подтвердили его сведения об обещании Станислава Понятовского ввести в Польше свободу вероисповедания. Об этом Висконти говорил с А. Чарторыским, который косвенным образом подтвердил факт такого обещания, данного его племянником Екатерине II, заметив, что в стране существуют противоречивые религиозные устремления, которые надлежит учитывать при управлении, и что письмо С. Понятовского императрице не было посвящено религиозным вопросам, а только содержало упоминание о них⁵⁰.

7—23 мая 1764 г. в Варшаве проходил конвокационный сейм, на котором был, в частности, затронут вопрос о положении диссидентов. Ни русские, ни прусский послы в его обсуждение не вмешивались, видимо, считая особо важными делами образование Генеральной конфедерации и назначение королевских выборов. Может быть, причиной их молчания было отсутствие согласования действий России и Пруссии.

Первый пункт пропозиции на сейм предусматривал вопрос об «умножении» католической веры, с которым связывалось и обсуждение диссидентского дела, поскольку специально тема прав не католиков в пропозициях не затрагивалась. Епископы на сейме выступили по данному вопросу единогласно, в том числе и сторонники «фамилии»: Т. Чарторыский — епископ познаньский, и А. Баер — епископ хельминский. Ломженский посол Глинка потребовал, чтобы особая комиссия пересмотрела владельческие права диссидентов, а послы Подляшского воеводства

внесли 18 мая проект о подтверждении конституций 1717, 1733, 1736 гг. Один только подляшский воевода и российский пенсионер Б. Годский робко попытался выступить в защиту диссидентов. На последней сессии сейма проект о правах диссидентов был принят единогласно. Был подтвержден статус диссидентов, определенный конституциями 1717, 1733 и 1736 гг., имевшими ярко выраженную направленность против некатоликов и неуниатов. К тому же на будущее диссидентам было запрещено получать во владение староства и должности в войсках⁵¹.

В день закрытия сейма, 20 мая, Висконти доносил в Рим⁵², что во время работы сейма вопросы религии были одними из главных и что, по его мнению, существовала опасность восстановления диссидентов в сословных правах, что позволило бы им занимать сенаторские и шляхетские должности, а также строить церкви. За спиной диссидентов, по словам Висконти, действовали русские министры, а магнаты, которые все обещали ему свою поддержку, проявляли колебания, так что беспокойство нунция рассеялось только после принятия решения. Главная роль в этом, подчеркивает Висконти, принадлежала шляхте, которая «превозмогла сенаторов усердием и твердостью», более того, послы требовали, чтобы диссиденты были лишены большинства владельческих прав, которые им принадлежали ранее, из-за чего на сейме вышел спор.

В заключение нунций писал, что «один из пользующихся наибольшим доверием сенаторов» (вероятно, имеется в виду Август или Михал Чарторыский) предложил на сейме образовать коллегия епископов или особый трибунал, который являлся бы высшей инстанцией для решения дел, касающихся религии. «Я опасаюсь, — замечал нунций, — чтобы за этим не последовали другие проекты, уменьшающие права нунциатуры, епископов и права церкви».

Этот фрагмент из донесения Висконти впервые содержит упоминание о коллегии епископов, которой впоследствии принадлежала немаловажная роль в деле диссидентов. То, что вопрос о ее создании был поднят еще до избрания королем Станислава Понятовского, позволяет, по нашему мнению, усомниться в решающей роли будущего короля в образовании такого трибунала. Вероятно, эту идею поддерживали сами епископы, так как это усиливало их позиции в отношениях со светской властью, а также с примасом и римской курией. Сплоченность и единогласие епископата по религиозным вопросам в начале 1760-х гг. подтверждают все наблюдатели. Заинтересованность в создании такого института могла проявить и светская власть, так как это позволяло сманеврировать и переложить на коллегия епископов некоторые вопросы, особенно связанные с диссидентским делом.

Завершая свое донесение о конвокационном сейме 1764 г., Висконти отмечал, что его решения подлежат утверждению на сейме коронации, после чего и примут окончательно законную силу.

Приведенное донесение свидетельствует, что в диссидентском деле решения конвокационного сейма не были незыблемыми, что магнаты, и в первую очередь «фамилия», проявляли колебания и определенную готовность пойти на уступки России в диссидентском вопросе, что дело можно было исправить. Вероятно, так рассуждали и диссиденты, когда перед закрытием конвокационного сейма отправили депутацию в Петербург, где ее глава Ян Красиньский подал 18/7 июня 1764 г. мемориал, в котором заявлял, что диссиденты себя «видят обманутыми <...> включенным против них в актах нынешнего сейма конвокации пунктом, который будущи содержится по согласию генеральной конфедерации получит навсегда силу зако-

на, ежели будет подтвержден в будущем сейме коронования». При этом Красиньский ссылается на «всемилодивейшее объявление» императрицы, подтвержденное и русскими послами в Варшаве, о намерении России восстановить диссидентов во всех их «древних правах и привилегиях»⁵³.

Из мемориала Красиньского видно, что еще накануне конвокационного сейма диссидентам были даны в Петербурге определенные гарантии, возможно даже лично Екатериной II, на что недвусмысленно указывает мемориал, что аналогичные обещания давались и в Варшаве Кейзерлингом, так как Репнин о своих беседах с диссидентами в этот период не упоминает. Видимо, приведенный выше рескрипт 16/5 апреля 1764 г. был непосредственно связан с приемом императрицей в Петербурге диссидентских представителей, на что указывает и упоминание в нем о прилагаемой записке, поданной от диссидентских депутатов⁵⁴.

Видимо, нежелательное для России направление диссидентского дела на конвокационном сейме, колебания русских послов в Варшаве и известная неопределенность в этом вопросе прусского двора, а также протест диссидентской депутации побудили Екатерину II усилить дипломатическое давление. Так, 19/8 июня Сольмс доносил в Берлин о ее намерениях «оказать серьезную поддержку диссидентам». В ответ на это 7 июля / 26 июня 1764 г. от имени короля Финкенштейн и Гертцберг поручают ему выяснить у гр. Панина намерения России и сообщают о приказании, отправленном Бенуа «действовать в этом деле согласно с русскими»⁵⁵. 1 июля / 20 июня 1764 г. Екатерина II мягко пожурела Г. Кейзерлинга за пассивность в деле защиты диссидентов в Польше. Причем сделано это было не в рескрипте или через депешу Панина, а в личном письме. Императрица одобряла действия посла на сейме и только в заключительных строках прибавила: «Прошу вас убедительнейше не пренебрегать делом раскольников; это единственное, которое не идет согласно моим желаниям»⁵⁶.

Даже события, предшествовавшие избранию королем Станислава Понятовского не остановили попыток Петербурга продвинуть диссидентское дело и добиться от Пруссии необходимых действий на стороне России. Последняя задача была решена предписанием 22/11 июля 1764 г. в Торжественной декларации России и Пруссии, относительно прав диссидентов в Польше⁵⁷. Впервые, месяцем ранее, идея такой декларации была высказана в письме Финкенштейна и Гертцберга Сольмсу от 22/11 июня 1764 г.⁵⁸ Однако, думается, что, с одной стороны, нет оснований придавать исключительного значения этой инициативе прусских министров, потому что до сих пор русская политика в диссидентском вопросе развивалась вполне самостоятельно, а роль Берлина никогда не выходила за рамки, отведенные в Петербурге младшему партнеру; с другой стороны, это последнее обстоятельство заставляло прусский двор, в переписке со своими представителями изображать свою роль более значительной, нередко советуя своим контрагентам принять совершенно очевидные меры.

Вместе с тем эта декларация сыграла немаловажную роль не только в диссидентской политике русского правительства, но и в политике России в Польше в целом, ибо она уже не ограничивалась, как было раньше, требованиями справедливого судебного разбирательства в делах диссидентов или их защиты со стороны короля и канцлеров, а настаивала на принятии сеймом продиктованного Россией законодательства, т. е. было открыто заявлено о праве России и Пруссии вмешиваться в прерогативы сейма как верховной власти в Речи Посполитой. Россия заявляла себя тем самым субъектом конституционного права Польши. Распространение этого статуса

России мы вскоре уже можем наблюдать в декларации по курляндскому вопросу и в официальной рекомендации, данной русским послом для избрания королем Станислава Понятовского в июле–августе 1764 г.⁵⁹ Однако декларация о правах диссидентов была на этом пути первым шагом. Следует также указать на содержавшееся в русско-прусской декларации заявление, «что и другие государства, исповедующие те же религии, с живейшим участием отнесутся к столь полезному и выгодному для всего христианского мира соглашению, то упомянутые дворы (Россия и Пруссия. — Б. Н.) не замедлят сообщить им о том и пригласить их присоединиться»⁶⁰. Идея привлечения других стран к участию в диссидентском деле, очевидно, должна была не только усилить воздействие российского демарша в Польше, но и послужить поиску почвы для соглашения стран Северной Европы в планируемой Н. И. Паниным «северной системе». Значение русско-прусской декларации, тем самым, выходило далеко за рамки простого дипломатического демарша. И не случайно австрийский посол в Петербурге И. М. Лобкович в донесении в Вену рассматривал ее как конвенцию по диссидентскому делу между Берлином и Петербургом⁶¹.

Дипломатические усилия России принесли первые плоды уже на элекционном сейме, который проходил с 28 августа по 8 сентября 1764 г. Хотя, по сообщениям Висконти⁶², «добрые католики» не оставили усилий отстоять прерогативы церкви, епископы не стали настойчиво возражать против 7 статьи пактов-конвентов, которая провозглашала мир с иноверцами и подтверждала их права в соответствии с конституциями 1717, 1733 и 1736 гг. Сообщая об этом Н. И. Панину, Н. В. Репнин, возглавивший посольство в Варшаве после кончины 30 августа 1764 г. Г. Кейзерлинга, в своей депеше от 3 сентября / 23 августа указывает на неудовлетворительность для России принятого решения и вновь недвусмысленно выражает сомнение в осуществимости планов Петербурга. Он пишет, что «глава диссидентов крик и споры бесконечные производит, и не льщусь, чтобы, кроме силы, можно было для них что полезное сделать»⁶³. Тем не менее определенный компромисс был найден, что позволило избежать открытого столкновения по диссидентскому вопросу в ходе королевских выборов, которым в Петербурге придавалось приоритетное значение. В окончательном варианте пактов-конвентов, утвержденных сеймом, статья постановления Генеральной конфедерации о диссидентах⁶⁴ была несколько отредактирована. Подтверждение конституций 1717, 1733 и 1736 гг. трактовалось в них как подтверждение прав некатоликов, но была опущена констатация неполноправия православных и протестантов⁶⁵.

25/14 сентября по повелению императрицы Н. В. Репнин подал от своего имени королю Станиславу Августу мемориал⁶⁶, текст которого буквально совпадал с содержанием русско-прусской декларации по диссидентскому вопросу, из которого, правда, были исключены все упоминания о Пруссии. Единственным заметным расхождением было то, что в декларации говорилось о диссидентах как о «подданных республики», а в мемориале — как о жителях Речи Посполитой. Так как официальный текст декларации был получен русским посольством в Варшаве только вместе с рескриптом от 5 октября / 24 сентября 1764 г., то можно заключить, что содержание декларации было известно послам ранее, а возможно, Г. Кейзерлинг принимал участие в ее составлении. В рескрипте⁶⁷, подписанном только Екатериной II без контрассигнации Н. Панина и А. М. Голицына, говорилось, что «мы с удовольствием увидели <...>, что вы уже собою по прежним нашим точным наставлениям, не

удовольствуясь тем, что в прежних пактах королевских исправлено, сделанное на прошлом созывательном сейме вновь диссидентам утеснение, подали его величеству мемориал по сему, толь правосудно нас интересующему предмету, и тем открыли путь к особенной о том негоциации». 24/13 октября Репнин получает следующую депешу Панина, в которой более подробно раскрывается план предстоящей негоциации⁶⁸. В ней говорится, что для удовлетворения иновенцев только влияние короля недостаточно и надо привлечь для содействия в этом деле благожелательных России магнатов, наконец, использовать как последнее средство угрозу приостановить вывод из Польши русских войск, если требования России не будут удовлетворены.

28/17 октября 1764 г. императрица собственноручно пишет письмо Репнину, в котором «наисильнейше» рекомендует ему, как ранее Кейзерлингу, дела о диссидентах и границе. «Помните, — подчеркивает она, — что и в том и в другом заинтересована моя слава»⁶⁹. Столь недвусмысленное требование свидетельствовало о решительности намерений русской политики в диссидентском вопросе. 15/4 ноября 1764 г. посол сообщает о готовности употребить все силы в пользу диссидентов, что в этом ему намерены содействовать король Станислав Август и прусский резидент Г. Бенуа. «Только, — продолжает Репнин, — опасаясь антузиасму здешней нации, который на сем пункте чрезвычайен»⁷⁰. Затрагивая тему энтузиазма нации, непримиримого отношения польской шляхты к притязаниям России в диссидентском вопросе, русский посол вновь напоминает о своих предостережениях, сделанных ранее. Почти во всех своих донесениях о ходе коронационного сейма он не раз возвращался к этой мысли, причем в тех же самых выражениях. Что хотел внушить Репнин своим петербургским корреспондентам назойливым повторением, очевидно, неприемлемой для них мысли о крайней затруднительности, если не невозможности реализации требований России? Вероятно, ответ на этот вопрос может быть двояким: либо снять таким образом с себя ответственность в случае неудачи диссидентских планов Петербурга, либо побудить русское правительство отказаться от неосуществимых замыслов. Однако для самого Репнина повеление Екатерины II о диссидентском деле как деле чести императрицы не оставляло выбора.

В довольно затруднительном положении оказался и новый польский король Станислав Август. Накануне выборов, добиваясь популярности у шляхты, он играл роль истового католика, а теперь настоятельные требования России по диссидентскому вопросу грозили погубить популярность короля у дворянства и католического духовенства, в случае его уступчивости, или же — дело реформ в случае сопротивления иницилируемым Екатериной II постановлениям по диссидентскому делу. Накануне начала коронационного сейма Станислав Август отвечает на два письма русской императрицы. 15 ноября 1764 г. он пишет ей⁷¹ о необходимости продолжения реформ, начатых на конвокационном сейме, при этом, говоря о польском народе (что в тогдашнем понимании означало польскую шляхту), он неизменно упоминает и диссидентов как его составную часть, не давая никаких обязательств и вместе с тем стремясь создать у своего адресата впечатление, что он, король, очень озабочен диссидентской проблемой и готов содействовать ее разрешению.

Тогда же, в конце ноября 1764 г., Н. В. Репнин подает ноту по диссидентскому вопросу и доносит в Петербург 28/17 ноября 1764 г., что обсуждение диссидентского дела будет начато на следующий день после открытия сейма и что он совместно

«с чужестранными министрами» будет действовать в интересах диссидентов⁷². Однако работа сейма проходила совсем в ином порядке. Открывшись 3 декабря 1764 г., сейм начал с утверждения предшествующих решений, определявших содержание реформ 1764 г. На сейме была образована также комиссия епископов для рассмотрения церковных дел, а также для дел между духовными и светскими институтами⁷³. Так была реализована идея, возникшая еще накануне сейма элекции.

С самого начала этой комиссии отводилась весьма важная роль в диссидентском деле. Об этом свидетельствует донесение Висконти от 16 декабря 1764 г., в котором говорится, «что на следующий день, 17 декабря, примас намерен выступить по диссидентскому вопросу, что до этого в своем доме он обсуждал проект вместе с епископами и что в этом проекте, по точным сведениям нунция, содержится «не меньше, чем свободное отправление религии»⁷⁴. Но выступление примаса так и не состоялось. Тогда Г. Бенуа поднял диссидентскую тему в связи с обсуждением вопроса о подтверждении трактатов, заключенных Речью Посполитой. Когда и эта попытка окончилась неудачей, то, как пишет М. Ц. Лубеньска, «последний штурм предпринял Репнин 20 декабря 1764 г.»⁷⁵. Это было в день закрытия коронационного сейма.

Подробное описание событий на сейме и действий Репнина содержится в его депеше Панину от 24/13 декабря 1764 г., почти целиком приведенной С. М. Соловьевым⁷⁶. Репнин начинает свое донесение с сообщения о подтверждении сеймом трактата 1686 г. и подчеркивает в связи с этим, что Станислав Август «совершенно предан всемилостивейшей государыне и дела ее нелицемерно за свои считает»; далее он пишет, что накануне сейма сообщил конфиденциально королю и магнатам, что имеет приказание не выводить русские войска, пока не будут выполнены все требования Петербурга, в том числе и по диссидентскому делу. То есть Репнин в точности исполнил инструкции Панина о давлении не только на короля, но и на магнатов, и об использовании невывода войск как крайней угрозы. Но так как угроза оставления русских войск в Польше была им увязана не только с диссидентским делом, но и с признанием договора 1686 г., что было достигнуто, то можно предположить, что Репнин сделал это, рассчитывая, что успех в деле подтверждения договора откроет для него возможность маневра, даже в случае неудачи с диссидентским вопросом. Так и получилось, когда Репнин все же позволил королю объявить о начале вывода русских войск, в надежде, как он пишет, «в нации возбудить благодарность, дабы хоть тем, к желаемому концу дойти». Но вероятно, не надеждой на благодарность поляков был продиктован его поступок, а стремлением не доводить дело до конфликта с королем и сеймом в случае, несомненного для Репнина, провала диссидентского дела. Поставленный в тот же день на сейме диссидентский вопрос был встречен, по словам русского посла, «безобразным криком». Король и примас, подавшие проект маршалу сейма, были вынуждены объявить, что проект был представлен иностранными министрами.

В проекте говорилось: «Как всякого народа честь, а паче слава состоят в том, чтоб делать каждому гражданину справедливость, так и сия светлейшая республика искала и ищет наибольшей своей в том похвалы, чтобы все ее обыватели, какого бы звания, состояния и закона ни были, пребывали под покровительством прав и справедливости. И для того, взирая на чинимые от диссидентов многократные жалобы, и при том в согласие прежних прав, привилегий и конфедераций им служащих, властью нынешнего сейма свободное отправление закона оным диссидентам дозволяем. Все не-

употребления, от кого б оные не введены, но были б препятствием отправлению их закона уничтожаем. Обнадеживая при том их, что они отныне без всякого как то светских, так и духовных персон препятствия будут могти костелы свои старые подчинять, сгорелые и разоренные возобновляя, а в случае надобности и новые строить. Священники их свободны будут все таинства отправлять, браком сочетать, больных посещать, школы и богадельни свои содержать и, где бы надобность востребовала, возобновлять и новые строить. А при том, сожалея о приключенных обидах диссидентам, а здешнего государства звания шляхетского обывателям, учиненные в противность состоявшихся в 1627 и 1632 годов декреты: а именно Петриковский декрет, учиненный в обиду г-на Дембовского за костел Августина Исповедника, состоящий в его вотчинах, называемых Кресно; также в обиду г-на Рачинского за костел Августина Исповедника, в Обрижке состоящий; в обиду г-на Бротковского за костел евангелико-реформатского исповедания в Оржешкове состоящий; в обиду г-на Радолинского за костел Августина Исповедника в Любженице состоящий; в обиду г-на Гелтшова-Валецкого, нашего судебного старосты, за костел в Новом Голтшу и Клявсдорфе Августина Исповедника состоящий. Равномерно ж уничтожаем декрет Любельской, учиненный в обиду г-на Суходольского за богадельню и костел евангелико-реформатского исповедания, в деревне Пуцах состоящие» * ⁷⁷.

Предложенная конституция содержит постановление об уравнивании диссидентов в правах вероисповедания, упомянуты конституции 1627 и 1632 гг., в которых в наиболее полной мере были отражены права шляхтичей-протестантов и на восстановлении которых настаивали в России, т. е. сугубо в редакционном плане польская сторона пошла навстречу требованиям Кейзерлинга и Репнина. Однако далее отменялись только малосущественные постановления, касавшиеся церковных зданий и не выходившие за рамки вопроса о свободе вероисповедания. По стилю и содержанию проекта можно определенно заключить, что он принадлежал королю и Чарторыским, а не был составлен в русском посольстве.

Несмотря на то, что проект конституции не затрагивал ничего, кроме вопроса о веротерпимости, и разрешал лишь только восстановить разрушенные диссидентские костелы, даже обсуждение диссидентского вопроса на сейме не состоялось. Сам Репнин находился в это время возле Сената и, зная через шпионов о ходе дискуссии, написал королю записку о том, что без решения по диссидентскому делу он не вправе отправить войска домой. Король, по его словам, был этим чрезвычайно напуган, поэтому Репнин, видя его страх и преданность императрице, решил все же согласиться на вывод войск, за исключением корпуса В. М. Долгорукова, который следовало вывести в Литву. В заключение депеши посол просит Панина одобрить это решение. Таким образом, Репнин и, возможно, Панин смогли не допустить открытого разрыва с королем и сеймом, к чему могла привести жесткая позиция в диссидентском вопросе. Следует также отметить, что анализ дипломатической переписки Петербурга с Варшавой в этой области свидетельствует о том, что сами контуры этой политики, а также и роли ее инициаторов и исполнителей были еще не в полной мере определены.

* Текст проекта сохранился в переводе на русский язык, который был прислан Н. В. Репниным из Варшавы в Петербург в связи с обсуждением в 1765 г. возможных дополнений к инструкции, данной в январе 1765 г. Станиславом Августом польскому послу в Петербурге Ф. Ржевускому.

Для русской политики в диссидентском вопросе в 1764 г. было характерно: во-первых, неопределенность требований, ибо уравнивание в правах, о котором твердили в Петербурге и не уставали напоминать русские послы в Варшаве, допускало самые широкие и произвольные толкования; во-вторых, отсутствие единства в этом вопросе между Екатериной II, Н. И. Паниным и Н. В. Репниным. Причем именно императрица выступала как главный инициатор политики России в защиту диссидентов, Репнин открыто и настойчиво выражал сомнения в ее нужности для России, а Панин старательно скрывал свое к ней отношение. Не определилась еще и едва обозначившаяся связь между диссидентской политикой России и намечавшейся Н. И. Паниным «северной системой», т. е. было не ясно, в какой степени будут вовлечены в диссидентский вопрос Пруссия и другие протестантские государства Севера Европы. Как для России, так и для польских магнатов диссидентское дело в 1764 г. было заслонено более важными проблемами — королевскими выборами, вопросом о реформах в Польше и о возможном польско-русском союзе.

Вместе с тем сама польская шляхта, несмотря на ярко выраженное неприятие каких-либо перемен в положении диссидентов и громкие крики в защиту католической веры на сеймах, не придавала демаршам русского правительства серьезного значения. Все это позволило избежать открытого столкновения России с правящими кругами Речи Посполитой и шляхетской нацией по диссидентскому делу в 1764 г.

III

И в следующем, 1765 г. инструкции от Екатерины II и Н. И. Панина по диссидентскому делу, отправленные из Петербурга в Варшаву, не отличались содержательностью. Может быть, это объясняется занятостью русского правительства первоочередными делами в связи со шведским сеймом или обострением отношений с Турцией. Может быть, это было связано с тем, что в самой Варшаве наибольшее внимание привлекали попытки Станислава Августа активизировать внешнюю политику Речи Посполитой в направлении Австрии и Франции, что с раздражением воспринимали в Петербурге, или же с таможенным конфликтом Польши и Пруссии? Так или иначе, но активность русского правительства в деле диссидентов проявилась только в направлении в январе 1765 г. в Варшаву Георгия Конисского, которому Репнин должен был оказывать содействие⁷⁸, и в апробированном императрицей письме Н. И. Панина — Н. В. Репнину от 23/12 февраля 1765 г., в котором говорилось, «что мы не можем и не хотим поставлять польские дела совсем оконченными, пока не сделано будет справедливое поправление состоянию тамошних диссидентов, хотя б то и самой вооруженной негоциации требовало». Далее Панин предлагал послу действовать применительно к обстоятельствам, используя для этого Чарторыхских или же, напротив, памятуя о противоречиях между ними и королем, опереться на Станислава Августа против «фамилии»⁷⁹.

Несколько иная картина предстает в донесениях В. Ф. Сольмса в Берлин. 22/11 января 1765 г. он писал, что в Петербурге готовы предпринять энергичные меры по польским делам, в том числе и по диссидентскому вопросу. Сольмс сообщал также, что, по словам Н. И. Панина, императрица намерена лично написать письмо Станиславу Августу, «поручив ему это дело в такой форме, из которой он мог бы понять, что она не желает более получать отказа». Н. В. Репнин должен будет, как передает прусский

посол, якобы от своего имени сообщить королю и Чарторыским, что в случае неудовлетворительного ответа на письмо Екатерины II «ему предоставляется право обратиться ко всей республике с декларацией», гласящей, Екатерина II не считает диссидентское дело оконченным <...> и чтобы диссиденты были удовлетворены во всех своих справедливых жалобах». Далее Сольмс писал, что императрица не остановится перед оппозицией сейма и примет другие меры для покровительства диссидентам, которое было обещано ею перед лицом всего мира. По словам Сольмса, все это не должно ограничиться пустыми демонстрациями. В случае, если собрание Сената, намечаемое королем, примет нежелательный для России оборот, будет образована диссидентская конфедерация, поддержанная русскими войсками, возглавить которую будет предложено королю. Станислав Август не сможет, по мнению Панина, отвергнуть это предложение и должен будет выступить посредником между двумя конфедерациями и соединить обе партии, если он не опасается обнаружить свою враждебность диссидентскому делу и интересам России. В заключение Сольмс замечает, что в Петербурге это считается лучшим средством достижения успеха⁸⁰.

Спустя два месяца, 23/12 апреля 1765 г., Сольмс вновь пишет в Берлин о решительности русских намерений в диссидентском вопросе и о готовности Н. И. Панина действовать открыто, что он предлагает представить от имени министров России и Пруссии в Варшаве коллективную декларацию о том, что оба двора «предприняв защиту и охранение свободы республики, по просьбе ее самой, считают себя обязанными доставить также преимущества и меньшей части нации, т. е. диссидентам, почему, настаивая на возвращении этим последним национальных вольностей, они требуют созвания чрезвычайного сейма для установления прав диссидентов основным законом». Далее в той же депеше Сольмс сообщает о желании императрицы «окончить все польские дела и в то же время уничтожить генеральную конфедерацию к будущей осени. Если же, однако, происки злонамеренных людей опять возьмут верх, то, как доносил прусский посол, остается решенным, что диссиденты должны со своей стороны образовать конфедерацию». Для этого, по словам Сольмса, в Литву отправляются русские войска, расположенные до этого на Висле. Вместе с тем, по приведенному прусским послом мнению Н. И. Панина, не нужно вводить в Польшу прусские войска, так как диссиденты Польской Пруссии достаточно сильны и вместе с тем одного соседства державы Фридриха II будет достаточно «для внушения страха враждебной партии»⁸¹.

При сопоставлении депеш Сольмса и инструкций, полученных русским послом в Варшаве, наблюдаются весьма заметные расхождения. С одной стороны, в инструкциях Репнину действительно говорится о намерениях императрицы действовать решительно и окончить диссидентское дело еще в текущем году, для чего предлагается использовать даже военную силу; на это указывает и отправленный 16/5 сентября 1765 г. запрос Панина относительно проведения чрезвычайного сейма, и его замечание в той же депеше, что новая активизация русской политики в Польше возможна только после «успокоения» Порты⁸². Это как бы указывает, что пассивность России в Польше была продиктована только внешними обстоятельствами. С другой стороны, последнее вовсе не может служить объяснением причин неопределенности инструкций, полученных Репниным, в которых мы не находим и следа достаточно проработанного плана, изложенного Сольмсом, а содержится лишь указание, не раскрывая планов русского правительства, действовать по обстановке. Думается, что изложенные Сольмсом со слов Н. И. Панина проекты не соответствовали соб-

ственной позиции руководителя русской внешней политики, а были сообщены прусскому послу, чтобы выяснить соответствующую реакцию Берлина на возможные действия России в Польше или же, что также вероятно, свидетельствовали о наличии и иного подхода к определению тактики российской политики в диссидентском вопросе, который не разделялся Паниным и поэтому не был положен в основу инструкций, отправленных к Репнину в Варшаву.

Таким образом, в диссидентском вопросе после коронационного сейма наступил длительный период, когда выработка российской политики в этой области сосредоточилась в русском посольстве в Варшаве, а единственной наиболее подробной и обстоятельной инструкцией для Н. В. Репнина оставалась русско-прусская декларация 22/11 июля 1764 г., в которой, в частности, говорилось о поручении послам России и Пруссии требовать от сейма и короля «чтобы упомянутые диссиденты, как дворянского, так и низшего сословия были удовлетворены и восстановлены согласно законам и общим основным постановлениям республики в полном обладании всех прав, вольностей и привилегий, которыми они явно пользовались в прежнее время, и именно тех, которые каким бы то ни было образом относятся до свободного отправления ими своей религии и неоспоримо принадлежат им как уроженцам и свободным верным и безупречным гражданам республики»⁸³.

В ответ на февральскую депешу Н. Панина, в которой русскому послу предписывалось использовать все средства вплоть до вооруженной силы для продвижения диссидентского дела, Н. В. Репнин сообщал 6 марта / 23 февраля 1765 г. о своем разговоре со Станиславом Августом, в котором королю было заявлено о недовольстве в Петербурге положением диссидентского дела, чему причиной, по словам Репнина, явились Чарторыйские. В свою очередь Н. В. Репнин просит «открытно сказать, сколь точно состояние диссидентов одобрить (улучшить. — Б. Н.) желаете?» и далее пишет, «что, кроме открытой силы в правление статское и гражданское их ввести не можно». По его словам, на это не согласятся не только противники, но и сторонники России, включая и короля, которые соглашаются только на предоставление диссидентам свободы вероисповедания и на допущение их в военную и дипломатическую службу и на предоставление им староств, не обладающих судебным иммунитетом. Репнин подчеркивает также, что любые изменения в положении диссидентов возможны только по решению сейма⁸⁴. Вопросы Репнина были не только продиктованы неясностью позиции Петербурга, но и содержали по отношению к ней почти неприкрытую критику, ибо повторялись российским министром не впервые. Тем не менее они были вновь оставлены Паниным без ответа.

Между тем, уже в апреле 1765 г. Репнин столкнулся с новым свидетельством отсутствия единства в польской политике Петербурга, когда он был вынужден обратиться к Панину в связи с полученным от В. М. Долгорукова (подчиненного Репнину командира корпуса русских войск в Польше) известия о возможности возвращения его корпуса в Россию. В связи с этим Н. Панин делает заметку на полях депешы из Варшавы для доклада Екатерине II: «Долгорукой с Репниным худо изъяснились. Из Военной коллегии к первому писано в той силе как я писал к Репнину⁸⁵, чтоб подвинуть корпус к Гродне на случай конфедерации диссидентов»⁸⁶. Приведенная заметка Панина примечательна по двум причинам: во-первых, это первое свидетельство несогласованности действий Коллегии иностранных дел и Военной коллегии, президент которой З. Г. Чернышев играл немаловажную роль в польской политике России, и, во-вторых, это подтверждение

сведений Сольмса о том, что уже весной 1765 г. в России всерьез рассматривали проект образования диссидентской конфедерации в Польше.

Не получив в очередной раз необходимых инструкций из Петербурга, Репнин в конце апреля 1765 г. приступил к разработке собственного плана действий в диссидентском вопросе. В депеше из Варшавы от 8 мая / 27 апреля 1765 г.⁸⁷, в которой посол, в частности, сообщал о нежелательности передислокации корпуса Долгорукова, так как это раньше времени заставит открыть планы России, потому что очередной сейм будет только в будущем году, Репнин утверждает, что решить дело диссидентов нынешним летом, как этого ожидали в Петербурге, «подлинно ненадежно <...> и совсем невозможно». Поэтому, готовясь к сейму 1766 г., он предлагает связать диссидентское дело с вопросом об исполнении договора 1686 г. или же включить его в новый союзный трактат. Такой подход, видимо, давал бы возможность послу вести непосредственные переговоры с сеймом или его комиссией, не прибегая к открытому вмешательству во внутренние дела Польши на основе только русско-прусской декларации, что в определенной мере, хотя бы внешне, позволяло смягчить позицию России. Кроме того, Репнин предлагает разрешить диссидентское дело по аналогии с таможенным конфликтом между Польшей и Пруссией. В этом случае требование о восстановлении прав диссидентов должно было бы исходить от Фридриха II, а Екатерина II приняла бы на себя роль посредника. «Одно мне кажется трудностью, что <...> государыня, интересовавшаяся сама публично в диссидентском деле, не может в оном же посредницею быть, пишет Репнин и продолжает, — что, может быть на сие какой способ сыщется». На что Н. И. Панин замечает на полях: «Да не сей»⁸⁸. Предложение Репнина и ответ Панина весьма многозначительны. Если Репнин желал бы избежать для России непосредственного участия в диссидентском деле и представить его инициатором прусского короля, то Панин не только исключает такой подход к делу, но и подчеркивает, что участие в нем Пруссии если и не совсем нежелательно, то по крайней мере должно быть сведено к минимум и быть полностью подчинено России.

В середине мая 1765 г. Репнин дополнил свои предложения, сообщив, что в связи с ожидаемым приездом в Варшаву польского посла в Петербурге Ф. Ржевуского он добивается включения в его официальную инструкцию вопроса о русских претензиях, в частности, по диссидентскому вопросу⁸⁹. Уже после приезда Ржевуского в Варшаву он вновь возвращается к этой теме в своей переписке с Паниным⁹⁰ и просит сообщить возможно подробнее, что именно в Петербурге хотели бы видеть в инструкции польскому послу. При этом Репнин повторяет свои вопросы относительно конкретных условий восстановления прав диссидентов, замечая при этом, что «сколь в главное правительство (сейм и Сенат. — *Б. Н.*), столь и в подчиненные судебные места диссидентов допустить здесь не желают».

Вопрос об инструкции Ржевускому вполне соответствовал плану Репнина по разрешению диссидентского вопроса, ибо позволял начать переговоры через польского посла в Петербурге, не прибегая к ультимативным требованиям или конфедерации. Кроме того, Ржевуский, по его мнению, был одним из магнатов, наиболее лояльных по отношению к России. Через него Репнин рассчитывал воздействовать на короля и образовать ту группировку на предстоящем сейме, посредством которой удастся разрешить диссидентский вопрос.

Итак, в общих чертах этот план сводился к повторению вновь ситуации 1764 г., когда диссидентское дело закончилось неудачей. Но чтобы избежать ее повторения

в будущем, Н. В. Репнин предлагал в депеше от 2 октября / 21 сентября 1765 г.⁹¹ «заранее учредить план и заключить формальную с двором здешним тайную конвенцию, в силу которой, чтоб согласно с обеих сторон в сем деле поступать к достижению желаемого в оном конца». Он также считает, что «на одном сейме всего сделать будет не можно, а надлежит по последней мере на два разделить». Репнин сообщает, что у него уже состоялся об этом разговор со Станиславом Августом, который обещал «все возможное старание употребить к достижению желаемого успеха», за который, правда, король не может поручиться и опасается даже междоусобной войны. В разговоре с королем Репнин настаивал на подготовке еще на сеймиках в соответствующем духе общественного мнения. Работу над намеченным планом Репнин начал в октябре 1765 г. совместно с Ф. Ржевуским⁹², о ее окончании посол сообщил в Петербург 11 ноября / 31 октября 1765 г.⁹³

Проект князя Репнина⁹⁴ состоял из четырех пунктов. Во введении говорилось, что для успеха в диссидентском деле надлежит действовать постепенно. Поэтому в соответствии с п. 1 на первом сейме надлежало утвердить для диссидентов свободу вероисповедания и богослужения; на втором сейме (п. 2) следовало завершить все начатое раньше и, главное, восстановить и утвердить для «греческого дворянства и диссидентов те права и преимущества, которыми они пользовались ранее». Далее предусматривалось, что заключившая соглашение партия получит деньги и «все средства, которые они сочтут необходимыми по общему соглашению в соответствии с обстоятельствами, чтобы достичь поставленной цели» (п. 3); говорилось, что желательно провести диссидентское дело помимо сейма, лишь бы решение данного вопроса «имело ту же прочность и силу (п. 4), так как это цель, к которой надо стремиться, а не мука, которая перемелется». Для достижения поставленной цели, в соответствии с проектом Репнина, надлежало начать работу в будущих сеймиках, чтобы обеспечить на сейме соответствующий состав послов.

Король сделал на проект Репнина три замечания, два из которых носили принципиальный характер. По поводу включения диссидентов в правительство он писал, во-первых, что «никогда нельзя допустить диссидентов к законодательству и проектированию законов. Доступ к судейским должностям может быть для них открыт, но это последнее, что можно осмелиться предпринять», и, во-вторых, что «лучше делать, чем говорить, ибо в случае открытия будущих конституций перед лицом нации встанет тот, кто это говорит сегодня», т. е. ответственность за уступки в пользу диссидентов ляжет не на русского посла, а на него — Станислава Августа.

Итак, проект Репнина предусматривал поэтапное решение диссидентского вопроса на двух сеймах, причем предоставление диссидентам политических прав, в котором Россия была заинтересована в наибольшей степени, предполагалось на втором сейме. Это создавало почву для компромисса короля и Чарторыхских, с одной стороны, и петербургского двора, с другой, так как позволяло использовать заинтересованность России в благополучном исходе сейма 1766 г. для проведения на нем задуманных «фамилией» реформ или по крайней мере отодвинуть опасность рокового для Чарторыхских конфликта как с сеймом, так и с Петербургом. Также король открыто заявлял о неприемлемости для него всех требований России по диссидентскому делу, о чем в Петербурге были определенно информированы еще в ноябре 1765 г. Проект Репнина свидетельствовал также о том, что русский посол был готов поддерживать в диссидентском деле Станислава Августа не только деньгами, но и воору-

женной силой, при этом, видимо, даже на пути весьма значительного усиления королевской власти, в случае решения диссидентского дела в обход сейма. И наконец, впервые именно в этом проекте была сформулирована задача русской политики в Польше, которая стала для Репнина впоследствии, в 1767 году, главенствующей — получение непосредственного контроля над сеймиками.

В той же депеше от 11 ноября / 31 октября 1765 г. Репнин пишет Панину, что проект представлен был королю по собственной инициативе посла и без апробации в Петербурге, что в ответ на него Станислав Август представил собственный вариант соглашения по диссидентскому делу, в котором король пошел навстречу требованиям России, в сравнении с его замечаниями на проект Репнина, и согласился на предоставление диссидентам права «быть старостами градскими, депутатами в трибуналах, судьями земскими и, одним словом, во все чины гражданские и военные их ввести <...>, исключая только правительство». Делая замечания на королевский проект, Репнин также указывает, что, по его мнению, следует ограничить сроки решения диссидентского вопроса двумя сеймами, вместо первого и последующих, как об этом пишет Станислав Август, а также не предусматривать запрещения переходить из одной конфессии в другую, оговорив только недопустимость насильственного обращения в католичество и униатство, чтобы в будущем использовать такую возможность для усиления позиций своих сторонников. Кроме того, Репнин предлагал предусмотреть в конвенции, «не давая приметить для чего», возможность ее последующего дополнения, «не ослабевая, однако, учрежденных уже вещей в пользу диссидентов». Это дополнение конвенции задумано было им «для оставления себе дороги довести хотя в будущие времена диссидентов до последнего градуса равенства, т. е. до достоинства сенатского из земских послов на сеймах».

Эти замечания на королевский проект свидетельствуют, что русский посол готов был согласиться с предложением Станислава Августа вывести вопрос об участии диссидентов в сейме и Сенате за рамки конвенции, полагая, что предоставление им прав, предусмотренных королевским проектом, уже «для диссидентов весьма много», имея, однако, в виду добиваться их полного уравнивания в правах с католиками, но уже за пределами сроков полномочий двух сеймов, предусмотренных настоящими проектами.

Таким образом, уже в конце 1765 г. Н. В. Репнин предложил Н. И. Панину согласованный со Станиславом Августом компромиссный проект урегулирования диссидентского вопроса путем предоставления диссидентам равноправия в религиозных делах на очередном сейме 1766 г., отложив задачу уравнивания их в гражданских и политических правах с католиками до следующего сейма.

IV

Однако переговоры Репнина со Станиславом Августом и Ф. Ржевуским в 1765 г. происходили на фоне постоянно обострявшейся внутренней ситуации в Польше вокруг диссидентского дела. Мы уже упоминали о поручении, данном Н. И. Паниным Н. В. Репнину в январе 1765 г., содействовать направлявшемуся в Варшаву Георгию Конисскому. В конце 1764 г. белорусский епископ возвратился из Петербурга в Могилев, а летом следующего года польскому правительству была отправлена грамота, в которой предлагалось принять его в Варшаве. Грамота эта была написана от имени

Екатерины II и составлена в духе покровительства православному населению Речи Посполитой, которое недвусмысленно рассматривалось в качестве подданных России. На это указывало также предоставление Георгию Конисскому для следования в Варшаву охраны из русских войск⁹⁵. 29/18 июля 1765 г. Репнин сообщает приезде епископа в Варшаву с письмом Н. И. Панина, в соответствии с которым посол намерен сделать все возможное для успеха его миссии, заручившись для этого поддержкой Станислава Августа⁹⁶.

7 августа 1765 г. Георгий Конисский был принят польским королем, выступил перед ним с речью о восстановлении в правах православного населения Польши и вручил ему грамоту Екатерины II⁹⁷, а также требования православной церкви, озаглавленные епископом белорусским «Grawamina». Как сообщал Георгий Конисский, король принял и прочитал челобитную, обещав по возможности удовлетворить все требования, «на что имеем права и привилегии». Для решения вопроса Станислав Август попросил подождать приезда подканцлера литовского А. Пшездецкого, которому из-за отсутствия М. Чарторыского поручалось рассмотрение дела. Отсутствие обоих литовских канцлеров было, по всей вероятности, не случайным. В это время, в июле 1765 г., в Бресте Литовском проходил синод литовских униатских епископов под председательством нунция А. Е. Висконти, созданный для рассмотрения требований Конисского. Король представил синоду два предложения: либо передать дело на рассмотрение королевской делегации, либо принять решение самостоятельно и представить его на королевское утверждение. Представителем Станислава Августа в собрании синода был коронный канцлер А. Замойский. Отсутствие М. Чарторыского и в Бресте, и в Варшаве свидетельствовало скорее о том, что «фамилия» не надеялась на принятие удовлетворительных решений по диссидентскому делу и предпочла уклониться от его обсуждения. В Бресте же предложения короля были восприняты нунцием как покушение на свободу католической церкви. По предложению Висконти синод вообще отложил на неопределенное время принятие решения по требованиям Конисского⁹⁸, который в это время ожидал в Варшаве приезда подканцлера литовского.

О дальнейших событиях епископ белорусский писал в своем доношении в Петербург, в Св. Синод, что по приезде Пшездецкого ему было предложено переделывать челобитную, разделив ее на две части, из которых касающуюся до Могилевской экономии подать в «Камеру королевскую», а вторую часть, относящуюся ко всем прочим православным, — коронным канцлерам. Далее епископ белорусский жаловался на проволочки со стороны польского правительства, которое отправило вызовы в суд лицам, против которых были выдвинуты обвинения. В связи с этим Конисский отмечал, что многие из ответчиков еще не прислали своих показаний, а многие и не пришлют, так как давно умерли, и добавлял: «И я с таковых никакой сатисфакции не прошу, только возвращения отнятого, или только чтоб впредь подобных обид делать запрещено».

Примечания Н. В. Репнина на доношении Конисского заслуживают внимания и, по нашему мнению, проливают свет на характер миссии епископа белорусского. Посол указывает на необходимость проведения следствия и рассмотрения дел о переданных униатам и католикам церквях в реляционных судах, что можно сделать в будущую каденцию, т. е. в марте 1766 г. Вместе с тем, по словам Репнина, король и министерство не отказываются запретить немедленно передачу православных храмов другим конфесси-

ям в будущем. Вольное возвращение к православной вере из униатской, как и уравнивание православных с католиками в правах, на чем настаивал Конисский, невозможны без соответствующего решения сейма. Наконец, Репнин не видел смысла в создании комиссии для рассмотрения претензий православных к католикам, ибо такая комиссия, составленная исключительно из комиссаров-католиков, не имела бы смысла. Он предлагает рассмотреть этот вопрос в пограничной комиссии, которая, по его замыслу, должна в полном объеме обсудить выполнение договора 1686 г. «И тако учредить оной может сама собою, или назначить к тому особых комиссаров. Сие же точно можно исполнить и в намеренной негоциации о новом оборонительном союзе»⁹⁹. Таким образом, Н. В. Репнин косвенно подверг критике требования, выдвинутые Конисским, подчеркнув невозможность их немедленного исполнения и отсутствие для этого необходимых полномочий у Станислава Августа и его министерства, а также необоснованность обвинений в волоките, выдвинутых епископом белорусским против короля и канцлеров. Очевидно, что изложенные русским послом обстоятельства были Конисскому хорошо известны, а из этого следует, что его поездка в Варшаву была рассчитана прежде всего на обострение кризиса, вызванного диссидентским вопросом. О том, что именно такой характер придавался миссии Георгия Конисского Екатериной II, свидетельствует ее помета на проекте рескрипта в Варшаву в связи с приведенным донесением в Синод. Соглашаясь с соображениями Репнина и Панина, императрица написала на проекте: «Оставить, как требование невозможное <...>, — и добавила, — но, может быть, со временем возыметь может»¹⁰⁰.

Тем временем, летом 1765 г., обострилась ситуация на Украине вокруг Матренинского монастыря в Жаботине, игумен которого Мельхиседек Яворский отправился в Петербург с просьбой о защите православного населения на Правобережной Украине. В августа 1765 г. он сообщает переяславскому епископу Гервасию, что дело его передано Георгию Конисскому. Тогда же, в августе 1765 г., Гервасий предпринял поездку по правому берегу Днепра, где его встречали массы людей. К концу 1765 г. вся Чигиринская и Смилянская округи были возвращены в православие. Попытка униатов восстановить утраченные позиции повлекла за собой столкновения в Телепине в конце декабря 1765 г. В это время Мельхиседек Яворский уже покинул Петербург и направился в Варшаву, куда он прибыл в начале 1766 г., привезя рескрипт Екатерины II от 10 ноября / 30 октября 1765 г. и указы из Коллегии иностранных дел, которыми Н. В. Репнину поручалось добиваться у Польши защиты православных на Украине¹⁰¹.

Мы не ставили своей задачей анализ народных движений на Украине и в Белоруссии в 60-е гг. XVIII в., а хотели бы указать только, что посредством православного духовенства и подчиненных Синоду иерархов Петербург стремился оказывать давление на правящие круги Польши, провоцируя обострение ситуации. Причем «дипломаты» духовного ведомства занимали гораздо более радикальную и бескомпромиссную позицию, нежели Н. И. Панин и Коллегия иностранных дел.

В отличие от последней в требованиях, сформулированных Конисским, не содержится даже упоминания или глухого намека на диссидентов-протестантов. Трудно сказать, объясняется ли это сугубо «ведомственным» подходом к делу или отражает позицию тех кругов в Петербурге, которые были заинтересованы в том, чтобы ограничить диссидентское дело только защитой православия?

Прием, оказанный Георгию Конисскому в Варшаве, свидетельствовал, что польское правительство не намерено было обострять диссидентский вопрос. На это указы-

вало как обещание Станислава Августа удовлетворить законные требования православного населения, так и затянувшееся надолго рассмотрение униатами мемориала епископа белорусского и обсуждение возражений как с той, так и с другой стороны. Еще в ноябре 1765 г., когда Репнин писал свои замечания на доношение Конисского в Синод, он подчеркивал, что король и министерство не отказываются от своих обещаний в отношении православных. В чем же состояли эти обещания, мы узнаем из депеши Н. И. Панина от 16/5 сентября 1765 г., в которой он просил Репнина сообщить, не скрывается ли за предложением поляков предоставить православным генеральную королевскую привилегию попытки противопоставить православных и протестантов друг другу¹⁰². Наконец, несмотря на то, что в своих донесениях в Петербург Репнин не уставлял напоминать о негативном отношении католической шляхты к диссидентам, значительных проявлений таких настроений в 1765 г. отмечено не было ни в донесениях самого посла, ни с позднейшей историографии.

Таким образом, позиции Петербурга и Варшавы в диссидентском вопросе, несмотря на усиливавшееся давление России, оставались еще не вполне определенными. Со стороны России это объяснялось нескоординированностью действий правящих кругов (Коллегии иностранных дел, Синода, Военной коллегии), а также опасением предпринимать активные действия в условиях обострения отношений с Турцией, в частности по вопросу о признании Портой избрания Станислава Августа польским королем. Со стороны правящих кругов Речи Посполитой сдержанность в диссидентском вопросе объяснялась стремлением не раздражать Россию, ради возможного продолжения реформ, надежды на которое связывались с будущим сеймом 1766 г. На этой почве сохранялась возможность достижения компромисса, контуры которого были очерчены в совместном проекте Н. В. Репнина, Станислава Августа и Ф. Ржевуского. Однако даже эта слабая возможность была утрачена в 1766 г.

V

Первое свидетельство о дальнейшем ужесточении русской позиции в диссидентском вопросе мы находим в депеше Сольмса Фридриху II из Петербурга от 21/10 января 1766 г., в которой прусский посол сообщал о своем разговоре с Н. И. Паниным и передавал его слова, что Чарторыские «потворствуют проискам венского двора и противодействуют намерениям России». Правда, Панин смягчил свою оценку, подчеркнув, что это продиктовано не враждебностью «фамилии», а стремлением Августа и Михала Чарторыских держать короля постоянно в критическом положении, чтобы целиком подчинить его своей воле. Сольмс также сообщал, что принято решение добиваться силой восстановления прав диссидентов, для чего составлен специальный план. Н. И. Панин говорил также ему, «что весьма важно иметь в Польше партию, действительно преданную нашим дворам, и которая, в отсутствии войска, могла бы поддерживать нашу общую систему»¹⁰³.

Из сведений, приведенных Сольмсом, сомнение может вызвать только вопрос, в какой мере, по мысли Н. И. Панина, устанавливаемая в Польше система должна соответствовать интересам Петербурга, а в какой — Берлина? Депеша Сольмса интересна еще и потому, что она свидетельствует о намерении создать новую прорусскую партию в Польше, еще до того, как из Варшавы пришла депеша Н. В. Репнина от 20/9 января 1766 г.¹⁰⁴, в которой сообщалось о разговоре посла с Т. Весселем,

поручившимся «за воеводу киевского (Ф. С. Потоцкого), за епископа краковского (К. Солтыка), за гетмана польного и воеводу краковского (В. Ржевуского), за маршала надв. кор. (Е. Мнишека) и за многих еще...», что они не будут искать поддержки других дворов, если Россия окажет им протекцию, доказательством чего должна быть ликвидация генеральной конфедерации. Депеша эта приведена у С. М. Соловьева, который полагал, что именно она стала толчком к переориентации русской политики в Польше от Чарторыхских к Потоцким.

11 февраля / 31 января 1766 г. Н. И. Панин отправил Н. В. Репнину депешу с подробными инструкциями по диссидентскому делу¹⁰⁵. В ней послу предписывалось открыто объявить, что Россия выделяет в диссидентском деле две стороны: религиозную, т. е. предоставление диссидентам в полной мере свободы вероисповедания, и светскую, т. е. уравнивание их в сословных правах с католиками. По второму вопросу допускалось компромиссное соглашение на тех условиях, которые будут приемлемы как для диссидентов, так и для католиков, заинтересованных в предупреждении, как сказано в депеше, «всех республике предстоящих опасностей и бед». Противникам же двора и Чарторыхских надлежало говорить, что диссидентское дело не противоречит интересам католической церкви, что католики сохраняют большинство на сеймах и в судах и будут иметь исключительное право на занятие высших государственных должностей. Указывалось также, что из недовольных нынешним правлением будет образована особая партия, на основе которой возникнет конфедерация под покровительством России. 16/5 апреля 1766 г. Н. И. Панин одобрил сближение Репнина с Потоцкими¹⁰⁶. 3 июня / 23 мая 1766 г. он вновь возвращается к диссидентскому вопросу, поручая Репнину для достижения результатов в диссидентском деле добиваться согласия между ним, королем и Чарторыхскими, одновременно тайно привлекая на свою сторону партию Потоцких¹⁰⁷. Возможно, что возобновление в определенной мере ориентации русской политики на «фамилию», вновь прозвучавшее в депешах Н. И. Панина Н. В. Репнину на рубеже мая–июня 1766 г., связано с позицией Екатерины II. Об этом свидетельствует ее замечание на депеше Н. В. Репнина от 4 июня / 24 мая 1766 г. Императрица писала: «Я думаю, что и сих стариков склонить можно действовать по нашим желаниям на будущем сейме. Поговорите о сем со мной»¹⁰⁸.

Инструкции Панина Репнину в первой половине 1766 г., как и в 1765 г., отличаются неясностью и двусмысленностью. Требования России так и остались неопределенными, а соглашение не достигнуто ни с одной из магнатских группировок. Единственным новым мотивом, прозвучавшим в инструкциях первой половины 1766 г., была идея использовать в интересах диссидентского дела соперничество Потоцких и Чарторыхских и образовать в случае необходимости «патриотическую» конфедерацию под покровительством России.

Некоторые подробности тактики России в диссидентском деле в этот период раскрывает Сольмс в депеше Фридриху II от 8 июля / 27 июня 1766 г.¹⁰⁹ Он пишет, что вопрос о восстановлении прав диссидентов в Польше был снова поставлен после возвращения в Петербург Ф. Ржевуского. По его словам, Панин желает, чтобы Репнин подал в Варшаву от своего имени записку Станиславу Августу, что «императрица не может считать спокойствие вполне восстановленным в Польше, прежде чем будут уважены справедливые жалобы диссидентов». На это польский двор должен будет ответить мемориалом за подписью министров и выразить благодарность Екатерине II за покровительство в отношении республики, а также обещать «употребить все меры и оказать всевозмож-

ное содействие для окончания этого дела по желанию ее и. в-ства и к удовольствию заинтересованных в нем лиц. Этим будут ограничены все официальные действия до открытия сейма, на котором будут выдвинуты более подробные требования России. До этого времени Петербург намерен действовать подкупам, а также прибегнуть к военной демонстрации, придвинув к границам войска для поддержки возможной конфедерации диссидентов». Эти меры, по словам Сольмса, в России считают достаточными, надеясь также на содействие Чарторыхских. Прусский посол, однако, выражал сомнение в осуществимости этого плана и писал, что, по его мнению, с которым в Петербурге ранее все были согласны, надлежит внести соответствующее положение в королевский универсал для получения необходимых инструкций послам от сеймиков. Однако принятие мер для этого все время откладывалось, а после приезда Ф. Ржевуского было принято другое решение: не объявлять о диссидентском деле в универсале, чтобы не допустить возможного разрыва сеймиков и неявки поэтому послов на сейм, а провести на сейме диссидентское дело с помощью подкупа и угроз. Это замечание Сольмса весьма красноречиво свидетельствует о том, что на изменение правительственных планов в России повлиял не только приезд Ржевуского, но и позиция самой Екатерины II, ибо только ее мнение могло перевесить всеобщее согласие в Петербурге относительно мер, которые надлежало предпринять в диссидентском вопросе.

Некоторые сведения о переговорах Ржевуского в Петербурге летом 1766 г. мы находим в депеше Н. В. Репнина от 23/12 июня 1766 г.¹¹⁰ Посол сообщает, что король показал ему проект польской ноты по диссидентскому вопросу, которую Ржевуский должен будет вручить в Петербурге от имени польского правительства. По поводу этого проекта Репнин сказал Станиславу Августу, что в нем ничего не говорится «о преимуществах диссидентского дворянства, но он (король. — *Б. Н.*) рассудил так его оставить, отзываясь, что всего вдруг сделать не можно».

Депеша Сольмса добавляет к характеристике планов Петербурга четыре существенных обстоятельства: во-первых, недвусмысленно свидетельствует о наличии колебаний в принятии решения, в частности по вопросу о роли Чарторыхских и короля, отношение к которому имело для Петербурга исключительное значение, во-вторых, что планы были согласованы с Ф. Ржевуским, а следовательно, и со Станиславом Августом, и в-третьих, что магнатским группировкам, как и на сеймах 1764 г., предоставлялась фактически полная свобода в проведении сеймиков и формировании состава послов сейма. Наконец, Сольмс сообщает о приезде в Петербург представителя диссидентов Августа Станислава Гольца и о возможности диссидентской конфедерации. Правда, остается неясным, планировалась ли такая конфедерация в действительности или же задумывалась как угроза. В изложении Сольмса мотивы колебаний Петербурга связаны исключительно с оценкой внутреннего положения Польши и с поиском адекватных путей разрешения диссидентского дела, однако следует заметить, что такая внешняя с точки зрения России неопределенность должна была иметь и свою оборотную, внутреннюю, сторону. Отсутствие определенного решения, вероятно, свидетельствовало о столкновении мнений и среди русских деятелей, определявших политику в отношении Речи Посполитой.

Говоря о тактике России в диссидентском вопросе, следует также отметить, что она была рассчитана на его разрешение по возможности исключительно путем сделки с магнатами, без участия шляхты, не говоря уже о других сословиях Речи Посполитой. Не случайно, говоря с королем и Ржевуским о проекте по диссидентскому делу в конце

1765 г., Репнин подчеркивал желательность его разрешения без сейма, лишь бы это имело законную силу. Все планы Петербурга в первой половине 1766 г. были подчинены замыслу оставить шляхту в неведении относительно тех решений, которые предстояло навязать сейму. Однако вопреки этому, стремясь оказать давление на польское правительство, а может быть, преследуя и иные цели, в России сделали немало для подъема движения православного населения в Белоруссии и на Украине. Именно деятельность Георгия Конисского и Мелхиседека Яворского, открыто поддержанная и поощряемая в Петербурге, привела к массовым выступлениям против униатской церкви на Украине.

В начале 1766 г. Мелхиседек добивается королевской привилегии, подтверждавшей старинные права православных в Короне и в Литве. Ко времени его возвращения на Украину, как об этом свидетельствуют материалы архива Синода, там развернулось массовое движение по переходу униатских приходов в православие. Обращенное в унию население просило епископа Гervasия о своем присоединении к Переяславской епархии. В ответ было разрешено избрание vikарных священников, что нарушало право магнатов и шляхты назначать священников в свои приходы. Центром движения на Украине становился Матренинский монастырь. Для противодействия отходу населения от унии на Украину, в Корсунь, был отправлен официал Г. Мокрицкий. «Выбор этот, — писала М. Лубеньска, — не мог быть более фатальным. Мокрицкий взял на себя роль не рассуждающего инквизитора, сурово карал всех, и светских, и духовных, подозреваемых в связях с заграницей»¹¹¹. Он пытался с помощью польских войск и пограничной стражи пресечь сообщения православных священников и мирян с Переяславлем и арестовывал всех, переправлявшихся через Днепр и обратно. 3 августа / 23 июля был арестован и сам Мелхиседек Яворский. Летом 1766 г. на Украину вступил польский отряд, около тысячи человек, под командованием киевского региментария Игнацы Воронича. Этот отряд стал укрепленным лагерем у местечка Ольшаны и начал репрессии против православных священников¹¹².

События первой половины 1766 г. на Украине не могли не повлиять на позицию шляхты и духовенства в диссидентском вопросе. Если в 1764 и 1765 гг. шляхта относилась к диссидентскому делу индифферентно, главным образом потому, что вопрос этот обсуждался тайно и не затрагивал интересов шляхты в ее повседневной жизни, то подъем крестьянского движения, который наблюдался на Украине и находил отклики в Малой Польше и в Литве, касался непосредственно интересов шляхты и духовенства, а следовательно, неизбежно должен был усилить и негативное отношение с их стороны и к диссидентской политике русского правительства.

Противники уравнивания в правах диссидентов находили поддержку со стороны римской курии. В марте 1766 г. А. Е. Висконти писал в Рим о необходимости противодействовать Георгию Конисскому. Для этого нунций предлагает опереться на кого-либо из представителей униатского духовенства («наших рутенов»), ориентированного не на Петербург, а на Варшаву. На эту роль, по его мнению, наиболее подходил полоцкий епископ Язон Смогоржевский, который обладал сильным характером и пользовался расположением при дворе. Его миссия должна быть основательно подготовлена и подкреплена деньгами, и в этом случае можно ожидать благоприятного исхода дела на будущем конгрессе (термин Висконти. — Б. Н.) прелатов и клира православного обряда, на который нунций возлагал большие надежды¹¹³.

Однако задуманный Висконти «конгресс» никак не удавалось собрать. В июне 1766 г. он с раздражением пишет кардиналу Луиджи Торрижани о посылке войск

против схизматиков, что войскам предписано действовать решительно, осторожно и умно, «дабы российская императрица умерила свои наглости, чтобы русские не осмелились войти в Польшу и поколебать незыблемость господствующей религии и общественного спокойствия». Об этом, как сообщает нунций, он уже написал обстоятельный отчет префекту по пропаганде, видимо желая, чтобы римская курия соответствующим образом известила об этом европейские столицы. Что же касается разрешения проблем между православными и униатами, то, как пишет Висконти, несмотря на шумные требования московского посольства ускорить этот процесс, «наши рутены не смогут быть готовыми раньше». И, как заканчивает нунций, у него есть причина надеяться, что король не захочет торопить с этим решением ¹¹⁴.

Видимо, у Висконти были все основания придерживаться такого мнения. Еще два года до этого он отмечал, что именно рядовая шляхта заняла на сеймах 1764 г. гораздо более непримиримую позицию по отношению к диссидентам и одержала верх над магнатами, руководствовавшимися в этом вопросе преимущественно конъюнктурными соображениями. Так, и в начале 1766 г. нарастание антидиссидентских и антироссийских настроений шляхты и духовенства вызвало неуверенность и колебания, проявленные варшавским двором в диссидентском вопросе.

3 февраля / 23 января 1766 г. Н. В. Репнин доносил в Петербург о противодействии короля в связи с требованиями Георгия Конисского, что к этому Станислава Августа подталкивал Михаил Чарторыйский, который соглашался только послать письмо униатским епископам о непритеснении неунитов, хотя ранее король, по словам Репнина, был готов удовлетворить требования епископа белорусского полностью ¹¹⁵. 12/1 марта 1766 г. в реляции Екатерине II Репнин сообщает о том, что он обратился с требованием ко двору в соответствии с высочайшим рескриптом, полученным через игумена Мельхиседека ¹¹⁶. В ответ на это А. Млодзиевский, подканцлер коронный, отправил письма униатскому митрополиту Ф. Володковичу, Станиславу Любомирскому — воеводе брацлавскому, А. Яблоновскому — воеводе познанскому, Иерониму Сангушко — черкасскому старосте и другим лицам ¹¹⁷. В этих письмах Млодзиевский от имени короля предлагал прекратить незаконные действия, направленные против православного населения, подчеркивая, что такие поступки «с политическими резонами сходствовать не могут».

Однако политическая ситуация на Украине быстро обострялась. В депеше Панину от 30/19 апреля 1766 г. Репнин изложил свою версию развития событий на Украине. По его словам, крестьянские волнения в Киевском воеводстве, около Белой Церкви и вниз по Днепру возникли вследствие агитации пришедших православных священников, не имевших в тех местах своих приходов, «диких попов», как их называет посол. В изложении Репнина события на Украине выглядят несколько иначе, нежели в материалах Синода. По решению коронной Военной комиссии на Украину был отправлен отряд И. Воронича. Репнин сообщает, что объявил королю в присутствии Чарторыхских, что «надлежит, мне кажется, накрепчайше г-ну Вороничу подтвердить, чтоб он с крайнею осторожностью и без малейшего пристрастия поступки свои учреждал, дабы как из оного не произошли несправедливые притязания исповедникам греческого закона» ¹¹⁸. Из заявления Репнина можно вполне очевидно заключить, что русское посольство в Варшаве, в отличие от православного духовенства в Белоруссии и на Украине и его покровителей в Петербурге, не стремилось представить поляков как врагов православия, а напротив, пыталось сохранить зыбкую почву для соглашения по диссидентскому делу.

От этой возможности, видимо, не хотели отказываться и в Варшаве. Об осознании опасности политических последствий крестьянских волнений на Украине свидетельствует мемориал, официально врученный русскому послу 6 мая / 25 апреля 1766 г. от имени канцлеров А. Замойского и М. Чарторыского. В нем, в частности, выдвигалась просьба не рассматривать меры, принятые для восстановления порядка на Украине как направленные на преследование диссидентов¹¹⁹. Однако осторожные попытки польского правительства и русского посольства в Варшаве сгладить противоречия между Россией и Польшей в связи с движением православного населения на Украине и в Белоруссии не нашли понимания в Петербурге. В конце июня 1766 г. Н. В. Репнину был отправлен рескрипт¹²⁰, в котором говорилось, что Георгий Конисский предлагает для избежания проволочек и судов по делам о насильно привлеченных в унию епархиях требовать от будущего сейма решения о свободном возвращении в православие всех желающих. Послу предписывалось «действовать по силе того представления».

Таким образом, первая половина 1766 г. не принесла определенности русской политике в диссидентском вопросе. А между тем приближалось время сеймиков, когда решение должно было быть наконец принято. Вот какие рекомендации в связи с этим дает Н. В. Репнин в конце мая — начале июня 1766 г. Его депеша была отправлена на следующий день после отъезда в Петербург Ф. Ржевуского. Репнин сообщает, что, по словам Ржевуского, его инструкция целиком соответствует предложениям Станислава Августа по диссидентскому вопросу, которые были ранее согласованы с русским послом и отправлены им в Петербург. Однако Репнин замечает, что, как ему известно, Ржевуский будет добиваться вывода из Польши русских войск. На прямой вопрос Репнина об этом сам Ржевуский сказал, что король делает это только для вида, подчиняясь давлению своего министерства. В связи с этим Репнин пишет о нежелании Чарторыхских содействовать осуществлению целей России, в особенности в диссидентском вопросе, что такая многозначительная пассивность сильнейшей магнатской группировки может привести к тому, «что партия духовенства, коя вся противна сему будет, приметя, что войски российские здесь находятся для исполнения наших дел, потребуют выступления оных». Поэтому, по мнению посла, следовало бы заранее подготовить ответ, что, пока диссидентское дело не будет решено в соответствии с желаниями России, русские войска останутся в Польше. Более того, Репнин настаивает на их усилении, по меньшей мере двумя полками, и предлагает в случае неудачи на сейме ввести войска в деревни Чарторыхских, «которые наши дела сделать и испортить могут»¹²¹.

Необходимость активизации усилий в диссидентском вопросе накануне открытия сеймиков осознавалась и в Петербурге. Об этом свидетельствовали не только переговоры с Ржевуским и донесения Сольмса в Берлин. 15/4 июля 1766 г. Панин пишет письмо Михалу и Августу Чарторыхским¹²², в котором обвиняет их в непоследовательности и подчеркивает, что будущий сейм должен на деле продемонстрировать их готовность содействовать осуществлению планов России, в том числе и по диссидентскому вопросу.

Помимо давления на Чарторыхских, было решено воздействовать и на других магнатов. Так как большинство из них летом жили в своих поместьях, то для переговоров с ними в Литву в августе 1766 г. были посланы О. Игельстрём и В. Кар. В рескрипте им¹²³ подчеркивалось, что доброжелательность русского правительства к маг-

натам и благоденствие Речи Посполитой будет зависеть от их позиции в диссидентском вопросе. О том, что ожидает противников России, свидетельствовала депеша Панина Репнину от 19/8 августа 1766 г.¹²⁴, в которой послу предоставлялось право расквартировать русские войска в имениях Массальских и К. Солтыка. Наконец, как мы уже отмечали выше, в первой половине 1766 г. Н. В. Репнин, в соответствии с инструкциями из Петербурга, вел переговоры с противниками Чарторыхских Т. Весселем и Е. Мнишеком о привлечении Потоцких на сторону России.

Рассчитывая осуществить на сейме 1766 г. свои замыслы в диссидентском вопросе, русское правительство, как и двумя годами ранее, положилось исключительно на магнатскую олигархию. Однако неудача на сейме 1764 г. должна была уже показать, что этого недостаточно. Следовало также принять во внимание, что попытка приобрести в союзники практически всех магнатов была обречена на провал, хотя бы потому, что быть в союзе со всеми означало вовсе не иметь союзников. Тем более, что никто в Польше не знал, до каких, собственно, пределов простираются требования России в диссидентском вопросе. До конца августа 1766 г. об этом не знал и главный исполнитель планов Петербурга в Варшаве Н. В. Репнин.

Примечания

1. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.
2. *Соловьев С. М.* История падения Польши. М., 1863 // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1995. Кн. 16. *Он же.* История России с древнейших времен // Там же. Кн. 14. Т. 25–26.; *Щебальский П. К.* Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864; *Коялович М. О.* История воссоединения западно-русских униатов старых времен. М., 1873.
3. *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896; *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1858. Т. 5. С. 39–64.
4. См. напр.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1967. Т. 3. С. 518–519; История внешней политики России XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Г. А. Санин. М., 2000. С. 168–197.
5. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С. 349.
6. См. История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 82–85; История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 3. С. 510–520.
7. История Польши. М., 1956. Т. 1. С. 378–380; Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1993.
8. *Дружинина Е. И.* Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955; *Гендель Г. М.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского ун-та. 1947. Вып. 43; *Юсупов Р. Р.* Речь Посполитая и русско-турецкие войны второй половины XVIII в. М., 1980 (диссертация на соиск. уч. ст. канд. ист. наук).
9. См. напр.: *Łubieńska M. C.* Sprawa dysydencka 1764–1766. Kraków; Warszawa, 1911; *Rudnicki K.* Biskup Kajetan Sołtyk 1715–1788. Kraków, 1906; *Kraushar A.* Książę Repnin a Polska. Kraków, 1898. Bd. 1–2.
10. *Korzon T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków; Warszawa, 1897. Т. 1. S. 163–216.
11. *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. Т. 1. S. 182–183; *Idem.* Fryderyk Wielki a Polska. Poznań, 1947. S. 118–119.

12. *Michalski J.* Początki panowania Stanisława Augusta (1764–1772) // *Historia dyplomacji polskiej.* Warszawa, 1982. Т. 2. S. 10.
13. *Cegielski T., Kądziała Ł.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. Warszawa, 1990. S. 95–101.
14. *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Warszawa, 1996.
15. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 5. Трактаты с Германией. СПб., 1880. С. 327–328.
16. Архив князя Воронцова. М., 1875. Т. 7. С. 542–567.
17. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов... Т. 5. С. 389–408.
18. Краткое известие претензиям, какие Россия имеет на Королевстве Польском по заключенному с оным в 1686 году мирному трактату. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 607. Л. 115–166 об.
19. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 320.
20. *Щебальский П. К.* Указ. соч. С. 26–27.
21. См.: GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 9 n 49 — 9 n 52 Religionssachen in Polen.
22. См. переписку Фридриха II с П. Грабовским, старостой чеховским. 1761–1762 гг. — GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 9 n 59.
23. РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 111. Л. 11–14 об.
24. Там же. Л. 15–18 об.
25. Там же. Л. 1–4.
26. Там же. Л. 5.
27. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 123–124.
28. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч.; *Евгений (Болховитинов) мтрп.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 2. С. 596; *Григорович И.* [Биография Георгия Конисского] // *Георгий Конисский.* Собр. соч. СПб., 1861.
29. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 7.
30. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. 1757 г. Д. 5. 1762 г. Д. 4.
31. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 347; Там же. Кн. 16. С. 425.
32. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 252–254.
33. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 665. Л. 120–121.
34. B. Cz. Dz. г. III. 3852. S. 65–67.
35. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 9 n 53. S. 13–14.
36. [*Friedrich II*]. PC. Bd. 23. S. 160.
37. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 9n 53. S. 30–31.
38. См. *Michalski J.* Sprawa dysydencka a zagadnienia gospodarcze w opinii publicznej w pierwszych latach panowania Stanisława Augusta // *Przegląd Historyczny.* 1949. № 40. S. 156–163.
39. [*Friedrich II*]. PC. Bd. 23. S. 398, 407, 426–427.
40. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 129–130.
41. Там же. С. 180.
42. Там же. С. 199.
43. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 839. Л. 19; Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 496.
44. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 257.
45. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 273–274.
46. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 849. Л. 36.
47. ASV. Polonia. Vol. 275. P. 128.

48. *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов... Т. 5. С. 408.
49. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 20–21.
50. ASV. Polonia. Vol. 277. P. 272–273.
51. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 21–22.
52. ASV. Polonia. Vol. 277. P. 284–286.
53. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 12–16.
54. Там же. Л. 1–11.
55. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 261.
56. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 399.
57. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 302–304.
58. Там же. С. 257.
59. Там же. СПб., 1886. Т. 51. С. 426–428, 485–487.
60. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 304.
61. Там же. СПб., 1901. Т. 109. С. 88–89.
62. ASV. Polonia. Vol. 277. P. 301–302.
63. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 15 об.
64. VL. Т. 7. Konfederacja generalna. P. 8.
65. Ibid. Articuli pactorum conventorum. P. 98.
66. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Указ. соч. С. 325–326. Примечание 1.
67. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 8.
68. Там же. С. 19–20.
69. Там же. С. 34.
70. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 69–70 об.
71. Там же. Д. 65. Л. 1–2 об. Частично письмо процитировано у С. М. Соловьева. См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 16. С. 419–420.
72. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 81–81 об.
73. *Rudnicki K.* Op. cit. S. 87–88.
74. ASV. Polonia. Vol. 277. P. 457–458.
75. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 39.
76. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 106–109 об. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 350–352.
77. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 123–124 об.
78. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 171.
79. Там же. С. 180.
80. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 355–356.
81. Там же. С. 367–370.
82. Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 334–340.
83. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 303–304.
84. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 865. Л. 49–49 об.
85. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 180.
86. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 26–26 об.
87. Там же. Л. 74–80 об.
88. Там же. Л. 78 об.
89. Там же. Д. 849. Л. 29–30 об.

90. Там же. Д. 868. Л. 57–61.
91. Там же. Д. 870. Л. 161–172.
92. Там же. Д. 871. Л. 47–50.
93. Там же. Л. 102–104 об.
94. Там же. Л. 105–106 об.
95. *Коялович М. О.* Указ. соч. С. 22.
96. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 868. Л. 79–80.
97. См. Доношение Георгия Конисского с примечаниями Н. В. Репнина. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 74–77; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 428–429; Там же. Кн. 16. С. 425–426.
98. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 53.
99. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 76 об–77.
100. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 267–268.
101. *Коялович М. О.* Указ. соч. С. 18–27.
102. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 338.
103. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 415–420.
104. PS к депеше Н. В. Репнина — Н. И. Панину 20/9 января 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 27–29; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 135–136.
105. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 448–449.
106. Там же. С. 501–502.
107. Там же. С. 542–543.
108. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 157 об.
109. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 455–458.
110. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 885. Л. 12–20.
111. *Łubieńska M. C.* Op. cit. S. 76.
112. *Коялович М. О.* Указ. соч. С. 27–40.
113. ASV. Polonia. Vol. 276. P. 38–39.
114. Ibid. P. 70–71.
115. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 882. Л. 60–61 об.
116. Там же. Д. 879. Л. 35–35 об.
117. Там же. Л. 36–47 об.
118. Там же. Д. 883. Л. 97.
119. Там же. Д. 879. Л. 55–56 об.
120. Там же. Д. 882. Л. 60–61 об.
121. Там же. Д. 883. Л. 153–157 об.
122. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 9–20.
123. Там же. С. 49–52.
124. Там же. С. 41–43.

Часть вторая

Период польско-российских отношений с конца 1764 г. до сентября 1766 г., до начала очередного сейма в Речи Посполитой, характеризовался постепенным обострением отношений между Варшавой и Петербургом. Причины все возрастающей напряженности состояли, с одной стороны, в том, что правительство Екатерины II не смогло в полной мере добиться осуществления ни одной из заявленных целей своей польской политики. Несмотря на избрание угодного России польского короля и достигнутую международную изоляцию Речи Посполитой, вопрос о польско-русском союзе и российской гарантии государственного устройства шляхетской республики так и оставались нерешенными. Хотя Фридрих II и на словах, и на деле демонстрировал верность своим союзническим обязательствам в польских делах, в Петербурге с неудовольствием должны были смириться с сохранением самостоятельного прусского присутствия в Речи Посполитой, а порой и с демонстративно-«независимым» поведением Берлина в отношении восточной соседки Пруссии. С обеспокоенностью смотрели в российской столице и на попытки Станислава Августа активизировать отношения Речи Посполитой с Австрией и Францией, чтобы таким путем ослабить зависимость Варшавского двора от политики Екатерины II. Проблемы возвращения беглых, делимитации границы и подтверждения договора о вечном мире 1686 г., в отношении которых польское правительство, казалось бы, проявило наибольшую уступчивость, также не могли не внушать опасений. Не прекращались протесты оппозиции в Курляндии, где противники герцога Э. И. Бирона все время грозили судом польского сейма. Наконец, совершенно неудачный оборот приобрело «диссидентское дело», на всю Европу провозглашенное «делом чести» Екатерины II. Недовольство ситуацией в Польше не было бы, конечно, на берегах Невы столь острым, если бы там польско-российские отношения воспринимались бы как равноправные, а политика в отношении Речи Посполитой строилась бы на основе «искусства возможного». Но ни Екатерина II, ни ее советники не могли смириться с тем, что установленная российская гегемония, ради которой было потрачено столько сил и немало денег, не принесла ожидаемых плодов. Однако мысль о несбывшихся надеждах и неоправдавшихся расчетах только усугубляла раздражение и побуждала все же принудить поляков поступить согласно российским намерениям.

В то же время недовольство и недоверие по отношению к политике России нарастало и в Варшаве. Главными его причинами стали, во-первых, нежелание Ека-

терины II и Панина дать согласие на осуществление реформаторских планов Станислава Августа и «фамилии» и, во-вторых, смертельно-опасные для правящей в Польше магнатской группировки планы российской императрицы в диссидентском вопросе. О невозможности его разрешения без применения открытой военной силы не раз предупреждал Н. В. Репнин. Именно диссидентское дело представляло собой тот предел, у которого, как казалось, была исчерпана покорность Станислава Августа и Чарторыхских российской воле. К этому рубежу польско-российские отношения и приблизились накануне сейма 1766 года. Станислав Август и «фамилия» ожидали от сейма принятия реформаторского законодательства и ограничения *liberum veto*, в Петербурге — уравнивания в сословных и религиозных правах диссидентов и католиков.

I

С приближением сейма 1766 г. для российской политики в Польше все большее значение приобретало положение в стане «русской партии», поскольку решения сейма при конфедерации (Генеральная конфедерация, образованная накануне избрания Станислава Августа не была распущена после сейма коронации 1764 г.) должны были приниматься большинством голосов послов на сейме. Таким образом, исход голосования зависел от того, какая из магнатских группировок будет господствовать на посольских сеймиках и сможет добиться избрания послами своих сторонников, а также от содержания утвержденных на сеймиках инструкций послам. В русском посольстве в Варшаве и в Петербурге не могли не отдавать себе отчета, что соотношение политических сил в Речи Посполитой в 1765—1766 гг., по сравнению с предшествующим периодом «бескорольевья» существенно изменилось.

С одной стороны, «фамилия», став «правящей партией» усилила свои позиции. Чарторыхские и их сторонники господствовали на сеймиках, во главе которых стояли маршалы конфедерации в воеводствах и поветах, и в трибуналах. Под их контролем находился королевский двор, от решения которого зависела раздача должностей и староств. «Фамилия» руководила работой Военной и Скарбовой комиссией. Помимо двора и комиссий сейма, влияние Чарторыхских основывалось и на их положении глав Генеральной конфедерации. Практически непрерываемая власть князей Августа и Михала подкреплялась еще и тем, что прежняя «гетманская партия», именовавшаяся еще «патриотической оппозицией», была разгромлена и практически лишена поддержки своих прежних сторонников не только внутри страны, но и за рубежами Польши, в первую очередь со стороны Австрии, Франции и Саксонии.

С другой стороны, доминирующее положение «фамилии» в Речи Посполитой и уход с политической арены прежних соперников повлекли за собой усиление в рядах ее сторонников центробежных тенденций. Наиболее ярко это проявилось в Литве, в Королевской Пруссии и в ряде других воеводств. Ослабли связи Чарторыхских с Массальскими, Флемингами, Сулковскими. Магнаты стремились отстоять собственную независимость от вождей господствующей партии. Назревал конфликт между старшими членами «фамилии» и королем Станиславом Августом.

Согласно Х. Шмиту¹, после королевских выборов братья Станислава Августа, особенно Казимир Понятовский и приятель нового короля Ф. К. Браницкий, рассчитывали получить побольше выгод от своей близости ко двору, что повлекло за

собой разногласия между королем и Чарторыскими. Об особой роли К. Понятовского доносили своим дворам А. Ф. Эссен и А. Е. Висконти. Правда, суждения дипломатов в этом случае, скорее, ошибочны. Среди королевских братьев Казимир отнюдь не пользовался особым влиянием. Ближайшим и наиболее доверенным советником Станислава Августа был его младший брат Михал. Значительную роль среди молодых членов фамилии играл австрийский генерал Анджей Понятовский, которому были поручены связи двора с Веной. Внимание же иностранцев к Казимиру было обусловлено не столько его политическим значением, сколько вызывающей манерой поведения, шокировавшей варшавское общество. Однако заблуждаясь в оценке влияния каждого из королевских братьев, послы не ошиблись, указав на обострение отношений между сверстниками короля и старшими князьями Чарторыскими.

Начало было положено делом А. Ф. Брюля — сына саксонского министра, против которого С. Понятовский выступил еще на сейме 1762 г. Воевода русский и канцлер литовский хотели отменить решение трибунала 1748 г., признавшего за Брюлем-старшим и его потомками принадлежность к польской шляхте, чтобы раздать его имения своим сторонникам. Вопреки этим намерениям, при посредстве Ф. К. Браницкого Брюль-младший договорился со Станиславом Августом, который признал его дворянство, за что принадлежавшее Брюлю староство Ципское перешло к К. Понятовскому, а сам Браницкий получил занятую прежде Брюлем должность генерала коронной артиллерии. Также Станислав Август покровительствовал Холоневским, Грохульским, Богатко и другим прежним противникам «фамилии» и сторонникам саксонского дома. Разногласия короля с А. Чарторыским обострились в августе 1765 г. из-за командира литовской гвардии Я. Грабовского, который якобы хотел подчинить своей воле Литовскую военную комиссию. Комиссия наказала непокорного, подвергнув его аресту и отстранив от командования полком, но Грабовский нашел защиту у короля. Из этого инцидента, по мнению Репнина, могло бы вырасти какое серьезное внутреннее дело, так как Грабовский принадлежал к диссидентам. «Странно и то», рассуждал русский посол, что глава комиссии виленский воевода Огинский — «друг и родня Грабовскому» — не препятствовал такому решению и не попытался разорвать работу комиссии². 12 августа 1765 г. состоялся разговор Станислава Августа и А. Чарторыского, в ходе которого король заявил своему дяде, что «если $\frac{7}{8}$ нации подчиняется Чарторыским, то $\frac{1}{8}$ часть в праве обратиться к нему за поддержкой». На это воевода русский ответил, что «важно не то, кто кого поддерживает, а важно совместно трудиться на пользу народа».

В польской историографии конфликт между Станиславом Августом и Чарторыскими в области внутренней политики связывается с общим курсом польского короля на объединение сторонников реформ независимо от их прошлой «партийной» принадлежности³, против которого выступали старые князья Август и Михал. Сам Станислав Август в мемуарах объяснил причину взаимного охлаждения между ним и старшими Чарторыскими своим стремлением освободиться от политической зависимости от своих дядей⁴.

Впервые история разногласий польского короля и старших членов «фамилии» в контексте польско-русских отношений была рассмотрена З. Зелинской⁵, которая, ссылаясь на свидетельство Н. В. Репнина, указала на наличие внутреннего конфликта в «фамилии» еще накануне коронационного сейма (декабрь 1764 г.), что этот конфликт развивался на фоне постоянного недовольства Петербурга политикой Чарторыских,

которую в российской столице расценивали как «измену»⁶. В этих условиях Репнин предложил своим шефам в Петербурге ограничить влияние Чарторыхских и вбить клин между ними и Станиславом Августом, чтобы использовать внутренние противоречия в «фамилии» для достижения целей России в Польше, прежде всего в вопросах о диссидентах и о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

В чем состояло различие в подходах к отношениям с Россией Станислава Августа и Чарторыхских, по мнению З. Зелиньской, — не достаточно ясно. Из королевских мемуаров следует, что, с одной стороны, польский король уступал давлению дядей, особенно Августа, и ориентировался на позицию польского общества. С другой стороны, та часть законодательства коронационного сейма, касавшаяся «гарантии», польского-российского союза и вопроса о границе, свидетельствовала о готовности польского монарха к уступкам российским требованиям. Правда, следует учесть, считает З. Зелиньская, что позитивное отношение Станислава Августа к развитию отношений с Петербургом коренилось в надежде, что в ответ на это Екатерина II разрешит ограничение права *liberum veto*⁷.

В разжигание конфликта между польским королем и его дядями свою лепту внес и Н. В. Репнин, ставший на сторону Станислава Августа еще задолго до получения соответствующих инструкций из Петербурга. Отвечая на письмо Н. И. Панина от 23/12 февраля 1765 г.⁸ о «недоброжелательстве» Чарторыхских, русский посол писал, что братья короля намерены создать «противную» Чарторыхским партию, что он (Репнин) уже после сейма коронации «усомнился в прямоте» старших князей и с тех пор говорил о делах только с самим Станиславом Августом⁹.

Отношения короля и Чарторыхских в 1765 г. в связи с попыткой Н. В. Репнина сделать ставку на создание самостоятельной «дворской партии» во главе со Станиславом Августом и его братьями были рассмотрены и С. М. Соловьевым. Историк писал: «Дела запутывались. Старики Чарторыхские отступали перед диссидентским делом; каковы бы ни были их религиозные и политические взгляды на это дело, они знали, что, поддерживая русские требования, рискуют потерять силу и значение без надежды провести дело обыкновенными средствами (т. е. законным путем на сейме. — Б. Н.). Но в Петербурге на них сильно сердились, видели в их несодействии измену, ибо привыкли смотреть на них как на вождей русской партии, т. е. как на покорные орудия для достижения русских целей, тогда как Чарторыхские смотрели на Россию как на орудия для достижения своих целей. Король еще не понимал всего грозного значения диссидентского дела. Он был влюблен, по выражению Панина, в большинство голосов, т. е. был так увлечен мыслью о преобразованиях, что все другое ставил на второй план»¹⁰.

Таким образом, уже в 1765 г. стало ясно, что «фамилия» и ее сторонники, несмотря на свои господствующие позиции в Польше, едва ли могут представлять собой серьезную общественную опору для реализации целей русской политики в Речи Посполитой. Попытка Н. В. Репнина объединиться со Станиславом Августом и близкими польскому королю людьми оказалась неудачной, во-первых, из-за недостаточности собственного влияния короля в польском обществе, а во-вторых, из-за твердого намерения России «не допускать ни малейшего изменения в форме правительства Польши»¹¹, о чем Фридрих II писал В. Ф. Сольмсу 14 марта 1765 г.

О степени влияния России на своих сторонников в Польше после сейма коронации свидетельствовали «секретные расходы» русского посольства. После кончи-

ны Г. Кейзерлинга, 30 сентября 1764 г., в посольской казне оставалось 85 566 рублей из них следовало 3 тыс. в месяц А. Чарторыскому, 300 в месяц Огинскому на содержание его войска, 1 тыс. 200 в месяц Станиславу Августу. Примасу В. Лубеньскому надо было заплатить еще 17 тыс. в счет обещанных ему 80 тыс. и А. Млодзиевскому 4 тыс. руб.¹² Еще в конце 1764 г. Репнин отказался выплачивать пенсию А. Чарторыскому¹³. А за весь 1765 г. Огинскому было выплачено 1620 руб., подляшскому воеводе Б. Годскому — 3334 руб., примасу — 8 тыс. руб., Млодзиевскому 2 тыс. Король получил из казны посольства 6 тыс. руб.¹⁴ Как видно выплаты русского посольства польскому королю и вельможам в 1765 г. по сравнению с предшествующим годом существенно сократились. Новых пенсионеров также не прибавилось, за исключением робко выступившего на сейме конвокации в поддержку диссидентов подляшского воеводы. К тому же Б. Годский принадлежал прежде к дворской партии и примкнул к «фамилии» только из-за своей вражды с Я. К. Браницким. 9 апреля/29 марта Н. И. Панин одобрил действия Репнина в вопросе о пенсиях, пообещав перевести послу дополнительно 120 тыс. руб., и поручил произвести окончательный расчет с А. Чарторыским, добавив, правда, «только без раздражения его, особливо, если впредь лучшего от него ожидать можно будет», а также приказал прекратить выплату денег на войска Игнацы Огинского¹⁵, что Репнин и исполнил — последняя выплата литовскому маршалу была сделана в апреле 1765 г. Сокращение затрат русского посольства на выплату пенсий сторонникам России в Польше объяснялось тем, что политическая ситуация в Речи Посполитой в этот период не требовала значительных затрат на подкуп влиятельных лиц и отражало существенное охлаждение отношений между русскими представителями и прежними сторонниками России в Польше. По крайней мере, «русской партии», которая могла бы оказать воздействие на позицию польской шляхты в интересах «диссидентского дела» и установления «российской гарантии» очевидно уже больше не существовало.

Однако это обстоятельство не повлияло на намерения Петербурга. Главная ставка теперь, как и раньше, делалась на размещение в Польше русские войска. Об этом Н. И. Панин писал Н. В. Репнину в уже упомянутой депеше от 23/12 февраля 1765 г.: «В рассуждении такого положения вы, по желанию гр. З. Г. Чернышева, хотя и можете известные кирасирские эскадроны в Россию возвратить, приказав им малыми маршами подвигаться к границе, однако ж прочие войска, составляющие у вас находящийся корпус, должны оставаться для всякой, иногда наступавшей надобности»¹⁶. О какой надобности шла речь, руководитель русской внешней политики написал послу спустя месяц, заявив, что не видит возможности вывести войска из Польши, «прежде приведения по последней мере в надежную форму дела о диссидентах». Конкретные же способы применения войск он оставил на усмотрение Репнина¹⁷.

Вопрос о пребывании русских войск в Польше постоянно вплоть до сейма 1766 г. обсуждался между Варшавой и Петербургом. 22/11 апреля Репнин обратился к Панину за указаниями в связи с полученным им от командира корпуса В. М. Долгорукова известия о возможном возвращении его войск в Россию. В резолюции на депеше шеф Коллегии иностранных дел написал: «Долгорукой с Репниным худо изъяснился — из Военной коллегии к первому писно в той силе, как я писал Репнину, чтоб подвинуть корпус к Гродне на случай конфедерации диссидентов»¹⁸. В июле 1765 г. Долгоруков предложил продать содержавшийся при его войсках запас продовольствия, что, по его мнению, повысило бы подвижность корпуса и позволило

бы ему быстро подойти к Варшаве. В связи с этим Репнин извещал Панина, что признает обоснованность соображений Долгорукова, однако в этом случае, по мнению посла, русские лишатся предлога, что якобы войска нужны были для охраны складов, и придется открыть истинную цель пребывания войск в Литве. На депеше Панин написал, что согласен с мнением Репнина¹⁹. В начале 1766 г. в Петербурге решено все же отозвать корпус Долгорукова на родину, прислав ему на смену войска под командованием Н. И. Салтыкова. Весть об этом с беспокойством была встречена в Варшаве, о чем Станислав Август говорил Репнину. Русский посол убеждал польского монарха, что речь не идет об увеличении численности русских войск, а только о замене одних частей на другие. По словам Репнина, Станислав Август «с благодарностью» принял эти разъяснения, но возразил, что если нельзя совсем вывести русские войска, то лучше оставить старые, «ибо прибытие новых на смену и облегчение прежних докажет, что еще войска наши здесь продержат намерены и приумножить тем неудовольствие земли, которая уже и так беспрестанно просит (польского короля. — *Б. Н.*) о выводе оных». Репнин замечал, что согласен со Станиславом Августом, что замена войск подтвердит намерение Петербурга на длительное время сохранить свое военное присутствие в Польше. «Правда, — писал русский посол, — что в свое время надобно будет объявить причину их пребывания. Но в нашей власти, думаю, надлежит соблюсти время того объявления, а принуждения в том убеждать, которое последовать может от сего новых войск вступления»²⁰. Тем не менее вопрос о замене войск в марте 1766 г. был решен, и два полка под командованием Долгорукова выступили в Россию, а на смену им из состава Смоленской дивизии шел корпус Н. И. Салтыкова. Н. В. Репнин настаивал, чтобы Долгоруков не двигался из Минска до тех пор, пока туда не прибудет Салтыков, чтобы у поляков не создавалось впечатление, что войска вышли из Польши, но были введены в страну вновь²¹.

Пребывание в Речи Посполитой корпуса русской армии в 1765–1766 гг. не просто объявлялось намерением Петербурга оказать политическое давление на Варшаву, но было связано с определенными политическими целями, суть которых Репнин до времени стремился сохранить в тайне. Одной из них было образование конфедерации диссидентов, что следовало из приведенной резолюции Панина от апреля 1765 г., второй — созыв чрезвычайного сейма.

II

О намерении Петербурга добиваться созыва чрезвычайного сейма Н. И. Панин написал Н. В. Репнину 16/5 сентября 1765 г.²². По его словам, такой сейм должен состояться «под узлом продолжающейся конфедерации» и послужить «как для собственных польских дел, так особливо для скорейшего и полезного окончания наших». Шеф Коллегии иностранных дел также спрашивал, в чем, по мнению посла. Состоит необходимость такого сейма и в какие сроки он может быть созван, имея в виду, что собрание сейма произойдет не ранее, чем будут урегулированы отношения России с Портой.

Репнин согласился с идеей Панина, подчеркнув, что сейм необходим для улаживания польско-прусского таможенного конфликта и для решения вопросов о диссидентах и о российско-польском союзе, но все эти дела, по его словам, требуют предварительной определенной договоренности с поляками, которая пока не

достигнута. Поэтому нельзя определить и сроки проведения сейма. Однако наиболее удобное время начала сейма — апрель 1766 г., так как к открытию навигации на Висле следует уже устранить польско-прусские таможенные противоречия, да и размещенные в Литве русские войска к тому времени еще не выступят на родину²³. Говоря о сроках проведения сейма, Репнин также напомнил Панину, что за 3 месяца до его начала, т. е. не позже января 1766 г., надлежало разослать королевские универсалы о проведении сейма.

В переписке Репнина и Панина о чрезвычайном сейме присутствовали два примечательных обстоятельства. Во-первых, это вопрос о Генеральной конфедерации. Еще в июле 1765 г. Репнин доносил в Петербург о нежелании польской стороны согласовать с ним конкретные условия и меры по выполнению требований России. В связи с чем посол писал: «Я думаю, и тем к проворности здесь их принужу, что уже внушениями дал выразуметь, что, если не будут подлинно во время будущего сейма уверены через твердые обязательства о здешней совершенной с нами короткости, то трудно, чтоб тот сейм удержался, да и генеральная конфедерация может тому же последовать. Да в таком и действительно я сего мнения», — заключал Репнин²⁴. В этих словах явно прозвучала угроза разорвать конфедерацию в случае отказа в полной мере удовлетворить российские домогательства. В этой связи, подчеркнутое упоминание Панина о сейме при конфедерации указывало на намерение не разрывать ее до окончания сейма. К этой позиции руководителя русской внешней политики присоединился и Репнин, когда в своих соображениях по поводу чрезвычайного сейма, обосновывая заинтересованность России в его проведении, написал, что «через успех одного в наших делах увидим мы полезно ли будет генеральную конфедерацию дальше продолжать или в будущий обыкновенный сейм ее разорвать»²⁵. Во-вторых, говоря о необходимости чрезвычайного сейма, Панин упомянул «о собственных польских делах». Репнин истолковал это как указание на «таможенное дело» и на заключение польско-русского союза. Однако «собственные польские дела», с точки зрения Варшавы, состояли, главным образом, в проведении реформ государственного строя Речи Посполитой, что, собственно, со всей очевидностью проявилось и в вопросе о союзе. Исходя из этого, можно предположить, что слова Панина допускали и несколько иное толкование.

Косвенно это подтверждается перепиской Фридриха II и В. Ф. Сольмса. 27 августа 1765 г. прусский король писал своему послу, что Чарторыские и польский двор усыпляют бдительность Репнина и подготавливают заключение союза с Австрией, что реформаторские решения сеймов 1764 г. усилили королевскую власть в Польше, что польский двор скрывает свои подлинные планы от Петербурга и Берлина²⁶ и т. п. Фридрих II, правда, замечал, что не относится к этим сведениям с полным доверием. В ответном письме Сольмс сообщил в Берлин 21/10 января 1766 г. о своем разговоре с Паниным, в котором тот стремился развеять опасения прусского монарха и убеждал посла, что интриги поляков не опасны для России и Пруссии, что на сейме, благодаря присутствию русских войск и подкупам, будет получено надежное большинство, посредством которого требования Петербурга будут воплощены в законы. Далее прусский посол передавал слова Панина, что «весьма важно иметь в Польше партию, действительно преданную нашим дворам, и которая, в отсутствии войска, могла бы поддерживать нашу общую систему в продолжение этого нового царствования. Ему казалось, — писал Сольмс о Панине, — что король польский лично представляется наиболее есте-

ственным вождем и человеком наиболее склонным стать во главе такой партии, но он должен быть побужден к этому уверенностью в поддержке вашего величества и русской императрицы (Фридриха II и Екатерины II. — *Б. Н.*) <...> По его мнению, — утверждал Сольмс, — это единственное средство доставить королю превосходство над его родственниками и побороть влияние этих господ»²⁷. Трудно сказать, насколько слова Панина в изложении прусского посла соответствовали подлинным намерениям Петербурга, но они не могли не обеспокоить Берлин, поскольку тезис о поддержке польского короля и его партии должны были при прусском дворе ассоциироваться с программой реформ, с которой прочно была связана политика Станислава Августа. В этом контексте упоминание о «собственных польских делах» в депеше Панина Репнину от 16/5 сентября 1765 г. вполне могло указывать на возможные решения предстоящего сейма по реализации реформаторского курса польского короля и согласовывалось с линией Репнина на усиление политических позиций младших членов «фамилии».

Однако на рубеже 1765—1766 гг. перспектива создания в Речи Посполитой влиятельной магнатской партии, которая стала бы проводником русской политики в Польше и удовлетворила бы на сейме все политические требования Петербурга, представлялась маловероятной. Тем не менее еще в январе 1766 г. в русском посольстве в Варшаве полагали, что задуманный Паниным чрезвычайный сейм должен состояться в марте 1766 г. Об этом свидетельствовал королевский универсал курляндскому дворянству, присланный в Петербург в приложении к донесению секретаря посольства И. Ф. Аша от 8 января 1766 / 28 декабря 1765 г., в котором говорилось о переносе судебного дела Э. И. Бирона и курляндского дворянина из Коронного и Литовского трибуналов, а также из королевского апелляционного суда на будущий сейм в марте 1766 г.²⁸

Однако уже с начала 1766 г. разговоров о чрезвычайном сейме больше не велось, для его собрания не оставалось уже времени, да и, главное, так и не был решен вопрос, кто же будет протаскивать на сейме угодное России законодательство, в первую очередь в отношении уравнивания в правах диссидентов с католиками? Вопреки продемонстрированной Паниным в разговоре с Сольмсом в январе 1766 г. уверенности, что угодное Петербургу большинство на предстоящем сейме удовлетворит требования России, в российской столице отдавали себе отчет, что «русской партии» в Польше больше не существует. Об этом свидетельствовала депеша Панина Репнину от 11 февраля / 31 января 1766 г., в которой руководитель русской внешней политики инструктировал посла, что надлежит «разным образом отвечать» на вопрос о целях диссидентской политики. «Кои, — писал Панин, — не пристанут сначала ни к той, ни к другой стороне», должны услышать от Репнина, что восстановление диссидентов в некоторых правах призвано только «сохранить драгоценную в отечестве своем тишину», а противникам двора надо говорить, что признание некоторых прав иноверцев только укрепит господствующее положение католической церкви, поскольку последнее найдет подтверждение в новых законах.

Целью же таких бесед с представителями польской оппозиции должно стать создание новой партии для образования формальной конфедерации²⁹. Примечательно, что в приведенной депеше ничего не говорилось ни о Станиславе Августе, ни о королевских братьях, ни о Чарторыхских или «фамилии» в целом — все они объединялись под общим понятием «двор». Следует также заметить, что идея «конфедерации» противников господствующей магнатской группировки была высказана Паниным прежде, чем в Петербурге стало известно о встрече Н. В. Репнина с

Т. Весселем и о готовности «камарильи» Е. Мнишека искать российского покровительства. О намерении Петербурга сотрудничать с Потоцкими Панин написал своему послу только 16/5 апреля 1766 г.³⁰

III

Для того чтобы принять окончательное решение, кому же будет отведена роль проводников русской политики на сейме 1766 г., и к тому же проверить, не попал ли Репнин в зависимость от польского двора, о чем, как мы помним, предупреждал Фридрих II, в Варшаву был направлен К. Сальдерн. Он пробыл в польской столице с 4 по 29 апреля 1766 г. О его переговорах там ничего не известно, однако под воздействием бесед с русским эмиссаром Станислав Август, по свидетельству датского посла в Польше А. Сен-Сафорена, пришел к убеждению, что в отношениях Речи Посполитой с Петербургом открываются новые возможности³¹. З. Зелиньска, исследовавшая переписку Сальдерна и Репнина с Петербургом в этот период пришла к заключению, что в их корреспонденции можно выделить две группы: 1) депеши, составленные самим Сальдерном, и 2) — отредактированные Репниным. Вторая группа соответствовала взглядам посла и была написана в духе поддержки Станислава Августа в его конфликте со своими дядями. Первая — отразила попытки голштинца сгладить разногласия внутри «фамилии» и вместе с тем избавить Понятовских от иллюзий, что Россия поддержит их попытки создать «партию», независимую от Чарторыхских. Исследователь пришла к выводу, что Сальдерн фактически дезавуировал прежнюю линию Репнина, согласно которой Россия могла бы достичь своих целей, противопоставляя польского короля и Чарторыхских³².

Миссия Сальдерна в Варшаве в апреле 1766 г. наиболее подробно описана у С. М. Соловьева³³. Депеши петербургского эмиссара, несмотря на их многословность, практически бессодержательны. Единственным выводом из них могло быть мнение, что для достижения целей России следовало привлечь на свою сторону всех: и двор, и «фамилию», и оппозицию во главе с Потоцкими и Мнишеком. Строгий тон и угрозы в разговорах с магнатами, долженствовавшие, по мнению Сальдерна, привести к желаемому для Петербурга результату, применялись ранее Репниным и не возымели действия. Последний пришел к выводу, что, помимо «употребления открытой силы», разрешить диссидентский вопрос в интересах России не удастся. Поэтому рекомендации голштинца не представляли ничего нового. К тому же все, о чем российский эмиссар доносил из Варшавы, уже звучало в январской беседе Панина с Сольмсом, когда прусский посол сообщил в Берлин, что шеф русской политики не опасается неудачи на сейме и надеется, что «страх и подкуп» приведут к успеху. Таким образом, депеши Сальдерна содержали именно ту информацию, которую хотели бы видеть в Петербурге. Сальдерн повел себя как угодливый царедворец, рассчитывавший заслужить благосклонность своих хозяев. Это не скрылось от проницательности Репнина, когда он написал Панину: «Осмелюсь сказать, что если пребывание Сальдерна не исправит поведение здешнего двора, то уже ничто на свете его не исправит»³⁴.

Для искушенных дипломатов, подобно Панину, было очевидно, что, желая быть в союзе со всеми, рискуешь не найти поддержки ни у кого. Тем не менее инструкции Репнину в мае—июне 1766 г. проникнуты именно этой идеей. Впервые она прозвучала в февральской депеше с предписанием «разным образом отвечать» на вопросы

поляков, затем получила наиболее полное выражение в депеше от 3 июня / 23 мая³⁵, в которой, в частности, говорилось «о всемилостивейшей апробации <...> во всем том, что вами (Н. В. Репниным. — *Б. Н.*) обще с г. Сальдерном учинено было». Эти слова были написаны Паниным до возвращения голштинца в Россию, и косвенно свидетельствовали о том, как были восприняты донесения последнего в Петербурге и кому Сальдерн пытался угодить своими рассуждениями.

Подтверждение того, что курс русской политики в польских делах непосредственно направлялся Екатериной II, мы находим в принципиально-важной депеше Н. В. Репнина от 4 июня / 24 мая 1766 г., которая частично изложена и процитирована С. М. Соловьевым³⁶. Она представляла по сути дела предлагаемый Петербургу послом план действий как накануне и во время сейма, так и после его окончания. Депеша открывалась сообщением об отъезде из Варшавы в Петербург польского посла Ф. Ржевуского, который накануне сказал Репнину, что получил от своего двора инструкцию, содержащую все необходимые полномочия для ведения переговоров как по диссидентскому делу, так и о заключении польско-российского союза. Инструкция эта, как мы обосновывали это в предыдущих главах, рассматривалась в российской столице как формальное обязательство польской стороны удовлетворить на предстоящем сейме требования Екатерины II. В Варшаве же переговоры о союзе связывались с надеждой на российское согласие на проведение реформ государственного строя Речи Посполитой.

В упомянутой депеше Репнин также сообщал, что, как ему стало известно, Ржевуский будет добиваться в Петербурге вывода из Польши русских войск. Посол категорически возражал против такого шага и утверждал, что диссидентское дело «надобно силою подкреплять и не только привести сюда к сейму наши войска, но и дополнить их по «малой мере теми двумя пехотными полками, коих недавно <...> Долгоруков в отечество возвратил». То есть посол настаивал на усилении военного присутствия России в Польше накануне сейма, причем увеличение здесь численности русских войск вдвое он рассматривал как минимальное. Необходимость такой меры посол объяснял тем, что магнаты, и прежде всего Чарторьские, намерены уклониться от выполнения требований России, а вслед за ними последует и рядовая шляхта на сеймиках, а также и послы на сеймах.

Отказ в выводе русских войск, тем более увеличение их численности, по словам Репнина, может побудить поляков (и в первую очередь «партию духовенства») обратиться с официальным запросом о целях присутствия в стране русских войск. Поэтому посол предлагал заранее согласовать свой ответ: «...что конфедерация генеральная, быв сочинена для удержания в земле покоя, а наши войска в том же виде приглашения <...>, и поколь оная продолжается <...> (войска. — *Б. Н.*) выступить не могут. Или отвечать, что поколь диссиденты по справедливости их требований удовольствованы не будут, по тех пор войска наши не выступят».

Говоря о военном давлении на магнатов и шляхту, Репнин предлагал пригрозить, а в случае неудачи на сейме — занять войсками имения противников России, «ибо, — писал посол, — когда партизаны увидят, что шефы их не могли себя оградить <...> то натурально от них отставать станут. Через сие разумею двух стариков Чарторьских, которые одни в нынешних обстоятельствах наши дела сделать и испортить могут».

Помимо сугубо военных мер принуждения, русский посол предлагал использовать и иные средства, в частности, возможность сохранения или разрыва Генераль-

ной конфедерации, которая, по словам Репнина, «есть способ, коим желаемые нами дела сделаны быть могут, но твердость ее совсем кончится, если она их не исполнит», и спрашивал Панина, «давать ли мне молчанием после сейма ей продолжаться или стараться ее разрушить?».

Наконец, планом Репнина накануне сейма было предусмотрено еще одно средство воздействия на варшавский двор. Он предлагал включить законодательство в пользу диссидентов в содержание подготавливаемого союзного договора между Россией и Польшей, чтобы в Варшаве видели, «что не получат они могущих в том трактате быть для них авантажей, прежде как нас в сем пункте (в вопросе о диссидентах. — Б. Н.) удовлетворяют». Приведенный фрагмент депеши Репнина очень важен. Поскольку, с одной стороны, вопрос о возможном включении положения о диссидентах в союзный договор вновь демонстрировал взгляд российской стороны на союзный трактат как форму российской гарантии государственного строя Польши, а с другой — упоминание накануне сейма о выигрыше, который мог бы иметь польский двор в случае заключения союза и удовлетворения претензий диссидентов, указывало, что разговоры об этом накануне сейма велись между Станиславом Августом и Репниным. Содержание же упомянутых авантажей было очевидно и польскому королю, и русскому послу. Речь шла о реформах государственного строя Речи Посполитой и связанной с этим новой политической ролью Польши во взаимоотношениях с великими державами. Таким образом, намеки русского посла, какими бы туманными они не были, в Варшаве были в праве истолковать как возможное согласие, в случае принятия сеймом удобного русской императрице законодательства, на проведение задуманных польским королем преобразований. В заключение депеши Репнин писал, что если решения сейма не оправдают ожидания Петербурга, что посол считал весьма вероятным, то можно будет принять решение о способах исправления положения «чрезвычайным ли сеймом, новою ли конфедерациею или другим каким образом».

Насколько изложенный Репниным план действий соответствовал взглядам Панина в определенной мере можно судить на основании депеш В. Ф. Сольмса Фридриху II от 13/2 мая 1766 г., т. е. когда первое донесение Сальдерна было уже получено в российской столице и за месяц до того как была составлена, приведенная выше депеша Репнина. Прусский посол доносил своему государю, что не может определенно ответить на его вопрос об отношении в Петербурге к польской Генеральной конфедерации — принадлежит ли идея ее сохранения российской стороне или подсказана польским двором. Однако, как замечал посол, в России всегда придерживались мнения сохранить конфедерацию до тех пор, пока не будут выполнены требования русской императрицы, в том числе и в отношении диссидентов. По словам Сольмса, в российской столице намерены для достижения своих целей образовать особую конфедерацию из диссидентов. При этом находящиеся в Польше русские войска должны были бы предотвратить возможную попытку поляков что-либо предпринять против России. «По этим причинам, — рассуждал посол, — гр. Панин, не считая продление конфедерации опасным, полагает возможным употребить ее, скорее, для достижения своих целей. Тем не менее в уме своем он назначил ей сроком конец будущего сейма, так как надеется, что на нем будут покончены все предположенные дела»³⁷.

Таким образом, план Репнина представлял собой развитие и конкретизацию изложенных Сольмсом воззрений Панина. Отличие состояло только в том, что русский посол, хотя и признавал решающую роль Чарторыхских, которые одни «наши дела

сделать и испортить могут». Именно против этих слов депеши Репнина Екатерина II написала для Панина: «Я думаю, что и сих стариков склонить можно действовать по нашим желаниям на будущем сейме. Поговорите о сем со мной»³⁸. Итак, можно заключить, что прозвучавшее в депешах К. Сальдерна мнение о возможности сотрудничества на будущем сейме с Чарторыскими в наибольшей степени соответствовало воззрениям самой Екатерины II.

Вопрос о сохранении Генеральной конфедерации вызывал озабоченность не только прусского короля. С неменьшей тревогой писал об этом в Рим и папский нунций А. Е. Висконти. Еще 20 марта 1765 г., отвечая на запрос кардинала Торрижани, он указывал, что на коронационном сейме 1764 г. не было принято никаких решений, которые в полной мере определили бы государственный строй Речи Посполитой и порядок проведения будущих сеймов. Папский посол отмечал, что установление военных и финансовых комиссий и фактическое лишение власти гетманов и подскарбиев подорвало влияние последних среди шляхты, что теперь двор «с помощью благодетелей или угроз» держит в своих руках сеймики, а тем самым выборы послов на будущий сейм. В нынешних условиях, по словам Висконти, трудно найти посла кто отважился бы на разрыв сейма, да и порядок принятия экономических решений большинством голосов лишает такой шаг всякого смысла. «Поэтому нетрудно увидеть, — делал вывод нунций, — что все пункты, которые имеют какое-либо отношение к экономике, будут приниматься большинством, хозяином которого всегда будет двор». Говоря о Генеральной конфедерации, Висконти подчеркивал, что период ее деятельности нигде не прописан в законе. «И от нее самой будет зависеть ее роспуск или продолжение. Тогда она (конфедерация. — *Б. Н.*) не будучи ни чем иным как республикой, объединенной под этим обязательством, будет проводить в сеймах все решения большинством голосов без единогласия. И это, кажется, — писал Висконти, — продлится до будущего сейма»³⁹.

Рассуждения нунция достаточно определенно продемонстрировали место Генеральной конфедерации в политической системе шляхетской республики 1764—1766 гг. и ее роль на предстоящем сейме. По сути, посредством конфедерации Станислав Август и «фамилия» добились фактической отмены *liberum veto* на время ее продолжения, а согласие Петербурга на сохранение конфедерации могло восприниматься не иначе как косвенная поддержка реформаторских начинаний польского короля. Этим последним обстоятельством и объяснялась обеспокоенность, хотя каждый раз продиктованная различными соображениями, Берлина и Рима, а также других европейских дворов, перспективами сохранения конфедерации в Польше. Если принять во внимание туманные рассуждения Панина и Репнина о возможности выигрыша для Польши в случае заключения польско-российского союза, которые и в Петербурге и в Варшаве склонны были рассматривать как один из путей к удовлетворению взаимных устремлений: в области уравнивания в правах диссидентов с католиками — в деле реформы государственного устройства Речи Посполитой.

IV

Реформаторские намерения Станислава Августа и преобразовательные планы польского короля и «фамилии» не составляли секрета для Петербурга. Уже в июле 1766 г., накануне открытия сеймиков, в российской столице получили этому дополнительное

подтверждение. В депеше от 30/19 июня⁴⁰ Репнин писал, что до него «стороною дошли» ответы польских сенаторов, на обращенные к ним письма de liberatois Станислава Августа, в которых польский король спрашивал мнение епископов, воевод и каштелянов о вопросах, подлежащих рассмотрению на сейме. Причем ни король, ни министерство не познакомили русского посла с мнениями сенаторов. Экстракты⁴¹ этих писем тот получил от неизвестного агента.

Репнин замечал, что в них содержится много «недовольно важного», однако «почти единогласно все желают приумножения войска, тож по несчастью часть, которая и против диссидентов говорит, еще о разорвании генеральной конфедерации некоторые упоминают». В распоряжении посла оказались мнения 36 сенаторов. Репнин обещал направить в российскую столицу и рассуждения других, если сможет их достать. Однако ничего дополнительно так и не прислал. Поскольку ответы сенаторов на королевские письма были необязательны, то, можно предположить, что оказавшиеся в Петербурге мнения охватывали весь, или почти весь, комплекс сенаторских предложений накануне сейма 1766 г. Разумеется, нельзя согласиться с Репниным, что суждения сенаторов, хотя бы в части своей, малосущественны, поскольку они, так или иначе, отразили позицию правящих верхов Речи Посполитой по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики накануне сейма. С заслуженным вниманием к ним отнеслись и в Коллегии иностранных дел, на что указывает приложенный к присланному Репниным экстракту перевод на 41 листе.

Из 36 сенаторов, приславших свои ответы в Варшаву, только двое Ф. С. Потоцкий — воевода киевский, и Эварист Анджей Куропатницкий — каштелян бецкий, кратко объявили, что все вопросы, предназначенные к обсуждению на сейме, они оставляют на усмотрение короля. Мнения остальных сенаторов объединялись общей проблемой положения сословий в Речи Посполитой. Хотя накануне сейма 1766 г. вопрос о сословиях и не принадлежал к числу наиболее политически актуальных, однако очевидно, что в сословном обществе именно статус сословий, их права и привилегии, представляли собой фундамент политического развития. Поэтому, сосредоточив внимание на программе политических реформ, сенаторы не могли совершенно оставить в стороне вопрос о сословиях. В этой связи восемь из них в своих ответах королю поставили на первое место требование «объяснения каждому национальных прав», имея в виду, разумеется, права шляхты — сословия, образующего «политическую нацию» Речи Посполитой. О сохранении в неизменности «прав и вольностей республики» писали каштеляны: киевский Мацей Ланцкоронский, брест-литовский Ян Антони Хораин, краковский Ян Клеменс Браницкий, инфлянтский Юзеф Гилзен, пшементский Рафал Гуровский, виленский Михал Массальский, вислицкий Рох Яблоновский; воеводы краковский Вацлав Ржевуский, равский Казимир Грановский. Причем В. Ржевуский наряду с задачей охраны прав и привилегий шляхты высказался за «согласие между станами Речи Посполитой», т. е. между королем, сенаторами и рыцарством, которое, будучи представлено послами на сейме, образовало наряду с королем и сенатом третий «стан» шляхетской республики. Провозглашенная В. Ржевуским идея «согласия станов» означала, таким образом, прямое требование определения единой позиции органов государственной власти на основе сословного единства шляхты Речи Посполитой.

Существенное место в рассуждениях сенаторов принадлежало проблеме охраны феодальной собственности на землю и системы поземельных отношений. Именно

этот вопрос являлся главным в мнениях сенаторов относительно судопроизводства, что особенно подчеркнул познаньский воевода Антони Барнаба Яблоновский, настаивавший не только на судебной реформе, но и на упорядочении наследственного права, на государственном регулировании ипотечной задолженности шляхетских имений, в частности, рода Яблоновских. Надо подчеркнуть, что подобные требования дворянства во второй половине XVIII в. представляли собой общеевропейское явление и были реакцией феодальных собственников различных стран на воздействие товарно-денежных отношений на дворянское землевладение.

В ответах сенаторов был также поставлен вопрос о королевских имениях. Так, сохачевский каштелян Игнацы Цешковский^{*42} предлагал, чтобы на сеймиках избирались кандидаты для владения королевщинами в тех воеводствах, в которых те староства находятся, для последующего их пожалования королем. Это предложение отражало старое требование шляхты об ограничении верховной собственности короны в отношении королевских владений, причем в данном случае речь шла об участии сеймиков и воеводских шляхетских корпораций в распределении раздаваемых во владение должностным лицам Речи Посполитой королевских земель, которое до сих пор оставалось исключительно прерогативой двора.

Принципиально важным для шляхетского сословия был вопрос о распределении феодальной ренты, который стал довольно остро в связи с проблемой увеличения государственных доходов. Шляхта не желала нести тяготы по наполнению казны республики. Поэтому в рассуждениях по финансовым вопросам почти всех сенаторов звучала мысль, что новые налоги ни в коем случае не должны нанести ущерб благосостоянию подданных. О том, что имелись в виду интересы прежде всего шляхты, свидетельствуют настойчивые предложения сенаторов так или иначе в максимальной степени переложить налоговые тяготы на другие сословия. Однако среди сенаторских мнений звучали и голоса в пользу известного участия шляхты в деле пополнения государственных средств, как об этом писали К. Грановский — воевода равский и Станислав Анквич — каштелян бецкий.

Был затронут сенаторами и вопрос о традиционных военных повинностях, в частности о посполитом рушении. Так, инфлянтский каштелян Ю. Гилзен предлагал отменить его, заменив шляхетское ополчение ландмилицией под начальством воевод. Правда, оставалось не ясным, за счет каких слоев населения должна была бы формироваться такая ландмилиция и каким образом финансироваться. Соответствующий опыт имелся в австрийской империи (на военной границе), в Османских владениях, в Швеции и в России. Во всех этих странах он был связан, с одной стороны, со стремлением дворянства освободиться в той или иной форме от обязательной военной службы и переложить собственные сословные обязанности на другие сословия, а с другой стороны — сократить прямые расходы казны на содержание войск. Вероятно, аналогичными соображениями был продиктован и проект Гилзена. Однако были и предложения прямо-противоположного толка. Так, К. Грановский высказался за введение военного обучения шляхты в воеводствах, что явно

* В приложении к депеше Н.В. Репнина И. Цешковский ошибочно назван каштеляном черниховским, что связано с его избранием от Черниховской земли депутатом Коронного трибунала. В то время как среди мнений сенаторов, включенных в состав Литовской метрики, содержится и мнение каштеляна черниховского Людвика Владислава Подхороденьского.

указывало на намерение не только сохранить ополчение шляхты (посполитое рушение), но и повысить уровень его боеготовности и военной организации. Идея эта находилась в русле поиска путей к увеличению военных сил Речи Посполитой, но вместе с тем она свидетельствовала о желании сохранить военно-землевладельческий характер шляхетского сословия и тем самым укрепить политическое господство шляхты в Речи Посполитой. В этой связи необходимо упомянуть требование сенаторов о восстановлении в правах гетманов. Оно было традиционным для оппозиции со времени учреждения военных комиссий, и вновь прозвучало в ответах сенаторов королю. Об этом писали Антони Домбский — воевода брестский-куявский и каштелян иновроцлавский Ян Скарбек. Уменьшение гетманской власти, утверждал последний, может быть особенно опасно в случае увеличения численности войск, поскольку во время войны армия не будет уже подчиняться приказам гетманов, а распоряжения военной комиссии не имеют при этом законной силы. Таким образом, требование возвращения гетманам их полномочий обосновывалось не только подчеркиваемой оппозицией якобы незаконностью военной реформы, проведенной Генеральной конфедерацией в 1764 г., но и опасностью утраты контроля за вооруженными силами со стороны республиканских институтов. Тем самым вновь указывалось на значение гетманов как предводителей посполитого рушения и руководителей шляхетского сословия в целом, т. е. косвенно высказывалась идея сохранения военной функции шляхетского сословия, как одного из важных факторов государственного устройства Речи Посполитой.

В вопросе о сословных привилегиях шляхты сенаторы не обошли вниманием и систему шляхетского образования, которое, согласно просветительским теориям XVIII столетия являлось одним из важнейших элементов общественной организации. Воспитание «нации» находилось в центре реформаторских проектов «фамилии» и особенно Станислава Августа. Сенаторы, правда, в отличие от польского короля, подходили к названной проблеме достаточно утилитарно, но все же их высказывания свидетельствовали, что идеи эпохи Просвещения и проекты польского короля не были оставлены ими без внимания и позитивного отклика. Так, Р. Гуровский не только поддержал идею создания кадетского корпуса, но высказался за его расширение, а С. Анквич предложил содержать учащихся корпуса за счет королевских средств. Разумеется, здесь сыграло свою роль известное противоречие в вопросе о распределении доходов короля и республики. Однако в данном случае важно, что в своих мнениях сенаторы выступили, во-первых, за сословную замкнутость образования (кадетский корпус предназначался исключительно для шляхтичей), а во-вторых, за равные возможности в получении светского образования всеми шляхтичами вне зависимости от знатности и богатства, при сохранении сословной монополии на сферу интеллектуального труда и связанную с ним деятельность на общественных должностях и в области государственного управления.

Непосредственно к проблеме статуса господствующего сословия примыкал вопрос о привилегиях церкви. В общем его затронули примас Владислав Лубеньский, Антони Волович — епископ луцкий, Анджей Баер — епископ хелминский, которые писали об охране позиций католической церкви, ненарушимости ее прав и привилегий. Так же высказался Антони Дрохойовский — каштелян пшемысльский. Открыто о положении католической церкви в связи с диссидентским делом писали только Томаш Солтик — воевода ленчицкий, и Казтан Солтык — епископ краковский.

Первый заявлял, что предоставление свободы вероисповедания для диссидентов послужило бы поводом к несогласию (в обществе). Второй же требовал, чтобы воеводства «в виду возможных представлений диссидентов в инструкциях послам им никаких вольностей не дозволяли». Следует отметить. Что среди приславших свои ответы епископов, двое: Валенты Венжик — епископ пшемысльский, и Юзеф Енджей Залуский — епископ киевский — вообще не затрагивали церковные и религиозные вопросы, а также и то, что сторонники расширения религиозных прав диссидентов, в соответствии с королевским универсалом, связывали такой шаг с приглашением в страну иностранцев для развития ремесла и торговли и с предоставлением тем привилегий, в частности, религиозных свобод для протестантов. Связь между этими двумя вопросами можно усмотреть только в рассуждениях бецкого каштеляна С. Анквича, который, предлагая привлечь для заведения фабрик мастеров из-за границы, призывал сделать это «без малейшего нарушения православной и спокойно господствующей (католической. — Б. Н.) веры». В другом случае достаточно прозрачный намек на негативное отношение к диссидентскому вопросу сделал Я.А. Хораин, советовавший, чтобы только природным польским шляхтичам-католикам разрешено было служить в войске, особенно на командирских должностях, и чтобы для безопасности короля при дворе служили бы только шляхтичи-католики. Такое предложение было очевидно направлено против диссидентского дворянства, представителей которого было немало среди офицеров коронной и литовской армии. При этом оно служило бы не столько ограничению сугубо религиозных, сколько в первую очередь сословных прав не католической шляхты, что еще раз подчеркивало не столько конфессиональный, сколько сословный характер диссидентского вопроса. В то же время предложение Хораина было направлено на сохранение сословного шляхетского характера польской армии, что должно было также препятствовать королю опереться на коронные и литовские войска в собственных политических целях в том случае, когда бы они расходились с интересами господствующего сословия.

В вопросе о привилегиях церкви в ответах сенаторов заметное место отводилось проблеме податных иммунитетов церковных владений. Так, С. Анквич предлагал для увеличения доходов республики найти способы обложить налогом церковные земли; Цешковский — каштелян чернеховский — направить $\frac{1}{5}$ часть церковных доходов на содержание войск; Тадеуш Липский — каштелян ленчицкий — высказался за налог на греческое и римское духовенство, размер которого устанавливался бы добровольно.

Говоря о статусе сословий в Речи Посполитой, сенаторы уделили большое внимание городам и мещанству. Во многом это объяснялось возросшим экономическим и социальным значением польского города во второй половине XVIII в., его ролью в накоплении общественного богатства и в социальном укладе польского общества. Однако и в этом случае сенаторы проявили себя, скорее, как прагматики. Рассуждая о городах, они в первую очередь руководствовались потребностью пополнения государственной казны. На значение городов с этой точки зрения указывали как фискальная практика, так и новейшие меркантилистские и камералистские теории. О необходимости развития ремесла и торговли писали большинство сенаторов. Вместе с тем некоторые из них коснулись весьма важного вопроса о месте горожан в сословном строе Речи Посполитой. Так, Р. Яблоновский предложил целую программу, которая предусматривала: 1) награждать в народе проворство и знания для восстановления в Польше достатков; 2) установление одного во всей нации денежного

курса; 3) покровительство купцам, мануфактуристам, учителям; 4) издание полезного ремесленного и торгового законодательства. Последнее требование явно означало повышение сословного статуса городов. В том же русле находилось и мнение любельского воеводы Антони Любомирского о неподведомственности городов земским и городским судам; С. Анквича — о расширении привилегий городов и распространении на все города статуса королевских. Наконец, Ю. Гилзен высказался за предоставление мещанам особых сословных прав, «отличив их от подлости».

Затронули сенаторы и вопрос о положении крестьянства. С. Анквич предлагал разрешить крестьянам жаловаться на помещиков в земском или городском суде. Такая мера ограничивала судебные привилегии вотчинного суда шляхты, хотя ни в коей мере не затрагивала подсудность крестьян шляхетским судам. Весьма интересное предложение было сделано Ю. Гилзеном, который писал: «Пространные в пусе состоящие нашей нации места могут заселены быть народом вскоре, если только пресеется переход с места на другое место подданным и обращены будут тягостные работы (барщина. — *Б. Н.*) в денежный и хлебный оброки». Мнение инфлянтского каштеляна, с одной стороны, отражало популярные в 60-е гг. XVIII в. физиократические теории, а с другой — свидетельствовало о стремлении наиболее передовых польских деятелей ограничить крайности крепостничества, способствовать распространению начавшегося в этот период в Польше процесса «очиншевания», т. е. перевода на оброк крестьян шляхетских имений. Правда, во второй половине XVIII в. он коснулся только отдельных магнатских владений, собственники которых принадлежали к так называемой «просвещенной элите» польского общества.

Вместе с тем проблема перевода крестьян на оброк, размеры которого могли быть фиксированными, непосредственно касалась целого слоя, преимущественно из мелкой, часто безземельной шляхты, управляющих и условных посессоров, являвшихся держателями отдельных имений в составе магнатских владений. Очиншевание не только ограничивало их возможности в присвоении, нередко путем злоупотреблений, части феодальной ренты, но и в перспективе ставило под вопрос существование самой этой категории как землевладельцев и грозило им в будущем утратой сословных привилегий.

Предложение Гилзена о переводе крестьян на оброк, наряду с просветительскими идеями об освоении запустевших земель и поощрении крестьянского труда, содержало и утверждение прямо противоположного характера о «пресечении перехода подданных с одного места на другое», т. е. о сохранении и о дополнительном законодательном закреплении крепостного права как фундамента сословного неполноправия феодально-зависимого населения Речи Посполитой.

Таким образом, предложения сенаторов накануне сейма 1766 г., затрагивавшие проблемы положения сословий, свидетельствовали об их стремлении, отражавшем в целом позицию шляхты Речи Посполитой, сохранить в неизменности феодальный строй и сословный характер польского общества. Эту позицию не нарушали слабые тенденции, также нашедшие отклик в рассуждениях сенаторов, по незначительному ограничению сословных привилегий шляхты и расширению сословных прав горожан и крестьян. Вместе с тем попытки стимулировать хозяйственное развитие страны, усовершенствовать ее общественную и политическую организацию и предлагаемые в этом направлении отдельные улучшения сословного положения горожан и крестьян, как и некоторые ограничения сословных привилегий шляхты сви-

детельствовали все же о намерении правящих кругов Речи Посполитой продолжить на сейме 1766 г. реформаторский курс, заложенный двумя годами ранее на сеймах 1764 г. во время избрания Станислава Августа на польский престол.

К проблемам сословного строя Речи Посполитой примыкал вопрос о совершенствовании судебной системы, который непосредственно затрагивал интересы не только политических верхов, но и всей шляхты. По вопросам судопроизводства высказались 12 из 36 сенаторов. Пятеро из них в общих выражениях подчеркнули необходимость исправления законодательства и совершенствования работы трибуналов. К наказам общего характера относилось и предложение об ужесточении наказаний (Я. Скарбек), которое свидетельствовало, с одной стороны, о стремлении таким образом повысить эффективность судебной системы, а с другой — о росте в стране политической нестабильности. Среди мнений сенаторов звучало также требование ускорения производства дел в ассессорских судах (Зигмунт Кретковский — воевода хелминский). Конкретные предложения были направлены на предотвращение злоупотреблений в трибуналах. С этой целью предполагалось ввести в них «потаненных судей», которые были бы свободны от влияния «сильных господ» и «взяток», и наоборот, чтобы при принятии решения депутаты подписывались под поданным голосом. Как средство против коррупции предусматривалось введение оплаты труда депутатов («пенсии»). Правда, в одном случае предлагалось такие пенсии повысить, а в другом — напротив, понизить. Наиболее существенные наказания сенаторов были связаны с реформой самой системы трибуналов. Так З. Кретковский предлагал проводить Великопольский трибунал только в Петракове, что ставило вопрос о его отождествлении с коронным трибуналом в целом, а Я. Скарбек высказался за объединение депутатов великопольского и малопольского трибуналов, «дабы сим способом вражда, ненависть и несправедливость истребиться могли». Весьма многозначительное предложение в этой связи было внесено примасом В. Лубеньским о соединении в один Коронного и Литовского трибуналов. Таким образом, достаточно настойчиво прозвучала мысль о создании единого верховного суда и ограничении судебных прав отдельных провинций.

Говоря о системе трибуналов, уже упомянутый выше Скарбек высказался за учреждение специальной комиссии Сейма для обжалования в ней трибунальских решений. Это предложение отнюдь не противоречило роли сейма, которому принадлежала и верховная судебная власть, однако оно свидетельствовало о стремлении увеличить число сеймовых комиссий, добавив к уже существующим (военной и финансовой) еще и судебную, а также ставило вопрос о порядке решения судебных дел в ней, а следовательно и на сейме — единогласием или большинством голосов.

Земские и градские суды были упомянуты в мнениях сенаторов только в двух случаях; во-первых, когда А. Дрохойовский предложил строго отделить их от церковных судов и запретить последним вмешиваться в область компетенции судов светских и, во-вторых, когда С. Анквич высказался за разрешение крестьянам жаловаться на действия помещиков в земских и городских судах. К этому предложению непосредственно примыкало мнение Ю. Е. Залуского о запрещении шляхте судить и казнить подданных, которые в криминальных делах были бы подсудны земским и градским судам.

Итак, почти все из представивших свое мнение сенаторов высказались за те или иные преобразования в судебной системе Речи Посполитой. Исключение составил только К. Грановский, предложивший «сохранить трибуналы при прежних поряд-

ках». В рассуждении сенаторов вполне определенно прозвучала мысль о централизации судебной системы и объединении трибуналов Короны и Литвы. Сенаторы почти не уделили внимания ассессорским и реляционным судам, находившимся в ведении канцлеров и маршалов, что явно свидетельствовало о уменьшении их роли в системе судопроизводства. Вместе с тем сенаторы косвенно высказались за сохранение сословного характера суда, подчеркнув разделение компетенции церковного и светского судопроизводства, а особенно, чтоб города в трибунальские, а также в земские и градские суды ни под каким видом позываемы не были» (А. Любомирский). Ограничение судебных привилегий шляхты в отношении крестьян, предложенные сенаторами, содержали в себе в определенной мере негативную оценку крайностей крепостного права, но ни коим образом не ставили под сомнение строго сословный характер суда в шляхетской республике.

Проблема судебной реформы в Речи Посполитой и совершенствования правовой системы и процессуального законодательства в 1764–1766 г. была специально рассмотрена Е. Михальским⁴³, который подчеркивал, что данный вопрос для польской шляхты XVIII в. был одним из наиболее важных, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что при многих сорванных сеймах был только один случай (1749 г.) разрыва Коронного трибунала. Вместе с тем в проектах Чарторыских судебная реформа находилась на втором плане в сравнении с реформой сеймования и проблемой увеличения численности польских войск⁴⁴.

В соответствии с планами Станислава Августа и «фамилии» центральное место на предстоящем сейме должно было отводиться реформам государственного строя Речи Посполитой, хотя сам король накануне сейма старался обходить этот вопрос молчанием, чтобы не вызвать раньше времени сопротивления «патриотической оппозиции», да и приверженцев «золотой вольности» среди своих сторонников, не говоря уже о противодействии подобным замыслам со стороны Петербурга и Берлина. Также и сенаторы стремились прямо не затрагивать указанной проблемы. Она угадывалась за словами сенаторов о «сохранении прав и вольностей республики», о «разъяснении каждому национальных прав», о «согласии между станами Речи Посполитой» и т. п. О характере таких высказываний красноречиво свидетельствовало мнение Я. К. Браницкого, который как краковский каштелян и первый среди сенаторов также направил свое письмо королю. В нем опальный гетман призывал к сохранению прав и вольностей республики «в неизменных пределах».

В связи с реформами государственного строя поднимался и вопрос о Генеральной конфедерации. Семеро сенаторов (К. Грановский, А. Домбский, Ю. Е. Залуский, Т. Солтык, И. Цешковский, Юзеф Александр Яблоновский — каштелян поланецкий, Р. Яблоновский) предлагали распустить конфедерацию. Все они принадлежали к противникам «фамилии». Правда, трое из них (Грановский, Р. Яблоновский и Залуский) все же высказались за увеличение численности войск и доходов республики. Однако в вопросе о Генеральной конфедерации все они проявили себя как противники преобразований в государственном устройстве Речи Посполитой. О развязании конфедерации писал еще Р. Гуровский, однако он считал, что вопрос этот следует предоставить на усмотрение короля.

Прямо о восстановлении прежней формы правления, т. е. об отмене реформ, принятых на сеймах 1764 г., помимо Я. К. Браницкого, писали Ю. А. Яблоновский и М. Массальский. Последний как виленский каштелян был недоволен ограниче-

нием своих полномочий в связи с учреждением скарбовой комиссии в Литве. Двое из сенаторов высказались за возвращение гетманам прежней власти.

Таким образом, если судить о настроениях в польском обществе накануне сейма 1766 г. по вопросу о предполагаемых Станиславом Августом и «фамилией» реформаторских проектах, то следует признать, что, несмотря на политическое преобладание при дворе сторонников реформ, среди шляхты в полной мере сохранялось убеждение в необходимости оберегать «золотую вольность» и ее фундамент — принцип единогласия на сеймах. К такому заключению приводит анализ высказываний даже тех сенаторов, которые в той или иной форме поддерживали предлагаемые преобразования. Наиболее определенно в пользу реформ высказался познаньский воевода Антони Барнаба Яблоновский, написавший о введении «пристойнейшей формы сеймования», причем избранная им формулировка дословно повторяла заглавие труда С. Конарского, что косвенно позволяет представить, какую именно программу поддерживал сенатор. В дополнение он также высказался в пользу введения комиссий в сеймиках, что означало поддержку «комиссий доброго порядка» и развитие системы комиссий как органов власти в землях и воеводствах.

Подробно о преобразованиях государственного строя написал Павел Домбский — каштелян брестский в Куявии. Он утверждал, что «большинство голосов тогда только будет в согласии с *liberum veto* <...>, когда противоречие между этими двумя принципами будет урегулировано на основе фундаментальных законов». Домбский призывал короля отказаться от практики своих предшественников из саксонской династии, использовавших Сенатский совет для усиления королевской власти. Причем в этом тезисе явно прочитывался намек на секретные рады сената уже в правление Станислава Августа. Брестский каштелян, тем самым, предостерегал от опасности превращения Сенатского совета в королевский совет. Об Экономической комиссии П. Домбский писал, что она имеет право только исполнять решения сейма, но не должна «иметь власти к совершенному чего-либо от себя постановлению». Признавая учреждение комиссии как исполнительного органа, в котором решения принимаются большинством голосов, каштелян подчеркивал, что она ни в коем случае не должна затрагивать компетенцию сейма. То же касалось и Военной комиссии с тем дополнением, что нынешним гетманам следовало бы возвратить их полномочия, «преемники же их должны будут действовать по новому законодательству».

О сеймовых комиссиях рассуждал и И. Цешковский. Он предлагал изменить порядок назначения комиссий таким образом, чтобы членами комиссий на сейме избирались только сенаторы, а от рыцарства в них направлялись бы избираемые на сеймиках делегаты от воеводств.

Непосредственно к вопросу о реформах государственного строя примыкала проблема статуса провинций и земель Речи Посполитой, включая сюда и взаимоотношения Короны и Литвы. Уже изложенное выше мнение Цешковского об участии в комиссиях сейма представителей от воеводств было им дополнено предложением об избрании в воеводствах кандидатов, претендующих по должности на получение в условное владение королевщин. Павел Домбский высказался за назначение на должности в воеводствах только их жителей. Если присоединить к этим мнениям пожелания еще двух сенаторов: З. Кретковского и Михала Чапского — воевод хельмского и мальборкского — о возвращении прав Королевской Пруссии, а также об отмене Генеральной таможни, то достаточно отчетливо прослеживается мысль,

не только о сохранении феодальной автономии отдельных земель, но и повышении статуса сеймиков в вопросах избрания сеймовых комиссий, назначения на должности и в раздаче староств. Следует также отметить, что косвенно в пользу сохранения прежних привилегий провинций выступали и те сенаторы, которые в своих ответах королю отстаивали незыблемость прежнего государственного устройства Речи Посполитой.

Правда, указанной тенденции в известной степени противоречило мнение Я. Скарбека об объединении депутатов трибуналов Малой и Великой Польши, а также предложение примаса В. Лубеньского о переводе местных налогов в генеральные и о создании единого трибунала для Польши и Литвы. Однако последнее, очевидно, не столько отражало позицию магнатов и господствующего сословия в целом, сколько — политические планы двора.

Итак, мнения сенаторов по вопросам реформирования государственного устройства шляхетской республики скорее свидетельствовали о консервативных настроениях, направленных на укрепление «золотой вольности» и на воспрепятствование возможному усилению королевской власти. Все без исключения сенаторы высказались за приспособление задуманных реформ к потребностям совершенствования республиканских институтов польско-литовского государства и за развитие привилегий провинций, воеводств и местных шляхетских корпораций.

Тем не менее если в ответах сенаторов по вопросам преобразований государственного строя Речи Посполитой все же преобладали охранительные тенденции, на что, в частности, обратил внимание Репнин, упомянув о высказанном намерении распустить генеральную конфедерацию, то в вопросах об увеличении численности войск и доходов республики епископы, воеводы и каштеляны в большей степени оказали поддержку планам Станислава Августа.

Задача увеличения государственных доходов была одна из важнейших накануне сейма 1766 г., ибо сенаторы понимали, что без этого невозможно не только проведение задуманных двором и «фамилией» реформ, но и просто стабильное внутреннее развитие страны. Тему эту, так или иначе, затронули 25 из 36 сенаторов, приславших свои письма в Варшаву. Основные способы, предлагавшиеся для этого, сводились к следующему: 1) способствовать развитию торговли и мануфактур, пригласить купцов и мастеров из-за рубежа (меры в этой области предлагали 9 сенаторов); 2) возобновление чеканки польской монеты, развитие внутреннего денежного обращения и привлечение денег из-за границы (7 сенаторов); 3) совершенствование податной системы. Вопрос о податной системе был прямо поставлен перед сенаторами Станиславом Августом, поскольку на сейме предстояло по требованию Пруссии уничтожить Генеральную таможенную, заменив ее другими налогами. Однако об отмене Генеральной таможни сенаторы высказались достаточно двусмысленно. Безоговорочно поддержали эту меру только двое — З. Кретковский и М. Ланцкоронский. Вместе с тем Т. Липский, напротив, высказался в пользу сохранения генеральной таможни, правда, за исключением Королевской Пруссии. Об освобождении прусской провинции от пошлины писал М. Чапский, обойдя вопрос о сохранении подати для Польши и Литвы в целом. Наконец, А. Домбский предложил не только сохранить Генеральную таможенную, но и добиваться ее введения в дальнейшем и в Королевской Пруссии. Таким образом, сенаторы высказались, скорее, за сохранение таможни, чем за ее отмену. Разумеется, подобную позицию можно объяснить их нежеланием публично признаться в том, что они с готовностью уступают давлению Берлина. Однако, дума-

ется, что дело состояло не только в этом. Те принципы налогообложения, на которых основывалась Генеральная пошлина, нашли поддержку у многих сенаторов. В этом смысле высказался С. Анквич, примас В. Лубеньский, предлагавший перевести местные сборы в генеральные, А. Дрохойовский, когда поддержал «сбор генеральной пошлины со всех товаров», при льготном 2-процентном обложении шляхты.

Говоря об изыскании новых доходов, сенаторы высказывались в пользу налогообложения владений шляхты и церковных имений. Так, С. Анкевич писал, что «доходы от новоучрежденной пошлины, от сборов кварты и подушного оклада жидов достаточными быть не могут», что дополнительных доходов собрать будет невозможно, «ежели светские, а тем паче духовные маестности у тому употреблены не будут». В пользу распространения податей на шляхту высказался и К. Грановский. Цешковский — каштелян чернеховский предлагал отчуждать в пользу государства пятую часть церковных доходов. С таким же предложением выступил Т. Липский, с той только разницей, что церковь должна была сама добровольно установить ставку налогов со своих имений. Для увеличения государственных доходов предлагалось также увеличить питейные сборы, установить налоги на мельницы и ввести откупа на право торговли бумагой (в том числе гербовой) табаком, игральными картами и т. п.

При этом сенаторы высказались за экономию государственных средств. Ю. Гилзен, в частности, предложил уничтожить пенсии, т. е. отказаться от подкупа иностранцев, оказывавших те или иные услуги польскому двору, или же польских вельмож в интересах короля, а на эти средства содержать посольства при иностранных дворах, а также оказывать помощь школам и академиям. Я. А. Хораин прямо написал, чтобы новые подати были уничтожены, а публичные расходы — сокращены. Такое мнение было единственным и представляло собой ясно выраженную оппозицию королевским планам увеличения доходов республики.

Намерение правительства упорядочить денежное обращение было безоговорочно поддержано сенаторами. Дополнительно они предлагали добиваться установления равной ценности монеты во всех провинциях, а также в Гданьске, что отражало стремление подчинить его экономическую политику преимущественно интересам польской торговли. Сенаторы высказывались за наказание лиц, привозящих в страну «худую монету», и даже вообще за запрещение ввоза иностранной монеты в Польшу.

В качестве способа регулирования товарообмена и согласования протекционистских мер предлагалось провести переговоры с Австрией и Пруссией, что также отражало намерение сбалансировать польско-пруссские и польско-австрийские торговые связи, которое проявилось в политике польского правительства еще в 1765 г., чтобы уравновесить прусское влияние в области польской внешней торговли. Косвенно этот курс нашел подтверждение в предложениях Т. Солтыка об изготовлении в Гданьске монеты равного качества с польской и о содержании в исправности водного пути по Висле для экспорта зерна, а также епископа Ю. Е. Залуского о приглашении греков и венгров для заведения торговли в городах. В последнем случае угадывалась также мысль, что в случае приезда в Польшу католиков — венгров и православных — греков диссидентские общины в городах не получили бы такого же усиления, как при переселении протестантов из германии, чего киевский епископ, несомненно, опасался.

В целом рассмотрение проблемы увеличения государственных доходов в ответах сенаторов выявило ряд тенденций. Во-первых, сенаторы, в большей или меньшей степени поддержав предложения короля, высказались, хотя и с оговорками, за

сохранение податных привилегий шляхты, за изыскание средств в тех сферах народного хозяйства, дополнительное налогообложение которых в наименьшей степени затрагивало бы интересы землевладельцев, т. е. в области городской промышленности и торговли. Наиболее ярко это проявилось в требовании увеличения «поголовного обложения жидов». Во-вторых, предусматривая протекционистские меры в области польской торговли сенаторы исходили из необходимости добиться с помощью государственной поддержки преимуществ для польской торговли на Висле, в Гданьске и даже на Балтике. В последнем случае стоит упомянуть, хотя и утопический, но весьма характерный проект Ю. Гилзена создания собственного торгового флота. Все эти предложения, дополненные идеей сохранения генеральной таможни, явно затрагивали торговые интересы Пруссии и фискальные интересы Берлина. В-третьих, увеличение доходов республики неизбежно должно было повлечь за собой возрастание роли skarbowych учреждений Речи Посполитой, усиление финансовой централизации в государстве, что не могло не вызывать опасений со стороны шляхты. В этом отношении весьма характерно предостережение Ю. А. Яблоновского, «чтоб при обмене денег, казна и подрядчики не стремились к доходам». Наконец, сенаторы не скрывали и главную цель финансовых нововведений — намерения увеличить численность войск республики. Последнее обстоятельство Репнин особенно подчеркнул в сопровождавшей мнения сенаторов депеше в Петербург.

В пользу увеличения войск и выплачиваемого им жалования высказались 20 сенаторов. В большинстве случаев они связывали наращивание военных сил республики с условием, чтобы это не сопровождалось «отягощением подданных». Такая оговорка вполне понятна, поскольку решение об «умножении» военных сил республики необходимо было провести через сейм, заручившись согласием сеймиков, которые дали бы соответствующие инструкции послам. А шляхта, да и сами сенаторы ревниво следили за тем, чтобы реформы не повлекли за собой чрезмерной нагрузки на шляхетские доходы.

Цель задуманного увеличения войск сенаторы старательно обходили молчанием. К. Грановский туманно высказался в этой связи о необходимости «охранения внутреннего и внешнего покоя». Т. Липский — за то, чтобы такое дело не «привлекло к себе внимания иностранцев».

Стремление не привлекать излишнего внимания к предлагаемым военным преобразованиям, как внутри страны — среди шляхты, так и за ее пределами — со стороны соседей проявилось в мнении А. Дрохойовского, который подчеркивал, что решение об умножении войск уже якобы было принято на сейме 1736 г. и, следовательно, сейчас, в 1766 г., не представляет собой нововведения. Только весьма близкий к Станиславу Августу епископ В. Венжик, первый среди духовных сенаторов получивший епископскую кафедру по воле нового короля, прямо заявил, что умножение войска нужно для того, «чтобы соседи нас опасались и больше уважали». Таким образом, поддерживая военную реформу, сенаторы принимали во внимание два обстоятельства: во-первых, возможное сопротивление обеспокоенной за судьбу «золотой вольности» и своих доходов шляхты, а во-вторых, что соседние державы, в первую очередь Россия и Пруссия, решительно выступят против планируемых военных преобразований. Примечательно также и то, что в поддержку увеличения войск высказались не только сторонники двора, но и те сенаторы, которых можно было бы, скорее, причислить к оппозиции, например, киевский епископ Залуский и вилен-

ский каштелян М. Массальский, который в своих предложениях напомнил о «возвращении отошедших от республики земель». Следует отметить также и то, что в ответах сенаторов совершенно отсутствовал мотив угрозы «королевского абсолютизма».

Некоторые сенаторы, помимо общего одобрения военной реформы, прислали в Варшаву и конкретные проекты в этой области, в частности, по вопросу об изыскании средств для увеличения войск. Так, Ю. Гилзен предлагал увеличить военные силы Речи Посполитой за счет учреждения кадетского корпуса, а также направив на содержание регулярной армии $\frac{1}{4}$ часть доходов от городов. При этом он подчеркивал, что такая армия должна быть в подчинении военной комиссии сейма. По мнению Гилзена, $\frac{1}{4}$ доходов от королевщин могла бы обеспечить содержание рыцарской школы. Наконец инфлянтский каштелян считал, что следует учредить ландмилицию под командованием воевод, отменив посполитое рушение. Таким образом, по проекту Гилзена предполагалось создать вооруженные силы, которые разделялись бы на три части: 1) гвардия (коронная и литовская); кадетский корпус и рыцарская школа, находившиеся в подчинении короля, которые содержались бы за счет королевских доходов, включая $\frac{1}{4}$ доходов от староств; 2) регулярную армию (вопрос о ее разделении на коронную и литовскую инфлянтский каштелян не затронул), финансируемую за счет городов, и ландмилицию в воеводствах, под началом воевод и содержащуюся за счет местных средств.

К проекту Гилзена примыкали, хотя и менее детально сформулированные предложения Р. Гуrowsкого и К. Грановского. Первый предлагал, в случае увеличения численности войск сформировать полки «как польские, так и регулярные», имея в виду, наряду с регулярной армией, провести реформу шляхетского ополчения в воеводствах. О том же писал и Грановский, высказываясь за введение военного обучения шляхты в воеводствах, направленное на повышение боевых качеств посполитого рушения.

В проектах сенаторов существенную роль играло соображение провести военную реформу таким образом, чтобы она не встретила сопротивления со стороны великих держав. Из этого исходил, в частности, Т. Липский, предлагавший не вносить принципиальных изменений в существующую структуру войск, а только дополнить ее: «пеший коронной армии полк гвардии из 4000 солдат разделить на 4 полка, а каждый полк — на 10 хорунгвей; остальные пешие 5 полков дополнить каждый до 3000 солдат, разделив, как и первый на полки и хоругви. Полк артиллерии дополнить до 400 солдат и разделить его также на 4 части. Конные полки: лейбгвардии полк в 2000 солдат также разделить на 4 части и дополнить (каждый. — *Б. Н.*) до 10 хорунгвей». Согласно проекту Липского, такое более чем 4-х кратное «пополнение» войск дало бы в итоге 80 тыс. 300 человек. Аналогичное, хотя и не столь детально разработанное предложение высказал киевский епископ Залуский, настаивавший на увеличении войска до 80 тыс. чел., путем доукомплектования без учреждения новых полков.

Примечательно, что проект «доукомплектования» мог бы иметь дополнительные и немаловажные последствия. По существовавшей практике доходы командиров рот и полков в польской армии в XVIII в. решающим образом зависели от некомплекта частей и подразделений, поскольку средства на их формирование и довольствование отпускались по полному штату и за счет некомплекта в немалой части присваивались командирами. Теперь же с увеличением численности полков до полного штата такая возможность устранялась. Проектируемое «доукомплектование» требовало также увеличения и числа офицеров, которых должен был готовить кадетский корпус. Та-

ким образом, реформа была связана с увеличением численности офицерства и с сокращением возможности для него пополнить свои доходы, помимо положенного по штату жалования. Это в свою очередь должно было способствовать повышению ответственности офицерского корпуса перед государством, что должно было заменить личную преданность офицеров гетманам, которые в ответ сквозь пальцы смотрели на злоупотребления подчиненных.

В целом предложения сенаторов в военной области, несомненно, соответствовали намерениям двора и были направлены не только на увеличение численности польских войск, но и на подъем их качественного уровня. Разумеется, что даже в случае реализации планов и доведения численности армии до 80 тыс. человек, что и при благоприятных условиях потребовало бы немалого времени, военные силы Польши не могли бы самостоятельно, без поддержки союзных стран противостоять соседям. Однако сам факт создания регулярной армии в республике явился бы фактором укрепления государственной власти, что было неприемлемо ни для России и Пруссии, ни для других великих держав.

Составляя свои ответы королю, сенаторы постарались избежать обсуждения польско-российских отношений. К этому их побуждала не только осторожность перед лицом Репнина, но и желание не привлекать внимания сеймиков к острым вопросам, дабы те не связали руки послам на сейм излишне конкретными и жесткими инструкциями. О стремлении сенаторов обойти молчанием болезненные для Петербурга темы свидетельствовали их мнения по «диссидентскому вопросу», по поводу которого недвусмысленно высказался только К. Солтык. Однако совсем не затронуть темы требований Петербурга сенаторы, разумеется, не могли. Так, З. Кретковский, говоря о восстановлении прав Королевской Пруссии, добавил пожелание, чтобы «иностранцы солдаты ее впредь не утесняли». За этими словами скрывался намек как на размещенные в провинции русские войска, так и на репрессивные действия прусских военных команд, время от времени вступавших на территорию республики. Таким образом, затрагивался вопрос не только о выводе русских войск, но и об осуждении политики военного давления на Польшу со стороны Фридриха II, которая, как известно, осуществлялась с согласия Петербурга. Осуждение согласованных действий Петербурга и Берлина в польско-прусском таможенном конфликте косвенно содержалось и в мнениях сенаторов о сохранении в том или ином виде генеральной пошлины. Прямо вывести все иностранные войска из республики требовал вислицкий каштелян Рох Яблоновский. Вопрос о границе и договоре о Вечном мире 1686 г. поднял литовский гетман и виленский каштелян М. Массальский, призывавший «добиваться возвращения отошедших от республики земель», что неизбежно было связано с проблемой нарвского договора 1704 г.

Наконец уже не раз упомянутый хелминский воевода З. Кретковский предложил, «чтобы его королевское величество никаких с посторонними государствами не заключал союзов». Это требование было прямо направлено не только против планов Петербурга, но и против Станислава Августа, связывавшего с возможным союзом с Россией надежды на осуществление преобразований в Речи Посполитой, а в более широком плане — на обретение международной поддержки для ослабления зависимости Польши от России и Пруссии.

В известном смысле примыкало к ответам сенаторов на вопросы короля и письмо каменецкого епископа А. Красиньского от 23 августа 1766 г.⁴⁵, обращенное к сей-

микам в его епархии. В письме содержались предложения епископа по составлению инструкции послам на сейм 1766 г. Главное место в них было отведено вопросу о «ненарушимости» католической веры и неизбежности положений конституций 1717 г., направленных против диссидентов. Однако Красиньский затронул и другие проблемы. В частности, как и Кретковский, он высказался против вступления Польши в какие-либо союзы. Как и ряд других сенаторов он призвал к экономии государственных средств, за этим очевидно можно усмотреть выступление против предложения об увеличении доходов республики, напомнив о положении конституции 1717 г. об обязанности сенаторов (каштелянов) отчитываться о произведенных расходах. Однако следует учитывать, что усиление таким образом контроля сеймиков за использованием общественных средств затрагивало бы полномочия подскарбиев и финансовой комиссии сейма. В вопросе о податных полномочиях сеймиков каменецкий епископ пошел еще дальше, предложив закрепить в конституции, чтобы при решении о введении новых податей «послы были бы обязаны снестись с братьями», т. е. запросить согласия сеймика. По вопросу об избрании воинской и скарбовой комиссии сейма Красиньский высказал предложение близкое к мнению чернеховского каштеляна Цешковского. Каменецкий епископ считал, что члены комиссий должны избираться по большинству голосов отдельно сенаторами и отдельно послами сейма. Красиньский настаивал на том, чтобы голосование по конституциям проводилось на основании вольного голоса и только по истечении трех дней после прочтения проектов послам. В таком случае ограничивались бы возможности господствовавшей магнатской группировки манипулировать послами и одновременно позволяло бы оппозиции и воеводским шляхетским корпорациям воздействовать на депутатов сейма. Наконец прозвучавшее в письме каменецкого епископа требование восстановления «вольного голоса» недвусмысленно означало призыв к роспуску Генеральной конфедерации.

Ответы сенаторов на обращение к ним Станислава Августа накануне сейма 1766 г. в целом свидетельствовали о единстве правящих верхов и господствующего сословия в стремлении укрепить существующий сословный строй и господство шляхты, а также республиканские институты власти в Речи Посполитой. Однако в отношении последних мнения сенаторов разделились. Одни выступали в поддержку реформ, другие — за неизбежность существовавшей до 1764 г. политической системы, за сохранение в полном объеме «золотой вольности» и ее зеницы — права вольного голоса (*liberum veto*). Наиболее полно это размежевание выявилось в отношении сенаторов к Генеральной конфедерации. Примечательно и то, что ни один из сенаторов, даже из числа поддержавших проекты Станислава Августа и «фамилии», ни словом не обмолвился о расширении круга королевских полномочий. В этом нашла отражение традиционная оппозиция «вольного шляхетского народа» к королевской власти и недоверие правящих кругов по отношению к Станиславу Августу как к королю — ставленнику России. В ответах сенаторов в полном объеме был очерчен круг проблем, которые предстояло рассмотреть на будущем сейме. Также ясно обозначилось и противоречие между курсом двора и «фамилии» на продолжение реформ и требованиями России, главным из которых становилось уравнивание в сословных правах католиков и диссидентов в речи Посполитой.

Таким образом, уже к середине лета 1766 г. планы Варшавы и Петербурга накануне сейма 1766 г. были вполне определены. Однако обе стороны не стремились к их обсуждению и согласованию. Общей позиции и на этот раз выработано не было.

V

Важная роль при подготовке сейма отводилась королевскому универсалу о его созыве и о проведении сеймиков, поскольку тот во многом мог повлиять на ход дискуссии при избрании послов и на содержание данных им инструкций сеймиков. Король и его ближний совет рассматривали проект универсала 6 июня, тогда было принято мнение А. Замойского, чтобы универсал был составлен в общих выражениях, дабы потом на сейме можно было толковать их в зависимости от обстоятельств. Определенно в проекте говорилось только об установлении питейных сборов, вместо отменяемой Генеральной пошлыны. На совете говорилось, что доходы от нового налога пойдут на содержание Рыцарской школы и увеличение военных сил республики. Последнее, разумеется, в проект не попало⁴⁶. 23/12 июня Н. В. Репнин сообщил в Петербург, что посольские сеймики в воеводствах и поветах откроются 25 августа. В приложении к депеше он прислал проект королевского универсала о созыве сейма⁴⁷, чтобы, в случае нужды, как писал посол, внести в него необходимые исправления. На депеше Н. И. Панин сделал заметку для Екатерины II: «Сей универсал так хорош, что ничего к нему прибавить невозможно, ибо король в нем не подает повода ни к какому прихотливым специальным предписаниям от поветов в инструкциях послам»⁴⁸.

Универсал был опубликован в Варшаве 16 июня 1766 г. В нем король объявлял о своем «отеческом старании» во благо республики и «рекомендовал» так провести выборы послов и сам предстоящий сейм, «дабы в сем государстве святая римская католическая вера процветала, республики права и преимущества в своих пределах без нарушения оставались, а нарушенным прежняя сила возвращена была, також святое правосудие <...> наиточнейше наблюдаемо, а внутренняя и внешняя безопасность утверждены были». Согласно универсалу, сейм должен был открыться в Варшаве 6 октября, а сеймики состояться «на обыкновенных местах» 25 августа. В таких же выражениях было составлено и письмо Станислава Августа на сеймики, в котором король ничего не добавил к универсалу, упомянув всего лишь «об исправлении ошибок надобностей»⁴⁹.

На конференции короля с министрами 3 июня 1766 г. был составлен проект инструкции «для королевских послов». Было постановлено, что подробное рассмотрение в проекте вопросов права и судопроизводства, которые в широком толковании могли бы быть распространены на проблемы государственного устройства в целом, «могло бы вызвать волнения в стране». В результате в инструкции указанный вопрос дословно повторял положения универсала⁵⁰, которые могли трактоваться в самом широком плане. Например, тезис о восстановлении нарушенных прав мог быть вполне одобрен как диссидентами, так и гетманами. То же касалось и положения об укреплении «внутренней и внешней безопасности республики». За месяц до открытия сеймиков, 24 июля, свое письмо в воеводства и поветы направил и примас В. Лубеньский⁵¹. Послание архиепископа гнезненского было более конкретным. Он писал «о старании короля обеспечить страну доброй монетой»; об образовании кадетских collegий не только при короле, но и в воеводствах за счет внутренних сборов; о Скарбовой комиссии и о прибавлении подушного оклада, как то было решено на сорванном сейме 1746 г.; об улучшении работы судов и совершенствовании наследственного права; о сохранении Генеральной конфедера-

ции. Высказанные В. Лубеньским идеи вполне соответствовали мнениям сенаторов, которые поддержали реформаторские проекты двора.

О планах Станислава Августа свидетельствует сохранившаяся в материалах российского посольства в Варшаве написанная по-французски записка с изложением «пунктов, которые должны быть обсуждены на ближайшем сейме <...> 1766 г.». Впервые этот документ был исследован З. Зелинской⁵². Его датировка основана на упоминании в «пунктах» о назначении польских пограничных комиссаров, состоявшемся в июне 1766 г., о чем Репнин сообщал в Петербург в начале августа⁵³. В связи с этим возникает вопрос, когда и каким образом записка оказалась в русском посольстве? Очевидно, что «пункты» не были переданы Репнину официально, а попали ему в руки «стороной», через кого-либо из агентов, причем спустя немалое время после составления записки, когда позиции польского двора и его намерения были уже вполне очевидны для Петербурга, чем и объясняется то обстоятельство, что русский посол даже не обмолвился о записке в своих донесениях Панину.

Если все же предположить, что пункты стали известны Репнину еще до открытия сейма и были ему непосредственно сообщены королем, то единственным мотивом для посла умолчать о них в своих депешах могло быть желание не обострять ситуацию и не провоцировать конфликт между Станиславом Августом и петербургским двором в ситуации, когда на карту было поставлено диссидентское дело, объявленное «делом чести» Екатерины II. В этом случае, умолчав о вопросах, поставленных польским двором для рассмотрения на сейме, Репнин мог оправдать свой поступок тем, что планы Станислава Августа и так были известны в Петербурге, хотя бы из присланных туда послом ответов сенаторов.

Согласно королевским пунктам, на сейм предполагалось поставить следующие вопросы: 1) отмена генеральной пошлыны; 2) «ратификация союзного договора, предложенного Россией коронационному сейму, <...> и который граф Ржевуский уполномочен подписать. Известно, что Россия требует от Польши ясного и чистосердечного присоединения к союзу, заключенному между ней и Пруссией <...>»; 3) введение новых налогов для увеличения доходов республики; 4) провозглашение «терпимости к диссидентам и возвращение им старинных привилегий. Нет сомнения, что этот пункт не пройдет без препятствий как со стороны духовенства, так и значительной части шляхты; 5) обсуждение действий российских комиссаров Веймарна и Бибикова относительно положения на границе и того, что нужно делать этим летом недавно назначенным для этих целей польским комиссарам»; 6) увеличение численности польских войск; 7) и расходов на их содержание; 8) введение нового воинского устава; 9) продление генеральной конфедерации (после согласия на это России); 10) уничтожение *liberum veto* и утверждение голосования большинством.

Согласно записке, первым пунктом на сейме намечалась отмена Генеральной таможни, что соответствовало положению королевского универсала и было согласовано с Берлином и Петербургом. Оставалось, правда, неясным: относился ли этот пункт к экономическим вопросам или — к государственным? Сама по себе эта двусмысленность была весьма показательной, ибо позволила провести установление новых налогов в рамках компетенции skarbowой комиссии. Поэтому для двора было бы немаловажно, чтобы Репнин, одобрив королевский план, вольно или невольно высказался бы и в поддержку введения новых податей по ведомству skarbowой комиссии и решением большинства. Второй пункт касался заключения польско-рос-

сийского союза. За ним скрывался вопрос об увеличении численности польской армии и об изменениях в государственном устройстве Речи Посполитой — главное об ограничении вольного голоса, поскольку именно эти положения, согласно представлениям польского двора, должны были лечь в основу подготавливаемого союза. Об этом, в частности и должен был вести переговоры Ф. Ржевуский.

Провозглашение терпимости в отношении диссидентов непосредственно затрагивало интересы Петербурга по двум вопросам. Во-первых, в пунктах ничего не говорилось об уравнивании диссидентов в сословных правах с католиками и, во-вторых, вопреки настоятельным требованиям российской стороны, диссидентский вопрос был поставлен не в самом начале сейма, а после налоговых преобразований и заключения союза с Россией. Наконец, на заключительном этапе сейма планировалось увеличение армии и введение большинства голосов, а также продление конфедерации, в последнем случае, правда, предусматривалось получение на это согласия России.

Содержание записки Станислава Августа свидетельствовало, что «пункты», по крайней мере целиком, не предназначались для сведения Репнина. Разумеется, сторонники реформ осознавали, насколько важно было заручиться, хотя бы частично, одобрением их намерений на сейме со стороны русского посла, но только не раскрывая их перед Петербургом в полном объеме, и без согласования с русской стороной конкретных положений предлагаемых нововведений. Таким образом, польский двор не намерен был открывать карты не только перед сеймиками, но и перед своими российскими партнерами. Репнин же в свою очередь, не получив еще определенных инструкций из Петербурга, предпочел никак не откликнуться на «пункты» Станислава Августа, в том случае, если они были известны послу. Более того, он ничего не сообщал о них Панину. А на берегах Невы до времени также предпочли хранить молчание.

Накануне сеймиков развернули агитацию и противники короля и «фамилии». Они сосредоточили свои усилия на двух пунктах: сохранении «золотой вольницы» и защите католицизма, т. е. выступили против равноправия диссидентов. Чтобы умерить нападки «патриотической оппозиции» Репнин написал письмо Ф. С. Потоцкому, в котором убеждал киевского воеводу, что его содействие в «диссидентском деле» будет рассматриваться как свидетельство искреннего намерения добиваться поддержки и покровительства России⁵⁴. 16/5 июля Репнин сообщил в Петербург, что виленский епископ И. Массальский и его отец — гетман литовский — распространяют в Литве сочинение, направленное против диссидентов, русских войск и пограничной комиссии. Посол предлагает разместить в имениях Массальских русские войска⁵⁵. Спустя 5 дней он извещал о намерении и К. Солтыка выступить против диссидентов, что оба епископа добиваются на сеймиках включения в инструкции послам антидиссидентских требований⁵⁶, присылает в Петербург письмо краковского епископа от 31 июля, опубликованное в его епархии⁵⁷. Наконец, К. Солжик обратился с письмом к католическим государям с призывом защитить католическую веру в Польше⁵⁸.

Угрозы и увещания Репнина, обращенные к епископам, не возымели действия. Уже после начала сеймиков К. Солтык обратился с письмом к краковскому сеймику от 18 августа, а А. Красиньский к сеймикам своей епархии⁵⁹.

Уже после окончания сеймиков и накануне сейма папский нунций А. Е. Висконти в своем обстоятельном докладе, отправленном в Рим 25 сентября 1766 г., остановился, в частности, на позиции по диссидентскому делу польских епископов. Он писал: «Примас, глава епископата, продемонстрировал себя в этом пункте, скорее

терпимым, чем нет, так что на него слишком нельзя рассчитывать. Среди ревностных епископов архиепископ львовский (Вацлав Сераковский), епископ краковский (Солтык), луцкий (Антони Волович), самогичский и может быть другие. Однако желательно, чтобы их рвению во всех случаях соответствовала бы их деятельность, осторожность и единодушие, чтобы они могли с твердостью, методичностью и постоянством делать то, что необходимо, и избегать таких шагов, которые могли бы подтолкнуть большинство в пользу диссидентов, и восстановить против себя те силы, которые в них (епископах. — *Б. Н.*) заинтересованы, вместо того, чтобы просто приносить клятвы верности католицизму. Епископы-рутены, — продолжает нунций, — не входят в правительство и поэтому не могут прямо поддержать интереса религии, но косвенно они могут сделать многое, культивируя ревность среди мелкого дворянства. Митрополит (Ф. Володкович) время от времени демонстрирует свое обязательство (в этой области), но у него нет ни способностей, ни высоких манер, чтобы обеспечить солидные преимущества религии. Нет никого, кто испытывал бы к нему уважение или дружбу. Его коадьютор (Леон Шептицкий) — епископ львовский, — имеющий посредственные таланты, мог бы принести больше пользы, чем митрополит, но есть опасение, не будет ли он слишком следовать пожеланиям двора и семей Чарторыских и Понятовских. Архиепископ полоцкий (Смогоржевский) считается прозорливым и твердым человеком; епископ луцкий и коадьютор владиславский показывают себя равным образом ревностными (в делах веры). Они охотно берут на себя обязательства в пользу религии и обладают достаточным авторитетом»⁶⁰. Свидетельство Висконти подтверждает мнение Н. В. Репнина о том, что духовенство предполагало отстаивать на сейме, прежде всего по диссидентскому вопросу, собственную позицию, отличавшуюся от позиций других магнатских группировок. Вместе с тем епископы понимали, что, опираясь на антидиссидентские настроения католической шляхты, они не могут вместе с тем пренебрегать тактическими союзами со светскими магнатами. Почвой же для таких блоков могло быть общее противодействие реформаторским планам двора.

В конце августа — начале сентября 1766 г. в Варшаве и Петербурге внимательно следили за развитием событий вокруг сеймиков, пытаясь предугадать, как пойдет дело на сейме. Еще в начале июля Репнин сообщал Панину, что Ф. Ржевуский обещал ему избрать на сеймиках «нужных послов» при условии, что последуют дополнительные субсидии. В этой же депеше, со слов Ржевуского, Репнин доносил, что уже существует составленный Станиславом Августом список послов, которые должны быть избраны на сеймиках. Русский посол также писал, что если последует неудача и королевские кандидаты избраны не будут, а такое возможно в случае обмана со стороны Чарторыских, «то иного лекарства не останется, как их свергнуть», а диссидентам сделать конфедерацию и получить помощь России⁶¹. Сообщая от собственного имени в Петербург рассуждения Ржевуского, с которыми русский посол был согласен, Репнин придерживался мнения о возможности столкновения на сеймиках ставленников Станислава Августа и «фамилии» и предлагал, в соответствии со своей прежней тактикой, поддерживать королевских выдвиженцев против креатур Чарторыских, для чего и требовались дополнительные субсидии. О существовании особого «королевского списка» свидетельствует депеша Репнина от 13/2 августа⁶², в которой посол извещал, что для проведения сеймиков направил 3 тыс. рублей: 1) в Русское воеводство и на Волинь, где против диссидентов интригует каштелянша

Каминьская (К. Коссаковска) и подचाший коронный Ф. Чацкий, препятствующие избранию в послы чесника коронного Т. Дзедушицкого, которого король прочит в маршалы сейма; 2) в Мазовецкое воеводство, где, как писал посол, «бедная шляхта завидует богатым варшавским купцам-диссидентам», и 3) в Польскую Пруссию, где «католики опасаются диссидентов». Именно в указанных местах король мог ожидать неудачных для себя выборов. На наличие особых королевских кандидатов указывало и упоминание имени Дзедушицкого, который, несомненно, фигурировал в королевском списке. В заключение депеши Репнин просил дополнительных ассигнований, которые также должны были пойти на поддержку сторонников Станислава Августа.

20 августа магнаты отправились на сеймики. Накануне их отъезда из Варшавы Репнин беседовал со Станиславом Любомирским⁶³ и просил его включить в инструкцию послам Сandomирского воеводства что-либо в пользу диссидентов. Любомирский обещал, но добавил, что за успех не ручается, так как воеводство входит в епархию Солтыка. Сообщая об этом в Петербург, Репнин заметил, что «Любомирский в своем воеводстве все может», однако же посол все же не надеялся на исполнение своей просьбы.

Опасения Репнина вполне подтвердились. Как сообщал посол, «в Кракове из сеймика все диссиденты католицизмом дворянством нагло выгнаны были, не позволяя им не токмо голоса свои давать, которое (право. — Б. Н.) неоспоримо им следует, но и присутствие их не хотя терпеть в месте держания сеймика. Инструкция же данная там земским послам <...> сходна с сею наглою неумеренною против диссидентов несправедливостию»⁶⁴. В депеше от 1 сентября/21 августа 1766 г.⁶⁵ Репнин доносил, что и на других сеймиках во многих местах в инструкции были включены положения против изменения статуса диссидентов, в том числе и в Сandomире. В Великой Польше, где «все главные согласно обещались диссидентов подкреплять», решения сеймиков были также направлены против не католиков. С особым возмущением Репнин писал о действиях познаньского епископа Т. Чарторыского, друзьями которого было сделано «все помешательство и все упорство против диссидентов». На упреки русского посла Август Чарторыский ответил, что ничего о том не знает, так как не имел от своего брата никаких известий. Разумеется, следует принять во внимание, что информацию о событиях в Познани Репнин получил от Адама Понинского, который мог представить ситуацию в выгодном для себя свете, чтобы бросить тень на старших членов «фамилии». В пользу непричастности старых князей к событиям на познаньском сеймике высказалась и Екатерина II. Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эти точки зрения, однако обращает на себя внимание одно обстоятельство, а именно близость познаньского епископа к прусскому посольству в Варшаве. Он наиболее часто упоминается Бенуа в качестве информатора, сведения которого прусский резидент сообщал в Берлин.

В той же депеше от 1 сентября Репнин писал, что в Бельске — оберкамергером коронным К. Понятовским, в Галиче — графом Ф. К. Браницким, в Гродно — надворным литовским казначеем А. Тызенгаузом и в Ковно — маршалом А. Забелло пункты внесены в пользу диссидентов⁶⁶. Если добавить к названным лицам упомянутого в той же депеше А. Понинского и еще не более пяти человек, близких к русскому посольству в Варшаве, то можно себе представить тот узкий круг людей, которые непосредственно связывали свою политическую судьбу накануне сейма 1766 г. с планами Петербурга.

Последние донесения Н. В. Репнина о сеймиках были отправлены послом в Петербург 3 и 15 сентября 1766 г. В первом Репнин сообщал⁶⁷, что большинство избранных на сеймиках послов принадлежат к сторонникам короля и Чарторыхских, так что перевес голосов будет на стороне «фамилии», и, по мнению российского министра, можно рассчитывать на нужные для Петербурга решения, «если только, — с сомнением замечал он, — содействие шефов прямодушное и серьезное будет».

В целом посольские сеймики прошли спокойно. Поскольку они проводились под руководством Генеральной конфедерации, маршалы которой в воеводствах и поветах были одновременно маршалами сеймиков, ее установки в целом получили воплощение в инструкциях послам на сейм. Вместе с тем сложившаяся на сеймиках ситуация свидетельствовала, что накануне сейма разногласия среди руководителей конфедерации, внутри «фамилии» между королем и Чарторыхскими отнюдь не были преодолены. На это указывали итоги некоторых сеймиков, на которых, согласно утверждению Станислава Августа, произошел «двойной выбор послов», т. е. часть сеймика поддержала ставленников короля, а другая — высказалась в пользу креатур старых князей Августа и Михаила. В своих донесениях в Петербург Репнин не придавал этому значение. Не упоминали «о двойных выборах» и другие дипломаты в Варшаве. В начале октября 1766 г. Репнин сообщал Панину, что двойные выборы имели место только на сеймике в Чеханове, где вскоре завершились примирением, и в одном из литовских поветов, где, как доносил посол, это произошло из-за «партикулярной ссоры» мелкого дворянства⁶⁸.

Однако вопреки приведенным свидетельствам Станислав Август в своей переписке с Петербургом указывал на «двойные выборы» как на тревожный знак, стремясь внушить Панину, что его позиция более соответствует интересам России, в сравнении с тактикой Чарторыхских. Мнение польского короля повлияло на оценку выборов Х. Шмитом⁶⁹, который упомянул о случаях двойных выборов, но счел их малосущественными.

Станислав Август в связи с итогами сеймиков направил специальную депешу Ф. Ржевускому в Петербург, а польскому послу поручалось показать ее шефу русской внешней политики. В письме говорилось об интригах на сеймиках сторонников старых князей против короля и содержалась просьба, дабы Панин сделал по этому поводу внушение Чарторыхским⁷⁰. В российской столице было решено направить соответствующее письмо князьям Августу и Михаилу «для того, — как извещал Панин Репнина, — чтоб единожды начатую с ними таким образом переписку содержать и продолжать далее». Такое решение императрицы и Панина имело весьма существенное значение, ибо впервые, начиная с февраля 1765 г., в Петербурге прибегли к контактам с Чарторыхскими в обход Станислава Августа. Там же, в депеше Панина Репнину от 21/10 сентября 1766 г., русскому послу поручалось вести переговоры со старыми князьями Чарторыхскими именно в духе адресованного им письма Панина.

Теперь же, в первой половине сентября 1766 г., после окончания сеймиков, анализируя состав избранных на сейм послов, Н. В. Репнин исходил из того, что на сейме при конфедерации сторонники «фамилии» (Станислава Августа и Чарторыхских) будут составлять подавляющее большинство и пока не придавал значения возможным расхождениям между ставленниками короля и его дядей.

Говоря об инструкциях, данных сеймиками своим послам на сейм, Репнин отмечал, что среди них встречаются и направленные против русских требования. В качестве примера он привел инструкцию, предложенную А. Красиньским⁷¹, в которой го-

ворилось о ненарушимости католической веры и положений конституций 1717 г., а также были включены требования, направленные против реформаторских планов двора. Однако, замечал Репнин, во всех без исключения инструкциях решение всех вопросов на сейме предоставлено на усмотрение послов.

В последнем донесении о проведении сеймиков, датированном 15 сентября⁷², Репнин сообщает о проведении генерального сеймика в Королевской Пруссии. Посол опровергает известие об избрании якобы одного из диссидентов депутатом сейма от провинции. Исход сеймиков в Польской Пруссии имел для диссидентского дела немалое значение и не только потому, что провинция направляла на сейм одну из самых больших делегаций. Диссидентская община здесь была наиболее многочисленна и пользовалась существенными правами, поэтому исход выборов здесь был весьма показателен. Сейчас же было еще раз продемонстрировано, что диссиденты сами по себе не представляют серьезной силы. Не мог не принять во внимание Репнин и того, что в инструкции сеймика было постановлено, «чтоб диссиденты содержаны были в силу Оливского трактата», т. е. их статус бы определялся привилегиями провинции, без упоминания российско-прусской декларации 1764 г.

Говоря в целом об оценке Репниным результатов сеймиков, следует заметить, что они не внушали послу оптимизма. Хотя он и указывал, что инструкции послам по сути не содержат прямых запретов по диссидентскому делу и в отношении других целей России, но в них все же преобладала негативное отношение к планам Петербурга. Конечно, Репнин констатировал, что послами избраны ставленники короля и Чарторыхских, не раз повторял, что от них будет зависеть осуществление планов Петербурга, что «одни они наше дело и сделать и испортить могут». Но уже в этом многократном повторении скрывалось сомнение, которое посол стремился донести до Екатерины II и Панина. Подлинные же свои мысли Репнин изложил еще накануне сеймиков в депеше от 14/3 июля, когда писал о возможной неудаче, в случае обмана Чарторыхских, и тогда, по словам русского посла, «иного лекарства не останется как их (Чарторыхских. — *Б. Н.*) свергнуть», а диссидентам образовать конфедерацию при поддержке России, что освободит короля от формальной ответственности за диссидентское дело⁷³.

VI

В период после окончания сейма коронации, в ноябре 1764 г., и вплоть до кануна сейма 1766 г. направляемые Репнину из Петербурга инструкции отличались известной неопределенностью, что было обусловлено, во-первых, колебаниями в правящих кругах России по вопросу о тактике русской политики в Польше в отношении двух принципиальных для Екатерины II проблем — диссидентского дела и российской гарантии государственного строя Речи Посполитой, во-вторых, внутренней ситуацией в Польше, когда ни одна из магнатских группировок не оказалась по разным причинам пригодной для роли «русской партии», что со всей определенностью проявилось еще на сейме коронации и было убедительно подтверждено в последующее время. В-третьих, не оправдались расчеты на «преданность» Екатерине II короля — ставленника России. Наконец, несмотря на почти достигнутую политическую изоляцию Польши, в Петербурге не могли не считаться с опасностью вмешательства великих держав в польские дела, с целью ограничения влияния в них России.

Однако с приближением сейма 1766 г., на котором должны были быть приняты принципиальные решения, истекло время политических колебаний и тактических маневров русского правительства. Это, несомненно, осознавалось в Варшаве и в столицах великих держав, где со страхом ожидали решительных шагов русской императрицы в первую очередь в диссидентском деле. Понимал это, разумеется, и Репнин, которому предстояло претворить в жизнь амбициозные намерения своего двора. 4 августа / 24 июля 1766 г. накануне открытия сеймиков русский посол отправил депешу Н. И. Панину, в которой по существу поставил вопрос о направлении ему детальной инструкции. Он спрашивал о содержании своего выступления на сейме по делу диссидентов, поскольку на таком выступлении Репнина и Г. Бенуа настаивал Станислав Август. Здесь же российский министр задавал вопрос о своих действиях в случае возможной неудачи, «чтоб и делом действительно то исполнено было, что тут словами угрожаемо будет, и что подлинно, в случае неисполнения, силою к тому принуждены здесь (в Польше. — *Б. Н.*) были, а инако сей поступок (выступление русского посла на сейме) не авантжные может родить мнения о нашем могуществе, основании и твердости в предприятиях». Суждение Репнина недвусмысленно указывает, что посол не надеялся на желательный для России исход сейма, о чем в очередной раз и предупреждал своих шефов. Он также задавал вопрос о церемониале своей аудиенции на сейме: не было ли в прошлом соответствующего прецедента, и предлагал прибегнуть к той же церемонии, которая уже была проведена при выступлении Г. Кейзерлинга на сейме элекции⁷⁴.

То, что Репнин накануне сейма нуждался в детальных инструкциях, разумеется, не ставилось под сомнение в Петербурге. Однако их содержание свидетельствовало, что именно упомянутая депеша русского посла, а также ход переговоров с Ф. Ржевуским, наложили на их содержание весьма существенный отпечаток, поскольку одобренный Екатериной II 4 сентября / 24 августа 1766 г. рескрипт № 6⁷⁵ содержал прямые ответы на вопросы, поставленные русским и польским дипломатами. Утвержден рескрипт был через два дня, а 15 сентября 1766 г. — уже получен в Варшаве.

В фонде Коллегии иностранных дел сохранились две редакции рескрипта⁷⁶. Они отразили последний этап работы над текстом, в который перед докладом императрице Н. И. Панин сделал последние вставки. Их анализ позволяет судить, какие акценты руководитель русской внешней политики хотел бы особо подчеркнуть, обращаясь к Репнину, а также к Станиславу Августу, поскольку рескрипт предназначался также для сведения и польского короля и «фамилии».

Рескрипт открывается разделом, озаглавленным «Дело наших единоверных купно с делом прочих диссидентов». Второй раздел был посвящен «Разведению взаимных границ», третий — таможенному спору с Пруссией, четвертый — заключению союзного трактата. Причем последнему редактированию подверглись только два раздела о диссидентах и о русско-польском союзе, что указывало на особое значение, придаваемое в Петербурге именно этим двум вопросам.

По делу о диссидентах Н. В. Репнину предписывалось сразу после избрания маршала, т. е. немедленно после конституирования сейма, взять аудиенцию на сейме и вступить на ней с декларацией по вопросу о восстановлении религиозных и сословных прав диссидентов, в которой были изложены требования России к Речи Посполитой. Они состояли из двух частей: первая о религиозных и вторая о светских правах. Религиозная часть, согласно рескрипту, не подлежала обсуждению, а тре-

бования в этой области следовало удовлетворить безоговорочно. Правда и здесь Панин в последний момент сделал вставку о возможном согласии «на отмену или модификацию таких пунктов, которые в свободном отправлении религии несуществительнейшие»⁷⁷. О готовности русского правительства накануне сейма пойти на некоторые уступки, правда, не затрагивающие существа требований, свидетельствовал и В. Ф. Сольмс, ссылаясь на мнение Н. И. Панина, что нужно требовать больше, «чтоб было с чего сбавить»⁷⁸.

Из текста рескрипта шефом русской внешней политики были также исключены все упоминания и законности и правовой обоснованности уравнивания диссидентов с католиками в религиозных правах, а оставлена только констатация твердого намерения польского двора вернуть диссидентам «духовные преимущества»⁷⁹. Такая правка должна была подчеркнуть готовность Станислава Августа и «фамилии» якобы по собственной воле добиваться расширения религиозных прав не католиков, еще более твердо напомнить польскому королю и магнатам о данных обещаниях.

Вопрос о светских правах диссидентов, напротив, в Петербурге намерены были поставить во главу угла обращенных к польскому сейму требований российской императрицы. «Мы теперь, — говорилось в рескрипте, — сами хотим представить сию часть (об уравнивании в сословных правах диссидентов с католиками. — *Б. Н.*), яко дело, которое не потеряло еще законного своего основания»⁸⁰. «Законность» требований России по диссидентскому вопросу, с точки зрения составителей рескрипта, вытекала, с одной стороны, из положений Варшавского договора и трактата о вечном мире 1686 г., а с другой — из статуса генеральной конфедерации 1764 г., которая обратилась к России за содействием в деле восстановления прав граждан Речи Посполитой. Продолжение конфедерации на сейме 1766 г. служило, таким образом, дополнительным поводом для российской дипломатии требовать восстановления прав диссидентов, на что и указывает приведенный тезис рескрипта. «На таком основании, — говорилось в рескрипте, — отделяя первую часть <...> от формальной неготиации, обращаем мы вторую — предмет ея»⁸¹.

Раздел рескрипта о диссидентах открывался заявлением о согласии Петербурга сохранить некоторые особые права католической веры как господствующей религии, а именно, на исключение диссидентов из Сената и на назначение гетманов только из числа католиков. Формально петербургский двор пошел на дополнительные уступки, поскольку прежде обязательная принадлежность к католической вере допускалась только в отношении польских королей и королев. Расширяя этот круг за счет гетманов и сенаторов, Екатерина II и Панин делали, как им казалось, эффектный жест, демонстрируя движение навстречу пожеланиям «фамилии» и Станислава Августа. Однако на деле эти уступки не были столь значительны. Очевидно, что даже в случае формального разрешения для диссидентов занимать должности гетманов и сенаторов, реально воспользоваться этим правом они не смогли бы, поскольку должности воевод и каштелянов были для них практически закрыты, а среди лютеран и кальвинистов не было людей, которые по своему церковному статусу могли бы претендовать на места духовных сенаторов. Среди православного дворянства сколько-нибудь реальных претендентов на места светских сенаторов также не было, а среди епископов — все, за исключением епископа белорусского Георгия Конисского, были униатами, которых в Петербурге отнюдь не хотели бы видеть в сенаторском достоинстве. В силу названных причин включение диссидентов в состав сенаторов

могло бы произойти только при сильном давлении на короля со стороны русского посольства, поэтому отказ России от намерения добиваться для диссидентов права занимать сенаторские должности означал только то, что в Петербурге готовы были согласиться не требовать для своих ставленников из среды диссидентов должностей воевод и каштелянов, представив это как существенную уступку в пользу «прав господствующей религии, по сравнению с терпимыми»⁸².

Далее в рескрипте перечислялись те светские сословные права диссидентов, которые подлежали восстановлению. Во-первых, это касалось права диссидентской шляхты участвовать в качестве послов в работе сейма. Причем предусматривалось, что от некоторых воеводств, где «наиболее диссидентов находится», неkatолики должны составлять $\frac{1}{3}$ послов. Такая пропорция устанавливалась для Познаньского и Калишского воеводств в Великой Польше, для Краковского и Сандомирского воеводств — в Малой Польше, для Мариенбургского и Померанского — в Королевской Пруссии. В Литве такими воеводствами должны были стать Виленское, Инфлянтское и Самогичское⁸³. Тем самым диссиденты не только возвращали бы себе право участвовать в сеймах, но и приобретали бы дополнительные привилегии, ибо норма представительства диссидентов от названных воеводств гарантировала бы для неkatоликов не просто право быть избранными в послы, но и такую делегацию на сейм, которая была бы сопоставима по числу с литовскими послами и значительно превосходила бы делегацию любого из воеводств. Рескрипт предписывал также добиваться восстановления права диссидентов избираться депутатами трибуналов и градскими старостами⁸⁴.

Для диссидентов равноправное участие, наряду с католиками, в судебной системе имело исключительное значение, ибо позволяло наиболее эффективно отстаивать свои сословные права как землевладельцев и членов местных шляхетских корпораций в поветах и воеводствах. Это обстоятельство вполне осознавалось и составителями рескрипта, которые в качестве ультиматума требовали, «чтоб всемерно сдержать для диссидентов способность владеть городскими староствами»⁸⁵. Статус судьи, которым обладали владельцы городских старостств, открывал для диссидентов, как справедливо считали сами диссидентские политики и их покровители в Петербурге, возможность «приобрести некоторое участие в земском правлении», а тем самым отстаивать сословные права неkatолической шляхты и гарантировать свободу вероисповедания «во всех пунктах, до церкви касающихся»⁸⁶.

После изложения требований русской императрицы по диссидентскому делу в рескрипте содержался довольно развернутый пассаж, который, очевидно, свидетельствовал, что рескрипт № 6 предназначался отнюдь не только для наставления русского посла, но и для того, чтобы быть показану Станиславу Августу и Чарторыским. В нем от имени Екатерины II было заявлено: «Мы не сомневаемся о чистосердечном содействовании его величества <...> а равномерно надеемся, что князья Чарторыские, увидя через известное к ним письмо <...> Панина всю свою политику перед нами обнаруженную, переменят прежний мыслей и поступков своих образ, и чтоб сохранить к себе, может быть и независимо от короля, нашу доверенность и нашу протекцию, возьмутся прямодушно и всем своим кредитом способствовать в диссидентском яко таком деле, где они нам угоднейшую, а отечеству своему полезную услугу оказать могут»⁸⁷. Тем самым, прозвучал обращенный к Станиславу Августу и «фамилии» очередной призыв удовлетворить на сейме требования России по

диссидентскому вопросу. Однако в этом обращении к польскому королю и магнатам присутствовали и новые темы. Во-первых, это намек на возможность действий русского посольства совместно с «фамилией» против Станислава Августа. Значение такого заявления еще более возрастает, если принять во внимание контакты Н. В. Репнина с оппозицией, для которой отказ русской стороны от поддержки польского короля имел принципиальное значение, о чем русский посол вполне мог проинформировать «республиканцев» Ф. С. Потоцкого или Е. Мнишека.

Далее в рескрипте содержится еще одна, пожалуй наиболее важная, вставка Панина, в которой шеф Коллегии иностранных дел писал, что если диссидентское дело окончится неудачей, то прибывшие ко времени сейма в Варшаву представители иноверцев должны выступить с формальным протестом, образовать конфедерации и просить помощи у России и других соседей (прусского, датского и лондонского дворов). В заключение приведенного тезиса Панин поручал Репнину конфиденциально сообщить о твердом решении, «чтоб только знали и удостоверены были, что мы не допустим тем их единовидным желанием успокоить сие дело, а поведем оное лучше до самой крайности»⁸⁸. Первоначальный вариант рескрипта не содержал положения о конфедерации диссидентов, в случае если сейм отвергнет требования России, хотя, как известно, вопрос этот был согласован Паниным с Репниным и Сольмсом по меньшей мере с начала 1766 г. и был составной частью так называемого плана Панина. Появление его в тексте рескрипта после прочтения Екатериной II свидетельствует, что либо план Панина до последнего момента не разделялся в полной мере императрицей, которая после поездки К. Сальдерна в Варшаву все же надеялась, что «старик» Чарторыйские будут содействовать ее замыслам и приведут диссидентское дело к успеху, или что до рубежа августа–сентября 1766 г. в Петербурге не были намерены раскрывать карты перед Станиславом Августом и «фамилией». Теперь же решение было принято окончательно, маски сброшены. Польский король и правящая магнатская группировка были поставлены перед роковым вопросом: либо безоговорочно принять ультиматум России в диссидентском вопросе в неопределенной надежде на будущее возможное согласие Екатерины II на некоторые преобразования, либо смириться с тем, что влияние Петербурга в Польше, подкрепленное русскими войсками, будет направлено вопреки их политическим планам.

Именно в этом духе были сформулированы остальные разделы рескрипта. По вопросу о границе Репнину поручалось уверить Речь Посполитую, что Россия не стремится к территориальным приобретениям, а желает только точного определения владельческих прав помещиков по обе стороны государственного рубежа, что правовой основой делимитации границы должен служить договор 1686 г., а в том случае, где упомянутый договор не содержит точного определения, следует исходить из «естественной удобности на ту, и другую сторону»⁸⁹. Тем самым в рескрипте было обойдены молчанием все вопросы о выдаче беглых, о пограничных судах и о комиссии по вопросу о подтверждении Вечного мира 1686 г. В Петербурге либо, как и два года тому назад, предпочли считать их уже окончательно разрешенными, либо отложили переговоры по ним до того момента, когда так или иначе завершится диссидентское дело.

Относительно таможенного конфликт Варшавы и Берлина в рескрипте были повторены положения писем Екатерины II Станиславу Августу, что, невзирая на правовые основания действий Варшавы, Польша должна будет уступить требованиям

Пруссии, поскольку «по образу правления отечества своего (польский король. — *Б. Н.*) не может иметь другой системы как быть участником через новые союзы в создаваемой нами (Екатериной II. — *Б. Н.*) общественной системе, к которой король Прусский неотменно надобен»⁹⁰.

В том же неопределенном ключе давались и инструкции по поводу заключения союзного договора⁹¹. В рескрипте ничего не говорилось ни о его содержании, ни о порядке переговоров о союзе, ни о способах и сроках его заключения. Более того, правкой Панина туманность раздела о союзе была только усилена⁹². Отмечалось только, что уже сеймом 1764 г. Станиславу Августу были даны полномочия на заключение союза, которыми польская сторона якобы не воспользовалась, более того, в деле союза возникли затруднения из-за позиции польского короля и министерства по отношению к Австрии и Франции. Такое поведение Варшавы, с точки зрения Петербурга, могло бы послужить поводом вообще более не поднимать вопроса о союзе между двумя странами, однако, как говорилось в рескрипте, русская сторона не отказывается от переговоров о союзе, руководствуясь при этом теми государственными интересами, которые польский король должен осознать, ибо он не получит ожидаемых от союза выгод до тех пор, пока эти выгоды не будут соответствовать интересам соседних государств, т. е. России и Пруссии. Таким образом, был обойден ключевой вопрос о содержании планируемого союза: в какой степени он будет способствовать проведению реформ в Польше, и в какой — установлению российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

Вместе с тем в заключительной части рескрипта вопрос о «гарантии» и реформах все же был затронут. От имени императрицы «ревностному предостережению посла» поручалось, «чтоб как вообще на будущем сейме никаких чрезвычайных новостей вводимо не было, кои бы настоящую форму правления повреждали, так особливо, чтоб польская армия умножена не была». С этой целью Репнин должен был действовать совместно с князьями Чарторыскими и «с теми из поляков, кои собственным своим благосостоянием обязаны препятствовать всякому в отечестве своем войск умножению»⁹³. Очевидно, что под упомянутыми «поляками» подразумевались прежде всего сторонники старореспубликанской оппозиции. Таким образом, идея о возможном сотрудничестве с лагерем Потоцких и Е. Мнишека, которая только угадывалась за тезисом о выступлении против Станислава Августа в вопросе о диссидентах, в вопросе о реформах государственного строя и увеличении численности войск Речи Посполитой — прозвучала уже вполне определенно.

Наконец в рескрипте содержались некоторые предписания относительно тактики Н. В. Репнина на предстоящем сейме. Выражалась надежда, что в том случае, если польский король и «фамилия» будут на сейме содействовать планам России «с исключительной ревностью», то с помощью подкупа послов можно надежнее добиться достижения своих целей, чем тратя деньги по воеводствам, «тем паче, что настоящие дела не такого рода, чтоб неминуемо требовали специального постановления в инструкциях, от сеймиков даваемых»⁹⁴. Приведенное рассуждение едва ли имело практическое значение, поскольку рескрипт был получен Репниным 15 сентября 1766 г., т. е. уже после окончания сеймиков. Однако оно указывало на неизменность позиции Петербурга, сформулированной еще летом 1766 г., согласно которой проведение сейма отдавалось исключительно в руки магнатских группировок и прежде всего «фамилии». О слабости подобной тактики свидетельствовали итоги сейма корона-

ции 1764 г., об этом накануне сейма 1766 г. предупреждали Репнин и Сольмс⁹⁵. Однако и на этот раз Екатерина II сделала главную ставку на Чарторыхских.

Вместе с рескриптом к Репнину в Варшаву был прислан и текст декларации Екатерины II по диссидентскому делу, с которой послу предстояло выступить на сейме. В ней содержались конкретные требования по исправлению польского законодательства о диссидентах.

Вопрос о правовом положении диссидентской шляхты в Речи Посполитой в первой половине XVIII в. был детально исследован В. Кригзайзенем⁹⁶, который пришел к выводу, что правовой статус иноверцев в польско-литовском государстве существенно не отличался от положения конфессиональных меньшинств в других европейских странах. Особенности состояли только в том, что там, в отличие от Польши, контрреформация завершилась к середине XVII в., с концом Тридцатилетней войны, к этому времени относилось и определение юридического и сословного статуса иноверцев. В Польше же наступление на права диссидентов во второй половине XVII в. только началось, а правовые нормы, зафиксировавшие их сословное неполноправие, были установлены еще позже — в первой трети XVIII в. Таким образом, ко времени, когда Россия сделала «диссидентский вопрос» знаменем своей польской политики, прошло 30 лет. Тем самым, определенный в 1734 г. правовой статус диссидентов не был еще подкреплён и освящен достаточно длительной традицией⁹⁷, что, разумеется, не могло не сказаться на характере взаимоотношений католического большинства и иноверческого меньшинства шляхетского сословия.

Начало законодательного закрепления неполноправия некаатолической шляхты было положено во время «бескорольевья» 1696 г., после смерти Яна III Собеского, когда на сеймиках, например, в Земле Добержаньской, прозвучало требование об исключении пункта о мире с иноверцами из акта конфедерации и из присяги нового монарха⁹⁸. В 1710 г. Сандомирская конфедерация, стоявшая на стороне России и Саксонии в Северной войне, отменила все постановления времени правления Станислава Лещиньского в пользу диссидентов⁹⁹.

Дальнейшие законодательные ограничения прав диссидентов были установлены в 1716–1717 гг., когда при посредничестве Петра I был заключен договор о примирении польского короля Августа II с чинами Речи Посполитой, утвержденный на так называемом «немом» сейме 1717 г. Вторая статья упомянутого договора о недопущении «чужеземцев и протестантов до королевских милостей», по букве своей направленная против королевских фаворитов из протестантских земель Германии, в первую очередь из Саксонии, по сути лишила поляков-иноверцев доступа к общественным должностям и королевщинам, в том числе к обладанию староствами, дававшими владельцам полномочия судей¹⁰⁰. Четвертая статья договора была основана на ложной интерпретации конституции 1632 г., возобновленной в 1648, 1668 и 1674 гг. Согласно конституции 1632 г., только в королевских городах запрещались богослужения протестантской шляхты, которые имели бы целью политические демонстрации. Теперь же, в 1717 г., был введен повсеместный запрет на все публичные богослужения иноверцев, за исключением только «тихой молитвы». На том же основании конституции 1632 г. четвертая статья договора запрещала строительство иноверческих храмов, причем сформулирована она была таким образом, что позволяла трактовать этот запрет в духе недопущения функционирования церквей, сооруженных и после 1632 г., и даже как запрещение всякого некаатолического богослужения¹⁰¹.

После кончины Августа II, когда Россия и Австрия выступили за сохранение саксонской династии на польском престоле против кандидатуры С. Лещиньского, сейм 1733 г. утвердил решение конфедерации о гарантии мира и безопасности для некатоликов, однако с подтверждением и конституций 1717 г., содержавших запрет для диссидентов занимать общественные должности, участвовать в сеймах и трибуналах, а также владеть судебными староствами. Им оставлено было только право владеть староствами, не связанными с должностями земских и градских судей, и возможность службы в качестве офицеров в королевской гвардии и в коронных и литовских войсках. Последняя привилегия не имела существенного значения, поскольку по законодательству 1717 г. роль польской армии в политической и сословной системе Речи Посполитой была ничтожной. Решения сейма 1733 г. содержали также запрет на проведение съездов-конвентов, что открывало путь к ликвидации любых общественных объединений диссидентов¹⁰².

Разумеется, как справедливо отмечал В. Кригзайзен, антидиссидентское законодательство смягчалось действием ряда старых привилегий в отношении владений тех или иных шляхтичей-диссидентов и расположенных в их имениях костелов, а также рядом королевских декретов, направленных на подтверждение отдельных прав иноверцев. В защиту их прав служили и некоторые международные договоры шляхетской республики, прежде всего Велявский трактат и русско-польский договор о Вечном мире 1686 г. Однако нельзя не указать и на то, что в 30-е гг. XVIII в. в Польше раздавались требования еще больше усилить преследования некатоликов. Так в 1731 г. ксендз Ю. Е. Залуский (впоследствии епископ Киевский и один из сенаторов на сейме 1766 г.) сформулировал 21 пункт законодательных преследований иноверцев. Согласно этим пунктам «еретики и иноверцы» подлежали проклятию, лишению большинства религиозных, имущественных и сословных прав, изгнанию из страны и даже смертной казни¹⁰³.

Декларация по диссидентскому делу¹⁰⁴, с которой Репнину предстояло выступить на сейме, открывалась объяснением причин, побудивших российскую императрицу обратиться к Речи Посполитой. В ней констатировалось, что как православные, так и диссиденты в польско-литовском государстве всегда обладали полноправием в рамках своего сословного положения, что таковое основывается не только на законах республики, но и на ее международных обязательствах. Согласно декларации, упомянутые права диссидентов «не могли быть нарушены или отменены гражданскими конституциями одной части государства», т. е. постановлениями сеймов и других государственных институтов без участия представителей некатоликов. В случае, если бы справедливые требования диссидентов о восстановлении в полном объеме их сословных прав были бы отвергнуты сеймом, такой исход, говорилось в декларации, «имел бы необходимым результатом освобождение их от обязательств общежития <...>, они были бы в полном праве <...> избрать между своими соседями судей между собою и прибегнуть к их союзу, если бы они не могли иначе освободиться от гонения»¹⁰⁵. «С этого времени, — провозглашалось далее, — охрана положения республики и ее спокойствия уже не оставалась предметом бдительности одних ее граждан, но стала обязанностью для ее соседей <...> Так Россия в силу договора 1686 г. и другие державы, преследующие ныне общую с нею цель — в силу Оливского договора, обязаны наблюдать за безопасностью всякой части государства <...> гарантируя всем вообще и в частности все то, что составляет их взаимное общее право»¹⁰⁶.

Приведенные положения декларации имели принципиальное значение. Они далеко выходили за рамки собственно диссидентского вопроса. Если до сих пор дело диссидентов преподносилось в Петербурге только в духе защиты прав некаатоликов в Польше, то теперь, накануне сейма 1766 г., оно зазвучало в качестве обоснования претензий России на роль субъекта конституционного права Речи Посполитой и оказалось непосредственно связанным с вопросом о российской гарантии государственного и сословного строя шляхетской республики.

По иному был поставлен вопрос и о протекторате великих держав над Польшей. Если раньше он был в том или ином виде оформлен только соглашениями между Петербургом, Берлином, Веной и Версалем, в которых в известной мере участвовали Стокгольм и Дрезден, а на присоединение к ним претендовала и Оттоманская Порта, то теперь под флагом диссидентского вопроса от польского сейма требовалось формальное признание прав соседей (а по существу только России) диктовать польско-литовскому государству нормы внутреннего политического и общественного устройства. При этом, правда, из декларации не вытекало определенно, каково соотношение в этой области статуса России и других держав-протекторов, под державных требования Петербурга по восстановлению прав диссидентов. Однако ранее мы могли убедиться, что на берегах Невы не имели намерения допускать кого-либо рядом с собой в роли гаранта польской конституции.

На особый статус России во внутренних польских делах недвусмысленно указывали и последующие положения декларации, в которой говорилось что содействие Екатерины II в «восстановлении прав республики» и в избрании «национального короля» побуждает императрицу продолжить начатое дело и в отношении всех граждан Речи Посполитой и добиваться устранения злоупотреблений против диссидентов. От сейма русская императрица требовала таких постановлений, которые не только устраняли нарушения прав диссидентов, но и исключали бы подобные «злоупотребления» в будущем¹⁰⁷.

В области религиозных прав в декларации содержались требования: 1) вернуть отнятые у диссидентов церкви и предоставить им право восстанавливать старые и строить новые церкви и т. д., «словом делать без препятствия все то, что касается таинств и молитв <...>, что заключает в себе полную свободу божественной службы»; 2) чтобы свобода вероисповедания была разрешена по всей стране без препятствия со стороны церковных или светских властей; 3) отмены всех налогов на диссидентов в пользу господствующей церкви; 4) гарантии статуса православной семинарии в Могилеве; 5) неизменности принадлежности белорусского епископства к православию и чтобы все православные и диссидентские церкви навечно сохраняли принадлежность к своим конфессиям; 6) чтобы диссиденты ни в коем случае не были подсудны церковным судам, а — только светским; 7) чтобы браки заключались свободно, а дети бы следовали религии родителей¹⁰⁸.

Таким образом, в области религиозных прав декларация зафиксировала в наиболее полном виде традиционные и не раз уже провозглашенные требования диссидентов. Причем вопрос о статусе в связи с этим католической и униатской церкви вовсе не поднимался.

Никаких конкретных положений по вопросу о светских правах некаатоликов декларация не содержала. В ней только говорилось, что «равенство в дворянстве есть основа польской свободы и вернейшая опора ее конституции», что все законы, на-

рушавшие исконное равенство в правах диссидентского дворянства с католическим «суть грустный продукт смуты и раздора» и что теперь, когда единство шляхетского народа восстановлено, «все чины государства должны сознать, что полное счастье их зависит от их полного согласия, что удерживать за собою исключительное пользование государственными должностями и достоинствами, вопреки первоначальному состоянию республики, когда всякое исповедание равно участвовало в правительстве, значило бы все равно, что пожертвовать величием отечества дурно понятому интересу»¹⁰⁹. Тем самым, как и в рескрипте № 6, выдвигалось общее требование равенства диссидентов с католиками в доступе к общественным должностям, однако не назывались конкретные сословные и политические права иноверцев, подлежащие восстановлению на сейме. При этом имелось в виду, что конкретно пределы прав диссидентов будут определены в ходе переговоров со Станиславом Августом и «фамилией», под контролем которых пройдет и предстоящий сейм.

В дополнение к рескрипту и декларации российскому послу был прислан и текст речи, которую тому предстояло произнести на аудиенции¹¹⁰. В ней Репнин должен был изъяснить «дружеские и союзнические мнения <...>, которые, конечно, никогда никакой перемене подвержены быть не могут». Примечательным в этой фразе было упоминание о «союзнических» отношениях России и Польши, хотя в рескрипте № 6 прямо говорилось о том, что вопрос о союзе с Польшей, по крайней мере до разрешения диссидентского вопроса, в Петербурге отнюдь не собирались затрагивать. Вероятно напоминанием «о дружеских и союзнических» отношениях в российской столице хотели затронуть некие чувствительные струны как у польского короля, так и у представителей различных магнатских группировок, намекая тем на возможность более тесного сотрудничества с российским посольством. Н. В. Репнин должен был также заявить, что права диссидентов утверждены фундаментальными польскими законами и договорами с соседними державами, в особенности Московским договором 1686 г. и Оливским трактатом, «которые и дают ее имп. в-ству неоспоримое право не только заступаться за единоверных своих, но и настоять непременно, чтоб они купно с другими диссидентами в права и преимущества восстановлены были». Здесь повторялось утверждение о праве России наравне с польским сеймом выступать в роли законодателя в Речи Посполитой и вместе с тем было опущено всякое упоминание о других державах-протекторах и гарантах Оливского мира.

Полученные Н. В. Репниным накануне сейма инструкции свидетельствовали, что главной целью русской политики на предстоящем сейме было разрешение диссидентского вопроса. Все остальные проблемы русско-польских отношений российская сторона отказывалась даже рассматривать. При этом религиозные права диссидентов практически отодвигались на второй план, и главная роль отводилась задаче установления сословного и политического равноправия диссидентского дворянства (протестантов и православных) с католической шляхтой. Такой подход не оставлял для русского правительства иного способа реализации своих политических планов, помимо неприкрытого диктата по отношению к правящей в Польше магнатской группировке Чарторыских и королю Станиславу Августу, которым предстояло узаконить на сейме домогательства Петербурга. Почва для компромисса была по сути утрачена, во-первых, потому, что Екатерина II и Панин целиком отвергли реформаторские планы «фамилии» и польского короля, что, правда, всяческие скрывалось от польского двора, а во-вторых, потому, что удовлетворение требова-

ний России по расширению светских прав диссидентов грозило непоправимым ущербом политическому влиянию Чарторьских среди польской шляхты. Наконец, весьма существенным положением инструкций Репнину была впервые проявившаяся открыто в декларации по диссидентскому вопросу связь между делом иноверцев и установлением российской гарантии государственного строя Речи Посполитой, прав и привилегий сословий в польско-литовском государстве.

VII

После получения инструкций из Петербурга и проведения сеймиков главной целью Репнина стало выяснение позиций магнатских группировок по отношению к планам русского правительства. Свои усилия русский посол сосредоточил на четырех направлениях. В центре его внимания оказались, во-первых, сам Станислав Август, его ближайшее окружение и королевские креатуры; во-вторых — Август и Михал Чарторьские и те сторонники «фамилии», которые в политическом отношении следовали за старыми князьями; в-третьих — литовские магнаты, которые, независимо от своей «партийной» принадлежности, нередко выступали как самостоятельная сила во внутриваршавских делах, и в-четвертых — лидеры оппозиции правящей магнатской группировке.

Контакты с «патриотами» послу наладить так и не удалось. С одной стороны, это объяснялось тем, что противники двора были разобщены, среди них не было признанных лидеров. К тому же Потоцкий и Е. Мнишек отошли от активной публичной деятельности. На католических епископов, которые по своему сану и статусу сенаторов занимали видное место среди оппозиционеров, также рассчитывать не приходилось. Из всех противников двора связь с Репниным поддерживал только Т. Вессель. С другой стороны, проблема иноверцев не сулила взаимопонимания с врагами «фамилии». Безрезультатным оказалось письмо Репнина Ф. С. Потоцкому, а Т. Вессель заявил послу, что «исполнение диссидентского дела его страшит»¹¹¹.

Еще в июле 1766 г. Н. В. Репнин доносил о намерении краковского епископа К. Солтыка выступить против диссидентов и писал, что собирается направить в его имения русские войска¹¹². В конце июля Репнин вновь попытался урезонить неумолимого прелата. Об этом эпизоде Солтык написал Станиславу Августу, что русский посол в присутствии Т. Весселя и Б. Годского якобы угрожал представителю Солтыка, что если епископ не прекратит антидиссидентской агитации, то русские войска войдут в Польшу, а владения краковской кафедры и всего рода Солтыков будут секвестрованы, а сам епископ должен опасаться также мер и против него лично, при этом в дополнение к словам Репнина Т. Вессель напомнил об аресте в прошлом примаса Теодора Потоцкого¹¹³. Сообщая об инциденте Панину, Репнин представил дело как донос Солтыка на Весселя и Годского, что епископ искажал сделанные ему предупреждения. Он (посол) якобы только предлагал разместить войска в имениях Солтыка, поскольку, как уведомлял Репнин, тот грозит сорвать на сейме диссидентское дело¹¹⁴.

Опасения относительно планов краковского епископа оказались ненаправленными. 10 августа Солтык обратился с письмом к католическим монархам Европы с призывом о помощи в диссидентском деле¹¹⁵. Русский посол указывал, что подобное обращение несовместимо с польским законодательством, которое не допускает

апелляции частного лица к иностранным государствам, однако, как замечал Репнин, «сей пункт весьма деликатен, сколь собственно для поляков, как все в сем казусе случаются, столько и для чужестранных держав, коих интерес есть для производства своих дел их в оном содержать, то и не прилично было бы весьма строго за оное ухватиться». Далее Репнин писал, что с согласия Чарторыхских, Солтыку решено «стороною сделать внушение» и предупредить о последствиях, если он не изменит своего поведения¹¹⁶.

В той же депеше сообщалось, что краковский епископ жаловался на посла Г. Г. Орлову в расчете, что об этом станет известно Екатерине II: «Я, как Вашему в. пр. прежде доносил, — писал Репнин, — в разговоре с поверенным его (Солтыка. — *Б. Н.*) теологом учтиво и ласково изъяснялся, а угроз Сибирью и секвестром не делал, как он то в своем письме говорил. А при том не менее же лжи в описании об его поведении, будто он ни мало диссидентов не притесняет. Об оном, Ваше в. пр., объяснение можете получить от депутата диссидентского г-на камергера Гольца, который, уповаю, к вам уже прибыл, и может донести, что нет несправедливости, которая была против диссидентов епископом краковским учинена, и что, ни в которой из других епархий, таковой свирепой строгости против них не употребляют»¹¹⁷.

Очевидной причиной антидиссидентской риторики и тактики К. Солтыка накануне сейма было неприятие веротерпимости. Однако далеко не всегда оно имело решающее значение. С легкой руки Екатерины II и под пером С. М. Соловьева краковский епископ превратился в хрестоматийный образец религиозного фанатика. Однако его поведение в 1764–1765 гг. не подтверждает этого мнения. Во время elections Станислава Августа Солтык ни разу не выступил по диссидентскому вопросу. Будучи сторонником Ф. С. Потоцкого и Е. Мнишека, он был не прочь при определенных условиях поддержать короля против Чарторыхских и даже стать на сторону России против «фамилии». Нападки Солтыка на политику двора в деле диссидентов начались, когда он убедился в ложности слухов о разрыве Станислава Августа и Чарторыхских и сделал борьбу за привилегии католической церкви знаменем своей войны против короля и «фамилии».

С помощью антидиссидентских филиппик Солтык надеялся проложить себе путь к руководству «патриотической» оппозицией, приняв на себя роль наиболее ревностного защитника католицизма, установить от ее имени контакты с католическими державами и с петербургским двором. Если бы Франция и Австрия откликнулись на обращение краковского епископа, а группировка Орловых воспользовалась его «жалобами» в интригах против Панина и Репнина, то, получив поддержку из-за границы, Солтык становился бы, без сомнения, ключевой фигурой среди магнатов — противников двора и «фамилии». Однако, несмотря на славу борца за веру и вольность, цель краковского епископа все же оставалась не достигнута. К тому же в своем стремлении добиться лидерства в рядах оппозиции он встретил серьезных соперников в лице Массальских.

Литовские магнаты и шляхта на протяжении всей истории Речи Посполитой играли в польской политике относительно самостоятельную роль, поэтому позиция Литвы накануне сейма имела для Репнина особое значение. Это подкреплялось еще и тем, что именно в Литве находилась единственная православная Могилевская (Белорусская) епархия, в Великом княжестве имелось немалое православное население, протестантские общины в Литве были наиболее многочисленными по-

сле Королевской Пруссии. Наконец, политическое влияние России в Литве было всегда более весомым, нежели в Короне. Правда, устранение с политической арены Радзивиллов, и реформы 1764 г. существенно уменьшили политическую самостоятельность литовских магнатов, да и позиции «фамилии» в княжестве были практически непререкаемы. Тем не менее пренебрегать литовскими магнатами в Петербурге не собирались.

Еще в июле 1766 г. Репнин прислал Панину переданную ему Станиславом Августом «пиесу», как извещал посол, «разглашаемую в Литве Массальскими — литовским гетманом и виленским епископом — направленную против диссидентов, пребывания там русских войск и пограничной комиссии. Репнин предлагал в качестве наказания направить после проведения сеймиков на постой в их имения войска»¹¹⁸. На депеше стояла резолюция Панина: «Приказать по рассмотрению исполнить»¹¹⁹. В начале августа посол вновь доносил об антидиссидентской агитации И. Массальского, о возможности включения положений против иноверцев в посольские инструкции и рекомендовал направить от имени командира русского отряда в Литве Н. И. Салтыкова к виленскому епископу штаб-офицера «для внушения ему и великому гетману литовскому — его отцу»¹²⁰. Ездивший с этим поручением полковник Сухотин привез ответ И. Массальского, в котором тот «ото всего отперся». Тем не менее Салтыков распорядился расквартировать свои войска в двух деревнях Массальского-отца. Когда же тот просил Репнина освободить его владения от постоя, посол ответил, «что сего преимущества ему без тягости другим сделать невозможно»¹²¹. В той же депеше от 1 сентября / 21 августа, можно найти свидетельство, что в Литве далеко не все, подобно Массальским, подвергались преследованиям, напротив, после окончания сеймиков, Репнин отправил маршалу ковенской конфедерации литовскому ловчему Антони Забелло, который поддержал требования России по диссидентскому вопросу, присланный тому российский орден св. Анны.

Для воздействия на литовских магнатов в августе 1766 г. в Велико Княжество из Петербурга были посланы полковники О. Игельстром и В. Кар. Их миссия осуществлялась как бы независимо от русского посольства в Варшаве, что должно было продемонстрировать особые отношения России и литовской знати, а также содержало намек на признание со стороны русского правительства традиционного статуса Литвы в составе Речи Посполитой. В рескрипте Игельструму и Кару¹²² подчеркивалось, что доброжелательность русского правительства к магнатам и благоденствие республики будет зависеть от их позиции в диссидентском вопросе. Правда, после разговора о поездке русских полковников с королем и Чарторыскими Репнин внес изменение в план действий эмиссаров: О. Игельстром остался в Литве, а В. Кар был вызван в Варшаву, чтобы затем посетить магнатов в Короне. Первый же должен был провести переговоры с Михалом и Игнацы Массальскими, Яном Домиником Лопацинским — епископом жмудским, Игнацы Огинским — великим маршалом литовским, Николаем Лопацинским — писарем литовским, Тадеушем Буржиньским — смоленским каштеляном и маршалом Литовского трибунала¹²³.

Об отношении литовских магнатов и шляхты к диссидентскому вопросу свидетельствовало и дело полковника литовской гвардии Беллака, о котором Репнин доносил в Петербург 18/7 августа. Станислав Август произвел Беллака в генерал-майоры. Однако литовская военная комиссия отказалась привести его в присяге, потому что тот не католик, нарушив тем королевские prerogatives. Хотя, по словам Репнина,

такое решение было принято, вопреки мнению М. Огинского — председателя комиссии, виленского воеводы и зятя М. Чарторьского — в Петербурге оно было воспринято как знак противодействия литовских сторонников «фамилии» усилиям России в диссидентском вопросе. На депеше Репнина Екатерина II написала: «Если сия вошенная кукла (М. Огинский. — *Б. Н.*) не уймется, прошу проучить, дабы диссидентам вред не учинила»¹²⁴.

Литовские магнаты не заявляли себя открыто, подобно К. Солтыку, противниками планов России в диссидентском вопросе. Настроения против иноверцев в Литве не были выражены так остро, как в Малой Польше и Польской Руси, однако и здесь антидиссидентская агитация не прекращалась. Согласно мнению Н. В. Репнина, миссия Игельстрема и Кара окончилась безрезультатно¹²⁵. К этому выводу посол пришел после их с В. Каром общей беседы с И. Массальским. В депеше от 29/18 сентября 1766 г. посол сообщал «о умножении ферментации умов» по диссидентскому делу и констатировал: «Должен сказать, что без самого употребления важной силы к успеху одного дела дойти не вижу надежды»¹²⁶. Репнин попытался перейти от слов к делу и сообщил Панину 5 октября, накануне открытия сейма, что поставил в известность Чарторьских о своем приказе послать войска в деревни краковского и виленского епископов¹²⁷.

Итоги сеймиков и ситуация накануне сейма свидетельствовали, что единственной возможностью осуществления на сейме планов России в диссидентском вопросе было соглашение со Станиславом Августом и Чарторьскими. Еще в июле 1766 г. Репнин напоминал своим шефам о необходимости договориться о совместных действиях с польским королем¹²⁸. Из последующих депеш посла видно, что он с подозрением относился к планам «фамилии» и по-прежнему отдавал предпочтение своей прежней тактике, основанной на противопоставлении польского короля и его сторонников старшим князьям Чарторьским. Поэтому, когда из Петербурга вновь поступили инструкции действовать совместно со старшими членами «фамилии», Репнин сообщил в ответ 1 сентября/21 августа о своем разговоре с воеводой русским, в котором посол обсудил с ним миссию Игельстрема и Кара и спросил князя о его позиции по диссидентскому делу. Тот отвечал, что окажет поддержку планам России, но за их успех поручиться не может. Он также просил Репнина вывести русские войска из имений К. Солтыка, А. Красиньского и Массальских¹²⁹. В той же депеше Репнин высказал сомнение по поводу мысли шефа русской внешней политики о якобы незаинтересованности Чарторьских в сохранении Генеральной конфедерации, поскольку воевода русский поддержал настоятельные предложения посла о составлении проекта конституции о диссидентах. Репнин затронул также вопрос о возможных «новостях», которые, по его словам, могли бы задеть интересы соседей Польши, в частности о задуманном в Варшаве увеличении численности польских войск¹³⁰. Таким образом, посол вновь дал понять, что реформаторские планы двора и «фамилии» не остались скрытыми от Петербурга и что их реализация будет зависеть от соглашения польского правительства с русским двором.

В депеше от 8 сентября/28 августа Репнин сообщал о приезде третьего дня в Варшаву М. Чарторьского и о своем свидании с литовским канцлером, с которым посол, как и с воеводой русским, «ласково и откровенно обошелся, изысняя ему в тех же точно терминах, как и тому, возвращение к ним доверенности и милости ее имп. в-ства <...> на то, как и от воеводы русского, много от него уверений получил преданности и усердия к нашему высочайшему двору»¹³¹.

Однако уже в дополнении к вышеприведенной депеше Репнин писал, что узнал о разногласиях Станислава Августа и Чарторыхских относительно судьбы Генеральной конфедерации. «Должен я с удивлением крайним, и почти сам тому не веря», — доносил посол Панину, — передать конфиденциальный разговор между Станиславом Августом и его дядями, состоявшийся 7 сентября 1766 г. и ставший известным Репнину со слов польского короля. Поскольку на сеймиках многие воеводства внесли в инструкции послам требование о роспуске конфедерации, «то король, желая точное об этом мнение своих дядьев знать с ними <...> по сему говорил, в коем разговоре воевода русский решительно не изъяснился, говоря, что подумать еще об сем надобно, а канцлер литовский прямо отозвался, что, ему кажется, лучше конфедерацию разорвать». На вопрос Станислава Августа о времени роспуска конфедерации А. Чарторыхский ответил, что в конце сейма, добавив, что вопрос этот следует еще обдумать. Польский король просил Репнина сообщить об этом разговоре Панину, «желая, — как утверждал посол, — содержания конфедерации, прибавляя, что и наших дел исполнение не только трудно, но почти невозможно будет, если она (конфедерация. — *Б. Н.*) разорвется». Станислав Август просил посла запросить по этому вопросу инструкций, а Репнин добавлял, что не будет сам говорить о роспуске конфедерации с Чарторыхскими до получения наставлений от Панина¹³².

Накануне сейма Репнин придавал исключительное значение проекту конституции по диссидентскому делу. В июле он напомнил об этом Панину, в начале сентября — говорил о нем с Чарторыхскими. Наконец, 12/1 сентября посол сообщал в Петербург, что третьего дня, за несколько часов до отправления королевского курьера к Ф. Ржевускому, Станислав Август приехал к Репнину и показал тому проект конституции сейма о диссидентах, о котором посол отозвался, «что оной прожект менее полезен, как вреден»¹³³. Текст проекта был им отправлен в Петербург¹³⁴.

На следующий день Репнин обсуждал его с королем и Чарторыхскими, правда, в донесении не называя своих собеседников по имени, что нередко бывало в депешах Репнина, когда тот не хотел вызвать раздражения императрицы и Панина по адресу Станислава Августа. Однако умолчание посла свидетельствовало именно о беседе Репнина не с кем иным, а именно с польским королем и его дядями, с которыми и велись все предшествовавшие разговоры о проекте. «Вчера я сие учинил, — доносил посол, — и доказал им всем вредность сего прожекта, потому что все в авантаж диссидентам в оном назначенное говорено глухо и в генеральных терминах, а все противное — подробно и ясно выражено»¹³⁵. Особое недовольство посла вызвало то, что в проект были включены положения, «чтоб диссиденты на все веки допущены не были в правительство и гражданские чины», хотя именно в этом состояла суть требований России в диссидентском вопросе. Нежелание Станислава Августа и «фамилии» содействовать намерениям Петербурга подчеркивалось еще и тем, что Репнин отнюдь не настаивал, чтобы в проекте содержалось уравнивание диссидентов и католиков в сословных правах, а лишь «советовал совсем умолчать» об этом, «как об такой вещи, которую особой негоциации представить надлежит»¹³⁶.

Тревога Репнина относительно подлинных намерений польского двора в диссидентском вопросе впервые столь определенно прозвучавшая в депеше от 12/1 сентября могла бы, конечно, смягчиться тем, что в Варшаве пока еще не были получены инструкции из Петербурга. Поэтому в переговорах с русским послом Станислав Август и Чарторыхские, соглашаясь на установление веротерпимости и отвергая урав-

нение диссидентов с католиками в сословных правах, с одной стороны, стремились отстоять собственную позицию в решении диссидентского вопроса и вместе с тем выяснить меру возможных уступок со стороны Петербурга. Предлагая свой проект и как бы не принимая во внимание пожелания Репнина, «фамилия» и двор, с другой стороны, вынуждены были считаться с ростом антидиссидентских настроений среди шляхты и части магнатов, отдавая себе отчет, что именно по диссидентскому делу их позиции на сейме окажутся под ударом со стороны их политических противников. Поэтому уже накануне сейма старые князья Чарторыские рассматривали возможность роспуска конфедерации, чтобы таким образом избежать обсуждения на сейме диссидентского вопроса, и, пожертвовав реформаторскими планами, устранить почву для обвинений в свой адрес в нанесении ущерба «золотой вольности» и католической вере.

17/6 сентября 1766 г. Н. В. Репнин извещал Н. И. Панина о получении рескрипта № 6 и других инструкциях из Петербурга. Он не скрывал, «что повелении, данные по диссидентскому делу ужасны, и истинно волосы у меня дыбом становятся, — писал он, — когда думаю об оном, не имея почти ни малой надежды, кроме единственной силы, исполнить волю все милостивейшей государыни»¹³⁷. Далее Репнин указывал, что еще не решил, когда ему надлежит сообщить королю и Чарторыским о требованиях Петербурга относительно предоставления диссидентам права занимать общественные должности.

В следующей депеше¹³⁸ Репнин писал Панину, что он продолжает убеждать Чарторыских в полной мере поддерживать политику России, предупреждая их о «бедственных следствиях» в случае неисполнения требований Екатерины II. Там же посол предлагал Панину написать письмо старым князьям, «для подкрепления и умножения нужного в них ужаса», дату в котором должен был поставить сам Репнин, чтобы вручить его в нужный момент воеводе русскому и канцлеру литовскому. В упомянутом письме, по словам посла, следовало точно определить требования Петербурга по восстановлению диссидентов в сословных правах, сохраняя за католиками только исключительное право на должности гетманов и сенаторов, «изъясни при том неизчисленные авантажи всей республики быть в согласии с Россией, которое и последует от исполнения сего дела, тож и каждого особо, который об успехе оного чистосердечно и серьезно стараться будет» и докажет свое усердие «действительным успехом дела»¹³⁹. При этом не разъяснялось, какие именно «выгоды» для Речи Посполитой следовало ожидать в случае успеха диссидентского дела. Вместе с тем каждая из магнатских группировок могла бы истолковать слова о «выгодах» в собственном духе: как в пользу реформ, так и в пользу «золотой вольности». Однако помимо пряника Репнин не забыл напомнить и о кнуте. Посол предлагал Панину в конце письма изобразить все бедствия, «в кои впадет вся республика и каждой особо» в случае неисполнения русских требований, и что на границах уже готовы войска «для наказания противников как злодеев собственного покоя, своего отечества <...> а и то нужно прибавить, — подчеркивал посол, — что когда мы однажды принуждены будем силою сие дело докончить, то тогда уже никому благодарны в исполнении оного не будем». Далее Репнин писал Панину, что осмелился на такое предложение только потому, «что никакой надежды нет без крайних мер сие дело одержать», и продолжал, что в случае неудачи диссидентского дела угрозы должны быть приведены в исполнение¹⁴⁰. Тогда, по мнению посла, следовало бы выступить на сейме с короткой декларацией¹⁴¹, в которой объявить всех, кто воспротивился воле

императрицы, «злодеями республики» и указать, какие репрессии будут к ним применены, чтобы «без потеряния времени» так и поступить. Если названные предложения были бы одобрены, то Репнин просил прислать ему текст упомянутой декларации на французском языке. Примечательно, что последующие заявления русского двора в Варшаве и адресованные послу инструкции из Петербурга совпадали с вышеприведенными предложениями не только по существу, но нередко и текстуально, что свидетельствовало о выработке единой тактики Репнина и его шефов в Петербурге по диссидентскому вопросу накануне сейма.

В середине сентября 1766 г. из Петербурга последовали дополнительные инструкции Н. В. Репнину и адресованное Чарторыским письмо Н. И. Панина. 13/2 сентября шеф русской внешней политики уведомлял посла¹⁴², что по поручению Станислава Августа Ф. Ржевуский в связи с инструкциями ряда сеймиков о роспуске Генеральной конфедерации просил Панина подтвердить позиции Петербурга относительно проведения сейма при конфедерации. Послу поручалось сказать королю, «что продолжение или прекращение конфедерации зависит от действительного в делах наших успеха и от ревности, с каковою его польское величество и князья Чарторыские за оные примутся». В той же депеше Панин велел Репнину, вопреки требованиям сеймиков, «стараться об увеличении королевских доходов, добившись для этого большинства голосов на сейме, что могло быть истолковано Станиславом Августом как свидетельство поддержки.

В депеше от 21/10 сентября руководитель русской дипломатии писал Репнину, что по поводу движения к Варшаве размещенного в Литве корпуса Н. И. Салтыкова посол должен был «отзываться к господам полякам, что диссидентское дело такого свойства, что оно не только сей <...> корпус, но и гораздо большее число войск обоих соседних дворов, нашего и берлинского, в земли республики вовлечь может», что русский двор может быть вынужден «идти до самой крайности, если нынешний сейм... подобные прежним несправедливые затруднения делать будут»¹⁴³. В тот же день Панин отправил письмо Чарторыским¹⁴⁴. Извещая о нем Репнина, шеф русской дипломатии подчеркивал, что намерен таким образом, минуя польского короля, вступить в непосредственное общение со старыми князьями, чтобы противопоставить их Станиславу Августу, и обещанием поддержки убедить их решительно содействовать разрешению диссидентского вопроса в духе политических планов Петербурга¹⁴⁵. В письме канцлеру литовскому и воеводе русскому¹⁴⁶ Панин выражал неудовольствие в связи с двойным выбором послов на сеймиках и с требованиями распустить конфедерацию, «которую для нас важно еще сохранить». Он подчеркивал, что в России желают видеть Чарторыских «и на будущее время во главе управления при короле». Тем самым главам «фамилии» объявлялось, что в Петербурге готовы были забыть прежние недоразумения и вновь рассматривать Чарторыских как глав русской партии и как господствующую магнатскую группировку в Польше в том случае, если они добьются на сейме реализации планов Екатерины II в диссидентском вопросе. «Я не скрою от вас, — писал Панин, — что одно уже равнодушие с вашей стороны как в этом деле, так и во всех других <...> совершенно парализовало бы все те благие последствия, каких ожидали от революции*, и что событие, которое рассмат-

* Имелись в виду политические перемены в Польше в 1763—1764 гг., результатом которых стало избрание Станислава Августа на польский престол.

ривалось как источник благополучия для вашего отечества, произвело бы в последствии ряд неудовольствий для него, для короля, и лично для ваших светлостей»¹⁴⁷. Обращенное к Чарторыским предостережение Панина об опасности для них лично равнодушия к делу диссидентов дополнялось напоминанием и обо «всех других» делах, среди которых, наряду с вопросами о подтверждении договора 1686 г., о границе, о ликвидации Генеральной таможни, вставал и вопрос о российской гарантии государственного устройства Речи Посполитой. Вместе с тем руководитель русской внешней политики, хотя и в общих выражениях, но достаточно ясно намекал, что если требования России будут удовлетворены, то в Петербурге не будут препятствовать «благим последствиям революции» 1764 г., т. е. дальнейшему осуществлению реформаторских планов Станислава Августа и «фамилии». Примечательно, что, цитируя вышеприведенный отрывок письма Панина, С. М. Соловьев употребил в собственном переводе вместо глагола «парализовать» словосочетание «уничтожить в принципе»¹⁴⁸, что, на наш взгляд, изменило смысл панинского высказывания в том духе, что нежелание «фамилии» поддержать намерения России, повлекло бы за собой отмену тех преобразований, которые уже были проведены на сеймах 1764 г.

Как следует из донесений Н. В. Репнина, содержание рескрипта № 6 и других инструкций из Петербурга по диссидентскому делу, полученных послом 15 сентября, было им сообщено Станиславу Августу примерно спустя неделю, т. е. не ранее 21–22 сентября. До этого времени польский король оставался в неведении относительно подлинных намерений Петербурга и пытался выяснить их через Ф. Ржевуского и по мере возможности повлиять на содержание адресованных Репнину повелений. Свидетельством таких попыток стало письмо Станислава Августа своему послу в России от 17 сентября 1766 г.¹⁴⁹ Отвечая на донесения Ф. Ржевуского от 6 и 8 сентября (депеша польского посла были написаны, когда Екатерина II уже утвердила инструкции Репнину), польский король выражал удовлетворение данными Паниным обещаниями, что русские войска не будут двинуты в Польшу, что Репнину поручается согласовывать с ним свои действия, и просил Ржевуского, чтобы тот побудил Панина направить соответствующие инструкции русскому послу. Станислав Август возражал против намерения Репнина выступить на сейме сразу после избрания маршала, так как, по словам короля, это нарушило бы порядок сеймования, поскольку в начале должны обсуждаться экономические и военные материи, и предлагал отложить аудиенцию русского посла до третьей или четвертой недели из 6 недель сейма. Передавая свой разговор об этом с Репниным, Станислав Август писал, что, по словам русского посла, тот имеет весьма конкретные инструкции и не может отложить аудиенцию далее чем на 8 дней, и добавил (король приводит точные слова Репнина): «Если бы мне сначала даже не ответили, то я удвою повторительною нотою, а затем мой двор будет иметь время (до окончания сейма. — Б. Н.) принять окончательные решения, сообразно тому, какой я увижу оборот в здешних делах после моей аудиенции».

Приведенная в письме Станислава Августа к Ф. Ржевускому беседа польского короля с русским послом состоялась между 15 и 17 сентября 1766 г., после получения Н. В. Репниным рескрипта № 6 и других инструкций из Петербурга, о чем сам посол сказал королю. Тем не менее вопреки этим инструкциям, Репнин заявил Станиславу Августу, что мог бы отложить свое выступление на сейме на одну неделю. При этом посол ничего не сообщил Панину ни о состоявшейся беседе, ни о своей, хотя и небольшой, но весьма показательной уступке, что свидетельствовало

о желании Репнина не доводить дело до разрыва и оказывать поддержку Станиславу Августу, продемонстрировав возможность прийти к соглашению с королем.

По свидетельству В. Ф. Сольса к подобной уступке склонялся и Н. И. Панин, о чем шефа русской внешней политики просил в Петербурге Ф. Ржевуский. Прусский посол писал в Берлин 30 сентября, что Панин с раздражением вынужден был согласиться отложить выступление Репнина с декларацией на сейме, «чтобы дать время подготовить умы и разрешить сначала некоторые дела, относящиеся до экономического быта королевства»¹⁵⁰.

Со стороны Станислава Августа и «фамилии» перенесение аудиенции Репнина на вторую половину сейма, к чему польский король и стремился побудить Петербург, означало возможность прибегнуть у тому же маневру, что и на сейме 1764 г., и провести задуманные преобразования прежде, чем диссидентский вопрос будет обсуждаться на сейме, имея в виду, что принятые при конфедерации большинством голосов постановления сейма вступят в законную силу, поскольку такой сейм не мог быть сорван, независимо уже от итогов обсуждения диссидентского дела. В беседе с королем Репнин дал понять, что подобные намерения не являются для него секретом, и что он будет им противодействовать. Станислав Август в свою очередь сказал, что введение русских войск в Польшу может означать «кровавую катастрофу для диссидентов», с чем посол согласился, но ответил, что инструкции, тем не менее, повелевают действовать именно таким образом. Судя по письму Станислава Августа, он все же считал, что позиция Репнина в большей степени соответствует планам польской стороны, или же что, по крайней мере, здесь в Варшаве с помощью уговоров удастся склонить русского посла к дополнительным уступкам. Поэтому Репнину, как писал король, следует предоставить больше свободы для совместных маневров, что «сеймом нельзя командовать, как полком».

Решительное объяснение Н. В. Репнина со Станиславом Августом и Чарторыскими по диссидентскому делу состоялось в двадцатых числах сентября. 25/14 сентября 1766 г. русский посол доносил Панину¹⁵¹, что «воспользовался приятными для короля повелениями» в письме от 2 сентября «о продолжении конфедерации и доставлении какого-либо государственного сбора на место дохода генеральной таможни», чтобы завести разговор об отношении короля и Чарторыских к диссидентскому делу.

Удовлетворение Станислава Августа позицией Петербурга по вопросу о конфедерации было связано с ожившей надеждой на задуманные варшавским двором реформы, что письмо короля Панину возымело действие, особенно, что в российской столице не возражали против замены Генеральной таможни на другую податъ, позволявшую сохранить достигнутый уровень государственных доходов Речи Посполитой. А это в свою очередь, с точки зрения польского двора, также свидетельствовало о благосклонности Екатерины II и Панина к намеченным в Польше преобразованиям.

Однако при этом Репнин «открыл его величеству всю пространность наших видов по диссидентскому делу, исключая только сенаторское и гетманское достоинство в отменность господствующей религии». Посол заявил, «что сие есть последнее наше слово, и что, если всего одного на нынешнем сейме не исполнят, командированы уже сорок тысяч войска на границы для подкрепления сих наших требований и для наказания тех, кои сему делу противиться будут, прибавя и то примечание, что когда уже силою единою может быть, к концу намерения нашего дойдем, то тогда, следовательно, за успех одного никому благодарны не будем, а может быть, и отменности, полагаемой теперь господствующей религии, уже в ту пору не сдела-

ем»¹⁵². Далее Репнин писал о впечатлении, которое его слова произвели на Станислава Августа. Король выпрашивал посла, действительно ли это непреложные требования России. При этом Репнину показалось, что король «опасается угрожать нацию тем, дабы не остаться после перед нею в славе, если мы удовольствуемся частью только, не исполняя наших угроз, и чтобы не понести попреку робости или согласия с нами против интересов своего отечества»¹⁵³. Из этого рассказа посла видно, что польский король сохранял надежду на демонстративный характер русских требований и опасался предстать перед сеймом, а в широком смысле и перед шляхтой не как глава народа, вынужденный уступить силе, а как подручный враждебной державы и орудие политики Петербурга. В заключение Станислав Август спросил, являются ли предъявленные требования окончательными и не будет ли выдвинуто дополнительных претензий по диссидентскому делу? На это Репнин пообещал королю, что в случае соответствующих решений сейма, Екатерина II будет ими полностью удовлетворена¹⁵⁴.

В разговоре о диссидентском деле с Чарторыскими, в котором Репнин повторил приведенные в беседе с королем доводы, посол «с удивлением» отметил «холодность, с коей они сие приняли», что заставило Репнина сомневаться в «подлинной серьезности их стараться в самой точности о совершенном исполнении сего дела». Тем не менее старые князья обещали содействовать исполнению требований России, хотя и указали. Что не видят способа удовлетворить их полностью и не могут поручиться за успех, поскольку это выше их сил. Разумеется, Репнин не забыл упомянуть о «бедствиях», которые ожидают «фамилию» в случае неудачи диссидентского дела¹⁵⁵.

В начале беседы с воеводой русским и канцлером литовским Репнин затронул вопрос о Генеральной конфедерации, который в значительной мере проливал свет и на отношение Чарторских к делу диссидентов. Оба князя были согласны с послом, что как их собственные интересы, так и необходимость удовлетворить претензии русского двора склоняют их к продолжению Генеральной конфедерации. Вместе с тем Чарторыские подчеркнули, «что нация сему продолжению весьма противна и в совершенную ненависть приведена быть может против короля, если то исполнится», однако они согласились с послом не только сохранить конфедерацию на сейме, но и в будущем, после его окончания¹⁵⁶. Несмотря на выраженное Чарторыскими согласие действовать совместно с Репниным в интересах России, сомнение русского посла относительно их подлинных намерений так и осталось не развеянным. «И по сему, — писал он, — я считаю весьма нужным то общее от вашего в. пр. к ним письмо, о коем я пред сим осмелился представить»¹⁵⁷. Следовало поэтому еще усилить давление на литовского канцлера и воеводу русского.

Упоминание вождями «фамилии» о «ненависти нации против короля» указывало на желание Чарторыских, в случае необходимости, возложить на Станислава Августа ответственность за исход сейма и его последствия, спасая тем самым собственные политические позиции в Речи Посполитой. Однако старые князья не могли не понимать, что такой шаг едва ли послужил бы гарантией сохранения их гегемонии среди шляхты. Разумеется, отдавал себе отчет в этом и Станислав Август. Еще более определенно свидетельствовало об этих опасениях обсуждение королем и Репниным тактических шагов в диссидентском вопросе.

Говоря о «приготовлении разумов» к выступлению Репнина на сейме, король и посол условились, что последний совместно с послами Пруссии, Дании и Англии обратился к примасу с просьбой о созыве формальной конференции с ними польского министерства, на которой было бы объявлено, «что наши высочайшие дворы

интересуются и требуют в силу трактатов восстановления греков и диссидентов во все их права и вольности как духовные, так и гражданские и что мы о точных намерениях наших государей письменно дадим знать самому сейму, а предупредительно оное министерству объявляем с просьбою, чтобы его величеству об оном донесено было»¹⁵⁸. Репнин договорился также со Станиславом Августом, что после официального доклада королю от министерства о демарше представителей заинтересованных держав король воспользуется этим поводом и созвет Сенатский совет для обсуждения диссидентского дела, а также «бедственных следствий оного в случае его неудачи». Такой шаг, по мнению Станислава Августа и Репнина, позволил бы воздействовать в нужном духе на земских послов, а также прояснил позицию каждого из сенаторов¹⁵⁹. Предложение созвать конференцию министерства с послами поддержали и Чарторьские¹⁶⁰.

Планы польского короля придать еще до открытия сейма официальный характер обсуждению диссидентского вопроса могли бы иметь двоякое значение. С одной стороны, его рассмотрение министерством и Сенатским советом позволило бы Станиславу Августу снять с себя долю ответственности за вынесение на сейм диссидентского дела, поскольку в этом случае формально предложения на сейм поступило бы от иностранных послов по воле сенаторов и министров, на что король дал бы только свое согласие. Вместе с тем при такой процедуре Репнин вынужден был предъявить ясно сформулированные требования еще до открытия сейма, что ограничивало бы возможности маневра для русского посла и, напротив, расширило бы их для польской стороны. Например, Сенат и министерство могли бы начать переговоры о времени аудиенции Репнина на сейме или же по содержанию предъявленных Россией требований, также можно было бы привлечь к обсуждению диссидентского дела и коллегия епископов и т. п. С другой стороны, Станислав Август должен был считаться и с той опасностью, что сенаторы и министры выступят против требований России, отвергнув их еще до сейма или же, что наиболее вероятно, оставят все вопросы на усмотрение короля, т. е. заранее возложат не него ответственность за последствия диссидентского дела. Наконец, такой исход открывал для оппозиции возможность, разумеется, при молчаливом согласии Чарторьских, просто сорвать сейм, заявив о неприемлемости уже предъявленных Россией требований и на этом основании призвав послов не приезжать в Варшаву. В такой же депеше от 25/14 сентября Репнин писал, что не исключает такой возможности, «чтоб от чрезвычайного упрямства все в начале еще сейма не разъехались, разорвав возмутительным образом как оной, так и конфедерацию».

Далее русский посол указывал и на другую возможность дипломатического торга между ним и польскими сенаторами и министрами, «что если Россия таковые требования делает (в диссидентском вопросе. — *Б. Н.*), то надлежит и у нее потребовать, чтобы она не токмо позволила, но и помогала республике в умножении войск и прочих авантажей, нужных для сей земли». Репнин не сообщил от кого он слышал подобное мнение. Однако посол считал достаточно важным донести о них в Петербург, хотя при этом и добавил, что «все оное только площадные речи, то я мимо ушей их пускаю, стараясь сколь возможно от оных удаляться»¹⁶¹.

Сомнение относительно планов Станислава Августа провести конференцию у примаса по диссидентскому вопросу выразил и Н. И. Панин, когда в депеше от 11 октября / 30 сентября «приметил» Н. В. Репнину, «чтоб сия конференция не могла никаким образом ослабить предписанного вам <...> поступка в рассуждении подаваемого от диссидентов на сейме мемориала»¹⁶². Однако в той же депеше шеф русской

внешней политики все еще выражал надежду на возможность разрешения диссидентского вопроса в угодном для Петербурга духе при поддержке польского двора и «фамилии». Панин сообщил Репнину об обращении к нему гданьского магистра в связи с намерением послов от Королевской Пруссии провести на сейме решение, дабы магистрат Гданьска наполовину состоял из католиков. В связи с этим послу поручалось действовать двумя способами. Сделать соответствующее представление польскому министерству, чтобы продемонстрировать поддержку диссидентам и оградить их «от насильств и утеснений» католиков. «Другое дело, — писал Панин, — если бы сей предмет мог бы приводить ко взаимности в пользу нашего главного диссидентского дела»¹⁶³, т. е., если будет получено согласие и на допуск диссидентов к общественным должностям.

Почти сразу же после переговоров со Станиславом Августом и Чарторыскими, выполняя свои договоренности с ними, Н. В. Репнин вместе с прусским, датским и английским послами отправился к примасу В. Лубеньскому, чтобы договориться с ним о конференции с польским министерством. Тот заявил, что сообщит о требовании послов Станиславу Августу, после чего король должен будет созвать Сенатский совет¹⁶⁴.

Однако в это время Репниным были уже получены от Панина депеша от 21/10 сентября и адресованное Чарторыским письмо, в которых говорилось о готовности Петербурга в случае отклонения русских требований «идти до самой крайности» и ввести войска в Польшу, чтобы наказать противников диссидентского дела. Сообщая о получении инструкций, Репнин доносил 1 октября / 20 сентября, что их содержание сообщено королю, а на следующий день будет передано Чарторыским, что назавтра назначено решительное объяснение со Станиславом Августом и его дядями. «И если, — писал Репнин, — точного обещания от них не получу, то прикажу генерал-майору Салтыкову приближаться для вступления в деревни противников, начиная епископом краковским как главным крикуном»¹⁶⁵. Таким образом, конференция с министерством и созыв Сената теряли всякий смысл, время для дипломатических маневров кончилось. В этой же депеше Репнин отмечал, что не доверяет Чарторыским и королю в деле диссидентов.

Отчет о решительном объяснении со Станиславом Августом и Чарторыскими Репнин отправил в Петербург 5 октября / 24 сентября 1766 г.¹⁶⁶, накануне открытия сейма. Он писал: «Наконец все сумнения мои по диссидентскому делу на короля и на князей Чарторыских превратились в неприятную и совершенную точность», — что разговор с воеводой русским и канцлером литовским состоялся в доме А. Чарторыского, куда Репнин поехал еще до объяснения с королем. Посол спросил старых князей, правда ли, что между ними и Станиславом Августом существуют разногласия, следствием чего стала несогласованность действий сторонников сторонников «фамилии» и клиентов короля на сеймиках, двойной выбор послов» и «вредные», по словам Репнина, инструкции сеймиков. Репнин подчеркнул, что в Петербурге «весьма желают» искреннего согласия Чарторыских с королем и того, чтоб они и далее «оставались в правлении дел». Посол передавал сказанные в ответ на это слова старых князей, «что они не думают и не думали независимо от короля партию в земле иметь»¹⁶⁷.

Однако далее Репнин заговорил не о диссидентах, как того можно было ожидать, и как следует из изложения депеши у С. М. Соловьева¹⁶⁸, а о планах увеличения численности войск Речи Посполитой. Чарторыские отвечали, что не имели таких намерений, а собирались только увеличить жалование войскам и, может быть, пополнить армию республики в замену переведенных в гвардию частей. А поскольку по пактам конвентам коронная и литовская гвардия находятся в исключитель-

ном распоряжении короля и не входят в состав армии, то численность ее в Речи Посполитой останется в пределах, установленных законом 1717 г. К тому же намеченная мера не представляет собой нововведения, а предусмотрена утвержденными на сейме 1764 г. пактами конвентами, постановления которых надлежит исполнить. Репнин возразил на это, что такое пополнение войск можно было бы провести и в будущем, на последующих сеймах и «что мнение нашего высочайшего двора то, что всякое прибавление войск республики в теперешнее время им будет бесполезно и вредно; бесполезно — понеже они его великого сделать не могут, а вредно — понеже претекст тем ревности соседей создадут». Для сведения Н. И. Панина посол сообщал, что, согласно пактам конвентам армию надлежало увеличить на 400 человек пехоты и 1600 человек кавалерии. «На сие, — писал Репнин, — канцлер литовский мне отвечал, что они всегда из дружеских намерений нашего высочайшего двора видели, что оной из Польши полезных себе союзников сделать желает, и для того, они рассуждают, что сие прибавление для одного вида нужно». Посол же отвечал, «что надо прежде начать сей союз теснее заключить и потом определить, какие полезности Россия и Польша из одного иметь могут»¹⁶⁹.

Начав разговор с Чарторыскими с вопроса о реформах в Речи Посполитой и о польско-русском союзе, Репнин не высказался прямо о запрете преобразований, упомянув только о возможной озабоченности соседей Польши. По вопросу о союзе слова посла можно было истолковать, скорее, в пользу готовности Петербурга заключить союз. Правда, о его содержании Репнин выразился крайне туманно, оставив на будущее вопрос, какие выгоды от него могли бы иметь Россия и Польша. Предваряя обсуждения диссидентской темы, посол попытался, намекая на возможность реформ в Речи Посполитой, подтолкнуть Чарторыских к смягчению своей позиции по отношению к российскому требованию сословного равенства для диссидентов.

Обратившись затем к главному предмету беседы — диссидентскому делу, Репнин настойчиво подчеркивал, что Петербург связывает именно с «фамилией» все свои надежды на разрешение диссидентского вопроса, что только по совету Чарторыских он до сих пор воздерживался посылать войска в имения К. Солтыка и И. Массальского. Посол просил князей, чтобы те «честное слово дали, не отвечая за успех, что они приложат все свои старания к доведению сего дела к желаемому концу во всей той пространности, как мы оное представляем, т. е. чтоб открыты диссидентам были все гражданские в судебных местах и часть в правлении дана была, допусая оных, хотя ограниченным числом, в достоинство земских послов на сеймы»¹⁷⁰. По сравнению с инструкциями из Петербурга, Репнин в разговоре с Чарторыскими пошел на дополнительную уступку, упомянув о возможности ограничить в сейме число послов-диссидентов, хотя в рескрипте № 6, напротив, говорилось, что от ряда воеводств со значительным диссидентским населением треть послов на сейм должна быть от некатоликов. Правда, предлагая ограничить число послов-диссидентов, Репнин не отступал принципиально от наставлений из Петербурга, поскольку в них предусматривалось на крайний случай вообще отказаться от участия диссидентов в сеймах.

Тем не менее на все предложения Репнина Чарторыские ответили твердым отказом, заявив, «что сего слова дать не могут и трудов своих употребить не в состоянии во вредном их отечеству деле». Когда же русский посол напомнил им о ранее данных обещаниях, канцлер литовский и воевода русский сказали, «что они тем никогда иного не разумели как единую толеранцию» (sic) и что и сейчас они готовы добиваться на сейме установления веротерпимости для диссидентов¹⁷¹. В заключение Репнин прибег к

угрозам, на что Чарторьские отвечали, что готовы терпеть «разорения и все бедствия», но не в силах исполнить предъявленные русским послом требования¹⁷².

Как писал Репнин Панину, в тот же день, после разговора с Чарторьскими, он побывал и у Станислава Августа. Беседа посла с королем прошла в точности также, как и с его дядями¹⁷³. Однако, чтобы не доводить дело до крайности, Репнин предложил Станиславу Августу отложить окончательный ответ до следующего дня, а когда наутро король вновь повторил сказанное накануне, Репнин, «видя струны, столь туго натянутые, что необходимо совсем порваться должны, если их в той же твердости далее оставить», якобы от своего имени посоветовал Станиславу Августу обратиться к Екатерине II с предложением предоставить диссидентам право занимать общественные должности, но без участия в сейме и Сенате. Репнин писал далее, что такое обращение короля к императрице сыграет роль письменного обязательства провести на сейме диссидентское дело и вместе с тем в этом случае Петербург, внешне соглашаясь на предложения польской стороны, сохранил бы возможность при удобном случае выдвинуть дополнительные требования¹⁷⁴.

Разгадав маневр Репнина, Станислав Август согласился написать письмо Екатерине II, но в нем предлагал только установление веротерпимости, одновременно представляя свою прежнюю позицию как шаг навстречу русским требованиям, предпринятый по совету русского посла. Когда Репнин вечером того же дня познакомился с письмом Станислава Августа в Петербург, он с раздражением сказал королю, что «не то ему советовал», что императрица, «как теперь, так и впредь будет видеть в Республике Польской союзника себе и друга и благосостояния ее всегда желать станет, но в тех, в каждом особо, кои противны будут диссидентскому делу, не может она иного видеть, как злодеев той самой республики, ее покоя», а также и собственных врагов. В заключение русский посол заявил, что, сколь бы это ни было оскорбительным для польского короля, он должен «дать возчувствовать самым делом гнев ее имп. в-ства тем, кои сами о своем благосостоянии не берегут»¹⁷⁵. В результате переговоров со Станиславом Августом и Чарторьскими Репнин окончательно пришел к выводу, что «никакой надежды не осталось представлениями и угрозами предупредить в диссидентском деле, как то мне, — писал посол, — высочайше повелено»¹⁷⁶.

Взаимоотношения Петербурга и господствующей в Варшаве магнатской группировки накануне сейма 1766 г. показали, что декларируемая главная цель русской политики в Польше — разрешение диссидентского вопроса оказалась недостижимой. Станислав Август и «фамилия» соглашались на установление веротерпимости, что было постановлено королем и Н. В. Репниным еще в конце 1765 г., нашло отражение в рескрипте № 6 и в переговорах русского посла с вождями «фамилии», так и не было дополнено договоренностями о светских правах для диссидентов, несмотря на день ото дня возрастающий нажим Петербурга.

Твердое сопротивление короля и Чарторьских требованию допустить иноверцев к гражданским должностям, хотя бы и без их представительства на сейме, объяснялось негативным отношением католической шляхты к равноправию диссидентов, что представляло собой реальную угрозу политическому влиянию «фамилии». Король и Чарторьские должны были принимать в расчет, что оппозиция, используя лозунги защиты веры и «золотой вольности» сможет привлечь шляхту на свою сторону. В этом случае на долю «фамилии» выпадала бы незавидная роль открытых проводников политики России.

Такое положение было особенно неприятным в той ситуации, когда Петербург не только не давал никаких определенных обещаний по поддержке реформаторских планов короля и Чарторыхских, но и постоянно делал заявления, которые вполне могли бы быть истолкованы в пользу противников двора и «фамилии». А на все прямые вопросы поляков Екатерина II и Н. И. Панин отвечали, что возможные выгоды для Польши могут быть рассмотрены только после полного восстановления иноверцев в сословных правах.

Однако Репнину так и не удалось совершенно уклониться от обсуждения проблемы реформ и вопроса о заключении польско-русского союза. Он вынужден был заявить о несвоевременности и «вредности» планов увеличения численности польских войск, поскольку это может вызвать обеспокоенность и сопротивление со стороны «соседей» Речи Посполитой. По вопросу о союзе посол изложил весьма странную позицию, согласно которой Россия выражала готовность заключить союз, чтобы в последствии договориться с польской стороной о его содержании. Наконец, принципиально важная для Петербурга проблема российской гарантии государственного строя Польши оставалась так и не затронута в переговорах с королем и «фамилией», за исключением глухого упоминания в письме Панина к Чарторыхским.

Таким образом, накануне сейма российская дипломатия в Польше оказалась вынуждена делать ставку на «фамилию», Станислава Августа и королевских сторонников, которые, несмотря на отдельные внутренние разногласия выступали единым лагерем, при этом их позиция никак не была согласована с русским двором. По существу же накануне сейма окончательно определилось, что правившая в Варшаве магнатская группировка ни коим образом не может рассматриваться как «русская партия». С этой точки зрения, сохранение Генеральной конфедерации под контролем Чарторыхских утрачивало всякий смысл. В связи с чем в депеше о своем решительном объяснении с польским королем Репнин делает весьма красноречивые примечания об 11 тыс. червонцев, выданных Станиславу Августу для проведения сейма, «а теперь, — отмечал посол, — я в беспокойстве нахожусь по сим издержкам»¹⁷⁷. В следующем постскрипту к депеше от 24 сентября / 5 октября Репнин задавал вопрос: «Как теперь обстоятельства по несчастью совсем переменялись, то я ожидать буду <...> решительных повелений по поводу Генеральной конфедерации: стараться ее перервать или содержать?»¹⁷⁸ Утратив всякую надежду на поддержку русских требований в диссидентском вопросе со стороны Станислава Августа и «фамилии», Репнин вместе с тем признавал невозможность использовать в интересах Петербурга оппозиционный польскому королю и Чарторыхским политический лагерь.

VIII

Определенные затруднения для российской политики в диссидентском вопросе накануне сейма 1766 г. создавала позиция Пруссии. Впервые тезис о двуличии Фридриха II в деле о равноправии диссидентов был обоснован С. М. Соловьевым, который без указания даты привел отрывок из письма прусского короля, в котором тот предписывал своему резиденту в Варшаве скрыто противодействовать русским усилиям, подчеркивая, что он, король, вопреки официальным заявлениям, вовсе не будет огорчен, если диссидентское дело окончится неудачей¹⁷⁹. С. М. Соловьев объяснил такое поведение Берлина опасениями, что кризис в Польше может по-

влекать за собой нежелательное обострение международной ситуации в Европе в целом, а также сопротивлением Фридриха усилиям России по созданию «северной системы». Мнение, высказанное С. М. Соловьевым, было воспринято впоследствии российской историографией как доказательство прусской враждебности интересам и политике России. Однако вопрос этот нуждается в более детальном анализе. До августа 1766 г. диссидентская тема не занимала заметного места в переписке Фридриха II и прусского министерства со своими представителями в Варшаве и Петербурге. Так. В начале 1766 г. прусский король просто оставил без ответа сообщения Сольмса о планах России в диссидентском вопросе¹⁸⁰. И даже когда 5 марта 1766 г. Г. Бенуа настоятельно сообщал королю свое мнение, что диссидентский вопрос неизбежно приведет к гражданской войне в Польше¹⁸¹, Фридрих II в ответе ему от 12 марта 1766 г. ограничился тем, что назвал достижение свободы вероисповедания для диссидентов общим делом России и Пруссии¹⁸², не упомянув, однако, о гражданском равноправии иноверцев. В ответ на депешу Сольмса из Петербурга с изложением плана Н. И. Панина по диссидентскому вопросу он одобряет намерения России придвинуть войска к границам для устрашения поляков и обещает послать инструкции Бенуа действовать в согласии с русским послом в Варшаве и представить сейму декларацию, аналогичную российской¹⁸³.

В этот период беспокойство прусского министерства вызывали только реформаторские планы Станислава Августа. Так 2 августа 1766 г. К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали В. Ф. Сольмсу в связи с опубликованием в Варшаве универсала о созыве сейма, что нельзя доверять уверениям поляков «о нежелании делать сколько-нибудь существенные перемены» без согласия русского и прусского дворов, и выражали озабоченность, что Репнин не получил еще из Петербурга конкретных инструкций¹⁸⁴.

Ситуация изменилась в самом начале августа, когда в Берлине была получена депеша Сольмса от 18 июля 1766 г. В ответ 4 августа 1766 г.¹⁸⁵ Фридрих II писал своему послу, имея в виду переговоры Ф. Ржевуского в российской столице, «что русский министр (Н. И. Панин. — *Б. Н.*) поступает с поляками слишком деспотично и слишком строго». По словам прусского короля, проведение диссидентского дела военным путем повлечет за собой большие неприятности, как только русские войска будут выведены из Польши, а это рано или поздно придется сделать. Поэтому Пруссия постарается не вмешиваться в решение диссидентского вопроса. Говоря об ожидаемых неприятностях, Фридрих II имел в виду усиление австрийской враждебности, возможность поддержанной Веной антирусской конфедерации и о гражданской войне в Польше, чем бы Австрия непременно воспользовалась. Свое письмо он закончил словами: «Мне кажется, что эти соображения заслуживают некоторого внимания России», что недвусмысленно указывало, что содержание депешы было доведено Сольмсом до сведения Н. И. Панина, а через него и Екатерины II.

Ответ петербургского двора на увещания Фридриха II, сделанные через Сольмса, содержался в депеше прусского посла от 22/11 августа 1766 г., полученной в Берлине 5 сентября¹⁸⁶. В ней позиция русского правительства в отношении дела диссидентов была изложена так же, как она предстала в инструкциях Репнину. Сольмс писал, что Н. И. Панин не считает вопрос о свободе вероисповедания для диссидентов предметом переговоров с Польшей, требования в этой области должны быть удовлетворены сеймом безусловно. Вопрос же о гражданских правах может быть обсужден, но при этом Панин полагает, что надо добиваться большего, чтобы по-

том пойти на уступки. Поэтому шеф русской внешней политики предлагал не включать в декларации русского и прусского дворов по диссидентскому делу все требования, которые будут представлены на аудиенции на сейме, в первую очередь вопрос о доступе иноверцев к общественным должностям. Говоря о прусской декларации, Панин не настаивал, чтобы она была составлена в тех же выражениях, что и российская, лишь бы Фридрих II согласился «сохранить смысл ее и не касался в ней ничего другого, кроме восстановления прав диссидентов».

По сути дела, только в вопросе о редакции декларации содержалось едва заметное и тем более унижительное для Пруссии движение навстречу пожеланиям Фридриха II. Поскольку Панин совершенно сознательно игнорировал опасения прусского короля, во-первых, относительно последствий уравнивания диссидентов в сословных правах с католиками и, во-вторых — в связи с возможными и крайне нежелательными для Берлина реформами государственного устройства Речи Посполитой.

Это, несомненно, ощущал Сольмс, писавший далее, что тон русского двора по отношению к Польше представляется «немного суровым и, по выражению вашего в-ства, даже несколько деспотическим». В связи с чем прусский посол пустился в рассуждения, что в России чувствуют свою силу и поэтому позволяют себе высокомерие по отношению к другим дворам, хотя Екатерина II не корыстолюбива и стремится прославиться, будучи полезной своим друзьям.

После такого панегирика русской политике, за строками которого вполне прозрачно угадываются рассуждения самой императрицы и Н. И. Панина, Сольмс перешел к изложению ответов на наиболее существенные вопросы Фридриха II: а) русские войска в Польше контролируют положение в стране; б) даже если они будут выведены после окончания сейма и роспуска Генеральной конфедерации, их можно будет ввести вновь; в этом случае в течение недели Смоленская дивизия, поддержанная войсками в Лифляндии и на Украине, будет в Варшаве (что такой план существовал в действительности, свидетельствует переписка Репнина с Паниным в ноябре 1766 г.); в) в России не опасаются вмешательства Австрии в польские дела, как и попыток поляков найти поддержку в Вене, а если в Варшаве и пойдут на «прямой разрыв с Россией», что мало вероятно, то последняя, как пишет Сольмс, «будет в состоянии отомстить им самым чувствительным для них образом».

Как показали последующие события, опасения прусского короля были гораздо более обоснованы, нежели самоуверенность Петербурга. Вместе с тем довольно демонстративное игнорирование Екатериной II и Н. И. Паниным мнения своего ближайшего союзника свидетельствовало не только о том, что в Петербурге нередко недоставало дипломатического такта, но и о нежелании России, чтобы участие Пруссии в диссидентском деле выходило за сугубо декларативные рамки, и, более того, намеренно подталкивали Фридриха II занять позицию фактического невмешательства.

Обеспокоенность и недовольство Берлина ситуацией в Польше и опасной, как казалось Фридриху II, настойчивостью русской дипломатии в деле диссидентов усугублялась донесениями, приходившими из Варшавы. 6 августа 1766 г. Г. Бенуа писал прусскому королю об усилиях Н. В. Репнина «приобрести друзей», чтобы с их помощью повлиять на решения польских сеймиков и на содержание инструкций депутатам сейма. По словам прусского министра, Станислав Август «и его совет» поддаются давлению из Петербурга и поддерживают предлагаемые меры, «поддерживают даже в том случае, если говорят, что нельзя будет настаивать в дополнение

к свободе богослужения провести диссидентов в члены трибуналов и в Сенат»¹⁸⁷. Сообщая о готовящейся поездке в Петербург одного из вождей польских диссидентов А. С. Гольца, Бенуа писал, что тот намерен представить в российской столице требования диссидентов и добиться от русской императрицы согласия на использование русской армии в их поддержку¹⁸⁸. «Тем временем, — продолжал Бенуа, — духовенство через своих людей проповедует по всей Польше в защиту веры, изображая опасность, в которой находится религия таким образом, чтобы это дело (диссидентов. — Б. Н.) повлекло за собой как можно более беспорядков»¹⁸⁹. В заключение прусский посол сообщил о намерении Репнина выступить с декларацией на сейме и что русский министр хотел бы, чтобы Фридрих II позволил своему министру такой же демарш. В связи с этим предложением Репнина Бенуа писал: «Я ему представил дружески, что это произвело бы взрыв, который абсолютно повредил бы достоинству наших государей. Такой шаг должен быть непосредственно поддержан армией, которая имела бы приказ действовать, что без этого оставалось бы только смеяться над нами и чтобы столь серьезный демарш не стал бы просто шуткой»¹⁹⁰.

Прусский посол не мог пойти на это без инструкций из Берлина и просил «непосредственных повелений относительно формальных совместных действий» Фридриха II и Екатерины II¹⁹¹. Упоминания о непосредственных повелениях указывало, что Бенуа ожидал инструкций лично от прусского короля, а не от кабинет-министров.

Депеша Бенуа встревожила Берлин, ибо свидетельствовала об опасности беспорядков в Польше вследствие диссидентского дела, об угрозе военного вмешательства России в дела шляхетской республики, что, с точки зрения Пруссии, могло бы привести к большой войне. Дополнительным поводом для опасений Фридриха II служили известия прусского посла о готовности польского двора уступить русским требованиям, ибо за этим могло бы скрываться согласие Петербурга на некоторые реформы в Речи Посполитой. Тем не менее 17 августа 1766 г., отвечая Бенуа, Фридрих II предписал своему послу выполнить все пожелания России относительно декларации Пруссии в пользу диссидентов и одновременно подтвердил свое нежелание непосредственно вмешиваться во внутренние конфликты в Польше, которые могут стать следствием попыток России решить диссидентский вопрос военным путем. Обеспокоенность Берлина выразилась только в поручении Бенуа «вежливо сообщить князю Репнину», что единственная забота Пруссии — это сохранение мира и что он, король, убежден, что к этому устремлены и мысли императрицы, и «поэтому ему было бы очень приятно, если она не будет толкать к определенной точке дела так называемых диссидентов и не даст повода к новой войне из-за такого ничтожного предмета»¹⁹².

Эти инструкции прусского короля были отправлены в Варшаву вслед за королевским письмом Сольмсу от 4 августа, в котором Фридрих II предостерегал петербургский двор от «чрезмерно строгого и деспотического» поведения в отношении Варшавы. Как и в повелениях Сольмсу, в инструкциях, адресованных Бенуа, главным пунктом опасений прусского короля была угроза войны, которая могла бы возникнуть вследствие кризиса, вызванного желанием России уравнивать диссидентов в словных правах с католиками.

Наиболее полно отношение Берлина к русско-прусскому союзу в сентябре 1766 г. нашли отражение в депеше В. Ф. Сольмса от 9 сентября / 29 августа¹⁹³ и в ответе на нее Фридриха II от 25 сентября. Принимая во внимание взаимное недовольство союзников из-за ситуации в Польше, прусский посол решил в письме своему государю

охарактеризовать политику России, «единственная цель» которой, по мнению Сольмса, — «играть главенствующую роль среди государей Европы». «Учитывая слабость Швеции, нерегулярность Польши и, да будет мне позволено добавить, — рассуждал посол, — малую вероятность заинтересованности Пруссии прийти к соглашению с Россией, последняя могла бы обойтись без всякой тесной связи с какой-либо из европейских держав». Примечательно, что, с точки зрения Сольмса, государство Фридриха II не имело особой заинтересованности в союзе с Екатериной II. Далее министр указал, что «удаление сил (Российской) империи из сердца Азии, потребность усилить ее международными союзами таким образом, чтобы иметь в ней самой все необходимое для ее сохранения и для ее защиты, наличие в ней, помимо того, производства, в котором нуждаются другие нации, — в силу этого Россия была бы всегда востребована, без необходимости искать других. И это была бы, если так это рассматривать, единственная империя в целом свете, которая могла бы быть самодостаточной и поддерживать себя на своей собственной основе». Именно упомянутая «самодостаточность», по мысли Сольмса, и объясняла незаинтересованность Пруссии в союзе, поскольку не позволяла привязать Россию к собственным политическим интересам. Однако далее, вопреки предыдущим соображениям, посол обосновывал мысль, что согласие Берлина и Петербурга, тем не менее, выгодно для Пруссии. Он писал: «Существует лишь одно опасение тех, кто правил со времен Петра I, что Россия будет возвращена к старому варварству. Опасение это побудило их не оставаться в бездействии, но объединиться с европейскими нациями, чтобы научиться быть похожими на них, будучи по этой причине вынужденными присоединиться к судьбе какой-либо иностранной системы». Таким образом, по мнению Сольмса, участие России в европейской системе союзов продиктовано не столько интересами собственной безопасности, сколько стремлением ее правящих кругов занять подобающее место среди великих держав, более того — играть среди них главенствующую роль.

В этой ситуации прусский министр полагал, что Фридрих II мог бы с выгодой для себя использовать политику России. «Я, — писал Сольмс, — имел возможность убедиться, залогом чего служит настоящее правительство (России), что теперешняя система императрицы не основывается на духе завоеваний и на идее расширения, но она претендует на то, чтобы блистать в мировой истории, благодаря славе, что она поддержала спокойствие самой большой страны в Европе своим влиянием в делах, что она уравнивала своим участием политическую систему, которую она поддержала». Какую же политическую систему имел в виду прусский министр? Обращаясь к Фридриху II он утверждал, «что поскольку нынешняя государыня предпочитает прусского государя, государю австрийского дома, то ваше величество нашло бы там столько преимуществ и столько собственного интереса, что, как вы, ваше величество, мне писали в непосредственных депешах, вы предпочитаете реальный союз с Россией союзу с любой другой державой. Я полагал, — писал Сольмс, — что было бы очень важно сохранить этот союз и что с этой целью ваше величество не должны жалеть ни любезности, ни лести для двора, который только этого и требовал и который такой ценой мог бы быть однажды приведен к счастливой иллюзии, что в его собственных интересах было бы требовать союза обеих империй».

Итак, с точки зрения прусского министра, значение русско-прусского союза для Фридриха II состояло в первую очередь в поддержании баланса сил между Австрией и Пруссией и в сохранении последней в качестве великой державы. Заинте-

ресованность Берлина заключалась еще и в том, чтобы с помощью России достичь примирения с Веной и тем самым избавиться от роли младшего партнера в отношениях с Петербургом. Ценой такой комбинации, о чем, правда, Сольмс деликатно умалчивал, должно было стать признание российского господства в Швеции и в Польше. Прусский король вполне разделял мнение своего посла, ответив ему, что «союз с Россией для него более ценен, чем все прочие»¹⁹⁴. Разумеется, рассуждения Сольмса нельзя назвать вполне дальновидными, однако в них определенно прозвучало желание не осложнять отношения с Россией из-за польских дел, а главное — впервые высказанная надежда на установление со временем австро-пруско-российского согласия.

Позиция Пруссии в свете переписки Фридриха II со своими послами представляется по отношению к России вполне откровенной и лояльной. Однако нежелание Петербурга принять во внимание обоснованные соображения своего ближайшего союзника, выразившиеся в ответе Панина Сольмсу, и побудило Фридриха II пойти на тайное противодействие политике России, что и отразилось в приведенной С. М. Соловьевым инструкции Бенуа от 11 сентября 1766 г.¹⁹⁵ Одновременно Фридрих II упорно настаивал на своем нежелании усилить прусское вмешательство во внутренние дела Польши в интересах диссидентов¹⁹⁶.

Неудача диссидентского дела, с точки зрения Пруссии, могла бы предотвратить кризис, которого так опасались в Берлине, и тем самым послужить на пользу обоим союзникам. Инструкция Бенуа поэтому вовсе не свидетельствует о двуличии и тем более враждебности прусской дипломатии по отношению к России, а отражает лишь эпизодическое частное противоречие, возникшее между двумя странами в результате недальновидной позиции, занятой правительством Екатерины II. Это подтверждает и то, что вплоть до конца 1766 г. Пруссия оказывала полную официальную поддержку всем мерам русского правительства в интересах диссидентского дела и вместе с тем не переставала предостерегать Петербург относительно опасности обострения кризиса в Польше.

Осложнения в русско-польских отношениях оказало влияние и на контакты в Варшаве между Н. В. Репниным и Г. Бенуа. Вплоть до конца сентября 1766 г., когда прусским послом были получены инструкции из Берлина, тот уклонялся от совместных действий с Репниным, сосредоточив свое внимание исключительно на вопросе об отмене Генеральной таможни. 15 сентября в русском посольстве при посредничестве Репнина состоялась встреча между польскими канцлерами и Г. Бенуа, на которой прусскому послу «от имени короля и сената» было обещано выполнить требование Берлина об отмене таможни, вместо которой предполагалось ввести сборы с пива и вина¹⁹⁷. Хотя это решение и представляло собой капитуляцию польского правительства перед прусским и российским диктатом, оно было представлено как компромисс, достигнутый при посредничестве Петербурга, ибо предусматривало за счет введения винных податей известную компенсацию в государственных доходах Речи Посполитой. В связи с соглашением по таможенному спору, достигнутым между канцлерами и Бенуа, Станислав Август писал в Петербург Ф. Ржевускому: «В общем я считаю возможным надеяться, что, так как мы решились исполнить данные нами императрице (Екатерине II. — *Б. Н.*) обещания касательно короля прусского, то и ей нетрудно будет оградить нас от всяких придинок с его стороны, тем более, что мы отнимаем у него всякий предлог»¹⁹⁸. В этих словах польского короля угадывалась надежда, что российский двор воспрепятствует вмешательству Пруссии в ход

предстоящего сейма в особенности в том случае, если польскому правительству удалось бы получить согласие Петербурга на задуманные преобразования. Для Репнина же урегулирование таможенного спора означало, с одной стороны, что на сейме дело это пройдет без затруднений, а с другой — что устранено еще одно препятствие для привлечения Пруссии к разрешению диссидентского вопроса.

22/11 сентября русский посол направил Н. И. Панину полученный от Бенуа текст прусской декларации по делу диссидентов¹⁹⁹. Одновременно он доносил, что прусский посол известил его о получении инструкций из Берлина относительно своей аудиенции на сейме. Однако Репнину показалось, что Бенуа «в сем колеблется, ища затруднений (от себя ли или по тайному повелению своего двора, — писал русский посол, — того не знаю), говоря, что тяжело будет в церемониях согласиться <...> однако я стану его склонять к оной сколь возможно, ибо важность и сила в публике сие б много придало диссидентскому делу»²⁰⁰. Затруднения в церемониях, на которые ссылался Бенуа, состояли в том, что еще со времен саксонской династии в Польше прусский резидент в Варшаве не имел ранга полномочного министра, поскольку таким статусом обладал прусский посол в Дрездене. После избрания на престол Станислава Августа статус Бенуа изменен не был, а соответствующие официальные функции возлагались на специально направляемых из Берлина послов в Варшаву, как это было в случае признания Станислава Августа или же переговоров по таможенному делу. Поэтому резидент Бенуа не мог претендовать на аудиенцию на сейме наравне с Репниным, датским и английским послами или же папским нунцием. А выступать на сейме как министр второго ранга прусский представитель не желал, справедливо усматривая в этом умаление достоинства прусской короны. В сентябре 1766 г. Бенуа воспользовался этим обстоятельством для того, чтобы подчеркнуть незаинтересованность Пруссии в проведении диссидентского дела, при этом Репнин вполне обоснованно заподозрил, что за действиями прусского резидента стояли тайные намерения Фридриха II.

Такая тактика Берлина не осталась скрытой от Петербурга. Еще 21/10 сентября, до отправления приведенной выше депеши Репнина из Варшавы, Панин предписывал русскому послу в Польше действовать «в теснейшем согласии» с Бенуа, а если тот будет ссылаться на недостаток инструкций, то следовало добиваться, чтобы он запросил их в Берлине, как писал руководитель русской внешней политики: «по точной силе принятых в том его прусским величеством особых с нами обязательств»²⁰¹. Тон панинской депеши, скорее, указывал на намерение оказать давление на Фридриха II, чем на стремление разрешить возникшие разногласия в духе взаимопонимания и доверия, о которых столь охотно рассуждали Екатерина II, прусский король и их официальные представители. Именно так и расценил рекомендации Панина Репнин, когда 1 октября / 20 сентября 1766 г. отправил русскому послу в Берлине Владимиру Долгорукову письмо с просьбой «истребовать повелений» для Бенуа действовать в согласии с русским посольством²⁰². С требованием согласованных действий, а по сути в соответствии со своими предписаниями, российский министр обращался к Бенуа до тех пор, пока тот не написал Фридриху II и не сообщил Репнину, что изложил своему государю все те представления, которые содержались в письме к В. С. Долгорукову²⁰³.

Во время своего «решительного объяснения» со Станиславом Августом Репнин, убеждая польского короля удовлетворить требования Екатерины II, конфиденциально

заявил тому, «что неудача в диссидентском деле может вовлечь сюда (в Польшу. — *Б. Н.*) не только наши войски, но и прусские. Однако сие столь же мало помогло, как и прочие мои представления», — заключил посол (PS к депеше Н. В. Репнина — Н. И. Панину от 5 октября / 24 сентября 1766 г.)²⁰⁴.

Описанный эпизод достаточно наглядно отразил атмосферу прусско-российских отношений накануне сейма 1766 г. Обращение Репнина к Долгорукову не могло быть расценено иначе, как неприкрытый нажим, поскольку русский посол в Берлине никогда не играл заметной роли в отношениях Фридриха II с русским двором. Упоминание Н. В. Репниным в разговоре со Станиславом Августом о возможном вмешательстве прусских войск в польские дела было весьма симптоматичным.

Слова эти имели свою предысторию. Еще в депеше от 18/7 сентября русский посол сообщал Панину, что для давления на поляков он намерен, не говоря об этом открыто, использовать угрозу образования диссидентской конфедерации, а «также с крайнюю осторожностью внушать <...> опасность, чтоб прусский король действием в диссидентское дело не вмешался»²⁰⁵. В инструкциях из Петербурга, отправленных двумя днями позже, шеф русской внешней политики назвал диссидентский вопрос «делом такого свойства», что может повлечь за собой вступление в Польшу «войск обоих соседних дворов, нашего и берлинского»²⁰⁶. Таким образом, мысль прибегнуть к такому шантажу возникла одновременно и независимо друг от друга у Репнина и Панина. Трудно сказать, стояло ли за ней нечто большее, чем желание просто запугать Станислава Августа и Чарторыхских, однако само предположение о военном участии Пруссии во внутренних польских делах, с одной стороны, явно противоречило постулату польской политики Петербурга об исключении влияния третьих стран на ситуацию в Речи Посполитой, а с другой — таило опасность раздела страны, когда бы одна ее часть находилась под русским, а другая — под прусским военным контролем. Однако посол и министр рассматривали свои слова не только как пустую угрозу, ибо уже в ближайшее время вопрос об использовании прусских войск в Польше стал для Берлина и Петербурга предметом весьма неприятного обсуждения. Наконец, спокойствие польского короля в ответ на слова Репнина, могло означать, что скрытое противодействие Бенуа делу диссидентов возымело свое действие и что варшавский двор мог обоснованно надеяться в этом вопросе на прусское невмешательство.

Не в последнюю очередь трения в русско-пруссских отношениях накануне сейма 1766 г. были связаны с активизацией контактов России и Саксонии в связи с планами Н. И. Панина по образованию так называемой «северной системы». Однако оживление отношений с Дрезденом для русского двора имело и иное значение. Демонстрируя готовность принять во внимание саксонские интересы в Польше, русская дипломатия рассчитывала таким образом привлечь на свою сторону магнатов-сторонников саксонской династии из оппозиционного Станиславу Августу и «фамилии» политического лагеря. Поводом для этого стал вопрос о предоставлении владений для саксонских принцев в Польше.

Еще во время коронационного сейма 1764 г. Н. В. Репнин доносил Н. И. Панину²⁰⁷, что саксонский посол в Варшаве обратился к сейму с требованием предоставить саксонским наследникам покойного Августа III принцам Ксаверию и Карлу имения в Польше в качестве компенсации за утраченные королевские доходы. Основанием для этого служили пакты-конвенты Августа III. Вопреки этому, новое польское прави-

тельство, ссылаясь на 23 статью договора короля и республики, где говорилось, что саксонский курфюрст, обладая богатыми наследственными землями, не будет претендовать на доходы со своих польских владений, отклонило это требование. В связи с чем Панин сделал резолюцию, что «не можно думать, чтоб саксонские принцы учинили какие-либо претензии на Польшу»²⁰⁸.

Однако, вопреки ожиданиям шефа русской внешней политики, претензии Дрездена получить земельные владения в Польше в качестве компенсации для саксонских принцев выдвигались и позже, в 1765–1766 гг. Главным мотивом таких действий со стороны Саксонии было желание сохранить хотя бы минимальное влияние на политику Речи Посполитой и на магнатов-сторонников династии Веттинов.

Накануне сейма 1766 г. эти усилия саксонского двора были возобновлены с приездом в августе в Варшаву по дороге из Вены в Дрезден принца Карла, который встретился в польской столице со своим послом и посетил по пути некоторых магнатов²⁰⁹. Предшествовавшее посещение принцем Вены было также весьма многозначительно, по крайней мере оно свидетельствовало, что содержание бесед Карла в Польше было согласовано с австрийским двором. Сразу вслед за этим А. Ф. Эссен посетил Н. В. Репнина и сообщил ему, что в Петербурге одобрили предоставление уделов саксонским принцам. Русский посол запросил инструкции по этому поводу²¹⁰. Тем временем саксонская активность в Польше усиливалась. 8 сентября / 28 августа Репнин писал Панину, что саксонский двор начинает «через прежних своих друзей здесь стараться, чтоб известный удел определен был на сейме двум большим их князьям», ссылаясь на согласие Екатерины II. В ответ магнатам, спрашивавшим об этом Репнина, посол говорил, что не имеет повелений «никаких домогательств делать», но знает только, «что двору нашему противно то не будет»²¹¹. Тем самым, еще до получения инструкций русский посол дал понять представителям «саксонской партии», что готов пойти навстречу их пожеланиям.

Указания Панина прозвучали двойственно. Шеф Коллегии иностранных дел написал 21/10 сентября, что дело это следовало оставить на усмотрение Станислава Августа, продемонстрировав доброжелательность к Саксонии «таким генеральным образом единственно для того, чтоб дрезденский двор содержать en bonne humeur в рассуждении нас по правилам политики касательно до короля прусского»²¹². Тем самым Панин, с одной стороны, намеренно собирался затронуть чувствительные струны прусской политики, наперед зная с каким раздражением будет воспринят в Берлине еще один знак сближения Петербурга и Дрездена, а с другой — предоставлял право решения Станиславу Августу, чтобы еще раз подчеркнуть свое доверие польскому королю в расчете на его содействие в диссидентском вопросе. 29/18 сентября Репнин писал, что в беседе с Эссеном он объявил саксонскому послу о согласии России на удовлетворение просьбы саксонских принцев предоставить им уделы в Польше²¹³, что означало и согласие польского короля. Станислав Август надеялся таким образом смягчить сердца сторонников саксонской династии и по возможности склонить их к поддержке проектов польского двора на сейме.

По-иному российско-польское сближение в преддверии сейма 1766 г. и перспективы развития ситуации в Польше предстают в депешах А. Ф. Эссена. 1 января 1766 г. посол доносил саксонскому первому министру К. Флеменгу: «Очевидно, что Россия хочет иметь польского короля в качестве вассала, который добром или по принуждению будет содействовать осуществлению ее дальнейших планов. Это должно по-

вредить его положению и вынудить его в этой ситуации всей своей властью служить России»²¹⁴. Говоря о перспективах польско-русского союза и «северной системы», Эссен утверждал: «Я не сомневаюсь, что при следующей войне России с Портой мы увидим польскую армию на турецкой границе и что мы увидим там же и прусскую армию. Также я уверен, что в скором времени развернется борьба между Россией и Пруссией»²¹⁵.

Тем самым саксонский дипломат вполне верно разгадал один из вариантов замысла политической системы Н. И. Панина, предвидел он и появление русско-прусских разногласий, правда, существенно переоценив их остроту и возможные последствия. Вместе с тем из приведенных суждений следовало, что руководители внешней политики Саксонии твердо придерживались курса венского договора, ни на йоту не отступая от политической системы держав «фамильного пакта». В частности, об этом свидетельствовало и утверждение Эссена об угрозе русско-турецкой войны, которое вполне согласовывалось с провокационной тактикой Вены и Версаля, стремившихся использовать Порту для противодействия русской политике в Польше. Поиски российского содействия в приобретении уделов для принцев дома Веттинов были продиктованы сугубо конъюнктурными соображениями. Правда, это не составляло секрета для Петербурга.

В депеше от 1 октября Эссен сообщал К. Флемингу свою идею, «что принимая во внимание развитие событий, я. — утверждал саксонский посол, — укрепился в опасении, что согласие и тайные обязательства, установленные между Польшей, Пруссией и Петербургским двором, предусматривают раздел Польши. Несчастье было бы тем больше, если бы венский двор был ослеплен обещаниями получить области Освенцимскую, Заторскую и староство Ципское, короче говоря, земли к югу от реки Вейхзель. И я имею основания быть весьма озабоченным, поскольку уже определены средства с помощью силы вступить в страну. Это делается отнюдь не из любви к православным христианам. И я убежден, что это приведет к потере части Польши, Польской Украины, Курляндии, Польской Лифляндии, с другой стороны, Польской Руси — также и прусский король округлит свои владения за счет Великой Польши, а Станиславу Августу будут оставлены некоторые воеводства в качестве наследственного королевства для основанной им династии»²¹⁶.

Высказанные накануне сейма 1766 г. соображения Эссена были отнюдь не оригинальны. Они отражали аннексионистские планы в отношении Польши, имевшие хождение в европейских столицах еще со времен Августа II. Однако в настоящий момент пришедшая на ум саксонскому послу идея была все же весьма показательной. Во-первых, она свидетельствовала об обострении кризиса как в самой Речи Посполитой, так и вокруг шляхетской республики, поскольку каждый польский кризис вновь возбуждал в дипломатических кругах разговоры о разделе страны. Во-вторых, идея раздела в 1766 г. была высказана Саксонией прежде, чем она зазвучала в Вене и в Версале. В-третьих, Эссен излагал, разумеется, не только свои мысли, но и то, что беспокоило оппозиционных магнатов в Польше. Правда, нельзя сбрасывать со счетов и то, что утверждение о якобы имевшем место сговоре польского короля с Петербургом и Берлином с целью раздела страны, распространялось противниками Станислава Августа и «фамилии» в пропагандистских целях*. Наконец, главной осо-

* Этот тезис об изменнической роли польского монарха сопровождал Станислава Августа на протяжении всего его правления, воплотившись во время второго и третьего раздела Польши в об-

бенностью «идеи» саксонского дипломата, отличавшей ее от всех высказанных ранее аналогичных предположений, была обоснованная им возможность соглашения за счет Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Такую перспективу ранее считали совершенно невозможной при всех дворах, теперь же, в изложении Эссена она приобретала реальные очертания не только в свете последовавших событий 1770—1772 гг., но и, памятуя высказанное предположение В. Ф. Сольмса о желательном достижении взаимопонимания между Веной, Петербургом и Берлином, тем более, что мнение саксонского дипломата исходило из лагеря союзников Австрии и Франции.

Еще одной заботой Н. В. Репнина, помимо согласования своих действий на сейме с Пруссией и Саксонией, было привлечение к участию в диссидентском деле послов Англии и Дании — северных протестантских государств и гарантов Оливского договора. Задача эта была поставлена перед русским послом в императорском рескрипте № 6, вновь Н. И. Панин указывал на нее в депеше Н. В. Репнину от 21/10 сентября 1766 г.²¹⁷, подчеркнув, что датский резидент в Варшаве, как и другие союзники России, также должен поступать в соответствии с принципами союзнического взаимодействия. Тогда же, 22/11 сентября Репнин сообщал в Петербург, что читал русскую декларацию по делу диссидентов датскому послу А. Сен-Сафорену и английскому — Т. Вругтону и просил их об аналогичном демарше²¹⁸. О получении их согласия свидетельствовал совместный визит послов, при участии Бенуа, к примасу В. Лубеньскому для назначения конференции с польским министерством по диссидентскому вопросу²¹⁹.

Однако в Петербурге и в Варшаве понимали, что не следует переоценивать значение дипломатической любезности Лондона и Копенгагена, выразивших одобрение требованиям России в деле диссидентов. Проводимая английским правительством после 1763 г. политика сближения с Россией, помимо традиционных для Лондона торговых интересов, объяснялась желанием усилить напряженность в отношениях между Россией и державами «фамильного пакта» и приобрести тем самым некоторые преимущества в фундаментальном для английских правящих кругов франко-британском соперничестве. Внешнеполитическую активность Великобритании в Европе сковывал также назревавший конфликт с североамериканскими колониями. Одновременно происходило постепенное ослабление влияния германских интересов правящей ганноверской династии на внешнюю политику Лондона. Поэтому высказываемая в британской столице умеренная благосклонность к идеям «северного аккорда» вовсе не означала, что Англия хотя бы в малейшей степени намерена употребить свое могущество в интересах России где бы то ни было, а тем более в польских делах²²⁰.

В большей степени к внешнеполитическим планам Петербурга была привязана Дания, для которой принципиальное значение имел голштинский вопрос. Вместе с тем вовлечению Копенгагена в «северную систему» препятствовали Франция, морские державы (Англия и Голландия) и даже Пруссия, которые не уставали напоминать И. Бернсдорфу и молодому королю Христиану VII, что чрезмерное сближение с Россией чревато для Копенгагена международной изоляцией. При этом, если Версаль проводил принципиальный курс на противодействие Петербургу, то для остальных стран главным предметом озабоченности был контроль над балтийскими пролива-

винение в предательстве, а затем на протяжении двух столетий оставил заметный след в историографии, став предметом острой полемики историков и публицистов.

ми²²¹. Тем самым датский двор не имел непосредственных интересов вмешиваться в дела Польши. Более того, еще со времен миссии А. З. Остена в Петербурге, а затем в Варшаве между датскими дипломатами, с одной стороны, и Станиславом Августом и Чарторыскими — с другой, установились хорошие личные контакты. Обе стороны сознавали себя, хотя и в разной степени, младшими партнерами Петербурга, ощущали свою полную зависимость от политической игры великих держав и нередко находили взаимопонимание на этой почве.

Таким образом, подготавливаемое Н. В. Репниным английское и датское участие в русско-прусском демарше по диссидентскому вопросу носило сугубо декларативный характер и не свидетельствовало о заинтересованности Лондона и Копенгагена в действительности оказывать давление на Варшаву. Для русской же дипломатии английская и датская декларация могли бы послужить только для создания видимости совместных действий держав-участников и гарантов Оливского договора. Их значение принялось еще больше отсутствием соответствующего демарша со стороны Швеции²²².

Приближающийся сейм, нараставшие антидиссидентские настроения среди шляхты, интриги оппозиции и ставшее очевидным нежелание Станислава Августа и Чарторыских содействовать планам России в диссидентском вопросе, их твердый отказ предоставить иноверцам сословные права, уравнивавшие их с католиками, усиливало опасения Репнина по поводу возможного вмешательства в польские дела на стороне противников России Австрии, Франции и Турции. Слухи о планах такого вмешательства непрерывно ходили в Варшаве, о чем свидетельствовали депеши Эссена и донесения французских агентов. Чтобы ослабить впечатление от наветов «патриотической оппозиции» и разузнать о намерениях противников, Репнин в конце сентября 1766 г. встретился с эmissаром молдавского господаря Ларошем, игравшим роль турецкого резидента в Варшаве, и убеждал того, что диссидентское дело не направлено против Порты²²³. 5 октября/24 сентября, за день до начала работы сейма русский посол доносил Пнину о своих опасениях относительно позиции польского двора и Станислава Августа, при этом в депеше (к этому приему Репнин нередко прибегал и ранее) о польском короле говорилось в неопределенно-личной форме: «Немогли рассудить, чтоб здесь противиться возхотели, как делают, нашей силе, не прибегши к заступе или подкреплению чужестранных держав, как не вошли с нами в согласие по сему делу, пишу я в Вену в Париж и в Царьград для осторожности там наших министров, чтоб они примечали не будут ли в их местах какие от сел секретные негоциации»²²⁴.

Таким образом, в течение сентября, от завершения польских сеймиков и до открытия сейма в Варшаве, Н. В. Репниным были исполнены все предписания рескрипта № 6 и последующие инструкции из Петербурга, чтобы подготовить почву для удовлетворения Речью Посполитой российских требований по диссидентскому вопросу. К этому времени были урегулированы все второстепенные проблемы русско-польских отношений: вопрос о Курляндии, о русско-польской границе и пограничных судах, о выдаче беглых, вопрос о генеральной пошлине и связанные с ним проблемы таможенного конфликта Польши и Пруссии, статуса Гданьска и прусской провинции польской Короны. Было достигнуто международное признание избрания Станислава Августа на польский престол и вместе с тем сохранена политическая изоляция Речи Посполитой. Соседи и великие державы вынуждены были смириться с российским преобладанием в Речи Посполитой.

В переговорах с польским двором и «фамилией» Панину и Репнину удалось избежать двух принципиальных вопросов: о реформах государственного строя и польско-русском союзе, что позволило Петербургу «до времени» не раскрывать свою позицию, сохраняя возможность как соглашения с польским королем и Чарторыскими на основе туманно обещанного согласия на продолжение реформ, так и сговора с оппозицией, рассчитывавшей с помощью России нанести на сейме поражение Станиславу Августу и «фамилии» и, ослабив королевскую власть, еще более укрепить режим «золотой вольности» шляхетского сословия. В преддверии сейма Панин и Репнин всячески избегали постановки принципиального для Петербурга вопроса о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. О том, что «гарантия» и диссидентский вопрос связаны между собой лишь однажды было упомянуто в российской декларации о правах диссидентов. Тем самым, русская дипломатия добивалась, чтобы диссидентский вопрос приобрел на сейме исключительное значение как единственная, ключевая проблема польско-российских отношений, внутренней политики Речи Посполитой и ее международного положения. Последнее должны были подчеркнуть датская и английская декларации в защиту польских иноверцев.

Однако результаты усилий Репнина оказались неутешительными. Посол не смог найти поддержку диссидентским планам Петербурга, которые Екатерина II называла «делом славы», ни со стороны короля и «фамилии», ни со стороны других магнатских группировок. Соглашаясь на установление веротерпимости, польские вельможи даже под угрозой военных репрессий и слышать не хотели о восстановлении сословных прав диссидентов. Непримируемую позицию заняли в этом отношении католическое духовенство и шляхта. Практически не нашел поддержки Репнин и со стороны союзных дворов. В день, предшествовавший открытию сейма он писал Панину: «Еще же в покорности повторительно доношу, что никакой надежды нет без употребления силы в сем деле (диссидентов. — *Б. Н.*) предупредить. И тако на нее одну остается уповать, ибо не только часть сейма сему делу противна будет, но и все головой, когда, сверх всего духовенства и его инфлюенций, присовокупляются к противникам король, князья Чарторыские, их партизаны, что уже в себе все и заключает. Каким же образом силу употребить, под каким видом и в какое время, о том повелений вашего высокопревосходительства ожидать буду»²²⁵.

Важная роль в деятельности Н. В. Репнина в августе—сентябре 1766 г. отводилась подготовке выступления на сейме представителей диссидентов. Согласно рескрипту № 6 им надлежало ко времени сейма прибыть в Варшаву и в случае, если требования России по уравниванию в правах диссидентов и католиков будут отвергнуты, выступить с формальным протестом, образовать конфедерацию и обратиться за помощью к России или к другим державам (прусскому, датскому и английскому двору)²²⁶. Однако лидеры польских протестантов предпочли несколько иной план. 18/7 августа Н. В. Репнин сообщил об отъезде в Петербург А. С. Гольца — человека «весьма рассудительного и достойного», избранного диссидентами для представления их интересов²²⁷. Извещая Берлин о поездке Гольца в Россию Г. Бенуа добавляя, что тот намерен «добиваться от русской императрицы, чтобы она использовала свою армию» для поддержки их требований²²⁸. То есть о необходимости применения военной силы говорили не только в Петербурге и Берлине, а также прусский и русский представители в Варшаве, но и лидеры диссидентов в Польше.

В представленной Гольцем 17/6 сентября в российской столице промемории²²⁹ говорилось, что диссиденты с удовлетворением узнали о намерениях польского короля и российской императрицы добиться для них права строить новые и ремонтировать старые храмы, что им будет предоставлена свобода богослужения, что как в делах религии, так и в участии в государственном управлении, и в судопроизводстве они станут равноправной частью республики. В промемории подчеркивалось, что все названные права должны в равной мере распространяться на всех диссидентов (лютеран, кальвинистов, православных), а их соблюдение должно находиться под общественным контролем, а также гарантироваться Россией и Пруссией. В промемории не указывалось какие именно светские права должны быть предоставлены диссидентам, однако упоминание, что они смогут управлять общественными финансами свидетельствовало, что претензии иноверцев распространялись и на должности каштелянов, входившие в состав Сената. В заключение говорилось, что диссиденты ожидают на предстоящем сейме совместных действий короля, Чарторыхских, России и Пруссии. Пожелания А. С. Гольца, изложенные в промемории, встретили в Петербурге полное одобрение и были положены в основу специальной ноты, в которой уже не упоминалось о польском короле и Пруссии, а диссиденты просили Екатерину II о защите и покровительстве²³⁰.

В это время в Польше диссиденты, напуганные нараставшей к себе враждебностью, отнюдь не спешили присоединиться к действиям русского посольства. 18/7 сентября 1766 г. Репнин сообщал Панину о своих обращениях в письмах к лидерам диссидентов, «чтоб они сюда (в Варшаву. — *Б. Н.*) съезжались и депутатов назначили для трактования своего здесь дела, а об высочайшей протекции нашего двора чтоб были уверены». Русский посол добивался от А. С. Гольца, чтобы диссиденты имели в польской столице своего представителя, который бы координировал их действия во всех провинциях с мерами, принимаемыми русским посольством. Однако Репнин констатировал, что «и по сех пор того не сделано и никого из них (диссидентов. — *Б. Н.*) здесь нет»²³¹. «Что же принадлежит до самой крайности, до сочинения конфедерации, — доносил посол, — то, чувствуя чрезвычайную важность сего поступка, конечно, без высочайших дальнейших повелений оного не предприиму»²³². Из контекста приведенного отрывка из депеши Репнина видно, что, по мнению посла, возможности организовать конфедерацию диссидентов в ходе сейма практически отсутствовали. Через две недели Репнин вновь писал, что, несмотря на обещание диссидентов приехать в Варшаву, никого до сих пор здесь нет, что послом было названо «непростительным нерачением»²³³. Только в депеше от 5 октября / 24 сентября, в самый канун начала сейма, в которой посол извещал Панина об окончательном объяснении со Станиславом Августом и Чарторыхскими, Репнин сообщил, что «господа диссиденты сюда съехались: из Польской Пруссии господи Гольцы, из Великой Польши — г-н (Адам) Брониковский, из Малой Польши — г-н (Павел) Грабовский, из Литвы тож г-да Грабовские и многие другие. Однако ж, — замечал посол, — ферментация здешняя приводит их в некоторый страх»²³⁴.

Приезд диссидентов на сейм в Варшаву объяснялся тем, что они получили известия из Петербурга о результатах миссии А. С. Гольца, об обещаниях Екатерины II, главное — о намерении русской императрицы прибегнуть к силе оружия для поддержки их требований. Это лишало иноверцев возможности уклониться от выступления на сейме, но отнюдь не избавляло их от страха, о котором писал Репнин. Во всяком случае, конфедерация диссидентов так и осталась неподготовленной, на что и намекал своим шефам русский посол, не решаясь высказаться более откровенно.

Примечания

1. *Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1896. Т. 2. S. 11–15.
2. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 869. Л. 29–29 об.
3. См. *Dygdala Jerzy.* Życie polityczne Prus Królewskich u schyłku ich związku z Rzeczą pospolitą w XVIII wieku. Warszawa; Poznań; Toruń. 1984. S. 159–160
4. [Stanisław August] *Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski* St. Péterbourg, 1914. Vol. 1. P. 525–526.
5. *Zelińska Z.* Początek rosyjskiej niełaski Czartoryskich i «słabość» Stanisława Augusta (1764–1766) // *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku.* Warszawa, 1994. S. 60–72.
6. Ibid. S. 63
7. Ibid. S. 64–65.
8. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С. М.* Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Т. 26. Кн. 13. С. 440; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 57. С. 180.
9. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 425.
10. Там же. С. 423.
11. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 362–363.
12. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 13. С. 346.
13. Там же. С. 425.
14. Секретный расход 1765 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 879. Л. 5.
15. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 227.
16. Там же. С. 180.
17. Там же. С. 227.
18. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 866. Л. 26 об.
19. Там же. Д. 868. Л. 70–78.
20. Там же. Д. 883. Л. 4–4 об.
21. Там же. Л. 26–29.
22. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 336.
23. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 870. Л. 162–163 об.
24. Там же. Д. 868. Л. 58 об.—59.
25. Там же. Д. 870. Л. 167.
26. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 400–403.
27. Там же. С. 415–420.
28. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 872. Л. 142–146 об.
29. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 448–449.
30. Там же. С. 500.
31. *Michalski J.* Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // *Przegląd Historyczny.* 1984. Т. 75. Z. 4. S. 709–711.
32. *Zelińska Z.* Op. cit. S. 67.
33. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 131–134.
34. Там же. С. 133.
35. Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 57. С. 542–543.
36. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 153–157 об.; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 133–134.
37. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 446.

38. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 883. Л. 157; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 134.
39. ASV (Polonia). Vol. 278. P. 40–41 rev.
40. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 884. Л. 12–12 об.
41. Экстракты из ответов ad Deliberatorias по поводу изданного универсала на будущий ординарный сейм. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 884. Л. 13–27 об.; Перевод — Л. 28–79.
42. *Michalski J.* Zagadnienie reformy sądownictwa i prawa sądowego w początkach panowania Stanisława Augusta // *Czasopismo prawno-historyczne*. Poznań, 2000. T. 52. Z. 1–2. S. 95.
43. Ibid. S. 67–107.
44. Ibid. S. 67.
45. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 101–103.
46. *Schmitt H.* Op. cit. T. 2. S. 40–41.
47. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 884. Л. 6–9. Проект универсала — Л. 10–11.
48. Там же. Л. 9
49. Там же. Л. 80–81. Печатный экземпляр универсала — Л. 86.
50. AGAD. Zbór z Suchej 134/158; *Michalski J.* Op. cit. S. 95.
51. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 885. Письмо примаса В. Лубеньского сеймикам. Л. 25–26 об.
52. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 953. Л. 280–282; *Зелиньска З.* Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // *Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой*. М., 1999. С. 118, 122.
53. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 1–4.
54. Там же. Д. 885. Л. 23–24 об.
55. Там же. Л. 3–6.
56. Там же. Л. 10–11, 32–39.
57. Там же. Л. 53–55 об.
58. Там же. Д. 886. Л. 123–123 об.
59. Там же. Л. 74–79, 101–103.
60. ASV (Polonia). Vol. 278. P. 240–240 rev.
61. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 885. Л. 1–2.
62. Там же. Д. 886. Л. 1–4.
63. Там же. Л. 13–14.
64. Там же. Л. 126.
65. Там же. Л. 46–48; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 100.
66. Там же.
67. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 70–72.
68. Там же. Д. 887. Л. 92 об.
69. *Schmitt H.* Op. cit. T. 2. S. 41.
70. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 112–115.
71. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 102 об.
72. Там же. Д. 887. Л. 82.
73. Там же. Д. 885. Л. 102.
74. Там же. Л. 32–39.
75. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 76–84.
76. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 33–46.

77. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 77; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 34 об.
78. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 469–472.
79. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 77; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 35–35 об.
80. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 77–78.
81. Там же.
82. Там же. С. 78.
83. Там же.
84. Там же.
85. Там же. С. 78–79.
86. Там же.
87. Там же. С. 79.
88. Там же; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 39–39 об.
89. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 80.
90. Там же. С. 80–81.
91. Там же. С. 81–84.
92. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 42–42 об.
93. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 83.
94. Там же. С. 82.
95. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 455–458.
96. *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Warszawa, 1996. S. 19–49.
97. Ibid. S. 48–49.
98. Ibid. S. 43.
99. Ibid.
100. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 44–45; V. L. T. 4. 242.
101. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 45; V. L. T. 6. 254.
102. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 47.
103. Ibid. S. 42–43.
104. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 84–92.
105. Там же. С. 85.
106. Там же. С. 86.
107. Там же. С. 88–89.
108. Там же. С. 89–90.
109. Там же. С. 91–92.
110. Там же. С. 97–99.
111. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 885. Л. 10–11 об.
112. Там же.
113. Там же. Л. 45–46 об.
114. Там же. Л. 43–44 об.
115. Там же. Д. 886. Л. 122.
116. Там же. Л. 125 об.—126.
117. Там же. Л. 126–127.
118. Там же. Л. 3–6.

119. Там же. Л. 5.
120. Там же. Л. 32–39.
121. Там же. Л. 47–48.
122. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 49–52.
123. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 112–113.
124. Там же. Л. 8–10 об.
125. Там же. Д. 887. Л. 88–90.
126. Там же. Л. 85–87 об.
127. Там же. Л. 92–100.
128. Там же. Д. 885. Л. 10–11 об.
129. Там же. Д. 886. Л. 51–61.
130. Там же.
131. Там же. Л. 128–128 об.
132. Там же. Л. 120–121.
133. Там же. Д. 887. Л. 1.
134. Там же. Л. 4–5 об.
135. Там же. Л. 1 об.
136. Там же. Л. 2.
137. Там же. Л. 14.
138. Там же. Л. 18–24.
139. Там же. Л. 21–21 об.
140. Там же. Л. 22–22 об.
141. Там же. Л. 23.
142. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 108–109.
143. Там же. С. 112–115.
144. Там же. С. 109–112.
145. Там же. С. 112–115.
146. Там же. С. 109–112.
147. Там же.
148. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 139.
149. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 123–126.
150. Там же. СПб., 1887. Т. 22. С. 484–486.
151. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 68–73 об.
152. Там же. Л. 68–68 об.
153. Там же. Л. 69–69 об.
154. Там же. Л. 69 об.
155. Там же. Л. 71 об.–72.
156. Там же. Л. 71–71 об.
157. Там же. Л. 71 об.–72.
158. Там же. Л. 69 об.–70.
159. Там же. Л. 70–70 об.
160. Там же. Л. 72 об.
161. Там же. Л. 73–73 об.

162. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 141–143.
163. Там же.
164. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 85–87 об., 88–90.
165. Там же. Л. 88–90.
166. Там же. Л. 92–100. Частично депеша Н. В. Репнина от 24.09 / 5.10.1766 г. приведена у С. М. Соловьева. См. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 143–144.
167. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 92–93.
168. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 143.
169. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 93–94 об.
170. Там же. Л. 94 об–95.
171. Там же. Л. 95–95 об.
172. Там же. Л. 96.
173. Там же. Л. 96–97.
174. Там же. Л. 97 об.
175. Там же. Л. 98–98 об.
176. Там же. Л. 98 об.–99.
177. Там же. Л. 122.
178. Там же. Л. 123.
179. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 152.
180. [*Friedrich II*] PC. Bd. 25. S. 33–36; Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 451–420.
181. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–176. S. 20–21.
182. [*Friedrich II*] PC. Bd. 25. S. 59–60.
183. Ibid. S. 172–173.
184. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 461–462.
185. Там же. С. 462–463.
186. Там же. С. 469–472.
187. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–176. S. 79.
188. Ibid. S. 79 rück.
189. Ibid.
190. Ibid.
191. Ibid. S. 80.
192. [*Friedrich II*] PC. Bd. 25. S. 193–194.
193. Ibid. S. 233–234.
194. Ibid. S. 235.
195. Ibid. S. 214.
196. Ibid. S. 260.
197. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 12–13 об.
198. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 123–126.
199. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 65–67 об.
200. Там же. Л. 62–62 об.; 65–67 об.
201. Сб. РИО СПб., 1887. Т. 67. С. 112–115.
202. Н. В. Репнин — Владимиру Долгорукову, Варшава 20 сентября / 1 октября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 107–108.

203. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 106.
204. Там же.
205. Там же. Л. 23 об.
206. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 112–115.
207. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 71–74 об.
208. Там же Л. 77.
209. Там же. Д. 886. Л. 13–14.
210. Там же. Л. 70–72.
211. Там же. Л. 127 об.—128.
212. Сб. РИО. СПб. 1889. Т. 67. С. 112–115
213. АВПРИ Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 85–87 об.
214. Цит. по кн.: *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staats. Hamburg, 1853. Bd. 5. S. 385–386.
215. Ibid.
216. Ibid. S. 394–395.
217. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 112–115.
218. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 58–64.
219. Там же. Л. 85–87 об.
220. О внешней политике Англии и англо-русских отношениях см.: *The New Cambridge Modern History*. Vol. 7: *The Old Regime 1713–1763* / red. J. O. Lindsay. London, 1957; Vol. 8. *The American and French Revolutions* / red. A. Goodwin. London, 1965; *Rostworowski E.* Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1998. S. 521–524; *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 171–175, 248–249; *Чечулин Н. Д.* Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896.
221. См. *Hartmann St.* Die Beziehungen Preussens zu Dänemark von 1688 bis 1789. Köln; Wien, 1983. S. 269–276.
222. О политике Швеции в диссидентском вопросе см.: *Amburger E.* Russland und Schweden 1762–1772. Katharina II., die schwedische Verfassung und die Ruhe des Nordens. Berlin, 1934. S. 105; *Konopczyński W.* Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej 1660–1795. Warszawa, 1924.
223. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 85–87 об.
224. Н. В. Репнин — Н. И. Панину, Варшава, 24 сентября / 5 октября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 100. Н. В. Репнин — А. М. Обрескову. — Там же. Л. 104–104 об. Копии с писем полномочным министрам кн. (Д. М.) Голицыну в Вену и кн. (Д. А.) Голицыну в Париж. — Там же. Л. 105.
225. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 99 об.
226. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 79.
227. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 8–10 об.
228. GStA. HA I. Alt. 9 (Polen). № 27–176. S. 79 rück.
229. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 84–87.
230. Там же. Л. 88–89.
231. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 22.
232. Там же. Л. 22–23 об.
233. Там же. Л. 89 об.—90.
234. Там же. Л. 123.

I

Сейм 1766 г. открылся 6 октября в Варшаве¹. После объединения послов с сенаторами, о чем Станислав Август объявил собранию сейма, король предложил, согласно учрежденному в 1764 г. порядку сеймования, приступить к рассмотрению экономических вопросов. По его словам, обстоятельства вынудили республику отменить Генеральную пошлину и ввести на ее место винные сборы (чоновый и шеленжный налоги) со всех сел и городов, как наиболее удобные и наименее тягостные для подданных. Новые налоги, когда бы они были утверждены сеймом, подчеркнул Станислав Август, вводятся не для проведения военной реформы и увеличения численности войск, как то было решено на сейме 1764 г. Вооруженные силы, говорил король, останутся в пределах, предусмотренных конституцией 1717 г., а дополнительные доходы будут направлены на повышение жалованья войскам и на содержание Рыцарской школы². Говоря о других предложениях «от трона», Станислав Август, указал на необходимость наведения порядка в судах, примирения разногласий между герцогом и дворянством в Курляндии, учреждения полиции в городах и составления проекта кодекса законов, для его последующего утверждения уже на сейме 1768 г.³

На этом, по словам короля, он был бы рад остановиться, однако, поскольку иностранные дворы «так громко, настоятельно и строго» призывают обратиться к делу диссидентов, а сама эта материя весьма актуальна для каждого человека и вызывает немалые разногласия, то и она должна быть рассмотрена. Но тем не менее начало сейма следует посвятить экономическим, военным и юридическим вопросам, что соответствует установленному порядку, а затем обратиться к другим и разрешить их по справедливости, как подобает истинным католикам и патриотам⁴.

Выступление Станислава Августа на открытии сейма было адресовано не только сенаторам и послам, собравшимся в королевском замке, но и русскому посольству. Как бы уступая требованиям Репнина, король в самом начале сейма поставил диссидентский вопрос и объявил, что не намерен увеличивать численность польских войск, т. е. дал определенные гарантии в отношении двух проблем, в наибольшей степени заботивших Петербург, и продемонстрировал готовность к компромиссу с российским двором. После речи Станислава Августа выступил примас В. Лубеньский, который от имени объединившихся чинов поблагодарил короля и выразил с ним полное согласие.

Выслушав короля и примаса, послы приступили к избранию маршала сейма. В связи с этим слово взял чешник коронный Тадеуш Дзедушицкий и заявил, что не хотел бы претендовать на должность маршала, дабы не подать повода к разногласиям, после чего маршалом сейма был избран Целестын Чаплиц — подкоморий луцкий и посол киевского воеводства. Отказ Т. Дзедушицкого от звания маршала сейма также прозвучал весьма символично. Чешник коронный и посол галицкий был известен как один из наиболее последовательных сторонников Чарторыхских, к которым он примкнул еще накануне сейма 1746 г. На сейме 1764 г. именно он выступил с предложением о порядке сеймования. Во время посольских сеймиков 1766 г., по словам Репнина, король хотел бы видеть Дзедушицкого маршалом сейма. Однако чешник был не менее известен как противник Потоцких. В польской историографии высказывалось мнение, что Дзедушицкий был заменен на Чаплица по требованию Репнина⁵. В русских источниках оно, однако, подтверждения не находит. Тем не менее, независимо от позиции русского посла, избрание маршалом Ц. Чаплица должно было продемонстрировать известную готовность польского двора к компромиссу с оппозицией, чтобы представить решения сейма, хотя тот и проводился при конфедерации, как выражение единодушной воли шляхетской нации.

Обсуждение экономических вопросов на сейме началось на 4-й сессии 9 октября. Заседание открылось приветствием королю от маршала сейма, после чего Г. Подоский — референдарий коронный — читал пакты конвенты. В связи с чем в дневнике сейма было отмечено, что по этому вопросу никто не просил слова⁶. Молчание по поводу пактов конвентов означало, что послы одобрили деятельность монарха как главы шляхетской республики и что оппозиция не ставила своей задачей выступление против короля. Противники двора понимали, что прямая атака на Станислава Августа могла побудить Петербург твердо стать на сторону «фамилии», чего «патриотам» хотелось бы избежать.

С «пропозициями от трона» по экономическим, военным и правовым вопросам на сейме выступил А. Замойский. Коронный канцлер предложил одобрить работу финансовой комиссии. При этом он особенно остановился на отмене Генеральной таможни и на введение новых податей. Генеральная пошлина, подчеркнул канцлер, была установлена полностью в соответствии с правом, а ответные действия Пруссии носили «неправовой» характер. Тем самым, были подвергнуты критике не только репрессивные действия Берлина в Мариенвердере, но и так называемое посредничество Екатерины II, ставшей на сторону прусского короля и вынудившей польское правительство отменить генеральную таможню. Введение новых податей (питейных сборов) также задумывалось как генеральный налог со всех городов и деревень, вне зависимости от их владельческой принадлежности и привилегий. Чоповие и шеленжные налоги в равной мере распространялись на королевские города, на староства, на церковные, магнатские и шляхетские владения⁷. Таким образом, прежний всесословный принцип Генеральной таможни был применен и в новой системе налогообложения, что должно было существенно ограничить податные привилегии господствующих сословий. Однако в экономическом плане вся тяжесть налогов по-прежнему ложилась на феодальнозависимое, закрепощенное население.

По военным делам А. Замойский заявил о необходимости привести в порядок польские войска, чтобы позже можно было приступить к увеличению армии. Для наведения порядка, во-первых, предполагалось повысить жалованье войскам и

улучшить их материальное обеспечение. Во-вторых, говорилось о модификации структуры армии, лучшей организации артиллерии и пехоты, в-третьих — о выделении средств для ведения военных действий за пределами республики⁸. Объявленные на сейме планы двора в военной области в целом не выходили за рамки программы, согласованной с Репниным. Однако их все же отличало четко прозвучавшее намерение увеличить численность армии, хотя бы не на нынешнем сейме, но в будущем, а также планы заграничных походов. Последний пункт должен был подчеркнуть желание польского двора заключить союз с Россией, который предусматривал бы совместную борьбу против Турции. В предложениях по военным вопросам ничего не говорилось об организации армии, об управлении войсками и о порядке выделения средств на их содержание. А именно здесь и скрывалась проблема реального подчинения вооруженных сил королю, Военной комиссии сейма или же гетманам. В объявленных А. Замойским пропозициях не содержалось отклика на мнения сенаторов о повышении роли посполитого рушения и о совершенствовании его организации, а также о создании ландмилиции под командованием воевод, о чем те писали в своих письмах королю. Это свидетельствовало, что в планы двора не входило возрождение в качестве элементов военной организации республики местных и воеводских шляхетских военных корпораций.

Говоря о совершенствовании правовой системы, А. Замойский указал на необходимость защиты прав собственности и на четкое определение компетенции судов⁹. Если первая проблема в польских условиях носила сугубо декларативный характер и могла рассматриваться только как заявление об охране сословных шляхетских прав и привилегий, лишь опосредованно затрагивая интересы горожан, то вопрос о компетенции судов играл куда более существенную роль, о чем свидетельствовали мнения сенаторов и данные на сеймиках инструкции послам.

Далее А. Замойский предложил на рассмотрение сейма вопрос о денежной форме, о введении доброй монеты и об установлении справедливого обменного курса польского злотого; о выделении средств республики на содержание заграничных послов, расходы на которых до этого осуществлялись за счет короля. В случае поддержки этого предложения депутатами сейма, получил бы одобрение Речи Посполитой курс Станислава Августа на активизацию польской внешней политики. Коронный канцлер говорил также о восстановлении и модернизации укреплений Каменца, который должен был служить опорной базой польских войск в случае войны с Портой. Был упомянут также вопрос об «успокоении Курляндии». Центральное место в заключительной части речи А. Замойского принадлежало созданию государственной системы народного просвещения¹⁰. Этот тезис прозвучал в развитие мысли Станислава Августа о Рыцарской школе. Таким образом, уже на сейме 1766 г. было положено основание одному из самых важных направлений реформ в Речи Посполитой, которое станет центральным на сейме 1773 года и на многие годы вперед окажет глубокое влияние на развитие польского общества.

Оценивая в целом программу польского двора, изложенную в начале сейма в выступлениях Станислава Августа и А. Замойского, следует подчеркнуть, что она представляла собой план ряда реформ, которые были обсуждены накануне сейма и нашли поддержку у значительной части магнатов Речи Посполитой, что эта программа была согласована с русским посольством и не противоречила в главных вопросах позиции Петербурга. Согласно российским требованиям, Станислав Август в своей речи уже

при открытии сейма поставил диссидентский вопрос. Тем самым первые дни работы сейма продемонстрировали, что польский двор еще сохранял надежду на компромисс с Россией. На соглашение со Станиславом Августом рассчитывали и в Петербурге.

Еще до получения депеши Н. В. Репнина от 5 октября / 24 сентября 1766 г. о «решительном объяснении» посла с королем и Чарторьскими тому было поручено передать Станиславу Августу, учитывая «стесненность короля в средствах», по своему усмотрению 20–30 тыс. рублей¹¹. А 13/2 октября Панин сообщил Репнину о своем предложении Ф. Ржевускому. В нем руководитель русской внешней политики развивал якобы собственную идею, согласно которой диссиденты допускались бы к земским чинам. Вопрос об их участии в сейме и в Сенате следовало «оставить в молчании». Способы реализации «идеи» Панина поручалось выработать на месте Репнину после консультация с диссидентами при неперменном условии, чтобы в новом проекте конституции о диссидентах «переменено было то жестокое заключение о диссидентском будущем состоянии, которое в присланном сюда проекте изображено». В конце депеши Панин писал, что ожидает известий об открытии сейма и что предполагает возможность уничтожения генеральной конфедерации, срыва сейма, протеста диссидентов и образования диссидентской конфедерации¹².

О стремлении достичь компромисса с Россией свидетельствовала не только тактика польского двора в начале сейма, но и два письма польского короля, отправленные в Петербург Ф. Ржевускому для передачи Екатерине II¹³. Русские копии писем ошибочно датированы 25 и 26 сентября, однако по содержанию писем (оба они были написаны королем после разговора с Репниным, состоявшегося 5 октября) и по дате на ответе Екатерины II (ответ на письмо короля от 5 октября 1766 г.) можно заключить, что они были написаны 5 и 6 октября 1766 г. и получены в Петербурге практически одновременно с депешей Репнина от 5 октября / 24 сентября 1766 г.

Обращаясь к императрице, Станислав Август пытался побудить ее изменить свою позицию в деле диссидентов. Во втором письме, которое часто цитируется в литературе, польский король писал, что последние инструкции Репнину «являются истинным громовым ударом для страны» и лично для короля, что «доставленная ею (Екатериной II) порфира станет для него одеянием Несса — я сгорю в ней, — писал Станислав Август, — и конец мой будет ужасен». Далее король указывал, что он вынужден сделать выбор между долгом перед отечеством и своей преданностью императрице, «что нельзя принуждать того, кого любишь, совершать то, что тот считает губительным для своего отечества» и т. д. Но в этом письме Станислав Август называет, помимо очевидной угрозы собственному царствованию, еще одно обстоятельство, не позволяющее ему принять требования российской императрицы. «Если Россия будет настаивать на допущении диссидентов к участию в законодательстве, — писал польский король, — то сколько бы их там ни было (всего 10 или 12), все же это будет столько же законных вождей партии, которая не сможет смотреть на государство и правительство Польши иначе, как на врагов, против которых она по необходимости и постоянно должна искать опоры вне страны»¹⁴.

На письма польского короля было дано два ответа. Первый — в записке, которую Н. И. Панин составил «со слов императрицы» и, как следовало из текста копии, направил Репнину для сообщения Станиславу Августу. Второй — в черновом варианте, написанном переписчиком с правкой Панина и со вставками, сделанными Екатериной II. О получении записки Панина и письма императрицы в Варшаве

и о реакции на них короля и Чарторыских Репнин сообщил в Петербург в депеше от 30/19 октября 1766 г.¹⁵

В записке¹⁶ шеф русской внешней политики, передавая слова Екатерины II, указывал:

- что императрица достаточно доказала важными фактами свою дружбу и свою добрую волю относительно короля и республики, чтобы ей нужно было распространяться об этом на словах;
- что она искренне скорбит о том положении, в какое ставит короля дух партий;
- что она не узнает более просвещенного мужа и искусного политика, который пользуется течением наиболее благоприятных обстоятельств для устранения препятствий к единению и спокойствию, какие сумел создать интерес иностранных государей из саксонского дома и религиозной фанатизм во время внутренней резни и смут;
- что ее чувства столь же чисты, сколь и бескорыстны по отношению к королю и к республике, и она слишком высоко ставит гуманность и справедливость, чтобы требовать от нее жертвы той или другою, против того, что сделано несправедливостью или насилием против самых торжественных и, следовательно, самых священных прав общества людей свободных, верностью и покорностью которых хотят воспользоваться для узаконения и для увековечивания их угнетения;
- что императрица предоставляет другим судить о том, каким образом диссиденты, имея участие в законодательстве, стали бы в большей степени взирать на государство и правительство польское как на противников своих, чем в настоящее время;
- что не во власти императрицы изменить, если король желает настаивать на своем мнении, между двумя альтернативами — дружбою императрицы к нему и к республике, и актом справедливости, собственной славы и прочего блага государства, который он решился в настоящее время рассматривать как измену своему отечеству;
- что после такого решения со стороны короля, императрице остается лишь постоянное и весьма чувствительное сожаление, что она могла ошибиться относительно дружбы короля, его образа мыслей и его чувств.

В письме Станиславу Августу от 17/6 октября 1766 г.¹⁷ Екатерина II писала, что не скрывает от себя «почти безнадежного положения дел для греков и диссидентов, равно как и всех неприятностей, могущих произойти от этого», и обвиняла польского короля в неудаче диссидентского дела. Однако, обращаясь к королю, рассуждала царица, «безусловный отказ, на который столь твердо решилось ваше в-ство, не дозволяет вникать глубже в этот вопрос, а стараться преодолеть это сопротивление со стороны вашей и вашего министерства, не входит ни в план моего ответа, ни в план дальнейших моих действий».

В заключение Екатерина II заявила о неприемлемости для нее концепции веротерпимости, которую отстаивал в своих письмах Станислав Август. «Я не могу окончить, — писала императрица, — не выразив вашему в-ству удивление насчет того, что у вас все еще говорят о простой терпимости. Греки и диссиденты никогда не могли считать себя не терпимыми в Польше, разве что постоянные на них гонения установили в действительности такое представление. Евреи терпимы, и я дале-

ко не могу восхищаться тем, что подобная же милость оказана членам государства, законно признанным в своей вере конституциями республики <...> Какое же еще приращение милости хотят им теперь оказать? Снова еще терпеть их — значит, их окончательное разорение и изгнание были делом решенным. Стоит же мне прийти им на помощь, дабы обеспечить за ними столь выгодное обращение. Было бы бесполезно стараться убеждать того, кто и слушать не хочет. Таким образом, мне только остается предоставить это дело собственной судьбе и тому положению, в котором его застанет это письмо». И наконец, Екатерина II перешла к неприкрытым угрозам. «Закрываю глаза на дальнейший ход (дела диссидентов. — *Б. Н.*) и его последствия, польщенная, однако, тем, что ваше величество увидали во всем, что я сделала для вас и для вашей нации, настолько бескорыстия, что не упрекнули меня в желании воздвигнуть в Польше цель для моего оружия. Elles ne seront jamais dirigées contre ceux à qui je veux du bien comme je ne les retiendrai point quand je croirai que l'usage pourra leur en être utile». Текст по-французски написан рукой Екатерины II. Его перевод: «Оно (оружие. — *Б. Н.*) никогда не будет направлено против тех, кому я желаю добра; равно как я и не стану удерживать его, когда сочту, что его употребление может быть им полезно».

Записка Н. И. Панина и письмо Екатерины II были написаны почти одновременно. Однако они существенно различаются как по тону, так и по подходу к сложившейся ситуации. В первом случае выражено разочарование позицией польского двора и заявление, что политика Петербурга останется неизменной, да завуалированный намек на то, что польскому королю и «фамилии» придется нести тяжесть последствий за принятое решение. Из текста записки можно было сделать вывод, что положение можно исправить, если польский двор сделает шаг навстречу требованиям России, хотя бы в духе «собственной идеи» Панина о разрешении диссидентам занимать земские должности. Во втором случае — констатировался провал диссидентского дела, отвергался подход польского двора к установлению веротерпимости. В письме не приводилось обычной для тактики русской дипломатии грани между королем и Чарторыскими и содержалась неприкрытая угроза применения оружия против тех, кого императрица сочтет своими врагами. Единственная содержавшаяся в письме двусмысленность состояла в том, что Станиславу Августу и «фамилии» якобы предоставлялся выбор занять место либо в числе друзей, либо — среди врагов императрицы.

Приведенные письма представляют собой последний пример «более мягкой» позиции Панина и «более жесткой» — Екатерины II, что было характерно для политики России в диссидентском вопросе в 1764–1766 гг. В истории русско-польских отношений 60-х гг. XVIII в. можно привести немало примеров, когда подобные расхождения между Паниным, Орловыми, Чернышевыми, А. П. Бестужевым и т. д. носили, скорее, нарочитый характер, ибо над соперничавшими чиновниками стояла императрица, хранившая до времени молчание и принимавшая окончательное решение. В случае с диссидентским вопросом установилось иное положение. Несмотря на уговоры Станислава Августа, предостережения Репнина, опасения Фридриха II, осторожность Панина, Екатерина II с самого начала, со времени своей коронации, рассматривала дело «греков и диссидентов» как вопрос своей чести и как принципиальную задачу своей польской политики. С этой точки зрения, письмо императрицы и записка Панина отражали последние колебания Петербурга в диссидентском во-

просе. Принятое накануне сейма 1766 г. решение восстановить сословное равноправие диссидентов осталось бесповоротным, а последняя попытка достичь компромисса потерпела неудачу.

Сообщая о первых днях работы сейма Н. В. Репнин писал 7 октября / 26 сентября об избрании маршалом Ц. Чаплица — человека, преданного королю, что во время выборов посла кричали, что тот «добрый католик и защищать свою веру до крайности будет». Русский посол доносил, что «Чарторыские, открывшись купно с королем в своем упорстве по диссидентскому делу, теперь с ним в крайнем согласии»¹⁸. Тем не менее Репнин предпринял последнюю попытку побудить Станислава Августа и «фамилию» удовлетворить русские требования¹⁹, воспользовавшись заранее подготовленным письмом Панина, в котором посол поставил дату 29/18 сентября²⁰. В нем канцлеру литовскому и воеводе русскому предлагалось «действовать со всей энергией» и содержалась угроза «прибегнуть к более действенным средствам», хотя и с оговоркой, что Панину «весьма прискорбно обращать взоры князей на такую перспективу». На следующий день Репнин отправился с визитом к королю и Чарторыским. Старые князья признали, что могут провести через сейм любое дело, кроме диссидентского. Однако в последнем случае, по их словам, они не только не могут его сделать, но и не хотят, поскольку не считают его полезным для нации, и готовы терпеть все последствия такого отказа. В разговоре со Станиславом Августом король ответил послу, что «пропасть для него разверзлась», но «что он первого своего ответа совершенно держаться должен», т. е. отказывается действовать на сейме в пользу русских требований²¹. «Я на это ему донес, — писал Репнин в той же депеше, — что он один с Россиею более сочиняет, нежели все достальное число здешней нации, а при том просил его в-ство, чтобы он вывел меня из удивления и открыл, каким образом он один быть чае. И хотя б его дядьи и противны сему были, то не имеет он несколько собственно своей персоне преданных людей, кои б могли обще со мною о успехе сего дела работать. Но его в-ство, — продолжал посол, — просил меня, чтобы сей откровенности не требовал, что он не может мне ничего более сказать <...> а прибавлений в том ни малейшего не делает, когда говорит, что он действительно один»²². Слова Станислава Августа об одиночестве находят подтверждение и в корреспонденции польского короля с М. Т. Жоффрен. Накануне открытия сейма, 5 октября, Станислав Август писал своей парижской приятельнице: «Положение мое и очевидная недостаточность тех, с кем имею дело, вынуждают меня никому не доверяться душой и телом, что противно моей натуре. И только две особы, которые со мной — рассудок и дальновидность»²³. В том же смысле, спустя несколько дней, Станислав Август высказался и в разговоре с Репниным.

Беседа эта была примечательной во многих отношениях, однако сейчас мы хотели бы указать только на два обстоятельства. Во-первых, на стремление Репнина внести раскол в правительственный лагерь и придерживаться прежней тактики поддержки короля против старших членов «фамилии» и, во-вторых, на мысль русского посла действовать совместно со Станиславом Августом и узким кругом непосредственных ставленников России. Высказанная впервые в начале сейма 1766 г. эта идея найдет свое продолжение во время Барской конфедерации и станет основополагающим принципом русской политики в Польше, начиная с 1773 г.

Новые попытки русского посла склонить короля выступить совместно с ним в интересах диссидентского дела также оказались безрезультатными. Репнин писал,

что не понимает причин упорства «фамилии» и Станислава Августа, так как для противодействия у них нет сил и даже денежной помощи от католических держав. По его мнению, Чарторыекие могли рассчитывать спастись лично, привязав к себе короля, поскольку в этом случае России было бы неудобно разгромить «партию» старых князей. Но позиция самого Станислава Августа оставалась для посла необъяснимой, хотя, как подчеркивал Репнин, в его искренности он не сомневался.

II

Последние усилия Н. В. Репнина заставить Станислава Августа и Чарторыхских выполнить требования Петербурга в диссидентском вопросе не вселяли в посла особых надежд и не заслонили других задач: выступления с декларацией на сейме, роспуска Генеральной конфедерации и подготовки конфедерации диссидентов.

В день открытия сейма к Ф. Белиньскому был отправлен секретарь русского посольства И. Ф. Аш, который вручил коронному маршалу формальное требование Репнина об аудиенции на сейме. Соответствующие инструкции получил из Берлина и Г. Бенуа²⁴. Накануне сейма Репнин обращался к русскому послу в Пруссии В. С. Долгорукову и хлопотал о пожаловании Бенуа более высокого ранга, чтобы это открыло для прусского резидента возможность наравне с русским послом выступать на сейме²⁵. Ответ от Долгорукова²⁶ и новые полномочия для Бенуа были получены в Варшаве 6 октября. Однако, несмотря на присвоение прусскому послу ранга полномочного министра²⁷, польский двор отказал ему в аудиенции на сейме, сославшись на отсутствие прецедента²⁸. Такое решение не могло состояться без молчаливого согласия самого Бенуа, который следовал секретным сентябрьским инструкциям Фридриха II и в тайне противодействовал успеху диссидентского дела.

В связи с планами выступления на сейме послов России и Пруссии о своем намерении требовать аудиенцию на сейме заявил в частном разговоре с королем и папский нунций А. Е. Висконти. Узнав об этом, Репнин отправился к нему и изложил содержание письма Панина Чарторыхским, добавив, что дело диссидентов не затрагивает вопросы веры, а является по своему содержанию делом светским («гражданским»), так как речь идет о восстановлении диссидентов в «гражданских чинах, а не о веротерпимости, с которой все согласны». В ответ Висконти подчеркнул, что Рим не согласится «и на толеранцию». Репнин попытался уговорить нунция не выступать на сейме, но тот заявил, что уже получил «четкие инструкции»²⁹. На этом посол расстался с нунцием, как писал Репнин, сказав ему напоследок, что сожалеет, «если от сего потерпят католики в наших областях и в тех державах, кои с нами согласно в сем деле поступают. Стороной же я совершенно знаю, — продолжал посол, — что он (Висконти. — *Б. Н.*) получил от своего двора реприманд по жалобам здешнего духовенства за то, что смирным и резонабельным образом по сему делу поступал, ибо он действительно человек тихой и нимало не наполненный фанатическими принципами»³⁰.

Репнин был, разумеется, прав, когда замечал, что Висконти не принадлежал ни к политическим, ни к религиозным «фанатикам», однако это не мешало нунцию быть одним из наиболее последовательных противников диссидентского дела, как это видно из его донесений в Рим в 1766 г. Вместе с тем позиция Висконти, по понятным причинам, определялась не интересами польских магнатских группировок,

а долговременными политическими целями Святого престола. С этой точки зрения, любые постановления сейма в пользу иноверцев ослабляли бы позиции католической церкви в Польше. Однако нунций сознавал, что барьером на пути к таким решениям станут не магнатские «партии» и даже не позиция епископов, на большинство которых, как писал сам Висконти, по разным причинам он не мог бы положиться, а «ревностное отношение к вопросам религии» польской шляхты. Именно к ней и было обращено опубликованное в Польше во всех епархиях в день открытия сейма послание Папы Клементия XIII³¹. В то же время нунций понимал значение хороших отношений с польским двором, от которого зависело назначение епископов, бывших одновременно духовными сенаторами. Вместе с тем папский посол исходил из того, что ни одна из политических группировок в Речи Посполитой в настоящее время не способна безраздельно занять господствующее положение и вместе с тем все они могут послужить интересам католической церкви и Римской курии в том случае, если Рим не станет открыто на сторону ни одной из них. Именно эти соображения излагал Висконти в своих донесениях кардиналу Л. М. Торрижани и шефам пропаганды Святого престола накануне сейма. Ими и руководствовался нунций, не желая без особой необходимости, выходить на авансцену польской политики. Однако требование Репниным аудиенции побудило и папского посла сделать то же самое, чтобы усилить воздействие послания Клементия XIII и поддержать настроения шляхты в пользу защиты католицизма и незыблемости привилегий католической церкви, правда, не затрагивая непосредственно прерогатив светской власти. Об этом Висконти доносил в Рим 8 октября, сообщая об открытии сейма и намерении Репнина выступить с декларацией по диссидентскому вопросу³².

По мере того как Репнин все более определенно осознавал, что Станислав Август и «фамилия» отвергли требования России о восстановлении диссидентов в сословных правах, в действиях русского посла на первый план выступала задача ликвидации Генеральной конфедерации и организации конфедерации иноверческой шляхты. Однако, как доносил русский посол в Петербург 11 октября / 30 сентября, он предвидел в деле роспуска конфедерации большие трудности из-за «тесного соединения Чарторыхских с королем» и предлагал направить Станиславу Августу и сейму специальную декларацию с требованием «развязания» конфедерации. Такой же демарш, считал Репнин, должны были предпринять и в Берлине, о чем посол собирался поговорить с Бенуа³³. В том, что подобный шаг будет поддержан Пруссией, сомневаться не приходилось. Об этом свидетельствовало письмо В. Долгорукова — Н. В. Репнину от 8 октября / 25 сентября, в котором русский посол в Берлине передавал слова К. В. Финкенштейна, что расширение религиозных прав грозит вмешательством Вены и Версаля, а также Порты в дела Польши, что свобода республики находится под угрозой и что конфедерация должна быть распущена на сейме³⁴. Г. Бенуа сам заговорил с Репниным о соответствующей декларации, уверив русского посла, что подаст ее без дополнительных инструкций из Берлина³⁵.

Одновременно Репнин начал переговоры об образовании конфедерации с руководителями диссидентов. Уже в первый день сейма посол говорил об этом с Августом Станиславом и Ежи Вильгельмом Гольцами. Они выразили готовность провозгласить конфедерацию, но опасались неудачи, если в месте, где соберутся диссиденты не будет русских войск. «Да и действительно, — констатировал Репнин, — им сего сделать невозможно, ибо при начале самом, без сей подкрепки, были б католиками и здешними

войсками как бунтовщики перерезаны». Посол подтверждал, что как только конфедерация диссидентов будет образована, то ею будет направлена депутация в Петербург с обращенной к Екатерине II просьбой о протекции³⁶.

Продолжение переговоров с диссидентами было изложено Репниным в депеше от 11 октября / 30 сентября. Посол сообщал, что Гольцы поручились «и за прочих шефов диссидентских», но, помимо войск, попросили еще и денег «для привлечения и содержания при себе бедного дворянства». Конфедерации должны были образоваться одновременно в четырех местах: В Польской Пруссии, в Великой Польше, в Малой Польше и в Литве. К литовской конфедерации должны были присоединиться и православные. Правда, Репнин замечал, что их всех собравшихся в Варшаве не католиков православных представляет только Г. Конисский. «Да, по несчастью, — продолжал посол, — и привезти некого, быв все почти греческое дворянство в такой бедности, что сами землю пашут»³⁷.

Сообщая о войсках для поддержки конфедерации, находящихся в распоряжении посла, Репнин указывал, что их здесь всего три батальона пехоты и два кавалерийских полка — карабинерный, да Чугуевский казачий. Поэтому, по его словам, распределить силы можно было только, расположив в трех местах по батальону, а в четвертом — две роты Куринского полка, прикомандировав ко всем четырем частям равные подразделения кавалерии³⁸. Таким образом, для защиты диссидентских конфедераций выделялось (без учета некомплекта) примерно 2300 чел. пехоты и 1400 чел. кавалерии, т. е. при каждой из конфедераций диссидентов находился бы отряд численностью в 900–1000 человек. Репнин не ожидал «формального сопротивления и сим войскам, но однакож, — замечал посол, — отвечать не смею за партикулярное фанатичество, соединенное с безрассудным бешенством и пьянством, которым правил положить невозможно». Поэтому он опасался непредвиденных «нечаянностей», с которыми могут столкнуться «столь мелкие корпуса»³⁹; и просил дополнительных инструкций относительно планов образования конфедераций диссидентов. О «наставлениях» Репнин просил и на тот случай, если после провозглашения диссидентских конфедераций иноверцы будут объявлены «злодеями отечества и велено будет в силу того с ними поступать»⁴⁰.

Посол доносил также, что в настоящий момент он не видит возможности опереться на магнатов из рядов оппозиции. Несмотря на переговоры с Т. Весселем, лидеры «патриотического» лагеря и прежние сторонники Австрии и Франции, как замечал Репнин, «всегда были нам противны», а сейчас особенно — из-за диссидентского дела. По его словам, положение могло бы измениться только после образования диссидентских конфедераций и принятия под давлением военной силы требований России в пользу диссидентов. Только тогда, считал Репнин, можно было бы вести дело к созданию вновь «русской партии». Он писал: «И когда уже (магнаты. — Б. Н.) не увидят способа отказать нашим требованиям, подкрепленным силою, то тогда, может быть, как король, так и те же Чарторьские по окончании сего дела опять к нам пристанут, и хотя на совершенную их преданность считать будет трудно, однако и за других не более ответственность будет можно, имея нужду всегда прилежно за поведением их примечать»⁴¹.

В депеше Репнина от 11 октября / 30 сентября 1766 г вполне определенно и недвусмысленно прозвучало признание провала политики России в диссидентском вопросе и двухлетних усилий русской дипломатии добиться уравнивания в сословных

правах диссидентской шляхты с католиками. Для русского посла такой результат не был неожиданностью, однако последнее его признание имело немаловажное значение, поскольку в нем окончательно констатировалось, что вместе с крушением надежд на разрешение на сейме 1766 г. диссидентского вопроса, русская политика потеряла в Речи Посполитой внутреннюю опору в лице реформаторского лагеря.

III

В то время как Н. В. Репнин предпринимал последние усилия склонить короля и «фамилию» действовать на сейме в пользу предоставления диссидентам сословного полноправия и вел переговоры об образовании диссидентских конфедераций, оппозиция выступила на сейме против курса Станислава Августа и планов двора и Чарторьских. Первые попытки были предприняты еще на 5-й сессии, 10 октября, когда попытались взять слово Феликс Чацкий — подचाший коронный и Михал Вельгурский — литовский кухмистр. Против этого выступили кременецкий подкоморий Пясковский, вышиньский староста Лось и воронецкий староста Четвертыньский, которые протестовали против нарушения установленного порядка сеймования. После чего А. Замоиский зачитал заключение Сенатского совета⁴².

Атаки противников двора возобновились на следующий день, 11 октября, когда Чацкий, получив наконец слово, выступил в защиту исключительного права сейма назначать посольства. В узком смысле его речь была направлена против миссии Ф. Ржевуского в Петербурге и против возможных соглашений, которые польский посол мог заключить в российской столице. В широком смысле подचाший коронный нападал на королевские prerogatives ведения внешней политики и утверждал, что не королевская власть, а свободная шляхта, представленная на сейме, выступает субъектом внешней политики Речи Посполитой, а поэтому только сейм в праве направлять посольства и давать инструкции послам при иностранных дворах⁴³.

Вслед за Чацким выступил волынский посол М. Вельгурский. Он говорил в защиту «веры и вольности» и подчеркивал, что существенным различием между монархическим и республиканским правлением является свобода народа в республике. По словам кухмистра литовского, свобода предполагает право «вольного голоса» шляхты на сеймиках и сеймах. Этот тезис был явно направлен против введенного в 1764 г. правила принятия решений на сеймиках большинством голосов и Генеральной конфедерации, при которой таким же образом принимались и конституции сейма 1766 г.⁴⁴ Хотя и Чацкий и Вельгурский не забыли упомянуть в своих речах о данных им на сеймиках инструкциях о сохранении статуса и привилегий католической религии в Польше, пафос их выступлений был направлен не столько против диссидентов, сколько против реформ 1764 г. и реформаторских проектов двора.

После выступления Чацкого и Вельгурского слово взял епископ краковский К. Солтык⁴⁵. С самого начала он заявил, что его целью является «защита веры и установление строгого порядка для диссидентов», которые, вопреки многочисленным конституциям, получили поддержку из-за границы. Затем Солтык «просил короля» о выводе из Польши российских войск. Критиковал епископ деятельность финансовой комиссии, которая, по его словам, противоречила конституции 1717 г. Однако экономические вопросы прелат затронул, чтобы избежать упрека в нарушении регламента сейма, и затем перешел к главному пункту своего выступления,

заявив, что фундаментом государства, «единственным основанием наших прав и вольностей является святая римско-католическая вера». Под лозунгом защиты свободы Солтык потребовал роспуска Генеральной конфедерации. Позволил себе краковский епископ и косвенный выпад против Станислава Августа, заявив, что при избрании короля он, Солтык, надеялся на безопасность веры, церкви и свободы, в чем, однако, ему пришлось испытать разочарование. По вопросу об инициаторах диссидентского дела епископ высказался в том смысле, что Россия выступила в поддержку иноверцев не по собственной инициативе, а по призыву из Польши. Солтык не назвал виновников кризиса, но с помощью красноречивого умолчания указал как на лидеров самих диссидентов, так и на короля и «фамилию». Весьма много говорил епископ и об угрозе Репнина по своему адресу, изображая при этом себя как истинного героя, защитника свободы и веры.

В заключение К. Солтык прочитал проект конституции (постановления сейма) «Защита Веры»⁴⁶, в котором провозглашалось, что «от Веры проистекает родная ее сестра — Свобода». Однако центральное место в проекте краковского епископа принадлежало отнюдь не вопросу о диссидентах, а постановлениям сеймов 1764 г. «Правда, установленные в конституциях последних сеймов конвокации и коронации, — говорилось в проекте, — суть тройкого свойства. Первые следует полностью отменить, вторые в части своей нуждаются в исправлении и разъяснении, третьи, которые можно счесть хорошими, подлежат окончательному утверждению на свободном сейме».

Речь К. Солтыка вызвала замешательство на сейме. Одни послы кричали «zgoda», требуя утверждения его проекта, другие — призывали продолжить дискуссию, третьи, ссылаясь на процедуру сейма, указывали, что поставить проект Солтыка на голосование вправе лишь маршал сейма. Успокоить страсти удалось только Станиславу Августу, который переключил внимание послов на назначение нового коронного маршала на место скончавшегося накануне Ф. Белиньского. Король напомнил послам, что сейм не может продолжаться до тех пор, пока не заняты все вакантные государственные должности. Новым маршалом коронным стал Станислав Любомирский, а проект Солтыка так и остался не принятым⁴⁷. Польский король сумел сохранить контроль над сеймом, а оппозиция упустила возможность восторжествовать в полной мере.

Выступление епископа краковского на сейме, несомненно, произвело большое впечатление, однако реакция на него была различной. Среди епископов она встретила одобрение только у И. Массальского и А. Островского⁴⁸. Остальные прелаты предпочли до времени хранить молчание, не желая поддерживать претензии Солтыка на роль лидера оппозиции и вместе с тем ожидая, как повернется ситуация на сейме и какое соотношение сил сложится в светских магнатских кругах.

Получила резонанс речь Солтыка и среди дипломатов, а также при европейских дворах. Однако в Вене, Дрездене и в Париже официальной реакции на выступление краковского прелата не последовало. Нунций А. Е. Висконти назвал речь Солтыка весьма острой⁴⁹, а римская пропаганда использовала ее как свидетельство протеста польских католиков. Н. В. Репнин прислал подробное изложение выступления краковского епископа в Петербург⁵⁰. Но в донесениях русского посла в «экстракте» речи епископа содержались исключительно выпады Солтыка против диссидентов и призывы защитить католическую веру, а нападки на политику польского двора по рефор-

мированию государственного строя Речи Посполитой были опущены как малозначимые. В том же духе прозвучала и направленная в российскую столицу нота П. Грабовского от 12 октября⁵¹. Екатерина II назвала речь Солтыка образцом фанатизма⁵².

Реакция современников на выступление краковского епископа на сейме во многом повлияла и на его оценку в историографии. С. М. Соловьев без комментариев привел присланное Репниным изложение речи Солтыка и нелестные высказывания русского посла по адресу епископа⁵³, присоединившись тем самым к официальной концепции Петербурга. Позиция Соловьева стала впоследствии общепринятой для российской историографии. В работах Х. Шмита, М. Ц. Лубеньской и К. Рудницкого⁵⁴, которые специально рассматривали вопрос о политической ситуации вокруг диссидентского дела на сейме 1766 г., отмечалось, что Солтык выступил наиболее решительным противником уравнивания диссидентов как в религиозных, так и в сословных правах, а также защитником «веры и свободы». Однако подчеркивалось и то, что главными своими противниками краковский епископ видел Станислава Августа и «фамилию». Наиболее определенно оценка политической позиции Солтыка была дана В. Конопчинским, который писал, что «двор оказался, по меньшей мере, между молотом и наковальней. С одной стороны, Репнин диктовал <...>, какие уступки должны быть сделаны в пользу некатоликов, с другой — Солтык и его сторонники, не вникая доводам посла, опираясь на фальшивое истолкование трактатов, нападали на двор во имя веры и свободы <...>. Замыслом интриганов было попать дело „фамилии“»⁵⁵. Последнее, как подчеркивал позднее Э. Ростворовский, привело к совместным действиям Репнина и Солтыка против запланированных реформ⁵⁶.

Как только в Петербурге стало известно о начале сейма в Варшаве и выступлении на нем К. Солтыка, Н. В. Репнину был отправлен императорский рескрипт от 17/6 октября⁵⁷ и две депеши Н. И. Панину от 18/7⁵⁸ и 20/9⁵⁹ октября. В рескрипте говорилось, что сбылись опасения о «двоякости по диссидентскому делу» короля и Чарторыхских, указывалось на «неблагодарность» и «против лучшей своей пользы ослепление» Станислава Августа. К рескрипту были приложены письма польского короля и ответы на них Екатерины II и Панина, которыми послу предписано было руководствоваться. Императрица заявляла, что «не ожидает уже многого» от аудиенции Репнина на сейме. Далее послу поручалось: обратиться за поддержкой к противникам Чарторыхских; разорвать Генеральную конфедерацию; чтобы диссиденты выступили с протестом на сейме, опубликовали соответствующий манифест и образовали собственную конфедерацию, после чего направили депутацию в Петербург. Для защиты конфедератов-диссидентов послу поручалось использовать войска Н. И. Салтыкова⁶⁰.

Уточняя положения рескрипта, Н. И. Панин писал на следующий день Репнину, что «удаление» посла от Чарторыхских и обращение за помощью к их противникам ни в коем случае не должно сопровождаться нападками на короля, что согласие с ним старших князей чисто внешнее, что воевода русский и канцлер литовский готовы распустить Генеральную конфедерацию, чем следует воспользоваться. «Чарторыхские, — писал Панин, — обывнув первенствовать, не отрекутся взять на себя руководство нашей партией». Однако, сохраняя возможность нового сговора с вождями «фамилии», Панин предписывал составить «новую партию», «ибо существо дел наших требует неотменно иметь в Польше всегда готовых друзей», ради которых шеф русской внешней политики не исключал даже возвращения в Польшу К. Радзивилла. Па-

нин одобрил решение Репнина направить войска в имения Массальских и Солтыка, однако рекомендовал послу отменить его в отношении владений краковского епископа, чтобы военные меры в Малой Польше не вызвали излишнего беспокойства венского двора. К тому же, рассуждал руководитель русской внешней политики, занятие имений магнатов сейчас не изменит ситуации на сейме, то было бы лучше использовать корпус Салтыкова для прикрытия диссидентской конфедерации.

Говоря о конфедерации иноверцев, организация которой становилась теперь главной задачей Репнина, Панин подчеркивал, чтобы те в своих протестах не затрагивали короля, а, напротив, показали бы, «что диссиденты соединились узлом конфедерации не против его верховной власти и республики, но против наглых насильств и несправедливого утеснения фанатической части сограждан своих». Панин также сообщил, что отбывающий из Петербурга представитель диссидентов староста гомельский Ян Красиньский должен представить своим собратьям уверения в твердой поддержке со стороны императрицы. В отличие от согласованного Репниным с Гольцами плана конфедерации в трех местах (в Литве, Малой Польше и на границе Великой Польши и Королевской Польши) Панин предлагал образовать конфедерацию только в Литве вблизи русских границ. Это мнение свидетельствовало о том, что в Петербурге понимали недостаточность сил для более значительного предприятия как самих диссидентов, так и имевшихся в Польше русских войск⁶¹.

О взглядах в Петербурге на планы образования диссидентской конфедерации после получения там депеши Репнина от 11 октября / 30 сентября, в которой посол сообщал о переговорах с лидерами диссидентов, свидетельствует нота от 19/8 октября, направленная им через Репнина из российской столицы. В ней говорилось, что в случае нужды следует составить не более двух конфедераций. Третью — в Малой Польше можно было бы образовать, чтобы «поставить ее поблизости от католиков этой провинции, которые пожелали бы присоединиться к ней». Эта мысль в ноте получила дальнейшее развитие, когда там подчеркивалось, что «диссиденты будут обязаны употребить <...> все возможное, чтобы привлечь в свою конфедерацию знатных католиков из партии противной князьям Чарторыским»⁶².

В Варшаву был также отправлен «План записки»⁶³, который представлял собой текст манифеста иноверцев на сейме. В нем в самых высокопарных выражениях подчеркивалась верность диссидентов королю и Речи Посполитой и содержалось «ходатайство» о «восстановлении как светских, так и духовных прав иноверцев, прав, кои вследствие несчастий и превратностей минувших времен были нарушены с 1717 года по настоящее время».

Наконец в депеше от 20/9 октября⁶⁴ Н. И. Панин повторил положения предшествовавших инструкций с рядом существенных дополнений. По вопросу о разрыве Генеральной конфедерации шеф русской внешней политики предлагал в случае необходимости не только распустить конфедерацию, но и разорвать сейм, чтобы послы, «не совсем Чарторыским преданные», разъехались и не участвовали бы в нем. Противникам двора предлагалось тем самым повторить демарш Я. К. Браницкого 1764 г. При этом в Петербурге должны были сознавать, что без открытой поддержки русских войск такой шаг едва ли мог сыграть отведенную ему роль. Панин сообщал Репнину, что декларацию о разрыве конфедерации подаст и Бенуа. Концепт прусской декларации был приложен к депеше⁶⁵. Панин также писал, что Я. Красиньский везет рескрипт за подписью Екатерины II о поддержке диссидентов, который

следовало обнародовать только при образовании конфедерации иноверцев. Наличие рескрипта с императорской подписью указывало, что вопрос о конфедерации диссидентов был решен в Петербурге бесповоротно. Единственное, в чем сомневался Панин, хватит ли для этого войск. Руководитель русской внешней политики пустился также в пространные рассуждения о возможности объявления диссидентов «злодеям и отечества» и применения против них силы. Он не считал это вероятным, однако не мог исключать и опасений Репнина. Поэтому послу поручалось внимательно следить за поведением двора и магнатов, чтобы всеми средствами воспрепятствовать их мерам против диссидентов, а «в случае крайности» заявить письменно, что Екатерина II «такой поступок со стороны польской примет от короля и республики за точное объявление войны ей и ее империи»⁶⁶.

Таким образом, последовавшие после начала сейма дополнительные инструкции Репнину содержали лишь уточнение прежней тактики и вполне соответствовали тем шагам, которые были уже предприняты послом. Новым в их содержании была неприкрытая угроза войны, в том случае, если польский двор и сейм решаться на открытое сопротивление политике Петербурга.

IV

В тот же день, 11 октября, когда королю и его сторонникам удалось прекратить обсуждение на сейме проекта К. Солтыка «о защите веры», с речью перед послами выступил коронный канцлер А. Замойский. От имени четырех канцлеров — хранителей народных печатей он заявил, что его королю известны недостатки законодательства о проведении сеймов, в связи с чем последовало повеление канцлерам составить проект: «Порядок рассмотрения на сейме скарбовых материй»⁶⁷. Формально проект Замойского исходил от министерства, а именно от канцлеров Речи Посполитой. Правда, уже в начале его речи было недвусмысленно указано, что инициатива представления проекта принадлежит самому Станиславу Августу. В проекте говорилось, что согласно конституции сейма конвокации 1764 г. коронная и литовская скарбовые комиссии обязаны представить сейму роспись доходов и расходов. Их проверкой должны заняться делегаты по одному сенатору и по два посла от каждой из трех провинций Короны и от Литвы, на что отводилось 12 дней. После чего делегаты совместно с комиссиями представляют сейму проекты нового бюджета, который должен быть подписан маршалом сейма⁶⁸.

Обширный и многословный проект Замойского был составлен в весьма общих выражениях, а наиболее конкретная его часть посвящена сугубо процедурным вопросам рассмотрения бюджета, на которые авторы и рассчитывали направить внимание послов на сейме, скрыв таким способом существо предлагаемых нововведений. Об этом доносил Н. В. Репнин в Петербург⁶⁹, указывая, что проект в действительности представлен «от короля, министерства, тож Чарторыхских и их партий», что, согласно проекту, «дела казны» (о доходах и расходах) «должны все навсегда решимы быть на сеймах множеством голосов», при этом не объяснено, «в чем точно сии материи казенные состоят». Вместе с тем, подчеркивал русский посол, по проекту к ним относится и введение новых податей, что, как считал Репнин, «уже не принадлежит к экономическим делам, но — к государственным», а решения по последним должны приниматься только единогласно⁷⁰.

В ходе обсуждения экономического проекта на сейме мнения разделились.

Таблица 6. Участники обсуждения проекта А. ЗамоЙского на сейме 1766 г. (сессия 9–13, 15–20 октября)

Поддержали проект	<ol style="list-style-type: none"> 1. Антони Морский — кашт. львовский 2. Томаш Длуский — 3. Антони Тызенгауз — подскарбий надз. лит. 4. Анджей ЗамоЙский — канцлер вел. кор. 5. Николай Пяковский — подкоморий кременецкий 6. Владислав Рох Гуровский — писарь вел. кор. 7. Станислав Любомирский — маршал кор. 8. Михал Чарторыский — канцлер вел. лит. 9. Ян Николай Ходкевич — кашт. жмудский 10. Казимир Понятовский — подкоморий вел. кор. 11. Бернард Годский — воев. подляшский 12. Антони Любомирский — воев. любельский
Выступили в поддержку проекта и в защиту веры	<ol style="list-style-type: none"> 1. Юзеф Сосновский (Солоновский) — посол брестский лит. 2. Игнацы Твардовский — воев. калишский
Выступили против проекта	<ol style="list-style-type: none"> 1. Адам Малаховский — крайчий кор. 2. Юзеф Сариуш Яклиньский — кашт. освенцимский 3. Фрайтишек Загурский — ст-та овруцкий 4. Адам Красиньский — еп. каменецкий 5. Михал Массальский — гетм. вел. лит. 6. Томаш Солтык — воев. ленчицкий
Выступили против проекта и в защиту веры	<ol style="list-style-type: none"> 1. Антони Островский — еп. Куявский 2. Казтан Солтык — еп. Краковский 3. Николай Тадеуш Лопациньский — писарь вел. лит. 4. Юзеф Енджей Залуский — еп. киевский 5. Ксаверий Корвин Кохановский — кашт. жарновский (чеховский?) 6. Феликс Чацкий — подचाший кор.

Многие из поддержавших проект послов и сенаторов стремились избежать его обсуждения по существу. В этом духе выступили А. Морский⁷¹, Т. Длуский⁷². Показательной была речь В. Р. Гуровского⁷³, который ограничился благодарностью в адрес ЗамоЙского, что прозвучало как знак одобрения проекта, и предложил послам продолжить его обсуждение. А. Тызенгауз, возражая К. Солтыку, особо подчеркнул, что «материи религии» не должны препятствовать рассмотрению финансовых вопросов⁷⁴.

Из лагеря оппозиции первым по проекту ЗамоЙского выступил А. Островский. По уговору с К. Солтыком епископ куявский намеривался взять слово сразу после прочтения проекта. Однако тогда его речь не состоялась из-за попыток Ф. Чацкого нарушить порядок работы сейма⁷⁵. Когда 15 октября дискуссия возобновилась, Островский целиком поддержал краковского прелата в деле защиты католической веры и против диссидентов, а по поводу порядка рассмотрения на сейме экономических вопросов заявил, что «право не может быть отменено новым правом», указывая,

что порядок обсуждения дел по финансовой комиссии уже установлен конституцией сейма 1764 г. и поэтому не подлежит пересмотру. При этом он имел в виду, что также и законы, ограничивающие права диссидентов не могут быть изменены по тем же основаниям.

Говоря о сути проекта Замойского, Островский отмечал, что в нем трактуются не только финансовые материи, но — право в целом. Поэтому, анализируя проект, надлежит, по словам епископа, четко разделить вопросы финансовые и государственные. Главное, на что была направлена речь Островского и о чем тот говорил совершенно недвусмысленно, была защита шляхетской вольности⁷⁶.

Вслед за епископом куявским, посол краковский Адам Малаховский потребовал уничтожения «множества голосов»⁷⁷. А затем Ю. С. Яклиньский призвал к роспуску Генеральной конфедерации⁷⁸. К. Солтык в свою очередь убеждал не смешивать «материи религии и скарбовые», передав последние на рассмотрение сеймиков⁷⁹. Тем самым заинтересованность земских шляхетских корпораций в том, чтобы самим решать вопросы налогообложения и контролировать государственные средства, краковский епископ стремился использовать, дабы побудить земских послов добиваться ослабления центральной власти и с большим рвением выступать в защиту «золотой вольности». Когда в результате решительной атаки оппозиции на правительственный проект, да и на весь реформаторский курс двора стало очевидно, что проташить его без принципиального обсуждения не удастся, с программной речью выступил А. Замойский⁸⁰, который дважды брал слово в ходе дискуссии. Отвечая своим наиболее решительным критикам, А. Островскому и К. Солтыку, за словами которых угадывалась общая позиция епископата, коронный канцлер отмечал, что в сейме участвуют три «стана» Речи Посполитой: король, сенат и рыцарское сословие. Духовенство, по его словам, является чином только в моральном смысле и не может претендовать на то, чтобы быть чином политическим и в особенности самостоятельно участвовать в сейме, поскольку оно входит в состав Сената. Вера, продолжал Замойский, в деле государственного управления не может быть соединена с экономикой. Она должна быть отделена от земских интересов, от судебных мирских дел. Тем самым, канцлер стремился воспрепятствовать нападкам епископов на реформаторскую программу двора.

Однако содержание его речи выходило далеко за рамки поставленной задачи обоснования правительственного проекта. Замойский говорил о соотношении светской и церковной власти, о понимаемой в духе идей Просвещения секуляризации государства. При этом провозглашенный в его выступлении принцип отделения светской власти от сферы религии косвенно прозвучал и как критика диссидентской программы Петербурга, поскольку та предусматривала предоставление иноверцам общественных должностей как особого права для конфессиональных меньшинств. Наконец, коронный канцлер, хотя и весьма отдаленно, затронул проблему соотношения поземельных и сословных прав шляхты и духовенства, поскольку структура сейма и прерогативы его участников отражали положение господствующих сословий польского общества. Правда, чтобы чрезмерно не напугать прелатов секуляризационными замыслами, А. Замойский поспешил заверить духовных сенаторов, что двор не намерен покушаться на их участие в решении государственных вопросов. Он указал, что в таких делах, как война, заключение мира, отношения с иностранными государствами, которые, как и религия, не относятся, по его словам,

к экономике, духовным сенаторам неотъемлемо принадлежит подобающее место, и напомнил, что в 1764 г. примас и некоторые сенаторы были уполномочены Речью Посполитой вести переговоры с российским и берлинским дворами.

В заключение А. Замойский перешел к главному тезису своего выступления⁸¹. «Экономика, — заявил он, — является фундаментом каждого государства». Наибольшим же недостатком польского законодательства, по его словам, было то, что оно позволяло разрывать сеймы, что недопустимо в будущем, ибо «невозможно держать совет по другим вопросам, не установив *status presentem* государства в экономических делах⁸², т. е. не устранив права *liberum veto* в этой области, что предполагало и установление принципа большинства голосов при введении новых налогов. Последнее, правда, не было сказано прямо, но логически вытекало из экономического проекта двора.

Высказались по проекту А. Замойского и вожди «фамилии». С. Любомирский, отвечая на требования распустить конфедерацию, обращал внимание послов, «что и под узлом конфедерации по всем материям, помимо экономических, мы отправляем сеймование, скрупулезно соблюдая все права», что должно было послужить доказательством свобод республики в условиях сконфедерированного сейма. Отвечая на обвинение К. Солтыка, что доклад скарбовой комиссии и исчисление доходов и расходов якобы не вызывают доверия, вновь назначенный маршал коронный подчеркнул, что «к чести скарбовой комиссии она полностью выполнила свои обязанности как по описанию прав (экономических. — *Б. Н.*), так и по исчислению коронного скраба (доходов и расходов. — *Б. Н.*), и, если бы время, отпущенное на проведение сейма, позволило, то в деталях представила бы все расчеты и документы». Возражая на тезис оппозиции, что законодательство по экономическим вопросам уже установлено сеймом в 1764 г., Любомирский подчеркнул, что обязанность исполнять его, не означает, что исключена возможность его интерпретации⁸³.

В заключение 9 сессии, 15 октября выступил М. Чарторыйский, который придерживался мысли, что законы, уже установленные, надлежит соблюдать, не отступая ни на йоту. Это касается и экономических вопросов, решение по которым следует поэтому принимать большинством голосов. Что же касается проекта Замойского, то, как сказал канцлер литовский, решение по нему и есть задача нынешнего сейма⁸⁴.

Выступления М. Чарторыйского и С. Любомирского показали, что старшие члены «фамилии», в отличие от сторонников Станислава Августа, избегали открытой дискуссии с противниками двора. Они стремились не акцентировать нововведений, содержащихся в проекте Замойского, а, напротив, подчеркивали, что конституция о «множестве голосов» уже была принята раньше, на сейме 1764 г., и что сейчас речь идет только о ее толковании. Такая тактика была принята реформаторским лагерем еще накануне сейма, однако в ходе дискуссии по проекту Замойского перед лицом решительного наступления оппозиции между сторонниками Чарторыйских и людьми, близкими к Станиславу Августу, наметились некоторые расхождения. Это нашло еще одно подтверждение 16 октября в речи К. Понятовского, который заявил, что внесенный проект не распространяется на дела религии, объявление войны, заключение международных договоров, как и на другие «материи *status*». Вместе с тем, настоятельно подчеркивал брат короля, налоги, безусловно, должны устанавливаться большинством голосов. Таким же образом он предлагал решать вопросы по военной комиссии и судебные дела. Призвал К. Понятовский и к продолжению Генеральной конфедерации⁸⁵.

На сейме по проекту выступили ряд сенаторов и послов, позиция которых в дискуссии прозвучала менее определенно. Так в самом начале обсуждения любельский посол С. Выбрановский заявил, что согласно своей инструкции, предлагает избирать членов скарбовой комиссии по воеводствам⁸⁶. Хотя он и не высказался прямо по сути рассматриваемого проекта, однако его мнение, направленное на ослабление прав центральной власти и прерогатив сейма в пользу сеймиков в воеводствах, скорее, сближало его с позицией К. Солтыка.

Поморский посол К. Рогалинский высказался за то, чтобы права Королевской Пруссии, важнейшими из которых были податные иммунитеты, не подпадали под «экономические материи», а принадлежали бы только к государственным делам, которые требовали единогласного решения. Он также предложил рассматривать вынесенные на сейм вопросы только через три дня после их представления послам, чтобы те успели определить свою позицию⁸⁷. Хотя Рогалинский и не выдвинул возражений против проекта в целом, однако его выступление за сохранение привилегий прусской провинции и старых вольностей позволяет причислить его к противникам двора.

В защиту веры и вместе с тем в поддержку проекта Замойского держал речь Юзеф Сосновский⁸⁸ — один из сторонников «фамилии» в Литве, человек близкий к Я. Е. Флемингу и К. Ю. Сапеге, бывшему в то время брестским воеводой. Однако принадлежность Сосновского к «фамилии» можно признать только с существенными оговорками. На сеймиках 1759–1762 гг. писарь литовский пользовался поддержкой как Чарторыхских и Флеминга, так и двора. Подписи Сосновского нет ни в манифесте против Брюля, ни в акте литовской конфедерации 1764 г. Как компромиссная фигура он предстает в качестве маршала сейма элекции в 1764 г. и подписывает акт избрания Станислава Августа. На сейме 1766 г. он принадлежал не столько к лагерю «фамилии», сколько к кругу литовских политиков, которые усматривали свои интересы преимущественно в Великом Княжестве и вместе с тем лавировали, стремясь использовать свои связи как с двором, так и с оппозицией.

Подобно Сосновскому, выступил на сейме и И. Твардовский. Будучи еще со времен саксонской династии одним из ближайших сторонников Е. Мнишека, калишский воевода не стремился поддерживать ни двор и «фамилию», ни К. Солтыка, что объяснялось также нежеланием старых «дворцов» потакать политическим амбициям краковского епископа. При обсуждении проекта Твардовский призвал охранять «целость веры» и вместе с тем высказался за назначение депутатов для подготовки конституции, против чего категорически возражал Солтык и его ближайшие сторонники⁸⁹.

После первого выступления в дискуссии А. Замойского оппозиция продолжила нападки на проект канцлеров о порядке рассмотрения на сейме экономических вопросов. Н. Т. Лопацинский заявил, что наложение новых податей представляет собой вопрос государственный и не подпадает поэтому под решение большинством голосов. Он также высказался в защиту католической веры и предложил исправить рассматриваемый проект в духе сохранения вольного голоса⁹⁰.

Вслед за В. Р. Гуровским слово взял А. Красиньский. Он не касался вопросов веры, а посвятил свою речь целиком экономическим вопросам, положительно оценив конституцию 1764 г. об образовании скарбовой комиссии «для обеспечения безопасности экономических материй». Однако, как подчеркивал камянецкий епископ, в этом деле следует «особо утвердить верховную власть чинов Речи Посполитой», поскольку «подводить под экономические понятия материи доходов и свобод есть признак слабости

разума <...> Мнение мое, — закончил, обращаясь к королю, свою речь Красиньский, — не продиктовано простым сопротивлением. Хорошо знаком, — говорил он, — с подлежащими обсуждению экономическими вопросами, знаю и то, что проект наилучшего учета (доходов и расходов. — *Б. Н.*) необходим чинам Речи Посполитой»⁹¹

После выступления С. Любомирского ленчицкий воевода Томаш Солтык, как и Ф. Чацкий, состоявший в свойстве с Малаховскими, повторил утверждение противников двора, что порядок проведения сеймов уже утвержден конституцией 1764 г. поэтому его надлежит исполнять, а не интерпретировать, как об этом говорил коронный маршал. Поэтому констатировал воевода, проект не может быть поддержан⁹². В том же духе высказался и М. Вельгурский⁹³. Опровергая эти утверждения противников двора, вторично взявший слово в ходе обсуждения проекта А. Замойский объяснял послам, что конституция 1764 года посвящена порядку рассмотрения финансовых дел, а нынешний проект — их содержанию⁹⁴, т. е. введению новых налогов большинством голосов, а не единогласием.

Наиболее острая критика политики двора и «фамилии», прозвучавшая в ходе обсуждения проекта Замойского, содержалась в выступлении К. К. Кохановского. Каштелян решительно выступил против дела диссидентов, утверждая вслед за К. Солтыком, что права иноверцев установлены конституциями сеймов 1717, 1736 и 1764 гг., высказался в поддержку проекта К. Солтыка о защите веры. Пафос речи Кохановского был направлен против Генеральной конфедерации, которая, по его словам, не выполнила своих обещаний. Проект министерства он считал неприемлемым, поскольку тот отвергается шляхтой⁹⁵.

В заключение прений выступил Ф. Чацкий, призывавший не назначать делегации для составления конституций⁹⁶. Тем не менее 203 голосами против 5 делегация была утверждена сеймом в конце 13 сессии, 20 октября.

Делегация по составлению конституций на сейме 1766 г.⁹⁷

Иероним Шептицкий — епископ плоцкий;

Эварист Анджей Куропатницкий — каштелян бельский;

Ян Борх — воевода инфлянтский;

Анджей Мошченьский — воевода иновроцлавский;

Тадеуш Дзедушицкий — чешник коронный, посол галицкий;

Томаш Длуский — подкоморий полоцкий, посол любельский;

Иоахим Литавор Хрептович — писарь лит., посол новогрудский;

Николай Тадеуш Лопациньский — писарь лит., посол мсциславский;

Гиацинт Наленч Малаховский — референдарь кор., посол серадзкий;

Август Сулковский — писарь вел., кор., посол плоцкий.

Голосование по составу делегации для составления конституций сейма, казалось бы, продемонстрировало подавляющий перевес двора и «фамилии» над своими противниками: только пятеро из их числа решились высказаться против. Однако представительство в делегации выглядело, скорее, компромиссным. Я. Борх, А. Мошченьский, Т. Дзедушицкий, Г. Длуский и И. Хрептович были сторонниками двора и «фамилии». Э.А. Куропатницкий, Н. Лопациньский, Г. Малаховский, А. Сулковский пред-

ставляли оппозицию, а плоцкий епископ И. Шептицкий еще со времени «бескорольев» был известен как «человек Москвы». Таким образом, в делегации сторонники и противники проекта А. Замойского были представлены поравну. Это же равновесие сил проявилось и в ходе обсуждения проекта (таблица 6), когда в его пользу выступили 14 человек, а против — 13. При этом недвусмысленно в поддержку реформаторского курса высказались только А. Замойский и К. Понятовский, в то время как старшие члены «фамилии» формулировали свою позицию не столь определенно. С этой точки зрения, нападки оппозиционеров на планы двора по установлению порядка голосования по экономическим вопросам выглядели гораздо более последовательными и принципиальными. Они добивались восстановления в полном объеме права вольного голоса и роспуска Генеральной конфедерации. В этой связи выступления противников двора в защиту веры имели явно второстепенное значение и были подчинены главной цели — не допустить проведения реформ государственного строя в Польше. На это указывает и то, что из 13 выступивших с осуждением проекта двора затронули диссидентский вопрос только шестеро. По разному высказались по вопросу о реформах и о диссидентах выступавшие на сейме епископы.

Епископы — участники сейма 1766 г.

Владислав Лубеньский — архиеп. Гнезненский, примас польский;

Вацлав Иероним Сераковский — архиеп. львовский;

Каэтан Солтык — еписк. краковский;

Антоний Островский — еписк. куявский и поморский;

Теодор Чарторыйский — еписк. познаньский и варшавский;

Иероним Шептицкий — еписк. плоцкий;

Антоний Волович — еписк. луцкий и брестский;

Анджей Баер — еписк. кульмский;

Феликс Турский — еписк. хельмский;

Юзеф Енджей Залуский — еписк. киевский;

Адам Красиньский — еписк. каменецкий;

Игнаций Якуб Массальский — еписк. виленский;

Стефан Гедройц — еписк. лифляндский;

Гавриил Водзицкий — еписк. смоленский.

Из 14 прелатов четверо духовных сенаторов брали слово по проекту А. Замойского, причем только трое связали намеченные преобразования с делом «защиты веры». При обсуждении экономических вопросов решительно против уравнивания иноверцев с католиками как в религиозных, так и сословных правах выступили К. Солтык, А. Островский и Ю. Залуский. Последовательно и твердо отстаивавший принцип «вольного голоса» А. Красиньский ни слова не сказал против диссидентов и всячески подчеркивал свою лояльность королю и двору. Остальные же предпочли хранить молчание, демонстрируя показное невмешательство в светские дела и ожидая дальнейшего развития событий.

В дискуссии по проекту Замойского наметились и расхождения в тоне выступлений между сторонниками Станислава Августа и Чарторыйских. Последние, хотя и

поддержали проект, стремились не вдаваться в его рассмотрение по существу, оставляя для себя возможность изменить позицию, чтобы избежать упреков в отступлении от «золотой вольности» польской шляхты. В этих условиях неустойчивого равновесия сил решающее значение приобретала позиция Петербурга, для которого, несмотря на все усилия Солтыка, еще оставалась возможность выбора: стать на сторону двора или — его противников.

V

В то время как на сейме в Варшаве еще обсуждали проект о порядке рассмотрения экономических вопросов, российское правительство окончательно определило свою позицию. Она была сформулирована в инструкциях, полученных Н. В. Репниным накануне сейма, начиная с рескрипта № 6, в котором содержался русский ультиматум по диссидентскому делу. 14 октября на третий день после прочтения проекта А. Замойского русский посол вместе с Г. Бенуа отправился к Чарторыским. Послы заявили им о неприемлемости установления новых налогов большинством голосов (депеша Репнина от 16/5 октября 1766 г.)⁹⁸.

Н. В. Репнин также говорил вождям «фамилии», что, если принять доводы сторонников «экономического проекта» Замойского, то по аналогии с решением финансовых вопросов «можно во время единогласных сеймов прибавлять войска множеством голосов». На это М. Чарторыский ответил утвердительно. Как дополнительное доказательство подобных планов двора русский посол сообщал о речи К. Понятовского на сейме 16 октября.

Разъясняя Чарторыским политику России в отношении задуманных в Польше реформ, Репнин подчеркивал, что любое решение, принятое на сейме без предварительного одобрения Петербурга, встретит противодействие с российской стороны, «ибо мы по соседству заинтересованы наблюдать, чтобы форма правления здешнего в государственных делах отнюдь переменена не была». Далее, говоря о конституциях по «государственным делам», утвержденных большинством голосов, русский посол указывал, «сколь сие толкование противно их (поляков. — *Б. Н.*) главнейшим вольностям, состоящим в *liberum veto*, коего уничтожение <...> не можем мы позволить». Завершая донесение о беседе с Чарторыскими и Станиславом Августом по поводу проекта Замойского, Репнин сообщал Н. И. Панину, что он известил магнатов, «особливо противной двору партии, что ни Россия, ни прусский двор ни мало не согласны на сие учреждение <...> и подкреплять всегда будут форму правления республики и вольности польские»⁹⁹. В этих словах русского посла вновь твердо звучала, правда, не названная по имени тема российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

В ответ на депешу Н. В. Репнина от 16/5 октября из Петербурга в Варшаву последовали рескрипт № 8 и депеша Н. И. Панина от 27/16 октября¹⁰⁰. В императорском рескрипте говорилось о намерении Чарторыских, «уловя в свои сети короля польского», уничтожить вольность голосов на сейме, одобрялись возражения Репнина по вопросу о толковании конституций сеймов 1764 г. о skarbowой и военной комиссиях. Екатерина II повелевала послу «разрушить» все, созданное совместно с Чарторыскими; разорвать Генеральную конфедерацию и сейм; объединиться с противниками «фамилии» и привлечь на свою сторону всех четырех гетманов, возвра-

тив им прежние прерогативы. Императрица предписывала Репнину установить прямые отношения с Бенуа и прусским двором, одобряла отказ в выдаче Станиславу Августу 50 тыс. рублей¹⁰¹

Разъясняя положения рескрипта, Н. И. Панин писал, что «настоящую конфедерацию истребить или разрушить необходимо уже надобно <...>, чтобы под теми же развалинами все те новости в правлении польского стата (государства. — *Б. Н.*) погибли <...> Да и то надобно теперь уже впредь для цели себе заметить, — рассуждал руководитель русской внешней политики, — чтоб, доходя до усмирения и конца польских дел, оставить крест и на самого короля стеснением в угодности тех, кои из бывших противников ныне к нам приклонятся, некоторых и прежних королевских прерогативов, дабы его величеству навсегда памятно было то время, в которое он пытался себе приобрести приращение отвращением себя от ее имп. в-ства»¹⁰².

За словами об «усмирении» и «конце», о «кресте», поставленном на честолюбивых планах Станислава Августа, угадывалась не только крайняя степень раздражения, вызванного известиями из Варшавы. Панин не собирался скрывать от Репнина возмущения, охватившего российских вершителей судеб Польши, чтобы посол действовал решительней и тверже, выполняя предначертания императрицы.

Однако, говоря об ограничении королевской власти в пользу новых «друзей» России, о наказании Станислава Августа за непокорность, за то, что тот «отвернулся» от Екатерины II, Панин невольно давал понять, что замыслы Станислава Понятовского 1763–1764 гг., подобно Генриху IV во Франции, усмирить фронду сеньоров в Польше, не были встречены тогда в Петербурге совсем без одобрения, что, когда накануне избрания Станислава Августа Екатерина II писала о своей незаинтересованности в слабом короле в Польше, это в известной степени соответствовало и ее намерениям, что туманные обещания поддержать преобразовательные планы польского двора и проект польско-русского союза в самом начале не были со стороны российских протекторов только блефом. В противном случае, ярость и досада не были бы столь очевидными. Ведь крест на Станиславе Августе как на политике близком России можно было бы поставить и раньше, еще в 1765 г, когда в Петербурге обвинили «в измене» Чарторыхских.

В пользу того, что в намерения Екатерины II и Н. И. Панина до известной степени входила поддержка реформаторских планов польского короля, свидетельствовали и надежды самого Станислава Августа.

Трудно поверить, что польский король, прошедший в молодости «школу» Ч. Г. Вильямса и хорошо знавший нравы российского двора, мог принять за чистую монету совершенно пустые обещания и так долго питаться только беспочвенными иллюзиями. Наконец, косвенным подтверждением некогда существовавшего российского одобрения преобразовательных планов «фамилии» могли бы служить и соответствующие опасения Фридриха II, которого уж никак нельзя было бы заподозрить в политической наивности.

Источники, однако, не дают убедительных доказательств, как впрочем и опровержения, высказанных предположений. Во всяком случае, подлинная возможность содействия России преобразованиям в государственном строе Польши проявилась на сейме конвокации и была, видимо, утрачена в период коронации Станислава Августа в 1764 г. После октября–ноября 1764 г. вопрос «об исправлении» государственного строя Речи Посполитой уже играл только своего рода роль прианки, который на-

ряду с кнутом должен был побудить польский двор удовлетворить требования Петербурга, в первую очередь по диссидентскому делу. Теперь же, в октябре 1766 г. русское правительство недвусмысленно заявило, что порывает с идеей реформ государственного строя шляхетской республики. И доказательством такого разрыва должно было стать уничтожение Генеральной конфедерации. Более того, если распустить ее не удастся, то Панин поручал Репнину, договориться с противниками двора и «фамилии», «чтоб все несогласующиеся с Чарторьскими земские послы и сенаторы» покинули бы заседания сейма, объявив, «что они оное чинят, видя явное нарушение законов и вольности и общую опасность». Послу также поручалось сообщить, что в течение трех дней 30-тысячная русская армия готова вступить в Польшу¹⁰³.

VI

После того как 14 октября Репнин и Бенуа посетили Чарторьских, чтобы протестовать против решения на сейме экономических вопросов большинством голосов, и 27 октября был отправлен рескрипт № 8, в котором русскому послу поручалось совместно с прусским министром без дополнительных согласований направить свои усилия на противодействия реформаторским планам польского двора, наступил новый период российско-прусского «согласия» в польских делах. Ему предшествовали довольно активные консультации между Н. И. Паниным и В. Ф. Сольмсом в октябре 1766 г., призванные преодолеть разногласия, возникшие между Петербургом и Берлином из-за диссидентского дела.

Начало было положено «одобрением» прусской декларации по вопросу о диссидентах¹⁰⁴. Затем, 7 октября / 26 сентября Сольмс сообщил в Берлин о расстановке сил при российском дворе и констатировал, что политическая система в Петербурге не будет изменена в пользу Вены¹⁰⁵. К этому заключению прусский дипломат пришел не без настоятельных внушений Панина.

Вместе с тем руководитель русской внешней политики очень хотел бы выяснить до каких пределов простирается готовность Фридриха II действовать сообща с российским союзником и какие собственные планы вынашивает при этом прусский король. 14/3 октября В. Ф. Сольмс писал в Берлин, что «дела Польши достигли в настоящее время такого кризиса, что у русского министра полны руки хлопот». Далее он сообщал о просьбе Панина произвести передвижения прусских войск вблизи польских границ, что, как мы видели ранее, входило в планы Репнина по образованию диссидентской конфедерации, на что прусский посол ответил решительным отказом¹⁰⁶. Наконец, 17/6 октября 1766 г. Сольмс доносил в Берлин о рассуждениях Панина, «что Ваше величество (Фридрих II. — *Б. Н.*) ничем не будет рисковать, если, в случае образования в Польше диссидентской конфедерации, пожелаете принять более непосредственное в ней участие, приказав ввести в это королевство свои войска для поддержания ее. Он убежден, — писал Сольмс, — что войскам достаточно будет тронуться, чтобы напугать поляков, и что австрийцы, опасаясь, не имеют ли оба двора тайных видов вовлечь их в ссору и тем доставить себе повод напасть на них, воздержаться от всякого вмешательства, чтобы не обратить эти дворы против себя. Гр. Панин часто говорит мне это, причем указывает на выгоды, которые Ваше величество могли бы прежде доставить, вознаградив себя в самой стране за незначительные издержки, сопряженные с передвижением войска, и затем приучив поляков

исполнять на будущее время с большею готовностью то, чего от них требуют. Наконец, он многого ожидает от того впечатления, которое будет произведено на другие державы предприятием, сообща обдуманном и исполненным Вашим величеством и Россией»¹⁰⁷. Н. Д. Чечулин усматривал в этих словах Н. И. Панина один из первых намерений российского министра на возможный раздел Польши¹⁰⁸.

Вскоре в Петербурге предпочли раскрыть карты. 21/10 октября Сольмс сообщал в Берлин об инструкциях, направленных Репнину в Варшаву 17–18 октября и об ответе Екатерины II на письмо Станислава Августа от 5 октября, точно передавая их содержание. В депеше прусского посла говорилось также, что соглашение русского и польского дворов было возможно ранее, но в настоящий момент такая возможность утрачена. Сольмс убеждал Фридриха II, что в Петербурге пока не настаивают на дополнительных мерах со стороны Пруссии в поддержку диссидентов, помимо согласованной декларации, с которой Г. Бенуа должен выступить на сейме. Однако, замечал посол, здесь хотели бы, чтобы Берлин по собственной инициативе присоединил бы свои войска к русским, если бы конфедерация диссидентов вызвала бы «борьбу между партиями в Польше». В этом случае Россия будет на стороне Пруссии, какие бы последствия не имели бы события в Польше. Если же Австрия объявит войну Фридриху II, то русская помощь не ограничится размерами, предусмотренными союзным договором 1764 г. Сольмс также сообщал, что «военные готовы соединиться с Пруссией против Австрии», имея в виду высказывания З. Г. Чернышева¹⁰⁹.

В следующем донесении в Берлин, от 25/14 октября, Сольмс сообщал дополнительные подробности переписки Репнина с Петербургом, в частности, о намерении России выступить с требованием роспуска Генеральной конфедерации, к которому предложено присоединиться и Пруссии. Такое известие совпадало с давними желаниями Берлина и, несомненно, было встречено там с удовлетворением. А также прусский посол доносил, что в крайнем случае, если конфедерация диссидентов встретит сопротивление со стороны польского министерства и сейма, то это будет рассматриваться как объявление Польшей войны России¹¹⁰.

В тот же день В. Ф. Сольмс пишет еще одну депешу непосредственно Фридриху II, которую зашифровывает собственноручно. Согласно желанию Панина, он передавал свой разговор с ним «почти дословно». Как свидетельствует прусский посол, шеф русской внешней политики не исключал вмешательства Австрии в польские дела, но это его не пугало, а скорее, утверждало в своих намерениях. «Австрии, — по словам Панина, — придется раскаться, если она решится вызвать войну». В частности, Сольмс упоминал о намерении Екатерины II в этом случае поднять во владениях Габсбургов движение некаатоликов. Что же касается опасений Фридриха II, то в случае нападения Австрии на Пруссию, прусский король может рассчитывать на всемерную помощь России, а именно, на 30-тысячный корпус русской армии. Прусский посол передавал просьбу Панина не отказываться от военной поддержки диссидентской конфедерации в Польше и уверения руководителя русской внешней политики, что он не желает войны. Но если война «должна случиться, то лучше теперь, чем позже, когда обстоятельства будут менее благоприятны». В заключение Сольмс констатировал, что настроения петербургского двора враждебны Вене и складываются в пользу Фридриха II. Здесь, замечал посол, подозревают австрийские, французские и испанские интриги в отношении Польши, в связи с чем он указывал на контакты между Ф. Ржевуским и австрийским послом в Петербурге И. М. Лобковичем¹¹¹.

Наконец, 27/16 октября в очередной депеше В. Ф. Сольмс сообщил в Берлин о реакции в Петербурге на намерение польского двора отменить *liberum veto*. Он писал, что в российской столице якобы не знали, что поляки вынашивали такую мысль. Далее прусский посол, как и в депешах от 21 и 25 октября, излагал положения рескрипта № 8 и других инструкций, посланных Репнину. В конце депеши он передавал распоряжение Екатерины II, согласно которому Н. В. Репнин будет действовать в соответствии с инструкциями, направляемыми прусскому резиденту Бенуа из Берлина, поскольку Фридрих II быстрее получает информацию из Польши и может своевременно дать указания своему послу¹¹².

Содержание бесед Панина и Сольмса, изложенное в донесениях прусского посла в Берлин, свидетельствовало о стремлении Петербурга как можно более прочно связать прусскую политику с интересами России. С этой целью была использована угроза войны с Австрией, что, несомненно, составляло предмет главной озабоченности Фридриха II. С российской же стороны основные опасения были продиктованы тем, что кризис в Польше, в результате образования диссидентской конфедерации и возможных решительных действий польского двора и сейма против иноверцев и их российских покровителей мог бы повлечь за собой вмешательство великих держав в польские дела и поставить под сомнение гегемонию Петербурга в Речи Посполитой. Чтобы застраховать себя от подобной опасности, необходимо было заручиться твердой поддержкой не на словах, а на деле прусского короля. Поэтому для Екатерины II и Панина было важно привлечь Берлин, помимо деклараций, и к совместным действиям в поддержку диссидентов, пообещав, в случае войны, весомые выгоды и компенсации для прусского королевства. Поэтому едва ли можно усматривать здесь какие-либо наметки раздела Польши. Просто, готовясь к войне, союзники попытались завести разговор о своих долях в будущей военной добыче. К тому же Фридрих II и его кабинет-министры отнюдь не спешили поддержать военные настроения Петербурга.

Еще накануне открытия сейма в Варшаве К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали В. Ф. Сольмсу, что прусский король, его государь, не желал бы вести дело диссидентов с таким усердием, «чтобы насилия, к которым намерены прибегнуть, не имели бы последствий более печальных, чем те, которых ожидают в Петербурге». Прусские министры ссылались на известия из Варшавы, что волнение в Польше всеобщее, что депутаты могут покинуть сейм¹¹³.

15 октября уже сам Фридрих II указывал своему послу в Варшаве, что ситуация в Польше будет зависеть от диссидентского дела. «Ваше отношение к действиям поляков, — писал король Г. Бенуа, — будет определяться тем, не имеют ли они намерения искать содействия Австрии»¹¹⁴. Спустя четыре дня, вновь отправляя непосредственную депешу в Варшаву, Фридрих II в связи с вызванными угрозами Репнина слухами о возможном вступлении в Польшу прусских войск уведомил Бенуа, что это будет зависеть от решений на сейме в пользу диссидентов¹¹⁵.

Таким образом, несмотря на обеспокоенность Берлина, что политика России в диссидентском вопросе может дать повод для большой европейской войны, действия прусской дипломатии в первые дни работы сейма вполне соответствовали согласованным с Россией планам давления на польский двор. Хотя Фридрих II и не изменил своего сентябрьского мнения о желательности для Пруссии, чтобы диссидентское дело потерпело неудачу, он сделал все возможное, чтобы не заронить при

русском дворе сомнения в неукоснительном следовании Берлином принятым на себя союзническим обязательствам.

Тон депеш из Берлина в Петербург и Варшаву изменился, когда в прусской столице стало известно о реформаторском проекте польского двора. 28 октября Финкенштейн и Герцберг писали Сольмсу, что на сейме речь идет об отмене *liberum veto*. В связи с чем послу поручалось безотлагательно переговорить с Паниным «о критическом положении, в котором находятся дела сейма и дать ему почувствовать необходимость положить быстрый конец конфедерации». Посол должен был также убедить русский двор «немедленно двинуть дело диссидентов»¹¹⁶. В тот же день кабинет-министры отправили инструкции Бенуа. Ему поручалось обратить внимание Репнина «на опасность безразличного отношения к делам, связанным с формой правления в Польше». В депеше также говорилось о согласии Екатерины II отложить на две недели решение диссидентского вопроса на сейме и что сейчас такие проволочки недопустимы. Финкенштейн и Герцберг указывали, что дебаты на сейме свидетельствуют о невозможности соглашения Варшавы и Петербурга по диссидентскому вопросу и подтверждали распоряжение, как можно скорее получить аудиенцию на сейме¹¹⁷. 30 октября уже сам прусский король писал Сольмсу, что дело диссидентов грозит войной, а это, как утверждал Фридрих II, «противоречит миролюбивой системе» Екатерины II. Он также предостерегал императрицу и Панина в связи с «намерением Чарторыхских распространить множество голосов за пределы настоящего сейма» (провести отмену *liberum veto* по закону или путем продления конфедерации). Прусский король убеждал своих российских союзников в необходимости предпринять согласованные действия, чтобы не допустить изменений в форме правления Польши¹¹⁸.

Отправленные из Берлина 28–30 октября инструкции Сольмсу и Бенуа свидетельствовали, что в прусской столице усматривали главную опасность в отмене в Польше права вольного голоса. Вместе с тем Бенуа не поручалось предпринимать ничего по этому поводу, помимо адресованных Репнину предостережений. Сольмсу, напротив, предписывалось согласовать план совместных действий по противодействию замыслам польского двора и по роспуску генеральной конфедерации. В Берлине еще не знали, какая позиция будет занята русской дипломатией, поэтому торопили с делом диссидентов, обоснованно рассчитывая, что его провал станет для Петербурга неопровержимым аргументом в пользу именно прусской точки зрения на положение в Польше.

Однако совместный визит Н. В. Репнина и Г. Бенуа к Чарторыхским 14 октября стал весомым свидетельством близости русских и прусских намерений в отношении Польши. Учитывая напряженность положения, в Берлине довольно долго, со времени демарша послов, ждали, когда определится позиция русского двора, избегая самостоятельных шагов и выражая только обеспокоенность, как об этом говорилось в инструкции Бенуа от 28 октября. Но уже 1 ноября Финкенштейн и Герцберг направляют новую депешу в Варшаву. В ней прусскому послу предписывалось действовать в диссидентском вопросе также как поступает Репнин, т. е. подчеркнуто демонстрировалось единство целей и тактики России и Пруссии. Однако вместе с тем в качестве главной задачи кабинет-министры указывали Бенуа, что «нынешняя конфедерация положила начало изменению формы правления в республике», и поручали ему совместно с Репниным положить ей конец, восстановить *liberum veto* «и внести соответствующую статью в фундаментальные положения польской конституции»¹¹⁹. Примечательно, что именно в этой депеше из Берлина впервые полу-

чило поддержку требование польской оппозиции о законодательном оформлении традиционного права вольного голоса.

Наряду с письмом Гедеону Бенуа, Финкенштейн и Герцберг в тот же день, 1 ноября, отправляют депешу Сольмсу, в которой повторяют предшествовавшие наставления об «ошибке русского двора, поддерживавшего до сих пор генеральную конфедерацию» и о необходимости ее немедленного роспуска, делая принципиально важное дополнение, что с этой целью следует «оставить дело диссидентов»¹²⁰. В Берлине больше не нуждались в нем в качестве средства сорвать реформаторские планы Станислава Августа, но все еще опасались, что слишком настойчивая поддержка иноверцев со стороны России и Пруссии может, как писал Бенуа, вызвать гражданскую войну в Польше, а это в свою очередь повлечет за собой вмешательство в польские дела Австрии, Турции и других великих держав, что чревато большой войной в Европе.

В тот же день, 1 ноября, в Берлине была получена депеша Сольмса, в которой прусский посол извещал Фридриха II о предложении Н. И. Панина ввести прусские войска в Польшу для поддержки диссидентов и об обещании шефа русской внешней политики «вознаграждения» для Пруссии «за незначительные издержки». В ответ своему послу 3 ноября прусский король счел нужным подробно описать военные приготовления Австрии и вновь, вопреки показному оптимизму Панина, выразил сомнение в успехе диссидентского дела¹²¹. Непосредственная депеша прусского короля предназначалась для показа Екатерине II и поэтому не содержала прямого ответа на предложения Панина. Эту обязанность Фридрих II возложил на своих кабинет-министров, чтобы адресованные русскому двору неприятные возражения исходили бы от них и от Сольмса и чтобы прусскому королю в случае необходимости осталось бы поле для маневра.

4 ноября Финкенштейн и Герцберг писали в Петербург: «Не скрою от вас, — обращались прусские министры к Сольмсу от имени Фридриха II, — своего крайнего удивления видеть, что русский двор, получив от меня в делах Польши все, что только могла требовать от моей любезности самая тесная дружба, заходит в своих претензиях в этом отношении все далее и теперь даже желает, чтобы в случае образования диссидентской конфедерации, я ввел в Польшу свои войска. Гр. Панин должен был вспомнить, что, согласно всему сказанному и несколько раз повторенному им вам от имени его государыни, она требовала от меня только деклараций, способных убедить поляков в тождестве наших взглядов на восстановление прав диссидентов и что, если окажется необходимым подкрепить декларации действиями более серьезными, то русский двор один берет на себя исполнить это и не просит моего участия. Между тем гр. Панин легко может ошибиться в своем взгляде, рассчитывая на равнодушие венского двора к таким угрожающим зрелищам и придавая ему так мало значения в будущем. Но если бы даже императорский двор и закрыл глаза на поступки, которые злоба может представить в таком прискорбном свете, то уверено ли петербургское министерство, что Оттоманская Порта не испугается их и будет спокойно взирать на смуты в соседнем государстве. Как бы то ни было, но вам достаточно известны мои намерения в этом отношении и мое удаление от всего того, что могло бы снова разжечь в Европе огонь <...> Поэтому вы будете по-прежнему отклонять всякое предложение гр. Панина вроде того, о котором вы мне доносите, и скажете, хотя как можно вежливее, что вы впредь уверены в бесполезности

обращаться с ними ко мне и что я надеюсь, что императрица должна быть уже более чем довольна содействием, оказанным мною до сих пор в делах Польши»¹²².

Наконец, 5 ноября в Берлине смогли вздохнуть с облегчением. В этот день там была получена депеша Сольмса от 21/10 октября, в которой полностью раскрывалось содержание последующих мер Петербурга в отношении Польши и в частности говорилось, что русский двор исключает впредь возможность соглашения с поляками в вопросах о реформах, что там не будут настаивать на дополнительных (военных) мерах со стороны Пруссии, и в заключение, что, как бы не повернулись события, Россия будет на стороне Фридриха II. Панин подтверждал общность позиции России и Пруссии по всем польским делам, с тем только исключением, что в Петербурге не собирались «оставлять дело диссидентов».

В тот же день Фридрих II подтвердил предшествовавшие инструкции, адресованные Бенуа, подчеркнув, что вопрос о *liberum veto* вызывает у него наибольшую тревогу¹²³. А 6 ноября прусский король писал Сольмсу, что удовлетворен согласием между Пруссией и Россией относительно неизменности формы правления в Речи Посполитой, однако опасается, что Австрия и Франция могут использовать ситуацию для вмешательства в польские дела. Если Панин и уверен, что этого не произойдет, то такой уверенности, замечал Фридрих II, у шефа русской внешней политики не может быть по поводу Порты¹²⁴.

С этого времени инструкции из Берлина, направляемые Сольмсу и Бенуа в Петербург и Варшаву, носят идентичный характер¹²⁵ и предусматривают роспуск Генеральной конфедерации, неизменность формы правления в Речи Посполитой, поддержку по этим вопросам Чарторыхских, которые склоняются к принятию русских и прусских требований. Фридрих II также выразил солидарность с Россией в отношении Станислава Августа, прерогативы которого предполагалось ограничить, не затрагивая статуса польского короля как законно избранного монарха и главы шляхетской республики.

VII

После визита Н. В. Репнина и Г. Бенуа к Чарторыхским и заявления русского и прусского послов о неприятии Петербургом и Берлином замысла введения новых податей большинством голосов основные политические события в Варшаве проходили уже за кулисами сейма. Первым свидетельством этого стал перерыв в его заседаниях 17–18 октября из-за болезни Станислава Августа¹²⁶. И Репнин, и Бенуа сочли ее «несколько политической» по причине «твердых протестов против известных проектов»¹²⁷. В. Ф. Сольмс писал, что Станислав Август прикинулся больным, чтобы дожидаться ответа на свои письма Екатерине II (от 5–6 октября). Однако, как замечал прусский посол, ответные письма императрицы и Панина «лишат его всякой надежды на изменение взглядов» в Петербурге. Польский король, по словам Сольмса, поставлен перед выбором: «отступится он от России или будет сохранять с ней дружбу»¹²⁸.

Однако, пока в Варшаве не были еще получены окончательные инструкции из Петербурга, Репнин должен был действовать самостоятельно. 21/10 октября он доносил, что диссиденты не будут допущены в земские чины, т. е. было отвергнуто сделанное 13/2 октября компромиссное предложение Панина. Посол сообщал, что разорвать сейм и распустить конфедерацию невозможно, поскольку Чарторыхские

выступают «в согласии» со Станиславом Августом. По словам Репнина, господствующая «партия» намерена провести на сейме проект А. Замойского. О том, что этот проект выходит далеко за рамки экономических вопросов, свидетельствовала речь на сейме 16 октября К. Понятовского. По мнению посла, хотя после назначения делегации для составления конституций сейма, принятие «экономического проекта» двора и отложено, но он может быть утвержден в любое время, поскольку на заседании 20 октября принято решение продолжить сейм при конфедерации¹²⁹.

В связи с этим Репнин делал вывод, «что употребление силы час от часу нужнее становится не только для исполнения диссидентского дела, но и для прекращения для всех затеваемых ухваток, определяя формальным трактатом или гарантией при восстановлении доброго согласия границы всем сим государственным материям и силу либерум вето, ибо внутренние их законы к тому не довольны, понеже они (поляки. — *Б. Н.*) их на всяком сейме переменить по их рассуждению могут. А нам необходимо нужно все сии ухватки однажды навсегда уничтожить, если не хотим беспокойных, а со временем и опасных соседей иметь»¹³⁰.

С. М. Соловьев привел эту выдержку из донесения Репнина от 21/10 октября как одно из доказательств двуличия и неискренности польского двора и лидеров магнатов в отношениях со своими российскими протекторами. Однако рассуждения русского посла этим не ограничивались.

Вопрос о российской гарантии польской конституции в политике России и в переписке Репнина с Петербургом был поставлен значительно раньше, нежели в российской столице стали проявлять недовольство «двоедушием» Чарторыхских или «отдалением» Станислава Августа, а именно, еще во время сейма конвокации 1764 г. Накануне же сейма 1766 г. и Панин, и Репнин избегали этой темы в общении с поляками, хотя изредка она и проскальзывала. Причина такого умолчания состояла в том, что в Петербурге не могли еще определенно сформулировать содержание договора о гарантии: т. е. какое место, с точки зрения России, должно быть отведено в нем статусу диссидентов, какие преобразования в государственном устройстве Речи Посполитой зафиксированы и, наконец, в каком отношении будет находиться договор о гарантии и польско-российский союзный трактат.

Теперь же, когда положение определилось и стало ясно, что Петербург будет требовать положить конец реформам и распустить Генеральную конфедерацию, а также восстановить в полном объеме право вольного голоса, когда российская политика от поиска компромисса в диссидентском вопросе перешла к неприкрытому диктату и «мерам крайности», а о русско-польском союзе на берегах Невы больше и не вспоминали, контуры будущей гарантии приобретали более конкретные очертания. Именно об этом Репнину предстояло говорить с вождями польской оппозиции, из которых надо было сколотить новую «партию друзей России». Однако, поднимая перед своими шефами вопрос о российской гарантии, русский посол не мог не учитывать российско-прусского согласия по польским делам. Совместные действия Петербурга и Берлина по «восстановлению прав республики» и в диссидентском вопросе не могли не усилить позиций прусского двора в Речи Посполитой.

Если раньше особый статус России в польских делах, помимо находившихся в стране русских войск, опирался на личную унию польского короля с российской императрицей, на ее роль покровительницы Генеральной конфедерации, на «соединение», «согласие», на «почти существующий союз» между Россией и Речью По-

сполитой, то теперь «отдаление» от Станислава Августа, фактический разрыв с Чарторыскими, угроза войны из-за диссидентов существенно сближали статус России и Пруссии как протекторов польско-литовского государства. Если принять во внимание пожелания Панина об участии прусских войск в поддержке конфедерации диссидентов и требование берлинского двора о законодательном закреплении принципа *liberum veto* в польской конституции, то следует признать, что влияние Фридриха II на польские дела, с точки зрения Петербурга, достигло чрезмерной величины. Поэтому российская гарантия государственного строя Речи Посполитой дополнительно способствовала бы установлению соответствующей дистанции между младшим и старшим партнерами по прусско-русскому союзу. Правда, переписка В. Ф. Сольмса и Г. Бенуа с Берлином свидетельствовала, что там отнюдь не стремились усилить собственные позиции в Польше в ущерб интересам России.

Попытки Репнина создать прорусскую партию из противников двора в это время не приносили заметных результатов. Посол толковал им, что конституция сейма 1764 г. не должна интерпретироваться в духе введения множества голосов по вопросу об увеличении налогов и численности войск; что планируемые питейные сборы не должны превосходить размеров нынешних налогов, особенно, как об этом сейчас говорится на сейме — в десять раз; что увеличение жалования войскам не должно повлечь за собой роста их численности, установленной в 1717 г. Наконец, Репнин заявил оппозиционерам, что в конце сейма должна быть ликвидирована Генеральная конфедерация¹³¹. Однако со стороны противников двора ответа на его предложения не последовало. Мы даже не можем определенно сказать, с кем из них велись беседы. Вероятно, это был по-прежнему Т. Вессель. Связь с оппозиционным лагерем поддерживалась также через саксонского резидента А. Ф. Эссена. При его посредничестве К. Радзивилл в октябре отправил письма Н. И. Панину, а также своим сторонникам в Варшаве, среди которых были М. Любомирский, А. Сарнацкий и Я. Б. Алое. В них магнат просил поддержать его обращение в Сенат и на сейм об отмене приговора (декрета) Генеральной конфедерации по своему делу, о чем воевода виленский сообщал командиру своей милиции Я. Фрычиньскому¹³². Адресованное Панину письмо Радзивилла от 27 октября Эссен передал Репнину. В нем опальный воевода жаловался на несчастную судьбу, заявлял о своей лояльности родине и королю, а также Екатерине II и России. Русский посол переслал письмо в Петербург, сказав саксонскому резиденту, что оно подано поздно, поскольку ответ Панина не успеет до окончания сейма¹³³. Из этого замечания Репнина, однако, можно было заключить, что сам ответ вполне мог оказаться благожелательным.

Тщетными были попытки русского посла найти внутреннюю опору для противодействия реформаторским планам двора и среди депутатов сейма от Королевской Пруссии, которая, как писал Репнин Панину, «видя здешние разные замашки, опасается, чтоб не лишена она была своих особых прав, с предостережением которых она к Польше присовокупилась, а подкрепление оной, видится мне, нам должно иметь в первейших пунктах нашей политической против Польши системы, уважая силу сей провинции, и что она одна из своих трех воеводств слишком 40 здешних послов на сейм посылает»¹³⁴.

Приведенной рассуждение Репнина примечательно прежде всего тем, что в нем еще раз получил отражение поворот всей русской политики в Польше. Если с 1764 г. Россия поддерживала попытки «фамилии» и Станислава Августа ограничить фео-

дальные привилегии Королевской Пруссии, причем для борьбы с «прусской оппозицией» использовалось даже присутствие там русских войск, то теперь Репнин намеревался объявить себя защитником прусской автономии, что означало не только противодействие реформам государственного строя Речи Посполитой, но и сопротивление любым попыткам польского двора внести элементы централизации в податную и административную систему шляхетской республики. Наконец, принципиально важной является оценка Репниным всего комплекса мер русского правительства, определенных рескриптом № 8 и дополнительными инструкциями Панина, как «нашей политической против Польши системы». То есть, если ранее, даже еще в начале сейма 1766 г., польская политика Петербурга субъективно могла рассматриваться послом как политика в интересах Польши, о чем не уставали напоминать полякам Екатерина II и Панин, то теперь Репнин недвусмысленно должен был признать, что политический курс России в польских делах направлен вопреки коренным интересам Речи Посполитой, несмотря на декларации о высочайшей «заботе» императрицы о благе шляхетской республики.

В итоге, несмотря на общее неприятие реформаторских проектов двора и «фамилии» как со стороны Петербурга, так и польской оппозиции, Репнину все же не удалось договориться о совместных действиях с противниками Станислава Августа. 8 ноября/28 октября посол доносил Панину, что союз с «противной двору партией» не имеет смысла, так как «она на нынешнем сейме бессильна, да и сама выступает против проектов двора»¹³⁵. На следующий день он вновь писал о тщетности попыток «собрать» новую партию сторонников России из-за воздействия диссидентского дела¹³⁶, а еще через несколько дней доносил в Петербург, что противники двора практически не располагают силами, что их лидеры К. Солтык и И. Массальский, «основания же прочного ни в том, ни в другом нет»¹³⁷.

Невозможность привлечь на свою сторону оппозицию означала, что сорвать сейм также не удастся. Об этом Репнин уведомлял Панина в постскрипту к депеше от 9 ноября. Там же он писал, что для роспуска в конце сейма Генеральной конфедерации следует использовать Чарторыхских, «которые к этому склоняются»¹³⁸.

Требования ликвидации Генеральной конфедерации, прозвучавшие в письмах сенаторов королю в мае–июне 1766 г., были поддержаны в ходе сеймиков в августе. Уже тогда старшие члены «фамилии», как это следовало из писем Станислава Августа в Петербург и из донесений Репнина, задумывались над этим шагом. На сейме ряд сенаторов и послов вновь высказались за роспуск конфедерации. Такая настойчивость свидетельствовала не только о разногласиях в магнатских верхах по вопросу о курсе реформ, но и о том, что подавляющее большинство шляхты не было непосредственно заинтересовано в преобразованиях, а напротив, воспринимала их в духе традиционного для шляхетского сознания противоречия между «абсолютизмом» и «золотой вольностью», решительно настаивая на незыблемости последней. В своих выступлениях в начале сейма М. Чарторыхский и С. Любомирский, хотя и поддержали проект А. Замойского, все же постарались избежать открыто высказаться в пользу отмены *liberum veto*, что косвенно свидетельствовало об их колебаниях и в вопросе о продолжении конфедерации, поскольку именно благодаря ей удалось провести принятие решений на сейме большинством голосов.

Выступление России и Пруссии с требованием распустить конфедерацию поставило правящую в Польше группировку перед тяжелым выбором. Сопротивление

нажиму Петербурга и Берлина при отсутствии серьезной внутренней поддержки грозило для Чарторыхских политической катастрофой и утратой влияния в стране, а возможно, и вынужденной эмиграцией, как это было в 1764 г. с Я. К. Браницким и К. Радзивиллом. Князья Август и Михал понимали, что последствия российских репрессий, которыми грозила Екатерина II, будут для «фамилии» тем серьезней, чем решительнее они будут сопротивляться воле государств-соседей, и поэтому стремились избежать обострения конфликта с Петербургом, попытавшись прийти к соглашению с Репниным.

Русский посол также хотел бы не усугублять нарастание кризиса в русско-польских отношениях, поскольку не видел возможности сплотить и использовать в своих интересах оппозицию, а также сомневался в осуществимости планов диссидентской конфедерации. В связи с этим он писал Панину 23/12 октября «о нужности» своей аудиенции на сейме «без надежды на успех диссидентского дела», но для подтверждения лояльности России к Речи Посполитой и своих намерений действовать открыто, официально и законным путем¹³⁹.

Спустя неделю Репнин доносил о «смягчении» позиции короля и Чарторыхских по диссидентскому делу, что связывал с получением ими писем от Екатерины II и Панина. Воевода русский тогда сказал послу, что согласен на предоставление иноверцам права занимать общественные должности (помимо сенаторов, послов на сейм и депутатов трибуналов), однако он уверен в невозможности провести такое решение на сейме, почему он об этом никому и не говорит, и делать для этого ничего не станет. А. Чарторыхский предлагал направить к королю депутацию диссидентов с прошением, которое будучи рассмотрено министерством поступило бы на сейм¹⁴⁰. Тогда же, 30 октября, Репнин сообщил, что его аудиенция на сейме назначена на 4 ноября¹⁴¹.

VIII

В это время, с 20 октября, после назначения делегации для составления конституций, сейм продолжал работу, обсуждая экономические вопросы. Важнейшими решениями в этой области были отмена Генеральной таможи¹⁴² и введение новых налогов на вино и пиво (чоповых и шеленжных сборов)¹⁴³. Таким образом, польское правительство выполнило одно из главных требований Фридриха II и Екатерины II. В разговоре об этом Репнин и Станислав Август выразили взаимное удовлетворение таким решением¹⁴⁴, рассматривая его как знак восстановления взаимопонимания между Петербургом и Варшавой.

Новые налоги не затрагивали непосредственно польскую внутреннюю и внешнюю торговлю, а также налоговые привилегии отдельных земель, в первую очередь Королевской Пруссии. Напротив, проведенная, наряду с упразднением Генеральной таможи, отмена внутренних пошлин¹⁴⁵ должна была способствовать коммерции. Установленные винные сборы, так же как и отмененная пошлина, носили генеральный характер и распространялись на всю территорию республики и все категории владений: королевских, городских и шляхетских. Однако в сословном плане новые подати ложились исключительно на непривилегированное население, поскольку шляхта и духовенство, как это говорилось в конституции об отмене Генеральной пошлины, восстанавливались в своих прежних правах. На «увольнение дворянства и духовенства от податей» особо указывал Репнин, посылая в Петербург текст кон-

ституции сейма¹⁴⁶. Посол также отмечал, что в интересах господствующих сословий сейм отменил подушный сбор и сократил некоторые другие налоги.

Тем не менее польское правительство рассчитывало на рост поступлений в государственную казну. На сейме даже раздавались голоса о 10-кратном увеличении государственных доходов, против чего решительно возражал Репнин¹⁴⁷. Всего же, по самым оптимистическим оценкам, в Варшаве рассчитывали получить 12–14 млн злотых¹⁴⁸. Посол сомневался в реальности подобных планов, так как была неизвестна численность населения и размеры потребления вина¹⁴⁹. К тому же, по его словам, поскольку сделанный расчет основывался на заявлении под присягой «самых помещиков и их управителей» о величине прибыли от винной торговли, «то вряд ли сей доход достаточен будет для увеличения жалования войскам» и на замещение «подушного сбора, которые сим сеймом истреблены»¹⁵⁰. Во всяком случае, как писал Репнин, он и Бенуа будут требовать соответствующего уменьшения налогов, если доходы превысят планируемые 12–14 млн злотых¹⁵¹. Посол сказал об этом королю и получил от него уверение, что финансовая комиссия готовит новый тариф, который будет уменьшен в сравнении с отмененной Генеральной таможенной¹⁵².

С настороженностью связь между утвержденными сеймом налоговыми преобразованиями и планируемыми реформами государственного устройства Речи Посполитой усматривали и в Пруссии. Г. Бенуа, излагая в своем донесении в Кенигсберг от 2 ноября содержание податных нововведений, констатировал, что в Польше полагают с помощью этих и других налогов изыскать средства для совершенствования администрации, обеспечения армии и выплаты жалования войскам¹⁵³.

Репнин доносил также, что по вопросу установленного сеймом 10%-ного акциза на вино возникли разногласия между Станиславом Августом и Чарторыскими¹⁵⁴. Старые князья опасались, как бы излишняя финансовая независимость двора в случае ожидаемого роста государственных доходов не сказалась на их политическом влиянии. Не могли они не учитывать также настроений магнатов и в первую очередь шляхты, которые, хотя и сохранили все свои податные привилегии, резонно опасались, что укрепление финансового положения государства может косвенно негативно сказаться на их собственных доходах. В этом духе на сейме говорил М. Вельгурский, заявляя, что в отличие от иных государств «общественное благосостояние Речи Посполитой зиждется на благосостоянии и счастье каждого гражданина», поэтому нет иного способа его обеспечить, как утвердить «в некоторых материях» *liberum veto*¹⁵⁵. В целом же обсуждение новых налогов со стороны оппозиции свелось к тезису о восстановлении вольного голоса. Так, К. Солтык в речи 30 октября говорил, что никогда не противился введению налогов для нужд республики, но сейчас не видит нужды в замене установленных прежде податей (кварти и подушного налога с евреев). Однако больше всего возмущало епископа, что новые налоги, будучи «материями государственными», все же принимались большинством голосов¹⁵⁶. И с упорством Катона старшего, призывавшего к разрушению Карфагена, требовал краковский прелат уничтожения реформ предшествовавшего сейма.

После рассмотрения налогового законодательства сейм приступил к обсуждению вопроса о новой монете¹⁵⁷. В принятой конституции, озаглавленной «Устав достоинства и курса монеты в землях Речи Посполитой и способа уплаты сумм в провинциях коронных»¹⁵⁸ говорилось, что начиная с 1654 г. одной из главных забот республики было восстановление своих финансов, которые пришли в упадок по при-

чине обрушившихся на страну войн и бедствий. Следствием этого стало поступление из-за границы в Польшу так называемой «плохой» монеты, что наносило немалый ущерб государственному хозяйству, торговле и подданным. Поэтому сейм конвокации 1764 г. принял постановление о замене заграничной монеты на собственную, отчеканенную в Польше. Поэтому на нынешнем сейме вводилась единая монета для всех земель Речи Посполитой — польский злотый, фиксировалось ее достоинство в золоте и серебре и устанавливался порядок ее обращения и изъятия старой монеты по всей стране (*w całym kraju uniformis*). Замена старой и иностранной монеты на новую должно было способствовать правилу уплаты налогов только новыми деньгами. Таким образом, законодательно утверждался единый центр для изготовления новой монеты и единые правила ее хождения в Речи Посполитой.

В постановлениях сейма по монетному делу практически не делалось различий между Короной и Литвой, хотя в отношении обращения новой монеты в Великом Княжестве и были приняты особые конституции¹⁵⁹. Это решение, наряду с отменой внутренних пошлин, свидетельствовало, что в области товарно-денежных отношений Польша и Литва уже давно составляли единое целое, что интересы литовской торговли были прочно связаны с более развитыми польскими землями, что дальнейшее углубление торговых связей Литвы и Польши было в интересах литовских магнатов и шляхты. Лишним доказательством этого стала поддержка монетного решения на сейме со стороны литовских послов, которые в других случаях не забывали напоминать об исконных автономных правах Великого Княжества.

Отступление от централизаторских принципов денежной реформы было сделано только в отношении Курляндии и Королевской Пруссии. Курляндский лен и прусская провинция Речи Посполитой сохранили право выпуска собственной монеты. По конституции 1766 г. им запрещалось только чеканить деньги, которые бы по содержанию благородных металлов и по обменному курсу отличались бы от польского злотого. Таким способом курляндская и поморская монета накрепко привязывались к польской денежной системе, а ее эмитенты лишались бы возможности, как это бывало прежде, играть на разнице достоинства и курса, а следовательно, и материальных выгод от чеканки собственной монеты. В этом случае польский злотый постепенно заменил бы деньги, выпущенные в Митаве и в Королевской Пруссии.

Вместе с тем сохранение за этими областями старой феодальной привилегии собственного монетного дела было продиктовано желанием не раздражать Петербург и Берлин. В первом случае, чтобы не добавлять масла в огонь российско-польского конфликта из-за Курляндии, а во втором — чтобы не подавать повода Фридриху II, в качестве гаранта Оливского мира, к очередному вмешательству в польские дела под предлогом защиты прав прусской провинции Польской Короны. Наконец, идя на уступки «прусским патриотам», Станислав Август надеялся привлечь на свою сторону послов Королевской Пруссии на сейме в тех вопросах, которые польский король считал для себя более важными.

IX

В тот же день, 31 октября, когда на 22 сессии обсуждался вопрос о новой монете, в собрании сейма была оглашена декларация диссидентов. По своему содержанию она целиком соответствовала тексту, присланному еще в сентябре Репнину из

Петербурга вместе с рескриптом № 6¹⁶⁰. Под декларацией стояли подписи 39 представителей диссидентов. Днем ранее, 30 октября, Н. В. Репнин отправил в Петербург в приложении к депеше от 30/19 октября составленную по-французски копию декларации иноверцев¹⁶¹ с 38 подписями.

Подписи под декларацией диссидентов,
представленной на сейм 31 октября 1766 г.

1. Ежи Вильгельм Гольц — староста тухельский (2)*;
2. Август Станислав Гольц — староста грауденецкий (3);
3. Богуслав Брониковский — полковник войск саксонских (9);
4. Александр Унрут — староста зелегневский (10);
5. Фридрих Вильгельм Бланкенбург — полковник (16);
6. Адам Веловойский — полковник конного полка (12);
7. Ян Порай Морячевский из Буженина (13);
8. Владислав Волк-Ланевский — староста жебровский (27);
9. Кшиштоф Глиньский из Глинки (28–29 — в списке Н. В. Репнина упомянут дважды);
10. Ян Райский (30);
11. Ян Стрыньский — капитан королевской гвардии (24);
12. Адам Цолек Меленцкий — хоронжий (35);
13. Самуэль Брониковский**;
14. Богуслав Шреттер — генерал-адъютант булавы польной***;
15. Ян Грабовский — генерал-майор и полковник королевский (4–5 — в списке Н. В. Репнина упомянут дважды и как делегат от Литвы);
16. Эрнст де Зеер (Thiss de Sehr) — подполковник (21);
17. Павел Грабовский — староста чеховский (6);
18. Кароль Шак — генерал-майор королевский (7);
19. Богуслав Равич Коссецкий — подполковник (37);
20. Францишек Грушчинский — генерал-майор (8);
21. Ежи Кшиштоф Унрут — шамбелан королевский (11);
22. Самуэль Равич Коссецкий — полковник (14);
23. Адам Лоджия Курнатовский из Бытыня (19);
24. Богуслав Нешковский из Садова — лейтенант (17);
25. Анжей Буковецкий из Буковца (32);
26. Александр Калкройтер — полковник саксонских войск (22);
27. Кароль Лоджия Курнатовский из Бытыня (23);
28. Михал Земенцкий из Земенца (20 — в списке Н. В. Репнина — Земиньский)***;
29. Адам Дзембовский (34);
30. Ян Липницкий (33)***;
31. Адам Равич Коссецкий (31 — в списке Н. В. Репнина — кадет);
32. Богуслав Стрыньский — капитан (25);
33. Станислав Стрыньский — капитан (26 — в списке Н. В. Репнина — кадет);
34. Ежи Лоджия Курнатовский из Бытыня (36);
35. Адам Претвиц**;
36. Ян Мниньский — адъютант войск литовских**;
37. Адам Брониковский — подполковник и как делегат от Великой Польши (18);
38. Марциан Желеньский (Зеленьский) — подполковник — как делегат от Малой Польши (15);
39. Ежи Вильгельм де Торнаув как делегат от Великого Княжества Литовского (38 — в списке Н. В. Репнина отсутствует упоминание о представительстве).

* Здесь и далее порядковый номер подписи в копии Н. В. Репнина.

** В копии Н. В. Репнина подпись отсутствует.

*** Принадлежность к роду и земским иноверческим корпорациям не установлена.

Обращают на себя внимание расхождения в содержании и порядке подписания декларации в официальной редакции дневника сейма и в копии, присланной русским послом. Если у Репнина на первом месте стоит подпись Георгия Конисского — епископа могилевского — «от имени братьев дворян православного вероисповедания», то в дневнике сейма она отсутствует. В нем обозначены еще четыре человека, подписей которых нет в копии русского посольства, а представителем литовских протестантов назван Я. Грабовский, а не Е. В. Торнау, как в дневнике сейма. Подписи Я. Грабовского и К. Глиньского присутствуют в копии Репнина дважды.

Такие разночтения в составленных практически одновременно документах указывают, что те готовились с большой поспешностью, не будучи до конца согласованными и отредактированными. Сохранили они и следы разногласий между белорусским архиереем и вождями диссидентов, а также между самими протестантами. Так вызывают сомнение полномочия А. Брониковского, М. Зеленского и Е. В. Торнау как делегатов от протестантов соответственно Великой, Малой Польши и Литвы.

Тем не менее состав лиц, подписавших декларацию, выглядел весьма внушительно.

Шляхетские роды протестантов Речи Посполитой, представители которых подписали декларацию диссидентов на сейме 1766 г.*

Великая Польша

1. Бланкенбурги — лютеранский род, выходцы из немецких остзейских областей, состояли в родстве с Гольцами и Унругами.
2. Брониковские — кальвинистский род, известный с XVI в. Светский сеньор великопольского объединения Адам Брониковский присутствовал на сеймах в качестве наблюдателя в 40-е гг. XVIII в.
3. Буковецкие — лютеранский род, владевший землями на границах Силезии.
4. Буковецкие — кальвинистский род, принадлежавший к богатым и влиятельным патронам великопольского объединения сандомирской конфессии.
5. Гольцы — лютеранский род, играл ведущую роль среди светских сеньоров великопольского объединения, владения на северо-западе Польши. Основатель рода Генрих Гольц — прусский офицер на российской службе — в 1717 г. стал генеральным светским сеньором лютеран Великой Польши. В 1763 г. Гольцы совместно с лютеранами Королевской Пруссии перешли от политической ориентации на Пруссию к ориентации на Россию.
6. Грушчинские — лютеранский род, представители его входили в число светских сеньоров лютеран Великой Польши.
7. Дзембовские — лютеранский род, имел под своей протекцией 1–2 собрания.
8. Зеер-Тиссовы (Tiss de Sehr) — лютеранский род, был в свойстве с Калкройтерами.
9. Калкройтеры — лютеранский род.
10. Курнатовские — кальвинистский род (сандомирская конфессия), принадлежал к протестантским верхам, владения в Калишском и Познаньском воеводствах. Курнатовские были крупными донорами великопольского объединения, со времен Августа II занимали активную политическую позицию, имели большие связи с единоверцами на Западе, особенно в Пруссии.
11. Меленцкие — кальвинистский род (сандомирская конфессия), принадлежал к протестантским верхам Познаньского и Калишского воеводств. В 1624 г. лютеранская парafia в Вешкове перешла под патронат рода Меленцких. Известен Самуэль Меленцкий — сеньор собрания в Лешно (1712 г.).

* В приведенный перечень включен род Красинских, подписи представителя которого Яна Красиньского нет под декларацией, поскольку тот как депутат от диссидентов находился в это время в Петербурге.

12. Моячевские — кальвинистский род, один из доноров объединения. В 1754 г. Ян Моячевский во время чрезвычайного сбора дал 1 тыс. злотых. В начале 1760-х гг. наблюдателем на сеймах был полковник Кароль Богулав Моячевский.
13. Нешковские — кальвинистский род в Земле Велуньской.
14. Претвицы — лютеранский род.
15. Торнауы — лютеранский род (из Тарнавы на границе с Силезией).
16. Унруги — лютеранский род, играл ведущую роль среди светских сеньоров объединения. Кшиштоф Унруг был наблюдателем на сеймах в 40-е гг. XVIII в.

Малая Польша

1. Веловецкие — кальвинистский род, известен с XVI в., входил в число девяти наиболее богатых и знатных протестантских родов.
2. Волки-Ланевские — кальвинистский род, происходивший из Литвы, приобрел владения в Малой Польше в начале XVIII в.
3. Гольцы — кальвинистский род, происходивший из Великой Польши.
4. Грабовские — кальвинистский род, происходивший из Литвы, приобрел владения в Малой Польше в XVIII в.
5. Грушчинские — кальвинистский род, входил в состав 37 знатных (гербовых) протестантских родов.
6. Зеленские — кальвинистский род, входил в число девяти наиболее богатых и знатных протестантских родов, представители рода были светскими сеньорами малопольского объединения.
7. Косецкие — кальвинистский род, входил в состав 37 знатных (гербовых) протестантских родов.
8. Нешковские — кальвинистский род, входил в состав 37 знатных (гербовых) протестантских родов.
9. Стрыенские — кальвинистский род, входил в состав 37 знатных (гербовых) протестантских родов, состоял в союзе с литовскими протестантами, род имел владения в Литве и родственные связи с литовскими протестантами. Ян Стрыенский участвовал в съезде кальвинистов после сорванного сейма 1732 г.

Великое Княжество Литовское

1. Волки-Ланевские — кальвинистский род, принадлежал к верхам литовского объединения, состоял в родстве с Красинскими.
2. Глиньские — кальвинистский род, принадлежал к верхам литовского объединения. Подполковник Кшиштоф Глиньский — светский куратор собрания и член совета литовского объединения (1774 г.).
3. Грабовские — кальвинистский род, состоял в родстве с малопольскими Грабовскими, во 2-м пол. XVIII в. род был одним из крупнейших, наряду с Красинскими, доноров литовского объединения. Грабовские имели тесные контакты с Пруссией, в конце 1763 г. от имени диссидентов обратились к Берлину с официальной просьбой о помощи.
4. Красинские — кальвинистский род, наряду с Грабовскими, стоял во главе литовского объединения, владел староствами гомельским и прокульбицким. Ян Красинский — староста прокульбицкий был в 1763–1766 гг. представителем диссидентов в Петербурге.
5. Мнинские — кальвинистский род, близкий к Волкам-Ланевским и Гордонам.
6. Райские — кальвинистский род, куратор собрания в местечке Непокойчес.
7. Стрыенские — кальвинистский род, состоял в родстве с малопольскими Стрыенскими.
8. Торнауы — лютеранский род, состоял в родстве с великопольскими Торнауами.
9. Шреттеры — кальвинистский род.

Мы встречаем здесь представителей знатнейших, наиболее богатых и влиятельных диссидентских фамилий*. Однако из 21 рода, принадлежавшего к высшему слою

* При анализе состава подписавших декларацию диссидентов мы опирались на фактический материал, наблюдения и выводы, содержащиеся в фундаментальной монографии В. Кригзайзена. См.: *Kriegseisen W. Ewangelicy polscy i litewscy w epoce sakiej (1696–1763)*. Warszawa, 1996.

великопольских протестантов, присутствуют среди подписавших декларацию выходцы только из шести родов. В Малой Польше — только двое из девяти самых знатных, или же шестеро из 37 протестантских фамилий, обладавших собственными гербами. В Литве, где, в сравнении с Малой и Великой Польшей, протестантские объединения были наиболее многочисленны, из 21 наиболее знатных родов под декларацией поставили свои имена представители только шести фамилий.

Как показал В. Кригзайзен, общественная структура и численность протестантских объединений в Речи Посполитой XVIII в. трудно поддается оценке. Некаатолическая шляхта как польского (литовского и русского), так и немецкого (селезского и поморского) происхождения составляла незначительную часть благородного сословия шляхетской республики.

Наиболее весомой доля шляхтичей-протестантов была в Королевской Пруссии, хотя и там она нигде не составляла большинства дворянства. В XVI в. она достигала там самое большее 40% от общего числа землевладельцев. В начале XVIII в. в провинции насчитывалось 75 родов шляхтичей-протестантов, в 1775 г. — около 60-ти родов, 24 из которых относились к богатым землевладельцам. 80% иноверцев были лютеранами.

В целом в Речи Посполитой в 1730 г. насчитывалось 210 протестантских родов (в том числе: Малая Польша — 37; Великая Польша — 47; Литва — 126); по другим данным — всего: 216 и 273 рода¹⁶². По сведениям русского посольства 1766 г. в Великой Польше было 51 диссидентская фамилия, в Малой Польше — 42, в Королевской Пруссии — 40, в Великом Княжестве Литовском — 202. Православное дворянство насчитывало 32 фамилии¹⁶³. Всего: 367 фамилий.

Фрагментарность источников, несопоставимость использованных в них понятий и расхождения в количественных данных не позволяют достоверно определить численность диссидентов. Однако, если сравнить число подписавших декларацию диссидентов на сейме 1766 г. (39 человек) и число представленных ими иноверческих родов (34 фамилии) с имеющимися сведениями об общей численности диссидентов, то при всей условности проведенных подсчетов и сопоставлений можно заключить, что декларация была сделана от имени не более чем десятой части весьма небольшого иноверческого сообщества Речи Посполитой. К тому же под декларацией не было подписей дворян-протестантов из Королевской Пруссии, где иноверческая община была наиболее значительной, непропорционально мало было и представителей Литвы (9 из 126–202 родов). Разумеется, нельзя не принять во внимание, что под декларацией подписались выходцы из наиболее влиятельных диссидентских фамилий. Однако и с этой точки зрения перечень подписей весьма неполон. Мы не встречаем здесь имен многих диссидентов, которые занимали в это время видное общественное положение, активно участвовали в жизни своих объединений и собраний, защищали интересы иноверцев в судах. Очевидно также, что подписавшие декларацию не были уполномочены своими собратьями на местах. Разумеется, по разным причинам далеко не все диссиденты могли прибыть в Варшаву. Не случайно Репнин писал, что собрал там всех, кого было можно. Многие не приехали из-за боязни преследований со стороны католиков.

Вместе с тем и с учетом этих обстоятельств следует признать, что представленная на сейме декларация диссидентов была сделана от имени иноверческого сообщества только номинально. В действительности с ней выступила малочисленная и относительно обособленная политическая группировка диссидентской шляхты, наибо-

лее тесно сотрудничавшая с русским посольством и прочно связавшая свои «партийные» политические планы с интересами и покровительством России. Разумеется, подписавшие декларацию Брониковские, Гольцы, Грабовские и другие выражали сословные интересы иноверцев, как отражала их и сама декларация, написанная в Петербурге. Однако они не представляли движения диссидентской шляхты как сословия, а выступали как одна (хотя политически весьма активная, но довольно слабая и немногочисленная) из многих, группировок в Речи Посполитой.

Последнее обстоятельство дополнительно свидетельствовало об отсутствии в самой Польше серьезной внутренней социальной основы для диссидентской политики Петербурга. Оно же указывало на шаткость планов образования диссидентской конфедерации, а также служило дополнительным мотивом для Репнина выступить на сейме, чтобы придать больший вес требованиям, прозвучавшим в декларации диссидентов.

Понимали это и противники диссидентского дела. Чтобы ослабить впечатление от ожидавшегося выступления Н. В. Репнина на сейме и от деклараций в поддержку иноверцев со стороны протестантских дворов, сразу же вслед за декларацией диссидентов на сейме было зачитано папское Бreve Клементия XIII. В нем римский понтифик призывал оберегать католическую веру, избегая, правда, прямых выпадов против веротерпимости и не касаясь проблемы сословного равноправия для не католической шляхты¹⁶⁴. Однако само оглашение послания продемонстрировало, что оппозиция диссидентской политике Петербурга могла рассчитывать на поддержку католических держав юга Европы, в то время как иноверцы нашли заступничество в лице православной России и протестантского Севера.

Аудиенция Н. В. Репнина, как и было предусмотрено, состоялась 4 ноября на 23 сессии сейма. Поутру к послу от короля и чинов Речи Посполитой были направлены надворные маршалы, коронный — Станислав Любомирский и литовский — Юзеф Сангушко. Они сопровождали Репнина в королевский замок, где в присутствии Станислава Августа, сенаторов и послов сейма он зачитал российскую декларацию по диссидентскому делу¹⁶⁵. В тот же день сейму были представлены декларации от имени монархов Дании и Англии¹⁶⁶.

В реляции, отправленной Екатерине II, Репнин подчеркивал, что аудиенция прошла в точности согласно предписанному церемониалу и «со всей пристойной приличностью и почтением к величайшей особе» русской императрицы. И польский король и русский посол во время аудиенции были с непокрытыми головами¹⁶⁷. В приложении к реляции Репнин прислал ответ канцлера А. Замойского на русскую декларацию, согласно которому православные и диссиденты обладали всеми религиозными и общественными правами как по букве, так и по духу закона, за пределы которого они (права) не могут быть расширены¹⁶⁸. Однако законные и основанные на праве требования диссидентов подлежали, по словам канцлера, удовлетворению. Вслед за выступлением на сейме Репнина 10 ноября состоялась аудиенция Г. Бенуа¹⁶⁹, а затем 12 ноября — папского нунция А. Е. Висконти¹⁷⁰.

Обсуждения на сейме деклараций «северных» дворов и диссидентского дела не состоялось. Депутаты продолжали рассмотрение экономических материй, а вопрос об иноверцах был передан в польское министерство. Во вторник, сразу после аудиенции на сейме Репнина состоялись две конференции, на которых присутствовали польские министры и духовенство. Посол сообщал Панину, что прошли они в спорах

и завершились безрезультатно, что обсуждались «только пункты духовные», а к вопросу о гражданских правах «министерство приступить не решается»¹⁷¹. 20/9 ноября Репнин вновь писал, что конференции по диссидентскому делу идут «без всякого успеха, и сколько я ни твержу, что пункт светский диссидентских привилегий совсем не касается духовенства <...> но сего понимать не хотят». Накануне Станислав Август заявил послу, «что без епископов оного сделать никак невозможно»¹⁷².

Присутствовали на конференциях, как сообщал Репнин, и «главные диссиденты, в начале коих был архиерей белорусский». Посол подчеркивал тем самым первенство Георгия Конисского в иноверческой «партии», в котором могилевскому епископу было отказано при подписании направленной на сейм декларации. Однако на конференциях так и не было принято никакого решения, кроме сделанного диссидентам предложения, «чтобы подробнее их претензии изъяснены были»¹⁷³. Репнин выступил с протестом против волокиты двора. Аналогичные промемории подали полякам прусский, датский и английский послы¹⁷⁴.

Диссиденты представили подробное правовое обоснование своих требований, причем в соответствии с ответом А. Замойского на российскую и прочие декларации эти разъяснения основывались исключительно на уже установленном польском законодательстве. Обоснования были сделаны отдельно протестантами и православными. В первом случае министрам были переданы «Претензии»¹⁷⁵, а во втором — «Прошение»¹⁷⁶. Оно состояло из девяти статей, каждая из которых содержала подробные ссылки на польское законодательство, служившее обоснованием требований диссидентов. При этом свидетельства хронистов рассматривались как источник права. Девятая статья прошения была специально посвящена вопросу о сословном равенстве дворян-некатоликов и католического дворянства, при этом его авторы ссылались на соответствующее законодательство, начиная от Казимира Великого и кончая сеймом 1650 г. Такое разделение в обосновании диссидентских прав объяснялось наличием двух практически не связанных друг с другом областей законодательства. Православные ссылались на договоры и правовые акты XIV—XV вв. о присоединении к Польской Короне восточных областей, а протестанты — на постановления XVI — первой половины XVII вв., подтверждавшие права евангелических вероисповеданий, поскольку общее «диссидентское» законодательство начало складываться в Речи Посполитой только во второй половине XVII в., а окончательно оформилось лишь в первой трети XVIII в. Однако само разделение вопроса о правах иноверцев свидетельствовало, что их общей позиции сформулировано так и не было и что польский двор таким способом попытался, как это делалось и прежде, вновь внести раскол в диссидентский лагерь.

Протесты Репнина возымели действие и король обещал послу, что диссидентское дело будет рассмотрено на сейме¹⁷⁷. Сообщая об этом в Петербург в депеше от 14/3 ноября, Репнин тем не менее констатировал, что в вопросе об иноверцах нет никакого продвижения, что решить его можно только с помощью конфедерации, которую православные соберут в Слуцке¹⁷⁸. Примечательно, что в этом случае посол говорил об особой конфедерации православных в отличие от прежних планов объединения их в одной конфедерации с протестантами, что еще раз указывало на разногласия в кругах диссидентских политиков. На первое время для защиты диссидентских конференций, писал Репнин, войск под командой Н. И. Салтыкова будет достаточно, но их следует увеличить на 15 тыс. человек сразу после провозгла-

шения конфедераций, в расчете на возникновение новых, особенно если к ним примкнут католики для восстановления прав гетманов¹⁷⁹. Тем самым, посол давал понять, что считает силы диссидентов явно недостаточными для серьезного дела.

Диссидентское дело обсуждалось на сейме 21 ноября. В связи с чем, как доносил в Петербург Репнин, «сделался безрассудный и сумасбродный шум, что николле еще в Сенате в присутствии королевском не помнят, крича, чтоб, конечно, прежде всего материю закона (католической веры. — *Б. Н.*) трактовали и чтоб без всякой перемены по оному подписан был прожект епископа краковского»¹⁸⁰.

Однако на сейме не решились утвердить проект конституции, предложенный К. Солтыком, а передали дело на рассмотрение коллегии епископов, которая совместно с министерством представила свой проект¹⁸¹. Он предусматривал введение для диссидентов церковных податей за крещение, погребение и бракосочетание в пользу католических епископов, отныне с их разрешения допускались постройка и ремонт диссидентских церквей. Бракосочетание диссидентам позволялось теперь только в присутствии католических священников. Против этого проекта высказался только епископ виленский И. Массальский, что, по мнению Чарторыхских, было связано с тем, что постановления эти, хотя и уравнивают формально диссидентов с католиками, но вместе с тем ухудшают их положение¹⁸².

От имени диссидентов Речи Посполитой были написаны «Замечания»¹⁸³ на постановление коллегии епископов, автором которых, вероятно, был П. Грабовский. В них принятые решения объявлялись деспотическими, а передача сеймом дела в руки католических иерархов — незаконной. Однако диссиденты в целом одобрительно отнеслись к предусмотренным постановлением мерам по введению веротерпимости, хотя и заявили об их недостаточности. Правда, замечания, сделанные ими, касались только церковных вопросов и не затрагивали проблему сословного и политического равноправия иноверцев. Это косвенно свидетельствовало, что диссиденты готовы были удовлетвориться установлением веротерпимости в случае принятия их сугубо религиозных требований.

Коллегия епископов представила также и проект ответа сейма на декларацию Репнина по диссидентскому вопросу. Главным доводом в нем, обосновывавшим отказ удовлетворить требования России, было их несоответствие конституциям 1717 г.¹⁸⁴ Обращает на себя внимание, что этот тезис впервые, еще в сентябре 1766 г., был обоснован М. Чарторыхским.

Сейм не решился принять в качестве конституции проект коллегии епископов под предлогом, что он носит сугубо церковный характер и не может поэтому быть закреплён светским законодательством. Вместе с тем решение коллегии было включено в метрику¹⁸⁵ и в соответствии с ним был дан официальный ответ сейма на декларацию России и других держав в пользу диссидентов, в котором подтверждались в полной мере конституции 1717 г.¹⁸⁶

Таким образом, вновь, как и в 1764 г., диссидентское дело на сейме 1766 г. осталось неразрешенным. С одной стороны, сейм ни на шаг не пошел навстречу требованиям России, а с другой, не принял никакого законодательства, определявшего религиозный и сословный статус диссидентов, ограничившись лишь подтверждением уже существующих конституций. Тем самым, удалось сохранить взаимоотношения России и Польши в связи с диссидентским вопросом в рамках существующего законодательства и избежать открытого конфликта между Петербургом и Варшавой.

Окончательно определенная на сейме неудача диссидентской политики Петербурга не оставляла для Н. В. Репнина иного выхода, как это вытекало из рескрипта № 6 от 4 сентября / 24 августа 1766 г. и последующих инструкций Екатерины II и Н. И. Панина, кроме завершения подготовки конфедерации диссидентов. О своих действиях и соображениях об этом посол доносил в день окончания сейма, 30/19 ноября 1766 г.¹⁸⁷ Дешешу Репнина Панин не передал императрице, как он в других случаях иногда поступал с его наиболее важными донесениями. Поэтому она отсутствует в бумагах Кабинета Екатерины II и в публикации Русского исторического общества. Отдельные фразы из этого донесения по разным поводам процитированы у С. М. Соловьева¹⁸⁸, однако его содержание в целом и изложенная в нем оценка русским послом дальнейших шагов в деле диссидентов были оставлена историком без внимания. А именно с этой точки зрения депеша от 30/19 ноября 1766 г. имеет весьма существенное значение, поэтому мы приводим ее почти целиком.

«При сем, — писал Репнин, — всепокорнейше прилагаю прожекты, учиненные диссидентами актам конфедераций их, коронной и литовской, тож план оных сочинения, а наконец, прожект протестации, которая, как диссиденты сказывают, такая же точно, какую они после сейма созывательного сделали, но оную ни в какой город тогда принять не хотели, что, они считают, и с сей последней учинится»¹⁸⁹. Посол уведомлял, что подготовка диссидентских конфедераций завершена. Он указывал вместе с тем на опасность, что они могут быть признаны незаконными, поскольку для оформления легальной конфедерации требуется внесение манифеста об их образовании в метрику, чего не удалось сделать с протестом иноверцев в 1764 г. и в чем суды, по всей вероятности, откажут и сейчас.

Репнин просил Панина «в самой скорости» направить ему инструкции, «делать ли конфедерации диссидентские и будут ли <...> апробованы сии приложенные пиесы, или что в них переменить», и продолжал: «К сему же войду в последнее представление по сему делу»¹⁹⁰. За этими словами прочитывалась решимость посла высказать собственные соображения относительно действий Петербурга, прежде чем беспрекословно исполнить адресованные ему «повеления».

«Безумство здешних разумов, — писал Репнин, — довольно уже <...> известно по упорности безрассудной как в сем диссидентском деле, так и в бывшей от здешнего двора по делу множества голосов. На сумасбродное поведение не можно правил положить, ни следствий его предвидеть. Следовательно, почитаю за нужное представить себе заранее все крайности, к коим, может быть, безрассудное отчаяние прибежище иметь будет. Вертопрашные головы, не имея ни в чем основания, могут себе представить совершенное замешательство случаем к полезной революции для восстановления сил здешнего правления. А я вижу, что многие молодые люди здесь тако думают, что от крайности только ожидать надлежит авантаж для их сил перемены»¹⁹¹. Посол предостерегал своих шефов, что диссидентское дело может привести к восстанию, которое будет направлено не только против иноверцев, но и иметь целью «революционное» изменение государственного строя Польши и восстановление сил республики, т. е. ее освобождение от иностранного протектората, а также свержение российского господства.

Репнин указывал также на опасности, ожидающие и самих диссидентов в случае открытого выступления: «И тако, все по-прежнему считаю, что при сочинении конфедераций диссидентских им всем, кои в военной службе находятся, от коман-

ды отказано будет, а затем легко станется, что и злодеями отечества их объявят, не уважая в том нашего к ним подкрепления, ибо в сей единой материи двор здешний может льститься, что вся нация к нему присоединится, и для того, может быть, и почтет сей случай единственно способным к отчаянному перелому для восстановления своих сил, за чем последовать может и Посполитое рушение»¹⁹². Посол, разумеется, не считал такое развитие событий неизбежным. Он писал: «Все сие может не сделаться, но может и быть. А коль будет, то не далее как недели через четыре или через шесть от сочинения диссидентской конфедерации. Следственно надлежит оное предупредить вступлением наших войск»¹⁹³.

Далее Репнин изложил план военных мер по поддержке диссидентских конфедераций. По его словам, русские войска должны были как можно скорее войти в Польшу «со всех сторон, как то из Украины — в Волынское воеводство, через кое надлежит будет иттить к Сандомиру, по близости которого между ним и Львовом надо будет остановиться. Из Лифляндской же и Смоленской дивизии — вступить в Литву. Корпусу одному иттить к Слуцку для подкрепления литовской конфедерации, а другому — прямой дорогой, миновав неподалеку здешнее место (Варшаву. — *Б. Н.*), — к Торуню для прикрытия конфедерации же тамошней. Все сии корпуса надо чтобы с крайней поспешностью маршировали, отправляя пред собой легкие авангарды, сочиненные из их кавалерии и легких войск, которых особливо надлежит довольное число иметь, дабы можно было их в земле рассевать как для прикрытия маетностей диссидентских, так и для страху всем, и чтоб не думали в провинциях противных конфедераций делать. Каждый из сих корпусов по малой мере, считаю, должен быть от семи до восьми тысяч. За нужное також почитаю, чтоб при легких войсках и кавалерии небольшие артиллерийские орудия были, ибо ничто так не страшит неустроенное собрание людей, как пушки.

При сем вступлении, дабы нацию более еще не оскорблять, оскорбленную уже сим делом, — продолжал Репнин, — надлежит приказать, чтобы всем головой все готовыми деньгами платили, кроме тех, кои разве совсем уже открытым образом злодеями нам объявятся. Тож надлежит небольшой деташемент, тысяч до двух, послать в Могилев и в окружности того места для прикрытия там наших единоверных и всему, принадлежащему к епископу белорусскому, который в то время будет в Слуцке. Сверх того надлежит, считаю, приказать всем войскам, лежащим по границам польским, чтоб они прилежно смотрели и разведывать посылали, не будут ли каких наглостей против наших единоверных, неподалеку от границ живущих, делать, и в том случае, чтобы им защищение чинено было. Сие все считаю нужным приказать всем корпусным и разных деташементов командирам, как и то, чтоб при вступлении и марше здешней землею маетности наших единоверных и прочих диссидентов всячески облегчали и выгоды им возможные делали»¹⁹⁴.

Согласно плану Репнина, вступившие в Польшу войска объединялись в четыре группировки: в Торуне и в Слуцке — по 7–8 тыс. чел., в Малой Польше — не менее 5 тыс., в Могилеве — 2 тыс. К ним присоединялся корпус Н. И. Салтыкова — 4 тыс. чел. Общая численность войск составляла, таким образом, более 25 тыс. чел. Кроме этого, предусматривались действия вблизи русско-польской границы войск, расквартированных на территории России.

Помимо главной задачи — поддержки конфедераций в Торуне и в Слуцке, войскам поручалась защита диссидентов и их владений, а также охрана Могилевской

епархии. Войска также должны были не допустить восстания польской шляхты и образования враждебных конфедераций. Предполагалось действовать легкими отрядами, имевшими на вооружении артиллерию и способными передвигаться ускоренными маршами. Значение быстроты действий войск особо подчеркивалось послом.

Таким образом, как тактика, так и задачи русской армии в Польше по сравнению с 1764 г. должны были существенно измениться. План Репнина предусматривал установление военного контроля в воеводствах и поветах, в тактическом отношении он предвосхитил суворовские методы, использованные впоследствии в борьбе с Барской конфедерацией. В особенности это касалось применения полевой артиллерии.

Далее русский посол перешел к рассказу об образовании конфедераций диссидентов. «Об сей диссидентской конфедерации, не вижу я, — писал Репнин, — чтоб здесь (в Польше. — *Б. Н.*) по сех пор сомневались, но многие, однако ж, думают, что мы за них твердо вступимся, как то во всех угрозах им пред сим довольно знать давали. И особливо противные двору рассуждают тако, что, если бы мы какой политический резон объявили причиною вступления наших войск, то тогда б они могли с нами соединиться, а что сия материя закона (вопрос о вере. — *Б. Н.*) есть единственная, которая их и всю нацию ко двору здешнему присовокупит. Я мнение сие вижу справедливо, — писал Репнин, — но, однако ж, и то не менее справедливо, что если мы не поставим диссидентское дело главным предметом наших подвигов, то оное николи не сделаем, ибо все сии люди навсегда от нас отказываться будут, когда оное следовать будет за их делами. А тогда скорее будут принуждены на него согласиться, когда их собственные дела за оным следовать будут»¹⁹⁵.

Репнин вновь констатировал, что, несмотря на очевидную угрозу русской интервенции, которая всегда была наиболее действенным инструментом польской политики Петербурга, диссидентское дело не дает возможности ни соглашения с королем и двором, ни с оппозицией. Напротив, посол указывал, что противоборствующие магнатские группировки могут объединиться на почве неприятия равноправия диссидентов.

Поэтому не приходилось рассчитывать на сколько-нибудь серьезную внутреннюю поддержку в Польше русской политики в диссидентском вопросе. Собственных же сил иноверцев для этого было явно недостаточно. «Должен я и то сказать, — добавлял Репнин, — что, думаю, сии конфедерации (диссидентов. — *Б. Н.*) сначала весьма малолюдны будут, поколи войски наши уже гораздо в здешнюю землю не подвинутся. Присовокупление же католиков к оным конфедерациям весьма мне трудным кажется, правее только гетманы то сделают для восстановления своей прежней власти. Сей есть единственный способ к оному присовокуплению, но и в оном сомневаюсь по здешнему фанатизму»¹⁹⁶.

По плану конфедерации¹⁹⁷, составленному в Варшаве Репниным и представителями диссидентов 26.11.1766 г., приложенному к депеше от 30/19 ноября 1766 г. образовывались две конфедерации — в Торуне и в Слукке. Первая должна была насчитывать до 250 человек кавалерии от Великой и Малой Польши, вторая 300–400 человек и два эскадрона кавалерии. Для их поддержки предполагалось выделить 12–15 тысяч русских войск, кроме того, русские офицеры должны были быть прикомандированы к конфедерациям. От имени конфедераций в Петербург и Берлин предполагалось отправить депутации для «объявления целей и протестов». Для большей численности конфедераций и придания им представительности как выразителям во-

ли всего сословия иноверцев следовало предусмотреть присоединение к ним Пилтенского округа в Курляндии и городов Польской Пруссии. Для поддержки конфедератов Петербург должен был также выделить «на всякий случай» 20 тыс. дукатов. После избрания маршалов и секретарей конфедераций они должны были направить к королю, министерству и Сенату депутатов, которым предписывалось действовать в Варшаве совместно с русским послом. В плане особо оговаривалось, что прусские войска не будут введены в Польшу, что само соседство государства Фридриха II является достаточным для оказания необходимого воздействия на польское правительство.

В депеше же Репнин указывал, что «при вступлении войск и в самое сочинение диссидентских конфедераций нужно будет здесь декларацию сделать, что мы диссидентов в покровительство свое приемлем и для оного войски к их прикрытию посылаем, тож что всякий против них поступок приемлем с такою же важностью, как и точно против нас он был учинен, следственно, и вступимся за то с такою же серьезностью»¹⁹⁸. В этом рассуждении посла заключалась мысль, что положение русских войск в Польше на новом этапе диссидентской политики в правовом и политическом отношении кардинально изменится. Если в 1764–1766 гг. войска находились в стране по приглашению Генеральной конфедерации и формально действовали от ее имени, то теперь вступление армии в Польшу означало войну России в союзе с диссидентами против Речи Посполитой. Изменить ситуацию могла только новая Генеральная конфедерация, на что, как доносил посол, в нынешнем положении надежды практически не было.

В связи с этим возникала задача обеспечить применение крайних мер, выяснив позицию других держав, заручившись поддержкой союзников и не допустив чужого иностранного вмешательства в польские дела. Для этого требовалось время, а заранее за успех поручиться было невозможно. Поэтому Репнин напоминал, что нужно будет, «чтоб и прусский здесь министр також декларациею отозвался, что его двор согласно с нами в сем деле поступать будет, в покровительство диссидентов приемлет и вступаться за них станет. Об чем надлежит, — предлагал посол, — чтоб точные повеления к г-ну Бенуа присланы были. Он через графа Сольмса известен о сей намеренной диссидентской конфедерации, и, примечая, что всячески мне оную отговаривает, представляя опасности, уже выше изъясненные, и все следствии духовной войны, которое, думаю, не без наставлений делает. И, следственно, надлежит от прусского двора требовать, чтоб немедленно к нему сюда наставления были присланы согласно со мной поступать, тож письменно и словесно отзываться. А я, видя его от сего дела отдаление, с ним не весьма об оном открываюсь и только в генеральных терминах (понеже он уже через графа Сольмса оное знает), поколе Ваше превосходительство не согласится с прусским двором. Выше помянутую декларацию всепокорнейше прошу у вас на французском языке сочинить и ко мне прислать. Не менее нужно, считаю, и прочих чужестранных дворов министров наших через нарочных курьеров уведомить, каким образом они должны в сем случае поступать и какие предосторожности брать»¹⁹⁹.

В заключение депеши Репнин вновь просил как можно скорее прислать новые инструкции, «ибо, — по его словам, — чем далее продлится время нерешимости, тем труднее будет скрыть наши намерения по поводу помянутых диссидентских конфедераций. А сия скрытность к успех их необходимо нужна»²⁰⁰.

Однако обращение за «ответными повелениями» и «всепокорнейший» тон депеши не могли скрыть того, что Репнин по сути выступил с критикой диссидент-

ской политики Петербурга. Он привел все возможные аргументы, предостерегая российский двор от опасности обострения кризиса в Польше из-за диссидентского дела. Раскрывая свой план, посол указывал на очевидные трудности его исполнения. Малочисленность и слабость диссидентских конфедераций, возможность сплочения всей шляхты вокруг короля и угроза объявления Посполитого рушения таили в себе опасность открытой войны России и Польши с последующей угрозой вмешательства в нее Турции, Австрии и Франции. Чтобы избежать этого и добиться успеха диссидентского дела, по мнению посла, необходимо было внести раскол и среди магнатов и католической шляхты, привлекая на свою сторону противников двора и Чарторыхских обещанием выполнить их требования, но только с тем условием, что в начале надлежит осуществить планы России в диссидентском вопросе. В этом случае сопротивление Речи Посполитой будет парализовано, так как польского короля и Чарторыхских, с одной стороны, и «патриотов», с другой, объединяет только общее неприятие равноправия диссидентов. Однако ко времени окончания сейма 1766 г. такое решение было невозможно.

Х

Поскольку на сейме уже более не приходилось ожидать угодного России разрешения диссидентского вопроса, то отпала не только необходимость каких-либо уступок в вопросе о реформах в Речи Посполитой, но даже и сама нужда скрывать подлинное отношение Петербурга к преобразовательным планам польского двора. Последнее диктовалось еще и тем, что без решительного вмешательства России проект А. Замойского был бы утвержден на сейме. Поэтому сразу же вслед за его провозглашением и по мере прояснения итогов диссидентского дела главной задачей Репнина стало уничтожение «множества голосов» и роспуск Генеральной конфедерации.

В этом посол мог бы рассчитывать на поддержку оппозиции, однако она не обладала достаточными силами, да и не обнаруживала готовности к сотрудничеству, тем более желая действовать в интересах России. Поэтому ни для Репнина в Варшаве, ни для его шефов в Петербурге не оставалось иного пути, кроме использования разногласий между Станиславом Августом и Чарторыхскими. Об этом Репнин писал послу 18/7 октября²⁰¹ и 27/16 октября 1766 г.²⁰² Те в свою очередь склонились к соглашению с русским послом.

Еще 30/19 октября Репнин сообщал об опасениях старых князей в связи с возможным укреплением позиций двора и королевских братьев, «чтобы как власть, усилившая оного, и их в упадок не привела». Причинами такого беспокойства Чарторыхских, по словам посла, стали проект «о множестве голосов» и планы 10%-ных питейных сборов²⁰³. В приложении к письму Репнин передавал конфиденциальный разговор с А. Чарторыхским, в котором тот, с просьбой не уведомлять об этом Петербург, спрашивал, не позволено ли будет ввести «множество голосов» на сеймиках. По мнению воеводы русского, это позволило бы собирать на сейм полное число послов и затруднило бы для двора манипулировать составом сейма, разрывая те сеймики, где могли быть избраны неугодные послы. Репнин усматривал как «полезные», так и «вредные» стороны этого проекта и указывал на стремление А. Чарторыхского укрепить таким способом собственные позиции в расчете на свой авторитет среди шляхты²⁰⁴. Однако, помимо такого намерения, за словами воеводы

прочитывалось желание, хотя бы в малой степени, сохранить преобразования, введенные в 1764 г., и вместе с тем готовность уступить давлению Петербурга в вопросе о проекте А. Замойского и о роспуске Генеральной конфедерации.

В начале ноября согласие Чарторыхских принять русские требования было получено. Однако Станислав Август продолжал сопротивляться. Он заявил министрам, что те, как и послы на сейме, свободны поступать по своему усмотрению, сам же он остается при прежнем мнении, хотя и не будет принуждать к этому других. Как писал в связи с этим Репнин, по сведениям, полученным от Гольцев, Станислав Август продолжал склонять послов на сейме в пользу принятия реформаторских проектов, особенно это касалось депутации от Королевской Пруссии²⁰⁵.

Русский посол доносил в Петербург о необходимости совместно с Г. Бенуа подать декларацию с требованием уничтожения реформаторских проектов двора. Репнин также указывал, что по сравнению с присланным проектом тон российско-прусского заявления будет смягчен, поскольку прусский посол, хотя и получил инструкции «с ним согласно поступать», но при условии, «чтоб, однако ж, угроз письменных не делать»²⁰⁶.

Русско-прусская декларация была подана, как сказано в дневнике сейма, на «приватной аудиенции», 11 ноября 1766 г. В этот день заседаний сейма не было, поэтому в дневнике она помещена под 10 ноября. А 12 ноября на сейме состоялась аудиенция нунция А. Е. Висконти, после которой А. Замойский — великий канцлер коронный — объявил депутатам о декларации России и Пруссии. На следующий день заседание сейма не состоялось из-за болезни Станислава Августа, а 14 ноября депутаты продолжили обсуждение экономических вопросов²⁰⁷. Сообщая в реляции от 14/3 ноября Екатерине II о подаче декларации, Репнин писал: «Видя, что двор здешний насильственным толкованием утверждает и настоит, будто бы множество голосов уже утверждено известною конституцией сейма созывательного по материям скарбовым и военным, не исключая накладки новых податей и умножения войск, и что он генеральность терминов той конституции намерен обратить в пользу своих видов, дерзнул я для отвращения сей вредности подать к сейму высочайшим именем <...> декларацию <...>, а такую же точно и прусский министр именем своего государя со мной вместе подан. Ответу на оные еще не имеем»²⁰⁸.

В день объявления декларации на сейме, 12 ноября, А. Е. Висконти доносил в Рим, что «с российским манифестом относительно короля и „фамилии“ устанавливается новая система России в Польше. Она находит полную поддержку со стороны Пруссии. Послы обоих дворов совместно добиваются прекращения конфедерации. Таким образом, уничтожаются законы, принятые на последнем сейме коронации. Все, — продолжал нунций, — подавлены столь значительной и неожиданной переменой. Некоторые считают, что это произошло из-за того, что дворам (России и Пруссии. — *Б. Н.*) стало известно о какой-то комбинации короля и венского двора при посредничестве князя — королевского брата и генерала австрийской службы, другие — что в этом сыграла свою роль размолвка между Чарторыхскими и Понятовскими»²⁰⁹.

За «растерянностью», о которой писал папский посол, скрывалось желание магнатов и двора выиграть время, чтобы выяснить расстановку сил и определить план дальнейших действий. С этой целью обсуждение декларации петербургского и берлинского дворов на сейме было молчаливо отложено. Спустя восемь дней Репнин доносил Екатерине II²¹⁰ о «медлительности» в ее рассмотрении на сейме, что он и Бенуа для ускорения дела подали специальные мемориалы²¹¹ польскому министерст-

ву. Посол сообщал также о продлении сейма на две недели, до 19 ноября²¹². В тот же день, 20/9 ноября Репнин писал Панину о согласии Станислава Августа и Чарторыхских распустить Генеральную конфедерацию и отказаться от планов голосования большинством (депеша подробно изложена С. М. Соловьевым)²¹³. За содействие в этом, помимо самих Чарторыхских, посол благодарил Ф. Ржевуского, С. Любомирского и особенно А. К. Чарторыхского, «ибо он, — писал Репнин, — мне был первым инструментом к приведению стариков (князей Августа и Михала. — Б. Н.) на мою сторону»²¹⁴. В следующем дополнении к депеше от 20/9 ноября посол доносил, что, хотя король и обещал ему накануне «исстребить множество голосов, <...> но такая у них конфузия и сумятица, что обер-камергер (К. Понятовский. — Б. Н.) <...> и ныне еще интригует против нас»²¹⁵. Репнин также уведомлял, что в Варшаве распространяется анонимное сочинение «Примечания достойного гражданина к российской и прусской декларации от 11 ноября»²¹⁶, авторства которой, по словам посла, польский двор не признает. «Но не меньше я, однако ж, в ней вижу, — замечает Репнин, — многие рассуждения его партизанов».

Автором «Примечаний» был сам Станислав Август, включивший их позже в мемуары²¹⁷. В этом сочинении польского короля проводилась мысль, что планируемые двором реформы в области государственного хозяйства, порядка проведения сеймов и в военной области соответствуют воле шляхетского народа. Король доказывал, что противники преобразований составляют незначительное меньшинство и не обладают силами и влиянием, чтобы законным путем воспрепятствовать принятию предложенных сейму проектов. Из этого следовал вывод, что петербургский и берлинский дворы, ставши на сторону оппозиции, выступили против республики, права и вольности которой они якобы претендуют оберегать. Сочинение Станислава Августа представляло обращенное к польскому обществу разъяснение политики и побудительных мотивов короля, его министерства и «фамилии», которыми они руководствовались на сейме.

Однако, «Примечания» не содержали призыва претворить в жизнь задуманные преобразования, отсутствовала в них и решимость сопротивляться российско-прусскому диктату. Они были, скорее, оправданием потерпевшей поражение политики, чем программой ее осуществления. Таким образом, они свидетельствовали не столько о готовности польского двора к сопротивлению, сколько о капитуляции.

Вместе с тем сочинение Станислава Августа предназначалось не только для пропаганды в Польше. Оно адресовалось и иностранным государствам, на поддержку общественности и правящих кругов которых рассчитывал король. В первую очередь это касалось Австрии.

В предыдущих главах мы уже останавливались на надеждах Станислава Августа с помощью Вены освободиться от русской опеки. Накануне и во время сейма об этом писал А. Е. Висконти, Н. В. Репнин 14/3 ноября доносил Панину, что упорство польского короля в отношении предъявленных 11 ноября требований связано с обещаниями, данными А. Понятовскому²¹⁸. Тот в свою очередь 5, 24 и 30 октября направил сардинскому послу в Вене и тайному агенту Станислава Августа Л. Каналю предназначенные австрийскому двору письма с призывом о помощи. В них королевский брат и австрийский генерал писал, что Австрия не должна закрывать глаза на русские войска в Польше, «превращенной Россией в свою провинцию», что польский король готов разорвать союз с ней, «который прежде он рассматривал как необходимый для себя и для счастья своей страны». По словам А. Понятовско-

го, поляки «предпочтут погибнуть, чем покрыть себя позором, и не могут поверить, что европейские дворы хотели бы превратить их в рабов или же сделать добычей России и Пруссии». Королевский брат призывал Вену выступить с декларацией против присутствия иностранных войск на польских землях²¹⁹.

Косвенным свидетельством намерений Станислава Августа пойти на крайние меры для проведения задуманных преобразований в Речи Посполитой стало получение королем 100 тыс. червонцев, занятых им в генуэзском банке и доставленных из Вены в Варшаву в ноябре 1766 г. Замыслы короля в это время, вероятно, вполне разделяли его дяди, так как за предоставленный заем были заложены не только королевский соляной завод, но и деньги Чарторыхских, хранившиеся в римском банке. В связи с этим Репнин писал: «Я истинно понять не могу, на какой конец и с какою надеждой король в такие неумеренные долги входит»²²⁰.

О надеждах Станислава Августа найти поддержку своим преобразовательным планам в Австрии свидетельствовали и действия в Петербурге Ф. Ржевуского, о чем Н. И. Панин писал Н. В. Репнину 2 января 1767 года: «Как скоро начали дела приходить в замешательство между нами и польским двором во время сейма — Ржевуский стал в своем поведении более отдаваться ревности, нежели мог оною управлять благоразумием и пристойностью <...> Он в одно время, с горькими слезами предствляя себе беды и истребление своего отечества, тут же отчаянно угрожал, что они все (поляки. — *Б. Н.*) ввергнут себя в руки венского двора, чтобы только освободиться от опекунов русского и сохранить свою святую католическую веру <...> А только Вам скажу по самой истине, — замечал Панин Репнину, — что вместо досады я смотрел на него с искренним сожалением». Далее шеф русской внешней политики писал, что всегда с расположением относился к Ржевускому и просил посла заявить, что тот и по сей день пользуется полным доверием русского двора. Вместе с тем, Панин высказал мысль, что Ржевуский «не очень крепко привязан к принципам вольности и легкомысленно надувается амбицией славы громкого самодержавного владения — следствие может тех еще прелестных мер, которые они между собою со стольником Понятовским располагали, когда им к короне бархат расстился»²²¹. Последнее рассуждение свидетельствовало, что в Петербурге не исключали связи между задуманными в Польше реформами и планами усиления королевской власти, которые якобы вынашивал Станислав Август. Таким образом, в российской столице из разных источников знали о расчетах польского двора найти поддержку в Австрии²²².

Однако в Вене накануне и во время сейма 1766 года старательно избегали любых шагов и заявлений, которые могли бы свидетельствовать о намерении монархии Габсбургов прийти на помощь польскому королю и Речи Посполитой. Вместе с тем австрийская дипломатия умело создавала впечатление, что не исключает своего вмешательства в польские дела. Иллюзия возможного австрийского содействия полякам поддерживалась и подчеркнутой озабоченностью Пруссии по поводу угрозы войны с венским двором. Трудно сказать, в какой мере Фридрих II доверял дошедшим из австрийской столицы слухам, а в какой — просто воспользовался ими в собственных целях, однако беспокойство прусского короля не воспринималось в европейских столицах как совсем безосновательное. Так или иначе, но ни в Берлине, ни в Петербурге, как мы могли убедиться ранее, столкновение с Австрией из-за польских дел отнюдь не исключалось. Какими способами дипломатия Кауница создавала видимость поддержки полякам, можно представить на примере депеши И. М. Ло-

бковича от 30 сентября 1766 г., в которой австрийский посол в Петербурге просил об отозвании и сообщал о своем желании в случае войны вступить в армию²²³.

Дополнительный свет на события, связанные с окончанием сейма 1766 г., проливает переписка В.Ф. Сольмса и Г. Бенуа с Берлином. В депеше прусского посла из российской столицы от 18/7 ноября говорилось о речительстве Репнина, что вопрос о *liberum veto* не пройдет на сейме согласно планам «господствующей партии». Сольмс сообщал о розни между Станиславом Августом и Чарторьскими, что польскому королю и вождям «фамилии» были поставлены условия русского двора: выступить против отмены вольного голоса и в пользу диссидентов. Относительно последнего пункта прусский посол замечал, что «мало кто решится говорить» об этом. Сольмс сообщал, что А. Чарторьский готов стать на сторону России и «открыто объявить себя против короля», что такую же позицию занял и Ф. Ржевуский, предложивший свои услуги²²⁴. В ответ на это донесение Сольмса К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали, что, согласно сообщениям Бенуа, во взглядах А. Чарторьского произошла «выгодная перемена», что тот хотел сложить с себя звание маршала Генеральной конфедерации, а это было бы равносильно ее роспуску.

Напротив, братья Станислава Августа убеждены, что конфликт, вызванный диссидентским делом, можно будет использовать для переворота в образе правления в Польше. Однако теперь, констатировали прусские министры, перед лицом твердой позиции воеводы русского польскому королю придется уступить²²⁵.

Таким образом, благодаря расколу между Станиславом Августом и его ближайшими сторонниками, с одной стороны, и Чарторьскими, с другой, Репнину и Бенуа удалось добиться согласия польского двора на роспуск Генеральной конфедерации, на законодательное утверждение принципа *liberum veto*, на отказ от планов реформы сеймования. Об этом Репнин отправил 20/9 ноября 1766 г. реляцию Екатерине II²²⁶ и депешу Н. И. Панину²²⁷. В депеше посол сообщал, что решение о продолжении заседаний сейма до 29 ноября «не имеет опасности», поскольку ожидается разрыв конфедерации и уничтожение «множества голосов». Последнее посол считал чрезвычайно важным, поскольку в противном случае, по его словам, польскому двору не нужны были ни конфедерации, ни сеймы. Посол доносил, что Станислав Август и Чарторьские согласились выполнить требования России. При этом король неоднократно спрашивал Репнина, действительно ли Петербург готов применить силу, если сейм отклонит русский ультиматум, на что посол «с твердостью отвечал, чтоб то, конечно, было». Станислав Август задал также вопрос о выводе после окончания сейма из Польши русских войск. В ответ Репнин сказал, что об этом будут соответствующие повеления, но сам он считает, что пока не решено диссидентское дело войска останутся в стране и «как бы не пришлось эти войска увеличить»²²⁸.

Приведенный Репниным разговор со Станиславом Августом свидетельствовал, что разногласия между польским королем и Чарторьскими были существенно преувеличены как польским общественным мнением, так и сообщавшими о них свои двора дипломатами. Решающую роль в неудаче реформаторских замыслов «фамилии» и Станислава Августа сыграли Петербург и Берлин. Коллизии внутри правящего лагеря в Польше отражали только разногласия по тактическим вопросам. Суть их сводилась к поиску путей для сохранения политических позиций господствующей магнатской группировки перед лицом русско-прусского ультиматума и для осуществления тех преобразований, которые пока не встретили открытого противодействия из-за границы.

Таблица 7. Расчет численности коронных и литовских войск Речи Посполитой 1766 г. * и средств на их содержание в течение года

КОРОНА			ЛИТВА		
Войска	Численность (чел.)	Содержание на год (злот.)	Войска	Численность (чел.)	Содержание на год (злот.)
1	2	3	4	5	6
I. Пехота					
Гвардия	3000	887 500	Гвардия пешая	1000	
Полк королевев	1000	262 500	Полк великого гетмана	425	525 000
Полк королевича	1000	262 500	Полк польн. гетмана	425	
Полк вел. гетмана	900	236 250	Артиллерия	354	
Полк польн. гетмана	850	223 125	Янычары вел. гетмана	140	
Полк артиллерии	850	223 125	Янычары польн. гетмана	100	81 250
3 венгерских роты гетманов и великого маршала	400	105 000	Пехота трибунальская	100	
Полк лановой	505	233 793,225			
ИТОГО:	8505	2 433 793,225	ИТОГО:	2544	606 250
II. Кавалерия					
<i>Гусары</i>			Гусары	400	248 000
Полк королевский	265		Пятигорпы	1200	600 000
Полк королевича	245		Драгуны	700	280 000
Полк вел. Гетмана	245	600 000	овангардии конной гвардии	600	270 000
Полк польн. Гетмана	245		Вел. петмана	300	135 000
	1000		Польн. гетмана	300	135 000
			Полк воеводы Виленского (бывший королевича)	300	135 000
<i>Панцерные</i>					
Полк королевский	1060	2 000 000			
Полк королевича	980				
Полк. вел. гетмана	950				
Полк польн гетмана	1010				
	4000				
<i>Леская конница</i>					
Полк королевский	550	400 000			
Полк вел. Гетмана	450				
	1000				

Гвардия				
Полк королевский	1000	665 250		
Полк королевцы	500	225 000		
Полк Скоржевского	500	225 000		
Полк вел. Гетмана	500	225 000		
Полк полын. Гетмана	500	225 000		
Полк конюшего кор.	500	225 000		
Полк подкашего Потопского	500	225 000		
	4000			
ИТОГО:	10 000	5 015 250	ИТОГО:	3800
ВСЕГО:	18 505	7 459 043,225	ВСЕГО:	6344
				1 803 000
				2 409 250

Прочие военные расходы				
На содержание артиллерии		300 000	Вел. Гетману	120 000
Генерал-инспектору от кавалерии		26 400	Полын. гетману	80 000
Генерал-инспектору от пехоты		28 000	Двум генерал-поручикам	14 000
На пропитание заслуженных и дряхлых		150 000	Генерал-майору	6 000
Вел. Гетману		120 000	Писарю полын.	15 000
Полын. гетману		80 000	Стражнику вел.	12 000
			Стражнику полын.	6 000
Полын. писарю		30 000	Обозному	1 500
			Квартермистеру	1 500
			Судье войсковому	2 000
			Генерал-аудитору	2 000
			Чешпрем генерал-адъютантам	8 000
			На канцелярию	6 000
			На лазарет	46 000
ИТОГО:		734 400	ИТОГО:	320 000
ВСЕГО:		8 193 443,225	ВСЕГО:	2 729 250

Общая численность войск в Короне и Литве	24 849 чел.
Всего на их содержание	9 868 293,225 польск. злотых
Общая сумма военных расходов	10 922 693,225 польск. злотых

Примечание. * Сведения, присланные в Петербург Н. В. Репниным в приложениях к депешам от 13/2 и 17/6 декабря 1766 г.

Помимо нововведений в финансовой области, которые были рассмотрены выше, сейм утвердил ряд постановлений по военным вопросам. Они касались, во-первых, формирования военных комиссий в Короне и в Литве²²⁹. Во главе их по-прежнему оставались А. Чарторыский и М. Огинский, а в составе решительно преобладали сторонники двора и «фамилии», присутствовали в комиссиях и такие близкие к русскому посольству деятели как Ф. К. Браницкий и А. Понинский. Во-вторых, сейм увеличил военные расходы, предназначавшиеся для прибавления жалованья войскам и для их пополнения²³⁰. Установленные численность и состав войск, а также средства на их содержание приведены в *таблице 7*²³¹.

Согласно «Расчету» на военные нужды выделялось почти 11 млн. злотых из общей суммы запланированных государственных доходов в 13 млн злотых, что составляло 84% всех расходов. Такая пропорция могла свидетельствовать только о твердых намерениях двора осуществить задуманные преобразования в военной области. Запланированное повышение жалованья войскам и доведение их численности до полного штатного состава, как это задумывалось еще накануне сейма, должно было привести к увеличению численности армии республики. Установленный конституцией 1717 г. предел в 18 тыс. чел. должен был быть превышен почти на 7 тыс. человек и составить 24 тыс. 849 чел. Н. В. Репнин не стал протестовать против подобных планов, поскольку не верил в их осуществление, однако сами они отражали курс, который польский двор намерен был проводить после сейма. Предусматривали эти планы и некоторые меры по совершенствованию организации и по наведению порядка в войсках, по повышению их боеготовности, на что косвенно указывало введение должностей двух генерал-инспекторов в Короне и двух генерал-поручиков в Литве. Однако в целом организационная структура и управление войсками оставалась на уровне XVI в.

Осознавая необходимость глубокой подготовки преобразований, сторонники реформ придавали особое значение учрежденной сеймом Рыцарской школе²³². В постановлении сейма говорилось, что школа создается для «просвещения и образования шляхетской молодежи, для подготовки ее к служению отчизне в совете и в бою». В изложении Н. В. Репнина «шляхетское юношество» должно было быть полезным отечеству «к службе военной или же штатской»²³³. Расхождение это не было стилистическим, ибо в последнем случае служение отечеству рассматривалось как служба в государственном аппарате, призванная укрепить польское государство. В замыслах основателей Рыцарской школы она должна была способствовать решению двух задач, с одной стороны, подготовить квалифицированных людей для военной службы и государственного управления, а с другой — способствовать распространению в шляхетской среде прогрессивных взглядов и формированию общественного мнения в поддержку проводимых реформ. Согласно сведениям Репнина в школу предполагалось набрать 200 кандидатов, на содержание выделялось 600 тыс. злотых и 300 тыс. на постройку здания²³⁴.

К преобразованиям в военной области принадлежали и постановления сейма о порядке работы военных комиссий²³⁵ и о прерогативах гетманов обоих народов²³⁶. В последнем случае никакого существенного изменения в статусе гетманов, по сравнению с конституциями 1764 г. не произошло. Репнин назвал это «некоторым смягчением, учиненным в поманку гетманам, только настоящим»²³⁷.

Важная роль среди постановлений сейма принадлежала разрешению старого спора о компетенции канцлеров и маршалов в реляционных судах. Теперь статус маршальского суда получил более четкое определение²³⁸. Маршалы освобождались

от управления королевским двором, однако в их ведении по-прежнему оставалась охрана короля и суд, но только по уголовным делам. Как и в других судах, решения в маршалском суде должны были приниматься большинством голосов, для чего в состав суда включались 4 сенатора и 4 представителя шляхты из находившихся при дворе. Таким образом, укреплялись республиканские начала судопроизводства при ослаблении роли назначенных королем должностных лиц. Это решение более четко определяло компетенцию отдельных судов и вместе с тем подчеркивало значение голосования большинством как универсального принципа не только устройства судебной власти, но и всего государственного строя Речи Посполитой. Это имело особое значение для реформаторского лагеря перед лицом атак оппозиции на преобразовательные планы Станислава Августа и «фамилии», особенно, когда на защиту принципа *liberum veto* решительно стали Россия и Пруссия.

18 ноября на сейме с речью выступил М. Вельгурский, развивавший мысль, что «нет другого способа обеспечить общественное благосостояние, как утвердить в некоторых материях *liberum veto*». В заключение кухмистр литовский представил проект конституции «Об обеспечении вольного голоса»²³⁹. Против проекта оппозиции выступили К. Понятовский, заявивший, что Вельгурский ставит под сомнение благотворность решений нынешнего сейма, и Каспер Рогалинский, считавший, что проект можно не рассматривать, поскольку те же положения содержатся в декларациях России и Пруссии. В поддержку Вельгурского высказался К. Солтык²⁴⁰.

20 ноября, согласно журналу сейма, присланного Репниным в Петербург, против реформаторских планов двора и в поддержку проекта оппозиции выступили также чернеховский посол Вацлав Подхородецкий и К. Грановский. Примечательно, что с мнением последнего о неприемлемости проекта А. Замойского согласился и поддержавший равского воеводу С. Любомирский²⁴¹, что стало открытым подтверждением капитуляции «фамилии» под нажимом русского и прусского послов.

Сообщая о проекте Вельгурского в Петербург, Репнин писал, что тот был представлен сейму по его рекомендации, что в начале чтению проекта воспрепятствовал обер-камергер коронный с королевской партией». Однако предложение Вельгурского все же было принято к рассмотрению усилиями К. Солтыка «при молчании Чарторыхских и их сторонников»²⁴².

Сообщение русского посла о представлении проекта Вельгурского «по его рекомендации» нуждается в уточнении. Даже если «рекомендация» Репнина и была высказана, она, очевидно, не могла иметь существенного значения, поскольку защита «вольного голоса» с самого начала сейма стала знаменем оппозиции независимо от советов русского посла. Сама же идея законодательного закрепления до сих пор лишь традиционного принципа *liberum veto* принадлежала не Репнину, а Г. Бенуа. Поэтому, приписывая себе инициативу в вынесении на сейм проекта «Об обеспечении вольного голоса», русский посол мог не более чем подчеркнуть перед своими шефами собственную роль в пресечении реформаторских планов Станислава Августа.

Дебаты о роспуске Генеральной конфедерации начались на 38 сессии 22 ноября. Послы и сенаторы подчеркнуто связывали такое решение с диссидентским делом, утверждая, что «твердость в католической вере польского народа, которая всегда была им защищаема, ставшая основой его жизни» служит непререкаемым основанием для ликвидации конфедерации. Тогда же вновь был прочитан проект Вельгурского. В поддержку утверждения конституцией сейма вольного голоса выступил один из

послов от Королевской Пруссии Франтишек Вильчевский, заявивший, что «развязание конфедерации и толкование конституций сейма 1764 г. в вопросах установления податей и формирования войск, дабы они не попадали под решение множеством голосов, суть только два единственных заслона, оставшиеся нам для защиты и обретения вновь наших сил», что послужило еще одним доказательством тщетности надежд Станислава Августа обрести поддержку в поморской делегации. За роспуск конфедерации и законодательное утверждение *liberum veto* высказались С. Любомирский и А. К. Чарторыйский²⁴³. Польский король и старые князья Август и Михал Чарторыйские и на этот раз хранили молчание.

Сейм завершился 29 ноября. Последняя 43 сессия, как писал Н. В. Репнин Н. И. Панину, продолжалась со второй половины дня всю ночь и закончилась только в 9 часов утра на следующий день. Посол сообщал, что не подавал декларации о роспуске Генеральной конфедерации, так как получил соответствующие гарантии от Чарторыйских и короля²⁴⁴. Конфедерация была ликвидирована²⁴⁵ и принята конституция «Об обеспечении вольного голоса»²⁴⁶. В ней констатировалось, что *liberum veto* является зеницей свободы, что «вольный голос» не может быть отменен ни каким изданным в будущем законом. В качестве толкований конституций 1764 г. говорилось, что введение новых податей как и увеличение уже существующих, а также увеличение численности войска, заключение международных договоров и объявление войны, как и другие государственные материи подлежат исключительно единогласному решению сенаторов и послов на свободных сеймах. Таким образом, требования России и Пруссии были выполнены.

Однако в Акте роспуска конфедерации ее роль в 1764—1766 гг., несмотря на все попытки оппозиции опорочить политику «фамилии» и первые годы нового царствования, была оценена положительно, а маршалам коронной и литовской конфедераций А. Чарторыйскому и М. Бржостовскому объявлялась благодарность. К конституции о ликвидации конфедерации, как писал Репнин, «припутали учреждение сеймиков по множеству голосов»²⁴⁷.

План введения на сеймиках голосования большинством, как это было показано выше, А. Чарторыйский обсуждал с Репниным еще в конце октября, теперь же, несмотря на возражения русского посла, он был утвержден в последний день работы сейма. Репнин потребовал объяснений. В ответ Чарторыйские сказали, что не присутствовали в конце заседания, уехав около полуночи, а король — что не имел права отклонить своей властью предложенные послами якобы по своей инициативе проекты. «Понеже уже дело было сделано», Репнину не оставалось иного, как заявить Станиславу Августу, «что всякие скоропостижные новости необходимо хлопоты нанести должны, особливо когда соседи на оные не согласны»²⁴⁸. В связи с этим посол замечал: «С оскорблением признаюсь, что нужды час от часу более вижу единожды навсегда предписать форму правления и утвердить оную нашею гарантиєю, хотя бы вооруженною рукою до того достигать, а инако прочного основания здесь иметь не будем. Теперь же сверх диссидентского дела можем мы в претекст взять и сей политический резон о установлении множества голосов на сеймиках»²⁴⁹.

За короткое время русский посол дважды и весьма обстоятельно поставил вопрос об установлении российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Причем в своих рассуждениях об этом Репнин впервые указал на «диссидентское дело» как на повод для пресечения политики реформ и для законодательного закрепления российского господства в Польше.

Примечания

1. Имеется целый ряд дневников (журналов) сейма 1766 г. Их перечень приведен Владиславом Конопчиньским в работе: *Konopczyński Wl. Chronologia sejmów polskich 1493–1793*. Kraków, 1948. Помимо указанных Конопчиньским рукописей и публикаций, журнал сейма содержится в реляциях Н. В. Репнина Екатерине II (АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 879–881) и в донесениях Г. Бенуа в Берлине (GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–178). Здесь и далее изложение работы сейма дается по официальному изданию: *Konstytucje Sejmu walnego ordynaryjnego w Warszawie Roku Pańskiego 1766 Dnia 6. Pazdziernika złożonego w Warszawie w Drukarni J. K. Mci u XX Scholarium Piarum. Dyaryusz seymu walnego ordynaryjnego w Warszawie Roku 1766 w Warszawie w Drukarni J. K. Mci u Rzeczypospolitey Societatis JESU*. [В собрании рукописей и старопечатных книг Национальной библиотеки в Варшаве.] Далее — *Diariusz seymu...* 1766 г.
2. *Diariusz seymu...* 1766 г. [B. rev.]
3. *Ibid.*
4. *Ibid* [B. rev.—B₂].
5. PSB. Т. 6. S. 117–119.
6. *Diariusz seymu...* 1766 г. [F].
7. *Ibid.*
8. *Ibid.*
9. *Ibid.*
10. *Ibid.*
11. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 131–132.
12. Там же. С. 144–146.
13. Копия письма Станислава Августа Ф. Ржевускому от 26 (?) сентября 1766 г. в фонде Кабинета Екатерины II // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 138–139. Копия писем Станислава Августа Екатерине II от 25 и 26 (?) сентября 1766 г. в приложении к депеше В. Ф. Сольмса от 25/14 октября 1766 г. // Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 520.
14. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 520.
15. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 88–93.
16. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 139–141.
17. Там же. С. 149–155.
18. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 125–126, 129.
19. Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину от 11 октября / 30 сентября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 130–137.
20. Сб. РИО, 1889. Т. 67. С. 127–131.
21. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 131 об.
22. Там же. Л. 131 об.—132.
23. *Correspondance inédite du roi Stanislas Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764–1777)*. Paris, 1875. P. 250–254.
24. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 132–134.
25. Там же. Л. 125–126 об.
26. Копия письма В. С. Долгорукова. — Там же. Л. 148–149.
27. Дело о присвоении Г. Бенуа ранга полномочного министра. — GStA. HA I. Abt 9 (Polen). № 27–177.
28. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 1–2.

29. Там же. Д. 887. Л. 125–126 об.
30. Там же. Л. 136–137.
31. Breve Apostolicum pro Comitibus Generalibus proxime inchoandis ad Celissimum Primatem Regni Scriptum Anno 1766. Clemens PP XIII. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 139 (Перевод — Л. 140–144 об.).
32. ASV (Polonia). Vol. 276. P. 123.
33. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 134–134 об.
34. Там же. Л. 149.
35. Там же. Л. 145–145 об.
36. Там же. Л. 129–129 об.
37. Там же. Л. 134–136.
38. Там же. Л. 135–135 об.
39. Там же. Л. 135 об.
40. Там же. Л. 137 об.
41. Там же. Л. 138 об.
42. Diariusz sejmu... 1766 г. [G].
43. Ibid [H].
44. Ibid.
45. Речь Солтыка — епископа краковского на Сейме 11.X.1766 г. — Diariusz sejmu...1766 г. [H–J₂ rev.].
46. «Ubespieczenie Wiary» Проект К. Солтыка на сейме 1766 г. — Diariusz sejmu... 1766 г. [K₂ rev.].
47. Rudnicki K. Biskup Kajetan Soltyk 1715–1788. Kraków; Warszawa, 1906. S. 125.
48. Ibid. S. 126.
49. Ibid.
50. Реляция Н. В. Репнина — Екатерине II 16/5 октября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 880. Л. 3–4 об.; Н. В. Репнин — Н. И. Панину 11 октября / 30 сентября. — Там же. Д. 887. Л. 146–147 об.
51. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 91–92 об.
52. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 146.
53. Соловьев С. М. Указ. Соч. Кн. 14. М., 1994. С. 146–147.
54. Schmitt H. Op. cit. Т. 2; Rudnicki K. Op. cit.; Lubenska M. C. Sprawa dysydencka 1764–1766. Kraków; Warszawa, 1911.
55. Historia polityczna Polski. Warszawa etc., 1923. Cz. 2. S. 542.
56. Rostworowski E. Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 maja. Warszawa, 1966. S. 52.
57. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 146–149.
58. Там же. С. 155–159.
59. Там же. С. 166–171.
60. Там же. С. 146–149.
61. Там же. С. 155–159.
62. Там же. С. 171–172.
63. Там же. С. 172–174.
64. Там же. С. 166–171.

65. Там же. С. 166—167.
66. Там же. С. 170—171.
67. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [L—L₂].
68. Ibid.
69. Н. В. Репнин — Н. И. Панину 16/5 октября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 7—11 об; Сб РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 174—176.
70. Там же.
71. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [M rev.].
72. Ibid.
73. Ibid [N₂].
74. Ibid [M₂].
75. *Rudnicki K.* Op. cit. S. 126.
76. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [M₂].
77. Ibid.
78. Ibid.
79. Ibid [M₂ rev.].
80. Ibid [N—N rev.].
81. Ibid [N rev.].
82. Ibid [N₂ rev.—O].
83. Ibid [O₂].
84. Ibid [P rev.]. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 11—11 об.
85. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [M rev.].
86. Ibid [N₂].
87. Ibid [N₂ rev.].
88. Ibid [Q].
89. Ibid [N₂].
90. Ibid [N₂—N₂ rev.].
91. Ibid [O].
92. Ibid [P₂ rev.].
93. Ibid [O].
94. Ibid [O—O rev.].
95. Ibid [Q].
96. Ibid [R₂ rev.].
97. Ibid.
98. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 7—11 об.; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 174—176; Отрывки из депеши Н. В. Репнина приведены у С. М. Соловьева: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С 145.
99. Там же.
100. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 176—182.
101. Там же. С. 178—182.
102. Там же. С. 176—178.
103. Там же.
104. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 484—486.
105. Там же. С. 487—490.

106. Там же. С. 493–496.
107. Там же. С. 499–500.
108. Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896. С. 378–379.
109. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 502–506.
110. Там же. С. 506–514.
111. Там же. С. 506–514.
112. Там же. С. 538–547.
113. Там же. С. 482–484.
114. [Friedrich II] PC. Bd. 25. S. 266.
115. Ibid. S. 268.
116. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 490–493.
117. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–176. S. 107–107 rück.
118. [Friedrich II] PC. Bd. 25. S. 280–282.
119. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–176. S. 110–110 rück.
120. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 496–498.
121. [Friedrich II] PC. Bd. 25. S. 285–286.
122. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 501–502.
123. [Friedrich II] PC. Bd. 25. S. 288.
124. Ibid. S. 289–293.
125. Фридрих II — В. Ф. Сольмсу и Ш. Бенуа 9 ноября 1766 г. // Ibid. S. 294–297; К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг — В. Ф. Сольмсу 11 ноября 1766 г. // Сб. РИО. СПб., 1787. Т. 22. С. 547–548; См. также последующие инструкции за ноябрь–декабрь 1766 г.
126. Diariusz sejmu... 1766 г. [P₂].
127. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 14.
128. Сб. РИО. СПб., 1878. Т. 22. С. 551–553.
129. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 12–17 об.
130. Там же. Л. 16 об.—17. Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 147.
131. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 42–43 об.
132. AGAD. Arch. Radz. Dz. IV. Тека 20. Кор. 256. К. 400.
133. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 10; К. С. Радзивилл — Н. И. Панину, Дрезден, 27 октября 1766 г. — Там же. Л. 11–12.
134. Там же. Д. 888. Л. 17–17 об.
135. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 121–126.
136. Там же. Л. 106–108.
137. Там же. Д. 889. Л. 7; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 14. С. 149–150.
138. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 106–108.
139. Там же. Л. 73.
140. Там же. Л. 88–89 об.
141. Там же.
142. VL. Т. 7. S. 192.
143. Ibid. S. 193–195; Diariusz sejmu... 1766 г. [W₂—X rev.].
144. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 74.

145. VL. Т. 7. S. 192–193.
146. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 3–3 об.
147. Там же. Д. 888. Л. 42–43 об.
148. Там же. Д. 880. Л. 23.
149. Там же. Д. 888. Л. 91–93.
150. Там же. Д. 890. Л. 1–2.
151. Там же. Д. 888. Л. 93.
152. Там же. Д. 890. Л. 1–2.
153. GStA. HA XX. EM. Tit. 111-h. № 250. S. 9–10.
154. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 90–90 об.
155. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [p rev.—q].
156. *Ibid.* [Bb rev.—Bb₂]; *Rudnicki K.* Op. cit. S. 129–130.
157. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [Bb₂].
158. VL. Т. 7. S. 198–200.
159. *Ibid.* S. 232.
160. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [Bb₂—Dd rev.].
161. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 114–117 об.
162. *Kriegseisen W.* *Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763).* Warszawa, 1996. S. 54.
163. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 89–90.
164. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [Dd rev.—Dd₂].
165. *Ibid.* [Dd₂—Ff rev.].
166. *Ibid.* [Ff rev.].
167. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 880. Л. 36–37.
168. Там же. Л. 44–47.
169. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [(c) rev.—(d) rev.].
170. *Ibid.* [(e)].
171. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 125–125 об.
172. Там же. Д. 889. Л. 18–18 об.
173. Там же. Д. 881. Л. 4–5.
174. Там же. Л. 4 об.—5.
175. Там же. Л. 18–21 об.
176. Там же. Л. 22–26, 27.
177. Там же. Д. 889. Л. 6–6 об.
178. Там же. Л. 5–6.
179. Там же.
180. Там же. Л. 49–52.
181. Там же. Л. 89–90 об.
182. Там же.
183. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 94–95.
184. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 89–90 об.
185. Там же. Л. 97–98 об.
186. Там же. Д. 881. Л. 81–81 об.

187. Там же. Д. 889. Л. 65–70 об.
188. См., напр.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 151 и др.
189. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 65.
190. Там же. Л. 65–65 об.
191. Там же. Л. 65 об.–66.
192. Там же. Л. 66.
193. Там же. Л. 66–66 об.
194. Там же. Л. 66 об.–67 об.
195. Там же. Л. 67 об.–68.
196. Там же. Л. 70.
197. Там же. Л. 83–84 об.
198. Там же. Л. 68.
199. Там же. Л. 68–69.
200. Там же. Л. 70.
201. Там же. Д. 893. Л. 97–99.
202. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 176–178.
203. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 888. Л. 90.
204. Там же. Л. 98–100.
205. Там же. Д. 889. Л. 1–4.
206. Там же.
207. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [(d₂)–(e)]; Печатный текст российской декларации от 11 ноября 1766 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 881. Л. 2–3; Печатный текст прусской декларации от 11 ноября 1766 г. — GStA. HA XX. EM. Tit 111-h. № 250. S. 15–16.
208. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 881. Л. 1–1 об.
209. ASV (Polonia). Vol. 278. P. 284–284 об.
210. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 881. Л. 37–37 об.
211. Там же. Л. 38 (*Mémoire au Ministre de Sa Majeste le Roi et de la Republique de Pologne* 19.11.1766).
212. Постановление о продлении Сейма. — VL. Т. 7. S. 200.
213. *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 151.
214. Там же. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 35.
215. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 36.
216. Там же. Л. 37–38 об. (*Uwagi dobrego obywatela nad Memoryalami Rossyjskim y Pruskim. Dnia 11 listopada podanemi*).
217. *Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski*. S. Peterburg, 1914–1924. Vol. 1. P. 547–552.
218. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 1–4.
219. *Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 maja. Warszawa, 1966. S. 52–53.
220. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 48; Ф. 32. Оп. 6. Д. 455. Л. 50–52.
221. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 243–245.
222. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 77–77 об.
223. Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 109. С. 206–207.
224. Там же. СПб., 1878. Т. 22. С. 555–557.

225. Там же. С. 557–559.
226. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 881. Л. 37–37 об.
227. Там же. Д. 889. Л. 15–19 об.
228. Изложение депеши И. В. Репнина от 20/9 ноября 1766 г. Приведено у С. М. Соловьева. См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 14. С. 150.
229. VL. Т. 7. S. 203–206; 234–235.
230. Ibid. S. 201–203; 234–235.
231. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 7–7 об.; 107–107 об.
232. VL. Т. 7. S. 204–205.
233. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 41–48 об.
234. Там же. Л. 1–2 об.
235. VL. Т. 7. S. 203–204; 233–234.
236. Ibid. S. 205.
237. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 1–2 об., 68–73.
238. VL. Т. 7. S. 206–208; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 890. Л. 49–54.
239. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [(P)rev.-(q)].
240. Ibid. [(q)-(q₂)].
241. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 881. Л. 51–52 об.
242. Там же. Д. 889. Л. 15–19.
243. *Diariusz sejmu...* 1766 г. [(t₂) rev.-(y₂)].
244. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 61–62.
245. VL. Т. 7. S. 200; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 95.
246. VL. Т. 7. S. 221–222; АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 105–106 об.
247. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 889. Л. 93.
248. Там же. Д. 889. Л. 93 об.
249. Там же. Д. 889. Л. 93 об.–94.

I

Итоги сейма 1766 г. ознаменовали собой начало нового этапа русской политики в «диссидентском вопросе», когда стало очевидно, что проблема сословного равноправия иноверцев в Речи Посполитой неразрывно связана со всем комплексом мер, составлявшим содержание политики Петербурга, и в первую очередь усилий по недопущению реформ государственного строя шляхетской республики и установление его гарантии со стороны России. Осознав эту связь в полной мере и убедившись на практике, что само по себе дело диссидентов, некогда названное Екатериной II «делом славы», имеет в действительности второстепенное значение и служит лишь инструментом русской политики в Польше, руководители внешней политики России отнюдь не собирались сворачивать знамя защиты польских иноверцев, как это советовал Фридрих II. Напротив, неудача диссидентского дела на сейме 1766 г. оставляла для русского правительства, в сравнении с предшествующим периодом 1765–1766 гг., значительно меньше простора для политических маневров. Слишком много, казалось, было поставлено на карту, а с другой стороны, перспектива удовлетвориться решением коллегии епископов, содержавшим ответ по существу на декларации России, Пруссии и других протестантских дворов с требованием восстановить равноправие диссидентов, представлялась для Петербурга унижительной.

Так или иначе, но мы не находим каких-либо следов колебаний в российской столице в вопросе о том, стоит ли продолжать диссидентское дело дальше и применить крайние средства для достижения, наконец, поставленной цели. В рескрипте № 13 от 3 января 1767 г. / 23 декабря 1766 г. Н. В. Репнину говорилось: «Но как, однако, по толь торжественном заступлении, самое достоинство короны нашей и истинные ее на трактатах наших основанные интересы требуют не оставлять сего единожды начатого дела без приведения на желаемый край, то истоща втуне все средства умеренности, находим мы себя теперь принуждены поступить на меры крайности, о которых вы уже преуведомлены»¹. Далее тон рескрипта становился, правда, менее торжественным и угрожающим. В нем говорилось о намерении действовать в обход короля и двора, о предоставлении Чарторыским последней возможности безоговорочно присоединиться к сторонникам России, о необходимости добиваться цели, «буде миновать можно, без действительного употребления оружия, а едиными сильными оказательствами оного». Конкретные же инструкции Репнину, определенные

в рескрипте, сводились к следующему: во-первых, привести в исполнение план образования диссидентских конфедераций, а во-вторых, образовать новую партию сторонников России, независимо с участием или без участия Чарторыхских².

Однако в переписке начала 1767 г. между Петербургом и русским посольством в Варшаве зазвучали ноты сомнения в успешности диссидентских конфедераций. Уже сам план их образования, сообщенный Репниным в конце 1766 г., указывал на их крайнюю малочисленность и недостаточность имеющихся русских войск для их прикрытия. Это обстоятельство беспокоило Н. И. Панина, который запрашивал Репнина, насколько вероятна возможность объявления диссидентов «злодеями отечества» и посполитого рушения в случае открытых вооруженных действий России в Польше. Об этом свидетельствует ответная депеша Н. В. Репнина от 29/18 января 1767 г., в которой русский посол сообщал, что практически ни то, ни другое без решения сейма законным путем осуществлено быть не может³. В тот же день, но уже в реляции Екатерине II, Репнин доносил в Петербург о затруднительности из-за диссидентского дела создания новой прорусской партии, которое, по его словам, без крайних мер невозможно. Таким образом, осуществление главных требований, поставленных в процитированном выше рескрипте № 13, натолкнулось на труднопреодолимые препятствия.

Дипломатическая переписка между Петербургом и Варшавой в январе 1767 г. свидетельствует также о наступлении нового этапа политики в «диссидентском вопросе» и в ином отношении. Этот рубеж не столь очевиден, поскольку декларируемые Россией цели и стратегические задачи не претерпели существенных изменений. Выбор средств по-видимости также остался прежним, хотя бы потому, что не было теперь иных способов к достижению своих целей, кроме использования русских войск, лавирования между двором, «фамилией» и их противниками, используя все три группировки для давления друг на друга, и наконец, имея в виду диссидентов, объединение которых рассматривали в перспективе как наислабейшую и поэтому неразрывно связанную с Россией группировку польской шляхты. Элементы этой политической системы, сформированной Петербургом в Польше с участием магнатских верхов шляхетской республики, проявили себя почти сразу после избрания королем Станислава Августа, и с этой точки зрения события 1767 г. вполне проецируются в предшествующем периоде.

Однако, думается, что такая оценка, хотя и имеет достаточные основания, все же не учитывает ряда обстоятельств, которые отразились в переписке Н. И. Панина с Н. В. Репниным в январе 1767 г. и повлияли на дальнейшее развитие событий.

Во-первых, это очевидная для Петербурга необходимость значительного усиление интервенции в Польше, которая неизбежно должна была перейти на новый качественный уровень, характеризовавшийся не только резким увеличением численности русских войск, что важно уже само по себе, но и изменением их формального статуса в Польше. Если раньше, в 1764–1766 гг., присутствие русских войск в стране объяснялось приглашением Генеральной конфедерации, то с ее ликвидацией на сейме 1766 г., было утрачено «право» и формальный повод для российского военного вмешательства, не говоря уже о его усилении. На практике же продолжение интервенции таило в себе опасность восстания шляхты и объявления посполитого рушения, что вполне осознавалось в Петербурге.

Все это неизбежно должно было до крайности осложнить не только внутреннюю ситуацию в Польше, но и ее международное положение. Последнее не могло

не вызывать озабоченности в Петербурге, ибо это грозило не только вмешательством Австрии, Турции и Франции, но и осложнением отношений внутри русско-прусского альянса, так как угроза подобного развития событий, как мы видели раньше, весьма омрачала согласие Берлина и Петербурга.

Единственным доступным для России средством против нежелательного крайнего обострения ситуации было воздействие на магнатские группировки, что и было поручено Н. В. Репнину в рескрипте № 13. С этой целью в начале была предпринята попытка вновь опереться на Чарторыхских. Н. И. Панин 31/20 декабря 1766 г. написал письмо князьям Августу и Михалу⁴. В нем в самых резких выражениях осуждался политический курс польского двора в 1764—1766 гг., за что ответственность возлагалась целиком на Станислава Августа. Екатерина II, как писал Панин, «видит во всех уверениях, поступках и внушениях короля, со времени его вступления на престол, лишь следствия обдуманного плана достигнуть всего, что скрывали от нее, а быть может, и от собственного своего отечества, и уклониться от всего, чему старались притворно показать и склонность, и добрую волю»⁵. Обвиняя Станислава Августа, в Петербурге как будто забыли, что при всех разногласиях короля с Чарторыхскими двор и «фамилия» проводили единую в своей основе политику.

Далее, от имени императрицы Панин потребовал от старых князей твердого содействия политике России в деле диссидентов, опять же указав на короля как на виновника его неудачи на сейме 1766 г. Не одна Екатерина II «рекомендовала королю дело диссидентов, — заявлял Панин и продолжал, — кажется, как будто Польша желала бравировать пол-Европы, еще более утвердив их несчастное положение»⁶.

Переходя к главному тезису своего письма, Панин подчеркивал «убежденность» российской императрицы, «что интриги, которыми хотели изменить в существенных пунктах, касающихся непосредственно и прочности единения обоих государств [и] предписанной [Польше] формы правительства, суть результат замыслов, осуществить которые надеются лишь путем этих предварительно установленных средств, в сущности одинаково опасных, как для Польши, ее свободы и сохранения ее конституции, так и для всего Севера»⁷. Примечательно, что в этом пассаже руководителя русской внешней политики вновь звучала тема «единения» России и Речи Посполитой, связываемая ранее с представлением о русско-польском союзе, о чем накануне сейма 1766 г. решено было демонстративно не упоминать. Теперь же, в письме Панина, она непосредственно предшествовала тезису о неизбежности польской конституции, о «предписанной форме правительства» Речи Посполитой, т. е. о российской гарантии государственного строя шляхетской республики. Содействовать ее установлению Панин недвусмысленно, хотя и в инсказательной форме, призывал Чарторыхских. Ответ их на приведенное письмо, по сообщению Н. В. Репнина, был неудовлетворительным, поскольку «противоречил требованиям императрицы» и «был наполнен лишь пустыми обещаниями»⁸.

По сведениям из Варшавы образование прорусской партии из противников двора было также невозможно. Настороженность в Петербурге вызвала и позиция Станислава Августа. Так 30/19 января 1767 г. Репнин сообщал, что будучи во Львове брат короля К. Понятовский призывал образовать новую конфедерацию, что, по слухам, агенты короля и Чарторыхских вербовали для нее сторонников в воеводствах⁹.

Сложившееся положение очевидно свидетельствовало, что наряду с корректировкой целей русской политики в диссидентском вопросе и переносом центра тя-

жести на российскую гарантию государственного строя Речи Посполитой предстояло пересмотреть и тактику действий. Особенно, если иметь в виду, что предстоящая русская интервенция неизбежно должна была повлиять не только на внутреннюю ситуацию в Речи Посполитой, но и повлечь за собой весьма существенные последствия для ее международного положения.

II

Опасность предстоящего развития событий осознавали не только в Варшаве, но и в Берлине и в Вене. Военные приготовления в Австрии в начале 1767 г. стали предметом весьма активной переписки как между Петербургом и Берлином, так и с послами России и Пруссии в Вене. «Об австрийских вооружениях» не раз сообщал прусскому королю Я. Ф. Род. А ответные депеши Фридриха II были проникнуты не меньшей обеспокоенностью¹⁰. Вопрос этот был, разумеется, самым тесным образом связан с противодействием российской политике со стороны Австрии и Франции¹¹. Причем прусский король неоднократно подчеркивал, что в Вене ошибочно оценивают действия России в Польше. Конечно же, Фридрих II не мог не понимать, что его заверения относительно целей русской политики будут восприняты в Вене с недоверием, что В. А. Кауниц будет рассматривать их как косвенное свидетельство того, до какой степени в настоящий момент Пруссия готова следовать в фарватере политики Петербурга, и одновременно как выражение демонстративного согласия обоих союзников в польском вопросе. Вместе с тем прусский король, как это следует из его писем в Вену, хотя и склонялся к мысли, что вмешательство Австрии в польские дела не выйдет за рамки военных демонстраций¹², но все же не исключал, что эти демонстрации могут привести к войне¹³.

Переписка Я. Ф. Рода с Берлином имеет для нас важное значение, в частности, и потому, что в ней более адекватно отразилась позиция Берлина в связи с угрозой австрийского вмешательства, нежели в корреспонденции с Петербургом. Фридрих II ни в коем случае не решился бы дезинформировать своего посла в Австрии об истинном положении дел между Берлином и Веной. И если прусские предостережения относительно австрийских намерений, сделанные в Петербурге, и могли бы вызвать сомнение, то опасения прусского короля, прозвучавшие в его переписке со своим послом в Австрии, должны быть восприняты с большим доверием. Поэтому даже если Фридрих II и преувеличивал угрозу, исходящую от Австрии, чтобы, с одной стороны, выяснить подлинные намерения Петербурга и подчеркнуть особое значение для России союза с Пруссией — с другой, то это вовсе не означало, что он не считал реальной опасность возникновения новой войны в Европе.

На этом фоне в январе—феврале 1767 г. проходили русско-пруссские переговоры в Петербурге о совместных действиях двух держав в Польше в связи с диссидентским вопросом. 7 января 1767 г. вместе с письмом Фридриха II В. Ф. Сольмсу была отправлена копия депеши Рода из Вены от 31 декабря 1766 г., в которой сообщалось, что введение русских войск в Польшу доставит немало хлопот австрийскому правительству, что Франция будет подогревать ненависть австрийского министерства к России и что «само по себе диссидентское дело не способно затронуть ревность здешнего двора, но может усилить неприязнь к России, действия которой военными средствами в Польше в Вене совершенно определенно не нравятся, и ей

бы, без сомнения, охотно помешали, но я не думаю, — писал Род, — чтобы захотели из-за этого перейти к открытому конфликту, по крайней мере до тех пор, пока дела сильно не ухудшатся»¹⁴.

26 января уже сам Фридрих II заявил о своей озабоченности по поводу угрозы со стороны Австрии, причем поручил Сольмсу высказать ее не только Панину, но и Екатерине II¹⁵. Он отправил два письма в Петербург, одно из которых предназначалось Панину, а второе — для сообщения императрице. Адресуясь к шефу русской внешней политики, король указывал на военные приготовления Австрии, которая, по его словам, может в короткий срок собрать в Венгрии или Моравии 80-тысячную армию, и что в этом случае 15-тысячного корпуса, предназначенного русским правительством для действий в Польше, будет уже недостаточно, и поэтому следует подготовить на границах Польши армию в 50—60 тысяч человек. «Я, — продолжал Фридрих II, — ожидаю из Вены более точных сведений о намерениях тамошнего двора и если только они будут все в таком же духе, как до сих пор, то я пополню всю кавалерию мою и произведу набор по армии, чтобы иметь ее в полном составе. Так как, по всей вероятности, дело это кончится открытым разрывом, то я ожидаю, что русский двор заключит со мною договор, по которому обяжется вознаградить меня за потери, которые я понесу от того, что приму участие в усмирении смут, возникших из-за диссидентского дела». В заключение прусский король еще раз повторил утверждение, что положение очень серьезно и что в случае применения Российской военной силы «без открытого разрыва не обойдется».

В письме, предназначенном для Екатерины II, содержались развернутые рассуждения прусского короля относительно возможных шагов Австрии, которые, по его мнению, хотя и не таят в себе непосредственной угрозы войны, но вполне могут привести к ней в случае естественного развития событий, что по этому пути Австрию могут направить действия Франции и Испании, что главная угроза вмешательства в польские дела с целью противодействия России исходит от Турции. И наконец, говоря о планах Австрии, Фридрих II указывал на возможное намерение Вены «своими интригами произвести революцию в Петербурге». Последнее обстоятельство достаточно очевидно свидетельствовало о намерении Берлина запугать своих русских союзников.

Однако возникал закономерный вопрос, какую цель преследовал при этом прусский король: то ли умерить решительность России в польских делах, то ли подогреть еще более враждебность между Россией и Австрией, то ли, что, по нашему мнению, наиболее вероятно, подтолкнуть Россию к заключению предлагаемой конвенции с Пруссией, главным предметом которой должно было стать распределение ролей между двумя державами, в случае, если военные операции России в Польше приведут к открытому столкновению с Австрией. «Постарайтесь хорошенько обратить внимание на этот пункт (заключение конвенции. — *Б. Н.*), потому что он очень важный, — писал король Сольмсу, — и если его признают у вас достойным полного внимания, то я предлагаю развить его подробнее вместе с гр. Чернышевым». Предложение Фридриха II о привлечении З. Г. Чернышева к обсуждению военных аспектов будущих совместных действий России и Пруссии в случае военного вмешательства Австрии в польские дела представляет несомненный интерес, так как может быть объяснено не только понятным желанием обсудить сугубо военные проблемы с президентом Военной коллегии, но и, учитывая особую позицию Чернышева в определении польской политики России, может свидетельствовать о стремлении прусского ко-

роля таким образом придать иное направление переговорам о возможном вознаграждении для Пруссии.

Однако наибольшее значение для Фридриха II приобретала именно идея заключения конвенции. На это указывает хотя бы то, что он поспешил сделать соответствующее предложение, не дожидаясь отчета Сольмса, какое впечатление в Петербурге произведут известия, полученные королем из Вены. Такая поспешность, с точки зрения Берлина, могла быть оправдана только одним обстоятельством — искренним опасением, что диссидентское дело может привести к войне, и в этом случае Пруссия не сумеет из-за недостатка времени оговорить условий своего в ней участия, или же попытаться ее предотвратить.

Правда, еще до получения в Петербурге писем Фридриха II от 26/15 января 1767 г., содержавших предостережения прусского короля и его пожелания относительно вознаграждения Пруссии в случае военного конфликта с Австрией из-за Польши, Н. И. Панин, как бы предвосхищая опасения и соображения своего союзника, заявил Сольмсу, что Россия будет с прежней твердостью вести свои дела в Польше, невзирая на возможные действия Австрии, что в Вене «два раза подумают, прежде чем решаться на открытый разрыв между двумя императорскими дворами». А если таковой все же произойдет, то Россия не отступит ни на шаг, от выполнения своих обязательств перед Пруссией, в том числе и в обеспечении интересов Берлина¹⁶. Далее Н. И. Панин заявил прусскому послу, чтобы он конфиденциально сообщил в Берлин о хорошем состоянии российской экономики и финансов и что Россия без чрезвычайных мер сможет уже в этом году выставить для действий в Польше 33 тысячи войска, а в будущем — 60 тысяч, «и при этом не понадобится ни стягивать войска с границ, ни трогать целого корпуса, назначенного для действия против турок»¹⁷.

Эта депеша Сольмса с записью заявления Панина была представлена Фридриху II 1 февраля, а отправлена из Петербурга 16/5 января 1767 г., т. е. до получения январских предложений Пруссии (первые сообщения прусского короля о военных приготовлениях Австрии были отправлены в Петербург 7 и 12 января¹⁸), единственным последствием которых стала депеша Панина Д. М. Голицыну в Вену от 31/20 января¹⁹ с подтверждением неизменности и решительности намерений русского правительства в Польше, которые предполагали образование диссидентской конфедерации, вступление русских войск в Польшу, созыв чрезвычайного сейма «для прочного утверждения фундаментальной конституции правления ее, которая на двух последних конфедерационных сеймах способом большинства голосов приведена в альтерацию»²⁰.

Принимая во внимание, что Голицын должен был сообщить венскому двору о цели русской политики, состоящей в «утверждении фундаментальной конституции» Речи Посполитой, можно заключить, что теперь вопрос о гарантии государственного строя шляхетской республики, прежде содержавшийся русской дипломатией в секрете, был открыто провозглашен как политическая задача Петербурга. Объявляя об этом, Панин рассчитывал, что такой шаг позволит продемонстрировать желание России сохранить status quo в Польше и позволит не только успокоить Австрию, но и Порту.

Одновременно Голицыну предписывалось обосновать в Вене «законность» действий русского правительства в диссидентском вопросе. Едва ли можно сомневаться, что в будущей фундаментальной конституции, по замыслу Петербурга, права иноверцев должны были быть закреплены в полном объеме. Послу также поручалось следить за возможными ответными мерами Австрии, особенно в военной об-

ласти, учитывая враждебность Франции, которая могла подтолкнуть Австрию к вмешательству в польские дела.

Однако в России важнейшие решения о действиях в Польше уже были приняты в середине января 1767 г., когда прусский король только начинал переписку с Петербургом по поводу австрийских вооружений. Об этом свидетельствовал депеша Н. И. Панина А. М. Обрескову в Константинополь от 22/11 января 1767 г.²¹, в которой говорилось о готовности России продолжать диссидентское дело, опираясь на военную интервенцию в Польше, о принятом решении образовать к концу февраля диссидентскую конфедерацию, что в Петербурге готовы пойти на военный конфликт с Веней, в связи с чем Обрескову предписывалось убедить Порту не вмешиваться в войну между Россией и Австрией. Перед русским послом была поставлена задача: «охранить Порту, по крайней мере на некоторое время, от всяких противу нас и дел наших в Польше беспокойных мыслей». Примечательно здесь выражение «на некоторое время», которое недвусмысленно указывает, что надежды удержать Турцию от войны с Россией могли осуществиться только в том случае, если действия последней в Польше будут носить кратковременный характер. Таким образом, усиливая свое вмешательство в польские дела, в Петербурге не только учитывали угрозу войны с Австрией и Турцией, но и недвусмысленно заявили о готовности в крайнем случае пойти на военный конфликт. Об этом, хотя и в более туманных выражениях, Н. И. Панин спустя десять дней писал также в Вену Д. М. Голицыну²².

Итак, план действий России в Польше был определен практически без консультаций с прусским союзником. И, что было особенно унижительно для Фридриха II, он был вынужден принять российский план, прежде чем успел высказать до конца свои соображения по этому поводу. 14 января 1767 г. Г. Бенуа направил королю депешу с сообщением об инструкциях, полученных Репниным из Петербурга. В изложении прусского посла они предусматривали сохранение в Польше русских войск, продолжение совместных действий России и Пруссии в диссидентском вопросе и переход от опоры на Чарторыхских к союзу с «другими персонами». Бенуа передавал содержание плана Репнина: образовать при поддержке русских войск, в дополнение в диссидентским конфедерациям, новую конфедерацию — «для восстановления прав республики»²³. В ответ К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг 19–20 января предлагали Бенуа действовать совместно с Репниным, а 23–24 января 1767 г. поручали ему одновременно с Россией выступить с декларацией²⁴.

Будучи уверены, что прусскому королю придется последовать за Россией, Екатерина II и Панин определили для политики Фридриха II весьма жесткие рамки. Ему не только приходилось считаться с тем, что Пруссия устранилась от решения диссидентского вопроса и неразрывно связанных с ним важнейших внутривнутриполитических вопросов в Польше, но и с недвусмысленно заявленной готовностью России развязать большую войну, в которую могли быть замешаны Австрия, Франция и Турция. Такая позиция Петербурга приобретала особое значение еще и потому, что эта потенциальная угроза, беспокоившая Фридриха II в конце 1766 — начале 1767 г., через два года стала реальностью.

Решительность, граничащая с высокомерием, в заявлении Н. И. Панина, за словами которого, адресованными Сольмсу, недвусмысленно угадывались собственные рассуждения Екатерины II, а главное, прозвучавшее в нем намерение развязать большую войну, не могли не раздосадовать Фридриха II и прежде всего не вызвать его глубо-

чайшей озабоченности за положение собственного государства, о чем свидетельствует его незамедлительная реакция на депешу из Петербурга. В тот же день по ее получении, 1 февраля 1767 г., без консультаций со своими министрами король написал ответ в Петербург, переслав его копию К. В. Финкенштейну и Э. Герцбергу с предписанием держать его в секрете для сведения и руководства²⁵. В ответе Сольмсу, выдержанном в спокойном тоне, Фридрих II писал, что отдал приказ о мобилизации кавалерии по штатам мирного времени, что он ожидает от русского двора решительности не только в начатии задуманных действий, но и в доведении их до конца. Однако, по его мнению, войск, предназначенных для этого, недостаточно, так как в Польше необходимо держать два корпуса: один против поляков, а второй против австрийцев. Прусский король вновь напоминал о намерении австрийцев «произвести революцию в России», чтобы воспрепятствовать действиям Петербурга, для чего и предназначены их демонстрации. «Это еще более заставляет меня опасаться, — писал Фридрих II, — что дело дойдет до открытого столкновения, потому что австрийский двор, делая один шаг за другим, может зайти так далеко, что уж нельзя будет отступать»²⁶. О том, что в этот момент обеспокоенность короля угрозой начала большой войны не была притворной, свидетельствует его письмо брату, принцу Генриху, от 10 февраля 1767 г., в котором прусский король писал, что возможно как сохранение мира, так и развязывание войны²⁷.

Опасения Берлина не были неожиданными для русского правительства, поэтому еще до получения Сольмсом февральских депеш от Фридриха II и, следовательно, до того, как его реакция на русские заявления стала известна в Петербурге, Н. И. Панин попытался смягчить ожидаемое неблагоприятное впечатление от объявленного намерения России в крайнем случае пойти на конфликт с Австрией, чему и были посвящены его разговоры с Сольмсом, содержание которых было сообщено прусским послом в Берлине в депешах от 9/20 и 16/27 января 1767 г.

Н. И. Панин попытался обосновать планируемые действия России по поддержке диссидентов в Польше, сравнив их положение со статусом католиков в Голландии и Англии. Он выразил благодарность берлинскому двору за предостережение, относительно австрийских военных приготовлений, о которых ему известно, а также о противодействии Франции, и подчеркнул, что это не помешает России идти по намеченному пути и что диссидентское дело будет иметь, по его убеждению, при определенной настойчивости благоприятный исход²⁸.

В депеше от 27/16 января Сольмс передает содержание новой беседы с Н. И. Паниным, в которой тот не только выразил «почтительнейшую благодарность» за сообщения, сделанные петербургскому двору прусским королем, но и подчеркнул, «что образ действия императрицы России в польских делах будет до того умеренный, что венский двор, если только он не был ранее расположен к неприязненным действиям, не будет иметь ни малейшего повода к войне. Русские войска в Польше не обнаружат неприязненных действий и будут служить единственно для защиты конфедерации диссидентов и смотреть за тем, чтобы не возникло какого-либо междоусобия между поляками. Открытие чрезвычайного сейма требуется для того только, чтобы дать возможность вступить в переговоры с оппозицией». Примечательное свидетельство Сольмса, которое указывает, что все предшествовавшие контакты с польскими противниками двора и Чарторыхских в Петербурге отнюдь не рассматривали как сотрудничество с польской оппозицией и что только теперь, при подго-

товке чрезвычайного сейма, настало время опереться на консервативный лагерь, выступавший против реформаторского курса Станислава Августа и «фамилии». «Императрица России, — излагал далее рассуждения Панина прусский посол, — не доведет дело до крайности и желает только немедленного примирения партий и успокоения умов». По словам Сольмса, в заключение Панин высказал готовность пойти навстречу пожеланиям прусского двора в некоторых частных вопросах в отношениях между двумя странами, чтобы, как писал Сольмс, «не дать Вашему величеству повод думать, что союз с Россией сколько-нибудь тягостен для вас или ваших подданных»²⁹.

Подчеркнуто вкрадчивый тон этих бесед, стремление Н. И. Панина представить, по его мнению, наиболее веские аргументы для обоснования позиции России, наряду с упоминанием об услугах, якобы оказанных Петербургом прусскому двору, в сочетании с туманными обещаниями новых выгод, которые может принести Пруссии верность союзу с Россией — все это настолько контрастировало с его же недавними словами и только подтверждало мысль, что прежние решительные заявления не принадлежали непосредственно шефу Коллегии иностранных дел, а были отражением позиции Екатерины II, если не прямым повторением ее высказываний. Это не могло пройти мимо внимания Фридриха II, и он через Сольмса дал понять в Петербурге, что не только заметил русскую бестактность и не намерен оставлять ее без ответа, но и не может безоговорочно согласиться с ролью, отводимой Пруссией русской дипломатией в диссидентском деле. В письме от 5 февраля 1767 г. прусский король писал Сольмсу о диссидентском деле: «чтобы там ни было, я простираю свою любезность настолько, что даже предлагаю свои услуги в деле, которое в глубине души не могу считать правым <...> Если я изъявил готовность оказать содействие, то только лишь из любезности, но отнюдь не из слабости»³⁰. Примечательно, что Фридрих II пишет о «любезностях», еще не зная о разговоре по этому поводу Сольмса и Панина. Конечно же, не стоит придавать этому совпадению большого значения. Однако, по нашему мнению, в нем выразилось общее настроение Петербурга и Берлина вновь сторговаться по польским делам. Итог этого торга подведен еще не был, и поэтому, получив депешу Сольмса от 27 января 1767 г., король, вновь обращаясь к теме взаимных любезностей, предлагает «считать их точнее» и находит, что его любезности «более важны», главная из них, по словам Фридриха II, относится не к прошедшему, «но к настоящему диссидентскому делу Польши».

Обращаясь к своему послу, король продолжает: «Поверьте, никто не смотрит на это дело, как на дело религии <...> вся Европа открыто говорит, что императрица России хочет поставить Польшу на одну ногу с Курляндией и дать ей такого короля, который управлял бы ею под ее руководством <...> Это-то именно и возбуждает ревность императрицы-королевы, из-за этого-то она и поднялась, чтобы отвратить это дело, если найдутся средства». Далее прусский король излагает свое видение взаимных отношений Петербурга и Берлина в польских делах: «Истинный интерес всех соседей Польши, — пишет он, — заключается в том именно, чтобы форма правления этого государства оставалась такою как теперь. Поэтому-то я и не считаю, чтобы число моих любезностей было менее, чем русского двора ко мне. Кроме того, мой союз с Россией только оборонительный, между тем, в настоящее время я жертвую всеми моими интересами России. Это одно уже заслуживает великой признательности с ее стороны. Но что более всего заставляет меня задумываться, это то, что граф Панин воображает, что диссидентское дело не доведет до крайностей <...>

и, несмотря на это, я все-таки обещал графу заключить конвенцию с Россией. Наш союз только оборонительный, а между тем Россия, вводя свои войска (в Польшу), уже действует наступательно»³¹.

Итак, Фридрих II указал еще на одну принципиальную особенность нового этапа политики России в Польше, состоявшую в определенном изменении характера русско-прусского союза 1764 г. И дело состояло не только в том, что союз этот приобретал, по словам прусского короля, наступательный характер. Он верно отметил, что стремясь к установлению гарантии государственного строя Речи Посполитой, а тем самым — к исключительному господству в Польше, Россия неизбежно встретит сопротивление великих держав, которые не смирились с утратой совместного протектората над шляхетской республикой.

В связи с этим Фридрих II внушал Сольмсу, что такой поворот заставляет по-новому сбалансировать интересы России и Пруссии, исходя из того, что обе державы как соседи Польши имеют в ней равные интересы. А следовательно, обе вправе рассчитывать и на равные приобретения в случае совместных действий, что надлежит оформить соответствующим соглашением. Но идеи, развиваемые перед Сольмсом, предназначались не только и не столько для прусского посла, сколько для его российских партнеров по переговорам.

И надо сказать, они были восприняты в Петербурге с одобрением. Об этом в Берлине стало известно в конце февраля 1767 г., когда Сольмс сообщил о реакции Екатерины II на письмо Фридриха II от 26 января 1767 г.³² Императрица в самых лестных выражениях отзывалась о «своем брате» и о единодушном согласии, установившемся между двумя дворами. Она согласилась на «вознаграждение» Пруссии в случае ее участия в войне, лишь бы оно было сделано не за счет России, а взыскано с той страны, которая стала бы ее виновницей. Екатерина II признала в беседе с Сольмсом справедливость мнения Фридриха II о необходимости иметь наготове корпус в 50–60 тыс. человек для действий против Австрии, который в случае надобности мог бы войти и в пределы империи Габсбургов, и поручила Н. И. Панину и З. Г. Чернышеву согласовать этот вопрос с прусской стороной. Наконец З. Г. Чернышев сообщил Сольмсу о конкретных планах действий русских войск в Польше.

Таким образом, роли России и Пруссии в осуществлении диссидентского дела были распределены. В Петербурге согласились с изменением позиции Берлина в рамках русско-прусского союза, оставалось только оформить это соответствующим соглашением. Проект его был послан из Берлина 19 февраля 1767 г.³³

III

Работа над проектом новой русско-прусской конвенции велась в Берлине с начала 1767 г., а 29 января он был представлен прусскому королю кабинет-министрами К. В. Финкенштейном и Э. Герцбергом. В сопроводительном письме они писали Фридриху II, что, в соответствии с указанием короля, в преамбуле проекта была дана ссылка на русско-прусский договор 1764 г., а для обозначения противников России и Пруссии в Польше, на сторону которых мог бы стать венский двор, было использовано выражение: «католическая партия», чтобы такое определение не было оскорбительно для Марии Терезии. В первой статье проекта содержались положения, которые по замыслу Финкенштейна должны были воспрепятствовать Рос-

сии требовать от Пруссии более активного вмешательства в польские дела до того момента, пока Австрия не выступит открыто и не введет свои войска в Польшу. В замечаниях на проект Фридрих II еще больше усилил формулировку этой статьи, дополнив ее условием непосредственных военных действий между австрийскими и русскими войсками. Далее прусские министры, оговаривая участие своего государства в военных действиях, предусматривали, что операции прусских войск будут проводиться в австрийских владениях, но не на территории Польши. «В третьей статье (конвенции. — *Б. Н.*), — писал Финкенштейн королю, — мы считали необходимым предусмотреть условия отправки вспомогательного корпуса <...>, а также гарантию всех владений Вашего величества, что же касается возмещения убытков, то мы это выразили в благородных терминах, в соответствии с повелением Вашего величества». Формулировка Финкенштейна по этому вопросу была дополнена Фридрихом II словами: «о чем обе стороны могут согласиться своевременно»³⁴.

Таким образом, в Проекте конвенции, предложенном Фридрихом II русскому правительству, содержались, с точки зрения прусского короля, два принципиальных вопроса. Во-первых, со всей очевидностью проявилось намерение Берлина не допустить военного столкновения Пруссии с кем-либо, кроме Австрии. Этим объяснялись вносимые в проект конвенции скрупулезные уточнения относительно условий и порядка участия прусских войск в военных действиях.

Присланный в Петербург и переданный русскому двору через В. Ф. Сольмса прусский проект «Секретной конвенции <...> по диссидентскому вопросу»³⁵ открывался положением о «всегдашнем попечении» России и Пруссии «о сохранении конституции вольности и привилегий Речи Посполитой Польской и всех ее составляющих членов». Само это утверждение не только указывало на главную цель политики Петербурга и Берлина, но и напоминало о претензиях Пруссии, как и прежде сохранить роль протектора в отношении шляхетской республики. Далее в проекте упоминалось о русско-прусском союзном договоре 1764 г. и о декларации двух дворов «о восстановлении диссидентов греческой и протестантской религий в свободе отправления оной и во всех правах и преимуществах». В нем также говорилось, что «замешательства в Польше, вызванные делом диссидентов, вынудили русскую императрицу «на резолюции подкреплять их вооруженною рукою, и повлекли за собой «у некоторых католических держав уважение и ревность». Все это якобы и побудило Россию и Пруссию заключить настоящую конвенцию. Таким образом, согласно преамбуле, обе державы создавали договорную основу для наступательных действий с целью гарантии «польской конституции» и «восстановления в правах» польских диссидентов.

Первая статья прусского проекта устанавливала, что Россия одна, без участия Пруссии, принимает на себя обязательства по поддержке своими войсками образуемых в Польше конфедераций, дабы не дать повода к австрийскому вмешательству, а тем самым — и к общеевропейской войне. Открытое выступление Пруссии всеми своими силами (ст. 2.) предусматривалось в порядке, установленном союзным договором 1764 г., только в случае прямого военного вмешательства Вены в польские дела. В третьей статье говорилось, что, в случае австро-прусской войны, Россия не только обязуется помогать Пруссии «корпусом своих войск», как это вытекало из союзного договора 1764 г., но, «когда нужда потребует, — всеми своими силами», гарантируя прусскому королю целостность всех его владений и обязуясь доставить

ему «при заключении мира пристойное удовлетворение за великие сей войны расходы, о коем обе <...> стороны во свое время согласиться могут». Четвертая статья содержала обязательство сторон не вести в случае войны сепаратных переговоров и не заключать сепаратных соглашений, а пятая — порядок ратификации конвенции. В целом предлагаемый прусский проект, в сравнении с союзным договором 1764 г., усиливал позиции Берлина по трем вопросам: во-первых, подтверждал статус Пруссии как протектора Речи Посполитой; во-вторых, предусматривал «вознаграждение» (территориальные приобретения и контрибуции) для государства Гогенцоллернов, в случае его участия в войне, и, в-третьих, что представляло для Берлина наибольшую ценность, — выступление России «всеми своими силами» на стороне своего прусского союзника в войне против Австрии.

Фридрих II прекрасно понимал, что при условии австро-прусской враждебности военный конфликт Пруссии с третьей стороной неизбежно предоставлял бы Австрии самые широкие возможности для давления на Пруссию, а при благоприятном для Вены стечении обстоятельств, и для военного удара в Силезии. Поэтому единственным возможным военным противником для него могла быть только Австрия, а театром военных действий — Богемия или Венгрия, но никак не Польша.

Последнее обстоятельство было чрезвычайно важным для прусского короля не только в военно-стратегическом, но и в политическом отношении. Предполагая нанесение удара в венгерских и богемских владениях Габсбургов, Фридрих II стремился избежать войны на территории Германии, чтобы не осложнить свои отношения с князьями Священной Римской империи. Он также понимал, что военные действия в Германии неизбежно повлекут за собой вмешательство всех великих держав и новую общеевропейскую войну, грозящую Пруссии непоправимой катастрофой. Вместе с тем, и это было самое главное, подчеркнуто исключая для себя возможность военных действий в Польше и настаивая, что военным противником Пруссии может быть только Австрия, прусский король всеми силами стремился избежать втягивания своего государства в войну с Турцией. То, что он и его министры старательно обходили молчанием этот вопрос, только подчеркивало его значение. Тем более, что, как мы видели раньше, в Петербурге рассчитывали разными способами, в частности и путем присоединения Речи Посполитой к русско-прусскому союзу, заручиться участием Пруссии на стороне России в возможной войне с Портой.

Однако и допустимый военный конфликт с Австрией представлялся для Фридриха II также крайне нежелательным, ибо не сулил для Пруссии значительных приобретений, по крайней мере таких, которые были бы сопоставимы с последствиями возможного поражения. Поэтому второй вопрос, занимавший короля, был о вознаграждении Пруссии в случае войны. Отправляя проект конвенции Сольмсу, Фридрих II вновь повторял и настойчиво убеждал своих русских партнеров, что Пруссия примет участие в войне с Австрией только в случае военного столкновения русских и австрийских войск в Польше и что Россия и Пруссия должны не прекращать войны до тех пор, пока Фридрих II не получит удовлетворения за счет державы, ставшей виновницей войны³⁶. «Что же касается вознаграждения за военные убытки, — писал Фридрих II, — <...> то надеюсь, что оно не встретит ни малейшего затруднения со стороны гр. Панина, потому что было бы несправедливо, чтобы я принял на себя все издержки и риск по тяжелой войне <...>, кроме того я не прошу ничего более того, что сам же министр находил всегда справедливым <...> Он на-

мекал на это во время последнего междуцарствия <...> Вы припомните ваши разговоры с ним, о которых вы мне доносили депешами 30 декабря 1763 года и 31 января 1764 года и в которых граф Панин, высказывая тогдашние обстоятельства и последствия <...>, в случае если бы австрийцам вздумалось подвергать себя риску новой войны, тогда Панин говорил вам, что мне не придется сожалеть о вступлении в обязательства с его двором, потому что, если, сверх всякого ожидания, дела дойдут до последней крайности, то он отвечает, что я, равно как и Россия „будем вознаграждены за труды и что даром работать не придется“»³⁷.

В историографии в связи с упомянутыми Фридрихом II депешами Сольмса рубежа 1763—1764 гг. обстоятельно рассматривается вопрос о существовании намеков Н. И. Панина относительно вознаграждения Пруссии в случае военного конфликта с Австрией и высказываются различные мнения, в какой степени эти намеки свидетельствуют о зарождении планов раздела Польши.

Однако для нас сейчас более важным представляется не то, что скрывалось за туманными высказываниями, а то что прозвучало вполне определенно и открыто в переписке между Берлином и Петербургом и имело актуальное политическое значение в феврале 1767 г. — это реальная угроза возникновения войны между Австрией и Россией, поводом к которой могла послужить политика Петербурга в диссидентском вопросе, чего, разумеется, не могли скрыть уверения дипломатов, что обострение русско-австрийских противоречий не дойдет, как писали тогда, «до последней крайности».

Позиция Фридриха II к началу переговоров состояла в следующем: Пруссия была согласна поддержать русскую политику в диссидентском вопросе, но без непосредственного участия прусских войск, а в случае военного столкновения России с Австрией — нанести удар по австрийской территории; Петербург за это должен был гарантировать получение Пруссией «вознаграждения» за участие в войне на стороне России, как подчеркивалось в переговорах, за счет страны, ставшей виновницей конфликта.

12/1 марта 1767 г. Сольмс доносил Фридриху II о своей беседе с Н. И. Паниным³⁸, в ходе которой посол прочитал ему прусский проект «Секретной конвенции», не встретивший с русской стороны никаких возражений. Панин, правда, попытался выяснить у Сольмса, какие именно компенсации желал бы получить Фридрих II в случае своего участия в войне, а также заявил, что намерен конфиденциально поставить в известность австрийского посла о русско-прусском соглашении. На вопрос Панина Сольмс ничего не ответил, и как свидетельствует политическая переписка Фридриха II, вплоть до сентября 1771 г. король ни словом не обмолвился о том, на какие именно компенсации хотела бы претендовать Пруссия. По крайней мере мы не располагаем свидетельствами, помимо последующих и достаточно отдаленных событий, что они могли быть получены за счет Польши. Как достаточно ловкий политик Фридрих II резонно считал, что время для предъявления требований еще не наступило, и поэтому не стоит лишать себя заранее возможности пожить где-либо в другом месте.

Не прореагировал Сольмс и на слова Панина о намерении Петербурга проинформировать о русско-прусской конвенции венский двор. Последнее обстоятельство должно было, очевидно, огорчить прусского посла, ибо Фридрих II настаивал на секретности соглашения. Ставши же известной в Вене, конвенция должна была еще больше обострить отношения Австрии как с Пруссией, так и с Россией, а с другой стороны, могла бы продемонстрировать до какого именно предела Россия и Пруссия готовы пойти как в польских делах, так и в своем противостоянии Австрии. Наконец,

в этом случае о прусских обязательствах могли бы прознать и в Константинополе, что в Берлине должны были расценить не иначе, как провокацию. Разумеется Сольмсу было нечего прямо возразить Панину, поскольку внешне такой шаг должен был удерживать противников России и Пруссии от весьма рискованного вмешательства в дела Польши, так что прусскому послу не оставалось ничего иного, как хранить молчание.

В итоге, при рассмотрении прусского проекта «Секретной конвенции»³⁹ Н. И. Панин не внес никаких изменений в преамбулу и первую статью, добавив только, что с российской стороны для переговоров с Сольмсом уполномочены он сам и вице-канцлер А. М. Голицын. Во вторую статью руководитель русской внешней политики вставил положение, что военное выступление Пруссии осуществляется «по требованию» России и только в случае действительного противодействия русским войскам со стороны австрийских войск. Предложенная редакция, казалось бы, вполне соответствовала желаниям Берлина и не могла встретить обоснованных возражений прусского короля, однако подлинный смысл поправки становился ясен, когда вслед за оставленной без изменений третьей статьей в прусский проект был включен совершенно новый, вписанный рукою Панина четвертый артикул. В нем говорилось: «А как при таком том теснейшем соединении интересов <...> сторон невозможно оставить без особенного уважения постановленные в союзном трактате взаимные гарантии войны с прочими соседями их высоких областей. Того ради и сим артикулом все оные взаимно наиторжественнейше не только возобновляются, но и особенно выговаривается, что, если бы во время и по случаю сего польского дела произошли замешательства с тою или с другою <...> стороною от такого соседа, противу которого союзная помощь в помянутом трактате (русско-прусском договоре 1764 г. — *Б. Н.*) деньгами определена находится, оная помощь может опять быть обращена в помощь войсками <...>, особенно если бы иногда Оттоманская Порта подвигнута быть могла на какую-либо в Польшу войсками диверсию <...> и ее в-ство, императрица всероссийская по тому принуждена нашлась сделать сильную диверсию знатнейшею частью своих военных сил прямо в турецкие области»⁴⁰. Далее никаких изменений, за исключением нумерации статей, в прусский проект внесено не было. Важность же четвертой статьи состояла не только в том, что в ней предусматривалось участие «по требованию» России войск Фридриха II в русско-турецкой войне, но и в том, что дополнение Панина явно указывало на вынашиваемые на берегах Невы планы русского наступления с территории Речи Посполитой в глубь турецких владений.

Русский проект договора был прислан Сольмсом в Берлин вместе с депешей от 12 марта 1767 г.⁴¹ Как писал прусский посол, никаких изменений в текст конвенции, составленный Финкенштейном и одобренный Фридрихом II, внесено не было, за исключением второй статьи об обязанности Пруссии «по первой просьбе» Екатерины II открыто выступить против Австрии в случае непосредственного столкновения русских и австрийских войск. Добавление это, хотя и смягченное в переводе на французский, едва ли было приятно Фридриху II. Однако недовольство прусского короля, без сомнения, должно было вызвать включение в конвенцию по предложению России дополнительной статьи, предусматривавшей военную помощь Пруссии в случае войны России с Османской Турцией⁴², что ставило Фридриха II в довольно затруднительное положение, ибо, как уже говорилось выше, участие Пруссии войне с Турцией делало ее позиции особенно уязвимыми со стороны Австрии. Наконец, чтобы устранить все возможные препятствия к подписанию конвенции, в Петербурге поспешили

дать определенный ответ на вопрос прусского короля о вознаграждении Пруссии в случае войны. В приложении к депеше от 12 марта Сольмс писал, что в этом Екатерина II полностью согласна с точкой зрения Фридриха II⁴³.

Таким образом, работа над проектом конвенции, начатая в последних числах января, была завершена в середине марта 1767 г. Подписана конвенция была в Москве 23/12 апреля⁴⁴, а ратификация состоялась 9 мая / 28 апреля 1767 г.⁴⁵ Причем уже 31 марта в письме Финкенштейна и Герцберга к Сольмсу сообщается об образовании диссидентской конфедерации в Торуни и о присоединении к ней Гданьска, по поводу чего министры писали только, что они ожидают последствий этого события⁴⁶. Такое подчеркнутое спокойствие Берлина могло свидетельствовать только о том, что все принципиальные вопросы русско-прусского сотрудничества в диссидентском деле и в польской политике в целом были уже вполне разрешены.

Русско-прусские переговоры в Петербурге в январе—марте 1767 г., поводом для которых стал «диссидентский вопрос» были, несомненно, связаны с началом нового этапа политики России в Польше. Вместе с тем на них, по сути дела, совершенно не были затронуты ни конфессиональные проблемы, ни вопросы политического и сословного строя Речи Посполитой. Эти области рассматривались союзниками как сфера исключительно интересов России. Предметом переговоров и заключенной между Петербургом и Берлином конвенции стала возможная совместная война с Австрией и Турцией. Причем все многочисленные заявления о нежелательности такой войны, вне зависимости от их искренности или неискренности, не могли скрыть очевидного факта, что именно к ней и готовились оба союзника. Причем решение о подготовке войны принималось в Петербурге, когда было заявлено, что Россия не боится Австрии и что в Вене должны «дважды подумать», прежде чем решиться на военное столкновение с Россией. Все заверения о нежелательности войны отразили только стремление, с одной стороны, избежать прямого обвинения в провокации военного конфликта, а с другой, — по возможности оттянуть время его начала, в том случае, если Австрия или Турция решатся противодействовать военным мероприятиям России в Польше. Таким образом, Фридрих II был прав, заявляя, что с начала 1767 г. русско-прусский союз превратился в наступательный.

Прусский король, несмотря на скрытое недовольство, поддержал одностороннее решение Петербурга о вступлении русских войск в Польшу главным образом по соображениям особой роли союза с Россией, который гарантировал Пруссии сохранение ее статуса великой державы, хотя возможная война сулила для Фридриха II гораздо больше опасностей и в то же время не обещала особых приобретений. Эти два обстоятельства и определили области особой заинтересованности Пруссии на переговорах, когда Фридрих II, во-первых, постарался избежать возможного участия в военных действиях на территории Польши и соглашался выступить только против Австрии. Россия же, видимо, опасалась больше Турции и поэтому добивалась увеличения прусских обязательств в случае войны с Портой. Эти обстоятельства обусловили содержание сугубо военных аспектов переговоров, в ходе которых Россия заявила о готовности выставить, помимо войск, предназначенных для операций собственно в Польше, два корпуса: один — против Турции и один — против Австрии. Фридрих II обязался, в случае военных действий Австрии против русских войск в Польше, нанести всеми своими силами удар по Австрии на австрийско-прусской границе в Силезии. Кроме того, «Секретная конвенция» 23/12 апреля 1767 г.

предусматривала участие прусского корпуса в действиях против Турции, правда, только в случае специального соглашения Петербурга и Берлина.

Вторым вопросом, особо занимавшим прусского короля, была проблема «вознаграждения» за военные поддержки. При этом Фридрих II заявил о равной заинтересованности соседей Польши Австрии, Пруссии и России в сохранении существующего внутреннего и международного статуса Речи Посполитой, т. е. подчеркнул, что, по его мнению, режим протектората, существовавший до 1764 г., сохраняет свою роль. А равенство интересов должно, следовательно, обуславливать и равенство союзников — Пруссии и России — в приобретениях в случае войны, возникшей вследствие вмешательства России в дела Польши.

Россия согласилась с предложением Пруссии о порядке этих приобретений. Причем в этом вопросе можно усмотреть два аспекта. Во-первых, получение так называемых «компенсаций за издержки» с «виновника войны», а не за счет России, на чем настаивали в Петербурге, что позволило Пруссии подчеркнуть свою роль как равноправного союзника, а не второстепенной «субсидной державы». Во-вторых, вопрос о вознаграждениях обсуждался в таких туманных формулировках, что, очевидно, служил для обеих сторон не столько способом определить общие цели и долю каждого из участников, сколько выяснить, какое направление экспансии и до каких пределов изберет партнер по союзу, не раскрывая при этом собственных планов. С этой точки зрения и Н. И. Панин, и Фридрих II оказались вполне достойными друг друга контрагентами. Для сколь-нибудь конкретного обсуждения вопроса о «приобретениях» ситуация еще не созрела, поэтому достаточно трудно усмотреть в намеках, сделанных в Берлине и Петербурге, отражение каких-либо конкретных планов в отношении Польши, хотя таковые вполне могли и существовать.

Главный же вывод из русско-прусских переговоров в январе—марте 1767 г., по нашему мнению, состоит в том, что к этому времени диссидентский вопрос как элемент польской политики Екатерины II не только утратил сугубо религиозное и сословное звучание, придававшееся ему старательно ранее, не только обнаружил свою органическую связь со всем комплексом политических мер России в Польше, но и вышел за рамки собственно русско-польских отношений, создав почву для вовлечения во внутренние дела Польши, помимо России, также и Пруссии, Австрии, Турции, а опосредованно Франции и других держав, что в очередной раз поставило под сомнение достижение одной из важнейших целей польской политики Екатерины II, а именно, устранение в Речи Посполитой любого иностранного влияния, помимо собственно российского.

Диссидентский вопрос повлиял также и на изменение характера русско-прусского союза 1764 г. и не только тем, что усилил его наступательный характер. Согласование действий России и Пруссии в диссидентском деле в начале 1767 г. несомненно, позволило Фридриху II добиться относительного повышения своего статуса в рамках союза с Россией, хотя, разумеется, о равенстве союзников говорить не приходилось. Об этом свидетельствовало само обсуждение вопроса о «вознаграждении», на которое в 1763—1764 гг. делались только туманные и ни к чему не обязывающие намеки и которое в 1767 г. стало одним из предметов конвенции между Россией и Пруссией. И Н. И. Панин и Фридрих II прекрасно понимали, что положение дел не дает никакого основания для более конкретных переговоров по этому поводу. Но для них обоих это было и неважно. Прусский король, вероятно, был на данный момент вполне

удовлетворен уступкой, сделанной Россией, а Панин в свою очередь мог считать эту уступку несущественной, ибо в случае реализации планов Петербурга в диссидентском вопросе Фридрих II едва ли смог когда бы то ни было ею воспользоваться, а в случае начала войны, чего, как надеялись в Петербурге и Берлине не произойдет, положение союзников будет зависеть в первую очередь от результатов военных действий.

Однако в начале 1767 г. и с точки зрения России это было наиболее важно, международное положение давало возможность разрешить диссидентский вопрос в соответствии с планами Петербурга, что, как мы могли убедиться, отнюдь не означало только установление свободы вероисповедания и сословного равноправия для не-католиков в Польше, а было непосредственно связано со всем комплексом мероприятий русской политики в Речи Посполитой. Как, очевидно, полагали в Петербурге, международное положение: неэффективность франко-австрийского союза и неготовность к войне Турции и Австрии, а также отсутствие внутри Польши организованной оппозиции русской политике, о чем свидетельствовал исход сейма 1766 г., создавали для этого благоприятные условия. Однако, как это проявилось в переписке Н. И. Панина с А. М. Обресковым и Д. М. Голицыным, в России понимали, что такая ситуация носила относительно кратковременный характер, что вынуждало действовать поспешно, поэтому к активным действиям приступили, даже не дожидаясь окончательного оформления русско-прусской конвенции.

IV

11 февраля / 31 января 1767 г. Н. В. Репнину был отправлен из Петербурга пакет с инструкциями, полученный в Варшаве спустя две недели, 23/12 февраля, в числе которых содержался рескрипт № 2⁴⁷. В нем говорилось, что ответы Чарторыхских на письмо Н. И. Панина признаны неудовлетворительными (так же эти ответы оценивал и Н. И. Репнин), поэтому остаются только «меры крайности». На проведение диссидентского дела Н. В. Репнину, в дополнение к имеющимся, выделялось 100 тыс. рублей. Если учесть, что до 1766 г. посол истратил 61 тыс. рублей, а вместе с остатком предполагалось истратить на диссидентское дело 116 тыс. рублей, то расходы только русского посольства в Варшаве были практически удвоены⁴⁸. Конфедерацию диссидентов предписывалось открыть 20/9 марта, следовало также выдать диссидентам на ее организацию 20 тыс. рублей, сумму, которую ранее, еще в конце 1766 г., и Репнин и Панин считали чрезмерной.

«Тотчас по доходящем в Варшаву известии о начале диссидентских конфедераций и о вступлении наших войск в Польшу, — Репнину поручалось, — подать королю и министерству республики приложенную здесь декларацию нашу⁴⁹, которую в то же время и в публике, и между диссидентами сколько можно более рассыпать, купно с объяснительным письмом д. т. с. Панина, чего ради будет к вам и той и другой писсы на французском и латинском языках по 300 печатных экземпляров прислано»⁵⁰. Далее в рескрипте говорилось, что Н. В. Репнин пользуется полным доверием императрицы и как полномочный министр может действовать по своему усмотрению, не дожидаясь дополнительных предписаний из Петербурга, если полученных инструкций окажется недостаточно. В случае же, если против конфедератов-диссидентов будут двинуты войска, то конфедерации следовало защищать силой, если король составит реконфедерацию из своих сторонников, то надлежало ускорить создание конфе-

дерации «из противных двору поляков», чтобы «истребить дух владычества всей королевской фамилии». Если король попытается опереться на помощь Австрии, используя свои хорошие отношения с Веней, то Репнину поручалось сообщить об этом в Петербург и ждать дополнительных инструкций. Наконец, если Станислав Август не решится оказать сопротивление России, чего и ожидали от короля в Петербурге, то Репнину поручалось заявить, что Россия не имеет никаких целей, кроме примирения республики, и вступить об этом в переговоры с польским правительством, «остерегаясь, однако, чтоб между тем течение прочих наших операций остановлено не было». В первую очередь, говоря о прочих операциях, составивший рескрипт № 2 Н. И. Панин имел в виду образование конфедерации из противников Станислава Августа и Чарторыхских, о чем он отправил особое письмо Н. В. Репнину⁵¹, в котором, в частности. Сообщал, что подготовил письмо для польских магнатов, противников двора.

Письмо это от 14/3 февраля 1767 г.⁵², по форме адресованное русскому послу, по сути представляло собой текст особой российской декларации, которая не могла быть опубликована официально, ибо была обращена не к чинам (станам) Речи Посполитой, не к конфедерации, а просто к «истинным патриотам», т. е. к частным лицам, что противоречило польскому законодательству. Многословный и напыщенный текст письма содержал заявление, что попытки реформ 1764—1766 гг. представляли угрозу шляхетской вольности, нарушили гражданский мир и повлекли удаление от общественных дел «многих знатных членов государства», что русская императрица, выступая в защиту свобод польской шляхты, рассматривает диссидентское дело только с точки зрения охраны свободы всех членов Речи Посполитой, не покушаясь на господствующее положение католической церкви в Польше.

Н. И. Панин писал, что Екатерина II «старается о восстановлении диссидентов, как о особливо желанном восстановлении между ее короною и республикою трактатами дел», намекая на якобы закрепленное в договоре о Вечном мире 1686 г. право России на вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой в интересах польских иноверцев. Однако, продолжал шеф русской внешней политики, императрица «не меньше чувствует, сколь важно предохранить республику от стремящегося испровержения ея узаконений и установить соединение между граждан; между тех, кои тому противятся по долгу усердных любителей отечества, но не имеют силы успеть в том с пользою»⁵³. Объявляя, таким образом, царицу защитницей всех граждан Речи Посполитой — как сторонников реформ, так и адептов «золотой вольности», — Панин сохранял для русской политики возможность защитить двор и Станислава Августа, но апеллировал все же к оппозиции. «И дабы все вдруг рассмотрено было, — говорилось в заключение панинского письма, — ея имп. в-ство предлагает народу польскому собраться на сейме примирения, а если б властолюбие (по адресу двора и Чарторыхских зазвучали грозные ноты. — *Б. Н.*) получило уже столько поверхности, чтоб могло воспрепятствовать толь противному видам его собранию, ея в-ство призывает каждого благородного поляка, который почитает за что-либо спасение своей вольности, соединиться с нею союзом, там где патриотическая ревность и усердие к фундаментальным законам (намек на „союз“ и на российскую „гарантию“ польской конституции. — *Б. Н.*) могут независимо всех средств поправить настоящие бедствия и охранить государство от будущих»⁵⁴.

Таким образом, вполне открыто, хотя и в весьма неопределенных выражениях было заявлено о целях русского правительства: опираясь на конфедерацию, объединившую бы противников двора и «фамилии», созвать чрезвычайный сейм для про-

ведения диссидентского дела, ликвидации последних следов реформ Чарторыхских, заключения союза с Россией на основе российской гарантии государственного строя Речи Посполитой и шляхетских вольностей.

Инструкции из Петербурга, адресованные русскому посольству в Варшаве вполне соответствовали взглядам Н. В. Репнина на тактику дальнейших действий России в Польше. В конце января 1767 г. он писал, что для успеха диссидентского дела необходимо привлечь на свою сторону шляхту, приняв меры для ослабления власти короля и «фамилии» путем укрепления права «вольного голоса» и расширения компетенции воеводств и сеймиков. В частности, он предлагал, «чтоб комиссии, военная и скарбовая, не в резиденции держались под глазами короля, а чтоб определены были в каком другом городе, как то пред сим было в Радоме. Тож, чтоб комиссары сих комиссий не могли быть избраны на сеймы земскими послами, поколи еще времени своего в оных комиссиях не кончат»⁵⁵. Вполне вероятно, что приведенные соображения Репнина возникли вследствие его бесед с одним из видных деятелей оппозиции и сторонников саксонской династии коронным референдарием Габриэлем Подоским.

Говоря о предстоящем вступлении русских войск в Польшу, посол также предлагал издать в этот момент от своего имени декларацию и манифесты от генералов, в которых объявить, что войска пришли не только для поддержки диссидентов, но и для восстановления прежней формы правления, вольностей и привилегий шляхты. Это, по его мнению, откроет возможность «пристать к нашей стороне недовольным католикам»⁵⁶.

Как видно, предложения, сделанные Н. В. Репниным накануне получения инструкций из Петербурга, вполне согласовывались с идеями Н. И. Панина. Независимо от своего начальства русский посол предстает в это время сторонником разрыва с Чарторыхскими, которые, по его мнению, не могут составлять опоры для русской политики⁵⁷, и переориентации на противников двора и «фамилии». Однако в отличие от письма-декларации Н. И. Панина, обращенного преимущественно к магнатской оппозиции, Н. В. Репнин в своих соображениях уделяет основное внимание сеймикам и воеводским корпорациям шляхты, что в дальнейшем получит развитие в его мерах по подготовке чрезвычайного сейма.

Тогда же, в конце января 1767 г., он предпринимает первые шаги по организации шляхетской оппозиции двору и Чарторыхским. Вначале осуществление этой миссии было возложено на Г. Подоского, который по поручению русского посла отправился в поездку по стране, чтобы склонить магнатов, противников двора, к поддержке диссидентов и побудить их обратиться с просьбой о протекции к русскому правительству. На дорогу Репнин выдал ему 500 червонных⁵⁸. В донесении Панину посол замечал, однако, что сомневается в успехе этой миссии⁵⁹. О том, что опереться на противников двора для осуществления целей России едва ли будет возможно, Н. В. Репнин доносил в Петербург и ранее, еще в конце 1766 г., объясняя это неприемлемостью для «патриотов» русской политики в диссидентском вопросе.

Однако русский посол переоценивал важность антидиссидентских заявлений магнатов. Если до конца 1765 г. в переписке противников Станислава Августа преобладали надежды на поддержку со стороны Австрии, Саксонии и Франции, то после признания нового короля они рассеялись.

Ситуация, сложившаяся на сейме 1766 г., и, главное, решительное выступление России против программы реформ Чарторыхских подтолкнули «патриотов» к мысли о возможности найти поддержку в Петербурге. Так после окончания сейма К. Радзивилл пи-

сал Я. Фрычиньскому, что отправил через саксонского резидента Эссена и Репнина письмо, адресованное Н. И. Панину, и письмо в сейм и Сенат⁶⁰. Наконец, в ноябре 1766 г. воевода виленский писал, что он уведомился о возможности российской протекции, но хотел бы получить некоторые гарантии⁶¹. О том, что ожидаемые гарантии были даны, Радзивилл уведомил Фрычиньского 15 января 1767 г. и просил его, по возможности, выяснить, в чем состоят дальнейшие намерения российского двора, и «объяснить за короля тот или за республику», так как, по слухам, кн. Репнин очень возражал против проекта о множестве голосов и не хотел его позволять⁶². Таким образом, для К. Радзивилла, а следовательно, и для его сторонников в Польше принципиальное значение имела не столько позиция России в диссидентском вопросе, сколько ее отношение к Станиславу Августу и к «фамилии». О намерении Н. В. Репнина еще в январе 1767 г. возвратить К. Радзивилла в Польшу для осуществления своего плана образования конфедерации с целью «восстановления прав республики» свидетельствовал и Г. Бенуа⁶³.

Позицию бывшего виленского воеводы и его сторонников разделяла и магнатская группировка во главе с Потоцкими и Е. Мнишеком, к которой относился и К. Солтык. Их первая попытка сговориться с русскими представителями в Польше также относилась к началу 1766 г.⁶⁴ и, вероятно, как и в случае с Радзивиллом, объяснялась бесплодностью поисков поддержки со стороны Австрии и Франции. Однако в течение 1766 г. мы не встречаем каких-либо новых свидетельств их контактов с русским посольством. Интриги К. Солтыка в Петербурге, во-первых, были сильно преувеличены самим епископом краковским, а во-вторых, могли бы только воспрепятствовать сговору русского правительства с «патриотами». По крайней мере, в 1766 г. ни в переписке К. Солтыка, ни у Е. Мнишека нет свидетельств их контактов с представителями России. Даже на сейме 1766 г., когда Репнин выступил заодно с оппозицией против реформаторских проектов двора, мы не встречаем особых следов сотрудничества русского посла с группировкой надворного маршала. Вероятно, Репнин считал это неудобным из-за позиции К. Солтыка и М. Вельгурского в деле диссидентов. По крайней мере в его донесениях в Петербург эти контакты не получили никакого отражения.

По иному тема сотрудничества русского посла с противниками Станислава Августа и Чарторыхских вновь зазвучала в январе—феврале 1767 г., после отъезда Г. Подоского по поручению Репнина из Варшавы. Однако несомненно, что почвой для сотрудничества Петербурга с оппозицией стали итоги сейма 1766 г. и новый курс русской политики в диссидентском вопросе.

Обращение к «патриотам» со стороны Репнина К. Солтык рассматривал как результат твердой позиции, занятой им на прошедшем сейме, и сообщал Е. Мнишеку, что Екатерина II хочет созыва чрезвычайного сейма и намерена всеми силами добиваться предоставления диссидентам свободы в вероисповедания и распространения на них всех привилегий⁶⁵. Таким образом, еще на рубеже 1766—1767 гг. краковский епископ прекрасно сознавал, какие задачи ставит перед собой русское правительство в диссидентском деле. 10 февраля 1767 г. К. Солтык писал Е. Мнишеку, что Репнин и Бенуа недовольны королем⁶⁶. Однако свидание Солтыка с Подоским в Келе не убедило епископа поддержать политику России. Хотя он и написал письмо императрице с выражением готовности защищать свободу республики, но в письме к Мнишеку определенно заявил, что для России защита вольности — не более чем прикрытие для своего диссидентского проекта. Вероятно, позиция Солтыка начала меняться после того, как он узнал от А. С. Гольца о возможном возвращении К. Радзивилла в Польшу.

После повторной встречи с Подосским 9 марта 1767 г. Солтык писал своим единомышленникам, что нужно собраться вместе, в Кракове или в другом месте, для выработки общей позиции с участием Репнина и Бенуа⁶⁷.

Видимо, уговоры Подоского возымели свое действие, по крайней мере, епископ краковский допускал уже соглашение с Россией, причем, высказываясь за приглашение для переговоров Г. Бенуа, Солтык не только пытался при удобном случае сыграть на возможном соперничестве русского и прусского послов, но и подчеркивал тем самым немаловажное значение позиции Пруссии, которая, в отличие от России, внешне была наиболее непримиримой противницей каких-либо нововведений в государственном устройстве Речи Посполитой.

Образование диссидентской конфедерации вновь породило в епископе сильное сомнение относительно допустимости сговора с Россией. В письме Мнишеку от 20 марта 1767 г. он писал, что конфедерации диссидентов стали для него неожиданностью, так как собственная конфедерация задумывалась только в связи с требованием защиты «прав и свободы», а теперь, в чем будет состоять роль предложенной нам конфедерации — против или за диссидентов? Вместе с тем Солтыка встревожили также сношения Я. Алое с Н. В. Репниным и известие о том, что принц Карл писал своим сторонникам в Курляндии, чтобы побудить их присоединиться к диссидентской конфедерации⁶⁸.

Информация епископа краковского вполне соответствовала действительности, так как в феврале 1767 г. Я. Б. Алое выступил посредником в переговорах с К. Радзивиллом, а в марте 1767 г. Репнин сообщал в Петербург, что тот получил от принца Карла повеление действовать в соответствии с инструкциями русского посла. Причем Репнин высоко оценивал усилия Алое и принял его к себе на службу⁶⁹.

В связи с этим следует обратить внимание на две особенности миссии Г. Подоского. С одной стороны, в своих переговорах с Солтыком, как, без сомнения, и с другими магнатами, референдарий коронный умолчал о намерениях России образовать конфедерации диссидентов, а с другой стороны, будучи сторонником саксонской династии, Подоский не только поспособствовал первым шагам сближения Саксонии и России, но помог Репнину использовать это сближение для нажима на противников двора, ибо, лишившись надежды на поддержку со стороны Австрии и Франции, они начинали сомневаться в позиции Саксонии, что в свою очередь вынуждало Потоцких, Мнишека и Солтыка быть более уступчивыми в отношении России.

Подталкивали оппозиционных магнатов к соглашению с Н. В. Репниным и слухи о возможной детронизации Станислава Августа, распространившиеся в Варшаве, что якобы между Россией, Австрией и Пруссией заключен на этот счет тайный трактат в пользу королевича Альберта (Альбрехта Саксен-Тешенского). К. Солтык отнесся к этому известию с недоверием, хотя и заметил, что «всякая небылица содержит долю правды»⁷⁰. Мы не располагаем сведениями об источнике подобных слухов, однако несомненно, что они играли на руку Репнину и способствовали успеху миссии Г. Подоского.

Колебания К. Солтыка относительно присоединения к группировке «новых друзей» России имели еще одно объяснение. Будучи на сейме 1766 г. лидером оппозиции, краковский епископ в теперешней политической ситуации едва ли мог рассчитывать на такую же роль в новой «партии». Отказ присоединиться к ней грозил ему утратой политического влияния, поскольку воспрепятствовать сколачиванию новой группировки он был не в силах. Присоединение же вынуждало смириться с первенством иных вождей, правда, в надежде, что при случае удастся восстановить

утраченные позиции. В итоге Солтык все же встал под знамена Репнина, одобрив опубликованную 26 марта декларацию Екатерины II и успокаивая встревоженного любельского воеводу А. Любомирского, что на предстоящем Сенатском совете, с божьей помощью, удастся придать делу должный ход⁷¹.

Помимо объединения оппозиционных магнатов в Короне, необходимо было сплотить под руководством русского посольства противников двора в Литве. Ключевой фигурой для этого был К. Радзивилл, к переговорам с которым Репнин приступил при посредничестве Я. Б. Алое. Радзивилл согласился на все условия, продиктованные русским посольством, в том числе, что к нему будет определен пристав, полковник С. Пучков, которого тот «обещал слушаться»⁷².

Переговоры с К. Радзивиллом, главой наиболее значительного и богатейшего магнатского рода в Литве, были начаты с Н. В. Репниным, как об этом свидетельствуют его донесения в Петербург, еще до получения инструкций от Н. И. Панина. Причем, даже если принять во внимание, что идея использования противников двора для давления на Чарторыских не раз звучала в переписке русского посла с Петербургом, начиная с 1766 г., то вопрос о Радзивилле в ней совершенно отсутствовал. Любимец литовской шляхты, «пане коханку», как его называли в Польше, был, наряду с Я. К. Браницким, главным врагом России в 1763–1764 гг. Его буйный нрав, самодурство, чрезмерное, даже по тогдашним представлениям, пристрастие к спиртному обусловили мнение о нем и в Польше, и в Петербурге как о крайне ненадежном человеке и партнере. И тем не менее Репнин считал не только возможным, но и необходимым обратиться за содействием к Радзивиллу.

Сопоставив этот шаг с другими соображениями посла относительно будущих действий России в Польше, можно заключить, что для достижения целей Петербурга в диссидентском вопросе, которые, очевидно, не ограничивались только утверждением религиозного и сословного равноправия, диссидентские конфедерации не могли в полной мере служить реальной опорой, что магнаты — противники двора — не представляли собой сколько-нибудь сплоченную политическую силу, обладавшую общей осознанной программой, сопоставимой с идеями республиканских реформ Чарторыских, и с этой точки зрения их «переменчивость» была ничем не лучше «сумасбродства» К. Радзивилла. Новая магнатская группировка поэтому могла сыграть только одну роль: расколоть польскую шляхту, не допустить ее сплоченного и организованного сопротивления действиям России.

Именно к шляхте, воспитанной в духе «золотой вольности», были обращены призывы Н. И. Панина и Н. В. Репнина, под лозунгом защиты сословных прав и сословных политических привилегий которой выступала Россия. Реализация консервативных идей укрепления феодальной вольности должна была ослабить не только польское государство, но и еще более парализовать сами магнатские группировки, поэтому, с точки зрения России, не имело принципиального значения, кто из магнатов станет на ее сторону в роли агентов-организаторов шляхетской оппозиции королю и Чарторыским и какими мотивами они будут при этом руководствоваться. И поэтому К. Радзивилл был не только приемлемой, но и вполне желанной фигурой, если иметь в виду, что он должен был действовать не самостоятельно, а под руководством приставленного к нему русского полковника.

Таким образом, в январе–феврале 1767 г., накануне получения решительных инструкций из Петербурга, главные усилия Н. В. Репнина были направлены на подго-

товку диссидентских конфедераций и на создание магнатской группировки сторонников России. В этих условиях действия русского посольства во многом зависели от того, какая позиция будет занята королем и Чарторыскими. О том, что военное вторжение и связанные с ним меры со стороны России неминуемы, в Варшаве определенно догадывались еще в конце 1766 г. В начале января 1767 г. Станислав Август сам начал разговор об этом, прямо спросив Н. В. Репнина: «Не пойдете ли вы на нас войною?» Беседа это подробно описана у С. М. Соловьева⁷³. В результате польский король заявил, что не будет сопротивляться вступлению русских войск в Польшу. Сообщая в Петербург о реакции Чарторыских на адресованное им письмо Н. И. Панина с предложением оказать содействие диссидентским конфедерациям, Н. В. Репнин определяет позицию «фамилии» как «колебания и бездействие», которые, по его мнению, связаны с тремя пунктами: во-первых, они опасаются в случае участия в организации прорусской конфедерации «потерять себя совсем в отношениях с королем и нацией», во-вторых, потерять свои позиции при дворе в раздаче староств и должностей, в-третьих, не решаются отвечать за успех диссидентского дела и, следовательно, не могут составить опоры для русской политики или же воспрепятствовать ей⁷⁴.

Тем не менее Станислав Август и его дяди предприняли ряд шагов, направленных, как им казалось, на смягчение кризиса. Так, по сообщению Г. Бенуа, еще накануне нового года Н. В. Репнин согласился по просьбе короля отвести русские войска от Варшавы⁷⁵. В конце января 1767 г. А. Чарторыский беседовал с прусским послом о способах удовлетворения требований русской императрицы, пытаясь найти компромисс с Петербургом и Берлином в вопросе о принятии решений на сейме большинством голосов⁷⁶. Бенуа одобрил ответ Чарторыских на письмо Панина, однако расценил их заявление о переходе «на сторону императрицы как аванс»⁷⁷. 11 февраля Бенуа доносил Фридриху II о планах Варшавы через Ф. Ржевуского, находившегося в то время еще в Петербурге, попытаться смягчить позицию русского двора в диссидентском вопросе и склонить Екатерину II к примирению с Австрией⁷⁸. При этом в улучшении отношений Петербурга и Вены польский двор усматривал шанс на отказ России от «крайних мер» в Речи Посполитой. Однако возможности для политического маневрирования были уже исчерпаны 10 февраля / 30 января 1767 г. Екатерина II подписала указ Военной коллегии о действиях русских войск в Польше, а на следующий день З. Г. Чернышев отослал его копию Н. В. Репнину⁷⁹. Войска были приведены в движение для осуществления «мер крайности».

V

В ответ на рескрипт № 2 и другие инструкции, полученные Репниным 23/12 февраля, русский посол, спустя два дня, 25/14 февраля 1767 г., доносил в Петербург, что диссидентские конфедерации будут образованы 20/9 марта, что «шефы диссидентской партии», хотя и были им вызваны в столицу для принятия окончательных мер, еще не приехали, вероятно, из-за разлива рек, что, хотя копий с прусских деклараций он еще не получил, но видел их у Бенуа, что Чарторыские не окажут поддержки русской политике, что он будет стараться образовать католическую конфедерацию, хотя не может поручиться за успех этого дела⁸⁰. О составлении прусских деклараций в поддержку диссидентов Фридрих II написал К. В. Финкенштейну и Э. Герцбергу 19 января, сославшись на депешу В. Ф. Сольмса из Петербурга⁸¹. Кабинет-министры подготовили про-

ект⁸² и 27 января уведомили короля, что уже послали текст Сольмсу и Бенуа⁸³. Таким образом, решены были два главных вопроса, один — в Петербурге, другой — в Варшаве: определен срок вступления в Польшу русских войск и образования диссидентских конфедераций.

В императорском указе Военной коллегии говорилось: «Как продолжающиеся в Польше несогласия еще до сих пор до спокойствия не доведены, то Мы, находя за нужное для доставления им оногo, к имеющемуся ныне в Польше нашему войску еще несколько присовокупить повелеваем. Военной коллегии — немедленно такие распоряжения учинить, чтоб, включая то число войск, которое ныне уже действительно в Польше находится, было оногo: 1) около Вислы близ Торуня конницы и пехоты от семи до осьми тысяч; 2) в Литве около Вильны — толикое же число; 3) в Волынском воеводстве между Львовом и Сандомиром от четырех до пяти тысяч; и препоручить сии корпуса в команду, если между собой по обстоятельствам не сообщатся, — около Вильны генерал-майору Салтыкову, в Литве — генерал-порутчику Нуммерсу, и около Львова генерал-майору Кречетникову <...> Всем назначенным к сему походу полкам следовать прямо до вышеобъявленных мест, и командирам оных, ежели им о причине вступления войск в Польшу какие от кого отзывы будут, до будущего от нас наставления объявлять, что войска наши посылаются в Польшу без всякого неприятельского намерения, но по причине доказанной всем республике нашей к ней дружбы и попечения о сохранении ее конституции и вольности, о чем республика пространнее будет уведомлена через декларацию нашего посла. А как скоро полки в Польшу вступят, то командующим дать о том знать вышеобъявленному нашему послу немедленно с нарочным и все воинские распоряжения чинить по сообщениям его...»⁸⁴.

О планах Военной коллегии З. Г. Чернышев уведомил и В. Ф. Сольмса, после чего прусский посол доносил в Берлин, что войска для вступления в Польшу были выделены из состава Лифляндской и Смоленской дивизий, их численность после доукомплектования доведена до 22 тыс. чел. и к началу марта они были выдвинуты к границе. По сведениям Сольмса один из двух корпусов должен был стать на Висле, а второй — на Волыни. Командовать войсками, по словам прусского посла, было поручено Г. Нуммерсу, а тому были подчинены Н. И. Салтыков и П. Н. Кречетников⁸⁵. Свидетельства Сольмса существенно отличаются от планов, составленных в действительности Военной коллегией. Эти расхождения объясняются либо неточностями, допущенными при передаче информации самим послом, либо корректировкой военных планов Петербурга. В результате, как и говорилось в указе Екатерины II, в Польшу вступили три корпуса. Их состав и численность приведены в *таблице 8*.

Количество войск было существенно большим, чем об этом говорилось в указе императрицы (18–21 тыс. чел.). Если считать, что воинские части были укомплектованы полностью, а это всегда делалось в начале похода, что и подтвердил прусский посол, сославшийся на президента Военной коллегии, то общая численность вступивших в Польшу русских войск составила 31 тыс. 153 чел., что, даже с учетом возможного некомплекта, существенно превосходило как первоначальные планы в 18–21 тыс. чел., так и почти в два раза численность войск Речи Посполитой. Обращают на себя внимание значительные силы кавалерии, что существенно повышало маневренность корпусов, позволяло контролировать значительную территорию и вести успешную борьбу с конными отрядами польской шляхты и их преследование. В составе кавалерии было три (из 8-ми) гусарских (по одному в каждом корпусе) и четыре

(из 20-ти) карабинерных полка, что составляло 16% всей регулярной конницы России. Все полки регулярной конницы, предназначенные для вступления в Польшу, прошли реорганизацию и перевооружение на основе опыта Семилетней войны⁸⁶. В корпусах, направленных в пределы Речи Посполитой в 1767 г., были части, побывавшие там прежде. Так Венгерский гусарский полк в составе отряда под командованием того же Н. И. Салтыкова уже совершал поход в Литву в 1763 г, а Ахтырский слободской гусарский полк в годы Семилетней войны стоял на Висле, снискав себе там недобрую славу грабежами и поборами.

Таблица 8. Состав русских войск, вступивших в марте 1767 г. в Польшу⁸⁷

Район дислокации Корпуса	Королевская Пруссия	Литва	Волынь
командующий	генерал-майор Н. И. Салтыков	генерал-поручик Г. Нуммерс	генерал-майор П. Н. Кречетников
генералы	генерал-майор Э. Дунген	генерал-майор И. Измайлов генерал-майор А. А. Прозоровский	генерал-майор И. Подгоричанин
пехота (полк)	1-й гренадерский 3-й гренадерский Куринский Сибирский	4-й гренадерский Бутырский Выборгский Пермский	Белозерский Троицкий
Численность по штату	8 376	8 376	4 188
кавалерия (полк)	Каргопольский карабинерский *Венгерский гусарский Чугуевский казачий Донские казаки (681 чел.)	Рижский карабинерский Рязанский карабинерский Сербский гусарский Донские казаки (1000 чел.)	Тверской карабинерский Нижегородский карабинерский Ахтырский слободской гусарский Донские казаки (500 чел.)
Численность по штату	2 877	3 918	3 418
артиллерия	Единороги — 3 Пушки 12 фунт. — 1 6 фунт. — 1	Пушки 12 фунт. — 2	Пушки 12 или 6 фунт. — 2
Численность по штату пехоты и кавалерии, без учета артиллерийских команд ИТОГО	11 253	12 294	7 606

Примечание. * Один эскадрон Венгерского гусарского полка оставлен в Курляндии.

Говоря о военных планах России в связи с подготовкой вступления русских войск в Польшу, следует упомянуть, что в 1767 г., впервые после окончания Семилетней войны, в России был объявлен рекрутский набор. С 1767 по 1773 г. такие наборы проводились ежегодно, примерно по 50 тыс. рекрутов в год, вместо обычной практики прежних лет, когда за один набор пополнение составляло не более 18—

20 тыс. чел. Всего же с 1767 по 1773 гг. было взято в армию до 300 тыс. чел.⁸⁸ Разумеется, в последующие годы такой масштаб военных усилий был продиктован русско-турецкой войной 1768—1774 гг. Однако для нас важно, что проведенные с таким размахом военные приготовления были начаты именно в 1767 г., что свидетельствовало о серьезности военных планов России, об обсуждении которых с Н. И. Паниным доносил в Берлин В. Ф. Сольмс.

Вступление русских войск в Польшу было назначено на 19/8 марта, в день накануне образования конфедераций диссидентов. Н. В. Репнин сообщал Н. И. Панину, что те уже получили от него инструкции, 20 тыс. червонных и отбыли на места «с точным обещанием открыть конфедерацию»⁸⁹. В ожидании русских войск в Литве началось бегство населения, охватившее не только шляхту, католическое и униатское духовенство, но и крестьян, которые опасались разорения от постоя и, главное — сыска беглых. В публике, как писал Репнин, ходили слухи о реконфедерации против диссидентов. Однако, по его словам, король и Чарторыские ничем не показали, что им известны планы России, и не обнаружили каких-либо намерений к сопротивлению. Посол сообщал, что в королевском замке был пожар, сгорел флигель и часть архива. «Говорят, — писал Репнин, — что сгорело много документов касающихся до России»⁹⁰. Донесения русского посольства в Петербург рубежа февраля—марта 1767 г. свидетельствуют, что польское общество было в это время парализовано страхом, что никаких попыток к сопротивлению предпринято не было.

6 марта / 23 февраля 1767 г. Репнину из Петербурга была отправлена депеша Панина⁹¹ с уведомлением, что русские войска не позднее 1 марта выступят в поход, а 4 марта перейдут границу Речи Посполитой. В связи с этим послу поручалось как можно скорее образовать конфедерации диссидентов и опубликовать декларацию Екатерины II и письмо Н. И. Панина⁹². Эти «писесы», как писал шеф Коллегии иностранных дел, стали известны публике раньше времени. В частности, польский представитель в Петербурге П. М. Глер достал себе несколько печатных экземпляров. «Такое ускорение конфедераций наших, — продолжал Панин, — стало теперь быть нужно потому наипаче, чтоб польский двор не имел времени приготовиться, вопреки оных»⁹³.

Сразу вслед за вступлением русских войск в Польшу, 20 марта 1767 г., как и было договорено между Репниным и лидерами диссидентов, в Слуцке под прикрытием русских войск была образована конфедерация литовских иноверцев, маршалом которой был избран генерал Ян Грабовский. Об обстоятельствах создания конфедерации Георгий Конисский писал послу 25/14 марта: «Дотаскался я в Слуцк в рассуждении назначенного дня благовременно. Капелян з Пинского повету прибыл в самый день конфедерации, но с собою ни единого шляхтича (православного. — *Б. Н.*) того повета не привез, невозможши их уговорить к тому. Привез, однак, подписание на бланкете 220 человек, хотя и не все села, шляхтичами населенные, объехал. Сии 220 человек вписаны при акте, посланном до Несвежа для напечатания». Бланкет этот сохранился в фонде Варшавской миссии в бумагах М. Н. Волконского за 1768—1769 гг. Он содержит перечень имен и фамилий православных шляхтичей Пинского повета, составленный по селам, подписи в нем отсутствуют. «С воеводства Мстиславского, — продолжал белорусский епископ, — приведенные моим одним иеромонахом 5 человек шляхтичов же, которые под актом конфедерации и подписались, но подписания на бланкетах прочего тамошнего дворянства поныне нет. Я в конфедерации, не знаю

не в противность ли чину моему, принужден согласиться быть в числе советников, потому что с нашей религии не осталось никого другого заступить оное место».

Таким образом, это письмо Георгия Конисского может служить еще одним свидетельством того, о чем не раз уже писал Репнин, что среди православных в Речи Посполитой шляхты найти было невозможно, что в образовании Слуцкой конфедерации православные, за исключением самого «нашего архиерея» и пяти человек из Мстиславского воеводства, практически не участвовали. В заключение Конисский писал, что по состоянию здоровья не может следовать вместе с конфедератами в Вильно и намерен некоторое время оставаться в Слуцке в монастыре, для охраны которого просил выделить воинскую команду⁹⁴. Акт Слуцкой конфедерации, о чем упомянул в письме Георгий, был напечатан во владениях Радзивиллов в Несвиже, где имелаесь иезуитская типография.

В тот же день, что и литовская конфедерация в Слуцке, была образована в Торуне конфедерация диссидентов земель Короны. Во главе ее стал Ежи (Георг) Вильгельм Гольц — староста тухельский. 29 марта Слуцкая конфедерация, а на следующий день — Торуньская направили письма Екатерине II с благодарностью за протекцию⁹⁵. Всего в составе обеих конфедераций по подсчетам В. Конопчиньского было 573 человека, причем среди подписавших акт конфедерации были женщины и несовершеннолетние⁹⁶. В письме Торуньской конфедерации Фридриху II говорилось, что при образовании конфедерации собралось до 350 человек⁹⁷, а акт подписали — 309 чел.⁹⁸ По настоянию России и Пруссии в дальнейшем к конфедерации диссидентов присоединились города Торунь, Эльблонг и Гданьск, а также Курляндия⁹⁹. Так было положено начало осуществления «крайних мер» для достижения целей России в диссидентском вопросе. С этого времени в действиях русского посольства в Варшаве диссидентские конфедерации отходят на второй план, а все внимание Н. В. Репнина сосредоточивается на подготовке «католической конфедерации».

VI

До середины марта 1767 г. противники двора и Чарторыхских выжидали, а в русском посольстве в Варшаве не могли ничего сообщить о миссии Г. Подоского, ни поручиться за ее положительный результат. Однако вступление русских войск в Польшу и декларация Екатерины II, с одной стороны, а также пассивность Станислава Августа и «фамилии» — с другой, вероятно, побудили оппозиционеров воспользоваться ситуацией. 18/7 марта, за два дня до провозглашения диссидентских конфедераций, Н. В. Репнин доносил в Петербург о возвращении Подоского в Варшаву, который во время своей поездки виделся с епископом краковским К. Солтыком, воеводой волыньским Ю. Оссолинским, надворным маршалом Е. Мнишеком, кухмистром литовским М. Вельгурским, воеводой киевским Ф. С. Потоцким и «с некоторыми еще из фамилии Потоцких». Они, как сообщал Репнин, обещали собраться и просить о покровительстве Екатерину II, а затем сделать конфедерацию в Короне. Посол вызвал их к себе не позднее 10 апреля¹⁰⁰. Примечательно, что в депеше Н. В. Репнина отсутствует упоминание о епископе каменецком А. Красиньском, который назван С. М. Соловьевым среди собеседников Г. Подоского¹⁰¹.

В том же донесении посол указывал, что для образования аналогичной конфедерации в Литве необходимо возвращение на родину К. Радзивилла. Спустя месяц

Н. В. Репнин уже сообщал Н. И. Панину о ходе организации литовской конфедерации. Начало было положено приездом к Репнину в Варшаву С. Бржостовского — старосты быстрицкого и зятя К. Радзивилла. Он встретился в Дрездене со своим тестем и от его имени обещал к середине мая организовать в Литве конфедерацию «во всех округах» (поветах). Литовскую конфедерацию должен был возглавить сам Бржостовский. От Репнина он потребовал заявления о российской протекции, поддержки русских войск, до 10 тыс. червонных займа на счет К. Радзивилла и, главное, обещания восстановить бывшего воеводу виленского во владении всеми имениями. Посол выдал ему 3 тыс. червонных и согласился со всеми его условиями, с тем что сам определит срок образования конфедерации¹⁰².

Дело с подготовкой конфедерации в Короне также продвигалось вперед, хотя и не столь успешно. Магнаты пребывали в нерешительности, опасаясь, как писал Репнин Н. И. Панину, «что наш двор скрытно со здешним согласен». Намеченная на начало апреля встреча посла с противниками двора, из которых к этому времени в Варшаву приехал только Т. Вессель, не состоялась. Поэтому он вновь пригласил Ф. С. Потоцкого, А. Красиньского и Е. Мнишека приехать в столицу, хотя бы до начала мая. В том же донесении, правда, Репнин сообщал, что определенные договоренности с магнатами у него уже имеются. Так в Польской Руси конфедерацию обещал организовать Мнишек, в Великой Польше от его имени должен был действовать В. Гуровский, в Подляшском воеводстве обещал помочь с конфедерацией Я. К. Браницкий, в Сандомирском, Краковском и Люблинском воеводствах, как замечал Репнин, «тоже есть люди», а в прочих местах должны присоединиться к ней уже после объявления конфедераций¹⁰³. Однако, несмотря на все обещания, вопрос с конфедерацией в Короне в первой половине апреля решен еще не был.

К этому времени была проведена передислокация русских войск. Корпус Г. Нуммерса был расположен в Литве: в Ковно, Мстиславе, Полоцке, Минске, Слониме, Вильно, Гродно, Бресте; корпус Н. И. Салтыкова — в Польской Пруссии и в Великой Польше: около Торуня, между Плоцком и Вышеградом, Гнезно и Ленчице, Равой и Петриковым. Корпус П. Н. Кречетникова располагался в Малой Польше: между Львовом, Сандомиром и Кельце; на Волыни: около Владимира, Луцка и Галича, между Константиновым и Хмельниковым¹⁰⁴.

В Литве по воеводским городам размещалось по 150 чел. конницы «для надзору» над воеводством, и основные силы были сосредоточены в Гродно: три полка, в том числе один карабинерный и 200 чел. конницы, которые, как писал Репнин, предназначались для прикрытия диссидентской конфедерации и Генеральной литовской конфедерации, которая могла быть здесь образована, и для контроля над литовскими Скарбовой и Военной комиссиями; примерно такие же силы дислоцировались в Бресте (Литовском) — втором возможном месте образования «католической» конфедерации, находившемся в кратчайшем расстоянии от Литвы до Варшавы. Один пехотный батальон и 200 чел. конницы были расквартированы в Вильно. Всего в Литве под командованием Нуммерса находилось 2 полка пехоты, 2 конных карабинерных полка (примерно 1800 чел.) и более 1000 человек казаков и гусар. В Великой Польше и в Польской Пруссии создавалось четыре группировки примерно равные по силам, объединявшие 3 пехотных полка, 9 эскадронов регулярной конницы и 700 казаков. Их задача состояла исключительно в контроле над воеводствами. Более значительное число конницы, по сравнению с группировкой в Литве, объясня-

лось, видимо, как большей территорией, на которой предстояло действовать, так и необходимостью возможного усиления войск в Малой Польше, для чего из состава сил великопольской группы предполагалось выделить 500 донских казаков.

В Малой Польше и на Волыни группировка под началом Кречетникова располагалась по линии Львов — Сандомир — Кельце и включала 1 пехотный полк, 2 конных карбинерных полка, 2 эскадрона гусар и 300 казаков, вторая находилась на Волыни и включала 1 пехотный полк во Владимире и отряды конницы по 150—200 человек в Луцке, Галиче, Константинове и Хмельникове. Всего под командованием Кречетникова были пехотный полк, около 600 человек регулярной конницы и 1000 казаков. Репнин приказал ему «в действиях своих не весьма приближаться к турецким границам».

Командирам отрядов русских войск была сообщена инструкция Н. В. Репнина¹⁰⁵. В случае образования конфедерации противников России войскам предписывалось приблизиться к ней, соблюдая предосторожность на случай враждебных действий, и отправить к этой конфедерации офицера с текстом декларации Екатерины II и письма Н. И. Панина, «чтоб они, оные прочетши, увидели подлинные намерения нашего высочайшего двора, и то бы при том рассмотрели, что, кто дерзнет против диссидентов или против находящегося здесь всякого закона в покровительстве е. и. в-ства дворянства вооруженную рукою действовать, против того и войски е. и. в-ства в защищении оным действовать будут». В дальнейшем русским войскам поручалось следовать за такой конфедерацией и ждать новых инструкций. Применять силу разрешалось только в случае нападений на русские войска или на сторонников России. Инструкция Репнина предписывала войскам следить за сохранением повсюду «порядка и тишины». Если же будут возникать конфедерации сторонников России, о месте и времени образования которых командирам будет сообщено, то русским отрядам поручалось оказывать им поддержку, защищать от возможных нападений и вместе с тем удерживать их противозаконных действий по отношению к населению. Главной идеей, изложенной инструкции, таким образом, была мысль о недопустимости нарушения польского законодательства, о безусловной охране легитимности присутствия русских войск, чтобы их действия не могли поставить под сомнение законность предстоящих сеймиков, принятых теми инструкций послам на сейм, и, тем самым, — решений будущего сейма.

С этой точки зрения рассредоточение русских войск по воеводствам определенно указывало на намерение не просто использовать их нахождение в Польше как средство политического давления на магнатов, что неоднократно имело место и ранее, а на желание посредством русских отрядов взять под контроль русского посольства поветовые и воеводские сеймики и другие органы власти (военные и skarбовые комиссии), органы шляхетского самоуправления и местные конфедерации. Об этом, в частности, недвусмысленно высказался Репнин, когда писал Н. И. Панину, что «если мы сеймиков своими конфедерациями не предупредим, то отважмся опять в руках Чарторыхских и дворянских весь сейм видеть, понеже они более будут иметь в избрании на оной земских послов»¹⁰⁶.

Упоминание в инструкции русским отрядам о возможности антирусских конфедераций и опасения посла относительно избрания послами на сейм сторонников двора и Чарторыхских свидетельствовали, что Станислав Август и «фамилия», с точки зрения Репнина, обладали еще немалыми возможностями для оказания сопротивления русской политике, или, по крайней мере, тайному ей противодействию. Поэтому

весной 1767 г. Н. В. Репнин постоянно наблюдал за поведением короля и его дядей. Такое внимание к Станиславу Августу и Чарторыским объяснялось как стремлением предупредить их активные действия, так и руководить их поступками, поскольку помимо своего большого влияния на шляхту им принадлежала также исключительно важная роль в процедуре созыва чрезвычайного сейма. В марте—апреле 1767 г. позиция короля и Чарторыских отличалась определенной двусмысленностью. С одной стороны, они пытались продемонстрировать готовность пойти навстречу требованиям России, а с другой — сопротивлялись приему в королевском замке диссидентских депутатов. Излагая обстоятельства этого отказа, С. М. Соловьев писал, что, по словам Чарторыских, аудиенция диссидентов у Станислава Августа «не заключала в себе никакой важности», ибо только сейм в праве принять решение в таком деле. Вожди диссидентов, напротив, сказали Репнину, что «отказ в этом принятии, — продолжал Соловьев, — будет знаком признания к их конфедерации, такой отказ можно сделать только злодеям республики»¹⁰⁷. Историк не дает ссылки на источник и приводит его в изложении, вероятно, речь идет об одной из депеш Репнина, однако текстуально неясно, о какой именно. Таким образом, в описании С. М. Соловьева отказ диссидентам в аудиенции можно было истолковать как намерение двора оставить за собой повод для преследования конфедераций иноверцев.

Приведенные С. М. Соловьевым свидетельства находят подтверждение в письме А. С. Гольца — Н. И. Панину от 5 апреля 1767 г., в котором староста грауденецкий писал, «что депутация нашей конфедерации не доставит удовольствия королю <...> что мы точно следуем одобренному (в России. — *Б. Н.*) плану и всем формальностям, предусмотренным в подобных случаях, чтобы не дать повода к критике с противной стороны. Я, — писал Гольц, — созвал советников конфедерации и имею честь сообщить <...> что эта депутация крайне необходима, и надеюсь, что Вы одобрите наши действия»¹⁰⁸. В приложении к письму¹⁰⁹, которое Гольц просил не показывать депутатам диссидентов, говорилось, что аудиенция депутации конфедератов у короля соответствует традиции, что даже представителей казаков, когда те бунтовали, принимали польские короли для представления требований и их рассмотрения в суде, что, если король не примет диссидентов, это станет «очередным актом презрения для них и для высокого покровительства» Екатерины II, которое им было оказано. «Если король, наш государь, продолжает отказывать в приеме нашей конфедерации, признанной всеми другими державами, то ему в этом случае *ne reste rien que de nous declarer pro hostibus Patria*» (не остается ничего другого, как объявить нас врагами Отечества)¹¹⁰. В заключение Гольц писал, что и в дальнейшем конфедераты намерены действовать законным путем, обращаясь к королю, примасу и министерству, и не давать повода «к презрению» по отношению к себе.

Приведенное письмо А. С. Гольца свидетельствует не столько об угрозе объявления диссидентов «злодеями Отечества», будучи под защитой тридцатитысячного корпуса русских войск в Польше, они могли этого не опасаться, сколько о недостаточном, по их убеждению, уважении к конфедерации иноверцев, об их обеспокоенности, что их требованиями и политическими интересами могут пренебречь не только магнатские верхи в Варшаве, но и покровители в Петербурге и Берлине. Не случайно в письме Гольца не упомянуты ни Репнин, ни Бенуа. Действительно, занятый подготовкой «католической конфедерации», русский посол в это время не уделял особого внимания диссидентам, стремясь не подчеркивать излишней заин-

тересованности проблемами некаатоликов перед вождями магнатской оппозиции двору и Чарторыским. Это вполне осознавали лидеры диссидентов, обращаясь со своими предложениями прямо к Панину. К тому же, направляя «ноты» в Петербург через курьеров русского посольства, они могли быть уверены, что Репнин не оставит их корреспонденцию без внимания. Так или иначе, но начиная с марта 1767 г. предложения и проекты диссидентов адресуются уже непосредственно русскому двору, что само по себе повышало статус иноверческих конфедераций. Этой же цели должна была служить и аудиенция диссидентских депутатов у короля, в которой им было отказано Станиславом Августом. Идя на это, двор стремился подчеркнуть свою непричастность к борьбе «партий» в Речи Посполитой, надеясь таким способом снять с себя ответственность за предстоящие решения и опровергнуть слухи о якобы существовавшем сговоре короля с петербургским двором в деле диссидентов.

Учреждение в Слуцке и Торуни диссидентских конфедераций еще не означало определение в полной мере расстановки политических сил в Речи Посполитой. Это обусловило выжидательную тактику магнатских кругов. Собранный в конце марта в связи с образованием диссидентских конфедераций и вступлением в Польшу русских войск Сенатский совет не принял никакого решения, кроме как собраться вновь в полном составе 25 мая 1767 г.¹¹¹

Н. В. Репнин тогда еще не знал, какую тактику в сложившихся обстоятельствах выберут Станислав Август и Чарторыские. Король и «фамилия», видимо, уже приняли решение занять позицию невмешательства. По крайней мере, именно так она отразилась в мартовском письме Станислава Августа к М. Т. Жоффрен, которое обстоятельно процитировано у С. М. Соловьева¹¹². Сообщая своей приятельнице об истоках нынешнего кризиса, король возложил ответственность за него на Россию, Чарторыских и оппозицию, когда Екатерина II «требовала слишком многого, а сейм (1766 г. — Б. Н.) слишком во многом отказал», теперь же оказавшись между домогательствами Петербурга и общественным мнением Польши, — писал Станислав Август, — он не намерен предаться ни первому, ни второму, но будет руководствоваться только «истинным благом государства». Если отбросить риторику, предназначенную для французского двора и общественного мнения, то становится очевидно, что ни король, ни «фамилия» не собирались становиться на сторону какой-либо из политических группировок в Польше.

Так или иначе, но в корреспонденции русского посольства с Петербургом мы не находим ни малейшего следа попыток двора и «фамилии» противодействовать осуществлению планов России, если не считать уговоров Станислава Августа, обращенных к Репнину, не организовывать «католических конфедераций», что «при такой силе и так на сейме все сделать можно». В ответ посол заявил, что главное для русской политики это вопрос о «гарантии», что диссиденты будут восстановлены в своих правах и что при этом положение короля «не будет затронуто»¹¹³.

Приведенное заявление Н. В. Репнина было сделано 12 мая 1767 г., так впервые русский посол прямо объявил польскому королю, что приоритетное место в русской политике, принадлежавшее в 1765–1766 гг. диссидентскому делу, перешло к вопросу о российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Тема эта зазвучала в переписке Н. В. Репнина с Петербургом на рубеже января–февраля и наиболее ясно проявилась во «французском письме» Н. И. Панина, адресованном польской шляхте. Однако там она была связана, по крайней мере внешне, со стрем-

лением России найти почву для привлечения на свою сторону магнатской и шляхетской оппозиции и была одобрена туманными рассуждениями о защите вольностей польского дворянства. Теперь же вопрос этот был поставлен вполне определенно, а то, что заявление Репнина было адресовано королю, придавало ему официальный характер. Его значение усиливалось еще и тем, что со всей очевидностью центр тяжести русской политики в Польше переносился с диссидентских конфедераций на «католические конфедерации», вокруг которых и разворачивались основные события в мае—июне 1767 г.

VII

Инициатива формирования конфедераций на основе шляхетской и магнатской оппозиции Станиславу Августу и «фамилии» принадлежала самому Н. В. Репнину. Об этом, в частности, свидетельствует депеша Панина от 7 апреля / 26 марта 1767 г., в которой говорилось, что «весьма полезно будет предлагаемое вашим сиятельством (Н. В. Репниным. — *Б. Н.*) составление католических в Литве и в Короне конфедераций», и послу поручалось «не описываясь уже более сюда, соглашаться о всем к тому нужном с противными двору магнатами»¹¹⁴. По плану Н. В. Репнина образование «католических конфедераций» должно было начаться в Литве 22 мая, а спустя 10 дней следовала организация в Вильно Генеральной литовской конфедерации. «Я тако открытие сие назначил, — писал он Панину, — чтоб менее расстояние времени от оных было до коронных и чтоб, некоторым образом, как беглый огонь, во всех частях почти все вдруг загорелось»¹¹⁵.

Сначала конфедерации должны были возникнуть в поветах и воеводствах и за десять дней охватить всю Литву. При этом каждая конфедерация находилась под контролем русского посольства, непосредственно руководившего их организаторами, список которых был отправлен в Петербург вместе с депешей от 13/2 мая 1767 г.¹¹⁶ Всего в нем значилось 24 человека, среди которых были Станислав Бржостовский — староста быстрицкий, зять Кароля Радзивилла; Людвик Потей — стражник вел. лит., женатый на Виктории Потоцкой; Кароль Хрептович — гродненский писарь, противник Радзивиллов, но человек близкий к Я. Е. Флемингу; Леонард Потей — обозный вел. лит., женатый на Марианне из Радзивиллов; М. Радзивилл, Станислав Ф. Ржевуский — хорунжий вел. лит. — и др. Предполагалось организовать десять воеводских конфедераций, включая Самогицию и двенадцать конфедераций в поветах.

Уже в конце мая Репнин доносил в Петербург о возникновении конфедераций в Виленском, Троцком и Брестском (Литовском) воеводствах, а в июне конфедерации были созданы во всех воеводствах Литвы¹¹⁷. 1 июня 1767 г. в Вильно была создана Генеральная литовская конфедерация во главе с маршалом С. Бржостовским. Акт Генеральной конфедерации, как и акты партикулярных конфедераций были подготовлены заранее Репниным и одобрены Н. И. Паниным¹¹⁸.

В акте Генеральной литовской конфедерации говорилось, что отмена фундаментальных прав была «для вольного народа несносным абсолютизмом», что декларация Екатерины II и письмо ее министра князю Репнину стали знаком поддержки в защите прав, вольностей, равенства и достоинства граждан, а также в охране внутреннего спокойствия в республике, что члены конфедерации объединяются для защиты католической веры, прав, вольностей и привилегий народа, для

восстановления прав должностных лиц, которые ограничивались посредством учреждения скарбовой и военной комиссий, для восстановления кардинальных прав граждан, в том числе и прав князя Радзивилла, что касается греков, униатов и диссидентов, как шляхтичей, так и купцов, ремесленников и крестьян, то «трудно замалчивать и их отстранение от законных прав», что как и во всех странах установлено единство сословных прав, то таковое должно быть и в Речи Посполитой. Однако в акте не было прямого упоминания о российской гарантии польской конституции. В качестве первого шага для Н. В. Репнина было важнее само создание конфедерации и выдвинутое ею требование «восстановления прав», включая сюда и прав диссидентов. Вместе с тем это отнюдь не означало, что «гарантию» как главную задачу посол упускал из виду.

В Акте литовской конфедерации содержалось немало положений, отражавших политические представления и чаяния шляхты и магнатов Литвы. Достаточно указать только на требование восстановить права К. Радзивилла или же гетманов и подскарбиев, чья власть была ущемлена установлением комиссий сейма. Однако для Репнина принципиальное значение имел тезис о «гарантии кардинальных прав», что открывало для русского посла путь к проведению сеймиков под узлом конфедерации и открывало для него возможность включения этого положения в инструкции послам на чрезвычайный сейм.

Одновременно с подготовкой конфедерации в Литве проходила организация и коронной конфедерации. В начале мая Репнин доносил в Петербург, что магнаты, которых Г. Подоский посещал в их имениях, наконец прибыли в Варшаву и активно взялись за составление конфедерации¹¹⁹. Ежи Мнишек обещал организовать конфедерации в Познаньском и Калишском воеводствах, Адам Красиньский — в Равском и Мазовецком. Франтишек Салерий Потоцкий обещал склонить на свою сторону польного гетмана кор. Вацлава Ржевусского и семь воеводств в Польской Руси. Теодор Вессель вместе со своими свойственниками Франтишком Велиопольским и Иохимом Морштыном — старостой скорницким, бывшим в свойстве с Браницкими и Шембеками — должен был организовать конфедерации в Краковском воеводстве. Он же вместе с Петром Малаховским и Адамом Понинским действовал в Ленчицком воеводстве и в поветах Освенцимском и Велуньском. Ян Клеменс Браницкий отвечал за Подляшское воеводство, а Антони Домбский за Куявию. Габриэль Подоский взял на себя составление конфедераций в Плоцком воеводстве и повете Добржаньском. Юзеф Салезы Оссольнский — староста сандомирский и сын волинского воеводы Юзефа Оссольнского — организовывал конфедерации в Сандомире, а граф Тарло (Адам?) — в Сирадзском воеводстве. В Королевской Пруссии подготовка конфедераций возлагалась на мальборкского воеводу Михала Чапского и его сторонников по «прусской оппозиции» — Михала Збоиньского и Яцека Юзефа Рыбиньского — аббата Оливского¹²⁰. Последний еще со времени пребывания Е. Мнишека в Гданьске был близким сподвижником надворного маршала в Поморье.

Представленный Репниным в Петербург перечень руководителей будущей «католической конфедерации» в Короне, наряду с «актерами» литовской конфедерации, отражал состав магнатов, входивших в «новую русскую партию». Очевидно, что помимо общности консервативных политических позиций решающую роль в организации движения шляхты играли личные, семейные и корпоративные связи, в основе которых лежали поземельные отношения. Магнаты выступили организа-

торами конфедераций в тех воеводствах и поветах, где преобладание их владений обуславливало их общественное положение и политическое лидерство. Все это указывало на феодальный характер шляхетского движения 1767 г. Вывод этот на основе польских источников был обоснован Г. Т. Луковским¹²¹, хотя при анализе шляхетского движения историк не уделил, как нам представляется, должного внимания полевым связям шляхты и магнатории.

Сообщая в Петербург о подготовке «католической конфедерации» Н. В. Репнин писал о спорах и неразберихе среди магнатов, о желании каждого властвовать, что принудило его «прямо им всем сухо сказать, чтоб никто из них не смел мною (послом. — *Б. Н.*) владеть и делом сим властвовать», Репнин настаивал, что будет сам руководить всем делом¹²². С. М. Соловьев приводил этот эпизод¹²³, чтобы в очередной раз продемонстрировать нравы магнатской клики, сплотившейся вокруг Ф. С. Потоцкого и Е. Мнишека. Однако суровый разговор посла с магнатами не только иллюстрирует их политическую беспринципность и диктаторские замашки самого Репнина, но, что более существенно, позволяет указать на характер новой тактики посла и русской политики в Речи Посполитой в целом. Разумеется, эта тактика не только отразилась в тоне общения Репнина с оппозиционерами, но и во всех мерах посла, направленных на достижение целей России, в том числе и в его отношениях с деятелями «новой русской партии».

В отличие от сеймов 1764 и 1766 гг., накануне и в ходе которых, согласно планам Петербурга, проводником русской политики должна была выступить магнатская «партия» Чарторыских, которую, хотя бы условно, в России рассматривали в качестве союзников, оставляя в ее руках проведение сеймиков и избрание послов на сейм, при подготовке сейма 1767 г. политическое взаимодействие с магнатами, даже если и усматривать таковое в декларируемых лозунгах о защите шляхетских вольностей, призвано было только замаскировать непосредственный контроль со стороны России над всей политической системой Речи Посполитой, что и выразилось в манипуляциях партикулярными конфедерациями снизу и в задаче законодательного утверждения «русской гарантии» государственного строя Польши сверху.

Об этой новой тактике свидетельствуют: переписка Н. В. Репнина с «актерами» литовской конфедерации по поводу актов партикулярных конфедераций¹²⁴; письменное обязательство Станислава Бржостовского «поступать согласно» с русским послом, с приложенной к «обязательству распиской в получении 3000 черв.¹²⁵; письмо Репнина командирующему корпусом Г. Нуммерсу от 14/3 апреля с указаниями о совместных действиях со старостой быстрицким¹²⁶. На это же указывает скрупулезность Репнина и Панина в подготовке Акта литовской конфедерации, проект которого по-польски и по-французски был прислан послом в Петербург¹²⁷ с предложением отредактировать польский текст, по поводу чего Репнин замечал, что по сути тот целиком соответствовал представленному Паниным проекту¹²⁸. Тем не менее для доклада Екатерине II шеф русской внешней политики на полях заметил, что «польские оригиналы здесь удержаны»¹²⁹, т. е. соответствуют требованиям Петербурга. Практически в этом же порядке Репнинными были подготовлены и направлены в Россию другие документы конфедератов (универсалы, акты партикулярных конфедераций и т. п.)¹³⁰.

Организация «католических конфедераций» в Короне, как и планировал Н. В. Репнин, началась на несколько дней позже, чем в Литве. Примененная русским послом тактика «беглого огня» приносила свои плоды. В конце мая 1767 г. он доносил

в Петербург, что первые конфедерации были образованы 25/14 мая в воеводствах: Краковском (маршал — маркиз Ф. Велиопольский), Сандомирском (Ю. С. Оссолинский, староста сандомирский), Сирадзком (Т. Блешинский, подкоморий сирадзский) Ленчицком (С. Вессель, староста голюбский)¹³¹. Затем пришло известие, что конфедерация создана в Познаньском и Калишском воеводствах под руководством Е. Мнишека, «который, — как писал Репнин, — все учинил весьма пристойным и благородным образом, и при первом начале сей конфедерации подписались 1300 шляхтичей, между коими и знатных немало»¹³². Маршалом конфедерации был избран Михал Скуржевский, подкоморий познаньский. Всего к началу июня в Короне было создано 24 партикулярных конфедераций¹³³.

Настало время их объединения местных конфедераций в Короне — в Генеральную конфедерацию, во главе которой Репнин задумал поставить К. Радзивилла, «для пугалища Чарторыским» и для ясного доказательства противникам двора, что никакого сговора с «фамилией» впредь быть не может¹³⁴. В мае 1767 г. переговоры Репнина с Радзивиллом успешно завершились. Тот прислал свои обязательства полностью подчиниться воле России и выполнить все инструкции русского посла, после чего Репнин дал согласие на приезд опального литовского магната в Польшу. Дорога его пролегла через Прусскую Померанию, где Радзивилла сопровождал конвой казаков, до Мариенвердена, откуда он один должен был ехать в Кенигсберг и ожидать открытия генеральной конфедерации в Литве. Там его должен был встретить полковник В. Кар и проводить до места собрания Генеральной коронной конфедерации. Возвращение Радзивилла в Польшу было согласовано с Г. Бенуа и русским резидентом в Гданьске И. М. Ребиндером¹³⁵. Отряд под началом В. Кара, должен был не только сопровождать Радзивилла в пути, но и строго контролировать его действия, о чем полковник Кар регулярно рапортовал Репнину.

Его донесения проливают свет на два важных обстоятельства, которые, по нашему мнению, сыграли главную роль в решении Н. В. Репнина сделать К. Радзивилла маршалом Генеральной коронной конфедерации. 5 июня / 26 мая 1767 г. В. Кар так описывал возвращение своего подопечного в Вильно: «В следовании моем с ним, князем Радзивиллом, были у нас многие разговоры, и он о разных происшествиях в Польше весьма порядочно рассуждал, и, сколь приметить из всех его разговоров было можно, кажется, человек злости не имеющий. Подъезжая к Вильне, множество дворянства выезжали его встречать, и все с таким восхищением радости с ним виделись, как редко друзья сущие при свиданиях обрадованы бывают. А он неоднократно от удовольствия плакал. Причем я дал ему восчувствовать всю пространность протекции к нему е. и. величества, на что он мне со слезами отвечивал, что столь за оную протекцию признателен и должным себя считает все приказания... слепо исполнять.

За полмили от Вильны, — продолжает Кар, — встречены мы были всем дворянством, которое не только руки моего дитяти, но и ноги целовали, а число оных до 3 тысяч, лишь бы не больше было, которые все перед каретою нашею с церемонией ехали. Город при въезде нашем стрелял 100 выстрелов из пушек, а народ весь кричал виват. Я описываю оное очень коротко, выражая только один церемониал, а что же до народной радости принадлежит, то оную описать не могу, столь она была велика»¹³⁶.

Это письмо достаточно образно рисует не только отношение литовской шляхты к своему любимцу — «пане коханку» — но и характер К. Радзивилла, в котором сочетались простодушие и лукавство, приступы буйной ярости и сентиментальность,

но, главное, пожалуй, в этом письме отразилась его огромная популярность среди шляхты, которая приобретала весьма существенное значение на весах русской политики, когда дело касалось организации достаточно широкого политического действия шляхты, с чем проводники русской политики в Польше непосредственно столкнулись впервые. И еще: донесение В. Кара передает атмосферу надежд и энтузиазма первых дней конфедерации, цели и истинное значение которой подавляющим большинством шляхты совершенно не осознавались.

По-иному, нежели образование конфедерации в Литве, проходило провозглашение Генеральной коронной конфедерации в Радоме. О событиях там Н. В. Репнину доносил полковник В. Кар¹³⁷, командующий русскими войсками, «под защитой» которых в городе собрались конфедераты во главе с Е. Мнишеком, Ф. С. Потоцким и Г. Подоским. Вместе с отрядом Кара 13 июня в Радом триумфально прибыл и К. Радзивилл, где ему было уже уготовано Репниным достоинство маршала конфедерации.

Собрание конфедератов проходило в ратуше практически в окружении размещенных в городе на квартирах русских войск и выставленных ими караулов. Здесь В. Кар никак не отступил от обычного предусмотренного уставом порядка, однако дирижировавший спектаклем Репнин предусмотрел такую ситуацию, заранее зная, какое впечатление те произведут на собравшихся.

После провозглашения универсала конфедерации собравшиеся приступили 21 июня к избранию маршала. Эпизод этот на основе донесений В. Кара подробно изложен у С. М. Соловьева¹³⁸. Российский полковник не знал детально правил образования конфедерации, в частности, что избранный маршал должен дать присягу в верности всем пунктам Акта конфедерации. Но К. Радзивилл стал возражать и требовать, чтоб Акт был сначала прочитан, иначе он не примет звания маршала. «Тут, — по его словам, — есть какое-нибудь мошенничество». И действительно, при чтении Акта сторонники Ф. С. Потоцкого стали кричать против каждого пункта, а в конце хотели не позволить даже прочитать пункт о диссидентах. Тогда Кар подошел к Потоцкому и Е. Мнишеку и сказал, что не позволит переписывать Акт конфедерации и в крайнем случае употребит подчиненные ему войска. Принятие Акта конфедерации было отложено, а Потоцкий сказал Кару, что согласится на все русские требования, если будет вписано «неудовольствие против короля». В ответ на это В. Кар заявил, что акт должен в точности соответствовать Акту литовской конфедерации, а если Потоцкий с этим не согласен, то он может уезжать из Радома.

На следующий день, 22 июня, конфедерация собралась вновь, Акт был принят, а К. Радзивилл избран маршалом. Вопреки ожиданиям собравшихся, надеявшихся на детронизацию Станислава Августа, конфедерация была провозглашена «при короле». Акт гласил: «*Oświadczamy się z tym, że się nie zawiążemy przeciw Najjaśniejszemu Królowi Panu Naszemu Miłościwemu, lecz szczególnie myśli nasze są nateżone na obronę dobra polspolitego. Znamy dobrze wierność tą, którą nakazuje prawo, honor i powinność każdemu obywatelowi ku majestatowi i dostojęństwu*». Позже, уже в окончательный текст Акта, в него была включена обращенная к Екатерине II просьба конфедерации об установлении российской гарантии государственного строя Речи Посоплитой, дабы императрица приняла на себя «*do zabezpieczenia na zawsze całości praw i dawnego kształtu rządowego, który tak szczęśliwie osłaniał dotąd pokój obfitość i pomyślność Rzeczypospolitej*». Наконец, Акт предусматривал предоставление на ближайшем сейме для диссидентов таких же сословных прав, какими обладали католики¹³⁹.

Можно только гадать, чем руководствовался К. Радзивилл, когда на собрании маршалов местных конфедераций требовал принятия Акта прежде избрания маршала. Процедура эта была согласована накануне с Г. Подоским, Ф. С. Потоцким и В. Каром без участия Радзивилла. Возможно, бывшего воеводу виленского насторожило несоответствие между текстом его присяги и содержанием Акта, или он опасался, что будут ограничены его собственные претензии на восстановлении в правах.

Так или иначе, интрига Потоцкого и других вождей конфедератов в Короне не удалась, главным образом потому, что их действия не были согласованы с предводителями литовской шляхты. Традиционная обособленность литовских магнатов от их собратьев в Короне и на этот раз послужила на пользу русской политике, а радомский эпизод показал, что сделанная Репниным ставка на К. Радзивилла оказалась верной. Вместе с тем неудача попытки Потоцкого проташить Акт конфедерации в редакции, не согласованной с Н. В. Репниным, окончательно похоронила надежды оппозиции не только добиться детронизации Станислава Августа и свести счеты с «фамилией», но даже на проведение, хотя бы в минимальной степени, независимого от России курса. Об этом свидетельствует и то, что уже после завершения «обрядов» в Радоме в привезенном оттуда в Варшаву Акте Радомской конфедерации обнаружилось еще одно, с точки зрения русского посольства, досадное упущение: в него не было включено положение о «ручательстве» Екатерины II¹⁴⁰. Акт снова пришлось переписывать, вставив в него приведенную выше просьбу конфедератов о российской гарантии польской конституции.

Сообщая в Петербург об итогах учреждения конфедерации в Радоме, Н. В. Репнин писал, что Акт конфедерации аналогичен литовскому, за исключением пункта о восстановлении в правах К. Радзивилла и того, что католическая религия в нем названа господствующей. Главным затруднением при составлении Радомской конфедерации было, по его словам, преодолеть «ненависть магнатов к королю»¹⁴¹.

Однако политические расчеты объединившихся в Радоме и примкнувших в радомянам магнатских группировок оставались в значительной мере чуждыми для большинства шляхты, для которой, как писал В. Конопчинский, «верность католицизму, защита вольности и надежда на российскую поддержку в этом» стали решающим условием присоединения к конфедерации, которую подписали до 74 тыс. чел., «среди которых было много людей интеллигентных, просвещенных и в целом непричастных к измене»¹⁴². Подчеркивая это, выдающийся польский историк косвенно полемизировал с восходящей еще к переписке Станислава Августа с М. Т. Жоффрен традиции в историографии, объяснявшей невежеством шляхты ее присоединение к Радомской конфедерации. Разумеется, большинство шляхтичей плохо представляли себе подлинные причины и цели радомского движения. Однако их участие в нем было обусловлено стремлением отстоять незыблемость своих феодальных привилегий, что в сознании рыцарства, как показал Г. Т. Луковский¹⁴³, было сопряжено с идеалами «сарматского республиканизма». Все это обусловило массовый характер движения, придало ему практически общесословный размах независимо от политических планов своих вождей.

VIII

Образование Радомской конфедерации должно было поставить Россию перед необходимостью, исходя из новой политической ситуации, определить свое отношение как к

своим сторонникам — оппозиционным двору «фамилии» магнатам, так и к Станиславу Августу и Чарторымским. Провозглашение Екатериной II защиты «польских свобод» и права «вольного голоса» главной целью российской политики в Речи Посполитой открыло для Петербурга возможность привлечь на свою сторону широкие консервативные круги польской шляхты, которая усмотрела в этом переход России на сторону республики в традиционном для шляхетской идеологии представлении о противостоянии короля и дворянства. Именно в этом духе еще в конце 1766 г. писал К. Радзивилл.

Та антиномия польской политической мысли, связанная с тезисом о стремлении королей к абсолютизму, а шляхты — к свободе, антиномия, которая, по крайней мере с начала XVII в., утратила всякую реальную почву и превратилась в XVIII в. исключительно в феномен польского шляхетского общественного сознания, диктовала свою логику взаимоотношений России со своими новыми сторонниками в Польше. Шляхта ожидала от русского правительства конкретных шагов в духе провозглашенных идей защиты подвергнутых мнимой угрозе традиционных республиканских институтов польского государства, а руководство магнатской оппозиции надеялось на уничтожение влияния короля и Чарторымских. Отношение к Станиславу Августу, таким образом, становилось пробным камнем взаимодействия России и магнатской оппозиции. С этой точки зрения, эпизод в Радоме, когда Ф. С. Потоцкий поставил условием своего участия в конфедерации включение в ее Акт положения, открывавшего в последствии путь к низложению короля, отнюдь не был случайным. Еще в начале мая 1767 г. Репнин писал о намерении магнатов свергнуть короля с престола, на что тогда посол «им строго почувствовать против сего дал»¹⁴⁴.

Однако, если по поводу детронизации Станислава Августа магнаты получили предписанный инструкциями из Петербурга отказ Репнина, то в отношении Чарторымских они так и не добились определенного ответа. По крайней мере, русский посол не только не прервал контактов с двором и «фамилией», но и поддерживал у старых князей надежду на сотрудничество с Россией. Еще накануне образования Генеральной конфедерации в Короне он писал о своем разговоре с королем и А. Чарторымским, в котором воевода русский спрашивал, что должна сделать «фамилия», дабы сохранить доверие Екатерины II. В связи с этим Репнин замечает: «Не хотел я требовать от воеводы русского, чтобы они (Чарторымские. — Б. Н.) к нашим конфедерациям пристали, для того, чтоб сим я отдалил опять всех наших новых партизанов, которые одного опасаются и довольно уже со мной о сем изъяснились»¹⁴⁵. Описание этого эпизода в донесении Н. В. Репнина содержит ряд неясностей. Сам ли А. Чарторымский предлагал присоединиться к конфедерациям, но не получил согласия на это посла, или же Репнин отказался от собственной идеи о возможности привлечения Чарторымских в Радомскую конфедерацию из-за опасения затруднить свои отношения с «новыми партизанами»? И в то же время, стремилась ли «фамилия» таким путем только к восстановлению взаимопонимания с Петербургом, или же рассчитывала, присоединившись к Радомской конфедерации, оградить себя и по возможности сохранить собственные политические позиции, сорвав изнутри планы своих противников? Так или иначе, но взаимоотношения Репнина с двором и Чарторымскими на новом этапе политики России в Польше оставались пока до конца не выясненными.

В связи с этим С. М. Соловьев замечал, что о короле как бы забыли. Однако эта двусмысленность заставляла врагов короля вновь и вновь повторять требование о лишении его престола и об устранении Чарторымских с политической арены. Маг-

наты также выдвигали идеи об ограничении королевских полномочий. Различные проекты в этой области обсуждали с Репниным Г. Подоский и Я. Б. Алое¹⁴⁶. Так, еще в январе 1767 г. коронный референдарий совместно со Станиславом Радзивиным — агентом саксонского принца Ксаверия — подготовили проекты уступок в пользу диссидентов и изменения формы правления Речи Посполитой (в том числе уничтожения введенных конвокационным сеймом комиссий)¹⁴⁷.

Однако обсуждая с противниками двора планы политических перемен в Польше, русский посол никак не упомянул об этих беседах в своих донесениях в Петербург. Тогда, до образования Радомской конфедерации, они не имели для него существенного значения и служили только одним из способов привлечения на свою сторону оппозиции, выяснения политических планов противников Станислава Августа и демонстрации им благоволения со стороны Екатерины II и собственного расположения. Вероятно, следствием бесед Репнина с коронным референдарием и стала его характеристика Подоского «как человека ловкого и очень разумного» и «вовсе не фанатика», подробно приведенная С. М. Соловьевым¹⁴⁸. Правда, и на этот раз русский посол ничего не написал Панину о содержании политических предложений своего главного помощника в организации «католических конфедераций».

Впервые о намерениях радомских конфедератов ограничить королевские полномочия, в частности путем введения выборности государственных должностей, раздача которых до сих пор была прерогативой польских монархов, Репнин написал Панину в депеше от 12/1 июля 1767 г., в которой посол также сообщал о переделке Акта конфедерации с включением в него положения о российской гарантии польской конституции. Только теперь, после решения главной задачи, посол начал обсуждать с Паниным планы нововведений, предлагаемые радомскими конфедератами, подчеркнув, что возражает против уменьшения власти короля¹⁴⁹.

Весьма болезненным вопросом для русского посольства и радомян была проблема закрытия судов, что предполагалось традиционным польским правом в случае конфедерации, к которой переходили полномочия судов, трибуналов и всех органов власти и должностных лиц, кроме сеймиков и сейма, где в этом случае решения принимались большинством голосов. Поводом для обсуждения этой проблемы стал эпизод, когда Виленский трибунал под председательством сторонника «фамилии» Ю. Гилзена попытался, опираясь на подчиненный Военной комиссии виленский гарнизон, воспротивиться возвращению К. Радзивилла и отказался признать Генеральную литовскую конфедерацию. Положение было исправлено с помощью Репнина, который, хотя и с трудом, убедил короля, чтобы трибунал пересмотрел это решение и послал депутатов к конфедерации.

В связи с этим Н. В. Репнин докладывал в Петербург, что «хотя нашим конфедератам весьма хочется, чтобы все юрисдикции затворены были на время продолжения конфедераций, <...> я на сие согласиться не хочу, понеже напрасно бы я короля сим оскорбил, ибо к нашим видам оное не нужно, а только дало б более власти конфедерации, отмишая прежние дела, по внутренним судам несправедливо-сти делать. Чего мне никаким образом в подробности (т. е. предотвратить или исправить. — Б. Н.) усмотреть не можно. Сверх того, — продолжал Репнин, — запретив все юрисдикции, запретил бы через это и комиссии скарбовую и военную; а их поправка, хотя точно нужна, но совершенное испровержение мне кажется, не аван-тажно»¹⁵⁰.

В вопросе о присяге на верность конфедерации Военной комиссии, что означало подтверждение законности установления последней, русский посол столкнулся с сопротивлением со стороны Я. К. Браницкого. Коронный гетман, как доносил Репнин 25/14 июля¹⁵¹, уклонился от выполнения согласованного плана своего присоединения к Радомской конфедерации и приведением к присяге Военной комиссии. Посол связывал этот шаг Браницкого с намерением добиться ее уничтожения. Вступление гетмана в ряды радомян состоялось только неделю спустя, когда по настоянию Репнина комиссия все же присягнула конфедерации¹⁵².

Таким образом, в вопросе о «закрытии судов», о присяге военной и скарбовой комиссий, а также об ограничении королевских prerogativ русский посол выступил против планов радомских конфедератов. Более того, он вновь продемонстрировал желание сохранить стабильность политического строя Польши и законность в деятельности ее институтов, вплоть до сохранения скарбовой и военной комиссий, важнейших учреждений, введенных по инициативе Чарторыских в 1764 г. Разумеется, такая позиция посла была с неудовольствием встречена руководителями Радомской конфедерации: цели, которые ими были поставлены, оставались все еще трудно достижимыми, а уступки, сделанные в диссидентском вопросе, казались слишком далеко идущими. Этим, по-видимому, объясняются затруднения в деятельности конфедерации, которые, как писал Репнин в Петербург 12/1 июля 1767 г.¹⁵³, проистекают из-за опасений конфедератов, что они слишком далеко зашли в диссидентском вопросе из-за их злобы на короля и их требований введения выборности должностей и закрытия судов и трибуналов.

В той же депеше Н. В. Репнин сообщал об отношении к конфедерации высшего духовенства¹⁵⁴. Акт конфедерации подписал только Г. Подоский, поставленный недавно примасом по настоянию России. Архиепископ львовский В. Сераковский, епископ краковский К. Солтык и епископ каменецкий А. Красиньский оформили свое присоединение к конфедерации особым актом, который, однако, давал им возможность формально отменить свое членство в Радомской конфедерации. А поскольку в акте епископов ничего не говорилось о диссидентах, то это позволяло прелатам как снять с себя ответственность за решения по делу иноверцев, так и при случае выступить против их уравнивания в правах с католиками, чем князья церкви не преминули воспользоваться в будущем.

Нараставшие разногласия Н. В. Репнина с радомскими конфедератами по отдельным, казалось бы, частным вопросам свидетельствовали, что среди магнатов — новых сторонников России — не только крепили антирусские настроения, но и начала формироваться пока скрытая оппозиция. Вместе с тем неблагоприятные предзнаменования содержались не только в глухом сопротивлении магнатов, например, Ф. С. Потоцкого, и в интригах епископов — но и в позиции шляхты.

В начале мая 1767 г., когда, как казалось, шляхта единодушно выступила против двора и Чарторыских, произошел инцидент, приобретший в свете дальнейших событий зловещее звучание. 13/2 мая Н. В. Репнин сообщил в Петербург, что в Калишском воеводстве группа шляхтичей напала на отряд казаков. По прибытии к месту боя русских войск под командованием майора Геслера нападавшие разбежались. В результате их преследования были арестованы семь человек¹⁵⁵. Позже, в начале июня, Репнин доносил, что арестованные по просьбе Познанской и Калишской конфедераций были им освобождены «и отданы той конфедерации, объявля ей, чтоб она пристойное им поучение сделала»¹⁵⁶.

Хлопоты, связанные с образованием литовской и Радомской конфедераций, хотя и отодвинули на второй план отношения с диссидентами, однако и здесь для русского посольства оставался ряд нерешенных вопросов. Первым из них был прием депутатов диссидентских конфедераций у короля. В начале, в марте 1767 г., Станислав Август постарался уклониться от официальной аудиенции для диссидентов, в связи с чем А. С. Гольц написал 5 апреля решительное письмо. Репнин отправился к Яцеку Огродскому — шефу королевского кабинета — и потребовал принять диссидентских депутатов¹⁵⁷, угрожая, что в противном случае Станислав Август рискует «лишиться дружбы» Екатерины II. После доклада королю Огродский сообщил Репнину, что депутация будет принята. Однако аудиенции диссидентам пришлось дожидаться до 28 апреля. В связи с этим обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, грозный протест русского посла носил все же неофициальный характер, причем обратился он к человеку близкому к Станиславу Августу, сопровождавшему того еще в 1750-е гг. в Петербург и пользовавшемуся полным доверием короля. То есть, несмотря на «грозные» слова, Репнин хотел уладить дело без конфликта. И, во-вторых, аудиенция диссидентов у короля состоялась только тогда, когда Станислав Август уже определенно знал, что положение о восстановлении в правах некатоликов будет включено в акт «католических конфедераций». Аудиенция депутатов Радомской конфедерации состоялась 18 июля, также почти месяц спустя после провозглашения конфедерации.

Затруднения в отношениях Репнина с диссидентами на этом не прекратились. Несмотря на демонстративную поддержку со стороны своих зарубежных покровителей, организовавших в июне 1767 г. проведение публичных богослужений в Варшаве в евангелическом костеле, открытом под видом домово́й церкви датского посла¹⁵⁸, вожди Торуньской и Слуцкой конфедераций опасались, что в Петербурге их интересы могут быть принесены в жертву ради согласия с радомским лагерем, и не хотели объединяться с «католическими» конфедерациями, на чем настаивал Репнин¹⁵⁹. Они не только не устали напоминать русскому послу о своих требованиях, но и действовали через своих представителей в Петербурге, подавая «ноты» русскому двору. Еще 12/1 марта, накануне образования диссидентских конфедераций в Слуцке и в Торуне, депутаты иноверцев писали, что разрешение диссидентского вопроса и их «примирение» с католиками должно быть достигнуто «посредством трактата», который не вправе быть изменен даже на сейме. Трактат этот, по их мнению, должен предусматривать: независимость трибуналов от церкви; права диссидентов-горожан, наряду с представителями шляхетского сословия; публичный контроль за органами власти, обеспеченный допущением диссидентов к должностям послов на сеймы и депутатов в трибуналы¹⁶⁰.

В ноте, поданной в Москве 30/19 мая 1767 г., требования диссидентов были дополнены. В связи с образованием католической конфедерации они настаивали, чтобы права диссидентов были узаконены, в частности, в декларации российской императрицы и в конституциях сейма. Тем самым в задуманный трактат о правах диссидентов включалась и третья сторона — Россия. В ноте говорилось также об «установлении генеральной свободы и равенства, т. е. абсолютного уравнивания в правах диссидентов с католиками»¹⁶¹. 4 июля / 23 июня лидеры диссидентов писали, что названное равенство должно основываться на постановлениях Варшавской конфедерации 1573 г. и на отмене антидиссидентских положений соглашения 1716 г. между

Августом II и Речью Посполитой, положенных затем в основу конституций «немого» сейма 1717 г. Надлежало также отменить все трибунальские решения, направленные против иноверцев; гарантировать права диссидентов Королевской Пруссии и все привилегии провинции в соответствии с Оливским трактатом. Гарантии также подлежали права протестантской церкви в Курляндии, включая и Пилтенский округ. Наряду с этим в ноте от 4 июля содержались два новых требования: первое — это допущение диссидентов к владению (судебными) староствами и второе — установление для иноверцев нормы представительства в Сенате и при занятии других должностей¹⁶². В июльских нотах диссиденты писали о необходимости охраны их церквей и других владений в Литве в связи с восстановлением К. Радзивилла во владении его областями и вновь — о правах Польской Пруссии¹⁶³. При этом поморские протестанты не ограничивались обращениями только к России. Они также рассчитывали на гарантии своих прав и со стороны Фридриха II. Так еще в конце марта — начале апреля 1767 г. в одном из адресованных в Берлин писем Торуньской конфедерации наряду с благодарностью прусскому королю за оказанную поддержку содержалась просьба, дабы он гарантировал особым соглашением («контрактом») права и привилегии прусской провинции Речи Посполитой¹⁶⁴. Таким образом, польские диссиденты были бы не прочь добавить к российской еще и прусскую «гарантию», хотя бы в отношении Поморья.

В связи с правами Королевской Пруссии между Торуньской конфедерацией и радомскими конфедератами провинции в июле 1767 г. разгорелся конфликт. Конфедераты-диссиденты претендовали на исключительное право представлять провинцию, рассчитывая усилить таким способом как свое влияние в Поморье, так и в целом в республике. Н. В. Репнин выступил против этих попыток торуньских конфедератов, написав 25/14 июля Н. И. Панину¹⁶⁵, что те «никоим образом своею конфедерациею диссидентскою провинции прусской представлять не могут, ни ее прав остереечь или поправить». В последнем случае посол имел в виду усиление позиций и повышение политического статуса иноверцев, о чем те писали в направленных в Петербург нотах, «следственно, — продолжал посол, — никакой коннекции сии два дела между собою не имеют. Конфедерация диссидентская составлена из всех диссидентов всея Короны Польской для защищения прав их религии и, следовательно, не представляет Провинции Прусской»¹⁶⁶. Далее Репнин затронул вопрос о конфедерации прусских городов, что они присоединились к Торуньской конфедерации «по той же причине защищения прав религий диссидентских, хотя они соштаты Провинции Прусской, и, хотя в своем приступлении (к Торуньской конфедерации. — *Б. Н.*) остерегали все привилегии провинции прусской, но может ли, — задавался вопросом посол, — одна часть штатов представлять все штаты сей провинции, которые сочинены из ее сената, стана рыцарского католичкаго и сих городов? Следственно, могли ли они одни на себя взять защиту прав всего корпуса?»¹⁶⁷ Причину несогласия между конфедератами католиками и диссидентами Репнин усматривал в позиции прусских городов, которые опасались ущемления своих прав решениями провинциальной конфедерации, в частности увеличения податей. В связи с этим посол доносил в Петербург, что католическая конфедерация заверила его, что «податей никаких положено не будет и что в делах, касающихся до городов, не инако решения деланы будут, как употребляя столько же со своей стороны голосов, сколько от городов употреблено будет, следственно, совершенное равенство через то наблюдает-

сы и пристрастия не будет». В заключение приведенной депеши Репнин писал: «Если говорить захотят города или диссиденты, что не могут уже города приступить к другой конфедерации, приступя к диссидентской, не оставя оную, то сие фальшиво, понеже соединение их с диссидентами касается до прав религии, а с католическою конфедерациею как соштатов прусских до прав и привилегий всей провинции. И тако они согласны могут быть и с тем, и с другим, не отставая от настоящих обязательств с диссидентами»¹⁶⁸. Репнин доказывал Панину, что «сии две конфедерации не касаясь нимало одна другой... могут остаться, не быв ни одна, ни другая подчиненною»¹⁶⁹.

Таким образом, Репнину удалось урегулировать конфликт радомских конфедератов с диссидентами на основе признания равенства и независимости конфедераций друг от друга. Однако в позиции русского посла явно обозначилась тенденция ограничить политические претензии иноверцев сугубо религиозными вопросами. Что же касалось определения политического устройства Речи Посполитой, то в этом он отдавал, по сравнению с диссидентами, явное преимущество радомским конфедератам, добиваясь присоединения к ним и городов Королевской Пруссии. Это объяснялось еще и тем, что посол сознавал явную недостаточность собственного политического веса протестантов (даже в Королевской Пруссии), не говоря уже о православных.

Тем не менее в одном принципиальном вопросе Репнин полностью поддержал предложения диссидентов. В следующей отправленной в тот же день депеше он писал: «Лучший способ для совершенной твердости всего того, что на будущем сейме учреждено будет как для диссидентов, так и для всего прочего (в последних словах видна связь с предыдущей депешей о требованиях Торуньской конфедерации. — *Б. Н.*), чтоб оному дать силу трактата. Заключение ж то может сделаться или с конфедерациею, или и с самим сеймом через комиссаров, от них к тому назначенных»¹⁷⁰. Это соображение Репнина целиком соответствовало предложениям диссидентов, представленным русскому двору еще в марте и мае 1767 г. и обсужденных предварительно с Репниным. В случае согласия посол просил Панина прислать ему «в запас особую полную мочь для заключения сей конвенции»¹⁷¹. Так впервые 25/14 июля 1767 г. с российской стороны прозвучала мысль о заключении трактата о российской гарантии сословного и государственного устройства Речи Посполитой. Разумеется, предлагая узаконить свои права посредством трактата, диссиденты отнюдь не имели в виду то, что стало главным для Репнина, а именно — российскую гарантию польской конституции.

Тогда же, в июле 1767 г., определились отношения Репнина со Станиславом Августом и Чарторьскими. 1 августа Военная и Скарбовая комиссии принесли присягу Радомской конфедерации. В связи с чем Репнин доносил в Петербург, что А. Чарторьский как региментарь коронный, возглавлявший Военную комиссию, «за два дни до сих присяг рецесс учинил и отступил от сего чина под видом слабости здоровья. Следуя же ему, то ж и еще несколько комиссаров учинили, но однако ж, большая часть присягнула. Сей поступок, — продолжал посол иронически, — доказывает прямую точность доброхотства сих упрямых стариков. Королем же, — писал Репнин, — я весьма доволен. И он (Станислав Август — *Б. Н.*), напротив, всячески старался сии комиссии до присяги довести, в чем его брат (К. Понятовский. — *Б. Н.*) как член Военной комиссии образец собою показал, учиня, как и прочие, сию присягу»¹⁷².

Поступок Августа Чарторьского стал для Н. В. Репнина последним доказательством, что старые князья приняли окончательное решение не связывать себя какими-либо действиями в интересах русской политики в Польше и устранились от вся-

кой ответственности за последствия радомских постановлений. Тактика короля была иной. Он впервые решился (или был вынужден) следовать другим политическим курсом, нежели его дяди. Прежние разногласия между Станиславом Августом и старшими членами «фамилии» носили, если можно так сказать, внутренний характер и проявлялись как отдельные направления общей политики. Теперь ситуация изменилась. Король выбрал сотрудничество с Репниным. Какие расчеты связывал с этим шагом польский монарх, стало ясно в дальнейшем. Хотелось бы отметить только, что этот поворот в его политике был продиктован отнюдь не только сложившейся после образования Радомской конфедерации политической конъюнктурой.

Избранные Станиславом Августом политические принципы, о которых король писал в приведенном выше письме к М. Т. Жоффрен, наложили отпечаток на его политику на протяжении всего последующего правления. Разумеется, что условием сотрудничества польского короля с Петербургом стала твердая решимость Екатерины II ни при каких условиях не допустить его детронизации, на чем настаивали радомские конфедераты. В июле 1767 г. как со стороны России, так и со стороны Станислава Августа эти взаимные позиции выразились уже вполне определенно. 15/14 июля в реляции Екатерине II Репнин писал «о совершенной склонности» короля «на два главные предмета»: на «высочайшее Ваше ручательство, то ж восстановление диссидентов». В ответ посол обнадежил короля, «что ни достоинству его, ни интересам Ваше имп. в-ство ущерба сделать не допустите»¹⁷³. Позже, уже в начале сентября, в связи с очередной попыткой радомян добиться детронизации Станислава Августа Репнин в донесении Панину передавал содержание своего разговора с королем, в котором тот «неоднократно с клятвами обещал именно сими терминами, что хотя б все струны лопнули, хотя б все наши партизаны от нас отстали, хотя б, наконец, один он остался, непременно и неколебимо нас держаться станет и без изъятия все то делать будет, что я потребую, для успеху диссидентов и желанных нами дел, т. е. и ручательства»¹⁷⁴.

О достигнутом соглашении между Станиславом Августом и Репниным Яцек Огородский уведомлял Якуба Псарского, возглавлявшего после отъезда Ф. Ржевуского польскую миссию в Петербурге. Шеф королевского кабинета писал 27/16 июля своему представителю в России о заявлении Репнина по поводу твердых намерений российской императрицы удовлетворить требования диссидентов и сохранить Станислава Августа на престоле. Огородский сообщал также о достигнутом соглашении сохранить военную и skarбовую комиссии в рамках их статуса, исключив членов комиссий из числа послов на сейм, что, по словам директора королевского кабинета, двор считал для себя приемлемым, а также о недопущении каких-либо действий против короля¹⁷⁵. Письмо Огородского позволяет также по-иному взглянуть на донесение Репнина о нежелании посла разрешить радомским конфедератам закрыть суды, дабы, как он писал, «не оскорблять тем понапрасну короля»¹⁷⁶. Последнее примечание Репнина может служить косвенным свидетельством в пользу мнения, что, как и в случае с комиссиями сейма (о чем писал Огородский), решение русского посла не допускать закрытия судов было принято в результате консультаций со Станиславом Августом и не без влияния последнего.

Весьма существенную роль в отношениях с двором и магнатской оппозицией летом 1767 г. сыграл вопрос о поставлении нового примаса, после того как в июне умер В. Лубеньский. Подробно на основе донесений Н. В. Репнина и мемуаров Ста-

нислава Августа это событие описано С. М. Соловьевым¹⁷⁷. Свидетельства польского короля и русского посла совпадают в основном, расхождения же состоят только в тонне высказываний Репнина, которые в его депешах выглядят значительно мягче и корректнее, чем в изложении королевских мемуаров. Однако по сути эти разночтения не представляются существенными. Не вызывает возражения и вывод историка, что в случае с новым примасом королю «представился случай доказать свое послушание»¹⁷⁸. Доказательство это состояло в том, что Станислав Август, сам желая видеть примасом своего младшего брата и ближайшего советника аббата Михала Понятовского, уступил настояниям Репнина и, преодолев глубокое недовольство римской курии, сделал архиепископом гнезненским Габриэля Подоского.

Однако в истории с поставлением нового примаса имели место некоторые примечательные обстоятельства, которым С. М. Соловьев не уделил внимания. В депеше от 25/14 июня 1767 г. с извещением о кончине В. Лубеньского Н. В. Репнин писал о Г. Подоском как о «нашей креатуре, независимо ни от короля, ни от Чарторыхских»¹⁷⁹. Однако из рассуждений посла следовало, что новый примас будет независим и от радомских конфедератов, поскольку Репнин, предлагая надолго связать его с целями русской политики в Польше, отнюдь не собирался превращать Подоского в орудие магнатской оппозиции. Вместе с тем для противников Станислава Августа новый примас был весьма желанной фигурой, поскольку в случае объявления «бескоролевья» ему принадлежала бы первая роль среди должностных лиц республики. Тем самым выбор Репнина косвенно поддерживал среди оппозиционных магнатов призрачную надежду на возможность свержения короля.

Предложенная послом кандидатура вносила известный разлад и среди сторонников двора. Правда, о реакции Чарторыхских мы не располагаем свидетельствами, а вот К. Понятовский выступил против своих братьев и поддержал российского выдвигенца¹⁸⁰.

Назначение Подоского породило разногласия и среди епископов. 27/16 июня Репнин писал Панину, что тот отправился с визитом к А. Е. Висконти, чтобы убедить нунция не возражать против своего назначения, поскольку, как сообщал посол, «часть самого духовенства сего его возвышения желает и об том письменно отзовется к самому нунциусу»¹⁸¹. Среди ходатаев у нунция в пользу коронного референдаря был и К. Солтык. В результате переговоров Репнина со Станиславом Августом король подписал все необходимые документы для назначения Подоского примасом и отдал их русскому послу¹⁸², не только предоставив тому дальнейшие хлопоты, но и подчеркнув тем самым, что поставление нового примаса суть дело сугубо российского двора. Тогда же Репнин обратился за содействием в Петербург. Но там предпочли придать делу совсем иной оборот.

В письме Станиславу Августу Н. И. Панин выразил удовлетворение решением короля назначить примасом Г. Подоского и подчеркнул, что этот шаг произвел благоприятное впечатление на императрицу¹⁸³. Сама же Екатерина II, обращаясь к польскому королю, писала 8 июля / 27 июня: «Я не могу не заметить в этом снисхождении со стороны Вашего в-ства весьма мне приятного возвращения к вашим личным интересам, которые я всегда буду считать основанными на совершенном соединении и добром согласии наших государств»¹⁸⁴. Тем самым поступок короля был демонстративно расценен как свидетельство его возвращения в лагерь сторонников России и готовности содействовать русской политике в Речи Посполитой. О сути

этой политики Екатерина писала в конце письма: «Умиротворение, над которым — вы видите — я так длительно работаю, касается меня лишь в том отношении, что я с самого начала сочла его столь же необходимым для вас и вашего королевства, сколь и для моей империи. Я ничуть не представляю себе для республики благосостояния, которым вы бы могли быть довольны сами, как только тогда, когда все настоящие распри будут улажены, все партии соединены и довольны и положение каждой из них неотменно определено»¹⁸⁵. В последней фразе явно угадывался намек на установление российской гарантии государственного строя Польши.

Об отношениях с Римом (в связи с поставлением Подоского примасом) Панин отправил на следующий день особое письмо Репнину¹⁸⁶. Руководитель русской внешней политики поручал послу «внушить нунцию», что дело решено бесповоротно, по воле императрицы и согласно прерогативам польского короля, «что мы непременно хотим видеть Подоского примасом». Сопротивление Рима, по словам Панина, привело бы «к еще большому соединению» польского и российского дворов, а король может обойтись и без согласия Св. престола. Завершалось письмо заявлением, что, дойдя в деле диссидентов до крайней черты, «мы не можем, конечно, остановлены быть тщетным двором его (Рима — *Б. Н.*) упорствованием. <...> И, что напоследок, если римский двор, несмотря на все уважения, вздумает идти на перелом в сем нами сделанном деле, то, скорее всего, может религию свою в Польше подвергнуть всем ием неудобствам, кои теперь нам толь несправедливо и лукаво приписываются от ненавистников и недоброжелателей наших»¹⁸⁷. Приведенное письмо было составлено Паниным, однако по духу и стилю оно больше соответствовало рассуждениям Екатерины II. На собственные ее слова указывало и то, что письмо был написано от первого лица во множественном числе (мы не можем... и т. д.).

Именно в духе этих инструкций, вплоть до угрозы довести дело до разрыва польских епископов с Римом, Репнин и говорил со Станиславом Августом. Донесение об этой беседе почти полностью приведено у С. М. Соловьева. Однако историк не указал, что за словами посла скрывались идеи императрицы. А они не только означали неприкрытый и наглый диктат в отношении польского епископата, да и Речи Посполитой в целом, но и таили в себе провокацию по адресу католических держав. Разумеется, из-за назначения примаса в Польше те не пошли бы на конфликт с Россией, однако оскорбление Св. престола вполне могло послужить поводом для весьма неприятных международных осложнений.

Конфликт вокруг назначения Г. Подоского примасом тлел вплоть до конца 1767 г. Различные силы как внутри Польши, так и при европейских дворах пытались использовать его в своей политической игре, однако ни в Риме, ни в Петербурге не стремились больше к его обострению. Протеже русского двора с согласия Станислава Августа получил сан архиепископа гнезненского. Недовольство римской курии выразилось только в отзывании А. Е. Висконти и в переводе его с повышением в Вену, а ранг польской нунциатуры был понижен. Преемник Висконти Анжело Дурины возглавил уже не Польскую, а Варшавскую нунциатуру.

Таким образом, к концу июля 1767 г. расстановка политических сил в Речи Посполитой накануне сейма вполне определилась. Объединенная под руководством Н. В. Репнина радомская оппозиция должна была обеспечить на сейме утверждение российской гарантии польской конституции и уравнивание в правах католиков и диссидентов. Вожди последних, чувствуя ослабление своей политической роли,

стремились выхлопотать для своей «партии» в Петербурге побольше преимуществ в новом политическом устройстве республики. «Фамилия» занимала твердую позицию «неучастия», подчеркнуто слагая с себя всякую ответственность за постановления предстоявшего сейма. Станислав Август и двор, отвратив угрозу детронизации, стремились к сотрудничеству с Репниным в расчете по возможности сохранить результаты проведенных реформ и не допустить полного торжества оппозиции. Стоит отметить, что эта политика короля нашла в определенной мере поддержку русского посла.

В этих условиях в конце мая — июле 1767 г. были предприняты меры по формальной подготовке чрезвычайного сейма. Первым шагом в этом стал Сенатский совет, собравшийся в Варшаве 25 мая. По сообщению Репнина, на него прибыло не более 50-ти сенаторов, т. е. треть состава Совета, хотя присутствовали почти все епископы. Накануне они собирались у примаса В. Лубеньского, где было высказано мнение, что нужно избежать созыва сейма или отложить его открытие, а также обратиться за помощью к католическим государям. Правда, как сообщал посол, во время самого Сенатского совета епископы не сказали об этом ни слова, за исключением В. Сераковского, архиепископа львовского¹⁸⁸. В результате Сенатский совет постановил назначить открытие чрезвычайного сейма на 5 октября 1767 г., после чего делегация сенаторов посетила Репнина и просила сообщить требования России, а также просила повлиять на конфедератов, чтобы те остались «в пределах умеренности»¹⁸⁹.

Решения Сенатского совета показали, что планы радомских конфедератов использовать Сенат для детронизации Станислава Августа и для достижения других своих целей, о чем К. Солтык намекал в письме к любельскому воеводе А. Любомирскому¹⁹⁰, оказались химерой. Со своей стороны Н. В. Репнин с удовлетворением доносил в Петербург, что на Совете Станислав Август не добавил ничего к содержанию согласованных с послом писем *de liberatorias* и ограничился только тем, что выслушал ответы сенаторов¹⁹¹.

Однако ко времени Сенатского совета 25 мая русскому послу все же пришлось внести некоторые коррективы в свои планы. Еще в апреле 1767 г. он писал Панину, что конфедерация оппозиции должна быть образована до Сенатского совета, т. е. до 25 мая, что сеймики следует провести в конце июня — начале июля, а чрезвычайный сейм начнется в августе¹⁹². Теперь же сеймики выпадали на конец августа, а открытие сейма назначалось на 5 октября. Замедление на два месяца с осуществлением российских планов имело немаловажное значение, ибо с самого начала как руководители российской политики в Петербурге, так и сам посол сознавали, что, с точки зрения внутренней ситуации в Польше и международного положения Речи Посполитой, время для успешных «крайних мер» было весьма ограничено, что в любой момент кризис мог обостриться, а события приобрести нежелательный оборот.

Важным вопросом накануне сейма стало определение позиции польского епископа по отношению как к Радомской конфедерации, так и делу диссидентов. После заседания Сенатского совета А. Е. Висконти 27 мая направил в Рим депешу, содержание которой раскрывает позицию нунция и его шефов при папском дворе в связи с событиями в Польше. Он уговаривал польских епископов смягчить свое отношение к Станиславу Августу, отказаться от нападок на короля за дело диссидентов, не обострять конфликта между церковью и светской властью. «Во всяком случае, — писал Висконти, — никогда не станет достоянием гласности коварный секретный план (поскольку он едва ли существует. — *Б. Н.*) между государем (Станиславом Авгу-

стом. — Б. Н.) и заинтересованными дворами в пользу диссидентов. Однако я могу положительно утверждать, — заявлял нунций, — что такой сговор абсолютно не вытекает ни из моих сведений, ни из усилий министерства, содействием которого я пользовался, чтобы распутать этот узел. Мне удалось разведать, что его величество остерегается предпринять какие-либо шаги, непосредственные или опосредованные, в отношении католических властей»¹⁹³. Нунций убеждал польских епископов и Рим, что дело диссидентов, хотя и не в интересах католической церкви, но не представляет для нее опасности до тех пор, пока оно не приведет к конфликту церкви и светской власти.

После получения в Варшаве Бreve Клементия XIII от 18 апреля 1767 г.¹⁹⁴, в котором, правда, не было упоминания о диссидентских конфедерациях, но явно звучал призыв к защите католицизма, позиция папского посла несколько ужесточилась. 19 августа Висконти доносил в Рим, что главной задачей России и Пруссии на предстоящем сейме будет установление конституций в пользу диссидентов. Препятствием в этом деле, писал он, «станет сопротивление нации, которая грозит королю детронизацией». Нунций, конечно, не мог не знать, что в августе 1767 г. о свержении Станислава Августа не могло быть и речи, о чем он и говорит далее, сообщая, что Екатерина II «повелела поддерживать короля всеми средствами, каких, — констатировал Висконти, — у князя Репнина вполне достаточно». В заключение он сообщал о намерениях конфедераций составить новые законы в духе расширения прав республики, писал об объединении 21 июля в Варшаве коронной (Радомской) и литовской конфедераций¹⁹⁵. К депеше были приложены манифест о присоединении к Генеральной конфедерации В. Сераковского, А. Красиньского от 15 августа 1767 г.¹⁹⁶ и отдельный манифест о присоединении к конфедерации К. Солтыка от того же числа¹⁹⁷.

Изложенная депеша представляет интерес не только с точки зрения дополнительных фактов, характеризующих ситуацию в Польше, а как отражение позиции Римской курии, поскольку Висконти не столько информировал свой двор, сколько писал то, что желали бы прочитать в Риме: о навязанном Россией и Пруссией диссидентском вопросе, о сопротивлении католической нации, о детронизации Станислава Августа. Нунций повторял старые аргументы оппозиции, которые многократно представляли в Риме, да и при других католических дворах противники польского короля и «фамилии». Висконти косвенно возражал только против тезиса о свержении Станислава Августа, подчеркнув, что русская императрица намерена не допустить этого. О российской гарантии польской конституции, напротив, папский посол не упоминал вовсе, хотя он не мог не знать, что именно этот вопрос является главным или одним из главных в российской политике.

В донесении от 24 августа А. Е. Висконти сообщал, что он пригласил к себе епископов Антони Островского (куявского), Иеронима Шептицкого (плоцкого), Игнаци Красицкого (варминьского), Анджея Млодзиевского (пшемысльского), Юзефа Енджея Залуского (киевского) и Стефана Гедройца (инфлянтского). От имени пришедших вице-канцлер коронный и один из ближайших сотрудников Г. Подосского — А. Млодзиевский сказали нунцию, что они бесконечно рады этой встрече, поскольку сами намеревались прийти и сообщить о своем присоединении к конфедерации. Висконти в самых изысканных выражениях поблагодарил за внимание и ответил, «что не ожидал подобного заявления о присоединении к конфедерации, так как в

оригинале она была составлена в интересах диссидентов и, таким образом, была бы вами осуждена и ненавистна в вашем собрании, как мы могли понять из Бреве, которое недавно было мною вам представлено». Прелаты отвечали нунцию, «что не соглашаться (на участие в конфедерации. — *Б. Н.*) означало бы то же самое, что обречь их епархии на насилия и грабежи русских, а их самих — на бессилие и лишить их активного голоса в Сенате и на будущем сейме. Присоединиться к конфедерации, — излагал ответ епископов Висконти, — стало бы средством избежать этих двух опасностей, которые скрыты за тотальным обрушением религии», против чего епископы и далее намерены протестовать. «Однако они призывали в свидетели Бога, — писал нунций, — что считали себя вынужденными присоединиться к конфедерации»¹⁹⁸.

Итак, Висконти, сообщая в Рим о позиции польских епископов, повторял то, что самому ему было вполне ясно: диссидентское дело становилось явно второстепенным, на первый план выдвигался вопрос о будущем Польши, о сословном и государственном устройстве Речи Посполитой, о ее отношениях с великими державами, прежде всего с Россией. Поэтому для епископов было гораздо важнее сохранить статус католической церкви, ее общественное и политическое влияние в стране, что и обусловило присоединение епископов к Радомской конфедерации.

Для завершения подготовки к сейму предстояло объединить две Генеральные конфедерации: Литовскую и Коронную (Радомскую). В начале в Варшаву прибыли радомские конфедераты. В связи с чем в реляции Екатерине II от 25/14 июля Н. В. Репнин сообщал об ожидаемом соединении конфедераций¹⁹⁹. Тогда же радомяне во главе с К. Радзивиллом были приняты Станиславом Августом. В соответствии с установленным правилом, как и другие конфедерации, они отправили письмо Екатерине II с благодарностью за протекцию²⁰⁰. Письмо подписали К. Радзивилл и маршалы некоторых партикулярных конфедераций: Франтишек Велиопольский, Петр Малаховский, Томаш Блешинский, Юзеф Салезы Оссолинский, Мариан Потоцкий, Лукаш Венгленский, Антони Роговский, Казимир Шидловский, Юзеф Радзиминский, Ян Лопатский. Как видно, среди подписавших послание российской императрице не было подлинных вождей Радомской конфедерации, которые не желали лишний раз афишировать свою принадлежность к «новой русской партии». Разумеется, формально ни Ф. С. Потоцкий, ни Е. Мнишек, ни другие видные радомяне не носили звания маршалов конфедерации. Однако то, что они старались по возможности оставаться в тени, свидетельствовало об осознании ими того, что радомское дело не принесет им ни славы, ни благодарной памяти потомков, а также о тайной готовности при благоприятных обстоятельствах отказаться от роли пособников Репнина.

2 августа в Варшаву приехали и депутаты Литовской конфедерации²⁰¹, затем 5 августа состоялось соединение конфедераций²⁰². После чего, по плану Н. В. Репнина, можно было отправить посольство конфедератов к российскому двору. Согласно инструкциям Н. И. Панина от 6 августа / 26 июля²⁰³, в задачу посольства входило только выражение благодарности Екатерине II за протекцию и «испрошение гарантии» польской конституции. Шеф русской внешней политики два дня спустя особо подчеркнул, что посольство следует прислать от объединенной Генеральной конфедерации Короны и Литвы²⁰⁴. Это было очевидно и для Репнина, поэтому отправление посольства было решено еще до получения этих инструкций, однако совершенно в духе предписаний из Петербурга.

16/5 августа русский посол доносил, что направляемое в Россию посольство конфедератов состоит «в четырех особах с характером все равных чрезвычайных посланников»: стражник лит. Людвик Потей, кухмистр лит. М. Вельгурский, крайчий кор. Ю. Потоцкий, староста сандомирский Ю. С. Оссолинский²⁰⁵. Отдельно в Россию отправился представитель К. Радзивилла Шимон Коссаковский. Характеризуя состав посольства, В. Конопчинский отмечал, что Вельгурский представлял интересы Мнишека, а трое остальных — Потоцких²⁰⁶. Репнин писал о послых конфедерации, что первый — «друг Потоцкого и Радзивилла», второй — «предан Мнишеку и епископу краковскому», третий — «человек добрый, будет делать то, что мы пожелаем», четвертый — хоть и молод, но противник короля, и за него просватана дочь Потоцкого — воеводы киевского»²⁰⁷. Упоминание Репнина о планах женитьбы Ю. С. Оссолинского на дочери Ф. С. Потоцкого, вероятно, недостоверно. Обращает на себя внимание и особая миссия Ш. Коссаковского, что еще раз свидетельствует о недоверии между К. Радзивиллом и вождями радомских конфедератов.

Посольство конфедератов прибыло в Москву 20/9 сентября 1767 г. Однако из-за отсутствия в старой столице императрицы и из-за болезни Л. Потей аудиенция состоялась только 29/18 сентября 1767 г. Вероятно, эта задержка объяснялась еще и тем, что обе стороны ожидали результатов сеймиков в Польше.

Открылась аудиенция обращенной к Екатерине II речью Л. Потей²⁰⁸, передавшего «Грамоту (Instrument publicznyj) от сконфедерованных конфедераций, Генеральной коронной и Генеральной Великого Княжества Литовского»²⁰⁹. «Грамота» была составлена в Варшаве под руководством Репнина и отредактирована послом. В ней выражалась благодарность Екатерине II «за великодушное заступление в сохранении древних прав, вольностей, преимуществ и правления нашей республики, яко соседней и союзной с Россией». Далее звучала «просьба именем Республики о продолжении помощи и милостивого отправления войск, коих под защищением ожидаем мы всевозжеленнейших окончаний в пользу вольностей и благоденствия нашего. В грамоте говорилось об «обязательствах союзного народа», который за оказанную милость должен их «никогда не переменить и содержалась просьба о «высокой и многомошной гарантии», о том, чтобы постановления предстоящего сейма, направленные на учреждение и сохранение польских «вольностей и правления узаконить навсегда ненарушимо» (выделено нами. — Б.Н.). В заключение говорилось, что «совершенная справедливость» будет руководством и в деле диссидентов.

Ответ на речь Потей, содержащий ответ и на «Грамоту» конфедерации, был прочитан вице-канцлером А. М. Голицыным²¹⁰. В нем, в частности, говорилось: «С не меньшим удовольствием слышит е. и. в-ство от яснейшей Речи Посполитой через уста посланников ея, что сама признает она вольность и равенство между гражданами источником благополучия своего. Сие то самое равенство оправдывает все подвиги е. и. в-ства и нации польской, клонящиеся к возвращению ее единоверцам и всей известной под именем диссидентов части граждан, тех прав, кои предками их приобретены были, прав, освященных в первом своем событии общим единогласным признанием обоих народов Речи Посполитой, и коих они лишены были во время ее внутренних нестроений насильствами, последовавшими от одной части к предосуждению другой»²¹¹.

Завершался же ответ весьма многозначительной фразой, заключавшей в себе главную цель русской политики в Польше. «Е. и. в-ство обнадеживает потому своим

императорским словом, — торжественно читал Голицын, — с толикою же охотой, сколь с истинным желанием исполнить весь долг такого обязательства: гарантировать все то, что Речь Посполитая на будущем сейме по искренним советам и согласия е. в-ства. для прочного блага яснейшей Речи Посполитой по одному и по другому определит и узаконит»²¹².

Таким образом, вслед за Актами конфедераций, пребывание польского посольства в России подтвердило легитимность нахождения в Польше и Литве русских войск, обязательство конфедераций, а стало быть и республики, восстановить равноправие диссидентов и просьбу об установлении российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Примечательно, что в «Грамоте» конфедерации, составленной по существу Репниным, «гарантия» рассматривалась как форма союза между Россией и Польшей, как об этом посол уже писал ранее в проекте «Особливого акта» 1764 г.

IX

При подготовке к сейму 1767 г. принципиальное значение для русской политики в Польше имела позиция Австрии, ибо в Петербурге, несмотря на адресованные Фридриху II жесткие заявления, что в России не опасаются конфликта с Габсбургами, все же отнюдь не намеревались доводить дело до войны и рассчитывали, что из-за польских дел венский двор не станет втягиваться в рискованную конфронтацию с Екатериной II. Однако вплоть до образования в Польше конфедераций диссидентов отношения между Веной и Петербургом постепенно осложнялись.

В конце января австрийский посол в России И. М. Лобкович сообщал В. А. Кауницу, что Смоленской и Лифляндской дивизиям приказано выступить против Польши, что они уже выдвинуты к границе и ждут соответствующего приказа. Он писал, что целью похода будет поддержка требований России по диссидентскому делу. Обеспокоенность в Вене должны были вызвать его донесения об усилении прусского влияния в Петербурге²¹³.

Чтобы успокоить европейские дворы, подозревавшие Россию и Пруссию в намерении захватить польские земли, из Петербурга в конце января 1767 г. российским послам был отправлен циркулярный рескрипт с приложением «двух пиес» (декларации Екатерины II по делу диссидентов и французского письма Н. И. Панина), предназначенных для опубликования в Польше во время вступления туда русских войск и образования Торуньской и Слуцкой конфедераций. В первую очередь этот демарш был адресован Австрии и Турции и должен был продемонстрировать желание России смягчить напряженность вокруг Польши.

К рескрипту, отправленному в Вену к Д. М. Голицыну, был добавлен постскриптум, в котором Н. И. Панин поручал послу выяснить, «при каких политических мерах сей двор ныне останется и впредь оставаться может, в случае когда сведает приемлемое ныне намерение к составлению диссидентской конфедерации, а потому натурально последующего вступления некоторого числа войск наших в Польшу с требованием от короля и республики собрания чрезвычайного сейма для примирения <...> и для прочного утверждения фундаментальной конституции правления ее. <...> Сей план наших намерений, — указывал Панин, — единственно для сообщения Вашего сведения, о чем до времени прошу ни перед кем не отзываться»²¹⁴.

25/14 февраля 1767 г. российский посол в Австрии Д. М. Голицын доносил Н. И. Панину о вручении В. А. Кауницу «одной из присланных пиеес». Из донесения посла о беседе с В. А. Кауницем ясно, что этой «пиесой» была декларация о диссидентах. Приняв ее «со спокойным духом» и выслушав рассуждения Голицына, австрийский канцлер ответил, что доложит обо всем Иосифу II и Марии Терезии, и добавил, «что он желает, дабы дело польских диссидентов не причинило нарушения покоя и тишины, и что, впрочем, надеется, что российский императорский двор пребывает в миролюбивых мнениях». Передавая слова Кауница, Голицын заметил, что в них не прозвучало ничего примечательного, и констатировал, что позиция Вены по польским делам пока остается неясной, однако, исходя из интересов австрийского двора, «не чаятельно, чтобы он спокойно мог смотреть на оные», чем и объясняются предпринятые им военные приготовления. Однако, как писал Голицын Панину, военные меры Вены продиктованы «собственной осторожностью и безопасностью» и проводятся «без дальней поспешности». В связи с чем посол сообщал о планах сосредоточения расквартированной в Венгрии кавалерии в двух лагерях вблизи Пешта и Пресбурга²¹⁵.

В феврале—марте 1767 г. от Лобковича из Петербурга к австрийскому двору продолжали приходить тревожные вести о планах вторжения русских войск в Польшу, что командовать ими будут А. М. Голицын или П. И. Олиц, что диссидентов в Речи Посполитой поддержит 30-тысячный русский корпус. Сообщал австрийский посол и о совещаниях Н. И. Панина с датским и прусским министрами²¹⁶.

25 марта он доносил Кауницу, «что здешний двор, наряду с 40-тысячным войском, приготовленным для вступления в Польшу, придвинул к границе еще один корпус такой же численности. Подобная концентрация военных сил, — писал Лобкович, — не может не привести к заключению, что это направлено в целом на поддержку диссидентов. Военные приготовления, предпринятые прусским королем, — продолжал посол, — о которых Вам (Кауницу. — *Б. Н.*) достовернее известно из других источников, находят подтверждение в словах гр. Сольмса, говорившего своим приятелям, что король сам поведет войска в Польшу, которые соединятся там с 30-тью тыс. русских»²¹⁷. Лобкович говорил об этом с вице-канцлером А. М. Голицыным, который убеждал посла, что в Вене «не вполне правильно представляют себе конечную цель этих приготовлений, что прусский король преисполнен миролюбивыми намерениями» по отношению к Австрии. Лобкович возразил Голицыну, что военные меры не свидетельствуют об этом. Вице-канцлер ответил послу, «что таково мнение и Панина и что со временем будут даны все разъяснения», о чем Лобкович обещал сразу же донести в Вену²¹⁸.

Тон донесений австрийского посла смягчился только в начале апреля, когда он сообщил о своей беседе с Н. И. Паниным. В депеше от 1 апреля Лобкович писал, что шеф русской внешней политики передал ему две напечатанные «пиесы», которые, по его словам, Д. М. Голицын должен также представить венскому двору. Панин заявил, что предпринимаемые военные приготовления не имеют иных целей, помимо поддержки диссидентов в Польше и «восстановления прежней польской конституции на предстоящем сейме». В ответ Лобкович заявил, что его двор «желает не в меньшей степени сохранения мира» и что в Австрии «с удовлетворением восприняли бы, если и другие державы своим миролюбием продемонстрируют согласие в этом».

Посол передавал слова Панина, «что в деле сохранения мира оба двора (венский и петербургский. — *Б. Н.*) занимают общую позицию и что также на это смотрит и прусский король». Панин указал далее, что Фридрих II обеспокоен известиями о

намерении Вены поддержать католическую партию в Польше и что его военные меры вызваны только желанием воспрепятствовать планам изменения польской конституции²¹⁹. 8 апреля Лобкович подтвердил, что Россия желает сохранить с Австрией дружественные отношения²²⁰.

Об ослаблении русско-австрийской напряженности свидетельствовали и донесения, приходившие в Петербург из Вены. Так, 22/11 апреля Д. М. Голицын сообщал, что австрийские военные приготовления проводятся медленно, а многие из запланированных мер в этой области уже отменены, «что в нынешнем году оные к концу приведены быть не могут». Посол доносил также, что никаких решительных действий по польским делам Австрия не предпримет, если только к этому ее не вынудят соответствующие шаги Пруссии²²¹.

В следующей депеше, неделю спустя Голицын сообщил о своей конференции с В. Кауницем, состоявшейся 25/14 апреля²²², на которой он передал канцлеру обе полученные из Петербурга «писы», сопроводив это словами о миролюбии российской императрицы и о ее стремлении «к сохранению дружбы и согласия с Австрией». Далее посол передавал слова Кауница, который заявил, «что и с здешней стороны не меньшее желание к тому же самому простирается» и что заинтересованность Вены в польских делах продиктована только «сопряжением, от которого зависит равновесие Европы. Причем дал он выразить по образу рассуждения своего, — продолжал Голицын (фраза эта в тексте депешы была выделена рукой Панина), — что для толь знатной и великой империи, какова Российская, конечно весьма ласкательно и приятно видеть согласное с желанием ее течение дел в соседственной державе и оной давать законы»²²³.

Здесь же, на полях, Панин написал резолюцию: «Фраза, в которой заключается намерение показаться в настоящем удостоверенным, а для переду на будущие происшествия несколько вложить в нас сумнения, чая, что тем мы свои дальнейшие подвиги больше будем размеривать и сокращать»²²⁴.

Выделенное Паниным рассуждение Кауница действительно было в высшей степени двусмысленным. В нем вроде бы содержалось признание «права» России диктовать законы соседней стране. Однако оно звучало с долей иронии, призванной акцентировать иллюзорность убежденности в этом петербургского двора. Не сказал Кауниц ни слова и о российской гарантии польской конституции, хотя именно этому была посвящена вторая из переданных ему российских деклараций. Однако по содержанию резолюция Панина относилась не к этой фразе канцлера, а скорее была посвящена в целом характеристике австрийской политики в польских делах. Шеф русской внешней политики подчеркивал, что вынужденное признание Веной российской гегемонии в Речи Посполитой не является, во-первых, безусловным и, во-вторых, действительно только для нынешней и отнюдь не долговременной ситуации. В будущем же России придется считаться с австрийским влиянием на польские дела, а «дальнейшие подвиги» Екатерины II в Речи Посполитой будут возможны только с согласия Вены и с учетом австрийских интересов.

Передавая далее слова Кауница, Д. М. Голицын писал, что уверения в миролюбивых намерениях России были даны и от прусского двора. При этом, по словам посла, канцлер не выразил неудовольствия поведением Берлина. Русский посол вновь подтверждал, что венский двор без крайней нужды не будет вмешиваться в польские дела, и сообщал, что распространившиеся в австрийской столице слухи о на-

мерениях России «захватить некоторые польские области постепенно утихают»²²⁵. В следующей депеше от 23/12 мая Д. М. Голицын сообщил, что В. А. Кауниц передал ему положительный ответ Марии Терезии на российские декларации, письмо австрийской императрицы и «изъяснения по польским делам». Ссылаясь «на надежных людей, посол уверил также, что Австрия не будет вмешиваться в дела Польши»²²⁶.

В мае 1767 г. Фридрих II также получил донесения из Вены, которые могли в известной мере успокоить прусского короля относительно позиции Австрии в связи с образованием диссидентских конфедераций в Речи Посполитой. Отвечая на депешу Я. Ф. Рода от 20 мая, он написал: «Только для Вашего сведения могу сказать относительно Вашего сообщения, что нет никаких признаков, свидетельствующих, что двор, где вы пребываете, имеет какие-либо виды в делах Польши и уделяет им серьезное внимание. Это справедливо, — продолжал Фридрих, — если только иметь в виду текущий год, но обстоятельства могут осложниться в дальнейшем в том случае, на что следует направить удвоенное внимание, если австрийцы приведут в движение Оттоманскую Порту»²²⁷.

23 мая Род доносил в Берлин о своей беседе с Марией Терезией. Императрица-королева сказала послу, что ее миролюбивая «система в настоящее время распространяется и на дела Польши, в которых она не принимала участия прежде и не намерена делать этого в будущем. Хотя я настойчиво просила, — передавал прусский посол слова своей августейшей собеседницы, — об ответе на письма епископа краковского (1766 г. — *Б. Н.*), однако дворы Франции и Испании не сделали этого, поэтому и от нас не последовало ответа. Да и король Польши не обращался ко мне. Я не имею, впрочем, никакого прямого участия в этих делах, с тех пор как восстановили *liberum veto* в Польше, в сохранении которого я заинтересована так же, как и другие соседи. Я не вмешиваю сюда диссидентов, требования которых будут, вероятно, удовлетворены на ближайшем сейме, — полагаю, а августе этого года»²²⁸.

В ответ Фридрих II писал Роду 31 мая, что рассматривает «эти известия как хорошее предзнаменование и надежное свидетельство намерения действительно не вмешиваться в дела Польши, но желал бы устранить свою обеспокоенность и на будущее. Я подтверждаю и буду доволен, — продолжал король, — если Вы при случае скажете об этом императрице, что я предоставлю со своей стороны все гарантии относительно подлинных намерений и своей роли в деле польских диссидентов, что мне и во сне не могло привидеться какое-либо, даже самое малое, участие в разделе страны» (Польши)²²⁹.

Таким образом, согласно дипломатической корреспонденции Петербурга и Берлина с Веной, позиция Австрии по отношению к ситуации в Речи Посполитой и вокруг шляхетской республики зависела от поддержания равновесия интересов великих держав. Опасность нарушения сложившегося баланса Мария Терезия и Кауниц усматривали в возможных планах России и Пруссии по разделу Польши. Слухи об этом начали распространяться в Вене еще накануне сейма 1766 г. и были связаны с политикой России в диссидентском вопросе. Поскольку весной 1767 г. при венском дворе пришли к заключению, что в нынешней ситуации эта угроза едва ли осуществима, то Австрия продолжала следовать политике невмешательства. Однако в Петербурге, Берлине и Вене осознавали непрочность установившегося равновесия, отсюда — общее мнение, что предвидеть развитие событий можно только на нынешний год.

Вторым важным аспектом позиции венского двора было настойчивое желание сохранить коллективный протекторат великих держав над Речью Посполитой, что нашло отражение в заявлении Марии Терезии о принципиальном значении сохранения в Польше нынешней конституции и ее фундаментального принципа — *liberum veto*, а также в позиции Кауница, что изменения в статусе Речи Посполитой могут быть осуществлены только при участии и с согласия Австрии. Венский двор также дал понять, что, при соблюдении этих принципов, он не станет поддерживать ни польскую оппозицию, ни Станислава Августа.

Наконец, весьма существенным фактором в отношениях Австрии, Пруссии и России в связи с событиями в Польше оставалась позиция Османской империи, о чем, в частности, не устал напоминать Фридрих II. Впрочем, это прекрасно создавали и в других европейских столицах. Однако, несмотря на интриги в Константинополе польских магнатов, послов великих держав и воинственные настроения крымского хана, Порты оставалась спокойной и предпочла не вмешиваться в события в Речи Посполитой²³⁰. На Боспоре, как и в других европейских столицах, предпочли сохранить хрупкий мир, не решаясь вступить один на один в борьбу с опасным противником.

Тем не менее, хотя пусть и кратковременная, но некоторая определенность в политике великих держав по отношению к Речи Посполитой в первой половине 1767 г. была установлена, соперничество между ними и связанные с этим интриги не прекращались. Такая ситуация не могла не породить достаточно беспочвенных надежд и в среде польских политиков воспользоваться в своих интересах противоречиями между соседями. Так, еще в феврале 1767 г. Г. Бенуа предостерегал Н. В. Репнина, «не станет ли фанатизм большинства нации причиной внутренних трудностей, которые нельзя будет преодолеть, и что ими могут воспользоваться Вена и сторонники Австрии в Польше, например (Анджей) Понятовский»²³¹. В мае прусский посол вновь обратился к этой теме, сообщив Фридриху II, что Станислав Август через своего брата пытается найти поддержку в Австрии²³². Это свидетельство перекликалось с донесением Репнина от 13/2 мая, в котором посол сообщал, что отправившийся за границу Казимир Ржевуский — брат Ф. Ржевуского — «с дороги нечаянно в Вену своротил, понеже брата своего там встретить желает». Посол «для предосторожности» пытался разведать о подлинных целях поездки Ржевуского и сообщил «стороною» о своей обеспокоенности королю, «что сия нечаянная поездка в Вену может сумнение нанести». Станислав Август написал по этому поводу записку «одному из приятелей» посла, «с тем считаю, — писал Репнин, — чтоб сей билет мне в доказательство служил его безвинности». Записка короля оказалась у посла. В связи с этим он писал Панину, что «подлинно уверен в своевольности поездки» Ржевуского в Вену, что «доказывает только его вертопрашество»²³³. Наряду с известиями об интригах противников России в Вене, приходили от Репнина из Варшавы и донесения о провокационных действиях французских представителей в Константинополе²³⁴.

Однако уже в июле стало окончательно ясно, что русская политика в Польше не встретит в ближайшее время сопротивления соседей Речи Посполитой, а полякам не придется рассчитывать на помощь извне. 13/2 июля Д. М. Голицын доносил Панину о высказывании Марии Терезии «в покоях своих, что по настоящим польским делам нет никакой опасности, которая б касалась до здешнего двора и

что ее в-ство не имеет намерения в оные мешаться». Венский двор, продолжал Голицын, «в диссидентском деле явного участия не принимает, но оставляет оное, яко домашнее, польской республики сеймовому рассмотрению и решению». Посол указывал, что «при начале оного дела, хотя со стороны польского двора, без сомнения, и были к здешнему представлению и домогательства о принятии явного против нас участия в том же деле, однако же со здешней стороны, по-видимому, оставлены оные без всякого уважения». Доказательством этого, по словам русского посла, служит и то, «что находящийся в здешней службе князь Понятовский при отъезде отсюда к полку своему <...> отзывался, что он ничего не хочет ведать о польских делах, упомянув при том, что здешний двор не приемлет оные во уважение». Еще одним доказательством служило поведение Л. Канала, «который во всех случаях адвокатом польского двора бывает, то и он уже перестал ныне о польских делах заботиться, не имея приметных со здешним двором переговоров, а напротив того иногда отзывается, что диссиденты во многих пунктах справедливого требуют направления и что король польский со своей стороны не имеет причины отказать им в таковых их требованиях»²³⁵. Переданные Голицыным высказывания Л. Канала — агента Станислава Августа при венском дворе — свидетельствовали не только о позиции Австрии, но и о тактике польского короля, который был вынужден подчиниться диктату России.

Таким образом, путь к установлению российской гарантии польской конституции и к уравниванию в правах диссидентов с католиками в Речи Посполитой был расчищен. Предстояло проведение сеймиков и выборы послов на чрезвычайный сейм. Универсалы о созыве сейма были разосланы 3–11 июля, а сеймики назначены на 24 августа. Сейм должен был открываться 5 октября 1767 г.²³⁶

Примечания

1. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 250.
2. Там же. С. 250–252.
3. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 35–38.
4. *Projet de lettre aux princes Czartoryski* [20 декабря 1766 г.] // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 228–237.
5. Там же. С. 230.
6. Там же. С. 230–231.
7. Там же. С. 232.
8. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 903. Л. 8–8 об.
9. Там же. Д. 905. Л. 42–42 об.
10. См., напр., корреспонденцию Фридриха II с прусским послом в Вене Я. Ф. Родом от 11, 17 и 25 января 1767 г., а также приложенный к королевской депеше рапорт Е. В. Шлабрендорфа о положении на австро-прусской границе в Силезии // *[Friedrich II] PC. Bd. 26. S. 9, 20–23.*
11. *Ibid.* S. 5, 8, 11–12, 22.
12. *Ibid.* S. 6, 8, 12, 21–22, 42.
13. *Ibid.* S. 12, 22, 55–56.
14. *Ibid.* S. 6.

15. Ibid. S. 23–27; Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 15–21.
16. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 22–23.
17. Там же. С. 23.
18. [*Friedrich II*] PC. Bd. 26. S. 8–10.
19. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 288–290.
20. Там же.
21. Там же. С. 276–284.
22. Там же. С. 288–290.
23. GStA. HA 1. Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 10–11.
24. Ibid. S. 13–14.
25. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 23–24.
26. Там же. С. 25–26; [*Friedrich II*] PC. Bd. 26. S. 37–39.
27. Ibid. S. 48.
28. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 28–29.
29. Там же. С. 35–37.
30. Там же. С. 31.
31. Там же. С. 31–32.
32. Деша В. Ф. Сольмса Фридриху II от 12/1 февраля 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 48–56.
33. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 59.
34. Au Ministre d'état comte de Finckenstein à Berlin — [*Friedrich II*] PC. Bd. 26. S. 32; Projet d'une convention secrète... // Ibid. S. 33–35.
35. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 748. Л. 1–7.
36. Фридрих II — В. Ф. Сольмсу от 19.02.1767 и от 22.02.1767 // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 58–63.
37. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 60–61.
38. Там же. С. 65–67.
39. Проект Секретной конвенции с замечаниями Н. И. Панина — АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 748. Л. 15–19.
40. Там же.
41. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 68–72.
42. Там же. С. 72–73.
43. Там же. С. 73.
44. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 6. Трактаты с Германией 1762–1808. СПб., 1883. С. 37–48.
45. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 748. Л. 32–32 об.
46. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 64.
47. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 303–308.
48. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 904. Л. 1–3.
49. Exposition des droits des dissidents joints à ceux des Puissances intéressés à les maintenir. A St.-Petersbourg, le decembre 1766.
50. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 305.
51. Там же. С. 301–303.

52. Там же. С. 330–335.
53. Там же. С. 333–334.
54. Там же. С. 334–335.
55. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 17–29, 34.
56. Там же. Л. 50–51.
57. Там же. Л. 11–13 об.
58. Там же. Л. 43–43 об.
59. Там же. Л. 122–125 об.
60. AGAD. Arch. Radz. Dz. IV. Т. 20. К. 256. S. 400.
61. Ibid. К. 257. S. 406.
62. Ibid. S. 410 (I, II).
63. GStA. HA I. Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 10–11.
64. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 14. Т. 27. С. 129–130.
65. Rudnicki K. Biskup Kajetan Sołtyk. Kraków; Warszawa, 1906. S. 146–147.
66. Ibid. S. 150.
67. B. Cz. Dz. r. III. 3862. S. 83–85.
68. Rudnicki K. Op. Cit. S. 150–151.
69. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 122–125 об.; Д. 906. Л. 1–9.
70. Rudnicki K. Op. Cit. S. 152–153.
71. Ibid. S. 153–154.
72. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 122–125 об.
73. Там же. Д. 905. Л. 52–53 об.; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 178.
74. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 11–13 об.
75. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–179. S. 9–9 об.
76. Ibid. S. 20–20 об.
77. Ibid. S. 25–26.
78. Ibid. S. 28–29.
79. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1018. Л. 1–2; 3–12 об.; 13–13 об.; 14–16 об.
80. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 11–13 об.
81. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–182. S. 1.
82. Ibid. S. 3–8.
83. Ibid. S. 2.
84. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 16. Д. 1018. Л. 13–13 об.
85. См. депешу В. Ф. Сольмса от 12/1 февраля 1767 г. // Сб. РИО. 1883. Т. 37. С. 54–56.
86. См.: Масловский Д. Ф. Русская армия Екатерины Великой // Военный сборник. 1892. № 5. С. 32–34.
87. Расписание в назначенных в Польшу корпусах: генералитет и полки. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1018. Л. 14–16 об.
88. Там же. С. 18.
89. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 905. Л. 130–132 об.
90. Там же. Д. 906. Л. 1–9.
91. Сб РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 347.

92. Exposition des droits des dissidents joints à ceux des Puissances intéressés à les maintenir. A St.-Petersbourg, le decembre 1766 // Сб РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 330–335, 346.
93. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 347.
94. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1063. Л. 1.
95. Там же. Д. 759. Л. 97–98 об.
96. *Konopczyński W.* Dzieje Polski Nowożytniej. Warszawa, 1986. Т. 2. S. 185.
97. Письмо Торуньской конфедерации Фридриху II от 1 апреля 1767 г. — GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). 9 n 56. S. 9.
98. Ibid. 9 n 57. S. 10–15.
99. Ibid. № 27–179. S. 49.
100. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 906. Л. 1–9.
101. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 177.
102. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 906. Л. 75–78 об.
103. Там же. Л. 90–92 об.
104. Роспись войск, находящихся в Польше и Литве. Приложение к депеше Н. В. Репнина от 15/4 апреля 1767 г. — Там же. Л. 83–84 об.
105. Копия с инструкции детаментов. Приложение к депеше Н. В. Репнина от 15/4 апреля 1767 г. — Там же. Л. 85–86 об.
106. Там же. Л. 78 об.
107. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 180.
108. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 799. Л. 16.
109. Там же. Л. 17–18.
110. Там же. Л. 17 об.
111. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 180. Подробнее о переговорах Н. В. Репнина со Станиславом Августом и Чарторыскими см.: Там же. С. 179–180.
112. Там же. С. 180–181.
113. Н. В. Репнин — Н. И. Панину. PS к депеше от 13/2 мая 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 55–57 об.
114. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 364.
115. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 1–3.
116. Там же. Л. 44.
117. Там же. Л. 78–78 об.; 146–146 об.
118. Там же. Л. 4–11 об.; Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 365.
119. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 45–47.
120. Там же.
121. См. *Łukowski G. T.* The Szlachta and the Confederacy of Radom 1764–1767/68. A Study of the Polish Nobility. Roma, 1977.
122. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 45–47.
123. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 182.
124. Список «актеров» литовской конфедерации. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 44.
125. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 906. Л. 81.
126. Там же. Л. 82–82 об.
127. Акт Генеральной конфедерации в Литве. — Там же. Д. 907. Л. 4–11 об. (польский текст). Л. 12–17 (французский текст).

128. Там же. Л. 1—1 об.
129. Резолюция Н. И. Панина на депеше Н. В. Репнина от 13/2 мая 1767 г. — Там же. Л. 1 об.
130. См. Приложения к депеше Н. В. Репнина от 13/2 мая 1767 г. Там же. Л. 4—45 об.
131. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 78—78 об.
132. Там же. Л. 109—110 об.
133. Там же. Л. 111, 146—146 об. Полный список местных конфедераций в 1767 г. и их маршалов см.: *Łukowski G. T.* Op. cit. P. 262.
134. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 183—184.
135. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 1—3.
136. Там же. Л. 143—144.
137. Письма полковника В. Кара — Н. В. Репнину из Радома от 22/11 и 23/12 июня 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 11—14 об.
138. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 185—186.
139. Акт Генеральной конфедерации (Радомской). 23 июня 1767 г. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 665. Л. 289—293. Опубликован в кн.: *Łukowski G. T.* Op. cit. P. 257—260.
140. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 29—33.
141. Там же. Л. 10—11 об.
142. *Konopczyński W.* Op. cit. T. 2. S. 185.
143. *Łukowski G. T.* Op. cit.
144. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 49.
145. Там же. Л. 95—96 об.
146. *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Niustającej. Kraków, 1917.
147. *Rostworowski E.* Podoski Gabriel // PSB. 1982. T. 27 (1). S. 149.
148. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 178.
149. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 29—33.
150. Там же. Д. 907. Л. 119—121 об.
151. Там же. Д. 908. Л. 77—78 об.
152. Там же. Л. 107—107 об., 119.
153. Там же. Л. 29—33.
154. Там же. Л. 37—38 об.
155. Там же. Д. 907. Л. 63—64 об.
156. Там же. Д. 908. Л. 110.
157. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 182.
158. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 20—21.
159. Там же. Л. 10—10 об.
160. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 113—116.
161. Там же. Л. 117—122.
162. Там же. С. 123—124.
163. «Ноты» от 16/5 и 30/19 июля 1767 г. — Там же. Л. 125—126; 127—129 об.
164. Отрывок из письма Торуньской конфедерации Фридриху II, конец марта — начало апреля 1767 г. — GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 9 n 56. S. 10—11.
165. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 91—93 об.
166. Там же. Л. 91 об.

167. Там же. Л. 91–92 об.
168. Там же. Л. 92 об.–93.
169. Там же. Л. 92.
170. Там же. Л. 96–96 об.
171. Там же.
172. Там же. Л. 107–107 об.
173. Там же. Д. 903. Л. 31–31 об.
174. Там же. Д. 910. Л. 601–161.
175. РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 16–21 об.
176. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 119–121.
177. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 184–185, 187–188.
178. Там же. С. 184.
179. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 4–8 об.
180. Там же.
181. Там же. Л. 24–24 об.
182. Там же. Л. 4–8 об.
183. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 382.
184. Там же С. 383.
185. Там же. С. 384.
186. Там же. С. 394–397.
187. Там же. С. 395.
188. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 82–83.
189. Там же. Л. 97–98 об.
190. *Rudnicki K.* Op. cit. S. 153–154.
191. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 84–88 об.
192. Там же. Д. 906. Л. 75–78 об.
193. ASV (Polonia). № 280. Р. 78–80.
194. Ibid. Р. 81–81 rev.
195. Ibid. Р. 166–170.
196. Ibid. Р. 171–171 rev.
197. Ibid. Р. 172–173.
198. Ibid. Р. 176–176 rev.
199. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 903. Л. 24–24 об.
200. Письмо К. С. Радзивилла Екатерине II — Там же. Л. 25–26.
201. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 107 об.
202. Акт соединения Генеральной коронной с Генеральной конфедерацией Великого княжества Литовского — Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 665. Л. 225–238 об.
203. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 388–392.
204. Там же. С. 394–397.
205. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 10–13.
206. *Konopczyński W.* Dziej Polski nowożytnej... Т. 2. S. 185–186.
207. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 10–13.

208. Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 665. Л. 207–210.
209. Там же. Л. 216–224 об.
210. Там же. Л. 211–211 об.
211. Там же. Л. 211.
212. Там же. Л. 211 об.
213. Дешети И. М. Лобковича — В. А. Кауницу от 9, 23, 30 января 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 220–226.
214. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 289–290.
215. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 466. Л. 5–10 об.
216. Дешети И. М. Лобковича... от 26 февраля, 10, 19 марта 1767 // Сб. РИО. СПб., 1901. Т. 109. С. 227–228, 230.
217. То же от 25 марта 1767 г. — Там же. С. 231–232.
218. Там же.
219. Там же. С. 232–235.
220. Там же. С. 235–236.
221. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 466. Л. 17–19 об.
222. Там же. Л. 21–27 об.
223. Там же. Л. 24 об.
224. Резолюция Н. И. Панина на депеше Д. М. Голицына из Вены от 29/18 апреля 1767 г. // Там же.
225. Там же. Л. 24 об.—27 об.
226. Там же. Л. 28–31 об.
227. [Friedrich II] PC. Bd. 26. S. 168.
228. Ibid. S. 169.
229. Ibid. S. 169–170.
230. См. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 205–208; *Konopczyński W.* Polska a Turcja 1683–1792. Warszawa, 1936; Стоилова Т. Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. София, 1995. С. 221–227.
231. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen). № 27–179. S. 22–24.
232. Ibid. S. 72–73.
233. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 907. Л. 49 об.—50 об. Собственноручная записка Станислава Августа (без адреса и обращения) — Там же. Л. 51–51 об.
234. Н. В. Репнин — Н. И. Панину от 12/1 июля и 4 сентября / 24 августа 1767 г. — Там же. Д. 908. Л. 29–33; Д. 910. Л. 100–101 об.
235. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 466. Л. 32–35.
236. *Konopczyński W.* Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948. S. 167.

В официальных российских декларациях и в пропаганде петербургского двора предстоящий в Речи Посполитой чрезвычайный сейм 1767 г. вначале был назван «сеймом примирения», долженствующим якобы привести к консенсусу между магнатскими группировками и «партиями в Польше, между королевским двором и оппозицией, между католическим большинством шляхты и диссидентским дворянством. Главной же целью, которую в действительности преследовало правительство Екатерины II, было установление российской гарантии польской конституции. Впервые это намерение прозвучало еще в 1763—1764 гг., теперь же, накануне сейма, оно провозглашалось вполне открыто как главная задача русской политики. Таким образом, не оставалось сомнений, что названная цель имела стратегическое значение, а приближавшийся сейм должен был любой ценой привести к ее достижению.

I

Еще до получения в российской столице донесений Н. В. Репнина об образовании Радомской конфедерации послу из Москвы, где в это время находился императорский двор, был отправлен рескрипт № 3¹, подписанный Екатериной II 8 июля / 27 июня 1764 г., с инструкциями к предстоящему сейму. О нынешнем состоянии дел в Польше в нем говорилось, что «мы с надеждою уже и вероятностью можем ожидать счастливого в оных поворота». Отмечая «исправленное поведение» Станислава Августа, составлявший рескрипт Н. И. Панин сформулировал «прямые и последние» намерения Екатерины II. На первом месте было поставлено «доведение поляков до испрошения себе единожды навсегда от всего корпуса республики торжественнейшим образом нашего ручательства на целость и сохранение в вечные времена настоящей ее конституции и формы правительства». Вторым пунктом значилось «восстановление диссидентов как по духовным, так и гражданским правам до такого высокого степени свободы и равенства с католиками, до какого только в настоящем столь важном положении дел без явных неприятельских действий человечески достигнуть можно будет»². В рескрипте одобрялись все действия Репнина, а также поручалось послу окончательно склонить польского короля к сотрудничеству с Россией, дабы тот полностью порвал с «фамилией».

В приложенном к рескрипту накануне его аprobации императрицей письме Панин разъяснял Репнину³, что в отношении к Станиславу Августу следует при-

бегнуть к тактике кнута и пряника, поощряя его, но и давая понять, что «нейтрального или индифферентного поведения» недостаточно⁴. Спустя некоторое время шеф русской внешней политики даже советовал послу, «что и самого короля совсем еще выводить не надобно из страха потери трона»⁵.

Комментируя далее содержание рескрипта № 3, Панин особо остановился на значении гарантии польской конституции, подчеркнув, что в случае ее установления Репнин окажет императрице «и отечеству такую услугу, которая, пока Российской империи бытие остается, всегда важной пребудет»⁶. Объясняя суть требований в диссидентском вопросе, руководитель русской внешней политики отмечал, что круг их, разумеется, должен быть существенно расширен, по сравнению с программой, выдвинутой Петербургом накануне сейма 1766 г., что сопряжено с новыми обстоятельствами, особенно «с движением столь знатного корпуса войск». Пределы этих требований, по словам Панина, пока устанавливать не стоит, однако возможно пойти на некоторые уступки, например, «признание католической религии господствующей в республике и исключение диссидентов из министерства и гетманства, дозволяя им, однако, доступ в законодательную власть, то есть на сеймы и в сенат, с другими судебными местами»⁷. Панин также рекомендовал включить в Сенат Георгия Конисского и предоставить первые, ставшие вакантными, места сенаторов нескольким диссидентам. Правда, здесь же шеф Коллегии иностранных дел позволил себе критически высказаться по адресу могилевского епископа, заметив, что «недостаток персональных качеств нашего белорусского архиерея уже, чаятельно, довольно в том препятствовать будет» (т.е. мешать Репнину в разрешении дела диссидентов)⁸. Развивая тезис рескрипта о разрыве короля с «фамилией», Панин поручал Репнину исключить Чарторыских «от трактования с вами и от всякой инфлюенции в правительстве»⁹.

В добавленном к депеше от 7 июля / 26 июня постскрипту¹⁰ руководитель внешней политики России указал, что можно пойти навстречу пожеланиям саксонских принцев получить польскую пенсию, чего Дрезден добивался с 1764 г. Благосклонность к этим домогательствам саксонского дома в Петербурге проявили еще в 1766 г. Сейчас же Панин подчеркивал, «чтоб берлинский двор иного с нашей стороны тут не видал, как единое согласование желанием шефов такой партии (радомских конфедератов. — *Б. Н.*), которую мы восстанавливаем на утверждение прав и преимуществ республики». Репнину также поручалось окончательно урегулировать на будущем сейме вопрос о российско-польской границе с той принципиальной оговоркой, чтобы пограничная комиссия получила полномочия решить вопрос о делимитации границы и пограничных судах без участия последующих сеймов.

Дополнительные инструкции Н. В. Репнину были отправлены из Москвы 25/14 августа 1767 г. В них содержались ответы на депеши русского посла от 25/14 июля. В частности, Н. И. Панин остановился на представлениях, сделанных депутатами от диссидентов при русском дворе А. С. Гольцем и гомельским старостой Яном Красиньским. В ноте от 4 июля / 23 июня иноверцы предлагали установить религиозное равенство в соответствии с постановлением Варшавской конфедерации 1573 г. и отменить антидиссидентские решения 1716 г. и конституции сейма 1717 г., а также все направленные против некатоликов декреты трибуналов; диссиденты добивались установления для них фиксированной нормы представительства в Сенате, на сеймах и при предоставлении прочих должностей, а также права владения «су-

дебными старостами»¹¹. В ноте от 16/5 июля они ставили вопрос об охране церквей и других своих владений в Литве в связи с восстановлением в правах К. Радзивилла¹². В ноте от 20/9 августа депутаты поднимали вопрос о создании особой судебной комиссии сейма по религиозным делам, в которой диссиденты и католики имели бы равное представительство¹³. Во всех нотах настойчиво звучала тема охраны прав диссидентов и привилегий Королевской Пруссии в соответствии с Оливским трактатом¹⁴, а также статуса лютеранской церкви в Курляндии, включая сюда, что было весьма важно, и Пильтенский округ¹⁵, с давних времен бывший предметом конфликта между польской католической церковью и лютеранской церковью в Курляндии.

Все эти требования, за исключением представительства установленным числом в управлении и создания комиссии сейма по религиозным делам, не были новыми и ранее всегда с благосклонностью встречались при русском дворе. Сейчас же, препровождая в Варшаву ноты диссидентов, Н. И. Панин писал Репнину, что «всего, или желаемого, вдруг сделать не можно»¹⁶. Тем не менее послу поручалось руководствоваться пожеланиями иноверцев вплоть до требования образования комиссии «для суда и расправы между исповедниками разных религий в делах до веры касающихся»¹⁷.

Вопрос о Королевской Пруссии в инструкциях Репнину был затронут в связи с прошением прусских городов, переданном секретарем гданьского магистрата Вейкманом, представлявшим Гданьск в России.

Панин рекомендовал удовлетворить просьбы городов в той части, которая, по мнению посла, справедлива, однако не отступая от правила, «чтобы не исключать их (города. — *Б. Н.*) от зависимости всей республики польской, от которой они напротив того уклоняются, признавая над собой единственно власть королевскую, что с интересами России отнюдь сходствовать не может»¹⁸. Таким образом, шеф русской внешней политики вновь подтвердил позицию Петербурга, согласно которой Королевская Пруссия являлась неотъемлемой составной частью и суверенной территорией Речи Посполитой. О том, что такой подход вступал в противоречие не только с феодальными привилегиями провинции, но и с позицией Фридриха II, в очередной раз свидетельствовала отправленная в тот же день депеша Панина российскому резиденту в Гданьске И. М. Ребиндеру¹⁹ с предписанием, чтобы в соответствии с письмом Н. В. Репнина и заявлением Г. Бенуа гданьский магистрат не препятствовал проводимым в городе вербовкам в прусскую армию, поскольку в Петербурге были согласны с позицией Берлина, что это право принадлежит Пруссии по Велавскому трактату. При этом, признавая обоснованными правовые доводы магистрата, Панин все же заявил, что, поскольку город мирился с такими наборами в прошлом, у него нет оснований возражать против них и сейчас, что тем более «не стоит огорчать Фридриха II в то время, как он совместно с Россией участвует в деле диссидентов»²⁰.

Однако в августовских предписаниях Репнину по делу диссидентов центральное место принадлежало «главному правилу», которое, по словам Панина, «как сначала было, так теперь есть, да и впредь должно быть неперменным руководством всех наших намерений и подвигов»²¹. Рассуждения шефа русской внешней политики относительно диссидентов из этой депеши полностью приведено у С. М. Соловьева²². Правда, историк не дал к ним никаких пояснений, вероятно, полагая, что содержание депеш говорит само за себя.

Панин прямо заявил Репнину, что защита как диссидентов, так и православных не составляет существа русской политики. Более того, «распространение в Польше

нашей и протестантских вер» для Петербурга, по его словам, — нежелательно, поскольку, с одной стороны, усиление позиций протестантов могло бы способствовать централизации Речи Посполитой, проведению соответствующих реформ и сделать Польшу в будущем «главной соперницей России», так как, не без доли цинизма рассуждал Панин, «между политическими обществами ни злоба за претерпленный вред, ни благодарность за одолжение места иметь не могут»²³. Таким образом, в словах руководителя русской внешней политики вновь нашла отражение принципиальная несовместимость вынашиваемых Станиславом Августом планов преобразования польского государственного устройства с интересами Российской империи и полное совпадение взглядов Петербурга и Берлина в этом вопросе, а также тщательно скрываемая связь между диссидентской политикой Екатерины II и обструкционистской тактикой русского правительства по отношению к реформаторским замыслам польского двора.

С другой стороны, усиление позиций и влияния в Польше православных, с точки зрения русского двора, было также неприемлемо из-за опасности, что это может усугубить побег крепостных крестьян из России и создать другие трудности в российских пограничных губерниях или, как писал Панин, «провинциях <...> правами и обычаями с Польшею согласующихся»²⁴. Чтобы лучше представить значение последних слов руководителя русской внешней политики, укажем только на проводимую в эти годы административную реформу на Украине, ликвидацию гетманства, сословных привилегий значительной части старшины и казачества, а также на предстоявшее через 15 лет введение подушной подати в Малороссии и установление там крепостного права в 1783 г.

Говоря же о подлинных планах русского правительства в диссидентском вопросе, шеф Коллегии иностранных дел указывал, что восстановленные в сословных и политических правах диссиденты и их представители, допущенные к участию в государственном управлении, должны составить в Речи Посполитой особую группировку («партию»), которая, будучи слабейшей в сравнении с другими политическими объединениями и постоянно нуждаясь в поддержке России, станет послушным орудием Петербурга и, что самое главное, послужит дополнением к устанавливаемой российской гарантии государственного строя шляхетской республики, что и составляло главную заботу российского двора. Тогда же, 25/15 августа Н. И. Панин отправил особое письмо Репнину по вопросу о российской гарантии польской конституции, в котором, в частности, одобрил предложение посла придать ей форму межгосударственного договора (трактата) между Речью Посполитой и Россией²⁵.

Очевидно, что для разрешения этой задачи необходимо было заручиться поддержкой Станислава Августа, на которого, с одной стороны, оказывали давление угрозы применения силы и детронизации, на чем, как известно, настаивали радомские конфедераты, а с другой — стремились привлечь его некоторыми уступками, давая также понять, что не откажутся в известной мере пойти навстречу его пожеланиям в вопросе о реформах. В этом смысле весьма показательно письмо Екатерины II Станиславу Августу от 1 сентября / 21 августа 1767 г.²⁶, в котором императрица выражала удовлетворение в связи «со сближением своего мнения и намерений» с королевскими, заверяла своего венценосного брата, что дело диссидентов должно стать свидетельством ее способности «содействовать и общему благу республики и вашему личному благосостоянию, а в заключение угрожала применением «более сильных средств» в случае отклонения требований в деле диссидентов.

Еще более примечательным своей откровенностью в этом отношении было высказывание Н. И. Панина. «Весьма рад я тому, — писал он Репнину, — что сей государь (Станислав Август. — *Б. Н.*), познав свою проступку и удостоверясь, что он без дружбы и покровительства ее имп. в-чества ничего не может, начал ныне возвращаться к истинному политикой своей пути, который должен натурально вести его к согласованию и подкреплению наших дел, а особливо диссидентского, где некоторым образом собственно его интересована часть в рассуждении прежних его столь сильных и частых как собою, так и через гр. Ржевуского нам учиненных обещаний»²⁷. Обращает на себя внимание мысль Панина о собственной заинтересованности польского короля в сотрудничестве с Россией упоминанием об «обещаниях», сделанных через Ф. Ржевуского во время двух миссий последнего в Петербурге, где польский представитель вел переговоры о программе реформ в Речи Посполитой и о польско-русском союзе. Вспоминая об этом теперь, руководитель русской внешней политики, хотя и косвенно, но достаточно определенно намекал, что в случае действий польского короля в интересах России при дворе Екатерины II будут якобы не против вновь вернуться к вопросу о преобразованиях в Польше и о союзе двух стран.

Однако с польской точки зрения (как оно и было по существу) вопрос этот содержал двусторонние «обещания»: Россия соглашается на реформы и помогает в их проведении, а Польша — заключает с нею союз, обязавший бы Речь Посполитую совместно с Россией вести войну против Турции. Теперь же Панин, никак не упомянув о собственных обещаниях, заговорил только об «обещаниях» Станислава Августа. Тем не менее, в сравнении с туманными заверениями Екатерины II, намеки ее обергофмейстера выглядели гораздо более далекоидущими.

Правда, в дальнейших инструкциях Репнину, которые не были предназначены для показа польскому королю, тема «обещаний» более не затрагивалась. Панин только одобрял действия посла по сближению со Станиславом Августом и соглашался «на употребление <...> на сейме короля и его партии для совершения диссидентского дела в вышнем градусе возможности»²⁸. Так или иначе, но в сложившейся ситуации главными целями Петербурга были установление «гарантий» и уравнивание в правах диссидентов с католиками, чему и были посвящены направленные послу инструкции о переговорах со Станиславом Августом.

В связи с этим Панин специально остановился на предложениях польского короля по делу диссидентов. О предоставлении мест в Сенате, наряду с епископом белорусским, еще двум епископам-униатам шеф Коллегии иностранных дел писал, что «оно не может быть принято», поскольку наносит удар по престижу Екатерины II. В новом трактате, по его словам, следует вообще умолчать об униатах, так как они были орудием «утеснения православных»²⁹. Он соглашался с включением в договор о гарантии положения об избрании королей только из числа католиков и о признании католической религии господствующей, но предлагал добиваться за это уступок по другим вопросам. При этом Панин поручал послу особо указать шефам радомских конфедератов, что повсеместное подчеркивание ими господствующего статуса католицизма не одобряется русской императрицей и не соответствует польским законам, согласно которым католическая вера одно из равных вероисповеданий, из чего и исходит Екатерина II, выступая посредницей в деле диссидентов³⁰. «Об установлении новым законом наказания против отступников господствующей религии, — говорилось в инструкции, — не может дозволено быть», поскольку прежде

такой нормы не существовало, а униатам разрешено было переходить в православие, что такое право и должно быть восстановлено³¹. Одним из принципиально важных вопросов было установление фиксированного числа диссидентов в Сенате и на сейме. Такого решения добивались депутаты иноверцев при русском дворе, рассчитывая получить гарантированное представительство в органах верховной власти шляхетской республики. Аналогичного мнения придерживался и Станислав Август, надевшийся закрепить таким образом католическое большинство в Сенате и избежать лишних упреков в потворстве иноверцам, имея в виду прецедент, когда в XVI в. среди светских сенаторов преобладали не католики. По поводу соображений короля Панин писал, что установленное законом число диссидентов в Сенате и на сейме «может не только дозволено, но и нами самими желаемо быть», чтоб впредь католики (король и дворянство), первый по праву назначения, а второе по выбору большинства, впредь не могли устранить оттуда диссидентов³². На заключительный вопрос Станислава Августа о статусе четырех униатских епархий Панин ответил, что определять его в трактате также неудобно, поскольку униатов вообще не следует упоминать в договоре. Наконец, в донесениях Репнина содержался еще один вопрос, исходивший непосредственно от посла, хотя его инициатором, весьма вероятно, мог быть Станислав Август, — о процедуре посольских и трибунальских сеймиков: проводить ли выборы послов на сейм и депутатов трибуналов большинством голосов или по единогласию. Руководитель русской внешней политики предложил оставить его «на волю наших партизанов» (радомских конфедератов) при условии, что те докажут свою преданность в деле диссидентов³³.

Направляя инструкции Н. В. Репнину, Н. И. Панин не забыл и новых сторонников России. Он одобрил действия В. Кара при образовании Радомской конфедерации³⁴, выразил удовлетворение разрешением дела о новом примасе и согласился с предложением Репнина о предоставлении Е. Мнишеку должности каштеляна краковского (первого среди светских сенаторов), а М. Вельгурскому — коронного маршала. Руководитель русской внешней политики добавил, что, если Станислав Август согласится на это, хотя бы против своего желания, то можно будет допустить и «возвышение» его братьев³⁵. Своеобразной формой поощрения своих союзников, адресованной как Дрездену, так и сторонникам саксонского двора в Речи Посполитой стало одобрение Екатериной II продиктованного из Петербурга предложения польского короля установить пенсии саксонским принцам «от республики» — по 12 тыс. червонных³⁶.

Таким образом, радомянам были обещаны первые награды за содействие русской политике. Однако «в рассуждении шефов конфедерации» Репнину поручалось не дать им причин думать, «будто мы им, а не они нам <...> одолжение какое имеем»³⁷. Одобрение Паниным сотрудничества со Станиславом Августом сопровождалось предостережением, чтобы не допустить «в сем случае потерю в целости или разрушения на части новострояемой нашей независимой партии; ибо что единожды нам с королем случилось, то может еще и впредь повториться»³⁸. Это замечание руководителя русской внешней политики весьма красноречиво, ибо явно свидетельствовало, что в Петербурге вполне отдавали себе отчет в непрочности своих позиций в Польше. Из трех политических группировок — короля и его сторонников, «фамилии» и радомской оппозиции — ни одна не была связана с Россией долговременными интересами и не могла, следовательно, служить относительно

надежной опорой для русской политики. Единственным средством заставить их пойти навстречу русским требованиям оставалась открытая военная сила, на которую и делали главную ставку Екатерина II и Панин.

II

Когда в Петербурге еще только подготовили августовские инструкции Н. В. Репнину для отправки их в Варшаву, в Польше уже наступило время проведения сеймиков для избрания послов на предстоящий сейм. Будущие сеймики писал Репнин 3 августа / 23 июля 1767 г. «требуют неисчислимой корреспонденции со всеми акте-рами в провинциях, желая, сколь возможно, чтоб они более прямо от меня зависели, нежели от здешних шефов настоящей нашей партии». В приложении к депеше посол прислал в Петербург составленный им проект инструкции послам на сейм, «кои, я внушаю, чтоб на сеймиках земским послам даны были. А войскам здесь нашим предписал, чтоб они оные (инструкции сеймиков. — *Б. Н.*) подкрепляли». Русские войска же Репнин распределил так, «чтоб при каждом сеймике особая команда была»³⁹. Они, в частности, получили приказ посла, чтобы на сеймиках не читали ничьих циркулярных писем, кроме писем Станислава Августа и самого Репнина⁴⁰.

В первую очередь имелись в виду пастырские послания К. Солтыка. 15 секретарей краковского епископа переписывали их день и ночь. Характерная выдержка из послания приведена у С. М. Соловьева, в которой Солтык призывал «любезнейших сынов» к добрым делам во имя веры, дабы «Дух Святой был ниспослан на сейм для утверждения святой католической веры, для мужественного отпора претензиям диссидентов, для сохранения основных прав вольности». В послании епископа было и предписание, дабы ежедневно во все продолжения сейма во всех костелах проходило молебствие⁴¹. Нетрудно себе представить какое воздействие на шляхту могли бы иметь такие богослужения.

Как и предстоящий сейм, сеймики проводились при конфедерации, выступившей против короля и против реформ в Речи Посполитой. Созыв сеймиков, назначенных на 24 августа, был объявлен универсалом Станислава Августа, а также особым манифестом К. Радзивилла (как маршала Генеральной конфедерации) 3—11 августа 1767 г.⁴² Последнее должно было продемонстрировать, что, хотя согласно Акту, Радомская конфедерация и состояла «при короле», однако оппозиция не оставила планов детронизации Станислава Августа, что, впрочем, совпадало и с намерением русского посольства держать короля под угрозой «потеряния престола».

К сеймикам, как и задумывал Репнин, были прикомандированы отряды русских войск. «Атмосфера тех сеймиков, — отмечал В. Кригзайзен, — живо напоминала годы Северной войны, когда съезды шляхты проходили под сенью саксонских и шведских багинетов. Однако, — продолжал историк, — в начале XVIII в. такое положение было в паре воеводств или же в одной провинции. В 1767 г. диктат посла (Н. В. Репнина. — *Б. Н.*) охватил всю страну»⁴³.

Сообщая Панину о подготовке к сеймикам, Репнин писал 16/5 августа о «крайнем фанатизме» и недовольстве «мелкого дворянства» Актом Генеральной конфедерации в диссидентском вопросе, о ненадежности шефов радомских конфедератов, которые не могут или не хотят противодействовать настроениям шляхты, о том, что на сеймиках будут употреблены войска и деньги. Посол спрашивал разре-

шения применить силу вплоть «до ареста главных лиц», в частности К. Солтыка⁴⁴. Он также сообщал⁴⁵, что в дополнение к письму маршалам партикулярных конфедерации направил письмо участникам сеймиков⁴⁶, в котором от имени Екатерины II убеждал их принять инструкции послам на сейм, в соответствии с предложенным проектом. Главными положениями проекта были обращение к императрице с просьбой о гарантии польской конституции, о заключении соответствующего трактата с Россией и об уравнивании в правах диссидентского дворянства с католиками.

Давая поручения командующими корпусами, Репнин писал о действиях войск при сеймиках, приказывая командирам, чтобы в утвержденных там инструкциях послам на сейм были «в точности включены» важнейшие пункты 1) о восстановлении прав республики и покровительстве Екатерины II; 2) о российской гарантии польской конституции; 3) о восстановлении прав диссидентов. К этим пунктам посол добавил и четвертый — дабы маршалам сейма стал К. Радзивилл как глава Генеральной конфедерации. Посол отдавал себе отчет, что выполнить поставленную задачу (особенно в вопросе о диссидентах) будет нелегко, поэтому писал, что будет удовлетворен и первыми двумя пунктами, в крайнем случае, — первым пунктом⁴⁷.

Свои проекты инструкций направляли на сеймики и радомские конфедераты. Они не решились составить общий проект, как это было сделано Репниным, поскольку в этом случае открыто бы выступили против воли посла. Однако в адресованных ими проектах на отдельные сеймики присутствовали весьма характерные общие положения.

Один из таких весьма пространных проектов сохранился в бумагах Е. Мнишека⁴⁸. Открывался он требованием «ненарушимости католической веры». Вместе с тем диссиденты в нем вовсе не были упомянуты. Вопросу о российской гарантии были посвящены 2–4-й пункты, согласно которым предлагалось, дабы сейм отправил послов к Екатерине II и «просил ее о гарантии вольностей и прерогатив республики», а также уверял императрицу в дружбе Речи Посполитой. Положение о «гарантии» было, тем самым, сформулировано вполне определенно, однако не было прямо сказано о трактате, что вместе с гарантией и должно было, видимо, составить предмет переговоров нового посольства в Петербурге, а следовательно, ни гарантия, ни трактат не могли бы быть утверждены нынешним сеймом. В целом же ни по существу, ни по процедуре содержание инструкции не соответствовало требованиям Петербурга.

Далее в инструкции говорилось об избрании на сейме маршала «старой ласки», что препятствовало бы занятию этой должности К. Радзивиллом; выдвигалось традиционное положение о сокращении налогов и публичных расходов. Попали в инструкции и важные для радомских конфедератов требования о восстановлении власти и прав гетманов, о Сенатском совете, о выборности высших должностных лиц, о проведении при созыве сейма перед депутатскими сеймиками сеймиков реляционных. Содержались в проекте и многочисленные инструкции частного характера. В целом же проект явно не соответствовал замыслу и инструкциям Репнина, хотя прямо и не противоречил последним.

Готовясь к сеймикам, радомские конфедераты не только вели пропаганду среди шляхты и составляли инструкции послам. Они, также как и Репнин, собирались прибыть на сеймики с войсками. Так после образования Радомской конфедерации К. Радзивилл приказал командиру своей милиции Я. Фрычиньскому послать полковника Плинцера в Бялу, чтобы привести состоявших там на службе людей на

предстоящие сеймики. Аналогичные приказы были даны гарнизонам в Несвиже, Бельске и на Волыни, а также в других местах⁴⁹. Правда, присутствие на сеймиках магнатских отрядов было обычным делом и не противоречило правилам и обычаям их проведения, чего нельзя сказать об иностранных войсках. Хотя благодаря стараниям Репнина русские войска и были объявлены Радомской конфедерацией дружественными, их появление в месте проведения сеймиков могло повлечь за собой немало неприятностей.

«Итак, настал новый судный день — выборы (послов на сейм) — 24 августа». Этими словами В. Конопчинский открывал описание посольских сеймиков 1767 г., изображая «окруженный казаками костел, возле каждого маршала сеймика — московский комендант с готовым списком послов, жестокое насилие и жалобная мольба, глаза, широко распахнутые в болезненном предчувствии...»⁵⁰.

Картина, позаимствованная выдающимся польским историком из публицистики барских конфедератов, в действительности не была столь драматичной. Об этом свидетельствуют реляции с сеймиков, направленные шефам радомских конфедератов и частично приведенные М. Матушевичем — секретарем К. Радзивилла и конфедерации⁵¹. Применительно к сеймикам в Люблине, на Волыни и в Подолии она может быть дополнена также данными журнала П. Н. Кречетникова — командующего корпусом русских войск в Малой Польше⁵².

На некоторых съездах шляхты распоряжения Репнина не встретили заметного сопротивления. Так было, например, на сеймике Черниховского воеводства во Владимире-Волынском. Неизвестный автор реляции (Станислав Садовский?) сообщал, что накануне прибыл в город вместе с подचाши Злотницким и мечником Тыборовским, где их уже ждал полковник Ширков, показавший им инструкции Репнина, которые, по словам автора реляции, были им уже хорошо известны. Главным было не читать на сеймике писем К. Солтыка и Я. К. Браницога. В день сеймика эмиссары действовали по предписаниям каштеляна чернеховского Юзефа Людвика Подхороденьского «и заседали не долго...»⁵³. Сеймик прошел спокойно, однако послами были избраны противники России⁵⁴.

По приказу Кречетникова на Владимирском сеймике должны были «подкреплять» сторонников России п-к Ширков и м-р Хвасулов. Согласно рапорту Ширкова, на сеймике «послы по желанию выбраны и все четыре посольских пункты в своей силе и точности в инструкцию послам на сейм написаны», правда, отмечалось, что на сеймике было «шляхетства весьма мало»⁵⁵.

Гораздо более напряженная ситуация сложилась на сеймике в Хельме, куда Ширковым был послан некий майор (Хвасулов?). Здесь радомским конфедератам и командиру русского отряда пришлось вести с местной шляхтой довольно напряженные дебаты. В полученной Матушевичем реляции о хельмском сеймике говорилось, что писарь литовский Юзеф Сосновский, которого Репнин прочил в послы, встретил на сеймике неприязненный прием. Значительная часть шляхты «его не хотела», а предлагали избрать «кого иного», хотя бы старосту дрогобыского (Юзефа Ржевуского). Споры велись два дня, а некоторые участники сеймика по нескольку раз брали слово. Выступил и русский майор, напомнив шляхте об инструкциях Репнина. Наконец, Сосновский прибег, как сказано в реляции, к «наинадежнейшему способу», раздав деньги шляхте, и был благополучно избран послом на сейм⁵⁶, а инструкция, составленная Репниным, принята⁵⁷. Возражения на сеймике против кандидатуры ли-

товского писаря могли быть инспирированы и самими радомлянами, поскольку тот в списке Репнина значился как королевская креатура⁵⁸. Послом же был избран и Ю. Ржевуский⁵⁹.

В расположенном недалеко от Хельма Луцке дело дошло до прямых столкновений, когда на сеймике были обнажены сабли⁶⁰. Спровоцировали замешательство сторонники Потоцких, а поводом к нему стала попытка избрать послом на сейм подчащего кор. Феликса Чацкого. Будучи сторонником Солтыка подचाший считался одним из наиболее яростных противников диссидентского дела. На его крайний фанатизм указывал и В. Конопчинский. Чтобы не допустить избрания Чацкого послом, Репнин приказал Кречетникову направить в его деревни войска, а самого подчащего «не выпускать из дому»⁶¹. После ареста (22 августа) Чацкий написал письмо на сеймик с просьбой избрать его послом заочно, что, по словам Репнина, «противно всем законам»⁶².

В журнале Кречетникова о луцком сеймике говорилось, что там «великие ссоры происходили, и шляхетство трижды сабли вынимали и хотели маршалка и других наших приятелей рубить, но отвращены были через приведенных 100 человек гренадер к костелу, кои принуждены были для спасения и подкрепления наших приятелей два дня на месте стоять. А все сие происходило о выборе в послы Чацкого <...> и в польскую инструкцию внесен из данных от нашего посла пунктов один первый»⁶³.

Подобно сеймикам на Волини и в Польской Руси складывалась ситуация в Великой Польше. Характерным в этом смысле был сеймик в землях древнего княжества Серадзского, где в городе Шроде избирались 12 послов от Познаньского и Калишского воеводств. Здесь, по словам В. Кригзайзена, были нарушены все правила проведения сеймиков⁶⁴.

В реляции о происходившем⁶⁵, направленной шефам Радомской конфедерации, говорилось, что поздно вечером в воскресенье, 23 августа, в Шроду приехал каштелян гнезненский Юзеф Старженский и заявил открыто маршалу сеймика (и конфедерации) Михаилу Скуржевскому и присутствовавшим при этом многим шляхтичам, что обсуждать нечего, так как он уже имеет список из 12 послов и готовую инструкцию — «Прочитаю ее — и конец». Собравшиеся ответили: «Зачем тогда сеймик, когда мы не можем ни составить инструкции, ни выбрать послов». На это каштелян сказал: «Хотите — оставайтесь, хотите — уезжайте, а я сделаю свое дело, хотя бы [при этом] было пять человек».

В понедельник сеймик открылся в костеле, где был прочитан королевский универсал, а затем собрание продолжилось во владениях маршала. Там Францишек Кожуховский — консуляр конфедерации калишской — предложил заслушать универсал К. Радзивилла. На это Адам Понинский, Владислав Гуровский, Казимир Рачиньский — писарь червоногородский — и старосты Михал Радоньский и Людвик Станислав Домбский заявили, что проведение сеймика при двух универсалах не позволено по закону.

Примечательно, что среди протестовавших были как сотрудники Репнина, так и сторонники радомской оппозиции, рассчитывавшие, вероятно, что участники сеймика разъедутся, после чего им удастся провести выгодные для себя постановления. Однако протест против продолжения сеймика явно свидетельствовал, что собрание шляхты оказалось неподконтрольным ни радомянам, ни русскому послу.

Тем не менее сеймик продолжился, и было зачитано письмо от Н. В. Репнина. После чего маршал сеймика спросил, читать ли прочие письма? Речь шла о чтении

писем К. Солтыка и Я. К. Браницкого, что было запрещено русским послом. Последовали возгласы: «Просим! Просим!». Тогда маршал сказал, что в этом случае на сеймик придут русские войска во главе с П. Ф. Апраксиным. Угроза возымела действие, и сессия была закрыта.

Возобновившееся на следующей день собрание сеймика вновь началось с вопроса о чтении писем. Было решено просить графа Апраксина прибыть на сейм со всей своей командой. Тот появился во главе казаков и драгун, за которыми следовала пехота и артиллерия. В пятницу русские войска провели в городе показательные стрельбы. Однако и это не запугало шляхту, которая так и не избрала послов и не утвердила инструкции. Тогда маршал М. Скуржевский вместе со своими приятелями хотел покинуть сеймик, но ему преградили дорогу и не выпустили с кладбища, где возле костела проходило собрание. Освобожден маршал был только после вмешательства русских солдат. Итак, сообщал автор реляции, сеймик закончился без избрания послов и одобрения инструкции, что было сделано позже уже «в частном порядке»⁶⁶.

О результатах сеймиков Н. В. Репнин доносил Н. И. Панину 28/17 августа. О сеймике в Шроде он, в частности, писал, что там «под Познанем гр. Гуровского и гр. Понинского — кухмистра коронного — чуть не изрубили». В целом же, по его словам, «большая часть (сеймиков. — *Б. Н.*) идет хорошо, «но есть и дурные». О «знатном числе» сеймиков посол тогда еще не имел сведений.

Согласно депеше Репнина, с предложенной им инструкцией завершились сеймики в Варшаве и Закрочиме, где делом руководил К. Понятовский, в Сохачеве (Ф. К. Браницкий), в Добржине и Черске (Каспер Любомирский), а также в Вышеграде, Рожане, Чеханове и в Новогрудке⁶⁷. Примечательно, что успех Репнина в пяти из 13 названных им сеймиков был связан с людьми, близкими к Станиславу Августу и самому послу. В следующих депешах Репнин писал Панину, что воевода Равский К. Грановский обратился к сеймику с «фантастическим письмом» и поэтому сеймик в Раве завершился неудачно⁶⁸. Также обстояло дело и на бельском сеймике, «в коем, — как сообщал посол, — воевода киевский (Ф. С. Потоцкий) совершенно властвует, по сведениям Репнина, Антони Потоцкий — староста львовский — получил от воеводы киевского письмо с предложением действовать вопреки инструкциям русского посла. Репнин сообщал также, что составленные им инструкции послам на сейм утверждены на сеймике в Познаньском воеводстве и в Польской Руси на сеймике в Вишне, а также в Хельме. «А прочие в Малой Польше, — писал он, — т. е. Подольский, Киевский, Волынский, Галицкий, Брацловский и Бельский, хотя и не ото всех еще точные известия имею, уверен почти, что в противность моего желания обратятся»⁶⁹.

В ряде сеймиков, о которых получил известия Репнин, инструкции послам на сейм были утверждены «с двумя только первыми пунктами», т. е. о восстановлении прав республики и о российской гарантии политического строя Речи Посполитой, а пункт о диссидентах в инструкции включен не был. Так закончились сеймики в Кракове, Заторе, Иновроцлаве, Ливе, Люблине, Гостине. Русский посол, однако, считал, что ссылка в первом пункте инструкций на Акт Генеральной конфедерации дает возможность трактовать их в пользу диссидентов⁷⁰. Это заключение не могло быть сделано без консультаций с кем-то из знатоков польского права, хотя такой подход заключал в себе весьма примечательную коллизию, нашедшую свое продолжение, — о соотношении права конфедерации и права объединенной на сейме шляхты.

Таким образом, даже по неполным и зачастую весьма противоречивым сведениям Репнина ситуация на сеймиках была для русского посла весьма тревожной. Правда, успокаивая своих шефов в Петербурге, он писал: «За сим я ручаюсь, что ничего не произойдет: все они (поляки. — *Б. Н.*) внутренне уже довольно предубеждены о доброте и справедливости наших мер. А публично в оном не соглашаются только для того, чтоб не показаться покоряющимися»⁷¹.

Наряду с радомскими конфедератами и Н. В. Репниным, за ходом сеймиков наблюдали и в Берлине, куда направлял свои донесения Г. Бенуа. Обобщая информацию прусского посла в Польше, К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг писали 18 сентября 1767 г. в Петербург В. Ф. Сольмсу: «Все сеймики, которые не были под влиянием соседства русских войск, имели очень дурной исход. Ни в России (в Польской Руси. — *Б. Н.*), ни в Подолии, ни целая половина их в самой Литве не имели благоприятного результата. На тех даже, на которых пришли к желательной цели, не было и шестой части дворянства, которое должно было там находиться, так что поляки всегда могут в последствии сказать, что для них это решение необязательно, потому что оно постановлено меньшинством народа и при том оно насильственное»⁷².

В целом итоги сеймиков вызывали серьезную озабоченность всех заинтересованных сторон как в Польше, так и за ее пределами. Вместе с тем оценки их результатов достаточно противоречивы — от несколько показного удовлетворения Н. В. Репнина, до серьезной обеспокоенности в Берлине.

Имеющиеся в источниках сведения достаточно фрагментарны и нередко не согласуются между собой. Последнее, разумеется, объясняется напряженностью самой политической ситуации, однако такое заключение не избавляет от затруднений при анализе. Первое из них связано с вопросом о присутствии на сеймиках русских войск. Согласно приказу Репнина отряд с офицером был прикомандирован к каждому сеймику. Однако на практике их участие в сеймиках было различным. В одних случаях, как на сеймике в Шроде, где действовал генерал Апраксин, давление русских войск на сеймик было весьма значительным, в других — присутствие русского майора заметного воздействия не оказало, в третьем случае, согласно донесению А. Ф. Эссена, русские войска были изгнаны с сеймика в Галиче и были вынуждены удалиться⁷³. Согласно же рапорту майора Хвасулова, на сеймике в Галиче Мариан Потоцкий уговорил того не вводить в город войска, «обещая все то сделать, что надлежит, а сам, тем обманув, ничего полезного не сделал, и все противное»⁷⁴.

Бывало и так, что, договорившись с местными деятелями, русские командиры и их прикомандированные к сеймикам отряды даже не давали о себе знать. Свидетельство такого соглашения мы встречаем на сеймике в Каменце-Подольском, где ротмистр Салеван говорил с маршалом Теодором Потоцким, «что, если нельзя обойтись без наших войск <...>, то бы дать казаков [ему], старосте смотрящему, с тем, чтоб он имел под видом своих собственных <...>, а он бы, Салеван, сам яко пассажир находился»⁷⁵. Такой подход объяснялся близостью турецкой границы и нежеланием демонстрировать там присутствия русских войск.

Без заметного участия русских прошли, например, некоторые сеймики в Литве. Последнее подтверждается корреспонденцией Репнина, который получил рапорты преимущественно тех командиров, которые действительно наблюдали за сеймиками и знали о положении дел, тем более, если потребовалось вмешательство войск.

Об этом же свидетельствуют и донесения Г. Бенуа. Так, из 17 сеймиков в Малой Польше достоверно известно о 10 случаях присутствия в месте их проведения русских войск. В Великой Польше из 10 сеймиков (исключая сеймики Мазовецкого воеводства, которые проходили вблизи Варшавы) русские войска присутствовали на 7 сеймиках. В Литве о размещении при сеймиках русских отрядов известно меньше всего. Вероятно, исход этих сеймиков вызывал у Репнина наименьшие опасения. Здесь войска располагались в Ковно, Мстиславе, Полоцке, Минске, Слониме и Бресте. При этом сеймик в Слониме закончился для Репнина весьма неудачно. В Королевской Пруссии достоверно известно о расположении русских войск в Кульме и Торуне, где выборы прошли по оценкам Репнина наиболее благополучно. Нет никаких сведений о присутствии русских войск в Инфлянтах.

Оценить итоги сеймиков в Речи Посполитой в целом позволяет составленный Н. В. Репниным «Реестр послам» на сейм 1767 г. и присланный в Петербург в приложении к депеше от 2 октября / 21 сентября⁷⁶ (Приложение № 1). Реестр составлен по воеводствам, землям и поветам, от которых на сеймиках избирались послы на сейм. Против фамилий послов Репнин отметил + «хороших», ++ — «сумнительных» и +++ — «дурных»⁷⁷. Кроме того, против ряда «хороших» послов помещено примечание: «король отвечает». Это послы — ставленники и сторонники Станислава Августа. «Реестр» составлен по-русски, из-за чего возникли искажения имен, названий общественных должностей и названий воеводств и земель. Впервые на этот «список Н. В. Репнина» обратил внимание В. Конопчинский⁷⁸, указавший, что среди «хороших» послов в нем значились некоторые противники России, например, Михал Пац — в будущем один из предводителей Барской конфедерации. Однако специально историк список Репнина не анализировал.

Дополнить данные «Реестра» позволяют сведения из депеш Репнина и журнала Кречетникова об инструкциях сеймиков, полученных избранными послами. Эти инструкции самим русским послом были разделены на три группы. К первой относятся инструкции, составленные полностью в соответствии с требованиями русского посла, т. е. с положениями о российском покровительстве в восстановлении прав и о гарантии политического строя Речи Посполитой, а также о равноправии диссидентов. Ко второй — «инструкции по первым двум пунктам», т. е. исключая вопрос о диссидентах. К третьей — с инструкциями против инструкций Н. В. Репнина.

Исходя из этого послов на сейм можно в дополнение к классификации Репнина разделить на 4 группы: 1—3 в зависимости от полученных инструкций. В четвертую группу объединены послы, содержание инструкций которых неизвестно. Полученные данные приведены соответственно в *таблицах 9—12*. Названия таблиц и колонок даны в формулировках Н. В. Репнина.

Подводя итоги своему «реестру», в котором из 236 послов значилось: 134 «хороших», 58 «сумнительных» и 44 «дурных», Репнин писал Панину: «По сим отметкам, сложа к дурным и сумнительных, остается, однако ж, превосходное число хороших, другим обеим, если только фанатизм, коварливость и двоякость не употребятся к превращению разумов на противное нашим видам». В результате, русский посол надеялся иметь большинство в Посольской избе сейма в 32 голоса на своей стороне⁷⁹. При этом следует иметь в виду, что даже среди «хороших» послов было немало людей, полагаться на которых не приходилось.

Примечательно, что в донесении Репнин объединил «сомнительных» послов с «дурными», имея, видимо, достаточно оснований для такой характеристики. Поэтому вслед за русским послом мы также будем исходить из близости названных категорий.

Таблица 9. Число послов, избранных на сейм 1767 г.
«с инструкциями Н. В. Репнина»

Провинции, воеводства, земли	Всего	Хорошие		Сомнительные	Дурные
			в т. ч. король отвечает		
Малая Польша					
1. Сандомирское в-во	7	7	3	—	—
2. Русское в-во	7	7	—	—	—
3. Хельмское в-во	2	1	1	1	—
Великая Польша					
1. Познаньское и Калишское в-ва	12	7	3	5	—
2. Ленчицкое в-во	4	4	1	—	—
3. Мазовецкое в-во	18	17	8	1	—
4. Земля Добржиньская	2	2	1	—	—
5. Земля Сохачевская	4	2	—	—	—
Литва					
1. Воеводство Новогрудское	4	4	—	—	—
Итого:	58	51	17	7	—

Примечания. *Без земли Ливской.

**Воеводство Равское.

***Без повета Слонимского.

Итак, как видно из *таблицы 9*, с инструкциями Н. В. Репнина было избрано 58 послов или 25% общего числа депутатов сейма. При этом среди них совсем не было «дурных», а «сомнительные» составляли $\frac{1}{8}$ часть. 17 послов были королевскими креатурами. Решающую роль в таком исходе голосования сыграли воеводства Мазовецкое (18 послов), Познаньское и Калишское (12 послов). Сандомирское и Русское (по 7 послов). Шефом радомских конфедератов в Мазовии был Михал Красиньский. Однако его влияние на исход сеймиков заметно мало. Согласно донесениям Репнина, руководителями сеймиков там были К. Понятовский, Ф. К. Браницкий и в известной мере К. Любомирский, т. е. люди, близкие к королю и непосредственно сотрудничавшие с русским послом. В Познани и Калише, как мы видели, выборов фактические не проводилось, а 12 послов (по списку Н. В. Репнина) были проведены на сейм в равной мере как сторонники Е. Мнишека, так и людьми близкими к русскому посольству — В. Гуровским и А. Понинским. В Сандомирском воеводстве (7 послов) шефами конфедератов были Ю. Оссолинский — воевода волынский, и его сын Юзеф Салезы — староста сандомирский. Оба они принадлежали к лагерю Потоцких. Однако во время сеймиков Оссолинские поступили вопреки поручению Ф. С. Потоцкого и провели на сеймике репнинские инструкции. Объяснить это можно двумя обстоятельствами. Во-первых, Оссолинский-младший был включен

Репниным в состав посольства конфедерации в Петербург, что было бы невозможно, если бы семья не зарекомендовала себя подобающим образом. Во-вторых, рядом с шефами радомян в Сандомире незримо присутствовал Станислав Любомирский, получивший недавно от Станислава Августа и Репнина должность великого маршала коронного. Зять Чарторыхских, по словам Репнина, «совершенно властвовал» в воеводстве и, хотя и принадлежал к старшим членам «фамилии», время от времени конфликтовавшим со Станиславом Августом и его молодыми приятелями, все же ныне, в 1767 г., поддерживал короля. Еще накануне сеймиков Репнин писал Кречетникову: «По известным мне причинам имею я надобность уважать кн. Любомирского — вел. марш. кор., гр. Браницкого — ловчего кор., и г-на Чацкого — стражника кор. (Антони Чапский? — Б. Н.), но не желаю, однако ж, чтоб то приметно было, и чтоб кто-нибудь о том знал». Посол поручал также «неприметно облегчить» их деревни⁸⁰.

Похожая ситуация сложилась и в Русском воеводстве. Здесь радомских конфедератов представляли Юзеф и Антони Потоцкие, которых В. Конопчинский характеризовал как твердых сторонников Репнина. Именно А. Потоцкий известил русского посла, что воевода киевский велел своим сторонникам действовать на сеймиках вопреки русским предписаниям⁸¹. Как и Ю. С. Оссолинский, А. Потоцкий был включен в состав посольства ко двору Екатерины II, а Репнин писал о нем, что тот «человек добрый» и «будет делать то, что мы хотим». Эта оценка приведена и С. М. Соловьевым⁸². Не обошлось на сеймике в Вишне и без влияния и содействия А. Чарторыхского — воеводы русского, который в интересах своей «партии» также поддерживал Станислава Августа. Правда, в Русском воеводстве королевских ставленников избрано не было. Таким образом, в четырех перечисленных воеводствах не только прошли «инструкции Репнина», но и было избрано 38 «хороших» послов из 51, в том числе на Мазовии, в Сандомире, Познани и Калише 14 послов значились в списке Репнина с примечанием: «король отвечает».

Сеймики восьми воеводств и земель завершились с инструкциями «по первым двум пунктам». Наиболее значительными из них были сеймики в Краковском и Любельском воеводствах (в Малой Польше) и в Брестском воеводстве в Куявии. Примечательно, что из трех названных центров только в Люблине были расквартированы русские войска. О роли русских отрядов в проведении сеймиков в этих трех воеводствах нам ничего не известно.

Сеймики там целиком находились в руках радомских конфедератов. В Кракове шефами были Ф. С. Потоцкий, Ф. Велиопольский, И. Морштын. Судя по числу избранных послов, видную роль среди магнатов играли также и другие Велиопольские. В Люблине руководили сеймиком маршал Краковской конфедерации Енджей Тарло и луковский стражник Яцек Езерский. Оба они были избраны на сейм и попали в число «хороших» послов. В Куявии радомское дело направляли воевода Антони и ковальский староста Станислав Домбские. Вместе с С. Домбским среди избранных послов значится еще Ян Домбский — адъютант королевский, женатый на племяннице Е. Мнишека. Оба, Станислав и Ян, названы среди «хороших» послов, а за последнего «отвечал» Станислав Август.

На этих сеймиках, говоря условно, была представлена позиция последовательных радомян, выступавших, с одной стороны, против короля и реформ, за незыблемость старого политического устройства Речи Посполитой и «золотой вольности» шляхты, а с другой, за сотрудничество с Россией и за российскую гарантию польской консти-

туции. Вместе с тем они были решительно против уравнивания в правах с католиками — диссидентской шляхты. Возражая против требований России в диссидентском вопросе, составители инструкций и дирижеры сеймиков не решились открыто пойти против воли русского посольства и внесли в инструкции важнейшие требования Репнина. Естественно, что такая позиция не могла быть достаточно устойчивой, поскольку ее адепты под влиянием политической ситуации должны были перейти либо на сторону русского посла, либо — в лагерь его противников, причем последнее было более вероятно. Это двойственное положение отражают и результаты выборов послов, приведенные в *таблице 10*.

Таблица 10. Число послов, избранных на сейм 1767 г.
«с инструкциями по первым двум пунктам»

Провинции, воеводства, земли	Всего	Хорошие		Сумнительные	Дурные
			в т. ч. король отвечает		
Малая Польша					
1. Краковское в-во	8	7	2	1	—
2. Княжества Заторское и Освенцимское	2	—	—	2	—
3. Люблинское в-во					
4. Киевское в-во	6	4	2	2	—
5. Брацлавское в-во	6	—	—	1	5
	6	—	—	1	5
Великая Польша					
1. Брестское в-во в Кувии	2	2	1	1	—
2. Земля Ливская *	2	2	1	—	—
3. Земля Гостынская **	2	1	1	1	—
Итого:	36	16	7	10	10

Примечания. *Воеводство Мазовецкое.

**Воеводство Равское.

В отличие от сеймиков, где инструкции Репнина были утверждены полностью, на сеймиках с инструкциями «по двум пунктам» в числе избранных на сейм послов оказались 10 «дурных» (т. е. более $\frac{1}{4}$ от общего числа). Правда, такой итог получился за счет Киевского и Брацлавского воеводств, где делом руководили Потоцкие. Сам Репнин относил эти два сеймика к лагерю своих явных противников и, не имея еще «точных известий» об их исходе, называл брацлавский и киевский сеймики в числе тех, о которых был «уверен почти, что в противность его желания обратятся»⁸³.

В целом на сеймиках «с двумя пунктами» «хорошие послы» уже не составляли большинства (16 из 36). При этом доля королевских креатур даже возросла. Если на сеймиках с инструкциями Репнина она составляла $\frac{1}{3}$ «хороших послов», то теперь — 44% (7 из 16 послов). Это означало, что там, где ослабевали позиции самого Репнина и его непосредственных сотрудников, возрастало значение для русской политики поддержки со стороны Станислава Августа. Увеличилась и доля «сумнительных» послов, приблизившись к $\frac{1}{3}$ (10 из 36 послов) против (7 из 58).

Сведения об избрании послов с инструкциями «против Репнина» приведены в *таблице 11*.

Таблица 11. Число послов, избранных на сейм 1767 г.
«с инструкциями против инструкций Н. В. Репнина»

Провинции, воеводства, земли	Всего	Хорошие		Сумнительные	Дурные
			в т. ч. король отвечает		
Малая Польша					
1. Земля Галицкая	6	—	—	4	2
2. Бельское в-во	5	1	1	—	4
3. Подольское в-во	6	—	—	1	5
4. Волынское в-во	6	4	—	2	—
Великая Польша					
1. Земля Равская	2	—	—	1	1
Итого:	25	1	1	6	18

Примечания. *Одна из трех земель Равского в-ва.

Это все были земли, где «властвовали» Потоцкие во главе с Франтишком Селерем — воеводой киевским. Большим влиянием здесь пользовалась и каминьская каштелянша Катаржина Коссаковска (ур. Потоцка). Накануне сеймиков ее специально посетил во Львове П. Н. Кречетников. В разговоре с русским генералом она согласилась включить в инструкции сеймиков «все четыре пункта, как Посол наш (Н. В. Репнин. — *Б. Н.*) требует, с некоторою переменою некоторых слов»⁸⁴. Так же тремя днями позже обязался поступить и Ф. С. Потоцкий⁸⁵. Однако результаты сеймиков обернулись вопреки этим обещаниям. «Против Репнина» были и инструкции сеймика в Раве, где шляхту склонил к сопротивлению воевода равский К. Грановский. По указанным четырем воеводствам и в Равской земле в итоге было избрано подавляющее большинство «дурных» послов на сейм (18 из 25), остальные — «сумнительные», и только один — посол Бельского воеводства тишовецкий староста. Мир, за которого «отвечал» Станислав Август, — оказался в числе «хороших».

Таким образом, были известны инструкции ровно половины послов (117 из 134). Из них «инструкции Репнина» получили 58 послов (50%) остальные «против», поскольку даже инструкции «с двумя пунктами» не содержали имевшего принципиальное значение положения о диссидентах. Оставалась, правда, вторая половина послов, инструкции которых нам неизвестны. Причиной этого могло быть просто отсутствие информации, или же руководители сеймиков не посылали ее в русское посольство намеренно, чтобы утаить нежелательные сведения и не вызвать по своему адресу недовольства, а то и репрессий. Вопрос об инструкциях послам не поднимал и сам Репнин, ограничившись в своих донесениях в Петербург только текущими сведениями с сеймиков и не сообщив Панину никаких обобщенных данных.

Сведения о послах, содержание инструкций которых мы не знаем, приведены в *таблице 12*.

Таблица 12. Число послов, избранных на сеймиках 1767 г., содержание инструкций которым неизвестно

Провинции, воеводства, земли	Всего	Хорошие		Сумнительные	Дурные
			в т. ч. король отвечает		
Малая Польша					
1. Подляшское в-во	6	3	2	—	3
2. Черниховское в-во	4	—	—	—	4
Великая Польша					
1. Сирадзское в-во	4	—	—	—	4
2. Земля Велуньская	2	1	—	—	—
3. Плоцкое в-во *	4	—	—	4	—
Литва					
1. Виленское в-во	10	10	—	—	—
2. Троцкое в-во	8	6	1	2	—
3. Княжество Жмудское	3	2	—	1	—
4. Смоленское в-во	4	4	—	—	—
5. Полоцкое в-во	2	1	—	1	—
6. Повет Слонимский	2	—	—	—	2
7. Витебское в-во	4	2	—	—	2
8. Брестское в-во	4	4	—	—	—
9. Мстиславское в-во	2	2	—	—	—
10. Минское в-во	6	6	—	—	—
Итого в Литве	45	37	1	4	4
Инфлянты	6	4	2	2	—
Королевская Пруссия					
1. Померанское в-во	20	10	2	10	—
2. Мариенбургское в-во	8	3	—	5	—
3. Кульмское в-во	18	8	3	9	1
Итого в Королевстве Прусском	46	21	5	24	1
Всего:	117	66	10	35	16

Опираясь на эти данные, мы можем предположительно заключить, на каких сеймиках и в каких воеводствах и землях чаша весов склонилась в пользу той или иной стороны, т. е. — в интересах русской политики и Репнина, или же — вопреки целям России. Условным показателем этого может служить доля «хороших» послов от общего числа избранных. Как мы видели, на сеймиках с инструкциями Репнина она решительно преобладала; с инструкциями «против Пкпнина» было избрано 18 «дурных» и 6 «сумнительных» послов, а «хороший» — только один.

Из второй половины депутатов сейма с «неизвестными» инструкциями (117 послов) на долю «хороших» приходилось 66 (56%). Таким образом, условным показателем рубежа, за которым исход сеймика был не в пользу русского посла,

может служить положение, когда доля «хороших» послов не превысила половины от числа избранных. Косвенным обоснованием для этого показателя может послужить и разрешение Репнина избирать «двойных» послов на сейм. Там, где шляхта не хотела уступать требованиям посла, он позволил избирать послов поровну из числа сторонников (из своего списка) и противников русской политики⁸⁶.

Сводные данные по распределению послов «за» и «против» инструкций Репнина приведены в *таблице 13*.

Таблица 13. Сводные данные по распределению послов «в пользу» и «против» Н. В. Репнина

В пользу Н. В. Репнина			Против Н. В. Репнина		
Провинции, воеводства, земли	«хорошие»	Всего	Провинции, воеводства, земли	«сомнительные» и «дурные»	Всего
Литва			Малая Польша		
1. Виленское в-во	10	10	1. Подляшское в-во	3	6
2. Троицкое в-во	6	8	2. Черниховское в-во	4	4
3. Княжество Жмудское	2	3			
4. Смоленское в-во	4	4	Великая Польша		
5. Брестское в-во	4	4	3. Серадское в-во	4	4
6. Мстиславское в-во	2	2	4. Земля Велуньская	1	2
7. Минское в-во	6	6	5. Плоцкое в-во	4	4
Инфлянты			Литва		
Из Короны	2	2	6. Полоцкое в-во	1	2
Из Литвы	2	2	7. Повет Слонимский	2	2
Из Инфляндии		2	8. Витебское в-во	2	4
Итого			Королевская Пруссия		
Инфлянты:	4	6	9. Померанское в-во	10	20
			10. Мариенбургское в-во	5	8
			11. Кульмское в-во	10	18
			Итого в Королевской Пруссии:	25	46
Итого:	38	43	Итого:	46	74
Всего: 117 послов					

Таким образом, если говорить о тех послах, инструкции которым остались неизвестны (117 человек), то наилучшее положение для Репнина сложилось в Литве, где было избрано подавляющее большинство «хороших» послов (37 из 45). Однако и здесь, где традиционно было сильно русское влияние, где К. Радзивилл и С. Бржостовский придерживались согласованной с русским посольством тактики, в двух воеводствах и одном повете 5 из 8-ми послов оказались «сомнительными» и «дурными». Из королевских ставленников в числе литовских послов единственным был Антони Забелло, известный тем, что еще в 1766 г. выступал на литовских сеймиках в пользу диссидентов. Избран он был в Ковно вместе с другим надежным послом — ковенским старостой Черневичем, и входил в число послов Троицкого воеводства.

В Малой и Великой Польше в рассматриваемую группу входили четыре воеводства и Земля Велуньская, от которых вместе было избрано 16 «сомнительных» и «дурных» послов из 20-ти, т. е. ситуация явно складывалась не в пользу Н. В. Репнина. При этом из четырех «хороших» послов от этих воеводств — двое были креатурами Станислава Августа и относились к Подляшскому воеводству.

В Инфлянтах ситуация формально благоприятствовала видам русского посла, на стороне которого были 4 из 6 депутатов сейма. Однако этот перевес достигался за счет послов, избранных от Короны и Литвы, а по сути назначенных по согласию польского двора и Репнина. Так, ливонскими послами стали сторонники Станислава Августа: Целстын Чаплиц (маршал сейма 1766 г) и Антони Тызенгауз, а также Я. Понинский и А. К. Чарторыский. Последний был включен в число послов по желанию Репнина, чтобы заставить «фамилию» разделить ответственность за постановления предстоящего сейма.

В определенной мере навстречу требованиям русского посла шли и старые князья Чарторыские, рассчитывавшие, по возможности, сохранить свое политическое влияние в магнатских верхах Речи Посполитой и опору группировки среди шляхты. По словам В. Конопчиньского князь Адам Казимир с согласия отца и дяди по тактическим соображениям предстал перед Репниным русофилом, а перед Эссеном — сторонником саксонской династии⁸⁷.

Избранный же также от Инфлянтов Я. Понинский принадлежал к ближайшим сотрудникам Репнина. Двое оставшихся послов Польской Ливонии, представлявшие собственно тамошнее дворянство, были отнесены Репниным в разряд «сомнительных».

Ситуация в Королевской Пруссии оставалась неопределенной, когда одни обстоятельства были в пользу Репнина, другие — свидетельствовали об успехе его противников. Из 46 послов от Польского Поморья почти половина (21) принадлежали к «хорошим» (среди последних 5 сторонников короля). Им противостояли 24 «сомнительных» посла, и один — «дурной», т. е. ярко выраженной оппозиции представлено не было, однако в целом «хорошие» послы по двум воеводствам (Мариенбургскому и Кульмскому) остались в меньшинстве, а в Померанском воеводстве составили ровно половину от общего числа. Таким образом, исходя из принятого критерия оценки, сеймики в Королевской Пруссии сложились не в пользу русского посла.

В целом в большинстве воеводств и земель сеймики завершились с иными результатами, нежели тот, к которому стремился Н. В. Репнин, что не могло не вызывать беспокойства за исход предстоявшего сейма как в русском посольстве в Варшаве, так и в Петербурге. О недовольстве Репнина результатами сеймиков свидетельствовали меры посла по оказанию военного давления на непокорных. В первую очередь это касалось воеводств Малой Польши. Репнин поручил Кречетникову «у недоброжелательных маршалков, кои на тогдашнее время оказались, брать их собственный хлеб бесплатно, деревни их занять войсками, не чиня больше ничего, и сие с первым сделать для примера другим»⁸⁸. Спустя два дня, 2 сентября (22 августа) Кречетников получил приказ занять войсками деревни маршалов сеймиков в Галиче — Мариана Потцкого и в Бельске — Антони Глоговского, а также кашинской каштелянши К. Косовской, «чтоб провиант и фураж брать бесплатно»⁸⁹. Войска в их имения были посланы после того, как названные лица подали протест против сеймика Русского воеводства в Сондовой Вишне и отправили депутацию к королю, чтобы он разрешил провести новый сеймик. Посылая копию манифеста шляхты Бельского воеводства

Н. И. Панину, Репнин писал, что предводители протестовавших «две креатуры воеводы киевского (Ф. С. Потоцкого), да четыре воеводы русского (А. Чарторыского). Я писать буду, чтоб им велели там рецесс учинить, а поколе того не сделают, то б из деревень их наши войска безденежно пропитание брали»⁹⁰. Посол видел, что против него выступали не только сторонники Потоцких, но и некоторые клиенты «фамилии». Репнин приказывал не допустить отъезда протестовавших делегатов в Варшаву, а в случае упорства арестовать как самих инициаторов манифеста с протестом, так и их эмиссаров. Дополнительно Кречетникову поручалось «как с посольских, так и с дворянских несогласных деревень провиант и фураж брать бесплатно, и держать так, чтоб из дворов не выезжали никуда»⁹¹. Примечательно, что в этом приказе не только предусматривались репрессии по отношению к вожакам оппозиции, но и в целом к непокорной шляхте. Правда, в этой последней части распоряжение Репнина так и не было претворено в жизнь. «Строгости» военных возымели действие. 9 сентября / 29 августа 1767 г. в журнале Кречетникова записано, что маршал Бельского воеводства А. Глоговский приезжал и «поправленную посольскую инструкцию, каковая в Городе записана (внесена в метрику в установленном законом порядке. — Б. Н.), а прежняя, не полезная нам, — уничтожена»⁹².

Завершившиеся сеймики ознаменовали весьма существенный этап в русской политике в Речи Посполитой. Еще в конце 1766 г. Н. В. Репнин пришел к заключению, что для достижения своей цели в деле российской гарантии польской конституции и в диссидентском вопросе России необходимо установить контроль над сеймиками — решающим звеном в политической системе Речи Посполитой — оставить для магнатских группировок и предводителей шляхты только роль исполнителей приказов русского посла. Для этого и задумывалась Радомская конфедерация. Осуществление этих планов позволило бы связать предстоящий сейм Актом Генеральной конфедерации, утвержденными сеймиками посольскими инструкциями и избранием на сейм угодных для России послов.

Успех в решающей мере зависел от сеймиков. Для этого Репниным была создана целая система руководства и контроля. Во главе ее стоял сам посол, управлявший шефами радомских конфедератов. Важная роль в этом управлении принадлежала приставленным к ведущим радомянам русским офицерам, как например, С. Пучкову при К. Радзивилле или В. Кару при образовании конфедерации в Радоме и т. п. В деле такого управления помогали послу и поляки, ставшие практически его близкими сотрудниками, А. Понинский, Я. Б. Алое, А. Млодзиевский и др. Использовал Репнин с этой целью и противоречия между вождями конфедерации.

Вторым уровнем выстроенной Репниным системы стали провинции Речи Посполитой, в которых были распределены, соответственно, шефы конфедератов и русские войска во главе с командующими корпусами в Малой Польше — П. Н. Кречетниковым, в Великой Польше и Королевской Пруссии — Н. И. Салтыковым, в Литве — Г. Нуммерсом. В соответствии с указаниями посла они согласовывали действия войск и конфедератов, в частности, кандидатуры маршалов сеймиков, определяли содержание инструкций депутатам сейма, принимали решения о действиях на сеймиках русских войск, о мерах против непокорных.

Третьим и важнейшим уровнем были воеводства и поветы, где действовали прикомандированные к сеймикам отряды русских войск, шефы радомских конфедератов, их сподвижники и клиенты, а также разъехавшиеся по воеводствам со-

трудники Репнина из числа поляков. Примечательна в этом смысле миссия А. Понинского в Польской Руси, которому после неудачи тамошних сеймиков было поручено найти на Волыни и в Подолии новых сторонников «русской партии».

Реализация в полной мере этой системы позволила бы Репнину не только контролировать всю структуру власти в Речи Посполитой, но и дополнить ее представленными русскими отрядами элементами военной администрации, что при сохранении по форме традиционных институтов «шляхетской демократии» обеспечивало бы диктатуру русского посла и открывало бы в перспективе возможность провести нужные постановления на сейме.

Однако сложившаяся на сеймиках ситуация и их итоги свидетельствовали, что если поставленные цели и были достигнуты, о чем Репнин не преминул сообщить в Петербург, то достигнута далеко не полностью. Установить желаемый контроль над сеймиками не удалось. Об этом свидетельствуют инструкции послам и состав последних, в котором был лишь небольшой перевес в 32 голоса «хороших» послов над «сумнительными» и «дурными». Причем при распределении голосов по воеводствам и землям видно, что это соотношение в действительности было отнюдь не в пользу Репнина.

При этом следует отметить, что положительный баланс в решающей степени был достигнут за счет сторонников и креатур Станислава Августа, которым принадлежало 35 голосов «хороших» послов. Число королевских ставленников на сейме получалось весьма значительным и было вполне сопоставимо с делегацией целой провинции. В связи с этим нельзя не отметить, что контроль Репнина над системой власти в республике, что вполне осознавал и принимал в расчет посол, был бы невозможен без привлечения на свою сторону короля, а апосредованно и группировки Чарторыхских, укажем дополнительно на отношения Репнина со С. Любомирским и А. К. Чарторыхским. Однако сотрудничество русского посла со Станиславом Августом не только противоречило планам конфедератов по детронизации последнего, но и не могло обойти проблему политических реформ в Польше, что мало согласовывалось с российскими декларациями «о восстановлении прав республики и незыблемости «золотой шляхетской вольности».

Итоги сеймиков продемонстрировали еще одно весьма существенное несоответствие между тактикой Репнина и реальной политической ситуацией в Речи Посполитой. Организуя Радомскую конфедерацию, русский посол в соответствии с «повелениями» Екатерина II и инструкциями Н. И. Панина имел в виду создание «новой русской партии» из противников польского короля и Чарторыхских. Репнин прекрасно осознавал все трудности реализации этой задачи и эфемерность ее по существу, поэтому, в частности, и стремился сохранить в своих руках все нити руководства, не доверяя шефам конфедератов и не полагаясь на них. Однако, даже в весьма ограниченных пределах возможного, радомский лагерь ни в малейшей степени не соответствовал роли новой партии «друзей России». В нем по-прежнему оставались группировки Потоцких, Радзивиллов, Мнишека и других магнатов, и не было заметных признаков сближения между ними. В подавляющем большинстве радомяне оставались в оппозиции к России из-за диссидентского дела и из-за отношения к Станиславу Августу. Это со всей очевидностью проявилось на сеймиках, где прозвучало иногда открытое, а повсеместно — глухое недовольство Актом Генеральной конфедерации и пунктом об иноверцах. Как и годом раньше, русская

политика оказалась между сторонниками реформ в Речи Посполитой и консервативным лагерем, знаменем которого оставалась защита католицизма и шляхетских вольностей, что продемонстрировали направленные на сеймики письма К. Солтыка и Я. К. Браницкого, а также инструкции и их проекты, составленные шефами конфедератов. Таким образом, в 1767 г. Репнин оказался вновь перед необходимостью, как отмечал В. Кризайзен, «играть на антагонизме в треугольнике: Станислав Август — Чарторыские — объединенная в конфедерацию в Радоме оппозиция»⁹³

III

Уже после окончания сеймиков, в первой половине сентября Н. В. Репниным были получены инструкции Н. И. Панина от 25/14 августа и письмо Екатерины II польскому королю от 1 сентября / 21 августа. В ответ на них посол отправил 17/6 сентября три депеши. Первая была посвящена предстоящему сейму⁹⁴, а вторая специально делу диссидентов⁹⁵. «Сокрушили б меня, — писал Репнин, — присланные предписания «по трудности, или чтоб справедливее сказать, по невозможности их исполнить», если бы Панин не «не успокоил» посла сделанным в собственноручном постскрипуме «объяснением».

Репнин подтверждал, что диссидентское дело будет рассмотрено на сейме в первую очередь, а все постановления сейма объединены в одном трактате с Россией. Если же это не удастся, то, утверждал посол: «Весь сейм разгону, нежели позволить, чтоб что прежде диссидентского дела трактовано на оном было»⁹⁶. Радомская конфедерация, по его словам, не сможет больше сделать ничего полезного для диссидентов. Сила, обещал Репнин, будет употреблена в крайнем случае, но добавляя, что без этого обойтись не удастся⁹⁷. Он также писал, что «осмелился» не передавать письма Екатерины II и Панина, адресованные К. Радзивиллу, так как в них не говорится о диссидентах, а говорится «о патриотизме», что, замечал посол, понимается в Польше как верность католицизму, и продолжал, «что поляк в обещаниях своих каких-либо не дает свое слово как честный человек. А всегда на место того здесь говорят, как добрый католик»⁹⁸.

Во второй депеше Репнин пространно остановился на поручениях Панина по делу диссидентов. Высказанные соображения он представил как свои собственные, однако по содержанию видно, что посол излагал рассуждения Станислава Августа, не называя того по имени. На встречу накануне Репнина с королем указывает помета на письме Екатерины II Станиславу Августу, которое было вручено королю 14 сентября⁹⁹.

Ссылаясь на мысль Панина «об основательных резонах наших против распространения в Польше Греков (православных. — *Б. Н.*) и диссидентов», Репнин отмечал, что, настаивая на включении в Сенат епископа белорусского без предоставления такого же статуса униатским епископам, «мы уже не равенства, а поверхности требовать будем»¹⁰⁰. Предоставляя православным подобные преимущества, продолжал посол, мы будем способствовать переходу униатов в православие, чему по понятным причинам не сможем противодействовать, а все это вступает в противоречие с тезисом Панина о нежелательности усиления православия в Польше. «Не выдумка то, но самая справедливость, — писал Репнин, как бы соглашаясь с доводами неназванного собеседника и склоняя к этой мысли своих шефов, — что кроме вышепи-

санных резонов, сей есть — допущения и униатов двух до Сената — единственный способ, который облегчить может неисказанную трудность введения в Сенат епископа белорусского»¹⁰¹.

В депеше говорилось и о требовании Панина установить в законодательном порядке определенное число сенаторов-диссидентов и послов на сейм от диссидентской шляхты, чтобы без полного их представительства ни Сенатские советы, ни сеймы не проводились. По этим двум вопросам Репнин также выдвинул возражения. Он писал, что в отношении Сената фиксированное число диссидентских представителей возможно. Однако условие их обязательного участия в Совете, во-первых, невыполнимо из-за возможных чрезвычайных обстоятельств: смерть, болезнь и т. п., во-вторых, противоречит традиции польской политической жизни, когда сенатор по своему усмотрению решал, прибыть ли ему или нет на Сенатский совет¹⁰².

Еще сложнее было осуществить это требование применительно к послам на сейм. Репнин указывал, что земские послы избираются на сеймиках, которые могут как избрать послов, так и оказаться сорваны, т. е. завершиться без выборов. Следовательно, число депутатов сейма будет неполным, как это обычно и случается. Если же будет сорван сеймик, где должен был бы избираться посол-диссидент, то отсутствие такового на сейме давало бы основание считать недействительным сам сейм. К тому же, замечал Репнин, если отсутствие в Посольской избе установленного числа диссидентских депутатов позволит сорвать сейм, то такое же правило могут потребовать для себя и католики¹⁰³.

Далее Репнин делал весьма важное замечание: «То же надлежит, коль желаем, чтоб всегда полное число диссидентов в земские послы выбрано было, оставить сеймики тех выборов под множеством голосов, дабы уж не могли разрываться и тем неполное число сделать диссидентских послов»¹⁰⁴. И далее: «Касательно до сеймиков, видится, можно будет то так учредить, чтоб необходимо в назначенных местах положенное число диссидентов в земские послы выбирали, если они к тому достоинству кандидатами представляться будут, разумеется, если сеймик не разорвется»¹⁰⁵.

В приведенных рассуждениях Репнина явно видны идеи С. Конарского и следы программы реформ Чарторыхских, воплощенных в 1764 г. в конституции о сеймиках Брацлавского воеводства, выборы на которые надлежало проводить большинством голосов. Мысль о выборах кандидатов в послы может быть дополнена положением одной из инструкций сеймиков 1767 г. о введении реляционных сеймиков¹⁰⁶, на которых такие кандидаты могли бы выдвигаться. Разумеется, соображения Репнина находились в русле диссидентского вопроса. Однако в этой части они выходили за его рамки и отражали подход Станислава Августа к проблеме реформы сеймиков в целом. И здесь русский посол выступил в поддержку польского короля, внушая Панину, что преобразование сеймиков в духе королевских проектов было бы полезно для российской политики в диссидентском вопросе. В целом же Репнин приходил к заключению, что «уничтожить ни Сенатских советов, ни сеймов (в случае отсутствия в них полного числа представителей диссидентов. — Б. Н.) по вышеписанным резонам, кажется, совершенно невозможно»¹⁰⁷. При этом посол давал понять, что выполнение названных требований Петербурга не только противоречит традициям польской политики, но еще больше затруднит функционирование Сената и сейма.

Остановился Репнин и на поручении Панина «указать» конфедератам, что повсеместное упоминание католической веры как господствующей не одобряется

Екатериной II и не соответствует польским законам, по которым католицизм якобы лишь одно из равных вероисповеданий, на чем основывается императрица в деле диссидентов¹⁰⁸. По этому поводу в депеше говорилось: «Титул господствующей религии, который католики везде с аффектацией упоминают, хотя я стану при будущих случаях сколь можно отвращать, поколь учреждение решительное об сем сделано не будет на будущем сейме. Но осмелюсь <...> донести, что прямо полякам об том сказать до новых повелений не смею, ибо верен, что сим одним всех без изъятия от себя отгону, зная их суеверие и фанатизм, и одними уже пушками останется дело делать»¹⁰⁹. Тем самым посол возвращался к положению своей первой депеши о том, что с помощью радомских конфедератов никаких дополнительных преимуществ для диссидентов получить невозможно, и давал понять, что выдвижение новых требований может привести только к гражданской войне, в которой России не останется иного пути, помимо открытого участия в ней военными силами. При этом, упоминая, что статус вероисповеданий в Польше будет определен на предстоящем сейме, посол имел в виду и внушал эту мысль Панину, что господствующее положение католической веры может быть утверждено законодательно.

К мысли об опасности ужесточения требований в диссидентском вопросе Н. В. Репнин обратился и в связи с упоминанием в инструкциях Панина пожелания иноверцев об установлении свободного перехода из одного вероисповедания в другое. Посол подтверждал, что конституцией 1635 г. о примирении православных и униатов такой переход был разрешен, поскольку совершался «в одной в сущности религии». Однако, продолжал Репнин, католикам такого права никогда не предоставлялось. «А правда при том и то, — писал он, — что много есть наистрожайших здешних законов, которые запрещают под наказанием отступать от католической религии. Каким же образом, — риторически вопрошал посол, — будет успокоить сумасбродство и фанатизм, представляющий себе, что мы хотим совсем другое исповедание здесь ввести и их всех от католической религии отвратить, когда не позволим возобновить тех законов, которые уже были против отступников католической религии?» И отвечал: «Я, кроме пушек, способов к сему не вижу»¹¹⁰.

Аналогичным образом Репнин рассуждал и по поводу предписания Панина не включать в новое законодательство положения об униатах — «оставить в молчании четыре отданные на унию наши епархии». Посол подтвердил, что «станет стараться». «Но если сумасбродство и фанатизм, — писал он, — представляет себе, что мы хотим увеличить число здесь своих исповедников (православных. — *Б. Н.*), чем же то успокоить?» И констатировал: «Слова к сему не довольны. Как выше сказал, весьма трудным и невозможным сие мне видится»¹¹¹.

Итак, если обобщить рассуждения Репнина и отвлечься от слов о «сумасбродстве и фанатизме», представлявших собой характерный штамп российской корреспонденции по диссидентскому вопросу, то становятся явными предостережения посла, адресованные его шефам в Петербурге. Репнин указывал, что русская политика в деле диссидентов вторгается в сферу сословного, конфессионального и политического устройства Речи Посполитой, что каковы бы ни были исторические обоснования прав иноверцев, новое законодательное оформление этих прав влечет за собой существенные изменения в польском обществе 60-х гг. XVIII в., которые к тому же будут иметь долговременные, глубокие и трудно предсказуемые последствия. Навязанные извне эти перемены не могут не вызывать сопротивления поль-

ской шляхты. Сопротивления тем более сильного, чем дальше будут простирались русские требования в деле диссидентов.

В политической области (Репнин остановился только на тех инструкциях Петербурга, которые касались включения диссидентов в состав послов сейма и в Сенат) требования Панина, как показал посол, могли только усугубить пороки политических институтов шляхетской республики, ибо делали их еще и ареной противоречий на конфессиональной почве, а также создавали формально дополнительные правовые и процедурные основания, чтобы сорвать или парализовать их работу.

В заключение депеши Репнин остановился на своих отношениях с радомскими конфедератами и со Станиславом Августом. Репнин говорил о «стараниях» удерживать на стороне России «короля и новых наших партизанов». Однако, по словам посла, это «представляется почти невозможным» из-за вражды конфедератов к Станиславу Августу, содействие которого необходимо. Репнин осознавал и подчеркивал то, о чем объективно свидетельствовали результаты сеймиков. А по мере приближения сейма и в ходе него значение поддержки короля еще более возрастало¹¹². Констатировал посол и нарастающий раскол радомского лагеря, что также очевидно проявилось на сеймиках. Однако, говоря «о наших партизанах», Репнин утверждал, что «часть оных удержать льщусь»¹¹³. И здесь же: «Что ж касается до доверенности королю, то если можно за другого отвечать, особливо за такого, кто перед сим уже явился легкомыслен, то, однако ж, за него отвечать стану, потому что поучение ему довольное было»¹¹⁴.

В отправленной в тот же день, 17/6 сентября, третьей депеше Репнин в ответ на собственноручный постскрипtum Панина сообщал, что не будет, помимо крайности, прибегать к силе против недоброжелателей России, однако полагает, что иного способа к достижению успеха нет. Посол подтверждал, что король остается верным сторонником России и что тот надеется на роспуск Радомской конфедерации после окончания сейма. Репнин также считал, что продолжение конфедерации после сейма «противно нашим интересам», и согласился с мнением Станислава Августа¹¹⁵.

IV

Почва для сотрудничества Н. В. Репнина со Станиславом Августом, которое установилось уже в ходе сеймиков, а по их окончании было одобрено Петербургом, разумеется, не ограничивалась только российскими обещаниями сохранить нынешнего польского короля на престоле и уберечь его «от злобы» радомских конфедератов. Совместные действия русского посла и Станислава Августа как бы подразумевали известную возможность политических реформ в Речи Посполитой с согласия России, правда, в той мере и том направлении, которые допускала сложившаяся политическая ситуация. Об этом свидетельствовал, в частности, намек русского посла в ответе Панину на полезность реформы сеймиков и введения в них правила принятия решений большинством голосов.

В сентябре 1767 г. среди замыслов политических преобразований в Польше на первый план выдвинулось обсуждение проекта учреждения Постоянного совета. История зарождения идеи создания этого органа государственной власти в Речи Посполитой и претворения в жизнь этих планов подробно рассмотрены в одной из лучших работ В. Конопчиньского¹¹⁶, в которой автор опирался, наряду с другими, и на русские источники. Поэтому, обращаясь к дискуссиям сентября–ноября 1767 г.

по этому вопросу, мы будем опираться на наблюдения и выводы выдающегося польского историка.

С падением на сейме 1766 г. политического влияния «фамилии», а вместе с ним и «правительства» Чарторыхских реформа государственной администрации и создание органов исполнительной власти в Речи Посполитой остановилась в мертвой точке. Новые планы подобных реформ стали возникать в среде радомских конфедератов, когда им стало ясно, что Екатерина II не допустит детронизации Станислава Августа. Тогда радомяне стали выдвигать различные проекты, призванные ограничить королевские полномочия и окончательно лишить его реальной власти. В русле этих замыслов и вернулись к идее создания некоего государственного совета, впервые прозвучавшей весной 1766 г. во время бесед К. Сальдерна в Берлине.

Теперь в июле 1767 г. Н. В. Репнин доносил в Петербург о планах «наших сторонников» создать постоянный Совет, без которого король был бы не вправе предпринимать какие-либо действия, что, как декларировали радомяне, защитило бы права республики. Совет должен был «иметь поверхность» над всеми учреждениями Речи Посполитой и включать в себя всех министров, а также установленное число сенаторов и избранных на сейме представителей шляхты. Как высший государственный орган Совет действовал бы между сеймами. Ему должны были подчиняться все другие государственные учреждения, что должно было бы ослабить позиции зависимых от короля министров. По другим свидетельствам, Совет был задуман также для руководства послами Радомской конфедерации в Москве¹¹⁷. Идеи такого совета высказывались Т. Весселем и Ф. С. Потоцким, знали о них Я. К. Браницкий и его французские советники — агенты секретной дипломатии Людовика XV, а также К. Солтык и М. Вельгурский.

Чтобы контролировать планы и действия конфедератов, Н. В. Репнин предложил отредактировать проект учреждения Совета, составленный Я. Б. Алое. Последний к тому времени уже состоял «на службе» у русского посла. При составлении своего плана агент Карла Саксонского в Польше позаимствовал проект, сочиненный в самом начале 1760-х гг., еще во времена Августа III, приспособив его к новой ситуации, чтобы полностью лишить власти Станислава Августа.

По плану Алое¹¹⁸ Conseil d'État должен был состоять из 36 пожизненных членов, к которым присоединялись 7 представителей шляхты, избранные на сейме (по два от Короны, Литвы и Королевской Пруссии, а также маршал последнего сейма). Пожизненными членами были примас, трое епископов (неясно, кто и по чьему выбору), министры (в том числе гетманы), надворные подскарбии, подкомории, хоронжии, референдарии, секретари и писари. Департаментов в составе Совета не предусматривалось. Король являлся его председателем, однако присутствие монарха на заседаниях не было обязательным.

Рада не заменяла Сенат, а выступала рядом с ним как орган исполнительной власти. Наряду с комиссиями сейма (военной и финансовой), которые переходили в состав Совета, предусматривалось создание новых комиссий (торговли, полиции, санитарной и синодальной). Последняя — в связи с проектом Г. Подоского и Н. В. Репнина об установлении особой комиссии сейма по религиозным делам и ликвидации суда папского нунция.

Новый высший орган должен был обладать всей полнотой власти и ведал иностранными делами, армией, финансами, полицией и т. д. В его компетенции также

находились суд по правам сословий и вероисповеданий, а также тяжба между воеводствами, землями и поветами. Совет исполнял постановлений сейма и сената и обладал правом толкования законов. Решения в совете принимались большинством в $\frac{2}{3}$ голосов и осуществлялись через три канцелярии (Иностранных и политических дел, Военных дел, Экономических дел — коронных и литовских). Изложенный план Я. Б. Алое был сообщен им принцу Карлу Саксонскому 3 октября 1767 г.

Проект Алое сразу же встретил критику среди радомских конфедератов. По словам Г. Подоского, власть нового Совета чрезмерна, неопределенна и «весьма деспотична на будущее». Я. К. Браницкий, критикуя проект, ратовал за восстановление власти гетманов и в целом тех порядков, которые существовали до 1764 г. На этом настаивали и большинства радомских конфедератов¹¹⁹.

Как писал В. Конопчинский, предложения Алое не остались тайной для Станислава Августа. Сначала они вызвали беспокойство короля, а потом, по мере восстановления отношений с Репниным, возбудили надежды¹²⁰. В сентябре 1767 г. Станислав Август составил собственный проект учреждения нового Совета. Помимо самого короля, в него входили: примас, 14 министров, 21 сенатор и 24 посла сейма. При голосовании в совете королю предоставлялось 2 голоса, а решение принималось абсолютным большинством. В составе Совета предусматривалось 5 департаментов (иностранных дел, юстиции, финансов, военный и полиции)¹²¹. По сравнению с проектом Алое королевский план был менее конкретным и ограничивался только структурой Совета и порядком голосования. О его предполагаемых функциях и полномочиях можно было судить только по перечню задуманных департаментов. Расхождения между двумя проектами состояли, во-первых, в вопросе о полномочиях короля. Если в проекте Алое монарх присутствовал в совете сугубо номинально, то в королевском проекте ему отводилась роль подлинного председателя, обладавшего к тому же двумя голосами.

Во-вторых, это различие еще более подчеркивалось составом совета. По проекту Алое решения Совета практически определялись голосами 36 пожизненных членов, т. е. магнатской верхушкой, а участие представителей сейма и Сената практически не предусматривалось. Такой Совет явно демонстрировал усиление тенденции олигархического правления в ущерб республиканским институтам Речи Посполитой. Королевский план был по содержанию более республиканским. В нем были представлены все три чина (стана) шляхетской Речи Посполитой: король и 14 министров, сенаторы и послы сейма, причем 17 голосов (короля, примаса и министров) соответствовали 21 голосу сенаторов и 24 голосам послов сейма. Такое распределение в известной мере уравнивало голоса трех групп и вместе с тем позволяло королю и его сторонникам склонить большинство на свою сторону, что могло бы способствовать укреплению влияния и авторитета королевской власти.

Вопросы, подлежавшие ведению Совета как в королевском плане, так и в проекте Алое, были весьма многочисленны и разнообразны, и в последнем случае просто предельно широки, вплоть до толкования законов. Вероятно, здесь между двумя замыслами не было принципиальных противоречий, в противном случае они были бы обозначены. В частности, в полномочиях совета обращает на себя внимание отсутствие признаков традиционного разделения органов власти на коронные и литовские. Применительно к королевскому проекту вставала также проблема соотношения компетенции Совета в целом и отдельных его департаментов, что в свою

очередь ставило вопрос о влиянии короля как председателя Совета на характер их деятельности и решения. Во всяком случае, присутствие департаментов в королевском проекте также должно было способствовать усилению позиций монарха в задуманном Совете.

Как уже было отмечено, выдвигая проект Совета, его инициаторы из радомского лагеря стремились к ограничению королевских полномочий. Однако насколько соответствовали рассмотренные замыслы этой задаче?

Если вернуться к последним годам правления саксонской династии, когда и зародились подобные идеи, то в то время возможности монархов обходить в своих решениях республиканские институты выглядели гораздо более внушительно, особенно если принять во внимание их опору на собственные саксонские владения, финансы и войска. Тогда Август III и Генрих Брюль могли использовать королевские декреты, манипулировать министрами и сенаторами, протаскивать нужные постановления Сенатского совета, наконец, применив право *liberum veto*, сорвать сейм. Примером такой практики могло послужить дело об ординации Островских. С этой точки зрения, проект королевского Совета существенно ограничивал компетенцию монарха.

Иное дело первые годы правления Станислава Августа, когда король практически не располагал собственными ресурсами для усиления своей власти, а с российской стороны, за исключением некоторых туманных обещаний, ему не было оказано никакой поддержки. В 1765–1767 гг. королевских декретов практически не издавалось. Даже с формальной точки зрения, действия Станислава Августа были связаны двумя генеральными конфедерациями 1764–1766 гг. и 1767 г., комиссиями (военной, финансовой, монетной и др.). За плечами короля находились «фамильная рада» Чарторыских, наконец, Н. В. Репнин, а также «августейшее покровительство» Екатерины II и ее прусского союзника. Принимая в расчет положение Станислава Августа и Речи Посполитой после 1764 г., можно заключить, что создание во главе с королем влиятельного органа исполнительной власти открывало возможность известной стабилизации политической системы шляхетской республики, сглаживания противоречий между магнатскими группировками и консолидации польской шляхты, а следовательно, и укрепления королевской власти как республиканского института Речи Посполитой.

Именно такая перспектива с тревогой воспринималась в Берлине. В депеше от 30 сентября 1767 г. Г. Бенуа доносил Фридриху II о своем разговоре с Н. В. Репниным относительно позиции Пруссии по вопросу о создании Постоянного совета, что, по словам русского посла, проект исходит из радомского лагеря и что Репнин торопит с ответом¹²². Получив письмо посла, К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг вначале не выдвинули возражений против этого плана, а писали 9–10 октября, что следует настаивать на непременном сохранении *liberum veto*¹²³.

Однако в инструкциях В. Ф. Сольмсу прусские кабинет-министры постоянно напоминали об опасности сотрудничества Репнина со Станиславом Августом, о некоем «соглашении» польского короля с русским послом. 17 октября, уже после открытия сейма в Варшаве, они писали Сольмсу «о проекте, составленном польским королем для увеличения его власти посредством образования с этой целью Постоянного совета при нем, <...> что русский посол оказывает в некоторой степени свое содействие в этом дворе»¹²⁴. Как и в переписке с Г. Бенуа Финкенштейн и Герцберг не вы-

двигали прямых возражений, тем более запретов, однако их предостережения, адресованные русскому двору, звучали достаточно красноречиво.

Разумеется, трудно оценить политический проект, который так и остался не-реализованным. Тем более, нет оснований сравнивать с ним Постоянный совет, созданный в Речи Посполитой в 1770-е годы. Однако, говоря о замысле формирования такого органа накануне сейма 1767 г., важно подчеркнуть, что он стал одним из важнейших свидетельств сотрудничества Станислава Августа и его сторонников с Н. В. Репниным, что в основе этого сотрудничества лежала возможность прогрессивных политических реформ в Польше в русле совершенствования государственного строя Речи Посполитой.

V

По мере приближения назначенного на 5 октября открытия сейма ситуация в Варшаве накалялась день ото дня. Шляхта и часть магнатских кругов протестовали против неприкрытого военно-политического давления Петербурга, стремившегося всеми средствами реализовать свои планы в отношении Польши. Напряженность нарастала на общественной почве, пронизанной характерными для шляхетской политической культуры традициями публичной политики тогдашней Речи Посполитой.

Мы не станем описывать кипение страстей, сопровождавшихся как с русской, так и с польской стороны взаимными обвинениями, нередко перемежавшимися просто с оскорблениями, сплетнями, тенденциозными слухами и т. п. Ожесточенная полемика запечатлелась в источниках, породила соответствующую публицистику, что в свою очередь наложило глубокий отпечаток на труды историков, представивших яркие картины политического противостояния того времени. Они известны из работ С. М. Соловьева, Х. Шмита, А. Краусхара, К. Рудницкого и других авторов. Нам же представляется важным рассмотреть черты политической тактики противоборствующих сторон в сентябре и в первые дни октября 1767 г., предшествующие началу сейма.

Проявившийся во время сеймиков раскол радомского лагеря положил начало формированию новой оппозиции, которая готовилась к открытому противоборству не только с двором и его реформаторскими проектами, но и с Репниным и его «приятелями» — сторонниками русского посла среди радомских конфедератов. На роль вождя этой новой «партии», противостоящей как польскому двору, так и России, вновь, как и годом раньше, претендовал К. Солтык. Если при образовании Радомской конфедерации краковский прелат находился на вторых ролях, то, разослав свое пасторское послание от 15 августа на сеймики, он сразу занял первое место среди противников Репнина. В послании епископ призывал не проводить сеймики в присутствии русских войск, не допустить инструкций в пользу диссидентов и не рассматривать на сейме вопроса о «политических реформах, поднятого в декларациях соседних держав» (имелась в виду в первую очередь декларация Екатерины II) под предлогом, что об этом не говорилось в королевском универсале¹²⁵. Таким образом, Солтык не только выступил в защиту католицизма и против диссидентов, что, начиная с сейма 1766 г., было знаменем его борьбы со Станиславом Августом за лидерство среди польской оппозиции, но и против российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

О планах краковского епископа свидетельствовали, в частности, его письма одному из своих наиболее близких сторонников — М. Вельгурскому, находившемуся в составе конфедератского посольства в Москве. Сам Вельгурский был давним адептом «партии» Мнишека и представлял в посольстве, по словам В. Конопчиньского, интересы надворного маршала. К «дворцам» 1750-х гг. принадлежал и краковский епископ, переписка которого с литовским кухмистром могла отражать как позицию самого Мнишека, так и его ближайшего окружения. Письма Солтыка были посланы через саксонского резидента в Варшаве А.Ф. Эссена и преданы им Н.В. Репнину, который переслал их Н. И. Панину.

Первое письмо¹²⁶, отправленное во время сеймиков, приведено у С. М. Соловьева и К. Рудницкого. Оценивая его содержание русский историк отмечал, что если в пасторском послании на сеймики «Солтык является перед нами как епископ католический», то в письме к Вельгурскому — «как политик»¹²⁷.

По словам краковского прелата, российская гарантия польской конституции, на чем настаивает Екатерина II, грозит Польше зависимостью, подобной той, в которой оказались от польской короны Курляндия и Королевская Пруссия, после того как польский король гарантировал их права и привилегии. Единственным способом отклонить гарантию российской императрицы была бы ссылка на непозволение на это Турции. Солтык напоминал, что в России есть 30 знатных фамилий польского происхождения, представители которых по воле царицы могли бы занять места в Сенате Речи Посполитой, если дать согласие допустить туда иноверцев. Главными целями оппозиции накануне сейма, по замыслу непокорного прелата, должны быть меры: «1) чтоб конфедерация пришла в совершенство; 2) чтоб иностранным дворам дать время для переговоров; 3) чтоб курфюрст саксонский пришел в совершеннолетие; 4) чтоб лучше изъясниться с двором петербургским через наших посланников, а не через того деспота (Репнина); 5) для слабости (здоровья) короля прусского: если бы умер, то что бы помешало саксонскому войску войти в Польшу»¹²⁸.

Следующие письма Солтыка — Вельгурскому, переданные Эссеном Репнину, датированы 30 августа и 7 сентября. Их русский посол обстоятельно прокомментировал в донесениях Панину¹²⁹. В одной из следующих депеш (от 24/13 сентября) Репнин сообщал, что получил от Эссена еще один пакет с письмами краковского епископа, замечая, что «ничего важного в них не нашел»¹³⁰.

Анализируя письма Солтыка от 30 августа и 7 сентября, Репнин писал Панину, что «согласие примаса (Г. Подоского, епископа краковского (К. Солтыка), епископа каменецкого (А. Красиньского), маршала Мнишека, воеводы киевского (Ф. С. Потоцкого) и подскарбия Весселя из сих писем видно, а предо мной они все друг на друга бог знает чего не говорят и следственно, все обманщики»¹³¹. Репнин указывал на намерение посольства конфедератов в России подать мемориал о якобы незаконности предстоящего сейма, так как требования Радомской конфедерации не были отражены в королевском универсале о его созыве¹³²; на планы поссорить Россию с турками, «от коль к Порте развратные внушения доходят»¹³³ <...> Замыслы об саксонском дворе и принце Карле, — продолжал русский посол, — происходят от злости к королю и от того, что он (Красиньский) принцу Карлу родня по жене, — и добавлял, — думаю, однако ж, что двор саксонской не имеет участия в сновидениях епископа Каменецкого»¹³⁴. В заключение депеши Репнин писал: «Когда уже нужды не будет скрывать подлинные доказательства коварства всей их шайки, то, пока-

зав тогда им оные, <...> буду стараться <...> твердое основание положить независимой ни от кого нашей партии, учредя примаса в Короне шефом с подскарбием Весселем, а в Литве стараться буду Радзивилла удержать. В прочих же надежды не имею»¹³⁵.

В известной мере о планах посольства конфедератов при русском дворе свидетельствуют также оказавшиеся у Панина и Репнина два письма М. Вельгурского К. Солтыку из Москвы от 20 и 25 сентября 1767 г.¹³⁶ Они были найдены в бумагах епископа уже после его ареста в ночь с 5 на 6 октября 1767 г., в самый канун открытия сейма¹³⁷. В первом письме от 20 сентября Вельгурский писал о делах посольства конфедератов в первые дни пребывания в Москве, где в то время находился русский двор. По словам посла, «здесь огорчены тем», что конфедераты «колеблются» и не готовы безоговорочно признать декларацию Екатерины II и подчиниться воле императрицы¹³⁸. Все переговоры послы вели только с шефом Коллегии иностранных дел, при этом кухмистр добавлял, что «краковский и виленский бискупы (К. Солтык и И. Массальский) больше бы могли получить от Панина, нежели от Орлова»¹³⁹. Это замечание указывает, что послы рассчитывали использовать в своих интересах противоречия между придворными группировками в России, как это надеялся сделать Солтык еще в 1766 г. Однако и на этот раз попытка оказалась безуспешной. Упоминание же здесь виленского епископа свидетельствует, что соответствующие инструкции Вельгурский получил не только от Солтыка, но и от Массальского, по крайней мере, также и от имени последнего.

Послы конфедерации надеялись также на содействие И. Г. Сакена — саксонского посла в России, — однако и здесь ожидания оказались тщетными. Вельгурский писал, что тот «еще со мною и моими товарищами не виделся и не желает здесь дать знать о том, что его двор у нас (в Польше) делает интриги»¹⁴⁰. Репнин обратил внимание Панина на «странный отзыв» о саксонском дипломате¹⁴¹.

Писал Вельгурский и об отношениях между самими послами конфедерации: о Юзефе Оссолинском, который «Репниным сильно рекомендован Панину», и Людовике Потее, который как знатный человек получил некое «предостережение», в результате, заключал кухмистр, оба они «весьма изрядно рассуждают»¹⁴², т. е. придерживаются той линии, которую представлял и сам Вельгурский. Затруднение, по его словам, представляли отношения с Шимоном Коссаковским. «Не могу согласиться на то, — писал он, — чтоб Коссаковский в наших советованиях имел участие, на что он хотя и склонился, но только то в затруднение находим, что как его от сего отдалить не знаем. Для того наипаче, что он от князя Радзивилла ему предан, и потому надобно Вам стараться о изыскании там средства, через которое бы можно было его от того отдалить»¹⁴³.

Таким образом, из письма Вельгурского видно, что посольство конфедератов руководствовалось в целом предписаниями Мнишека, Солтыка и Потоцких. Исключение составлял только представлявший К. Радзивилла Ш. Коссаковский, которого предлагалось по возможности не допускать к работе посольства. Кухмистр литовский изображал посольство как некий коллегиальный орган, однако подчеркивал свою ведущую роль в нем, хотя формально возглавлял посольство Л. Потей, державший речь на аудиенции Екатерины II. Примечательно, что на первое место среди послов поставил коронного кухмистра и В. Конопчинский¹⁴⁴.

О первой конференции с послами конфедерации Н. И. Панин извещал Н. В. Репнина в депеше от 22/11 сентября 1767 г.¹⁴⁵ Руководитель русской внешней

политики писал, что те просили его начать переговоры, не дожидаясь официальной аудиенции, отложенной из-за отсутствия Екатерины II в Москве и болезни Л. Потея. На конференции 21/10 сентября от имени конфедератов выступил М. Вельгурский. Он указал, во-первых, что королевский универсал о созыве сейма был посвящен только делу диссидентов, в то время как вопросы о свободах республики не были упомянуты. Во-вторых, посол заявил, что в декларации Екатерины II отсутствует определение предстоящего сейма как «сейма примирения», что является целью Генеральной конфедерации. В-третьих, по словам Вельгурского, ни один из генеральных маршалов конфедерации не был избран послом на сейм (в том числе и К. Радзивилл), что не дает им права претендовать на должность маршала сейма. В-четвертых, передавал слова Вельгурского Панин, многие сеймики «обратились в дурную сторону» и «дали предосудительные инструкции», поэтому конфедерация не может поручиться за требуемое большинство голосов.

Поэтому, говорил посол, конфедерация недовольна положением дел и предлагает, чтобы отменить нынешний сейм и немедленно созвать новый «под именем сейма примирения». Отмену сейма, по словам Вельгурского, можно провести, когда сейм соберется и установит срок проведения нового сейма, чтобы конфедерация имела возможность провести выборы «надежных послов».

На все это Панин отвечал, что прозвучавшие в речи польского посла требования столь важны, поэтому они будут приняты только для доклада Екатерине II, которая и примет окончательное решение. Вместе с тем, добавил он, заявленная посольством позиция будет воспринята императрицей как проявление «двойкости». Предстоящий сейм, заявил руководитель русской внешней политики, должен будет сформировать «депутацию» для переговоров, а «сам сейм будет лимитирован без распускания земских послов по домам». Таким образом, хотя и в завуалированной форме (со ссылкой на доклад Екатерине II) предложения конфедератов были отвергнуты, а в постскрипуме к депеше Панин приказывал Репнину «не останавливать сейм», чтобы не дать нашим противникам выиграть время, а также «захватить и содержать под караулом» К. Солтыка, поскольку «плут — епископ краковский — уже сам публично подал причины и права» для этого.

После конференции у Панина М. Вельгурский направил новое письмо К. Солтыку, в котором писал, что «о краковском бискупе в России весьма худое мнение имеют» из-за позиции последнего на сейме 1766 г. и особенно из-за августовского письма на сеймики. Все переговоры посольства посвящены только предстоящему сейму, «о прочих материях, — отмечал кухмистр, — как слепой нахожусь, — и добавлял: — Каждое по диссидентским делам прекословие преступлением здесь почитается»¹⁴⁶.

О диссидентах Вельгурский писал, что не знает, «какое действие возымеет наш против диссидентов мемориал — грозят нам гневом государыни...». Он указывал, что те «не одним только претекстом почитаются», и добавлял, что не может с уверенностью сказать будут ли в России настаивать на полном удовлетворении их требований или ограничатся «некоторыми для них выгодами»¹⁴⁷. С посольством об этом говорить не желают, а «отсылают к князю Репнину, яко имеющему инструкцию, из чего предусматривается утеснение, но оно здесь отвратить не можно»¹⁴⁸.

Итак, в изложении Вельгурского, тактика послов конфедерации в диссидентском вопросе состояла в том, чтобы самим вести переговоры в России, устранив от этого Репнина, затянуть их, а следовательно, отложить проведение сейма, выяс-

нить цели русской политики и пределы требований, по возможности, смягчить их. Посольство ожидала неудача. Кухмистр констатировал, что дело диссидентов отнюдь не рассматривается в Петербурге только как повод для вмешательства в дела Польши, что русское давление в диссидентском вопросе будет нарастать, что переговоры возможно вести только с Репниным и только в Варшаве в ходе сейма, отложить который Панин не позволит.

В связи с этим из письма следовало, что конфедератов ожидало еще одно разочарование в их планах отзыва русского посла из Речи Посполитой: «А о том заподлинно уверить могу, — писал Вельгурский, — что князь Репнин отозван не будет»¹⁴⁹. Та же судьба ожидала, пожалуй, важнейший замысел радомян склонить Екатерину II и Панина к детронизации Станислава Августа. «Ежели ж и сему верить, — не без сомнения доносил кухмистр литовский Солтыку, — то король у царицы в худом мнении, однако не так, чтоб подвергнут был низвержению с престола»¹⁵⁰.

В заключение, косвенно подтверждая невозможность отложить сейм, Вельгурский сообщал Солтыку о планах Панина образовать на сейме делегацию для переговоров с Репниным. Он писал, что «наш коронный конфедерацкий маршал (К. Радзивилл. — Б. Н.) вас уведомит о комиссии и каких людей в оную определить надлежит»¹⁵¹.

Таким образом, деятельность посольства конфедератов в Москве позволяет прояснить некоторые из положений плана К. Солтыка, изложенного в первом письме к М. Вельгурскому. Во-первых, «лучше изъясниться с двором петербургским» означало: добиться детронизации Станислава Августа, отзыва из Варшавы Н. В. Репнина, переноса переговоров по диссидентскому вопросу в Россию и проведения их через послов Радомской конфедерации в расчете смягчить позицию Екатерины II и Панина или, по меньшей мере, выиграть время.

Во-вторых, «отложить сейм, чтобы конфедерация пришла в совершенство», сделать это надлежало по решению (по конституции) собравшегося сейма, который бы отменил королевские универсалы о созыве сейма и проведении сеймиков, после чего процедура была бы объявлена и проведена заново. Собравшиеся вновь сеймики приняли бы новые инструкции и избрали новых послов на сейм. Однако к тому же открывалась бы возможность (особенно в случае отзыва Репнина) пересмотреть и Акт Радомской конфедерации, а если бы такая ревизия не удалась напрямую, то наряду с решением об откладывании сейма собравшиеся послы могли бы принять постановление о роспуске нынешней конфедерации, чтобы образовать новую либо непосредственно на сейме, либо в обычном порядке. Для этого Солтыку и его сподвижникам требовалось сплотить вокруг себя шефов радомян. В последнем епископ краковский мог надеяться на успех, особенно под флагом свержения короля. Косвенно это подтверждалось и мнением Репнина, писавшего, что надеется удержать на своей стороне только Г. Подоского, Т. Весселя и К. Радзивилла¹⁵².

В пользу того, что противники России и Станислава Августа предпринимали соответствующие шаги имеется ряд свидетельств. Привел их В. Конопчинский, исследовавший генезис Барской конфедерации¹⁵³.

О попытке организовать реконфедерацию в Великой Польше еще накануне сеймиков доносил Э. Ф. Шуазелью агент французской секретной дипломатии и гетмана Я. К. Браницкого В. Якубовский. В сентябре 1767 г. в связи с проектом Постоянного совета, согласно более поздним свидетельствам, возникла некая организация во главе с К. Солтыком, а принадлежали к ней Е. Мнишек, Т. Вессель, Кароль Радзивилл,

Потоцкие во главе с Франтишком Салерием, Марианом и Иоахимом, А. Красиньский с братом Михалом, Ф. Велиопольский, Павел Мостовский, Михал Суффчыньский — каштелян черский, а среди других Юзеф Пулаский — староста варецкий. По донесению, которое Станислав Август получил осенью 1768 г., П. Мостовский «был первым зачинщиком бунтов. В своем доме на Новом Мясте в Варшаве он проводил осенью 1767 г. тайные конференции с М. Красиньским, с Пуласким и др., которым якобы дал тогда под видом покупки имений 150 тыс. злотых на организацию конфедерации, после чего Красиньский и Пулаский выехали на Украину. Сведения о некоем «предбарском списке» приводит также К. Рюльер и некоторые другие источники.

«Шефы общего дела», как называл вожак В. Конопчиньский, попробовали изложить свой план на бумаге. Так возникли «*Plan général*» и «Проект внутреннего управления» (*Projet sur le gouvernement intérieur*). Тексты планов, отмечал историк, неизвестны, однако из донесений французских агентов мы знаем, что их составителями были А. Красиньский и краковский воевода Вацлав Ржевуский¹⁵⁴.

Упомянутые секретные совещания у П. Мостовского, связанный с ними «список» деятелей оппозиции и составленные А. Красиньским проекты могут косвенно свидетельствовать, какое содержание Солтык вкладывал в тезис о «приведении в совершенство» Радомской конфедерации. В частности, названия проектов позволяют заключить, что те должны были быть противопоставлены как проектам Репнина, так и планам Станислава Августа, который намеревался дополнить российскую гарантию некоторыми реформаторскими нововведениями. Вместе с тем приведенный В. Конопчиньским перечень имен заговорщиков, с точки зрения его достоверности, вызывает некоторые сомнения. В первую очередь это касается упомянутого в нем К. Радзивилла. В переписке виленского воеводы о деятельности руководителей предбарской оппозиции впервые упомянуто в январе 1768 г., когда тот писал Я. Фрычиньскому, что епископ каменецкий является главой заговора с целью возвести саксонского электора на польский престол¹⁵⁵. Из письма видно, что никакой более подробной и достоверной информацией магнат не обладал. Присутствие же Радзивилла в списке объяснялось тем, что его составители стремились представить в Версале (куда был направлен список), а также в Вене и Дрездене свою «партию» как наиболее могущественную, а потому и называли наиболее влиятельных и известных за границей лиц. А поскольку Радзивилл оказался в списке, очевидно, без своего ведома, можно предположить, что также туда попали и некоторые другие лица.

Почти все немногие свидетельства о внутреннем становлении антироссийской и антикоролевской оппозиции в Речи Посполитой осенью 1767 г. так или иначе восходят к сведениям французского внешнеполитического ведомства, ибо в Версале противники России видели своего главного союзника за рубежом, способного оказать им поддержку в Вене, в Дрездене и на берегах Босфора, где оппозиционеры также предпринимали соответствующие усилия. В свете этих шагов можно истолковать тезис К. Солтыка о возможности «отклонения» российской гарантии, опираясь на возражения Порты и о необходимости выиграть время, чтобы иностранные дворы могли бы провести переговоры и даже в надежде, что при благоприятных обстоятельствах саксонские войска могли бы вступить в Польшу. При этом в своих попытках обрести иностранную поддержку заговорщики не исключали из расчетов даже Пруссию. На это указывает подаренный К. Солтыком Г. Бенуа перстень за 300 червонных, о чем осталась расходная запись в бумагах епископа, обнаруженных после его ареста¹⁵⁶.

В целом же достаточно отрывочные сведения о действиях антироссийской оппозиции позволяют заключить, что радомский лагерь день ото дня приходил в упадок, что в нем постепенно формировался круг магнатов, готовых оказать решительное сопротивление России. Степень их влияния в шляхетской среде в это время определить достаточно трудно, однако итоги сеймиков указывали, что, по крайней мере, в Малой Польше (в Подолии, на Волыни) уже сформировалась почва и для сопротивления шляхты.

VI

Обострение ситуации в Польше вызывало растущую озабоченность при европейских дворах, в первую очередь в Берлине и в Вене. Еще 29 мая 1767 г. Фридрих писал прусскому послу в Австрии Я. Ф. Роду, что заключение последнего о невмешательстве Вены в польские дела «справедливо, если только иметь в виду текущий год, но, — подчеркивал прусский король, — обстоятельства могут осложниться в дальнейшем, на что следует направить удвоенное внимание, в том случае, если австрийцы приведут в движение Оттоманскую Порту»¹⁵⁷.

В депеше от 23 мая Род писал, что миролюбивая система Марии Терезии распространяется ныне и на дела Польши, в которых она, как и раньше, не намерена принимать участия. Далее прусский посол приводил собственные слова императрицы: «Хотя я настойчиво просила об ответе на письма епископа краковского, однако дворы Франции и Испании не сделали этого, поэтому и от нас не последовало никакого ответа. Я, — говорила Мария Терезия Роду, — не имею, впрочем, никакого прямого участия в этих делах, с тех пор как восстановили *liberum veto* в Польше, в сохранении которого я заинтересована также, как и другие соседи. Я не вмешиваю сюда диссидентов, требования которых будут, вероятно, удовлетворены на ближайшем сейме»¹⁵⁸.

Эти донесения были встречены в Берлине с удовлетворением, однако, не избавили Фридриха II от опасений. «Я буду доволен, — писал он Роду 31 мая, — если Вы при случае скажете императрице, что я предоставляю со своей стороны все гарантии относительно своих подлинных намерений и своего участия в деле польских диссидентов, что мне и во сне не могло привидеться какое-либо, даже самое малое, соучастие в разделе страны» (Польши)¹⁵⁹. Примечательно, что в очередной раз обострение ситуации в Речи Посполитой сопровождалось при европейских дворах слухами и предположениями относительно угрозы раздела Польши.

С опасностью вмешательства Австрии в польские дела не могли не считаться и в Петербурге, хотя там и придерживались мнения, что в Вене «трижды подумают», прежде чем решатся предпринять что-либо против России. Посол Екатерины II при императорском дворе Д. М. Голицын внимательно наблюдал за действиями Марии Терезии и В. А. Кауница. Так 19/8 августа 1767 г. он доносил о получении в Вене грамот от римского папы с призывом поддержать католиков в Польше. Однако, по словам посла, «никакой не произвели они перемены в настроениях здешнего двора, но напротив того, по объявлению достоверных людей, оставлены без всякого уважения»¹⁶⁰.

Однако уже в начале сентября, когда в Вену стали приходиться известия о сеймиках в Польше, о действиях русских войск и о «насилиях» Репнина, а также вновь зазвучали призывы о помощи со стороны «недовольных поляков», в реляциях Го-

лицына стали заметны тревожные ноты. В донесении, в котором посол извещал о прибытии в Вену А. Е. Висконти и о предстоящей аудиенции нового нунция, Голицын уделил главное внимание военным приготовлениям Австрии. Он сообщал об осеннем смотре пехотных полков, но добавлял, что ныне смотр проводится с большею «строгостью», чем обычно, и что «требуется от генералов, дабы они сами во время сих смотров при полках своих находились»¹⁶¹.

В конце сентября 1767 г., накануне открытия сейма в Варшаве, Д. М. Голицын написал своему двору, что получил от Репнина письмо, в котором тот сообщал, что, по сведениям сардинского министра М. Мерсье де ла Ривера, Испания и Франция якобы предоставили Вене субсидии, чтобы побудить Австрию вмешаться в польские дела. В ответ посол известил Екатерину II и Репнина, что венский двор «не намерен до сих пор» поступать подобным образом¹⁶². Примечательно, что в этой реляции Голицын специально подчеркнул, что его сведения о планах Австрии относятся только к настоящему моменту, но в этом смысле нельзя поручиться за будущее, что совпадало с мнением Фридриха II.

Политика Вены во многом зависела от поведения своего французского союзника. Еще в конце 1766 г. австрийский посол во Франции Ф. Мерси д'Арженто сообщал, что в Версале намеривались лишь наблюдать за событиями в Польше. После доклада об этом Кауница Мария Терезия написала на депеше посла от 19 ноября 1766 г.: «ввиду указанных политических обстоятельств, я нахожу, что это невозможно исправить»¹⁶³, т. е. Франция не будет вмешиваться в дела Польши и не окажет там своим сторонникам открытой поддержки.

На рубеже 1766–1767 гг. в Вене сознавали недостаток собственных сил для влияния на события в Польше, хотя на совещание к императрице были приглашены В. А. Кауниц и фельдцейхмейстер Г. Э. Лаудон, на котором были выработаны меры по повышению боеготовности австрийской армии¹⁶⁴. Однако военные приготовления были предприняты на случай непредвиденных обстоятельств и не предполагали планов венского двора в отношении Польши. Тем не менее, так называемые «австрийские вооружения, как мы видели, с тревогой были встречены в Берлине и Петербурге.

В это время, согласно донесениям из Версаля Мерси д'Арженто от 10 февраля 1767 г., Э. Ф. Шуазель, чтобы оказать помощь Польше, выдвигал достаточно сомнительную идею организовать при содействии Турции дворцовый переворот в России и тем самым кардинально изменить политическую сцену при русском дворе¹⁶⁵. Как мы помним, слухи об этих прожектах достигли Берлина, а Фридрих II не преминул уведомить о них Панина. Трудно сказать, верил ли сам шеф французской дипломатии в осуществимость подобного плана, однако уже одни разговоры об этой затее вполне могли сыграть свою роль в провоцировании русско-турецкой войны, к чему, очевидно, стремились французские политики.

В марте 1767 г., во время образования в Польше диссидентских конфедераций, Кауниц пришел к заключению, что Австрия должна поступать «с крайней осторожностью» и придерживаться, как и до сих пор, позиции стороннего наблюдателя, которая уже принесла наилучшие результаты. В этом духе он поручил составить инструкции Мерси д'Ардженто, отправленные во Францию 9 и 31 марта, в которых предписывалось и далее придерживаться выжидательной тактики, поскольку ни польский король, ни Республика не обратились в Австрии «за поддержкой пред лицом нападения России»¹⁶⁶.

Более детально австрийский канцлер раскрыл содержание своего замысла в октябре, когда поручал послу под благовидным предлогом отклонить французские предложения по поводу введения в Польшу австрийских войск и в целом отказаться от любого вмешательства (депеша от 6 октября). Единственным возможным, по мнению Кауница, способом противодействия еще будущему усилению позиций России в Польше было бы сближение Австрии с Англией, что должно вызвать ревность Франции. Однако, если последнего удастся избежать, «то можно было бы попытаться через посредничество британского правительства побудить русскую императрицу и прусского короля в дальнейшем действовать в Польше более мягко и с оглядкой на позицию других дворов» (В. А. Кауниц — Ф. Мерси д'Арженто 15 октября 1767 г.)¹⁶⁷.

Таким образом, накануне открытия сейма 1767 г. и Версаль и Вена не намерены были вмешиваться в польские дела и противодействовать России. Они подталкивали к такому вмешательству друг друга и третьи страны, в первую очередь Турцию, однако каждый по отдельности, ни Людовик XV, ни Кауниц, не осмеливались, опираясь только на собственные силы, выступить против русской политики в Речи Посполитой. Это свидетельствовало, что после окончания Семилетней войны союз двух стран шаг за шагом утрачивал позиции в европейской политике. В этой связи весьма примечательно рассуждение Кауница о возможном сближении с Англией. Обращает на себя внимание также мысль австрийского канцлера, что противодействовать России в Польше могут только совместные действия нескольких великих держав.

От позиции Франции и Австрии в решающей степени зависело и поведение Саксонии — ближайшей союзницы венского двора. Надежды К. Солтыка и А. Красиньского на возможность при известных условиях вступления в Польшу саксонских войск, с помощью которых противники России надеялись провести на престол саксонского электора, были иронически названы Репниным «сновидением». Да и сами оппозиционеры иногда высказывали сомнение в серьезности саксонских намерений. Так, М. Вельгурский явно выражал недоверие А. Ф. Эссену, «которого, — по словам кухмистра, — в рассуждении закона (в деле защиты католической веры. — *Б. Н.*) как огня бояться надо»¹⁶⁸. И он не ошибся, ибо именно саксонский посол в Варшаве передал Репнину адресованные Вельгурскому письма Солтыка. Однако стоит заметить, что Эссен уведомлял русского посла далеко не обо всех известных ему планах и действиях оппозиции. О готовности Дрездена сторговаться с Россией свидетельствовало соглашение двух дворов в вопросе о предоставлении саксонским принцам уделов в Польше и планы привлечения Саксонии к «Северной системе» Н. И. Панина.

Приведенные примеры могут проиллюстрировать почти двухлетнюю тенденцию в отношениях Дрездена и Петербурга, но все же они принадлежали к области политической конъюнктуры. В связи с этим весьма интересна депеша А. Ф. Эссена — К. Флемингу от 3 октября 1767 г., в которой нашло отражение саксонское видение нынешней ситуации в Польше в связи с перспективой развития европейской политики в целом. Обращаясь к первому министру, посол указывал, что «нынешний острый кризис в польских делах имеет большое внешнее значение. Этот сейм, — писал Эссен, — навечно останется важным событием и не только в истории Польши; он заслуживает внимания всей Европы. Польша впредь еще более, чем теперь, окажется в зависимости от России посредством гарантии конституции, о чем просила сама конфедерация, и посредством расширенных и установленных законом

привилегий диссидентов. Таким образом, Россия превращается в арбитра во всех делах этого королевства. Эта часть польской нации (диссиденты) становится русским государством внутри польского государства и будет проводником планов и намерений русской императрицы, которые очевидно предусматривают укрепление ее позиций и расширение влияния в Германии. Все, что делается ныне в Польше и что я могу наблюдать, — писал Эссен, — представляется мне как подготовка средств, с помощью которых надеются достичь далеко идущих целей»¹⁶⁹. К этой депеше посол сделал по-французски собственноручную приписку: «Россия будет ласкать Саксонию, по мере того как эти проекты будут продвигаться к успеху, такое государство, как Саксония, сказать по справедливости, это то, что надо (для России. — *Б. Н.*) в Германии. [Оно] достаточно сильное само по себе, а также благодаря своим союзам и связям, чтобы быть полезным России, и недостаточно сильное, чтобы противодействовать»¹⁷⁰.

Приведенные соображения Эссена вполне укладывались в русло тех идей, которые развивали в 1765 г. Кауниц, писавший, что российское преобладание в Польше будет меньшим из возможных зол, и в 1766 г. — Сольмс, отмечавший, что российская экспансия придет в противоречие с интересами Пруссии настолько, что подтолкнет Берлин к примирению с Веной. Теперь же подобные опасения прозвучали и при саксонском дворе. Однако ныне в Дрездене, вслед за своими старшими партнерами в Вене и в Версале предпочти занять позицию невмешательства и ожидать дальнейшего развития событий.

VII

Обеспокоенность и неуверенность по поводу ситуации в Речи Посполитой царили и при русском дворе. Об этом писал из Москвы в Берлин В. Ф. Сольмс. По его словам, здесь проявляли крайнее недовольство «нерешительностью поляков» и «частыми переменами в образе мыслей польских вельмож», имея в виду прежде всего шефов Радомской конфедерации. «Граф Панин, — доносил прусский посол, — в таком гневе, что только и говорит, что следует начать действовать войсками и схватить нескольких лиц». В заключение Сольмс отмечал, что, хотя дела идут и не так быстро, как на это рассчитывали, «тем не менее, граф Панин нисколько не сомневается в успехе и с тою же настойчивостью надеется довести их до конца»¹⁷¹.

Однако, несмотря на демонстрируемую перед иностранными дипломатами «уверенность», сомнения не покидали руководителя русской внешней политики. Получив депешу Н. В. Репнина от 2 октября / 21 сентября (см. Приложение № 2), в которой говорилось о «ненадежности» послов на сейм, об «интриговании и всякого рода коварстве», о «публичных призывах» не проводить сейм в присутствии русских войск, Н. И. Панин писал в ответ Н. В. Репнину, что содержание донесений посла приводит его теперь «в явную неизвестность о настоящем положении дел ваших»¹⁷².

В конце лета — в начале осени 1767 г. при российском дворе, хотя и довольно глухо, вновь обнаружились разногласия относительно политики в Польше. Свидетельством особого подхода к польским делам Военной коллегии во главе с З. Г. Чернышевым стало поручение генерал-майору М. В. Каховскому провести описание и составить карту земель княжества по верхнему течению Западной Двины. Названному обследованию земель посвящена статья З. Зелинской¹⁷³, в заглавие которой

автором был вынесен вопрос: «Подготовка к разделу?» (Польша). В ней, в частности, проанализирована, сохранившаяся в фондах Коллегии иностранных дел черновая копия инструкции о проведении названного обследования. Составлена она была, вероятно, не ранее февраля–марта 1767 г., поскольку в январских приказах Военной коллегии о вступлении русских войск в Польшу описания земель никак не упомянуто, а чин генерал-майора Каховский получил в самом конце 1766 г.

Согласно инструкции, следовало не только изготовить карты, но и приложить к ним подробные сведения о топографии, административном и территориальном устройстве, населении и хозяйстве обследованных областей. Детально описывалось каждое владение, его принадлежность по сословному признаку, по праву собственности, внутренняя структура, характер хозяйственной деятельности, доходность и т. д. Территория, где проводилось обследование, включала «всю Польскую Лифляндию», «часть Полоцкого воеводства», лежащую по правому берегу Западной Двины, а также «все Витебское воеводство», Оршанский повет и расположенные по Днепру земли Мстиславские, Рогачевские и Ржечицкие¹⁷⁴.

З. Зелинская указала, что подлежащая описанию область совпадала с границами земель, захват которых был предусмотрен планом З. Г. Чернышева 1763 г., а в дальнейшем, после первого раздела Польши, включенных в состав России. Это и дало право автору сделать справедливый вывод, что аннексионистские планы Петербурга 1763 г. спустя четыре года не были забыты, а были только отложены до подходящего случая.

С этим мнением вполне можно согласиться, имея в виду, что сбор указанных сведений должен был продемонстрировать, какие конкретные выгоды получила бы Россия от захвата названных территорий в Литве. Однако описание земель могло иметь и другую, более близкую цель. Если бы кризис 1767 г. в Речи Посполитой привел к войне, то земли по Западной Двине и Днепру на линии от Риги до Смоленска служили бы для русской армии наилучшей передовой оперативной базой и ближайшим тылом для размещения и развертывания войск. Последние оказались бы не только существенно приближены к возможному театру военных действий, но и могли бы в значительной степени содержаться за счет занятых территорий. Для размещения и расквартирования войск, для сбора контрибуции, продовольствия, фуража, тягловых лошадей и подвод, текущего ремонта вооружения, подвижного состава и т. п. — всего, что составляло тыловое обеспечение военных действий в достаточно широких масштабах, требовались самые подробные сведения не только топографического, но и экономического характера, сбор которых и был предусмотрен указанной инструкцией.

Таким образом, даже если иметь в виду ближайшие цели, то Военная коллегия в своем планировании исходила из возможности большой войны в Польше, что указывало на заметное расхождение между Паниным, с одной стороны, и З. Г. Чернышевым, за спиной которого стояла группировка Орловых — с другой, в оценке возможных последствий и перспектив русской политики в Речи Посполитой в 1767 г. Однако Военная коллегия должна была отдавать себе отчет, что предусмотренный инструкцией сбор сведений получит широкую огласку и будет истолкован в Польше как свидетельство захватнических замыслов России, т. е. сыграет роль провокации, направленной на обострение ситуации и провал планов Панина на предстоящем сейме.

Весть о проводимом русскими офицерами описании земель достигла Варшавы в августе 1767 г., о чем писал ко двору униатский архиепископ полоцкий Язон Смогоржевский¹⁷⁵. Вызванные действиями русских офицеров волнения полоцкой шляхты удалось успокоить только благодаря вмешательству С. Бржостовского, и все же тревожные слухи распространились повсюду и пришлось как раз на время проведения сеймиков. Н. В. Репнин писал Н. И. Панину 4 сентября / 24 августа, что Станиславом Августом и К. Радзивиллом как маршалом Генеральной конфедерации «много писем получено с жалобами». Посол старался успокоить короля и маршала, «уверяя, что все оное не от чего другого происходит, как только от точности военных наших людей, которые желают подробные сведения иметь о всех тех местах, где войска находились». Репнин писал, что сообщает это «для известия» Панину, и продолжал: «Впрочем, некоторый из наших здесь находящихся генералов меня об том не уведомлял, и только по здешним известиям отзываюсь»¹⁷⁶.

Последняя фраза посла весьма примечательна. Поскольку размещенные в Польше русские войска были непосредственно подчинены Репнину, имевшему чин генерал-майора, то отсутствие соответствующих рапортов от командиров корпусов, из которых только генерал-поручик Г. Нуммерс был старше по чину, может вызывать удивление. В расписании войск, находившихся в Польше в 1767 г., М. В. Каховский отсутствует¹⁷⁷. Следовательно, он был отправлен в Литву отдельно с особой миссией, инструкцией и, возможно, со своей собственной командой. Однако и в этом случае о поставленной Каховскому задаче надо было известить посла, что надлежало сделать не только по существу, но и потому, что Репнин, хотя и был с Каховским в одном звании, но имел старшинство в производстве в чин. Поскольку Репнин все же так и остался в неведении о «снятии карты в Литве», можно заключить, что соответствующие действия Военной коллегии намеренно предпринимались в обход русского посла и с расчетом вызвать дальнейшее обострение положения в Польше. Именно так расценил их и стремился использовать в своих целях К. Солтык, писавший М. Вельгурскому о предпринятом русскими офицерами описании земель. Репнин назвал рассуждения епископа «злостным заключением»¹⁷⁸. События вокруг «карты» были с настороженностью замечены в Берлине. «Неблагодарные пользуются таким положением дел, — писали К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг Сольмсу 19 сентября, — чтобы как можно более вооружить польский народ против видов России. Между прочим, они распустили слух, что императрица хочет овладеть Белоруссией. Хотя г-н Бенуа и князь Репнин стараются, как только могут, опровергнуть такие смешные слухи, но, тем не менее, они производят на некоторых дурное впечатление»¹⁷⁹. Таким образом, вопросы Панину «о снятии карты в Литве» адресовались от посольства конфедератов через Вельгурского, от Станислава Августа и К. Радзивилла через Репнина, от самого русского посла, а также из Берлина через В. Ф. Сольмса. Однако руководителю русской внешней политики ответить на них было нечего, помимо того, что «ничего не ведает», но что это делается военными «без указа от двора» (Н. И. Панин — Н. В. Репнину 2 октября / 21 сентября 1767 г.)¹⁸⁰. Высказывание шефа Коллегии иностранных дел только подтверждало, что между ним и Военной коллегией сохранялись разногласия по вопросу определения целей и тактики политики в Польше, еще более усугубившие неуверенность в правящих кругах России в исходе предстоящего в Варшаве сейма.

VIII

Приближалось открытие сейма, и Н. В. Репнин приказал расположить русские войска в 3–5 милях от Варшавы, чтобы по первому приказу за один марш они могли бы окружить город. Третий гренадерский полк вступил в столицу, а небольшой казачий отряд расположился лагерем в саду дома, где жил русский посол¹⁸¹. Появление солдат накануне сейма в Варшаве вызвало новые протесты. В связи с этим Репнин добивался от Генеральной конфедерации, чтобы специальными декретами, во-первых, «наши войска объявлены были дружескими и вспомогательными вольности народной» и, во-вторых, чтобы «все присяги, учиненные на сеймиках земскими послами в противность разума Акта конфедерации и в противность точных прав уничтожены были, или послы на сейм, понеже в противность прав выбраны были, активитета не имели». Однако, замечал посол, «ни того, ни другого с крайним упорством и непристойным криком конфедерация не делает»¹⁸². В связи с чем Репнин приказал «взять под караул» и сослать в имение одного из наиболее яростных противников России и диссидентов калишского чешника Францишека Кожуховского. Посол называл его креатурой Е. Мнишека и сторонником К. Солтыка, а также «зачинщиком шума» на сеймике в Шроде¹⁸³, Кожуховский участвовал в съезде в Радоме, где подписал акт конфедерации, а в июле был включен в число ее советников. На собрании «радомского правительства» 2 октября выступил с резкой критикой действий Репнина, после чего был арестован, когда выходил из дворца Радзивилла. Имеются свидетельства об избрании его послом на сейм от Краковского воеводства, однако в списке Репнина его имя отсутствует¹⁸⁴. Арест Кожуховского частично возымел действие. Как доносил посол, на второй день русские войска были объявлены конфедерацией «вспомогательными»¹⁸⁵.

Ситуация, описанная Репниным, и арест по приказу русского посла одного из видных членов Радомской конфедерации, последовавший к тому же вслед за арестом в августе Ф. Чацкого, еще раз подтверждают напряженность положения в Варшаве накануне сейма. Однако, говоря о действиях русского посла, следует отметить более важное обстоятельство. Настаивая, хотя и безуспешно, на постановлении конфедерации об отмене инструкций сеймиков, которые не соответствовали Акту Генеральной конфедерации, и об отмене в отдельных случаях результатов выборов депутатов сейма, Репнин по сути не только продемонстрировал вновь намерение взять под свой контроль сеймики как важнейшее звено политической системы Речи Посполитой, но и готовность вообще заменить существующую систему институтами конфедерации. Однако в последнем случае, имея в виду установление российской гарантии польской конституции и дело диссидентов, надеяться на радомских конфедератов явно не приходилось.

Во многом в связи с этим возник другой замысел. Его зарождение относится, вероятно, еще ко времени, когда Н. В. Репнин обсуждал с Н. И. Паниным идею заключения российско-польского трактата «о гарантии» и необходимых для этого переговоров посла, с одной стороны, и сейма — с другой. Естественно, что такие переговоры с полным составом сейма были невозможны технически и не сулили для российской стороны ничего хорошего политически. Для преодоления затруднений как того, так и другого рода и было задумано сформировать делегацию сейма для переговоров с русским послом.

Первые слухи об особом порядке проведения будущего сейма достигли Берлина в начале сентября. Основываясь на донесениях Г. Бенуа, прусские кабинет-министры писали 18 сентября В. Ф. Сольмсу о положении польских дел, «что князь Репнин и сам видит невозможность покончить с ними (делами. — *Б. Н.*) на предстоящем сейме, и уже поговаривает об ограничении его, т. е. чтобы на этот раз сейм избрал только депутацию для переговоров с диссидентами и потом перешел к другим делам, о которых может зайти на нем речь»¹⁸⁶.

В то же самое время на конференции с послами конфедератов в Москве 21/10 сентября Н. И. Панин сказал им, что «сейм должен определить депутацию для переговоров, а «сам будет лимитован без распушения земских послов по домам»¹⁸⁷. Об этом заявлении руководителя русской внешней политики М. Вельгурский писал 25 сентября К. Солтыку, «что наш коронный, конфедерацкий маршал вас уведомит о комиссии и каких людей в оную определить надлежит»¹⁸⁸. Таким образом, речь зашла не только о самой делегации, но и об ее составе, причем формирование делегации должно было проходить, хотя бы формально, под руководством Радомской конфедерации. Полномочия Репнину для переговоров с делегацией сейма были отправлены из Москвы 2 октября / 21 сентября 1767 г.¹⁸⁹.

В это самое время в Варшаве с 1 октября проходили совещания в королевском замке, в которых участвовали Станислав Август, Н. В. Репнин, Г. Подоский, Т. Вессель и маршалы обеих генеральных конфедераций К. Радзивилл и С. Бржостовский. По словам русского посла, оно было «с собственного их согласия учинено, дабы согласиться со всех сторон, каким точно образом, открытие будущего сейма сделать, но, — доносил Репнин 2 октября, — еще ничего по сему не положено, а все продолжается в разных предложениях и спорах, которые, — замечал посол, — истинно, голову совсем закружили»¹⁹⁰. В той же депеше Репнин писал о «будущих конференциях с делегатами сейма»¹⁹¹. Тем самым уже к началу совещаний вопрос о формировании делегации сейма был уже решен, и теперь предстояло только определить детали процедуры открытия сейма.

Обобщая довольно отрывочные свидетельства о планах образования делегации сейма для переговоров с Н. В. Репниным, можно заключить, что они вынашивались одновременно как в Варшаве, так и при российском дворе, причем инициатива принадлежала русскому послу, однако ключевым условием для ее реализации было содействие со стороны Станислава Августа. Таким образом, сотрудничество Репнина с королем вновь, как и во времена сеймиков, становилось важнейшим условием для успеха русской политики. Это становилось все более очевидным по мере того, как нарастало сопротивление противников России, распадался радомский лагерь, когда Репнину стало известно, что против него негласно («под рукой») действуют прежние, хоть и ненадежные, союзники — князья Чарторыские и С. Любомирский. О тайных интригах «фамилии» посол доносил в связи с планами включения А. К. Чарторьского в число делегатов сейма, что отец запретил тому под угрозой лишения наследства участвовать в делегации, в то время как «все наши приятели, даже и сам князь Радзивилл, — писал Репнин, — того желают, чтоб кто ни есть из Чарторыских в сию делегацию вошел, дабы ненависть нации по диссидентскому делу не пала на одних наших партизанов, а разделили бы и Чарторыские ту тягость»¹⁹².

Репнину и его шефам в России не оставалось ничего иного, как попытаться задобрить своих сторонников, запугать противников и, невзирая на препятствия, ид-

ти к намеченной цели, не останавливаясь перед крайними мерами. В начале октября Н. И. Панин написал письмо Станиславу Августу и ряд писем польским вельможам. Обращаясь к королю, он подчеркнул, что инструкции, отправленные Репнину, демонстрируют готовность Екатерины II «снизойти к вашим желаниям»¹⁹³, намекая на возможные уступки, в частности и в вопросе о реформах в Речи Посполитой. С. Бржостовскому руководитель русской внешней политики сообщал о награждении его высшим российским орденом Андрея Первозванного и об удовлетворении императрицы его действиям во главе литовской конфедерации. «При том бескорыстии, — писал далее Панин, — которым ее имп. в-ство гордится в отношении к нынешним делам республики, и с точки зрения, которою она судит о тех, кто по своему положению призван участвовать в них, восстановление диссидентов во всех прирожденных им правах, <...> и упрочение общей свободы <...> суть единственные принципы, характеризующие в ее глазах патриота»¹⁹⁴.

В то время как письма Станиславу Августу и С. Бржостовскому носили одобрительный и поощрительный характер, практически идентичные письма Ф. С. Потоцкому и Я. К. Браницкому звучали как почти нескрываемая угроза. Панин напоминал, что «обстоятельства слишком серьезны для республики», что «сопротивление, возбудить которое старается епископ краковский», опасно и свидетельствует о его попытке вновь, как и в 1766 г. стать «единственным судьей диссидентского вопроса». Панин предостерегал, что поведение краковского прелата может оказаться для него пагубным, имея в виду, что судьбу последнего могут разделить и другие противники России¹⁹⁵.

Угрозы, звучавшие из Москвы и повторяемые русским послом в Варшаве, надо было выполнять. К тому Репнин понимал, что накануне сейма следует перейти от уговоров к делу и преподать противникам России наглядный и суровый урок. Арестовав Кожуховского, он приказал П. Н. Кречетникову занять владения К. Солтыка. «Подошедшие со всех сторон русские войска, — доносил А. Ф. Эссен 3 октября 1767 г., — заволокли епископство. Они заняли позиции у всех складов и мануфактур, взяли под контроль все движимое и недвижимое имущество. Лошадей и скот разделили между солдатами, зерно было увезено в русский лагерь». По словам саксонского дипломата, «почти ничего не удалось уберечь от разорения»¹⁹⁶.

Вести из Кракова достигли Варшавы и совпали с торжественным прибытием в польскую столицу нового папского нунция Анжело Дурини¹⁹⁷. До открытия сейма оставался один день.

Примечания

1. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 384–388.
2. Там же. С. 387.
3. Там же. С. 388–392.
4. Там же. С. 388–389.
5. Там же. С. 425.
6. Там же. С. 387.
7. Там же.
8. Там же. С. 389–391.

9. Там же. С. 391.
10. Там же. С. 391–392.
11. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 123–124 об.
12. Там же. Л. 125–126.
13. Там же. Л. 130–131 об.
14. См., например, ноту от 30/19 июля 1767 г. — Там же. Л. 127–129 об.
15. См. ноту от 4 июля / 23 июня 1767 г. — Там же. Л. 124–124 об.
16. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 406.
17. Там же. С. 407.
18. Там же. С. 408–409.
19. Там же. С. 419.
20. Там же.
21. Н. И. Панин — Н. В. Репнину. Москва, 14 (25) августа 1767 г. — Там же. С. 407–416.
22. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // *С. М. Соловьев. Сочинения*: В 16 кн. М., 1994. Кн. 14. Т. 27. С. 189–190.
23. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 410.
24. Там же.
25. Там же. С. 417–418.
26. Там же. С. 428–431.
27. Там же. С. 421.
28. Там же.
29. Там же. С. 410–411.
30. Там же. С. 411.
31. Там же. С. 413.
32. Там же. С. 413–414.
33. Там же. С. 416.
34. Там же. С. 420.
35. Там же. С. 408.
36. Там же. С. 416.
37. Там же. С. 422.
38. Там же. С. 421.
39. Н. В. Репнин — Н. И. Панину 23 июля (3 августа) 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 908. Л. 107–107 об.
40. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 59–637 об.
41. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 191.
42. *Chronologia Sejmów polskich 1493–1793 / Zest. i wstęp. W. Konopczyński.* Kraków: Polska academia umiejętności, 1948. № 235. S. 167.
43. *Kriegseisen W.* Sejmiки Rzeczypospolitej Szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa: Wyd. Sejmowe, 1991. S. 258–259.
44. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 4–6.
45. Там же. Л. 49–49 об.
46. Письмо Н. В. Репнина на сеймики. — Там же. Л. 50–51 об. Перевод. Л. 52–56 об.
47. Н. В. Репнин — П. Н. Кречетникову 20(31) июля 1767 г. — Письма Генерал-Майору и Кавалеру П. Н. Кречетникову во время пребывания его с Корпусом Русских войск в Польше 1767 и

- 1768 г. и Губернаторства его в Астрахани // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863, июль–сентябрь. М., 1863. Кн. 3. Разд. 2: Материалы отечественные. С. 15–19. (Далее: Письма П.Н. Кречетникову.)
48. B. Cz. Dz. г. II. 3862. S. 467–469.
49. AGAD. Arch. Radz. Dz. IV. Teka 20. Kop. 257. K. 424.
50. *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Warszawa, 1991. Т. 1. S. 31.
51. *Matuszewicz M.* Dziennik życia mego / Oprac. i wstęp B. Królikowski, komentarz Z. Zelińska. Warszawa 1986. Т. 2.
52. Журнал Генерал-Майора и Кавалера Петра Никитича Кречетникова, Главного командира Корпусам Ея Императорского Величества... о движении и военных действиях в Польше в 1767 и 1768 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863, июль–сентябрь. М., 1863. Кн. 3. Разд. 2: Материалы отечественные. С. 1–205. (Далее: Журнал П.Н. Кречетникова.)
53. См. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 259.
54. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 55 об.
55. Журнал П.Н. Кречетникова. 14(25) августа. С. 43–44.
56. См. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 259.
57. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 78–81.
58. Там же. Д. 912. Л. 55.
59. Там же.
60. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 260.
61. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 59–63 об.
62. Там же. Д. 910. Л. 78–81.
63. Журнал П.Н. Кречетникова. 18(29) августа. С. 46.
64. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 260.
65. Ibid. S. 260–261.
66. Сравните описание сеймика в Шроде, приведенное С.М. Соловьевым на основании донесения Н.В. Репнина: «На сеймике познаньском чуть не изрубили Гуровского и графа Понинского, которые очень усердно проводили русское дело: спас их граф Апрашкин, окруживший сборище своим войском» — *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 189.
67. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 909. Л. 59–63 об.
68. Там же. Д. 910. Л. 58–58 об.
69. Там же. Л. 78–91.
70. Там же. Д. 909. Л. 59–63 об.
71. Там же. Л. 63 об.
72. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 84–85.
73. *Konopczyński W.* Op. cit. S. 31–32.
74. Журнал П.Н. Кречетникова. 16(27) августа. С. 44–45.
75. Там же. 9(20) августа. С. 41.
76. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 54–61.
77. Там же. Л. 48–48 об.
78. *Konopczyński W.* Op. cit. S. 31.
79. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 84–48 об.
80. Письма П.Н. Кречетникову. С. 19.
81. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 78–81.

82. Соловьев С.М. Указ. соч. С. 188–189.
83. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 58–88 об.
84. Журнал П.Н. Кречетникова. 30 июля (10 августа). С. 39.
85. Там же. 2(13) августа.
86. Там же. 5(16) августа.
87. *Konopczyński W.* Op. cit. S. 148.
88. Журнал П.Н. Кречетникова. 20 июля (31 августа). С. 47.
89. Там же.
90. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 1 об.; Манифест граждан Воеводства Бельского (копия и перевод) — Там же. Л. 33–44.
91. Журнал П.Н. Кречетникова. С. 47.
92. Там же. С. 48.
93. *Kriegseisen W.* Op. cit. S. 258.
94. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 911. Л. 50–52.
95. Там же. Л. 53–58.
96. Там же. Л. 50 об.
97. Там же. Л. 51.
98. Там же. Л. 51–51 об.
99. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 428.
100. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 911. Л. 53 об.
101. Там же. Л. 53 об.—54.
102. Там же. Л. 56.
103. Там же. Л. 55 об.—56.
104. Там же. Л. 56.
105. Там же. Л. 56–56 об.
106. В. Cz. Dz. г. III. 3862. S. 467–469.
107. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 911. Л. 56 об.
108. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 411.
109. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 911. Л. 54.
110. Там же. Л. 54 об.—55.
111. Там же. Л. 56 об.
112. Там же. Л. 56 об.—57.
113. Там же. Л. 57.
114. Там же.
115. Там же. Л. 59–60 об.
116. *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917.
117. Ibid. S. 106–107.
118. Ibid. S. 108–109.
119. Ibid. S. 110–112.
120. Ibid. S. 113.
121. Ibid. S. 114–115.
122. GStA. HA I. Abt. 9 (Polen) N 27–179. S. 139–140.
123. Ibid. S. 1041–142.

124. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 95—96.
125. *Rudnicki K.* Biskup Kajetan Sołtys. Kraków. 1906. S. 160—162.
126. См. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 191; *Rudnicki K.* Op. cit. S. 167.
127. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 191.
128. Там же.
129. Н.В. Репнин — Н.И. Панину 10 сентября / 30 августа 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 127—133 об.; Копия с письма от епископа Краковского к графу Вельгурскому № 2 из Варшавы, 30 августа 1767 г. — Там же. Л. 135—138; То же № 3 от 7 сентября 1767 г. — Там же. Л. 139—142.
130. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 1—2.
131. Там же. Д. 910. Л. 129—129 об.
132. Там же. Д. 910. Л. 130.
133. Там же. Л. 131.
134. Там же. Л. 131—131 об.
135. Там же. Л. 132 об.
136. Там же. Д. 913. Л. 84—90 об., 94—100.
137. Н.В. Репнин — Н.И. Панину 27/16 октября 1767 г. С сообщением о «бумагах, взятых в доме» К. Солтыка. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 63—64; Приложения Л. 65—103.
138. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 99.
139. Там же.
140. Там же. Л. 100.
141. Там же. Л. 63—63 об.
142. Там же. Л. 99—99 об.
143. Там же. Л. 99 об.—100.
144. *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. Т. 2. S. 185.
145. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 461—463.
146. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 87 об.—88.
147. Там же. Л. 88.
148. Там же. Л. 89—89 об.
149. Там же. Л. 88.
150. Там же. Л. 87 об.
151. Там же. Л. 89.
152. Там же. Д. 910. Л. 132 об.
153. *Konopczyński W.* Konfederacja barska. Т. 1. S. 31—32.
154. Ibid. S. 32.
155. К. Радзивилл — Я. Фрычынському. Варшава, 2 января 1768 г. — AGAD. Arch. Radz. Dz. IV. Тека 20. Кор. 259. К. 454(II).
156. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 63—64, 68, 101—103.
157. [*Friedrich II*] PC. Bd. 26. S. 168.
158. Ibid. S. 169.
159. Ibid. S. 169—170.
160. АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 466. Л. 39 об.—40.
161. Там же. Д. 464. Л. 22—23.
162. Там же. Л. 48—51 об.

163. *Arneth A.R.* Maria Theresia's letzte Regierungszeit 1763–1780. Wien, 1877. Bd. 2. S. 126.
164. *Ibid.* S. 127–129.
165. *Ibid.* S. 133.
166. *Ibid.* S. 127.
167. *Ibid.* S. 132.
168. М. Вельгурский — К. Солтыку. Москва, 25.09.1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 87.
169. А.Ф. Эссен — К. Флемингу из Варшавы, 3 октября 1767 г. Цит по: *Herrmann E.* Geschichte des russischen Staat's. Hamburg, 1853. Bd. 5. S. 424–425.
170. *Ibid.*
171. Сб. РИО. СПб. 1883. Т. 37. С. 93–94 (Донесение В.Ф. Сольмса от 17/6 сентября 1767 г. из Москвы).
172. Н.И. Панин — Н.В. Репнину. Постскрипtum к депеше от 12/1 октября 1767 г. // Сб. РИО. СПб. 1889. Т. 67. С. 492–493.
173. *Zelińska Zofia.* Przygotowanie do rozbioru? Rosyjska lustracja ziem nad górną Dźwina z lata 1767 roku. // *Gospodarka. Ludzie. Władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Takaśewiciowi / Pod red. M. Kopcujińskiego i A. Mąciaka.* Warszawa: Wyd. Krupski i S-ka, 1998. S. 129–135.
174. *Ibid.* S. 131.
175. *Ibid.* S. 133.
176. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 99–99 об.
177. См. Расписание в назначенных в Польшу корпусах генералитет и полки (январь 1767 г.) — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 1018. Л. 14–16 об.
178. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 910. Л. 130 об.
179. Сб. РИО. СПб. 1883. Т. 37. С. 90–92.
180. Там же. СПб. 1889. Т. 67. С. 464–471.
181. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 193–194.
182. Н.В. Репнин — Н.И. Панину. Постскрипtum к депеше от 2 октября/21 сентября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 74–74 об. См. также: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 197.
183. Там же. Л. 74 об.
184. *Szczygelski W.* Kożuchowski Franciszek // *PSB.* Т. 14. S. 75–76.
185. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 114–118 об.
186. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 84–85.
187. Н.И. Панин — Н.В. Репнину. Москва, 22/11 сентября 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 461–463.
188. М. Вельгурский — К. Солтыку. Москва, 25 сентября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 89 об.
189. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 464–471.
190. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 52.
191. Там же. Л. 51.
192. Там же. Л. 95 об.—96. См. также: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 194, 199.
193. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 474.
194. Там же. С. 472–473.
195. Там же. С. 482–489.
196. *Herrmann E.* Op. cit. S. 423.
197. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 52.

*«СЕЙМ РЕПНИНА» —
УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ГАРАНТИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ
(ОКТАБРЬ 1767 — МАРТ 1768 Г.)*

I

Сейм 1767 г. открылся в Варшаве 5 октября¹. В этот день послы собрались во дворце К. Радзивилла, где присутствовали маршалы Коронной и Литовской конфедераций, а также маршалы воеводств и поветов. На собрание прибыл нунций А. Дурины, вручивший рыцарскому стану Бreve папы Клементия XIII от 12 сентября 1767 г.² и выступивший с короткой речью, в которой призвал «оберегать незыблемость католической веры и свободы отчизны», затем благословил собравшихся и уехал.

Присутствовавшие стали говорить, что пожертвуют жизнью, но не допустят ущерба католической вере и своим правам. В это время во дворец приехал Н. В. Репнин. Послы сейма и маршалы обратились к нему с просьбой, «чтобы вера католическая повышением свобод диссидентских не была бы уничтожена, а также вольность и права отчизны не были бы нарушены, за целость которых [собравшиеся] жизнь отдать готовы». На эти обращения русский посол отвечал, что всем поставленным вопросам уже имеется резолюция, что на открывающемся сейме будет составлена уполномоченная делегация, которая и примет соответствующие постановления, «что криком ничего доказать нельзя, но если придется крик на крик, то его крик будет, очевидно, сильнее». И сказавши это, Репнин уехал к себе³. Так начало сейма описано в официальном диариуше (дневнике) сейма.

Несколько по-иному события первого дня сейма предстают в донесении Н. В. Репнина⁴ (см. приложение № 3), подробно изложенном и процитированном С. М. Соловьевым⁵. В описании русского историка главное внимание было уделено «сильно наэлектризованной атмосфере собрания», что в дальнейшем нередко использовали и другие исследователи, мы же попытаемся обратиться не столько к настроениям первого дня сейма, сколько к обозначившимся уже тогда некоторым существенным вопросам.

Сообщая Н. И. Панину о начале сейма, русский посол отмечал, что рассчитывал окончить его «одним заседанием, к чему довольно была нация приготовлена»⁶. Стало быть, накануне на совещаниях у Станислава Августа было решено сформировать делегацию сейма уже в первый день его работы, после чего наступал бы перерыв вплоть до окончательного согласования трактата о гарантии.

Однако эти планы оказались сорваны приездом на сейм нунция, который от имени папы потребовал, чтобы послы «не соглашались ни на какое трактование

и назначение от республики делегатов с полною мочью, ибо погибель веры от того произойдет»⁷. Репнин прямо писал, что демарш Дурини был предпринят, чтобы сорвать назначение делегации. В диариуше сейма появление нунция во дворце Радзивилла было названо «аудиенцией у маршала Генеральной коронной конфедерации»⁸. Аудиенция нунция на сейме могла состояться только после открытия последнего и официальной просьбы принять иностранного посла, а также согласия на это сейма, как это было, например, в 1766 г. Теперь же нунций нарушил процедуру сейма, причем «защита веры» была, хотя и весьма существенным, но все же только предлогом. Главным было не допустить образования делегации, а возможно, и сорвать сейм до его открытия. Об этом свидетельствуют слова Репнина, что после выступления папского посла собрание пришло в «наивысший фанатизм <...>, а малая часть оставшихся в здравом рассуждении людей <...> не знали почти, как сейм начать, опасаясь и предвидя рубку при самом онго открытия»⁹. Если бы эти опасения оправдались, сейм был бы сорван, а депутаты могли разбежаться еще до его официального начала, что означало бы не только провал усилий Репнина, но и самое чувствительное поражение русской политики в Польше. Дабы не допустить такого поворота русский посол предпринял решительный шаг и сам отправился во дворец Радзивилла, якобы «с визитом к князю»¹⁰, что также, как и в случае с нунцием, означало существенное нарушение порядка проведения сейма.

Говоря о «людях в здравом рассуждении», Репнин называл короля Станислава Августа, примаса Г. Подоского, маршалов конфедераций К. Радзивилла и С. Бржостовского, коронного подскарбия Т. Весселя (последний не упомянут С. М. Соловьевым) «и, может быть, до 50-ти послов»¹¹. Еще 2 октября Репнин писал о послах на сейм (см. приложение № 2), что не может вполне надеяться на них, несмотря на данные обещания, что от них «все сумосбродствы случаются», и что среди них много людей «в самой кипящей молодости», и «не имеющих достатка», и поэтому готовых безрассудно рисковать как своим имуществом, так и собственной судьбой¹². Теперь же, если вспомнить список Н. В. Репнина, в котором значилось 134 «надежных» посла, из них осталось не более 50-ти, то становится ясно, что сложилась критическая ситуация, чреватая разрывом сейма.

Собравшиеся во дворце Радзивилла окружили Репнина и, как доносил посол, «хотя без неучтивства, но с великим жаром все вдруг стали кричать, что они умереть за веру готовы», на что тот и отвечал, что если «шум» не прекратится, то он (посол) заведет свой «шум, который будет посильнее»¹³. Примечательно в этом месте, что, несмотря на накал страстей. Репнин был встречен вполне корректно. Это давало надежду на благополучный исход. Разговор же посла с депутатами сейма свелся к трем вопросам. Во-первых, он настаивал на формировании делегации сейма, заявив, что будет вести переговоры только с уполномоченными делегатами, во-вторых, что диссидентское дело есть «дело гражданское», а следовательно, не затрагивающее статуса католической религии, и, в-третьих, об аресте Ф. Кожуховского, которого Репнин обещал освободить после того как об этом «учтывим и порядочным образом» попросил К. Радзивилл¹⁴. Примечательно, что русский посол все время настаивал на неукоснительном соблюдении Акта Радомской конфедерации. В результате, как писал Репнин Панину, «можно было без опасности сейм начинать»¹⁵.

В тот же день, 5 октября, А. Дурини посетил Г. Подоского и Станислава Августа, вручив им также послания папы, адресованные Сенату и польскому королю¹⁶. В Сена-

торской избе дело обошлось спокойно, в чем, впрочем, Репнин и не сомневался. «Об сенате же иначе не имею сказать, — писал он еще 2 октября Панину, — как что в оном мало людей нам преданных и надежных; однако ж люди с основанием, тож обыкновенно и с достатком, который не похотели отважить, то от оных супротивлений не ожидаю, как от противных [нам] послов»¹⁷.

После «визитов» нунция и Репнина сенаторы, министры и послы сейма направились в королевский замок, а оттуда — в расположенный неподалеку кафедральный костел св. Яна, где слушали мессу, которую отслужил епископ хельминский Анджей Баер. По окончании мессы послы избрали К. Радзивилла как маршала Генеральной конфедерации — маршалом сейма, Посольская изба объединилась с Сенаторской, затем король объявил об открытии сейма¹⁸. Далее слово взял К. Радзивилл. Обратившись к королю за позволением «начать нынешний сейм согласно постановлениям Сенатского совета и определенным им пропозициям, поводом к чему послужила декларация» российской императрицы, поданная князем Репниным, маршал сейма продолжал, что, по его мнению, «нужно, дабы нынешний сейм назначил делегатов, уполномоченных для трактований с князем-послом Репниным, которые составили бы в форме трактата все то, что мы представили на сейме», и просил согласия Станислава Августа на лимитацию сейма¹⁹.

Итак, уже в первом выступлении на сейме были провозглашены два положения из плана Репнина: о лимитации сейма и назначении делегации для переговоров с русским послом о составлении трактата. При этом в речи маршала декларация Екатерины II прозвучала наравне с постановлением Сенатского совета, а Репнин как русский посол выступал наравне с делегацией, т. е. формально как один из субъектов верховной власти в Речи Посполитой, а поскольку делегация представляла сейм, то и статус русского посла по существу приближался к статусу целого сейма. После речи Радзивилла Марцин Матушевич — секретарь сейма и Генеральной конфедерации прочел Акт лимитации сейма²⁰. В нем говорилось о намерении Екатерины II как «союзницы и друга» Польши гарантировать «права, форму правления и свободы народа», упоминалось о «господствующем положении римской католической веры» и о соглашении с «дружественными конфедерациями Торуньской и Слуцкой».

Расчет Репнина утвердить акт лимитации на первом же заседании не оправдался. К. Солтык потребовал, чтобы проект в соответствии с законом 1766 г. был напечатан и роздан депутатам, а голосование отложено на три дня. Краковскому епископу возражал В. Гуровский, утверждавший, что трехдневный срок для ознакомления послов сейма и общества с проектом в данном случае необязателен²¹. Солтык говорил далее о суверенитете Речи Посполитой, которая в совокупности своих чинов и составляет верховную власть, а следовательно, в праве образовать комиссию (делегацию). Однако епископ высказался против «трактования» с Репниным, что, по его словам, не соответствует суверенитету республики²². Солтыка поддержал В. Ржевуский²³, после чего завязалась дискуссия. В этот момент король пригласил министров к трону, после чего канцлер А. Замойский объявил о продолжении заседаний на следующий день.

Выступления на сейме противников России продолжались и 6 октября. Тон задали прелаты: львовский архиепископ Вацлав Сераковский и Феликс Турский — епископ хельмский. Оба они отдали дань антидиссидентской риторике, но главное, решительно выступили против переговоров с Репниным и российской гарантии.

Сераковский заявил, что гарантия польской конституции, коль она необходима, должна быть многосторонней с участием католических государств и римского Папы²⁴. Турский высказался также за то, чтобы вопросы о фундаментальных правах католической шляхты, с одной стороны, и диссидентов — с другой, были рассмотрены сеймом и определены законом по отдельности, и предложил не считать Торуньскую и Слуцкую конфедерации как собственно конфедерации, а только как объединения диссидентов²⁵. В этих тезисах отразилось стремление не только к дальнейшему ограничению сословных прав диссидентского дворянства, но и предложение рассматривать диссидентскую шляхту как особое сословие, отдельное от польской шляхты в целом. Выступившие далее послы сейма Антони Сарнацкий, Михал Пац и велуньский писарь Псарский выразили согласие на создание «комиссии сейма» (делегации), но с условием, что сначала сама республика рассмотрела бы поставленные вопросы, а потом уже передала их «для трактования» с Репниным.

Затем слово взял Северин Ржевуский (сын краковского воеводы и посол подольский). Он заявил, что «идет уже четвертый год, как Речь Посполитая получила новую форму правления», и с тех пор каждый новый сейм ограничивает старые права и вводит новые, противоречащие последним. Пакты конвенты не допускают, по его словам, исключения «вольного голоса» при рассмотрении государственных материй и материй религии. Однако, вопреки этому, говорит Ржевуский, представленный вчера проект именно такого свойства. Закончил же свое выступление подольский посол призывами защитить католическую веру²⁶. Заседание завершилось выступлением К. Понятовского, с похвалой отзывавшегося о проекте лимитации сейма и предложившего проект о предоставлении делегатам сейма полномочий для переговоров с русским послом и составлении трактата²⁷. В заключение сессии К. Радзивилл объявил о напечатании представленных проектов²⁸.

Наивысшего напряжения ситуация на сейме достигла во время третьего заседания 13 октября. Его описание с выдержками из некоторых выступлений приведено у С. М. Соловьева²⁹. Однако, как и ранее, историк уделил главное внимание изображению эмоциональной атмосферы в ущерб ряду существенных вопросов.

После того как маршал открыл заседание сейма, слово взял Ю. Е. Залуский. Епископ киевский обвинил диссидентов «в поступках макиавеллиевских», заявив, что они пользуются в Польше «толеранцией», которая не позволена для католиков в протестантских государствах, что диссиденты постоянно увеличивают свои домогательства вплоть до должностей послов сейма и сенаторов, а потом, может быть, патетически вопрошал Залуский, — они станут добиваться и королевского трона». Киевский епископ призывал короля «подать руку поверженной вере»³⁰. Однако, отдав дань красноречию, Залуский, известный в Польше также как поэт, в своих конкретных предложениях был достаточно лаконичен. По поводу актов лимитации сейма и уполномочивания делегатов он потребовал, чтобы те «принимались единогласием, поскольку вера относится к государственным материям»³¹.

Прозвучавшее из уст киевского прелата обращение к королю потребовало ответа от Станислава Августа. В своей речи последний упрекал «народ» и послов за их позицию на прошлом сейме 1766 г., «когда гробовым камнем привалили его уста». Станислав Август явно указал, что магнаты и шляхта разделяют ответственность за неудачу программы реформ политического устройства Речи Посполитой, следствие чего и стало нынешнее положение шляхетской республики. «Мне о том дальше го-

ворить слишком горько, — замечал он и продолжал, — свободный народ, что хотел — то и учинил, теперь же этим все недовольны». Здесь король напоминал о постановлениях Радомской конфедерации, принятых по воле «шляхетского народа», что против них теперь выступают сенаторы и послы сейма. «Все воеводства, земли и поветы, — говорил Станислав Август, — связали себя узлом новой конфедерации. Она отправила послов к российской императрице с просьбой о поддержке и гарантии как в материи диссидентов, так и в форме правления». Далее король напоминал, что по воле конфедерации К. Радзивилл был избран маршалом сейма. «Видя его старания, — констатировал Станислав Август, — можно сказать, что они только уменьшают, но не устраняют опасности, грозящие стране»³². Раздались голоса, подлинно ли были приняты те решения конфедерации, на которые ссылался король. Тогда на сейме было зачитано обращение Генеральной коронной и литовской конфедерации к Екатерине II³³. После этого с принципиальной речью выступил К. Солтык³⁴. Целостность и безопасность всех государств, говорил краковский епископ, основаны на праве. Обладает ли Речь Посполитая ныне подобным статусом? — вопрошал он и доказывал, что не обладает. Конфедерация, по его словам, не может быть выше сейма. Только сейм в праве после рассмотрения подтвердить или отвергнуть постановления конфедерации. Из этого епископ делал вывод, что республика, собравшись на сейм «под узлом конфедерации» не может принять решения последней в качестве права, пока они не будут утверждены на «вольном сейме». Из этого вытекало, что законные решения по диссидентскому вопросу, о форме правления и о «гарантии» мог принять только свободный сейм после роспуска конфедерации на основе принципа единогласия.

Далее Солтык объявил, что посольство конфедерации к Екатерине II не имеет законной силы, поскольку не было направлено в установленном порядке по решению Сената или сейма, из чего следовало, что незаконно и участие в польских делах Екатерины II и ее посла Н. В. Репнина, который, следовательно, не имел права вести переговоры с делегацией. Незаконно, по словам епископа, и назначение самой делегации, так как для этого требуется присяга делегатов следовать уже принятым конституциям сейма. Незаконным объявил епископ и назначение маршалом сейма К. Радзивилла, поскольку последний не был избран послом на сейм. Говоря о незаконности всего происходящего, Солтык упоминал также об арестах Чацкого и Кожуховского. Закончил же свою речь епископ словами: «До тех пор, пока самым решительным образом мы не лишим делегатов наших права принятия решений, мы будем протестовать перед богом, королем и чинами Речи Посполитой <...> и в этом просим наяснейшие чины об апробации или согласии». И, как сказано в диариуше сейма, на это в самом конце речи епископа много послов ответили «zgoda» («согласны») ³⁵.

Станислав Август вновь вынужден был взять слово, чтобы сгладить впечатление от выступления Солтыка. Король подчеркивал, что предложенная им делегация наиболее удобный способ разрешения проблем Польши в нынешнем ее положении. Он еще раз напомнил, что вопросы религии «в трактовании» с Репниным никоим образом не будут затронуты ³⁶.

После окончания третьей сессии состоялись конференции послов от отдельных провинций. Великопольская конференция проходила под председательством примаса Г. Подоского, малопольская — архиепископа львовского В. Сераковского, литовская — епископа жмудского Яна Доминика Лопацинского. Депутаты от Коро-

левской Пруссии заседали отдельно от великопольских во главе с варминьским епископом Игнацием Красицким. На них обсуждались проекты лимитации сейма и уполномочения делегатов для переговоров с Репниным³⁷. В связи с рассмотрением проектов на конференциях русский посол заявил, что в акте лимитации нельзя изменить ни единого слова, поскольку тот утвержден Екатериной II³⁸.

На малопольской сессии К. Солтык выступал еще более решительно и, как стало известно Репнину, настаивал, что чрезвычайный сейм по закону не должен продолжаться более двух недель. Таким образом, если акт лимитации не будет принят, а сейм не будет продлен, для чего оставалось всего два дня, поскольку следующее заседание сейма было назначено на 16 октября, а в субботу 17 октября сейм должен был завершиться, то сейм был бы окончен без принятия конституций, а все российские планы, ради осуществления которых приложены такие усилия, потерпели бы крах. Вслед за Солтыком «против диссидентов и гарантии» говорили В. Ржевуский, В. Сераковский, Ю. Е. Залуский. Вся провинция, доносил Н. В. Репнин Н. И. Панину, была согласна с ними, за исключением Ф. Велипольского, которого никто не слушал. Август Чарторыйский присутствовал тут же и «прямо противился гарантии, но о диссидентах и продолжении сема говорил меж зубов»³⁹.

По мере того как положение дел на сейме все более осложнялось, Репнин со Станиславом Августом и, вероятно, с другими участниками совещаний у короля, проходивших накануне сейма, решили предпринять ответные меры. «Теперь мы положили, — доносил посол Панину 8 октября/27 сентября, — видя, что сей проект лимиты и пленипотенции без преусиления от меня проитить не может, дабы в сем замешательстве предложили на сейме, чтоб ко мне от одного делегаты присланы были спросить, чего ея имп. в-ство желает для диссидентов»⁴⁰. Сообщая, что он намерен ответить депутатам сейма, Репнин приводил все аргументы в пользу правомерности участия России в польских делах, против которых на сейме столь яростно выступали его противники, грозил, что Екатерина II, «имея право, имеет и силу оное в действии удержать, которое немедленно в том случае и учинит, не уважая уже более ничего»⁴¹. Если же депутаты сейма направлены к русскому послу не будут, то Репнин намеревался отправить на сейм мемориал, «сославшись на все вышеописанные резоны и прося от сейма решительного ответа»⁴². При этом как на возможной встрече с депутатами, так и подавая мемориал, Репнин намеревался пригласить для участия «всех содействующих с нашим двором чужестранных министров»⁴³. В целом депешу Н. В. Репнина смотрите в Приложении № 3. Кратко эта часть донесения посла приведена у С. М. Соловьева. Однако историк допустил весьма существенную неточность. Он писал только, что Репнин ожидал и так и не дождался уполномоченных «для переговоров о диссидентском деле»⁴⁴, в то время как посол преследовал совсем иную цель: добиться лимитации сейма и образования делегации для подготовки и заключения трактата о российской гарантии польской конституции, в котором диссидентский вопрос имел, несомненно, существенное, но отнюдь не первостепенное значение.

Начало работы сейма показало, что борьба на нем развернулась вовсе не вокруг диссидентского вопроса, который рассматривался С. М. Соловьевым как центральная проблема российской политики в Польше в 1764–1767 гг., а концепция выдающегося русского историка стала практически общепринятой в отечественной историографии.

Разумеется, дело иноверцев и призывы к защите католической веры имели существенное значение как для русского правительства, так и для польской оппозиции. Однако подлинное противостояние на сейме оформилось вокруг трех проблем. Во-первых, это вопрос о политической системе, установленной в Речи Посполитой в результате применения Россией «мер крайности» и персонифицированной в лице Репнина. В случае образования делегации сейма и «трактования» последней с русским послом «система Репнина» получила бы свое логическое завершение.

Во-вторых, это вопрос о необходимости в Польше политических реформ, неудача которых в середине 1760-х гг. во многом послужила одним из истоков кризиса 1767 г. Такая постановка проблемы принадлежала исключительно королевскому лагерю. Вместе с тем звучавшая со стороны оппозиции критика Радомской конфедерации, за плечами которой стояла Россия, хотя и косвенно, но вполне определенно приводила к тому же выводу. Тем более парадоксально, что, обличая радомян, их вчерашние союзники и нынешние ниспровергатели продолжали настаивать на двух основополагающих принципах радомского лагеря: незыблемости вольного голоса и права конфедерации. Говоря о бесправном положении Речи Посполитой перед российским давлением, противники Репнина тем самым не только осуждали русский произвол, но и свидетельствовали в том, что ответственность за нынешний кризис в Польше в известной мере лежала на магнатах и шляхте.

В-третьих, главным вопросом на сейме стала проблема российской гарантии польской конституции, которая должна была определить на будущее политическую систему шляхетской республики, систему, которая, в представлении ее инициаторов, должна была стать незыблемой навеки. Однако «гарантия» не только означала узаконенную зависимость Речи Посполитой от ее восточного соседа, но и предполагала некоторое внутреннее содержание в контексте сочетания «золотой шляхетской вольности» и элементов политического устройства Нового времени. Все это свидетельствовало, что диссидентский вопрос, несмотря на его внешнюю остроту и политическое звучание во время сейма 1767 г. явно отошел на второй план.

II

Опасность безрезультатного окончания сейма заставила Н. В. Репнина вновь прибегнуть к крайним мерам. В ночь с 13 на 14 октября полковник О. Игельстром арестовал К. Солтыка, Вацлава и Северина Ржевуских, а также Ю. Е. Залуского⁴⁵. Позднее Станислав Август писал, что инициатором ареста якобы был Г. Подоский, а соучастником — С. Бржостовский. При этом, по мнению короля, арест Залуского был произведен случайно, так как арестовать собирались луцкого епископа Ф. Турского⁴⁶. Рассказывая об этом, В. Конопчинский отмечал, что в корреспонденции Репнина нет свидетельств относительно мотивов ареста, а также кем и против кого замыслились репрессии⁴⁷. Однако, по всей вероятности, аресты не были связаны непосредственно с заговором и списком заговорщиков, на который указывал польский историк, поскольку на свободе остался А. Красиньский, за два дня до ареста Солтыка покинувший Варшаву и уехавший в Каменец, а в число арестованных попал близкий ко двору и непричастный к заговору оппозиции Ю. Е. Залуский. Киевский епископ, по протекции Г. Кейзерлинга ставший в 1739 г. почетным членом Российской академии наук, еще накануне сейма 1766 г. поддержавший предложен-

ную Станиславом Августом программу реформ, на «сейме Чаплица» занимал видное место среди противников диссидентского дела. На сейме 1767 г. он, наряду с К. Солтыком, выступил против российского посла. Из донесений Репнина видно, что ничего о планах заговорщиков он не знал, а в доме Солтыка не было никаких документов, которые бы указывали на заговор. Репнин, правда, писал Панину, что из найденных бумаг «видно, что сии господа имели складчину, зная, для интригования, в которую воевода киевский дал 1000 червонных, а старостыня болимовская (Уршула Любомирска. — *Б. Н.*), сестра гетмана Браницкого, — 5000 злотых»⁴⁸.

Сам состав арестованных, тем не менее, явно указывал, что репрессиям подверглись те люди, которые наиболее решительно выступали на сейме против планов Репнина, независимо от принадлежности арестованных к той или иной магнатской группировке. Принимая решение об аресте сенаторов, русский посол не стремился обезглавить оппозицию, поскольку, за исключением Солтыка, никто из арестованных не играл в ней видной роли. Репнин стремился сломить открытое сопротивление и парализовать действия своих противников именно на сейме. Этой цели служили и угрозы посла в адрес Чарторыхских, которых опасность ареста, по его словам, «привела в трепет»⁴⁹.

Сознавая неизбежность крайних мер со стороны Репнина, К. Солтык подготовил на случай ареста особый манифест⁵⁰. В нем краковский прелат писал о «бессилии короля» перед лицом нарушения прав, что, по его словам, позволяло обратиться к народу с призывом защитить веру от происков диссидентов, а также права и вольности шляхты⁵¹. Манифест был явно адресован за пределы сейма и содержал завуалированный призыв к детронизации Станислава Августа и прямые нападки на Репнина.

Для сейма же краковский епископ подготовил проект «Комиссии для исправления законов и правительства Речи Посполитой»⁵². Согласно диариушу сейма, проект этот был выработан на конференции послов от Малой Польши и отдан Солтыком В. Сераковскому. Собрать комиссию следовало в Варшаве под председательством примаса. Составить ее должны были сенаторы и министры, избранные большинством голосов (2 — от министерства, 2 — от епископов и по 12 светских сенаторов от каждой провинции. Помимо «исправления правительства», комиссия должна была также удовлетворить «справедливые» требования диссидентов. Предложения она должна была подготовить к следующему сейму в 1768 г.⁵³. Замысел Солтыка был очевиден: использовать обсуждение проекта, чтобы затянуть работу сейма и окончательно сорвать российские планы.

Официально причины ареста Солтыка и других сенаторов и посла были объявлены в декларации 14 октября 1767 г. В ней русский посол вменил в вину арестованным, что «в своих речах [на сейме] они забыли о достоинстве [русской] императрицы и чернили добросовестность ее замыслов»⁵⁴.

На следующий день, 15 октября, сенаторы, министры и послы сейма во главе с примасом были приняты в королевском замке Станиславом Августом. На аудиенции они просили об освобождении арестованных и назначили депутацию для встречи с Репниным. В русское посольство отправились калишский воевода И. Твардовский и Я. Н. Ходкевич — староста жмудский, а собравшиеся обещали ждать их с ответом⁵⁵. Репнин отвечал, что освободить арестованных невозможно по причинам, изложенным в декларации и что действия русских войск носят законный ха-

ракти, поскольку те присланы императрицей как дружественные⁵⁶. Последний пункт весьма примечателен, поскольку декларировал не только право русского военного вмешательства для «охраны прав» и поддержания «тишины» в Речи Посполитой, но и допускал применение прямых репрессий против противников России, о чем русский посол заявил представителям сейма.

С этого дня протесты против ареста сенаторов уже не стихали как на сейме, так и за его стенами. Ряд министров в знак протеста сложили свои полномочия, а Станислав Август произвел новые назначения. Так печать коронного канцлера отдал А. Замоиский, вместо которого был назначен А. Млодзиевский.

Однако противники Репнина отступали. На 4-м заседании сейма (16 октября) примас Г. Подоский выступил с предложением продлить сейм на неделю или две, чтобы избрать депутацию для переговоров с русским послом и подготовить проекты лимитации сейма и уполномочивания делегатов для утверждения⁵⁷. На следующий день, 17 октября, который должен был стать последним днем сейма, сейм был продлен до двух недель, а депутаты для переговоров с Репниным назначены. Во главе их стали примас и Антони Островский — епископ куявский⁵⁸.

Таким образом, депутация, которую ожидал Репнин еще в самом начале сейма (о чем он писал Панину еще 8 октября / 27 сентября⁵⁹) побывала у русского посла только 18 октября. В этот день, правда, обсуждалось вовсе не диссидентское дело. Депутаты просили Репнина внести изменения в акт лимитации: 1) чтобы российская гарантия распространялась только на иноверцев; 2) чтобы было исключено положение о русских войсках как направленных «в помощь» республике; 3) чтобы уполномочивание делегации не распространялось на принятие решений, а только на согласование; 4) чтобы сейм имел право как утвердить, так и не утвердить положения, согласованные делегатами с Репниным; 5) чтобы «строгости» не были применены к инакомыслящим; 6) чтобы сейм не продлевать «до полного окончания дел». Задавали депутаты и вопросы: 7) как трактовать постановления Генеральной конфедерации; 8) как соотносится Акт Генеральной конфедерации и полномочия сейма; 9) какой срок следует определить для переговоров делегации с Репниным, «дабы они не продлились бы несколько лет»; 10) нельзя ли «смягчить» акт лимитации⁶⁰.

Русский посол отвечал делегатам также по пунктам: 1) что республика просила о российской гарантии своей конституции, каковую просьбу императрица считает своим обязательством; 2) что русские войска можно рассматривать как «дружественные» и что Россия не будет требовать возмещения своих затрат по их пребыванию в Польше; 3) решения, принятые делегацией, будут окончательными, ибо императрица не может вести переговоры с теми, кто не уполномочен принять такого решения; 4) то, что будет утверждено (по согласию с делегацией) Екатериной II, не может быть никем отменено, даже сеймом; 5) наказание может быть обращено только на тех, кто выступит против власти; 6) сейм может быть продлен, однако на самый короткий срок, чтобы завершить дела, как того требует акт конфедерации, инструкции сеймиков и как то «обещано народу императрицей»; 7) постановления Генеральной конфедерации, которые соответствуют ее акту, будут приняты, те же, которые ему противоречат, могут быть отвергнуты. На 8-й вопрос Репнин отвечал: «Конфедерация вошла в обязательства с императрицей и должна их соблюдать. Сконфедерованный народ и король, который присоединился к конфедерации, обязаны следовать ее постановлениям. Кто принадлежит к конфедерации, должны

соблюдать принятые обязательства, кто же против ее пунктов, тот против и ее самой. В отношении таких людей императрица применит всю свою силу». Далее: 9) Репнин согласился назначить возобновление сейма на 1 февраля 1768 г.; 10) и заявил, что ни о каком «смягчении» акта о лимитации не может быть и речи ⁶¹.

В ответах Репнина делегатам, по нашему мнению, имели особое значение 1-й, 4-й, 5-й и 8-й пункты. Из них прямо следовало, что российская гарантия прав (словного строя) и формы правления (политической системы Речи Посполитой) будет фундаментальной и что она не связана с делом диссидентов. Посол прямо заявил, что обязательства шляхетской республики ставят ее в такую зависимость от российского монарха, при которой воля и решения последнего обладают верховенством по отношению к польскому королю, Генеральной конфедерации и даже сейму. Любое сопротивление этой воле повлечет за собой репрессии вплоть до «применения всей силы» и будет рассматриваться как неповиновение законной власти. Ныне это вытекало из статуса Генеральной (Радомской) конфедерации, а в дальнейшем станет следствием российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

Результаты встречи депутатов сейма с русским послом были доложены на 6-м заседании сейма 19 октября епископом кувявским ⁶², секретарем сейма М. Матушевичем была зачитана запись конференции. После этого сейм приступил к утверждению акта лимитации и уполномочивания, а также состава делегации «для трактования» с российским послом ⁶³. Маршал сейма К. Радзивилл трижды спрашивал сенаторов и послов сейма: согласны ли они с представленными проектами. В ответ также трижды было выражено согласие, возражал только посол бельский Вишневецкий. С. Любомирский — маршал кор. и А. Млодзиевский — канцлер кор. спросили короля о согласии с проектами, затем от стана рыцарского согласие высказал маршал сейма. Тогда к трону принесли маленький столик, и Станислав Август подписал оба акта. Вслед за ним акты подписали и маршалы коронной и литовской конфедераций К. Радзивилл и С. Бржостовский. В заключение коронный канцлер провозгласил, что сейм откладывается до 1 февраля 1768 г. Так в торжественной обстановке завершилась первая часть сейма. «Страх сделал свое дело», — передавал слова Репнина С. М. Соловьев ⁶⁴.

III

День, когда был объявлен перерыв в работе сейма (19/8 октября 1767 г.), Н. В. Репнин отправил Н. И. Панину акты лимитации ⁶⁵, уполномочения делегации ⁶⁶ и список делегатов сейма ⁶⁷, назначенных для переговоров с русским послом. Окончательно названные акты вступили в законную силу после их регистрации в градских судебных книгах 23 октября 1767 г. ⁶⁸. Полномочия же самого Репнина были утверждены Екатериной II еще 2 сентября/22 августа 1767 г. ⁶⁹.

В делегации сейма было 70 человек во главе с примасом Г. Подоским. 15 делегатов представляли Сенат, четверо — министерство. Были среди делегатов и оба маршала конфедерации. 48 делегатов от стана рыцарского были назначены из числа послов сейма (см. приложение № 4). В числе делегатов было четверо епископов: примас архиепископ гнезненский Г. Подоский. Епископ кувявский Антони Островский, епископ пшемыский Анджей Млодзиевский и Стефан Гедройц — епископ инфлянт-

ский. Г. Подоский был одним из инициаторов «радомского дела» и ближайшим сотрудником Репнина. Об остальных русский посол еще накануне сейма писал, что на них «наиболее надеется»⁷⁰, а о Млодзиевском в марте 1768 г. говорил, что тот ему всегда «под рукой во всем помогал»⁷¹.

Среди 12 светских сенаторов четверо принадлежали к лагерю Станислава Августа: Антони и Рох Яблоновские, Юзеф Антони Подоский и Игнацы Цетнер. С. Б. Годский был давним сторонником и пенсионером Репнина. В 1767 г. подляшский воевода получил от посла очередную выплату в 60 тыс. злотых⁷². Адам Бржостовский относился к лагерю Радзивилла. Игнацы Твардовский и Тадеуш Липский многие годы были сторонниками Мнишека. Михал Огинский — зять Чарторыхских — принадлежал к «фамилии». Однако ему предстояло расстаться с должностью виленского воеводы, поскольку по решению конфедерации она возвращалась К. Радзивиллу, а новое пожалование зависело от короля и Репнина, что дополнительно побуждало Огинского к сговорчивости. Сподвижником Чарторыхских был и Тадеуш Буржиньский, унаследовавший каштелянство Смоленское от отца Станислава Буржиньского — многолетнего и доверенного сторонника «фамилии». Сам же Буржиньский получил при поддержке старых князей, помимо отцовской должности, еще и место депутата Литовского трибунала. К кругу «фамилии» можно отнести и витебского воеводу Юзефа Соллогуба — человека скорее нейтрального, не стремившегося за пределами своего воеводства к политической деятельности, но относившегося с доверием к Чарторыхским. Оппозицию в делегации сейма представлял киевский воевода Ф. С. Потоцкий. Таким образом, большинство делегатов от Сената принадлежало к сторонникам Станислава Августа, по трое представляли радомский лагерь и «фамилию». По краям были ставленник Репнина Годский и Ф. С. Потоцкий. При этом представительство сенаторов в делегации было определено так, чтобы ответственность за предстоящие решения легла бы по возможности равномерно на все магнатские группировки от Потоцкого до Чарторыхских.

Аналогичным образом были подобраны делегаты от министерства. Под страхом ареста в делегацию вошел М. Чарторыхский, сторонников короля в ней представлял Я. Борх, радомян — Т. Вессель, а Потоцких — Юзеф Сангушко — маршал надв. лит., чей род владел землями на Волыни и стоял там на стороне Потоцких, но был также известен связями с Мнишеком. Сам Ю. Сангушко за свое участие в делегации был возведен в марте 1768 г. в великие маршалы литовские.

В состав делегации вошли и оба маршала коронной и литовской конфедераций К. Радзивилл и С. Бржостовский, хотя они не были избраны послами на сейм. Этим еще раз подчеркивался особый статус Радомской конфедерации.

Из числа послов сейма в делегацию вошли 48 человек. Из них в списке Репнина значились как «хорошие» 44 посла (в том числе 19 послов ставленники Станислава Августа); как «сомнительные» — 2 посла (Мариан Потоцкий и Николай Лопациньский — писарь литовский). Последний избирался послом на 15 сеймов, в 1764 г. поддерживал Чарторыхских, на сейме 1766 г. был в числе «депутатов до конституции» (составителей проектов постановлений сейма). К Радомской конфедерации Лопациньский не присоединился, однако вместе с А. К. Чарторыхским был избран послом от Инфлянт⁷³. Решающая роль в этом принадлежала позиции Станислава Августа. Из «дурных» послов в состав делегации оказались Петр Богомолец и Михал Шишко. Оба они представляли Витебское воеводство — единственное из вое-

водств в Литве, где выборы на сеймиках сложились для Репнина неудачно. Поэтому включение наряду с витебским воеводой Соллогубом, представителей воеводства в делегацию должно было не только польстить местной шляхте, но и возложить на нее свою долю ответственности за принимаемые решения, имея в виду, что два малоизвестных литвина едва ли могли повлиять заметным образом на ход «трактования» делегации с Репниным. Двумя королевскими приятелями (А. Чапским и Валерианом Пивницким) была представлена в делегации Королевская Пруссия.

В целом существенным перевесом в делегации обладали сторонники и ставленники Станислава Августа, что в совокупности с креатурами Репнина и послушными радомскими верхами обеспечивало решающее большинство, готовое смириться с диктатом русского посла. При этом обращает на себя внимание дальнейшее падение влияния Радомской конфедерации, представительство которой в делегации сейма было весьма скромным. Из 53 известных нам маршалов Радомской конфедерации послами на сейм было избрано 34 чел., в делегацию же попали только 9 человек, двое из которых генеральные маршалы К. Радзивилл и С. Бржостовский не были в числе послов сейма.

IV

Сейм был отложен до 1 февраля 1768 г., делегация сформирована, а Акт лимитации внесен в Метрику и опубликован. Реляцию об этом Н. В. Репнин отправил Екатерине II 27/16 октября 1767 г.⁷⁴ В тот же день посол доносил Н. И. Панину об учениях русских войск, проведенных 22 октября вблизи Варшавы. В них участвовало 10 тыс. чел., которые были разделены на два лагеря. Во время маневров была проведена учебная атака, за которой наблюдали Станислав Август и другие представители высшего общества. Репнин выражал уверенность, «что сия военная забава еще более страха во все разумы вселит»⁷⁵.

4 ноября 1767 г. открылись конференции между русским послом и делегатами Речи Посполитой. Заседания проходили попеременно в доме Репнина и у примаса Г. Подоского. В соответствии с непременным требованием российских инструкций и по предложению посла обсуждение было начато с диссидентского дела. В нем приняли участие послы Пруссии, Швеции, Англии и Дании, а также представители Торуньской и Слуцкой диссидентских конфедераций. Во время переговоров все они сидели со стороны Репнина, а напротив располагались примас и делегаты Речи Посполитой⁷⁶. В реляции Екатерине II от 20/9 ноября 1767 г. Репнин сообщал, что накануне он и делегаты пришли к соглашению по делу диссидентов, «поставив их в совершенное равенство к достижению всех чинов с католиками и определяя полную вольность для их религии, независимой ни в чем от католицизма»⁷⁷. В приложении к реляциям посол поместил протоколы конференций⁷⁸ и текст соглашения по диссидентскому делу⁷⁹. Однако протоколы не отражают существа обсуждаемых вопросов, которые рассматривались не на конференциях, а только оформляли уже принятые решения. Сопоставление нот, материалов и проектов, вышедших из диссидентских кругов, с депешами Репнина и российскими инструкциями послу позволяет в известной мере пролить свет на содержание позиций сторон и закулисных дискуссий.

В фонде Варшавской миссии сохранились два диссидентских проекта: «Статьи диссидентов»⁸⁰ и «Договор»⁸¹. Первый проект (на французском языке) относится

к 1767 г. и, как следует из названия, стал ответом на декларацию Екатерины II в поддержку польских иноверцев. Датировать его более точно не представляется возможным, однако речь в нем идет о конкретных политических правах диссидентов, а именно, на занятие государственных должностей, из чего можно заключить, что проект был приурочен к переговорам Репнина с делегацией сейма. Главное внимание в «Статьях диссидентов» уделено Инфлянтскому воеводству, среди диссидентской шляхты которого, вероятно, и возник этот небольшой по объему проект.

Согласно его первой статье, диссидентами должны были считаться все без исключения христиане, не принадлежащие к католической церкви⁸², и «предметом негоциации» (переговоров и соглашения иноверцев с католиками) — статья права религиозные и гражданские⁸³. Таким образом, в подходе к диссидентскому вопросу авторы проекта не разделяли иноверцев по конфессиям, что в известной мере отличало их позицию от российской. В последнем случае проводилась четкая грань между православными, униатами и прочими диссидентами, причем греко-католики вообще не принимались во внимание. Проводя последовательно принцип равенства диссидентов, авторы проекта не могли не сознавать, что они тем самым стремятся закрепить политически преимущества лютеранской и кальвинистской шляхты, обладавшей более высоким сословным статусом, экономическими и общественными позициями по сравнению со своими православными «собратьями».

Статьи 3–8 посвящены «гражданским правам», которые в проекте поставлены на первое место, что составляло главный предмет диссидентского вопроса. Провозглашая полное гражданское равенство диссидентов с католиками, его авторы уделили основное внимание допуску иноверцев к общественным должностям и, прежде всего, их представительству в Сенате, в котором от диссидентов должны быть 1 епископ, 1 воевода и 1 каштелян (православный епископ могилевский, лютеранин воевода инфлянтский, «если таковой будет одобрен дворянством», и каштелян фрауштатский*). Последняя должность учреждалась специально для сенатора — кальвиниста. Кроме того, предусматривалось введение одного диссидента в состав министерства «для предварительного рассмотрения» межконфессиональных дел. В целом же для диссидентов следовало предоставить три должности сенаторов, 45 высших должностей (*Grand Charges*) коронных и литовских и земские должности (*Charges*): в Короне — 1140, в Литве — 300. Всего — 1488.

Таким образом, претензии иноверцев на занятие общественных должностей были весьма внушительными, особенно если сопоставить их с численностью самих диссидентов. В частности, под актами Торуньской и Слуцкой конфедераций стояли подписи только 573 человек.

Второй, весьма пространный проект, озаглавленный «Договор» и составленный по-немецки, датируется концом 1767 — началом 1768 гг., что можно установить по писарской помете на полях белого экземпляра — февраль 1768 г. (н. с.)⁸⁴. «Договор» возник в среде торуньских конфедератов, а его авторами предположительно могли быть А. С. Гольц и Готфрид Ленгних. На авторство Гольца указывает упоминание его имени в заголовке во внутренней описи архивного дела.

Мы остановимся только на наиболее существенных положениях названного проекта, отразивших особенности подхода польских диссидентов к требуемому установ-

* Фрауштат — немецкое название польского города Всхова.

лению равенства иноверцев с католиками. В частности, по поводу статуса католической церкви в «Договоре» говорилось: «Что касается римских католиков, которые превосходят диссидентов по численности и по положению, то в настоящее время следует принять во внимание, что римская католическая церковь должна сохранить превосходство в своем состоянии»⁸⁵. Так откликнулись диссиденты на поддержанное Россией требование радомских конфедератов включить в трактат о гарантии положения о «господстве» католической церкви. При этом, признавая ее «превосходство», диссидентские политики, как могли, возражали против законодательного утверждения ее статуса как господствующей.

Провозглашая равенство религиозных прав диссидентов и католиков, проект договора исходил из того, что компетенция церковных судов не распространяется на верующих, священников и внутрицерковные установления других религий⁸⁶. В случае нарушения религиозных прав диссидентов или прав их объединений и учреждений дела такого рода подлежали рассмотрению, согласно проекту, в королевском ассесорском суде. В отношении же частных лиц первой инстанцией являлся суд в магистратах (градские суды), а второй — королевский апелляционный суд⁸⁷. Из этого проекта видно, что диссиденты гораздо больше доверяли известному своей юридической компетентностью королевскому суду, чем другим судам, хотя бы и с участием диссидентских представителей, о чем хлопотал Репнин.

Особое место в проектируемом договоре отводилось вопросам гражданского равенства иноверцев, о чем свидетельствовала весьма образно и ярко написанная преамбула, призывавшая «сограждан и братьев» — католиков и диссидентов «навсегда похоронить кровную вражду между ними и установить всеобъемлющую религиозную свободу, дополнив ее между нами полным равноправием»⁸⁸. О том, что равенство диссидентов с католиками рассматривалось исключительно в рамках сословного общества свидетельствовало положение проекта об особом значении равноправия «в отношении нобилитации и обладания всеми правами шляхетского сословия»⁸⁹. Договор предписывал не допускать какого-либо преимущества одной христианской конфессии над другой. В частности, «в доступе к государственным и общественным должностям и почестям в республике, в провинциях, в землях и воеводствах; ни в наложении каких-либо повинностей или контрибуций и подобных отягощений; братские персоны равны в отношении службы и доступа к образованию и преподаванию в том числе университетскому»⁹⁰.

Примечательно, что, рассматривая самым подробным образом как религиозные, так и светские права диссидентов в сравнении со статусом католиков, авторы проекта договора ни словом не обмолвились о весьма болезненном вопросе: переходе верующих из одной конфессии в другую. Это умолчание становится весьма показательным, если иметь в виду весьма острую реакцию польских протестантов XVIII в. на случаи «отступничества» своих единоверцев. Публицистические отклики на подобные события появились даже в зарубежной прессе⁹¹.

Главным признаком равенства в сословных правах католической и диссидентской шляхты, с точки зрения авторов «Договора», было предоставление иноверцам общественных должностей, особенно мест в Сенате. Согласно проекту, в числе сенаторов, должности которых выпадают на воеводства, должно быть 10 сенаторов-диссидентов (7 евангеликов и 3 православных). Столько же — среди каштелянов первого ранга. Каштелянов второго ранга должно было быть 20 человек в том же соотно-

шении⁹². Таким образом, помимо епископов в Сенате получали места 40 некаатоликов, из которых 28 протестантов и 12 православных. Здесь составители проекта делали примечание, называя такое представительство «малой пропорцией», поскольку, по их утверждению, всего сенаторов было 147 человек⁹³ — следовательно — треть из них пришлось бы на долю диссидентов.

Столь же внушительным было предусмотренное «Договором» представительство некаатоликов на сейме, которых должно было быть «по меньшей мере» (как сказано в проекте) 48 послов, не считая Королевской Пруссии, только от Короны и Литвы (в том числе 9 лютеран, 24 кальвиниста и 15 православных)⁹⁴. Далее говорилось о предоставлении диссидентам других должностей: от земских судей и комиссаров вплоть до участия иноверцев в трибуналах и назначении их на должности при дворе (в ведомствах маршалов и канцлеров, в реляционном и надворных судах) и т. д.⁹⁵

Особо говорилось в «Договоре» о правах Королевской Пруссии. По всем вопросам, определенным в проекте, статус этой провинции рассматривался отдельно от Короны и Литвы. Последние выступали как бы единое целое, в то время как для Королевской Пруссии постоянно подчеркивалось ее особое положение в отношении Речи Посполитой. В частности, для провинции был предусмотрен особый статус судов и порядок рассмотрения в них дел по религиозным вопросам⁹⁶. Особым образом проходили здесь выборы послов на сейм и назначение сенаторов. «Послы из Королевской Пруссии, — говорилось в проекте, — дабы избежать произвола и насилия, должны избираться на Генеральном конвенте (генеральном сеймике. — *Б. Н.*), который и определяет их число»⁹⁷. Здесь было зафиксировано старинное право провинции самостоятельно определять число своих послов на сейме. Однако следом шла уже весьма примечательная новелла: «Таким же образом надлежит назначать и сенаторов от Прусской провинции»⁹⁸. Это требование вполне согласовывалось с общим стремлением радомских конфедератов лишить короля права раздачи должностей и замещать их по выбору, однако в случае с Королевской Пруссией (а в проекте «Договора» о выборах сенаторов говорится только в отношении этой провинции) такое нововведение имело, несомненно, особое значение. Специально о сохранении всех прав прусской провинции в соответствии с Актом инкорпорации говорилось в 6-й статье проекта⁹⁹.

Таким образом, в проекте «Договора» отразились два фундаментальных принципа и основных элемента политики польской протестантской шляхты XVIII в., вернее группировки, возглавляемой Гольцами, которая с начала 1760-х гг. все более ориентировалась на Россию и все более тесно сотрудничала с русским посольством. Краеугольными камнями этой политики было «гражданское равенство» диссидентов и незыблемость «прусской автономии» — сословных привилегий шляхты и городов Королевской Пруссии.

Разумеется, при анализе двух рассмотренных проектов естественно возникает вопрос: насколько заявленные претензии диссидентов соответствовали реальному потенциалу польских и литовских протестантов, их подлинному положению в сословной и политической системе Речи Посполитой XVIII в.? Очевидно, что их требования явно превосходили реальные возможности диссидентской шляхты, тем не менее, в случае осуществления политической программы, изложенной в проектах, протестанты могли бы претендовать на роль одной из сильнейших политических группировок в Речи Посполитой.

Стремление составителей диссидентских проектов в той или иной форме удалить из конституций сейма и из будущего трактата положение о господствующем статусе католической религии получило свое развитие. 6 ноября / 26 октября представители диссидентов при российском дворе подали ноту, в которой выражали сомнение, «согласуется ли провозглашение в новых конституциях католической религии господствующей с равенством диссидентов [и католиков]»¹⁰⁰. В Варшаве в то же время против господствующего статуса католицизма в Польше выступил шведский посол К. В. Дюбен. Если накануне сейма в мемориале в пользу диссидентов, представленном шведским дипломатом Станиславу Августу, Репнин не нашел «ничего худого»¹⁰¹, то во время переговоров с делегацией выяснилось, что шведский посол получил инструкции возражать против признания католической религии господствующей. В связи с этим Репнин просил Панина повлиять на Стокгольм, «дабы не причинило оное при будущей негодации каких хлопот»¹⁰².

Еще накануне сейма возник вопрос о законодательном утверждении права перехода верующих из одной конфессии в другую. В изложении С. М. Соловьева, затруднения Панина в связи с этой проблемой состояли в том, что издавна униатам было позволено переходить в православие¹⁰³. Историк приводил адресованные Репнину слова руководителя внешней политики, что «надобно сохранить перед глазами публики непорочность наших намерений, касающихся нашей собственной веры». Русский посол возражал против возможного перехода униатов в православие. Он напоминал Панину его же слова о нежелательности усиления в Польше «греков и диссидентов» и указывал, что, запретив переходы из одного «закона» в другой, мы «нацию здесь успокоим и себе приобретем навсегда уверенность, что эти законы не распространяются более, чем сколько надобно для наших интересов. Особенно эта предосторожность, — продолжал Репнин, — нужна против униатов, ибо из них скоро могут найтись такие, которые захотят обратиться к нашему закону; через это увеличится число беглых от нас, да и такой огонь здесь в нации загорится, что истинно трудно будет потушить». Репнин считал, что нужно «доказать всему свету, что [мы] не имеем намерения распространять здесь наше и диссидентское вероисповедание <...> что мы удерживаем здесь равенство религий и стараемся, чтоб никто по причине веры не терпел притеснений»¹⁰⁴.

Опасения русского посла относительно намерений диссидентов, и не только униатов, но и протестантов, вполне подтвердились. 24/13 сентября 1767 г. Репнин писал Панину об их намерениях использовать право свободного выбора вероисповедания для перехода католиков и униатов «в диссидентские религии». «По сему случаю, — доносил русский посол, — господин Красиньский весьма ко мне приступает». Репнин отвечал представителю диссидентов, что следует быть осмотрительнее, «что может от того такой огонь зажечься, который трудно будет утушить», — и далее писал уже Панину, «что диссиденты вместо авантжей несчастий и погибелей своей через сие ищут, ибо надобно в таковом случае при всяком из них деташемент наших войск иметь, а инако их всех перережут»¹⁰⁵. Там же Репнин писал о некоем королевском секретаре по имени Косаковский, который при посредничестве упомянутого Я. Красиньского обратился к русскому послу, сказав, что, хотя и «воспитан» как католик, но «в тайне» придерживается православия. Косаковский также сообщил Репнину, что действует по поручению львовского униатского епископа Леона Шептицкого, который, как писал Репнин, хотел бы узнать «не может ли он при

нынешних обстоятельствах для восстановления своих прав к нашей религии от униатского обряду пристать»¹⁰⁶. Вслед за Л. Шептицким и другие униатские епископы на этот раз через Г. Конисского обратились к Репнину с предложением провести «тайную конференцию <...> с намерением к нашей церкви приступить». Однако русский посол под разными благовидными предложениями старался оставить предложения униатов без ответа «до тех пор, что они, скучая здесь понапрасну жить, по деревням разъедутся»¹⁰⁷. Очевидно, что замыслы униатских иерархов были продиктованы открывающейся перспективой заполучить предназначенные для православных епископов места в Сенате и другие должности для своих сторонников. Однако этот сугубо прагматический мотив не мог заслонить самой проблемы статуса униатской церкви в Речи Посполитой в условиях установления равноправия католиков и диссидентов, несмотря на то, что Екатерина II и Панин намеревались вообще «оставить в молчании» вопрос об униатах.

Наконец, наиболее острой проблемой становилось предоставление диссидентам общественных должностей, особенно мест в Сенате. Репнин доносил Панину 2 октября / 21 сентября, что маршалы обеих диссидентских конфедераций подали послу мемориал, чтобы не устанавливать число должностей, которые, «не быв в состоянии, говорят, оного вынести», а православные, по словам посла, сами землю пахут и без высокого воспитания»¹⁰⁸ (см. Приложение № 2). Именно в этом духе истолковал позицию Репнина С. М. Соловьев¹⁰⁹. Однако неделей раньше, 24/13 сентября посол собственноручно написал своему шефу о вреде, который мог бы произойти в случае установления фиксированного числа должностей для диссидентов, «ибо, — рассуждал Репнин, — если, паче чаяния, были вперед виды умножить нашу здесь и диссидентские религии то в оном случае ограничение сенаторов и земских послов для передо вредно, трактатом сие учреждать тоже вредно, да и самое ручательство, как и другие два пункта, нас бы самих связали и не допускали впредь говорить против собственных своих учреждений. И тако, совсем другую дорогу взять надлежало»¹¹⁰, т. е. отклонить требования диссидентов об установлении для них норм представительства в Сенате на сейме и на других общественных должностях.

Таким образом, становится понятной тактика вождей диссидентов, стремившихся устранить в трактате положение о господствующем статусе католической церкви и установить свободный переход из одной конфессии в другую, чтобы привлечь в свой лагерь людей, соблазненных перспективой занять отведенные для иноверцев общественные должности, причем число последних в рассмотренных проектах существенно превосходило нынешний потенциал самих диссидентов. Пополнение рядов иноверцев ожидалось не только со стороны униатов, но, возможно, и католиков. В пользу такого предположения свидетельствуют хлопоты Яна Красиньского, представлявшего преимущественно интересы великопольских кальвинистов. Все эти расчеты были опрокинуты Репниным. Это еще раз продемонстрировало, что ни посол, ни его шефы в Петербурге отнюдь не собирались только покровительствовать иноверцам, тем более содействовать максимальному усилению их политических позиций, на что указывали и последние инструкции Репнину по делу диссидентов, полученные послом уже после начала сейма. 22/11 сентября Панин подчеркивал, что лучше совсем отказаться от введения «нашего архиерея» в Сенат, чем допустить туда униатов — «нарушителей трактатов и отщепенцев»¹¹¹. Эту мысль шеф Коллегии иностранных дел повторяет 2 октября / 21 сентября и запрещает принимать ка-

кие-либо новые законы об униатах¹¹². «Приобретение в нашу веру униатов, — писал он, — не приобретет нам ничего к нашей инфлюенции, а соединит только с нами число апостатов, которые в обеих сторонах должно оставаться в презрении. Господа же диссиденты, — заключал Панин, — загребая жар чужими руками, не полагают пределов своим видам и желаниям»¹¹³. Вместе с тем он все же предписал Репнину не допускать принятия законов «против отступников»¹¹⁴, что означало разрешение переходов из одной конфессии в другую. Соображения посла не устанавливать определенного числа диссидентов для представительства на сейме и в Сенате руководитель русской внешней политики признавал резонным, однако замечал, что такое требование было выдвинуто, чтобы иноверцы не были исключены отсюда в будущем, если король не назначит сенаторов, а шляхта не изберет послов из числа диссидентов¹¹⁵.

26/15 октября Панин подтвердил все прежние инструкции относительно униатов в связи с запросом Л. Шептицкого. Шеф русской внешней политики писал также, что можно в случае необходимости уступить в вопросе о месте в Сенате для Г. Конисского, приислав ему на замену в Малороссии достойного монаха польского происхождения. В главном же Панин целиком согласился с доводами Репнина, утвердив «согласованные пункты» об определении католической религии как господствующей с добавлением сюда запрещения на переход в другое вероисповедание, оставив на усмотрение Репнина введение диссидентов в Сенат и на сейм «определенным числом или иначе». Послу также поручалось до исхода зимы завершить диссидентское дело в полном объеме¹¹⁶.

20/9 ноября 1767 г. Н. В. Репнин сообщил Н. И. Панину о достижении соглашения с делегацией по диссидентскому вопросу. «Примас, — писал он, — прожект сего дела своеручно коннотировал как уже свершенный»¹¹⁷. В проекте устанавливалось полное гражданское равенство иноверцев с католиками; отменялась юрисдикция католического духовенства в отношении православных и протестантов; для разбирательства споров по церковным делам устанавливалось специальное «судебное место: половина из католиков, а половина из греков и диссидентов».

По настоянию делегации сейма, как доносил Репнин, в соглашение были включены пункты: «1) чтоб католичкая религия господствующей признана была; 2) чтоб король был всегда католик; 3) чтоб королева была тоже католического закона, или не может без того коронована быть; 4) чтоб не позволено было под наказанием от господствующей религии переходить к другим; 5) чтоб процессы (судебные. — *Б. Н.*) все, касающиеся до закона и несправедливости, учиненные по сей причине, рассматривать далее не могли, как 50 лет назад, т. е. с 1717 г., а что прежде взаимно сделано было, то забвению предать»¹¹⁸.

Окончательно текст относящейся к делу диссидентов части трактата был согласован в начале декабря 1767 г., о чем Репнин написал Панину в депеше от 4 декабря / 23 ноября¹¹⁹. Так, казалось, был разрешен диссидентский вопрос некогда названный Екатериной II делом своей чести. Однако достигнутое «гражданское равенство» иноверцев существенно отличалось от того, к чему стремились вожди диссидентской оппозиции. Их надежды даже на относительную политическую самостоятельность оказались перечеркнуты соглашением Репнина с делегацией. Католическая религия законодательно была объявлена господствующей, а расчеты диссидентов заполучить вожеленные должности теперь зависели исключительно от благоволения русского посла, без «подкрепления» которого диссидентам не на что было на-

деяться ни при дворе, ни на сеймиках в воеводствах. Правда, Репнин обещал не забыть о них, когда писал Панину, что «диссидентам с ратификацией трактата стараться стану доставить чины и награждения сколь могуше быть вакансий <...> отменно буду помнить о господах [Яне] Красинском и [Августе Станиславе] Гольце, которые при нашем дворе дела имели»¹²⁰.

Разумеется, новый статус иноверцев избавлял их от угрозы преследования за веру и иных притеснений, гарантией чего было российское покровительство. Однако соглашение по делу диссидентов означало по существу окончательное падение политического значения последних. Вместе с тем итог дела иноверцев показал его второстепенное значение для русской политики. Оно послужило для правительства Екатерины II способом для решения главной задачи: установления контроля над политической системой Речи Посполитой, дополненного российской гарантией государственного строя шляхетской республики. При этом диссидентское дело позволило не только придать российскому вмешательству видимость законности, но и привлечь на сторону Петербурга протестантские государства севера Европы.

V

Завершение переговоров с делегацией по диссидентскому делу позволило перейти к главному вопросу: о российской гарантии польской конституции. К этому времени в Варшаве уже были получены из Москвы депеша Н. И. Панина — Н. В. Репнину от 26/15 октября и письмо Екатерины II Станиславу Августу от 25/14 октября. Написаны они были в ответ на известия об аресте К. Солтыка и других сенаторов и посла, когда при российском дворе еще не знали какой оборот после этого примет диссидентское дело, да и ситуация в Польше в целом. Инструкции Панина были посвящены главным образом уточнению позиции по диссидентскому вопросу. Помимо этого, руководитель русской внешней политики требовал от посла скорейшего, «еще в настоящую зиму», окончания сейма и роспуска конфедерации; выражал согласие на создание комиссий сейма, которые бы соответствовали «прежней власти гетманов и подскарбиев»; требовал «раздачи верховных чинов, должностей и знатных староств», т. е. наград сторонникам России, особенно тем, кто не мог бы ожидать этого от короля. Также Панин высказался за «отступление совсем от лукавых стариков Чарторьских, яко от ненавистного предмета нации»¹²¹.

В это же самое время В. Ф. Сольмс доносил из Москвы 21 и 26 октября о намерении Екатерины II «прервать немедленно существующую в настоящее время большую конфедерацию», о посылке Репнину соответствующих инструкций и о просьбе Панина, чтобы Г. Бенуа поддержал эти действия, а прусские войска в случае необходимости были направлены в Польшу¹²². Из сопоставлений инструкций Панина со свидетельствами прусского посла можно заключить, что при русском дворе не исключали неблагоприятного развития событий и были готовы броситься из крайности в крайность: от подкупа вождей радомского лагеря, особенно противников короля, до разгона конфедерации, а стало быть, и сейма, и вплоть до вступления в Польшу прусских войск.

В этих условиях было особенно важно сохранить хорошие отношения со Станиславом Августом и удержать его на своей стороне, имея к тому же в виду, что король накануне и во время сейма оказывал Репнину твердую поддержку. Именно в

этом духе и было написано письмо Екатерины II Станиславу Августу от 25/14 октября, в котором императрица, обращаясь к своему венценосному брату, написала: «Твердость и добросовестность, с которою Вы трудитесь над преуспеянием моих взглядов в восстановлении диссидентов, укрепляет навсегда мысль, связуемую мною с дружбою вашего в-ства <...>; с этого начинается эпоха как теснейшей связи выгод наших государств, так и неразрывного согласия наших личных чувств (que c'est là aussi bien l'époque de la connexion la plus étroite des intérêts de nos Etats; que de l'union indissoluble de nos sentiments personnels)». Далее императрица писала об аресте «возмутителей», которые «поначалу высказали наибольшую готовность к конфедерации», чем только (арестом. — Б. Н.) и «можно было подкосить их происки». Однако, заявляла Екатерина II, это ни коим образом не изменяет «строжайшее обязательство для меня и для вашего величества, чтобы конституция, которая должна умиротворить Речь Посполитую за моим поручительством, удовлетворяла всем жалобам, возбуждавшим народ к конфедерации». В заключение российская императрица напоминала польскому королю, «что тесная связь, которая установится между нашими государствами, и уверенность, с которой вы и Речь Посполитая сможете рассчитывать на помощь моего правительства не менее будут содействовать во всякое время вашему личному удовлетворению (J'ajouterais que l'intimité qui va s'établir entre nos états et l'assurance avec laquelle vous et la République pourrez compter sur les secours de ma Couronne, ne contribueront pas moins en tout temps à votre satisfaction personnelle)»¹²³. В этих рассуждениях Екатерины II обращает на себя внимание, во-первых, тезис о «теснейшей связи выгод наших государств» и о «союзе» монарших чувств, в котором нетрудно было угадать намеки на российско-польский союз; во-вторых, прямо выраженное требование неукоснительного соблюдения Акта Генеральной (Радомской) конфедерации и, в-третьих, намеки на российскую помощь республике и королю, что будет способствовать и его личному удовлетворению, последняя сентенция поражает своей двусмысленностью, ибо не ясно, ни о какой поддержке идет речь применительно к отношениям республики и российской короны, ни какое личное удовлетворение для Станислава Августа может она принести. И вместе с тем не трудно представить, что для польского короля за словами Екатерины II вновь забрезжила надежда на возможное согласие России на проведение политических реформ в Речи Посполитой, в чем Станислав Август усмотрел шанс, пренебрегать которым считал себя не в праве.

Как мы уже отмечали, первые свидетельства обсуждения Н. В. Репниным и Станиславом Августом проблем совершенствования политического строя Речи Посполитой обнаруживаются в сентябре 1767 г., когда король и посол говорили о возможности введения принципа большинства голосов на сеймиках, что позволило бы обеспечить выборы на них послов сейма из числа диссидентов. Тогда же Станислав Август выдвинул свой проект Постоянного совета.

Однако ни Репнин, ни польский король не поднимали перед российским двором проблемы реформ в Речи Посполитой. Панин и Екатерина II получали от русского посла только сведения о различных политических проектах радомских конфедератов и диссидентов. Зато об опасности замыслов Станислава Августа не уставал предостерегать В. Ф. Сольмс.

Когда в Москве еще не получили никаких известий об открывавшемся в Варшаве сейме, прусский посол доносил Фридриху II 12/1 октября, что при русском

дворе готовы на все ради успеха диссидентского дела. По словам Сольмса, «это дает возможность польскому королю учреждением финансовых комиссий увеличивать свои доходы, а военных — взять под свое влияние гвардейские полки, т. е. забрать себе такие преимущества, которыми не пользовались его предшественники». Этой же цели — увеличению власти короля — служит проект учреждения Постоянного совета, утверждал прусский посол и критиковал действия Репнина. Как писал Сольмс, Панин потребовал, чтобы ему прислали все проекты, однако заметил прусскому дипломату, что о Постоянном совете он (Панин) «того мнения, что проект этот исходит не от короля, а, скорее, от противной партии, и что он стремится, скорее, к ограничению королевской власти, нежели к увеличению ее»¹²⁴.

Теперь же, в конце октября 1767 г., когда делегация сейма была сформирована и уполномочена для «трактования» с Репниным, когда диссидентский вопрос близился уже к разрешению «согласно желаниям» русской императрицы, когда она писала посланию польскому королю от 25/14 октября, наступило время, по мнению Станислава Августа, вселявшее надежды на допустимость преобразований. Тогда польский король попытался вернуться к программе реформ. Для этого он вновь прибег к однажды уже использованному приему, якобы не выдвигая собственных проектов, действовать путем внесения изменений и поправок в замыслы радомских конфедератов. Так было с идеей создания Постоянного совета, когда король «переработал» проект Алоэ. Так было и на этот раз, в октябре 1767 г., когда Станислав Август обратился к Н. И. Панину с предложением уточнить положения конституции сейма 1766 г. об обеспечении вольного голоса, принятой тогда по предложению М. Вельгурского. При этом король также ссылаясь на идею примаса Г. Подоского о разделении законов.

В связи с этим С. М. Соловьев писал, что после ареста К. Солтыка, польский король, «видя, как враги его обманулись в своих надеждах, <...> снова сблизился с Репниным» в расчете «провести свое любимое дело, именно ограничение *liberum veto*»¹²⁵. Далее историк цитирует постскриптум к депеше Репнина от 27/16 октября 1767 г. со слов: «король желает...». Приведем этот текст почти полностью: «Его польское величество с сим же курьером к вашему сиятельству посылает письмо, в котором, сколь мне от него же самого известно, просит, чтоб в трактате изъяснение было сделано закону, поданному на прошлом сейме через Вельгурского, т. е. об утверждении либерум вето, ибо в том законе сие написано на все статские материалы, а не названо точно, которые под тем именем разуместь надлежит.

Если ваше сиятельство намерены впредь из Польши сделать для приумножения какого-либо северному союзу, то сие истолкование с осторожностью, кажется, позволить можно употребить, т. е. выговоря и оставя на век под либерум вето главные материи, сочиняющий форму здешнего правления, как то например, чтоб в вольных сеймах не инако учреждаемо, как единогласием, умножение податей, прибавление войск, заключение всяких трактатов, объявление войны и мира, власть гражданских и всяких государственных чиной, ход и цена монеты и иные, таковы важные а прочий до внутреннего порядка принадлежащие кажется, можно предать без опасности многогласию, ибо без того порядка не можно будет употребить Польшу ни во что, если намерения вы какие на счет ее имеете.

Сверх того надлежит поставить кардинальные законы и никаким уже способом во веки не переменные, чтоб все религии в тех вольностях и преимуществах, кои

они сим трактатом получают, навсегда остались, либерум вето чтоб на все вышеозначенные материи навеки утвержден был и чтоб всякий польский дворянин николи никакой государственной властью без суда наказа быть не мог. Тож, чтоб никто, кроме самой республики, данные чины или награждения здешние назад брать не мог. Которое все надлежит, чтоб уже и конфедерациями нарушить николи не могли.

Если же не намерены вы ничего из Польши делать, а оставить оную в беспорядке и замешательстве бесконечном, то на истолковании сего закона соглашаться не надлежит, а отвечать прямо прошу его польскому величеству, что того позволить нельзя, понеже мы намерены законы удерживать, а не разрушать. Сей же закон об *liberum veto* самый первый во всех здешних правах, ибо прежде через единой только обычай и своевольность в правление здешнее вошло.

Еще король говорил мне, что в недостатках своих на меня сошлется. Я же об сем по справедливости могу сказать, что жалко и прискорбно на его нищету смотреть»¹²⁶.

В изложении С. М. Соловьева PS к депеше Репнина от 27/16 октября 1767 г. оказались опущены немаловажные обстоятельства: во-первых, обращенные к Панину вопросы посла представляли собой как бы две части: пересказ письма Станислава Августа, адресованного руководителю российской внешней политики, с выражением согласия посла с позицией польского короля и одновременно соображения самого Репнина, содержащие по сути отрицательный ответ на идею частичного ограничения либерум вето. Аналогичный прием и по тому же вопросу Репнин использовал еще в 1764 г. накануне коронационного сейма. Во-вторых, посол не просто изложил вновь ту же самую позицию, которую он занимал во время сейма 1766 г., когда вместе с Г. Бенуа выступил против планов ограничения вольного голоса. Теперь содержание одобренных Репниным королевских предложений было существенно иным. Восходили они к плану Г. Подоского об издании неких фундаментальных законов, названных примасом кардинальными, которые устанавливались бы на вечные времена и не подлежали изменению. Известная утопичность идеи вечного законодательства, однако не может заслонить факта, что при таком подходе в политическую систему Речи Посполитой закладывался весьма существенный элемент конституционного права Нового времени. Эту идею Подоского и использовал Станислав Август для развития ее в духе своей реформаторской программы.

По изложенному Репниным замыслу короля законодательная система Речи Посполитой должна было состоять из трех уровней: 1) Кардинальные законы, которые не могли быть нарушены даже конфедерациями; 2) Государственные законы — «главные материи формы правления»; 3) Экономические законы, «до внутреннего порядка принадлежащие».

К высшему уровню относились: права конфессий, сам принцип *liberum veto*, права и привилегии шляхты, чины и награждения («чтоб никто, кроме самой республики назад брать не мог»). В последнем случае имелась в виду система общественных должностей в Речи Посполитой, определившая по сути персональный состав власти в республике. Давались должности королем, теперь же допускалось и отстранение от них по воле сейма. Отнесение общественных должностей к уровню кардинальных законов, казалось бы, пожизненно закрепило должность за обладателем, как это и было ранее. Однако в королевском проекте допускалась возможность отстранения от должности по решению сейма, что открывало перспективу и давало формальный повод пересмотра на сейме и других кардинальных законов.

Наконец, важнейшей отличительной чертой этого уровня законодательства являлось то, что кардинальные законы не могли быть отменены по постановлению конфедерации, что хотя не отменяло права конфедерации, однако существенно ограничивало ее prerogatives.

Второй уровень законодательства, на который распространялся принцип *liberum veto*, был дополнен Станиславом Августом весьма существенным положением, что отклонение на сейме того или иного закона не означало разрыв сейма, а следовательно, недействительности других принятых на сейме постановлений. Этот замысел короля, вынашиваемый еще с 1764 г., в случае его осуществления, позволил бы существенно упорядочить политическую систему Речи Посполитой. Наконец, третий уровень законодательства, по отношению к которому решения принимались большинством голосов, не только существенно ограничивал принцип *liberum veto*, но и открывал возможность распространить принцип большинства на сеймики.

Поскольку еще со времени С. Конарского для польской политической мысли было уже очевидно, что право конфедерации и принцип вольного голоса представляли собой две стороны одного явления — примата частного произвола, частного суверенитета по отношению к суверенитету государства, то ограничение права конфедерации в области кардинальных законов и принципа *liberum veto* в государственных и экономических материях, в случае реализации королевских планов, означало существенный шаг вперед в преодолении пережитков феодальной анархии в политической системе Речи Посполитой.

Приведенный постскрипtum также весьма важен упоминанием в нем северной системы Панина. С. М. Соловьев придерживался мнения, что Репнин, согласившись содействовать Станиславу Августу в таком «деликатном» предприятии, как ограничение *liberum veto*, «ловко предложил дело в виде вопроса, затронув в Панине самую нежную струну — систему Северного союза»¹²⁷. Однако, думается, что в этом случае дело отнюдь не сводилось к простой уловке посла.

Проблема русско-польского союза в 1767 г., хотя и не обсуждалась непосредственно, отнюдь не была снята с повестки дня. Слова о «соединении» России и Речи Посполитой (в смысле тесного союза между ними) не раз звучали в официальных российских декларациях, а в Акте лимитации сейма, утвержденном русской императрицей, Екатерина II была прямо названа «союзницей и другом» шляхетской республики¹²⁸. В этом же духе высказалась царица и в рассмотренном выше письме к Станиславу Августу от 25/14 октября, которое, правда, пока еще не достигло Варшавы и не было к тому времени известно ни королю, ни послу. Поэтому вопрос и ссылка Репнина на северную систему означали осознание существующей и непосредственной связи между реформами государственного устройства Речи Посполитой и русско-польским союзом. Ощущение этой связи, несмотря на все попытки российской стороны оставить вопрос о союзе «в молчании», свидетельствовало об объективной потребности для польско-российских отношений как первого, так и второго.

Обращение Н. В. Репнина за инструкциями по всем рассмотренным проблемам от истолкования конституции 1766 г. о вольном голосе и до союза с Речью Посполитой в то время, когда планы русского двора в польских делах вполне определены и известны послу, а тот в свою очередь пользовался полным доверием Екатерины II и Панина, нельзя было истолковать иначе, как усмотреть в нем косвенную поддержку Станислава Августа. Именно к такому заключению и пришел С. М. Соловьев. И

если в ответных депешах Н. И. Панина Н. В. Репнину мы не встречаем замечаний послу по этому поводу ¹²⁹, то в резолюции Екатерины II они прозвучали вполне недвусмысленно. «Вспомните, — написала императрица не депеше посла, обращаясь к Панину, — сколько сие есть опасно, ибо не всегда можно сказать для чего разрывались сеймы. Сверх того, сие противоречит вовсе последнему вашему письму к князю Репнину» ¹³⁰. В итоге ни в ответе Панина на письмо польского короля, ни в инструкциях Репнину до конца 1767 г. не звучало даже намека на какое-либо ограничение права «вольного голоса» ¹³¹. О том, что предложения посла были восприняты в Петербурге как недопустимое и опасное потворство планам польского короля, свидетельствовали также депеши в Берлин прусского посла В. Ф. Сольмса, писавшего, что «отношения посла (Репнина. — *Б. Н.*) к королю не оставляют никакого сомнения в конфедератах (радомских. — *Б. Н.*) относительно намерений России, тем более, что посол этот восстал против их проектов, тогда как благоприятствовал и охотно принимал всё, что исходило от друзей двора» ¹³².

Говоря о проектах двора, Сольмс имел в виду в первую очередь планы образования Постоянного совета. В самом конце ноября Репнин обсудил вопрос о Совете с Г. Бенуа (см. Приложение № 5), сказав прусскому резиденту, что «имеет повеление» дать согласие на его создание, «коль здешние наши партизаны оного пожелают», добавив при этом, «что ни они не похотят оковы на свою вольность возложить», ни сам посол этого не позволит ¹³³. Однако никаких инструкций относительно Постоянного совета Репнин в действительности не получал.

Поэтому в той же депеше от 3 декабря / 22 ноября посол вновь вернулся к вопросу о Совете, повторив, что условием его создания станет, во-первых, одобрение радомских конфедератов и, во-вторых, если Совет не будет иметь иной власти, кроме исполнения законов. Вместе с тем Репнин подчеркивал, что, по его мнению, Совет будет полезен, поскольку позволит навести порядок во внутреннем управлении и, в частности, в решении тех вопросов, в которых заинтересована Россия, например, о пограничных судах, а иначе, рассуждал посол, «во всех обыкновенных по соседству наших делах никакого толку нигде добиться не можно» ¹³⁴.

На следующий день после написания приведенной депеши Репнин сообщил Панину о переходе делегации сейма к обсуждению вопросов политического устройства Речи Посполитой и что по предложению русского посла в начале конференции делегации проводились без его участия и были посвящены выработке предложений для последующего совместного рассмотрения ¹³⁵.

В ответ на все соображения Репнина из Москвы 10 декабря / 29 ноября последовали две депеши Н. И. Панина. Одна в связи с «Запиской» Сольмса и предостережениями прусского посла ¹³⁶. В ней шеф Коллегии иностранных дел писал, что «принял их не иначе, как в истинной цене», которая и Репнину хорошо известна. Тем не менее, по словам Панина, «благоразумие требует и больше еще успокоить берлинский двор <...> наблюдать всевозможную осторожность» по всем его «опасениям». Панин разрешал дать согласие на образование Постоянного совета, только если этого будет требовать «вся конфедерация», и не допустить в его регламенте никакой двусмысленности, позволившей бы усилить исполнительную власть в сравнении с ныне существующей» ¹³⁷.

В другой, общей инструкции ¹³⁸ руководитель русской внешней политики писал: «Касательно до установления совета называемого *Conseil permanent* <...> сия новость

произведет и нам и соседям нашим вперед много новых хлопот <...>, следовательно, мой друг, надобно, конечно отвратить сию новость»¹³⁹. Два взаимоисключающих предписания в один день, можно объяснить также двояким образом: либо Панин хотел защитить Репнина от прусской критики и отправил послу предписание в тех самых выражениях, которые тот, сославшись на мифические «повеления», употребил в беседе с Г. Бенуа; либо в Москве уже не хотели вникать в тонкости польской политики, настаивая на скорейшем оформлении российской гарантии государственного строя Речи Посполитой при соблюдении всех шляхетских вольностей, *liberum veto* и устранении всех подлинных и мнимых опасений Берлина.

Именно в этом духе составлены инструкции Панина. По поводу соображений короля и примаса о *liberum veto* и разделении законов говорилось, что последнее «само по себе невинно» и могло быть полезным для Польши без возражения соседних держав, если бы дело не было «вовсе испорчено прошлогодним варшавским сеймом. Но теперь, продолжал Панин, обстоятельства совсем другого рода и «не могут дозволить ни малейшей в польских законах новости», поэтому он поручал Репнину «полное и без всяких изъятий восстановление неограниченного вольного голоса (*liberum veto*)» с добавлением всего, что примас предлагает в отношении кардинальных законов¹⁴⁰. Панин признавал, что в этом случае «останется Польша навсегда при внутреннем неустройстве», и ей не найдется места ни в северной системе, ни в совместных с Россией действиях против Порты. Поэтому, чтобы в будущем можно было использовать Речь Посполитую в своих интересах, следует обязательно сохранить право конфедерации¹⁴¹. Таким образом, Панин отверг все аргументы Репнина и доводы Станислава Августа и решительно предписал оставить неизменными два основополагающие элементы «польской анархии»: принцип *liberum veto* и право конфедерации. Более того, теперь они в полном объеме включались в законодательство, на вечные времена гарантированные Российской империей.

Инструкции Панина курьер Тир привез в Варшаву 21 декабря, а уже на следующий день, 22/11 декабря Н. В. Репнин написал пространную депешу¹⁴² своему шефу (см. Приложение № 6). Посол объявлял, что «исполнит все, что ни повелено», и писал далее: «Сила наша в настоящее время все может; но осмелюсь то представить, что не только тем не утвердим поверенность нации к нам и нашу здесь инфлюенцию, но напротив, совсем оные разрушим, оставя в сердцах рану всех резонабельных и достойных людей, которые разделение законов желают, как я прежде доносил, на которых одних надеяться можно, которые, наконец, одни ж только и могут через свой рассудок нацией предводительствовать»¹⁴³.

Репнин убеждал Панина, что нынешние сторонники России из радомского лагеря не способны управлять страной, что конфедерация слаба, а видимость ее мощи зиждется только на поддержке России, что К. Радзивилл не обладает подлинным авторитетом. Поэтому, рассуждал посол, мы «принуждены будем все делать единственною силою, которое совершенно разрушает сей важный предмет, чтобы свою независимую поверхнюю в земле партию иметь. Из сего ж то произойдет, что при первом случае, при коем аттенция наша или силы отвращены будут в другую сторону, то Польша, по бессилию снося только строгость нашего ига, тем воспользоваться захочет, дабы оного избавиться»¹⁴⁴.

Для успешной политики в Польше, по мнению Репнина, следовало изменить характер отношений со Станиславом Августом. Посол доказывал, что сильная про-

российская «партия» может быть создана только во главе с королем, который будет поддерживать ее влияние за счет раздачи чинов и староств, «чтобы его (короля. — *Б. Н.*) руками жар загребать». Союз с королем, доказывал посол, должен основываться не на страхе последнего. Королю следует «доказать через собственное его благополучие, что он не может лучше сделать, как быть нам совершенно преданным, и оставаясь в самой короткой дружбе с нашим двором; а оскорбляя его не долее в состоянии будем на своей стороне удерживать как поколь не увидит он способа из наших рук вырваться» ¹⁴⁵.

Возможность сотрудничества с достойными «резонабельными» людьми и соглашения со Станиславом Августом Репнин видел на пути реализации той весьма умеренной реформаторской программы, которую посол уже излагал Панину. Теперь он возобновил свои предложения, дополнив их некоторыми новыми соображениями. «Не сдержим ли мы торжественным образом наше обещание, — задавался вопросом посол, — когда форму правления через кардинальные законы так утвердим, что уже не только конфедерация, но и самое единогласие того переменить не будет в силах? Не оставим ли мы нацию в преимуществах либерум вета, когда все штатские материи одним единогласием на вольных сеймах решены могут быть? Достальное все принадлежит до единого порядка, как о внутренности судебного обряда, тож экономия учрежденных уже доходов и содержания имеющегося уже войска. Большая часть нации, как я уже выше сказал, в том числе все резонабельные люди и противные двору того желают, следственно, и не стали б мы нацию удерживать, когда не дозволим ей внутреннего благосостояния, быв оное нам не вредно, и, следственно, не исполним тем наших обещаний» ¹⁴⁶. Здесь, в частности, Репнин предлагал включить форму правления шляхетской республики в состав кардинальных законов, т. е. не подлежащих изменению даже по единогласному решению сейма.

Выступил посол и против универсального применения правила вольного голоса за пределами государственных материй. «Мнение лишних дворских замыслов (плана полной отмены *liberum veto*. — *Б. Н.*), — писал Репнин, — конечно, много-было людей привело в тревогу, но желая они утвердить свою вольность через кардинальные законы и соблюдение *liberum veto* в государственных материях, тем довольные, а не желают разрушения внутреннего порядка, справедливости и благосостояния своего через разрыв сеймов и простирая *liberum veto* на все внутренние экономические материи. Все, напротив, ропщут против сих разрывов сеймов и с презрением на тех смотрят, кои то делали» ¹⁴⁷.

Особенно решительно возражал Репнин против требования закрепить в законодательстве «право нации польской» на объединение в генеральные конфедерации. Мысль эту посол назвал опасной и предлагал не вносить никаких изменений в существовавшее до сих пор право конфедерации: «т. е. всякая бессильная конфедерация почитается бунтом, а всякая сильная присвоит себе репрезентацию всей республики и испровергает постановления противных себе конфедераций. Если же бы мы правом конфедерации позволили, то бы все они были законные, ибо всякая имя генеральной берет; а вместо подлинной надобности в претекстах никогда недостатка не будет» ¹⁴⁸. Репнин не решился высказаться против конфедераций более определенно, поскольку, согласно полученным инструкциям, они и на будущее оставались основным инструментом русской политики в Польше.

Косвенно посол высказался и в поддержку идеи связанного с планами реформ проекта польско-русского союза. «Осмелюсь предложить, — писал Репнин, — что

наши интересы на время какого либо замешательства с Портой требуют, чтоб мы заранее в Польше внутренний порядок установили (выделено мною. — Б. Н.), дабы при надобности можно нам было ей дать ту силу и репрезентацию, которую заблаговременно рассудим, и чтоб оное в действии нам было тотчас полезно, а иначе она нам полезна быть не может, ибо вдруг из совершенной сумятицы в действительное употребление к делу ничего привести не можно, и, следственно, мы Польшу тогда возвысим не для своих интересов, ибо она не успеет нам быть полезною. Для того же самого случая, видится мне, и короля нам менажировать надобно, чтоб он тогда инфлюенцией своего места нам помогал, которая всегда несколько значит и без которой бы мы диссидентского дела конечно не окончили так авантажно»¹⁴⁹. Посол не говорил здесь прямо о союзе, однако изложенная программа в полной мере соответствовала планам российско-польского союза 1764—1766 гг., что было очевидно как для Репнина, так и для Панина. О том, что замысел российско-польского союза не был совершенно оставлен при российском дворе, свидетельствует донесение Сольмса, передавшего Фридриху II слова Панина, который сказал, что составил проект союза его «двора с Польской республикой, к которому, они надеются», присоединится и прусский король¹⁵⁰.

Среди прочих вопросов, заданных Репниным в депеше от 22/11 декабря руководителю русской внешней политики, был вопрос и о Постоянном совете; отказаться совсем от планов его создания или внести в них изменения? При этом Репнин замечал, что Панина ввели в заблуждение саксонские дипломаты и послы радомской конфедерации, что встреченный им с неодобрением проект сочинен Я. Б. Алоэ и не имеет ничего общего с предлагаемым Репниным¹⁵¹. Свой план создания Постоянного совета русский посол посылал в приложении к депеше¹⁵², предварительно познакомив с ним Г. Бенуа, который, как писал Репнин, не возражал против подобного замысла¹⁵³. В приложении к депеше были также посланы проекты: «Права кардинальные» и «Материи государственные, кои единогласием на вольных сеймах определяемы быть должны»¹⁵⁴. Репнин писал, что надеется получить ответ Панина к 10 января 1768 г. (по н. с.), после чего «легко будет трактат учредить» и завершить всю процедуру до конца февраля, в установленное для сейма время.

Мотивы действий Н. В. Репнина, столь настойчиво убеждавшего Екатерину II и Н. И. Панина в необходимости пересмотреть принципы своей политики в отношении Речи Посполитой не были оставлены историками без внимания. Э. Герман связывал позицию русского посла с пенсией, которую тот якобы получил от Станислава Августа¹⁵⁵. Мнение это восходит к слухам, ходившим среди врагов короля и посла в Варшаве и зафиксированным в корреспонденции Эссена. С. М. Соловьев объяснил поведение Репнина нежеланием «огорчать короля совершенным уничтожением» реформ 1764—1766 гг.¹⁵⁶ Н. Д. Чечулин, хотя и утверждал, что нет никаких доказательств личной пристрастности Репнина, связывал высказанные им соображения с желанием вновь подтолкнуть Петербург к союзу со Станиславом Августом и Чарторыскими¹⁵⁷, что, собственно, также не выходило за пределы политической конъюнктуры.

Однако какими бы личными соображениями ни руководствовался русский посол, поставленные им проблемы носили принципиальный характер для российско-польских отношений, главным вопросом которых была позиция России в связи с планами реформ в Речи Посполитой и польско-русского союза. От их решения

зависели как расстановка политических сил в шляхетской республике, так и возможности для русской политики найти внутреннюю опору в Польше. Сама дискуссия, развернувшаяся между Репниным, с одной стороны, и Н. И. Паниным — с другой (что не часто встречается в дипломатической практике), свидетельствовала, что намеченная в их корреспонденции альтернатива не была надуманной, а носила объективный характер и допускала двоякие возможности решения.

В начале декабря, одновременно с отправкой собственного проекта Постоянного совета к российскому двору, Н. В. Репнин передал примасу и С. Бржостовскому — маршалу конфедерации, замещавшему погрязшего в пьянстве К. Радзивилла — три проекта: 1) Conseil d'Etat (Я. Б. Алое); 2) план Г. Подоского с отменой королевского права раздавать должности и староства; 3) собственный проект посла, которому для весомости Репнин присвоил собственное авторство. Однако в действительности это был дворский Plan en gros¹⁵⁸.

Со временем, когда стало известно о намерении Н. В. Репнина и Станислава Августа сформировать делегацию сейма, в Варшаве и по всей стране стали распространяться слухи, что на сейме будут навязаны не только «равноправие диссидентов» и альянс с Россией (так была превратно истолкована российская гарантия польской конституции), но и увеличение войска и податей, а также некий Высший Совет (Rada Najwyższa), который должен стать «буфером между королевской властью и свободой», что на сеймах будет введено принятие решений большинством голосов, однако с изъятием кардинальных законов, новых податей и увеличения войска. Так намерения двора излагал неизвестный автор записки, сохранившейся в бумагах Е. Мнишека¹⁵⁹.

О том, как планы Станислава Августа и Репнина 1767 г. преломлялись в мнении шляхты, можно составить представление на основе «Секретной кабинетной записки» (Skrypt sekretny gabinetowy), сохранившейся в черновой редакции «Воспоминаний или Истории Польской 1758—1798» Енджея Китовича¹⁶⁰. Разумеется, «Записка» не имеет ничего общего с реальностью, как и изложение в ней якобы имевшиеся планы введения в пользу короля десятины с церковных владений, увеличение податей со шляхетских имений, содержания за счет шляхты русских войск, вплоть до совершенно фантастических замыслов разжигания крестьянского бунта. Тем не менее в этом по оценке комментатора «апокрифическом» сочинении¹⁶¹ нашли отражение некоторые существенные тенденции. Во-первых, планы политических реформ воспринимались большинством шляхты как угроза собственным сословным привилегиям. Благородное сословие отвергало любое перераспределение в пользу государства феодальной ренты, как и увеличение государственных повинностей, ложившиеся на шляхетские или церковные имения, а также любые государственные ограничения владельческих прав дворянства на землю и крестьян. Именно в этом, а отнюдь не в политической области, шляхта видела для себя главную опасность королевских замыслов и направляла против них свою критику, облаченную в возвышенные слова о защите «золотой вольности». Во-вторых, несмотря на все декларации Екатерины II о защите шляхетских прав, политика польского двора и магнатских верхов воспринималась рядовой шляхтой как продолжение русской политики, в целом враждебной коренным шляхетским интересам, а опасные, с точки зрения благородного сословия, реформаторские замыслы рассматривались как неразрывно связанные с интересами России, а следовательно, вдвойне враждебные для Речи Посполитой.

На депеше Н. В. Репнина от 22/11 декабря 1767 г. Екатерина II написала резолюцию: «...Лишь бы остался наш способ иметь пользу от либерум вотум, до для чего бы не позволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться»¹⁶². В прочем императрица поручала своему обергофмейстеру и новопожалованному графу составить ответы Репнину «в силе того, на чем мы согласились». Депеша Панина в Варшаву была готова 3 января 1768/23 декабря 1767 г.

В ней руководитель русской внешней политики сообщал послу «словесные резолюции» императрицы с разрешением на разделение законов на кардинальные, государственные и экономические (в последнем случае решения на сейме принимались бы большинством голосов). Однако несогласие хотя бы одного посла по государственным материям влекло бы за собой разрыв сеймов, для которых как и прежде неукоснительно должен соблюдаться шестинедельный срок, Екатерина II запрещала создание Постоянного совета, а право конфедерации, как и предлагал Репнин, согласилась оставить без изменения¹⁶³.

Таким образом, позиция России по главному вопросу о гарантии политического строя шляхетской республики была определена. Предложенная Станиславом Августом и поддержанная Репниным программа реформ — отвергнута, а Петербург окончательно стал на сторону консервативного большинства польской шляхты и магнатской олигархии. Разумеется, принимая такое решение, Екатерина II и Панин руководствовались главной целью сохранить политическую анархию в Польше, как условие российского господства в Речи Посполитой, которому теперь предстояло придать правовую форму гарантии польской конституции. Отдельные ее элементы, заимствованные из реформаторских замыслов польского двора (введение кардинальных законов, установление голосования большинством по экономическим материям на сейме и даже возможное принятие решений на сеймиках большинством голосов, поскольку в этом отношении не было сделано прямого российского запрета), не меняли характера государственного строя Речи Посполитой. Однако парадоксальным образом приняв сторону консервативных сил, русское правительство волей неволей пошло на сговор с теми кругами в Польше, которые, начиная с 40-х гг. XVIII в. питали антироссийскую оппозицию. Вместе с тем, отклоняя реформаторские планы в Польше, Екатерина II и Панин столкнулись еще с одним противоречием собственной польской политики. Поставив еще в 1763 г. задачу устранить в Речи Посполитой всякое иностранное влияние, помимо российского, русский двор, тем не менее, в своем отношении к польским реформам не только следовал тем же курсом, что и другие великие державы, но, выступая заодно «с соседями Польши», сам создавал почву для поддержания их политического влияния в стране.

VI

В период сейма 1767 г. ни одна из великих держав не решилась на прямое противодействие, как писал Н. И. Панин, «подвигам» России в Польше, однако их позиции все же претерпели известные внутренние изменения.

Еще накануне открытия сейма, когда Н. В. Репнин поделился с Г. Бенуа планами образовать делегацию сейма и идеей создания Постоянного совета, прусский посол поставил вопрос о своем участии в переговорах с делегацией¹⁶⁴. К. В. Финкенштейн

и Э. Герцберг сразу проинформировали о полученных известиях В. Ф. Сольмса¹⁶⁵ и переслали депешу Бенуа Фридриху II. По их мнению, главную опасность для Пруссии представляло возможное усиление власти польского короля¹⁶⁶.

Инструкции из Потсдама были отправлены Бенуа 18 октября. Фридрих II выражал удовлетворение, что тот сумел убедить Репнина изменить свое отношение к замыслу создания Постоянного совета. «Я полагаю, — писал прусский король, — что это предоставит Вам удобный случай приобрести сторонников среди поляков, когда бы Вы с помощью ловких инсинуаций способствовали тому, что я всегда имел своей целью — бдительно охранять конституцию (Польши — *Б. Н.*). Но я полагаю, что Вам надо позаботиться и о том, чтобы они поддерживали меня, как я надеюсь, и в моих справедливых и обоснованных требованиях относительно таможен, разногласий с магистратом Данцига и т. п. Имейте в виду также, что действовать надо ловко, чтобы ответственность за все одиозное, что ныне происходит, легла бы только на русских, а не на нас. Поляки же будут смотреть на нас как на защитников в наиболее значительных делах». В заключении Фридрих II выражал надежду, что, если Россия прислушается к прусским пожеланиям, «дела со временем обратятся к нашей выгоде и по нашей воле»¹⁶⁷. К мысли о создании «прусской партии» в Польше король вновь обратился в депеше к Бенуа от 25 октября 1767 г.¹⁶⁸

Именно в этом духе, еще до получения королевских инструкций и действовал Г. Бенуа в Варшаве. Репнин сообщал Панину 8 октября / 27 сентября, что «уже в подлинности знает» об интригах прусского министра против диссидентского дела. По словам русского посла, Бенуа якобы обещал польским собеседникам, что прусский король «не выдаст» своих сторонников, что русские только угрожают, «а до действия не дойдут». Особенно же подчеркивал Репнин усилия прусского министра, направленные «против гарантии нашей <...>, ибо сие им более всего на сердце лежит»¹⁶⁹. Приведенное свидетельство русского посла весьма важно, ибо указывает, что, вопреки мнению С. М. Соловьева, острие прусских интриг было направлено не против диссидентского дела, а против российской гарантии государственного строя Речи Посполитой.

Выступая против гарантии, Берлин более всего опасался, что, будучи во власти России, Польша получит возможность провести некие преобразования, направленные на укрепление польского государства. Об этом от имени Фридриха II писали Сольмсу прусские кабинет-министры 20 и 24 октября, предлагая и дальше добиваться, чтобы Репнину были посланы инструкции противодействовать планам усиления королевской власти в Речи Посполитой как ныне, так и в будущем¹⁷⁰ и «не вводить перемен в систему правления»¹⁷¹.

С этой целью в Берлине решили добиваться, дабы Г. Бенуа наравне с Н. В. Репниным принял участие в переговорах с делегацией сейма. К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг в письме Фридриху II ссылались для обоснования такого права на Оливский договор¹⁷². В резолюции прусского короля поручалось довести эти соображения до Репнина¹⁷³, после чего последовали две депешы кабинет-министров от 10 ноября в Варшаву¹⁷⁴. 17 ноября Финкенштейн и Герцберг вновь обратились к Фридриху II с предложением настаивать на участии Г. Бенуа в переговорах с делегацией сейма. Министры писали, что «этот демарш, которые ни к чему не обязывает Ваше Величество, будет для г-на Бенуа, согласно нашему нижайшему рассуждению, верным и единственным средством предотвратить любое опасное нововведение, и, может

быть, помешает князю Репнину распускать руки. Такое требование не должно вызывать возмущения русского двора, у которого не может быть ни основания, ни предложения казаться недовольным»¹⁷⁵. Таким образом, добиваясь участия прусского посла в переговорах, Финкенштейн и Герцберг преследовали две цели: не допустить опасных нововведений в Речи Посполитой и ограничить произвол Репнина. Однако в последнем случае речь, разумеется, речь шла не о русском после персонально, а о том, чтобы по возможности повысить уровень политического влияния Берлина в Польше. В ответ на соображения министров Фридрих II заметил: «Очень хорошо». А на следующий день уже сам писал своему послу в Варшаву, что с удовлетворением узнал о скором окончании диссидентского дела. «Относительно других политических дел, которые обсуждаются послом (Н. В. Репниным. — *Б. Н.*) в большой комиссии, — продолжал прусский король, — я полагаю, что Вы должны быть также допущены к этим переговорам, как это было по делу диссидентов <...> Вы будете затягивать время до тех пор, пока мы примем меры, и посол (Н. В. Репнин. — *Б. Н.*) получит указание своего двора о вашем допуске [к переговорам с делегацией сейма]»¹⁷⁶.

Инструкции из Берлина побудили Г. Бенуа обратиться к Н. В. Репнину. Их беседа русский посол изложил в депеше к Н. И. Панину от 3 декабря/22 ноября 1767 г. (см. Приложение № 5)¹⁷⁷. Бенуа тогда сказал, что по велению своего государя должен требовать участия в переговорах с делегацией сейма. К этому, по словам прусского посла, его побуждают опасения по поводу планов создания Постоянного совета и возможные «предосудительные новости» в правлении, которые противоречат как польским свободам, так и политике соседних держав. Право же на участие в переговорах, по утверждению прусского посла, проистекает из Оливского договора и из гарантии, данной Россией и Пруссией на сейме конвокации 1764 г. в связи с признанием республикой императорского и королевского титулов российских и прусских монархов.

Вместе с тем Бенуа признавал, что не видит возможности самому открыто выдвинуть такое требование, поскольку оно противоречило бы акту уполномочивания, принятому сеймом 1767 г. Бенуа и сам знает, говорил в ответ Репнин, что интересы России и Пруссии в отношении Польши «суть совершенно одинаковы», что «мы (русский двор. — *Б. Н.*) не можем сами против своих интересов здесь действовать» и что содержание переговоров не будет скрыто от прусского посла¹⁷⁸. Репнин подчеркнул, что о деталях совместных действий в Польше русскому и прусскому дворам следовало бы договориться заранее. Теперь же акт лимитации сейма предусматривает «согласие и ручательство» только русской императрицы, поэтому он, посол, не может требовать участия Бенуа в переговорах, да и сама делегация, по словам Репнина, на это не согласится¹⁷⁹.

Отвергнута была и попытка Г. Бенуа добиться косвенного признания прусского участия в российской гарантии польской конституции. Прусский посол спрашивал Репнина, можно ли будет в российском трактате с Речью Посполитой «упомануть, что он не должен нисколько не только испровергать, но не ослаблять содержание трактатов республики с берлинским двором. На которое я отвечал, что то, конечно, возможно и что мысли николи у нас не было как-либо умалить силу их трактатов, которое уже точно в пунктах о диссидентах и учинено; ибо в оных торжественно подтверждается Оливский трактат во всей его силе навсегда. Что ж касается до их гарантии, то она, во-первых, сделана по последнем сейме конвокации, когда точно введены и

все те новости, против коих нация и сконфедеровалась и кои мы желаем, сколь нужно будет, исправить: а хотяб и точно та гарантия такова была, как нам желательна, то, однакож, не мешает она республике входить по своей воле в обязательства и учреждения, для нее полезные, лишь бы только не были [они] противны интересам ручателя и намерениям ручательства»¹⁸⁰. Выделенное нами замечание русского посла имеет принципиальное значение, ибо точно определяет смысл российской гарантии, которая по форме должна была охранять вольности Речи Посполитой, а по существу — интересы российского двора и служить средством для реализации намерений Екатерины II.

«Мне видится, — писал в заключение Репнин, — что столь важная поверхность нашей инфлюенции в Польше против других держав им завидость делает, и что они на то весьма беспокойным оком глядят, а с другой стороны, весьма не хочется мне их допустить до разделения сей инфлюенции и до вступления некоторым образом с нами в равенство, которого они теперь отнюдь и здесь не имеют, а во втором классе за нами следуют. Я касательно до сего то ж Вашему сиятельству повторяю, что уже и прежде неоднократно доносил, что я с поляками справлюсь и некоторую из чужестранных держав не допущу в равной с нами инфлюенции здесь быть; но прошу только в наружности меры свои принять против тех чужестранных соседственных держав и прочих; а мне предписать, продолжать ли на теперешнем же основании мое поведение»¹⁸¹.

В изложенной депеше от 3 декабря Репнин не писал, когда именно состоялся его разговор с Бенуа, сказав только, что «на сих днях». Встретились же два дипломата 24 ноября, а на следующий день Бенуа отправил донесение о беседе с русским послом Фридриху II. В ответ прусский король писал, что, судя по изложенным обстоятельствам, он не усматривает угрозы своим интересам, даже если Бенуа не будет присутствовать на переговорах с делегацией сейма. Прусский король только «для сведения и руководства» посла сообщал ему о своих подозрениях, что российский двор якобы пришел к соглашению с королем Польши. Правда, по словам Фридриха II, это отвергается графом Паниным, поэтому Бенуа предписывалось наблюдать, дабы на переговорах Репнина с делегацией не возникло новых опасных проектов¹⁸².

Уступив в вопросе об участии своего посла в конференциях с делегацией, прусский король, имея в виду недопущение «опасных проектов», хлопотал при русском дворе, чтобы Репнину были направлены инструкции информировать о своих действиях Бенуа, чтобы текст русско-польского трактата был прислан в Берлин и утвержден к подписанию только после того, как он (король) переговорит об этом с императрицей. Направляя соответствующие предписания Сольмсу, прусские кабинет-министры писали от имени своего государя, что договоры Пруссии с Речью Посполитой обязывают Берлин «заботиться о поддержании ее конституции», что побуждает Фридриха II требовать, «самое малое <...> просмотра предложенных столь важных договоров, прежде чем они получают законную силу трактата»¹⁸³.

Вскоре в прусской столице было получено донесение от Сольмса о его конференции с Паниным, на которой посол поставил вопрос об участии Бенуа в переговорах с делегацией сейма¹⁸⁴ (Приложение № 7). Во время беседы было рассмотрено много важных проблем. Однако на недвусмысленный вопрос Сольмса шеф русской внешней политики так и не ответил, ограничившись заявлением, что «не в состоянии отдавать отчет в каждом сделанном шаге», что за пять лет своего нахождения

во главе Коллегии иностранных дел он не сделал ничего, что противоречило бы интересам прусского союзника, что и ныне он руководствуется планом, одобренным как Екатериной II, так и Фридрихом II, и просит «не требовать объяснений» по всякому поводу, но в прочем готов «сообразовываться с советами и указаниями» прусского государя¹⁸⁵.

В адресованной Н. В. Репнину специальной депеше о переговорах с В. Ф. Сольмсом Н. И. Панин писал, что связывает причину настороженности Пруссии с подозрениями в попытках «изменить форму правления в Польше»¹⁸⁶. Поэтому, указывал он Репнину, «благоразумие требует и больше еще успокоить берлинский двор <...>, наблюдать всевозможную осторожность по всем его опасениям»¹⁸⁷. Каким образом можно это сделать, говорилось в другом написанном в тот же день, 19 декабря / 29 ноября, письме Панина в Варшаву: «Оставить Польшу навсегда при внутреннем неустройстве»¹⁸⁸, что диктуется также отношением к польским делам всех соседних с Речью Посполитой держав. «Таковы, неоспоримо, должны быть внутренние импрессии без исключения у всех соседей, — делал вывод руководитель русской внешней политики, — яко то у венского двора, Порты и самого короля прусского»¹⁸⁹. Отсюда следовали незыблемость *liberum veto* и сохранение права конфедерации в Польше.

В дальнейшем Н. В. Репнин обстоятельно информировал Г. Бенуа о своих переговорах с делегацией сейма. При этом, как свидетельствует, например, депеша Репнина от 22/11 декабря 1767 г.¹⁹⁰, оба посла находили полное взаимопонимание, а замечания Бенуа носили сугубо частный характер. Сообщая 16/5 декабря о своем разговоре с прусским послом, Репнин писал, что данные им разъяснения о переговорах с делегацией, по словам Бенуа, встречены Фридрихом II с удовлетворением и что прусский король не будет настаивать на участии своего посла в переговорах. В итоге 25 декабря К. В. Финкенштейн и Э. Герцберг с одобрения Фридриха II рекомендовали Бенуа «не добиваться участия в подготовке трактата и в работе комиссии (в переговорах с делегацией. — Б. Н.), поскольку нынешние события в Польше не затрагивают ни прав Фридриха II, ни договоров с Пруссией. Их можно не принимать во внимание и в других отношениях <...>. И поскольку, в конечном счете, Россия принимает на себя право гарантии, в том числе и в возможных польско-пруссских конфликтах»¹⁹¹. Однако в дальнейшем прусские кабинет-министры не уставали напоминать русскому двору, что Г. Бенуа должен быть ознакомлен со всеми решениями, принятыми делегацией и русским послом.

Тем не менее 12 января 1768 г. Финкенштейн и Герцберг писали Сольмсу, что, отказавшись от обещания привлечь Бенуа к переговорам, Панин все же не привел убедительных аргументов. От имени Фридриха II посол был уполномочен заявить, что коль скоро прусский король на коронационном сейме «принял на себя вместе с русским двором обязательство формально и неограниченно покровительствовать конституции республики и настоящему образу правления в ней, то этому двору следовало бы сообщать ему свои планы по предлагаемым им различным переустройствам, с того момента как совокупное наше обязательство состоялось, и что ни малейшая перемена в существующей администрации не должна была бы проектироваться без ведома тех, кто поручился за ее целость; между тем этого нет»¹⁹². Министры подчеркивали далее, что прусский король «охотно уступает русскому двору первенство» в устройстве польских дел, однако он в праве требовать, «чтобы в основные законы никоим образом не вошло бы ничего такого, что бы могло изменить

целиком, или частью только, существующую форму правления; и, что важнее всего, на основании недавнего уверения гр. Панина, чтобы ни в коем случае не был допущен вопрос о постоянном Совете, на который он (Фридрих II. — *Б. Н.*) никогда не согласиться»¹⁹³.

Несмотря на глухое недовольство, прусский король с декабря 1767 г. решил полностью устраниваться от какого-либо участия, хотя бы формального, в российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. Об этом Г. Бенуа заявил Н. В. Репнину 27 января 1768 г., «что он более не желает, — как доносил русский посол, — чтоб мы в своем новом здешнем трактате остерегли важность трактатов республики с королем прусским, следственно просил, чтоб я уже того артикула в наш трактат не вносил. Сие, — замечал Репнин, — некоторое помешательство делает именно предостеречь трактат оливский, но, с другой стороны, думаю, что то сделать будет можно, понеже не один в него король прусский входит, и что он не главной державой в нем был»¹⁹⁴.

Заявление Бенуа последовало после того, как в Берлине с удовлетворением узнали о согласованном делегацией и Репниным тексте основных законов, что «вопрос об учреждении Постоянного совета совершенно исключен и уже больше не поднимается». Поскольку, по мнению прусского двора, это самая важная статья, то о других не стоит много беспокоиться, благо, — писали кабинет-министры Сольмсу 23 января, — не было бы ничего установлено против существующей формы правления, которую нам удобно не изменять»¹⁹⁵.

Подчеркнуто положившись на обещания Панина «не вводить новостей» в политическую систему Речи Посполитой и отказавшись от претензий как-либо участвовать в российской гарантии польской конституции, Фридрих II отнюдь не собирался сдавать собственные позиции в Польше. Чтобы продемонстрировать свое влияние, он раздул конфликт с гданьским магистратом по поводу вербовки в городе рекрутов для прусской армии.

Еще в ноябре 1767 г. Г. Бенуа подал польскому министерству мемориал, в котором, ссылаясь на Оливский договор, протестовал против препятствий, которые чинятся прусским вербовщикам в Гданьске. Требования Пруссии были признаны в Варшаве справедливыми, Бенуа был удовлетворен как ответом польского министерства, так и королевским указом магистрату Гданьска¹⁹⁶. Поддержать прусский демарш пришлось и Репнину, просившему русского резидента в Гданьске И. М. Ребиндера, «чтоб он настоял, где надлежит, в исполнении сего рескрипта»¹⁹⁷.

Однако инцидент затянулся. В начале января 1768 г. Репнин доносил о попытках Гданьска уклониться от исполнения указа Станислава Августа¹⁹⁸. В итоге России в очередной раз пришлось продемонстрировать, что в польско-пруссских разногласиях русский двор будет на стороне своего прусского союзника, о чем 23 декабря 1767 г. Н. И. Панин заверил Берлин через русского посла В. С. Долгорукова¹⁹⁹.

В том же письме от 23/12 декабря 1767 г., где говорилось о поддержке прав Пруссии на вербовки в Гданьске, Панин поручал послу передать берлинскому двору благодарность Екатерины II за инструкции прусскому резиденту в Константинополе И. Х. Зегелину действовать там совместно с А. М. Обресковым. О требованиях прусских кабинет-министров допустить Бенуа к участию в переговорах с делегацией сейма он писал там же, что Россия принимала и принимает участие в деле диссидентов «не одними декларациями, но и знатным числом войск своих». Подчеркнув тем самым роль Пруссии как младшего партнера, Панин отметил далее, что в

настоящий момент нарушить установившуюся процедуру значило бы повредить делу, которое уже почти доведено до конца»²⁰⁰. В депешах Репнину Панин был более откровенен. «Зависть короля прусского, — писал он 2 января 1768 / 22 декабря 1767 г., — к толь превосходной нашей в Польше поверхности» будет и дальше продолжаться, как и „препоны“, создаваемые «под рукою <...> успехам негоциаций наших». Тем не менее, по словам шефа русской внешней политики, Фридрих II нуждается в союзе с Россией, поэтому прусский король не будет препятствовать планам России, чем и объясняется отказ Бенуа от участия в переговорах²⁰¹.

Спустя месяц Панин вновь вернулся к анализу позиции Берлина. «Не удивляет меня, — писал он Репнину 9 февраля / 29 января 1768 г., — последний к вам отзыв прусского министра, что при дворе его не желает уже теперь, дабы сила трактатов его в новом нашем [трактате] оговорена и охранена была». Объяснялось такое поведение прусского двора опасением неудачи, а также «завистью» к «нашим подвигам» и достижениям. Но это, подчеркивал руководитель русской политики, не должно препятствовать совместным действиям Репнина и Бенуа, поскольку, по его словам, прусский король следует «другим уважениям, кои его <...> к системе и союзу нашему привязывают»²⁰². В этом случае Панин напоминал Репнину, что прусский король вынужден будет смириться с любыми действиями России в Польше, поскольку союз с Петербургом имел для Берлина решающее значение как гарантия безопасности государства Гогенцоллернов перед лицом австро-прусского антагонизма.

VII

За события в Польше во время сейма 1767 г. внимательно следили не только в Берлине, но и в других европейских столицах. После того как в Варшаве по приказу Н. В. Репнина были арестованы епископы К. Солтык и Ю. Е. Залуский, римская курия попыталась подтолкнуть Версаль и Вену к более решительным действиям. Папа Клементий XIII 3 ноября отправил Бреве Марии Терезии, Людовiku XV, Иосифу II, избранному императором Священной Римской империи, а также примасу Габриэлю Подоскому и обоим арестованным епископам²⁰³. Правда, в Варшаве о папском демарше стало известно только в декабре из донесений Т. Античи — резидента Станислава Августа в Риме. Ни Подоский, ни тем более арестованные прелаты папских посланий не получали²⁰⁴.

В бреве, адресованном Марии Терезии, от имени всей католической церкви прозвучали просьба о помощи «пошатнувшейся в Королевстве Польском католической вере» и призыв употребить свое могущество, «дабы не допустить ее уничтожения»²⁰⁵. Как сообщал из Вены Д. М. Голицын, в связи с посланием папы состоялась специальная конференция между князем Кауницем и французским послом, что при австрийском дворе оценивают действия Репнина как «необоснованную строгость». Голицын, правда, констатировал, что «сей двор не станет иначе вмешиваться в польские дела, как только <...> единым заступлением за единоверных его под видом ручательства, основанного на Оливском трактате». Никаких других приготовлений, говорилось в реляции от 11 ноября / 31 октября 1767 г., которые бы свидетельствовали о намерении активного вмешательства Австрии не производится²⁰⁶.

Однако даже такого весьма умеренного демарша в поддержку «единоверных» ни со стороны Вены, ни со стороны Версаля не последовало. А уже в декабре 1767 г.

Д. М. Голицын доносил, что по его сведениям, полученным от «надежного человека», представления А. Висконти о польских делах отвергнуты. Нунцию было якобы сказано, «что от заступления и посредства здешнего, буде бы оное употреблено было, при нынешних обстоятельствах не ожидается желаемой пользы, а чтоб явное и прямое принять участие в польских делах и при том силою действовать, этого штатские здешнего двора резоны не позволяют»²⁰⁷.

В то же самое время прусский посол в Австрии Я. Ф. Род писал Фридриху II 4 ноября, что «поведение здешнего двора и министерства нельзя оценить иначе, как желание не слышать ни жалоб, ни упреков, и устранившись, чтобы не вмешиваться. Эта позиция означает чистый проигрыш и позволяет только сгладить безрезультатную досаду. Тем не менее, следует предположить, что проявленный русскими деспотизм столь же безразличен (венскому двору. — Б. Н.). И это позволяет думать, что блестящее могущество, приобретенное Россией посредством твердого присутствия в Польше, открывает ей дорогу к вожеленной роли арбитра в европейский делах. Я намереваюсь сказать здесь об этом всем, кто рассуждает об этой ситуации, что поведение петербургского двора в Польше выявляет его намерение превратить это королевство в нечто, наподобие Курляндии». Прусский посол выражал удивление: «почему по собственной воле позволяют это делать», и продолжал: «Здесь высокопарно говорят, что это представление (действия России в Польше. — Б. Н.) завершится, как только диссиденты будут удовлетворены, и одновременно отказываются верить, что русские оставят Польшу в покое и не будут использовать в будущем приобретенного ими влияния»²⁰⁸.

В ответ Фридрих II писал из Потсдама 11 ноября: «...То, что Вы замечаете внутреннюю досаду двора, где Вы пребываете, по поводу последствий деспотизма, который русские осуществляют в настоящее время в Польше, указывает мне, что австрийцы достаточно поздно заметили, что они до сих пор предоставляют России слишком много возможностей, чтобы увеличить свое влияние в делах Европы. В настоящее время я полагаю, что это может стать причиной враждебности между этими двумя дворами, и если в последствии русские и дальше будут осуществлять большие проекты, то я не исключаю, что это послужит поводом, что мой и венский дворы будут обязаны соединиться, чтобы воспрепятствовать слишком далеко идущим намерениям России»²⁰⁹.

Король поручал информировать его, какие выводы сделаны из подобных размышлений и как императрица-королева смотрит на дела России. К этим рассуждениям прусский король возвращался в депешах к Роду 15 ноября и 2 декабря²¹⁰. В приведенном письме Фридрих II сам высказал мысль, которую ранее отвергал в переписке с Сольмсом, что Вена и Берлин могли бы объединиться против России в том случае, если ее политика в Польше будет угрожать установившемуся балансу сил великих держав.

Еще более определенно прусский король высказался после донесения Рода от 2 декабря²¹¹, в котором посол сообщал, что в Вене стало известно о действиях польской оппозиции в Венгрии вблизи польской границы. Род сообщал о закупке там лошадей и вербовке людей, что явно свидетельствовало о готовящейся конфедерации. Однако, получив подобные известия, которые подтверждались и из других источников, Фридрих II направил своему послу депешу, в которой, в частности, говорилось: «Я не хочу никоим образом скрыть от вас, что я не свободен от впечатления,

которое произведет изменения в форме правления [в Польше], и что, если австрийцы хотели бы пробудиться, они могли бы поступать по отношению к русским без оглядки на мое мнение. Я не знаю, будут ли первые подталкивать дела к крайности, в чем, однако, я еще сомневаюсь»²¹². Из этого письма становится ясно, что имел в виду прусский король, когда писал о «больших проектах» и «далеко идущих видах России» — речь шла о проведении реформ, направленных на совершенствование государственного строя Речи Посполитой и в первую очередь о создании Постоянного совета, который, как считали Фридрих II и Г. Бенуа, усилит власть короля, а сейм в случае войны мобилизует силы Польши²¹³. Прусский король также писал, что усилия России в этом направлении могут вызвать как кризис в самой Польше, на что явно указывали действия оппозиции и недовольство шляхты, так и кризис во взаимоотношениях великих держав, чреватый нарастающей враждебностью Вены и Петербурга. В этом случае прусский король давал понять австрийцам, что он не будет препятствовать, если те решатся на действия, направленные против России.

Намеки Фридриха II были услышаны В.А. Кауницем. 4 января 1768 г. австрийский канцлер представил Марии Терезии доклад «Размышления о настоящем состоянии дел в Польше» (см. Приложение № 8)²¹⁴. В нем Кауниц подчеркивал, что не считает нужным вмешиваться в польские дела, пока они носят сугубо внутренний характер и не затрагивают «интересы системы европейской политики в целом», а в особенности австрийские интересы. Вместе с тем, по его мнению, политика России в Польше «несовместима с европейским равновесием». Поэтому следует «создать в Польше собственную партию, дабы привести в замешательство опасные планы России». С этой целью, писал Кауниц, следует согласовать свои действия с прусским королем. Австрийский канцлер считал, что время для таких действий наступит в будущем, в случае «большого кризиса», что, по его мнению, «не только устранил приобретенное Россией преимущество быть единственным арбитром в делах Польши», но и обеспечит Австрии «со временем, также как и прусскому королю, право и возможность быть в них заинтересованными и вмешиваться также, как и Россия. Логично было бы воспользоваться ожидаемым вышеупомянутым изменением обстоятельств, — рассуждал Кауниц, — предположив, что прусский король согласится на предлагаемый демарш — успех был бы обеспечен».

Таким образом, становятся понятны причины как выжидательной тактики Вены, не внявшей призывам Святого престола о защите католической веры, так и решения, принятого Фридрихом II в начале декабря 1767 г., полностью отказаться от участия в российской гарантии польской конституции. С одной стороны, прусский король вынужден был уступить давлению Петербурга и следовать в русле русской политики, по выражению Репнина, как партнер «второго класса». С другой стороны, в Берлине, как и в Вене, сознавали, что устанавливаемое «на века» господство России в Речи Посполитой в недалеком будущем столкнется с тяжелым кризисом как в самой шляхетской республике, так и на международной арене, что с этой точки зрения не имеет смысла связывать себя с созданной русскими усилиями системой, чтобы тем удобней было бы настаивать на ее пересмотре в дальнейшем. О том, что названного кризиса ожидать долго не придется, свидетельствовало не только недовольство польской шляхты, но и меры оппозиции по подготовке новой конфедерации. В этом смысле оценки положения в Речи Посполитой и вокруг нее, сделанные при прусском и австрийском дворах, представляются более дальновидными, чем мне-

ния Н. В. Репнина и Н. И. Панина. Правда, и при русском дворе ощущали напряженность ситуации. Об этом свидетельствуют не только старания дипломатов успокоить Берлин, Вену, Стамбул, но в еще большей степени, предпринятые в 1767 г. в России, впервые после окончания Семилетней войны, рекрутские наборы.

VIII

В конце декабря 1767 г. переговоры Н. В. Репнина с делегацией близились к завершению. После того как протесты радомских конфедератов и аргументы прусской дипломатии привели к отклонению проекта создания Постоянного совета, когда «Светлейшая делегация» единодушно просила Репнина о защите перед грозным Советом и не перед тем, замысел которого вынашивал королевский двор, а перед проектом Алое, т. е. планом, родившимся в среде самой Радомской конфедерации²¹⁵, теперь в российской столице и в Берлине смогли вздохнуть с облегчением. Прусские кабинет-министры писали В. Ф. Сольмсу 29 декабря 1767 г., что Панин доволен исходом диссидентского дела, «что, в самом деле, в роде триумфа», и продолжали, «что, сказать по справедливости, сделано было все, что можно, и было бы неблагоприятно, как и заметил граф Панин, идти далее этого»²¹⁶.

2 января 1768 / 22 декабря 1767 г. Н. И. Панин поздравил с завершением переговоров Н. В. Репнина²¹⁷, а Екатерина II — примаса Г. Подоского²¹⁸. В тот же день послу в Варшаву были отправлены текст преамбулы, структура и формуляр польско-российского трактата о гарантии²¹⁹.

27 / 16 января 1768 г. Репнин отослал Панину тексты согласованного с делегацией актов и постановлений: 1) «акт о правах диссидентов»²²⁰; 2) «акт о законах кардинальных и государственных материях»²²¹; 3) порядок проведения сеймов и сеймиков²²². В связи с восстановлением в полном объеме правила вольного голоса посол отмечал, «сколь самые наипротивнейшие двору здешнему сим пунктом разрыва сейма оскорблены были и сколь все ему противны. Но я сказал, — писал Репнин, — что мы все здешние соседи от сего николи не отступим» и спрашивал у Панина позволения арестовать тех, кто будет на сейме протестовать против закрепления в законе правила разрыва всего сейма на основании *liberum veto*²²³.

О проведении сеймиков посол доносил, что «все они оставлены под многосланием, как того все противные королю желали»²²⁴. В пользу мелкой шляхты было отменено принятое в 1764 г. правило, согласно которому в сеймиках могли участвовать только землевладельцы соответствующего воеводства или повета. Теперь это право вновь получали все шляхтичи, относящиеся к родам данного воеводства. Проверить такую принадлежность практически не представлялось возможным, так что магнаты, как и прежде, могли манипулировать сеймиками, приводя туда своих сторонников и клиентов из числа мелкой безземельной шляхты. По этому поводу Репнин замечал, «что от того беспорядок на сеймиках приумножится, однако, нам то не вредно»²²⁵.

«Порядок сеймования и сеймикования, — отвечал Панин Репнину 9 февраля / 29 января, — соответствуют во всех частях намерениям нашим, и хотя господа поляки и негодуют против того, что прекословия одного человека достаточно будет разрывать сейм по статским материям, однако же, не должно вам от сего постановления ни мало отступать, ибо на т. е. точное соизволение ее имп. в-ва, дабы иметь

всегда свободнейшие способы разрывать сейм»²²⁶. Если противники, продолжал Панин, будут препятствовать принятию такой конституции на сейме, то, в крайнем случае, зачинщиков можно арестовать, хотя желательно и избежать применения столь строгих мер, но все же «лучше, хотя некоторым образом наперелом, дело кончить, нежели, употребляя столько иждивений и трудов, остаться бесплодно в дороге и посреди новых хлопот»²²⁷.

В тот же день 27/16 января посол сообщал о подготовленных постановлениях в отношении Скарбовой и Военной комиссий сейма. Я. К. Браницкий вместе со своими французскими советниками и приятелями-радомянами добивался полного восстановления власти гетманов и подскарбиев, уничтожения комиссий сейма и полного восстановления порядков до 1764 г. Однако эти планы не нашли поддержки ни у Репнина, ни при дворе Екатерины II. Комиссии были сохранены, хотя на $\frac{1}{3}$ сокращалось число их членов, которым теперь запрещалось избираться послами на сейм, что было сделано, как писал Репнин, для ограничения влияния короля²²⁸. С согласия русского посла и Г. Бенуа ассигнования на содержание польских войск были оставлены без изменения: в Короне — 3 млн злотых, в Литве — 1,12 млн, а численность войск сокращена соответственно с 6 тыс. до 5 тыс. и с 2,3 тыс. до 2 тыс. чел.²²⁹

Направил Репнин в Петербург и проекты постановлений о предоставлении пенсии саксонским принцам — детям покойного короля Августа III. В проекте также говорилось, что пенсию получают и дети Станислава Августа, если таковые будут²³⁰. По поводу Курляндии в проект конституции были включены все требования герцога Э. И. Бирона и курляндской оппозиции. Противники Бирона возражали только против положения проекта об отмене решений «всех односторонних сеймиков», т. е. ландтагов, созванных оппозицией без одобрения герцога, которые не утвердил принятых на них решений. Теперь эти решения постановлением сейма должны были считаться ничтожными. Тем не менее, несмотря на возражения оппозиции, Репнин включил эти положения в проект, о чем и доносил Панину²³¹.

В интересах России были подготовлены постановления: о возобновлении и подтверждении всех решений, принятых ранее по пограничным делам; о невзимании с русских купцов «партикулярных пошлин», а в случае, если те следовали транзитом, чтобы с них брался только транзитный сбор без досмотра товаров²³².

Особо обсудили Репнин и Панин содержание и форму польско-русского трактата²³³, согласованный с делегацией текст которого посол прислал своему шефу на русском и польском языках. Репнин писал, что по указанию Панина включил в трактат статью о пограничных судах, и спрашивал, какие еще дополнения следует сделать. Посол указывал, что подтверждение в договоре Вечного мира 1686 г. вызывает у поляков озабоченность в отношении Турции, поэтому делегация просила включить в договор и Карловицкий трактат. «Я, — писал Репнин, — на сие не согласился без вашего повеления, а, прикрикнувши, принудил их молчать, чем они весьма опечалены были, опасаясь, чтоб не навлечь на себя войны с Портою»²³⁴. Дабы не осложнять ситуацию и не продолжать дискуссию, как сообщал посол Панину, он не стал поднимать вопроса и о включении в договор трактатов Речи Посполитой с Пруссией. Репнин считал, что упоминание Карловицкого договора «нужно было и для нас, дабы нам Порту прежде времени не разбудить». Кроме того, по мнению посла, это позволило бы легче убедить делегатов и сейм включить в трактат и Оливский договор. Упомянув именно этот договор, считал Репнин, помимо

Пруссии, мы «прочим державам, в него входящим удовольствие сделаем, тож и городам прусским (Королевской Пруссии. — *Б. Н.*) <...> предосторожность доставим, а в сей же самой артикул <...> и трактат Карловицкий включим, дабы сим снисхождением к здешней делегации принудить ее согласиться на именованье и Оливского трактата»²³⁵.

Примечательно, что, предлагая все названные дополнения, русский посол просил Панина включить их в уже существующие статьи договора, без образования новых, чтобы упростить процедуру согласования, требовавшую подписания каждой новой статьи делегатами и послом. В заключение депеши Репнин писал, что ожидает ответа «дней через двадцать от сего числа», а до тех пор «я сейм продолжу до конца февраля»²³⁶.

Депеши с инструкциями Н. И. Панина были отправлены из Москвы 9 февраля / 29 января 1768 г. По поводу включения в трактат Оливского договора предписывалось сделать это в отдельной статье, в случае, если Г. Бенуа потребует этого²³⁷. Так в окончательном тексте трактата появилась шестая статья, в которой говорилось, что настоящий договор не затрагивает действие соглашений Речи Посполитой в том числе Карловицкого, «заключенному между ею и Портою Оттоманскою, також трактату Оливскому и всем другим, кои она имеет с иными державами»²³⁸. Причем если в отношении Карловицкого договора была упомянута Турция как вторая сторона, то Оливский трактат не был дополнен соответствующим упоминанием. По настоянию Г. Бенуа из статьи были исключены слова «с его величеством королем прусским»²³⁹.

В связи с подготовкой трактата о гарантии Репнин спрашивал Панина об инструкциях в связи с планами ликвидации папской нунциатуры в Польше. Обсуждавшиеся на переговорах с делегацией планы ограничения полномочий нунция и передачи части прерогатив римской курии польскому примасу были связаны, с одной стороны, с проектом Г. Подоского основать так называемую «национальную церковь» в Речи Посполитой, т. е. при сохранении номинального верховенства римского папы сосредоточить в руках примаса и епископата безраздельное распоряжение богатствами церкви, а также раздачу церковных должностей. С другой стороны, Репнин использовал эти планы Подоского для давления как на польских епископов, так и на святой престол и его представителей в Варшаве. Однако ни сам русский посол, ни его шефы в Петербурге никогда не придавали этому замыслу самостоятельного значения и отнюдь не стремились к его претворению в жизнь, а использовали честолюбивые планы нового примаса сугубо в тактических целях. Так было и на этот раз, в ноябре—декабре 1767 г., в ответ на попытку Папы Клементия XIII побудить католических государей, прежде всего Австрии и Франции, выступить в поддержку противников России в Польше. Тогда на переговорах с делегацией вновь возник вопрос «о снесении нунциатуры». В связи с этим Репнин писал Панину, что большинство делегации поддерживает такое решение, но никто не осмелится заявить об этом открыто. «Прошел, однакож, тот проект, — доносил посол, — понеже мало из сих крикунов отважились передо мною на конференциях, против оного говорить». Но Репнин опасался более решительного противодействия проекту на сейме, в свое отсутствие, и предлагал отказаться от него совсем, ради более надежного прохождения диссидентского дела, а также потому, что сама конституция откладывалась делегацией до следующего сейма и носила до тех пор секретный характер, чтобы «не раздражить римского папу»²⁴⁰. Панин согласился с Репниным и пред-

ложил, «не заводя нового шума», оставить лучше уничтожение нунциатуры до более удобного времени ²⁴¹.

По поводу же папских протестов против российской гарантии польской конституции и прав диссидентов руководитель русской внешней политики высказался 9 февраля / 29 января гораздо более решительно. Пока дело диссидентов не было связано прямо с трактатом о гарантии, указывал Панин, оно касалось только вопросов религии и тем самым только России. Теперь же протест Рима против польско-русского трактата ставит под сомнение отношения и договоры других держав с Речью Посполитой ²⁴². Будут ли тогда, задавался вопросом руководитель русской внешней политики, «соседние с республикою державы исполнять свои с нею древние обязательства и трактаты, от коих известным образом целость, вольность и сохранение ее зависят, когда они у нынешней папской противу нас попытки, если б она ему паче чаяния удалась, наверное узнают, что те самые обязательства и трактаты не сильны и не действительны для республики, потому, что папа ее от исполнения оных удержать может, а еще меньше могут ли те державы сохранить в ней какую-либо кон siderацию в политической системе дел своих? <...> Я не хочу, — писал Панин, — распространяться о дальнейших из того следствиях, потому что они очевидны и могли б весьма скоро сделаться еще и чувствительны Польше» ²⁴³.

В этом духе Репнину следовало отвечать нунцию А. Дурины, хотя, как подчеркивал шеф Коллегии иностранных дел, не следует требовать, чтобы также высказались король Станислав Август, конфедерация и сейм. Если действия римского двора, добавлял Панин, приведут к фанатическим шагам противников, добавлял Панин, то к крайним мерам (арестам) можно прибегать только в исключительных случаях ²⁴⁴.

Правда конфликт с римским папой не получил продолжения и был быстро потушен. Клементий XIII не получил поддержки ни в Вене, ни в Версале. В Польше глухое недовольство шляхты и магнатов действиями Репнина было до времени парализовано страхом и не вылилось в какие-либо акции, хотя русский посол и напоминал Панину, что тот «не может себе изобразить до какого градуса простираются здешние суеверия и фанатизм в Законе» ²⁴⁵. Вместе с тем решение не изменять статуса папского нунция и его прерогатив в отношении католической церкви в Польше, казалось, удовлетворило римскую курию. «Нунциус папский, — писал Репнин 1 марта / 19 февраля 1768 г., — хотя неточно за то отвечать могу, однакож видится, что поуспокоился отменой сношения его юрисдикции». Русский посол считал, что это будет способствовать общему успеху, и убеждал Панина, что не следует раздражать римский двор неосторожными шагами ²⁴⁶.

Однако приведенное выше февральское письмо руководителя внешней политики России об отношении к папскому демаршу гораздо более значительно, чем просто иллюстрация позиции российских правящих кругов в связи с папскими протестами. В нем, во-первых, недвусмысленно прозвучало утверждение, что дело диссидентов только один из элементов в конструкции российской гарантии государственного строя Речи Посполитой. И, во-вторых, что установление гарантии подводит черту под прежним международным положением Польши, которая оказалась перед альтернативой: сохранить внутреннюю стабильность и целостность в условиях российского господства или, в случае если гарантия будет отвергнута, оказаться в водовороте международного кризиса. При этом из слов Панина следовало, что даже в такой фатальной ситуации шляхетская республика была лишена

возможности суверенного выбора. Особо следует отметить, что приведенные рассуждения шефа русской внешней политики парадоксально совпадали с оценками Фридриха II и В. А. Кауница, что установление российской гарантии чревато международным кризисом, который может разрешиться за счет Польши.

IX

Как и предполагалось, сейм возобновил свою работу 1 февраля 1768 г., когда было назначено седьмое заседание, на котором возглавлявший делегацию Г. Подоский объявил, что переговоры с Репниным еще не завершились. По предложению примаса сейм был тогда продлен до 1 марта, а затем на 10 заседании вновь — до 5 марта ²⁴⁷.

В это время Н. В. Репнин писал Н. И. Панину 1 марта / 19 февраля: «Сейм уже начат, что оный продолжен до 5 марта по н. шт., ибо не было б времени прежде всех конституций прочесть, но все оне сочинены на делегации согласно со мной и только до внутренности здешних дел касаются. Трактат и оба сепаратные акты подписаны (делегацией. — *Б. Н.*) <...> с выпуснением, однакож, 9 артикула о беглых, об отмене которого без изъятия все наисильнейше просили. То ж в начале 4 артикула выпущены си слова: *быв с некоторого времени тронуты в разных своих частях* * ²⁴⁸, об чем все також головой просили неотступно, дабы самим на себя сего признания не делать. Сие же выпущение силы оного артикула нимало не уменьшит и не переменит» ²⁴⁹. Далее Репнин продолжал, что трактат и оба сепаратных акта на сейме уже прочитаны (27 февраля), «однакож, — указывал посол, — еще не апробированы, а все то сделано быть имеет вместе, когда и все конституции прочтены уже будут, которые також нужно мне удерживать, ибо много в них наградений назначено нашим партизанам, чем доверенность к нам умножится» ²⁵⁰.

К концу февраля 1768 г. Репнин уже получил последние инструкции Панина, которые по сути дела сводились к утверждению предложений самого посла. 1) о продлении сейма, чтобы, «преодолев столько трудностей, вдруг все дела кончить, нежели часть их оставить в нерешимости» ²⁵¹; 2) чтобы «включить под ручательство все узаконения нынешнего сейма, но для сего самого надобно будет, чтобы трактат после всех конституций подписан был, ибо иначе как можно гарантировать то, что еще не узаконено» ²⁵²; 3) рекомендации о форме трактата с примечанием, дабы они не повлекли дополнительных затруднений, в противном случае трактат разрешалось подписать и в нынешнем виде ²⁵³. Наконец, одобряя действия Репнина, Панин писал, «что все вами на мере положенные акты и конституции весьма согласуют высочайшим намерениям» ²⁵⁴ Екатерины II.

На 10 заседании сейма 27 февраля, когда было начато чтение трактата, познаньский посол Казимир Рачиньский предложил, чтобы при этом послы сейма уже больше не требовали слова ²⁵⁵. Против выступил только один из послов от Королевской Пруссии тогда еще совсем молодой человек Юзеф Выбицкий. Он заявил, что коль скоро ему не позволили внести свой проект прав диссидентов, то он

* «Артикул 4: Форма правления Речи Посполитой и вольность вольных ее граждан [быв с некоторого времени тронуты в разных своих частях] требуют для передоу точнейшего и ни чем никогда непоколебимого определения...». В исключенной части фразы содержался намек на постановления сеймов 1764 г., которые якобы нанесли ущерб свободам польской шляхты.

отвергает все без исключения постановления делегации сейма²⁵⁶. Однако речь Выбицкого стала на сейме последней попыткой протеста против принимаемых решений. Подписанный Репниным и делегацией сейма 24/13 февраля 1768 г. российско-польский трактат и два сепаратных акта о правах диссидентов и российской гарантии конституции Речи Посполитой были утверждены сеймом 27 февраля. Екатерина II ратифицировала договор 9 апреля/29 марта, а Станислав Август 23 апреля 1768 г.²⁵⁷

Далее, начиная с 1 марта, на сейме приступили к утверждению отдельных постановлений. В частности 2 марта было принято решение об образовании смешанной судебной коллегии по религиозным делам, состоящей из светских судей (8-ми католиков, четверых православных и четверых протестантов)²⁵⁸. На заключительной сессии 5 марта был представлен и проект и принята конституция о роспуске Генеральной (Радомской) конфедерации, которую подписали король Станислав Август и маршалы коронной и литовской конфедераций. На этом сейм завершился²⁵⁹.

После «окончания всего бывшего дела» и роспуска конфедерации, как писал Репнин 15/4 марта, у Станислава Августа в присутствии русского посла состоялась аудиенция, на которой королем были приняты К. Радзивилл, С. Бржостовский, Ф. С. Потоцкий, Т. Вессель, Ф. Велипольский. «Я же, — доносил Репнин, — сей поступок и для того сделал, чтоб довести его (короля. — *Б. Н.*) действительно через наших приятелей в провинции действовать, а через сие, следственно, легче мне будет его руками жар загребать, т. е. награждения для них доставать, и таким образом за здешнее иждивение свою партию утверждать и приумножать, для чего точно и нужно нам вместе короля менажировать. Впрочем, как сии наши вышеописанные приятели знают, то не инако они должны с ним согласны быть, как он, король, с нами в дружбе. Так и король об этом известен, ибо я об оном неоднократно откровенно ему говорил, и то должен донести, что он никоим сим не оскорблялся, а напротив, находил оное весьма справедливым»²⁶⁰.

В том же собственноручном постскрипуме к депеше от 15/14 марта Н. В. Репнин «объяснял» Н. И. Панину «положение здешней земли»²⁶¹ (см. Приложение № 9). Посол подчеркивал, что теперь ни одна из иностранных держав, помимо России, не имеет в Польше ни заметного влияния, ни сторонников. Российская гарантия польской конституции, по словам Репнина, устраивает «почти все фамилии» (магнатские группировки). Среди магнатов, отмечал посол, есть ряд людей, политическая карьера и влияние которых непосредственно связаны с Россией, причем посол считал, что, используя королевское право раздавать должности и староства, можно привлечь новых сторонников и со временем «иметь здесь независимую свою знатную партию». О Станиславе Августе Репнин писал, что король осознает, сколь его «благополучие» и «целость» зависит от «преданности» России, и считал, что на него можно положиться. Примечательно, что, говоря о перспективах русской политики в Польше, Репнин даже не упомянул о диссидентах. О грозящих опасностях посол высказался так, что «один только фанатизм в первые времена <...> может примечания достойного возмущения привести, но резонабельных и разумных людей таковое движение <...> за собой не потянет, понеже в настоящем времени никакая чужестранная держава не видно, чтоб в подкрепление подобного вмешаться похотела»²⁶². Эти слова Репнин написал уже после того, как 29 февраля 1768 г. было провозглашено образование Барской конфедерации, о чем, правда, русский посол тогда еще не знал. Этот факт, пожалуй, достаточно ярко иллюстрирует насколько представления и планы руководителей польской политики Петербурга расходились с действительностью.

Репнин также считал, что «турки никогда и не старались непрерывную инфлюенцию в здешних делах иметь», а связей с Портой, по его словам, в Польше никто из магнатов не имеет, за исключением Ф. С. Потоцкого и А. Красиньского²⁶³. Правда, опасность турецкого вмешательства всегда принималась в расчет русскими политиками, однако ко времени окончания сейма и Репнин в Варшаве, и его шефы в Петербурге, казалось, не придавали ей столь уж большого значения. В январе 1768 г. Н. И. Панин писал Репнину, что, согласно донесениям из Константинополя турки «забеспокоились», однако, по мнению руководителя русской внешней политики, это «скоро же и без всяких следствий минует». Там же Панин извещал посла, что «интриги» епископа каменецкого и Ф. С. Потоцкого при Порте ему известны²⁶⁴.

Общая оценка ситуации в Речи Посполитой, данная Репниным и Паниным, нашла отражение в решении о выводе из Польши русских войск. По словам последнего, А. М. Обресков неосмотрительно обещал туркам вывести русские войска из Польши. Тем не менее, по согласованию с шефом Коллегии иностранных дел З. Г. Чернышев распорядился к маю вывести войска, начав вывод еще в январе—феврале 1768 г. Панин был согласен с мнением Репнина, что часть войск следовало бы оставить в стране вплоть до назначенного на осень 1768 г. очередного сейма, чтобы, в частности, поддержать выборы диссидентов послами на сейм. Однако он подчеркивал, что войска придется вывести, особенно от турецкой границы. Отсутствие войск, по словам руководителя русской внешней политики, можно было бы компенсировать, используя страх поляков перед их возможным возвращением в случае сопротивления установленным порядкам. Для начала, замечал Панин, можно удовлетвориться и частичным избранием диссидентов в послы сейма, а сам вывод войск затянуть до проведения сеймиков в июне—июле²⁶⁵.

В ответ Репнин сообщал 5 марта / 23 февраля 1768 г., что приказал вывести русские войска из Польши, несмотря на рекомендации Панина. Посол считал, что не следует задерживать их до сеймиков, проведение которых было перенесено с июля до середины сентября. Он просил о дополнительных инструкциях, если все же будет решено оставить русские войска в Речи Посполитой²⁶⁶.

До начала русско-турецкой войны, к которой, как писал С. М. Соловьев, «Россия вовсе не была готова»²⁶⁷, оставалось менее года. Но сейчас в Петербурге могли торжествовать и раздавали награды. Н. И. Панин получил 7 тыс. рублей ежегодной пенсии и на пасху в связи с предстоящей женитьбой еще 50 тыс. рублей. Н. В. Репнин был награжден орденом Александра Невского, золотой табакеркой с бриллиантами, а также ему было повышено жалование до 48 тыс. рублей в год²⁶⁸.

Примечания

1. Dyaryus Sejmu extraordinaryjnego w Warszawie dnia 5 października 1767 roku złożonego i zaczętego a z limitacyi dnia 5 marca 1758 roku przy rozwizaniu konfederacyi generalnych kor. i W. Księstwa Litewskiego zakkończzonego / Wydal z rękopisów Biblioteki Towar. Nauk. Krakowskiego Antoni Sozański. Lwów, 1865. (Далее — *Diariusz Sejmu 1767 г.*)
2. Breve od Klemensa XIII Papieża do Stanu Rycarskiego pisane // *Ibid.* S. 2—4.
3. *Diariusz Sejmu 1767 г.* S. 4—6.

4. Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Варшава, 8 октября / 27 сентября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 86—96 об.
5. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 16 кн. М., 1994. Кн. 14. С. 197—198.
6. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 86.
7. Там же.
8. *Diariusz Sejmu* 1767 г. S. 1—2.
9. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 87.
10. Там же. Л. 87—88.
11. Там же. Л. 87.
12. Там же. Л. 48—48 об.
13. Там же. Л. 87 об.
14. Там же. Л. 88—89.
15. Там же. Л. 89 об.
16. *Diariusz Sejmu* 1767 г. S. 6; *Breve do Senatu*. S. 6—9; *Breve do JKM*. S. 9—12.
17. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 48 об.
18. *Diariusz Sejmu* 1767 г. S. 12—14.
19. *Ibid.* S. 14—16.
20. *Ibid.* S. 17—23.
21. *Ibid.* S. 23.
22. *Ibid.* S. 23—27. (Речь К. Солтыка 5 октября 1767 г.)
23. *Ibid.* S. 27—28.
24. *Ibid.* S. 31—36.
25. *Ibid.* S. 36—37.
26. *Ibid.* S. 38—39.
27. *Ibid.* S. 39—40; *Plemipotencya* (проект). S. 40—41.
28. *Ibid.* S. 41.
29. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 197—200.
30. *Diariusz Sejmu* 1767 г. S. 48—49.
31. *Ibid.* S. 49.
32. *Ibid.* S. 49—51.
33. *Ibid.* S. 51—54.
34. *Ibid.* S. 55—60.
35. *Ibid.* S. 60.
36. *Ibid.* S. 60—61.
37. *Ibid.* S. 42.
38. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 200.
39. Там же.
40. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 93.
41. Там же. Л. 94.
42. Там же.
43. Там же. Л. 94 об.
44. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 198.

45. Подробно обстоятельства ареста сенаторов приведены у С. М. Соловьева См.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 200; Н. В. Репнин — Н. И. Панину 15/4 октября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 1–13.
46. *Konopczycki W.* Op. cit. S. 32–33.
47. Ibid. S. 33.
48. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 63 об.
49. Там же. Л. 25–26.
50. Манифест, подготовленный и подписанный К. Солтыком на случай ареста — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 72–73 об. (Перевод — Л. 74–80).
51. См. *Rudnicki.* Op. cit. S. 183–184.
52. *Diariusz sejmu 1767 r.* S. 71.
53. Ibid.
54. Декларация Н. В. Репнина в связи с арестом сенаторов и посла от 14 октября 1767 г. — *Diariusz sejmu 1767 r.* S. 69–70.
55. *Diariusz sejmu 1767 r.* S. 74–75.
56. Ibid. S. 76.
57. Ibid. S. 81.
58. Ibid. S. 97–98.
59. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 93–93 об.
60. *Diariusz sejmu 1767 r.* S. 102–105.
61. Ibid.
62. Ibid. S. 102.
63. Ibid. S. 104–105.
64. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 200–201; Н. В. Репнин — Н. И. Панину 19/8 октября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 25–45.
65. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 27–30 об.
66. Там же. Л. 39–40.
67. Там же. Л. 43–45 об.
68. VL SPb 1860. Т. 7. S. 244–248.
69. Ibid. S. 248–250.
70. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 49 об.
71. Там же. Д. 925. Л. 144–144 об.
72. Там же. Д. 922. Л. 4–5 об.
73. *Joraczyski Mikołaj Tadeusz 1715–1778* // PSB. Т. 18. S. 400–402.
74. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 9032. Л. 32.
75. Там же. Д. 913. Л. 62–62 об.
76. Там же. Л. 119–120 об.
77. Там же. Д. 903. Л. 50.
78. Там же. Л. 51–68 об.
79. Текст соглашения по диссидентскому делу см. также: Там же. Д. 914. Л. 33–53.
80. *Articles qu'on pourroit accorder à mm les: Dissidens uniquement vue de la Protection que leur a donné Sa Majesté Impériale* — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 979. Л. 119–132 об.
81. «Договор». Проект составленный Гольцем относительно положения диссидентов 1768 г. — АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 21–78 об.

82. Там же. Д. 979. Л. 119.
83. Там же. Л. 119—119 об.
84. Там же. Д. 759. Л. 78 об. (помета в нижнем левом углу).
85. Там же. Л. 37—38.
86. Там же. Л. 44.
87. Там же. Л. 44—44 об.
88. Там же. Л. 49—49 об.
89. Там же. Л. 50 об.—51.
90. Там же. Л. 49 об.—50.
91. См. *Кригзайзен В.* Положение протестантов в Речи Посполитой в освещении немецких периодических изданий XVIII в. // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI—XX вв. М., 2002. С. 112.
92. АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 51—51 об.
93. Там же.
94. Там же. Л. 51 об.—53.
95. Там же. Л. 54—58 об.
96. Там же. Л. 45—47.
97. Там же. Л. 53 об.
98. Там же. Л. 54.
99. Там же. Л. 62—71 об.
100. Там же. Л. 135—136 об.
101. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 51—51 об.
102. Там же. Д. 913. Л. 111 об.
103. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 195.
104. Там же. С. 196.
105. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 45 об —46.
106. Там же. Л. 452—451 об.
107. Там же. Д. 913. Л. 130 об.
108. Там же. Д. 912. Л. 50—50 об.
109. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 196.
110. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 46 об.
111. Сб. Рио. СПб., 1889. Т. 67. С. 461—463.
112. Там же. С. 464—464.
113. Там же. С. 466.
114. Там же.
115. Там же.
116. Там же. С. 499—503.
117. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 1.
118. Там же. Л. 1—3 об.
119. Там же. Л. 59—60.
120. Там же. Д. 915. Л. 105 об.
121. Н.И. Панин — Н.В. Репнину. Москва, 16/15 октября 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 76. С. 499—503.

122. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 107–112.
123. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 494–495.
124. Там же. СПб., 1883. Т. 37. С. 99–103.
125. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 201.
126. Постскрипtum к депеше Н. В. Репнина от 27/16 октября 1767 г. с резолюцией Екатерины II. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 105–107; Соловьев С. М. Указ. соч. С. 203–204.
127. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 201.
128. *Diariusz sejmu* 1767 г. S. 17; VL. Т. 7. S. 244.
129. См.: депеши Н. И. Панина — Н. В. Репнину от 26/15 октября, 9 ноября / 29 октября 1767 г. (с прибавлениями) // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 499–509.
130. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 913. Л. 105 об.
131. Н. И. Панин — Станиславу Августу от 20/9 ноября 1767 г. // Там же. С. 509–511.
132. Дешеши В. Ф. Сольмса от 26/15 октября и 14/3 декабря 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 113–119, 124–128.
133. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 62–62 об.
134. Там же. Л. 64.
135. Там же. Л. 59–60.
136. Н. И. Панин — Н. В. Репнину, Москва, 10 декабря / 29 ноября 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 527–532.
137. Там же. С. 530–531.
138. Там же. С. 515–522.
139. Там же. С. 521.
140. Там же. С. 516.
141. Там же. С. 517.
142. Н. В. Репнин — Н. И. Панину. Варшава, 22/11 декабря 1767 г. // Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 279–285.
143. Там же. С. 279.
144. Там же.
145. Там же. С. 279–280.
146. Там же. С. 280.
147. Там же.
148. Там же. С. 284.
149. Там же. С. 283.
150. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 125.
151. Там же. СПб., 1893. Т. 87. С. 284.
152. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 915. Л. 51–54 об.
153. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 282.
154. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 915. Л. 42–50 об.
155. *Hermann E.* Op. cit. S. 375, 405.
156. Соловьев С. М. Указ. соч. С. 203.
157. Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1764. СПб., 1896. С. 289.
158. *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. S. 115–116.
159. Ibid. S. 116–117.

160. *Kitowicz J.* Pamiktniki czyli Historia polska / Oprac. i wst. P. Matuszewska, koment. Z. Lewinywna. Warszawa, 1971. S. 383–388.
161. Ibid. S. 723–724.
162. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 286.
163. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 567–570.
164. Г. Бенуа — Фридриху II, Варшава, 7 октября 1767 г. — GStA. HA I Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 146–147.
165. GStA. HA I Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 148; Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 95–96.
166. GStA. HA I Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 148.
167. [Fredrich II] PC. Bd. 26. S. 269–270.
168. Ibid. S. 276.
169. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 94 об.
170. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 96–97.
171. Там же. С. 97–98.
172. GStA. HA I Abt 9 (Polen). № 27–179. S. 69.
173. Ibid.
174. Ibid. S. 170–174.
175. [Friedrich II] PC. Bd. 26. S. 307.
176. Ibid. S. 170–174.
177. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 61–67.
178. Там же. Л. 63.
179. Там же. Л. 64–64 об.
180. Там же. Л. 64 об.—65 об.
181. Там же. Л. 66 об.—67.
182. [Fredrich II] PC. Bd. 26. S. 325–326.
183. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 120–121.
184. Там же. С. 124–128.
185. Там же. С. 127.
186. Там же. СПб., Т. 67. С. 528–529.
187. Там же. С. 530.
188. Там же. С. 516.
189. Там же. С. 517.
190. Там же. СПб., 1893. Т. 87. С. 281–282.
191. [Fredrich II] PC. Bd. 26. S. 325.
192. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 129–130.
193. Там же. С. 130.
194. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 141–141 об.
195. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 131–132.
196. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 5^а–7 об.
197. Там же. Л. 4–4 об.
198. Там же. Д. 915. Л. 108–108 об.
199. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. Л. 553.
200. Там же. С. 555.

201. Там же. С. 566–557.
202. Там же. СПб., 1893. Т. 87. С. 13.
203. Бreve Клементия XIII. Рим, 3 ноября 1767 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 915. Л. 61–96.
204. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 915. Л. 60.
205. Там же. Л. 64–64 об.
206. Там же. Ф. 32. Оп. 6. Д. 465. Л. 94–97.
207. Там же. Л. 121–122 об.
208. [*Friedrich II*] PC. Bd. 26. S. 300.
209. Ibid.
210. Ibid. S. 303–304; 322–323.
211. Ibid. S. 331.
212. Ibid. S. 332.
213. *Konopczyński W.* Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. S. 117–121.
214. *Considérations sur l'Etat présent des affaires en Pologne* // *Beehr A.* Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 3 Documente. S. 1–5.
215. *Konopczyński W.* Op. cit. S. 122.
216. Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 123–124.
217. Там же. СПб., 1889. Т. 67. С. 557–560.
218. Там же. С. 560–561.
219. Там же. С. 563–566.
220. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 924. Л. 4–52 об.
221. Там же. Л. 53–80 об.
222. Там же. Л. 87–106.
223. Там же. Л. 2–2 об.
224. Там же. Л. 3 об.
225. Там же. Л. 3.
226. Там же. СПб., 1893. Т. 87. С. 14.
227. Там же.
228. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 924. Л. 107–108.
229. Там же.
230. Там же. Л. 116.
231. Там же. Л. 116 об.—117.
232. Там же. Д. 923. Л. 56–56 об.
233. Н. В. Репнин — Н. И. Панину. 27/16 января 1768 г. — АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 923. Л. 32–34 об.
234. Там же. Л. 32 об.—33.
235. Там же. Л. 33 об.
236. Там же. Л. 34.
237. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 14.
238. VL. T. VII. S. 254–255; АВПРИ. Ф. 161. Оп. 28. Д. 308. Арт. 6.
239. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 4.
240. Там же. Д. 224. Л. 109–110 об.
241. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 14–15.

242. Там же. С. 17.
243. Там же.
244. Там же. С. 18.
245. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 5.
246. Там же.
247. *Diariusz sejmu 1767 г.* S. 113–114, 120.
248. АВПРИ. Ф. 161. Оп. 28. Д. 308. Арт. 4.
249. Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 3–3 об.
250. Там же. Л. 4–4 об.
251. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 16.
252. Там же. С. 13.
253. Там же. С. 12, 15.
254. Сб. РИО. СПб., 1893. Т. 87. С. 12.
255. *Diariusz sejmu 1767 г.* S. 122.
256. Ibid.
257. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 735, 736.
258. *Diariusz sejmu 1767 г.* S. 126–127; VL. T. VII. S. 335–338.
259. *Diariusz sejmu 1767 г.* S. 129–130.
260. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 135–136 об.
261. Там же. Л. 139–146.
262. Там же. Л. 139об–140.
263. Там же. Л. 139 об.
264. Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 67. С. 566–567.
265. Там же. СПб., 1893. Т. 87. С. 20–22.
266. АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 12–15 об.
267. *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 267.
268. И. М. Лобкович — В. А. Кауницу. Санкт-Петербург, 15 апреля 1768 г. // Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 109. С. 294–295.

Приложения

Приложение № 1.

Приложение А
к депеше Н. В. Репнина — Н. И. Панину.
Варшава, 21 сентября (2 октября) 1767 г.

Л. 54

К письму от 21 сентября 1767

А

Реестр послам

Малая Польша

Примечание

I) Воеводство Краковское

Маркиз Велиопольский (<i>Франтишек</i>)	+
Велиопольский (<i>Ян Юзеф</i>) — староста ландскоронский	+
Морштейн (<i>Морштын Иоахим</i>) — староста скотницкий	++
Велиопольский (<i>Юзеф</i>) — хорунжиц коронный	+ Король отвечает
Ключевский — хорунжий празницкий	+ Король отвечает
Завадский (<i>Рогала Анджей</i> — ?) — подстолий черниговский	+
Дембинский (<i>Францишек</i>) — хорунжий брацлавский	+
Менцинский — старостиц острешовский	+

II) Княжество Заторское и Освечимское

Малаховский (<i>Петр</i>) — староста освечимский	++
Русоцкий — войчиц освечимский	++

III) Воеводство Сендомирское

Водзицкий (<i>Элиаз</i>) — староста стобницкий	+
Мошинский (<i>Фрыдерик</i>) — староста новомейский	+ Король отвечает
Ожаровский (<i>Петр</i>) — генерал	+ Король отвечает
Скорутка (<i>Скорунка Мацей</i>) — подсудья сендомирский	+
Лонцоский — хорунжий опочинский	+
Стадницкий — кастеланиц бельский	+
Малаховский (<i>Яцек</i>) — референдарь кор.	+ Король отвечает

IV) Воеводство Любелское

Тарло (<i>Енджей</i>) — кастеланец любельский	+
Олтаржевской — подстолий любельский	++

//

Л. 54 об.

Езерский — скарбник луковский	+
-------------------------------	---

	Доманский (<i>Якуб</i> — ?) — подचाший брацлавский	++	
	Стембковский (<i>Стемковский Юзеф</i>) — кастеланич жарновский	+ Король отвечает	
	Белский — чесник парнавский	+	
V)	<u>Воеводство Подляжское</u>		
1.	<i>Земля дрогисимская</i>		
	Немера — хорунжий дрогисимский	+++	
	Муравский (<i>Моравский Валенты</i>) — советник конфедерации генеральной	+	
2.	<i>Земля мелницкая</i>		
	Карвовский (<i>Станислав</i>) — подстолий белский	+ Король отвечает	
	Тарковский — войский и писарь мелницкий	+++	
3.	<i>Земля белская</i>		
	Вильчевский (<i>Юзеф</i>) — подкоморий виский	+ Король отвечает	
	Ярузельский — войский подляшский	+++	
VI)	<u>Воеводство Русское</u>		
	Потоцкий (<i>Антони</i>) — староста львовский	+	
	Гординский — мечник киевский	+	
	Цетнер (<i>Доминик</i>) — староста стоцкий	+	
	Дверницкий — ловчий премышлский	+	
	Шептицкий — хорунжий латышевский	+	
	Буковский (<i>Игнацы</i>) — адъютант королевский	+	
	Блазевский (<i>Блажовский Юзеф Аниони</i>) — подстолий векдачевский	+	
VII)	<u>Земля Галицкая</u>		
	Мариан Потоцкий	++	
	Невенгловский — мечник галицкий	++	
	Потоцкий (<i>Игнацы</i>) — старости каниовский	+++	
	Забилской (<i>Zabłocki</i> — ?) — староста подвысоцкий	++	//
Л. 55			
	Ратовский — чесник виский	+++	
	Старжинский — скарбник ливский	++	
VIII)	<u>Земля Хелмская</u>		
	Сосновский (<i>Юзеф</i>) — писарь польный лит.	+ Король отвечает	
	Ржевуский (<i>Юзеф</i>) — староста добрицкой (<i>дрогобычский</i>)	++	
IX)	<u>Воеводство Бельское</u>		
	Глоговский (<i>Антони</i>) — хорунжий городецкий	+++	
	Дзершка — хорунжий бельский	+++	
	Руликовский — подचाший бельский	+++	

Мир — староста тишовецкий	+ Король отвечает
Вишневский — староста рогодовский	+++

х) Воеводство Подольское

Потоцкий (<i>Теодор</i>) — староста смотрницкий	++
Ржевуский (<i>Северин</i>) — староста долиньский	+++
Лось — староста березанский	+++
Старжинский — староста мервицкий	+++
Тарло (<i>Адам</i>) — староста бржеговский	+++
Голчевский — стольникович цехановский	+++

xi) Воеводство Киевское

Загурский (<i>Войцех</i>) — староста овруцкий	+++
Сехновецкий — писарь земский житомирский	+++
Князь Радзивилл (<i>Николай</i>) — генерал порутчик лит.	++
Максимилиан Потоцкий — судья подграничный киевской	+++
Дубровский — вице-староста гродский овруцкий	+++

//

Л. 55 об.

Олизар (<i>Марцин</i>) — старостиц ловецкий	+++
---	-----

xii) Воеводство Волынское

Олизар (<i>Константы</i>) — староста лоевский	+++
Загурский — хорунжий волынский	+++
Прушинский — чесник волынский	+++
Рышевский — ловчий волынский	+++
Аксак — войский луцкий	+++
Судванский — мечник луцкий	+++

xiii) Воеводство Брацлавское

Чечель — хорунжий звингородский	+++
Костка — ортоинской подчашей звингородский	+++
Грохолский — подстолий брацлавский	+ Король отвечает
Острожский — чесник бидгодский	+++
Кордыш — чесник винницкий	+++
Бариевский — мечник звингородский	+++

xiv) Воеводство Черниговское

Садовский (<i>Станислав</i>) — ловчий бельский	+++
Злотницкий — подчаший новгородский	+++
Вилчинский — мечник житомирской	+++
Тиборовский (<i>Тыборовский</i>) — мечник подляжский	+++

//

Л. 56 об.

Великая Польша

I; II. Воеводства Познанское и Калишское вместе

Скоржевский (<i>Скуржевский Михал</i>) — подкоморий познанский	+
Гуровский (<i>Владислав</i>) — писарь кор.	+
Рачинский (<i>Казимир</i>)	+
Радонский	+ Король отвечает
Малчевский (<i>Кароль, полковник булавы лит.</i>)	+ Король отвечает
Крыжановский	++
Понинский (<i>Адам</i>) — кухмистр кор.	+
Рыдзинский	++
Закревский	+ Король отвечает
Шолдреский	++
Неголевский	++
Липский	++

III. Воеводство Сирадское

Блешинский (<i>Томаш</i>) — подкоморий сирадской	+++
Галецкий — староста бидгодский	+++
Блешинский (<i>Казимир</i>) — хорунжий сирадзской	+++
Качковский — хорунжий панцерной	+++

IV. Земля Велунская

Скоржевский — подстолий острешовский	+	//
--------------------------------------	---	----

Л. 56 об.

Псарский — писарь земский велунский	++
-------------------------------------	----

V. Воеводство Ленчицкое

Вессель (<i>Станислав</i>) — староста голубский	+
Островский (<i>Войцех Гжимала</i>) — вице-судья	+
Дзержицкий — камергер королевский	+ Король отвечает
Турский — ловчий бржеской	+

VI; VII Воеводства Бреское в Куявии и Иновроцлавское вместе

Домбский (<i>Станислав</i>) — староста ковалский	+
Домбский — адъютант королевский	+ Король отвечает
Волский — подвоевода	++
Глембоцкий — кастеланич крузвицкий	++

VIII Земля Добржинская

Наленч — подчаший добржинский	+
Суминский —	+ Король отвечает

IX Воеводство Плоцкое

Журавский (<i>Жоравский Марцин</i>) — чесник плоцкий	++
Закревский — хорунжиц заваронский	++
Зелинский (<i>Енджей</i>) — подчашиц рожанский	++
Ежевский — майор булавы польной коронной	++

X Воеводство Мазовецкое

1. <i>Земля Черская</i>		
Боский (<i>Павел</i>) — хорунжий черской	++	//

Л. 57

Князь Гаспар Любомирский — генерал порутчик россиской	+	
2. <i>Земля Варшавская</i>		
Шидловский (<i>Теодор</i>) — хорунжий варшавский	+ Король отвечает	
Огородский (<i>Яцек</i>) — писарь коронной	+ Король отвечает	
3. <i>Земля Выская</i>		
Шидловский (<i>Казимир</i>) — стольник пнавнинский	+	
Карвовский — чесник	+	
4. <i>Земля Вышегородская</i>		
Каниговский (<i>Францисек</i>) — стольник вышегородский	+	
Радзицкий — подчаший закрочимский	+ Король отвечает	
5. <i>Земля Закрочимская</i>		
Князь Понятовский (<i>Казимир</i>) — оберкамергер кор.	+ Король отвечает	
Лемпицкий — адъютант Военной комиссии	+ Король отвечает	
6. <i>Земля Чехановская</i>		
Кицкий — адъютант королевский	+ Король отвечает	
Держановский — камергер	+ Король отвечает	
7. <i>Земля Ломженская</i>		
Радзимицкий (<i>Юзеф</i>) — подкоморжиц чехановский	+	
Годлевский — войский ломженский	+	
8. <i>Земля Рожанская</i>		
Краевский (<i>Ян Хризостом</i>) — инстигатор коронный	+ Король отвечает	//

Л. 57 об.

Скарский — хорунжий рожанский	++	
9. <i>Земля Ливская</i>		
Соболевский (<i>Валенты</i>) — ловчий варшавский, камергер королевский	+ Король отвечает	
Оборский — капитан артиллерии кор.	+	
10. <i>Земля Нурская</i>		
Волынский (<i>Волиньский Ян</i>) — стольник нурский	+	
Радзимицкий (<i>Станислав</i>) — староста Яновский	+	

XI Воеводство Равское

1.	<i>Земля Равская</i>		
	Войчинский (<i>Теодор</i>) — подкоморжий равский	++	
	Гротовский — судья земский равский	+++	
2.	<i>Земля Сохачевская</i>		
	Браницкий (<i>Франтишек Ксаверий</i>) — ловчий коронный	+ Король отвечает	
	Гадомский (<i>Станислав</i>) — генерал адъютант королевский	+ Король отвечает	
3.	<i>Земля Гостинская</i>		
	Лончинский — подсудья гостинский	++	
	Шанявский — староста конколовницкий	+ Король отвечает	//

Л. 58**Литва****I. Воеводство Виленское**

1.	<i>Повят Виленский</i>	
	Жаба (<i>Тадеуш</i>) — хорунжий гусарский	+
	Пац (<i>Михал Ян</i>) — староста зиоловский	+
2.	<i>Повят Ошмянский</i>	
	Козел (<i>Антони</i>) — староста десенский (<i>дзержинский</i>)	+
	Сорока — мечник ошмянский	+
3.	<i>Повят Лидский</i>	
	Князь Радзивилл (<i>Станислав</i>) — подкоморий литовский	+
	Пац (<i>Юзеф</i>) — староста виленский	+
4.	<i>Повят Вилкомирский</i>	
	Думбровский (<i>Домбровский Ян</i>) — подкоморжий вилкомирский	+
	Янович (<i>Марциан</i>) — регент	+
5.	<i>Повят Браславский</i>	
	Бростовский (<i>Роберт</i>) — полковник (<i>войск лит.</i>)	+
	Мирский — генерал адъютант литовский	+

II. Воеводство Троцкое

1.	<i>Повят Троцкий</i>	
	Ромер (<i>Стефан Доминик</i>) — хорунжий троцкий	+
	Пац (<i>Аниони Михал</i>) — писарь литовский	++
2.	<i>Повят Гродненский</i>	
	Хрептович (<i>Кароль</i>) — писарь земский гродненский	++
	Глиндзич — крайчий гродненский	+

//

Л. 58 об.

3.	<i>Повят Ковенский</i>	
	Забело (<i>Антони</i>) — ловчий литовский	+ Король отвечает
	Черневич — судья гродский ковенский	+

4.	<i>Повят Упитский</i>	
	Белозор — войский упитский	+
	Кушелевский — советник конфедерации	+
III.	<u>Княжество Жмудское</u>	
	Прецишевский — цивун жмудский	+
	Уван — цивун поярский	++
	Коссаковский (<i>Юзеф</i>) — советник конфедерации	+
IV.	<u>Воеводство Смоленское</u>	
1.	<i>Повят Смоленский</i>	
	Жаба — староста белский	+
	Пакош (<i>Ян</i>) — писарь гродской смоленской	+
2.	<i>Повят Стародубский</i>	
	Лапа — писарь градской стародубский	+
	Заблоцкий (<i>Казимир</i>) — скарбникович	+
V.	<u>Воеводство Полоцкое</u>	
	Щит — кастеланиц инфлянский	++
	Шантир — ротмистр полоцкий	+
VI.	<u>Воеводство Новгородское</u>	
1.	<i>Повят Новгородский</i>	
	Рдултовский — подвоеводиц новгородский	+
		//
Л. 59		
	Ржевуский (<i>Станислав Фердинанд</i>) — хорунжий литовский	+
2.	<i>Повят Слонимский</i>	
	Слизень — подкоморжий слонимский	+++
	Микульский — судья земский слонимский	+++
3.	<i>Повят Волковской</i>	
	Белавский (<i>Казимир</i>) — писарь земский волковской	+
	Гедройц (<i>Францишек</i>) — подचाший волковской	+
VII.	<u>Воеводство Витебское</u>	
1.	<i>Повят Витебский</i>	
	Шишко (<i>Михал</i>) — скарбник витебской	+++
	Богомолец (<i>Петр</i> — писарь земский)	+++
2.	<i>Повят Оршанский</i>	
	Галинский (<i>Ежи</i>) — хорунжий оршанский	+
	Головниц — секретарь генеральной конфедерации литовской	+
VIII.	<u>Воеводство Бржеское</u>	
1.	<i>Повят Бржеский</i>	
	Князь Михайло Радзивил —	+
	Пашковский — полковник	+

2. Повят Пинский
 Гodeбский — войский пинский +
 Доманский (*Михал*) — советник конфедерации +

IX. Воеводство Мстиславское

- Цехановецкий — хорунжий мстиславский + //

Л. 59 об.

- Лопацинский — староста +

X. Воеводство Минское

1. Повят Минский
 Ивановский — староста минский +
 Ратинской — староста синявской +
 2. Повят Мозырской
 Еленский — писарь +
 Обухович — +
 3. Повят Речицкой
 Дмугопанский +
 Малиновский +

Инфляндия

Из Короны

- Чаплиц (*Целестын*) + Король отвечает
 Понинский (*Ян Лоджия*) +

Из Литвы

- Князь Адам Чарторыйский +
 Тизенгаузен (*Тызенгауз Антони*) + Король отвечает

Из Инфляндии

- Лопацинский (*Николай Тадеуш*) ++
 Щит ++ //

Л. 60

Провинция Прусская

I. Воеводство Кулмское

1. Повят Кулмский
 Чапский (*Антони*) — подкоморий кулмский + Король отвечает
 Пивницкий (*Валериан*) мечник пруский + Король отвечает
 2. Повят Торунской
 Рогалинский (*Каспер*) — староста нагельский + Король отвечает
 Александр Яцкорский — подстолий тарнавский +

3.	<i>Повят Грауденский</i>	
	Игнатий Гартатовский — подвоевода кулмский	++
	Иван Ежевский	+++
4.	<i>Повят Ковалевский</i>	
	Игнатий Пивницкий — ассессор	+
	Антон Бялоблочский —	++
5.	<i>Повят Радзинский</i>	
	Игнатий Орловский	++
	Полковник Сикорский	+
6.	<i>Повят Страсбургской</i>	
	Антон Моляновский	++
	Альберт Яцковский	+
7.	<i>Повят Новоторгский</i>	
	Владислав Быстрам	++
	Ежевский — вице-регент кулмский	++

//

Л. 60 об.

8.	<i>Повят Голубский</i>	
	Грабовский —	++
	Гипполит Добровский	++
9.	<i>Повят Лесенский</i>	
	Кчевский	+
	Аполинар Кознецкий	++

II. Воеводство Мариенбургское

1.	<i>Повят Штумской</i>	
	Иван Трэмбецкий — хорунжий мариенбургский	+
	Антон Сарнацкий	++
2.	<i>Повят Христбургской</i>	
	Ледуховский (<i>Францисек Антони</i>) — староста влодимирский	++
	Иван Лутомский —	++
3.	<i>Повят Мариенбургской</i>	
	Андрей Орловский	+
	Кчевский — староста старградский	+
4.	<i>Повят Елбинской</i>	
	Вычеховский —	++
	Горжинский —	++

III. Воеводство Померанское

1.	<i>Повят Даршавский</i>	
	Быстрам — подкоморий померанский	+
	Лниский —	++
2.	<i>Повят Нейбургской</i>	
	Липинский —	++
	Лебинский — генерал	+ Король отвечает //

Л. 61

3.	<i>Повят Гданской</i>	
	Кицкий — староста хобовский	+ Король отвечает
	Ян Липинский —	+
4.	<i>Повят Швецкий</i>	
	Андрей Прондзинский	++
	Станислав Малаховский	++
5.	<i>Повят Тухолский</i>	
	Кчевский — староста сремский	+
	Капитан Палубицкий	+
6.	<i>Повят Шлоховский</i>	
	Чапский —	+
	Лукович	+
7.	<i>Повят Мираховский</i>	
	Михайло Павловский	++
	Игнатий Чарновский	++
8.	<i>Повят Пуцкой</i>	
	Мелхиор Грончевский	+
	Ковалевский	+
9.	<i>Повят Кошчержинский</i>	
	Тухолка	++
	Выбицкий (Юзеф)	++
10.	<i>Повят Скаржевский</i>	
	Иозеф Лутомский	++
	Францышек Громчевский	++
Итого	_____	+ 134
		++ 58
		+++ 44
		<hr/> 236

АВПРИ. Ф. 79 Сношения с Польшей. Оп. 6. Д. 912. Л. 54–61.

Приложение № 2.

Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину.
Варшава, 21 сентября (2 октября) 1767 г.

Л. 48 Милостивой Государь мой, Никита Иванович.

При сем прилагаю реестр послам [А] с отметками: под одним + хорошие; под двумя ++ сумнительные; под +++ дурные. По сим отметкам, сложа к дурным и сумнительным, остается, однако ж, превосходное число хороших другим обеим, если только фанатизм, коварливость и двоякость не употребятся к превращению разумов на противное нашим видам; но со всем тем, видя множество голосов //

Л. 48 об. избы посольской на своей стороне, не могу, однако ж, совершенно надеяться, что они твердо и неколебимо в сих мыслях пребудут, зная уже довольно, по несчастию, сколь мало полагаться можно на здешние наисильнейшие обещания. Об сенате же иначе не имею сказать, как что в оном мало людей нам преданных и надежных; но как сии, однако ж, люди с основанием, тож обыкновенно и с достатком, которой не похотели отважить, то от оных таких супротивлений не ожидаю, как от противных послов, ибо все сумосбродствы ординарно от сих последних случаются, понеже часто бывают в самой кипящей молодости, или и не имеющие ничего отважить по неимению достатка, и тако смелость до сумосбродства часто простирают. //

Л. 49 Интригование и всякого образа коварство теперь в последних днях пред сеймом в самом неопisanном градусе, так, истинно, что головы недостает к предостережению и к оборотам против всех тех разных интриг. Епископ Краковской все по-прежнему в головах противников против диссидентского дела, а я начал уже для усмирения его к крайностям против сей необузданной головы приступать, как то Ваше превосходительство усмотреть изволите из приложенной при сем копии с писанного от меня письма к г. генерал-майору Кречетникоау [В], буду ж здесь дожидаться, какое действие исполнение сей строгости над Епископом краковским произведет.

Л. 49 об. На сих днях призывал к себе Епископов, на которых поболее надеюсь, а именно, Куявского, Премыслского, Плоцкого и Лифлянского, при коем случае показывал им известной билет Епископа Краковского с тем, чтоб им самолюбие поразбудить, спрашивая, что подлинно ли Епископ Краковский может за них отвечать, како то во оном билете делает, и, следственно, их под своим предводительством имеет; желал бы я, чтоб они противное мне доказали самым делом, а не словами, подписав без всяких кондиций акт Генеральной Конфедерации; но, хотя все они словесно и уверяли и накрепчайше обещались, что сумасбродству Епископа Краковского последовать //

Л. 50 не станут и ему не подсудны, однако ж, подписать акт конфедерации ни один не согласился, а желая особое приступление сделать, но как оное иначе быть не может, как кондициональное, то я им сказал, что в оное не мешаюсь и за приятное принять себе не могу, оставляя на волю их, что они сделать захотят, но напоминая, что следствий поступков каждого размерять будут в силу тех самых каждого поступков.

При сем всепокорнейше прилагаю поданной мне от обеих конфедерационных маршалов диссидентских мемориал, из коего Ваше превосходительство усмотреть изволите о просьбе их усиленной, в силу коей все диссиденты единогласное //

Л. 50 об. желание имеют, чтоб не вводить их в правительство определенным числом, не быв в состоянии, говорят, оное вынести; а что касается до Греческого дворянства, то оно совсем такого нет, которое можно было в чины какие-либо употребить. Я уже несколько времени ищу и нарочных рассылаю с тем, чтоб ко мне привезли из них кого-нибудь, хотя мало в состоянии быть употреблену, но по сех пор еще никого не нашел, ибо все они землю пашут и без всякого воспитания; прошу же всепокорнейше Вашего высокопревосходительства мне дать повелений, определенным ли числом диссидентов в правительство вводить, или только достоинство им приобрести быть //

Л. 51 допущенными до всех мест положенным образом законами и для католиков; прошу ж как можно скорее мне сии повелений дать, дабы я мог в силу оных на будущих конференциях с делегатами от сейма учреждаться, а резоны настоящей пользы от введения вдруг определенного числа диссидентов в правление быв вам известны, так как и будущие ваши по сему делу виды, тож изъясненные резоны самими диссидентами в сем приложенном их мемориале, итак, я уже больше в подробность по всем оном не вхожу.

Г. Дюбен, Его шведского величества вновь прибывший сюда министр, намерен при сем приложенный мемориал [D] здесь Его польскому величеству //

Л. 51 об. вручить, почему спрашивал моего на то совета, на которое я отвечал, что, кроме добра, от того произойти не может, и приветствие ему пристойное сделал по поводу его усердия к восстановлению диссидентов, да и в самом деле таковой мемориал худа не сделает, но и успеха не уповаю, однако ж, ибо здешнее правительство, быв составлено на сеймах из такого многого числа нерассудных людей; следует из того то, что никакие представления важности нималой у них не имеют, если силою не подкреплены; но понимаю я, с другой стороны, что сие содействие шведского двора полезно нам против прочих чужестранных держав. //

Л. 52 Со вчерашнего дня начали мы съезжаться у короля, то есть примас, подскарбий коронный и оба маршала конфедераций генеральных, которое с собственного их согласия учинено, дабы согласиться со всех сторон, каким точно образом открытие будущего сейма сделать, но еще ничего по сему не положено, а все продолжается в разных предложениях и спорах, которые, истинно, голову совсем закружили.

Посвящение примасово в прошедшее воскресенье действительно исполнилось.

Нунциус завтра по обыкновению публичный въезд сюда делает.

Как нужно знать, что если теперь между нашими монахами действительно дворяне польские //

Л. 52 об. на тот случай, если определено будет, чтоб Епископ белорусский имел достоинство Сенаторское, то я уже через настоящего Епископа белорусского во все здешние места нашего исповедания писал, чтоб отсель осведомились и ко мне дали знать, но не уповаю, чтоб таковые нашлись, или очень их мало; а с другой стороны, настоящий Епископ белорусский думает, что в нашей Малороссии между монахами польские дворяне есть, то прошу всепокорнейше ваше высокопревосходительство приказать там об оном осведомиться, и мне после дать знать с описанием о их персональных качествах, которые, однако ж, надобно, чтоб сходственные были с сим сенаторским //

Л. 53. достоинством.

Впрочем, с должнейшим почтением и непоколебимо преданным имею честь навсегда пребыть.

Милостивый государь мой, вашего высокопревосходительства всепокорнейший слуга,

Князь Николай Репнин

21 сентября / 2 октября 1767 / Варшава.

АВПРИ. Ф. 79 Сношения с Польшей. Оп. 6. Д. 912. Л. 48–53.

Приложение № 3.

Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину.

Варшава, 27 сентября (8 октября) 1767 г.

Л. 86 Милостивой Государь мой, Никита Иванович.

Сейм начался прошедшего понедельника, но не кончился так, как я льстил, одним заседанием, к чему довольно была нация приуготовлена, и думаю, что б то сделалось, коль бы поступок Папского Нунциуса тому не помешал. Пред самым начатием сейма, поутру в понедельник, он приехал нечаянно к Князю Радзивиллу, как уже у него послы собраны были с тем, чтобы ехать //

Л. 86 об. вместе сейм начинать. Сколь же скоро вошел в сие многочисленное собрание, то ко всему оному начал говорить речь фанатическую, представлял, что вера погибает и что долг есть их оную защищать до последней капли крови и ни до малаго упадка или уравниения с протчими религиями не допускать, понеже единая богу угодная есть католическая, которая здесь Господствующая и тако равенства терпеть не может: а вследствие сей опасности веры именем Папским сказал, чтоб не соглашались ни на каковое трактование и назначение от республики делегатов с полною мочью, ибо гибель веры от того произойдет. Таковыми и тому подобными выражениями привел //

Л. 87 все собрание в наивысший фанатизм, и тако его оным зажег, что самые смиренные от слез рыдали, протчие же с возмутительным криком клятвы делали, что погибнуть за веру готовы и мученическая смерть им будет приятна; а малая часть оставших в здравом рассуждении людей, как то король, примас, маршалы обеих генеральных конфедераций, подскарбий коронный и, может быть, до 50 послов, не знали почти как и сейм начать, опасаясь и предвидя рубку при самом оного открытии. Я, видя оное замешательство, рассудил необходимым и сам поехал к Радзивиллу в самой тот шум и застал оной в вышнем градусе, так что выбежали от толь ко дверям несколько людей из умеренных и просили //

Л. 87 об. меня, чтоб я в сие сумазбродное собрание не входил; но чувствуя, чтоб сим более еще отчаянное безумство всех умножилось, не уважил всех их криков и в

их кучу вошел; сколь скоро меня увидели, так скоро окружа, хотя без неучтивства, но с великим жаром все вдруг стали кричать, что они умереть за веру готовы, и подобные слова самого сумазбродного фанатизма. Как же они сей шум сделали, то я громко весьма им сказал, чтоб они утихли, а коль будут шум продолжать, то и я с своей стороны шум же заведу, и что мой шум сильнее будет, нежели их. Таковые слова, неоднократно перетвержденные, наконец, их стихли, тож и представлений обеих маршалов генеральных //

Л. 88 конфедераций; почему я начал им перво говорить, что я приехал только с визитой к Князю Радзивиллу, а не трактовать, понеже никто из них той чести иметь не может, не быв уполномочен от республики, как я тем удостоен от Ея Императорского Величества, а что по приятельски только им отзовусь о моем удивлении и сожалении, видя их в таком возмутительном состоянии, позабыв, зная, сколь доказательств имеют о доброжелательстве Ея Императорского Величества, и что под единым Ея только покровительством могли они для удержания своей вольности и прав сконфедероваться. В сем месте опять крик от них начался, что и для соблюдения закона католичкаго //

Л. 88 об. они соединились, в коем случае я опять перетвердил им неоднократно, чтоб шум делать перестали, или я и сам шуметь стану. Почему утихнув они опять, продолжал я, что справедливо им к закону своему ревность иметь, которая, конечно, похвальна, но никто и не намерен предосуждения никакого римскому исповеданию сделать, а что надлежит, коль они подлинно верны своему Закону, последовать тем онаго справедливым предписаниям, чтоб никому в вере принуждения и притязания для оной не делать, тож быть непоколебимым в содержании своих обязательств и в отдаании справедливости каждому; Что надлежит им содержать трактаты и сходные с оными законы, коль хотят //

Л. 89 в добром соседстве с Россиею жить и покровительством Ея Императорского Величества, пользоваться, а что единые только возмутители, которые желают в замешательстве дел себе кредит и репрезентацию приобрести, толкуют им, что возобновление диссидентов касается до религии католичкой, или какого-либо ей предосуждения: ибо в самой подлинности сие есть дело гражданское, а не духовное, и должно быть рассмотрено с уважениями политическими в силу обязательств республики, а не иначе как. К сему же прибавил я, чтоб они напомнили последнее сочинение своих конфедераций, какие они акты при том случае обнародовали, и под чьим покровительством то учинено, //

Л. 89 об. и можно ли им думать, чтоб система политическая Империи Российской через три месяца переменилась, а, наконец, могут ли они чего опасаться под покровительством Ея Императорского Величества, которая столько сильных опытов показала своей истинной дружбы к республике Польской. Таковыми словами и подобными утишил я их по малой мере до тех пор, что можно было без опасности сейм начать. При конце ж сего разговора начали они меня просить об освобождении Кожуховского, и как то с криком начали делать, то я им сказал, что поколь кричать станут, потоль того, конечно, не сделаю, ибо криком у меня головой ничего не выиграют, а чтоб просили тихим //

Л. 90 учтивым и порядочным образом, то в ту пору, может быть, удовольствие им сделаю, и, сколь долго они шумели, столь долго я ничего не делал, а наконец просили они князя Радзивилла порядочным образом, чтоб он меня об освобождении сего Кожуховского просил, которое учиня пристойным и учтивым образом, я в удовольствие его обещал одного Кожуховского выпустить, что уже и учинил вчерась, возвратя его из той деревни, в которую он под караулом сослан был. Сему ж сумазбродному собранию приметил я, что всегда скорее они удовольствие от меня получают через тихость и учтивство, нежели через шум, и что, кто употреблять будет меры возмутительства, тот, конечно, также //

Л. 90 об. трактован будет, как сей помянутой Кожуховской, ибо и он за то таковой поступок над собой видел. После чего оставил я их, по малой мере, в том состоянии, что не опасно уже было, чтоб рубка при открытии сейма произошла, почему и сейм был открыт, при начатии которого князь Радзивилл как маршал сейма и генеральной конфедерации при сходной речи представил приложенный при сем [А] проект акта лимитации, в коем уже мы все прежде условились; но Епископ Краковский тотчас оному возпротивился своею речью, при сем приложенною [В]. Потом воевода Краковской в подкрепление сего ж говорил, и как есть закон последнего сейма, чтоб все //

Л. 91 представляемые проекты отдавать на рассуждение послам, и прежде трех дней времени не решить; то в силу того большая часть сейма сего просила, чем сие первое заседание и кончилось. На завтра ж, во вторник 25 сентября / 6 октября, прислал Нунциус два приложенных при сем брева от Папы, один к сенату [С], другой к рыцарскому стану [Д], с тем требованием, чтоб оные были читаны на сейме, которого ему отказать не могли, следственно, оным чтением второе сеймовое заседание и началось. После чего архиепископ львовский и епископ хелмской говорили против диссидентов и человека четыре или пять послов сей противной партии; потом проект полной //

Л. 91 об. мочи, принадлежавшей до акта Лимитации, предложен был графом Браницким с требованием, чтоб оной читан был, на которое большая часть дозволить не хотела. Вследствие чего оберкамергер коронной говорил речь, в которой подкреплял чтение той полной мочи, и твердо требовал, чтоб оное учинено было, да и сам, наконец, Епископ Краковский устыдился своей безумной упорливости: ибо противился чтению такой вещи, об которой еще не знал хороша ли или дурна будет, почему на то и согласился. После чего чтение то было сей вышепомянутой полной мочи, которую при сем прилагаю [Е]; по прочтении ж оной все фанатики против сего кричали, что с таковою //

Л. 92 неограниченную полою мочью делегаты веру к гибели приведут, а роль заседание кончил, отложив оное до будущего понедельника, дав то время на рассуждение и повелев напечатать для известия всех послов проекты акта лимитации и полной мочи.

Фанатическое упорство нации я довольно вашему высокопревосходительству изъяснить не могу. Я почти со всяким особо переговорил, и почти все, кому все то сказал, что сильнейшего можно только сказать, но, признаваясь все генерально, что они силы не имеют нам противиться, большая ж часть, однако ж, объявили, что

они готовы всего имения лишиться и умереть, а к равенству с диссидентами не согласятся, иные плача мне //

Л. 92 об. то говорили, до тех пор фанатизм неизобразимой в них вселился, одним словом, сколько я ни работаю, сколько увещания и строгости ни употребляю, сколько мне, справедливо, король, Радзивилл, Бростовской, тож примас и подскарбий ни помогают, но никакого успеха то не приносит, и предвижу, по несчастию, что должен буду до самых крайностей дойти. Когда ж им представляю, что они сами с собой не согласны и противоречат актам своих Конфедераций; то отвечают на то, что они все в подписях своих изъяснили сальв для закона, а наконец, все к той же конклузии приходят, что желают лутче умереть, нежели диссидентов с собой в равенство привести. //

Л. 93 Теперь мы положили, видя, что сей проект лимиты и пленипотенции без преусиления от меня проитить не может, дабы в сем замешательстве предложили на сейме, чтоб ко мне от одного делегаты присланы были спросить, чего Ея Императорское Величество желает для диссидентов, к чему и намерены назначить большую часть противных, дабы через доношение их весь сейм увидел, что подлинно я то требую и публично, что каждому особо говорил. В сем же ответе намерен сослаться на декларации Ея Императорского Величества, потом вследствие оных на акты самих конфедераций, тож на кредитивную грамоту, отправленную с здешними конфедерацион- //

Л. 93 об. ными посланниками к Ея Императорскому Величеству; затем напомним о правах здешние и трактаты, Московской и Оливской, а после то заключение сделаю, что, видя по всем тем вышеупомянутым основаниям совершенную справедливость Ея Императорского Величества, в след того желая, чтобы возвращены были все права Грекам и диссидентам, желает, следственно, чтоб они приведены были в совершенное равенство с католиками, а из одного и то замыкается, чтоб Епископ Могилевской был посажен в Сенат, прибавя к тому, что дружба Ея Императорского Величества к республике основана на обязательствах Ея короны с оною, а естли Речь Посполитая //

Л. 94 Польская отважилась те обязательства нарушить, то Ея Императорское Величество, имея право, имеет и силу оное в действии удержать, которое немедленно в том случае и учинит, не уважая уже более ничего.

Если ж б и тому противники воспрепятствовали, чтоб ко мне с сим вопросом делегация послана была, то инаго средства не вижу взять, как послать для прочтения на сейме мемориал, сославшись на все вышеписанные резоны и прося от сейма решительного ответа, почему натурально будет, чтоб сейм послал ко мне кого изъясниться, а сие изъяснение тот же точно от меня ответ произведет, которой уже выше описан. //

Л. 94 об. Как же для учинения сего ответа, так и для подания, как выше сказал, к сейму мемориала приглашу всех содействующих с нашим двором чужестранных министров, а между тем, должен вам сказать, что почти уже в подлинности знаю от разных ко мне доходящих через верные каналы слухов, что г. Бенуа под рукою отворачивает исполнение диссидентского дела, уверяя тихо, кого может, что мы только угрозы делаем, а до действия не дойдем и что Король Прусской их не выдаст, так и против гарантии нашей уже много интриг наделал, ибо сие им более всего на серд-

це лежит. И тако перетолковал оное весьма противным нам образом и развратил многих от сей мысли, которое было так, как и диссидентское //

Л. 95 дело, столь удачливо началось.

Под рукой тож и тихим самым образом и Чарторыские против Гарантии весьма много работают, н уже знаю, что по ночам свидания имеют и пересылаются с Епископом Краковским, а вижу их план в том, что сей последний, не хотя диссидентского восстановления, а другие — гарантии, соединились вместе, чтоб взаимно обеим сим пунктам противиться, а Епископ Краковской вследствие того и обнажил уже свою мысль через вышеприложенную его речь, в которой не соглашается ни на какое со мной от сейма трактование; да сверх того вчерашней день резиденту Саксонскому сказал, который у него был с увещеваниями //

Л. 95 об. от своего двора, чтоб он поступки свои умерил, что он, Епископ Краковской, желает лутче самовластного в Польше Государя иметь, нежели допустить Россию в польское правление мешаться. С стороны же Чарторыских князь Любомирской великой маршал коронной более всех в противность нам работает, но также под рукою, и до сех пор их упорство проститается, что заказали князю Адаму, который истинное к нам усердие имеет, под проклятием и лишением наследства быть делегатом, а все наши приятели, даже и сам князь Радзивилл, того желают, чтоб кто ни есть из Чарторыских в сию делегацию вошел, дабы ненависть нации по диссидентскому делу не пала //

Л. 96 на одних наших партизанов, а разделили бы и Чарторыские ту тягость. Я по поводу онаго призывал к себе князя Адама и настоял весьма сильно, чтоб он был делегатом, представляя всю важность и бедственные следствия, кои произойдут от их упорства, но не мог его склонить, и только мне отвечал, что он чувствует правду моих слов, но не может того зделать, которое видел, что, конечно, от искренняго сердца отвечал; ибо оное говорил, взрыт плакавши и совершенно понимая, что к погибели себя отваживает. Хотя б не мне, но людям верным, от коих мне оное дошло, объявил, как то выше сказал, что отец ему точно сие заказал. Я же вследствие всех сих недоброжелательств Чарторыских //

Л. 96 об. велю в некоторые их деревни войскам вступить и погляжу, не уймут ли они через то свои интриги продолжать.

В протчем, с должнейшим почтением и непоколебимою преданностию имею честь навсегда пребыть,

Милостивой Государь мой.

Вашего высокопревосходительства
Всепокорнейший слуга
Князь Николай Репин

27. сентября

8. октября

1767

Из Варшавы

АВПРИ Ф. 79. Оп. 6. Д. 912. Л. 86—96 об.

Приложение № 4.

Делегация сейма 1767–1768 гг.

Podoski Gabryel Jan Janosza — Primas polski.

Ex Senatu

Ostrowski Antoni — Biskup Kujawski i Pomorski.

Jabłonowski Antoni — Wojewoda poznański.

Twardowski Ignacy — Wojewoda kaliski.

Podoski Józef Antoni — Wojewoda Płocki.

Lipski Tadeusz — kast. Łęczycki.

Młodzieiowski Andrej Stanisław — biskup Przemyśki, Kanclerz w. Kor.

Potocki Frantyszek Salezy — Wojewoda i Generał Ziem Kijowskich.

Cetner Ignacy — Wojewoda Bełzki.

Gozdzki Stanisław Bernard — Wojewoda i Generał Ziem Podlaskich.

Jabłonowski Roch Michał — kaszt. Wislicki.

Giedroyc Stefan — biskup Inflancki.

Ogiński Michał — Wojewoda Wileński.

Sołtohub Józef — Wojewoda Witebski.

Burziński Tadeusz — kaszt. w-wa Smoleńskiego.

Brzostowski Adam — kaszt. Połocki, Ssta Sądowy Wołkowyski.

Ex ministerio

Czartoryski Michał — Kanclerz W. Lit.

Borch Jan — Podkanclerz Koronny.

Wessel Teodor — Podskarbi Wielki Koronny.

Sanguszko Józef — Marszałek nadw. Lit.

Radziwiłł Karol — Marszałek Konfederacyi Generalney y Seymowej.

Brzostowski Stanisław — Ssta Bystrz. Marszałek General. Konfederacyi W. K. Lit.

Ex equestri Ordine

Великая Польша

Gurowski Władysław — Pisarz w. Kor., Poseł W. Poznański.

Małczewski Karol — Pułk. Regimentu B. W. K., Poseł W. Poznański.

Poniński Adam Łódzia — Kuchmistrz W. Kor., Poseł W. Kaliskiego.

Wessel Stanisław — Starosta Golubski, Poseł W. Łęczyckiego.

Ostrowski Wojciech Grzymała — Podsedek i Poseł W. Łęczyckiego.

Lubomirski Kasper — Poseł W. Mazowieckiego Ziemi Czerskiej.

Szydłowski Teodor — Chorąży Ziemi y Poseł Warszawski, Starosta Sekocin.

Szydłowski Kazimierz — Stolnik P-tu Przasnyskiego, Poseł X. Mazowieckiego Ziemi Wizkiej.

Poniatowski Kazimierz — Podkomorzy Koronny, Poseł Ziemi Zakroczym.

Krajewski Jan Chryzostom — Instygator Koronny, Poseł Ziemi Rożańskiej.

Sobolewski Walenty — Łowczy Ziemi Warszawskiej, Poseł Ziemi Liwskiej.

Radziwiłł Stanisław — Podkomorzy Ciechanowski, Ssta Janowski, Poseł Ziemi Nurskiej.

Branicki Franciszek Ksawery — Łowczy W. Kor. Poseł Ziemi Sochaczewskiej.

Gadomski Stanisław — Podkomorzy i Poseł Ziemi Sochaczewskiej.

Czapski Antoni — Podkomorzy i Poseł Województwa Chełmieńskiego.
Piwnicki Waleryan — Miecz. Z. P. Województwa Chełmieńskiego Poseł.

Малая Польша

Wieliopolski Franciszek — Margrabia Pinczowski, Poseł Województwa Krakowskiego.
Wieliopolski Józef — Chorażić kor., Poseł Województwa Krakowskiego.
Małachowski Jaciek — Referendarz kor., Poseł Województwa Sandomirskiego.
Wodzicki Elias — Ssta Stobnicki, Poseł Województwa Sandomirskiego.
Ożarowski Piotr — Gen. Leuten. Wojsk kor., Poseł Województwa Sandomirskiego.
Skorupka Maciej — Podczaszy Drobiecki, Poseł Województwa Sandomirskiego.
Potocki Antoni — Starosta Lwowski i Poseł Województwa Ruskiego.
Bukowski Ignacy — Adjutant królewsk. Poseł Sanocki.
Błazowski Józef Antoni — Podkoli y Poseł Powiatu Żydaczewskiego.
Potocki Maryan — Delegat i Marszałek Ziemi Halickiej.
Sosnowski Józef — Pisarz Poln. W. K. Lit., Poseł Ziemi Chełmskiej.
Stępkowski Józef — Obożny Polny Kor., Poseł Województwa Lubelskiego.
Karwowski Stanisław — Podstoli Ziemi Bielskiej, Ssta augustowski, Województwa Podlaskiego z Ziemi Mielnickiej Poseł.
Wilczewski Józef — Podkom. Ziemi Wiskiej, Poseł z Województwa Podlaskiego, Ziemi Bielskiej.
Caplic Celestyn — Podkomor. Łucki, Poseł z Inflant Koron.
Poniński Jan Nepomucen (Łódzia) — Poseł Inflantski.

Великое Княжество Литовское

Pac Michał Jan — Starosta Ziołowski, Poseł Województwa Wileńskiego.
Radziwiłł Stanisław — Podkomorzy W. K. Lit., Poseł Powiatu Lidzkiego.
Janowicz Marcyan — Regent ziemski i Poseł Powiatu Wiłkomirskiego.
Romer Stefan Dominik — Choraży i Poseł Województwa Trockiego.
Zabiełto Antoni — Łowczy W. K. Lit., Poseł Powiatu Kowieńskiego.
Czierniewicz Marcin — Horod. Sędz Grodz. y Poseł Kowiński.
Pakosz Jan — Pisarz Grodzki y Poseł Województwa Smoleńsk.
Zabłocki Kazmierz — Poseł Powiatu Starodubowskiego.
Giedroyc Franciszek — Podczaszy i Poseł Wołkow., Obożny Polny Lit.
Bohomolec Piotr — Pisarz Ziemski y Poseł Województwa Witebsk.
Szyszko Michał — Coraży Husarski, Poseł Województwa Witebsk.
Radziwiłł Michał — Krayczyc W. K. Lit., Poseł z Województwa Brzeskiego.
Domański Michał — Poseł z Powiatu Pińskiego.
Łopaciński Mikołaj Tadeusz — Pisarz W. K. Lit., Poseł Województwa Inflantskiego.
Czartoryski Adam — General Ziem Podolskich, Poseł Inflantski.
Tyzenhaus Antoni — Pisarz nadw. W. K. Lit., Poseł Województwa Inflantskiego.

Dan w Warszawie 23 października 1767 roku.

Приложение № 5.

Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину.
Варшава, 22 ноября (3 декабря) 1767 г.

Л. 61 Сиятельнейший Граф,
Милостивой Государь мой Никита Иванович.

На сих днях имел я разговор с Господином Бенуа, которой он начал мне сообщением, что Король Прусской к нему наслал повеление, чтобы он требовал быть допущенным до всех конференций здешней делегации со мной, по каким бы они делам ни держались; понеже Его Величество имеет право по Оливскому трактату и по последней данной им на сейм Конвокации Гарантии вместе с нами //

Л. 61 об. по случаю признания республикою титулов императорского и королевского, не допускать здесь ни до каких новостей, кои без него учреждены быть не должны. Сказав он мне сие, прибавил к тому, что разглашении об непрерывном штатском совете привели их в тревогу, опасаясь, чтобы из сего не возпоследовала предосудительная новость для политики соседних держав и для вольности внутренней здешней, коих интересы неразлучно соединены. По сем же просил он меня дружески, чтоб я ему присоветовал, каким образом он мог поступать, ибо не видит возможности и сам требовать о допущении его в конференции, понеже в полной мочи, данной от сейма, здешним делегатам со мной только одним велено все учредить и заключить. Я на сие ему також дружеским //

Л. 62 образом ответствовал, что совету ему никакого дать не имею по поводу поведения: ибо он повелений своего двора имеет, коим и должен следовать, а в протчем я одного с ним мнения, и не вижу возможности ему с пристойностию требовать, допущенным быть до всех конференций, понеже сама делегация, хотя б то и хотела, не сделать, однако ж, того не может, не быв против иного кого уполномочена, как против уполномоченных нашего высочайшего двора. По поводу же непрерывного штатского совета я ему отвечал, что имею повеление на то согласиться, коль здешние наши партизаны онаго пожелают, а само собой разумеется, что ни они не похотят оковы на свою вольность возложить, ни я на то не соглашусь. Г. Бенуа еще продолжал сей разговор, сказав мне в рассуждение, что, зная, наши дворы между собой //

Л. 62 об. в оном согласились, понеже он получил повеление требовать допущенным быть в конференции. На которое я ему отвечал, что я об том ничего не знаю; что, правда, имею я повелении генеральные с ним согласно поступать, которые всегда и исполнял, подкрепляя все его бывшие здесь домогательства, но об сем партикулярно повелений особых не имел, и тако, видя сверх того сие допущение невозможным, не могу инаго сказать, как что я персонально оному противиться нимало не буду, а напротив, рад буду, чтоб то исполнилось, естли Его Прусское Величество через то успокоен быть может, но чтоб он сам того требовал, коль заблигорассудит, а я требовать не могу, зная заранее, что делегация не может на то согласиться.

В продолжение сего разговора говорил я ему, //

Л. 63 что мне странно, что его двор подает веру чинящимся, может быть, ему развращенным каким внушениям, и сумнение берет, когда знает, что интересы Империи Российской и его против Польши суть совершенно одинаковы, и, следственно, не должно б ни малым сумнениям предаваться; понеже мы не можем сами против своих интересов здесь действовать, а сверх того я приятельски, как от союзного двора министра, нимало скрывать от Г. Бенуа не стану все то, что трактоваться ни будет. Причем он меня уверял, что сумнений его двор против нашего нимало не имеет, а я ему сообщил мнение большей части делегатов республики, чтоб зделать разделение законов, учредя права кардинальные, материи штатские и материи внутренние и экономическия; через которое соседи тот важной авантаж //

Л. 63 об. будут иметь, что уже ни самим единогласием, ни конфедерациями права кардинальные и единогласием на вольных сеймах в материях штатских изпровержены быть не могут, кое, мне мнится, сильнее и полезнее для соседственных держав будет всего того, что по сех пор ни было, хотя материи экономическия и большинством голосов учреждаться станут. На которое он и сам согласился. Что ж принадлежит до непрерывного штатского совета, то я сказал ему ту истинную правду, что я не инако на оной соглашусь, и то естли наши партизаны того пожелают, как с тем, чтоб тот совет не имел иной власти, как исполнение законов и удержания противного, а отнюдь на то не соглашусь, чтоб он имел власть законодательную; однако ж со всем тем мне видится, что сей штатской совет Его Прускому //

Л. 64 Величеству не нравится, а мне он кажется полезным, понеже справедливости по малой мере добиваться будет можно по всем делам пограничным и всяким другим, обыкновенным между соседними народами, а теперь никто никому ничего приказать не может. Все судебные места ни от кого не зависят, и до того оно простирается, что не имеют власти без сейма ни король, ни министерство, и никто головой приказать даже судье пограничному, чтобы он дело свое делал, а менее еще того взыскать на нем, что он онаго не делает. Следственно, во всех обыкновенных по соседству наших делах никакого толку нигде добиться не можно.

Наконец же, как еще Г. Бенуа об выше писанном допущении до конференций говорил, я, представя невозможность не от нас, но от стороны республики, прибавил к тому, что надлежало б об том заранее //

Л. 64 об. повелений к нам обоим от наших дворов прислать, а не имев оных, иначе нельзя было дело работать, как на фундаменте конфедерации, которая по делу диссидентскому желала всем интересующимся в нем державам удовольствие оказать: вследствие чего и приглашены они были на конференции по сему делу; в делах же здешней легисляции помочь, согласие и ручательство единой Всемилоливейшей Нашей Государвни просила, на коем основании и посольство к одному нашему двору от конфедерации послано. С тех же пор имели наши высочайшие дворы довольно времени иначе согласиться, естли б какую перемену в сем порядке иметь желали, а не отозвався к нам прежде о том, и не мог здесь сейм инаго учинить, как последовать чрез свой акт лимиты выше писанным основанием. По изъяснении сем Г. Бенуа меня спрашивал, не можно ли будет в нашем //

Л. 65 трактате с республикою упомянуть, что он не должен нимало не только изпровергать, но не ослаблять содержание трактатов республики с Берлинским

Двором. На которое я отвечал, что то, конечно, возможно и что мысли николи у нас не было как-либо умалить силу их трактатов, которое уже точно в пунктах о диссидентах и учинено; ибо в оных торжественно подтверждается Оливский трактат во всей его силе навсегда. Что ж касается до их гарантии, то она, во-первых, сделана на последнем сейме конвокации, когда точно введены и все те новости, против коих нация и сконфедеровалась и кои мы желаем, сколь нужно будет, исправить: а хотяб и точно та гарантия такова была, как нам желательна, то, однако ж, не мешает она республике входить по своей воле в обязательства и учреждения, для нее полезные, //

Л. 65 об. лишь бы они только не были противны интересам ручателя и намерением ручательства.

Таким образом, наш разговор с Г. Бенуа кончился, и уже после сего он мне об сих материях не упоминал. Впрочем, поведение наше между собою по-прежнему дружеское.

Вчера получил я из Берлина от князя Долгорукова письмо, кое касается до той же самой материи, и из коего я при сем экстракт прилагаю [В], а отвечать ему буду на том же самом основании, как выше здесь донес об ответе моем самому Г-ну Бенуа. Впрочем ожидать буду Вашего сиятельства повелений, которые покорнейше прошу немедленно мне дать, дабы я мог вследствие оных поступать и знать допускать ли Г-на Бенуа до конференций одних или же и до подписи трактата, которое мне кажется //

Л. 66 совсем невозможно; а с сим последним последовало бы и допущение Прускаго двора до ручательства; или совсем ни до чего вышеписаннаго его не допускать, кое могу я сделать, не обнажая себя, а упорствы все придут от самой делегации, в коих я не буду иметь вида участие брать.

Г. Ратен, аглинской здесь резидент, тож мне внушал, что от противников нашего двора, а от партизанов французскаго, внушении чинятся аглинскому министерству, будто мы здесь хотим завладеть некоторою частью земель, и требовал, чтоб я, для успокоения его двора, его уверил в противном. На которое я отвечал, что, естли он мне говорил так, как приятель, то я ему приятельски и отвечаю, что сие есть совершенной вздор и выдумки только наших злодеев; а естли говорить так, как //

Л. 66 об. Министр Министру, то я никакого ответа не делаю, отсылая его двор к нашему для сего изъяснения. Я же не имею оных никому как министр давать, кроме высочайшего моего двора. Г. Ратен на сие меня уверял, что их двор на наш никаких сумнений не имеет и что приятельски только хотел со мной изъясниться; почему мы приятелями и разстались.

Мне видится, что столь важная поверхность нашей инфлюенции в Польше против других держав им завидость делает, и что они на то весьма беспокойным оком глядят, а с другой стороны, весьма не хочется мне их допустить до разделения сей инфлюенции и до вступления некоторым образом с нами в равенство, котораго они теперь отнюдь и здесь не имеют, а во втором классе за нами следуют. //

Л. 67 Я касательно до сего то ж Вашему сиятельству повторяю, что уже и прежде неоднократно доносил, что я с поляками справлюсь и некоторую из чужестранных держав не допущу в равной с нами инфлюенции здесь быть; но прошу только в

наружности меры свои принять против тех чужестранных соседственных держав и протчих; а мне предписать, продолжать ли на теперешнем же основании мое поведение.

Впротчем с должнейшим почтением и непоколебимою преданностью имею честь навсегда пребыть

Милостивой Государь мой,

Вашего сиятельства
Всепокорнейший слуга
Князь Николай Репнин.

22 ноября

3 декабря

1767

Варшава.

АВПРИ Ф. 79. Оп. 6. Д. 914. Л. 61–67.

Приложение № 6.

Депеша Н. В. Репнина — Н. И. Панину.
Варшава, 11 (22) декабря 1767 г.
С резолюцией Екатерины II

Письмо к гр. Панину от 11 (22) декабря 1767
из Варшавы кн. Репнин доносит:

Курьер Тир ко мне вчерась приехал и вручил исправно вверенные ему депеши, на которые я подробно вперед отвечать буду, а теперь спешу только, сколь возможно скорее, на главные оных материи всепокорнейшее доношение сделать и слабое мое мнение вашему сиятельству изъяснить.

Тем я начинаю, что, конечно, в настоящее время все то исполню, что ваше сиятельство мне ни повелеваете; если желаете, чтоб по-прежнему все головой материи на сеймах под единогласием трактовались и чтоб через *liberum veto* сеймы, как и прежде, разрывались, то и оное исполню. Сила наша в настоящее время все может; но осмелюсь то представить, что не только тем не утвердим поверенность нации к нам и нашу здесь инфлюенцию, но напротив, совсем оные разрушим, оставя в сердцах рану всех резонабельных и достойных людей, которые разделение законов желают, как я прежде доносил, на которых одних надеяться можно, которые, наконец, одни ж только и могут чрез свой рассудок нацией предводительствовать. Сии люди не своими особами, но кредитом своим и поверхностью разума над мелким или, лучше сказать, над подлым и безрассудным дворянством как теперь, так и впредь всегда сочинять будут большую часть нации, следственно, и оскорбим мы ту большую часть нации, если подвергнем ее прежнему беспорядку чрез совершенное разрывание сеймов, особливо, когда желаемый ими порядок нам не вреден, ниже опасен, чрез которое легко будет доказать всей нации, что мы иного не желаем, как ее видеть в порабощении и сумятице. Таковое

мнение произведет натурально крайнюю недоверку и сильно, следственно, препятствовать будет к собранию нам, в независимую ни от кого, кроме нас, партию, надежных и достойных людей, на коих бы мы характер и на их в народе инфлюенцию полагаться могли. Если же нашу партию соберем из людей, кои почтения в нации не имеют, то они нам более будут в тягость, нежели в пользу, не имея сами по себе никакого кредита: и тако принуждены будем все делать единственною силою, которое совершенно разрушает сей важный предмет, чтобы свою независимую поверхность в земле партию иметь. Из сего ж то произойдет, что при первом случае, при коем аттенция наша или силы отвращены будут в другую сторону, то Польша, по бессилию снося только строгость нашего ига, тем воспользоваться захочет, дабы оного избавиться. Еще також сие уважение осмелюсь представить, что, если не хотим мы бесчисленным иждивением партию свою набирать и содержать, то иного способа нет к достижению оного, как доставлением им чинов и награждений, зависящих от воли королевской: следственно, чтобы его руками жар загребать, не должно нам его в страхе содержать, пользуясь его преимуществами для со- //

С. 280 держания нашей партии, но надлежит и ему самому доказать через собственное его благополучие, что он не может лучше сделать, как быть нам совершенно преданным, и оставаясь в самой короткой дружбе с нашим двором; а оскорбляя его, не долее в состоянии будем на своей стороне удержать, как поколь не увидит он способа из наших рук вырваться. Сие простое и натуральное рассуждение мне то показывает.

Теперь осмелюсь я приступить к сделанным нами обещаниям через декларации о испровержении всего того, что, вопреки вольности народной, последними сеймами постановлено было, обещая соблюсть нацию в ее преимуществах.

Не сдержим ли мы торжественным образом наше обещание, когда форму правления через кардинальные законы так утвердим, что уже не только конфедерация, но и самое единогласие того переменить не будет в силах? Не оставим ли мы нацию в преимуществах либерум вета, когда все штатские материи одним единогласием на вольных сеймах решены быть могут? Достальное все принадлежит до единого порядка, как то внутренности судебного обряда, тож экономия учрежденных уже доходов и содержания имеющегося уже войска. Большая часть нации, как уже я выше сказал, в том числе все резонабельные люди и противные двору того желают, следственно и не стали б мы нацию удерживать, когда не дозволим ей внутреннего благосостояния, быв оное нам не вредно, и, следственно, не исполним тем наших обещаний.

Не верьте, ваше сиятельство, тем, кои вам противное сему от имени сконфедерованной нации говорят. Заседания конфедерации совсем с начала сейма ни единого не было, как я и прежде доносил, а без собрания такового никакие повеления именем ее посылаться не могут. Сии все доношения, вам чинящиеся, суть только плоды интриги, желая при настоящем случае в мутной воде рыбу ловить, и забирая на свои персоны репрезентацию нации, говоря ее именем, а не имея, однако ж, на то согласия национального, за которое я вашему сиятельству отвечаю. Правда, что для собственного достоинства Ея Императорского величества надлежит нам конфедерации в публике давать вид всего народа, но когда она сама, сколь ни слаба в подлинности, большею своею частью того же разделения законов желает, держась все резонабельные люди в оной мнения примасова, то стало мы ее желание через сие в исполнение приведем. Мнение лишних дворских замыслов, конечно, много-было людей привело в тревогу, но желая они утвердить свою вольность через кар-

динальные законы и соблюдение *liberum veto* в государственных материях тем довольны, а не желают разрушения внутреннего порядка, справедливости и благосостояния своего через разрыв сеймов и простирания *liberum veto* на все внутренние экономические материи. Все, напротив, ропщут против сих разрывов сеймов и с презрением на тех смотрят, кои то делали. Князь Радзивилл, может быть, один по подлости своего разума внутренне того желает, но не имеет он права, хотя и маршал конфедерации, один мнением конфедерации говорить; и тако представления конфедератских посланников его мысли измеряют, а не всей конфедерации, да и он сам публично таким образом отзываться стыдится, не смея натурально в публике давать видеть, что он беспорядка и сумятицы в своем отечестве желает, но он нам как //

С. 281 теперь, так и впредь не иначе может служить, как пугалищем против Чарторьских, а при том по имени и богатству своему представлять его можем как чучелу для подлости и самого мелкого дворянства, а дел делать он своей персоне нимало не в состоянии, и надежды в оном на него ни малой полагать не можно. Почтения он от резонабельных и знатных людей нимаюго иметь не может по образу подлого своего обхождения, которому и точное теперешнее его состояние явным доказательством, ибо он уже две недели так пьян, что с постели все то время не в состоянии встать, и лежучи всякий день сие безобразие продолжает. Какую-ж надежду на такового человека положить можно? Надобео всегда несколько людей резонабельных около него иметь, чтоб какое дело под его именем делать; но кто захочет в оное употребиться и жить с таким безобразным человеком? И так, он не сделает нам партии и дел наших не поведет, а только, как выше сказал, годен он будет по своему сумосбродству в пугалища против Чарторьских.

Изъясня таким образом внутреннее здешнее положение, приступлю я к объяснению наружных конференций и донесу вашему сиятельству отзывы г. Бенуа по всему вышеписанному.

Я с ним сегодня виделся, при чем был полковник Игельстром. Я г. Бенуа спрашивал, чего его двор желает по поводу здешней формы правления, того ли чтоб все по-прежнему на сеймах трактовалось под единогласием и чтоб сеймы разрывались, или чтоб экономические и внутренние материи оставлены были под множеством голосов и чтоб на них сейм не мог разрываться. Г. Бенуа мне отвечал, что он в сем последнем не видит ни малого вреда, и что таким образом и двор его на сие смотрит, быв доволен по истолкованиям, кои он дал известному разделению законов на три разные класса. Я на сие ему говорил, что если оно так, что уже сеймы совсем разрываться не будут, ибо хотя материи государственные через *liberum veto* испровергаться станут, но постановления того же самого сейма по экономическим внутренним материям важность свою и силу иметь будут. На сие он согласился, но отвечал, что так оное называть не надлежит, ибо все состоит от недоразумения в едином том слове, что сеймы станут ли разрываться или нет, и что надлежит объяснить то, что уже через прошедшие конституции исполнено, что сеймы будут разрываться только на государственных материях, а на экономических того сделать будет не можно, и что сим его двор доволен. Сие есть только другое название, а в сущем деле то, что материи разрываться будут через *liberum veto*, а не весь сейм; ибо по разорвании того же самого сейма, учреждения, сделанные множеством голосов по экономическим материям, в своей силе останутся. Я просил г. Бенуа, сообщая ему проекты кардинальных законов и государственных материй, чтоб он донес об том сво-

ему двору и чтоб немедленно истребовал решительное по оному себе наставление; тож чтоб представил, дабы немедленно ж об резолюции берлинского двора и к г. Сольмсу писано было. Он сие все обещал, прибавя к тому, что он наперед знает, что его двор на сие согласен и уповает, что уже об том писано к г. Сольмсу. //

С. 282 После сего я ему говорил о штатском верховном совете и первые мысли оного ему прочел. Он мне отвечал, что от неведения сим советом были встревожены, и желал, чтоб я ему бы его первого начертания дал копию. Не видя в сем опасности я то учинил, прибавя то именно, что, если оно хоть мало сумнительно покажется, хотя для переду, то мы тот совет совсем отбросим, а он обещался по сему истребовать себе немедленно наставления.

После сего говорил я ему об желании нации, которое от большей части делегатов предлагается, чтоб нунциатуру или суд папского нунциуса отсель из земли истребить, и в Рим чтоб по духовным делам апелляций не делать, понеже здесь примас есть *Legat né du St. Siége* (а не легат Св. Престола), а иные желают, чтоб совсем синод был установлен из здешних епископов, через который бы все духовные дела здесь управлялись, и посвящения чтоб от нового синода здешнему духовенству чинены были, дабы за то здешних денег по напрасну в Рим, как в пропасть не бросать. Я и об сем проект первых мыслей ему сообщил. Он мне отвечал, что сие, ему кажется, весьма для его двора индифферентно, и что думает — противиться тому нимало не будут. Я же, оставляя вашему сиятельству рассмотреть важность оного по политическим уважениям против католических держав, по единой здесь внутренности полезным то для нас вижу, ибо уменьшает оное инфлюенцию римского двора, а чем меньше будет здесь инфлюенция других дворов, тем более наша приумножится.

Наконец еще я ему говорил об желании нации, которое со стремительностью оказалось, и об коем меня просили почти все делегаты, как об деле, которым весь народ крайне одолжим, чтоб позволено было полякам и чужестранцам, которые во Гданьск для торгу съезжаются, вольно оный производить, заплата обыкновенные пошлины, то есть чтоб могли они все друг другу продавать свои товары и друг у друга их покупать, а чтоб не принуждены были, как то теперь гданьское купечество себе захватило, все товары им одним продавать и у них одних покупать, почему одни только гданьские обыватели всею прибылью торга пользуются, а чужестранцы и поляки, не могши никому продавать, как им ни от кого покупать, как от них, следственно, от того терпят, дороже покупая и дешевле продавая, барыш же весь гданьскому купечеству идет. Сие г. Бенуа нашел не только не противным своим интересам, но еще и полезным, но хотел, однако ж, о том еще описать. Я ж и для нашего купечества сие полезным вижу и ожидать буду по оному вашего сиятельства повелений; а в привилегии инкорпорации провинции Прусской к Польше, которая основанием служит всем прерогативам той провинции, такого права Гданьску не предостережено, нации же здешней, исполняя оное, великое одолжение сделаем и, конечно, важную благодарность ее заслужим.

Из всего сего разговора с г. Бенуа ваше сиятельство усмотреть изволите, что он на главное согласен, то есть на разделение законов и образ их установления, а и в прочем сам собой вредности не видит, итак, консидерации против чужестранных дворов тем, мне видится, переменяются и нам руки вольнее оставляют.

Письма к его польскому величеству я ему сам сим вечером отослал, желая, чтобы первая импрессия их неприятности миновалась, дабы мне после легче было //

С. 283 его доводить до той тяжелой резигнации, которую мы от него желаем. Сам же еще с ним не виделся, но принужден донести вашему сиятельству, что силою в теперешних обстоятельствах все из него и из всей Польши сделаем, но запрящая им внутреннее их благосостояние, возвратя все материи под единогласие, оставим в сердцах такую чувствительность, что при всяком случае и нация, и король только и мыслить будут, чтоб как из наших рук вырваться; следственно, лишимся могущества независимую свою сильную партию иметь и способа оную в поверхности содержать через награждения, кои в руках королевских. Для всякого чина или староства не можно будет нам войско вводить, чтоб к тому короля принудить. А при том смею ли сказать, что по его месту ни на кого нам столько надеяться не можно, как на него; ибо никакой партикулярный человек столько в руках у нас быть не может и столько не отваживает, как он. Всякий из тех, наделав противности, но увидев, что последует от того для него худо, может из земли выехать или от дел в деревни свои отдалиться, чем все и кончится, если то не государственные какие важные перевороты были, а король таким образом удалиться не может и вечным себя неприятствам подвергает. Он сие весьма чувствует, и, истинно, поучение довольное было, которое все бывшие замыслы совершенно уничтожило; а теперь уж ему их приписывают понапрасну, но не надобно лишнюю строгостью в отчаянную нетерпеливость вести и дать желание от нас из рук, как бы то ни было, вырваться.

Изъясня сие, осмелюсь предложить, что наши интересы на время какого-либо замешательства с Портой требуют, чтоб мы заранее в Польше внутренний порядок установили, дабы при надобности можно нам было ей дать ту силу и репрезентацию, которую заблагорассудим, и чтоб оное в действии нам было тотчас полезно, а иначе она нам полезна быть не может, ибо вдруг из совершенной сумятицы в действительное употребление к делу ничего привести не можно, и, следственно, мы Польшу тогда возвысим не для своих интересов, ибо она не успеет нам быть полезною. Для того же самого случая, видится мне, и короля нам менажировать надобно, чтоб он тогда инфлюенцией своего места нам помогал, которая всегда несколько значит и без которой бы мы диссидентского дела, конечно не окончили так авантажно.

Приняв, таким образом, смелость вашему сиятельству представить мое мнение, повторяю при конце то же, что при начале сказал, то есть, что то все, конечно, исполню, что вы ни повелите, и, по возвращении на сие решительных повелений, в две недели времени все кончу. Посылаю с сим нарочно полковника Игельстрема, который и словесно может вам объяснить положение здешних обстоятельств, если я что довольно не описал, а прошу всепокорнейше его не держать у себя более, как два или три дня, и возвратить ко мне с решительными повелениями, сказав коротко, в силу ли мне поступать депешей, привезенных курьером Тиром, или в силу сего моего представленного мнения.

Я, таким образом, уповаю, что полковник Игельстрем воротится ко мне к 10 числу генваря по новому стилю. По возвращении же его легко будет трактат учредить в силу вашего желания, а в конце генваря его послать к вам на апробацию; и тако, хотя к первому февраля ответ от вас на то не //

С. 284 успеет, однако ж, к половине, конечно, быть может, а в другой половине и собственный конец сеймом учиниться, продолжен оной на весь месяц.

При сем всепокорнейше прилагаю те пиесы, которые и г-ну Бенуа сообщил, то есть проекты кардинальных законов и материй штатских, которых здешняя делегация требует, тож проект о синоде национальном и проект о штатском совете, которые только есть первоначальные мнения по сим материям. По сим двум последним проектам прошу мне повелеть:

1. Отбросить ли совет штатский совсем или удерживать, и с какими переменами, коль в частях его что не понравится?
2. Отбросить ли совсем прожект внутреннего синода или удерживать, или только частью одну исполнить, то есть отрешением папского нунциуса здесь юрисдикции, а как учрежденному легату ее приобрести примасу?

В кардинальных законах, коль все головой материи сеймовые подвергнем *liberum veto*, надлежит будет только переменить то, что предостерегаем *liberum veto* на все веки во всех материях, трактующихся на сеймах, а слово штатских материй уже исключить, да и их в особом артикуле уже не назначивать.

Прожект штатского совета, который от вашего сиятельства я получил, никогда здесь в мыслях не был. Он сочинен г. Алое, но найден был неспособным, а теперь, может быть, с их же стороны через г. Сакена выдается за замыслы здешнего двора. В чем все и посланники конфедерации, считаю, участие имеют согласно с Алое и Сакеном.

Мысль вашего сиятельства, чтоб в новых законах и постановлениях именно и ясно остеречь и охранить право нации польской соединяться, по усмотрении в том надобности, узлом генеральных конфедераций, мне кажется, коль позволите представить, опасною. Лучше оставить сие в молчании в том же положении, как до сих пор было: то есть всякая бессильная конфедерация почитается бунтом, а всякая сильная присволяет себе репрезентацию всей республики и испровергает постановления противных себе конфедераций. Если же бы мы правом конфедерации позволили, то бы все они были законные, ибо всякая имя генеральной берет; а вместо подлинной надобности в претекстах никогда недостатка не будет; и тако при всяком нашем каком-либо хлопотном упражнении без опасности, как законный поступок, здесь бы конфедерации делали, с тем чтобы воспользоваться занятием нашей аттенции и как ни есть от нас из рук вырваться. Теперь же таковой узел конфедерации как чрезвычайный поступок единой силой оправдается, итак, не смеют его делать, когда не подлинно в ней надежны, а сверх того сей поступок, позволя законом, вместо подлинной надобности, как выше сказал, недостатка не будет; итак, вся форма правления головой под многогласие подвергнется, а под видом позволенной законами надобностями конфедерации будут продолжать сколько заблагорассудят. Я и по сему, представя мое всепокорнейшее мнение, вашего сиятельства решения прошу.

Ожидая возвращения полковника Игельстрема, стану я дела тянуть или меж тем мелкости делать. //

С. 285 Радзивиллу, как от пьянства образумится, повеленное вашим сиятельством скажу. Ему, конечно, должно быть довольным, ибо правда, что ему знатное разорение причинило управление его домашних дел бывшими кураторами, однако, правда совершенная и то, что он много прямых долгов имеет, за которые должники записали через декреты прошедшей конфедерации его деревни. Настоящая конфедерация возвратила ему все те записанные деревни и восстановила его во владение

всего того недвижимого имения, которое он ни имел прежде прошедшей конфедерации, не глядя, что меж тем много и справедливых претензий есть, а оставляя ему в тех самому с должниками своими сделаться. Тож самое позволил я на сих днях сделать и в Короне, что уже учинено в Литве, возвратя ему все те имения, которые, хотя и судебным порядком от него в последнюю его отлучку из государства забраны были, не смотря, что, может быть, есть между тем и справедливые претензии. И тако, комиссии останется, против которой он ропшет, только рассмотреть счета его кураторов, тож справедливость претензий как его, так и на него, а он между тем уж всем владеет, что прежде ни имел. Конфедерации ж в сии счета войти неколи, ибо знатное время на то потребно, а захватить и чужие имения без расчета, как Радзивиллу хочется, была б ужасная несправедливость, и для удовольствия его одного огорчили бы мы и притеснили домов сто разного, между тем и знатного, дворянства. Не менее несправедливы претензии и аптекарский счет его на Шавельскую экономию. Она была в закладе, и республика всегда властна была ее выкупить, которое и сделала, отдав исправно 600 000 здешних злотых кураторам радзивилловским; правда, что не в срок она ее выкупила. И тако, по справедливости, ему принадлежит еще получить еще год дохода той экономии; а впрочем все, что ни требуется выше сего, несправедливо. Чтож касается до прочих претензий его на республику, то, видится мне, он ее всю в свое владение взять хочет; рассмотрю ж вперед пополю они основательны. Но он, быв нам нужен, чтоб именем его, богатством и репрезентацией пользоваться в делах против мелкого дворянства, сам собою дела, однакож, никакого не поведет и партии почтенной не составит; и тако, не заменит тех, коих бы для него притеснять и с несправедливостью надобно было.

Заключаю я сие той всепокорнейшей рефлексией, что, если ваше сиятельство повелите еще повторительно все материи головою на сеймах под *liberum veto* признать, то я оное сделаю, понеже теперь нам все возможно; но сколь ни желаю и усердности ни имею все положенное на меня исполнить, не смею, однакож, отвечать, а напротив, невозможность почти совершенную вижу, огорча таким образом здравую часть нации, чтоб я мог после того собственную надежную нам партию здесь приобрести.

Впрочем с должнейшим почтением и непоколебимою преданностию имею честь навсегда пребыть, милостивый государь мой, вашего сиятельства всепокорнейший слуга,

Князь Николай Репнин.

С. 286 Резолюция Екатерины II

Гр. Никита Иванович, вы можете приказать ответы заготовить в силе того, на чем мы согласились, ибо лишь бы осталось нам способ иметь пользу от либерум вотум, то для чего бы не дозволить пользоваться соседям некоторым нам индифферентным порядком, который еще и нам иногда может в пользу оборотиться.

Сб. РИО. СПб., 1893, Т. 67, С. 279–285.

Приложение № 7.

Депеша В. Ф. Сольмса — Фридриху II.
Москва, 3 (14) декабря 1767 г.
(Перевод с франц.)

<...> Я получил совершенно исправно непосредственную депешу, которую Вашему Величеству угодно было мне послать 29 числа, вместе с опосредованной депешей от 21 числа прошедшего месяца, и, согласно с содержанием этих депеш имел разговор с графом Паниным о необходимости допустить министра Вашего в-ства в Польше на конференции <...> относительно устройства политических дел той страны. Я имел в виду веские доводы, сообщенные мне Вашим в-ством, для того чтобы мои представления имели должное значение. И, наконец, дабы предупредить всякое сомнение, прибавил, что здесь дело идет не о чести или для формы, но о необходимости присутствия министра Вашего в-ства г-на Бенуа на совещаниях, чтобы как депутаты, так и сами польские диссиденты знали, что они должны соотнобразовываться со всеми представлениями и советами, которые он будет представлять от имени короля — своего государя. Я просил его дать по этому вопросу ясные и точные инструкции послу — князю [Репнину] и поручить ему формально пригласить г-на Бенуа присутствовать на совещаниях.

Граф Панин сначала старался оправдать кн. Репнина в том, что он будто не слушал в диссидентском деле советов министра Вашего в-ства, потом, не колеблясь, сказал, что Ваши требования, государь, так справедливы и согласны с союзным договором, существующим между Вами и русской Императрицей, что они все будут приняты и исполнены так, как Вашему в-ству угодно было их изложить. После того он сказал мне, что составил проект союза его двора с Польской республикой, к которому, он надеется, и Вашему в-ству благоугодно будет присоединиться. Он сказал, что поговорит со мной о нем подробно в другой раз, а что в настоящее время просит только заявить об этом предположении Вашему в-ству и просить вас сделать милость ему, высказать Ваше мнение и соображения по этому предмету (*Il me parla ensuite d'un plan qu'il avait formé pour conclure une alliance entre sa cour et la république de Pologne, à laquelle il se flattait que V. M. ne refuserait pas d'accéder. Il me dit, qu'il s'en entretiendrait avec moi plus amplement une autre fois et que pour le present il me priait seulement d'exposer son idée à V. M. et de la supplier de lui faire la grâce, de lui donner à connaître quel était son sentiment et ses vues sur ce sujet*). Я не считал, государь, себя в праве не упомянуть об этом в моем донесении, хотя сказал гр. Панину, что союз с Польшей не может принести большой пользы, так как польский король не в состоянии во всякое время без противоречий выполнять принимаемые на себя обязательства; а так как, кроме того, следствием этого союза может быть увеличение королевской власти, то я счел необходимым высказать ему, что Ваше в-ство не только не примет в этом участие, но что я почти не могу сомневаться в том, что Ваше в-ство открыто будете этому противиться. Граф Панин отвечал мне, что он на это смотрит иначе и что в настоящее время он не имеет никакой другой цели в этом союзе, как чтобы устранить им французский и венский дворы и показать им, что без их помощи мы сумеем себе приобрести еще одного союзника и таким образом усилить нашу северную систему. Он хорошо понимает, что мы не можем из-

влекь большой пользы из этого союза, что даже вовсе не в наших интересах, чтобы Польша заняла такое положение, в котором ее заявление за или против нас могло иметь влияние на дела, но что посредством этого союза можно будет всегда поддерживать связи с Польшею, которые могут понадобиться в случае войны с австрийским домом или с оттоманской Портой. Тогда союзная нам Польша может оказать услугу, создавая повсюду конфедерации с помощью наших друзей (...qu'il savait fort bien, que nous ne retirons pas une grande utilité de cette alliance, qu'il n'était pas même de notre intérêt que la Pologne fût dans une situation où sa déclaration pour ou contre nous, put décider des affaires, mais que par le moyen de cette alliance on y entreprendrait toujours des liaisons, propres à tirer quelque service de la Pologne dans le cas de une guerre avec la maison d'Autriche ou avec la Porte ottomane, en faisant naître par nos amis des confédérations). Этот разговор доставил мне удобный случай воспользоваться советом Вашего в-ства, высказанным как в последней депеше, так и во многих предшествовавших по поводу тайных замыслов польского короля, происков его родственников и Чарторыских, о необходимости зорко следить за ним и быть осторожным, чтобы не попасть в западни, в которые они завлекают Россию, для того чтобы с ее помощью устроить самодержавный образ правления в пользу короля Польши. Он мне отвечал на это, что он ничего бы так не желал, как только чтобы Ваше в-ство изволили припомнить, что в продолжение пяти лет его управления министерством он ни разу не принял на себя относительно Вашего в-ства ни одного вынужденного обязательства, которое было бы ему не под силу; в делах с Польшей он поступит также, и его мнение относительно дел ее совершенно сходится с мнением Вашего в-ства, и он просит Вас быть уверенным, что он не будет введен в заблуждение ни родственниками короля, ни саксонской партией, ни какой бы то ни было другой, и что Ваше в-ство можете смело положиться на него и надеяться, что в Польше все пойдет сообразно мыслям и желаниям Вашего в-ства. Он не в состоянии отдавать отчет в каждом сделанном шаге для достижения этой цели, потому что тогда ему пришлось бы каждый раз повторять и перебирать всю систему, но его план одобрен в основаниях своих как Государыней, так и Вашим в-ством, а потому он просит ныне, чтоб Вы положились совершенно на его прямоту, усердие и ревность и не требовали бы объяснений по поводу каждого в частности сделанного им шага; он же, со своей стороны, будет счастлив сообразовываться с советами и указаниями Вашего в-ства, и ставит себе в непрременный долг выслушивать их и следовать им.

Гр. Панин извещен о внушениях, сделанных Порте, о мнимых намерениях России в отношении Польши. Ему также известно, что по поводу писем, писанных папой венскому двору, последний отправил нарочного курьера в Константинополь с депешами, без сомнения порицающими арест двух епископов и двух светских вельмож в Польше. Он считает себя вне опасности от всяких дурных последствий, могущих произойти от ропота сопернических дворов. Ему не известна вполне цель миссии французского эmissара по имени Тотта * к крымскому хану. Мы все помним под этой фамилией одного человека, который два года проживал в Петербурге. Так как он не последовал за двором сюда в Москву, то писали в Петербург, чтобы узнать, не остался ли он там, что с ним случилось.

* Франсуа Тотт (Tott François) — с осени 1767 г. французский резидент при крымском хане.

Мне еще остается донести Вашему в-ству, что я совместно с другими министрами протестантских дворов сделал представление гр. Панину относительно того, что так как по установлению в Польше господствующей религией остается католическая, то, пожалуй полного равенства между поляками и диссидентами не будет, и наказание, налагаемое на тех, которые приняли бы вероисповедание последних, было бы противно справедливости и оскорбительно для дворов, взявших их под свое покровительство. На это гр. Панин заявил, что напишет к кн. Репнину для принятия мер к тому, чтобы эти два пункта были вычеркнуты из акта, составленного по случаю восстановления диссидентов.

Сб. РИО. СПб., 1883. Т. 37. С. 124–128.

Приложение № 8.

Памятная записка В. А. Кауница Марии Терезии.
Вена, 4 января 1768 г. (Извлечения)

Considérations sur l'Etat présent des affaires en Pologne le 4 Janvier 1768.

La Cour de Vienne n'a jamais perdu de vuë tout ce qui est arrivé relativement à la Pologne depuis la dernière Vacance du Throne de ce Royaume, et si Elle a jugé ne pas devoir s'en mêler jusqu'à cette heure, et aussi longtems que les événements ne pourteroient que sur des objets qui lui seroient purement domestiques, Elle n'en a pas moins été déterminée depuis le premier instant, à se livrer au parti, meme le plus fort, s'il arrivoit jamais que les choses y prissent une tournure que interessant essentiellement, ou le Systeme Politique de l'Europe en général, ou celui de ses Royaume et Etats en particulier en tant que voisins de ceux de la Republique.

C'est qui paroît être imminent.

On est à la vielle de l'ouverture d'une diète, qui ne doit avoir que le droit de confirmer tous les arrangements qui ont déjà été ou pourront encore être dictés par la force ou la séduction, on doit y mettre le sceau au moyen d'un Traité à signer et à garantir par la Russie, à l'exclusion de toutes autres Puissances, et la Russie par consequent est sur le point d'acquiescer par ce moyen, si non le droit, au moins le pretexte, de pouvoir disposer d'orenavant privativement de toutes les affaires de la Pologne et d'en faire en effet, ainsi qu'Elle a déjà fait de la Courlande, une Province de la Russie.

Il n'est personne qui puisse ne pas sentir toute l'etendue et toute l'importance des consequences d'un aussi vaste projet, et s'il importe comme il n'est pas douteux, à l'équilibre de l'Europe en général, qu'il n'ait pas lieu, les puissances voisines sur tout sauroient le voir avec indifférence.

La conduite de la Cour de Vienne seroit donc aussi sage aussi consequente et aussi digne d'Elle, qu'Elle l'a été jusqu'ici, de l'aveu de toute l'Europe raisonnable et impartable, si l'état des circonstances qui Lui a fait adopter le systeme qu'Elle a suivi jusqu'à present, étant sur le point de changer, Elle se determinoit à en changer et à en adopter un nouveau et

analogue, a la nouvelle face que l'on paroît de voir prendre aux affaires de la Pologne. Il n'est que la danger de rallumer le feu d'une guerre dans laquelle Elle pourroit être entraînée, ou au moins celui de commettre sa dignité par la démarche qu'Elle feroit, qui sembleroit pouvoir ou devoir l'en empêcher ; Et il paroît par conséquent que s'il étoit un parti à prendre propre à déconcerter les dangereux projets de la Russie, qui ne se trouvoit sujet ni à l'un ni à l'autre de ces deux inconveniens, la saine Politique devoit l'engager à ne pas hésiter de la prendre.

On seroit sûr de n'avoir ni l'un ni l'autre à appréhender, si l'on étoit assuré du Roi de Prusse.

On paroît être en droit de pouvoir se promettre des notions très récentes, que l'on a de la façon dont ce Prince envisage l'état présent des affaires en Pologne ainsi que les suites des vues qu'annonce de plus en plus la conduite de la Russie dans sa patrie et même dans les autres états du Nord, que non seulement il ne s'opposera pas à ce que l'on pourra entreprendre pour en arrêter les progrès, mais qu'il verra même avec plaisir que d'autres fassent ce que ses circonstances actuelles ne lui permettent pas de faire, et l'on croit par conséquent, dans cette supposition ne pas devoir dissimuler à Leurs Majestés Impériales une idée qu'elle a fait naître, et qui paroît mériter d'autant plus d'attention, qu'en faisant beaucoup d'honneur et le plus grand effet dans le moment, elle inspireroit en même temps de la confiance au Roi de Prusse et frayeroit le chemin à des ouvertures amicales sur la succession à venir dans la Maison de Brandebourg, dont on pourroit peut-être tirer un très grand parti sans blesser la France à laquelle tout ce qui peut s'opposer aux vues et aux intérêts de la Russie ne sauroit déplaire.

Voici ce que c'est :

Il faudroit faire exposer au Roi de Prusse, sans perdre un moment de temps, au par le canal de Mr. De Rhod, ou par celui du General Nugent. <...>

<...> Si comme incontestable, il est de la plus grande importance d'arrêter s'il se peut, les progrès des vastes projets de la Russie qui nous présentent tout le Nord dans le danger le plus imminent de son asservissement ou au moins de son entière dépendance des volontés de la Russie, et par une suite naturelle de l'extension de sa puissance et de son influence la perspective, moins éloignée peut-être qu'on ne pense, du sort que par la suite pourront éprouver à leur tour les puissances du Midi ; il semble qu'un moyen propre à faire cet effet, ou au moins à arrêter un torrent aussi impétueux, dans le mouvement qu'il prend, peut être regardé comme un de ces grandes coups d'Etat dont les avantages incalculables, et qui fait autant d'honneur que de profit politique à la puissance qui l'emploie, surtout lorsqu'il est d'espèce à ne mettre que ce qui se soit en droit de s'en plaindre, et lorsqu'il ne compromet rien celui qui en fait usage.

On le parti qu'on propose, paroît être dans le cas.

La circonstance de traités et garanties avec une puissance étrangère, dont il doit être question à l'ouverture de la prochaine diète, fournit la première occasion que l'on ait eu, jusqu'ici de pouvoir se mêler légitimement des affaires de la Pologne. En bornant le traité à un traité d'amitié, et la garantie à l'objet des libertés et de l'indépendance de la Pologne, on a l'avantage de pouvoir se dispenser de prendre aucune part à ce, qui aura été arrangé relativement aux Dissidents ainsi qu'à d'autres objets purement domestiques de la Pologne. La proposition que l'on fera, ne sera donc sujette à aucun inconvénient, et si elle est acceptée, non seulement elle enlèvera à la Russie l'avantage de pouvoir être d'orenavant elle

seule l'arbitre des affaires de la Pologne, mais elle nous donnera en même tems ainsi qu'au Roi de Prusse le droit de pouvoir en prendre connaissance, et nous en mêler tout et autant que la Russie. Attendu le changement susmentionné des circonstances, il est donc très consequent de saisir l'occasion, et supposé que le Roi de Prusse consente à la demarche que nous proposons de faire, les succès en paroît assuré ; attendu qu'il ne est pas vraisemblable, que la Republique rassemblée en diète n'accepte avec plaisir l'offre d'un traité et de une garantie qui lui presente un moyen irreprochable de se soustraire au despotisme perivatif de la Russie, et qu'au pis aller quand même contre tout attente elle auroit la faiblesse de ne pas oser y donner le mains, on auroit fait neanmoins, lorsque toute l'Europe s'y attendois le moins, une demonstration, qui, en temoignant publiquement l'attention que l'on fait aux interêts du Royaume de Pologne, feroit honneur, et engageroit pour le moins la Russie à en user à l'avenir avec plus de menagement. La façon dont pense comme il est notoire, la plus grande partie de Polonois, doit faire sera acceptée et même avec empressement. Et il y a tout lieu de croire, que l'Imperatrice de la Russie est si éloignée d'être sans inquietude sur la Porte, ainsi qu'au sujet de la Cour de Vienne, qu'il est très apparent, qu'une demarche, aussi vigoureuse, qu'inattendue lui en imposera, et fera moyennant cela l'effet que l'on doit desirer. D'ailleurs il y aura tant de consequences utiles à tirer sur l'avenir du refus ou du consentement du Roi de Prusse, que quand ce ne seroit que pour voir un peu clair au fond de son coeur, et se mettre pas là en état de pouvoir prendre des mesures en consequence, il semble qu'une politique éclairée et prevoyante devroit faire vis à vis de lui la demarche que l'on propose.

C'est neanmoins aux lumières superieures de leurs M. M. Imp. à decider ce qu'Elles jugeront être à cet égard de Leur service et de Leur interêt, et on ce conformera moyennant cela à tout ce qu'Elles jugeront a propos d'ordonner, avec la plus profonde soumission.

Перевод

Размышления о настоящем состоянии дел в Польше.

4 января 1768 г.

Двор в Вене никогда не упускал из виду событий в Польше, особенно, если в силу внутренних обстоятельств, трон этого королевства окажется вакантным. Мы не считаем себя непременно обязанными вмешиваться в эти события до тех пор, пока этот час не настал и дела эти имеют сугубо внутренний характер. Двор в Вене не намерен вообще, по крайней мере в первое время, нынешним летом, встать на сторону партии, хотя бы и наиболее сильной, до тех пор, пока события не примут такой оборот, что затронут интересы системы европейской политики в целом или же в особенности интересы наших собственных владений, поскольку они соседствуют с республикой.

Что казалось неизбежным.

На открывающемся вновь прежнем сейме, который только и обладает правом утвердить все сделанное нынешним летом, а также то, что будет к этому дополнительно навязано силой или обольщением, все это будет скреплено печатью договора, подписанного и гарантированного Россией без участия любых других держав. Посредством этого договора, что особенно важно, Россия приобретает, если не право, то, по крайней мере, повод без оглядки на других располагать всеми делами

Польши, действительно лишив ее свободы, также как она уже поступила с Курляндией, сделав ее российской провинцией.

Он (Кауниц. — *Б. Н.*) не принадлежит к тем, кто вполне не чувствовал бы всю долговременность и всю значимость последствий столь далеко идущего проекта, он рассматривает тот как в своей основе несовместимый с европейским равновесием, поэтому соседние державы не могут взирать на это совершенно равнодушно.

Поведение венского двора было бы, таким образом, также разумным, последовательным и достойным Вас, как это было и до сих пор по признанию всей резонабельной и беспристрастной Европы. Если изменится состояние дел и обстоятельств, обусловивших проводимую до настоящего времени Вашу политическую систему, то будет готова измениться и сама система. Вы придадите ей соответствующий новый облик, который будет зависеть от участия в делах Польши. Система эта будет состоять не в том, что в случае опасности возгорания военного пламени и ухудшения положения наш двор придет в движение, или, по крайней мере, примет достойные уважения собственные шаги, дабы показаться способным и обязанным воспрепятствовать. Последовательность этой системы состояла бы в том, чтобы создать собственную партию с целью привести в замешательство опасные планы России. Если же из этих двух затруднений не найдено того или иного удачного выхода, то здравая Политика обязывает избегать колебаний.

Дабы уверенно и со знанием дела избавиться от этих затруднений, следует застраховать себя в отношении Короля Пруссии.

Представляется, что имеется прямая возможность выяснить, как этот князь рассматривает недавние события в Польше и каковы его воззрения на обнаруживающееся все более и более поведение России в отношении этой страны, а также и других государств Севера. В нынешнем своем положении он не сможет предпринять что-либо для достижения прогресса, но он будет взирать, даже с удовольствием, на то, что в настоящих обстоятельствах сделали бы другие, в то время как эти обстоятельства не позволяют действовать ему самому. Он твердо полагает и не считает нужным скрывать от Вашего имп. в-ства родившуюся у него идею, которая столь же заслуживает внимания, сколь делает ему честь и обещает хороший результат. Она внушает доверие в отношении прусского короля и прокладывает дорогу к решению вопроса о престолонаследии в Бранденбургском доме. На этом пути ухудшение политического положения может быть исправлено без ущемления Франции, которая могла бы этому противиться, — и в интересах России, которая не воспримет этого с неудовольствием.

Именно это мы предлагаем, не теряя времени, продемонстрировать Королю Прускому через господина Рода или генерала Нугента. <...>

<...> Несомненно, что он [прусский король] придаст наибольшее значение тому, чтобы по возможности воспрепятствовать достижению далеко идущих видов России, которые, как нам представляется, чреваты опасностью неизбежного порабощения всего Севера или, по крайней мере, ее непреклонного стремления к естественному увеличению в будущем своего могущества и своего влияния. Он и не ожидает, что на протяжении месяцев державы Юга в свою очередь смогут попытаться воспрепятствовать этому. Ему представляется, что надежное средство к достижению такого результата, или, по крайней мере, для того, чтобы приостановить это стремительное движе-

ние, может быть найдено в случае большого государственного переворота, чего он не исключает, принимая это в расчет. Такие перевороты предоставляют неисчислимые благоприятные возможности для достижения славы и политической выгоды державам, которые смогли бы этим воспользоваться. Главное в этом случае не предпринимать действий такого рода, которые могли бы быть кем-либо обжалованы на основе права, и хоть в чем-либо скомпрометировать прибегнувшего к ним.

Партия, которую предлагают и которая, кажется, могла бы быть в этом случае.

Обстоятельства договоров с великой иностранной державой и гарантий [с ее стороны], что должно стать предметом открывающегося вскоре сейма, предоставляют первый за последнее время случай вмешаться законным образом в дела Польши. Ограничив содержание договора о дружбе и гарантии лишь вопросами о правах и независимости Польши, следует избежать того, чтобы принимать участие в наведении порядка относительно диссидентов, а также и других чисто внутренних делах Польши.

Предложение, которое он [пруссский король] делает, не сопряжено ни с какими неудобствами, и если оно будет принято, то это не только устранил приобретенное Россией преимущество быть единственным арбитром в делах Польши, но и даст нам со временем, также как и прусскому королю, право и возможность быть в них заинтересованными и вмешиваться также, как и Россия. Логично было бы воспользоваться ожидаемым вышеупомянутым изменением обстоятельств, предположив, что прусский король согласится на предлагаемый демарш — успех был бы обеспечен.

Представляется невероятным, что объединенная на сейме республика не примет с удовольствием предложение [России] о договоре и гарантии, которое та делает, чтобы таким безукоризненным средством избавиться от губительного деспотизма России, или, что еще хуже, если она, против всякого ожидания, проявит слабость и не осмелится подать руки, что все-таки делает вся Европа, хотя ее ожидают меньшие угрозы. Общественное мнение настроено в пользу интересов Польского Королевства, что делает ему честь и обязывает Россию, по крайней мере, в будущем хозяйничать более [осмотрительно]. Каковой способ, по моему мнению, общеизвестен — это собрать возможно большую партию поляков, что следует сделать даже предупредительно. Во всяком случае, он [Кауниц] имеет все основания полагать, что императрица России, отнюдь не избавлена от беспокойства по поводу Порты, как и по поводу венского двора, который, вполне очевидно, может предпринять как сильные, так и неожиданные шаги, чтобы добиться желаемого результата. Впрочем он [результат] будет иметь положительные последствия на будущее, на случай отказа или согласия прусского короля, что в дальнейшем станет несколько яснее, что [таится] в глубине его сердца, и [мы] были бы в состоянии принять соответствующие меры. Кажется, что политическая ситуация прояснится и можно будет с прозорливостью поступать в отношении предлагаемых им [пруссским королем] демаршей.

Все же в свете высочайшего суждения Их имп. величеств, Им предстоит решить, насколько это служит и отвечает их интересам. Он же [Кауниц] согласует это наилучшим образом в соответствии с тем, что Они соизволят повелеть по этому поводу.

Приложение № 9.

Н. В. Репнин — Н. И. Панину.
Постскрипtum (собственноручный)
к депеше от 4 (15) марта 1768 г. (фрагмент)

Л. 139 <...> При окончании всего бывшего дела и развязании конфедерации за долг почитаю объяснить вашему сиятельству политическое положение здешней земли в настоящих обстоятельствах. Чужестранных инфлюенций теперь нет. Цесарцы, французы никаких партий не имеют, король прусский тоже, оскорбя всю нацию таможней мариенвердерской, которая еще в памяти, а смежные с его владениями здешние провинции оскорбляя беспрестанно разными пограничными притеснениями и наглостию грубою //

Л. 139 об. своих военных командиров, которые оную всегда употребляют касательно до их беглых и вербунгов. Турки тоже никогда и не старались непрерывную инфлюенцию в здешних делах иметь, да и конекции с ними, кроме воеводы киевского и епископа каменецкого никто не имеет. Следственно, один только фанатизм в первые времена, поколь не привыкнут диссидентов в ровень с католиками видеть, может примечания достойного возмущения привести, но резонабельных и разумных людей таковое движение, хотя бы оно и произошло, за собой не потянет, понеже в настоящем //

Л. 140 времени никакая чужестранная держава не видно, чтоб в подкрепление подобного вмешаться похотела. Нунций же папский, кроме увещеваний, никаких других подпор не имеет. А со временем, если какая держава и собралась взять сию материю в претекст своим здесь интригам, то уже она, не считаю, чтоб действительно была, когда привыкнут видеть, что никакого зла из сей вольности диссидентской не происходит. Из всего выше писанного ваше сиятельство можете видеть, //

Л. 140 об. что чужестранных, кроме нас, инфлюенций здесь никакой двор не имеет. Наша же, хотя создана силою, однако, основание через Гварантию всех законов так твердое ей положено, что натурально во всех делах к нам прибежище будут иметь не только государственные, но и партикулярные, ибо все почти фамилии интересованы в сохранении некоторых законов, в пользу их в разные времена сочиненных. Сверх того старался я во всю прошедшую конфедерацию так дела вести, чтоб награждать по возможности наших партизанов, сколько //

Л. 141 возможно ж менее оскорблять и противных, дабы не оставить в сердцах вкорененных мыслей злости и отмщения, а напротив, защищал и противных, когда несправедливые на них нападки делались, желая то ясно всем дать видеть, что Ея Императорское Величество покровительница справедливости и всей нации, а не одной партии. Я льщусь, что сие непристрастие довольно и совершенно чувствовать дал всей публике сколь через мое поведение, столь через спокойность и тишость, в которых я конфедерацию удержал. И тако считаю, что со временем и терпением дойдем, //

Л. 141 об. держась всегда выше писанной дороги, до желаемой нами иметь здесь независимой своей знатной партии, в которой мы можем уже твердо полагать, как и прежде доносил, Примаса, Радзивилла, Бростовского (теперешнего воеводу лифляндского) и министерства подскарбия Весселя и обоих надворных маршалов, маркиза Велиопольского и Гуровского. За воеводу киевского не отвечаю, тож и за Мнишека не так твердо, как за первых. Впрочем, с сими преданными нам магнатами считать надо и их //

Л. 142 приятелей. Сверх сего между молодых людей я имею два знатных человека в великопольских воеводствах, на которых совершенно полагаться могу, а именно Граф Понинский, кухмистр коронный и Г. Рачинский, писарь коронный. Об людях же второго класса, хотя из оных тож нескольких имею, здесь, не хотя Вас напрасно утруждать, не доношу. Не говорю тож об старосте сандомирском (*Юзеф Салезы Оссолинский*), хотя он и великие уверения в своей преданности мне делает, не хотя отвечать иначе, как за совершенно верных, я за ним еще вперед смотреть стану. //

Л. 142 об. Объясня сие, осталось мне донести о положении короля с его приятелями и о Чарторыских с их партией. Король, сколь по сех пор вижу, совершенно уверен, что все его благополучие состоит непоколебимо быть преданным России, и не только благополучие, но и целость свою в том почитает, следственно, сколь человечески можно предвидеть, кажется, что мы на него считать можем. Он с Чарторыскими внутренно в крайней злобе и, конечно, до дел их своевольно не допустит. С прочими, //

Л. 143 им и двору противными, тоже не лучше. И тако, ни от тех, не от других помочи в делах иметь не может, и даже ни помыслу, ни надежды с ними соединиться не имеет. Следственно, без нас остался б он почти один, и не только сам, но и его лучшие приятели, то есть брат его оберкамергер, а особливо граф Браницкой, наикратчайший его друг, оба мне слово свое честное дали, что, если бы, паче всякого чаяния, король каким-нибудь совсем неожиданным образом в мыслях //

Л. 143 об. своих переменялся, нам преданными останутся и, скорей, от него отстанут, нежели от нас, видя, что нет иного спасения ни для него, ни для них, как вместе с нами быть. На епископов куявского, Острожского (*Антони Островский*) и przemyselsкого Керского (*Юзеф Керский**) имею я причину також надеяться, сколь их звание то дозволить может. А как дела об религии уже кончились, то в прочих, льщусь, что на них уповать могу. Наконец, еще тож имею сказать и об великом канцлере коронном //

Л. 144 Млодзиевском, теперь епископе познанском, прибавя к тому, что он всегда под рукою мне во всем помогал.

Об Чартопыских же то донести имею, что старики, конечно в дела не допустятся и с ними великий маршал коронный князь Любомирский. Партизаны же их во время конфедерации смирно сидели, ожидая, что после будет, а как увидели, что кредит их дворский кончился и что уже не будут получать через них награждений, тож что они //

* Сменил в 1767 г. на кафедре Анджея Млодзиевского, ставшего епископом познаньским.

Л. 144 об. уже совершенно оставлены от России, то уповаю, что большей частью от них отстанут.

Исключаю я из счета Чарторыских партии князя Адама, которой во все времена внутренне нам предан был и всегда, сколь мог по связности крови, противился замыслам и поступкам своего отца и дяди, а теперь еще и более нам признателен, почитая, что в уважение его одного они, таким образом, в покое оставлены, которое я ему под видом откровенности выразумевать давал. Из всего сего выше писанного иного //

Л. 145 я не заключаю, что спокойно и с терпеливостью, держась предпринятого уже пути, не можем мы миновать иметь знатную свою со временем партию, которая почти само собой по натуральному течению дел учинится <...> **

АВПРИ Ф. 79. Оп. 6. Д. 925. Л. 139–146.

** Далее Н.В. Репнин сообщает о «награждениях» для магнатов.

Используемые сокращения

АВ	Архив князя Воронцова. М., 1870—1882. В 25-ти тт.
АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи (Москва)
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
Сб. РИО	Сборники Императорского русского исторического общества
AGAD	Archiwum Główne Akt Dawnych (Warszawa)
ASV	Archivio segreto Vaticano (Roma)
В. Cz. Dz. г.	Biblioteka Czartoryskich. Dział rękopisów (Kraków)
[<i>Friedrich II</i>] PC	[Friedrich II] Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen
GStA	Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz (Berlin)
PSB	Polski słownik biograficzny
RAK	Reichsarchiv Kopenhagen
VL	Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Petersburg, 1859—1860

Важнейшие архивные фонды и публикации исторических источников, использованные в работе

Архивные фонды

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ)

- Ф. 2: Внутренние коллежские дела
- Ф. 5: Секретные мнения Коллегии иностранных дел
- Ф. 8: Высочайше апробованные доклады по сношениям с иностранными государствами 1725–1802
- Ф. 21: Пограничные с Польшей комиссии
- Ф. 32: Сношения с Австрией
- Ф. 63: Сношения с Курляндией
- Ф. 74: Сношения России с Пруссией
- Ф. 79: Сношения России с Польшей
- Ф. 80: Варшавская миссия

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

- Ф. 10: Кабинет Екатерины II
- Ф. 12: Дела о Польше и Литве
- Ф. 16: Внутреннее управление
- Ф. 20: Дела военные
- Ф. 178: Конференция при высочайшем дворе
- Ф. 203: Кабинет Петра III

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

- Ф. 2: Журнальная часть канцелярии Военной коллегии
- Ф. 4: Армейская экспедиция
- Ф. 27: Конференция при высочайшем дворе
- Ф. 39: Походная канцелярия командующего войсками в Семилетнюю войну

Главный архив древних актов (Archiwum Głównie Akt Dawnych). Варшава

- (Фонд) Архив ординации роскей
- (Фонд) Архив Радзивиллов
- (Фонд) Архив публичный Потоцких

Библиотека Чарторыхских. Отдел рукописей (Biblioteka Czartoryskich. Dział Rękopisów). Краков

- (Фонд) Ежи Мнишека

Тайный государственный архив Пруссии (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz). Берлин

- Отдел I: Отделение — Польша
- Отдел XX: Этатсминистерииум Кенигсберг

Секретный архив Ватикана (Archivio segreto Vaticano). Рим *

Отдел нунциатуры, Отделение — Польша

Государственный архив в Копенгагене (Reichsarchiv Kopenhagen) **

Отдел — Дипломатические донесения, Отделение — Польша

Публикации исторических источников

Публикации в Сборниках Императорского русского исторического общества (Сб. РИО)

Дипломатическая переписка Екатерины II

Т. 48: 1762—1763 гг.;

Т. 51: 1763—1764 гг.;

Т. 57: 1764—1766 гг.;

Т. 67: 1767—1768 гг.;

Т. 87: 1768—1769 гг.

Бумаги Екатерины II

Т. 7: 1744—1764 гг.;

Т. 10: 1765—1771 гг.

Протоколы Конференции при высочайшем дворе. 14 марта 1756 г. — 28 февраля 1758 г.

Т. 136.

Исторические сведения о Екатерининской комиссии. Наказы депутатам.

Т. 4, 8, 14, 43, 68, 93.

Переписка Екатерины II с Фридрихом II

Т. 20

Дипломатическая переписка прусских посланников (в России)

Т. 22: 1763—1766 гг.

Т. 37: 1767—1772 гг.

Дипломатическая переписка французских представителей при дворе Екатерины II

Т. 140: 1762—1765 гг.;

Т. 141: 1766—1769 гг..

Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе.

Т. 46: Донесения Ф. Мерси д'Арженто Марии Терезии 1762—1763 гг.;

Т. 109: 1763—1771 гг.

Архив князя Воронцова. М., 1870—1882. В 25-ти тт.

* Материалы Секретного архива Ватикана были предоставлены автору в микрофильмах Папским институтом церковных исследований в Варшаве.

** Материалы архива были предоставлены автору в микрофильмах в Главном архиве древних актов в Варшаве.

Журнал Генерал-Майора и Кавалера Петра Никитича Кречетникова, Главного командира Корпусам Ея Императорского Величества... о движении и военных действиях в Польше в 1767 и 1768 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863, июль—сентябрь. Разд. 2: Материалы отечественные. М., 1863. Кн. 3. С. 1—205.

Письма Генерал-Майору и Кавалеру П. Н. Кречетникову во время пребывания его с Корпусом Русских войск в Польше 1767 и 1768 г. и Губернаторства его в Астрахани // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1863, июль—сентябрь. Разд. 2: Материалы отечественные. М., 1863. Кн. 3. С. 15—19.

Марпенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 1: Трактаты с Австрией 1648—1762 гг. СПб., 1874; Т. 5: Трактаты с Германией. СПб., 1880; Т. 6: Трактаты с Германией 1762—1808. СПб., 1883.

Konstytucje Seymu walnego ordynaryinego w Warszawie Roku Pańskiego 1766 Dnia 6. Pazdiernika złożonego w Warszawie w Drukarni J. K. Mci u XX Scholarium Piarum. Dyaryusz seymu walnego ordynaryinego w Warszawie Roku 1766 w Warszawie w Drukarni J. K. Mci y Rzeczypospolitey Societatis JESU.

Dyaryusz Sejmu extraordinaryinego w Warszawie dnia 5 października 1767 roku złożonego i zaczętego a z limitacyi i prorogacyi dnia 5 marca 1768 roku przy rozwiązaniu konfederacyi generalnych kor. i W. Księstwa Litewskiego zakończonogo / Wyd. z rękopisów Biblioteki Towar. Nauk. Krakowskiemu Antoni Sozański. Lwów, 1865.

Diarjusze sejmowe z Wieku XVIII / Wydał Wł. Konopczyński. Warszawa, 1937. T. 3.

Volumina legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. Pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782 wydanego. Petersburg, 1859—1860. Vol. 7.

[*Friedrich II*] Politische Correspondenz Friedrich's des Grossen.

Berlin, 1895. Bd. 22 / Red. K. Treusch von Buttler und O. Herrmann (Juli 1762 — März 1763);

Berlin, 1896. B d. 23 / Red. K. Treusch von Buttler und G. B. Voltz (April 1763 — September 1764);

Berlin, 1897; Bd. 24 / Red. K. Treusch von Buttler und G. B. Voltz (Oktober 1764 — Dezember 1765);

Berlin, 1899. Bd. 25 / Red. G. B. Voltz (Januar — Dezember 1766);

Berlin, 1900; Bd. 26 / Red. G. B. Voltz (Januar — Dezember 1767);

Berlin, 1902. Bd. 27 / Red. G. B. Voltz (Januar — Dezember 1768).

Friedrich der Große und Polen. Auszüge aus der Correspondenz mit den Gesandten in Warschau und Petersburg 1762—1766 // Forschungen der deutschen Geschichte. Göttingen, 1869. Bd. 9.

[*Stanisław August Poniatowski*] Mémoires du roi Stanislas Auguste Poniatowski. St. Petersburg; Leningrad, 1914—1924. Vol. 1—2.

Recueil des instructions donnés aux Ambassadeurs et Ministres de France. Paris, 1888—1890. Vol. 9: Russie; Vol. 5: Pologne.

Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756–1774). Paris, 1956, Vol. 1.

Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. / Par M.E. Boutaric. Paris, 1866. Vol. 1, 2.

Vetera Monumenta: Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam ill/Maximam partem nondum edita ex tabulariis vatikanis deprompta collecta ac serie cronologica disposita / Ab Augustino Theiner. Tomus Quartus ab Jnnocentio pp. XII usque ad Pium pp. VI. 1697–1775. Reproductio phototypica editionis 1860–1864. Osnabrück: Otto Zeller, 1969.

Литература

- Алефиренко П. К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. М., 1958. С. 94–114;
- Арбузов Л.* Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
- Багалец Д. И.* Колонизация Новороссийского края. Киев, 1889.
- Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.
- Белявский М. Т.* Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева. М., 1965. С. 40–42.
- Бибииков А. И.* Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибиикова. М., 1865.
- Бильбасов В. А.* Присоединение Курляндии // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901. Т. 2.
- Бильбасов В. А.* История Екатерины II. СПб., 1890–1898. Т. 1, 2.
- Бильбасов В. А.* Первые политические письма Екатерины II // *Бильбасов В. А.* Исторические монографии. СПб., 1901, Т. 2.
- Буэс А.* Курляндское герцогство и борьба за господство в Прибалтике в XVI–XVIII вв. // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 39–61.
- Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы. Юрьев, 1916.
- Гендель Г. М.* Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского ун-та. 1947. Вып. 43.
- Григорович И.* [Биография Георгия Конисского] // *Георгий Конисский.* Собр. соч. СПб., 1861.
- Дружинина Е. И.* Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955.
- Евгений (Болховитинов) мтрп.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827. Т. 2.
- [*Екатерина II*]. Переписка Великой кн. Екатерины Алексеевны и английского посла сэра Чарльза Г. Уильямса 1756–1757 гг. М., 1909.
- [*Екатерина II*]. Сочинения Екатерины II / Под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12, Ч. 2. Письма императрицы Екатерины II к графу Станиславу Августу Понятовскому 1762–1763 гг. С. 545–565.
- Зелинская З.* Проблематика русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа // Польша и Европа в XVIII в. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М., 1999.
- История Белорусской ССР. Минск, 1977.
- История внешней политики России XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. Г. А. Санин. М., 2000.
- История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1.
- История Польши. М., 1956. Т. 1.

- История СССР: С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983.
- История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 3.
- История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1967. Т. 3.
- Кабузан В. М. Изменения в размещении населения в России в XVIII — перв. пол. XIX в. М., 1971.
- Кабузан В. М. Народы России в XVIII веке. Численность и этнический состав. М., 1990;
- Кареев Н. И. Польские реформы XVIII в. СПб., 1890.
- Кареев Н. И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888.
- Ключевский В. О. Сочинения. М., 1858. Т. 5.
- Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII в. М., 1983.
- Коробков Н. М. Семилетняя война (1756—1762). М., 1940.
- Коялович М. О. История воссоединения западно-русских униатов старых времен. М., 1873.
- Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней / Отв. ред. В. А. Дьяков. М., 1993.
- Курляндские, ливонские, эстляндские и финляндские дела в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. М., 1896.
- Лебедев А. Русская армия в начале царствования императрицы Екатерины II. Материалы для русской военной истории. М., 1899.
- Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886—1891. Вып. 1—3.
- Масловский Д. Ф. Русская армия Екатерины Великой // Военный сборник. 1892. № 5, 6.
- Миронова Е. М. Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762—1772). Канд. дисс. М., 1990.
- Мышлаевский А. З. Крепости и гарнизоны Южной России в 1718 году. СПб., 1897;
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.
- Полиевктов М. Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721—1725). СПб., 1907.
- Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1881. Т. 1—2.
- Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения: В 16 кн. М., 1993—1994. Кн. 12—14. Т. 24—27.
- Соловьев С. М. История падения Польши // Соловьев С. М. Сочинения: В 16 кн. М., 1995. Кн. 16.
- Стегний П. В. Первый раздел Польши и российская дипломатия // Новая и Новейшая история. 2001. № 1, 2.
- Стегний П. В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. М., 2002.
- Стоилова Т. Ябълката на раздора в руско-турските отношения през 60-те години на XVIII век. София, 1995.
- Строев В. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики имп. Анны. М., 1909—1910. Т. 1—2.

- Трактат, заключенный в Москве полномочными Польскими послами с Российскими боярами 6 мая / 26 апреля 1686 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. 2. № 1186.
- Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.
- Фирсов Н. Н. Условия, при которых началась Семилетняя война. М., 1916.
- Форстен Г. Балтийский вопрос в XVI–XVII ст. (1544–1648). СПб., 1893–1894. Т. 1, 2.
- Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995.
- Чечулин Н. Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774 гг. СПб., 1896.
- Чечулин Н. Д. Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924.
- Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906;
- Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1884–1885. Т. 1, 2.
- Шульгин М. М. Землеустройство и переселения в России в XVIII и перв. пол. XIX вв. М., 1928.
- Щебальский П. К. Политическая система Петра III. М., 1870.
- Щебальский П. К. Екатерина II как писательница // Заря. 1869. № 3. С. 143–145.
- Щебальский П. К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864.
- Щепкин Е. Н. Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746–1758. СПб., 1902, С. 509–510.
- Юсупов Р. Р. Речь Посполитая и русско-турецкие войны второй половины XVIII в. М., 1980 (диссертация на соиск. уч. ст. канд. ист. наук).
- Яковлев Н. Н. Европа накануне Семилетней войны. М., 1997;
- Яковлев Н. Н. Россия и Великобритания накануне Семилетней войны: от союза к конфронтации // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М., 1995.
- Amburger E. Russland und Schweden 1762–1772. Katharina II., die schwedische Verfassung und die Ruhe des Nordens. Berlin, 1934.
- Archiv für die Geschichte Liv-Esth- und Curlands. Dorpat, 1842–1861. Bd. 1–8.
- Arneth A. R. Geschichte Maria Theresia. Wien, 1877–1879. Bd. 8–10. [Maria Theresia's letzte Regierungszeit 1763–1780. Wien, 1877. Bd. 1–2.].
- Askenazy Sz. Misja petersburgska Franciszka Rzewuskiego // Spraw. A. U. Kraków, 1907. XII. № 10.
- Askenazy Sz. Die letzte polnische Königswahl. Göttingen, 1894.
- Beehr A. Die erste Teilung Polens. Wien, 1873. Bd. 1–2 und Bd. 3 Documente.
- Blum K. L. Ein russischer Staatsmann: des Grafen Jakob Johann Sivers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands. Leipzig; Heidelberg, 1858. Bd. 1–3.
- Bogucka M., Samsonowicz H. Dzieje miast i miszczanstwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław, 1986.
- Bonneville de Marsangy L. Le chevalier de Vergennes, son ambassadeur à Constantinople. Paris, 1894. Vol. 2.

- Borucki M.* Po radziwiłłowsku. O życiu i działalności politycznej księcia Karola Radziwiłła «Panie Kochanku». Warszawa: Ludowa Spółdz. Wyd., 1980.
- Bosher J. F.* French Finances 1770–1795. From business to bureaucracy. Cambridge, 1970.
- Boutaric E.* Correspondance secrète inédite de Louis XV sur la politique étrangère avec le comte de Broglie, Tercier etc. Paris, 1866. Vol. 1.
- Braubach M.* Versailles und Wien von Ludwig XIV. bis Kaunitz. Bonn, 1952.
- Broglie A.* Le Secret du roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques 1752–1774. Paris, 1878. Vol. 2.
- [*Broglie Ch. Fr.*] Correspondance secrète du comte de Broglie avec Louis XV (1756–1774). Paris, 1956, Vol. 1.
- Bues A.* Das Herzogtum Kurland und der Norden der polnisch-litauischen Adelsrepublik im 16. und 17. Jahrhundert. Möglichkeiten von Integration und Autonomie. Giessen, 2001.
- Burkert M.* Frankreich und die erste Teilung Polens (1772). Die Krise der französischen Außenpolitik in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Berlin: Freie Universität, 1978.
- Büsch O.* Militärsystem und Sozialleben im Alten Preußen 1713–1807. Berlin, 1962.
- Butterwick R.* Poland's Last King and English Culture: Stanislaw August Poniatowski 1732–1798. Oxford, 1998.
- Cegelski T.* Das Alte Reich und die erste Teilung Polens 1768–1774. Warszawa; Stuttgart, 1988.
- Cegielski T., Kądziała Ł.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. Warszawa, 1990.
- Chronologia Sejmów polskich 1493–1793 / Zest. i wstęp. W. Konopczyński.* Kraków: Polska academia umiejętności, 1948.
- Correspondance inédite du roi Stanislas Auguste Poniatowski et de Madame Geoffrin (1764–1777).* Paris, 1875.
- Corvisier A.* Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. Paris, 1976;
- Corvisier A.* L'Armée française de la fin du XVIIe siècle au ministère de Choiseul. Le Soldat. Paris, 1964. 2 vol.
- Curländische Statuten, oder Rechte und Gesetze zum benuff des Adels im Curland und Semgallen.* Mitavia, 1617.
- Czepe M.* Kamaryla pana z Dukli. Kształtowanie się obozu politycznego Jerzego Augusta Mniszcha 1750–1763. Warszawa: Neriton, 1998.
- Dernałowicz M.* Portret Familii. Warszawa: Państw. Inst. Wyd., 1982.
- Dickson P. G. M.* Finance and Government under Maria Theresia 1740–1780. Oxford, 1987. 2 vol.
- Die Quellen des Curländischen Landrechts.* Dorpat, 1848.
- Droysen J. G.* Geschichte der preußischen Politik. Leipzig, 1855–1886. Teil 5. Bd. 34.
- Drozdowski M. i.* Podstawy finansowe działalności państwowej w Polsce. 1764–1793. Warszawa; Poznań, 1975.
- Drozdowski M.* W sprawie reformy monetarnej w początkach panowania Stanisława Augusta // Roczniki dziejów społecznych i gospodarczych. Warszawa; Poznań, 1974. T. 35. S. 77–92.
- Duffy Chr.* The Army of Frederick the Great. Newton Abbot, 1974.

- Dussieux L. L'Armée en France. Versailles, 1884, 2 vol.
- Dygdala J. Życie polityczne Prus Królewskich u szczyłu ich związku z Rzeczpospolitą w XVIII wieku. Warszawa; Poznań; Toruń, 1984.
- Dygdala J. Polityka Torunia wobec władz Rzeczypospolitej w latach 1764–1772. Warszawa; Poznań; Toruń, 1977;
- Dygdala J. Dylematy austriackiej polityki wobec Rzeczypospolitej podczas bezkrólewia 1733 roku // Akta universitatis Nicolai Copernici 1993, Zeszyt 259. S. 103–124.
- Ferrand A. F. Les trois démembrements de la Pologne pour faire suite aux Révolutions de Pologne de Rulhière. Paris, 1865. Vol. 1–3.
- Gierowski J. A. Traktat przyjaźni Polski z Francją w 1714 r. Studium z Dziejów dyplomacji. Warszawa: Państw. wyd. nauk., 1965.
- Gierowski Józef Andrej. W cieniu Ligi Północnej. Wrocław: Zakł. Ossolińskich, 1971.
- Grabski A. F. Orientacje polskiej myśli historycznej. Warszawa, 1972.
- Griffiths D. M. The rise and fall of the Northern System // Canadian Slavic Studies. 1970. № 4. P. 547–569.
- Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1832. Bd. 9.
- Hartmann St. Die Beziehungen Preussens zu Dänemark von 1688 bis 1789. Köln; Wien, 1983.
- Herrmann E. Geschichte des russischen Staats. Bd. 5: Von der Thronbesteigung der Kaiserin Elisabeth bis zur Feier des Friedens von Kainardsche. Hamburg, 1853.
- Heyking K. H. Aus Polens und Kurlands letzten Tagen. Berlin, 1897.
- Historja polityczna Polski. Warszawa etc., 1923. Cz. II.
- Hoensch Jörg K. Der Streit um den polnischen Generalzoll 1764–1766. Zur Rolle Preußens und Rußlands beim Scheitern der Finanzreform Stanisław August Poniatowski // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1970. NF 18. S. 355–388.
- Hoensch Jörg K. Sozialverfassung und politische Reform. Polen im vorrevolutionären Zeitalter. Köln; Wien: Böhlau Verl., 1973.
- Hupel A. W. Statistisch-Topographische Nachrichten von den Herzogthümern Kurland und Semgallen. Riga, 1785.
- Jacobson L. Rußland und Frankreich in den ersten Regierungsjahren der Kaiserin Katharina II. 1762–1772. Berlin, 1929.
- Janssen J. Zur Genesis der ersten Teilung Polens. Freiburg, 1865.
- Jany Curt. Geschichte der Königlich-Preussischen Armee. Berlin, 1928–1933. 4 Bde.
- Jones R. E. Opposition to war and expansion in late eighteenth century Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropa. 1984. № 32. S. 37–42.
- Kądziała Ł. Efemeryczna Rada Nieustająca z wiosny 1793 roku. Warszawa, 1993. S. 176–186.
- Kądziała Ł. Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej. Fryderyk Moszyński w latach 1792–1793. Warszawa: Volumen, 1993.
- Kallmeyer Th. Die Begründung evangelisch-lutherischer Kirche in Kurland durch Herzog Gothard. Riga, 1851.
- Kalnins V. Kuršemes herzogistes valsts iekāra un tiesības (1561–1795). Riga, 1963.

- Katharina II., Rußland und Europa. Beiträge zur internationalen Forschung / Hg. von Claus Scharf. Mainz, 2001.
- Kisilewski W. T. Reforma ks. Czartoryskich na sejme konwokacyjnym. Sambor, 1880.
- Konarski St. O skutecznym rad sposobie, albo o utrzymywaniu ordynaryjnych seymów. Warszawa, 1760–1763. T. 1–4.
- Konopczyński W. Polska w dobie wojny siedmioletniej. Warszawa, 1905–1911. T. 1–2.
- Konopczyński W. Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej. Kraków, 1917.
- Konopczyński W. Liberum veto. Studium porównawczo-historyczne. Kraków, 1918.
- Konopczyński W. Polska a Szwecja od pokoju oliwskiego do upadku Rzeczypospolitej 1660–1795. Warszawa, 1924.
- Konopczyński W. Polska a Turcja. 1683–1792. Warszawa, 1936.
- Konopczyński W. Fryderyk Wielki a Polska. Poznań, 1947.
- Konopczyński W. Chronologia sejmów polskich 1493–1793. Kraków, 1948.
- Konopczyński W. Polscy pisarze polityczni XVIII wieku (do Sejmu Czteroletniego). Warszawa, 1966.
- Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. Warszawa, 1986. T. 1–2.
- Konopczyński W. Konfederacja barska. Warszawa, 1991. T. 1–2.
- Korzon T. Odrodzenie w upadku. Wybór pism historycznych. Łódź: Państw. Inst. Wyd., 1975.
- Korzon T. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków; Warszawa, 1897. T. 1–4.
- Kraushar A. Książę Repnin a Polska. Kraków, 1898–1900. Bd. 1–2.
- Kriegseisen W. Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). Warszawa, 1996.
- Kriegseisen W. Sejmiki Rzeczypospolitej szlacheckiej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1991.
- Lerer D. La politique française en Pologne sous Louis XV 1733–1772. Toulouse, 1929.
- Listy Stanisława Augusta do pani Marie Thérèse Geoffrin od roku 1764–1777 / Wyd. L. Siemieński. Kraków, 1876.
- Loebl A. H. Österreich und Preußen 1766–1768 // Archiv für österreichische Geschichte. Bd. 92: 1903. S. 416–423.
- Łubieńska M. C. Sprawa dysydencka 1764–1766. Kraków; Warszawa, 1911.
- Łubomirski St. Pod władzą księcia Repnina. Ułamki pamiętników i dzienników historycznych (1764–1768) / Oprac. J. Łojek. Warszawa, 1971.
- Łukowski G. T. The Szlachta and the Confederacy of Radom 1764–1767/68. A Study of the Polish Nobility. Roma: Institutum historicum polonicum Romae, 1977.
- Łukowski J. T. Liberty's Folly. The Polish-Lithuanian Commonwealth in the eighteenth Century, 1767–1795. London; New York: Routledge, 1991.
- Łukowski J. T. The Partitions of Poland 1772, 1793, 1795. London; New York: Longman, 1999.
- Łukowski J. T., Zawadzki Hubert. A Concise History of Poland. Cambridge: University Press, 2001.
- Mączak A. Pierwsza Rzeczpospolita: władza i przestrzeń // Rzeczpospolita — Europa XVI–XVIII wiek. Próba konfrontacji / Wyd. M. Kopczyński i W. Tygielski. Warszawa, 1999.
- Manteuffel G. Inflanty Polskie. Poznań, 1879.

- Matuszewicz M.* Dziennik życia mego / Oprac. i wstęp B. Królikowski, komment. Z. Zelińska. Warszawa, 1986. T. 2.
- Mediger W.* Moskaus Weg nach Europa. Braunschweig, 1952.
- Michalski J.* Sprawa dysydencka a zagadnienia gospodarcze w opinii publicznej w pierwszych latach panowania Stanisława Augusta // Przegląd Historyczny. 1949. № 40. S. 156–163.
- Michalski J.* Plan Czartoryskich naprawy Rzeczypospolitej // Kwartalnik Historyczny. 1956. № 4/5. S. 29–43.
- Michalski J.* Schyłek konfederacji barskiej. Wrocław: Zakł. Ossolińskich, 1970.
- Michalski J.* Historiografia polska wobec problematyki pierwszego rozbioru // Przegląd Historyczny. 1972. T. 63. S. 425–436.
- Michalski J.* Dyplomacja Polski w latach 1764–1795 // Historia dyplomacji polskiej. Warszawa, 1982. T. 2.
- Michalski J.* Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny. 1984. T. 75. Z. 4. S. 695–721.
- Michalski J.* Rzewuski Franciszek (1730–1800) // PSB. Warszawa, 1993. T. 34/1. S. 101–106.
- Michalski J.* Zagadnienie reformy sądownictwa i prawa sądowego w początkach panowania Stanisława Augusta // Czasopismo prawno-historyczne. Poznań, 2000. T. 52. Z. 1–2.
- Michalski J.* Stanisław August Poniatowski // PSB. Kraków; Warszawa, 2002. T. 41/4. S. 612–640.
- Müller M. G.* Die Teilungen Polens 1772. 1793. 1795. München, 1884.
- New Cambridge Modern History. Vol. 7. The Old Regime 1713–1763 / red. J. O. Lindsay. London, 1957.
- New Cambridge Modern History. Vol. 8. The American and French Revolutions / red. A. Goodwin. London, 1965.
- Odyniec W.* Dzieje Prus Królewskich (1454–1772). Warszawa, 1972.
- Orłowski R.* Między obowiązkiem obywatelskim a interesem własnym. Andrzej Zamojski 1717–1792. Lublin: Wyd. Lubelskie, 1974.
- Polish-Lithuanian Monarchy in European Context, c. 1500–1795 / Ed. by R. Butterwick. New York: Polgrave, 2001.
- Polska a Inflanty. Praca zbiorowa. Gdynia, 1939.
- Raumer F. L.* Le démembrement de la Pologne. Paris; Berlin, 1877.
- Raumer F. L.* Beiträge zur neueren Geschichte aus dem Britischen Museum und Reichsarchiv. Leipzig, 1836–1839. Bd. 1–4 (Bd. 1: König Friedrich II. und seine Zeit. Leipzig, 1836; Bd. 2: Russland von 1704–1740. Leipzig, 1837; Bd. 3–4: Europa von Ende siebenjährigen bis zum Ende des amerikanischen Krieges, 1763–1783. Leipzig, 1839).
- Roepel R.* Das Interregnum: Wahl und Krönung von Stanisław August. Posen, 1892.
- Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 Maja. Warszawa, 1966.
- Rostworowski E.* Władysław Aleksander Łubeński (1703–1764) // PSB. Warszawa, 1973, T. 18/3. S. 505–511.
- Rostworowski E.* Podolski Gabriel // PSB. Warszawa, 1982. T. 27/1. S. 149.
- Rostworowski E.* Historia powszechna. Wiek XVIII. Warszawa, 1998.

- Rudnicki K.* Biskup Kajetan Sołtyk 1715–1788. Kraków, 1906.
- Schaefer A.* Geschichte des Siebenjährigen Krieges, Leipzig, 1870. Bd. 1–3.
- Schmitt H.* Dzieje panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego. Lwów, 1868–1880. T. 1–3.
- Seraphim E.* Geschichte Liv-Est- und Kurlands. Reval, 1895–1896. Bd. 1–2.
- Serczyk W. A.* Hajdamacy. Kraków: Wyd. Literackie, 1978.
- Serczyk W.* Początek końca: konfederacja barska i I Rozbiór Polski. Warszawa: Krajowa Agencja Wyd., 1997.
- Serejski M. H.* Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne. Warszawa: Państw. wyd. nauk., 1970.
- Stanek W.* Konfederacje generalne koronne z XVIII wieku. Toruń, 1991.
- Stone D.* Polish politics and national reform 1775–1788. New York, 1976.
- Sturm E.* Grtmdzüge der Staatsorganisation des Herzogtums Kurland im XVII Jh. Greifswald, 1919.
- Szczygelski W.* Kozuchowski Franciszek // PSB. T. 14. S. 75–76.
- Tetsch K. L.* Curländische Kirchen-Geschichte von dem Zustande dieser Provincial-Kirche, bis zum Ableben Gotthards ersten Herzog zu Curland. Riga; Leipzig, 1767–1770.
- Volz G. B.* Plan einer Zusammenkunft Friedrichs des Großen und Josephs II. bei Torgau // Mitteilungen der Literarischen Gesellschaft Masovia. Heft 14. Sonderdruck s. l. S. a. S. 140–151.
- Volz G. B.* Prinz Heinrich und die Vorgeschichte der ersten Teilung Polens // Forschungen zur brandenburgisch-preußischen Geschichte. 1923. Bd. 35. S. 193–211.
- Wehler H. U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. München, 1987. Bd. 1.
- Wiek XVIII Polska i świat. Warszawa: Państw. Inst. Wyd., 1977.
- Zamoyski Adam.* Ostatni król Polski. Warszawa: Zamek Królewski, 1994.
- Zarzucki W.* Służba zagraniczna okresu stanisławowskiego. Organizacja i formy działania. Poznań: Państw. wyd. nauk., 1971.
- Zernack K.* Polen und Rußland: zwei Wege in der europäischen Geschichte. Berlin, 1994.
- Zernack K.* Schwerpunkte und Entwicklungslinien der polnischen Geschichtswissenschaft nach 1945 // Historische Zeitschrift. Sonderheft 5. 1972. S. 202–323.
- Ziegenhorn Ch. G.* Staatsrecht der Herzogthümer Kurland und Semgallen. Königsberg, 1772.
- Zielińska Z.* Walka «Familii» o reforme Rzeczypospolitej 1743–1752. Warszawa: Państw. wyd. nauk., 1983.
- Zielińska Z.* Początek rosyjskiej niełaski Czartoryskich i «słabość» Stanisława Augusta (1764–1766) // Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994.
- Zielińska Z.* Przygotowanie do rozbioru? Rosyjska lustracja ziem nad górną Dźwiną z lata 1767 roku // Gospodarka. Ludzie. Władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Takaśewiciowi / Pod red. M. Kopcuńskiego i A. Mąciaka. Warszawa: Wyd. Krupski i S-ka, 1998. S. 129–135.
- Zielińska Z.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. Warszawa, 2001.
- Zienkowska K.* Stanisław August Poniatowski. Wrocław; Warszawa; Kraków: Ossolineum, 1998.

- Август II, король польский, курфюрст саксонский 19, 41, 71, 73, 137, 210, 239, 328, 397, 398, 424, 471, 539
- Август III, король польский, курфюрст саксонский 17, 19, 22, 25–29, 31, 38, 41, 46, 51, 57, 59, 72–78, 80, 83–86, 88, 89, 91, 94, 96–98, 101, 103–105, 113–118, 124, 129, 131–133, 137, 149, 174, 189, 192, 210, 239, 297, 309, 324, 327–329, 332, 422, 586, 588, 647
- Аксак, войский луцкий, посол на сейм 1767 г. 665
- Александр I, император росс. 206, 321
- Александрович Томаш 296, 297, 303, 306, 307, 309, 311–313
- Алексей Михайлович, русский царь 206
- Алое Ян Баптист 28, 33, 465, 518, 519, 536, 580, 586, 587, 635, 636, 646, 690
- Альбрехт Саксен-Тешенский 518
- Анkvич Станислав 372–376, 380
- Анна Иоановна, племянница Петра I, герцогиня курляндская, с 1730 г. императрица росс. 67, 70–72, 210
- Античи Томазо 643
- Апраксин Петр Федорович 570, 571
- Апраксин Степан Федорович 24, 29, 30, 34, 40
- Аретин Карл Отмар 8, 171
- Аш Иван Федорович 96, 167, 366, 442
- Ашкенази Шимон 84, 161, 167, 323
- Багир Мустафа, визирь 300, 303
- Баер Анджей 332, 373, 455, 611
- Бакунин Петр Васильевич 233
- Бандре Адольф 152, 174
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич 321, 326
- Бариевский, мечник звингородский, посол на сейм 1767 г. 665
- Белавский Казимир, посол на сейм 1767 г. 669
- Белиль Шарль, маршал Франции (1684–1761) 24
- Белиньский Франтишек 19, 89, 114, 134, 135, 157, 297, 442, 446
- Беллак, полковник литовской гвардии 403
- Белозор, войский упитский, посол на сейм 1767 г. 669
- Белосельский А.М., русский посол в Саксонии 284
- Белский, чесник парнавский, посол на сейм 1767 г. 664
- Белявский Михаил Тимофеевич 322
- Бенедикт XIV, папа римский 327
- Бенуа Гедеон 23, 30, 52, 77, 78, 95, 96, 105, 115, 116, 129, 130, 134, 135, 137, 167, 176, 193, 198, 199, 201, 202, 213, 268–270, 272, 273, 276, 281, 286, 302, 328–330, 332, 334, 336, 337, 389, 392, 416–418, 420, 421, 425, 427, 442, 443, 448, 456–465, 468, 474, 480, 482, 485, 489, 504, 517, 518, 520, 521, 527, 532, 552, 562, 571, 572, 588, 594, 600, 602, 630, 632, 633, 635, 637–643, 645, 647, 648, 678, 682–684, 687, 688, 690, 692
- Бер Адольф 292–294, 301, 698
- Беранже Лорен 132, 200, 201, 294
- Берни Франсуа Иоахим 39
- Бернсторф Иоганн Хартвиг 258, 282, 286, 425
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович 15–17, 22, 24, 34, 40, 47, 49, 50, 52, 56, 74–76, 85, 88, 97, 98, 124, 200–202, 249, 326, 440
- Бестужев-Рюмин Михаил Петрович 17, 26, 32, 85
- Бестужев-Рюмин Петр Михайлович 71
- Бехтеев Федор Дмитриевич 18, 22, 24, 26, 30, 32
- Бибилов Александр Ильич 229, 230, 232, 242, 386
- Бильбасов Василий Алексеевич 85, 217, 218
- Бирон Петр, герцог курляндский 79, 217, 218
- Бирон Эрнст Иоган, герцог курляндский 28, 48, 52, 53, 64, 67, 72–80, 87, 88, 95, 96, 102, 103, 116, 125, 141, 157, 216–224, 328, 359, 366, 647
- Блажовский Юзеф Антони, посол на сейм 1767 г. 664, 681
- Бланкенбург Фридрих Вильгельм 470
- Бланкенбурги 471
- Блешинский Казимир, посол на сейм 1767 г. 666
- Блешинский Томаш 532, 546, 666
- Богатко, шляхетский род 361
- Богомолец Петр, посол на сейм 1767 г. 619, 669, 681
- Борх Ян 186, 187, 206, 220, 454, 619, 680
- Боскамп Карл 303, 306–308, 311
- Боский Павел, посол на сейм 1767 г. 667
- Боссе Маттия Никола 132, 294
- Ботанский, каноник, агент Я.К. Браницкого 165
- Браницкие 89, 106, 530
- Браницкий Франтишек Ксаверий 155, 187, 196, 360, 361, 389, 488, 570, 573, 574, 668, 677, 680, 700
- Браницкий Ян Клеменс 14, 18, 19, 20, 23, 29, 34, 41, 89, 104, 106, 113–117, 133–135, 138, 139, 142–144, 146–151, 153–157, 159, 165, 174–176, 184, 192, 193, 294, 296–299, 301, 306, 316, 363, 371, 377, 448, 467, 519, 525, 530, 537, 568, 570, 582, 586, 587, 593, 603, 616, 647
- Бреверны, курляндский род 71
- Бретейль Луи Аугуст 40, 44, 49, 92, 132, 290, 291, 298–300
- Бржостовский Адам 176, 619, 680

- Бржостовский Михал 91, 152, 174
 Бржостовский Станислав 525, 529, 531, 578, 600, 602, 603, 610, 615, 618, 619, 636, 651, 678, 680, 700
 Брольи Шарль Франсуа 19, 23, 29, 30, 104, 290, 295, 304, 315
 Брониовские 471, 474
 Брониовский Адам 428, 470, 471
 Брониовский Богуслав 470
 Брониовский Самуэль 470
 Бростовский Роберт, посол на сейм 1767 г. 668
 Бротсковский, диссидент 338
 Броун Юрий Юрьевич (Георг) 74, 96, 152
 Брюль Алоиз Фридрих 90, 361
 Брюль Генрих 16, 19, 21, 22, 27–29, 33, 41, 76, 78, 85, 86, 89–91, 93–95, 105, 115, 137, 144, 205, 299, 361, 588
 Буковецкие, кальвинистский род 471
 Буковецкие, лютеранский род 471
 Буковецкий Анджей 470
 Буковский Игнацы, посол на сейм 1767 г. 664, 681
 Бурбоны 133, 170
 Буржиньский Станислав 619
 Буржиньский Тадеуш 403, 619, 680
Буттервик Ричард 8
 Бутурлин Александр Борисович 44, 45
 Бутурлина, графиня 44
 Бух Фридрих 129
Бусэ Альмут 68
 Быстрам Владислав, посол на сейм 1767 г. 671
 Быстрам, подкоморий померанский, посол на сейм 1767 г. 671
 Бялоблоский Антон, посол на сейм 1767 г. 671
- Вейкман (Weickmann) Габриэль Йоахим** 562
 Веймарн Иван Иванович 15–17, 21–23, 30, 229, 230, 232, 242, 386
 Велиопольские 574
 Велиопольский Франтишек 530, 532, 546, 574, 594, 614, 651, 663, 681, 700
 Велиопольский Юзеф, посол на сейм 1767 г. 663, 681
 Велиопольский Ян Юзеф, посол на сейм 1767 г. 663
 Веловейские 472
 Веловейский Адам 470
 Вельгурский Михал 445, 454, 468, 489, 517, 524, 565, 586, 590–593, 597, 600, 602, 629
 Венгленский Лукаш 546
 Венжик Валенты 374, 381
 Вержен Шарль Гравье 166, 294, 295, 300, 304, 306
 Вернер Ханс Пауль 45
 Вессель Станислав 532, 666, 680
 Вессель Теодор 208, 297, 347, 353, 367, 401, 444, 465, 525, 530, 586, 590, 591, 593, 602, 610, 619, 651, 680, 700
- Веттины 67, 71, 73, 78, 87, 130, 138, 139, 144, 307, 423, 424
 Вилчинский, мечник житомирский, посол на сейм 1767 г. 665
 Вильгельм, курфюрст бранденбургский 69
 Вильчевский Франтишек 490
 Вильчевский Юзеф, посол на сейм 1767 г. 664, 681
 Вильчевский, посол виский на сейм 1764 г. 191
 Вильямс (Уильямс) Чарльз Генри 17, 25, 33, 85, 457
 Висконти Антонио Евгенио 55, 158, 165, 332, 333, 337, 345, 350, 351, 361, 370, 387, 388, 482, 483, 542–546,
 Витте Ян 156
 Вишневецкий, староста рогодовский, посол бельский на сейм 1767 г. 618, 665
 Владислав IV, король польский 194, 195
 Водзицкий Гавриил 455
 Водзицкий Михал 112
 Водзицкий Элиз, посол на сейм 1767 г. 663, 681
 Воейков Федор Матвеевич 41
 Войчинский Теодор, посол на сейм 1767 г. 667
 Волиньский Ян, посол на сейм 1767 г. 667
 Волки-Ланевские, кальвинистский род в Литве 472
 Волки-Ланевские, кальвинистский род в Малой Польше 472
 Волк-Ланевский Владислав 470
 Волконский Михаил Никитич 21, 27–32, 34, 41, 47, 56, 72, 85, 97–99, 124, 150, 153, 157, 523
 Волович Антони 373, 388, 455
 Володкович (Леон?) 106
 Володкович Филипп (Фелициан) 351, 388
 Волский, подвоевода, посол на сейм 1767 г. 666
 Волчанский И. 327
Вольц Густав Бертольд 285
 Воронич Игнацы 350, 351
 Воронцов Александр Романович 50
 Воронцов Михаил Илларионович 17, 18, 22, 24, 26, 32, 34, 42–49, 53–56, 75, 78, 92, 97, 104, 131, 324, 326, 327
 Вругтон Томас 425
 Выбицкий Юзеф 650, 651, 672
 Выбрановский Станислав 453
 Вычеховский, посол эльблонгский на сейм 1767 г. 671
 Вяземский Александр Алексеевич 127
- Габсбурги** 14, 62, 133, 160, 170, 171, 188, 200, 246, 292, 313, 316, 459, 484, 507, 509, 548
 Гадомский Станислав 59, 668, 680
 Галецкий, староста бидгодский, посол на сейм 1767 г. 666
 Галинский Ежи, посол на сейм 1767 г. 669
 Ганнибал, помещик Петербургской губернии 225
 Гартавовский Игнатий, посол на сейм 1767 г. 671

- Гартенберг, банкир 188
 Гедемин, вел. князь литовский 321
 Гедройц Стефан 455, 545, 618, 680
 Гедройц Францишек, посол на сейм 1767 г. 669, 681
 Гейкинг Вильгельм Александр 77, 217, 218, 219, 222
 Гейкинг Карл Генрих 77
 Гелтшов-Валецкий, диссидент 338
 Генрих IV, король франц. 195, 298, 304, 457
 Генрих, принц прусский, брат Фридриха II 51, 285, 505
 Георг Голштинский 45, 73
 Георгий (Конисский) 92, 326, 327, 339, 344—347, 350—352, 393, 444, 470, 471, 475, 523, 524, 561, 625, 626
 Гервасий (Линцевский) 346, 350
Германн Эрнст 635
 Герцберг Эвальд 54, 58, 197, 198, 199, 268, 278, 330, 334, 416, 460—462, 485, 504, 505, 507, 512, 520, 571, 588, 600, 638, 649, 641
 Геслер, российский майор 537
 Гжимултовский Кшиштоф (1620—1687), воевода познаньский 48
 Гика Григорий, господарь молдавский 311
 Гилзен Юзеф 371, 372, 375, 380—382
 Глембоцкий, кастеланич крузницкий, посол на сейм 1767 г. 666
 Глер Пьер Маурис 523
 Глиндзич, крайчий гродненский, посол на сейм 1767 г. 668
 Глинка, посол ломженский на сейм конвокации 1764 г. 332
 Глиньские 472
 Глиньский Кшиштоф 470—472
 Глоговский Антони 579, 580, 664
 Говен Отто Генрих, сын О.Х. Говена 218
 Говен Отто Христорф 77, 218, 219, 220—222
 Гогенцоллерны 509, 643
 Гобебский, войский пинский, посол на сейм 1767 г. 670
 Годлевский, войский ломженский, посол на сейм 1767 г. 667
 Годский Бернард (Станислав Бернард) 175, 206, 220, 333, 363, 401, 450, 619, 680
 Голенищев-Кутузов Илларион 226
 Голицын Александр Михайлович, вице-канцлер 47, 55, 75, 78, 97, 104, 124, 335, 511, 547—549
 Голицын Александр Михайлович, генерал-аншеф 549
 Голицын Василий Васильевич 245
 Голицын Дмитрий Алексеевич 132, 160, 163, 311
 Голицын Дмитрий Михайлович 55, 125, 126, 131, 137, 138, 147, 151, 159, 292, 293, 301, 302, 305, 306, 503, 504, 514, 548—553, 595, 596, 643
 Головниц, секретарь Генеральной конфедерации литовской, посол на сейм 1767 г. 669
 Голчевский, стольникович цехановский, посол на сейм 1767 г. 665
 Гольц Август Станислав 349, 402, 418, 427, 428, 443, 470, 482, 517, 527, 538, 561, 621
 Гольц Бернгард Вильгельм, прусский посол при дворе Петра III, в 1765 г. вел переговоры в Варшаве о таможенном конфликте Польши и Пруссии 46, 53, 268, 272, 273, 324
 Гольц Генрих 471
 Гольц Ежи Вильгельм 443, 470, 482, 524
 Гольцы, диссидентский род в Королевской Пруссии 208, 428, 444, 448, 471, 474, 623
 Гольцы, кальвинистский род в Малой Польше 472
 Гординский, мечник киевский, посол на сейм 1767 г. 664
 Гордоны, кальвинистский род 472
 Горжинский, посол эльблонгский на сейм 1767 г. 671
 Грабовские, диссидентский род в Литве 428, 472, 474
 Грабовские, кальвинистский род в Малой Польше 472
 Грабовский Павел 428, 447, 470, 476
 Грабовский Ян 361, 470, 471, 523
 Грабовский, посол прусский на сейм 1767 г. 671
Грабский Анджей Феликс 7
 Грановский Казимир 371, 372, 376, 377, 380—382, 489, 570, 576
 Громчевский Францышек, посол на сейм 1767 г. 672
 Грончевский Мелхиор, посол на сейм 1767 г. 672
 Гросс Генрих, российский посол в Саксонии и при дворе Августа III, в 1764 г. назначен послом в Лондон 15, 16, 21, 24—26, 28—32, 34, 74, 295, 327
 Гротовский, судья земский равский, посол на сейм 1767 г. 668
 Грохолский, подстолий брацлавский, посол на сейм 1767 г. 665
 Грохульские 361
 Грушчиньские, кальвинистский род в Малой Польше 472
 Грушчиньские, лютеранский род в Великой Польше 471
 Грушчиньский Францишек 470
 Гуrowsкий Владислав Pox 115, 175, 176, 450, 453, 525, 569, 570, 573, 611, 666, 680
 Гуrowsкий Рафал 371, 373, 377, 382, 700
 Гюссон де 313
 Далке Христиан, комендант Каменца-Подольского 29
 Дашков Михаил Иванович 144, 150, 155, 156, 157
 Дашкова Екатерина Романовна 248, 253
 Дверницкий, ловчий премыслский, посол на сейм 1767 г. 664

- Дебринкен Генрих 219
 Дембинский Францишек, посол на сейм 1767 г. 663
 Дембовский, диссидент 338
 Держановский, камергер, посол на сейм 1767 г. 667
 Дзедушицкий Тадеуш 191, 389, 436, 454
 Дзембовские 471
 Дзембовский Адам 470
 Дзербицкий, камергер королевский, посол на сейм 1767 г. 666
 Дзершка, хорунжий бельский, посол на сейм 1767 г. 664
 Длуский Томаш 207, 212, 310, 450, 454
 Дмуготанский, посол речичский на сейм 1767 г. 670
 Добровский Гипполит, посол на сейм 1767 г. 671
 Долгоруков Василий Михайлович 211, 338, 341, 342, 363, 364
 Долгоруков Владимир Сергеевич 54, 59, 78, 421, 422, 442, 642, 684
 Долгоруков Сергей 242
 Доманский (Якуб — ?), подचाший брацлавский, посол на сейм 1767 г. 664
 Доманский Михал, посол на сейм 1767 г. 670, 681
 Домбровский Ян, посол на сейм 1767 г. 668
 Домбровский Антони 373, 377, 379, 530, 574
 Домбровский Людвик 569
 Домбровский Павел 378
 Домбровский Станислав 574, 666
 Домбровский Ян 574
 Домбровский, адъютант королевский, посол на сейм 1767 г. 666
 Домгарт Иоганн Фридрих 51, 52, 53
 Дроздовский Мариан 188, 273
 Дрохойовский Антони 373, 376, 380, 381
 Дубровский, вице-староста гродский овруцкий, посол на сейм 1767 г. 665
 Дуглас Маккензи (Александр Петр Маккензи) 17, 18, 22, 24
 Дунтен Эрнст 522
 Дурины Анжело 543, 603, 609, 610, 649
 Духхардт Хайнц 8
 Дюбен Карл Вильгельм 624, 674
 Дюмон, французский агент в Гданьске 315
 Дюран де Дестроф Франсуа 18, 20, 23, 24, 29, 30, 315
- Евгений (Болховитинов), мтрп.* 327
 Ежевский Иван, посол на сейм 1767 г. 671
 Ежевский, вице-регент кулмский, посол на сейм 1767 г. 671
 Ежевский, майор булавы польной коронной, посол плоцкий на сейм 1767 г. 667
 Езерский Яцек 574
 Езерский, скарбник луковский, посол на сейм 1767 г. 663
- Екатерина II, императрица рос. 6, 17, 47, 48, 50—59, 61, 63, 64, 67, 73—77, 83—86, 88, 90, 92—104, 107, 108, 111, 112, 114—119, 125, 127, 128, 131, 133, 135—140, 142—144, 149, 152, 158, 159, 163—170, 172, 173, 176, 177, 184, 192, 194—200, 202—204, 208, 210, 212, 218, 219, 221, 223, 226, 227, 229, 230, 232, 235, 238—240, 242, 245—257, 259—263, 267, 268, 270—274, 276, 277, 279—281, 282, 284—286, 290, 292, 295, 299, 300, 302, 304, 306, 321—323, 325—328, 331, 332, 334—336, 339—342, 345, 346, 348, 349, 351, 359, 360, 362, 366, 368, 370, 385, 386, 389, 391—397, 399, 400, 402, 404—406, 408—410, 414—421, 423, 427, 428, 436, 438—440, 444, 447—449, 456, 457, 459—463, 465—467, 474, 477, 482, 485, 498—500, 502, 504, 507, 511—513, 515, 517, 519—521, 523, 524, 526—529, 531, 533, 535, 536, 538, 541—543, 545—548, 550, 560, 563—567, 574, 581, 582, 584, 586, 588—593, 596, 603, 611, 613, 614, 617, 618, 620, 621, 625—628, 635—637, 640, 642, 646, 647, 649, 650, 685, 691
 Екатерина Алексеевна, великая княгиня 17, 44, 85
 Елагин Иван Перфильевич 98
 Еленский, писарь, посол мозырьский на сейм 1767 г. 670
 Елизавета Петровна, императрица рос. 14, 15, 17, 18, 22, 25, 26, 34, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 62, 63, 73, 85, 224
- Жаба** Тадеуш, посол на сейм 1767 г. 668
 Жаба, староста бельский, посол на сейм 1767 г. 669
 Жерар де Рейневаль Жозеф Матиа 305
 Жерар Конрад Александр (старший) 294, 298
 Жеро Жан Клод 315, 316
 Жоравский Марцин, посол на сейм 1767 г. 667
 Жоффрен Мария Тереза 194, 195, 298, 299, 303—305, 310, 313, 315, 441, 528, 534, 541
- Забелло** Антони 143, 389, 403, 578, 668, 681
 Забилский (Zabłocki — ?), староста подвысоцкий, посол на сейм 1767 г. 664
 Заблоцкий Казимир, посол на сейм 1767 г. 669, 681
 Завадский (Рогалья Анджей — ?), подстолий черниговский, посол на сейм 1767 г. 663
 Загурский, посол волынский на сейм 1764 г. 204
 Загурский Войцех, староста овруцкий, посол на сейм 1767 г. 665
 Загурский Франтишек 450
 Загурский (Юзеф ?), хорунжий волынский, посол на сейм 1767 г. 665
 Закревский, посол на сейм 1767 г. 666
 Закревский, хорунжиц заваронский, посол на сейм 1767 г. 667
 Залуский Юзеф Енджей (Анджей) 374, 376, 377, 380—382, 398, 450, 455, 545, 612, 614, 615, 643
 Замойский Анджей 78, 91, 113, 138, 151, 173, 175, 186, 188, 189, 194, 205, 206, 264, 274,

- 286 345, 352, 385, 436, 437, 445, 449–456,
464–466, 474, 475, 481, 482, 489, 611, 615
- Збоиньские 208
- Збоиньский Михал 530
- Зборовский Максимилиан 32
- Зегелин Иоганн Христоф 277–280, 308, 311, 642
- Зеер (Thiss de Sehr) Эрнст 470
- Зеер-Тиссоны (Tiss de Sehr) 471
- Зейдлиц Ф.В. 267
- Зеленьские 472
- Зеленьский Марциан 470, 471
- Зелинский Енджей, подचाший рожанский,
посол плоцкий на сейм 1767 г. 667
- Зелиньска Зофья 8, 240, 244, 256, 262, 264, 361,
367, 386, 598, 599
- Земенцкий (Земиньский) Михал 470
- Злотницкий (Феликс ?), подचाший новгородский,
посол на сейм 1767 г. 568, 665
- Ивановский**, староста минский, посол на
сейм 1767 г. 670
- Игельстрём Отто 352, 403, 404, 687, 689
- Измайлов Иван 522
- Иоанн (Григорович) 327
- Иосиф II, эрцгерцог австрийский, с 1765 г.
император 159, 160, 194, 285, 549, 643
- Кабузан В.М.** 234
- Казимир III Великий, король польск. (1333–
1370) 475
- Калкройтер Александр 470
- Калкройтеры 471
- Каналь Людовико 298, 301, 303, 305, 306, 483, 553
- Каниговский Францишек, посол на сейм
1767 г. 667
- Кар Василий 352, 403, 404, 532, 533, 565, 580
- Карвовский Станислав, посол на сейм 1767 г.
664, 681
- Карвовский, чесник, посол на сейм 1767 г. 667
- Кареев Николай Иванович* 7, 191
- Каркетель, росс. полковник 72
- Карл Лотарингский 104
- Карл II Стюарт 206
- Карл Христиан Иосиф, принц саксонский,
герцог курляндский 28, 34, 41, 54, 67,
72–78, 96, 102, 103, 105, 115, 144, 157,
165, 218, 219, 221, 294, 307, 422, 423,
518, 586, 587, 590
- Каролат-Бойтен Фридрих Ханс 199
- Кауниц Венцель Антон 6, 39, 55, 57, 75, 98, 99,
104, 126, 131, 145, 146, 148, 153, 158–160,
170, 171, 195, 231, 248, 253, 285, 290, 292–
296, 301, 304, 315, 316, 484, 501, 548–552,
595–598, 643, 645, 650, 694, 697, 698
- Каховский Михаил Васильевич 598–600
- Качковский, хорунжий панцерный, посол
сирадский на сейм 1767 г. 666
- Кашкин Евгений, полковник Пермского
полка 150
- Кейзерлинг Герман Карл 50, 51, 52, 53, 56,
59–61, 74, 76, 84, 87, 88, 90–98, 101–103,
105, 107, 108, 112–118, 124, 125, 129–131,
134, 136–140, 142–153, 155–159, 163–169,
172, 174–177, 184, 192, 193, 195–198, 202,
208–210, 213, 216, 217, 223, 224, 227, 238, 240,
252, 267, 331, 334–336, 338, 363, 392, 615
- Кейзерлинг Иоганн Генрих, канцлер
курляндский, в 1720 г. обращается
с письмом к Петру I 71
- Кейзерлинг Х.Г., сын Г.К. Кейзерлинга 136
- Кейзерлинги курляндский род 71
- Кейт Роберт Мюррей 50
- Керский Юзеф 700
- Кетлер Готхард, великий магистр Ливонского
ордена, герцог курляндский 67–69, 74, 80,
102, 220
- Кетлеры 67, 69, 71, 72
- Китович Енджей 636
- Кицкий, адъютант королевский, посол
цехановский на сейм 1767 г. 667
- Кицкий, посол прусский на сейм 1767 г. 672
- Клементий XIII, папа римский 443, 474, 545,
609, 643, 648, 649
- Клопман Э. 219, 220, 222
- Ключевский Василий Осипович* 322
- Ключевский, хорунжий празницкий, посол
на сейм 1767 г. 663
- Ковалевский, посол прусский на сейм 1767 г. 672
- Кожуховский Францишек 569, 601, 603, 610,
613, 676, 677
- Козел Антони, посол ошмянский на
сейм 1767 г. 668
- Кознецкий Аполинар, посол на сейм 1767 г. 671
- Колоредо Иосиф 306, 307, 309, 310
- Колоредо-Мансфельд Рудольф 306
- Комаровский Адам 19, 20, 21, 23, 30
- Конарский Станислав 87, 106, 189–191, 378,
583, 631
- Конджеля Лукаш* 323
- Конопчиньский Владислав* 8, 13, 18, 113, 135, 192,
205, 206, 323, 447, 524, 534, 547, 568, 569, 572,
574, 579, 585, 587, 590, 591, 593, 594, 615
- Конти (принц) — Луи Франсуа де Бурбон,
принц де Конти — генерал-лейтенант
Мальтийского ордена, великий приор
Франции 18, 19, 104, 164
- Конфлан Луи Габриэль 314–316
- Кордыш, чсник винницкий, посол на сейм
1767 г. 665
- Корзон Тадеуш* 154, 323
- Корф Фридрих Александр 51, 52, 56
- Корфы, курляндский род 71
- Косаковский, секретарь Станислава Августа (?)
624

- Коссаковска Катаржина из Потоцких
 (каштелянка каминьская) 20, 389, 576
 Коссаковский Шимон 547
 Коссаковский Юзеф, посол на сейм 1767 г. 669
 Коссецкие 472
 Коссецкий Адам Равич 470
 Коссецкий Богуслав Равич 470
 Коссецкий Самуэль Равич 470
 Костка, подचाей звингородский, посол на сейм 1767 г. 665
 Котек Рудольф, первый канцлер Богемии 298
 Кохановский Ксаверий Корвин 450, 454
 Коялович Михаил Осипович 321
 Краевский Ян Хризостом, посол на сейм 1767 г. 667, 680
 Красинские 149
 Красинские, кальвинистский род 471, 472
 Красинский Адам 113, 156, 157, 166, 176, 296, 383, 384, 387, 390, 404, 450, 453–455, 524, 525, 530, 537, 545, 590, 594, 597, 615, 652
 Красинский Михал 573, 594
 Красинский Ян, староста гомельский 333, 334, 450, 471, 561, 624, 625
 Красицкий Игнацы 545, 614
 Краусхар Александр 8, 589
 Кретковский Зигмунт 376, 378, 379, 383, 384
 Кречетников Петр Никитич 521, 522, 525, 526, 568, 569, 572, 574, 576, 579, 580, 603, 673
 Кризгайзен Войцех 323, 328, 397, 398, 472, 473, 566, 569, 582
 Крыжановский, посол познаньский на сейм 1767 г. 666
 Крым-Гирей, крымск. Хан 301, 303
 Ксаверий Франц Август, принц саксонский 28, 139, 144, 146, 147, 165, 422, 536
 Курнатовские 471
 Курнатовский Адам Лоджия 470
 Курнатовский Ежи Лоджия 470
 Курнатовский Кароль Лоджия 470
 Куропатницкий Эварист Анджей 371, 454
 Кушелевский, советник конфедерации, посол на сейм 1767 г. 669
 Кчевский, посол лесенский (пруссский) на сейм 1767 г. 671
 Кчевский, староста сремский, посол тухельский (пруссский) на сейм 1767 г. 672
 Кчевский, староста старградской, посол мариебургский (пруссский) на сейм 1767 г. 671
 Ланской Сергей 232, 233
 Ланцкоронский Мацей 371, 379
 Лапа, писарь градский стародубский, посол на сейм 1767 г. 669
 Ларош, эмиссар молдавского господаря Г. Гици 426
 Лаудон Гедеон Эрнст 57, 596
 Лебедев Андрей 110
 Лебинский, генерал, посол прусский на сейм 1767 г. 671
 Левальд Иоганн, прусский фельдмаршал 52, 96
 Ледуховский Францишек Антони, посол на сейм 1767 г. 671
 Лелевель Иахим 83
 Лемпицкий, адъютант Военной комиссии, посол на сейм 1767 г. 667
 Ленгних Готфрид 621
 Лесин Иван 233
 Лещиньский Станислав, король польский, наместник Лотарингии 172, 176, 297, 299, 315, 397, 398
 Ливен Матвей 15, 17, 29
 Липинский Ян, посол на сейм 1767 г. 672
 Липинский, посол прусский на сейм 1767 г. 671
 Липницкий Ян 470
 Липский Тадеуш 77, 78, 102, 374, 379–382, 619, 681
 Липский, посол познаньский на сейм 1767 г. 666
 Лнинский, посол прусский на сейм 1767 г. 671
 Лобкович Иосиф Мария 99, 148, 158, 196, 197, 231, 248, 249, 253, 255, 259, 260, 285, 335, 459, 484, 485, 548–550
 Лойко Феликс 309, 310, 313–317
 Лонцоский, хорунжий опочинский, посол на сейм 1767 г. 663
 Лончинский, подсудья гостинский, посол на сейм 1767 г. 668
 Лопацинский, староста, посол мстиславский на сейм 1767 г. 670
 Лопацинский Николай Тадеуш 403, 450, 453, 454, 619, 670, 681
 Лопацинский Ян Доминик 403, 613
 Лопакский Ян 546
 Лоссов Даниэль Фридрих 95
 Лось Феликс Антони 445
 Лось, староста березанский, посол подольский на сейм 1767 г. 665
 Лубеньска Мария Цецилия 323, 337, 350, 447
 Лубеньский Владислав 89, 96, 97, 102, 104, 115, 116, 118, 134, 136, 142, 148–151, 153, 161–165, 167, 174, 175, 208, 217, 296, 303, 305, 306, 309, 313, 363, 373, 376, 379, 380, 385, 386, 412, 541, 544
 Лукович, посол прусский на сейм 1767 г. 672
 Луковский Георг Тадеуш 8, 531, 534
 Лутомский Иван, посол на сейм 1767 г. 671
 Лутомский Юзеф 672
 Любомирска Уршула (ур. Браницка), старостыня болимовская 176, 616
 Любомирский Антони 176, 375, 377, 450, 519, 544
 Любомирский Каспер 570, 573, 667, 680
 Любомирский Марцин 465
 Любомирский Станислав (1704–1793), подстолий, кор., воевода брашлавский (1764) 144, 157, 174–176, 351

- Любомирский Станислав (1720—1783),
стражник кор., маршал вел. кор. (1766) 113,
138, 173, 187, 220, 291, 389, 446, 450, 452,
454, 466, 474, 483, 489, 490, 574, 581, 602,
618, 679, 700
- Людовик XII, король франц. 195
- Людовик XIV, король франц. 95
- Людовик XV, король франц. 44, 55, 104, 160—
162, 164, 170, 171, 290, 291, 293—295, 299,
303, 304, 308—311, 313—315, 586, 597
- Мазарини Джулио** 95
- Малаховские 454
- Малаховский Адам 32, 90, 154, 155, 450, 451
- Малаховский Гиацинт Наленч 454
- Малаховский Петр 530, 546, 663
- Малаховский Станислав, посол на сейм 1767 г.
672
- Малаховский Ян 19, 20, 21, 23, 26, 28, 30, 31,
33, 74, 78, 91, 174
- Малаховский Яцек 253, 254, 257, 663, 681
- Малиновский, посол ржечицкий на сейм 1767 г.
670
- Малиновский, региментарь, сторонник
Я.К. Браницкого 156
- Мальчевский Кароль 29
- Мальчевский Кароль, посол познаньский на
сейм 1767 г. 666, 680
- Мария Анна, эрцгерцогиня австрийская 298
- Мария Антония Саксонская 116, 137, 139
- Мария Терезия императрица 6, 26, 38, 39, 42,
43, 51, 57, 75, 125, 131, 159, 170, 194, 293,
296, 297, 304, 306, 308, 507, 549, 551, 552,
595, 596, 643, 645, 694
- Мартенс Федор Федорович* 282
- Маслов, генерал-майор 231
- Масловский Дмитрий Федорович* 13, 16, 45, 110
- Массальские 106, 113, 118, 152, 173, 174, 353,
360, 387, 402—404, 448
- Массальский Игнацы 78, 90, 107, 142, 143, 151,
152, 173, 192, 387, 403, 404, 413, 446, 455,
466, 476, 591
- Массальский Михал 21, 78, 89, 90, 97, 107, 112,
113, 142, 143, 173, 174, 184, 185, 192, 371,
377, 382, 383, 403
- Матушевич Марцин 568, 611, 618
- Медем О., представитель Э.И. Бирона
в Варшаве 219
- Мейвот, адъютант Г.К. Тотлебена 44
- Меленцкие 471
- Меленцкий Адам Цолек 470
- Меленцкий Самуэль 471
- Мельхиседек (Яворский) 346, 350, 351
- Менглены 71
- Мендельсон-Бартольди Р.* 59
- Менцинский, старостиц острешовский, посол
на сейм 1767 г. 663
- Мерси д'Арженто Флоримунд 47, 51, 55, 57, 84,
86, 98, 104, 112, 115, 131, 145—148, 151, 153,
154, 159, 160, 163—165, 293, 596, 597
- Мерсье де ла Ривера Медар Пьер 596
- Микульский, судья земский слонимский,
посол на сейм 1767 г. 669
- Миних Бурхард Христоф 210, 245, 324
- Мир, староста тишовецкий, посол на сейм 1767 г.
576, 665
- Миронова Е.М.* 48
- Мирович Василий Яковлевич 248
- Мирский, генрал-адъютант литовский, посол
на сейм 1767 г. 668
- Михальский Ежи* 7, 84, 248, 250, 260, 323, 377
- Млодзиевский Анджей 148, 351, 351, 363, 545,
580, 617—619, 680, 700
- Мниньские 472
- Мниньский Ян 470
- Мнишек Амалия 137
- Мнишек Ежи Август 16, 19, 21, 41, 78, 89, 92,
95, 96, 106, 114—116, 137, 144, 145, 307, 315,
328, 348, 353, 363, 395, 396, 401, 453, 517,
518, 524, 525, 530—533, 546, 547, 565, 573,
581, 590, 591, 593, 601, 619, 636, 700
- Мокрицкий Г. 350
- Мокроновский Анджей 90, 134, 154, 165
- Молановский Антон, посол на сейм 1767 г. 671
- Моне Жан Антуан 164, 293, 295
- Моравский Валенты, посол на сейм 1767 г. 664
- Морис Саксонский 72
- Морский Антони 450
- Морштын Йоахим 530, 574, 663
- Мостовский Павел 113, 150, 173, 208, 209, 211, 594
- Мошиньский Август 151
- Мошиньский Фридерик, посол на сейм 1767 г.
663
- Мошченский Анджей 78, 186, 187, 454
- Моячевские 472
- Моячевский Кароль Богулав 472
- Моячевский Ян 472
- Моячевский Ян Порай 470
- Муравьев М.Н. 321
- Мусин-заде, визирь 300
- Мустафа III, султан турецкий 300, 307
- Мюллер Михаэль Георг* 7, 274
- Наленч**, подचाший добржинский 666
- Невенгловский, посол на сейм 1767 г. 664
- Неголевский, посол познаньский на сейм 1767 г.
666
- Немера, хорунжий дрогисимский, посол на
сейм 1767 г. 664
- Неплюев Иван Иванович 47, 124
- Нешковские, кальвинистский род в Великой
Польше 472
- Нешковские, кальвинистский род в Малой
Польше 472

- Нешковский Богуслав 470
 Нугент фон Вальдозотто Якоб, генерал, австрийский посол в Пруссии 695, 697
 Нуммерс Густав 521, 522, 525, 531, 580, 600
- Оборский**, капитан артиллерии кор., посол на сейм 1767 г. 667
- Обресков Алексей Михайлович 16, 29, 112, 125, 131, 148, 161, 162, 164, 278–280, 294–296, 300, 308, 311, 504, 514, 642, 652
- Обухович, посол мозырьский на сейм 1767 г. 670
- Огинска Александра (дочь М. Чарторыского) 153, 173
- Огинские 152
- Огинский Игнацы 90, 363, 403
- Огинский Михал Казимир 91, 113, 136, 173, 174, 176, 361, 404, 488, 619, 680
- Огородский Ярек 538, 541, 667
- Ожаровский Петр, посол на сейм 1767 г. 663, 681
- Олизар Константы, посол на сейм 1767 г. 665
- Олизар Марцин, посол на сейм 1767 г. 665
- Олиц Петр Иванович 549
- Олсуфьев Адам Васильевич 15, 75, 124
- Олсуфьев Ф. 226
- Олтаржевской, подстолий любельский, посол на сейм 1767 г. 663
- Орлов Алексей Григорьевич 112
- Орлов Григорий Григорьевич 56, 98, 99, 112, 124, 196, 200, 201, 247, 248, 402, 591
- Орлов Иван Григорьевич 226
- Орловы 86, 98, 100, 102, 192, 200–202, 248, 256, 402, 440, 599
- Орловский Анджей, посол на сейм 1767 г. 671
- Орловский Игнацы, посол на сейм 1767 г. 671
- Оскерка Гервазий Людвик 152, 153
- Оссолинские 83, 573
- Оссолинский Юзеф, воевода волынский 522, 530, 573, 700
- Оссолинский Юзеф Салезы 307, 530, 532, 546, 547, 573, 574, 591
- Остен Адольф Зигфрид 86, 90, 114–116, 118, 136, 248, 426
- Остерман Андрей Иванович 324
- Остерман Иван Андреевич 300
- Островские 19, 29, 31, 588
- Островский Антони 78, 149, 151, 211, 450, 451, 455, 545, 617, 618, 680, 700
- Островский Войцех Гжимала, посол на сейм 1767 г. 666, 680
- Островский, полковник, агент Я.К. Браницкого в Крыму 29
- Острожский, чесник бидгодский, посол на сейм 1767 г. 665
- Павел Петрович**, великий князь 259, 283
- Павловский Михайло, посол на сейм 1767 г. 672
- Пакош Ян, посол на сейм 1767 г. 669, 681
- Палубицкий, капитан, посол прусский на сейм 1767 г. 672
- Пальми Марк Антуан Рене 41, 92, 144–148, 151, 160–165, 299, 301, 303, 305, 309, 310, 313, 315
- Панин Никита Иванович 6, 48, 50, 52, 53, 56–62, 75, 76, 84, 97–101, 103–105, 112, 114, 124–133, 136, 137, 139, 140, 144, 151, 152, 155, 157, 158, 163, 164, 166, 168, 169, 172–177, 187, 188, 192, 193, 195–202, 205, 210–212, 216–223, 226–233, 239–264, 267–277, 279–281, 283–286, 290, 295, 299–303, 307–309, 311, 313, 314, 326, 327, 330, 331, 334–342, 344–348, 351–353, 360, 362–370, 385–388, 390–396, 400–409, 411–417, 420–423, 425–428, 438, 440–442, 447–449, 456–467, 474, 477, 481, 483–485, 490, 499, 500, 502–507, 510, 511, 513–517, 519, 520, 523, 525, 526, 528, 529, 531, 536, 539–543, 546, 548–550, 552, 560–566, 570, 572, 576, 580–585, 590–593, 596–603, 609–611, 614, 616–618, 620, 624–643, 646, 652, 673, 675, 682, 685, 691–694, 699
- Панин Петр Иванович 99
- Пац Антони Михал, посол на сейм 1767 г. 668
- Пац Михал Ян, посол на сейм 1767 г. 572, 612, 668, 681
- Пац Юзеф, посол на сейм 1767 г. 668
- Пашковский, полковник, посол брестский (литовский) на сейм 1767 г. 669
- Пенклер Генрих 279, 300
- Петр Федорович, великий князь 15, 42, 44, 45, 327
- Петр I, царь, с 1721 г. император рос. 27, 41, 52, 70, 71, 223, 242, 244, 275, 321, 322, 397, 419
- Петр III император рос. 46, 47, 49, 55, 63, 73, 85, 324
- Пивницкий Валериан, посол на сейм 1767 г. 620, 670, 681
- Пивницкий Игнацы, посол на сейм 1767 г. 671
- Платер Константы Людвик 77, 78, 102
- Плинцер, полковник милиции К. Радзивилла 567
- Подгоричанин Иван 522
- Подгорский Николай, судья земский трембовельский 32
- Подоский Габриэль 151, 165, 297, 436, 516–518, 524, 530, 533, 534, 536, 537, 542, 543, 545, 586, 587, 590, 593, 602, 610, 613, 615, 617–619, 629, 630, 636, 643, 646, 648, 649, 680
- Подоский Юзеф Антони 619, 680
- Подхороньский Вацлав 489
- Подхороньский Людвик Владислав 372
- Подхороньский Юзеф Людвик 568
- Понинский Адам 306, 309, 310, 313, 389, 488, 530, 569, 570, 573, 580, 581, 666, 680, 700
- Понинский Ян Лоджия, посол на сейм 1767 г. 579, 670, 681

- Понятовские 88, 89, 367, 388, 482
 Понятовский Анджей 145, 149, 150, 173, 188, 276, 277, 292–294, 297, 298, 301, 302, 306, 309, 310, 313, 482, 483, 552, 553
 Понятовский Казимир 91, 173, 187, 205, 360, 361, 389, 450, 452, 455, 456, 464, 483, 489, 500, 540, 542, 570, 573, 612, 667, 680
 Понятовский Михал, 173, 360, 361, 542
 Понятовский Станислав, воевода мазовецкий, каштелян краковский 17, 20, 41, 296
 Понятовский Станислав, стольник лит. 17, 25, 26, 30, 59, 61, 83, 84, 86–88, 90–92, 94, 95, 98, 102, 104, 108, 114, 117, 118, 124, 125, 127–129, 131, 136–138, 143, 145, 148, 152, 159, 160, 161, 164, 166, 167, 172, 173, 176, 177, 194–196, 203, 206, 208, 210, 247–249, 267, 268, 290, 293, 296, 298, 315, 332, 333, 335, 361, 457, 484
 Потей Леонард 529
 Потей Людвик 529, 547, 591, 592,
 Потей Марианна (из рода Радзивиллов) 529
 Потоцка Виктория 529
 Потоцкие 20, 89, 106, 117, 138, 142, 146, 149, 156, 157, 166, 175, 205, 348, 353, 367, 396, 436, 517, 518, 524, 547, 569, 573, 575, 576, 580, 581, 591, 619
 Потоцкий Антони 155, 570, 574, 664, 681
 Потоцкий Игнацы, староста каневский 664
 Потоцкий Иоахим 115, 594
 Потоцкий Максимилиан, посол на сейм 1767 г. 665
 Потоцкий Мариан 155, 546, 571, 579, 594, 619, 664, 681
 Потоцкий Михал, воевода волынский 20, 155
 Потоцкий Петр, брат Антони Потоцкого, сын Михала Потоцкого — воеводы волынского 155
 Потоцкий Петр, староста шнятыньский 155
 Потоцкий Теодор (1664–1738), архиепископ гнезненский с 1722 г. 401
 Потоцкий Теодор, посол на сейм 1767 г. 571, 665
 Потоцкий Франтишек Салерий 114, 134, 135, 138, 143–145, 149, 151, 154, 156, 157, 173, 174, 176, 348, 371, 387, 395, 401, 402, 524, 525, 531, 533–535, 537, 546, 570, 573, 574, 576, 580, 586, 590, 594, 603, 619, 651, 652, 680
 Потоцкий Юзеф 547, 574
 Прассе Иоган Мориц 51, 107, 112, 114, 115
 Претвиц Адам 470
 Претвицы 472
 Прецишевский, цивун жмудский, посол на сейм 1767 г. 669
 Прозоровский Александр Александрович 522
 Прондзинский Анджей, посол на сейм 1767 г. 672
 Прушинский, чесник волынский, посол на сейм 1767 г. 665
 Псарский Якуб 187, 272, 274, 286, 307, 309, 541
 Псарский, писарь велуньский, посол на сейм 1767 г. 612, 666
 Пугачев Емельян Иванович 224
 Путовишников И. 75
 Пулаский Юзеф 594
 Пучков Степан 97, 519, 580
 Пшездецкий Антони 186, 187, 206, 232
Пыпин Александр Николаевич 84
 Пясковский Николай 445, 450
 Раджевский (Радзевский) Францшек, подкоморий познаньский 189
 Радзивилл Иероним, хорунжий литовский 19
 Радзивилл Кароль Станислав 90, 92, 96, 97, 105–107, 113–115, 117, 133, 138, 142–144, 146, 149–156, 158–160, 173–176, 284, 293, 296, 301, 317, 447, 465, 467, 516–519, 524, 525, 529, 530, 532–535, 539, 546, 547, 562, 566–569, 578, 580, 582, 591–594, 600–602, 609–613, 618, 619, 633, 636, 651, 675–678, 680, 687, 690, 700
 Радзивилл Михал, маршал конфедерации (Радомской) в воеводстве Брестском-Литовском, посол на сейм 1767 г. 529, 669, 681
 Радзивилл Михал-Иероним, посол на сейм 1767 г. 665
 Радзивилл Михал Казимир [Рыбенко] (1702–1762), гетман вел. лит. 16, 20, 30, 89
 Радзивилл Николай [Черный] (1515–1565) 69
 Радзивилл Станислав 668, 681
 Радзивилл Удальрик Кшиштоф, конюший лит. 30
 Радзивиллы 14, 18, 89, 106, 149, 173, 403, 524, 529, 581
 Радзиминский Юзеф, посол на сейм 1767 г. 546, 667
 Радзиминский Станислав, посол на сейм 1767 г. 536, 667, 680
 Радзицкий, подचाший закрочимский, посол вышегородский на сейм 1767 г. 667
 Радолинский, диссидент 338
 Радонский, посол на сейм 1767 г. 666
 Радоньский Михал 569
 Разумовский Кирилл Григорьевич 98–100, 248
 Райские, кальвинистский род в Литве 472
 Райский Ян 470
 Ратен, английский резидент в Варшаве 684
 Ратинской, староста синявской, посол на сейм 1767 г. 670
 Ратовский, чесник виский, посол на сейм 1767 г. 664
 Рачиньский Казимир 569, 650, 656, 700
 Рдултовский, подвоеводиц новгородский, посол на сейм 1767 г. 669
 Ребиндер Иван Михайлович 212, 532, 562, 642
 Рексин Карл Адольф 116, 130, 268, 277–281, 285, 294, 296, 308

- Ренненкамф Иоганн 153, 157
 Репнин Василий Никитич 71
 Репнин Николай Васильевич 6, 47, 49, 51, 53, 54, 56, 59, 60, 94, 124, 125, 129, 130, 136–138, 140, 143, 144, 146, 150–152, 155–159, 166–168, 172–177, 184, 185, 187, 188, 192, 193, 195–198, 200–208, 210–213, 216–224, 226–233, 238, 240–247, 249, 251, 252, 254–264, 268–276, 281, 282, 284–286, 292, 297, 301–311, 313–316, 333–353, 360–372, 381, 385–392, 395–398, 400–418, 420–423, 426–428, 435–449, 456–461, 463–471, 474–484, 487–490, 498–500, 504, 514–520, 522, 524–544, 546, 547, 552, 560–598, 600–603, 609–611, 613–643, 645–652, 673, 674, 679, 682, 685, 691, 692, 694, 699, 701
 Ржевуский Вацлав 142, 153, 154, 156, 348, 371, 530, 594, 611, 614, 615
 Ржевуский Казимир 552
 Ржевуский Михал Юзеф 78, 196
 Ржевуский Северин 612, 615, 665
 Ржевуский Станислав Фердинанд 90, 529, 669
 Ржевуский Франтишек 158, 187, 196–198, 200–203, 205, 231, 232, 247–251, 253–261, 264, 272, 274, 276, 301, 302, 306, 310, 316, 338, 342–344, 347–349, 352, 368, 386–388, 390, 392, 405, 407–409, 416, 420, 438, 445, 459, 483–485, 520, 541, 552, 564
 Ржевуский Юзеф 568, 664
 Ржечицкий (?) 232
 Ржичевский Иван 15, 16, 18–24, 27, 28, 34, 74–76, 88, 96, 324, 325
 Рид Йозеф Генрих 57
 Рогалинский Каспер, посол на сейм 1767 г. 453, 489, 670
 Род Якоб Фридрих 129, 159, 285, 302, 501, 502, 551, 553, 644, 695, 697
 Ромер Стефан Доминик посол на сейм 1767 г. 668, 681
Ростворовский Эмануэл 8, 13, 84, 447
Рудницкий Казимеж 447, 589, 590
 Руликовский, подचाший бельский, посол на сейм 1767 г. 664
 Рулье Антуан Луи 18
 Румянцев Петр Александрович 40, 99
 Русоцкий, войчиц освечимский, посол на сейм 1767 г. 663
 Рыбинский Яцек Юзеф (аббат Оливский) 530
 Рыдзинский, посол на сейм 1767 г. 666
 Рыщевский, ловчий волынский, посол на сейм 1767 г. 665
Рюльер Клод Шарлеман 7, 86, 154, 167, 594
 Садовский Санислав, посол на сейм 1767 г. 568, 665
 Сакен Иоганн Густав 305, 591, 690
 Салеван, рос. ротмистр 571
 Салтыков Николай Иванович 111–114, 364, 403, 407, 412, 447, 448, 475, 478, 521, 522, 525, 580
 Салтыков Петр Семенович 44, 112
 Сальдерн Каспар 196, 247, 253, 259–261, 281–285, 367–370, 395, 586
 Сальмур Изабелла (урожденная Лубеньска) 298, 301, 303
 Сангушко Иероним Януш 351
 Сангушко Юзеф 176, 474, 619, 680
 Сапега Александр 175
 Сапега Кароль Юзеф 453
 Сапега Михал Антони, подканцлер лит. 21
 Сапеги 89, 106
 Сарнацкий Антони 465, 612, 671
 Свиттен Готфрид 165
Семеньский Луциан 298
 Сен-Сафорен Арман Франсуа 258, 260, 282, 286, 367, 425
 Сераковский Вацлав Иероним 157, 388, 455, 537, 544, 545, 611–614, 616
Серейский Мариан Хенрик 7
 Сехновецкий, писарь земский житомирский, посол на сейм 1767 г. 665
 Сиверс К. 226
 Сигизмунд Август, король польский 1548–1572 69, 127, 206, 328
 Сикорский, полковник, посол прусский на сейм 1767 г. 671
 Симеон (Тодорский) 327
 Симолин Карл Матвеевич 73–77, 216, 218, 221, 222
 Скарбек Ян 373, 376, 379
 Скарский, хорунжий рожанский, посол на сейм 1767 г. 667
 Скоржевский, подстолий острешовский, посол на сейм 1767 г. 666
 Скорупка Машей, посол на сейм 1767 г. 663, 681
 Скуржевский Михал 532, 569, 570, 666
 Слипень, подкоморжий слонимский, посол на сейм 1767 г. 669
 Смогоржевский Язон 350, 388, 600
 Соболевский Валенты, посол на сейм 1767 г. 667, 680
 Соллогуб Юзеф 619, 620, 680
Соловьев Сергей Михайлович 7, 13, 22, 26, 43, 46, 55, 56, 83, 84, 92, 94, 125, 126, 144, 149, 160, 161, 166, 168, 172, 173, 187, 202–204, 272, 274, 282, 284, 292, 298, 302, 303, 321–323, 337, 348, 362, 367, 368, 402, 408, 412, 415, 416, 420, 447, 464, 483, 520, 524, 527, 528, 531, 533, 535, 536, 541–543, 562, 566, 574, 589, 590, 609, 612, 614, 618, 624, 625, 629, 631, 635, 652
 Солтык Казтан 41, 96, 154, 156, 159, 176, 192, 297, 316, 348, 353, 373, 377, 383, 387–389, 401, 402, 404, 413, 445–456, 466, 468, 476,

- 489, 517–519, 524, 537, 542, 544, 545, 566–570, 582, 589–594, 597, 600–603, 611, 613–616, 627, 629, 643
- Солтык Мацей 78
- Солтык Томаш 373, 380, 450, 454
- Солтыки 401
- Сольмс Виктор Фридрих 6, 51, 52, 53, 54, 56–59, 105, 115, 128–130, 132, 133, 137, 193, 196–200, 202, 204, 228, 248–255, 268, 269, 272, 273, 277, 279–281, 283, 284, 316, 329–331, 333, 339, 340, 342, 347–349, 352, 362, 365, 366, 369, 393, 395, 397, 409, 416–420, 425, 458, 463, 465, 477, 480, 485, 501–510–512, 520, 521, 523, 549, 571, 588, 598, 600, 602, 628, 629, 632, 638, 640–642, 644, 646, 688, 692
- Сорока, мечник ошмянский, посол на сейм 1767 г. 668
- Сосновский Юзеф 167, 450, 453, 568, 664
- Стадницкий Николай, хоронжий подольский 32
- Стадницкий, кастеляниц бельский, посол на сейм 1767 г. 663
- Станислав–Август, король польский 5, 83, 86, 95, 115, 124, 167–169, 172, 174–177, 184, 186–188, 194–198, 201, 202–207, 209, 211–213, 216, 218–220, 222, 223, 226–232, 238, 240, 244, 246–252, 254–264, 267–271, 274–276, 281–286, 290–299, 301–317, 323, 335, 336, 338–341, 343, 344–349, 351, 352, 359–364, 366, 367, 369–371, 373, 376–379, 381, 383–390, 392–396, 400–405, 407–412, 414–417, 420–424, 426–428, 437–443, 445–447, 449, 452, 455–457, 459, 462–468, 474, 475, 481–485, 489, 490, 499, 500, 506, 515–517, 520, 524, 526–529, 533–536, 538, 540–546, 552, 553, 560, 563–566, 570, 572, 574–576, 579, 581–583, 585–589, 593, 594, 600, 602, 603, 609–613, 615–620, 624, 627, 630, 633–635, 637, 642, 643, 647, 649, 651
- Станкевич, полковник, агент Я.К. Браницкого при Порте 148, 161, 297
- Старженский Юзеф 569
- Старжинский, скарбник ливский, посол на сейм 1767 г. 664
- Старжинский, староста мервицкий, посол на сейм 1767 г. 665
- Стегний Петр Владимирович 8
- Стемповский Юзеф, посол на сейм 1767 г. 664, 681
- Стормонт Висконт Давид 148, 298, 301
- Строганов Александр Сергеевич 75
- Стрыенские, кальвинистский род в Литве 472
- Стрыенские, кальвинистский род в Малой Польше 472
- Стрыенский Богуслав 470
- Стрыенский Станислав 470
- Стрыенский Ян, делегат съезда кальвинистов 1732 г. 472
- Стрыенский Ян, капитан королевской гвардии 470
- Судванский, мечник луцкий, посол на сейм 1767 г. 665
- Сулковские 360
- Сулковский Август 306, 310, 317, 454
- Суминский, посол на сейм 1767 г. 666
- Суффыньский Михал 594
- Суходольский, диссидент 338
- Сухотин, рос. полковник 403
- Сюлли Максимильтен 195, 298
- Тарковский, войский и писарь мелникий, посол на сейм 1767 г. 664
- Тарло Адам 530, 665
- Тарло Енджей 574, 663
- Твардовский Игнацы 96, 151, 450, 453, 616, 619, 680
- Теплов Григорий Николаевич 98, 102, 325, 326
- Теппер Петр 187
- Терсье Жан Пьер 104, 147, 162, 304, 308
- Тир, российский курьер 633, 687, 689
- Торнауэ Ежи Вильгельм 470, 471
- Торнаувы, лютеранский род в Великой Польше 472
- Торнаувы, лютеранский род в Малой Польше 472
- Торрижани Луиджи Мария 350, 370, 443
- Тотиен, депутат Э.И. Бирона на сейме 1766 г. 222
- Тотлебен Готлиб Курт Генрих 44, 45
- Тотт Франсуа, французский резидент в Крыму 693
- Трембецкий Иван, посол мариенбургский на сейм 1767 г. 671
- Трубецкая, княгиня 44
- Трубецкой, кн., помещик Петербургской губернии 225
- Турский Феликс 455, 611, 612, 615
- Турский, ловчий бржеской, посол на сейм 1767 г. 666
- Тухолка, посол прусский на сейм 1767 г. 672
- Тшебиньский Каэтан, каштелянич бецкий 32
- Тыборовский, мечник подляшский, посол черниговский на сейм 1767 г. 568, 665
- Тызенгауз Антони 187, 389, 450, 670, 681
- Уван, цивун поярский, посол на сейм 1767 г. 669
- Унруг Александр 470
- Унруг Ежи Кшиштоф 470
- Унруг Кшиштоф 472
- Унруги 471, 472
- Феофан (Леонтович) 325, 326
- Фердинанд, герцог курляндский 70–72
- Фермор Вильям Вильямович 40, 43, 136
- Финкенштейн Карл Вильгельм 51, 53, 54, 58, 95, 137, 165, 197, 198–200, 268, 278, 329–

- 331, 333, 416, 443, 460–462, 485, 504, 505, 507, 508, 511, 512, 520, 571, 588, 600, 637–639, 641
- Флеминг Карл Георг Фридрих**, саксонский первый министр 137, 142, 423, 424, 597
- Флеминг Якоб Генрих** 137, 174
- Флеминг Ян Ежи** 21, 97, 106, 113, 137, 142, 152, 173, 174, 184, 209, 453, 529
- Флеминги** 360
- Фридрих Кетлер герцог курляндский** 69
- Фридрих Август Саксонский** 137, 139
- Фридрих Вильгельм Кетлер герцог курляндский** 70, 71
- Фридрих II**, король прусский 6, 14, 22–26, 38, 42–45, 47, 49–61, 63, 75, 78, 80, 84, 85, 96, 101, 105, 108, 109, 113, 115, 116, 118, 125, 129, 130, 132, 133, 137, 157, 159, 160, 165, 166, 170, 171, 173, 187, 192, 193, 197–200, 202–204, 211–213, 228, 247, 249–253, 260, 268–274, 276, 277–286, 294, 303, 306, 308, 313, 324, 325, 329–331, 340, 342, 349, 359, 362, 365–367, 369, 383, 415–422, 440, 442, 457–460, 462–464, 467, 469, 480, 484, 501–514, 520, 524, 539, 548, 549, 551–553, 562, 588, 595, 596, 635, 638–643, 645, 650, 692
- Фрычиньский Якуб** 317, 465, 517, 567, 594
- Функе Иоганн Фердинанд**, в 1756 г. саксонский посланник в России 85
- Халил Паша Сераскер**, паша хотинский 29
- Хвасулов**, рос. майор 568
- Хенен Пьер Мишель** 136, 147, 161, 162, 164, 165, 298
- Хёни Йорг Карл* 274
- Хитрово Федор** 98, 100
- Ходкевич Ян Николай** 450, 616
- Холоневские** 361
- Хоментовский Станислав**, воевода мазовецкий 242
- Хомутов Николай** 149, 150, 157, 208
- Хораин Ян Антони** 371, 374, 380
- Хрептович Иоахим Литавор** 454
- Хрептович Кароль**, посол на сейм 1767 г. 529, 668
- Христиан VII**, король датский 425
- Цегельский Тадеуш** 323
- Цернак Клаус* 7
- Цетнер Доминик**, посол на сейм 1767 г. 664
- Цетнер Игнацы** 619, 680
- Цехановецкий**, хорунжий мстиславский, посол на сейм 1767 г. 670
- Цешковский Игнацы** 372, 377, 378, 380
- Чаплиц Целестын** 5, 222, 436, 441, 579, 616, 670, 681
- Чапские** 208
- Чапский Антони Михал**, хоронжий мальборский 150, 574, 670, 681
- Чапский Михал**, воевода мальборский 208, 378, 379, 530, 620
- Чапский**, посол прусский на сейм 1767 г. 672
- Чарновский Игнацы**, посол на сейм 1767 г., 672
- Чарторыска Изабелла** (дочь Я.Е. Флеминга) 174
- Чарторыские** 15, 17, 19, 20, 23, 26, 30, 31, 33, 41, 75.77, 83–85, 87–98, 101–108, 111, 113–119, 128, 133–137, 139–142, 145, 146, 148–154, 158, 162, 164–168, 172–177, 184, 188, 190–196, 198, 204, 206, 208–211, 219, 220, 222, 228, 231, 232, 241, 248, 257–263, 269, 285, 292, 298, 305, 306, 317, 323, 330, 338–341, 343, 347–349, 351–353, 360–362, 365–370, 377, 388, 390, 391, 394–397, 400–415, 422, 426–428, 436, 438–445, 447–449, 452, 453, 455–458, 461, 463–468, 476, 481–485, 489, 490, 498–500, 504, 505, 514–517, 519, 520, 523, 524, 526, 528, 531, 532, 535, 537, 540, 542, 561, 574, 579, 581–583, 586, 588, 602, 616, 619, 635, 678, 679, 687, 693, 700, 701
- Чарторыский Август** 17, 19, 30, 41, 78, 88, 94, 115, 134, 135, 138, 143, 154–157, 160, 164, 166, 172, 173, 176, 184, 185, 187, 194, 196, 209, 212, 217, 247, 292, 296, 332, 333, 347, 352, 360, 361, 363, 389, 390, 401, 404, 405, 412, 413, 447, 467, 481, 482, 485, 488, 490, 500, 520, 535, 540, 574, 580, 614
- Чарторыский Адам Казимир** 20, 30, 98, 131, 143, 145, 156, 166, 173, 174, 176, 187, 204, 207, 212, 286, 483, 490, 579, 581, 602, 619, 670, 679, 681, 701
- Чарторыский Михал** 17, 19, 21, 23, 27, 41, 76, 78, 88, 94, 95, 102, 113, 134, 138, 151, 153, 172–174, 186, 187, 190, 206–209, 212, 219, 220, 227, 231, 248, 253, 270, 286, 292, 327, 333, 345, 347, 351, 352, 360, 361, 390, 401, 404, 413, 447, 450, 452, 456, 466, 467, 476, 483, 490, 500, 619, 680
- Чарторыский Теодор** 78, 95, 332, 389
- Чарторыский Юзеф Клеменс**, стольник литовский 297
- Чацкий Феликс (Шенсны)** 389, 445, 450, 454, 569, 601, 613
- Черкасов Петр Петрович* 132, 161
- Черневич Марцин**, судья гродский ковенский, посол на сейм 1767 г. 578, 668, 681
- Чернышев Захар Григорьевич** 14, 44, 49, 50, 56, 98–102, 108, 111, 119, 124, 125, 144, 150, 152, 177, 192, 202, 230, 327, 341, 363, 459, 502, 507, 520, 598, 599, 652
- Чернышевы** 99, 440
- Четвертыньский**, староста воронецкий, посол на сейм 1766 г. 445
- Чечель**, хорунжий звингородский, посол на сейм 1767 г., 665

Чечулин Николай Дмитриевич 59, 85, 119, 128, 322, 459, 635

Чичерин, обер-комендант Киева 112

Шак Кароль 470

Шантир, ротмистр полоцкий, посол на сейм 1767 г. 669

Шанявский, староста конколовницкий, посол на сейм 1767 г. 668

Шарф Клаус 8

Шатле Ф.Л. 305

Шаховской Яков Петрович 98

Швейгерт, прусский банкир 186—188

Шембеки 530

Шептицкий Иероним 78, 454, 455, 545

Шептицкий Леон 388, 624

Шептицкий, хорунжий латышевский, посол на сейм 1767 г. 664

Шидловский Казимир, посол на сейм 1767 г. 546, 667, 680

Шидловский Теодор, посол на сейм 1767 г. 667, 680

Шимановский Михал 90

Ширков, рос. полковник 568

Шишко Михал, посол на сейм 1767 г. 619, 669, 681

Шлабрендорф Е.В. 553

Шмит Хенрик 83, 84, 93, 112, 114, 115, 135, 143, 149, 153—155, 160, 161, 164, 166, 167, 184, 194, 292, 305, 360, 390, 447, 589

Шолдреский, посол на сейм 1767 г. 666

Шоппинг, курляндский депутат, вел переговоры в Варшаве в 1758 г. 78

Шреттер Богуслав 470

Шреттеры 472

Штаремберг Георг Адам 22, 23, 146, 164, 294, 295

Штофельн Христофор Федорович 155, 156, 231

Шуазель Этьен Франсуа 39, 146, 160, 593, 596

Шуазель-Прален Сезар Габриэль 63, 104, 132, 160—163, 200, 294, 304, 314—316

Шувалов Иван Иванович 50, 325—327

Шувалов Петр Иванович 42

Шуваловы 22, 34

Шумланьский Ян, хоронжий галический 32

Щебальский Петр Карлович 13, 46, 321

Щит, кастеланиц инфлянский, посол полоцкий на сейм 1767 г. 669

Щит, посол инфлянтский на сейм 1767 г. 670

Эссен Август Франц 146, 153, 161, 162, 219, 305, 307, 360, 423, 424, 426, 517, 571, 579, 590, 597, 598, 603, 635

Эстергази Николай Иосиф 14, 15, 22, 24, 38, 39, 42, 43

Юдыцкий Ян 176

Яблоновские 149, 372

Яблоновский Антони Барнаба, воевода познаньский 176, 351, 372, 378, 619, 680

Яблоновский Рох Михал 172, 371, 372, 377, 383, 619, 680

Яблоновский Юзеф Александр 176, 377, 381

Яблоновский Ян Каэтан 175

Яклинский Юзеф Сариуш 78, 450

Якоб Кетлер герцог курляндский 69

Якубовский Войцех 298, 304, 593

Ян III (Собеский), король польский 245, 276, 305, 397

Янович Марцин, посол на сейм 1767 г. 668, 681

Ярузельский, войский подляшский, посол на сейм 1767 г. 664

Яцковский Альберт, посол на сейм 1767 г., 671

Яцковский Александр, посол на сейм 1767 г. 670

Научное издание

Борис Владимирович Носов

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСПОДСТВА
в Речи Посполитой.
1756–1768 гг.

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers have the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by
e-mail: **indric@mail.ru**
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
45,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 10211

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Б. В. Носов

УСТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
ГОСПОДСТВА
В
РЕЧИ ПОСОЛСТВОМ

